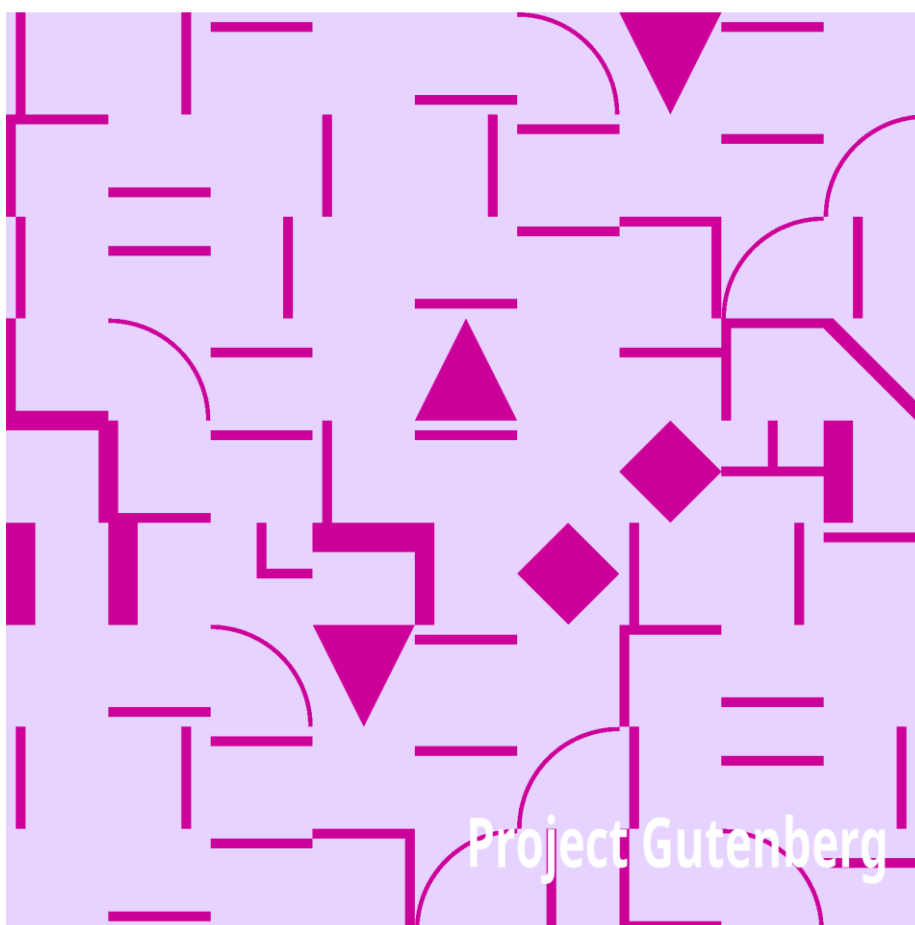

Расцвет Голландской республики — Полная версия (1555-84)

Джон Лотроп Мотли

**The Rise of the Dutch Republic — Complete
(1555-84)**

John Lothrop Motley

Электронная книга проекта Гутенберга о Расцвете Голландской республики — Завершена (1555-84)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: расцвет Голландской республики — Полная версия (1555-84)

Автор: Джон Лотроп Мотли

Дата выхода: 7 ноября 2004 г. [Электронная книга №4836]

Последнее обновление: 28 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ" — ЗАВЕРШЕНО (1555-84) ***

Продюсер Дэвид Уиджер

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, PG ИЗДАНИЕ

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 1555-1566, Полная версия

История

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, член-корреспондент Французского института и др. 1855

[Примечание редактора Etext: ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, родился в Дорчестере, Массачусетс, в 1814 году, умер в 1877 году. Другие произведения: "Надежды Мортон" и "Мерри Маунт", романы. Мотли был послом Соединенных Штатов в Австрии в 1861-67 годах и послом Соединенных Штатов в Англии в 1869-70 годах. Марк Твен упоминает о своем уважении к Джону Мотли. Оливер Уэнделл Холмс сказал в "Речи, произнесенной перед городскими властями Бостона" 4 июля 1863 года: ""Нельзя отрицать", — говорит другой наблюдатель, размещенный на одной из наших национальных сторожевых башен в иностранной столице, - "нельзя отрицать, что тенденция европейского общественного мнения, исходящая с высоких постов, становится все более и более враждебной нашему делу; но люди, — добавляет он, — повсюду сочувствуют нам, ибо они знают, что наше дело - это дело свободных институтов, — что наша борьба - это борьба народа против произвола". олигархия." Это слова министра в Австрии, чьи щедрые симпатии к народной свободе никогда не портило почтение, воздаваемое его гению классом, чей восхищенный прием наиболее соблазнителен для ученых; нашего согражданина,

историка великой Республики, которая вложила часть своей жизни в нашу собственную, - Джона Лотропа Мотли ". (См. Биографию Мотли, написанную Холмсом) Изд.]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возвышение Голландской республики всегда следует рассматривать как одно из ведущих событий современности. Без зарождения этого великого государства различные исторические явления шестнадцатого и последующих столетий, должно быть, либо не существовали, либо претерпели существенные изменения. Республика, сама по себе организованный протест против церковной тирании и вселенской империи, мудро охраняла во многие критические периоды мировой истории тот баланс сил, который среди цивилизованных государств всегда должен быть равен весам божественного правосудия. Великолепная империя Карла Пятого была воздвигнута на могиле свободы. Для тех, кто надеется на человечество, является утешением наблюдать при правлении его преемника постепенное, но триумфальное воскресение духа, над которым гробница так долго была запечатана. На небольшой территории, называемой провинцией Голландия, возвышается держава, которая ведет восьмидесятилетнюю войну с самой могущественной империей на земле, и которая в ходе борьбы сама становится могущественным государством и, обхватывая вокруг своей стройной формы зону богатейших владений земли, от полюса до тропика, в конце концов диктует свои указы империи Карла.

Каждое отдельное государство в такой степени является членом одного великого международного содружества, и настолько тесны отношения между всей человеческой семьей, что для нации невозможно, даже борясь за себя, не приобрести что-то для всего человечества. Отстаивание права маленькими провинциями Голландия и Зеландия в шестнадцатом веке, Голландией и Англией, объединенными в семнадцатом, и Соединенными Штатами Америки в восемнадцатом веках составляет лишь одну главу в огромном томе человеческой судьбы; ибо так называемые революции Голландии, Англии и Америки - все это звенья одной цепи.

Голландской республике, даже больше, чем Флоренции в прежние времена, мир обязан практическим обучением той великой науке политического равновесия, которая всегда должна приобретать все большее значение по мере того, как различные государства цивилизованного мира теснее прижимаются друг к другу и по мере того, как борьба за превосходство становится все более лихорадочной и фатальной. Мужество и мастерство в политических и военных комбинациях позволили Вильгельму Молчаливому одолеть самого могущественного и беспринципного монарха своего времени. Та же наследственная смелость и плодovitость гения передали судьбу Европы в руки правнука Вильгельма и позволили ему превратить в неприступный барьер различные элементы оппозиции царствующей монархии Людовика XIV. Как козни инквизиции и беспримерная тирания Филиппа в одном столетии привели к установлению Республики Соединенных провинций, так и в следующем отмена Нантского эдикта и вторжение в Голландию были отомщены возведением голландского штатгальтера на трон Стюартов-стипендиатов.

Для всех, кто говорит на английском языке, история великой агонии, через которую возникла Голландская Республика, должна представлять особый интерес, поскольку это часть летописей англосаксонской расы - по сути, одной и той же, будь то во Фрисландии, Англии или Массачусетсе.

Великое военно—морское и торговое содружество, оккупировавшее небольшую часть Европы, но завоевавшее обширную империю благодаря частной предприимчивости торговых компаний, опоясавшее мир своими бесчисленными владениями в Азии, Америке, Африке, Австралии, осуществляющее суверенитет в Бразилии, Гвиане, Вест—Индии, Нью—Йорке, на мысе Доброй Надежды, в Индостане, Цейлоне, Яве, Суматре, Новой Голландии, впервые как бы сложившее вместе многие циклопические блоки, из которых в поздний период было построено британское королевство, - на это всегда следует обращать внимание. англичане с интересом восприняли его как в значительной степени предшественника в их собственной схеме создания империи.

Для Америки это зрелище имеет еще более глубокое значение. Голландская республика возникла в противостоянии рациональных элементов человеческой природы священническому догматизму и преследованиям - в мужественном сопротивлении исторической и гарантированной свободы иностранному деспотизму. Ни эта свобода, ни наша не были рождены в облачных объятиях ложного Божества с Человечеством невозможной красоты, и младенческая карьера того и другого не была остановлена кровью и слезами из-за безумия его поклонников. "Поддерживать", а не ниспровергать - таков был девиз Вашингтона шестнадцатого века, как это было целью нашего собственного героя и его великих современников.

Поэтому великая Западная Республика, в чьих англосаксонских жилах течет большая часть древней и родственной крови, полученной от нации, некогда правившей благородной частью своей территории и ведшей свое собственное политическое существование к тому же родительскому источнику умеренной человеческой свободы, должна с нежным интересом взирать на испытания древнего содружества. В этих томах рассказывается о достижении голландией независимости, поскольку ее признание откладывалось до тех пор, пока это признание не стало излишним и нелепым. Существование Республики правильно датировать Утрехтской унией в 1581 году, в то время как окончательное разделение территории на независимые и послушные провинции, на Содружество Соединенных Штатов и бельгийские провинции Испании, в действительности было осуществлено Вильгельмом Молчаливым, со смертью которого три года спустя можно сказать, что героический период истории закончился. На этом этапе эти тома закрываются. Другая серия, с меньшим вниманием к мельчайшим деталям и переносящая историю на более длительный период времени, расскажет о прогрессе Республики в ее лучшие дни и об установлении ее внешней системы зависимостей и внутренних комбинациях для самоуправления и европейского противовеса. Уроки истории и судьба свободных государств никогда не могут быть в достаточной степени обдуманы теми, на ком лежит столь большая и тяжкая ответственность за поддержание рациональной свободы человека.

Мне остается только добавить, что эта работа является результатом добросовестного исследования и искреннего желания докопаться до истины. Я добросовестно изучил всех важных современных хронистов и более поздних историков — голландских, фламандских, французских, итальянских, испанских или немецких. С католиками и протестантами, монархистами и республиканцами консультировался с одинаковой искренностью. Труды Бора (чьи огромные, но незаменимые фолианты образуют полный сборник современных государственных документов, писем и брошюр, перемешанных в массу и соединенных цепью бесхитростного, но серьезного повествования), Метерена, Де Ты, Бургундиуса, Эвтеруса;

Тассиса, Виглиуса, Хофда, Хареуса, Ван дер Хаера, Гроция - Ван дер Винкта, Вагенера, Ван Винна, Де Йонге, Клюита, Ван Кампена, Девеза, Каппеля, Бахуйзен, Грун ван Принстерер - из Ранке и Раумера, были мне так же знакомы, как Мендоса, Карнеро, Кабрера, Эррера, Уллоа, Бентивольо, Перес, Страда. Были тщательно изучены рукописные переписки этих проникательных венецианских посланников, которые застали врасплох стольких придворных и кабинетов министров в самые незащищенные моменты и дагерротипировали их характер и политику для наставления коварной республики, и чьи отчеты остаются таким бесценным источником для тайной истории шестнадцатого века, особенно рассказы едкого и образованного Бадоваро, Суриано и Микеле. Нет необходимости добавлять, что все публикации месье Гашара, особенно бесценная переписка Филиппа II и Вильгельма Молчаливого, а также "Архивы и переписка" семьи Оранж—Нассау, отредактированные ученым и уважаемым Груном ван Принстерером, были моими постоянными проводниками по извилистому лабиринту испанской и нидерландской политики. Большая и интереснейшая серия брошюр, известная как "Коллекция Дункана", хранящаяся в Королевской библиотеке в Гааге, также содержит большое разнообразие деталей, с помощью которых я попытался придать повествованию колорит и интерес. Помимо этих и многих других печатных работ, я также имел преимущество ознакомиться со многими историческими рукописями, среди которых можно особо упомянуть работы Понтуа Пайена, Ренома де Франса и Паскье де ла Барра; в то время как обширная коллекция неопубликованных документов в Королевских архивах Гааги, Брюсселя и Дрездена снабдила меня множеством новых материалов огромной важности. Я осмеливаюсь надеяться, что многие годы труда, часть из которых в архивах тех стран, история которых является объектом моего изучения, не были полностью напрасными; и что любители человеческого прогресса, верящие в способность наций к самоуправлению и самосовершенствованию, и почитатели бескорыстного человеческого гения и добродетели, могут найти поддержку своим взглядам в подробной истории героического народа в его наиболее насыщенный событиями период, а также в жизни и смерти великого человека, чье имя и слава идентичны его стране.

Мы не приносим никаких извинений за это несколько личное заявление. Когда неизвестный писатель привлекает внимание публики к важной теме, он не только уполномочен, но и обязан показать, что своим трудолюбием и серьезностью он заслужил право на то, чтобы его выслушали. Автор слишком остро чувствует, что у него нет других претензий, кроме этих, и поэтому он весьма робко просит читателей о снисхождении к своему произведению.

Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свою благодарность доктору Клемму, гофрату и главному библиотекарю Дрездена, и мистеру Фон Веберу, министру и главе Королевского архива Саксонии, за вежливость и доброту, столь постоянно оказываемые мне в ходе моих исследований в этом городе. Я хотел бы также выразить слова искренней благодарности мистеру Кэмпбеллу, помощнику библиотекаря в Гааге, за его многочисленные дружеские отношения во время отсутствия его начальника М. Холтропа. Самому выдающемуся критику и историку М. Бахуйзену ван ден Бринку, главному архивариусу Нидерландов, я глубоко признателен за советы, наставления и постоянную доброту во время моего пребывания в Гааге; и я хотел бы также выразить свое восхищение вежливостью г-на чартермейстера де Шване и точностью, с которой его заботой для меня были подготовлены копии рукописей, хранящихся в архиве. Наконец, я хотел бы выразить самую сильную благодарность и уважение месье Гашару, генеральному архивариусу Бельгии, за его неустанную вежливость и многочисленные

проявления доброты по отношению ко мне во время моей учебы в Королевском архиве Брюсселя.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

Часть 1.

я.

Северо-западный угол обширной равнины, простирающейся от Немецкого океана до Уральских гор, занят странами, называемыми Нидерландами. Этот небольшой треугольник, заключенный между Францией, Германией и морем, разделен современными королевствами Бельгия и Голландия на две почти равные части. Самые ранние сведения об этой территории мы получили от римлян. Войны, которые этот народ вел с северными варварами, спасли влажный остров Батавия с соседними болотами от безвестности, в которой они могли бы оставаться веками, прежде чем коренные жители узнали бы что-либо, касающееся земли или людей. Юлий Цезарь спас от забвения героических дикарей, которые сражались против его легионов, защищая свои мрачные дома со свирепым, но неудачливым патриотизмом; а великий поэт Англии, узнав из Комментариев завоевателя название самого смелого племени, спустя почти двадцать столетий сохранил нервы в наших ушах свежими и знакомыми.

Тацит также с необычайной подробностью описал борьбу между населением этих регионов и могуществом Рима, подавляющего, хотя и находящегося на грани падения; и, более того, посвятил несколько глав своего труда о Германии описанию самых замечательных тевтонских племен Нидерландов.

Географически и этнографически Нидерланды принадлежат как к Галлии, так и к Германии. Даже сомнительно, к какому из двух островов римляне причисляли Батавский остров, являющийся ядром всей страны. Однако наиболее вероятно, что все эти земли, за исключением Фрисландии, считались частью Галлии.

Три великие реки — Рейн, Маас и Шельд — веками откладывали свой ил среди дюн и песчаных отмелей, поднятых океаном вокруг их устьев. Таким образом, образовалась дельта, наконец-то пригодная для жизни человека. По своей природе это было широкое болото, в котором илистые острова и дикие леса перемежались лагунами и отмелями; район, лежащий частично ниже уровня океана во время его более высоких приливов, подверженный постоянному разливу рек и частым и ужасным наводнениям со стороны моря.

Рейн, покидающий, наконец, регионы, где его легендарное течение на протяжении стольких веков было освящено одинаково природой и искусством - поэзией и богатой событиями правдой, — неохотно течет через базальтовые врата Семи гор в открытые поля, простирающиеся до немецкого моря. После впадения в этот обширный луг ручей разделяется на два рукава, становясь, таким образом, двурогим Рейном Вергилия, и удерживает в этих двух рукавах остров Батавия.

Маас, берущий начало в Вогезах, протекает через Арденнский лес, пробивает скалистые хребты на юго-восточной границе Нидерландов, принимает Самбру посреди той живописной

антрацитовый котловины, где сейчас стоит город Намюр, а затем движется на север, почти по всей длине страны, пока не смешает свои воды с Рейном.

Шельд, почти исключительно бельгийская река, после выхода из своих истоков в Пикардии протекает по территории нынешних провинций Фландрия и Эно. Во времена Цезаря он задохнулся, не достигнув моря, в зыбучих песках и зарослях, которые долгое время служили защитой диким жителям от римского оружия и которые медленный процесс природы и неутомимая трудолюбивость человека превратили с тех пор в архипелаг Зеландия и Южная Голландия. Эти острова были неизвестны римлянам.

Таковы были реки, которые со своими многочисленными притоками протекали по рыхлой земле. Их частое переполнение, когда штормовое море возвращало их обратно в свои русла, сделало страну почти непригодной для жизни. Здесь, на наполовину затопленной территории, раса жалких ихтиофагов обитала на терпенах, или холмах, которые они воздвигли, подобно бобрам, над почти текучей почвой. Здесь, позднее, та же раса подчинила себе Океан-тирана и его могучие потоки, заставив их удобрять, делать удобными, покрывать благотворной сетью вен и артерий и связывать водными магистралями с самыми дальними концами света страну, лишенную по природе своих прав. Регион, изгнанный из океана и земли, отнял наконец у обоих владений их богатейшие сокровища. Раса, на протяжении поколений вовлеченная в упорный конфликт с разгневанными стихиями, бессознательно готовилась к своей великой борьбе с еще более диким деспотизмом человека.

Вся территория Нидерландов была покрыта лесами. Обширный пояс лесов огибал морское побережье, простираясь за пределы устьев Рейна. Вдоль внешнего края этого выступа дюны, выброшенные морем, не допускались плотным переплетением зарослей от дальнейшего продвижения внутрь; и таким образом образовался бруствер, который время и искусство должны были укрепить. Рощи Харлема и Гааги являются остатками этого древнего леса. Лес Бадауэн, наводящий ужас от жертвоприношений друидов, простирался вдоль восточной линии исчезнувшего озера Флево. Обширный Герцинский лес, шириной в девять дней пути, смыкался в местности на германской стороне, простираясь от берегов Рейна до отдаленных областей даков, в такой неопределенной необъятности (говорит завоеватель всей страны), что ни один германец после шестидесятидневного путешествия никогда не достигал его и даже не слышал о его начале. На юге знаменитые Арденнские рощи, населенные фавнами и сатирами, покрывали страну и отделяли ее от кельтской Галлии.

Затопленная могучими реками, бушующая ниже уровня океана, окруженная мохнатыми лесами, эта низменность, нижняя земля, полая земля, или Голландия, казалось, едва ли заслуживала оружия совершенного римлянина. И все же иностранная тирания с древнейших времен жаждала заполучить эту скудную территорию так же страстно, как стремилась отнять у своих исконных владельцев эти земли вместе с роковым даром красоты в качестве их приданого; в то время как гений свободы вдохновил здесь такое благородное сопротивление угнетению, какое он когда-либо вызывал в сердцах греков или итальянцев.

II.

Никогда нельзя с достаточной точностью установить, кто были эти коренные жители. Летопись не выходит за рамки эпохи Цезаря, и он обнаружил, что территория слева от Рейна в основном населена племенами кельтской семьи. Та крупная часть индоевропейской группы, которая уже

распространилась на многие районы Малой Азии, Греции, Германии, Британских островов, Франции и Испании, давно обосновалась в Бельгийской Галлии и составляла основную часть ее населения. Остановленное Атлантическим Океаном в своем движении на запад, его течение начало течь обратно к своим истокам, так что галльская часть населения Нидерландов произошла от первоначальной расы во время ее ранних скитаний и от более позднего прилива, пришедшего из Кельтской Галлии. Современное название валлонов указывает на родство их предков с галльскими, валлийскими и гэльскими семьями. Белги во многих отношениях превосходили большинство своих кровных союзников. По свидетельству Цезаря, они были самыми храбрыми из всех кельтов. Отчасти это можно объяснить присутствием нескольких германских племен, которые в этот период уже переправились через Рейн, смешали свои качества с бельгийским материалом и придали дополнительный характер кельтской крови. Таким образом, сердцестраны было населено галльской расой, но границы были захвачены тевтонскими племенами.

Когда кимвры и их единомышленники примерно за столетие до нашей эры совершили свое памятное нападение на Рим, к экспедиции присоединились первые обитатели рейнского острова Батавия, которые, вероятно, были кельтами. Недавнее сильнейшее наводнение смыло их жалкие жилища и даже деревья в лесах, и, таким образом, сделало их еще более недовольными своим мрачным жилищем. На острове не осталось ни одного жителя. Примерно в тот же период гражданские разногласия среди хаттов — могущественной германской расы в Герцинском лесу — привели к эмиграции части народа. Изгнанники искали новый дом на пустынном рейнском острове, называли его "Бет-ауу", или "добрый луг", и с тех пор их самих называли батави, или батавийцами.

Эти батавы, согласно Тациту, были самыми храбрыми из всех германцев. Хатти, часть которых они составляли, были в высшей степени воинственной расой. "Другие идут на битву, - говорит историк, - эти идут на войну". Их тела были более выносливыми, а умы - энергичными, чем у представителей других племен. Их молодые мужчины не стригли ни волос, ни бороды, пока не убивали врага. На поле битвы, посреди резни и грабежа, они впервые обнажили свои лица. Только трусливые и вялые оставались нестриженными. Они также носили на шее железное кольцо или кандалы до тех пор, пока не совершали то же самое достижение, символ, который они затем выбрасывали, как эмблему лени. Римляне всегда говорили о батавах со всем уважением. Они покорили бельгийцев, они заставили свободных фризов платить дань, но они называли батавов своими друзьями. Сборщик налогов никогда не вторгался на их остров. Благородный союз объединил их с римлянами. Однако это был союз гиганта и карлика. Римляне обрели славу и империю, батавцы не получили ничего, кроме тяжелейших ударов. Батавская кавалерия прославилась на всю Республику и Империю. Они были любимыми войсками Цезаря, и не без оснований, поскольку именно их доблесть переломила ход битвы при Фарсалии. Со времени смерти Юлия вплоть до времен Веспасиана батавский легион был личной гвардией императора, а остров Батавия был основой операций Рима в войнах с Галлией, Германией и Британией.

За батавами, на севере, обитала великая фризская семья, занимавшая области между Рейном и Эмсом, Зюйдер-Зее и Доллартом, которые были вызваны ужасающими наводнениями тринадцатого века и не существовали в этот период, поскольку тогда не было границ между родственными племенами. Все они составляли однородную нацию чисто немецкого происхождения.

Таким образом, население страны было частично кельтским, частично германским. Из этих двух элементов, непохожих по своим тенденциям и всегда трудноуловимых, когда-либо составлялся нидерландский народ. Определенный фатализм истории постоянно способствовал еще большему разделению этих составляющих, вместо того чтобы выявлять и стимулировать существовавшее избирательное сходство. Религия также во всех великих исторических событиях действовала как самый мощный растворитель. В противном случае, если бы так много ценных и контрастирующих характеристик было рано объединено в единое целое, было бы трудно показать расу, более богато одаренную природой для господства и прогресса, чем белго-германский народ.

Физически две расы походили друг на друга. Обе были огромного роста. Гигантский галл высмеивал римских солдат, называя их бандой пигмеев. Немец вызывал удивление своим огромным телом и мускулистыми конечностями. Оба были светловолосы, с яростными голубыми глазами, но у кельта были желтые волосы, ниспадающие на плечи, и германские длинные локоны огненно-рыжего цвета, которые он даже красил вадом, чтобы усилить любимый цвет, и носил скрученными в боевой узел на макушке. На этом любовь немца к пышным нарядам иссякла. Простая туника, застегнутая у горла шипом, в то время как другие предметы одежды подчеркивали фигуру и придавали ей полную игру, завершали его костюм. Галл, напротив, так любил одеваться, что римляне разделили его расу соответственно на длинноволосых, одетых в бриджи галлов; (*Gallia comata, braccata, togata*). Он любил блестящую и пеструю одежду - вкус, сохранившийся в костюме горца. Шею и руки он покрывал золотыми цепями. Простой и свирепый немец не носил никаких украшений, кроме железного кольца, от которого его избавило первое убийство. Галл был вспыльчив, неистовствовал в своем гневе, но менее грозен в длительном конфликте с могущественным врагом. "Все галлы очень высокого роста", - говорит солдат, сражавшийся под командованием Юлиана. (Амм. Марсель. хв. 12. 1). "Они белые, золотоволосые, ужасны яростью своих глаз, жадны до ссор, хвастливы и дерзки. Группа незнакомцев не смогла устоять перед одним из них в драке, которому помогала его сильная голубоглазая жена, особенно когда она начала, скрежеща зубами, с распухшей шеей, размахивая своими огромными белоснежными руками и одновременно брыкаясь каблуками, устраивать кулачные бои, похожие на стрелы из перекрученных струн катапульты. Голоса многих звучат угрожающе. Они быстро впадают в гнев, но быстро успокаиваются. Все они опрятны; среди них никогда не видно ни одного мужчины или женщины, одетых в лохмотья, как везде. В любом возрасте они пригодны для военной службы. Старик идет в бой с такой же силой духа, с членами, столь же закаленными холодом и усердным трудом, и с таким же презрением ко всем опасностям, как и молодой. Ни один из них, как это часто бывает в Италии, никогда не был известен тем, что отрезал себе большие пальцы, чтобы избежать службы на Марсе".

Устройство каждой расы сильно отличалось от устройства другой. Можно сказать, что правление обоих было республиканским, но галльские племена были аристократиями, в которых преобладало влияние клановости; в то время как германская система, хотя и номинально царственная, на самом деле была демократической. В Галлии было два сословия: знать и жречество, в то время как все люди, по словам Цезаря, были рабами. Все рыцари или дворяне были обучены владению оружием. Каждый отправлялся на битву, за ним следовали его подчиненные, в то время как вождь всех кланов был назначен командовать во время войны. Принц или главный губернатор избирался ежегодно, но только знатью. У людей вообще не было никаких прав, и они были рады отдать себя в рабство любому дворянину, который был достаточно силен, чтобы защитить их. В мирное время друиды выполняли основные функции

правительства. Они решали все споры, гражданские и уголовные. Бунт против их указов карался исключением из числа жертвоприношений — самым ужасным отлучением от церкви, посредством которого преступник был отрезан от всякого общения со своими собратьями.

У немцев верховная власть принадлежала великому собранию народа. Рабы действительно были, но в небольшом количестве, состоящем либо из военнопленных, либо из тех несчастных, которые проиграли свою свободу в азартных играх. Их вожди, хотя римляне и называли их принцами и королями, на самом деле были генералами, избираемыми всеобщим голосованием. Избранные великим собранием для руководства войной, они были воспитаны на плечах воинственных свободных людей, под дикие боевые кличи и лязг копья и щита. Армия состояла полностью из добровольцев, и солдат, дезертировавший с поля боя, пока его начальник оставался жив, пользовался пожизненной дурной славой. То же самое великое собрание избирало деревенских судей и решало все важные вопросы как мира, так и войны. Обычно он созывался в полнолуние. Знать и народные делегаты прибывали через нерегулярные промежутки времени, поскольку из-за их свободы возникало неудобство, заключавшееся в том, что в ожидании преступников часто терялось два-три дня. Все государственные дела находились в руках этой свирепой демократии. Избранные вожди обладали скорее властью убеждать, чем властью командовать.

Галлы были земледельческим народом. Они были не лишены многих жизненных навыков. У них были обширные стада крупного рогатого скота, и они даже экспортировали соленые продукты до самого Рима. Свирепый немец, Гер-мане, Хир-манн, Военный человек, считал резню единственным полезным занятием и презирал сельское хозяйство как изнуряющее и постыдное. По его мнению, было подло добиваться потом того, что легче было приобрести кровью. Земля ежегодно делилась магистратами, определенные фермы передавались определенным семьям, которые были вынуждены покинуть их по истечении года. Они обрабатывали как общую собственность земли, выделенные магистратами, но призвать их на поле битвы было легче, чем к плугу. Таким образом, они были более приспособлены к бродячей и завоевательной жизни, которую Провидение предназначило им на века, чем если бы они стали более склонны пускать корни в почву. Галлы строили города и деревни. Немец построил свою уединенную хижину там, где подсказывала склонность. Близкое соседство было ему не по вкусу.

В своей религиозной системе эти две расы были наиболее сильно противоположны. Галлы были расой, которой руководили священники. Их друиды были доминирующей кастой, руководившей даже гражданскими делами, в то время как в религиозных вопросах их власть была деспотической. Каковы были принципы их дикой Теологии, никогда не будет досконально установлено, но мы слишком много знаем о их кровавых обрядах. Воображение содрогается, когда проникаешь в эти лохматые леса, наполненные предсмертными воплями десяти тысяч человеческих жертв и отвратительными гимнами, которые окровавленные жрецы распевают диким богам, которым они служили.

Немец в своей простоте возвысился до более чистой веры, чем чувственный римлянин или суеверный галл. Он верил в единого, высшего, всемогущего Бога, Всеведущего или всеотца. Это Божество было слишком возвышенным, чтобы быть воплощенным или изображенным, слишком бесконечным, чтобы быть заключенным в храмы, построенные руками. Таково свидетельство римлянина о возвышенных представлениях германца. Некоторые леса были

посвящены невидимому Богу, которого мог видеть только глаз благоговейной веры. Туда в указанное время люди отправлялись на богослужение. Они входили в священную рощу со связанными ногами в знак покорности. Тем, кто падал, запрещалось подниматься, но они тащились назад по земле. Их правила были немногочисленны и просты. У них не было касты жрецов, и, когда они впервые познакомились с римлянами, они не привыкли приносить жертвы. Следует признать, что в более поздние времена иногда приносили в жертву единственную жертву, преступника или заключенного. Чистота их религии вскоре была запятнана кельтским соседством. В ходе римского владычества она осквернилась и, наконец, глубоко развратилась. Фантастическая смесь римской мифологии с мрачными, но видоизмененными суевериями романизированных кельтов не благоприятствовала простому характеру немецкой теологии. Полное искоренение, произведенное таким образом, любой мыслимой религиозной системы подготовило путь для истинного откровения. На этой маленькой речной территории, среди темных болот Рейна и Шельда, три великие формы религии — кровавое суеверие друидов, чувственный политеизм римлян, возвышенное, но смутно пробивающееся на ощупь вероучение германцев - веками стояли лицом к лицу, пока, взаимно унизив и уничтожив друг друга, все они не исчезли в чистом свете христианства.

Таким контрастом были галлия и германия в религиозных и политических системах. Разница была не менее заметна и в их социальных характеристиках. Галлы были на редкость нецеломудренными. Брачный режим был почти неизвестен. Многие племена жили в самых отвратительных и кровосмесительных сожителствах; братья, родители и дети имели общих жен. Германец был верен, а кельт распутен. Одиноким среди варваров, он довольствовался единственной женой, за исключением того, что нескольким сановникам из политических соображений разрешалось иметь большее количество жен. В день свадьбы германец преподнес своей невесте подарки — не браслеты и золотые ожерелья, которыми галл украшал свою светловолосую наложницу, а быков и взнузданную лошадь, меч, щит и копье - символы того, что отныне она должна разделять его труды и стать частицей его самого.

Они отличались также почестями, воздаваемыми мертвым. Похороны галлов были помпезными. Оба сжигали трупы, но кельт бросал в огонь любимых животных и даже самых дорогих рабов и иждивенцев своего хозяина. Огромные памятники из камня или груды земли воздвигались над прахом умерших. Разрозненные реликвии кельтской эпохи все еще видны по всей Европе в этих огромных, но неприглядных памятниках.

В могиле немец не был честолобив. Он не бросил ни одежды, ни благовоний на погребальный костер, но оружие и боевого коня усопшего сожгли и похоронили вместе с ним.

Земля была его единственной могилой, памятью о его доблести - его единственным памятником. Мужчинам было запрещено даже плакать. "Считалось почетным, - говорит историк, - чтобы женщины горевали, а мужчины помнили".

Эту параллель нет необходимости проводить дальше. Так много было необходимо напомнить изучающему историю о выдающихся чертах, которыми отличались две великие расы земли : чертах, которые Время скорее ужесточило, чем стерло. В контрасте и разделении кроется ключ к большей части их истории. Если бы Провидение допустило слияние двух рас, то, исходя из их положения, а также из географической и исторической связи, которую они обеспечили бы господствующим племенам Европы, возможно, что результатом могла бы стать мировая империя, во многих отношениях отличная от любой из когда-либо возникавших. Рассуждения о

том, что могло бы быть, праздны. Однако полезно поразмыслить о множестве несчастий, проистекающих из взаимного отталкивания, которое при других обстоятельствах и в других сферах сменилось взаимным притяжением и поддержкой.

Теперь необходимо быстро обрисовать политические преобразования, претерпеваемые страной с раннего периода до середины шестнадцатого века; эпоху, когда началась долгая агония, из которой родилась Батавская республика.

III.

Самая ранняя глава в истории Нидерландов была написана их завоевателем. Кельтская Галлия уже находится во власти Рима; бельгийские племена, встревоженные приближающейся опасностью, вооружаются против вселенского тирана. Вспыльчивые, быстрые на удар, но слишком непостоянные, чтобы одолеть столь могущественного врага, они поспешно формируют лигу почти из каждого клана. При первом же ударе меча Цезаря хрупкая конфедерация рассыпается, как горстка песка. Племена разбегаются во все стороны.

Почти все вскоре терпят поражение и просят пощады. Нервии, верные немецкой крови в своих жилах, клянутся скорее умереть, чем сдаться. Они, по крайней мере, достойны своего дела. Цезарь выступает против них во главе восьми легионов. Расположившись на берегах Самбры, они ожидают подхода римлян. Через три дня марша Цезарь догоняет их, разбивает свой лагерь на крутом холме, спускающемся к реке, и посылает через реку часть кавалерии. Едва римские всадники пересекли ручей, как нервии бросаются с поросшей лесом вершины холма, опрокидывают лошадь и всадника, одной огромной массой бросаются в поток, и сразу после этого видно, как они взбираются на холм в самую гущу вражеских войск. "В тот же миг, - говорит победитель, - они показались в лесу, на реке и в пределах наших позиций". Среди римлян возникает паника, но она непродолжительна. Восемь ветеранских римских легионов во главе с победителем мира - это слишком много для храбрых, но недисциплинированных нервиев. Выхватив щит у солдата и в остальном безоружный, Цезарь бросается в самую гущу сражения. Битва идет нога в ногу и врукопашную, но мастерство героя вкупе с хладнокровной доблестью его войск оказываются непобедимыми, как никогда. Нервии, верные своей клятве, умирают, но ни один человек не сдается. В тот день они сражались до тех пор, пока земля не была завалена их мертвецами, в то время как передовые отряды падали густо и быстро, их товарищи, как говорит римлянин, вскочили на их груды тел и метали во врага свои дротики, как с холма. Они сражались как люди, для которых жизнь без свободы была проклятием. Они были не побеждены, а истреблены. Из многих тысяч бойцов домой вернулись всего пятьсот. Добравшись до убежища, где они оставили своих женщин и детей, Цезарь после битвы обнаружил, что в живых осталось всего трое из их сенаторов. Так погибли Нервии. Цезарь приказал своим легионам относиться с уважением к немногочисленным остаткам племени, которые только что пали, чтобы наполнить пустое эхо его славы, а затем, почти не переводя дыхания, он приступил к уничтожению адуатиков, менапиев и моринов.

Умиротворив таким образом Галлию, как он с возвышенной иронией отзывается о стране, часть племен которой была уничтожена, часть продана в рабство, а на других охотились в их логовищах, как на хищных зверей, завоеватель отбыл в Италию. Следствием этих великих достижений стали мирные миссии многих германских народов в Рим. Среди прочих батавы заключили союз с хозяевами мира. Их положение всегда было почетным. Они справедливо гордились тем, что не платили дани, но, возможно, это было потому, что им нечем было платить.

У них было мало скота, они не могли давать шкуры и рога, как фризы, и поэтому им разрешалось поставлять только свою кровь. С этого времени их кавалерия, которая была лучшей в Германии, прославилась в римской армии на всех полях сражений Европы.

Позже становится грустно узнавать, что храбрые батавы отличились в достопамятной экспедиции Германика, направленной на подавление свобод их германских сородичей. Они навсегда связаны с возвышенным, но туманным образом великого Германа, героя, получившего образование в Риме и осознавшего колоссальную мощь империи, который, тем не менее, благодаря своему гению, доблести и политической ловкости сохранил для Германии ее национальность, ее более чистую религию и, возможно, даже тот благородный язык, который ее поздний расцвет литературы сделал столь прославленным, - но они связаны как враги, а не как друзья.

Гальба, унаследовавший пурпур после самоубийства Нерона, распустил батавскую лейб-гвардию, которой он был обязан своим возвышением. Он убит, Отон и Вителлий борются за престолонаследие, в то время как все взоры обращены на восемь батавских полков. В их руках, кажется, колеблются весы империи. Они выступают за Вителлия, и начинается гражданская война. Отон побежден; Вителлий признан сенатом и народом. Опасаясь, как и его предшественники, властных волнений батавских легионов, он тоже посылает их в Германию. Это был сигнал к длительному и масштабному восстанию, которое почти свергло римскую власть в Галлии и Нижней Германии.

IV.

Клавдий Цивилис был батавцем благородного происхождения, прослужившим двадцать пять лет в римской армии. Его тевтонское имя исчезло, потому что, подобно большинству дикарей, которые становятся жителями цивилизованного государства, он принял прозвище на языке своих начальников. Он был солдатом удачи и сражался везде, где летали римские орлы. После четверти века службы он был отправлен в цепях в Рим, а его брат казнен по ложному обвинению в заговоре. Таковы были триумфы, присужденные вспомогательным войскам Батавии. Он избежал смерти и был склонен посвятить то, что от нее осталось, более благородному делу. Цивилис не был варваром. Подобно германскому герою Арминию, он получил римское образование и познал упадок Рима. Он знал о позорных пороках ее правителей; он сохранил непобедимую любовь к свободе и к своей собственной расе. Желание отомстить за собственные обиды смешивалось в его груди с более возвышенными побуждениями. Он знал, что скипетр был подарен батавскими солдатами. Гальба был убит, Отон покончил с собой, а Вителлий, чье еженедельное обжорство стоило империи больше золота, чем могло бы прокормить все население Батавии, и превратило все болота их островов в плодородные пастбища, боролся за императорский престол с Веспасианом, некогда безвестным авантюристом, таким же, как сам Цивилис, и даже с его другом и соратником по оружию. Казалось, пришло время нанести удар во имя свободы.

Благодаря своему мужеству, красноречию и таланту к политическим комбинациям Цивилис создал всеобщую конфедерацию всех нидерландских племен, как кельтских, так и германских. На краткий миг возник единый народ, батавское содружество. Он нашел другой источник силы в немецких суевериях. На берегах Липпе, недалеко от ее впадения в Рейн, жила Дева Велледа, бруктерийская сверхъестественная женщина, имевшая огромное влияние на воинов своего народа. Живя в одиночестве в высокой башне, окруженной диким лесом, она почиталась как

оракул. Ее ответы на запросы почитателей относительно будущих событий были переданы только немногим избранным. Цивилису, который завязал с ней тесную дружбу, она обещала успех и падение римского мира. Вдохновленные ее пророчествами, многие племена Германии присылали большие субсидии батавскому вождю.

Подробности восстания были тщательно сохранены Тацитом и составляют одну из его самых грандиозных и тщательно проработанных картин. Зрелище храброй нации, вдохновленной душой одного великого человека и восстающей против всепоглощающего деспотизма, всегда будет отзываться в сердцах, из поколения в поколение. Сражения, осады, поражения, неукротимый дух Цивилиса, все еще пылавший ярче всего, когда вокруг него сгущались тучи, были описаны великим историком в его самой яркой манере. Высокородный римлянин счел портрет благородного варвара предметом, достойным его гения.

Борьба была безуспешной. После многих побед и многих поражений Цивилис остался один. Галльские племена отпали и запросили мира. Веспасиан, одержавший победу над Вителлием, оказался слишком силен для своего старого товарища. Даже батавы устали от безнадежного соперничества, в то время как фортуна, после долгих капризов, наконец, перешла на сторону римлян. Имперский командующий Цериалис воспользовался моментом, когда дело батавского героя было в самом отчаянном положении, чтобы послать эмиссаров среди своего племени и даже вмешаться в таинственную женщину, чьи пророчества так воспламенили его воображение. Эти интриги возымели свое действие. Верность народа была подорвана; пророчица отступила от своего почитателя и предсказала гибель его делу. Батавы роптали, что их уничтожение неизбежно, что одна нация не может остановить рабство, обреченное на весь мир. Насколько значительной частью человеческой расы были батавы? Чем они были в соперничестве со всей Римской империей? Более того, их не облагали данью. От них ожидали только предоставления людей и доблести своим гордым союзникам. Это было почти что свобода. Если у них должны были быть правители, то лучше было служить римскому императору, чем немецкой ведьме.

Так роптал народ. Если бы Цивилис добился успеха, он был бы обожествлен; но его несчастья, в конце концов, сделали его ненавистным, несмотря на его героизм. Но батавиец был не из тех, кого можно сокрушить, и не для того он так долго прожил на римской службе, чтобы немцы-варвары уступили ему в политике. Он не должен был быть принесен в жертву мстительному Риму в качестве мирного подношения. Наблюдая из-за Рейна за развитием дезертирства и угасанием национального энтузиазма, он решил заранее быть на стороне тех, кто теперь был его врагами. Он принял предложение Цериалиса о переговорах. Римский полководец стремился к полному помилованию и возвращению столь храброго солдата на службу империи.

Был согласован разговор. Мост через Набалию был разломан посередине, и Цериалис и Цивилис встретились по обе стороны от него. Спокойный ручей, которым римское предприятие соединило воды Рейна с озером Флево, протекал между императорским военачальником и вождем мятежников.

Здесь история резко обрывается. Остальная часть повествования римлянина теряется, и на этом сломанном мосту облик батавского героя исчезает навсегда. Его имя исчезает из истории:

о его последующей карьере не известно ни слова; все погружено в глубокое забвение, которое теперь окутывает сцену, где он был самым впечатляющим актером.

Души Цивилиса оказалось недостаточно, чтобы одушевить целый народ; и все же скорее из-за положения, чем из-за какой-либо личной неполноценности, его имя не стало таким знаменитым, как имя Германа. Немецкий патриот не был ни храбрее, ни мудрее батавца, но его защищали бескрайние леса его родины. Каждый легион, погружавшийся в эти непостижимые глубины, был вынужден катастрофически отступать или с треском погибать. Цивилис был окружен океаном; до его страны, долгое время служившей основой римских военных операций, можно было добраться по реке и каналу; Патриотический дух, который он на мгновение поднял, покинул его; его союзники покинули его; он стоял один и в страхе, окруженный охотниками, и единственной альтернативой ему была смерть или капитуляция. При таких обстоятельствах Германн не смог бы проявить больше мужества или поведения, равно как и завершить невозможную борьбу с большим достоинством или ловкостью.

"Состязание Цивилиса с Римом" содержит замечательное предзнаменование будущего конфликта с Испанией, в результате которого пятнадцать столетий спустя должна была быть основана Батавская республика. Персонажи, события, морские сражения, отчаянные осады, скользкие союзы, черты великодушия, дерзости и жестокости, великодушная уверенность, сломленная вера кажутся настолько повторяющимися, что история, кажется, представляет одну и ту же драму, разыгрываемую снова и снова, со сменой лишь действующих лиц и костюмов. Существует нечто большее, чем причудливое сходство между Цивилисом и Вильгельмом Молчаливым, двумя героями древнегерманского происхождения, которые постигли искусство войны и мира на службе иностранной и надменной мировой империи. Решительность, целеустремленность, постоянство в беде, почти сверхъестественная гибкость, самоотречение, непревзойденное мастерство в политических комбинациях, личная стойкость и страстный патриотизм были героическими элементами в обоих. Амбиции каждого были подчинены делу, которому он служил. Оба отказались от короны, хотя каждый, возможно, предполагал в дальнейшем создать батавское королевство, неизбежным главой которого он был бы. Оба предлагали трон галльскому принцу, ибо Классик был всего лишь прототипом анжуйца, как Бринно из Бредероде, и ни одному из них не было суждено в этом мире увидеть, как его жертвы увенчаются успехом.

Характерные черты двух великих рас этой страны проявились в римской и испанской борьбе почти в одних и тех же красках. Южане, вспыльчивые, раздражительные, дерзкие, были первыми, кто напал на императорскую власть и бросил ей вызов в обоих восстаниях, в то время как жители северных провинций, более медлительные в возбуждении, но более стойкие в гневе, были менее пылкими в начале, но; в одиночку, стойкими в конце сражения. В обеих войнах южные кельты отпали от лиги, их храбрые, но продажные вожди были куплены за имперское золото, чтобы добиться полного подчинения своих последователей; в то время как германские Нидерланды, хотя в конечном итоге и были покорены Римом после отчаянной борьбы, добились успеха в великом конфликте с Испанией и стерли с лица земли все остатки ее власти. Батавская республика заняла свое место среди ведущих держав мира; бельгийские провинции оставались римской, испанской и австрийской собственностью.

V.

Неясные, но важные движения в регионах вечных сумерек, революции, о которых история умалчивает, в таинственных глубинах Азии, излияния человеческих клепок по склонам алтайских гор, конвульсии, вздымающие пылинки царств и неизвестных династий, потрясение за потрясением, пульсирующие по всему варварскому миру и умирающие на краю цивилизации, обширные муки, сотрясающие землю как предвестники рождения новой империи - как симптомы умирания гордого, но изнеженного царства, которое называло себя миром; рассеянные орды кровожадных гротескные дикари, изгнанные из своих собственных домов и слоняющиеся с неясными целями на римской границе, постоянно отталкиваемые и постоянно появляющиеся вновь все увеличивающимися толпами, ведомые свирепым инстинктом или таинственными законами, — таковы хорошо известные явления, предшествовавшие падению западного Рима. Величественная, внешне могущественная, хотя и подорванная и прогнившая в глубине души, пораженная смертью империя все еще отражала атаки своих варварских врагов.

В течение долгой борьбы между эпохой Веспасиана и эпохой Одоакра, во время всех предварительных этнографических революций, предшествовавших великому народному странствию, Нидерланды оставались подвластными провинциями. Их страна находилась на большой дороге, которая привела готов в Рим. Эти низкие и бесплодные участки были окраинными границами империи. На этот пустынный берег обрушился первый прибой вздымающегося океана немецкой свободы, который вскоре должен был захлестнуть Рим. И все же, хотя древние достопримечательности вскоре были почти стерты с лица земли, Нидерланды по-прежнему оставались верны Империи, батавская кровь по-прежнему лилась для ее защиты.

К середине четвертого века франки и аллеманны, все люди, масса объединенных германцев терпят поражение от императора Юлиана при Страсбурге, батавская кавалерия, как и во многих других великих случаях, спасает положение для деспотизма. Это достижение, одно из последних, имя которого упоминается в исторических записях, стало, таким образом, столь же триумфальным для доблести, сколь и унижительным для истинной славы нации. Вскоре после этого их индивидуальность исчезает, поскольку раса частично истощилась на римской службе, частично слилась с франкскими и фризскими племенами, населяющими владения их предков.

Еще на столетие Рим все еще сохраняет свою внешнюю форму, но кишасшие народы сейчас находятся в самом разгаре. Нидерланды последовательно или одновременно топчут франки, вандалы, аланы, свевы, саксы, фризы и даже славонцы, поскольку великий поход Германии к всемирной империи, который предсказывали ее пророки и барды, величественно продвигался вперед. Открылись источники замерзшего Севера, воды взяли верх, но ковчег христианства поплыл во время потопа. Когда Всемирный потоп утих, на землю вернулся хаос, последняя языческая империя была стерта с лица земли, но смутное, идущее ощупью, неуверенное, невежественное зарождение христианской Европы началось.

После того, как скитания прекратились, Нидерланды приобрели почти тот же этнологический характер, что и раньше. Франкское владычество пришло на смену римскому, германский корень преобладает над кельтским, но национальные ингредиенты, хотя и в несколько измененных пропорциях, остаются по существу теми же. Старые белги, латинизировавшиеся по языку и обычаям, принимают новую Империю франков. Однако этот народ, вытесненный из своих владений на Рейне густыми ордами гепидов, квадов, сарматов, герулов, саксов,

бургунов, движется на Юг и Запад. Когда Империя падает перед Одоакром, они оккупируют кельтскую Галлию с бельгийской частью Нидерландов; в то время как фризы, в древнегерманское племя, в котором растворился старый батавский элемент, не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы жить обновленным существованием, "свободные фризы", чье имя является синонимом свободы, ближайшие кровные родственники англосаксонской расы, теперь занимают северную часть, включая всю будущую европейскую территорию голландской республики.

Таким образом, история франков становится историей Нидерландов. Фризы в течение нескольких столетий боролись против их владычества, пока в конце концов не были покорены Карлом Великим. Они даже посягают на франков в Бельгийской Галлии, которые полны решимости не уступать своих владений. Более того, благочестивые меровинги-фейнеанцы желают насадить христианство среди все еще остающихся язычниками фризов. Дагоберт, сын второго Клотера, продвигается против них до Везера, овладевает Утрехтом, основывает там первую христианскую церковь во Фрисландии и устанавливает номинальное господство над всей страной.

И все же слабые Меровинги были бы бессильны против суровой Фрисландии, если бы их династия уже не объединилась с могущественным брабантским семейством, которое долго владело их властью, прежде чем взяло на себя корону. Это был Пипин Херистальский, внук нидерландца Пипина Ланденского, который покорил фризского Радбода (692 г. н.э.) и заставил его обменять королевский титул на герцогский.

Это был незаконнорожденный сын Пепина, Карл Молот, чьи чудовищные удары завершили дело его отца. Новый мэр дворца вскоре заставил фризского вождя подчиниться и даже принять христианство. Неосторожность епископа, однако, нейтрализовала апостольские удары мэра. Язычник Радбод уже погрузил одну из своих королевских ног в купель для крещения, когда его осенила мысль. "Где сейчас мои умершие предки?" - спросил он, внезапно поворачиваясь к епископу Вольфрану. "В аду, со всеми остальными неверующими", - последовал опрометчивый ответ. "Что ж, - ответил Радбод, убирая ногу, - тогда я предпочту пировать со своими предками в залах Водена, чем жить с вашей маленькой изголодавшейся рукой христиан на Небесах". Мольбы и угрозы были тщетны. Фризец решительно отказался от обряда, который должен был привести к вечной разлуке с его погребенными сородичами, и он умер так, как жил, язычником. Его сын Папа, унаследовавший номинальный суверенитет, не выступал активно против введения христианства среди своего народа, но сам отказался обратиться. Восстав против франкского владычества, он был полностью разбит Карлом Мартеллом в великой битве (750 г. н.э.) и погиб вместе с огромным количеством фризов. Христианское устройство, навязанное таким образом, теперь было принято этими северными язычниками. Начало их обращения было в основном делом рук их братьев из Британии. За монахом Уилфредом через несколько лет последовал англосакс Уиллиброд. Именно он уничтожил изображения Водена в Вальхерене, отменил богослужение ему и основал церкви в Северной Голландии. Карл Мартелл наградил его обширными владениями в окрестностях Утрехта, а также множеством рабов и другого движимого имущества. Вскоре после этого он был рукоположен епископом всех Фризов. Так возник знаменитый епископат Утрехта. Другой англосакс, Винфред, или Бонифаций, был столь же активен среди своих фризских кузенов. Его посох шел рука об руку с боевым топором. Бонифаций шел по следу своего ортодоксального коадьютора Карла. К середине восьмого века было убито около ста тысяч фризов и еще столько

же обращено в христианство. Молоту, поразившему сарацин в Туре, наконец-то удалось обратить нидерландцев в христианство. Труды Бонифация в Верхней и Нижней Германии были огромны; но он тоже получил большое материальное вознаграждение. Он был назначен архиепископом Майнца, а после смерти Уиллиброда - епископом Утрехта. Однако, верный своей миссии, он героически принял мученическую смерть от рук непокорных язычников в Доккуме. Так в Нидерландах утвердилось христианство.

При Карле Великом фризы часто бунтовали, объединяясь с саксами. Однако в 785 году нашей эры они были полностью поработаны и никогда больше не восставали до эпохи их полного отделения от франкской империи. Карл Великий оставил им имя свободных фризов и собственность на их собственной земле. Феодальная система так и не прижилась на их земле. "Фризы, - гласит их свод законов, - будут свободны до тех пор, пока ветер дует из облаков и мир стоит". Однако они согласились подчиняться вождям, которых франкский монарх назначит управлять ими в соответствии с их собственными законами. Эти законы были собраны и сохранились до сих пор. Народная версия их книги "Асега" содержит их древние обычаи вместе с откровенными дополнениями. Общие статуты Карла Великого, конечно, тоже были в силе; но этот великий законодатель слишком хорошо знал, какое значение все человечество придает местным обычаям, чтобы позволить своему имперскому капитуляру без необходимости вмешиваться во фризские законы.

VI.

Таким образом, Нидерланды снова, впервые после падения Рима, были объединены под властью одной имперской короны. Однажды они уже были объединены в своем рабстве у Рима. Проходит восемь столетий, и они снова объединяются, подчиняясь Карлу Великому. Их союз заключался всего лишь в формировании единого звена в цепи нового царства. Правление Карла Великого, наконец, осуществило обещание колдуньи Велледы и других прорицателей. Германская раса восстановила мировую империю. Нидерландами, как и другими провинциями владений великого монарха, управляли назначенные короной чиновники, военные и судебные. Однако в северо-восточной, или фризской части, земельные наделы никогда не были в форме отменяемых привилегий или междоусобиц. За этим важным исключением вся страна разделила судьбу Империи и наслаждалась общей организацией.

Но эпоха Карла Великого наступила слишком рано. Хаос, царивший в Европе с момента распада римского мира, был все еще слишком абсолютным. Ему не суждено было обрести постоянные формы, даже благодаря его смелому и созидательному гению. Почва, истощенная долгой культурой языческих империй, должна была оставаться невозделанной еще более длительный период. Разнородные элементы, из которых император составил свое государство, не срослись при его жизни. Их удержала вместе только крепкая хватка руки, которая их объединила. Когда умер великий государственный деятель, его Империя неизбежно развалилась на куски. Общество нуждалось в дальнейшей дезинтеграции, прежде чем оно могло начать восстанавливаться на местном уровне. Новая цивилизация не должна была создаваться импровизацией одного разума. Когда один человек когда-либо цивилизовывал народ? В восьмом и девятом веках не было даже народа, который можно было бы назвать цивилизованным. Строительство Чарльза было, по необходимости, временным. Его империя опиралась на искусственные колонны, покоящиеся на земле, которые пали ниц почти сразу, как

только рука их архитектора остыла. Его учреждения не врезались в почву. Не было обширных и могучих корней, которые питали бы снизу процветающую Империю сквозь время и бури.

Более того, раса Карловингов была истощена, породив расу героев, подобных Пепинам и Чарльзам. Вскоре семья стала такой же презренной, как запряженные волами длинноволосые "бездельники", которых она изгнала; но в нашу задачу не входит описывать судьбу неблагородных потомков императора. Королевство было разделено, подраздроблено, временами частично воссоединялось, подобно семейной ферме, среди монархов, одинаково некомпетентных удерживать, делегировать или — отказаться от наследства великого воина и законодателя. Кротким, лысым, толстым, заикающимся, простодушным Карлам или Людовикам, которые последовательно восседали на своем троне, — принцам, чья единственная историческая индивидуальность заключается в этих безвкусных наименованиях, - не хватило ума понять, а тем более развить планы своего предка.

Карл Простой был последним карловингцем, правившим Лотарингией, в которую входила большая часть Нидерландов и Фрисландии. Немецкий монарх Генрих Птицелов, в тот период именовавшийся королем Восточных франков, как Карл Западных франков, приобрел Лотарингию по Боннскому мирному договору, Карл сохранил суверенитет над королевством при своей жизни. Однако в 925 году нашей эры Простак был заключен в тюрьму и свергнут своими собственными подданными, и Фаулер был признан королем Лотарингии. Таким образом, Нидерланды перешли от Франции к Германии, по-прежнему оставаясь провинциями рыхлой, разрозненной империи.

Это эпоха, в которую различные герцогства, графства и другие мелкие владения Нидерландов стали наследственными. Это было в 922 году, когда Карл Простой подарил графу Дирку территорию Голландии посредством письменного патента. Этот узкий клочок земли, которому в грядущие века суждено было стать колыбелью обширной империи, простиравшейся на оба полушария, отныне был наследством потомков Дирка. Следовательно, исторически он - Дирк I., граф Голландии.

Самым могущественным врагом этого маленького монарха и его преемников на протяжении веков был епископ Утрехтский, происхождение величия которого уже было указано. Из других провинций Нидерландов, которые сейчас или раньше стали наследственными, первой по рангу была Лотарингия, когда-то королевство Лотэр, а ныне герцогство Лотарингия. В 965 году она была разделена на Верхнюю и Нижнюю Лотарингию, из которых только нижнее герцогство принадлежало Нидерландам. Два столетия спустя графы Лувен, занимавшие тогда большую часть Брабанта, получили постоянное владение Нижней Лотарингией и стали называть себя герцогами Брабантскими. Тот же принцип местной независимости и изоляции, который создал этих герцогов, установил наследственную власть графов и баронов, которые ранее осуществляли юрисдикцию при них и других. Так возникли суверенные графы Намюр, Эно, Лимбург, Зютфен, герцоги Люксембург и Гелдрес, бароны Мехлин, маркизы Антверпенские и другие; все мелкие автократы. Самыми важными из всех, после Лотарингского дома, были графы Фландрии; ибо отважные лесники Карла Великого вскоре отняли суверенитет над своей маленькой территорией у его слабых потомков так же легко, как Болдуин железной рукой лишил плешивого Карла его дочери. Голландия, Зеландия, Утрехт, Овериссель, Гронинген, Дренте и Фрисландия (все семь были частями Фрисландии в общем смысле) были сосредоточены в маленьком пустынном уголке Европы; малоизвестный осколок разрушенной империи Карла

Великого. Впоследствии они должны были образовать Соединенные Штаты Нидерландов, одну из самых могущественных республик в истории. Тем временем, столетие за столетием, графы Голландии и епископы Утрехта должны были осуществлять раздельную власть над территорией.

Таким образом, вся страна была разбита на множество лоскутков суверенитета. Отдельная история таких полуорганизованных кусочков утомительна и мелка. Пустяковые династии, где семья или две были всем, а люди ничем, оставляют мало достойного упоминания. Даже самые набожные специалисты по генеалогии могли бы содрогнуться, представив хронику долгой череды столь многих прославленных безвестных личностей.

Однако, взглянув на общие черты государственной системы, сложившейся в Нидерландах в этот важный период мировой истории, можно увидеть преобразования, которым подверглась страна, как и другие части западного мира.

В десятом веке старые батавские и более поздние римские формы исчезли. На смену пришло совершенно новое государственное устройство. Никакое великое народное собрание не утверждает своего суверенитета, как в древнегерманскую эпоху; никакие генералы и временные короли не избираются нацией. Выборная власть была утрачена при римлянах, которые после завоевания передали административную власть над подвластными им провинциями должностным лицам, назначенным метрополией. Франки следовали тем же курсом. Во времена Карла Великого революция завершена. Народные собрания и всенародные выборы полностью исчезают. Военные, гражданские и судебные чиновники - герцоги, графы, маркграфы и другие — все являются креатурами короля, "knehton des konings, pueri regis", и таковыми остаются до тех пор, пока не откажутся от созидательной силы и не установят свою собственную. Принцип Карла Великого, согласно которому его офицеры должны управлять в соответствии с местными обычаями, помогает им достичь собственной независимости, сохраняя при этом все, что осталось от национальной свободы и закона.

Графы, которым помогают судьи низшего звена, время от времени проводят сеймы - возможно, трижды в год. Они также созывают собрания в случае войны. Туда призываются великие вассалы, которые, в свою очередь, призывают своих меньших вассалов; каждый вооружен "щитом, копьем, луком, двенадцатью стрелами и кирасой". Такие собрания, созываемые именем далекого государя, лица которого его подданные никогда не видели, языка которого они с трудом понимали, сильно отличались от тех шумных массовых собраний, на которых буйные свободные люди, вооруженные тем оружием, которое они любили больше всего, и прибывающие рано или поздно, в зависимости от своего удовольствия, привыкли избирать своих генералов и магистратов и поднимать их на своих щитах. Народом теперь управляют, его правители назначаются невидимой рукой. Указы, издаваемые силой, так сказать, сверхъестественной, требуют безоговорочного повиновения. Люди, смиряясь с собственным уничтожением, отказываются не только от своих политических, но и от личных прав. С другой стороны, великий источник власти излучает все меньше и меньше света и тепла. Теряя свое притягательное и контролирующее влияние, она постепенно затмевается, в то время как ее спутники покидают предписанные им границы, и возвращаются хаос и тьма. Скипетр, простертый над столь обширными королевствами, требует более сильных рук, чем у выродившихся карловингов. Он разваливается на части. Чиновники становятся суверенами с наследственным, а не делегированным правом владеть людьми, облагать налогом их дороги и реки, брать десятину с их крови и пота, притеснять их во всех сферах жизни. Больше нет

метрополии, которая защищала бы их от официального гнета. Власть, чем более разделена, тем более тиранической она становится. Меч - единственный символ закона, крест - орудие преступления, епископ - посвященный пират, каждый мелкий барон - грабитель, в то время как народ, попеременно являющийся добычей герцога, прелата и сеньора, остриженный и разделанный, как овца, почитает за счастье продать себя в рабство или ютиться под стенами замка какого-нибудь мелкого властелина ради его волчьей защиты. Здесь они строят лачуги, которые время от времени окружают частоколом и грязными окопами; и сюда, в эти убогие обители невежества и нищеты, гений Свободы, ведомый духом Коммерции, нисходит, наконец, чтобы пробудить человечество от его лени и трусливого оцепенения. Предстояла более долгая ночь, однако еще до рассвета.

Назначенные короной чиновники, разумеется, были финансовыми чиновниками. Они собирали доходы суверена, треть которых утекала сквозь их пальцы в их собственную казну. Став самими суверенами, они сохраняют эти средства для своего личного обогащения. Четыре основных источника приносили этот доход: королевские владения, дорожные сборы и подати, прямые поборы и забава, называемая добровольными взносами или благотворительностью. В дополнение к этим поставкам были также поступления от штрафов. В те суровые времена налогообложение грехов составляло значительную статью доходов. Старые фризские законы почти полностью состояли из дискриминационного тарифа на преступления. Почти все проступки, к которым склонен человек, были наказаны только за деньги. Убийство, воровство, поджог, изнасилование — все преступления против личности были смягчены за определенную плату. Было несколько исключений, таких как отцеубийство, за которым следовала потеря наследства; святотатство и убийство господина рабом, которые карались смертью. Напрашивается естественный вывод, что, поскольку королевская казна обогатилась за счет этих податей, государь вряд ли стал бы пытаться сдерживать ежегодную жатву беззакония, за счет которой увеличивались его доходы. Тем не менее, хотя моральное чувство потрясено системой, которая отождествляет интересы правителя со злом его народа и предоставляет богатым сравнительный иммунитет к злодеяниям, было бы лучше, если бы преступление наказывалось деньгами, а не не наказывалось вообще. Суровый налог, который неохотно платил дворянин и который нищий преступник заменял личным рабством, был достаточно несправедливым, а также абсурдным, однако он служил смягчению ужасов, которыми были окружены беспорядки, грабежи и убийства в те ранние дни. Постепенно, по мере того как свет разума озарял темные века, наиболее пагубные черты системы были устранены, в то время как общее чувство почтения к закону сохранилось.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Страна, лишенная по природе своих прав
Шутка, называемая добровольными взносами или благотворительностью
Ежегодная жатва беззакония, за счет которой увеличивались его доходы
Батавский легион был императорской личной гвардией
Обращение голландцев в христианство
Епископ - посвященный пират
Братья, родители и дети, имеющие общих жен
Чтобы женщины оплакивали, а мужчины помнили
Галл высмеивал римских солдат, называя их бандой пигмеев
Великая наука политического равновесия

Голландия, Англия и Америка - все это звенья одной цепи
Длинная череда стольких прославленных и безвестных
Другие идут на битву, говорит историк, эти идут на войну с
отменяемыми льготами или междоусобицами
Налогообложение грехов
Галлы были на редкость нецеломудренными

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 2.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии,
LL.D. 1855

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ., Часть 2.

VII.

Пять веков изоляции увенчались успехом. В Нидерландах, как и по всей Европе, тысячи неясных и тонких ручейков медленно готовят великий поток универсальной культуры. Пять мрачных веков феодализма: в течение этого периода мало говорят о правах человека, мало повинуются божественному разуму. Прав там нет, только силы; и, короче говоря, три великие силы, постепенно возникающие, развивающиеся сами по себе, действующие друг на друга и на общее движение общества.

Меч - первая, на какое-то время единственная сила: сила железа. "Хозяин страны", приобретая собственность на территорию и людей, которые кормятся на ней, раздает своим подчиненным, часто лишь на тень ниже его по власти, части своего имущества, получая взамен в пользование их верные мечи. Вавасуры снова делятся на вассалов, обмениваясь землей и скотом, человеческим или иным, в обмен на верность, и таким образом железная цепь военной иерархии, выкованная из взаимозависимых звеньев, протянута над каждой маленькой провинцией. Неприступные замки, которых здесь больше, чем в любой другой части христианского мира, усеивают ровную поверхность страны. Рыцари в кольчугах и их сторонники постоянно разбивают лагерь на этой земле. Удачная басня о божественном праве придумана для того, чтобы санкционировать систему; суеверие и невежество придают силу заблуждению. Таким образом, милость Божья, даровавшая собственность в обширной части Европы некоему идиоту во Франции, дает ему право продать большую часть своего имущества и дать вместе с ними божественный и, следовательно, наиболее удовлетворительный титул. Большое удобство для человека, у которого не было ни власти, ни ума, ни желания держать собственность в своих руках. Итак, голландские кортики получают документ от Карла Простого, и, хотя милость Божья не мешает самому королевскому дарителю умереть жалким, лишенным короны пленником, передача Дирку, тем не менее, освящена всемогущим указом. Итак, Робертсы и Ги, Джонсы и Болдуины становятся правителями Эно, Брабанта, Фландрии и других маленьких округов, получая сверхъестественное одобрение власти, которую завоевали их добрые мечи и которую они всегда готовы поддерживать. Организованная таким образом, железная сила утверждает и проявляет себя. Герцог, граф, сеньор и вассал, рыцарь и оруженосец, хозяин и мужчина продолжают роиться и бороться. Дикая, хаотичная, кровавая сцена. Здесь епископ и барон

сражаются веками, десятками тысяч убивая людей за акр или два болотистых пастбищ; там доблестные семьи, прижимая к сердцу старые, затхлые ссоры, избивают друг друга из поколения в поколение; так они продолжают, бушуя и борясь между собой, со всем миром, выкрикивая безумные боевые кличи, которых никогда не понимала ни одна человеческая душа - красные шапки и черные, белые капюшоны и серые, Крючья и каббалистические палки, нанося разрушения, строя замки и сжигая их, побеждая на турнирах, крадя быков, поджаривают евреев, грабят дороги, устраивают крестовые походы — то в сирийских песках против псов— пайнимов, то во фризских трясилах против альбигойцев, стедингеров и других еретиков, — окунаясь в кровь и огонь, раскаиваясь в праздности и оплачивая свой проход через чистилище большими кусками несправедливо нажитого добра, помещаемого в постоянно протянутую мертвую руку Церкви; действуя, в целом, в соответствии со своим видом, и таким образом добиваясь цивилизованности или истребления, неважно, чего именно. Так они играют свою роль, эти энергичные воины; и так одна великая сила, сила железа, вращается и расширяется, столетие за столетием, помогая великому прогрессу общества к его цели, где бы она ни находилась.

Возникает другая сила — сила клерикальная — власть клерков; мощь образованного ума соизмеряется с грубым насилием; сила, воплощенная, как часто бывало раньше, в ремесле священников - силе священнослужителей: ремесло означает просто силу на нашем старом родном языке. Эта великая сила также развивается по-разному, иногда будучи благотворной, иногда пагубной. Священство выполняет свою задачу век за веком: теперь убирает смертные одры кающихся, освящает могилы! кормить голодных, одевать нагих, воплощая христианские заповеди, в эпоху грабежа и убийства, делая тысячу дел любви и милосердия среди непонятных и забытых дел, которого никогда не будет человека летописи, но листок или два, возможно, в записи ангел книга; выделении ценных мед из немногих цветов, нежных, искусства, которые цветут по унылой пустыне; держа свечку науки за бурного моря; хранить в монастыри и склепы немногие окаменелости старинные обучения, которые становятся видимыми, как исчезнувших мегатерия Бузины мире появляется после готический потоп; и теперь, мчась в шлем и кольчугу с другими бандитами, между прочим удары в самую гущу боя, взрывая с колокол, книга и свеча своим трепетным врагам, в то время как государи, во главе армий, пресмыкаться в пыли и предлагаем смиренной покорности на поцелуй мира; осуществление же conjugu надневежественной барон и трусливо задние, делая фантастики апостольской властью связывать и разрешать, как плодovitый в акрах, как и другие божественное право иметь и держать, таким образом, силу культивируют интеллект, в руках избранных и санкционированы сверхъестественными полномочиями, становится мощным, как меч.

Третья сила, развивающаяся медленнее, становится еще более могущественной, чем остальные: сила золота. Даже железо уступает место более пластичному металлу. Начинает ощущаться важность муниципалитетов, обогащенных торговлей. Коммерция, мать нидерландской свободы и, в конечном счете, ее разрушительница — подобно тому, как во всей человеческой истории оживляющий принцип впоследствии становится разрушающим — коммерция незаметно и чудесным образом меняет облик общества. Скопления лачуг превращаются в города-башни; зеленая с позолотой Ганза коммерческого республиканизма обвивается вокруг разлагающегося ствола феодального деспотизма. Города, объединенные с городами по всему христианскому миру и за его пределами - империя внутри империи - все теснее и теснее связывают себя электрической цепью человеческой симпатии и становятся все сильнее и сильнее благодаря взаимной поддержке. Рыбаки и сплавщики по реке становятся океанскими авантюристами и торговыми принцами. Коммерция поднимает полузатонувшую

Голландию за шлюзы и сыплет ей на колени золото. Золото отнимает власть у железа. Нуждающиеся фламандские ткачи становятся могущественными производителями. Армии рабочих, численностью в пятьдесят тысяч человек, бродят по переполненным улицам. Шелкоткачи, суконщики, пивовары становятся сплетниками королей, ссужают своим королевским сплетницам огромные суммы и сжигают королевские банкноты от руки в каминах из коричневого дерева. Богатство приносит силу, уверенность в силе. Научившись обращаться с арбалетом и кинжалом, бюргеры меньше боятся баронского меча, обнаружив, что их собственный тоже будет рубить, видя, что великие армии — цвет рыцарства — могут достаточно быстро ускакать перед ними в битвах на шпорах и других столкновениях. Внезапное обогащение порождает дерзость, беспорядки, гражданские волнения. Междоусобные распри, ужасные беспорядки окрашивают улицы кровью, но образование все больше и больше поднимает граждан из первоначальной трясины. Они учатся так же мало трепетать в искусстве жречества, как и в искусстве владения мечом, приобретая что-то от каждого из них. В конце концов, золото, не санкционированное божественным правом, перевешивает другие силы, какими бы сверхъестественными они ни были. И вот, пробиваясь по назначенному им пути, шья ткани, зарабатывая деньги, заключая договоры с великими королевствами, ведя войны на суше и на море, звоня в большие колокола, размахивая огромными знаменами, они тоже — эти наглые, шумные бюргеры — выполняют свою работу. Таким образом, могущественная власть кошелька развивается сама по себе, и муниципальная свобода становится существенным фактом. Факт, а не принцип; ибо старая теорема о суверенитете остается неоспоримой, как всегда. Ни нация в массе, ни граждане в классе не претендуют на права человека. Все высшие атрибуты — законодательные, судебные, административные — остаются только в руках землевладельца. Поэтому абсурдно спорить с Гроцием о неизвестной древности батавской республики. Республика вообще никогда не существовала до шестнадцатого века и родилась только после долгих лет агонии. Демократические инстинкты древних германских дикарей должны были сохраниться в сердцах их культурных потомков, но организованного, цивилизованного, республиканского государства никогда не существовало. Города, набирая силу, никогда не претендовали на право издавать законы или участвовать в управлении государством. На самом деле, они действительно издавали законы и, кроме того, разделяли важнейшие функции суверенитета, особенно право заключения международных договоров. Иногда путем сделок, иногда кровью, золотом, угрозами, обещаниями или хорошими ударами они вымогали свои хартии. Их кодексы, статуты, торжественные выходы и другие конституции были продиктованы бюргерами и приведены к присяге монархом. Это были уступки свыше; привилегии, частные законы; действительно, фрагменты большей свободы, но гораздо лучшей, чем рабство, которым они были заменены; твердые факты вместо пустых абстракций, которые в те практические и жестокие дни дали бы мало пищи; но они все еще скорее стремились примириться с помощью грубой, неуклюжей фикции с иерархией, в которую они вторглись, чем опрокинуть систему. Таким образом, города, не считавшие себя представителями или скоплениями людей, превратились в сказочных персонажей, тела без души, корпорации, которые приобрели жизненную силу, достаточную для того, чтобы утверждать свое существование. Следовательно, как личности — гигантские индивидуальности — они вклинились в ряды феодалов и приняли на себя феодальную власть и ответственность. Город Дорт, Мидделбург, Гент, Лувен был живым существом, присягавшим на верность, требовавшим службы, кланявшимся своему господину, сражавшимся с равными себе, попиравшими своих рабов.

Таким образом, в этих малоизвестных провинциях, как и по всей Европе, в тысячах отдаленных и изолированных уголков, цивилизация строит себя синтетически и медленно; и все же в конце концов, вероятно, будет построено целое. Таким образом, побуждаемое великими и противоречивыми силами, то уклоняясь, то назад, то вверх, но, в целом, вперед, новое Общество движется по своей предопределенной орбите, набирая по ходу движения последовательность и силу. Общество, цивилизация, возможно, но вряд ли человечество. Народ едва начал выбираться из глыб, в которых он погребен. Есть только знать, священники и, в последнее время, города. В северных Нидерландах деградированное состояние масс сохранялось дольше всего. Даже во Фрисландии свобода, самое дорогое благословение древних фризов, была утрачена различными способами. Рабство было как добровольным, так и обязательным. Нищие продавали себя, чтобы избежать голодной смерти. Робкие продавали себя, чтобы избежать насилия. Эти частые добровольные продажи обычно производились в монастырях и церковных учреждениях, поскольку положение церковных рабов было предпочтительнее положения других крепостных. Лица, потерпевшие поражение на судебных дуэлях, моряки, потерпевшие кораблекрушение, бродяги, незнакомцы, преступники, неспособные платить наложенные на них денежные взыскания, - все они были лишены свободы; но плодотворным источником рабства была война. Заключенные почти повсеместно были обращены в рабство. Свободная женщина, вступившая в брак с рабом, обрекала себя и потомство на вечное рабство. У рипуарских франков свободная женщина, опозорившая себя таким образом, была опоясана мечом и прялкой. Выбрав одно, она должна была убить своего мужа; выбрав другое, она приняла символ рабства и стала движимым имуществом на всю жизнь.

Свирепые набеги норманнов повергли в рабство многих слабых и робких людей. Они толпами бежали в церкви и монастыри и были счастливы, что, поработив себя, избежали более ужасного рабства морских королей. Во время недолгого владычества норманнов Годфри каждый свободный фризец был вынужден носить на шее недоуздок. По сравнению с этим уделом церковного раба была свобода. Убийство его каралось крупным штрафом. Он мог давать показания в суде, мог наследовать, мог составить завещание, мог даже ходатайствовать перед законом, если закон был найден. Количество рабов по всем Нидерландам было очень велико; число рабов, принадлежащих Утрехтскому епископству, огромно.

Положение тех, кто принадлежал к мирянам, было гораздо более болезненным. Лифайгены, или абсолютные рабы, были самыми несчастными. Они были просто животными. У них не было ни одного из естественных человеческих качеств, их жизнь и смерть находились в руках учителя, они не имели никаких прав на долю своего собственного труда или его плодов, у них не было брака, кроме как на условиях печально известного "jus primae noctis". Сельские жители, или вилланы, были вторым классом и менее несчастными. Они могли компенсировать причитающийся их владельцу труд фиксированной суммой денег, после ежегодной выплаты которой крестьянин работал на себя. Следовательно, его хозяин не был его абсолютным собственником. Движимое имущество имело выгодный интерес к части его собственной плоти и крови.

Крестовые походы значительно улучшили положение крепостных. Тот, кто стал воином креста, был свободен по возвращении, и многие были достаточно отважны, чтобы купить свободу столь почетной ценой. Многие другие были проданы или заложены рыцарями-крестоносцами, желавшими обратить свое имущество в золото, прежде чем приступить к своему предприятию.

Покупателями или залогодержателями, как правило, были церкви и монастыри, так что рабы, отчужденные таким образом, получали, по крайней мере, предпочтительное рабство. Место отсутствующих крепостных занял свободный труд, так что сельскохозяйственные и механические занятия, теперь перешедшие к более высокому классу, стали менее унижительными и со временем открыли все более расширяющуюся сферу для трудолюбия и прогресса свободных людей. Так начал существовать народ. Однако это был несчастный народ, с личными, но без каких-либо гражданских прав. Их положение, хотя и лучше, чем рабство, было почти отчаянным. Они были обложены налогами сверх своих возможностей, в то время как священник и дворянин были освобождены. Они не имели права голоса при распределении внесенных таким образом денег. Не было никакой защиты от незаконного насилия, которому они постоянно подвергались. В судах поместий преступник выносил приговор своей жертве. Функции разбойника с большой дороги и магистрата были объединены в одном человеке.

Постепенно класс свободных людей, ремесленников, торговцев и им подобных, становясь все более многочисленным, строил более прочные и качественные дома за воротами замка "хозяина земли" или бургов более могущественной знати. Начальство, стремясь повысить собственную значимость, поощряло развитие маленьких районов. Собранные таким образом население начало разделяться на гильдии. Вскоре после этого сообщество преобразовало их в корпоративные организации; создание сообщества, конечно, предшествовало инкорпорации гильдий. Эти сообщества были созданы на основании хартий или керенов, дарованных сувереном. Если только самые ранние уступки такого рода не исчезли, городские хартии Голландии или Зеландии появились почти на столетие позже, чем хартии Фландрии, Франции и Англии.

Старейшим Keur, или актом муниципальной инкорпорации, в провинциях, впоследствии составивших республику, был акт, предоставленный графом Вильгельмом Первым Голландским и графиней Джоанной Фландрской, как совместным владельцам Вальхерена, городу Мидделбург. Будет видно, что его основная цель - обещать в качестве особой привилегии этому сообществу закон вместо произвольного насилия, с помощью которого человечеством в целом управляли те, кто лучше его.

"Жители, - гласила Хартия, - находятся под защитой по обоим пунктам. За драку, нанесение увечий, ранений, побоев, брани; за нарушение мира, за сопротивление миротворцам и суду Щепенса; за пренебрежение Запретом, за продажу испорченного вина и за другие проступки налагаются штрафы в пользу графа, города, а иногда и самих Щепенов.....Всем миддельбургцам гарантирован единый закон. Каждый мужчина должен обратиться в суд раньше, чем шепены. Если кто-либо, вызванный и присутствующий в Вальхерене, не явится или откажется от исполнения приговора, он подлежит изгнанию с конфискацией имущества. Компания Schout или Schepen, отказывающая истцу в правосудии, до возмещения ущерба больше не будет обращаться в суд.....Бюргер, вступивший в спор с посторонним лицом (буйтен манн), должен вызвать его к шепенам. Шепены подают апелляцию графу. Никто не может свидетельствовать, кроме домовладельца. Любое отчуждение недвижимости должно происходить до суда. Если упостороннего человека есть жалоба на бюргера, шепены и Шаут должны ее уладить. Если какая-либо из сторон отказывается подчиниться им, они должны позвонить в городской колокол и созвать собрание всех бюргеров, чтобы заставить его подчиниться. Любой, кто звонит в городской колокол, кроме как с общего согласия, и любой, кто не появляется при его звонке, подлежит штрафу. Ни один мидделбургер не может быть

арестован или содержаться в заключении во Фландрии или Голландии, за исключением преступлений".

Этот документ был подписан, скреплен печатью и приведен к присяге двумя государями в 1217 году. Это была модель, по которой впоследствии были созданы многие другие сообщества, колыбели больших городов в Голландии и Зеландии.

Эти хартии, конечно, не очень обширны, даже для привилегированных муниципалитетов, которые их получили, если смотреть с абстрактной точки зрения. Однако они представляли собой очень большой шаг вперед по сравнению с той точкой зрения, на которой фактически находилось человечество. Они создали - не для всех жителей, но для большого числа из них - право не управлять самостоятельно, а подчиняться закону: они обеспечили местное отправление правосудия. Они обеспечили защиту от произвольного тюремного заключения. Они учредили трибуналы, в которых должны были заседать представители бюргерского класса. Они поддерживали щит против произвольного насилия сверху и подстрекательства к мятежу изнутри. Они поощряли миротворцев, наказывали нарушителей мира. Они охраняли фундаментальный принцип "ut sua tenent" на грани абсурда; запрещая свободному человеку, не имеющему права собственности, давать показания — способность, которой не лишен даже деревенский раб. Конечно, все это было лучше, чем кулачный закон и манориальные суды. Для начала тринадцатого века это был прогресс.

Шаут и Шепенс, или главный магистрат и олдермены, первоначально назначались сувереном. Со временем выборы этих муниципальных органов власти были переданы общинам. Однако эта неоценимая привилегия, которой в течение определенного периода пользовалась вся масса граждан, в конечном итоге была монополизирована самим муниципальным правительством, действующим совместно с деканами различных гильдий.

Организованные таким образом и вдохновленные дыханием гражданской жизни, общины Фландрии и Голландии начали быстро продвигаться вперед. Они все больше и больше приобретали вид процветающих маленьких республик. Этим процветанием они были обязаны торговле, особенно с Англией и странами Балтии, и мануфактуре, особенно шерстяной.

Торговля между Англией и Нидерландами существовала веками и все еще расширялась к большой выгоде обеих стран. Однако спор между купцами Голландии и Англии ближе к 1215 году привел к каперской войне и приостановке сношений на десять лет. Последующее примирение привело к созданию английской шерстяной фабрики в Дорте. Последующая ссора лишила Голландию этого огромного преимущества. Король Эдуард отказался помогать графу Флоренс в войне с фламандцами и перевел основные продукты из Дорта в Брюгге и Мехлин.

Торговля Нидерландов со Средиземноморьем и Востоком осуществлялась в основном через этот любимый город Брюгге, который уже в XIII веке поднялся на первое место в торговом мире. Это было место упокоения лангобардов и других итальянцев, большая перевалочная база для их товаров. Кроме того, теперь он стал крупным рынком сбыта английской шерсти и шерстяных тканей всех Нидерландов, а также лекарств и специй Востока. Однако она ни в коем случае не достигла своего апогея, но должна была достичь кульминации в Венеции и кануть в лету вместе с ее упадком. Когда сухопутная торговля с Индией прекратилась с открытием Кейптаунского пролива, оба города засохли. На красивых улицах Брюгге росла трава, а мраморные залы

Венеции заросли морскими водорослями. Однако в ту эпоху оба они находились в состоянии быстрого и безудержного процветания.

Города, таким образом, росшие в богатстве и значении, больше не удовлетворялись тем, что ими управляли в соответствии с законом, и начали участвовать не только в своем собственном, но и в общем управлении. При Ги Фландрском города регулярно появлялись, как и знать, в собрании провинциальных сословий. (1386-1389 гг. н.э.) В течение следующего столетия шесть главных городов, или столиц, Голландии (Дорт, Гарлем, Делфт, Лейден, Гоудс и Амстердам) получили право регулярно посылать своих депутатов в поместья провинций. Таким образом, эти города вместе с дворянством составляли парламентскую власть нации. Они также приобрели у графа патент, позволяющий им выбирать бургомистров и ограниченное число советников или сенаторов (Vroedschappen).

Таким образом, свободы Голландии и Фландрии с каждым днем становились все крепче. Сильные физические потрясения в течение XIII века усилили свое влияние на более медленный процесс политической революции. До сих пор существовала только одна Фрисландия, включая Голландию, и почти вся территория будущей республики. Только узкий ручей разделял два больших округа. Низменности вдоль реки Вли, которым часто угрожали, в конце концов затонули в волнах. Германский океан обрушился на внутреннее озеро Флево. Бурный Зюйдер-Зее начал свое существование с того, что поглотил тысячи фризских деревень со всем их населением и проложил пропасть между родственными народами. Политическая, а также географическая целостность земли была уничтожена этим чудовищным потопом. Голландцы были отрезаны от своих родственников на востоке таким же опасным морем, как и то, которое отделяло их от их англосаксонских братьев в Британии. Депутаты генеральной ассамблеи в Аурихе больше не могли предпринимать путешествие, ставшее столь опасным. Западная Фрисландия была поглощена Голландией. Восточная Фрисландия оставалась федерацией грубых, но самоуправляемых приморских провинций, пока краткое и кровавое владычество саксонских герцогов не привело к установлению власти Карла Пятого. Каким бы ни был номинальный суверенитет над ними, это самое республиканское племя Нидерландов или европейцев никогда не признавало феодализм. Ежегодно проводился конгресс всей конфедерации. С другой стороны, каждое из семи маленьких государств регулировало свои собственные внутренние дела. Каждый штат был разделен на округа, каждым округом управлял грит-манн (великий человек, выборный) и его помощники. Над всеми этими окружными чиновниками стоял подеста, магистрат, идентичный по названию и функциям главному должностному лицу итальянских республик. Иногда был только один подеста; иногда по одному на каждую провинцию. Он избирался народом, приносил присягу на верность отдельным сословиям или, если он был генеральным подестой, федеральному сейму и, как правило, избирался на ограниченный срок, хотя иногда и пожизненно. Ему помогал совет из восемнадцати или двадцати советников. Депутаты генерального конгресса избирались всенародным голосованием на пасхальной неделе. Духовенство не признавалось политическим сословием.

Таким образом, в тех землях, которые скупая природа, по-видимому, обрекла на вечную бедность и безвестность, принцип разумной человеческой свободы, без которого нет национального процветания или славы, за которые стоило бы бороться, пустил глубокие и прочные корни. Уже в тринадцатом и четырнадцатом веках Фрисландия была республикой, за исключением названия; Голландия, Фландрия, Брабант приобрели значительную долю

самоуправления. Могущественное содружество, которое в более поздний период возникло в результате великой борьбы между централизованной тиранией и духом гражданской и религиозной свободы, уже было предвосхищено. Элементы, из которых должна была сложиться эта важная республика, прорастали веками. Любовь к свободе, готовность в любой момент нанести удар и пролить кровь за свое дело, мужественное сопротивление деспотизму, каким бы затмевающим его, были ведущими характеристиками расы во всех регионах или периодах, будь то среди фризских болот, голландских дамб, пологих холмов и долин Англии или непроходимых лесов Америки. Несомненно, история свободы человека в Голландии и Фландрии, как и везде на земле, где была подобная история, включает в себя множество сцен беспорядков и кровопролития; хотя эти черты были преувеличены предвзятыми историками. И все же, если там были роскошь и наглость, подстрекательство к мятежу и бунт, то, по крайней мере, там была жизнь. В жилах этих маленьких буйных государств текла кровь. Они были полны гордости, самопомощи, мускульной силы. Самые кровавые беспорядки, которые они когда-либо устраивали при свете дня, были лучше, чем порядок и тишина, порожденные полуночной тьмой деспотизма. Сама эта непокорность готовила людей к их будущей работе. Эти торговцы, фабриканты, сельские сквайры и непримиримые бароны, все запертые в узком уголке земли, веками враждовавшие друг с другом и со всем миром, поддерживали в себе национальную драчливость характера, на которую в шестнадцатом веке был большой спрос и без которой отечество, возможно, потерпело бы поражение в самом неравном конфликте, когда-либо ведущемся человеком против угнетения.

Описывать особую историю даже ведущих провинций Нидерландов на протяжении пяти столетий, которые мы таким образом стремились быстро охарактеризовать, чуждо нашей цели. Однако, взявшись за разгадку истории Голландии, можно быстро разобраться в общем лабиринте династических преобразований по всей стране. Со времени появления первого Кортика и до конца тринадцатого века прошло почти четыреста лет непрерывного мужского происхождения, длинная линия Кортиков и Флоренций. Эта жестокая, вспыльчивая, предприимчивая раса, поставленная сувереном на своем маленьком острове сэнди-хук, прилагающая свирепые усилия, чтобы добиться большего влияния, преодолевающая милю или две болот или бесплодных зарослей после более сильных ударов и кровопролитных стычек, чем те, которые могли бы создать империю при более благоприятных обстоятельствах, в конце концов вымирает. Сватовство переходит к дому Авеннов, графов Эно. Голландия вместе с аннексированной ею Зеландией, таким образом, присоединяется к провинции Эно. В конце еще полувека род Эно прекращает свое существование. Вильгельм Четвертый умер бездетным в 1355 году. Его смерть стала сигналом к началу почти бесконечной череды гражданских волнений. Эти две великие партии, известные под грубыми именами Хук и Каббелджоу, возникли, разделяя благородных на благородных, город на город, отца на сына, на протяжении примерно ста пятидесяти лет, не основываясь ни на каком абстрактном или понятном принципе. Можно, однако, заметить, что в дальнейшем, и как общее правило, Каббелджо, или партия трески, представляла город или муниципальную фракцию, в то время как Крючки (рыболовные крючки), которые должны были ловить их и контролировать, были дворянами; железо и смелость против грубой численности и веса.

Герцог Вильгельм Баварский, сын сестры Вильгельма Четвертого, утвердился в 1354 году. Ему наследовал его брат Альберт; Альберту - его сын Вильгельм. Вильгельм, женившийся на Маргарите Бургундской, дочери Филиппа Смелого, умирает в 1417 году. Богатое наследие этих трех провинций Нидерландов переходит к его дочери Жаклин, семнадцатилетней девице. Нет

необходимости проследить карьеру прекрасной и невезучей Жаклин. Несколько глав исторического романа вызвали более частые слезы. Любимая героиня баллад и драм, для нидерландцев она наделена осязаемой формой и вечным существованием Ифигении, Марии Стюарт, Иоанны д'Арк или других священных личностей. Измученная и с разбитым сердцем, после тринадцати лет конфликта со своими родственниками, утешенная трусостью и жестокостью трех мужей мягким и рыцарским духом четвертого, лишенная обширных владений своего отца, низведенная с поста правительницы до должности леди форестер своих собственных провинций своим кузеном, плохим герцогом Бургундским Филиппом по прозвищу "Добрый", она, наконец, умирает, и добрый кузен получает неоспоримое господство над землей. (1437.)

Пять веков изоляции подошли к концу. Многие неясные потоки истории Нидерландов сливаются в одно широкое течение. Бургундия поглотила все провинции, которые снова вынуждены признать единого хозяина. Проходит столетие и еще несколько лет, в течение которых этот дом и его наследники являются бесспорными властителями земли.

Филипп Добрый уже приобрел основные Нидерланды, прежде чем лишиться собственности Жаклин. Он унаследовал, помимо двух Бургундий, графства Фландрия и Артуа. Он купил графство Намюр и узурпировал герцогство Брабант, к которому уже были присоединены герцогство Лимбург, маркизат Антверпен и баронство Мехлин. Вступив во владения Жаклин, он стал лордом Голландии, Зеландии и Эно, а также титулованным магистром Фрисландии. Несколько лет спустя он приобрел Люксембург.

Владыка стольких богатых городов и плодородных провинций, он чувствовал себя равным королям Европы. После женитьбы на Изабелле Португальской он основал в Брюгге знаменитый орден Золотого руна. Что может быть практичнее и набожнее концепции? Разве Агнец Божий, подвешенный на груди каждого рыцаря, не символизировал одновременно шерстяные ткани, которым была обязана столь значительная часть фламандского богатства и бургундского могущества, и кроткое смирение Христа, которое всегда было отличительной чертой ордена? Двадцать пять человек были ограниченным числом, включая самого Филиппа в качестве великого магистра. Кавалерами были императоры, короли, принцы и самые прославленные дворяне христианского мира; в то время как основное положение с самого начала запрещало братьям, за исключением коронованных особ, принимать или сохранять товарищество любого другого ордена.

Восшествие на престол такого могущественного и амбициозного принца, как добрый Филипп, предвещало зло делу свободы в Нидерландах. Дух свободы, казалось, был воплощен в прекрасном облике доброжелательной и несчастной Жаклин и похоронен в ее могиле. Узурпаторша, уничтожившая ее с лица земли, теперь шагнула вперед, чтобы поправить все законы и привилегии провинций, которые составляли ее наследие.

К моменту его прихода муниципальная власть уже достигла продвинутой стадии развития. Класс бюргеров контролировал правительство не только в городах, но часто и в провинциях, благодаря своему влиянию на сословия. Промышленность и богатство дали свои естественные результаты. Верховная власть суверена и власть знати уравнивались муниципальным принципом, который даже начал преобладать над обоими. Все три осуществляли постоянную и благотворную проверку друг друга. Торговля превратила рабов в свободных людей, свободных людей - в бюргеров, а бюргеры с каждым днем приобретали все большую практическую власть

над правительством. Городские советы становились почти всемогущими. Несмотря на олигархические тенденции, которые в более поздний период получили более полное развитие, теперь они состояли из большого числа людей, которые благодаря трудолюбию и интеллекту выделились из народных масс. В институтах чувствовался несомненный республиканский тон. Власть фактически, если не номинально, находилась в руках многих, кто достиг величия, для которого они не были рождены.

Собрания сословий были скорее дипломатическими, чем представительными. Они состояли, как правило, из дворян и депутатов от городов. В Голландии духовенство не имело ни влияния, ни мест в парламенте. Меры были предложены штатгальтером, который представлял суверена. Просьба, например, о денежном размещении была подана этим чиновником или самим графом лично. Затем дворяне голосовали по этому требованию, как правило, как единое целое, но иногда и главами. Затем мера была представлена бюргерам. Если бы им было специально поручено действовать по этому вопросу, они проголосовали бы, каждый город как город, а не каждый депутат в отдельности. Если они не получали никаких инструкций, они забирали назад предложение обратиться к советам своих соответствующих городов, чтобы вернуть решение на отложенной сессии или на последующем сейме. Таким образом, будет видно, что принцип национального, народного представительства был разработан лишь несовершенно. Муниципальные депутаты действовали только по инструкциям. Каждый город был маленьким независимым государством, с подозрением относившимся не только к суверену и знати, но и к своим городам-побратимам. Эта взаимная ревность ускорила всеобщее унижение, которое теперь надвигалось. Центр системы, с каждым днем становящийся все более могущественным, легче высвобождал эти более слабые и взаимно отталкивающие тела.

Первым шагом Филиппа, вступившего в должность правительства, было обнародование заявления через совет Голландии о том, что привилегии и конституции, которым он поклялся как Рувард, или опекун, в период, когда Жаклин все еще сохраняла номинальный суверенитет, должны считаться недействительными, если впоследствии они не будут подтверждены им как графом. Таким образом, одним ударом он разорвал весь узел обещаний, клятв и других политических осложнений, в которые он запутался во время своего осторожного продвижения к власти. Теперь он снова был свободен. Поскольку совесть ловкого узурпатора отныне была мерилем провинциальной свободы, его подданные вскоре обнаружили, что она была отмерена им более скупой, чем им хотелось бы. Таким образом, с этого момента на протяжении бургундского периода и до возвышения республики свобода Нидерландов, несмотря на несколько блестящих, но кратковременных вспышек, происходивших с нерегулярными интервалами, казалось, пребывала в почти постоянном затмении.

Материальное благосостояние страны, однако, значительно возросло. Рыболовство в Голландии приобрело огромное значение. Изобретение скромного Бекельзуна из Бирвлиета превратилось в кладовую богатства. Рыболовство также было наиболее полезным в качестве рассадника моряков и уже указывало на будущее военно-морское превосходство Голландии. Рыбаки были ополчением океана, их доблесть была засвидетельствована в войне с ганзейскими городами, которую провинции Голландия и Зеландия от имени Филиппа, но своими собственными усилиями, без посторонней помощи, победоносно вели в ту эпоху. Так появилась на свет раса хладнокровных и отважных моряков, которым в последующие времена суждено было прославить голландское имя во всем мире, людей, чьи свирепые потомки, "морские попрошайки", должны были заставить трепетать испанскую империю, людей, чьи более

поздние преемники подметали моря метлами на верхушке мачты и чьи океанские сражения с их не менее бесстрашными английскими собратьями часто длились четыре дня и ночи подряд.

Главная сила Голландии черпалась из океана, из разрушительных объятий которого она вырвалась, но в дружеских объятиях которого оставалась. Она уже надежно закладывала основы коммерческого богатства и гражданской свободы на тех зыбучих песках, которые римлянин не знал, называть ли землей или водой. Ее скрытое уродство, когда она, подобно русалке, плыла по волнам, должно было быть забыто в ее материальном великолепии. Обогащенная добычей из всех стран, увенчанная божественными драгоценностями науки и искусства, она должна была однажды спеть песню сирены о свободе, роскоши и власти.

Как и в Голландии, так и во Фландрии, Брабанте и других ведущих провинциях. Промышленность и богатство, сельское хозяйство, торговля и мануфактуры постоянно увеличивались. Естественные источники власти были переполнены, в то время как рука деспотизма намеренно перекрывала источник.

Ибо бургундский дом быстро достигал кульминации и столь же быстро сокращал политические привилегии Нидерландов. Поначалу борьба была благоприятна делу произвола власти; но незаметно проросли маленькие семена, которые в ходе своего гигантского развития должны были однажды подорвать основы тирании и затмить мир. Ранний прогресс религиозной реформации в Нидерландах будет описан в отдельной главе. В этот период также действовал еще один великий принцип. В ту самую эпоху, когда величие Бургундии наиболее стремительно созревало, тайно выковывалось другое оружие, более мощное в великой борьбе за свободу, чем все, что когда-либо изобретали или держали в руках ум или рука человека. Когда Филипп Добрый, в полном блеске своего могущества и разгоряченный триумфами территориального расширения, учреждал в Брюгге орден Золотого руна "во славу Бога, пресвятой Девы и святого Андрея, покровителя бургундской семьи" и заносил имена королей и принцев, которые должны были удостоиться его символов, в тот самый момент никому не известному гражданину Гарлема, некоему Лоренцу Костеру, или Пономарю Лоуренсу, удалось напечатать небольшую грамматику с помощью подвижных таблиц. типы. Изобретение книгопечатания было завершено, но оно не сопровождалось таким блеском славы, каким ознаменовалось одновременное появление Золотого руна. Скромный установщик типов не считал, что только императоры и принцы достойны его общества. Его изобретение не вызвало трепета восхищения во всем христианском мире; и все же, что значил добрый Филипп Бургундский со своими рыцарями Золотого руна и всей их ослепительной помпезностью в глазах человечества и цивилизации по сравнению с бедным пономарем и его деревянными фигурами?

[Вопрос о времени и месте, к которым следует отнести изобретение книгопечатания, часто обсуждался. Маловероятно, что это когда-либо будет урегулировано к полному удовлетворению Голландии и Германии. Голландцы утверждают, что передвижные шрифты впервые были использованы в Гарлеме, устанавливая время по-разному между 1423 и 1440 годами. Первые и очень ошибочные издания Лоренца бережно хранятся в Гарлеме.]

Филипп умер в феврале 1467 года. Подробности его жизни и карьеры не входят в нашу задачу. Практическая тенденция его правительства заключалась в подавлении духа свободы, в то время как корпорациям часто предоставлялись особые привилегии, обширные по своей природе, но ограниченные по времени. Филипп за один день даровал тридцать хартий такому же количеству различных групп граждан. Однако это были монопольные права, а не уступки

прав. Он также установил количество городских советов или Вредшаппенов во многих городах Нидерландов, разрешив им представлять двойной список кандидатов в бургомистры и судьи, из которых он сам производил назначения. Он, конечно, не был ни хорошим, ни великим князем, но обладал большими административными способностями. Его военные таланты были значительными, и он добивался успеха в своих войнах. Он был искусным лицемером, практичным политиком. У него хватило ума понять, что власть принца, какой бы абсолютной она ни была, должна зависеть от процветания его подданных. Он строго обложил налогом богатство, но защищал торговлю и мануфактуры Голландии и Фландрии. Он поощрял искусство, науку и литературу. Братья, Джон и Хьюберт Ван Эйки, были привлечены его щедростью в Брюгге, где они написали много картин. Джон даже был членом герцогского совета. Искусство масляной живописи было доведено до большого совершенства учеником Хьюберта, Джоном из Брюгге. Невероятное количество художников, более или менее достойных, процветало в ту эпоху в Нидерландах, провозвестников той великой школы, которая в последующий период должна была удивить мир яркими красками, глубокой наукой, поразительными эффектами и энергичным воспроизведением природы. Такие авторы, как Оливье де ла Марш и Филипп де Комин, которые, по словам последнего, "писали не для развлечения грубиянов и людей низкого происхождения, а для принцев и других знатных людей", эти и другие писатели, преследовавшие столь же возвышенные цели, преуспели при бургундском дворе и были вознаграждены герцогом с королевской щедростью. Филипп реконструировал Лувенский университет и подружился с ним. Он основал в Брюсселе Бургундскую библиотеку, которая стала знаменитой во всей Европе. Он много брал, расточал, но все же был настолько бережливым хозяином, что оставил четыреста тысяч золотых крон, огромную сумму по тем временам, не считая посуды и мебели на три миллиона марок, которые были потрачены впустую, как вода, на безумную карьеру его сына.

Подвиги этого сына требуют лишь нескольких слов для иллюстрации. Едва ли какая-либо глава европейской истории или романтики более знакома миру, чем та, в которой рассказывается о стремительном пути Карла Смелого. Уместность его титула никогда не вызывала сомнений. Ни один принц не был более смелым, но несомненно, что ни одно качество не могло быть менее желанным в тот конкретный момент истории его дома. Это было не то качество, которое могло бы утвердить семью-узурпатора в ее несправедливо нажитом имуществе. Возобновление агрессии против прав других оправдывало возмездие и провоцировало нападение. Справедливость, благоразумие, твердость, мудрость внутреннего управления были желательны для сына Филиппа и соперника Людовика. Этих качеств гладиатору не хватало полностью. В старые рыцарские времена его карьера могла бы быть блестящей. Его образ мог бы показаться таким же внушительным, как романтические формы Болдуина Бра де Фер или Годфри Бульонского, если бы он не был затерян в истории. Тем не менее, он воображал, что им управляет продуманная политика. У него была одна доминирующая идея - превратить Бургундию в королевство. С того момента, когда, имея почти первую постоянную армию, известную истории, и с казной, хорошо наполненной благодаря бережливости его осторожного отца, он бросился на ристалище против коварного Людовика, вплоть до того дня, когда его нашли мертвым, голым, покинутым, с лицом, замерзшим в луже крови и воды, он преданно следовал этой мысли. Его герцогская шапка должна была быть заменена на королевскую корону, в то время как все провинции, лежащие на дне Средиземного и Северного морей, а также между Францией и Германией, должны были быть объединены под его скипетром. Нидерланды с их богатствами уже были присвоены, а их свобода раздавлена. Оставалась еще одна страна свободы;

физически противоположная Голландии, но отмеченная той же отважной национальностью, той же горячей любовью к правам человека. Швейцария должна была быть завоевана. Ее вечные зубчатые стены изо льда и гранита должны были стать великим бастионом его царства. Миру хорошо известен результат борьбы между лордом стольких герцогств и графств и альпийскими горцами. При всей своей смелости Карл был всего лишь безразличным солдатом. Его единственным достоинством была физическая храбрость. Он воображал себя непревзойденным полководцем и в разговоре со своим шутом любил сравнивать себя с Ганнибалом. "Мы получаем также Hannibalized в день, милорд", - сказал Горький дурак, как они ускакали вместе с катастрофическим поражением Gransen. Он тоже был хорошо "ганнибализирован" при Грансене, Муртене и Нанси. Он шел по следам своего прототипа только до подножия гор.

Как завоеватель он потерпел явную неудачу; как политик он не мог перехитрить никого, кроме самого себя; только как тиран на своей территории он мог поддерживать тот характер, который выбрал для себя. Он потерял корону, которую мог бы получить, потому что считал сына императора недостойным наследницы Бургундии; и все же после смерти его отца ее брак с тем самым Максимилианом единолично обеспечил ей владение отцовским наследством. Потерпев неудачу в завоевательных планах и политических интригах, как угнетатель Нидерландов, он почти осуществил свои планы. Эти провинции он рассматривал просто как банк, на который можно опереться. Его непосредственные контакты со страной ограничивались вымогательством обширных просьб. Сословия удовлетворяли их со все возрастающей неохотой. Новые налоги и акцизы, которые были необходимы из-за кровожадной расточительности герцога, редко удавалось собрать в различных городах без беспорядков, подстрекательства к мятежу и кровопролития. Немногие принцы когда-либо были большим проклятием для народа, которым им было позволено владеть как собственностью. Ему почти удалось установить централизованный деспотизм на руинах провинциальных институтов. Только его внезапная смерть отсрочила катастрофу. Его перевод верховного суда Голландии из Гааги в Мехлин и содержание постоянной армии были двумя великими мерами, с помощью которых он поверг Нидерланды ниц. Трибунал был перестроен его отцом; расширенные полномочия, которые Филипп передал коллегии судей, зависевшей от него самого, были нарушением прав Голландии. Суд, однако, по-прежнему проводил свои заседания в стране; и священная привилегия — *de non evocando* - право каждого голландца предстать перед судом на своей земле, была, по крайней мере, сохранена. Карл сбросил маску; он провозгласил, что этот совет, состоящий из его приспешников, занимающих должности по его усмотрению, должен обладать высшей юрисдикцией над всеми хартиями провинций; что он должен следовать за его персоной и черпать всю власть из его воли. Обычное место нахождения суда он перенес в Мехлин. В дальнейшем будет видно, что попытка Филиппа Второго утвердить свою верховную власть была побочной причиной великой революции в Нидерландах.

Чарльз, как и его отец, управлял страной с помощью штатгальтеров. Из состояния цветущих самоуправляемых маленьких республик, которого они на мгновение почти достигли, они превратились в департаменты разношерстного, плохо обусловленного, плохо управляемого государства, которое не было ни содружеством, ни империей, ни королевством, ни герцогством; и в котором не было однородности населения, никакой привязанности между правителем и народом, небольших различий в происхождении или языке.

Его триумфы были немногочисленны, его падение бесславно. Сокровища его отца были растрачены, проклятие постоянной армии нависло над его народом, торговля и мануфактуры страны были парализованы его вымогательствами, а он ничего не добился. Он расстался с жизнью на сорок четвертом году жизни (1477), оставив все провинции, герцогства и лордства, составлявшие разнородное королевство Бургундия, своему единственному ребенку, леди Марии. Таким образом, страны, которые Филипп вырвал из слабых рук Жаклин, уже перешли к другой женщине. Собственная внучка Филиппа, такая же юная, белокурая и беззащитная, как Жаклин, теперь была единственной хозяйкой этих обширных владений.

VIII.

Кризис, как для Бургундии, так и для Нидерландов, увенчался успехом. В провинциях наблюдается упругий отскок, как только со смертью тирана с них снимается давление. Внезапный порыв свободы придает всему народу гигантскую силу. В одно мгновение он восстанавливает все, и даже больше, чем все, права, которые он утратил. Города Голландии, Фландрии и других провинций созывают съезд в Генте. Отложив в сторону свои затхлые распри, мужчины всех партий - Крючкотворы и Каббалисты, патриции и простые люди, фалангой продвигаются вперед, чтобы восстановить свои национальные конституции. С другой стороны, Людовик Одиннадцатый захватывает Бургундию, претендуя на территорию для своей короны, наследницу для своего сына. Ситуация для леди Марии критическая. Как обычно в таких случаях, обращаются к верующим. На людей обрушивается множество клятв и обещаний, чтобы их верность могла обновиться и окрепнуть. Конгресс собирается в Генте. Леди Мария много говорит, но она сдержит свою клятву. Депутаты призваны сплотить страну вокруг герцогини и противостоять мошенничеству и силе Людовика. Конгресс готов поддержать дело своей молодой хозяйки. В то же время члены очень решительно заявляют, "что провинции сильно обеднели и были угнетены огромными налогами, наложенными на них в результате разорительных войн, которые герцог Карл вел с начала и до конца своей жизни". Они скорее требуют "освобождения от ответственности, чем дополнительного обременения". Они добавляют, что "в течение многих прошедших лет постоянно нарушались провинциальные и муниципальные уставы, и что они должны быть счастливы видеть их восстановленными".

Результатом обсуждения стало официальное предоставление герцогиней Марией "Groot Privilegie", или Великой привилегии, Великой хартии вольностей Голландии. Хотя впоследствии этот документ был нарушен и даже отменен, он стал основой республики. Это было повторение и признание древних прав, а не приобретение новых привилегий. Это была реставрация, а не революция. Ее основные положения заслуживают внимания тех, кто интересуется политическим прогрессом человечества.

"Герцогиня не должна выходить замуж без согласия владельцев поместий ее провинций. Все должности в ее дарственной должны предоставляться только местным жителям. Ни один мужчина не должен занимать две должности. Никакая должность не может быть передана на откуп фермеру. "Большой совет и Верховный суд Голландии" воссоздан. Причины должны быть обжалованы в нем обычными судами. Он не обладает первоначальной юрисдикцией в отношении вопросов, находящихся в ведении провинциальных и муниципальных судов. Сословиям и городам гарантируется их право не привлекаться к ответственности за пределами их территории. Города, как и все провинции Нидерландов, могут проводить сеймы так часто, как им заблагорассудится, и в таких местах, как они сами выберут. Новые налоги могут взиматься

только с согласия провинциальных сословий. Ни герцогиня, ни ее потомки не должны начинать ни наступательную, ни оборонительную войну без согласия сословий. В случае незаконного начала войны сословия не обязаны вносить свой вклад в ее ведение. Во всех государственных и юридических документах должен использоваться нидерландский язык. Распоряжения герцогини недействительны, если они противоречат городским привилегиям.

"Резиденция Верховного Совета переносится из Мехлина в Гаагу. Никакие деньги не могут чеканиться, их стоимость не может повышаться или понижаться иначе, как с согласия сословий. Города не должны принуждаться вносить свой вклад в запросы, за которые они не голосовали. Суверен должен лично предстать перед сословиями, чтобы обратиться с просьбой о поставках".

Здесь была проделана хорошая работа. Земля была спасена одним ударом из того беспомощного состояния, в которое она была доведена. Этого стремительного уничтожения всех деспотических порядков Карла было достаточно, чтобы поднять его из могилы. Закон, меч, кошелек - все это было взято из рук суверена и передано под контроль парламента. Такие радикальные реформы, если их проводить, восстановили бы здоровье политического организма. Более того, они давали гарантию того, что однажды должно было произойти. Конечно, для пятнадцатого века "Великой привилегией" была разумно либеральная конституция. Где еще на земле в те дни было хотя бы наполовину столько свободы, сколько было гарантировано таким образом? Конгресс Нидерландов, согласно их Великой хартии вольностей, имел право взимать все налоги, регулировать торговлю и производство, объявлять войну, чеканить монету, создавать армии и флоты. Исполнительная власть была обязана лично запрашивать деньги, могла назначать на должности только местных жителей, признавала право своих подданных на неповиновение, если его приказы вступали в противоречие с законом, и признавала себя связанной решениями судов. Города назначали своих собственных магистратов, устраивали сеймы по собственному усмотрению, принимали местные подзаконные акты и следили за их исполнением. Первоначальная компетенция по правовым вопросам принадлежала муниципальным судам, апелляционная юрисдикция - верховному трибуналу, судьи в котором назначались сувереном. Свобода гражданина от произвольного тюремного заключения была в полной мере обеспечена. "Jus de non evocando", хабеас корпус Голландии, был восстановлен.

Поистине, это был фундаментальный закон, который в значительной степени, округло и разумно признавал существование народа с собственными сердцами, головами и руками. Это был огромный шаг вперед по отношению к естественному рабству, догме темных веков. Это было благородное и умеренное отстаивание естественной свободы, доктрины более просвещенных дней. Ни одному народу в мире так не принадлежит честь отважно и постоянно бороться за права человека, как мужественным бюргерам Фландрии и Голландии.

Привилегии, аналогичные великой хартии Голландии, предоставлены многим другим провинциям; особенно Фландрии, всегда готовой выступить вперед в яростном отстаивании свободы. Какое-то время царят мир и радость; но герцогиня молода, слаба и является женщиной. Нет недостатка в интригующих политиках, реакционных советниках. Вдалеке находится хитрый старый король, затаившийся в засаде; ищет то, что он может съесть. Миссия отправляется из поместий во Францию. Происходит хорошо известная трагедия Имбрекура и Хьюго. Посланники штатов, они осмеливаются принимать секретные инструкции от герцогини

вступить в частные переговоры с французским монархом, направленные против их коллег - против великой хартии - против их страны. Хитрый Людовик предает их, считая такую политику более целесообразной. Их хватают в Генте, быстро судят и так же быстро обезглавливают разъяренные бюргеры. Все мольбы леди Мэри, которая, одетая в траурные одежды, с растрепанными волосами, распущенным поясом и слезящимися глазами, появляется в городском доме, а затем на рыночной площади, смиренно заступаясь за своих слуг, оказываются бесплодными, жонглирующим дипломатам ничем не помочь. Наказание было суровым. Было ли оно более суровым и внезапным, чем то, к которому обычно прибегают предавшие монархи? Заслужили бы фламандцы в тот критический момент свою свободу, если бы они не предприняли быструю и показательную месть за это первое нарушение их недавно признанных прав? Разве не было слабостью щадить предателей, которые таким образом запятнали детство национальной радости от обретенной свободы?

IX.

Еще один шаг, и значительный, в великом потоке европейской истории. Леди Мария выходит замуж за эрцгерцога Максимилиана. Нидерланды вот-вот станут собственностью Габсбургов. Гентцы отвергают притязания дофина и выбирают в мужа своей герцогини того самого мужчину, которого так глупо отверг ее отец. Для Карла Смелого это был более мудрый выбор, чем для нидерландцев. Свадьба состоялась 18 августа 1477 года. Мария Бургундская переходит из-под опеки гентских бюргеров в руки сына императора. Хитрый муж вступает в союз с городской партией, чувствуя, в чем сила. Он знает, что ненасытные каббалисты наконец-то заглотили Крючки и сбежали с ними. Обещая себе в будущем право на пересмотр дела, он либеральен в обещаниях муниципальной партии. В то же время он является губернатором и опекуном своей жены и ее провинций. Его дети должны унаследовать Нидерланды и все, что в них есть. Что может быть более последовательным, чем законы о происхождении, регулируемые божественным правом? В начале века добрый Филипп лишает собственности Жаклин, потому что женщины не могут наследовать. В конце концов, его внучка становится наследницей имущества и передает его своим детям. Папа и император придерживаются обеих позиций с одинаковой логикой. Политика и расторопность Максимилиана столь же эффективны, как сила и обман Филиппа. Леди Мария падает с лошади и погибает. Ее четырехлетний сын Филипп признан преемником. Таким образом, за бургундским домом следует австрийский, пятая и последняя семья, правившая Голландией до создания республики. Провинции признают Максимилиана губернатором и опекуном во время совершеннолетия его детей. Отказывается только Фландрия. Бюргеры, всегда расторопные в действиях, лично завладевают малолетним Филиппом и продолжают правление от его имени. Таким образом, комиссия граждан и знати поддерживает свою власть против Максимилиана в течение нескольких лет. В 1488 году эрцгерцог, ныне король римлян, с небольшим отрядом кавалерии пытается взять город Брюгге, но результат оказывается унижительным для римского короля. Жители Брюгге забирают его. Максимилиана с несколькими советниками держат пленником в доме на рыночной площади. Все магистраты сменились, государственные дела ведутся только от имени молодого Филиппа. Тем временем в Генте собираются сословия других Нидерландов, озабоченные, к сожалению, не национальной свободой, а свободой римского короля. Голландия, снова раздираемая междоусобицами и ослепленная уловками Максимилиана, уже на время оставила великое дело, которому Фландрия оставалась так верна. Наконец, между эрцгерцогом и фламандцами заключается мирный договор. Максимилиан будет регентом других провинций; Филипп под

опекой совета будет управлять Фландрией. Более того, ежегодно должен созываться конгресс всех провинций для обеспечения всеобщего благосостояния. Максимилиан подписывает договор и приносит присягу 16 мая 1488 года. Он также клянется распустить все иностранные войска в течение четырех дней. Отдав заложников за свою верность, он выходит на свободу. Что такое клятвы и заложники, когда это прерогатива, а люди борются? Император Фредерик посылает своему сыну армию под командованием герцога Саксонии. Клятвы нарушены, заложники брошены на произвол судьбы. Борьба длится год, но в конце ее фламандцы побеждены. Чего могла добиться отдельная провинция, когда ее братские государства, даже свободолюбивая Голландия, подло отказались от общего дела? Заключен новый договор (октябрь 1489 г.). Максимилиан получает бесконтрольную опеку над своим сыном, абсолютное господство над Фландрией и другими провинциями. Наглые бюргеры сурово наказываются за то, что помнят, что они были свободными людьми. Магистраты Гента, Брюгге и Ипра, в черных одеждах, без поясов, с непокрытой головой, стоящие на коленях, вынуждены просить прощения у деспота и заплатить триста тысяч золотых крон в качестве его платы. После этого на короткий сезон во Фландрии воцаряется порядок.

Курс Максимилиана был скрытным, но решительным. Объединившись с городской партией, он сокрушил знать. Получив таким образом власть, он затем обратился против бюргеров. Шаг за шагом он попирает свободы, которые он сам и его жена поклялись защищать. Он пренебрег авторитетом "Великой привилегии" и всех других хартий. Бургомистры и другие граждане были обезглавлены в огромном количестве за то, что апеллировали к своим статутам против эдиктов регента, за то, что голосовали за созыв всеобщего конгресса в соответствии с непререкаемым законом. Он провозгласил, что все земельные владения должны, при отсутствии наследников мужского пола, перейти в его собственную казну. Он обесценил монету страны и тем самым санкционировал неограниченное мошенничество со стороны всех своих агентов, от штатгальтеров до самого мелкого чиновника. Если бы такое притеснение и мошенничество не оправдывали сопротивление фламандцев опеке Максимилиана, было бы трудно найти какой-либо разумный курс в политических делах, кроме смиренного подчинения власти.

В 1493 году Максимилиан наследует императорский трон после смерти своего отца. В следующем году его сын Филипп Красивый, которому сейчас семнадцать лет, получает дань уважения от различных штатов Нидерландов. Он клянется сохранять только привилегии, предоставленные Филиппом и Карлом Бургундскими или их предками, объявляя недействительными все те, которые могли быть приобретены после смерти Карла. Голландия, Зеландия и другие провинции принимают его на этих условиях, таким образом, позорно и без борьбы отказываясь от Великой Привилегии и всех подобных хартий.

Фрисландия на короткое время политически отделена от остальной части страны. Измученные многовековыми войнами, внешними и внутренними, свободные фризцы по предложению или приказу императора Максимилиана избирают герцога Саксонии своим подестой. Суверенный принц, естественно, оказавшийся верховным судьей, далеким от демократии, вскоре после этого добивается признания себя законным сувереном Фрисландии. Семнадцать лет спустя Саксония продает суверенитет австрийскому дому за 350 000 крон. Эта маленькая страна, законы которой провозглашали ее "свободной, как ветер, пока он дует", чьи учреждения Карл Великий чтит и не трогал, которая с готовностью освободилась от нормандской тирании, которая никогда не склоняла шею ни перед феодальным вождем, ни перед папским игом, теперь доведенная до безумия и самоубийства распрями своих диких детей, теряет, наконец,

свое независимое существование. Таким образом, все провинции объединены общим рабством и слишком поздно сожалеют о своей пассивности в тот момент, когда их свободы еще могли быть восстановлены. Их древние и почитаемые хартии, которые их отважные предки заработали в поте лица и кровью сердца, находятся во власти автократа и могут быть отменены его указами.

В 1496 году состоялось знаменательное бракосочетание Филиппа Красивого с Джоанной, дочерью Фердинанда и Изабеллы Кастильско-Арагонских. В результате этого союза в первый год столетия рождается второй Карл Великий, которому предстоит объединить Испанию и Нидерланды, а также множество обширных и отдаленных королевств под единым скипетром. Шесть лет спустя (25 сентября 1506 г.) Филипп умирает в Бургосе. Красивый распутник, преданный своим удовольствиям и оставляющий государственные заботы своим министрам, Филипп, "круа-консель", является мостом, по которому дом Габсбургов переходит к почти всеобщей монархии, но сам по себе он ничто.

Х.

Два благоразумных брака, заключенных австрийскими эрцгерцогами в течение двадцати лет, изменили лицо земли. Поток, который мы прослеживали от его истока, в конце концов впадает в океан мировой империи. Графу Дирку Первому, владыке наполовину затопленного уголка Европы, наследовал граф Голландии Карл Второй, более известный как Карл Пятый, король Испании, Сицилии и Иерусалима, герцог Милана, император Германии, владыка Азии и Африки, автократ половины мира. Главные события его блестящего правления знакомы каждому ребенку. Нидерланды сейчас разделяют судьбу столь большой группы наций, судьбу, для этих провинций, самую несчастную. Свадьбы австрийки Феликс принесли счастье не столько ее подданным, сколько ей самой. Никогда не может казаться справедливым или разумным, что судьба многих миллионов человеческих существ должна зависеть от брачных соглашений одного мужчины с одной женщиной, и постоянная, процветающая империя никогда не сможет быть воздвигнута на столь хрупком фундаменте. Ведущая мысль первого Карла Великого была благородной и полезной, и его имперский план не казался химерическим, даже несмотря на то, что время, более мудрое, чем монархи или законодатели, доказало его невыполнимость. Объединить в одно великое целое различные племена франков, фризов, саксов, лангобардов, бургундов и других, все еще пребывающих в своей бурной молодости и все еще составляющих одну великую тевтонскую семью; обеспечить взаимное сцепление естественно сплоченных масс, все из одного происхождения, одного языка, одной истории, которые только начинали проявлять свои тенденции к изоляции, соглашаться с различными местными законами и обычаями, в то время как железная воля должна была объединить обширный, но однородный народ в единую нацию; поднять из могилы развращенного и погребенного Рима новую нацию. свежая, энергичная германская христианская империя - это была разумная и мужественная мысль. Совсем иная концепция была у второго Карла Великого. Принуждать к несогласованному союзу племена, которые на протяжении семи столетий превращались во враждебные нации, разделенные географией и историей, обычаями и законами, объединять многие миллионы под одним скипетром не из—за естественной идентичности, а ради создания единой великолепной семейной собственности, устанавливать единство путем уничтожения местных учреждений, заменять популярные и либеральные хартии эдиктами центрального деспотизма, вести борьбу со всем духом эпохи, рассматривать души и тела огромных масс как личную собственность одного человека, стремиться к тому, чтобы люди

жили в согласии друг с другом. увековечение в одном доме множества корон, которые случайно соединились, и представить освящение всей системы вечным возложением тройной диадемы папы римского на императорскую голову Габсбургов - все это было не усилием великого созидательного гения, а эгоистичным замыслом автократа.

Союз двух стран с меньшей вероятностью окажется выгодным или приемлемым, чем союз Нидерландов и Испании. Географически они были далеко друг от друга, в то время как в истории, нравах и политике были совершенно противоположны друг другу. Испания, которая только что приняла форму единого государства путем объединения всех своих королевств, с ее надменной знатью, происходящей от мелких королей и присваивающей себе почти суверенную власть в своих владениях, с ее яростным энтузиазмом к католической религии, которая в ходе длительной войны с сарацинами стала характерной чертой целого народа, с ее немногочисленным населением, разбросанным по обширной и суровой стране, с военным духом, который заставил почти все классы предпочесть бедность богатству, сопутствующему унижительным занятиям торговлей; — Испания, с ее мрачным, воинственным и преувеличенным характер, был абсолютной противоположностью Нидерландам.

Эти провинции редко объединялись в единое целое, но в их характере, истории и положении чувствовалась естественная близость. Повсюду была жизнь, движение, бурная деятельность. Энергичное население кишело во всех цветущих городах, разбросанных по поверхности сокращенной и высокоразвитой страны. Их корабли были перевозчиками по всему миру; их купцы, если нарушались их права, вели ожесточенную войну на свои собственные средства и на своих собственных фрегатах; их ткани ценились по всему миру; их бюргеры обладали богатством принцев, жили в королевской роскоши и пользовались огромным политическим влиянием; их любовь к свободе была их преобладающей страстью. Их религиозный пыл не был полностью пробужден, но события следующего поколения должны были доказать, что ни в чем другом, кроме религиозного чувства, эти две расы не были противоположны друг другу. Было так же очевидно, что нидерландцы станут яростными реформаторами, как и то, что испанцы станут бескомпромиссными преследователями. Неосвященным был союз между нациями, столь резко контрастировавшими друг с другом.

Филипп Красивый и Фердинанд с самого начала ненавидели друг друга и ссорились. Испанцы и фламандцы разделяли взаимную антипатию и с первого взгляда искренне возненавидели друг друга. Беспринципная алчность нидерландской знати в Испании, их алчные амбиции вызывали ярость и отвращение у надменных испанцев. Это международное зло дает один из ключей к правильному пониманию великого восстания в следующем царствовании.

С провинциями, теперь снова объединенными под властью императора, обращались, какими бы богатыми и могущественными они ни были, как с малоизвестными зависимостями. Регентство над ними было доверено Карлом своим ближайшим родственникам, которые правили в интересах своего дома, а не страны. Его курс по отношению к ним в религиозном вопросе будет обозначен ниже. Политический характер его правления был прообразен и, так сказать, драматизирован по случаю памятного восстания в Генте. По этой причине несколько внутренних деталей, касающихся этого знаменательного события, кажутся необходимыми.

XI.

Гент был во всех отношениях одним из самых важных городов Европы. Эразм, который, будучи голландцем и придворным, вряд ли был равнодушен к беспокойным фламандцам, утверждал, что во всем христианском мире нет города, который мог бы сравниться с ним по размерам, мощи, политическому устройству или культуре его жителей. По словам одного из его жителей в эпоху восстания, это была скорее страна, чем город. Активность и богатство ее бюргеров вошли в поговорку. Ежедневно звонили в колокола, и разводные мосты через многочисленные рукава реки, пересекающие улицы, были подняты, чтобы можно было приостановить все дела, пока армии рабочих шли на работу или возвращались с нее. Еще в четырнадцатом веке, в эпоху Артевельдов, Фруассар оценивал количество воинов, которых Гент мог выставить на поле боя, в восемьдесят тысяч. Город, в силу своей юрисдикции над многими крупными, но подчиненными городами, располагался большим количеством людей, чем его собственное непосредственное население, которое, по оценкам, достигает двухсот тысяч.

Расположенный посреди хорошо возделанных равнин, Гент был окружен мощными стенами, внешний контур которых составлял девять миль. Его улицы и площади были просторными и элегантными, церкви и другие общественные здания - многочисленными и великолепными. Роскошная церковь Святого Иоанна, или Святого Бавона, где был крещен Карл Пятый, старинный замок, куда Балдуин Бра де Фер привез дочь Карла Лысого, городская ратуша с изящным мавританским фасадом, знаменитая колокольня, на которой в течение трех столетий восседал дракон, посланный императором Балдуином Фландрским из Константинополя, и где восседал знаменитый Роланд, чей железный язык поколение за поколением призывал горожан к оружию, чтобы побеждать иноземных королей во главе их рыцарства, и многие другие. Или вонзать свои мечи в грудь друг друга, все это было заметно в городе и прославлялось по всей стране. Особенно большой колокол был предметом любви бюргеров и, вообще, ненависти государя; в то время как всем он казался, так сказать, живым историческим персонажем, наделенным человеческими силами и страстями, которыми он так долго руководил и разжигал.

Конституция города была очень свободной. Это была маленькая республика во всем, кроме названия. Его население было разделено на пятьдесят две гильдии фабрикантов и тридцать два племени ткачей; каждое братство ежегодно или раз в два года избирало своих деканов и подчиненных должностных лиц. Сенат, который осуществлял законодательные, судебные и административные функции, подчиняясь, разумеется, великому совету Мехлина и суверенной власти, состоял из двадцати шести членов. Они были назначены частично из высшего класса или людей, которые жили по средствам, частично из фабрикантов в целом и частично из ткачей. Они были выбраны коллегией из восьми выборщиков, которые были назначены государем по представлению граждан. Весь город в своем коллективном качестве составлял одно из четырех поместий (Мембра) провинции Фландрия. Очевидно, что такая большая свобода форм и фактов, добавленная к бурному характеру, которым отличались ее граждане, была бы крайне оскорбительной в глазах Карла, и что преступления маленького содружества были бы представлены в самых ярких красках всеми теми тихими душами, которые предпочли спокойствие деспотизма буйству свободы. Более того, город требовал соблюдения общих положений "Великой привилегии" леди Марии, Великой хартии вольностей, которая, по мнению монархической партии, была юридически отменена Максимилианом. Свободы города также были номинально ограничены "телячьей кожей" (Kalf Vel). Согласно этому знаменитому документу, Карл Пятый, которому тогда было пятнадцать лет, был вынужден угрожать

снисходительным наказанием всем лицам, которые будут утверждать, что при вступлении в должность он поклялся соблюдать любые привилегии или хартии, на которые претендовали жители Гентера до Кадсандского мира.

Непосредственная причина недовольства, попытка добиться от Фландрии субсидии в четыреста тысяч кароли, как третьей части от тысячи двухсот тысяч, предоставленных штатами Нидерландов, и сопротивление Гента трем другим членам провинции, будут, конечно, оцениваться по-разному, в зависимости от того, насколько сильнее симпатии к народным правам или к прерогативам. Граждане утверждали, что субсидия может быть предоставлена только по единогласному согласию четырех сословий провинции. Среди других доказательств этого своего неоспоримого права они апеллировали к вооружению, которого никогда не существовало, разве что в воображении доверчивой черни. Утверждалось, что в некую отдаленную эпоху один из графов Фландрии проиграл свое графство графу Голландии, но был избавлен от своей дилеммы благодаря щедрости Гента. Горожане заплатили долги и выкупили суверенитет своего сеньора, и таким образом получили взамен хартию, получившую название "Сделка Фландрии" (Koop van Flandern). Среди привилегий, предоставляемых этим документом, было прямое условие о том, что провинция никогда не должна предоставлять субсидии без согласия Гента. Эта хартия была бы решающей в нынешней чрезвычайной ситуации, если бы она не находилась в невыгодном положении из-за того, что ее никогда не существовало. Многие предполагали, что магистраты, некоторые из которых были благосклонны к правительству, спрятали этот документ. Предполагалось, что Ливен Пил, бывший сенатор, был посвящен в его сокровище. Кроме того, с большей справедливостью он был обвинен в акте величайшей низости и бесстыдства. Горожане считали, что он передал королеве-регентше их категорический отказ предоставить субсидию, но он, напротив, дал утвердительный ответ от их имени. За эти преступления, мнимые и реальные, он был бесчеловечно замучен, а затем обезглавлен. "Я знаю, дети мои, - сказал он на эшафоте, - что вы будете опечалены, когда увидите, как течет моя кровь, и что вы пожалеете обо мне, когда будет слишком поздно". Однако, по-видимому, не было никаких особых причин сожалеть о нем, каким бы кровавым ни было наказание, постигшее его за порушенную веру.

Поскольку зло, таким образом, назревало, язык Роланда и легко возбудимый дух горожан вскоре сделали остальное. В Генте вспыхнуло открытое восстание. Они были готовы вербовать войска и платить им жалованье под своими собственными знаменами, но были возмущены тем, что от них требовали огромных жертвований на иностранную войну, предпринятую в семейных интересах их далекого хозяина. Они не смогли найти "Фландрскую сделку", но получили в свое распоряжение отвратительную "телячью кожу", которая была торжественно разрезана надвое деканом ткацких фабрик. Затем он был разорван в клочья разгневанными гражданами, многие из которых прошли по улицам с кусками ненавистного документа, воткнутыми в их шляпы, как перья. От этих демонстраций они перешли к интригам с Франциском Первым. Он отверг их и уведомил об их попытках Карла, который теперь решил немедленно подавить восстание. Франциск написал, умоляя императора оказать ему честь проездом через Францию: "желая заверить вас, - сказал он, - мой господин и добрый брат, этим письмом, написанным и подписанным моей рукой, клянусь моей честью и верой принца и лучшего брата, который у вас есть, что при проезде через мое королевство вам будут оказаны все возможные почести и гостеприимство, также как они могли бы быть оказаны мне". Конечно, французский король после таких обильных и добровольных обещаний, в подтверждение которых он, более того, предложил двух своих сыновей и других выдающихся личностей в

качестве заложников, не мог, не опозорив себя окончательно, воспользоваться каким-либо нежелательным преимуществом присутствия императора в своих владениях. Поэтому рассуждения, часто высказываемые по поводу благородства Франциска и тонкого знания человеческой натуры, продемонстрированного Карлом по этому случаю, кажутся совершенно излишними. Император прибыл в Париж. "Здесь, - говорит житель Гента того времени, который оставил подробный отчет об этой сделке, но чьи симпатии были смехотворно симпатичны деспоту и направлены против его собственных горожан, - здесь императора приняли так, словно к нему спустился Райский Бог". 9 февраля 1540 года он покинул Брюссель; 14-го он прибыл в Гент. Его въезд в город длился более шести часов. Четыре тысячи копейщиков, тысяча лучников, пять тысяч алебардчиков и мушкетеров составляли его телохранителей, вооруженных до зубов и готовых к бою. Император ехал среди них, окруженный "кардиналами, архиепископами, епископами и другими великими церковными вельможами", так что ужасы Церкви сочетались с доспехами войны, вселяя ужас в души мятежных бюргеров. Блестящая свита из "герцогов, принцев, графов, баронов, великих магистров и сеньоров, а также большинство рыцарей Руна", согласно свидетельству того же очевидца, сопровождала его величество. Этот недостойный сын Гента был в восторге от великолепия, продемонстрированного по этому случаю. По улицам ходило такое количество "великих лордов, членов суверенных домов, епископов и других церковных сановников, что, - как с восторгом протестовал бедняга, - больше никого нельзя было встретить". Особенно изысканная одежда этих выдающихся гостей вызвала у него самое горячее восхищение. Было чудесно видеть, сказал он, "благородство и великое богатство принцев и сеньоров, проявлявшиеся также в их прекрасных мехах, картинах и соболях, а также в огромных цепях из чистого золота, которые они носили на шеях, и жемчуге и драгоценных камнях в их шляпках и других украшениях, которые они демонстрировали в большом изобилии. Это был настоящий триумф - видеть их такими богато одетыми".

О размерах и богатстве города в тот период можно составить представление из того факта, что по случаю визита императора он принял и разместил шестьдесят тысяч иностранцев с их пятнадцатью тысячами лошадей. Чарльз позволил месяцу ужасного ожидания пройти между его прибытием и свершением мести. Отчаяние и надежда чередовались в течение этого промежутка. 17 марта чары были разрушены казнью девятнадцати человек, которые были обезглавлены как зачинщики. 29 апреля он вынес приговор городу. Зал, где это было исполнено, был открыт для всех желающих и украшен присутствием императора, королев-регентши и великих чиновников двора, Церкви и государства. Декрет, который уже созрел, был подробно зачитан. Он аннулировал все хартии, привилегии и законы Гента. Он конфисковал всю ее общественную собственность, арендную плату, доходы, дома, артиллерию, военное снаряжение и вообще все, чем совместно владели корпорация или торговцы, все без исключения. В частности, великий белл-Роланд был осужден и приговорен к немедленному удалению. Было постановлено, что четыреста тысяч флоринов, вызвавших восстание, должны быть немедленно выплачены вместе с дополнительным штрафом Гента в размере ста пятидесяти тысяч, помимо шести тысяч в год, впредь навсегда. Вместо их древней и любимой конституции, уничтоженной таким образом одним ударом, была провозглашена новая форма муниципального управления самого простого вида, согласно которой все должностные лица в будущем должны были назначаться им самим и гильдиями, их численность должна была быть сокращена вдвое; они были лишены всякой политической власти и полностью лишены

самоуправления. Более того, было постановлено, что сенаторы, их пенсионарии, клерки и секретари, тридцать знатных бюргеров, которые будут назначены императором, вместе с великим деканом и вторым деканом ткацких мастерских, все одетые в черные мантии, без цепей и с непокрытыми головами, должны явиться в назначенный день в сопровождении пятидесяти человек из гильдий и пятидесяти других, которые будут названы произвольно, в своих рубашках, с подвесками на шее. Это большое количество депутатов, как представителей города, должны были затем упасть на колени перед императором, сказать громким и внятным голосом устами одного из своих клерков, что они чрезвычайно сожалеют о нелояльности, неповиновении, нарушении законов, беспорядках, мятеже и государственной измене, в которых они были виновны, пообещать, что они никогда больше не будут делать подобного, и смиренно умолять его, ради Страстей Иисуса Христа, даровать им милосердие и прощение.

Для приведения приговора в исполнение был назначен третий день мая. Карл, любивший устраивать грандиозные выставки и гордившийся своим мастерством в их организации, был полон решимости надолго запомнить это событие всеми бюргерами во всех его владениях, которые, возможно, были склонны решительно настаивать на своих муниципальных правах. Улицы были заполнены войсками: кавалерия и пехота в большом количестве несли строгую охрану в каждой точке по всему городу; ибо было известно, что ненависть, вызванная приговором, была самой смертоносной и что ничто, кроме множества непобедимых сил, не могло сдержать эти враждебные чувства. Сенаторы в своих черных траурных одеждах, другие депутаты в льняных рубашках, с непокрытыми головами, с поводьями на шее, в назначенный час проследовали из здания сената в императорскую резиденцию. Высоко на своем троне, рядом с королевой-регентшей, окруженный принцами, прелатами и знатью, охраняемый лучниками и алебардщиками, со своей короной на голове и скипетром в руке, восседал возвышенный император. Сенаторы и бюргеры, облаченные в униженные одежды, преклонили колени в пыли у его ног. Затем пенсионарий зачитал предписанные слова раскаяния и мольбы о пощаде, все депутаты остались стоять на коленях, и многие из них горько плакали от ярости и стыда. "Что их больше всего огорчало, - сказал честный гражданин, чье восхищение блестящим снаряжением принцев и прелатов было зафиксировано, - так это то, что на их шеях был уздечка, которую им было тяжело носить, и, если бы их не принуждали, они скорее умерли бы, чем подчинились ей".

Как только пенсионарий произнес все эти слова, император, чьим намеком было теперь казаться борющимся со смешанными эмоциями разумного гнева и естественного великодушия, исполнил свою роль с большим драматическим эффектом. "Некоторое время он держался застенчиво, - рассказывает очевидец, - не говоря ни слова; вел себя так, как будто раздумывал, даровать ли ему прощение, о котором молили преступники". Затем королева-регентша приняла участие в представлении. Обращаясь к его Величеству "со всем почтением, честью и смирением, она умоляла его даровать прощение в честь его рождения, которое произошло в этом городе".

На это император "прекрасно проявил великодушие" и "очень мило" ответил, что из-за его "братской любви к ней, из-за того, что он мягкий и добродетельный принц, предпочитающий милосердие строгости правосудия, и ввиду их раскаяния он дарует гражданам свое прощение".

Нидерланды, после этого вопроса о борьбе за Гент, были доведены практически до очень деградированного состояния. Форма местного самоуправления сохранилась, но ее дух, когда

на него ссылались, вызывал лишь насмешки. Верховный суд Мехлина, как и во времена Карла Смелого, снова получил деспотическую власть над древними хартиями. Возможно ли, что летаргия провинций, достигших столь высокой точки свободы только для того, чтобы в конце концов быть ее лишены, могла продолжаться вечно? Можно ли было надеяться, что суровый дух религиозного энтузиазма, объединившись с острым инстинктом гражданской свободы, придаст провинциям силы сбросить испанское иго?

XII.

Невозможно понять характер великого нидерландского восстания XVI века, не сделав быстрого ретроспективного обзора религиозных явлений, проявившихся в провинциях. О введении христианства уже говорилось. С самых ранних времен ни князья, ни народ, ни даже прелаты не были особенно послушны папе. По мере того как папская власть прогрессировала, ее указам часто оказывалось сильное сопротивление. Богатство и территория епископов Утрехта зависели от доброй воли императора. Они были решительными противниками Хильдебранда, горячими приверженцами гогенштауфенов - гибеллинов, а не гвельфов. Ересь рано зародилась в Нидерландах. Еще в начале 12 века печально известный Танчелин проповедовал в Антверпене, нападая на авторитет папы римского и всех других священнослужителей; насмехаясь над церемониями и таинствами Церкви. Если только его характер и карьера не были сильно искажены, он был самым печально известным из многих самозванцев, которые так часто позорили дело религиозной реформации. Более чем на четыре столетия он предвосхитил распущенность и жадность, проявленные рядом лжепророков, и был первым, кто обратил глупость населения и порочность духовенства на свое собственное продвижение; честолюбие, которое впоследствии нашло свое наиболее яркое выражение в знаменитом Иоанне Лейденском.

Наглость Танчелина и суеверие его последователей кажутся одинаково невероятными. Весь Антверпен был его гаремом. Он также взимал огромные суммы со своих новообращенных, и всякий раз, когда он появлялся на публике, его одеяние и пышность были подобающи императору. Три тысячи вооруженных спутников сопровождали его по пятам и предавали смерти всех, кто сопротивлялся его приказам. Пресмыкательство настолько вошло в привычку его последователей, что они пили воду, в которой он омылся, и ценили ее как божественный эликсир. Продвинувшись еще дальше в своих экспериментах с человеческой доверчивостью, он объявил о своем приближающемся браке с Девой Марией, пригласил всех своих учеников на свадьбу и предстал перед огромной толпой в сопровождении изображения своей святой невесты. Затем он приказал людям покрыть расходы на свадьбу и приданое его жены, поместив по сундуку с каждой стороны изображения, чтобы получать пожертвования от представителей обоих полов. Что является самым замечательным проявлением в истории этого персонажа — дерзость самозванца или скотство его жертв? Его карьера в Нидерландах была настолько успешной, что у него хватило наглости отправиться в Рим, по пути распространяя то, что он называл своими доктринами. Кажется, он был убит священником в малоизвестной драке примерно в 1115 году.

К середине 12 века появились другие, более чистые ересиархи. Многие жители Нидерландов обратились к доктринам Вальдо. С этого периода и до появления Лютера череда сект — вальденсов, альбигойцев, перфекционистов, лоллардов, попликанцев, арнальдистов, богемских братьев — вела постоянную, но неравную войну с властью и развратом Церкви,

удобряя своей кровью будущее поле Реформации. Нигде преследование еретиков не было таким безжалостным, как в Нидерландах. Подозреваемых лиц подвергали различным пыткам, но нелепым испытаниям. После такого суда смерть на костре была обычной, но, возможно, не самой суровой формой казни. Во Фландрии монашеская изобретательность изобрела другое самое мучительное наказание для вальденсов и подобных им злоумышленников. Преступника, вина которого была установлена с помощью раскаленного железа, раскаленного лемеха, кипящего чайника или другого логического доказательства, раздевали и привязывали к столбу: затем с него сдирали кожу от шеи до пупка, в то время как рои пчел садились на его кровоточащую плоть и пытались до смерти в невыносимых мучениях.

Тем не менее, ересь усилилась перед лицом притеснений, Священные Писания, переведенные Уолдо на французский, были переведены в нидерландскую рифму, и число обращенных в водуазскую доктрину увеличилось, а их смелость возросла. В то же время власть и роскошь духовенства росли с каждым днем. Епископы Утрехта, которые больше не были защитниками народа от произвола власти, вели себя как маленькие папы. Не уступая по достоинству ни королю, ни кайзеру, они требовали почтения от самых могущественных князей Нидерландов. Клерикальный орден стал самым привилегированным из всех. Обвиняемый священник отказался признавать светские суды. Защита церковных зданий была распространена на всех преступников и лиц, скрывающихся от правосудия, — благотворный результат в те кровавые века, даже если его корни были в жреческой гордыне. Чтобы выдвинуть обвинение против епископа, требовалось семьдесят два свидетеля; против дьякона - двадцать семь; против низшего сановника - семь; в то время как двух было достаточно, чтобы осудить мирянина. Умение читать и писать помогло духовенству сколотить большое богатство. Привилегии и хартии мелких князьков, подарки и изобретения частных лиц были документами, которые мало кто, кроме духовенства, мог составить или оспорить. Более того, не довольствуясь своими территориями и своей десятиной, церковники постоянно придумывали новые обузы для крестьянства. Плуги, серпы, лошади, быки, все орудия земледелия облагались налогом в пользу тех, кто не трудился, но собирал в амбары. В течение двенадцатого века в Нидерландах было основано множество религиозных домов, богато наделенных землями и другой собственностью. Поднималась ли рука или голос против клерикального посягательства — священники всегда держали наготове смертоносное оружие защиты: громовая анафема обрушивалась на их противника и заставляла его подчиниться. Ученики Того, Кто приказал своим последователям благословлять своих гонителей и любить своих врагов, изобрели такие христианские формулы, как эти: "Во имя Отца, Сына, Святого Духа, Пресвятой Девы Марии, Иоанна Крестителя, Петра и Павла и всех других Святых на Небесах, мы проклинаем и отрекаемся от нашего Общения того, кто таким образом восстал против нас. Пусть проклятие поразит его в его доме, амбаре, постели, поле, тропинке, городе, замке. Пусть он будет проклят в битве, проклят в молитве, в разговоре, в молчании, в еде, в питье, во сне. Пусть он будет проклят в своем вкусе, слухе, обонянии и во всех своих чувствах. Пусть проклятие поразит его глаза, голову и все тело, от макушки до подошв ног. Я заклинаю тебя, дьявол, и всех твоих бесенят, что ты не успокоишься, пока не навлечешь на него вечный позор; пока он не будет уничтожен утоплением или повешением, пока его не разорвут на куски дикие звери или не сожжет огонь. Пусть его дети станут сиротами, а жена - вдовой. Я приказываю тебе, Дьявол, и всем твоим бесенятам, чтобы, как только я задую эти факелы, ты немедленно погасил свет в его глазах. Да будет так, да будет так. Аминь. Аминь". Говоря это, проклинающий обычно задувал

два восковых факела, которые держал в руках, и, благодаря этому практическому примеру, анафема была полной.

Такого безумного бреда, даже в устах какого-нибудь бессильного бездельника, было достаточно, чтобы вызвать дрожь, но в ту мрачную эпоху этих проклятий из уст священнослужителей считалось достаточным, чтобы обрушить небесную молнию на голову не богохульника, а его жертвы. Люди, которые не трепетали ни перед мечом, ни перед огнем, съеживались, как рабы, перед такими ужасными проклятиями, произносимыми языками, одаренными, как казалось, сверхчеловеческой силой. Их собратья шарахались от несчастных, подвергшихся такому проклятию, и отказывались общаться с ними как с нечистыми и вызывающими отвращение.

Однако к концу XIII века власть духовенства уже начала приходить в упадок. Ненависть, с которой к Церкви относились многие, была вызвана не коррумпированностью Церкви, а ее огромным богатством. Светские князья и надменные бароны начали оспаривать право духовенства пользоваться обширными поместьями, отказываясь при этом от бремени налогов и будучи неспособными обнажить меч для общей защиты. В этот период графы Фландрии, Голландии и другие правители Нидерландов издали указы, запрещающие духовным учреждениям приобретать собственность путем изобретения, дарения, покупки или любым другим способом. Падение алчных и распущенных рыцарей-тамплиеров в провинциях и по всей Европе стало еще одним тяжелым ударом, нанесенным в то же время. Нападки на церковные злоупотребления удвоились по мере того, как ее авторитет падал. К концу четырнадцатого века доктрины Уиклифа добились большого прогресса в стране. В начале XV века казни Гуса и Иеронима Пражского вызвали богемское восстание. Папа объявляет крестовый поход против гуситов. Рыцари и прелаты, оруженосцы и горожане вступают на службу святому делу по всей Голландии и ее братским провинциям; но многие голландцы, почувствовавшие мощь руки Зиски, возвращаются, испытывая больше сочувствия к ереси, против которой они выступали, чем к Церкви, за которую они сражались.

Тем временем ограничения, налагаемые суверенами Нидерландов на права священнослужителей владеть или приобретать собственность, становятся все более строгими и общими. С другой стороны, с изобретением книгопечатания дело Реформации делает колоссальный шаг вперед. Библия, которая раньше стоила пятьсот крон, теперь стоит всего пять. Люди обретаю силу самостоятельно читать Слово Божье или слышать, как его читают. Свет истины рассеивает облака суеверий, как новое откровение. Оказывается, что Папа и его монахи очень часто, но очень отдаленно напоминают Иисуса и его апостолов. Более того, инстинкт личной заинтересованности обостряет внимание общественности. Многие жадные священники низшего ранга стали владельцами магазинов в Нидерландах и разбогатели, продавая свои товары, освобожденные от налогов, по более низкой цене, чем могли позволить себе торговцы-миряне. Выгода духовенства, отнимающего таким образом хлеб у многих, возбуждает зависть; тем более что, помимо своего разнообразного бизнеса, преподобные торговцы занимаются наиболее прибыльной отраслью торговли, из которой исключены другие торговцы. Продажа отпущений грехов была источником больших состояний для священников. Невероятная наглость этой торговли почти превосходит веру. По всей территории Нидерландов текущие цены на товары, выставленные таким образом на продажу, публиковались в каждом городе и деревне. Божье прощение за преступления, которые уже были совершены или вот-вот будут совершены, рекламировалось в соответствии с дифференцированным тарифом. Так,

отравление, например, освобождалось от ответственности за одиннадцать дукатов, шесть турнских ливров. Отпущение грехов за кровосмешение давалось за тридцать шесть ливров, три дуката. Лжесвидетельство стоило семь ливров и три карлайла. Помилование за убийство, если не с помощью яда, обходилось дешевле. Даже отцеубийца мог купить прощение у Божьего трибунала за один дукат; четыре ливра, восемь карлинов. Генрих де Монфор в 1448 году купил отпущение грехов за это преступление такой ценой. Было ли странно, что столетие или около того подобной работы привело к появлению Лютера? Было ли протivoестественным, что простые люди, любившие древнюю Церковь, скорее желали увидеть ее очищенной от таких богохульных надругательств, чем услышать о том, что купол Святого Петра вознесся немного ближе к облакам благодаря этим доходам от смягченного преступления?

В то же время, в то время как церковные злоупотребления, таким образом, усиливаются, церковная власть в Нидерландах ослабевает. Церковь больше не в состоянии защитить себя от светских целей. Безмятежные дни запрета книг и свечей прошли. В 1459 году герцог Филипп Бургундский запретил церквям предоставлять защиту беглецам. Карл Смелый, в глазах которого нет ничего святого, кроме войны и средств ее ведения, накладывает тяжелый обман на всю собственность духовенства. Получив сопротивление, он принуждает к сбору средств вооруженной рукой. Меч и перо, сила и интеллект, которые больше не являются исключительными слугами или инструментами жречества, находятся в открытом бунте. Карл Смелый штурмует одну крепость, доктор Грандфор из Гронингена штурмует другую. Этот ученый фризец, прозванный "светом мира", друг и соотечественник великого Рудольфа Агриколы, проповедует по всем провинциям, выступая со смелыми обличениями церковных заблуждений. Он даже оспаривает непогрешимость папы Римского, отрицает полезность молитв за умерших и выступает против всей доктрины чистилища и отпущения грехов.

С началом 16 века великая Реформация действительно была жива. Имя Эразма Роттердамского уже было прославлено; человек, который, по словам Гроция, "так хорошо указал путь к разумной реформации". Но если Эразм и показал дорогу, то сам он, конечно, далеко по ней не продвинулся. Вечный тип квиетиста, умеренного человека, он осуждал ошибки Церкви разборчиво и мягко, как будто борджанизм не слишком долго свирепствовал в Риме, как будто умы людей во всем христианском мире не были слишком глубоко взволнованы, чтобы удовлетвориться мягкими упреками в адрес греха, особенно когда мягкий обличитель получал средства к существованию и жалованье от грешника. Вместо упреков эпоха хотела реформ. Мудрец из Роттердама был проницательным наблюдателем, проницательным сатириком, но умеренным моралистом. Он любил легкость, хорошую компанию, мягкий покой княжеских дворцов больше, чем мученическую жизнь и смерть на костре. Он был не из того теста, из которого делают мучеников, в чем он не раз честно признавался. "Пусть другие изображают мученичество, - сказал он, - что касается меня, то я недостойн такой чести"; и в другой раз: "Я не в том настроении, - заметил он, - чтобы рисковать своей жизнью ради истины; не у всех людей хватает сил перенести мученическую смерть. Что касается меня, то, если бы дело дошло до дела, я поступил бы не лучше Симона Петра". Умеренный во всем, он хотел бы, по его словам, жить без еды и питья, хотя никогда не находил это удобным, и он радовался, когда преклонный возраст уменьшил его склонность к другим плотским удовольствиям, которым он умеренно предавался. Хотя он был осведомлен о злоупотреблениях Церкви, он считал, что Лютер зашел слишком быстро и слишком далеко. Он начал с аплодисментов, а закончил осуждением виттембергского монаха. Реформация могла бы затянуться на столетия, если бы Эразм и другие умеренные люди были единственными реформаторами. Его еще долго будут чтить за

элегантность, латиноамериканство. В литературной республике его усилия привить чистый вкус, здравую критику, любовь к прекрасному и классике вместо совиного педантизма, который так долго порхал крыльями и ухал в средневековых монастырях, всегда будут вызывать благодарное почтение. В истории религиозной реформации его имя, по-видимому, вряд ли заслуживает похвалы Гроция.

По мере того, как раскол зияет все более и более зловеще по всему христианскому миру, император, естественно, дрожит. Стремясь спасти государство, но не будучи древним римлянином, он хочет закрыть пропасть, но с большим удобством для себя: он задумывает в высшей степени оригинальный план объединения Церкви и Империи под одной короной. Таков план Максимилиана по реформированию церкви. Наследственное папство, бессрочный папа-император, объединенные и упрощенные системы Карла Великого и Гильдебранда - таким образом, мир еще может быть спасен. "Ничего более почетного, благородного, лучшего с нами не могло случиться, — пишет Максимилиан Паулю Лихтенштейну (16 сентября 1511 г.), - чем повторное присоединение упомянутого папства, которое по праву принадлежит нам, к нашей Империи. Кардинал Адриан одобряет наши доводы и призывает нас действовать, придерживаясь мнения, что у нас не должно возникнуть особых проблем с кардиналами. Следует опасаться, что папа может умереть от своей нынешней болезни. Он потерял аппетит и пьет так много, что его здоровье подорвано. Поскольку такие дела невозможно уладить без денег, мы пообещали кардиналам, которых мы ожидаем привлечь, 300 000 дукатов [Напомним, что штраф за искупление греха убийства составлял в то время один дукат. Д.У.], которые мы взыским с Фуггеров и выплатим в Риме в назначенный день".

Об этих деловых договоренностях он сообщает два дня спустя в секретном письме своей дочери Маргарет и уже ликует по поводу своего будущего возвышения как в этом мире, так и в загробном. "Мы посылаем месье де Гурса, - говорит он, - заключить соглашение с папой, чтобы нас взяли в качестве коадьюторов, чтобы после его смерти мы могли быть уверены в папстве, а затем и в том, что станем святыми. Следовательно, после моей кончины вы будете вынуждены обожать меня, чем я буду очень гордиться. Я начинаю работать с кардиналами, и в этом деле двести или триста тысяч дукатов окажут нам большую услугу. Письмо было подписано: "Из рук вашего доброго отца Максимилиана, будущего папы римского".

Однако этим интригам не суждено увенчаться успехом. Папа Юлий живет на два года дольше; Лев Десятый становится преемником; и, поскольку Медичи не слишком склонны к церковной реформации, может потребоваться какой-то другой план и, возможно, какой-то другой реформатор. Тем временем торговля буллами об отпущении грехов становится более ужасной, чем когда-либо. Необходимо собрать деньги, чтобы обеспечить великолепную экстравагантность Рима. Соответственно, христианам по всей Европе папская власть предлагает гарантии прощения за любой мыслимый грех, "даже за изнасилование Божьей матери, если бы это было возможно", вместе с обещанием вечной жизни в Раю, и все это после уплаты цены, установленной за каждое преступление. Нидерланды, как и другие страны, распределены по округам и обрабатываются для сбора этого папского дохода. Большая часть собранных таким образом денег остается в руках мерзких коллекционеров. Искренние католики, любящие и почитающие древнюю религию, сжимаются от ужаса при виде зрелища, открывающегося со всех сторон. Преступники, покупающие Рай за деньги, монахи, тратящие полученные таким образом деньги в игорных домах, тавернах и борделях; тем, кто изучал их Заветы, это кажется отличной схемой спасения от той, которую провозгласил Христос.

Очевидно, произошел отход от системы более ранних апостолов. Невинные консервативные души сильно озадачены; но, в конце концов, все эти низости побуждают гиганта вступить в битву с гигантской неправотой. Мартин Лютер выходит на ристалище в полном одиночестве, вооруженный только колчаном, наполненным девяносто пятью предложениями, и луком, который может разослать их по всему христианскому миру с невероятной быстротой. В течение нескольких недель девяносто пять предложений разлетелись по Германии, Нидерландам, Испании и были найдены в Иерусалиме.

Вначале Эразм поощряет смелого монаха. До тех пор, пока топор не положен у подножия дерева, на котором растут ядовитые, но золотистые плоды, умеренный человек приветствует удары. "Дело Лютера считается одиозным, - пишет Эразм курфюрсту Саксонии, - потому что он в одно и то же время нападал на животы монахов и буллы папы римского". Он жалуется, что на ревностного человека напали с бранью, но не с аргументами. Он предвидит, что работа будет иметь кровавый и бурный результат, но главную вину возлагает на духовенство. "Священники говорят, - сказал он, - об отпущении грехов в таких выражениях, что миряне не могут этого переварить. Лютера ни за что так не порицали, как за то, что он мало внимания уделял Фоме Аквинскому; за желание уменьшить распространение отпущения грехов; за то, что он невысокого мнения о нищенствующих орденах и уважает схоластические мнения меньше, чем Евангелия. Все это считается невыносимой ересью".

Однако Эразм оскорблял обе стороны. Толпа монахов уже гудела вокруг него из-за смелого языка его комментариев и диалогов. Его называли Эразмом за его ошибки — Аразмом, потому что он посягал на святыни, — Эразином, потому что он написал себе осла—Бегемота, Антихриста и множество других имен подобного значения. Говорили, что Лютер купил смертоносное семя в своем амбаре. Яйцо было отложено Эразмом, а вылупилось Лютером. С другой стороны, его поносили за то, что он мужественно не встал на сторону реформатора. Умеренный человек получил множество обвинений от фанатиков с обеих сторон. Однако вскоре он снимает с себя все подозрения в лютеранстве. Он потрясен жестоким конфликтом, который бушует повсюду. Он становится ворчливым, когда могучая метла сметает священную пыль и освященную паутину. "Мужчины не должны пробовать все сразу, - пишет он, - а лучше шаг за шагом. На то, что люди не могут улучшить, они должны смотреть сквозь пальцы. Если безбожие человечества требует таких свирепых врачей, как Лютер, если человека нельзя исцелить успокаивающими мазями и охлаждающими напитками, будем надеяться, что Бог утешит, как раскаявшихся, тех, кого он наказал как непокорных. Если бы голубь Христа, а не сова Минервы, только прилетел к нам, безумию человечества была бы положена какая—то мера".

Тем временем человек, который говорит не о голубях и совах, свирепый врач, который имеет дело не с мазями и охлаждающими снадобьями, проходит мимо толпы кротких шарлатанов, чтобы победить отвратительную болезнь. Дьяволы, толще черепицы на крышах домов, не мешают ему работать. На его голову сыплются запреты и буллы, отлучения и декреты. Император-отец ниспосылает на землю страшные указы, гуще града. Святой Отец гневается из Рима. Лувенские врачи осуждают, лувенские палачи сжигают горькие, богохульные книги. Неумеренный человек твердо стоит во время бури, требуя аргументации вместо нелогичного раската грома; показывает палачам и народу за Эльстерскими воротами в Виттенберге, что папские буллы будут пылать так же весело, как еретические свитки. Какая нужда в намеках на события, изменившие мир, о которых знает каждый ребенок, — на войну титанов,

выкорчевывание седых деревьев и скалистых холмов, на диету с червями, крестьянские войны, Эйзенахский Патмос и грандиозные схватки с дьяволом?

Вскоре имперские эдикты используются для силового подавления Реформации в Нидерландах. Провинции, к сожалению, являются частной собственностью Чарльза, наследством его отца; и он относится к ним по-отечески, согласно его взгляду на этот вопрос. К Германии нельзя относиться таким обобщенным образом, поскольку она не является его наследием. "Поскольку представляется, - говорится в эдикте 1521 года, - что вышеупомянутый Мартин не человек, а дьявол в обличье человека и облаченный в одеяние священника, чтобы лучше привести род человеческий в ад и проклятие, следовательно, все его ученики и обращенные должны быть наказаны смертью и конфискацией всего их имущества". Это было кратко и доходчиво. Кровавый эдикт, изданный в Вормсе без малейшего намека на одобрение сословий, был приведен в действие немедленно. Папская инквизиция была введена в провинции для содействия ее операциям. Теперь началась кровавая работа, которой в Нидерландах в основном отличается правление Карла. В 1523 году, 1 июля, в Брюсселе были сожжены два монаха-августинца, первые жертвы лютеранства в провинции. Эразмус со вздохом заметил, что "в Брюсселе были сожжены двое, и что теперь город начал усиленно поддерживать лютеранство".

Папа Адриан Шестой, сын нидерландского лодочника и давний наставник императора, достаточно живо осознавал грехи церковников. Скромный ученый из Утрехта, по крайней мере, не был Борджиа. На нюрнбергском сейме, созванном для низложения Лютера, честный папа прямо заявил устами епископа Фабриана, что "эти беспорядки возникли из-за грехов людей, особенно из-за грехов священников и прелатов. Даже на святом престоле, - сказал он, - было совершено много ужасных преступлений. В церковном государстве выросло много злоупотреблений. Заразная болезнь, распространяющаяся от головы к членам церкви - от папы до младших прелатов, — распространилась далеко и широко, так что вряд ли можно найти кого-то, кто поступает правильно и кто свободен от инфекции. Тем не менее, зло стало настолько древним и многообразным, что необходимо будет продвигаться шаг за шагом".

В те страстные дни ярые реформаторы были возмущены этим многозначительным признанием не меньше, чем церковники. Они думали, что продвижение Реформации шаг за шагом было бы действительно медленным процессом, если бы между каждым шагом проходило целое столетие. Тщетно кроткий понтифик призывал Эразма успокоить бушующее море своей гладкой риторикой. Мудрец из Роттердама был стар и немощен; его дни прошли. Голова Адриана тоже томится под тройной короной всего двадцать месяцев. Он умирает 13 сентября 1523 года, придя к убеждению, согласно его эпитафии, что величайшим несчастьем в его жизни было царствование.

Другой эдикт, опубликованный в Нидерландах, запрещает все частные собрания для богослужения; любое чтение Священных Писаний; любые дискуссии у себя дома относительно веры, таинств, папской власти или других религиозных вопросов под страхом смертной казни. Эдикты не были пустой буквой. Монахи постоянно поддерживали костры живым топливом, которые лучше владели искусством сжигать реформаторов, чем спорить с ними. Эшафот был самым убедительным из силлогизмов и использовался во всех случаях. Тем не менее люди оставались при своем мнении. Тысячи сожженных еретиков не обратили ни одного.

Новый эдикт обновил и ужесточил наказание за чтение Священных Писаний в частном или публичном порядке. В то же время ожесточенная личная перепалка между Лютером и Эразмом по поводу предопределения, вместе с ожесточенным спором между Лютером и Цвингли относительно реального присутствия, сделали больше, чтобы помешать прогрессу Реформации, чем запрет или эдикт, меч или огонь. Дух человечности опустил голову, обнаружив, что у смелого реформатора была всего лишь новая догма вместо старых, видя, что инакомыслящие, в свою очередь, иногда были такими же готовыми, как паписты, с возрастом, хворостом и отлучением от церкви. В 1526 году анабаптист Феликс Манц был утоплен в Цюрихе, повинуясь емкой формуле Цвингли — "Qui iterum mergit mergatur". Таким образом, анабаптисты при своем первом появлении подверглись воздействию огня Церкви и воды цвинглианцев.

Нет никаких сомнений в том, что анабаптистское заблуждение было настолько нелепым и отвратительным, что смягчало или, по крайней мере, делало понятным тот гнев, с которым на них смотрели все стороны. Беспорядки в секте вызывали тревогу у официальных властей, ее скотство позорило дело религиозной реформации. Лидеры были одними из самых развращенных человеческих созданий, в такой же степени отличавшихся распущенностью, богохульством и жестокостью, как и их последователи пресмыкающимися суевериями. Злой дух, изгнанный из Лютера, в глазах ортодоксов казался вселившимся в стадо свиней. Немцев, Мюнцера и Хоффмана, сменил в качестве главных пророков голландский пекарь по имени Маттисун из Гарлема, который объявил себя Енохом. Главным из учеников этого человека был печально известный Джон Боккольд из Лейдена. Под руководством этого пророка анабаптисты овладели городом Мюнстер. Здесь они конфисковывали имущество, грабили церкви, насиловали женщин, убивали мужчин, отказывавшихся присоединиться к банде, и вкратце совершали все чудовищные поступки, которые только человечество может себе представить или совершить. Пророк провозгласил себя царем Сиона и послал апостолов проповедовать его доктрины в Германии и Нидерландах. Полигамия была ведущей статьей системы, и он продемонстрировал этот принцип, женившись на четырнадцати женах. Среди них главной была прекрасная вдова Маттисуна, ее называли королевой Сиона, и она носила золотую корону. Пророк предпринял много бесплодных попыток захватить Амстердам и Лейден. Вооруженное вторжение анабаптистов было отбито, но их заразное безумие распространилось. В Амстердаме вспыхнула чума. Холодной зимней ночью (февраль 1535 г.) семеро мужчин и пять женщин, вдохновленные Святым Духом, сбросили с себя одежду и, обнаженные, в бреду носились по улицам, крича: "Во, во, во! гнев Божий, гнев Божий!" При аресте они упрямо отказывались надевать одежду. "Мы, - заявили они, - голая правда". Через день или два все эти разъяренные сумасшедшие, которые, безусловно, заслуживали скорее сумасшедшего дома, чем эшафота, были казнены. Численность секты увеличивалась по мере того, как они подвергались мученичеству, и беспорядки распространились по всем частям Нидерландов. Многие были преданы смерти в длительных мучениях, но это наказание не произвело никакого ощутимого эффекта. Тем временем великий глава секты, пророк Иоанн, потерпел поражение от войск епископа Мюнстера, который вернул свой город и приказал забить "Царя Сиона" до смерти раскаленными щипцами.

К сожалению, суровость правления обрушилась не только на пророка и его озорную команду. Тысячи и десятки тысяч добродетельных, благожелательно настроенных мужчин и женщин, которые испытывали столь же мало сочувствия к анабаптизму, как и к римской развращенности, были хладнокровно убиты при кровавом правлении Карла в Нидерландах. В 1533 году вдовствующая королева Венгрии Мария, сестра императора, регент провинций,

"вдова-христианка", которой восхищался Эразм, написала своему брату, что, "по ее мнению, все еретики, раскаявшиеся или нет, должны преследоваться по закону с такой строгостью, чтобы эта ошибка могла быть немедленно устранена, при этом следует позаботиться только о том, чтобы провинции не были полностью обезлюдены". С этим гуманным ограничением "христианская вдова" радостно взялась за руководство самой грязной и массовой системой убийств, которая когда-либо была организована. В 1535 году в Брюсселе был издан императорский эдикт, приговаривающий всех еретиков к смерти; раскаявшиеся мужчины должны быть казнены мечом, раскаявшиеся женщины - похоронены заживо, упрямцы обоего пола - сожжены. Этот и подобные ему указы были законом страны в течение двадцати лет и неукоснительно соблюдались. Императорские и папские преследования продолжали свою ежедневную смертоносную работу с таким усердием, что возникало сомнение в том, что границы, установленные регентшей Марией, не могут быть переступлены. В разгар кровавой бойни император послал за своим сыном Филиппом, чтобы тот присягнул Нидерландам на верность как их будущий господин. Одновременно с этим в Брюсселе был опубликован новый эдикт (29 апреля 1549 г.), подтверждающий и воспроизводящий все предыдущие указы в их наиболее суровых положениях. Так обстояли религиозные дела в Нидерландах в эпоху отречения императора.

XIII.

Гражданские институты страны приняли свою последнюю провинциальную форму в бургундо-австрийскую эпоху. Как уже говорилось, их тенденция, в более поздний период ставшая порочной, заключалась в замене мужчин вымышленными персонажами. Вокруг свободы Нидерландов была намотана цепочка корпораций; однако эта свобода изначально поддерживалась системой, в которой она в один прекрасный день могла быть задушена. Дух местного самоуправления, который всегда был основой свободы, часто был чрезмерным в своих проявлениях. Центробежная сила была слишком сильно развита и в сочетании с взаимной завистью корпораций часто делала нацию слабой перед общим врагом. Вместо прав народа были права штатов, поскольку крупные города с обширными округами и деревнями, находящимися в их ведении, были скорее мелкими штатами, чем муниципалитетами. Хотя высшие законодательные и исполнительные функции принадлежали суверену, тем не менее каждый город издавал свои подзаконные акты и обладал, кроме того, сводом статутах и постановлений, издаваемых время от времени его собственной властью и утверждаемых князем. Таким образом, по крайней мере, значительная часть нации практически разделяла законодательные функции, на которые технически она не претендовала; и требования общества не делали постоянное законодательство настолько необходимым, поскольку отстранение людей от работы означало порабощение страны. Народной власти было достаточно, чтобы творить много добра, но она была широко рассеяна и в то же время заключена в искусственные формы. Гильдии были вассалами городов, поселки - вассалами феодала. Гильдия голосовала в "широком совете" города как один человек; город голосовал в сословиях как один человек. Народ Соединенных Нидерландов был персонажем, которого еще предстояло изобрести, это была привилегия, а не право, заниматься делом рук своих или участвовать в действиях правительства. И все же масса привилегий была настолько велика, акционеры - столь многочисленны, что города практически превратились в республики. Правительство находилось в руках большого числа людей. Трудлюбие и интеллект привели к богатству и власти. Это был большой прогресс по сравнению с всеобщим рабством 11-12 веков,

огромным барьером против произвола. Более возвышенные идеи о правах человека, более широкие концепции коммерции научили человечество в более поздние времена различию между вольностями и самоотдачей, между гильдиями и свободной конкуренцией. В то же время именно принцип торговой ассоциации в средние века защищал первые шаги человеческой свободы и человеческой промышленности от насилия и несправедливости. Более того, в тот период древо муниципальной жизни было все еще зеленым и энергичным. Здоровый поток сока от самых скромных корней к самым зеленым ветвям указывал на внутреннюю прочность сердцевины и обеспечивал постоянное развитие внешней силы. Путь к политическому влиянию был открыт для всех, не по праву рождения, а благодаря честному труду головы и рук.

Главным городом Нидерландов, торговой столицей мира, был Антверпен. На севере и востоке Европы Ганзейский союз увял из-за революции в торговле. На юге великолепные мраморные каналы, по которым несколько величественных городов вели сухопутную торговлю с Индией из Средиземного моря, теперь пересохли, великие акведуки разрушились и опустели. Верона, Венеция, Нюрнберг, Аугсбург, Брюгге тонули, но Антверпен, с его глубокой и удобной рекой, протянул руку к океану и поймал золотой приз, выпавший из рук городов-побратимов. Город был настолько древним, что его составители генеалогий с нелепой серьезностью отнеслись к периоду за два столетия до Троянской войны и обнаружили гиганта, носившего классическое имя Антигон, обосновавшегося на Шельде. Этот патриарх взимал половину товаров со всех мореплавателей, проходивших мимо его замка, и имел обыкновение отрубать и бросать в реку правые руки тех, кто нарушал этот простой тариф. Таким образом, Hand-werpen, бросающий руками, стал Антверпеном, и, следовательно, две руки на гербе города всегда были подняты в геральдическом подтверждении истины. Великан, в свою очередь, был сброшен в Щель героем по имени Брабо, от подвигов которого Брабант получил свое название; "de quo Brabonica tellus". Если бы не эти антикварные изыскания, более простым производным названия казалось бы *t'werf*, "на пристани". Теперь это место стало главной торговой точкой Европы. Там были основаны Хаггеры, Вельсены, Остетты из Германии, Гвалтеротти и Бонвизи из Италии и многие другие крупные торговые дома. Ни один город, кроме Парижа, не превосходил его по численности населения, ни один не приближался к нему по коммерческому великолепию. Его правительство было очень свободным. Суверен, как маркиз Антверпена, торжественно поклялся править в соответствии с древними хартиями и законами. Штатгальтер, как его представитель, разделял свою власть с четырьмя поместьями города. Сенат из восемнадцати членов назначался штатгальтером из четырех человек, назначаемых самим Сенатом и четвертым органом, называемым Борджерс. Таким образом, половина состава правления обновлялась ежегодно. Он осуществлял исполнительные и апелляционные судебные функции, назначал двух бургомистров и двух пенсионеров или юридических советников, а также избирал магистратов меньшего ранга и должностных лиц города. Совет старейшин или бывших сенаторов занимал свои места по должности. Двадцать шесть начальников приходов, назначенные по двое от каждого прихода Сенатом по представлению приходов, образовывали третье сословие. Их особой обязанностью было зачислять ополченцев и заниматься их сбором и обучением. Деканы гильдий, числом пятьдесят четыре человека, по два от каждой гильдии, выбранные Сенатом из тройного списка кандидатов, представленных гильдиями, составляли четвертое сословие. Этот влиятельный орган всегда собирался в расширенном городском совете. В их обязанности также входило проведение экзамена кандидатов, претендующих на вступление в ту или иную гильдию и предлагающих образцы искусства или ручной работы, наблюдение за общими делами гильдий и урегулирование споров.

Были также два важных чиновника, представлявших короля по уголовным и гражданским делам. Столичный викарий, Скультетус, шаут, шериф или маркграф имели приоритет над всеми магистратами. В его обязанности входило руководить арестами преступников, судебными процессами и казнями. Викарий цивилис назывался Амманом, и его должность соответствовала должности подесты во Фризской и Итальянской республиках. В гражданском отношении его обязанности были почти такими же, как у его коллеги в уголовном.

Эти четыре ветви власти со своими должностными лицами и иждивенцами составляли антверпенское содружество. Собранные вместе на совете, они составляли великий и всеобщий суд. Ни один налог не мог быть введен сувереном иначе, как с согласия четырех ветвей власти, каждая из которых голосовала отдельно.

Личные права гражданина и права на проживание строго охранялись. Суд мог производить аресты только по ордеру бургомистра и был обязан в течение трех дней доставить обвиняемого к судьям, суды которых были открыты для публики.

Положение населения было благополучным. Бедных было немного, и те не просили, а их просили раздаватели милостыни: школы были отличными и дешевыми. Трудно было найти ребенка достаточного возраста, который не умел бы читать, писать и говорить, по крайней мере, на двух языках. Сыновья более состоятельных горожан завершали свое образование в Лувене, Дуэ, Париже или Падуе.

Сам город был одним из красивейших в Европе. Расположенный на равнине вдоль берегов Шельды, по форме напоминающий изогнутый лук с рекой в качестве тетивы, он заключал в свои стены одни из самых великолепных зданий в христианском мире. Всемирно известная церковь Нотр-Дам, величественная биржа, где ежедневно собиралось пять тысяч торговцев, прототип всех подобных заведений по всему миру, вместительный моль и порт, где часто можно было увидеть две с половиной тысячи судов одновременно и где пятьсот судов совершали свой ежедневный заход или отбытие, - все это были заведения, с которыми трудно было бы соперничать в любой другой части мира.

Из того, что уже было сказано о муниципальных учреждениях страны, можно сделать вывод, что полномочия генеральных штатов были ограничены. Членами этого конгресса были не избранные народом представители, а всего лишь несколько послов из отдельных провинций. Эта индивидуальность не всегда состояла из одних и тех же ингредиентов. Таким образом, Голландия состояла из двух членов, или ветвей — знати и шести главных городов; Фландрия из четырех ветвей — городов, а именно Гента, Брюгге, Ипра и "свободы Брюгге"; Брабант из Лувена, Брюсселя, Буа—ле-Дуэ и Антверпена, четырех крупных городов, в которых не было представителей знати или духовенства; Зеландия, состоящая из одного духовного лица, аббата Мидделбурга, одного дворянина, маркиза Вира и Влиссингена, и шести главных городов; Утрехт, состоящий из трех ветвей - дворянство, духовенство и пять городов. Предполагалось, что эти и другие провинции, образованные аналогичным образом, действительно будут присутствовать на сейме в собранном виде. Главным делом генеральных штатов были финансы; государь или его штатгальтер могли получать припасы, только обратившись с просьбой лично, в то время как любой отдельный город, как филиал провинции, имел право отказать в предоставлении субсидии.

Образование ощущало поступательное движение страны и времени. Однако вся система была пронизана монашеским духом, который первоначально сохранил все знания от уничтожения, но теперь сохранил их завернутыми в древние скатерти и застывшими в каменном саркофаге ушедшей эпохи. Университет Лувена был главным литературным учреждением в провинциях. Он был основан в 1423 году герцогом Иоанном IV Брабантским. Его правительство состояло из президента и Сената, образующих тесную корпорацию, которая получила от основателя всю его собственную власть и право самостоятельно заполнять свои вакансии. В учебном заведении было пять факультетов права, канонического права, медицины, теологии и искусств. Кроме того, существовала средняя школа для выпускников, разделенная на четыре класса. От этого места веяло педантизмом, и характер университета естественным образом распространился по другим учебным заведениям. Тем не менее, она многое сделала и продолжает делать для сохранения любви к глубоким знаниям, в то время как быстро развивающийся дух коммерции сопровождался постоянно растущим распространением гуманизирующих искусств.

Уровень культуры в этих процветающих городах был повышен по сравнению с тем, что наблюдается во многих частях Европы. Дети более состоятельных слоев населения пользовались прекрасными возможностями для получения образования во всех крупных столицах. Классика, музыка и современные языки, особенно французский, изучались повсеместно. Интеллектуальное развитие не ограничивалось высшими слоями общества. Напротив, оно было в значительной степени распространено среди трудолюбивых ремесленников больших городов.

Ибо принцип ассоциации не ограничивался исключительно политикой и торговлей. Помимо многочисленных гильдий, с помощью которых приобреталось гражданство в различных городах, существовало множество других обществ взаимного совершенствования, поддержки или отдыха. Великое тайное архитектурное или масонское братство Германии, та лига, которой в основном следует приписывать художественное и терпеливое завершение великолепных произведений готической архитектуры средневековья, имело свои филиалы в нижней Германии, что объясняет наличие такого количества великолепных и искусно отделанных церквей в провинциях. Кроме того, в каждом городе существовали военные объединения мушкетеров, арбалетчиков, лучников, фехтовальщиков. Раз в год эти клубы устраивали праздник, выбирая короля, которого выбирали за его доблесть и умение владеть различным оружием. Эти фестивали, всегда проводившиеся с большой торжественностью и ликованием, сопровождались многочисленными показами стрельбы из лука и фехтования на мечах. Следовательно, люди вряд ли добровольно отказались бы от этой привилегии и обязанности свободных людей - права носить оружие и способности обращаться с ним.

Другим и наиболее важным объединением братств были так называемые гильдии риториков, которые существовали в большем или меньшем количестве во всех главных городах. Это были объединения механиков, призванные развлекать свой досуг поэтическими излияниями, драматическими и музыкальными представлениями, театральными шествиями и другими безобидными и не лишенными изящества развлечениями. Подобные риторические палаты первоначально появились в пятнадцатом веке во Франции. Тот факт, что в самом названии они смешивали риторику с поэзией и драмой, указывает на скудные достижения этих ранних "красных". В начале своей карьеры они устраивали театральные представления. "Царь Ирод и его деяния" был поставлен в кафедральном соборе Утрехта в 1418 году. Ассоциации с большой

быстротой распространились по всем Нидерландам, и, поскольку все они были связаны друг с другом и имели привычки к периодическому общению, эти скромные литературные связи имели большое значение для привлечения жителей провинций к более тесному союзу. Они также стали важными политическими двигателями. Еще во времена Филиппа Доброго их песни и пасквили стали настолько оскорбительными для произвольных представлений бургундского правительства, что стали причиной запрета этих обществ. Однако не в власти суверена было постоянно подавлять институты, которые уже приняли характер современной периодической печати в сочетании с функциями, напоминающими шоу и разнузданность афинской драмы. С точки зрения литературной критики, их произведения не заслуживали особой похвалы ни по вкусу, ни по концепции, ни по исполнению. Доводить муз до безумия, вытягивать поэзию проволокой через неразрывные кольца сложных рифм и невозможных тактов; вколачивать одно золотое зернышко остроумия в лист бесконечной пошлости, с ужасающей изобретательностью сооружать тяжеловесные анаграммы и сверхъестественные акrostихи, ослеплять вульгарный глаз безвкусными костюмами и щекотать вульгарное ухо ядовитыми личностями - вот тенденции, которые, возможно, отдавали молотком, клюшкой и щипцами и давали достаточное доказательство, если бы доказательства были необходимы, того, что литература - это не одно и то же произведение искусства. о механических искусствах и о том, что поэзия не может быть произведена с прибылью акционерными обществами. И все же, если стиль этих произведений часто был порочным, ремесленники редко получали лучший пример от вышестоящих литературных учреждений. Не гильдии механиков задавали тон литературе, и их усилия не отличались более отвратительным вкусом, чем эманации педантов из Лувена. "Риторы" не несут ответственности за весь дурной вкус своего поколения. Самые серьезные историки Нидерландов часто облегчали свой слоновий труд самыми ослиными выходками, и нельзя было ожидать, что эти суетливые ткачи и огранщики превзойдут своих литературных начальников во вкусе или элегантности.

Филипп Красивый записался членом в одно из этих обществ. Таким образом, можно легко сделать вывод, что они уже стали организациями признанного значения. Риторические палаты существовали в самых захолустных деревнях. Количество ярдов фламандской поэзии, ежегодно производимой и потребляемой по всей провинции, почти превосходит веру. Общества имели регулярные конституции. Их председателей называли королями, принцами, капитанами, архидьяконами или радовались подобным громким именам. В каждой палате был свой казначей, свой шут и свой знаменосец для публичных шествий. Каждый из них имел свое особое название или герб, например, Лилию, Ноготки или Фиалку, с соответствующим девизом. К 1493 году ассоциации стали настолько важными, что Филипп Красивый созвал их всех на общее собрание в Мехлине. Здесь они были организованы и официально инкорпорированы под общим руководством высшего, или материнского, общества риторики, состоящего из пятнадцати членов и носящего титул "Иисус с цветком бальзама".

Правители всегда стремились примирить эти влиятельные гильдии, лично становясь их членами. Как и игроки, Риторы были кратким резюме и хроникой того времени, и ни принц, ни частное лицо не желали, чтобы о них плохо отзывались. Действительно, Филипп намеревался превратить их в механизмы для произвольных целей своего дома, но, к счастью, публично организованные общества были не единственными палатами. Напротив, гильдии unchartered были самыми многочисленными и влиятельными. Они оказали огромное влияние на ход религиозной реформации и последующее восстание в Нидерландах. В своих фарсах и сатирах они высмеивали пороки духовенства. Они инсценировали тиранию для публичного осуждения.

Также неудивительно, что среди лидеров диких анабаптистов, которые своими отвратительными выходками опозорили великую революцию в церкви и государстве, было много таких, кто, подобно Давиду Делфтскому, Иоанну Лейденскому и другим, были членами риторических палат. Гений ряженных и театральных представлений, перенесенный из своей сферы и использующий себя в целях мошенничества и распущенности, был столь же пагубен по своим последствиям, сколь и здоров в своих первоначальных проявлениях. Такие выставки были всего лишь наростами системы, которая принесла хорошие плоды. Эти литературные гильдии соответствовали и обозначали народ, который был жив, народ, который не погрузился в сон на лоне материального процветания и не унизил себя в хлеву невежества и политического рабства. Дух свободы пронизывал эти грубые, но не безграмотные собрания, и ее прекрасные пропорции были отчетливо видны даже сквозь несколько гротескный наряд, который она таким образом приняла.

Главными развлечениями, которые эти палаты позволяли себе и публике, были периодические юбилеи, которые они отмечали в различных столицах. Затем все риторические гильдии по всем Нидерландам были приглашены принять участие и посоревноваться в великолепных шествиях, блестящих костюмах, живых картинах, шарадах и других оживленных, блестящих группах, а также в испытаниях драматического и поэтического мастерства, организованных под руководством конкретной ассоциации, которая в предыдущем году получила приз. Такие юбилеи назывались "драгоценностями Земли".

Из развлечений народа можно почерпнуть многое, что необходимо для правильной оценки его характера. Не может быть составлено неблагоприятного мнения о культуре нации, чьи ткачи, кузнецы, садовники и торговцы находили любимое развлечение на каникулах в сочинении и разыгрывании трагедий или фарсов, декламировании собственных стихов или в олицетворении моральных и эстетических чувств искусно организованными группами или в великолепных одеяниях. Шелковый бархат и желтые атласные дублеты придворных, расшитые золотой парчой мантии священников и принцев часто представляют собой всего лишь вульгарную одежду, не имеющую исторической ценности. Такие костюмы, надетые на смуглые фигуры трудолюбивых ремесленников в литературных и художественных целях, имеют реальное значение и достойны более пристального изучения. Разве эти развлечения нидерландцев не были такими же возвышенными и гуманизирующими, как современные бои быков и аутодафе в Испании? Какого места в истории заслуживает мрачный фанатик, который из любви к Христу превратил все эти веселые города в руины и превратил сверкающие процессии с драгоценностями их Земель в скованные марши к эшафоту?

Таким образом, прошло пятнадцать веков, и на смену орде дикарей, живущих среди болот и чащоб, пришли три миллиона людей, самых трудолюбивых, самых процветающих, возможно, самых умных под солнцем. Их скот, пасущийся на дне моря, является лучшим в Европе, их сельскохозяйственные продукты имеют большую меновую ценность, чем если бы природа создала их землю, изобилующую вином и маслом. Их мореплаватели - самые смелые, их торговые мореплаватели - самые могущественные, их купцы - самые предприимчивые в мире. Голландия и Фландрия, населенные одной расой, соперничают друг с другом в стремлении к цивилизации. Мастерство фламандцев в механике и изобразительном искусстве не имеет себе равных. Бельгийские музыканты восхищают и поучают другие народы, бельгийские карандаши на протяжении столетия заставляли холст сиять невиданными ранее красками и сочетаниями. Фламандские ткани экспортируются во все части Европы, в Ост- и Вест-Индию, в Африку.

Великолепные гобелены, шелка, постельное белье, а также более уютные и полезные изделия нидерландской промышленности ценятся во всем мире. Наиболее изобретательные, как их уже описывал проницательный Цезарь, в подражании искусству других народов искусные ремесленники страны в Лувене, Генте и других местах воспроизводят индийские шали и шелка с восхитительной точностью.

Их национальная промышленность была неутомимой, их процветание непревзойденным, их любовь к свободе неукротимой, их драчливость вошла в поговорку. Мирные в своих занятиях, флегматичные по темпераменту, Нидерланды все же были самым воинственным и возбудимым населением Европы. Два столетия гражданской войны лишь поредели в рядах каждого поколения, но не охладили горячий дух нации.

Женщины отличались красотой форм и крепким телосложением. Привыкшие с детства свободно общаться со всеми классами и полами в повседневной жизни и путешествовать пешком или верхом из одного города в другой без сопровождения и без страха, они приобрели манеры более откровенные и независимые, чем у женщин в других странах, в то время как их мораль была чиста, а благопристойность несомненна. Выдающаяся роль, которую женщины Голландии должны были сыграть во многих драмах революции, таким образом, вполне могла бы достаться классу, способному по природе и воспитанию вести себя мужественно.

В пределах небольшого круга, охватывающего семнадцать провинций, находятся 208 городов-крепостей, многие из них - одни из самых величественных в христианском мире, 150 городов-хартий, 6300 деревень с их сторожевыми башнями и шпилями, не считая множества других, более незначительных деревушек; все это охраняется поясом из шестидесяти превосходящих по мощи крепостей.

XIV.

Таким образом, в этом кратком очерке пути и развития нидерландской нации на протяжении шестнадцати столетий мы видим, что она всегда отмечена одной преобладающей чертой, одной главной страстью — любовью к свободе, инстинктом самоуправления. В значительной степени составленная из храбрейших тевтонских элементов, батавов и фризов, эта раса когда-либо насмерть сражалась с тиранией, организовывала масштабные восстания в эпоху Веспасиана, сохраняла частичную независимость даже против мудрого владычества Карла Великого, отказывается во Фрисландии принять папское иго или феодальные цепи и на протяжении темных веков решительно борется к свету, добываясь от ряда мелких монархов постепенного и практического признания притязаний человечества. С приходом бургундской семьи власть общины достигла такой высоты, что она может неустрашимо соизмерять себя с духом произвола, воплощением которого является этот всепоглощающий и тиранический дом. Более века продолжается борьба за свободу, за гражданскую жизнь; Филипп Добрый, Карл Смелый, муж Марии Максимилиан, Карл V. в свою очередь, нападают или подрывают бастионы, век за веком воздвигаемые против деспотического принципа. Битва постоянно возобновляется. Свобода, которую часто сокрушали, снова и снова поднимается со своей родной земли с удвоенной энергией. Наконец, в 16 веке новый и более могущественный дух, гений религиозной свободы, приходит, чтобы принять участие в великом конфликте. Деспотичная власть, воплощенная во втором Карле Великом, нападает на новую комбинацию с беспринципной, неумолимой яростью. Почтенные гражданские судьи; сбитые с толку, пресмыкающиеся во вретисе и пепле; невинные религиозные реформаторы сгорают в холокостах. К середине

столетия битва разгорается более ожесточенно, чем когда-либо. На территории малых Нидерландов человечество, истекающее кровью, но не убитое, все еще держится в страхе и бросает вызов охотникам. Две великие державы веками набирали силу. Скоро им предстоит сразиться в более длительной и решительной битве, какой мир никогда не видел. Император собирается покинуть сцену. Провинции, столь страстно стремящиеся к национальности, к муниципальной свободе, к религиозной реформе, должны стать собственностью совершенно чужого человека; князя, чуждого их крови, их языку, их религии, всему их образу жизни и мышления.

Таково было политическое, религиозное и социальное состояние нации, которой теперь предстояло стать свидетелями нового и знаменательного зрелища.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Отпущение грехов за кровосмешение обходилось в тридцать шесть ливров
Достигли величия, для которого не были рождены
Преклонный возраст уменьшил его склонность к другим плотским удовольствиям
Все его ученики и обращенные должны быть наказаны смертью
Любое чтение Священных Писаний (запрещено)
Спор между Лютером и Эразмом о предопределении
Наследственное папство, бессрочный папа-император
Объявил о своем приближающемся браке с Девой Марией
Готов, как паписты, с возрастом, педерастией и отлучением от церкви
Нападая на авторитет папы
Смелый реформатор имел только новую догму вместо старых
Карл Пятый, автократ половины мира
Приговаривающий всех еретиков к смерти
Ремесло означает, попросту говоря, силу
Преступник, вина которого была установлена каленым железом
Преступники, покупающие Рай за деньги
Крестовые походы значительно улучшили положение крепостных
Демократические инстинкты древних германских дикарей
Отрицали полезность молитв за умерших
Разница между вольностями и liberties
Спор между Лютером и Цвингли относительно реального присутствия
Божественное право
Пил воду, в которой он омылся
Огромное богатство (Церкви), породившее ненависть
Эразм поощряет смелого монаха
Эразм Роттердамский
Даже за изнасилование Божьей матери, если бы это было возможно
Казни Гуса и Иеронима Пражских
Басня о божественном праве придумана, чтобы санкционировать систему
Феликс Манц, анабаптист, утонул в Цюрихе
Немногие, даже прелаты, были очень послушны папе
Фикция апостольской власти связывать и освобождать
Рыбаки и речные сплавщики становятся океанскими авантюристами

Что касается меня, то я недостоин чести (мученичества)
Запрещает все частные собрания для поклонения
Сила канцелярская — власть клерков
Великая привилегия, Великая хартия вольностей Голландии
Гарантии прощения за любой мыслимый грех
Безмятежные дни запретов, книг и свечей
Ересь рано зародилась в Нидерландах
В Голландии духовенство не имело ни влияния, ни мест
Изобрел такие христианские формулы, как эти (проклятие)
1 июля в Брюсселе были сожжены два монаха-августинца
Царя Сиона забывают до смерти раскаленными щипцами
Трудился в невыгодных условиях, поскольку никогда не существовал
Научитесь так же мало трепетать перед ремеслом священника, как и перед фехтованием
Многие жадные священники более низкого ранга превратились в лавочников
Никто не может свидетельствовать, кроме домохозяина
Не из того материала, из которого делают мучеников (Эразм)
Нигде преследование еретиков не было более безжалостным
Упрямыцы обоего пола подлежали сожжению
Одно золотое зернышко остроумия в листе бесконечной банальности
Прощение за преступления, которые уже совершены или вот-вот будут совершены
Помилование за убийство, если не с помощью яда, обходилось дешевле
Оплата их проезда через чистилище
Отравление, например, разрешалось за одиннадцать дукатов
Папа и император придерживаются обеих позиций с одинаковой логикой
Умение читать и писать помогло духовенству разбогатеть
Готовность в любой момент нанести удар и пролить кровь за свое дело
Раскаявшиеся женщины будут похоронены заживо
Раскаявшиеся мужчины будут казнены мечом
Продажа отпущений грехов была источником больших состояний для священников
То же заклинание над невежественным бароном и трусливой задницей
Насмешки над церемониями и таинствами Церкви
Ужесточили наказание за чтение Священных Писаний наедине
Рабство было как добровольным, так и принудительным
Воин креста был свободен по возвращении
Купол Святого Петра немного приблизился к облакам
Танчелин
Плохой герцог Бургундии Филипп по прозвищу "Хороший",
Яйцо было отложено Эразмом, вылуплено Лютером
Оживляющее становится впоследствии растворяющим принципом
Тысячи сожженных еретиков не обратили ни одного
Таким образом, Hand-werpen, метание руками, стало Антверпеном
Предпочесть бедность богатству, сопутствующему торговле
Спокойствие деспотизма буйству свободы
Сельские жители, или вилланы

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 3.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

ФИЛИПП ВТОРОЙ В НИДЕРЛАНДАХ

1555 [ГЛАВА I.]

Решение об отречении Карла от престола—Брюссель в шестнадцатом веке—Описан зал дворца—Портреты выдающихся личностей, присутствовавших на церемонии—Формальности отречения—Всеобщее волнение—Замечания о характере и карьере Карла—Его отставка в Жюсте.

Двадцать пятого октября 1555 года представители нидерландских сословий собрались в большом зале брюссельского дворца. Они были вызваны в качестве свидетелей и гарантий отречения, на которое Карл V давно решился и которое он должен был в тот день привести в исполнение. Император, как и многие властители до и после него, любил великие политические зрелища. Он знал об их влиянии на массы человечества. Несмотря на то, что он был прост, даже до убожества, в своем собственном костюме и обычно одевался в черное, никто никогда лучше него не понимал, как устраивать подобные выставки в ярком и художественном стиле. Мы видели, в какой театральной и внушительной манере он подавил восстание в Генте и едва не навсегда лишил жизни это энергичное и беспокойное маленькое содружество. Заключительную сцену своего долгого и энергичного правления он теперь подготовил с глубокой проработкой и с точным знанием того, каким образом должны были быть произведены необходимые эффекты. Окончание его собственной карьеры, открытие карьеры его любимого Филиппа должны были быть инсценированы так, чтобы это соответствовало величественному характеру актеров и важности большой сцены, на которой они играли свои роли. Взоры всего мира были устремлены в тот день на Брюссель, ибо отречение императора от престола было событием, которое в шестнадцатом веке не было ограничено обычаем.

Веселая столица Брабанта — той провинции, которая радовалась либеральной конституции, известной под жизнерадостным названием "радостный въезд", была достойна стать ареной впечатляющего представления. Брюссель был городом более пяти столетий, и в то время в нем насчитывалось около ста тысяч жителей. Его стенам, имевшим шесть миль в окружности, было уже двести лет. В отличие от большинства нидерландских городов, обычно расположенных на обширных равнинах, он был построен по бокам крутого мыса. Широкие просторы живой зелени, ухоженные сады, тенистые рощи, плодородные кукурузные поля простирались вокруг него, как море. Подножие города омывала небольшая река Сенне, в то время как неровные, но живописные улочки поднимались вверх по крутым склонам холма, подобно полукругам и лестницам амфитеатра. Почти в самом центре этого места возвышалась дерзкая и изысканно расшитая башня городского дома высотой в триста шестьдесят шесть футов, чудо каменной вышивки, соперничающее своей замысловатой резьбой с паутинистым узором того кружева, которое на протяжении веков было синонимом города, и возвышающееся над фасадом, обильно украшенным парчой. Архитектура. Вершину возвышения венчали башни старого

герцогского дворца Брабанта с его обширным парком, поросшим густым лесом слева, и величественные особняки Оранжа, Эгмонта, Аремберга, Кулембурга и других фламандских грандов справа.. Огромный лес Суаньи, усеянный монастырями, изобилующий всевозможной дичью, куда летом совершали паломничество горожане и где знать охотилась на диких кабанов и оленей, простирался на расстоянии четверти мили от городских стен. Население, столь же бережливое, интеллигентное и процветающее, как и в любом другом городе Европы, было разделено на пятьдесят две гильдии ремесленников, среди которых наиболее важными были оружейники, чьи кольчуги превратили бы мушкетную пулю; садовники, на более изящные творения которых ежегодно выделялись невероятные суммы; и гобеленовщики, чьи великолепные ткани были чудом света. Семь главных церквей, из которых самой поразительной была церковь Святой Гудулы, с ее башнями-близнецами, очаровательным фасадом и великолепно расписанными окнами, украшали верхнюю часть города. Число семь было магическим числом в Брюсселе, и предполагалось, что в ту эпоху, когда астрономия находилась в зачаточном состоянии, а астрология - в расцвете сил, оно обозначало семь планет, которые управляли всем земным посредством своих аспектов и влияний. Семь знатных семей, происходящих из семи старинных замков, поставляли сырье, из которого были выбраны семь сенаторов, составивших высший совет города. Было семь больших площадей, семь городских ворот, и по случаю нынешней церемонии любители удивительных совпадений отметили, что семь коронованных особ соберутся под одной крышей в свободолюбивом городе.

Дворец, где по этому случаю были созваны генеральные штаты, был резиденцией герцогов Брабантских со времен Иоанна Второго, который построил его примерно в 1300 году. Это было просторное и удобное здание, но не отличавшееся красотой своей архитектуры. Впереди была большая открытая площадь, обнесенная железной оградой; сзади - обширный и красивый парк, полный лесных деревьев, с садами и лабиринтами, прудами с рыбой и охотничьими угодьями, фонтанами и прогулочными дорожками, ипподромами и площадками для стрельбы из лука. Главный вход в это здание открывался в просторный холл, соединенный с красивой и симметричной часовней. Зал прославился своими размерами, гармоничными пропорциями и богатством украшений. Это было место, где заседали главы знаменитого ордена Золотого руна. Его стены были увешаны великолепными гобеленами с изображением Аррана, изображающими жизнь и достижения Гидеона, мадианитянина, и придающими особую значимость чуду с "шерстяным руном", дарованному этому прославленному воину, великому покровителю рыцарей Руна. По этому случаю были различные дополнительные украшения цветами и гирляндами по обету. В западном конце была сооружена просторная платформа или сцена с шестью или семью ступенями, под которыми располагался ряд скамей для депутатов семнадцати провинций. На самой сцене справа и слева стояли ряды сидений, покрытых гобеленом. Они предназначались соответственно для размещения рыцарей ордена и высокопоставленных гостей. В задней части зала находились другие скамьи для членов трех великих советов. В центре сцены находился великолепный балдахин, украшенный бургундским гербом, под которым стояли три позолоченных кресла.

Все места на трибуне были свободны, но скамьи внизу, отведенные депутатам провинций, были уже заполнены. Многочисленные представители всех штатов — кроме двух — Гелдерланда и Овериссела, - уже заняли свои места. Серьезные магистраты в цепях и мантиях, а также исполнительные чиновники в великолепных гражданских мундирах, которыми славились Нидерланды, уже заняли все отведенные места. Остальная часть зала была заполнена более привилегированной частью публики, которой посчастливилось получить допуск на выставку.

Лучники и галлебардиеры из личной охраны несли вахту у всех дверей. Театр был полон — публика сгорала от нетерпения — актеры еще не прибыли. Когда часы пробили три, появился герой сцены. Цезарь, как его всегда называли на классическом языке того времени, вошел, опираясь на плечо Вильгельма Оранского. Они вышли из часовни, и сразу же за ними последовали Филипп Второй и королева Венгрии Мария. Эрцгерцог Максимилиан, герцог Савойский, и другие великие личности прибыли позже в сопровождении сверкающей толпы воинов, советников, губернаторов и рыцарей Руна.

Многие действующие или будущие исторические знаменитости Нидерландов, чьи имена так хорошо знакомы исследователям той эпохи, казалось, были сгруппированы, словно по заранее продуманному плану, на этой внушительной платформе, где занавес должен был навсегда опуститься над самым могущественным императором со времен Карла Великого и где одновременно должна была разыгаться сцена, открывающая долгую и ужасающую трагедию правления Филиппа. Там был епископ Аррасский, вскоре ставший известным во всем христианском мире под более знаменитым титулом кардинала Гранвелля, безмятежный и улыбчивый священник, чье незаметное влияние на судьбы стольких людей, присутствовавших тогда, и на судьбы всей страны, должно было быть таким обширным и таким смертоносным. Это был цвет фламандского рыцарства, прямой потомок древних фризских королей, уже прославившийся своей храбростью на многих поприщах, но еще не одержавший тех двух замечательных побед, которые вскоре прогремят по всей стране подобно звуку трубы. Высокий, великолепно одетый, с темными струящимися волосами, мягкими карими глазами, гладкими щеками, небольшими усиками и чертами почти женской утонченности — таков был галантный и злополучный Ламорал Эгмонт. Граф Горн; тоже с дерзким, угрюмым лицом и веерообразной бородой — храбрый, честный, недовольный, сварливый, непопулярный человек; другие обреченные близнецы — маркиз Берген и сеньор Монтиньи; барон Берлаймон, храбрый, беззаветно преданный, ненасытно жадный до должностей и жалованья, но, по крайней мере, никогда не служивший только одной партии; герцог Аршо, который должен был служить всем, пытаться править всеми и предавать всех — великолепный сеньор, великолепный в крамуази вельвет, но бедное создание, которое вело свою родословную от Адама, согласно семейным монументальным надписям в Лувене, но которое было более известно как внучатый племянник знаменитого наставника императора Кебра; смелый, развратный Бредероде с красивым, безрассудным лицом и буйным нравом; печально известный Нуаркармес, чье имя должно было быть покрыто вечным проклятием за то, что подражал своим соотечественникам и сородичам в той мере, в какой ему было позволено проявлять зверства и алчность Альвы; выдающиеся солдаты Мегэн и Аремберг — все они, как и многие другие, чьи ратные подвиги прославились по всей Европе, были заметны в блестящей толпе. Там же был и этот ученый фризец, президент Виглиус, хитрый, правдоподобный, ловкий, красноречивый — маленький, юркий человечек с длинными желтыми волосами, блестящими зелеными глазами, круглыми, пухлыми, розовыми щеками и ниспадающей бородой. Первым среди испанских грандов и близким к Филиппу был знаменитый фаворит Руй Гомес, или, как его фамильярно называли, "Ре и Гомес" (король и Гомес), человек широкоплечего телосложения, с угольно-черными волосами и бородой, блестящими глазами, лицом, побледневшим от напряженного труда, и стройной, но красивой фигурой; при императоре находился бессмертный принц Оранский.

Таковы были лишь немногие из самых выдающихся представителей этой веселой толпы, о судьбе которых отчасти будет нашим смиренным долгом рассказать; сколько из них прошли сквозь весь этот блеск к мрачной и таинственной гибели! — одни погибли на публичных

эшафотах, другие были убиты в полночь; другие, более удачливые, пали на поле битвы - почти все рано или поздно были положены в окровавленные могилы!

При появлении императора все присутствующие поднялись на ноги. По его приказу все немедленно вернулись на свои места. Скамьи по обоим концам помоста были соответственно заполнены приглашенными королевскими особами, рыцарями Руна, носящими знаки отличия своего ордена, членами трех великих советов и губернаторами. Император, король и королева Венгрии стояли на виду в центре сцены. Поскольку вся цель церемонии состояла в том, чтобы представить впечатляющую выставку, нам стоит потратить время на детальное изучение внешности двух главных героев.

Карлу Пятому было тогда пятьдесят пять лет и восемь месяцев, но он уже одряхлел от преждевременной старости. Он был примерно среднего роста, спортивного телосложения. Широкий в плечах, широкая грудь, тонкие бока, очень мускулистые руки и ноги, он был способен помериться силами со всеми соперниками на турнирах и ринге и собственноручно победить быка в любимом национальном развлечении Испании. В полевых условиях он мог выполнять долг капитана и солдата, переносить усталость, переохлаждение и любые лишения, кроме голодания. Теперь эти личные преимущества были утрачены. Искалеченный в руках, коленях и голени, он с трудом опирался на костыль с помощью плеча санитаря. Лицом он всегда был чрезвычайно уродлив, и время, конечно, не улучшило его физиономию. Его волосы, когда-то светлые, теперь побелели от старости, были коротко подстрижены и топорщились; борода была седой, жесткой и лохматой. У него был широкий и властный лоб; темно-синие глаза с выражением одновременно величественным и доброжелательным. Нос у него был орлиный, но кривой. Нижняя часть его лица славилась своим уродством. Нижняя губа, бургундское наследство, переданное по наследству так же верно, как герцогство и графство, была тяжелой и отвисшей; нижняя челюсть так сильно выдавалась за верхнюю, что ему было невозможно свести вместе те немногие обломки зубов, которые еще оставались, или произнести целую фразу внятным голосом. Еда и разговоры, занятия, к которым он всегда был очень привязан, с каждым днем становились все более тяжелыми из-за этого первоначального дефекта, который теперь казался едва ли человеческим, а скорее изначальным уродством.

Вот тебе и отец. Сын, Филипп Второй, был маленьким, тощим человечком, намного ниже среднего роста, с тонкими ногами, узкой грудной клеткой и съежившимся, робким видом закоренелого инвалида. Во время своего первого визита к своим тетям, королевам Элеоноре и Марии, привыкшим видеть во Фландрии и Германии достойных мужчин, он казался таким ничтожеством, что ему хотелось завоевать их расположение, предприняв несколько попыток на турнире, успех в которых был достаточно сомнительным. "Его тело, - говорит так называемый панегирист, - было всего лишь человеческой клеткой, в которой, какой бы короткой и тесной она ни была, обитала душа, для полета которой неизмеримые просторы небес были слишком тесны". [Cabrerera] Тот же самый ярый поклонник добавляет, что "его облик был настолько почтенным, что крестьяне, которые встречали его одного в лесу, не зная его, склонялись с инстинктивным почтением". Лицом он был живой копией своего отца, с таким же широким лбом и голубыми глазами, с таким же орлиным, но более пропорциональным носом. В нижней части лица также было воспроизведено замечательное бургундское уродство. У него была такая же тяжелая, отвисшая губа, огромный рот и чудовищно выступающая нижняя челюсть. У него был

светлый цвет лица, светлые и жидкие волосы, желтая, короткая и заостренная борода. Он походил на фламандца, но был высоконог, как испанец. Его поведение на публике было спокойным, безмолвным, почти замогильным. Он обычно смотрел в землю, когда разговаривал, был скуп на слова, смущен и даже выглядел страдающим. Отчасти это объяснялось природной надменностью, которую он время от времени пытался преодолеть, а отчасти обычными болями в желудке, вызванными его чрезмерным пристрастием к выпечке. [Бодаваро]

Таков был личный облик человека, который собирался взять в свои руки судьбы половины мира; единственной волей которого было в будущем определять судьбы каждого человека, присутствовавшего тогда, еще многих миллионов в Европе, Америке и на концах земли, а также бесчисленных миллионов еще не родившихся.

Три королевские особы были усажены на стулья, расставленные треугольным образом под балдахин, те из зрителей, для которых были предусмотрены места, теперь заняли свои места, и заседание началось. Филиберт де Брюссель, член тайного совета Нидерландов, встал по приказу императора и произнес длинную речь. Он говорил о теплой привязанности императора к провинциям, как к земле своего рождения; о его глубоком сожалении о том, что его подорванное здоровье и слабеющие силы, как физические, так и душевные, вынудили его отказаться от своего суверенитета и искать утешения для своего расшатанного организма в более благоприятном климате. Затем подагра Цезаря была описана энергичным языком, что, должно быть, стоило ему неприятных ощущений, когда он сидел там и слушал красноречие советника. "Это самый свирепый палач, - сказал Филиберт. - Он проникает во все тело, от макушки головы до подошв ног, не оставляя ничего нетронутым. Он невыносимо сжимает нервы, проникает в кости, замораживает костный мозг, превращает смазочные жидкости суставов в мел, не останавливаясь до тех пор, пока, истощив и ослабив все тело, не сделает бесполезными все его необходимые инструменты и не покорит разум чудовищными пытками". [Годелаев]

[Историк присутствовал на церемонии и дает очень полный отчет о выступлениях, все из которых он слышал. Возможно, его воображение помогло его памяти в выполнении этой задачи. Другие репортеры, участвовавшие в выступлении члена совета, свели этот патологический полет риторики к очень узким рамкам.]

Вступив в смертельную схватку с таким врагом, Цезарь почувствовал себя обязанным, как сообщил своим слушателям советник, сменить место сражения с влажного воздуха Фландрии на более теплую атмосферу Испании. Однако он радовался тому, что его сын был энергичным и опытным человеком и что его недавний брак с королевой Англии обеспечил провинциям ценнейший союз. Затем он снова упомянул о безграничной любви императора к своим подданным и завершил свое выступление громким, но излишним увещанием Филиппа о необходимости поддерживать католическую религию в ее чистоте. После этой длинной речи, которая была полностью передана несколькими историками, присутствовавшими на церемонии, советник приступил к чтению акта об уступке, по которому Филипп, уже суверен Сицилии, Неаполя, Милана и титульный король Англии, Франции и Иерусалима, теперь получал все герцогства, маркизаты, графства, баронства, города и замки бургундской собственности, включая, конечно, семнадцать Нидерландов.

Когда Де Брюссель закончил, по всему собранию прокатился гул восхищения, смешанный с ропотом сожаления о том, что в условиях нынешней великой опасности, нависшей над

границами со стороны воинственного короля Франции и его воинственной и беспокойной нации, провинции должны остаться без своего древнего и могущественного защитника. Затем император поднялся на ноги. Опираясь на костыль, он поманил со своего места человека, на руку которого опирался, входя в зал. Вперед выступил высокий, красивый юноша двадцати двух лет - человек, чье имя с тех пор и до конца истории было и будет более знакомо, чем любое другое, в устах нидерландцев. В то время у него была скорее южная внешность, чем немецкая или фламандская. У него были испанские черты лица, темные, хорошо выточенные и симметричные. Его голова была маленькой и хорошо сидела на плечах. Его волосы были темно-каштановыми, как и усы и остроконечная борода. Его лоб был высоким, просторным и уже преждевременно отпечатал тревожные линии мысли. Глаза у него были большие, карие, широко раскрытые и выражали глубокое раздумье. Он был одет в великолепную одежду, которой нидерландцы славились больше всех других наций и которая была необходима для церемонии. Поскольку его присутствие считалось необходимым на этой великой церемонии, его совсем недавно вызвали из пограничного лагеря, где, несмотря на его молодость, император назначил его главнокомандующим своей армией против таких противников, как адмирал Колиньи и герцог Неверский.

Опираясь таким образом на свой костыль и на плечо Вильгельма Оранского, император обратился к штатам с помощью написанного мелким почерком брифинга, который держал в руке. Он быстро проанализировал ход событий, начиная с его семнадцатилетия и заканчивая сегодняшним днем. Он рассказал о своих девяти экспедициях в Германию, шести в Испанию, семи в Италию, четырех во Францию, десяти в Нидерланды, двух в Англию, стольких же в Африку и об одиннадцати морских путешествиях. Он вкратце описал свои различные войны, победы и мирные договоры, заверяя своих слушателей, что благополучие его подданных и безопасность римско-католической религии всегда были главными целями его жизни. Пока Бог даровал ему здоровье, продолжал он, только враги могли сожалеть о том, что Карл жив и царствует, но теперь, когда его сила была всего лишь суетой, а жизнь быстро убывала, его любовь к власти, его привязанность к своим подданным и его уважение к их интересам требовали его ухода. Вместо дряхлого человека, стоящего одной ногой в могиле, он представил им суверена в расцвете сил и здоровья. Повернувшись к Филиппу, он заметил, что для умирающего отца завещать столь великолепную империю своему сыну было поступком, достойным благодарности, но что когда отец таким образом сошел в могилу раньше времени и посредством ожидаемого погребения заживо стремился обеспечить благополучие своих владений и величие своего сына, дарованное таким образом благо, несомненно, было намного больше. Он добавил, что долг будет выплачен ему и с помощью ростовщичества, если Филипп будет вести себя в своем управлении провинцией с мудрым и бережным отношением к их истинным интересам. Потомки приветствовали бы его отречение, если бы его сын оказался достоин его щедрот; а этого можно было добиться, только живя в страхе Божьем и поддерживая закон, справедливость и католическую религию во всей их чистоте, как истинную основу королевства. В заключение он умолял сословия, а через них и нацию, повиноваться своему новому князю, поддерживать согласие и сохранять в неприкосновенности католическую веру; умоляя их в то же время простить ему все ошибки или оскорбления, которые он мог совершить по отношению к ним во время своего правления, и заверяя их, что он должен постоянно помнить об их послушании и привязанности в каждой своей молитве к тому Существо, которому должен был посвятить остаток своей жизни.

Такие смелые слова, как эти, так много энергичных заявлений о попытках исполнения долга, такие горячие надежды, выраженные в отношении благожелательной администрации в интересах сына, не могли не затронуть чувства зрителей, и без того взволнованных и смягченных впечатляющим характером всего представления. Рыдания были слышны в каждой части зала, и слезы обильно лились из всех глаз. Рыцари Руна на помосте и бюргеры на заднем плане были растроганы одними и теми же эмоциями. Что касается самого императора, то, закончив свою речь, он почти в обмороке опустился на стул. Пепельная бледность покрыла его лицо, и он заплакал, как ребенок. Даже ледяной Филипп почти смягчился, когда поднялся, чтобы сыграть свою роль в церемонии. Опустившись на колени перед ногами отца, он благоговейно поцеловал его руку. Чарльз торжественно возложил руки на голову сына, осенил его крестным знаменем и благословил его именем Святой Троицы. Затем, подняв его на руки, он нежно обнял его, сказав при этом окружающим его великим властителям, что он испытывает искреннее сострадание к сыну, на плечи которого только что легла такая тяжелая ноша и которого только пожизненный труд мог позволить ему поддерживать. Теперь Филипп произнес несколько слов, выражающих его долг перед отцом и любовь к своему народу. Обращаясь к орденам, он выразил сожаление по поводу того, что не может обратиться к ним ни на французском, ни на фламандском языке, и поэтому был вынужден обратить их внимание на епископа Аррасского, который выступит в качестве его переводчика. Энтони Перрено соответственно встал и плавными, беглыми и хорошо выверенными фразами пространно выразил благодарность Филиппа своему отцу за его твердую решимость идти по пути долга и следовать советам и примеру своего отца в будущем управлении провинциями. На это длинное обращение прелата столь же пространно ответил Якоб Маас, член Совета Брабанта, человек большой образованности, красноречия и многословия, который был избран для ответа от имени генеральных штатов и который теперь от имени этих органов принял отречение в элегантной и лестной речи. Королева Венгрии Мария, "христианская вдова" Эразма и регент Нидерландов в течение последних двадцати пяти лет, затем поднялась, чтобы сложить с себя полномочия, обратившись с краткой речью, в которой выразила свою любовь к народу, сожаления по поводу ухода от него и надежду на то, что все ошибки, которые она могла совершить за время своего долгого правления, будут ей прощены. И снова избыточная Маас отреагировала, заявив в терминах свежего комплимента и элегантности о неизменном удовлетворении провинций ее поведением на протяжении всей ее карьеры.

Теперь, когда речи и ответы были доведены до конца, церемония была прекращена. Император, опираясь на плечи принца Оранского и графа де Бюрена, медленно покинул зал, сопровождаемый Филиппом, королевой Венгрии и всем двором; все в том же порядке, в каком они вошли, и тем же проходом в часовню.

Очевидно, что драма имела полный успех. Это была сцена, где героическое самопожертвование, трогательная уверенность, простодушная любовь к долгу, патриотизм и отцовская привязанность, с одной стороны, и сыновнее почтение с торжественным отношением к общественному долгу и высшим интересам народа - с другой, должны были стать преобладающими чувствами. Счастье Нидерландов, по-видимому, было единственной целью, намеченной в этой великой сделке. Все хорошо сыграли свою роль в прошлом, все надеялись на лучшее в последующие времена. На отрекшегося от престола императора смотрели как на героя и пророка. Сцена была залита слезами. Нет ни малейших сомнений в искреннем и всеобщем волнении, охватившем все собрание. "Речь цезаря, - говорит секретарь Годелаевус, присутствовавший на церемонии, - глубоко тронула знать и джентри, многие из которых

расплакались; даже прославленные рыцари Руна были растроганы". Историк Понт Эвтерус, которому в то время было двадцать лет, также присутствовавший среди зрителей, свидетельствует, что "большая часть собравшихся расплакалась; они издавали при этом такие громкие рыдания, что заставили его Кесарево Величество и королеву плакать вместе с ними. Мое собственное лицо, - добавляет он, - было совершенно мокрым". Английский посланник сэра Джон Мейсон, описывая в депеше своему правительству сцену, свидетелем которой он только что стал, рисует ту же картину. "Император, - сказал он, - просил прощения у своих подданных, если он когда-либо невольно пренебрегал выполнением какого-либо из своих обязанностей по отношению к ним. И тут, - продолжает посланник, - он разразился рыданиями, на что, я думаю, помимо печальности происходящего, его еще больше спровоцировало то, что он видел, как вся компания делала то же самое раньше; по моему мнению, во всем собрании не было ни одного человека, незнакомца или другого, который во время хорошей части своей речи не лил бы так обильно слез, немного больше, немного меньше. И все же он молил их смириться с его несовершенствами, вытекающими из его болезненного возраста, и с упоминанием столь деликатного вопроса, как уход от такого рода серьезных и любящих подданных".

И все же чем был император Карл для жителей Нидерландов, что они должны оплакивать его? Его поведение по отношению к ним на протяжении всей его карьеры было проявлением абсолютного угнетения. Что значили для них все эти сорок путешествий по морю и суше, эти переезды туда и обратно из Фрисландии в Тунис, из Мадрида в Вену. Какое им было дело до того, что имперский шаттл так усердно летал туда-сюда? Создаваемая ткань была лишь частью ежедневно растущего величия его императорского дома; ткацкие станки продолжали работать за счет с трудом заработанных денег, а гав часто окрашивался в красный цвет кровью его самых храбрых подданных. Интересы Нидерландов никогда не были даже второстепенными для их хозяина. Он не выполнил никакого долга по отношению к ним, он совершил против них тягчайшие преступления. Он рассматривал их просто как сокровищницу, из которой можно черпать; в то время как суммы, которые он вымогал, тратились на непрерывные и бессмысленные войны, которые представляли для них не больше интереса, чем если бы они велись на другой планете. Из пяти миллионов золота ежегодно, которые он получал из всех своих владений, два миллиона поступали из этих трудолюбивых и богатых провинций, в то время как всего полтора миллиона поступали из Испании и еще половина - из Индии. Богатые рудники, открытые руками промышленников на этой узкой территории древних болот и зарослей, приносили в императорскую казну вчетверо больше дохода, чем все хваленые богатства Мексики и Перу. И все же с ремесленниками, фермерами и торговцами, которые производили эти богатства, советовались примерно в той же степени при расходовании налогов на их промышленность, что и с дикарями Америки при распределении минеральных богатств их почвы. Соперничество домов Габсбургов и Валуа - вот что было захватывающей темой на протяжении большей части правления, которое только что так драматично завершилось. Завоевание империи над Франциском, оставление дону Филиппу более богатого наследия, чем мог ожидать дофин, были главными мотивами беспрецедентной энергии, проявленной Карлом на протяжении более длительного и успешного периода его карьеры. Подавить Реформацию во всех своих владениях было его последующим занятием, пока он в отчаянии не покинул поле боя. Конечно, нидерландцам было нежелательно, чтобы они находились под таким контролем человека, который заставлял их вносить столь значительный вклад в успех планов, некоторые из которых были в лучшем случае безразличны, а другие были им совершенно ненавистны. Они регулярно выплачивали 1 200 000 крон в год; за пять лет они

выплатили чрезвычайную субсидию в размере восьми миллионов дукатов, и придворные представители их деспота резко порицали Штаты, если те осмеливались интересоваться целями этих ассигнований или выражать заинтересованность в их разумном управлении. И все же, возможно, предполагалось, что им было безразлично, победил ли Франциск или Карл при Павии, и уж точно не было причиной триумфа для ежедневно увеличивающихся тысяч религиозных реформаторов в Голландии и Фландрии, что их братья были разгромлены императором при Мюльберге. Но он был не одинок в том, что истощал их сокровища и препятствовал их промышленности. Он находился в постоянном конфликте с их древними и дорого купленными политическими свободами. Подобно своему предку Карлу Смелому, он стремился создать королевство из провинций. Он был склонен уложить все их отдельные уставы на прокрустово ложе и привести их все к единообразию, просто сведя целое к нулю. Трудности на этом пути, решительное сопротивление бюргеров, чьи отцы добыли эти хартии своей кровью, и недостаток досуга во время огромных трудов, которые выпали на его долю как автократа столь значительной части мира, заставили его отложить на неопределенный срок осуществление своего плана. Он нашел время только для того, чтобы детально сокрушить некоторые из передовых либеральных институтов провинций. Он нашел город Турне счастливой, процветающей, самоуправляемой маленькой республикой во всех ее местных делах; он уничтожил ее свободы без уважительного предлога и низвел ее до состояния испанского или итальянского провинциального городка.

Его достопамятное наказание Гента за то, что он осмелился отстаивать свои древние права на самообложение, достаточно известно миру, и о нем уже подробно рассказывалось. Можно было бы привести множество других примеров, если бы это не было излишней задачей, чтобы доказать, что Карл был не только политическим деспотом, но и самым деспотичным и жестоким в осуществлении своего деспотизма.

Но если бы его грехи против Нидерландов заключались только в финансовом и политическом угнетении, было бы, по крайней мере, возможно, хотя, конечно, и не похвально, что жители должны были сожалеть о его отъезде. Но есть гораздо более мрачные преступления, за которые он предстает перед судом истории, и действительно странно, что человеку, совершившему их, было позволено произнести прощальную речь среди смешанных аплодисментов и слез. Его рука основала инквизицию в Нидерландах. До его прихода было бы напрасно говорить, что там когда-либо существовало дьявольское учреждение. Отдельные случаи, в которых инквизиторы выполняли свои функции, доказывали отсутствие, а не присутствие системы, и будут обсуждены в следующей главе. Карл ввел и организовал папскую инквизицию, наряду с теми ужасными "плакатами" своего изобретения, которые представляли собой замаскированную инквизицию, еще более жестокую, чем испанская. Исполнению системы никогда не позволялось останавливаться. Число нидерландцев, которые были сожжены, задушены, обезглавлены или похоронены заживо, повинувшись его указам, а также за нарушения, связанные с чтением Священного Писания, косым взглядом на статуи или высмеиванием фактического присутствия тела и крови Христа в облатке, достигло ста тысяч, по оценкам авторитетных авторитетов, и никогда не опускалось ниже пятидесяти тысяч. Венецианский посланник Навигеро определил число жертв только в провинциях Голландия и Фрисландия в тридцать тысяч человек, и это в 1546 году, за десять лет до отречения и за пять до обнародования отвратительного эдикта 1550 года!

Эдикты и инквизиция были подарком Карла Нидерландам в обмен на их растраченные сокровища и постоянное послушание. За это его имя заслуживает вечного позора не только во всех Нидерландах, но и в каждой стране, где хоть одно сердце бьется за политическую или религиозную свободу. Искоренить эти институты после того, как они были полны и за ними наблюдал его преемник, было делом восьмидесятилетней войны, в ходе которой были принесены в жертву миллионы жизней. И все же отрекшийся император собрал вокруг себя своих верных подданных и в последний раз предстал перед ними в своих императорских одеждах, чтобы сказать им о том нежном отношении, которое он всегда к ним питал, и смешать свои слезы с их слезами.

Если бы хоть один призрак восстал из одной из многих тысяч могил, куда по его указу были заживо брошены человеческие существа, возможно, был бы найден ответ на вопрос, заданный императором среди всех этих жалобных рыданий. Возможно, это могло бы сказать человеку, который просил прощения у своих слушателей, если он когда-либо невольно оскорбил их, что существует мир, где пытать, душить, сжигать и топить своих невинных собратьев считается преступлением. Обычное, но ничтожное оправдание таким чудовищам императору найти нельзя. Карл не был фанатиком. Человек, чьи армии разграбили Рим, который наложил свои кощунственные руки на наместника Христа и держал непогрешимого главу Церкви в плену для достижения своих собственных политических целей, тогда не был фанатиком. Он ни во что не верил, за исключением того, что, когда осуществлению его императорской воли воспрепятствовали и интересы его императорского дома оказались под угрозой, понтифики должны были уступить так же, как и анабаптисты. Это была политическая ересь, которая таилась в непокорности религиозных реформаторов догмам, традициям и сверхъестественному разрешению мирской власти, с которой он был готов бороться насмерть. Он был слишком проникательным политиком, чтобы не замечать связи между стремлением к религиозной и политической свободе. Его рука всегда была готова сокрушить обе ереси одновременно. Если бы он был истинным сыном Церкви, верным поборником ее непогрешимости, он не подчинился бы пассаускому миру до тех пор, пока мог вывести солдата на поле боя. И все же он согласился на Реформацию в Германии, в то время как костры для сожжения реформаторов постоянно полыхали в Нидерландах, где даже намек на существование Пассауского мира был смертным приговором. Он согласился не только по принуждению, поскольку задолго до своего памятного поражения от Мориса он разрешил немецким войскам, без услуг которых он не мог обойтись, регулярно посещать протестантские богослужения, совершаемые их собственными протестантскими капелланами. Лютеранские проповедники маршировали из города в город Нидерландов под имперским знаменем, в то время как подданные этих вотчинных провинций ежедневно страдали на эшафоте за свое несогласие. Влияние этой гарнизонной проповеди на ход Реформации в Нидерландах хорошо известно. Карл ненавидел лютеран, но ему нужны были солдаты, и таким образом он своей собственной политикой помогал распространять то, ради чего, будь он фанатиком, которым, возможно, стал на пенсии, он пожертвовал бы своей жизнью. Совершенно верно, что растущий кальвинизм в провинциях был более опасен как религиозно, так и политически, чем протестантизм немецких князей, который еще не был официально объявлен ересью, но, таким образом, тем более очевидно, что деспот хотел подавить политическое, а не религиозное иноплеменство.

Однако ни один человек не мог бы быть более соблюдающим религиозные обряды. Он ежедневно посещал мессу. Каждое воскресенье и праздничные дни он слушал проповедь. Он исповедовался и принимал причастие четыре раза в год. Иногда его видели в полночь в его

палатке на коленях перед распятием с поднятыми глазами и руками. Он не ел мяса во время Великого поста и проявлял необычайное усердие, чтобы обнаружить и наказать любого человека, будь то придворный или плебей, который не соблюдал пост в течение целых сорока дней. Он был слишком хорошим политиком, чтобы не знать ценности широких филатерий и долгих молитв. Он был слишком внимательным наблюдателем человеческой природы, чтобы не знать, как легко мята и тмин все еще могут перевесить "более весомые вопросы закона, суда, милосердия и веры"; как будто основатель религии, которую он исповедовал и для поддержания которой учредил инквизицию и эдикты, никогда не оплакивал фарисеев. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что временами император был почти популярен в Нидерландах и что он никогда не был таким одиозным, как его преемник. Для этого были как глубокие причины, так и поверхностные; среди прочих, исключительно удачный способ. Он говорил по-немецки, по-испански, по-итальянски, по-французски и по-фламандски и мог воспринимать особенности каждой страны так же легко, как пользовался ее языком. Он мог быть величественным с испанцами, фамильярным с фламандцами, остроумным с итальянцами. Он мог сразить быка на ринге, как матадор в Мадриде, или выиграть приз на турнире, как рыцарь древности; он мог скакать на ринге с фламандской знатью, попасть в яблочко из своего арбалета среди антверпенских ремесленников или пить пиво и обмениваться грубыми шутками с хамами Брабанта. Ради таких добродетелей его тяжкие преступления против Бога и человека, против религии изакрепленных в уставе и торжественно принесенных присягой прав были смягчены, как будто угнетение стало более терпимым, потому что угнетатель был опытным лингвистом и хорошим стрелком.

Но главная причина его популярности, без сомнения, заключалась в его военном гении. Чарльз не уступал ни одному генералу своего возраста. "Когда он появился на свет, - сказал Алва, - он родился солдатом", и император подтвердил это утверждение и ответил взаимностью на комплимент, заявив, что "тремя первыми капитанами эпохи были сначала он сам, а затем герцог Алва и коннетабль Монморанси". Совершенно верно, что не все его офицеры придерживались такого же мнения, и многие были слишком склонны жаловаться, что его постоянное присутствие на поле боя приносит больше вреда, чем пользы, и "что его Величеству было бы гораздо лучше остаться дома". Однако нет сомнений в том, что он был и хорошим солдатом, и хорошим генералом. Он был бесстрашен от природы и обладал огромной энергией и выносливостью. Он всегда первым надевал оружие, когда предстояло сражение, и последним снимал доспехи. Он командовал лично и главнокомандующим, даже когда был окружен ветеранами и искалечен подагрой. Он был спокоен при больших неудачах. Говорили, что он никогда не менял цвет кожи, за исключением двух случаев: после фатального уничтожения его флота в Алжире и во время памятного бегства из Инспрука. Он обладал флегматичным, стоическим темпераментом, пока его не сломили возраст и болезни; человек без чувств и слез. Испанцы говорили, что его никогда не видели плачущим, даже после смерти его ближайших родственников и друзей, за исключением единственного случая ухода дона Ферранте Гонзаги от двора. Такой темперамент был неоценим в бурной карьере, которой он посвятил свою жизнь. По сути, он был человеком действия, военным вождем. "Молитесь только о моем здоровье и моей жизни, - имел обыкновение говорить он молодым офицерам, которые приезжали к нему со всех концов его владений, чтобы служить под его знаменами. - Пока они у меня есть, я никогда не оставлю вас без дела; по крайней мере, во Франции. Я люблю мир не больше, чем все вы. Я был рожден и воспитан с оружием в руках и по необходимости должен оставаться в доспехах, пока не смогу больше этого выносить". Неугомонная энергия и великолепное спокойствие его

характера сделали его героем среди принцев, кумиром среди своих офицеров, всенародным любимцем повсюду. Быстрота, с которой, подвергая себя большому личному риску, он, подобно молнии, спустился в разгар Гентского восстания; юношеский пыл, с которым почти прикованный к постели человек поднялся с постели, чтобы разгромить протестантов в Мюльберге; мрачный стоицизм, с которым он наблюдал, как шестьдесят тысяч его собственных солдат погибли при зимней осаде Меца; все это обеспечило ему немалую долю тех аплодисментов, которые всегда сопровождают военные отличия, особенно когда человек, добившийся этого, носит корону. Он сочетал личную доблесть рыцаря древности с более современными достижениями ученого-тактика. Он мог атаковать врага лично, как самый блестящий кавалерийский офицер, и он досконально разбирался в организации кампании, в расстановке войск и снабжении их продовольствием, а также во всем искусстве развертывания и поддержания армии в полевых условиях.

И все же, хотя он был храбр и воинствен, как самый благородный из его предков, готский, бургундский или швабский, он был начисто лишен рыцарства. Фанатизм веры, защита угнетенных, верность друзьям и врагам, рыцарская преданность делу, считающемуся священным, принесение личных интересов в жертву великим идеям, щедрость руки и сердца - всех тех качеств, которые в сочетании с мужеством и постоянством составляют идеал шевалье, Карлу не только не хватало, но и он презирал. Он топтал слабого противника, будь то бюргер или мелкий властелин. Он был лжив, как вода. Он соблазнял своих врагов, доверявших императорским обещаниям, искусствами, недостойными императора или дворянина. Он водил за нос несчастного Джона Фредерика Саксонского, выражаясь его собственным языком, "как медведя на цепи", готового наброситься на Мориса, если "мальчик" окажется неблагодарным. Он потворствовал знаменитому подлогу прелата Аррасского, которому ландграф Филипп был обязан своим долгим тюремным заключением; злодейство похуже многих, за которое более скромные негодяи тысячами попадали на виселицу. Современный мир хорошо знал историю его махинаций, как колоссальных, так и мельчайших, и фамильярно называл его "Чарльз кви Триш".

Абсолютный хозяин царств, над которыми постоянно сияло солнце, он был не только жаден до дополнительных владений, но и скуп в мелочах и терпеть не мог расставаться со ста долларами. Солдату, который принес ему меч и латные перчатки Франциска Первого, он дал сто крон, тогда как десять тысяч были бы меньше обычного подарка, так что человек ушел от него в полном отчаянии. Трое солдат, переплывших Эльбу с мечами во рту, чтобы доставить ему лодки, на которых он добрался до победы при Мюльберге, получили от его императорских щедрот камзол, пару чулок и по четыре кроны за штуку. Его придворные и министры горько жаловались на его обычную скупость и были рады сколотить свое скудное жалованье, принимая взятки от всех, кто был достаточно богат, чтобы их раздавать. По правде говоря, Чарльз был больше, чем кто-либо другой, политиком, несмотря на свои выдающиеся способности солдата. Если основать институты, которые могли бы просуществовать долго, было испытанием государственной мудрости, то он был даже государственным деятелем; ибо многие из его институтов выдерживали давление на протяжении трех столетий. Но труды Карла Великого пали, как только его рука похолодела, в то время как труды многих рядовых законодателей достигли бессрочной силы, в которой отказывают статутам Солона или Ликурга. Долговечность не является критерием заслуг человеческих институтов. Если судить по единственному критерию, применимому к правительствам, - их способности обеспечивать высочайшее благосостояние управляемых, - мы не найдем, что его политика заслуживает особого восхищения. Дело не

только в том, что он был деспотом по рождению и склонностям, и не в том, что он естественным образом заменял республиканский элемент, насколько это было практически возможно, деспотическим везде, где можно было проследить его руку. В деспотизме может быть что-то хорошее, как в демократии часто бывает много тирании. Однако, если судить по мерке, по которой можно оценивать все правительства, по тем законам истины и божественной справедливости, которые признают все христианские народы и которые вечны, независимо от того, признаются они или нет, мы найдем мало достойного уважения в деятельности императора за всю его жизнь. Интересы его семьи, безопасность его династии - вот что было его целью. Счастье или прогресс его народа никогда не были даже косвенными мотивами его поведения, и результатом стала сбитая с толку политика и, наконец, искалеченная и обанкротившаяся империя.

Он знал людей, особенно их слабости, и знал, как призвать их к ответу. Он знал, как много им придется вынести, и что маленькие обиды иногда разжигают нечто большее, чем огромная и преднамеренная несправедливость. Поэтому он нанимал туземцев в основном на второстепенные должности в своих различных штатах и неоднократно предупреждал своего преемника, что высокомерие испанцев и несовместимость их характера с фламандцами приведут к большим трудностям и опасностям. Он считал, что люди могли бы более разумно подвергаться тирании со стороны своих же сородичей, и в этом, возможно, он был прав. Он был неутомим в ведении бизнеса, и если бы было возможно управлять половиной мира так, как если бы это была частная собственность отдельного человека, Чарльз, возможно, справился бы с этой задачей не хуже, чем любой другой человек. У него не было абсурдности предполагать, что он может заниматься деталями каждого отдельного дела в каждой из своих сфер; и поэтому он доверил управление всеми специальностями своим различным министрам и агентам. Его обязанностью было знать людей и заниматься делами большого масштаба, и в этом он, безусловно, превосходил своего преемника. Его переписка в основном находилась в руках Гранвеля старшего, который анализировал полученные письма и часто писал все ответы, кроме подписей. Один и тот же министр обычно обладал императорским слухом и использовал его в своих интересах. Во всем этом, конечно, было место для огромного обмана, но император вполне отдавал себе отчет в том, что происходит, и придерживался философского взгляда на этот вопрос как неизбежной части своей системы. Гранвель невероятно разбогател на его глазах, пользуясь благосклонностью императора и избавляя его величество от многих хлопот. Карл все это видел, высмеивал его казнокрадство, но называл его своим "пуховым ложем". Однако его знание человеческой природы было почерпнуто главным образом из размышлений о ее слабостях и поэтому было односторонним. Несмотря на то, что он был проницательным политиком, он часто обманывался и совершил множество фатальных ошибок. Он часто ввязывался в предприятия, которые не могли быть почетными или прибыльными и которые наносили ущерб его величайшим интересам. Он часто оскорблял людей, которые могли бы быть полезными друзьями, и превращал союзников во врагов. "Его величество, - сказал проницательный наблюдатель, хорошо знавший его, - за всю свою карьеру не проявил той осмотрительности, которая была ему необходима. Он часто оскорблял тех, чью любовь мог бы завоевать, превращал друзей во врагов и позволял погибать тем, кто был его самыми верными сторонниками". Таким образом, следует признать, что даже его хваленое знание человеческой природы и умение обращаться с людьми были скорее поверхностными и эмпирическими, чем подлинный дар гения.

Его личные привычки на протяжении большей части жизни были привычками неутомимого солдата. Он мог оставаться в седле день и ночь и переносить любые трудности, кроме голода. Он был склонен к вульгарному и разнообразному недержанию мочи. Он был большим любителем поесть. В пять часов он позавтракал птицей, сваренной в молоке и заправленной сахаром и специями. После этого он снова заснул. Он обедал в двенадцать, съедая всегда по двадцать блюд. Он ужинал дважды: сначала вскоре после вечерни, а во второй раз в полночь или в час дня, и эта трапеза была, пожалуй, самой плотной из четырех. После мяса он съедал огромное количество выпечки и сластей и каждую трапезу орошал большими глотками пива и вина. Его желудок, изначально замечательный, сдал после сорока лет таких трудов. Его начал подводить вкус, но не аппетит, и он пожаловался своему дворецкому, что вся его еда безвкусна. Ответ, пожалуй, один из самых знаменитых в фасетии. Повару больше ничего не оставалось, как подать его величеству пирожок с часами. Намек на страсть императора к часовому делу был встречен бурными аплодисментами. Карл "смеялся дольше, чем когда-либо смеялся прежде, и все придворные (конечно) смеялись так же долго, как и его величество". [Бадоваро] Успех столь жалкой шутки заставил бы предположить, что дурачество было менее достойно восхищения при императорском дворе, чем некоторые из записанных остроумий Триболе заставляют нас предполагать.

Передача Филиппу других корон и сановников была совершена месяц спустя в спокойной обстановке. Испания, Сицилия, Балеарские острова, Америка и другие части земного шара были переданы без большей демонстрации, чем обычное "пожертвование заживо". Империя вызвала некоторые трудности. Фердинанду уже было дано понять, что его брат должен отказаться от императорской короны в его пользу, и символы суверенитета были соответственно переданы ему из рук Вильгельма Оранского. Более того, депутация, во главе которой были этот дворянин, вице-канцлер Сельд, и доктор Вольфганг Галлер, была отправлена, чтобы сообщить выборщикам Империи о принятом таким образом решении. Однако потребовалась задержка более чем на два года, вызванная отчасти гибелью трех курфюрстов, отчасти войной, которая так скоро разразилась в Европе, прежде чем по этому вопросу были приняты официальные меры. Однако в феврале 1553 года выборщики, собравшись во Франкфурте, приняли отречение Карла и приступили к избранию Фердинанда. Этот император был коронован в марте и немедленно отправил миссию к Папе римскому, чтобы проинформировать его об этом факте. Ничто не было менее ожидаемым, чем любое противодействие со стороны понтифика. Однако ворчливый старикашка, который тогда восседал на троне Святого Петра, ненавидел Чарльза и всю его расу. Соответственно, он отрицал действительность всей сделки без санкции, ранее полученной от папы римского, которому принадлежали все короны. Фердинанд, выслушав через своих посланников множество нелепых догматических высказываний папы, в конце концов отказался от обсуждения с официальным протестом и первым был признан преемником Караффы, Пием IV.

Шарль не стал откладывать свою отставку до окончания этих споров. Он занимал частный дом в Брюсселе, недалеко от Лувенских ворот, до августа 1556 года. 27 числа того же месяца он направил письмо из Гента Джону Оснабрюкскому, президенту Палаты Шпиелей, в котором заявлял о своем отречении в пользу Фердинанда и просил, чтобы тем временем Фердинанду было оказано такое же послушание, какое могло быть оказано ему самому. Десять дней спустя он направил письмо в государственные учреждения Империи, в котором констатировал тот же факт, и 17 сентября 1556 года отплыл из Зеландии в Испанию. Эти задержки и трудности породили некоторые неправильные представления. Многие люди, которые не восхищались

отречением, которое другие, напротив, расценивали как акт беспримерного великодушия, решительно отрицали, что Карл намеревался отречься от Империи. Венецианский посланник проинформировал свое правительство, что Фердинанд должен был стать наместником Карла только со строгими ограничениями и что император должен был возобновить управление страной, как только позволит его здоровье. По его словам, епископ Аррасский и дон Хуан де Манрике заверили его, что Карл ни в коем случае окончательно не отречется от престола. Манрике даже утверждал, что верить в любое подобное намерение - это просто фарс. Император должен остаться, чтобы защитить своего сына ресурсами Империи от Франции, турок и еретиков. Сама его тень была ужасна для лютеран, и можно было ожидать, что его облик снова восстанет в суровой реальности из своей временной могилы. Время показало ложность всех этих фантазий, но взгляды, которых таким образом придерживались те, кто был в наилучшем состоянии знать истину, доказывают, как трудно было людям поверить в сделку, которая тогда была столь необычной, и как мало это соответствовало в их глазах истинной порядочности. Было необходимо обратиться ко временам Диоклетиана, чтобы найти пример подобного отречения от империи, причем столь преднамеренного и масштабного, и великий английский историк Римской империи сравнил эти два акта друг с другом. Но, похоже, между этими случаями существует огромная разница. Оба императора были выдающимися воинами; оба были безжалостными гонителями незащищенных христиан; оба променяли безграничную империю на абсолютное уединение. Но Диоклетиан родился в низшей пропасти человеческой деградации — рабом и сыном рабыни. Для такого человека, достигшего высочайшей вершины человеческого величия, добровольно отказаться от власти кажется актом гораздо большего великодушия, чем отступление Карла. Рожденный в пурпуре, обладавший неограниченной властью с детства и носивший с колыбели так много корон, германский император вполне мог бы предположить, что научился оценивать их по достоинству. Однако современные умы были заняты тем, чтобы обнаружить скрытые мотивы, которые могли повлиять на него, и мир до сих пор не перестает удивляться. И все же, учитывая характер императора, было бы еще чудеснее, если бы он остался. Конец не увенчал работу; он небезосновательно дискредитировал рабочего. Ранняя и даже большая часть его карьеры была сплошной чередой триумфов. Заветная мечта его деда и его собственной юности - добавить папскую тройную корону к остальным наследственным владениям своей семьи, - он действительно был вынужден уйти в отставку. У него было слишком много практического фламандского здравого смысла, чтобы долго предаваться химерам, но он завоевал Империю, победив грозных соперников, и он последовательно не только побеждал, но и брал в плен почти каждого властителя, который ополчился против него с оружием в руках. Климента и Франциска, герцогов и ландграфов Клеверта, Гессена, Саксонии и Брауншвейга, он приковал к колесам своей колесницы, заставив многих есть хлеб унижения и плена в течение долгих и утомительных лет. Но заключительная часть его правления перечеркнула все его прежнее величие. Вся его карьера была неудачной. В конце концов, он потерпел поражение в большинстве своих проектов. Он унижил Фрэнсиса, но Генрих самым решительным образом отомстил за своего отца. Он растоптал Филиппа Гессенского и Фредерика Саксонского, но перехитрить человека, который перехитрил весь мир, и обратить в позорное бегство завоевателя народов было суждено представителю той немецкой расы, которую он характеризовал как "мечтательную, пьяную и неспособную к интригам". Немеckому юноше, который научился и войне, и притворству при дворе и в лагере того, кто был таким глубоким мастером обоих искусств, было суждено затмить своего учителя на самом величественном театре христианского мира. Поглощенный в Иннспруке обсуждениями в совете Трента, Чарльз не обращал внимания на отдаленное бормотание бури, которая собиралась

вокруг него. В то время как он готовился навсегда сокрушить протестантскую церковь оружием, которое ковала коллегия епископов, о чудо! стремительный и отчаянный Морис, с длинной рыжей бородой, развевающейся, как метеор на ветру, мчащийся через горные перевалы во главе своих улан — аргументы более убедительные, чем все догмы Гранвеля! Переодевшись старухой, император попытался 6 апреля сбежать в крестьянской повозке из Инспрука во Фландрию. Спасенный на время посредничеством Фердинанда, он несколько недель спустя, после того как его войска были разбиты Мавриkiem при Фюссене, снова бежал в полночь 22 мая, почти без присмотра, больной душой и телом, под раскаты грома, молнии и дождь по труднопроходимым альпийским перевалам из Инспрука в Каринтию. Его ученик позволил ему сбежать только потому, что, говоря его собственным языком, "для такой птицы у него не было удобной клетки". Заключение принцы теперь были обязаны своим освобождением не милосердию императора, а его панике. Пассауский мир, заключенный в августе следующего года, разрушил всю структуру императорского труда и заложил фундамент протестантской церкви. В последний раз он разгромил протестантов в Мюльберге. С другой стороны, человек, который вел себя с Римом так, как будто вассалом был папа, а не он сам, был вынужден перед своим отъездом стать свидетелем дерзости понтифика, который особенно гордился тем, что оскорблял и унижал свой дом и попираал гордость Карла, Филиппа и Фердинанда. И во Франции катастрофическая осада Меца научила его тому, что в императорском зодиаке достигнут роковой знак Рака. Фигура краба с надписью "plus citra" вместо его гордого девиза "plus ultra", нацарапанного на стенах дома, где он жил в ту мрачную эпоху, возможно, сильнее, чем думал шут, отомстила за предыдущие несчастья Франции. Великий турок, Солиман Великолепный, тоже владел большей частью Венгрии и в тот момент держал флот, готовый выступить против Неаполя в сотрудничестве с папой римским и Францией. Таким образом, неверующие, протестанты и Святая Церковь объединились, чтобы сокрушить его. По отношению ко всем великим державам земли он придерживался позиции не завоевателя, а разочарованного, сбитого с толку, побежденного властелина. Более того, его искренние попытки обеспечить Филиппу императорский трон потерпели неудачу задолго до этого. Фердинанд и Максимилиан оба стойко сопротивлялись его доводам и уговорам. Отец представлял собой ничтожное достояние их ветви семьи по сравнению с огромным наследием Филиппа; который, будучи, в конце концов, всего лишь мужчиной и наделенный ограниченными полномочиями, мог утонуть под таким огромным давлением империи, какое его отец хотел ему обеспечить. Максимилиан также заверил своего дядю, что у него такой же аппетит к короне, как и у Филиппа, и он так железко переварит это достоинство. Сын, о котором император так заботился, тоже еще до отречения отплатил неблагодарностью за его привязанность. Он выгнал всех старых чиновников своего отца из Милана и отказался навестить его в Брюсселе, пока не убедится в степени церемониального уважения, которое новоиспеченный король получит от своего отца.

Если бы император продолжал жить и царствовать, он также оказался бы вовлеченным в смертельную схватку с этим великим религиозным движением в Нидерландах, которое он не смог бы подавлять еще много лет и которое он оставил в наследство крови и огня своему преемнику. Родившийся в один год со своим столетием, Чарльз был дряхлым, измученным человеком в пятьдесят пять лет, в то время как этот славный век, в котором человечеству суждено было навсегда разрушить заточения, в которых оно так долго было похоронено, только пробуждался к осознанию своей силы.

Разочарованный в своих планах, сломленный в своем состоянии, с ожидаемым доходом, заложенными поместьями, со всеми своими делами в беспорядке; слабеющий в умственных

способностях и с безнадежно пошатнувшейся конституцией; ему пришло время уйти на покой. Он проявил свою проницательность, осознав тот факт, что ни его власть, ни его слава не увеличились бы, если бы он излишне задержался на сцене, где его, скорее всего, ожидало унижение вместо аплодисментов. Его фигура действительно была развалиной. Сорок лет беспримерного обжорства сделали свое дело. Он был жертвой подагры, астмы, диспепсии, ожирения. Он был искалечен в области шеи, рук, коленей и кистей. Его беспокоили хронические кожные высыпания. Его аппетит сохранился, в то время как желудок, неспособный больше выполнять возложенную на него задачу, причинял ему постоянные страдания. Физиологи, знающие, какую важную роль играет этот орган в жизни, возможно, увидят в этом физическом состоянии императора достаточное объяснение, если бы потребовалось объяснение его ухода с трона. Более того, хорошо известно, что решение отречься от престола перед смертью было у него давно выработанным планом. Между ним и императрицей было официально решено, что они должны разойтись по мере приближения старости и провести остаток своей жизни в монастыре. Когда он был сравнительно молодым человеком, его поразил ответ, сделанный ему пожилым офицером, о причинах которого он спрашивал, искренне добиваясь разрешения уйти с императорской службы. По словам ветерана, это было сделано для того, чтобы он мог посвятить немного времени религиозному созерцанию между активной частью своей жизни и могилой.

Аналогичное решение, время от времени откладывавшееся, Чарльз теперь привел в исполнение. Когда он все еще находился в Брюсселе, после своего отречения, появилась комета, чтобы предупредить его об исполнении его замысла. От начала до конца кометы и другие небесные тела были тесно связаны с его эволюцией и устройством. Не было никакой ошибки в мотивах, с которыми явилось это светило. Император очень хорошо знал, говорит современный немецкий хронист, что это предвещало мор и войну, а также приближающуюся смерть могущественных князей. "Моя судьба зовет", - воскликнул он и немедленно приступил к ускоренным приготовлениям к своему отъезду.

Романтическая картина его философского уединения в Жюсте, написанная первоначально Сандовалем и Сигуэнсой, воспроизведенная чарующим карандашом Страды и неоднократно подражаемая авторами всех эпох и стран, к сожалению, является всего лишь фантазийным наброском. Исследования современных писателей полностью разрушили строительные леса, на которых покоилась воздушная ткань, столь восхитительная для поэтов и моралистов. Уходящий император больше не стоит в прозрачном одеянии, облаченном в сияющие одежды. Его преображение подошло к концу. Каждое действие, почти каждый момент его уединения, точно описанные теми, кто разделял его одиночество, были самым удачным образом представлены перед нашими глазами способными и блестящими писателями. Император, лишенный философского одеяния, в которое он традиционно облачался в течение трех столетий, теперь дрожит в холодном воздухе реальности.

Он был далек от того, чтобы погрузиться в глубокое и благочестивое созерцание, не обращая внимания на ход мировых событий, напротив, его мысли ни на минуту не отвлекались от политической поверхности того времени. Он не читал ничего, кроме депеш; в ответ он писал или диктовал бесконечные письма, такие же скучные и пространные, как все, что когда-либо выходило из-под его пера. Он проявлял череду эмоций по поводу хода современных событий, таких интенсивных и разнообразных, как будто весь мир все еще лежал у него на ладони. По правде говоря, по сути своей он был человеком действия. У него не было ни вкуса, ни талантов,

которые делают человека великим в уединении. Ни одной возвышенной мысли, ни одного великодушного чувства, ни одного глубокого или проницательного предложения в его уединении не было произнесено из его уст. Все эпиграммы, которые были придуманы для него баснописцами, были изъяты, и ничего не было заменено, за исключением нескольких скучных шуток, которыми обменялись глупые монахи. Столь далекий от того, чтобы питать и даже выражать то чувство религиозной терпимости, за которое, как говорили, он был осужден инквизицией как еретик и за которое, по смехотворным слухам, Филипп приказал сжечь тело своего отца, а его прах развеять по ветру, он фактически превратился в фанатика, которым во время своего правления был лишь условно. Горькие сожаления о том, что ему следовало сдержать свое слово, данное Лютеру, как будто он не настолько нарушил веру, чтобы задуматься об этом в своем уходе; суровые упреки самому себе за то, что не предал смерти, пока он был в его власти, человека, ставшего причиной всех бед века; из его убежища инквизиторам гремели свирепые указания ускорить казнь всех еретиков, включая особенно его старинных друзей, проповедников и раздавателей милостыни, Касалью и Константина де Фуэнте; яростные увещевания Филиппу - как будто Филипп нуждался в подсказчике в такой сложной ситуации. работа — чтобы он занялся "вырезанием корня ереси со строгостью и грубым наказанием"; — такие взрывы дикого фанатизма, как этот, чередуются с проявлениями отвратительного обжорства, с переизбытком омлетов с сардинами, сосисок эстрамадура, пирогов с угрем, маринованных куропаток, жирных каплунов, айвовых сиропов, холодного пива и бутылей рейнского, облегчаемых обильными глотками сенны и ревеня, на которые его обрекал охваченный ужасом врач. пока он ел, сочините зрелище, менее привлекательное для воображения, чем старинный портрет затворника Чарльза. К сожалению, это та самая картина, которая была написана с натуры.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Сожженные, задушенные, обезглавленные или похороненные заживо (100 000)

Деспот по рождению и склонностям (Карл V.)

Терпеть все лишения, кроме голода

Галантный и злополучный Ламорал Эгмонт

Он знал мужчин, особенно знал их слабости

Его воображение, возможно, помогло его памяти в выполнении этой задачи

Мелкие обиды иногда разгорались сильнее, чем огромные

Часто бывает много тирании при демократии

Инквизиция насаждена в Нидерландах

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 4.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

ФИЛИПП ВТОРОЙ В НИДЕРЛАНДАХ

1555-1558 [ГЛАВА II.]

Набросок Филиппа Второго—Характеристики Марии Тюдор—Портрет Филиппа—Его совет—Соперничество Рупа Гомеса и Альвы—Характер Рупа Гомеса—Королева Венгрии Мария—Набросок Филиберта Савойского—Восельское перемирие—Секретный договор между Папой и Генрихом II.—Ликование в Нидерландах в связи с мирными целями Филиппа—Повторное введение в действие эдикта 1560 года—Лицемерие короля -"Просьба" к провинциям—Нарушение перемирия в Италии—Характер папы Павел IV.—Интриги кардинала Караффы.—Война против Испании разрешена Францией.—Кампания в Италии.—Мирная осада Рима.—Пенс с понтификом.—Военные действия на фламандской границе.—Колиньи сорван при Дуэ.—Сакс Ланс.—Филипп в Англии.—Королева Мария вступает в войну.—Армия Филиппа собрана в Живе.—Портрет графа Эгмонта.—Французская армия под командованием Колиньи и Монморанси.—Осада Сен—Кантена.—Попытки коннетабля освободить город.—Битва при Сен—Кантене.—Колебания и робость короля Филипп—Город Сен—Кантен взят и разграблен—Продолжающаяся нерешительность Филиппа—Его армия распущена—Кампания герцога Гиза—Захват Кале—Беседа кардинала Лотарингского с епископом Арранским—Тайные планы по созданию союза между Францией и Испанией против ереси—Вялые передвижения Гиза—Набег Де Терм на фламандскую границу—Битва при Гравелине—Популярность Эгмонта—Вражда Альвы.

Филипп Второй получил инвеституру Милана и корону Неаполя до своего брака с Марией Тюдор. Императорская корона, от которой он был вынужден отказаться, во многом против своей воли. Эрцгерцогство Австрийское с наследственными немецкими владениями семьи его отца было передано императором его брату Фердинанду по случаю женитьбы этого принца на Анне, единственной сестре венгерского короля Людовика. Десять лет спустя Фердинанд (король Венгрии и Богемии после смерти Людовика, убитого в 1526 году в битве при Мохаче) был избран римским королем и неуклонно отклонял все просьбы, впоследствии обращенные к нему от имени Филиппа, отказаться от своей короны и наследования Империи в пользу своего племянника. С этими уменшениями Филипп теперь получил все владения своего отца. Он был королем всех испанских королевств и обеих Сицилий. Он был титульным королем Англии, Франции и Иерусалима. Он был "Абсолютным властелином" в Азии, Африке и Америке; он был герцогом Милана и обеих Бургундий, а также наследственным сувереном семнадцати Нидерландов.

Таким образом, провинции получили нового хозяина. Мужчины иностранного происхождения, не говоривший ни слова на их языке, да и вообще ни на каком языке, понятном массе жителей, был теперь поставлен над ними в высшую власть, потому что он представлял через женщин "доброго" Филиппа Бургундского, который столетием ранее получил по наследству, при покупке, силой или обманом суверенитет в большинстве этих провинций. Необходимо сказать пару вступительных слов относительно предыдущей истории человека, в чьи руки теперь была вверена судьба стольких миллионов.

Он родился в мае 1527 года, и сейчас ему было, следовательно, двадцать восемь лет. В возрасте шестнадцати лет он был женат на своей двоюродной сестре Марии Португальской, дочери Иоанна III. и сестры императора донны Каталины. В следующем году (1544) он стал отцом знаменитого и злополучного Дона Карлоса и вдовцом. Говорили, что принцесса была обязана своей смертью своей собственной неосторожности и небрежности или фанатизму своих слуг. Герцогиня Алва и другие дамы, которые опекали ее во время заточения, покинули ее комнату,

чтобы получить отпущение грехов, став свидетелями аутодафе еретиков. Во время их отсутствия принцесса с жадностью съела дыню и в результате поплатилась жизнью.

В 1548 году дон Филипп впервые появился в Нидерландах. Он прибыл туда, чтобы принять почести в различных провинциях как их будущий государь и обменяться со всеми ними клятвами взаимной верности. Эндрю Дориа с флотом из пятидесяти кораблей доставил его в Геную, откуда он перешел в Милан, где был принят с великой радостью. В Тренте его встретил герцог Морис Саксонский, который горячо просил его заступиться перед императором за заключенного ландграфа Гессенского. Филипп был великодушно рад пообещать это благо — и сдержать обещание так же свято, как и большинство клятв, данных им в течение этого памятного года. Герцог Эршо встретил его в Германии с кавалерийским полком и сопровождал в Брюссель. Лето прошло в больших празднествах, города Нижних земель соперничали друг с другом в великолепных церемониях, на которых Филипп последовательно присягал на верность различным конституциям и хартиям провинций и получал взамен их клятвы будущей верности. Его клятва поддерживать все конституции и привилегии была безоговорочной, в то время как его отец и дед поклялись соблюдать только хартии, предоставленные или подтвержденные Филиппом и Карлом Бургундскими. Подозрения были обезоружены этими огульными уступками, на которые решился беспринципный Карл, чтобы заручиться доброй волей народа. Ввиду притязаний, которые могли быть предпочтены семьей Бредероде в Голландии и другими потомками древних суверенных родов в других провинциях, император, желая обеспечить наследование своим сестрам в случае смерти его самого, Филиппа и дон Карлоса, не оставив потомства, был беспощаден в тех обещаниях, которые, как он знал, были обязательны только для слабых. Хотя бургундский дом узурпировал многие провинции под прямым предлогом того, что женщины не могут наследовать, это правило уже было нарушено, и он решил не жалеть усилий для примирения сословий, чтобы они могли смириться с новым нарушением, если возникнут непредвиденные обстоятельства. Таким образом, клятвы Филиппа были безоговорочными, и беззаботные фламандцы, брабантин и валлоны приняли его с расprostертыми объятиями. В Валансьене празднества, сопровождавшие его въезд, были самого пышного размаха, но "радостный въезд", устроенный для него в Антверпене, был несравненного великолепия. Кавалькада магистратов и знатных горожан, "все одетые в крамуазский бархат", сопровождаемая лакеями в великолепных ливреях и сопровождаемая четырьмя тысячами гражданских солдат в полной военной форме, выехала из ворот, чтобы встретить его. Двадцать восемь триумфальных арок, которые одни, по словам бережливого хрониста, обошлись в 26 800 каролусских гульденов, были воздвигнуты на разных улицах и площадях, и принцу и императору были оказаны всевозможные знаки внимания. Богатый и процветающий город, не подозревавший о роке, который ожидал его в будущем, казалось, покрыл себя гирляндами в честь приближения своего хозяина. И все же ледяным было поведение Филиппа, с которым он принимал эти проявления привязанности, и надменным взгляд, которым он взирал сверху вниз на эти проявления гражданского веселья, как с высоты мрачной и неприступной башни. Впечатление, произведенное на нидерландцев, было каким угодно, только не благоприятным, и когда он в полной мере убедился в тщетности проектов создания Империи, отказаться от которых было так трудно и его отцу, и ему самому, он вернулся на более благоприятную почву Испании. В 1554 году он снова покинул полуостров, чтобы жениться на английской королеве, - привилегия, от которой его отец милостиво отказался. Он сочетался браком с Марией Тюдор в Винчестере 25 июля того же года, и если совпадение вкусов могло сделать брак счастливым, этот союз должен был быть трижды благословлен.

Поддерживать верховенство Церкви казалось обоим главной целью существования, исполнять для неверующих самую священную обязанность, возложенную Божеством на помазанных государей, превращать свои королевства в ад - самым верным средством завоевания Рая для себя. Нет ничего странного в том, что соединение двух таких чудес суеверия в одной сфере должно было показаться зловещим в глазах английской нации. Притворные усилия Филиппа в пользу некоторых осужденных реформаторов и его притворные ходатайства в пользу принцессы Елизаветы полностью не достигли своей цели. Парламент отказался предоставить ему больше, чем номинальную власть в Англии. Его дети, если бы они родились, могли бы стать монархами; он был всего лишь мужем королевы; женщины, которая не могла искупить своей жалкой, но сварливой любовью к нему и присущей ей кровожадностью по отношению к своим подданным свойственный ей одиннадцатилетний стаж, недостаток привлекательности и неспособность сделать его отцом ряда английских монархов. Это почти вызывает сострадание даже к Марии Тюдор, когда ее страстные попытки внушить ему привязанность контрастируют с его бесстрашием. Какой бы она ни была тираном, фанатиком, убийцей, она все же оставалась женщиной и расточала своему мужу все, что не было свирепого в ее натуре. Запрещая молиться за душу своего отца, ненавидя сестру и ее народ, сжигая епископов, купаясь в крови еретиков, она была для Филиппа воплощением покорности и женской преданности. Это был разительный контраст между Марией, королевой Англии, и Марией, женой Филиппа. Маленькая, худощавая и болезненная, болезненно близорукая, но с глазами, полными ярости и огня; ее лицо было морщинистым от забот и злых страстей еще больше, чем от времени, с громким мужским голосом, резкость которого заставляла трепетать тех, кто находился в соседней комнате; но женственная в своих вкусах, искусно владеющая иглой, любящая вышивать, играющая на лютне с налетом, примечательным своей наукой и чувством, говорящая на многих языках, включая латынь, бегло и изящно; также очень женственная в своих конституциональных страданиях, истеричная по привычке, ежедневно проливая потоки слез из-за холодности Филиппа, неприкрытой неверности и частых отлучек из Англии, она почти пробуждает сострадание и заставляет на мгновение забыть о своей личности.

Ее подданные, уже наполовину обезумевшие от религиозных преследований, были еще больше раздражены денежным бременем, которое она наложила на них, чтобы удовлетворить потребности короля, и она без колебаний противостояла их безумию в надежде вызвать у него улыбку. Когда, наконец, ее хронические недуги приняли запоминающуюся форму, которая заставила Филиппа и Марию объединиться в письме кардиналу Полю, сообщив не об ожидаемом, а о фактическом рождении принца, но благоразумно оставив дату незаполненной, сиюминутному удовлетворению и заблуждению королевы не было предела. Ложные сведения передавались повсюду. Велики были радость и празднества в Нидерландах, где людей так легко было заставить радоваться и устраивать праздник по любому поводу. "Регент, находясь в Антверпене, - писал сэр Томас Грэшем лордам совета, - действительно приказал зазвонить в большой колокол, чтобы дать всем людям понять, что новость была ужасной. Здешнее высочество королевы купцов заставило все наши английские корабли отчалить с такой радостью и триумфом, какие только можно придумать с помощью человеческого искусства и хитрости, а регент послал нашим английским маронерам сто крон дринке. Если бы колокольный звон и пушечная пальба могли дать Англии испанского монарха, столь желанное завершение было бы достигнуто. Когда тщетность королевских надежд больше нельзя было скрывать, Филипп покинул страну и не возвращался до тех пор, пока война с Францией не вынудила его потребовать от Англии войска, субсидий и объявления военных действий.

Внешность нового монарха уже была описана. Его манеры были далеки от примирительных, и в этом отношении он был полной противоположностью своему отцу. Во время своего первого путешествия из Испании в 1548 году по своим различным владениям он везде производил самое тягостное впечатление. "Он был неприятен, - говорит посол Суриано, - итальянцам, отвратителен фламандцам, отвратителен немцам".

Замечания императора и королевы Марии Венгерской по поводу неподобающих его манер произвели, однако, некоторый эффект, так что во время своего свадебного путешествия в Англию он проявил много "мягкости и человечности, смешанных с королевской серьезностью". По этому случаю, говорит другой венецианец, аккредитованный при нем, "он избавился от той испанской надменности, которая, когда он впервые приехал из Испании, сделала его таким отвратительным". Знаменитый посол Бадоваро подтверждает это впечатление. "Во время своего первого путешествия, - говорит он, - его считали гордым и слишком жадным до императорского престола; но теперь общепринято мнение, что его человечность и скромность - это все, чего можно было желать". Однако следует отметить, что эти гуманные качества проявлялись только в присутствии послов и вельмож, единственных представителей "человечества", с которыми он открыто вступал в контакт.

Считалось, что ему не хватает мужественной энергии. Он был немощным валетудинарием и считался таким же вялым по характеру, таким же неумелым в воинской предприимчивости, таким же робким по темпераменту, каким был хрупким и болезненного телосложения. Это правда, что из-за разочарования, вызванного его контрастом со своим воинственным отцом, он участвовал в нескольких турнирах в Брюсселе, где ему противостоял граф Мансфельд, один из самых выдающихся вождей того времени, и где, по словам его прославителя, "он сломал свои копья очень здорово, к удовольствию своего отца и тетюшек".

Этот ученый и красноречивый автор, Эстель Калвете, даже заполнила большую часть тома, в котором он описывал путешествие принца, подробным описанием этих пиров и рыцарских поединков, но мы можем с полным основанием заключить, что большей частью этих рыцарских трофеев Филипп обязан преданному воображению своего хвалебника. По всеобщему мнению непредвзятых современников, в нем не было ни искры предприимчивости. Его даже порицали за преступное отсутствие честолюбия и за то, что он уступал своему отцу в этом отношении, как будто в любви к посягательству на владения ближнего и склонности к чужеземному. волнения и война составили бы дополнительные добродетели, если бы он ими обладал. Те, кто был наиболее склонен думать о нем благосклонно, помнили, что было время, когда даже Карла Пятого считали слабым и ленивым, и были готовы приписать миролюбивый нрав Филиппа его обычным коликам и болям в боку, а также чрезмерной заботе отца о нем в юности. Они даже с нетерпением ждали того времени, когда он явится миру как завоеватель и герой. Этих, однако, взглядов придерживались лишь немногие; общее и правильное мнение, как оказалось, заключалось в том, что Филипп ненавидел войну, наверняка никогда не добьется каких-либо отличий на поле боя, а в случае участия в военных действиях будет склонен снискивать лавры руками своих генералов, а не собственным мечом. Считалось, что он полная противоположность императору. Карл стремился к великим предприятиям, Филипп избегал их. Император никогда не отступал перед угрозами; сын был сдержан, осторожен, с подозрением относился ко всем людям и способен пожертвовать королевством из-за колебаний и робости. У отца был гений действия, у сына - склонность к отдыху. Карл принимал "мнения всех людей, но оставлял при себе свое суждение" и, повзрослев, действовал в соответствии с ними с

непреодолимой энергией; Филипп шел на поводу у других, колебался при принятии решений и не решался привести их в исполнение, когда они были приняты.

Таким образом, в тот воинственный век Филипп не считался способным блистать как воин. Его умственные способности, в целом, также не очень высоко ценились. По правде говоря, его таланты были намного ниже посредственности. Его ум был невероятно мал. Мелочная страсть к ничтожным деталям характеризовала его с юности, и, пока он был жив, он не мог ни научиться обобщать, ни понять, что один человек, каким бы прилежным он ни был, не может быть досконально знаком со всеми общественными и частными делами пятидесяти миллионов других людей. Он был жаден до работы. Он был рожден, чтобы писать депеши и комментировать те, которые получал.

[Характер этих апостилей, всегда путаных, многословных и неуклюжих, иногда был очень нелепым; и это не улучшилось после его тридцати или сорока лет ежедневной практики в их составлении. Так, когда в 1589 году он получил письмо из Франции, в котором рассказывалось об убийстве Генриха III и говорилось, что "способ, которым он был убит, заключался в том, что якобинский монах выстрелил ему из пистолета в голову" (*la facon qua l'on dit qu'il a ette tue, sa ette par un Jacobin qui luy a donna d'un cou de pistolle dans la taye*), он нацарапал на полях следующий яркий комментарий. Подчеркнув слово "пистолет", он заметил: "возможно, это какой-то нож; а что касается "тайте", то это может быть не что иное, как голова, которая называется не "тайте", а "тете", или "тейте", как вы очень хорошо знаете" (*quiza de alguna manera de cuchillo* и т. Д. И т. Д.) — Gachard. Rapport a M. le Minist. de l'Interieur, с приставкой к correspondent. Филипп II. Том I. xlix. примечание 1. Очевидно, что человек, который сделал такие замечательные комментарии, подобные этому, и усердно работал по восемь-девять часов в день в течение сорока лет, оставил бы после своей смерти огромное количество неопубликованных материалов.]

Он часто оставался в совете директоров по четыре-пять часов кряду и жил в своем кабинете. Он очень охотно давал аудиенции послам и депутатам, внимательно выслушивая все, что ему говорили, и отвечая односложно. Он не говорил ни на одном языке, кроме испанского, и был достаточно скуп на этот, но он был неутомим в обращении с пером. Он терпеть не мог разговаривать, но мог написать письмо на восемнадцати страницах, когда его корреспондент находился в соседней комнате и когда тема была, возможно, такой, что талантливый человек мог бы решить ее шестью словами на своем языке. Мир, по его мнению, должен был двигаться на основе протоколов и апостилей. События не имели права зарождаться в его владениях без подготовительного курса его акушерского педантизма. Он так и не смог узнать, что земля не будет вращаться вокруг своей оси, пока писал программу того, как она должна вращаться. Он был медлителен в принятии решений, еще медленнее сообщал о своих решениях. Он много работал пером, но не от недостатка, а от скудости идей. Он находил убежище в облаке слов, иногда для того, чтобы скрыть свой смысл, чаще для того, чтобы скрыть отсутствие какого-либо смысла, таким образом вводя в заблуждение не только других, но и самого себя. Одной великой цели, рано сформировавшейся, он придерживался непреклонно. Это, однако, было скорее инстинктом, чем мнением; оно родилось вместе с ним, а не было им создано. Идея, казалось, выражалась через него и овладевала им, а не формировала одно из тех чувств, которыми, как можно было бы ожидать, должен обладать свободный агент. Хотя в определенные моменты даже это чувство хозяина могло уступать давлению преобладающего личного интереса - таким образом показывая, что даже в Филиппе фанатизм не был абсолютным, — все же в целом он

казался воплощением испанского рыцарства и испанского религиозного энтузиазма в их поздней и искаженной форме. Он был стопроцентным испанцем. Бургундские и австрийские примеси его крови, казалось, испарились, и только его вены были наполнены древним пылом, который в героические века воодушевлял готских чемпионов Испании. Неистовый энтузиазм по отношению к Кресту, который в ходе длительной внутренней войны против Полумесяца был романтической и отличительной чертой национального характера, выродился в фанатизм. То, что раньше было славой нации, теперь стало позором монарха. К христианскому еретику следовало относиться с более сильной ненавистью, чем даже мавр или еврей вызывали в большинстве христианских эпох, и Филипп должен был стать последним и наиболее совершенным воплощением всего этого традиционного энтузиазма, этой вечной ненависти. Таким образом, он, вероятно, был целеустремленным в своей жизни. Считалось, что его амбиции будут заключаться не столько в расширении своих владений, сколько в отстаивании своего титула самого католического короля. Не могло быть никаких сомнений в том, что он будет, по крайней мере, послушен своему отцу в этом отношении и что указы будут исполняться в точности.

По рождению, образованию и характеру он был испанцем, причем настолько исключительным, что одно это обстоятельство сделало бы его непригодным для управления страной, столь сильно отличающейся по привычкам и национальным чувствам от его родной страны. Даже в Брюсселе он был скорее иностранцем, чем в Англии. Веселая, болтливая, энергичная, шумная жизнь Фландрии и Брабанта была ему отвратительна. Болтливость нидерландцев была постоянным упреком в его молчаливости. Его образование также привило ему застарелую международную ненависть к испанцам и фламандцам, которая усиливалась в метрополии, в то время как более быстрое течение жизни скорее имело тенденцию к уничтожению настроений в провинциях.

Легкомыслие и расточительность Филиппа Красивого, вымогательство и дерзость его фламандских придворных не были забыты в Испании, и Филипп Второй не простил своему деду того, что он был иностранцем. И вот теперь его безумная старая бабушка Джоанна, которая годами гонялась за кошками в одинокой башне, где она так долго была заключена, только что умерла; и ее похороны, с большой помпой отпразднованные обоими ее сыновьями, Карлом в Брюсселе и Фердинандом в Аугсбурге, казалось, оживили историю, которая начала увядать, и напомнили образ кастильского суверенитета, который так долго был затемнен блеском имперского величия.

Его образование было весьма скудным. В эпоху, когда все короли и вельможи владели множеством языков, он не говорил ни слова ни на одном языке, кроме испанского, хотя неплохо владел французским и итальянским, на которых впоследствии научился читать со сравнительной легкостью. Он немного изучал историю и географию, и у него был вкус к скульптуре, живописи и архитектуре. Конечно, если бы он не обладал чувством к искусству, он был бы чудовищем. Родиться в начале шестнадцатого века, быть королем, владеть Испанией, Италией и Нидерландами по праву рождения и не быть вдохновленным искрой того огня, который так ярко пылал в этих благодатных землях и в тот золотой век, - это действительно было трудно.

Личные привычки короля были постоянными. Из-за хрупкого здоровья ему было необходимо следить за своей диетой, хотя он был склонен переедать в сладостях и выпечке. Он много спал, и

обычно мало занимался физическими упражнениями, но недавно врачи настоятельно посоветовали ему попробовать эффект охоты в качестве средства, корректирующего его сидячий образ жизни. Он был строг в соблюдении религиозных обрядов, так же регулярно посещал мессу, проповеди и вечерню, как монах; многие добрые католики считали, что гораздо больше, чем подобало его званию и возрасту. Помимо нескольких монахов, которые регулярно проповедовали для его наставления, он ежедневно обсуждал с другими людьми сложные богословские вопросы. Он самым тщательным образом консультировался со своим духовником относительно всех жизненных поступков, с тревогой спрашивая, не отягощает ли тот или иной поступок его совесть. Он был крайне распушен. Главным его развлечением было появляться по ночам переодетым, чтобы предаваться вульгарной и разнообразной невоздержанности в обычных местах порока. Это было его утешением в Брюсселе в разгар самых серьезных государственных дел. Он не был нелиберальным, но, напротив, считалось, что он был бы даже щедрым, если бы в начале своей карьеры не был стеснен в средствах. Холодной зимой он раздавал милостыню брюссельской бедноте открытой рукой. Он любил пошутить наедине и безудержно смеялся в компании нескольких близких товарищей над шутовством, которое пресекал на публике ледяной серьезностью своего поведения. Обычно он одевался по испанской моде: тесный дублет, длинные колготки и короткий плащ, хотя иногда предпочитал более воздушную французскую и бургундскую моду, надевая пуговицы на пальто и перья на шляпу. В то время его не считали жестоким по натуре, но обычно о нем говорили на общепринятом языке, присущем монархам, как о принце "милосердном и обходительном". Пришло время показать справедливость его претензий на столь почетные эпитеты.

Двор был организован во время его пребывания в Брюсселе по бургундскому, а не по испанскому образцу, но из ста пятидесяти человек, составлявших его, девять десятых были испанцами; остальные пятнадцать или шестнадцать были представителями различных наций: фламандцев, бургундцев, итальянцев, англичан и немцев. Таким образом, очевидно, как скоро он пренебрег наставлениями и практикой своего отца в этом отношении и начал закладывать фундамент той новой ненависти к испанцам, которая вскоре должна была стать такой сильной, буйной и фатальной для каждого класса нидерландцев. Он не уважал ни одну нацию, кроме испанцев, с испанцами он общался, с испанцами он давал советы, через испанцев он управлял.

Его совет состоял из пяти или шести испанских грандов, знаменитого Руя Гомеса, в то время графа Мелито, впоследствии принца Эболи; герцога Альвы, графа де Фериа, герцога Франка-Вильи, дона Антонио Толедо и дона Хуана Манрике де Лара. "Две колонны, - сказал Суриано, - которые поддерживают эту огромную машину, - это Руй Гомес и Алва, и от их советов зависит правительство половины мира". Эти двое всегда были яростными противниками друг друга. Непрестанными были их ссоры, сильной была их взаимная ненависть, отчаянным и тяжелым было положение любого человека, будь то иностранец или туземец, которому приходилось вести дела с правительством. Если он заручился благосклонностью Гомеса, то уже заслужил враждебность Альвы. Если бы герцог защищал его, фаворит наверняка низверг бы его во внешнюю тьму.—Алва представлял партию войны, Руй Гомес - тихоокеанское государство, более близкое сердцу Филиппа. Епископ Аррасский, который, по мнению послов, стоил их всех своими способностями и опытом, находился тогда полностью на заднем плане, редко появляясь на соборе, за исключением тех случаев, когда его вызывали дать совет в делах необычайной деликатности или серьезности. Однако ему предстояло самым заметным образом появиться в

ходе уже готовящихся событий. Герцог Алва, также сыгравший столь огромную роль в еще не родившейся истории Нидерландов, не был любим Филиппом. В этот период его затмило превосходящее влияние фаворита, и, более того, его меч стал необходим в надвигавшейся итальянской кампании. Примечательно, что даже в то время было распространено мнение, что герцог от природы был нерешительным и робким. Можно было бы подумать, что его предыдущие победы, возможно, снискали ему репутацию храбреца и мастера, которых он, несомненно, заслуживал. Будущее заключалось в развитии тех других качеств, которые должны были сделать его имя ужасом и чудом света.

Фаворит, Руй Гомес да Силва, граф де Мелито, был человеком, на плечах которого лежало великое бремя государства. Он происходил из семьи, которая по происхождению была португальской. Он воспитывался вместе с королем, хотя был примерно на восемь лет старше его, и их дружба началась с ранней юности. Говорили, что Руй Гомес, когда был мальчиком, был приговорен к смертной казни за то, что ударил Филиппа, который встал между ним и другим пажом, с которым он ссорился. Принц пылко бросился к ногам своего отца и с такой энергией молил о прощении виновного, что император был милостиво рад сохранить жизнь будущему премьер-министру. Говорили, что этот инцидент заложил основу замечательной привязанности, которая, как предполагалось, существовала между ними двумя, до такой степени, какой никогда прежде не наблюдалось между королем и подданным. Руй Гомес был известен своим тактом и самодовольством и не упускал ни одной возможности укрепить дружбу, которая так удачно завязалась. Говорили, что однажды он особенно очаровал своего хозяина, лицемерно подкинув свои карты во время азартной игры на крупную ставку и позволив ему выиграть партию с гораздо более слабой комбинацией. Король, узнав впоследствии истинное положение дел, был очарован изяществом и самоотречением, проявленными молодым дворянином. Благодушие, которое фаворит впоследствии проявил в отношении связи, существовавшей так долго и так публично между его женой, знаменитой принцессой Эболи, и Филиппом, укрепило его власть на незыблемой основе и сохраняло ее до самой смерти.

В настоящее время он занимал три должности: камердинера, статского советника и министра финансов. Он одевал и раздевал своего хозяина, читал или уговаривал его лечь спать, звонил ему утром, допускал тех, у кого должны были быть частные аудиенции, и руководил всеми приготовлениями по хозяйству. Остаток дня был посвящен огромной переписке и административным делам, которые возлагались на него как на первого государственного министра и казначея. Он был очень невежественен. У него не было опыта или познаний в военном или мирном искусстве, и его раннее образование было ограниченным. Как и его учитель, он не говорил ни на одном языке, кроме испанского, и у него не было литературы. У него были располагающие манеры, беглый язык, обаятельный и доброжелательный нрав. Его природные способности к ведению дел были значительны, а такт настолько совершенен, что он мог беседовать лицом к лицу с государственными деятелями, врачами и генералами о военных кампаниях, теологии или юриспруденции, не обнаруживая при этом каких-либо заметных недостатков. Он был очень трудолюбив, стараясь усердной учебой восполнить недостаток общих знаний и с честью нести бремя своих повседневных обязанностей. В то же время, по желанию короля, он постоянно появлялся на частых банкетах, маскарадах, турнирах и празднествах, которыми отличался Брюссель в ту эпоху. Неудивительно, что его щеки были бледны и что он, казалось, умирал от переутомления. Однако он с радостью выполнял свои обязанности, поскольку на службе у Филиппа не знал отдыха. "После Бога, - сказал Бадоваро, - он не знает другой цели, кроме счастья своего хозяина". Разумеется, он уже был очень богат,

поскольку Филипп наделил его имуществом на сумму в двадцать шесть тысяч долларов в год [по стоимости 1855 года], и прилив его состояния все еще был на исходе.

Таковы были два человека, повелитель и фаворит, в чьи руки теперь были вверены судьбы Нидерландов.

Королева Венгрии сложила с себя полномочия регента Нидерландов, как уже было замечено, по случаю отречения императора. Она была женщиной с мужественным характером, великой охотницей перед Господом, знаменитой наездницей, достойным потомком леди Марии Бургундской. Несмотря на все прекрасные фразы, которыми обменялись она и красноречивый Маас на торжественной церемонии 25 октября, на самом деле ее очень ненавидели в провинции, и она отвечала на их неприязнь отвращением. "Я не могла бы жить среди этих людей, - писала она императору всего за несколько недель до отречения, - даже как частное лицо, потому что для меня было бы невозможно выполнить свой долг по отношению к Богу и моему принцу. Что касается управления ими, я беру Бога в свидетели, что эта задача настолько отвратительна для меня, что я предпочла бы зарабатывать себе на хлеб насущный трудом, чем пытаться это сделать ". Она добавила, что женщина пятидесяти лет, прослужившая двадцать пять из них, имеет право на отдых, и что она, кроме того, "слишком стара, чтобы возобновить и выучить свои А, В, С." Император, который всегда уважал ее за верность, с которой она выполняла его замыслы, знал, что сопротивляться ее отступлению безнадежно. Что касается Филиппа, то он ненавидел свою тетю, а она ненавидела его, хотя и в момент отречения, и впоследствии он желал, чтобы она управляла правительством.

Новым регентом должен был стать герцог Савойский. Этот странствующий и склонный к приключениям властитель вложил все свои силы в состояние Филиппа и был принят королем с такой благосклонностью, какой он когда-либо пользовался от императора. Эммануил Филиберт Савойский, которому тогда было около двадцати шести или семи лет, был сыном покойного несчастного герцога от донны Беатриче Португальской, сестры императрицы. Он был племянником Карла и двоюродным братом Филиппа. Пристрастие императора к своей матери было хорошо известно, но верность, с которой семья следовала делу империи, не принесла герцогу ничего, кроме несчастья. Он был разорен, лишен всех своих достоинств и имущества. Единственным наследством его сына был меч. Молодой принц Пьемонта, как его обычно называли в юности, обратился в лагерь императора и был принят с исключительной благосклонностью. Он быстро продвинулся по службе. Всегда руководствуясь своим любимым девизом "Spoliatis arma supersunt", он решил, если возможно, проложить себе путь к славе, богатству и даже к своим наследственным поместьям одним только мечом. Война была не только его страстью, но и ремеслом. Каждая из его кампаний была спекуляцией, и он долгое время получал достаточный доход, покупая выдающихся военнопленных по низкой цене у солдат, которые захватили их в плен и не знали об их ранге, а затем выкупая их за огромный аванс. Такого рода торговля людьми была частым явлением в ту эпоху и считалась совершенно почетной. Маршал Строцци, граф Мансфельд и другие профессиональные военные получали свой основной доход от этой системы. Поэтому они, естественно, были склонны нетерпеливо смотреть на мирное положение дел как на неестественное, которое лишает их всех прибылей в их конкретной отрасли промышленности и обрекает их обоих на праздность и нищету. Герцог Савойский стал одним из самых опытных и успешных военачальников того времени и особым фаворитом императора. Он служил вместе с Алвой в кампаниях против протестантов Германии и на других важных поприщах. Война была его стихией, и он считал мир нежелательным, хотя и

признавал его существование. Однако перемирие, которое он считал бессмысленным парадоксом, недостойным ни малейшего уважения. Перемирие, подобное тому, которое было заключено в феврале после отречения, по его мнению, можно было использовать вцелях только путем нанесения коварных и неожиданных ударов по врагу, некоторая часть населения которого могла бы положиться на клятву верности монархов и полномочных представителей. У него были веские основания для своей политической и военной морали, поскольку он всего лишь решил совершить зло, которое было совершено по отношению к нему самому. Его отец разорился, мать умерла от злобы и отчаяния, сам он был низведен из ранга монарха в ранг солдата-наемника из-за грабежей, совершенных во время перемирия. Он слыл человеком с очень решительными способностями и отличался безудержной храбростью. Его опрометчивость и личная отвага считались единственными недостатками его высокого характера как командира. У него было много достижений. Он одинаково бегло говорил по-латыни, по-французски, по-испански и по-итальянски, славился своей привязанностью к изящным искусствам и писал много и с большим изяществом. Таков был Филиберт Савойский, нищий племянник могущественного императора, предприимчивый и бродячий кузен благородного Филиппа, принц без народа, герцог без герцогства; у него не было надежды, кроме войны, не было доходов, кроме грабежа; он олицетворял собой образ смелого и мужественного солдата, маленького, но грациозного и атлетически сложенного, с воинственной выправкой, "носящего шпагу подмышкой, как капрал", потому что внутреннее заболевание делало пояс неудобным, и готового быстро использовать любой шанс, который мог представиться в новой серии кампаний. откройся ему. С его новым жалованьем на посту губернатора, пенсиями и остатками владений в Ницце и Пьемонте у него теперь был великолепный годовой доход в сто тысяч крон, и он был уверен, что потратит все это.

Карл хотел облегчить начало пути Филиппа. С этой целью он предпринял энергичные усилия, чтобы как бы свести на нет всю работу своего правления, приостановить действие всей своей политической системы. Император и завоеватель, который воевал всю свою жизнь, попытался в качестве последнего акта своего правления импровизировать с целью заключения мира. Но было не так-то просто устроить умиротворение Европы так драматично, как ему хотелось, чтобы он мог поплотнее запахнуть мантию и позволить занавесу опуститься на его богатую событиями историю в величественной тишине благопристойности. Осенью и зимой 1555 года военные действия были фактически приостановлены, и последовали вялые переговоры. В течение нескольких месяцев армии противостояли друг другу, не вступая в бой, а дипломаты фехтовали между собой без какого-либо ощутимого результата. Наконец, мирные комиссары, собиравшиеся в Воселе с начала 1556 года, подписали 5 февраля договор скорее о перемирии, чем о мире. Это должно было стать пятилетним перемирием, как на суше, так и на море, для Франции, Испании, Фландрии и Италии, во всех владениях французских и испанских монархов. Папа был прямо включен в перемирие, которое было подписано со стороны Франции адмиралом Колиньи и Себастьяном л'Обеспинем; со стороны Испании - графом де Лаленом, Филибером де Брюсселем, Симоном Ренаром и Жаном Батистом Сисейо, юрисконсультom Кремоны. Однако в течение драгоценного месяца декабря папа заключил с французским монархом договор, по которому это торжественное перемирие превратилось в вопиющий фарс. В то время как полномочные представители Генриха делились своей верой с представителями Филиппа, было решено, что Франция поддержит субсидиями и армиями план, к которому стремился Павел, полностью изгнать испанцев с итальянского полуострова. Король должен был помочь понтифику, а взамен вырезать троны для своих собственных младших детей из

конфискованных владений Филиппа. Когда это Франция медлила с нападением на Италию с такой надеждой? Как могло вечно пылающее соперничество Валуа и Габсбургов не перерасти во всеобщий пожар, в то время как достопочтенный наместник Христа стоял рядом с ними со своим веером в руке?

Однако на короткое время известие о перемирии вызвало большую радость в провинциях. Они радовались даже временному прекращению этой длинной серии кампаний, из которых они, безусловно, не могли извлечь никакой выгоды и в которых их роль заключалась в поставке денег, солдат и полей сражений без надежды извлечь выгоду из какой-либо победы, какой бы блестящей она ни была, или из какого-либо договора, каким бы тщательно продуманным он ни был. Промышленные, сельскохозяйственные и торговые провинции, в полной мере наполненные промышленной жизнью, не могли не пострадать от превращения в бессрочные лагеря. В Нидерландах царил всеобщая радость, в то время как в Антверпене, великой торговой столице провинций и Европы, восторгу не было предела. Быки были зажарены целиком на общественных площадях; улицы, которым вскоре предстояло обогреться лучшей кровью ее граждан, покраснели от вина; сотня триумфальных арок украшала путь Филиппа, когда он шел туда; и множество цветов, хотя был февраль, были усыпаны у его ног. Таково было его приветствие в беззаботном городе, но выражение лица, с которым государь принимал эти проявления удовольствия, было более чем обычно угрюмым. Многие считали, что Филипп был действительно разочарован заключением перемирия, что он был вдохновлен искрой того военного честолюбия, за которое его восхваляли, и что, прекрасно понимая невероятность длительной приостановки военных действий, он даже стремился к шансу на завоевание, который могло дать ему их возобновление. Тайный договор папы римского, конечно, не был таким уж секретным, но пустые намерения договаривающихся сторон по поводу Воцелльского перемирия вызвали серьезные подозрения; намерения, которые, безусловно, далеко заходили, чтобы оправдать принципы и практику нового генерал-губернатора Нидерландов в отношении перемирия.

Филипп, понимая свое положение, возобновлял военные проекты, в то время как его подданные звонили в веселые колокола и зажигали костры в Нидерландах. Эти планы, которые должны были быть осуществлены в ближайшем будущем, вызвали, однако, временную задержку в достижении великой цели, которой он должен был посвятить свою жизнь.

Император всегда хотел рассматривать Нидерланды как единое целое, и он ненавидел устаревшие хартии и упрямые привилегии, которые противоречили его представлениям о симметрии. Две великие машины, суд Мехлина и инквизиция, эффективно упростили бы и ассимилировали все эти нерегулярные и разнородные права. Гражданский трибунал должен был устранить все различия в их законах путем всеобщей кассации их конституций, а церковный суд должен был искоренить все различия в их религиозной вере. Считалось, что между двумя такими жерновами Нидерланды могут быть измельчены до однородности. Филипп унаследовал эти традиции. У отца никогда не было достаточно свободного времени, чтобы осуществить все свои планы, но казалось вероятным, что сын станет достойным преемником, по крайней мере, во всем, что касалось религиозной части его системы. Одной из первых мер его правления было повторное введение в действие страшного эдикта 1550 года. Это он сделал по прямому совету епископа Аррасского, который объяснил ему целесообразность использования популярности имени его отца для поддержания принятой им ужасной системы. Поскольку Карл был автором эдикта, всегда можно было возразить, что ничего нового не было

введено; что сожжение, повешение и утопление за религиозные различия составляли часть национальных институтов; что они получили санкцию мудрого императора и были поддержаны мудростью прошлых поколений. Как показали события, ничто не могло быть более тонким, чем этот совет. В последующие годы по этому поводу делались бесчисленные призывы к патриотизму и консервативным чувствам нидерландцев. Неоднократно их призывали поддерживать инквизицию на том основании, что она была подчинена их предкам, и что Филипп не внес никаких изменений, желавший только сохранить церковь и корону в том авторитете, которым они пользовались во времена его отца весьма похвальной памяти.

Тем не менее, военные планы короля, казалось, на данный момент мешали этому заветному объекту. Казалось, с самого начала он уклонился от достижения цели, от которой ему предстояло отказаться только вместе с жизнью. Эдикт 1550 года был вновь введен в действие и подтвержден, и всем должностным лицам было приказано неукоснительно выполнять его под страхом немедленного увольнения. Тем не менее, он нигде не был энергично приведен в исполнение. Этому открыто сопротивлялись в Голландии, его провозглашение было категорически отклонено в Антверпене и отвергнуто по всему Брабанту. Странно, что такое неповиновение терпимо, но королю нужны были деньги. Он был готов некоторое время воздерживаться от того, чтобы раздражать провинции новыми религиозными преследованиями в тот момент, когда он пытался вытянуть из их кошельков каждый пенни, который только можно было выжать.

Поэтому радость, с которой народ приветствовал установление мира, была далеко не приятным зрелищем для короля. Провинции ожидали бы, что войска, которые содержались за их счет во время войны, будут расформированы, тогда как он не собирался их расформировывать. Поскольку перемирие, несомненно, было временным, он не был расположен уменьшать имеющиеся у него ресурсы для войны, которая могла возобновиться в любой момент. Для содержания существующего военного ведомства в Нидерландах требовалась крупная сумма денег, поскольку зарплата была очень большой. Король сделал заявление по этому поводу перед провинциальными сословиями, но во время переговоров с Францией этот вопрос держался в секрете. Таким образом, был проложен путь для "Просьбы", или "Беды", с которой он обратился к сословиям, собравшимся в Брюсселе весной 1556 года. Она должна была состоять из налога в размере одного процента. (сотая копейка) на всю недвижимость и в размере двух процентов. на все товары; будет взиматься тремя платежами. Просьба о введении предлагаемого налога была отклонена Фландрией, Брабантом, Голландией и всеми другими важными провинциями, но, как обычно, сословия предложили умеренную, даже щедрую денежную компенсацию. В конце концов Филипп согласился с этим после того, как убедился, что в данный момент, когда он обдумывает войну с Францией, настаивать на введении налога было бы крайне невежливо. Опубликование перемирия в Италии долго откладывалось, и первые нарушения, от которых оно пострадало, были совершены в этой стране. Искусство политиков; планы личных амбиций в сочетании с недолговечным военным рвением Филиппа поставили монарха в в высшей степени ложное положение - враждебное по отношению к Папе. Как и следовало ожидать, декабрьский секретный договор немедленно разорвал февральское перемирие.

Велико было негодование Поля Караффы, когда кардинал де Турнон впервые сообщил ему об этом перемирии со стороны французского правительства. Несмотря на протесты Франции о том, что тайная лига по-прежнему имеет обязательную силу, понтифик жаловался, что его,

вероятно, оставят на произвол судьбы и оставят в одиночку бороться с огромной мощью Испании.

Папа Павел IV из дома Караффа был по своему положению хорошо известным двойником императора Карла. В тот самый момент, когда завоеватель и автократ менял корону на капюшон, а самый гордый трон вселенной - на келью, этот престарелый монах, столь же уставший от научного и религиозного уединения, как Карл от пышности и власти, отрекся от своего ученого превосходства и сменил четки на ключи и меч. Папский Фауст, он почувствовал отвращение к результатам жизни, полной учебы и отречения, и сразу же после своего избрания, казалось, пылал мирскими страстями и вдохновлялся самыми неистовыми амбициями воина. Он бросился прочь из монастыря с таким же рвением, с каким Чарльз стремился туда. Он тосковал по бурям великого внешнего мира так же искренне, как завоеватель, так долго плывший в вихре человеческих дел, тосковал по гавани покоя. Ни один из его предшественников не был более деспотичным, более воинственным, более склонным к возвышению и укреплению светской власти Рима. В инквизиции он видел грандиозную машину, с помощью которой можно было достичь этой цели, и все же на какое-то время оказался антагонистом Филиппа. Одного этого обстоятельства было бы достаточно, если бы не хватало других доказательств, чтобы показать, что роль, которую он решил сыграть, была выше его гениальности. Если бы его способности были хоть сколько-нибудь соизмеримы с его амбициями, он мог бы глубоко повлиять на судьбы мира; но, к счастью, никакое волшебное обаяние не помогло Полу Караффе, и монах с тройной короной воссел на папский трон, свирепый, сварливый и вздорный маразматик; добыча и оружие его ярых врагов и интригующих родственников. Его ненависть к Испании и испанцам была безгранична. Он называл их "еретиками, раскольниками, проклятыми Богом, отродьем евреев и мавров, отбросами общества". Сыграть на таких безумных страстях было нетрудно, и искусный артист всегда был готов взять аккорды, вибрирующие от возраста и ярости. Главным вдохновителем и озорником папского двора был хорошо известный кардинал Караффа, некогда необузданный и распутный солдат, племянник папы римского. Он разжигал гнев понтифика своими заявлениями о том, что соперничающий дом Колонна, поддерживаемый герцогом Альва, ныне вице-королем Неаполя, и всей испанской державой, избавленный таким образом от страха перед военными действиями Франции, будет волен обрушить свою месть на их семью. Было решено, что суд Франции должен принадлежать тайной лиге. Более того, папа был прямо включен в Вокельский мирный договор, хотя войска Испании уже заняли враждебную позицию на юге Италии. Кардинал был за то, чтобы немедленно отправиться в Париж, чтобы вызвать там сочувствие французского монарха к своему положению и своему дяде. Немедленный разрыв между Францией и Испанией, повторное разжигание огня войны от одного конца Европы до другого были необходимы для спасения репутации и интересов Караффы. Кардиналу де Турнону, не желавшему столь внезапного прекращения мирных отношений между его страной и Испанией, удалось задержать его еще немного в Риме.—Он остался, но не бездельничал. Неугомонный интриган уже установил тесные отношения с самой важной персоной Франции, Дианой Пуатье. Эта почтенная куртизанка, воспользоваться чарами которой Генриху удалось вместе с другими королевскими владениями после смерти его отца, была завоевана лестью коварного Караффа и усердием семейства Гизов. Лучшие и наиболее прозорливые государственные деятели, констебль и адмирал, выступали за мир, поскольку знали, в каком состоянии находится королевство. Герцог де Гиз и кардинал Лотарингский были за разрыв, поскольку надеялись усилить влияние своей семьи с помощью войны. Колиньи подписал Воселльский

мирный договор и хотел сохранить его, но влияние католической партии росло. Результатом стало натравливание католического короля на Папу Римского и на самих себя. Королева была склонна выслушать Караффу так же благосклонно, как и хозяйка, поскольку Екатерина Медичи желала, чтобы ее двоюродный брат, маршал Строцци, получил почетную и прибыльную работу в нескольких новых итальянских кампаниях.

Между тем случайность благоприятствовала планам папского двора. Открытая ссора с Испанией произошла из-за незначительного обстоятельства. Испанский посол в Риме имел привычку очень часто покидать город ранним утром, отправляясь на охоту, и долгое время пользовался привилегией приказывать открывать для него ворота по своему усмотрению. Случайно или намеренно, но однажды ему было отказано в разрешении пройти через ворота как обычно. Не желая отказываться от своего дневного развлечения и разгневанный тем, что он считал унижением, его превосходительство с помощью своих слуг напал на стражников и избил их, овладел ими, выбрался из города и продолжил свои утренние развлечения. Папа был в ярости, Караффа искусно разжигал его гнев. Посланнику было отказано в аудиенции, которой он добивался, для дачи объяснений, и, поскольку поезд, таким образом, был проложен, было сочтено, что настал подходящий момент для применения зажигательной смеси. Кардинал поспешно отправился в Париж. Во время аудиенции у короля он заявил, что его Святейшество безоговорочно полагался на свой секретный договор с его величеством, что недавно заключенное перемирие с Испанией оставило понтифика во власти испанца, что герцог Альва уже обнажил меч, что папа уже давно оказал себе удовольствие и честь назначить французского монарха протектором папского престола в целом и семьи Караффа в частности, и что настал момент для того, чтобы воспользоваться этой защитой. Более того, он заверил его, опираясь на всю полноту папской власти, что, соблюдая недавнее перемирие с Испанией, его величество нарушит как человеческий, так и божественный закон. Разум и справедливость требовали, чтобы он защищал понтифика теперь, когда испанцы собирались воспользоваться перерывом в перемирии, чтобы принять меры во вред ему. Более того, поскольку папа был включен в Воцелльское перемирие, от него нельзя было отказаться без нарушения самого этого договора. Искусство и аргументы кардинала оказались успешными; война была разрешена в пользу папы. Кардинал, в силу полномочий, полученных и привезенных с собой от его святейшества, освободил короля от всех обязательств сохранять верность Испании. Он также освободил его от обязанности предварять военные действия объявлением войны. Строцци был немедленно отправлен в Италию с несколькими наспех собранными войсками, в то время как герцог де Гиз ждал, чтобы организовать регулярную армию.

Когда, таким образом, беда была в самом разгаре и в Европе снова разразилась война, кардинал совершил публичный въезд в Париж в качестве папского легата. Народ столпился вокруг его мула, когда он ехал по улицам во главе величественной процессии. Всем не терпелось получить благословение от святого человека, который проделал такой долгий путь, чтобы представлять преемника святого Петра и заручиться поддержкой всех истинно верующих в его деле. Казалось, он отвечал на мольбы суеверной толпы горячими благословениями, в то время как ближайшие к нему друзья сознавали, что с его уст слетают только насмешки и сарказмы. "Давайте дурачить этих бедных созданий сколько душе угодно, раз уж они будут дураками", - пробормотал он, благосклонно улыбаясь им, как и подобало его священной должности. Таковы были материалы этой новой комбинации; таково было топливо, с помощью которого разжигалось и поддерживалось это новое пламя. Таким образом, великие державы земли — Испания, Франция, Англия и папство - оказались втянутыми в войну, и нации вели

войну друг против друга в течение нескольких лет. Предыдущие страницы показывают, как сильно национальные интересы или принципы были затронуты в начавшейся таким образом борьбе, в ходе которой тысячи людей должны были пролить свою кровь, а миллионы были лишены мира и комфорта и подверглись всем страданиям, которые могут принести голод и грабеж. Без сомнения, веселье Караффы, совершавшего свой триумфальный въезд в Париж, усилилось бы, если бы ему пришла в голову мысль, что чувства или благосостояние людей во всех великих государствах, которые сейчас вовлечены в его сети, могут иметь какое-либо отношение к вопросу о мире или воске. Миром управляли другие влияния. Хитрости кардинала, уловки наложницы— умение посла стрелять из лука, спекуляции солдата удаче— злобный нрав монаха, взаимная злоба итальянских домов и, прежде всего, вечное соперничество двух великих исторических семейств, которые владели большей частью Европы как своей частной собственностью, — таковы были колеса, на которых вращалась судьба христианского мира. Что по сравнению с этим представляли собой великие моральные и политические идеи, планы государственных деятелей, надежды народов? Скоро должно было показать время. Тем временем правительство продолжало осуществляться исключительно в интересах губернаторов. Между тем мелкая война из ничтожных побуждений должна была предшествовать великому зрелищу, которое должно было доказать Европе, что принципы и народы все еще существуют и что флегматичная нация торговцев и промышленников может бросить вызов силам вселенной и рисковать всей своей кровью и сокровищами, поколение за поколением, ради святого дела.

В наши задачи не входит описывать подробности кампании в Италии; да и сама эта политическая война не представляет большого интереса в наши дни. Для военных умов того времени научная дуэль, которая теперь происходила с большим размахом между двумя такими прославленными полководцами, как герцоги де Гиз и Альва, без сомнения, считалась самым важным зрелищем; но прогресс человечества в искусстве резни лишил столь устаревшее зрелище большей части его интереса, даже с технической точки зрения. Вряд ли можно было получить большое удовлетворение, наблюдая за старомодной игрой в войну, в которой стороны так спокойно садились друг перед другом и отбирали кусок за куском, замок за замком, город за городом, с такой научной осмотрительностью, что становилось очевидным, что, по мнению командиров, война была единственным серьезным делом, которым можно было заниматься в мире; что это не следовало делать в спешке или вопреки правилам, и что, когда у генерала на руках хорошая работа, он должен знать свою профессию слишком хорошо, чтобы спешить с ней, прежде чем он увидит ясный путь к успеху. еще один. С того момента, в конце 1556 года, когда этот хорошо обученный, но не очень успешный солдат Строцци пересек Альпы, вплоть до осени следующего года, когда герцог Альва заключил мир с папой римским, едва ли было крупномасштабное сражение и едва ли событие, представляющее большой интерес. Альва, как обычно, с большим эффектом применил свою политику промедления к своему противнику. Как он заметил одному другу, у него не было намерения ставить все Неаполитанское королевство на парчовый камзол герцога Гиза. Более того, его отправили на войну, как сообщил Руй Гомес венецианскому послу, "с уздечкой во рту". Филипп, сильно обеспокоенный тем, что оказался в столь странном положении, как это враждебное отношение к Церкви, серьезно расспросил всех врачей и богословов, с которыми он обычно советовался, не приведет ли эта война с папой к лишению его титула Самого католического короля. Епископ Аррасский и фаворит оба не одобряли войну и всем своим влиянием поощряли миролюбивые наклонности монарха. Врачи, конечно, придерживались мнения, что Филипп, действовавший в Италии только в целях

самообороны и для защиты своих государств, не должен беспокоиться о сохранении своего права на титул, которым он так высоко себя дорожил. Тем не менее, подобные размышления и опасения не могли не повлиять на действия Алвы. Этот генерал был внутренне раздосадован тем, что он считал своим собственным презренным положением. В то же время он еще больше разозлил герцога де Гиза своим вынужденным спокойствием. Крепости были взяты, города взяты один за другим с самой вызывающей обдуманностью, в то время как его растерянный противник тщетно пытался бросить ему вызов или ввести в заблуждение, заставив испытать шансы на пораженном поле боя. Битва при Сен-Кантене, повествование о которой относится к нашей теме и вскоре займет наше внимание, окончательно определила ход итальянских операций. Блестящий триумф Эгмонта в Пикардии сделал победу в Италии излишней и передал в руки Альвы властью командовать исходом его собственной кампании. Герцог де Гиз был отозван для защиты французской границы, которая подверглась опасности из-за храбрости фламандского героя, а папе было предоставлено заключить наилучший мир, какой только был в его силах. Теперь все процветали и улыбались, и кампания завершилась в высшей степени оригинальной и занимательной выставкой. Ребяческие амбиции понтифика, поддерживаемые интригами его племянника, вовлекли французского монарха в войну, которая противоречила его интересам и склонностям. Теперь Павел обнаружил, что его союзник слишком сильно пострадал, чтобы обеспечить ему ту защиту, на которую он полагался, когда в старческом возрасте начинал свою карьеру воина. Поэтому он желал только одного - покинуть своего друга и выйти из затруднительного положения, заключив договор с его католическим величеством на наилучших условиях, какие только мог получить. Король Франции, который вступил в войну только ради своего святейшества, должен был быть предоставлен самому себе, в то время как папа должен был заключить мир со всем миром. Результат был желанным для Филиппа. Соответственно, Алве было поручено предоставить святому отцу достойную возможность для исполнения его пожеланий. Победоносный генерал был проинформирован о том, что его повелитель не желал никаких плодов от своего командования в Италии и победы при Сен-Кантене, за исключением полного прощения от папы за ведение даже оборонительной войны против него. Соответственно, была начата дружественная осада Рима, в ходе которой в ночь на 26 августа 1557 года был назначен штурм святого города, или "камициата". Понтифик согласился, чтобы его застали врасплох, в то время как Алва, проявив, казалось бы, лишь избыток своей обычной осмотрительности, отвел свои войска в тот самый момент, когда должен был начаться победоносный штурм. Неминуемая опасность для святого города и для его собственной священной особы, таким образом, давала понтифику повод отказаться от своего собственного дела, а также от дела своего союзника герцога Альвы, которому было позволено, во имя его господина и его самого, подчиниться Церкви и заключить мир с Римом. Испанский генерал с тайным негодованием и отвращением был вынужден потакать тщеславию сварливого, но властного старика. Начались переговоры, и герцог так искусно вел свою игру в течение весны и лета, что, когда ему разрешили поцеловать папе палец на ногу, он смог получить в свое распоряжение сотню итальянских городов в качестве мирной жертвы его святейшеству. Теперь он восстановил их с видимым смирением и внутренними проклятиями при условии, что укрепления будут снесены, а союз с Францией полностью расторгнут. Так фанатизм Филиппа изменил относительное положение его самого и его противника. Таким образом, побежденному понтифику было позволено практически диктовать условия победоносному полководцу. Король, который мог таким образом унизиться до слабоумия, в то время как сам стал бичом своих подданных, заслуживал того, чтобы была выпущена

подготовленная булла об отлучении от церкви. Он, по крайней мере, был способен ощутить сокрушительный эффект подобных анафем.

Герцог Гиз, получив отставку с заверениями понтифика в том, что он мало что сделал для интересов своего государя, еще меньше для защиты Церкви и меньше всего для своей собственной репутации, со всей поспешностью отправился в Чивита-Веккью, чтобы сделать все возможное на фламандской границе, чтобы искупить свою бесславную кампанию в Италии. Мирный договор между папой римским и герцогом Альва был подписан 14 сентября (1557 г.), и испанский генерал удалился на зиму в Милан. Кардинал Караффа был удален от французского двора в Мадрид, чтобы там плести новые интриги по сближению народов и продвижению своей собственной семьи. Очень мало славы завоевал кто-либо из участников этой кампании. Испания, Франция и Павел IV. Ни один из них не вышел из итальянского сражения в лучшем состоянии, чем то, в котором они вступили в него. На самом деле все были неудачниками. Франция бесславно отступила, папа совершил смехотворную капитуляцию, и единственная победившая сторона, король Испании, в течение лета уступил Космо Медичи суверенитет над Сиеной. Если бы Венеция проявила больше сердечности по отношению к Филиппу и больше решимости поддерживать его политику, вполне вероятно, что Республика получила бы приз, который, таким образом, достался Космо. Этот проницательный и беспринципный правитель, который так хорошо умел забрасывать свои сети в мутную воду, успешно обманул все стороны - Испанию, Францию и Рим. Человек, который не только не участвовал в соревновании, но и держал все партии и все военные действия подальше от своих границ, был единственным человеком в Италии, получившим территориальное преимущество от войны.

Чтобы не прерывать непрерывность повествования, испанская кампания была кратко описана до осени 1557 года, когда был заключен договор между папой римским и Филиппом. Теперь необходимо вернуться к закрытию предыдущего года.

Одновременно с высадкой французских войск в Италии на фламандской границе вспыхнули военные действия. Усилия императора по столь поспешному тушению тлеющих углей национальной вражды с целью скорее сценического эффекта, чем преднамеренного и хорошо продуманного результата, были, таким образом, сведены на нет, и в течение года со дня его отречения военные действия возобновились от Тибра до Германского океана. Вина за первое нарушение Восселльского перемирия была возложена каждой стороной на другую с равной справедливостью, ибо не может быть никаких сомнений в том, что упрек справедливо относился к обеим. Оба были одинаково неверны в своих заверениях о дружбе. Оба были в равной степени ответственны за сцены войны, грабежа и нищеты, которые снова опустошили самые прекрасные регионы христианского мира.

В то время, когда французский двор решил уступить пожеланиям семьи Караффа, адмирал Колиньи, назначенный губернатором Пикардии, получил приказ совершить набег на границу Фландрии. До официального объявления военных действий считалось желательным извлечь все возможные выгоды из вероломства, на которое было принято решение.

Случилось так, что некий банкир из Лукки, старый игрок и развратник, которого злые дела низвели из достатка в нищету, поселился на холме, возвышающемся над городом Дуэ. Здесь он построил себе келью отшельника. Одетый во вретище, с четками на поясе, он привык просить милостыню, ходя от двери к двери. Однако его одежда была всем, что у него было от святости, и он проводил время, обдумывая слабые места в обороне города с гораздо большей

тщательностью, чем те, что были в его собственном сердце. После начала военных действий в Италии инстинкты его старой профессии подсказали ему, что во Фландрии можно было бы сделать хорошую спекуляцию, обратившись в качестве шпиона к наблюдениям, которые он сделал в образе отшельника. Он добился встречи с Колиньи и изложил ему свои предложения. Благородный адмирал колебался, поскольку его чувства были более возвышенными, чем у многих его современников. Более того, он сам вел переговоры и подписал перемирие с Испанией и боялся нарушить его собственноручно, до объявления войны. И все же он знал, что французская армия находится на пути к нападению на испанцев в Италии; ему было приказано воспользоваться как можно скорее преимуществом, которое могло дать ему его положение на границе; он знал, что и теория, и практика уполномочивали генерала в то время нарушать пост даже во время перемирия, если представится соблазнительный кусочек; и, прежде всего, он прекрасно понимал характер своего ближайшего противника, нового губернатора Нидерландов Филиберта Савойского, которого он знал как самого беспринципного вояку в Европе. Эти соображения побудили его воспользоваться общением банкира-отшельника.

Соответственно был назначен день, в который под руководством этого новоприобретенного союзника французские войска должны были попытаться нанести внезапный удар, и ничего не подозревающий город Дуэ был отдан на разграбление жестокой солдатне. Назначенным временем была ночь Богоявления, по случаю праздника которого считалось, что жителей, одолеваемых сном и пьянством, можно легко одолеть. (6 января 1557 г.) Заговор был хорошим заговором, но адмиралу Франции было суждено быть сорванным старой женщиной. Этот человек, по-видимому, единственное бодрствующее существо в городе, почувствовал опасность, с криком побежал по улицам, переполошил горожан, пока было еще время, и таким образом предотвратил нападение. Колиньи, разочарованный в своем плане, вознаградил своих солдат внезапным нападением на Ланс в Артуа, который он разграбил, а затем сравнял с землей. Таково было жалкое состояние приграничных городов, которые даже в мирное время стояли с подорванной под ними почвой и каждое мгновение как бы находились на грани взрыва.

Таким образом, военные действия были честно начаты, и французское правительство оказалось в некотором замешательстве. Герцог де Гиз с самыми доступными силами королевства перешел Альпы, и немедленно возникла необходимость собрать еще одну армию. Местом встречи был назначен Пирпойнт, где ранней весной была собрана армия из восемнадцати тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Тем временем Филипп, обнаружив, что война в самом разгаре, отправился в Англию с целью (в нарушение всех своих брачных условий) умяснить свою жену и запугать ее министров, чтобы они приняли участие в его войне с Францией. Это было легко сделано. Соответственно, английская нация оказалась вовлеченной в борьбу, к которой они не имели никакого отношения, которая, как показали события, во многом противоречила их интересам, и движущей причиной их вовлечения была преданность слабой, порочной, свирепой женщины мужу, который ее ненавидел. Герольд, посланный из Англии, прибыл во Францию переодетым и был представлен королю Генриху в Реймсе. Здесь, опустившись на одно колено, он зачитал список жалоб на его величество от имени английской королевы, все они были сфабрикованы или преувеличены специально для данного случая, и ни одна из них не послужила даже благопристойным предлогом для войны, которая в результате была теперь официально объявлена. Французский монарх выразил свое сожаление и удивление по поводу того, что прочные и дружественные отношения, закрепленные международным договором между двумя странами, таким образом, без достаточных на то оснований были нарушены.

Принимая навязанное ему таким образом военное пари, он велел герольду Норрису сообщить своей госпоже, что с ее посланцем обошлись вежливо только потому, что он представлял леди, и что, если бы он прибыл от короля, язык, которым его приветствовали бы, соответствовал проявленному в данном случае вероломству. Бог накажет это бесстыдное попрание веры и это бессмысленное нарушение дружбы двух великих народов. С этими словами герольд был удален из королевского присутствия, но с ним обращались с большим почетом, его проводили в гостиницу английского посла и преподнесли от имени французского монарха золотую цепь.

Филипп отправил Руя Гомеса в Испанию с целью найти пути и средства, в то время как сам был занят той же задачей в Англии. Он пробыл там три месяца. За это время он "сделал больше, - говорит современник испанца, - чем кто-либо мог себе представить возможным для этой гордой и неукротимой нации. Он заставил их объявить войну Франции огнем и мечом, на море и суше". После того, как военные действия были, таким образом, по-рыцарски, и официально налажены, королева послала армию из восьми тысяч человек, кавалерию, пехоту и пионеров, которые, "все одетые в синюю форму", под командованием лордов Пемброка и Клинтона, с тремя сыновьями графа Нортумберленда и многими другими отпрысками английской аристократии, высадились в Кале и вскоре после этого присоединились к лагерю перед Сен-Кантенем.

Филипп тем временем покинул Англию и с большей суетой и активностью, чем это было для него обычно, отдал распоряжения о немедленной организации значительной армии. Она состояла в основном из войск, принадлежащих Нидерландам, с добавлением некоторых немецких вспомогательных подразделений. Тридцать пять тысяч пехотинцев и двенадцать тысяч всадников к середине июля продвинулись через провинцию Намюр и были собраны в Гиве под командованием герцога Савойского, который, как генерал-губернатор Нидерландов, принимал главное командование. Все самые выдающиеся вельможи провинций - Оранж, Эршо, Берлаймон, Меген, Бредероде - присутствовали при войсках, но душой армии в этот памятный момент был граф Эгмонт.

Ламоралю, графу Эгмонтскому, принцу Гаверскому, шел теперь тридцать шестой год, самый расцвет той блестящей жизни, которой суждено было так скоро и так фатально омрачиться. Ни одна из темных туч, которые в будущем должны были сгуститься вокруг него, еще не поднялась над его горизонтом. Молодой, благородный, богатый, красивый, доблестный, он не видел угрожающего призрака в будущем и жадно ухватился за прекрасную возможность, которую настоящее предоставило ему, снискать свежие лавры на более обширном и плодородном поле, чем любое, на котором он до сих пор был жнецом. Предстоящая кампания, вероятно, обещала быть впечатляющей, если не важной, и не могла не привлечь дворянина с таким пылким и эффектным характером, как Эгмонт. Если и не было высоких принципов или обширных интересов, за которые можно было бы бороться, а их, безусловно, не было, то все же в войне, которая была так преднамеренно и помпезно организована, было много величественного и будоражающего воображение. Противоборствующие армии, хотя и были среднего размера, состояли из отборных войск, и ими командовал цвет рыцарства Европы. Короли, принцы и самые прославленные паладины христианского мира вооружались для великого турнира, на который их вызвали герольд и труба; и батавский герой, не имевший ни короны, ни даже страны, но имевший столь высокое происхождение, каким могли похвастаться многие помазанные монархи, был честолюбив отличиться в этом гордом строю.

На северо-западной окраине узкого полуострова Северная Голландия, омываемого бурными водами Немецкого океана, находились древний замок, город и поместье, откуда Эгмонт получил свою фамилию и титул, под которым он был наиболее известен. Предполагалось, что он ведет свое происхождение от линии рыцарей-чемпионов и крестоносцев до языческих королей самой древней из существующих тевтонских рас. Считалось, что имена фризов Радболда и Адгильда среди его предков в восьмом веке указывают на древность дома, чей блеск был увеличен в более поздние времена благодаря великолепию их союзов. Его отец, женатый на Франсуазе де Люксембург, принцессе Гаверской, приобрел в результате этого брака и передал своему потомству многие из самых гордых титулов и богатейших поместий Фландрии. Из троих детей, переживших его, единственная дочь впоследствии вышла замуж за графа Водемона и стала матерью Луизы де Водемон, королевы французского монарха Генриха Третьего.

Из двух его сыновей Чарльз, старший, умер молодым и неженатым, оставив все поместья и титулы семьи своему брату. Ламорал, родившийся в 1522 году, в ранней юности был пажом императора. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы носить оружие, он потребовал и получил разрешение следовать карьере своего предприимчивого государя. Он проходил обучение в качестве солдата в бурной экспедиции в Берберию, где на девятнадцатом году жизни командовал отрядом легкой кавалерии и отличился перед императором своим мужеством и преданностью, выполняя долг не только доблестного командира, но и отважного солдата. Вернувшись невредимым во время войны, наводнения или бури того достопамятного предприятия, он добрался до своей страны путем Корсики, Генуи и Лотарингии и три года спустя (в 1545 году) был женат на Сабине Баварской, сестре Фридриха, курфюрста Палатинского. Бракосочетание состоялось в Спайерсе, и немногие королевские свадьбы могли быть более блестящими. Император, его брат Фердинанд, король римский, вместе с эрцгерцогом Максимилианом, всеми императорскими курфюрстами и собранием высшей знати империи присутствовали на торжестве, были рядом с императором во время неудачной осады Меца; в 1554 году он был отправлен во главе великолепного посольства в Англию просить для Филиппа руки Марии Тюдор и в том же году был свидетелем бракосочетания в Винчестерском соборе. Хотя одна ветвь его дома в прошлые времена получила власть в Гелдресе, а другая приобрела огромные поместья и титулы в Бюрене, которые недавно перешли благодаря смешанному браку с наследницей во владение принца Оранского, все же принц Гавере, граф Эгмонтский, был главой рода, который не уступал ни одному из великих батавских или фламандских родов в древности, богатстве или власти. Лично он отличался своей храбростью, и хотя он еще не был кумиром лагеря, которым ему суждено было стать, и еще не командовал главнокомандующим в каких-либо важных случаях, он считался одним из пяти главных генералов на испанской службе. Стремясь к всеобщему восхищению, он был в то же время надменным и самонадеянным, пытаясь совместить в себе черты высокомерного магната и популярного вождя. Ужасный и внезапный в своем гневе, он в то же время отличался непомерным тщеславием и легко шел на поводу у тех, кто понимал его слабость. Обладая ограниченным образованием и слабыми способностями ко всем делам, кроме тех, что касались лагеря, ему было суждено стать столь же нерешительным и некомпетентным государственным деятелем, сколь быстрым и, к счастью, смелым на местах. Блестящему солдату, его злые звезды уготовили ему как политику идти по темному и опасному пути, на котором даже гениальность, осторожность и честность не могли обеспечить успеха, но на котором опрометчивость,

чередующаяся с колебаниями, а доверчивость с насилием, не могли не привести к гибели. Таким был граф Эгмонт, занявший свое место во главе королевской кавалерии летом 1557 года.

Первые операции герцога Савойского поначалу были направлены на то, чтобы ввести врага в заблуждение. Армия, продвинувшись в глубь Пикардии до города Вервин, который она сожгла и разграбила, выступила со всеми своими силами против города Гиз. Это, однако, было всего лишь уловкой, с помощью которой было привлечено внимание и силы отведены от Сен-Кантена, который должен был стать реальной точкой атаки. Тем временем 28 июля (1557 г.) прибыл коннетабль Франции Монморанси, чтобы принять командование французскими войсками. Его сопровождали маршал де Сент-Андре и адмирал Колиньи. Самые прославленные имена Франции, будь то по положению или доблести, были в списке офицеров этой отборной армии. Невер и Монпансье, Энгьен и Конде, Вандом и Рошфуко уже были там, и теперь пришли коннетабль и адмирал, чтобы добавить силу своего опыта и высокой репутации для поддержания мужества войск. Французы были у Пьерпойнта, поста между Шампанью и Пикардией, и в его окрестностях. Испанская армия находилась у Вербена и угрожала Гизу. Во Франции существовало мнение, что противник намеревался вторгнуться в Шампань, и герцог де Невер, губернатор этой провинции, подготовил расположение своих сил, соответствующее таким обстоятельствам. Однако Монморанси был убежден, что Пикардия должна была стать по-настоящему атакованным кварталом и что Сен-Кантен, который был наиболее важным пунктом, в котором продвижение врага по этому маршруту к Парижу могло быть остановлено, находился в непосредственной опасности. Мнение констебля вскоре было подтверждено советами, полученными Колиньи. Ему сообщили, что вражеская армия, пробыв три дня перед Гизом, отступила с этого пункта и окружила Сен-Кантен всеми своими силами.

Этот богатый и процветающий город стоял на возвышенности, возвышающейся над рекой Сомма. Он был окружен очень обширными пригородами, украшенными фруктовыми садами и огородами и включавшими в свои пределы большие участки высоко возделанной почвы. С трех сторон это место было покрыто озером шириной в тридцать ярдов, в одних местах очень глубоким, в других скорее напоминающим болото и простиравшимся на фламандской стороне в полумиле за городом. Жители были процветающими и трудолюбивыми; многие фабриканты и торговцы были очень богаты, поскольку это было место с большим движением и коммерческим значением.

Телиньи, зять адмирала, находился в городе с отрядом полка дофина; капитан Брюй был комендантом города. Оба сообщили Колиньи о неминуемой опасности, в которой они оказались. Они свидетельствовали о настоятельной необходимости немедленного подкрепления как людьми, так и припасами. Город, как хорошо знал адмирал, был не в том состоянии, чтобы выдержать осаду такой армии, и ужасны были последствия, которые последовали бы за падением столь важного места. Они писали, что по-прежнему можно было оказать помощь, но с каждым днем уменьшалась возможность оказания эффективной помощи. Колиньи был не из тех, кто позволит траве расти у него под ногами после такого обращения от имени главного лица в его правительстве. Безопасность Франции зависела от безопасности Сен-Кантена. Оплот был опрокинут, Париж оказался на расстоянии следующего шага от предприимчивого врага. Адмирал немедленно выступил 2 августа с сильным подкреплением. Было слишком поздно. Английские вспомогательные войска под командованием лордов Пемброка, Клинтона и Грея тем временем соединились с герцогом Савойским и появились в лагере перед Сен-Кантенем. Маршрут, по которому, как надеялись, можно было бы доставить

столь необходимую помощь, был, таким образом, занят и стал практически невыполнимым. Однако адмирал, ввиду срочного характера писем, полученных от Брейеля и Телины, в своем беспокойстве опередил передвижения своих войск. Он добрался до города почти один и без присмотра. Несмотря на увещания своих офицеров, он не прислушался ни к одному голосу, кроме отчаянных просьб осажденного гарнизона, и бежал впереди своей армии. Теперь он заперся в городе, полный решимости добиться его освобождения с помощью своего мастерства и опыта или, по крайней мере, разделить его судьбу. Когда ворота Колины закрылись, дорога была перекрыта для его наступающих войск.

Несколько дней прошло в безрезультатных вылазках по приказу Колины с целью разведки местности и поиска наиболее осуществимых способов доставки припасов. Тем временем констебль, который продвинулся со своей армией к Лафору, не бездействовал. Он поддерживал ежедневную связь с осажденным адмиралом и был полон решимости, если возможно, освободить город. Однако была постоянная череда разочарований. Более того, храбрый, но неосмотрительный Телины, командовавший во время временной болезни адмирала, считал нужным, вопреки прямому приказу, совершить неосторожную вылазку. Засвою опрометчивость он поплатился жизнью. Он был спасен лично адмиралом, который, несмотря на неминуемую опасность, привез несчастного офицера, покрытого ранами, в город, чтобы там он умер у ног своего отца, умоляя о прощении за свое непослушание. Тем временем гарнизон с каждым днем слабел. Колины выслал из города всех бесполезных едоков, разместил всех женщин в соборе и других церквях, где они были заперты, чтобы их ужас и слезы не ослабили мужество гарнизона, и сделал все, что было в его силах, чтобы укрепить оборону города и поддержать решимость жителей. Положение становилось все более отчаянным. Казалось очевидным, что важный город скоро падет, а вместе с ним, скорее всего, и Париж. Один из пригородов уже был в руках врага. Наконец Колины обнаружил маршрут, по которому, по его мнению, все еще можно было ввести подкрепление. Он сообщил результаты своих наблюдений констеблю. С одной стороны города озеро, или болото, пересекали несколько труднопроходимых и узких тропинок, в основном под водой, и бегущий ручей, который можно было переплыть только на лодках. Коннетабль, руководствуясь этими сведениями, полученными от Колины, выступил из Ла-Фера 8 августа с четырьмя тысячами пехоты и двумя тысячами всадников. Остановив свои войска у деревни Эссины, он лично двинулся к краю болота, чтобы произвести разведку местности и подготовить свои планы. Результатом стала решимость попытаться ввести в город людей и припасы предложенным способом. Оставив свои войска в боевом порядке, он вернулся в Ла-Фер к оставшейся части своей армии и завершил приготовления. Колины тем временем должен был обеспечить лодки для переправы через реку. 10 августа, в праздник Святого Лаврентия, констебль двинулся вперед с четырьмя орудиями тяжелой артиллерии, четырьмя кулевринами и четырьмя более легкими орудиями и в девять часов утра прибыл к предместью Иль, которое уже было во владении испанских войск. Вся армия коннетабля состояла из двенадцати тысяч немцев и пятнадцати рот французской пехоты; всего около шестнадцати тысяч пеших, плюс пять тысяч кавалерии. Армия герцога Савойского располагалась на той же стороне города, широко раскинувшись за рекой и болотом. План Монморанси должен был быть выполнен на виду у противника. Четырнадцать рот испанцев были размещены в предместье. Две роты продвинулись вперед до водяной мельницы, которая находилась на пути наступающего констебля. Эти солдаты какое-то время стояли на месте, но вскоре отступили, в то время как французы внезапно открыли канонаду по покоям герцога Савойского. Палатка герцога была разорвана в клочья, и у него едва хватило времени поспешно надеть кирасу и

укрыться у графа Эгмонта. Констебль, спеша немедленно воспользоваться этим временным преимуществом, начал переброску своих войск через болото. Предприятию, однако, не суждено было увенчаться успехом. Количество предоставленных лодок было весьма недостаточным; более того, они были очень маленькими, и каждая, когда она отходила от берега, была, следовательно, так переполнена солдатами, что подвергалась опасности быть затопленной. Несколько человек перевернулись, и мужчины погибли. Также выяснилось, что противоположный берег был крутым и опасным. Многие из тех, кто пересек реку, не смогли высадиться на берег, в то время как те, кто избежал утопления в воде, заблудились на окольных и труднопроходимых тропинках или несчастно погибли в коварных трясины. Очень немногим удалось проникнуть в город, но среди них был Андело, брат Колиньи, с пятью сотнями сторонников. Тем временем в палатке Эгмона состоялся офицерский совет. Мнения относительно того, какого курса следует придерживаться в сложившихся обстоятельствах, были в нерешительности. Следует ли рисковать вступлением в бой или констеблю, который лишь равнодушно выполнил свой план и ввел в город лишь незначительное количество войск, следует позволить отступить с остальной частью своей армии? Пламенная горячность Эгмонта превзошла все ожидания. Здесь была возможность помериться силами с великим полководцем эпохи. Отказываться от приза, который военная удача теперь предоставила в пределах досягаемости их доблести, было недопустимой мыслью. Здесь был великий коннетабль Монморанси в сопровождении принцев королевской крови, гордейших представителей знати, самой короны и цветка рыцарства Франции, а за ними следовала армия из ее самых храбрых войск. Предприняв отчаянное предприятие, он попал в их руки. Должен ли он уйти оттуда живым и невредимым? Моральный эффект от уничтожения такой армии был бы больше, чем если бы она была вдвое больше по своей реальной численности. Это было бы нанесением удара в самое сердце Франции, от которого она не смогла бы оправиться. Была ли возможность без борьбы сложить оружие к ногам Филиппа в этой его первой кампании с момента вступления на престол своего отца наградой, достойной самого гордого часа правления императора? Красноречию пылкого батавца нельзя было противостоять, и он был полон решимости отрезать констеблю путь к отступлению.

В трех милях от предместья Иль, к которому этот генерал теперь подошел, был узкий проход или ущелье между крутыми и близко нависающими холмами. Продвигаясь утром через этот овраг, констебль заметил, что противник, возможно, в силах перехватить его возвращение в этом месте. Поэтому он оставил Рейнграфа со своей ротой конных карабинеров охранять проход. Будучи готовым начать отступление, он послал вперед герцога Неверского с четырьмя ротами кавалерии для укрепления этой важной позиции, которая, как он опасался, могла быть недостаточно хорошо охраняема. Акт предосторожности был принят слишком поздно. Это было роковое место, которое быстрый взгляд Эгмонта сразу заметил. Когда Невер достиг этого места, две тысячи вражеской кавалерии проскакали через него и заняли узкий проход. Охваченный чувством унижения и отчаяния, Неверс немедленно бросился бы в атаку на эти войска, хотя их было почти вчетвером больше, чем его собственных. Офицеры с трудом удержали его, напомнив ему о безапелляционном приказе, который он получил от констебля, охранять проход, но ни в коем случае не вступать в бой до тех пор, пока его не поддержит основная часть армии. Это был тот случай, когда опрометчивость была бы наилучшей тактикой. Стремительная атака, которую собирался предпринять герцог, возможно, расчистила бы путь и вывела армию, при условии, что констебль со своей стороны последовал бы за этим быстрым продвижением. Как бы то ни было, вскоре проход был перекрыт недавно наступавшими частями испанской и

фламандской кавалерии, в то время как Невер медленно и неохотно отступал к принцу Конде, который находился с легкой кавалерией на мельнице, где произошла первая стычка. Вскоре к ним присоединился констебль с основными силами армии. Теперь все французские силы начали отступление. Однако было слишком очевидно, что они окружены. Когда они приблизились к роковому перевалу, через который лежала их единственная дорога в Ла-Файр и который теперь находился в полном владении врага, граф Эгмонт подал сигнал к штурму. Сам этот генерал во главе двух тысяч легкой кавалерии возглавил атаку на левом фланге. Другая сторона подверглась нападению герцогов Эрика и Генриха Брауншвейгских, у каждого по тысяче тяжелых драгун при поддержке графа Хорна во главе полка конной жандармерии. Мансфельд, Лален, Хоогстраатен и Вилен одновременно предприняли яростную атаку по фронту. Французская кавалерия дрогнула от столь энергичного удара. Приверженцы лагеря, маркитанты и коробейники, охваченные паникой, сразу же бросились врассыпную и своим поспешным отступлением внесли смятение и смятение во все ряды армии. Разгром был внезапным и тотальным. Наступление и победа были одновременными, Неверс проехал через лощину с несколькими отрядами кавалерии в надежде сделать крюк и открыть врагу новый фронт, но был сразу же разбит отступающими французами и их разъяренными преследователями. День был потерян, отступление едва ли было возможно, и все же, предприняв смелую и отчаянную попытку, герцог в сопровождении горстки приверженцев прорубил себе путь сквозь ряды врага и совершил побег. Кавалерия была разбита при первом натиске и почти уничтожена. Часть пехоты все еще держалась стойко и пыталась продолжить отступление. Однако теперь по ним открыли огонь несколько артиллерийских орудий, и, прежде чем они достигли Эссины, вся армия была полностью уничтожена. Поражение было абсолютным. Половина французских войск, фактически участвовавших в этом предприятии, погибла на поле боя. Остальная часть армии была взята в плен или полностью дезорганизована. Когда Невер осматривал в Лаоне остатки всего войска коннетабля, он обнаружил около тысячи трехсот французских и трехсот немецких кавалеристов, при этом из пятнадцати рот французской пехоты осталось четыре, а из двенадцати тысяч - четыре тысячи немецких пехотинцев. Из двадцати одной или двух тысяч замечательно отборных и хорошо оснащенных солдат все, кроме шести тысяч, были убиты или взяты в плен в течение часа. Сам констебль с ранением в пах попал в плен. Герцог Энгиенский, проявивший блестящую доблесть и много раз сплавивавший войска, был пронзен насквозь и доставлен в лагерь врага только для того, чтобы испустить дух. Герцог де Монпансье, маршал де Сент-Андре, герцог де Лодживиль, принц Людовик Мантуанский, барон Кортон, ла Рош дю Мэн, Рейнграф, графы де Рошфуко, д'Обиньи, де Рошфор - все были схвачены. Герцог Неверский, принц Конде, и еще несколько человек спаслись бегством; хотя уверенность в том, что такое бегство невозможно, была настолько абсолютной, что победоносная армия в это не поверила. Когда Невер после битвы послал трубача герцогу Савойскому с целью переговоров относительно пленных, трубач объявили самозванцем, а письмо герцога - подделкой; и только после того, как по всему полю боя были тщетно обысканы в поисках его мертвого тела, Невер смог убедить победителей, что он все еще существует.

Из армии Филиппа погибло не более пятидесяти человек. Людовик Бредероде был задушен в своих доспехах; и два графа Шпигельберг и граф Вальдек также были убиты; кроме них, не пал ни один выдающийся офицер. Все французские штандарты и вся их артиллерия, за исключением двух орудий, были взяты и представлены королю, который на следующий день прибыл в лагерь перед Сен-Кантенем. Ему также длинной процессией представили

отличившихся пленных. Редко какой монарх Испании наслаждался более знаменательным триумфом, чем тот, которым Филипп теперь был обязан галантности и расторопности графа Эгмонта.

Пока король стоял, рассматривая трофеи победы, к нему приблизился легкий всадник из полка донна Энрико Манрике и вручил ему меч. "Я тот человек, с позволения вашего величества, - сказал кавалерист, - который схватил констебля; вот его шпага; пусть вашему величеству будет угодно угостить меня чем-нибудь в моем доме". "Я обещаю это", - ответил Филипп, после чего солдат поцеловал руку его величества и удалился. В те дни общепризнанным был обычай, согласно которому король был пленником короля, а генерал - пленником генерала, но человек, будь то солдат или офицер, захвативший главнокомандующего, имел право на десять тысяч дукатов. В этом случае констебль был пленником Филиппа, который, как предполагалось, лично командовал своей армией. Однако некий испанский капитан Валенсуэла оспорил притязания солдата на меч констебля. Полицейский сразу же направился к констеблю, который стоял там вместе с остальными прославленными заключенными. - Ваше превосходительство христианин, - сказал он. - прошу вас, скажите по совести и вере рыцаря, не я ли взял вас в плен. Ваше превосходительство, не должно удивлять, что я всего лишь солдат, поскольку с солдатами его Величество должен вести свои войны". "Конечно, - ответил констебль, - вы схватили меня; забрали мою лошадь, а я отдал вам свою шпагу. Однако я дал слово капитану Валенсуэле". Однако, поскольку испанский обычай не признавал залога, данного кому-либо, кроме самого пленителя, было решено, что солдат должен отдать капитану две тысячи из своих десяти тысяч дукатов. Так закончился спор.

Такова была блестящая победа Сен-Кантена, достойная того, чтобы быть помещенной в один ряд со всемирно известными поединками Креки и Азенкура. Как и в тех битвах, ее главный интерес связан с личным характером лидера, в то время как она, по-видимому, была освящена нежными эмоциями, вызванными его последующей судьбой. Победа была всего лишь удачным ходом в выигрышной игре. Игроки были королями, а люди — ставками, а не партиями. Это было рыцарское проявление в войне, которая велась без благородной цели и в которой не было задействовано ни единого возвышенного чувства. Однако фламандская граница была на время спасена от тех бедствий, которые теперь предстояли французской границе. Этого было достаточно, чтобы победа была встречена народом с таким же восторгом, как и войсками. С того дня имя храброго голландца было для армии подобно звуку трубы. "Эгмонт и Сен-Кантен" звучали из всех уст до самых дальних пределов владений Филиппа. Смертельный удар был нанесен в самое сердце Франции. Плоды всех побед Франциска и Генриха увяли. Эта битва, а за ней и другие, которые должны были последовать, выигранные той же рукой, вскоре должны были привести к подписанию самого катастрофического договора, который когда-либо позорил историю Франции.

Слава и могущество коннетабля померкли — его несчастья и плен пали пятном на древнюю славу дома Монморанси — враги уничтожили его влияние и популярность, — в то время как упадок королевства происходил одновременно с падением его прославленного имени. С другой стороны, ликование Филиппа было настолько сильным, насколько позволяла его холодная и каменная натура. Великолепный дворец-монастырь Эскуриал, посвященный святому, в праздник которого произошла битва, и построенный в форме решетки, на которой пострадал этот мученик, вскоре после этого был возведен в благочестивое ознаменование этого события.

Таково было празднование победы. Награда, предназначенная победителю, должна была быть занесена на более позднюю страницу истории.

Холодность и осторожность, не говоря уже о малодушии Филиппа, помешали ему воспользоваться золотыми плодами своего триумфа. Фердинанд Гонзага хотел, чтобы за этим ударом последовал немедленный марш на Париж.— Таково было мнение всех выдающихся солдат того времени. Несомненно, таково было мнение и таков был бы поступок Карла, окажись он на поле Сен-Кантен, каким бы искалеченным он ни был, вместо своего сына. Он не мог скрыть своего гнева и унижения, когда обнаружил, что Париж не пал, и, как говорят, отказался читать депеши, в которых говорилось, что событие не было доведено до конца. В натуре Филиппа, безусловно, было мало от завоевателя; ничего такого, что могло бы заставить его нарушить самые безопасные принципы стратегии. Он был не из тех людей, которые с энтузиазмом восприняли бы нанесенный удар; Сен-Кантен, все еще не взятый, хотя его защищали всего восемьсот солдат, нельзя было оставить позади; Невер все еще был у него впереди, и хотя было печально известно, что он командовал лишь остатками армии, все же, возможно, можно было бы собрать новую вовремя, чтобы помешать триумфальному маршу на Париж. Соответственно, из своего чрезмерного благоразумия Филипп отказался наступать до тех пор, пока Сен-Кантен не будет взят.

Хотя Колиньи был почти доведен до отчаяния полным поражением французов в недавнем сражении, он все еще храбро держался, прекрасно понимая, что каждый день, на который могла затянуться осада, был выгоден его стране. И снова он предпринял новые попытки ввести мужчин в город. Рыбак показал ему затопленную тропинку глубиной в несколько футов, по которой ему удалось провести сто пятьдесят безоружных и наполовину утонувших солдат. Его гарнизон насчитывал едва ли восемьсот человек, но осада все же была выдержана, главным образом благодаря его мужеству и проницательности, а также духу его брата Анделота. Кавалерийская рота, принадлежавшая к полку дофина, вела себя плохо и даже проявила трусость после смерти своего командира Телиньи. Горожане, естественно, устали и были нетерпеливы от осады. Минирование продолжалось до 21 августа. Затем до 27 августа продолжалась непрерывная канонада. В тот день в стенах было пробито одиннадцать брешей, и было приказано одновременно атаковать четыре из них. Горожане расположились на стенах, солдаты - в проломах. Последовало короткое, но кровопролитное сражение, гарнизон сопротивлялся с необычайной храбростью. Внезапно был осуществлен вход через башню, которая считалась достаточно прочной и которую оставили без охраны. Колиньи, бросившись на место, сразился с врагом практически в одиночку. Вскоре он был побежден, его сопровождали всего четыре человека и паж, солдат по имени Франсиско Диас взял его в плен и провел через одну из подземных шахт в присутствии герцога Савойского, от которого похититель получил десять тысяч дукатов в обмен на шпагу адмирала. Бои на улицах все еще продолжались с большой решимостью, храбрый Анделот сопротивлялся до последнего. Однако в конце концов его одолели и взяли в плен. Филипп, который, как обычно, прибыл в окопы к полудню, в полном вооружении, с пажом, несущим его шлем, был встречен известием, что город Сен-Кантен принадлежит ему.

За разграблением последовала ужасная резня и пожар, еще более ужасный. В каждом доме, в который вошли в первый день, был зарезан каждый человек. Разграбление продолжалось весь этот день и весь следующий, до ночи 28-го. Не было ни одного солдата, которому не досталась бы обильная доля награбленного, и некоторым людям удалось завладеть двумя, тремя и даже

двенадцатью тысячами дукатов каждому. Женщины, как правило, не были возмущены, но их раздели почти полностью догола, чтобы они не спрятали сокровища, принадлежавшие их завоевателям, и им нанесли удары ножами по лицу, отчасти из спортивного интереса, отчасти в наказание за то, что они не отдали имущество, которым не владели. Солдаты даже отрубили руки многим из этих несчастных женщин, а затем выпустили их, искалеченных и обнаженных, на пылающие улицы; ибо 28-го числа город был обстрелян в сотне мест и теперь представлял собой один общий пожар. Улицы уже были усеяны трупами убитых гарнизонщиков и горожан, а выжившие теперь сгорели в своих домах. Человеческие головы, конечности и туловища были перемешаны с кирпичами и стропилами домов, которые падали со всех сторон. Пожар продолжался день и ночь, не предпринималось никаких попыток его потушить, в то время как солдаты, как дьяволы, носились сквозь пламя и дым в поисках добычи. Держа в руках зажженные факелы, они спустились в каждое подземное хранилище, которых в городе было множество, и в каждом из которых надеялись обнаружить спрятанные сокровища. Убийства, грабежи и поджоги продолжались почти три дня и ночи. Тем временем улицы были завалены горами трупов, ни один из которых не был похоронен с момента взятия города. Останки почти всего трудоспособного мужского населения, расчлененные, обглоданные собаками или почерневшие от огня, загрязняли воздух середины лета. Тем временем женщин снова загнали в собор, где они жили во время осады, и где они теперь скорчились в трепетном ожидании своей участи." 29 августа, в два часа дня, Филипп издал приказ, согласно которому все женщины без исключения должны быть изгнаны из города на французскую территорию. Сен-Кантен, который семьдесят лет назад был фламандским городом, должен был быть вновь аннексирован, и ни один мужчина, женщина или ребенок, говорящий по-французски, не должен был оставаться в этом месте больше часа. Языки мужчин были надежно заткнуты. Женщины в количестве трех тысяч пятисот человек были вынуждены покинуть собор и город. Некоторые умирали с голоду; другие были смертельно ранены; все они, проходя по разрушенным улицам того, что когда-то было их домом, были вынуждены наступать на непогребенные останки своих отцов, мужей или братьев. Ни у кого из этих несчастных созданий не осталось живого защитника — вряд ли даже мертвое тело, которое можно было бы опознать; и таким образом, жуткая процессия из более чем трех тысяч женщин, у многих зияющие раны на лице, у многих отрубленные и гноящиеся руки, всех рангов и возрастов, некоторым было более девяноста лет, с непокрытыми головами, седые волосы струились по плечам; другие с грудными младенцами на руках, все в сопровождении роты тяжеловооруженных солдат, навсегда покинули свой родной город. Все проделали унылое путешествие пешком, за исключением того, что детям в возрасте от двух до шести лет разрешалось перевозить детей на повозках. Запустение и обезлюдение были теперь полными. "Я бродил по этому месту, глядя на все это, - рассказывает присутствовавший при этом испанский солдат, который вел дневник всего произошедшего, - и мне показалось, что это было очередное разрушение Иерусалима. Что меня больше всего поразило, так это то, что в городе не осталось ни одного жителя, который был бы французом или осмеливался бы называть себя французом. Как суетны и преходящи, подумал я, вещи этого мира! Шесть дней назад в городе было столько богатств, а теперь от них не осталось камня на камне".

Изгнание женщин было произведено по прямому приказу Филиппа, который, более того, не приложил никаких усилий, чтобы остановить кровавую бойню, мародерство и поджоги. Однако благочестивый царь не забыл о своем долге перед святыми. Как только вспыхнул пожар, он послал в собор, откуда распорядился вынести тело Сен-Кантена и поместить в королевский

шатер. Здесь был устроен алтарь, на одной стороне которого находился гроб этого святого персонажа, а на другой - голова "славного святого Григория" (кем бы ни был этот славный человек при жизни) вместе со многими другими реликвиями, принесенными из церкви. Внутри священной ограды ежедневно служилось множество месс, в то время как снаружи продолжалась вся эта дьявольская работа. Святой, который был похоронен на протяжении веков, находился в удобном жилище и охранялся монархом, в то время как собаки обглаживали трупы только что убитых мужчин Сен-Кантена, а солдаты гнали в вечное изгнание его опустошенных и изувеченных женщин.

Самыми выдающимися пленниками в этом случае были, конечно, Колиньи и его брат. Однако Анделоту посчастливилось сбежать той ночью под краем палатки, в которой он был заключен. Адмирала доставили в Антверпен. Здесь он пролежал много недель, страдая лихорадкой. После выздоровления, не имея лучшего времяпрепровождения, он принялся за чтение Священных Писаний. Результатом стало его обращение в кальвинизм; и мир до сих пор содрогается от судьбы, в которую это обращение вовлекло его.

Оказавшись таким образом в положении Сен-Кантена, Филипп не был более расположен испытывать судьбу. Время было потрачено впустую на осаду нескольких сравнительно незначительных мест, так что плодам доблести Эгмонта еще не дали созреть. В начале сентября был взят Ле-Кателет. 12 числа того же месяца цитадель Хама сдалась после двух тысяч выстрелов артиллерии Филиппа, в то время как Ножон, Чанли и некоторые другие менее важные места были сожжены дотла. После всего этого дыма и огня на границе, имевших, однако, незначительные последствия, Филипп распустил свою армию и отступил в Брюссель. Он достиг этого города 12 октября. Англичане вернулись в свою страну. Кампания 1557 года завершилась без существенного результата, и победа при Сен-Кантене в течение сезона оставалась безрезультатной.

Тем временем французы не бездействовали. Армия коннетабля была уничтожена, но герцог де Гиз, в спешке прибывший из Италии после того, как услышал новости о Сен-Кантене, был очень готов организовать новую. Он сгорал от нетерпения как восстановить свою репутацию, которая немного пострадала в результате его недавней итальянской кампании, так и извлечь выгоду из пленения своего поверженного соперника констебля. За время, занятое вялыми и медлительными действиями Филиппа осенью, герцог соответственно набрал во Франции и Германии значительную армию. В январе (1558 г.) он был готов выступить в поход. Однако во французском кабинете министров было решено не пытаться вернуть территории, которые они потеряли в Пикардии, а перенести войну на территорию союзника. Было предназначено, что Англия понесет все потери, а Филипп присвоит себе все приобретения и славу, которые стали результатом их совместных усилий. Это была война мужа королевы, к которой народ королевы не имел никакого отношения, но в которой последние трофеи Черного принца должны были быть утрачены. Первого января 1558 года герцог де Гиз появился перед Кале. Маршал Строщи ранее предпринял переодетую экспедицию, чтобы осмотреть это место. Результатом его осмотра стало то, что гарнизон был слаб и что он слишком полагался на цитадель. После оглушительной канонады, которая длилась неделю и была слышна в Антверпене, город был взят штурмом. Таким образом, ключ от великого нормандского портала Франции, освященный веками ключ, который Англия носила на поясе со времен богатыря Роланда, был наконец отобран у нее. Первоначально Кале был отвоеван после осады, которая длилась двенадцать месяцев, удерживалась двести десять лет и теперь была потеряна за семь дней.

Еще семь дней, и десяти тысяч выстрелов из тридцати пяти больших орудий оказалось достаточно, чтобы уменьшить количество гиней. Таким образом, последний остаток английского владычества, последний существенный предлог английского монарха носить титул и лилии Франции были потеряны навсегда. Король Генрих посетил Кале, который после двух столетий отчуждения снова стал французским городом, назначил Поля де Терма губернатором этого города, а затем вернулся в Париж, чтобы вскоре отпраздновать свадьбу дофина с племянницей Гизов, Марией, королевой Шотландии.

Этим событиям вместе с короткой зимней кампанией герцога, которая на мгновение подняла поникшую голову Франции, было суждено в скором времени придать новое лицо делам, одновременно обеспечив господство католической партии в королевстве. Гибельное затмение обрушилось на дом Монморанси и Колиньи, в то время как звезда Гизов, блиставшая после завоевания Кале, теперь достигла зенита.

Именно в этот период в Перонне состоялась памятная беседа двух духовных лиц, епископа Аррасского и кардинала Лотарингского. С этого центрального момента началось плетение той широко распространенной схемы, в которую должны были быть вовлечены судьбы миллионов. Герцогиня Кристина де Лоррен, двоюродная сестра Филиппа, сопровождала его в Сен-Кантен. Герцог де Гиз и его брат, кардинал, получили разрешение навестить ее в Перонне. Герцогиню сопровождал епископ Аррасский, и следствием этого стали полные и тайные переговоры между двумя священниками. Можно предположить, что недолговечный военный пыл Филиппа уже исчерпал себя. Он ошибся в своем призвании и уже осознал ложность положения, в которое попал. Он боролся с монархом, в котором мог найти самого надежного союзника против заклятого врага обоих королевств и всего мира. Французский монарх с ужасом относился к ереси, в то время как для себя Филипп уже определился с миссией своей жизни.

Хитрый епископ был более чем достойным соперником тщеславному и амбициозному кардиналу. Этот прелат был уверен, что Филипп считал пленение Колиньи и Монморанси особым промыслом Провидения, в то время как гений-покровитель Франции, несмотря на неудачи, постигшие это королевство, все еще сохранялся. Предполагалось, что кардинал и его брат теперь держат в своих руках судьбу королевства и Европы. Интересы обеих наций, религии и человечества настоятельно требовали от них положить конец этой противоестественной войне, чтобы два монарха могли объединить руки и сердца для искоренения ереси. Это чудовище с головой гидры уже протянуло свои кольца по всей Франции, в то время как его зловонное дыхание теперь доносилось во Фландрию как с немецкой, так и с французской границы. Филипп полностью полагался на мудрость и благоразумие кардинала. Было необходимо, чтобы эти переговоры пока оставались в глубокой тайне; но тем временем мир должен был быть заключен с возможно меньшим промедлением; результат, которого, как было подтверждено, Филипп желал так же горячо, как и Генрих. Епископ вскоре осознал, какое впечатление произвели его искусные внушения. Кардинал, вдохновленный столь щедро расточаемой лестью, а также побуждаемый собственным честолюбием, охотно выслушал планы епископа. Так был заложен фундамент обширного плана, который должно было завершить время. Был решен крестовый поход со всей мощью французской и испанской корон против их собственных подданных. Задача епископа была выполнена. Кардинал вернулся во Францию, полный решимости заключить мир с Испанией. Он был убежден, что слава его дома бесконечно возрастет, а его могущество укрепитя незыблемо благодаря сердечному сотрудничеству с Филиппом в его темных замыслах против религии и человечества. Переговоры, однако,

держались в строжайшей тайне. Новая кампания и новые унижения должны были предшествовать принятию Францией предложенного таким образом мира.

Враждебные действия возобновились вскоре после беседы в Перонне. Герцог Гиз, собравший в Германии пять тысяч кавалерии и четырнадцать тысяч пехоты, теперь, по желанию короля, предпринял предприятие против Тионвиля, важного и могущественного города в Люксембурге, расположенного на реке Мозель. Его защищал Питер де Куареббе, дворянин из Лувена, с гарнизоном в тысячу восемьсот человек. 5 июня тридцать пять артиллерийских орудий приступили к работам; минирование и контрминирование продолжались семнадцать дней; 22-го был предпринят штурм, и гарнизон сразу после этого капитулировал. Это была осада, проводившаяся регулярно и по-деловому, но подробности не представляют интереса. Однако она ознаменовалась смертью одного из выдающихся авантюристов того времени, маршала Строщи. Этот храбрый, но всегда невезучий солдат был убит мушкетной пулей, когда помогал герцогу де Гизу, чья рука в тот момент покоилась у него на плече, наводить ружье на крепость.

После падения Тионвиля герцог де Гиз на короткое время задумался об осаде города Люксембург, но удовлетворился захватом незначительных городов Виртон и Арлон. Здесь он проторчал семнадцать дней, не предпринимая никаких усилий, чтобы развить успех, который сопутствовал ему в начале кампании. Удача французов была теперь сведена на нет той же вялостью, которая отличала передвижения Филиппа после победы при Сен-Кантене. Время, которое могло бы быть с пользой использовано для закрепления его успеха, теперь было потрачено герцогом впустую на тривиальные дела или в абсолютном оцепенении. Возможно, это было результатом предательского соглашения с Испанией и первыми плодами собеседования в Перонне. Однако, какова бы ни была причина, непосредственными последствиями стали катастрофа для французской нации и унижение для короны.

План французского кабинета состоял в том, чтобы маршал де Терм, который после взятия Кале был назначен губернатором города, как можно скорее воспользовался своим положением. Собрав армию численностью около восьми тысяч пеших и полутора тысяч всадников, частично гасконцев, частично немцев, он получил соответствующее указание опустошить соседнюю страну, в частности графство Сен-Поль. Тем временем герцог де Гиз, захватив города на южной границе, должен был двинуться в северном направлении, соединиться с маршалом и таким образом установить барьер вдоль всей границы Нидерландов.

Де Терльри выступил из Кале в начале июня со своей недавно организованной армией. Проехав мимо Гравелина и Бурбура, он прибыл к Дюнкерку 2 июля. Город, в котором не было гарнизона, начал переговоры, в ходе которых был взят штурмом и разграблен. Та же участь постигла город Сент-Винохсберг. Де Терм, ставший мучеником от подагры, был вынужден временно передать командование д'Эстонтевиллю, свирепому солдату, который довел разбойничью армию до Нивпорта, сжигая, убивая, насилуя, грабя по пути. Тем временем Филипп, находившийся в Брюсселе, приказал герцогу Савойскому выступить против герцога де Гиза с армией, которая была наспех собрана и организована в Мобеже, в провинции Намюр. Теперь он желал, если возможно, атаковать и отрезать силы Де Терма, прежде чем тот протянет руку помощи Гизу или завершит свое отступление в Кале.

Окрыленная победой над беззащитными крестьянами, нагруженная добычей из разграбленных и сожженных городов, армия Де Терм уже направлялась домой. Настал момент для внезапного и дерзкого удара. Чья рука должна была нанести его? Какой генерал в армии Филиппа обладал

необходимой расторопностью и удачливой отвагой; кто, как не самый блестящий из кавалерийских офицеров, отважный и стремительный герой Сен-Кантена? Эгмонт, повинаясь приказу короля, немедленно выступил в поле. Он поспешно собрал все доступные силы по соседству. Вместе с призывниками из армии герцога Савойского и отрядами под командованием маршала Бигоникура из гарнизонов Сент-Омера, Бетюна, Эра и Бурбура они вскоре составили десять тысяч пеших и две тысячи всадников. Его численность еще больше увеличилась за счет больших отрядов крестьян, как мужчин, так и женщин, обезумевших от нанесенных им недавних увечий и жаждущих мести. С этими войсками энергичный вождь занял свою позицию прямо на пути французской армии. Полный решимости уничтожить Де Терма всеми его силами или пожертвовать собой, он разместил свою армию в Гравелине, маленьком городке, расположенном недалеко от морского берега, примерно на полпути между Кале и Дюнкерком. Французский генерал завершал свою экспедицию, ликвидировав пожар в Дюнкерке, и направлялся домой, когда заметил на своем пути льва. Несмотря на тяжелую болезнь, он сел на коня и лично повел свою армию к Гравелинам. Здесь он обнаружил, что его продвижение полностью остановлено. В ту ночь, которая была 12 июля, он провел совет офицеров. Было решено отказаться от предложенного боя и, если возможно, бежать во время отлива по пескам в сторону Кале. На следующее утро он пересек реку Аа ниже Гравелина. Эгмонт, который, по крайней мере в тот раз, был не из тех, кто строил золотой мост для бегущего врага, переправился через тот же ручей прямо над городом и выстроил все свои силы в боевом порядке. Де Терм больше не мог избегать конфликта, который ему таким образом решительно навязали. Теперь его единственным помощником было мужество. советник. Поскольку противники существенно не превосходили его численностью, у него был, по крайней мере, равный шанс пробиться сквозь все препятствия и спасти свою армию и свои сокровища. Море было по правую руку от него, Аа позади него, враг впереди. Он сложил свой багаж и повозки так, чтобы образовать баррикаду слева от себя, и разместил свою артиллерию, состоящую из четырех кулеврин и трех фальконет, впереди. За ними он выстроил свою кавалерию, поддерживаемую с обеих сторон гасконцами, и разместил французскую и немецкую пехоту в тылу.

Эгмонт, с другой стороны, разделил свою кавалерию на пять эскадронов. Трое из легкой кавалерии были выдвинуты заранее для первой атаки — центром командовал он сам, двумя флангами - граф Понтенальс и Энрико Энрикес. Следующими были черные гусары Лазаруса Швенди и фламандские жандармы. За ними следовала пехота, разделенная на три нации: испанскую, немецкую и фламандскую, которыми командовали соответственно Карвахаль, Монхаузен и Бинникур. Эгмонт, характерно избравший для себя опасный пост на самом переднем крае сражения, больше не мог сдерживать своего нетерпения. "Враг уже наш!" - крикнул он. "Следуйте за мной, все, кто любит свое отечество". С этими словами он пришпорил своего коня и, имея в руках свой собственный полк, ринулся на врага. Гасконцы хладнокровно встретили атаку и под прикрытием убийственного огня находившейся впереди артиллерии, которая косила передовые ряды нападавших, выдержали всю тяжесть первого натиска, не дрогнув. Лошадь Эгмонта была подстрелена под ним в начале боя. Вскочив на другую, он снова подбодрил свою кавалерию атаковать. Гасконцы по-прежнему сохраняли непоколебимый фронт и сражались со свойственной им свирепостью. Мужество отчаяния воспламеняло французов, надежда на блестящую и окончательную победу возбуждала испанцев и фламандцев. Это был дикий рукопашный бой — генерал и солдат, кавалерист и пикинер, улан и мушкетер, смешавшиеся в одну темную, сбитую с толку и борющуюся массу, нога к ноге, грудь к

груди, конь к коню - ожесточенная, шумная битва на песках, достойная умелого карандаша национального художника Вуверманса. Долгое время было неясно, на чьей стороне будет победа, но, наконец, десять английских кораблей неожиданно появились в море и, подойдя вскоре как можно ближе к шару, открыли огонь по все еще не прорванным линиям французов. Корабли находились слишком далеко, опасность причинить вред как другу, так и врагу была слишком велика, чтобы позволить им оказать какое-либо существенное влияние на результат. Однако дух врага был сломлен этой атакой на их сторону, обращенную к морю, которую они считали неприступной. В то же самое время отряду немецкой кавалерии, которому Эгмонт приказал пробиваться под холмами на юг, теперь удалось обойти их левый фланг. Эгмонт, воспользовавшись их замешательством, снова атаковал их с удвоенной энергией. Судьба дня была решена. Французская кавалерия дрогнула, сломала свои ряды и своим бегством посеяла смятение во всей армии. Разгром был тотальным; конные и пешие; французы, гасконцы и немцы бежали с поля боя вместе. Полторы тысячи человек пали вбою, еще больше было сброшено в море, в то время как огромное количество было разорвано на куски разъяренными крестьянами, которые теперь с готовностью омывали свои недавние раны кровью рассеянных, бродячих и раненых солдат. Армия Де Терма была полностью уничтожена, а вместе с ней и последняя надежда Франции на честные и равноправные переговоры. Теперь она была у ног Филиппа, так что это блестящее кавалерийское сражение, хотя оно и превзошло по важности многие другие с точки зрения численности сражающихся и принципов, использованных в состязании, все же было, с точки зрения как его непосредственных, так и постоянных результатов, одним из самых решающих и поразительных, которые когда-либо проводились. Французская армия, вступившая в бой, была уничтожена. Маршал де Терм с ранением в голову, Сенарпон, Аннибо, Вильфон, Морвилье, Шанлис и многие другие высокопоставленные лица попали в плен. У французского монарха не хватило духу взяться за организацию еще одной армии - задачу, которую он теперь был вынужден взять на себя. Вскоре он был вынужден выдвинуть наилучшие условия, какие только мог, и согласиться на договор, который был одним из самых разрушительных в архивах Франции.

Маршал де Терм подвергся суровому порицанию за то, что так долго оставался в Дюнкерке и его окрестностях. Еще громче его осудили за то, что он, по крайней мере, не сумел сбежать за пределы Могил в ночь, предшествовавшую состязанию. Однако что касается последнего обвинения, то вполне можно усомниться в том, что какая-либо ночная попытка могла ускользнуть от бдительности Эгмонта. Что касается его задержки в Дюнкерке, утверждалось, что ему было приказано ожидать в этом месте встречи с герцогом де Гизом, которая была организована ранее. Если бы не преступная и, следовательно, необъяснимая вялость, которая характеризовала движения этого командующего после взятия Тионвиля, честь Франции все еще могла быть спасена.

Каковы бы ни были недостатки Де Терма или Гиза, в достоинствах Эгмонта можно было не сомневаться. Таким образом, в течение одиннадцати месяцев после битвы при Сен-Кантене голландский герой одержал еще одну победу, столь решающую, что решила судьбу войны и возвысила своего государя до положения, с которого он мог диктовать условия победоносного мира. Первые сцены правления Филиппа были столь же блестящими, как и самые гордые дни в карьере императора, в то время как провинции были в восторге от перспективы скорейшего установления мира. Кому же тогда был обязан священный долг национальной и королевской благодарности, как не Ламоралю Эгмонтскому? Его соотечественники с радостью признали это требование. Он стал кумиром армии, знакомым героем баллад и преданий, зеркалом рыцарства

и богом народного поклонения. По всем Нидерландам его приветствовали как правую руку отечества, спасителя Фландрии от опустошения и произвола, защитника нации, опору трона.

Своей победой победитель приобрел много друзей и одного врага. Ожесточение этого врага, вероятно, в будущем перевесит все похвалы его друзей. Герцог Алва настоятельно советовал не давать сражения Де Терму. Он обесценил триумф после того, как он был достигнут, размышляя о последствиях, которые могли бы возникнуть, если бы вместо этого было потерплено поражение. Он даже высказался в том же духе в адрес самого Эгмонта после его возвращения в Брюссель. Завоеватель, разгоряченный своей славой, не был склонен переваривать критику, равно как и то, что он считал ядовитым очернением герцога. Более тщеславный и надменный, чем когда-либо, он дерзко обращался со своим могущественным испанским соперником и отвечал на его замечания гневными сарказмами даже в присутствии короля. Алва вряд ли забыл бы эту стычку или простил бы триумф.

Естественно, при дворе последовало много резких порицаний и отповедей с обеих сторон, между друзьями и приверженцами Эгмонта и теми, кто поддерживал партию его противника. Битва при Гравелине продолжалась ежедневно, на фоне растущего насилия и взаимных обвинений, между испанцами и фламандцами, и старая международная ненависть разгорелась еще яростнее, чем когда-либо. Альва продолжал осуждать безрассудство, из-за которого была нанесена столь ценная армия ради одного удара. Друзья Эгмонта ответили, что иностранцам, которым в стране ничто не угрожало, было легко смотреть, как поля Нидерландов были опустошены, а дома и очаги трудолюбивого населения опустошены жестокой и жадной солдатней. Те, кто жил в Провинции, всегда были бы благодарны своему спасителю за результат. Они не обратили внимания на картину, нарисованную испанской партией воображаемого триумфа Де Термоса и его последствий. Как бы ни придирались завистники, теперь, когда удар был нанесен, народное сердце оставалось теплым, как всегда, и отказывалось свергнуть идола, который был установлен так недавно.

1558-1559 [ГЛАВА III.]

Секретные переговоры о мире—Две свежие армии собраны, но бездействуют—Переговоры в Серкампе—Смерть Марии Тюдор—Като-Камбрезийский мирный договор—Смерть Генриха II.—Политика Екатерины Медичи —Откровения Генриха II. принцу Оранскому—Похороны Карла V в Брюсселе—Всеобщая радость в Нидерландах по поводу восстановления мира—Организация правительства Филиппом и подготовка к его отъезду—Назначение Маргариты Пармской регентом Нидерландов—Три совета—консульта—Штатгальтеры разных провинций—Недовольство, вызванное иностранными войсками—Собрание сословий в Генте для получения прощальных инструкций и прощания короля—Речь епископа Аррасского—Просьба о трех миллионах —Яростное осуждение ереси со стороны Филиппа—Энергичное обеспечение соблюдения закона. предписанные эдикты—Ответ штатов Артуа—Неожиданные условия— Гнев короля—Аналогичное поведение со стороны других провинций—Протест от имени Генеральных штатов против иностранных солдат—Официальный ответ со стороны короны—Отъезд короля из Нидерландов—Самовластие в Испании.

Битва при Гравелине решила этот вопрос. Интриги двух кардиналов в Перонне были подкреплены победой Эгмонта, и все стороны были готовы к миру. Король Генрих устал от проигрышной игры, в которую он так долго играл, Филипп стремился освободиться от своего

ложного положения и сосредоточить все свои мысли и силу своего королевства на своем злейшем враге нидерландской ереси, в то время как герцог Савойский чувствовал, что наконец настало время, когда искусная дипломатия могла бы заменить его и дать ему возможность пользоваться теми правами, которые отнял у него меч и которые его собственный меч так много сделал для того, чтобы вернуть. Монархи были склонны к миру, и поскольку в споре никогда не было задействовано национальных принципов, инстинктов или интересов, было совершенно очевидно, что мир будет популярен повсюду, на каких бы условиях он ни был заключен.

Монморанси и принц Оранский были соответственно уполномочены начать секретные переговоры. Констебль с готовностью взялся за это дело, потому что чувствовал, что каждый день его заключения в равной степени наносит ущерб его собственному благополучию и интересам его страны. Гизы, поссорившиеся с герцогиней де Валентинуа (Дианой де Пуатье), были еще недостаточно могущественны, чтобы противостоять влиянию любовницы; в то время как, скорее для того, чтобы сбить их с толку, чем по каким—либо более возвышенным причинам, эти интересы были направлены на достижение немедленного мира. Кардинал Лотарингский ни в коем случае не забыл красноречивых аргументов, приведенных епископом Аррасским; но можно предположить, что его брат, герцог де Гиз, желал получить какую-нибудь небольшую возможность восстановить репутацию королевства и отложил переговоры до тех пор, пока его доблесть не смогла бы обеспечить менее бесславное завершение войны.

Фактически под его командованием была собрана свежая армия, которая уже была организована в Пирпойнте. В то же время Филипп собрал большие силы, состоявшие из тридцати тысяч пехотинцев и пятнадцати тысяч кавалеристов, с которыми он сам выступил в поход, разбив лагерь ближе к середине августа на берегах реки Антей, недалеко от границы Пикардии. Король Генрих, с другой стороны, уже прибыл в лагерь в Пьерпойнте и произвел смотр самой внушительной армии, какая когда-либо была в распоряжении французского монарха. Выстроенный в боевой порядок, он покрывал полторы лиги местности, в то время как на то, чтобы совершить круг верхом, требовалось три часа. Все это боевое представление было только для эффекта. Два короля во главе своих огромных армий стояли и смотрели друг на друга, пока шли переговоры о мире. Пара незначительных стычек на передовых постах, без присмотра, с человеческими жертвами, были единственными военными результатами этих грандиозных приготовлений. В начале осени все войска были распущены, а к середине октября уполномоченные обеих корон собрались на открытый съезд в аббатстве Серкамп, недалеко от Камбре. Посланниками со стороны Филиппа были принц Оранский, герцог Альва, епископ Аррасский, Руй Гомес де Сильва, президент Вильюс; со стороны французского монарха - коннетабль, маршал де Сент-Андре, кардинал Лотарингский, епископ Орлеанский и Клод л'Обеспин.

Были также послы, присланные английской королевой, но поскольку было установлено, что спор относительно Кале препятствует переговорам в Серкане, английский вопрос был оставлен для урегулирования другим конгрессом и находился совершенно отдельно от договоренностей, заключенных между Францией и Испанией.

Смерть королевы Марии 17 ноября привела к временной приостановке судебного разбирательства. Однако после того, как вдовец предпринял бесплодную попытку добиться руки ее преемницы и получил недвусмысленный отпор, уполномоченные снова встретились в

феврале 1559 года в Като-Камбрези. Теперь отдельные уполномоченные устранили затруднения с Англией, и третьего апреля был заключен мирный договор между Францией и Испанией.

Этим важным соглашением оба короля обязались поддерживать католическое богослужение в неприкосновенности всеми доступными им средствами и согласились, что следует немедленно созвать вселенский собор, чтобы уладить религиозные разногласия и искоренить растущую ересь в обоих королевствах. Более того, было решено, что завоевания, достигнутые каждой страной за предыдущие восемь лет, должны быть восстановлены. Таким образом, все завоевания Франциска и Генриха были сведены на нет одним-единственным словом, и герцог Савойский одним росчерком пера превратился из безземельного солдата удачи снова в суверена. Он должен был получить обратно все свои поместья и, кроме того, жениться на сестре Генриха Маргарите с приданым в триста тысяч крон. Филипп, с другой стороны, теперь уже во второй раз овдовевший, должен был жениться на дочери Генриха Изабелле, уже обрученной с Младенцем Доном Карлосом, и получить за ней приданое в четыреста тысяч крон. Восстановление должно было начаться Генрихом и завершиться в течение трех месяцев. Филипп должен был восстановить свои завоевания в течение месяца после этого.

Большинство европейских держав были включены обеими сторонами в этот договор: папа, император, все курфюрсты, республики Венеция, Генуя и Швейцария, королевства Англия, Шотландия, Польша, Дания, Швеция; герцогства Феррара, Савойя и Парма, помимо других низших княжеств. Короче говоря, почти весь христианский мир был охвачен этим самым дружественным соглашением, как будто Филипп был полон решимости, что отныне и навсегда кальвинисты и магометане, турки и фламандцы должны быть его единственными врагами.

Король Франции должен был выбрать четырех заложников из числа подданных Филиппа, которые должны были сопровождать его в Париж в качестве залога выполнения всех условий договора. Королевский выбор пал на принца Оранского, герцога Альвы, герцога Эршота и графа Эгмонта.

Таков был мирный договор в Като-Камбрези. Так было положено конец войне между Францией и Испанией, которая была столь бессмысленно затеяна.

Маршал Монлюк писал, что столь позорный и катастрофический договор никогда прежде не ратифицировался французским монархом. Было бы трудно указать на какой-либо более неудачный в ее предыдущих анналах; если вообще можно назвать неудачным какой-либо договор, по которому вершится правосудие и исправляются ошибки, даже под принуждением. Накопленная за годы добыча, которую теперь извергала Франция, была равна по стоимости трети этого королевства. Было сдано сто девяносто восемь укрепленных городов, в результате чего, вместе с другими более или менее важными местами, общее число, по оценкам некоторых авторов, достигало четырехсот. Главным выигрывающим был герцог Савойский, который после стольких лет странствий вернул себе герцогство и оказался шурином своего древнего врага.

Хорошо известная трагедия, которой в Париже внезапно завершились торжественные мероприятия по установлению мира, несла в себе впечатляющую мораль. Монарх, который, нарушив данное им слово и вопреки интересам своей нации и всего мира, опрометчиво вступил в беспричинную войну, теперь погиб в фиктивном бою во время празднования мира. Десятого июля Генрих Второй скончался от раны, нанесенной Монтгомери на турнире, состоявшемся одиннадцатью днями ранее. Об этом слабом и никчемном принце даже льстецы могли

благосклонно говорить только о его великой любви к войне, как будто склонность к кровопролитию, даже если она не сопровождается искрой военного таланта, сама по себе была добродетелью. Однако с его смертью королевство попало в еще более пагубные руки, и судьба христианского мира стала мрачнее, чем когда-либо. Династия Дианы де Пуатье наследовала династия Екаторины Медичи; куртизанка уступила место вдовствующей королеве; и Франция в течение долгого и несчастного периода, когда она истекала кровью в объятиях итальянской волчицы и ее выводка трусливых и кровожадных принцев, могла бы даже оплакивать дни Генриха и его Дианы. Карл Девятый, Генрих Третий, Франциск Алансонский, последний из рода Валуа — сколь велика была часть ужасного долга, который еще не был погашен за полвека революций и массовых убийств, которые они накопили.

Герцогиня Валентинуа в последнее время сильно поссорилась с домом Гизов и была расположена благосклонно относиться к Монморанси. Король, который был всего лишь орудием в ее руках, возможно, был бы склонен, будь он жив, относиться к Колиньи и его друзьям с меньшим отвращением. Это, однако, чрезвычайно проблематично, поскольку именно Генрих Второй заключил то памятное соглашение со своим братом-королем Испании, чтобы при первом благоприятном случае организовать для вождей гугенотов в обоих королевствах "Сицилийскую вечерню". Его смерть и последующая политика королевы-регентши отложили осуществление великого плана дочетырнадцати лет спустя. Однако Генрих прожил достаточно долго после заключения тайного соглашения, чтобы раскрыть его тому, чья жизнь должна была быть использована для пресечения этого подлого заговора монархов против своих подданных. Вильгельм Оранский, в то время заложник при исполнении Като-Камбрезийского мирного договора, был человеком, с которым королю пришла в голову неудачная мысль обсудить тему заговора. Принц, который уже завоевал уважение Карла Пятого своей обычной осмотрительностью, знал, как воспользоваться разведданными и выждать время; но его враждебность к политике французского и испанского дворов, возможно, началась с того часа.

В ожидании мирных переговоров Филипа призвали оплакивать свою жену и отца. Он не выказал скорби по поводу смерти Марии Тюдор, но почтил отъезд императора торжественными похоронами в Брюсселе. Церемонии длились два дня (29 и 30 декабря 1558 года). В грандиозной и тщательно продуманной процессии, которая пронеслась по улицам в первый день, самым заметным объектом был корабль, плывущий, по-видимому, по волнам, и влекомый группой тритонов, которые резвились на носу. Мачты, ванты и паруса судна были черными, оно было покрыто геральдическими знаками, знаменами и символическими сувенирами различных экспедиций императора, в то время как флаги турок и мавров развевались по бортам в волнах внизу. Экипаж состоял из трех аллегорических персонажей. Хоуп, "вся одетая в коричневое, с анкером в руке", стояла на носу; Фейт с сакраментальной чашей и красным крестом, одетая в белое одеяние, с лицом, украшенным "белой тиффани", сидела на "роскошном табурете" перед бизань-мачтой; в то время как Чарити, "одетая в красное, держащая в руке горящее сердце", стояла у штурвала, управляя судном. Надежда, вера и Любовь считались наиболее подходящими символами для человека, который изобрел эдикты, ввел инквизицию и чьи последние слова, начертанные рукой, уже дрожащей от страха смерти, заклинали его сына, ради его любви, преданности и надежды на спасение, применять ко всем еретикам крайнюю строгость закона, "без уважения к личностям и без оглядки на любые доводы в их пользу".

Остальная часть процессии, в которой маршировали герцог Альва, принц Оранский и другие великие личности, неся меч, земной шар, скипетр и "императорскую корону", не содержала

никаких эмблем или изображений, достойных упоминания. На следующий день король, одетый в траур и сопровождаемый торжественной свитой высших офицеров и знати, снова отправился в церковь. В письме современника упоминается несколько необычный инцидент, составляющий заключительную часть церемонии. "И когда служба была закончена, - писал сэр Ричард Клаф сэру Томасу Грэшему, - в церковь вошел дворянин (насколько я понимаю, это был принц Оранский), который, стоя перед церковью, ударил себя рукой в грудь и сказал: "Он умер". Затем, немного постояв, он сказал: "Он останется мертвым". И "затем, немного отдохнув, он ударил снова и сказал: "Он умер". И есть еще один райзен в церкви. его место было больше, чем когда-либо". После чего капюшон Кинджа был снят, и Киндж отправился домой без своего капюшона".

Если траур по умершему императору был всего лишь ряженьем и маскарадом, то, однако, в ликованиях, которое теперь, подобно внезапному озарению, вспыхнуло по всем Нидерландам с наступлением мира, были сердечность и искренность. В провинциях царила всеобщая радость, но в Антверпене, столице страны, энтузиазму не было предела. Девять дней были посвящены празднествам. Колокола звонили самым веселым звоном, гремела артиллерия, сверкали маяки, великолепный шпиль собора каждую ночь пылал от трехсот горящих кресал, город был усыпан цветами и украшен триумфальными арками, Гильдии риториков поражали мир своими великолепными шествиями, сверкающими нарядами и напыщенным стихосложением, все бюргеры, от самых высокопоставленных до самых скромных, пировали и веселились, вино лилось рекой по улицам, быков жаривали целиком, забирались на шесты за призами, охотились на свиней. мужчины и женщины с завязанными глазами участвовали в гонках в мешках, и, короче говоря, в течение девяти дней в Антверпене и по всей провинции происходила одна всеобщая и спонтанная демонстрация веселья.

Но этот веселый юмор своих подданных вызывал у государя мало сочувствия. В его характере или целях не было ничего, что соответствовало бы какому-либо настроению этого веселого и энергичного народа. Филипп не примирился со всем миром из-за того, что голландцы могли забираться на шесты, звонить в колокольчики или усыпать цветами его дорогу в течение короткого отпуска, а затем снова вернуться к своим трудолюбивым занятиям. Он заключил мир со всем миром, чтобы иметь возможность свободно бороться с ересью; и этот заклятый враг прочно обосновался в провинциях. Мирный договор в Като-Камбрези предоставил ему свободу посвятить себя этому великому предприятию. Он никогда не любил Нидерланды, проживание в этих конституционных провинциях было для него крайне утомительным, и поэтому ему не терпелось вернуться в Испанию. В глубине души он чувствовал, что сможет руководить предприятием, на которое решился, и что его присутствие в Нидерландах было бы излишним и неприятным.

Начало 1559 года было потрачено Филиппом на организацию управления провинциями и на необходимые приготовления к своему отъезду. Герцог Савойский, вернувшийся в свое герцогство, конечно, не имел больше времени выступать в качестве регента Нидерландов, и поэтому было необходимо немедленно определиться с его преемником на этом важном посту. Кандидатов было несколько. Герцогиня Кристина Лотарингская получила множество полуобещаний относительно назначения, которое она больше всего стремилась получить; говорили даже, что император желал назначить эрцгерцога Максимилиана - шаг, который, несомненно, доказал бы большее великодушие со стороны Филиппа, чем мир мог ему представить; и помимо этих царственных особ, высшая знать страны, особенно Оранский и

Эгмонт, надеялись получить это звание. Принц Оранский, однако, был слишком проницателен, чтобы долго обманывать себя, и очень скоро убедился, что ни один нидерландец, скорее всего, не будет избран регентом. Поэтому он использовал свое влияние в пользу герцогини Кристины, на дочери которой по предложению епископа Аррасского он хотел жениться. Какое-то время король благоволил или делал вид, что благоволит, как назначению мадам де Лоррен, так и брачному проекту принца. Однако впоследствии, причем таким образом, который был сочтен внезапным и загадочным, выяснилось, что герцогиня и Оранский оба были обмануты, и что король и епископ приняли решение в пользу другого кандидата, чьи притязания ранее не считались особо значимыми. Это была герцогиня Маргарита Пармская, внебрачная дочь Карла Пятого. Краткий очерк этой важной персоны в том, что касается ее предыдущей карьеры, оставлен для следующей главы. На данный момент достаточно констатировать факт выдвижения кандидатуры. Чтобы дать полное представление о политических порядках Филиппа перед его окончательным отъездом из Нидерландов, мы отложим до этой же главы рассказ о лицах, входивших в состав советов, организованных для оказания помощи новому регенту в управлении государством. Самых этих органов было три: государственный и тайный советы и один финансовый. Они не были новыми институтами, поскольку первоначально были учреждены императором, а теперь были организованы его преемником на той же номинальной основе, на которой они существовали прежде. Финансовый совет, который курировал все вопросы, связанные с королевскими владениями и годовыми бюджетами правительства, возглавлял барон Берлаймонт. Тайный совет, председателем которого был Виль, состоял из десяти или двенадцати ученых докторов, и на него был возложен особый контроль за вопросами, касающимися права, помилования и общего отправления правосудия. Государственный совет, который был, безусловно, самым важным из трех советов, должен был руководить всеми высшими делами правительства, войной, договорами, внешними сношениями, внутренними и межпровинциальными делами. Членами этого совета были епископ Аррасский, Виль, Берлаймон, принц Оранский, граф Эгмонт, к числу которых впоследствии были добавлены сеньор де Глейон, герцог Эршо и граф Горн. Последний названный дворянин, который был адмиралом провинций, в настоящее время был назначен сопровождать короля в Испанию, где ему было специально поручено управление делами, касающимися Нидерландов. Однако ему было суждено вернуться по истечении двух лет.

С целью, как считалось, ограничения власти крупной знати было решено, что три совета должны быть полностью отделены друг от друга, что члены государственного совета не должны принимать участия в делах двух других органов; но, с другой стороны, что финансовые и тайные советники, а также рыцари Руна должны иметь доступ к совещаниям государственного совета. Однако в ходе событий вскоре стало очевидно, что реальная власть в правительстве находилась исключительно в руках консульта, комитета из трех членов государственного совета, совещаниями которого регенту было тайно поручено руководствоваться во всех важных случаях. Трое - Виль, Берлаймон и Аррас, составлявшие тайный конклав, или кабинет министров, - на самом деле были всего лишь одним человеком. Епископ Аррасский был во всех трех, и все трое вместе составляли только епископа Аррасского.

Для провинции Брабант, где регент должен был проживать и лично осуществлять исполнительные функции, не было назначено специального губернатора или штатгальтера. Штатгольдерами других провинций были: для Фландрии и Артуа - граф Эгмонт; для Голландии, Зеландии и Утрехта - принц Оранский; для Гельдреса и Зютфена - граф Меген; для Фрисландии, Гронингена и Оверисселя - граф Аремберг; для Эно, Валансьена и Камбре - маркиз Берген; для

Турне и Турнези - барон Монтиньи; для Намюра - барон Берлаймон; для Люксембурга - граф Мансфельд; для Рисселя, Дуэ и Орши - барон Курьер. Все эти штатгальтеры были главнокомандующими вооруженными силами в своих соответствующих провинциях. За единственным исключением графа Эгмонта, в провинции Фландрия которого штатгальтеры были отстранены от отправления правосудия, все они также были верховными судьями гражданского и уголовного трибунала. Вооруженные силы Нидерландов в мирное время были невелики, поскольку провинции ревниво относились к присутствию солдат. Единственной постоянной армией, которая тогда легально существовала в Нидерландах, были ордонансы, отряды конной жандармерии, насчитывавшие в общей сложности три тысячи человек, которые считались одной из самых опытных и дисциплинированных кавалерийских частей Европы. Они были разделены на четырнадцать эскадронов, каждый из которых находился под командованием штатгальтера или знатного вельможи. Однако, помимо этих войск, в провинциях все еще оставались иностранные войска, насчитывавшие в общей сложности до четырех тысяч человек. Эти солдаты были остатками тех больших отрядов, которые год за годом расквартировывались в Нидерландах во время постоянных боевых действий, которым они подвергались. Живущие за счет средств страны, оплачиваемые из ее казны, и столь же оскорбительные своим распущенным и непристойным образом жизни, как и враги, против которых они были призваны, эти войска стали невыносимым бременем для народа. Теперь они были размещены в разных гарнизонах, номинально для защиты границы. Однако, поскольку между Испанией и Францией был заключен прочный мир, и поскольку не было предлога для принуждения провинций принять эту защиту, присутствие иностранных солдат усилило подозрение, что они будут использованы в готовящемся нападении на свободу вероисповедания и политические привилегии страны. Считалось, что они должны были стать ядром более крупной армии, с помощью которой страна должна была быть доведена до состояния рабского подчинения Испании. Тихий, постоянный, но обычно не принимаемый во внимание ропот недовольства и недоверия по этому поводу уже был замечен по всем Нидерландам; это было предупреждающим предзнаменованием надвигающейся бури.

Теперь все провинции были созваны на 7 августа (1559 г.) в Генте, чтобы принять прощальное послание короля. Однако ранее и по сей день Филипп лично появлялся на нескольких торжественных мероприятиях, чтобы убедить страну в необходимости уделить внимание великому предмету, которым были исключительно заняты его мысли. Он предстал перед великим советом Мехлина, чтобы собственными устами обратиться к этому органу с заявлением о необходимости поддерживать эдикты в точности и искоренять все следы ереси, где бы они ни проявлялись, путем немедленного принесения в жертву всех еретиков, кем бы они ни были. Он также созвал частные собрания представителей фландрских сословий, чтобы обратиться к ним с речью на ту же важную тему. Во второй половине июля он направился в Гент, где уже собралось большое скопление знати, горожан и иностранцев. Здесь, в последнюю неделю месяца, с большой помпой и празднествами, длившимися три дня, состоялась двадцать третья глава "Золотого руна". Существовавшие четырнадцать вакансий были заполнены именами различных выдающихся личностей. С этим последним празднованием публичная история показного и амбициозного рыцарского ордена Филиппа Доброго была закрыта. Последующие номинации были сделаны "ex indultu apostolico" и без создания главы.

Сословия собрались должным образом в назначенный день, и Филипп в сопровождении Маргариты Пармской, герцога Савойского и величественной свиты послов и вельмож предстал перед ними. После того как были совершены обычные церемонии, епископ Аррасский встал и

произнес от имени своего государя подробную речь, содержащую наставления и прощальные слова. В ходе этой важной речи штаты были проинформированы о том, что король созвал их для того, чтобы они могли быть проинформированы о его намерении немедленно покинуть Нидерланды. Он с радостью остался бы подольше в своих любимых провинциях, если бы обстоятельства не вынудили его уехать. Его отец приехал сюда ради блага страны в 1543 году и никогда не возвращался в Испанию, разве что для того, чтобы умереть.

После вступления короля на престол он заключил пятилетнее перемирие, которое было нарушено вероломством Франции. Поэтому он был вынужден, несмотря на свое беспокойство по поводу возвращения в страну, где его присутствие было так необходимо, оставаться в провинции до тех пор, пока не доведет новую войну до победоносного завершения. Поступая так, он руководствовался исключительно своей глубокой любовью к Нидерландам и уважением к их интересам. Все деньги, которые он собрал из их казны, были потрачены на их защиту. По этой причине его Величество выразил уверенность, что сословия уделят серьезное внимание "Просьбе", которая была перед ними выдвинута, тем более что вся ее сумма, три миллиона золотых флоринов, будет израсходована на благо провинций. После возвращения в Испанию он надеялся, что сможет перевести деньги. Герцог Савойский, продолжал он, будучи вынужден вследствие благоприятной перемены в его делах подать в отставку правительство Нидерландов, а его собственный сын Дон Карлос, будучи еще недостаточно преклонных лет, чтобы занять этот важный пост, его Величество избрал свою сестру, герцогиню Маргариту Пармскую, дочь императора, как наиболее подходящую кандидатуру на пост регента. Поскольку она родилась в Нидерландах и всегда питала глубокую привязанность к провинциям, он испытывал твердую уверенность, что она окажется верной как их интересам, так и его собственным. Как на данный момент многие страны, и в частности земли, в непосредственной близости от себя, были значительно заселены различными "новыми, невежды, и пагубные секты;" как этих сект, исходя из сущий дьявол, отец раздора, не удалось сохранить эти царства в вечный раздор и страдания, чтобы манифест неудовольствие Всемогущего Бога, и как его величество пожелал, чтобы избежать таких ужасных пороков из собственного царства, по его долг перед Господом Богом, кто будет требовать расплаты от него здесь и далее благосостояния провинций; как опыт доказал, что смена религии не принесли опустошение и замешательство общему делу; а низкий человек, нищие и бродяги, под цвет религии, были привычны для перемещения Земли с целью грабежа и возмущения; а его величество был самым желанием следовать по стопам своего Господа и отца, как было бы хорошо помнил, что император сказал ему после памятного случая его отказа; поэтому его Величество приказал Регент Маргарита Пармская, ради религии и слава Богу, четко и точно, чтобы привести в исполнение указов и указов Его Императорского Величества, и вновь на его нынешнее Величество, для удаления всех ересей и сект. Всем губернаторам, членам совета и другим лицам, обладающим властью, также было поручено сделать все возможное для достижения этой великой цели.

Таким образом, великая цель беседы была объявлена самым впечатляющим образом и со всей той общепринятой риторикой, непревзойденным мастером которой считался епископ Аррасский. Ни слова не было сказано о предмете, который был близок сердцам нидерландцев, — об уходе испанских войск.

[Bentivoglio. Герра ди Фиандра, i. 9 (Опера, Париж, 1648), приводит другой отчет, который заканчивается недвусмысленным обещанием короля распустить войска как можно скорее: "—в сеньо ди спеальменте гавреббе кванто прима, фатти ускирэ и президент страньери далле

фортезе, левата огнь инсолита контрибуция аль паэзе". Почти излишне утверждать, что кардинал не является авторитетом в отношении речей, за исключением тех, которые никогда не произносились. Длинные речи генералов на поле битвы, королевских особ в их кабинетах, заговорщиков на тайном совещании передаются им с мельчайшими подробностями, и никто не может отрицать точности, с которой эти разглагольствования, которые никогда не существовали, кроме как в воображении автора, представлены читателю. Величественный стиль Бентивольо, элегантные описания и общее знакомство с предметом всегда будут делать его работы привлекательными, но классическая и общепринятая система придумывания длинных речей для исторических персонажей, к счастью, вышла из моды. Очень интересно узнать, что на самом деле говорил или писал важный персонаж в примечательных случаях; но менее поучительно услышать то, что, по мнению историка, могло бы стать хорошей речью или посланием для него.]

Не было сделано ни намека на то, что снижение налогов, от которых так долго стонали провинции, вероятно, произойдет; напротив, король потребовал нового сбора в значительном размере. Было добавлено несколько хорошо продуманных абзацев на тему отправления правосудия - "без которого республика была бы мертвым телом без души" — в наиболее одобренном стиле епископа, и речь завершилась горячим призывом к провинциям искоренить ересь и еретиков и надеждой, что Господь Бог в таком случае дарует Нидерландам здоровье и счастье.

По окончании выступления депутаты, согласно старинной форме, попросили разрешения прервать заседание, чтобы представители каждой провинции могли обсудить между собой вопрос об удовлетворении или отказе в удовлетворении Просьбы о трех миллионах. На следующий день они снова собрались в присутствии короля, чтобы дать свои отдельные ответы на предложения.

Первым был указан адрес поместий Артуа. Председатель собрания депутатов от этой провинции зачитал ряд резолюций, составленных, по словам современника, "с тем изяществом, которое отличало все публичные действия артезианцев; свидетельствующих об остроте их ума". Депутаты говорили о чрезвычайной привязанности, которую их провинция всегда питала к его Величеству и императору. Они доказали это тем постоянством, с которым так долго переносили бедствия войны, и теперь с радостью согласились на эту Просьбу, насколько позволял их контингент. Они были готовы предоставить в распоряжение его Величества не только остатки своего имущества, но даже последнюю каплю своей крови. Когда красноречивый председатель дошел до этого места в своей речи, Филипп, стоявший, положив руку на плечо Эгмонта, и жадно слушавший речь артезианца, с улыбкой посмотрел на депутатов провинции, выражая непривычной добротой своего лица удовлетворение, которое он получил от этих верноподданнических выражений привязанности и этого послушного выполнения его Просьбы.

Депутат, однако, пришел к неожиданному выводу, искренне умоляя его Величество в качестве компенсации за готовность, проявленную таким образом на королевской службе, немедленно отдать приказ о выводе всех иностранных войск, находившихся в то время в Нидерландах. Добавлялось, что их присутствие теперь стало совершенно излишним в связи с ратификацией мирного договора, который, к счастью, был согласован со всем миром.

При этой внезапной перемене в речи депутата король, уже не улыбаясь, яростно бросился на свое парадное кресло, где и остался, с мрачным выражением лица размышляя над тем, на каком языке к нему обратились. Было очевидно, сказал очевидец, что он был глубоко оскорблен. Он часто менял цвет лица, так что все присутствующие "могли заметить по выражению его лица, насколько сильно он был взволнован".

Остальные провинции были еще более откровенны, чем депутаты Артуа. Все проголосовали за то, чтобы их контингенты удовлетворили Запрос, но все сделали вывод войск прямым предварительным условием для выплаты их соответствующих квот.

Король не пытался скрыть своего гнева по поводу этих условий, с горечью заявив графу Эгмонту и другим приближенным к трону сеньорам, что по этим процедурам очень легко оценить ценность заявлений провинций о своей лояльности и привязанности.

Однако, помимо ответов, адресованных таким образом отдельными штатами на королевское обращение, от имени Генеральных штатов был также составлен официальный протест, подписанный принцем Оранским, графом Эгмонтом и многими ведущими патрициями Нидерландов. Этот документ, который был официально представлен королю перед закрытием собрания, отражал печально известные "грабежи, оскорбления и беспорядки", ежедневно совершаемые иностранными солдатами; в нем говорилось, что бремя стало невыносимым и что жители Мариенбурга и многих других крупных городов и деревень полностью покинули свои дома, чтобы больше не подвергаться такой наглости и притеснению.

Король, и без того разгневанный, пришел в ярость от представления этой петиции. Он вскочил со своего места и порывисто выбежал из собрания, на ходу требуя от членов, должен ли он тоже, как испанец, немедленно покинуть страну и сложить с себя всю власть над ней. Герцог Савойский воспользовался этим последним случаем, когда он появился на публике в качестве регента, чтобы яростно упрекнуть сословия за унижение, оказанное таким образом их суверену.

Однако дворяне и бюргеры, которые еще не были подавлены долгим курсом притеснений, который им предстоял, не могли забыть, что были дни, когда предки Филиппа вели себя более скромно перед лицом провинциальных властей. Его прадед Максимилиан, которого держали в неволе жители Брюгге; его прабабушка Мария Бургундская, с заплаканными глазами и растрепанными волосами, умолявшая на рыночной площади сохранить жизнь своим вероломным послам, обычно выражалась менее властно с делегатами штатов.

Однако за этой вспышкой дурного настроения со стороны монарха последовал другой юмор. По-прежнему считалось целесообразным лукавить и дать скорее обвинительный, чем императивный ответ на протест Генеральных штатов. Соответственно, документ необычного тона был с задержкой в несколько дней направлен в ассамблею. В этом послании говорилось, что король не желает вводить в правительство чужаков — факт, подтвержденный назначением герцогини Маргарет; что испанская пехота необходима для защиты страны от вторжения; что остаток иностранных войск составляет всего три или четыре тысячи человек, которые заявили о значительной задолженности по жалованью, но причитающаяся сумма будет направлена им сразу же после возвращения его Величества в Испанию. Было высказано предположение, что войска будут служить эскортом для дон Карлоса, когда он прибудет в Нидерланды, хотя король был бы рад доставить их в Испанию на своем флоте, если бы вовремя узнал о пожеланиях поместий. Однако он сам оплачивал их содержание, хотя они должны были действовать

исключительно на благо провинций. Более того, он отметил, что выбрал двух сеньоров провинций, принца Оранского и графа Эгмонта, для командования этими иностранными войсками, и он честно пообещал, что самое большее в течение трех-четырех месяцев все они будут выведены.

В тот же день, когда представители сословий собрались в Генте, Филипп направил подробное письмо в большой совет Мехлина, верховный суд провинций, а также в различные провинциальные советы и трибуналы по всей стране. Целью послания было отдать свои последние распоряжения по поводу эдиктов и казнить всех еретиков самым универсальным и кратким образом. Он дал строгие и недвусмысленные указания о том, что эти указы о сожжении, удушении и захоронении заживо должны выполняться в точности. Он приказал всем судебным чиновникам и магистратам "проявлять любопытство и расспрашивать все стороны относительно исполнения плакатов", заявив о своем намерении, что "должна быть применена предельная строгость без какого-либо уважения к личностям", и что должны быть привлечены к ответственности не только нарушители, но и судьи, которые окажутся небрежными в судебном преследовании еретиков. Он сослался на распространившееся ложное мнение о том, что эдикты были направлены только против анабаптистов. Исправляя эту ошибку, он заявил, что они должны быть "применены ко всем сектантам без какого-либо различия или милосердия, которые могут быть замечены просто по ошибкам, допущенным Лютером".

Король, несмотря на бурные сцены в собрании, на другом собрании с видимым радушием покинул поместья. Его недовольство было достаточно очевидным, но выражалось оно в основном против отдельных людей. Его недовольство курсом, проводимым ведущими дворянами, особенно принцем Оранским, уже ни для кого не было секретом.

Филипп вскоре после закрытия собрания завершил приготовления к своему отъезду. В Мидделбурге его встретило приятное известие о том, что папа согласился издать буллу о создании новых епископств, которых он желал для Нидерландов. К этой важной теме мы вернемся в другой главе; пока же мы сопровождаем короля во Флашинг, откуда флот должен был отправиться в Испанию. Его сопровождали туда герцогиня-регентша, герцог Савойский и многие самые выдающиеся личности провинций. Среди прочих присутствовал Вильгельм Оранский, чтобы засвидетельствовать окончательный отъезд короля и засвидетельствовать ему свои прощальные почести. Когда Филипп поднимался на борт корабля, который должен был навсегда увезти его из Нидерландов, его взгляд остановился на принце. Он больше не мог сдерживать свое неудовольствие. С разгневанным лицом он повернулся к нему и горько упрекнул в том, что своими тайными интригами расстроил все его планы. Уильям со смирением ответил, что все, что произошло, было сделано в результате регулярных и естественных перемещений штатов. При этих словах король, кипя от ярости, схватил принца за запястье и, яростно тряся его, воскликнул по-испански: "No los estados, ma vos, vos, vos!— Не поместья, а вы, вы, вы!", трижды повторяя слово vos, которое по-испански звучит так же неуважительно и невежливо, как "toi" по-французски.

После этого серьезного публичного оскорбления принц Оранский не поднялся на борт судна его Величества, а ограничился тем, что пожелал Филиппу с берега счастливого путешествия. Более того, можно усомниться в том, что он не предпринял бы внезапного и вынужденного путешествия в Испанию, если бы рискнул взять с собой на корабль свою персону, и было бы ли при сложившихся обстоятельствах у него достаточно шансов добиться столь же быстрого

возвращения. Его осторожность послужила ему тогда, как и было суждено сделать во многих будущих случаях, и Филипп покинул Нидерланды с этим прощальным взрывом ненависти к человеку, которому, как он, возможно, инстинктивно чувствовал, было суждено обойти его меры и сопротивляться его тирании до последнего.

Флот, состоявший из девяноста судов, снабженных так хорошо, что, помимо прочего, на борт было погружено пятнадцать тысяч каплунов, согласно "антверпенскому хронисту", отплыл 26 августа (1559 г.) из Флашинга. Путешествие оказалось бурным, так что большая часть богатых гобеленов и других товаров, накопленных Карлом и Филиппом, была утеряна. Некоторые из судов затонули; чтобы спасти другие, необходимо было облегчить груз и "покрыть ревущие воды шелками", которыми так славилась Нидерланды; так что говорили, что Филипп и его отец обеднили землю только для того, чтобы обогатить океан. Флот был нагружен большим количеством ценного имущества, потому что король решил на будущее устроить кочующую столицу своих владений в Испании. Однако Филипп благополучно приземлился в Ларедо 8 сентября. Его спасение от неминуемой опасности утвердило его в великой цели, которой он посвятил свое существование. Он считал, что избежал кораблекрушения только потому, что ему была доверена великая миссия, и, чтобы его энтузиазм в борьбе с ересью не иссяк, по прибытии в родную страну его взору вскоре предстало зрелище аутодафе.

В начале января этого года король, убежденный в необходимости повсюду использовать дополнительные средства для сдерживания тревожного распространения лютеранских взглядов, обратился к папе с письмом, в котором просил разрешения усилить, если это возможно, строгость испанской инквизиции. Понтифик, не испытывая отвращения, соответственно, издал буллу, адресованную генеральному инквизитору Вальдесу, в которой ему было предписано предавать огню всех заключенных, каких бы то ни было, даже тех, кого не обвиняли в "рецидиве". Были предприняты большие приготовления, чтобы вселить ужас в сердца еретиков серией ужасных демонстраций, в ходе которых многочисленные жертвы, многие из которых были людьми высокого ранга, выдающейся учености и образцовой жизни, которые долгое время томились в темницах святой канцелярии, должны были быть преданы огню. Первое аутодафе было совершено в Вальядолиде 21 мая (1559 г.), разумеется, в отсутствие короля, но в присутствии королевской семьи и основных знаменитостей, гражданских, церковных и военных. Принцесса-регентша, сидевшая на своем троне рядом с эшафотом, высоко держала священный меч. Архиепископ Севильи, сопровождаемый служителями инквизиции и жертвами, прибыл торжественной процессией в "кадахалсо", где после обычной проповеди, восхваляющей святую канцелярию и обличающей ересь, он принес присягу Интанте, который должным образом поклялся на распятии вечно соблюдать священную инквизицию и апостольские указы. Затем архиепископ громко воскликнул: "Да благословит Бог ваши высочества и ваши поместья", после чего мужчины и женщины, являвшиеся объектом представления, были брошены в огонь.—[Cabrera]. Впоследствии выяснилось, что сам король вскоре сможет вернуться в Испанию, и следующий праздник был приурочен к его приезду. Соответственно, 8 октября в Вальядолиде состоялось еще одно аутодафе. Присутствовали король со своей сестрой и сыном, высшие государственные чины, министры иностранных дел и вся знать королевства, а также огромное количество солдат, духовенства и простого народа. Проповедь произнес епископ Куэнги. Когда она была закончена, генеральный инквизитор Вальдес громко воскликнул: "О Боже, поторопись, чтобы помочь нам!" Затем король обнажил свой меч. Вальдес, подойдя к возвышению, на котором сидел Филипп, продолжил зачитывать протест: "Ваше величество клянется крестом с мечом, на

котором покоится ваша королевская рука, что вы окажете всю необходимую поддержку святой канцелярии инквизиции в борьбе с еретиками, отступниками и теми, кто им покровительствует, и будете доносить на всех тех, кто, насколько известно вашему королевству, будет действовать или говорить против веры". Король громко ответил: "Я клянусь в этом", - и подписал бумагу. Клятва была зачитана всему собранию офицером инквизиции. Затем на глазах монарха были сожжены тринадцать выдающихся жертв, не считая одного тела, которое дружественная смерть вырвала из рук святой канцелярии, и чучела другого человека, который был осужден, хотя еще не предстал перед судом и даже не был задержан. Среди пострадавших был Карлос де Сесса, молодой дворянин с выдающимся характером и способностями, который сказал королю, когда тот проходил мимо трона к костру: "Как ты можешь так смотреть и позволять мне быть сожженным?" Затем Филипп произнес запоминающийся ответ, тщательно записанный его историографом и панегиристом: "Я бы принес дрова, чтобы сжечь вместе с ними моего собственного сына, будь он таким же злым, как ты".

Сразу после этого в Севилье состоялось еще одно аутодафе, на котором были сожжены пятьдесят живых еретиков, не считая костей доктора Константина Понсе де ла Фуэнте, бывшего друга, капеллана и раздававшего милостыню отцу Филиппа. Этот ученый и выдающийся священнослужитель был освобожден из ужасной темницы из-за счастливой лихорадки. Святая канцелярия, однако, не удовлетворившись наказанием за его труп, также обрушила бессильную и смехотворную злобу на его изображение. Чучело, облаченное в его мантию и с распростертыми руками в привычной для него молитвенной позе, было водружено на эшафот среди живых жертв, а затем брошено в огонь, чтобы фанатизм мог насладиться фантастическим триумфом над могилой.

Таковы были религиозные церемонии, которыми Филипп отпраздновал свое спасение от кораблекрушения и свою свадьбу с Изабеллой Французской, состоявшуюся сразу же после этого. Эти человеческие жертвы, закованные в цепи и сожженные на костре, были пылающими факелами, которые освещали монарха на его брачном ложе.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Предать огню всех пленных, каких бы то ни было (Папское письмо)
Мужество отчаяния воспламенило французов
Указы о сожжении, удушении и погребении заживо
Я бы носил дрова, чтобы сжечь вместе с ними своего собственного сына
Придумываем длинные речи для исторических персонажей
Давайте дурачить этих бедных созданий сколько душе угодно
Мелочная страсть к ничтожным деталям
Обещания, которые, как он знал, были обязательны только для слабых
Опрометчивость, чередующаяся с нерешительностью
Эти человеческие жертвы, закованные в цепи и сожженные на костре

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 5.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

ПРАВЛЕНИЕ ГЕРЦОГИНЕЙ МАРГАРЕТ.

1559-1560 [ГЛАВА I.]

Биографический очерк и портрет Маргариты Пармской—Государственный совет—Берлаймон—Вильюс—Очерк Вильгельма Молчаливого—Портрет Антония Перрено, впоследствии кардинала Гранвелля—Общий взгляд на политическое, социальное и религиозное состояние Нидерландов—Привычки аристократии—Соревнование в экстравагантности—Денежные затруднения—Симпатии к Реформации, неуклонно возрастающие среди народа, истинная причина надвигающегося восстания—Меры правительства.—Описан Эдикт 1550 года—Папские буллы, выданные Филиппу для увеличения числа епископы в Нидерландах — Необходимость сохранения испанских войск для проведения политики преследований.

Маргарита Пармская, недавно назначенная регентшей Нидерландов, была внебрачной дочерью Карла Пятого и его старшим ребенком. Ее мать, происходившая из respectable семьи Ван дер Генст в Ауденарде, была удочерена и воспитывалась в уважаемом доме Хогстраатен. Особые обстоятельства, о которых нет необходимости подробно рассказывать, смягчили вину, которой Маргарет была обязана своему императорскому происхождению, и дали ребенку почти законное право на защиту со стороны отца. Это требование было с честью признано. Маргарита была в младенчестве передана императором на попечение его тети по отцовской линии, Маргариты Савойской, в то время регентши провинций. После смерти этой принцессы ребенок был доверен заботам сестры императора Марии, вдовствующей королевы Венгрии, которая унаследовала правительство и занимала его до отречения. Королева-охотница поделилась своими вкусами со своей юной племянницей, и вскоре Маргарет превзошла свою наставницу. Пылкость, с которой она преследовала оленя, и отважное владение лошадью, которое она всегда демонстрировала, доказывали, что она тоже не выродившийся потомок Марии Бургундской. Ее образование для того выдающегося положения, в которое она была тайно поставлена, по крайней мере, в этом конкретном случае не было забыто. Когда вскоре после памятного разграбления Рима папа и император примирились и было решено, что семья Медичи должна возродиться на руинах флорентийской свободы, рука Маргариты была отдана в жены племяннику понтифика Александру. Несчастный распутник, который был таким образом выбран для брака со старшим ребенком императора и присвоения прекрасных владений Тосканской республики, номинально был отпрыском Лоренцо де Медичи от мавританской рабыни, хотя обычно считался незаконнорожденным сыном самого папы римского. Бракосочетание было отпраздновано с большой помпой в Неаполе, где император участвовал в турнире в образе мавританского воина. Во Флоренции также были проведены пышные празднества, которые были омрачены предзнаменованиями, считавшимися крайне неблагоприятными. Однако вряд ли требовались сверхъестественные явления на небесах или на земле, чтобы объявить о несчастливом браке, соединившем двенадцатилетнего ребенка с измученным развратником двадцати семи лет. К счастью для Маргарет, похоронные предзнаменования оказались правдой. Ее муж в первый год их совместной жизни пал жертвой собственного распутства и был убит своим родственником, Лоренцино де Медичи. Космо, его

преемник при тирании Флоренции, желал добиться руки Маргариты, но политичный император, считая, что он уже сделал достаточно, чтобы примирить этот дом, был склонен подчинить своим интересам семью, которая теперь занимала папский престол. Соответственно, несколько лет спустя Маргарет соединилась с Оттавио Фарнезе, племянником Павла Третьего. Ей по-прежнему суждено было быть неравноправной парой. Будучи еще ребенком, она была замужем за мужчиной более чем вдвое старше ее, а теперь, в возрасте двадцати лет, соединилась с незрелым тринадцатилетним юношей. Она испытала такое сильное отвращение к своему новому мужу, что для них стало невозможным жить вместе в мире. Оттавио, соответственно, отправился на войну и в 1541 году сопровождал императора в его памятной экспедиции в Берберию.

Слухи о катастрофе, вызванной битвой и бурей, достигли Европы еще до того, как были точно известны результаты экспедиции, сообщения о том, что император погиб во время шторма и что молодой Оттавио погиб вместе с ним, пробудили угрызения совести в груди Маргариты. Ей казалось, что семейная склонность вынудила его пасть жертвой стихии. Когда, однако, стала известна правда и выяснилось, что ее муж, хотя и был еще жив, лежал опасно больным на попечении императора, отвращение, основанное на его крайней молодости, сменилось страстной привязанностью. Его отсутствие и его верная военная помощь ее отцу вызвали отвращение в ее чувствах и пробудили ее восхищение. Когда Оттавио, ныне ставший герцогом Пармы и Пьяченцы, вернулся в Рим, его жена приняла его с распростертыми объятиями. Их союз вскоре был благословлен рождением близнецов, и если бы не определенный властный нрав, который Маргарет унаследовала от своего отца и который она была слишком склонна проявлять даже по отношению к своему мужу, брак был бы достаточно удачным.

Различные соображения указывали на нее Филиппу как на подходящего человека на пост регента, хотя в этом назначении, казалось, была какая-то тайна, требующая объяснения. Считалось, что ее происхождение сделает ее приемлемой для народа; но, возможно, тайная причина для Филиппа заключалась в том, что она единственная из всех других кандидатов будет поддаваться контролю церковника, в руки которого он намеревался передать реальное управление провинциями. Более того, ее муж очень хотел, чтобы цитадель Пьяченцы, в которой все еще находился гарнизон испанских войск, была сдана ему. Филипп был расположен умиротворить герцога, но не желал сдавать крепость. Он чувствовал, что Оттавио был бы польщен назначением своей жены на столь важный пост и не был бы слишком недоволен, обнаружив, что на время избавился от ее властной привязанности. Ее пребывание в Нидерландах гарантировало бы спокойствие в семье ее мужу, а королю - мир в Италии. Маргарет станет заложницей верности герцога, который, более того, отдал своего старшего сына Филиппу, чтобы тот получил образование у него на службе.

Ей было около тридцати семи лет, когда она прибыла в Нидерланды, имея репутацию обладательницы высоких талантов и гордого и энергичного характера. Она была ревностной католичкой и сидела у ног Лойолы, который был ее духовником и наставником. Она испытывала больший ужас перед еретиками, чем перед любым другим видом злоумышленников, и смотрела на кровавые эдикты своего отца так, словно они были особым откровением свыше. Она была очень усердна в соблюдении римских обрядов и имела обыкновение каждую страстную неделю омыwać ноги двенадцати девственницам, а затем выдавать их замуж. Ее познания, за исключением искусства верховой езды, не были выдающимися.

Тщательно обученная в политической школе Макиавелли и Медичи, она была сведуща в том "притворстве", которому либеральные англосаксы дают более короткое название, но которое составляло основную суть государственной мудрости при дворе Карла и Филиппа. В остальном ее достижения были весьма скудны, и она почти не знала ни одного языка, кроме итальянского. Ее внешность, которая была мужественной, но не лишенной определенного величия и имперского очарования, гармонировала с общим мнением о ее характере. Предполагалось, что знаменитые усы на ее верхней губе указывают на властность и мужественную целеустремленность, и это впечатление подтверждалось тем обстоятельством, что она была подвержена тяжелым приступам подагры - расстройства, которое обычно считается более подходящим для сильного пола.

Таковы были предыдущая карьера и общественная репутация герцогини Маргарет. Еще предстоит выяснить, оправдали ли ее характер и способности, проявившиеся в ее новом положении, выбор Филиппа.

Членами государственного совета, как уже отмечалось, были Берлаймон, Виль, Аррас, Оранж и Эгмон.

Первый также был начальником финансового департамента. Большинство католических авторов описывали его как дворянина с лояльным и в высшей степени благородным характером. Представители протестантской партии, напротив, единодушно осуждали его как жадного, алчного и чрезвычайно кровожадного. То, что он был храбрым и преданным солдатом, закоренелым папистом и непреклонным приверженцем королевского дела, никогда не оспаривалось. Сам барон со своими четырьмя отважными и образованными сыновьями всегда были в первых рядах, защищая корону от нацистов. Однако следует признать, что фанатичная преданность теряет большую часть романтики, которой гений и поэзия так часто освящали это чувство, когда "законный" принц, ради которого обнажен меч, оказывается не только чужаком по языку и крови, но и исполнен нескрываемой ненависти к земле, которой, по его утверждению, правит.

Виглиус ван Айтта ван Зуйхем был образованным фризцем, родившимся, по мнению некоторых авторов, "в семье хамов, но не имевшим склонности к хамской работе". Согласно другим источникам, которым отдавал предпочтение сам Президент, он был благородного происхождения; но, какой бы ни была его раса, несомненно, что, будь он благороден или прост, это стало первым и единственным историческим примером его замечательных талантов и приобретений. В ранней юности они были настолько велики, что заслужили похвалу Эразма. Он учился в Лувене, Париже и Падуе, отказался от наставничества Филиппа, когда тот был еще ребенком, а впоследствии занял профессорскую должность в Ингольштадте. Отклонив несколько предложений о повышении от императора, он, наконец, принял в 1542 году место в совете Мехлина, президентом которого стал в 1545 году. Он был одним из уполномоченных по установлению мира во Франции в 1558 году, а теперь был президентом тайного совета, членом государственного совета и внутреннего и секретного комитета этого совета, называемого Консулами. Много одиозности было связано с его именем из-за его участия в составлении знаменитого эдикта 1550 года. Грубый прием обычно приписывали его перу, но в письмах, написанных в то время, он горько жаловался на несправедливость, проявленную к нему в этом отношении, и утверждал, что безуспешно пытался убедить императора смягчить суровость

эдикта. Однако человек не очень склонен принимать его оправдания, если вспомнить его общие взгляды на предмет религии. Он был самым фанатичным в отношении заповедей и практики. Религиозную свободу он считал самой отвратительной и зловещей из доктрин; ересь он осуждал как самое непростительное из преступлений.

Ни из чьих уст не исходило более горьких или более изящных банальностей, чем из уст ученого президента, направленных против этих чернейших злодеев, людей, которые в своих собственных стенах заявляли о праве поклоняться Богу в соответствии со своей совестью. Для обычного человека, не сведущего в юриспруденции или богословии, войти в свою каморку, закрыть дверь и помолиться Тому, кто видит тайное, означало, по его мнению, широко распахнуть врата разрушения для всей страны и впустить Отца Зла, который сразу же улетит вместе со всем населением, телом и душой. "Если каждый человек, - сказал он Хопперу, - будет верить во что ему заблагорассудится в своем собственном доме, у нас снова появятся боги домашнего очага и божества-покровители, страна будет кишеть тысячами заблуждений и сект, и, боюсь, очень немногие позволят заключить себя в овчарню Христа. Я всегда считал это мнение, - продолжал президент, - самым пагубным из всех. Те, кто придерживается его, презируют любую религию и являются ни много ни мало атеистами. Эта неопределенная свобода у очага должна быть искоренена всеми возможными средствами; поэтому Христос учредил пастырей, чтобы загонять своих заблудших овец обратно в лоно истинной Церкви; только так мы можем защитить агнцев от хищных волков и не допустить, чтобы их унесли из стада Христова в стадо Велиала. Свобода религии, или совести, как они это называют, никогда не должна допускаться".

Это была песня, которой Виглиус всегда был готов накормить не только своего верного Попрыгунчика, но и весь мир рядом с ним. Президент, естественно, стремился к тому, чтобы стадо Христа было доверено только обычным пастырям, поскольку он с нетерпением ждал возможности прибрать к рукам одного из самых прибыльных мошенников, когда тот завершит свою светскую карьеру.

Теперь необходимо сказать несколько вступительных слов о человеке, который с этого времени начинает подниматься над историей своей страны с каждым днем возрастающим величием и влиянием. Вильгельм Нассауский, принц Оранский, хотя и еще молод годами, уже является центральным персонажем, вокруг которого самым естественным образом группируются события и характеры эпохи; поскольку ему суждено с каждым последующим годом все больше и больше становиться живительным источником света, силы и национальной жизни для целого народа.

Семья Нассау впервые начала свое самостоятельное существование в середине одиннадцатого века. Почти сразу после появления информации о ней она разделилась на две большие ветви. Старший остался в Германии, вззошел на императорский престол в XIII веке в лице Адольфа Нассауского и дал стране множество курфюрстов, епископов и генералов. Младшая и более прославленная ветвь сохранила скромную собственность и незначительный суверенитет в Нассау-Дилленбурге, но в то же время переселилась в Нидерланды, где в ранний период достигла большой власти и обширных владений. Предки Вильгельма, герцоги Гелдрские, начали осуществлять суверенитет в провинциях за четыре столетия до прихода бургундского дома. Впоследствии эта выдающаяся семья причислила нидерландский Нассаус к числу своих самых стойких и могущественных приверженцев. Энгельберт Второй отличился в бурных

советах и на полях сражений Карла Смелого, а впоследствии был непоколебимым сторонником Максимилиана при дворе и в лагере. Умерев бездетным, ему наследовал его брат Джон, двое сыновей которого, Генри и Уильям из Нассау, разделили огромное наследство после смерти своего отца, Уильям унаследовал немецкие поместья, перешел в протестантизм и ввел Реформацию в своих владениях. Генрих, старший сын, получил семейные владения и титулы в Люксембурге, Брабанте, Фландрии и Голландии и отличился так же, как и его дядя Энгельберт, на службе бургундо-австрийскому дому. Близкий друг Карла Пятого, наместником которого он был в детстве этого императора, он всегда был его самым умелым и надежным сторонником. Именно под его влиянием императорская корона была возложена на голову Карла. В 1515 году он женился на Клаудии де Шалон, сестре принца Филиберта Оранского, "чтобы, - как он писал своему отцу, - быть послушным его императорскому величеству, угодить королю Франции и, в частности, ради своей собственной чести и выгоды".

Филиберту наследовал его сын Рене де Нассау-Шалон. Маленькое княжество Оранж, так приятно расположенное между Провансом и Дофини, но в такой опасной близости от места "вавилонского пленения" пап в Авиньоне, таким образом, перешло к семье Нассау. Название было очень древним. Уже во времена правления Карла Великого Гильом Придворный, или "Вильгельм с коротким носом", защищал маленький городок Оранж от нападений сарацин. Интерес и авторитет, приобретенные во владениях, сохраненных таким образом благодаря его доблести, стали обширными и со временем перешли по наследству в его расе. Княжество стало абсолютным и свободным государством и уже перешло, вопреки салическому закону, к трем отдельным семьям Оранжа, Бо и Шалона.

В 1544 году принц Рене умер у ног императора в окопах Сен-Дизье. Не имея законных детей, он оставил все свои титулы и поместья своему двоюродному брату-немцу Вильгельму Нассаускому, сыну брата своего отца Вильгельма, который, таким образом, в возрасте одиннадцати лет стал Вильгельмом Девятым Оранским. Для этого ребенка, которого будущее должно было призвать к таким высоким свершениям и таким героическим жертвам, прошлое и настоящее, казалось, собрали богатство и власть воедино из многих источников. Он был потомком Отонов, Энгельбертов и Генрихов из Нидерландов, представителем Филиберов и Ренов из Франции; главой дома, более скромного по ресурсам и положению в Германии, но все еще высокого ранга, и который уже сослужил добрую службу человечеству, будучи одним из первых, кто принял великие принципы Реформации.

Его отца, младшего брата друга императора Генриха, звали Вильгельм Богатый. Однако он был богат только детьми. Из них у него было пять сыновей и семь дочерей от его жены Юлианы Штольбергской. Она была человеком самого образцового характера и непритворного благочестия. Она привила всем своим детям элементы того религиозного чувства, которое было ее собственной поразительной чертой, и было предопределено, что семена, посеянные рано, дадут обильный урожай. Ничто не может быть более нежным и трогательным, чем письма, которые до сих пор сохранились от ее руки, написанные ее прославленным сыновьям в часы беспокойства и тоски, и последним, рекомендуя им с такой искренней простотой, как если бы они все еще были маленькими детьми у нее на коленях, всегда полагаться посреди испытаний и опасностей, которые должны были подстергать их на жизненном пути, на великую руку Божию. Среди матерей великих людей Юлиана Штольбергская заслуживает первого места, и это немалая похвала тому, что она была достойна того, чтобы быть матерью Вильгельма Оранского и Людовика, Адольфа, Генриха и Иоанна Нассауского.

В возрасте одиннадцати лет Уильям, таким образом неожиданно унаследовавший столь обширные владения, был отправлен из отцовского дома получать образование в Брюссель. Казалось, перед юным принцем не лежало никакой судьбы, кроме образования при императорском дворе, за которым последуют военные приключения, посольства, наместничество и жизнь в роскоши и великолепии. Соответственно, в очень раннем возрасте он стал пажом в семье императора. Карл со свойственной ему быстротой распознал незаурядный характер мальчика. В пятнадцать лет Вильгельм был близким, почти доверенным другом императора, который превыше всех других дарований гордился своим умением читать и использовать людей. Юноша был настолько постоянным спутником своего императорского шефа, что даже когда происходили беседы с самыми высокопоставленными особами и по самым серьезным делам, Карл никогда не позволял, чтобы его считали лишним или назойливым. Казалось, не существовало секретов, которыми император дорожил бы слишком высоко для понимания или благоразумия своего пажа. Его способности к восприятию и рефлексии, от природы отличавшиеся замечательной остротой и глубиной, получили, таким образом, преждевременное и необычайное развитие. Он вырос за занавесом той великой сцены, где ежедневно разыгрывались мировые драмы. Механизмы и маски, порождавшие грандиозные иллюзии истории, не могли ввести его в заблуждение. Внимательно наблюдать за действиями людей и молча размышлять над их мотивами было любимым занятием принца во время его ученичества при дворе. Когда он достиг положения человека, император избрал его для исполнения высших обязанностей. Карл, чья единственная заслуга перед провинциями заключалась в том, что он родился в Генте, да и то по постыдной случайности, был рад нанять этого представителя стольких великих нидерландских домов для защиты страны. Прежде чем принцу исполнился двадцать один год, он был назначен главнокомандующим армией на французской границе в отсутствие герцога Савойского. Этого поста добивались многие самые выдающиеся военные: графы Бюрен, Боссю, Лален, Аремберг, Мегем и особенно граф Эгмонт; однако Карл проявил свое необычайное доверие к принцу Оранскому, выбрав его на этот пост, хотя он едва достиг зрелости и, более того, отсутствовал во Франции. Молодой принц оправдал свое высокое командование таким образом, который оправдывал его назначение.

Это было плечо принца, на которое опирался император при отречении; рука принца с имперскими знаками отличия свергнутого монарха, врученная Фердинанду в Аугсбурге. На этих обязанностях его отношения с Карлом закончились и начались отношения с Филиппом. Он был с армией во время военных действий, которые вскоре после этого возобновились в Пикардии; он был тайным участником переговоров о предварительном соглашении с Францией, вскоре после этого подтвержденном триумфальным мирным договором от апреля 1559 года. Он провел эти инициационные совещания с констеблем Монморанси и маршалом де Сент-Андре с большой проницательностью, хотя едва ли был мужчиной в годах, и тем самым возложил на Филиппа большие обязательства. Король так невыразимо стремился к миру, что был бы способен заключить мирный договор практически на любых условиях. Он заверил принца, что "величайшая услуга, которую он мог оказать ему в этом мире, - это заключить мир, и что он хотел заполучить его любой ценой, так как ему не терпелось вернуться в Испанию". С посланником Суриано Филипп говорил на том же языке. "О, посол, - сказал он, - я желаю мира на любых условиях, и если бы король Франции не потребовал его, я бы сам просил об этом".

При таком нетерпении со стороны государя это, несомненно, проявило высокие дипломатические способности принца, что заключенный им договор был равнозначен капитуляции Франции. Он был одним из заложников, отобранных Генрихом для надлежащего

исполнения договора, и, находясь во Франции, сделал то замечательное открытие, которое должно было окрасить его жизнь. Во время охоты с королем в Венсенском лесу принц и Генрих оказались наедине и отделились от остальной компании. Разум французского монарха был полон великого плана, который только что тайно был составлен Филиппом и им самим, по искоренению протестантизма путем всеобщего истребления протестантов. Филипп больше всего стремился заключить публичный договор с Францией, чтобы как можно скорее приступить к переговорам о тайном соглашении, по которому он и его Христианнейшее величество торжественно обязывались убивать всех обращенных в новую религию во Франции и Нидерландах. Этот заговор двух королей против своих подданных был делом, близким сердцам обоих. Герцог Алва, товарищ Вильгельма Оранского по заложенничеству, был уполномоченным для проведения этого более важного мероприятия. Французский монарх, несколько неосторожно вообразив, что принц тоже был участником заговора, без утайки рассказал ему обо всем. Он жаловался на постоянно растущее число сектантов в его королевстве и протестовал, что его совесть никогда не будет спокойной, а его государство безопасным до тех пор, пока его королевство не будет избавлено от "этой проклятой нечисти". Гражданская революция под предлогом религиозной реформации была его постоянным опасением, особенно учитывая, что многие известные личности в королевстве и даже принцы крови уже были запятнаны ересью. Тем не менее, с милостью небес и помощью своего сына и брата Филиппа он надеялся вскоре стать повелителем мятежников. Затем король с циничной скрупулезностью изложил своему благоразумному спутнику подробности королевского заговора и способ, которым все еретики, как высокопоставленные, так и скромные, должны были быть обнаружены и уничтожены в наиболее удобное время. Для продвижения плана в Нидерландах было понятно, что испанские полки будут чрезвычайно эффективны. Принц, хотя и был поражен ужасом и возмущен королевскими разоблачениями, промолчал и сохранил невозмутимое выражение лица. Король не знал, что, открывая эти деликатные переговоры коллеге Алвы и полномочному представителю Филиппа, он сделал неоценимое предупреждение человеку, который был рожден для того, чтобы противостоять махинациям Филиппа и Алвы. Вильгельм Оранский получил прозвище "Молчаливый" из-за того, как он воспринял эти послания Генриха, не раскрыв монарху ни словом, ни взглядом совершенную им огромную ошибку. С этого часа его цель была определена. Через несколько дней после этого он получил разрешение посетить Нидерланды, где принял меры, чтобы возбудить, используя все свое влияние, самую сильную и всеобщую оппозицию продолжающемуся присутствию испанских войск, главнокомандующим которых, помимо его воли, он был назначен совместно с Эгмонтом. Он уже чувствовал, выражаясь его собственным языком, что "инквизиция в Нидерландах была назначена более жестокой, чем в Испании; поскольку ей достаточно было бы лишь искоса взглянуть на изображение, которое было бы брошено в огонь". Хотя у него еще не было искры религиозной симпатии к реформаторам, он не мог, по его словам, "не испытывать сострадания к стольким добродетельным мужчинам и женщинам, преданным кровавой бойне", и он решил спасти их, если сможет! После отъезда Филиппа он получил инструкции, как явные, так и секретные, для руководства им в качестве штатгальтера Голландии, Фрисландии и Утрехта. Ему было приказано "самым недвусмысленным образом исправлять и искоренять секты, порицаемые нашей Святой Матерью-Церковью; исполнять указы его Императорского Величества, обновленные королем, с абсолютной строгостью. Он должен был следить за тем, чтобы судьи выполняли указы без нарушений, изменений или умеренности, поскольку они были там для того, чтобы обеспечивать соблюдение, а не создавать или обсуждать закон". В его секретных инструкциях ему было сообщено, что исполнение эдиктов должно быть со всей

строгостью и без какого-либо уважения к личностям. Ему также напомнили, что, в то время как некоторые люди воображали, что суровость закона "направлена только против анабаптистов, напротив, эдикты должны были применяться к лютеранам и всем другим сектантам без различия". Более того, в одной из своих последних бесед с Филиппом король назвал ему имена нескольких "выдающихся людей, подозреваемых в новой религии", и приказал предать их смерти. Этого, однако, он не только не сделал, но, напротив, предостерег их, чтобы они могли совершить побег, "считая более необходимым повиноваться Богу, чем человеку".

Вильгельму Оранскому, когда король отбыл в Испанию, шел двадцать седьмой год. Он был вдовцом; его первая жена, Анна Эгмонтская, умерла в 1558 году, после семи лет супружества. Эта дама, с которой он соединился, когда им обоим было по восемнадцать лет, была дочерью знаменитого генерала графа де Бюрена и крупнейшей наследницей в Нидерландах. Таким образом, Уильям был верен семейным традициям и увеличил свои владения благодаря богатому союзу. У него было двое детей, Филипп и Мэри. Брак был более дружественным, чем часто доказывают браки принцев, заключаемые по расчету. Письма принца к своей жене свидетельствуют о нежности и удовлетворенности. В то же время позже его обвинили в том, что он "убил ее кинжалом". Нелепая история даже не была поверена теми, кто ее передал, но ее стоит упомянуть как доказательство того, что не было слишком бессмысленной клеветы, которую можно было бы выдумать в отношении человека, чей характер с того часа был отмечен клеветой и вся жизнь которого должна была стать ее сигнальным, хотя и часто бесполезным, опровержением.

Однако нам не следует рассматривать Вильгельма Оранского, находящегося на пороге своей великой карьеры, в свете, распространяющемся из несколько более позднего периода. Ни в одном историческом персонаже так замечательно, как в нем, не проиллюстрирован закон постоянного развития и прогрессирования. В двадцать шесть лет он уже не "отец отечества", великий человек, борющийся все выше и вперед против множества врагов и препятствий, почти неподвластных человеческим силам, и идущий по темному и опасному пути, ведущему через конфликты, лишения и непрестанный труд ни к чему иному, как к смерти. Напротив, его нога едва ступила на первую ступеньку того трудного восхождения, которое предстояло ему совершить на протяжении всей его жизни. Он все еще был среди тропинок примулы. Он был богат, могуществен, занимал высокое положение. Внутри него были только зачатки того, что впоследствии переросло в моральное и интеллектуальное величие. Он не испытывал особой симпатии к религиозной реформации, одним из самых выдающихся поборников которой ему предстояло стать. Номинально и внешне он был католиком. Доктринами он мало интересовался. Он отдал приказ обеспечить соответствие древней Церкви - без кровопролития, но со сравнительной строгостью - в своем княжестве Оранском. Помимо соблюдения обрядов и форм, которые в те дни считались необходимыми для человека столь высокого положения, он не занимался теологией. Он был католиком, как Эгмонт и Хорн, Берлаймон и Мансфельд, Монтиньи и даже Бредероде были католиками. В то время в Нидерландах протестантами были только кожевенники, красильщики и священники-отступники. Его решимость защитить множество своих безобидных подчиненных от ужасной смерти проистекала не из сочувствия к их религиозным чувствам, а просто из великодушного и мужественного отвращения к убийству. Он тщательно отводил свои мысли от священных вопросов. Если семя, посеянное его благочестивыми родителями, действительно было зародышем его будущего обращения в протестантизм, то следует признать, что оно долгое время дремало. Но его мысли были заняты другими делами. Он был расположен к легкой, радостной, роскошной, царственной жизни.

Банкеты, маскарады, турниры, охота вперемежку с рутинной официальных обязанностей, гражданских и военных, казалось, заполняли его жизнь. Его гостеприимство, как и его состояние, было почти королевским. Пока король и иностранные послы все еще находились в Нидерландах, его дом, великолепный брюссельский дворец Нассау, всегда был открыт. Он принимал гостей для монарха, который был или воображал себя слишком бедным, чтобы выполнять свои обязанности в этом отношении, но он принимал гостей за свой счет. Этот великолепный дом все еще продолжался. Двадцать четыре дворянина и восемнадцать пажей благородного происхождения регулярно совершали богослужения в его семье. Его заведение было настолько обширным, что в один прекрасный день были уволены двадцать восемь мастеров-поваров с целью сокращения семейных расходов, и едва ли в Германии был княжеский дом, который не посылал поваров учиться своему делу на такой великолепной кухне. Репутация его стола оставалась неизменной в течение многих лет. В более поздний период мы находим, что Филипп в ходе одного из номинальных примирений, которые несколько раз происходили между монархом и Вильгельмом Оранским, написал, что, поскольку его главный повар умер, он умолял принца "подарить ему своего главного повара, мастера Германа, который, как считалось, был очень искусен".

В этом гостеприимном особняке пиршество продолжалось днем и ночью. С раннего утра до полудня столы для завтрака были постоянно уставлены винами и роскошными яствами для всех желающих и в любой момент.—Обед и ужин были ежедневными банкетами для множества гостей. Развлекались не только высшие аристократы. Мужчин более низкого звания встречали с очаровательным гостеприимством, которое позволяло им чувствовать себя непринужденно. Современники всех партий едины в восхвалении обаятельного обращения и мягких манер принца. "Никогда, - говорит один из самых ожесточенных католических историков, - с его уст не слетало ни одного высокомерного или нескромного слова. Он ни при каких обстоятельствах не проявлял гнева по отношению к своим слугам, как бы сильно они ни были виноваты, но довольствовался тем, что увещевал их милостиво, без угроз или оскорблений. У него был мягкий и приятный язык, с помощью которого он мог поворачивать всех джентльменов при дворе так, как ему заблагорассудится. Он был любим и почитаем всем обществом". Его манеры были грациозными, фамильярными, ласковыми и в то же время полными достоинства. Он обладал хорошим воспитанием, идущим от сердца, утонченным до невыразимого очарования благодаря постоянному общению, почти с колыбели, с людьми всех рангов.

Можно предположить, что этот образ жизни сопровождался расходами. Более того, у него было множество других заведений в городе и за его пределами; помимо его почти королевской резиденции в Брюсселе. Он страстно любил охоту, особенно рыцарский вид спорта - соколиную охоту. В деревне он "утешал себя тем, что каждый день ловил цаплю в облаках". Только его сокольничьи слуги ежегодно обходились ему в полторы тысячи флоринов, после того как он сократил их расходы до минимально возможного уровня. Он был по уши в долгах, даже в этот ранний период и с его королевским состоянием. "Мы принадлежим к расе, - небрежно писал он своему брату Луи, - которые в молодости были плохими менеджерами, но когда мы становимся старше, у нас получается лучше, как у нашего покойного отца: *"sicut erat in principio, et nunc, et semper et in secula seculorum"*. Моя самая большая трудность, - добавляет он, - как обычно, связана с сокольничими".

Согласно заявлению Гранвеля, его долги уже составили 800 000 или 900 000 флоринов. Он поставил себя в неловкое положение не только своей великолепной расточительностью,

благодаря которой весь окружающий его мир был вынужден пользоваться его богатством, но и тем, что принял высокие должности, на которые был назначен. Когда он был главнокомандующим на границе, его жалование составляло триста флоринов в месяц; "этого недостаточно, - как он сказал, - чтобы платить слугам в его палатке", его необходимые расходы составляли две тысячи пятьсот флоринов, как явствует из письма к его жене. Его посольство для передачи короны Фердинанду и его последующее пребывание в качестве заложника по договору в Париже также были очень обременительными, и он не получал жалованья; согласно экономической системе, применявшейся в этом отношении Карлом и Филиппом. Только в этих двух посольствах или миссиях, вместе с развлечениями, предлагаемыми им придворным и иностранцам, после заключения брюссельского мира принц потратил, по его собственной оценке, 1 500 000 флоринов. Однако он был вовлечен, хотя и глубоко, но не отчаянно, и уже предпринял активные меры по регулированию и сокращению своего заведения. Его доходы были огромными, как у него самого, так и у его покойной жены. У него были большие претензии к королевской казне за службу и расходы. Кроме того, он мог получить достаточные суммы от выкупа пленных при Сен-Кантене и Гравелине, поскольку участвовал в обеих кампаниях. Сумму, которую должны были получить отдельные лица из этого источника, можно оценить исходя из того факта, что граф Горн, отнюдь не один из самых почитаемых в победоносных армиях, получил от Леонор д'Орлеан, герцогини де Лоджевиль, выкуп в размере восьмидесяти тысяч крон. Сумма, причитающаяся, если бы выплата была произведена принудительно, заключенным, направленным в Эгмонт, Оранж и другие, должна была быть очень большой. Гранвель оценил всю сумму в два миллиона, добавив, что характерно, "что такого рода спекуляция была практикой", которую наши добрые старые отцы, ценители добродетели, не сочли бы похвальной. В этом церковник был прав, но он мог бы добавить, что "любители добродетели" сочли бы столь же "не похвальным" для священнослужителей раздавать священные должности в дар ради ковров, гобеленов и ежегодных выплат определенных процентов на исцеление душ. Если сравнить прибыли, соответственно полученные военными и духовными спекулянтами в те дни, то вряд ли окажется, что они находятся в невыгодном положении по сравнению с доходами от длинных одежд.

Таким в начале 1560 года был Вильгельм Оранский - щедрый, величественный, великолепный, могущественный вельможа. Как военный командир, он очень достойно справился с очень важными обязанностями в раннем возрасте. Тем не менее многие люди придерживались мнения, что у него был робкий темперамент. Его даже обвинили в том, что он поднял неподобающую панику в Филиппвиле и что только увещания его офицеров удержали его от того, чтобы оставить и эту крепость, и Шарлемон адмиралу Колиньи, который появился в окрестностях всего лишь во главе разведывательного отряда. Если бы эта история была правдой, она была бы особенно важна как указание на то, что принц Оранский был одним из многих исторических персонажей, изначально отличавшихся возбудимостью и даже робостью физического сложения, которых моральное мужество и сильная воля впоследствии превратили в бесстрашных героев. Несомненно то, что ему было суждено противостоять открытой опасности в любой форме, что его путь должен был вести через постоянные засады, но при этом его жизнерадостная уверенность и спокойное мужество должны были стать не только неоспоримыми, но и вошедшими в поговорку. Однако можно с уверенностью утверждать, что эта история была выдумкой, которую следует отнести к тем вымыслам, которые сделали его убийцей своей первой жены, заурядным заговорщиком против короны и личности Филиппа и вообще коварным злоумышленником, лишенным единой добродетели. Следует помнить, что

даже грозный альва, который жил в упряжке почти с колыбели до могилы, уже в этот период подвергался порицанию за робость, а в юности был обвинен в явной трусости. Он презрел этот намек, который для него не имел никакого значения. Также нет сомнений в том, что осторожность была преобладающей чертой характера принца. Это был один из главных источников его величия. В тот период, возможно, в любой другой, он был бы неспособен на такие блестящие и лихие подвиги, которые сделали имя Эгмонта столь знаменитым. Это даже вошло в поговорку: "совет Оранского, казнь Эгмонта", но у нас еще будет возможность увидеть, насколько эта физическая расторопность, столь удачно проявленная на поле боя, могла помочь герою Сен-Кантена в приближавшейся великой политической битве.

Что касается талантов принца, то здесь не было расхождений во мнениях. Его враги никогда не оспаривали тонкость и широту его интеллекта, его ловкость и способности в ведении государственных дел, его знание человеческой природы и глубину его взглядов. Во многих отношениях следует признать, что его фамилия Молчаливый, как и многие подобные наименования, была неправильным названием. Вильгельм Оранский не был ни "молчаливым", ни "неразговорчивым", и все же именно эти эпитеты навсегда будут связаны с именем человека, который в частной жизни был самым приветливым, жизнерадостным и восхитительным из товарищей и который на тысяче важных публичных мероприятиях доказал, что он, как пером, так и речью, самый красноречивый человек своего времени. Его умственные достижения были значительными: он внимательно изучал историю, легко говорил и писал по-латыни, по-французски, по-немецки, по-фламандски и по-испански.

Однако человеком, в чьи руки на самом деле было передано управление Нидерландами, был Энтони Перрено, в то время епископ Аррасский, вскоре ставший известным под более знаменитым титулом кардинала Гранвелля. Он был главой Консулата, или тайного совета трех, решениями которого должна была управлять герцогиня-регентша. Его отец, Николас Перрено, из малоизвестной бургундской семьи, долгое время был любимым министром и деловым человеком императора Карла. Энтони, старший из тринадцати детей, родился в 1517 году. Он рано проявил свои таланты. Он учился в Доле, Падуге, Париже и Лувене. В двадцатилетнем возрасте он безукоризненно говорил на семи языках, а его знакомство с гражданскими и церковными законами считалось потрясающим. В возрасте двадцати трех лет он стал каноником Льежского собора. Необходимые восемь четвертей аристократизма, проявленные по этому случаю, были, соответственно, продемонстрированы его панегиристами в триумфальном опровержении теории, которая сделала его дедом кузнеца. В то же время, хотя он еще не достиг необходимого возраста, заботами отца для него уже было приготовлено богатое епископство Арраса. Три года спустя, в 1543 году, он отличился самой ученой и блестящей речью перед Тридентским собором, своей демонстрацией он настолько очаровал императора, что тот назначил его государственным советником. Несколько лет спустя он предоставил беспринципному Карлу еще более ценные доказательства преданности и ловкости, сыграв ту роль, которую тот сыграл в достопамятном заточении ландграфа Гессенского и саксонских герцогов. С тех пор он постоянно работал в посольствах и других коммерческих учреждениях.

Не было никаких сомнений ни в его глубокой и разносторонней образованности, ни в его природной быстроте и ловкости. Он был сообразителен, красноречив, находчив в средствах, отважен, решителен. Он досконально разбирался в искусстве управления людьми, особенно своими начальниками. Он знал, как управлять под видом повиновения. Он обладал изысканным

таким в оценке характеров тех, кто намного выше его по рангу и ниже его по интеллекту. Он с большой готовностью приспосабливался к особенностям монархов. Он был хамелеоном по отношению к руке, которая его кормила. Общаясь с королем, он как бы окрашивал себя его характером. Это был не он сам, а Филипп; однако не угрюмый, колеблющийся, сбитый с толку Филипп, а Филипп, наделенный красноречием, готовностью, непринужденностью. Король всегда проявлял к себе самое деликатное подобострашие, наблюдал, как его борющиеся идеи превращаются в крылатые слова, не переставая быть его собственными. Никакая лесть не могла быть более искусной. Епископ приспособился к эпистолярным привычкам короля. Красноречивый и готовый к спорам спорщик заменил беседу протоколами в знак уважения к монарху, который не умел говорить. Он переписывался с Филиппом, с Маргаритой Пармской, со всеми. Он писал фолианты герцогине, когда они жили в одном дворце. Он писал королю письма на сорока страницах и в тот же день отправлял другого курьера с двумя или тремя дополнительными депешами той же даты. Такая пространность очаровала короля, чья жадность к деловым посланиям была ненасытной. Кропотливый монарх с пером в руке тщетно трудился вслед за своим замечательным министром. Филипп годился только на должность епископского клерка; и все же он воображал себя направляющей и правящей силой. Он нацарапал апостиль на полях, чтобы доказать, что прочитал со вниманием, и убедил себя, что подсказал, когда едва ли даже понял. Епископ давал советы и давал инструкции, когда казалось, что он их только получает. Он был субстанцией, в то время как притворялся тенью. Эта тактика была сравнительно легкой и, вероятно, увенчалась бы успехом, пока ему приходилось иметь дело только с низшими интеллектами, такими как у Филиппа и Маргариты. Когда ему предстояло сразиться с политическим гением и благородным характером вместе взятыми, вполне возможно, что его ресурсов окажется недостаточно.

Его политические принципы были четко определены в реальности, но сглаживались условной и благопристойной благожелательностью языка, которая вводила в заблуждение вульгарные умы. Он был строгим абсолютистом. Его почтение к произвольной власти было глубоким и рабским. Богу и "господину", как он всегда называл Филиппа, он, по его словам, служил с одинаковым смирением. "Мне кажется, — писал он в письме той эпохи, — что я никогда не смогу выполнить свой рабский долг перед вашим величеством, с которым я связан такой прочной цепью; во всяком случае, я никогда не перестану искренне бороться за достижение этой цели".

Разумеется, он был решительным противником национальных прав Нидерландов, однако искусно маскировал острый меч жестокого абсолютизма под гирляндой цветистой фразеологии. Он настойчиво предостерегал Филиппа от сбора генеральных штатов перед своим отъездом ради того, чтобы попросить у них припасов. Он искренне осуждал предоставление конституционным властям какого-либо контроля над расходами правительства и утверждал, что эта практика при регентше Марии была причиной бесконечных неприятностей. Легко можно предположить, что другие права были ему так же не по вкусу, как право голоса при распределении субсидий - привилегия, которая на самом деле была неоспоримой. Люди, выступавшие в защиту провинциальных конституций, были, по его мнению, простыми демагогами и лицемерами; их единственным мотивом было выслужиться перед населением. И все же эти хартии были, в конце концов, достаточно ограниченными. Естественные права человека были темами, которые никогда не затрагивались. У человека были только естественные пороки. Никто не осмеливался сомневаться в том, что суверенитет был рожден небесами, помазанником Божьим. Права Нидерландов были особыми, а не общими; множественное число, а не единственное; вольности, а не свобода; "привилегии", а не

максимы. Они были практическими, а не теоретическими; историческими, а не философскими. И все же, какими бы они ни были, это были факты, приобретения. Они были приобретены кровью и трудом отважных предков; они представляли собой — какими бы открытыми для критики по широким гуманитарным соображениям, о которых мало кто в те дни даже мечтал, — прочную плотину против произвольной власти, которая постоянно терзалась и беспокоилась о том, чтобы разрушить свои барьеры. Никто не был более искусным и прилежным в разрушении фундамента этих бастионов, чем ученики Гранвелля. И все же можно было бы подумать, что можно терпеть некоторую практическую свободу, столь отличную от диких социальных спекуляций, которые в более поздние дни заставляли трепетать от дурных предчувствий как тиранов, так и разумных любителей нашей расы. Голландцы претендовали, главным образом, на право распоряжаться деньгами, которые в таком огромном изобилии требовались от их с трудом нажитого богатства; они также не желали быть сожженными заживо, если бы возражали против пресуществления. Гранвель придерживался совершенно противоположного мнения по обоим вопросам. Он решительно осуждал вмешательство штатов в распределение субсидий, и именно по его совету был вновь введен в действие безжалостный эдикт 1550 года, императорский указ о крови и огне, как самая первая мера правления Филиппа. Таковы были его взгляды на национальные и народные права путем представительства. К самому народу — "этому мерзкому и озорному животному, называемому народом", — как он выражался, он относился с веселым презрением.

Его способности к управлению людьми были очень велики; его способности к ведению дел неоспоримы; но их всегда следует понимать как способности к ведению дел абсолютизма. Он был умным, хитроумным политиком, искусным менеджером; оставалось выяснить, претендовал ли он на роль государственного деятеля. Его промышленность была огромной. Он мог собственноручно писать по пятьдесят писем в день. Он мог продиктовать полдюжине писем одновременно, на стольких же разных предметах, на стольких же разных языках, и отослать их всех в изнеможении.

Он уже был богат. Его доход от престола и других источников существования оценивался в 1557 году в десять тысяч долларов — [приблизительно 1885 год. Десятичная точка правее на несколько знаков в 2000 году не была бы неправильной. Д.У.] —; его собственность в наличных деньгах, "мебель, гобелены и тому подобное", составляет двести пятьдесят тысяч долларов. Если учесть, что по сравнению с нашим временем эти суммы составляют доход в сто тысяч долларов и капитал в два с половиной миллиона сверх того, то можно с уверенностью утверждать, что прелат, по крайней мере, хорошо начал. Более того, помимо своего обычного дохода, он получал солидные поступления от этой симонии, которая была сведена к системе и которая давала ему щедрую прибыль, обычно в виде ренты, на каждое пособие, которое он предоставлял. Однако он ни в коей мере не был удовлетворен. Его аппетит был безграничен, как море; он по-прежнему оставался бесстыдным попрошайкой денежных услуг и прибыльных должностей. Уже в 1552 году император резко упрекнул его вжадности. "Что касается того, что вы говорите о том, чтобы не получать ни "мерсед", ни "айуда де коста", - сказал он, - то вполне достаточно "мерсед" и "айуда де коста", когда у человека есть солидные пособия, пенсии и жалование, на которые человек мог бы прокормить себя". Епископа, однако, было нелегко смутить, и он находился в эпоху, которая сейчас занимает нас, искренне и успешно добиваясь от Филиппа получения прибыльного аббатства Сен-Арман. Не то чтобы он принял бы это преимущество, "если бы аббатство было присоединено к какому-либо из новых епископств";

напротив, он заверил короля, что "для выполнения такого святого дела, как возведение этих новых кафедр, он охотно внес бы свой вклад даже из своих жалких грошей".

Поскольку конфискация аббатства какому-либо конкретному епископу считалась нецелесообразной, Филипп соответственно подарил его прелату Арраса вместе с солидной суммой денег в форме надписи "ayuda de costa" рядом. Однако бережливый епископ, предвидевший наступление смутных времен в Нидерландах, позаботился о том, чтобы в письмах, в которых он выражал свою благодарность, дать королю указание вложить деньги в собственность короны в Арагоне, Неаполе и Сицилии, поскольку положение в провинциях начинало выглядеть очень шатким.

Таковы были в начале правления герцогини Маргарет характеры и предшествующие истории людей, в чьи руки были вверены Нидерланды. Ни один из них не был предрешен. Мы удовлетворились констатацией фактов в отношении всех, вплоть до того периода, к которому мы подошли. Их характеры были очерчены не в соответствии с последующими событиями, а такими, какими они предстали в начале этой важной эпохи.

Внешний вид страны и ее жителей представлял собой множество резких контрастов и выявлял множество источников будущих неприятностей.

Нидерландская аристократия была чрезмерно экстравагантной, рассеянной и уже изрядно стесненной в обстоятельствах. Политикой императора и Филиппа было наделение высшей знати высокими должностями, гражданскими, военными и дипломатическими, что влекло за собой огромные расходы без какого-либо соответствующего жалованья. Случай с Оранж уже упоминался, и было много других дворян, менее способных позволить себе подобные расходы, которым оказали эти разорительные почести. Во время войны, однако, было много шансов поправить разбитое состояние. Победа принесла огромные награды ведущим офицерам. Выкуп стольких прославленных пленников, которые украсили триумфы при Сен-Кантене и Гравелине, был чрезвычайно выгоден. Эти источники богатства теперь были перекрыты; однако с отъездом короля из Нидерландов роскошь не уменьшилась, а увеличилась: "Вместо одного двора, - сказал современник, - можно было бы сказать, что их было пятьдесят". Ничто не могло быть более роскошным, чем образ жизни в Брюсселе. Дом Оранжа уже расписан. Дом Эгмонта был почти таким же великолепным. Соперничество в гостеприимстве и показухе началось среди высшей знати и распространилось на тех, кто был менее способен постоять за себя в этом состязании. Во время войны на поле боя царил доблестное соперничество; джентльмены соперничали друг с другом, как лучше прославить древнее имя отчаянными доблестными поступками, восстановить состояние разрушенного дома с помощью военных трофеев. Теперь они стремились превзойти друг друга в великолепной экстравагантности. Это было страстное соревнование, кто построит самые величественные дворцы, будет иметь наибольшее количество благородных пажей и придворных, самые роскошные ливреи, самые гостеприимные столы, самых опытных поваров. Было также много разврата, а также экстравагантности. Нравы высшего общества были распущенными. Азартные игры практиковались в ужасающих масштабах. Пьянство было преобладающей чертой представителей высших классов. Даже сам принц Оранский в тот период, хотя и не был склонен к привычным излишествам, был чрезвычайно общителен в своих вкусах, терпимо относился к сценам и компаньонам, которые, вероятно, впоследствии не встретили бы особого расположения в его глазах. "Мы весело провели время в церкви Святого Мартина, - писал он

примерно в это же время своему брату, - и в самой веселой компании. Однажды Бредероде был в таком состоянии, что я думал, он непременно умрет, но теперь он справился с этим ". Граф Бредероде, вскоре после этого ставший таким заметным в первых сценах восстания, был, по правде говоря, наиболее известен своими выступлениями в этих сценах банкета. Он, по-видимому, поклялся в такой же бескомпромиссной враждебности к холодной воде, как и к инквизиции, и всегда осуждал и то, и другое с такой же яростной и смехотворной горячностью. Их постоянная связь с Германией в тот период не способствовала повышению трезвости нидерландской знати. Аристократия этой страны, как хорошо известно, была наиболее "сильна в мариновании". "Когда немец обнаруживает, что он трезв, - сказал озлобленный Бадоваро, - он считает себя больным". С радостью, после заключения мира, они воспользовались предоставившейся возможностью для многих кутежей со своими нидерландскими кузенами. Приближающаяся свадьба принца Оранского с саксонской принцессой — эпизод, который вскоре привлечет наше внимание, — вызвала грандиозные оргии. Граф Шварцбург, шурин принца и один из участников переговоров о браке, находил множество возможностей укрепить узы гармонии между странами, потакая этим общим вкусам. "У меня за столом было много принцев и графов, - писал он Оранжу, - где было выпито гораздо больше, чем съедено. Брат Рейнграфа упал замертво, выпив слишком много мальвуазии, но мы напоили его бальзамом и отправили домой, к его семье.

Эти беспорядки среди высших чинов были на самом деле столь обширны, что оправдывали язвительное замечание венецианца: "Джентльмены напиваются каждый день, - сказал он, - и дамы тоже, но гораздо реже, чем мужчины". Его замечания относительно морали обоих полов в других отношениях были одинаково огульными, а не более комплиментарными.

Если это были характеристики самого выдающегося общества, то можно предположить, что они воспроизводились с большей или меньшей интенсивностью во всех более отдаленных, но концентрических кругах жизни, насколько это было возможно при соблазнительном великолепии двора. Мелкая знать подражала грандам и соперничала друг с другом в великолепных заведениях, банкетах, маскарадах и экипажах. Последовали естественные последствия такой расточительности. Их поместья были заложены все глубже и глубже; затем, через несколько лет, проданы купцам, богатым адвокатам и другим джентльменам в мантиях, которым они были заложены. Чем пристальнее руин смотрел жертвам в лицо, тем безрассуднее они впадали в крайности. "Таковы были обстоятельства, - морализирует католический писатель, - до которых в более ранний период были доведены дела Катилины, Цетега, Лентула и других представителей этой фракции, когда они предприняли попытку свергнуть римскую республику". Многие из знати были таким образом смущены, а некоторые даже в отчаянии от своего положения, считалось, что они хотели вызвать беспорядки в государстве, чтобы можно было избежать выплаты справедливых долгов, чтобы их заложенные земли можно было силой отобрать у низкородных людей, которые ими завладели. , что, в частности, богатые земли аббатств, принадлежащие праздным священникам, могли бы быть переданы в пользование обедневшим джентльменам, которые могли бы использовать их в гораздо более выгодных целях. Вполне вероятно, что мотивы, подобные этим, не были полностью бездействующими среди сравнительно небольшого класса джентльменов. Религиозная реформация во всех странах Европы черпала часть своей силы ввозможности, которую она предоставляла властителям и высшей знати для присвоения церковной собственности. Без сомнения, многие нидерландцы думали, что их благосостояние может улучшиться за счет монахов и на благо религии. Даже не отступая от матери-Церкви, они с тоской смотрели на богатство ее любимых и

ленивых детей. Они думали, что королю не мешало бы создать на землях аббатств несколько красивых военных командорств, владельцы которых были бы обязаны нести военную службу по старинному обычаю феодальных владений, чтобы великолепная кавалерия, возглавляемая местными джентльменами, всегда была готова сесть на коней и скакать верхом по королевскому усмотрению, вместо орды ленивых эпикурейцев, перебирающих четки и предающихся роскошным порокам.

Таких взглядов придерживались; таких формулировок часто придерживались. Эти обстоятельства и настроения оказали свое влияние среди причин, вызвавших надвигающееся великое восстание. Однако следует соблюдать осторожность, чтобы не преувеличивать это влияние. Было бы чудовищной ошибкой относить это великое историческое событие к таким недостаточным источникам, как амбиции нескольких знатных людей и затруднения большего числа нуждающихся джентльменов. Нидерландское восстание было не аристократическим, а народным, хотя, конечно, и не демократическим движением. Это был великий эпизод — самый долгий, самый мрачный, самый кровавый, самый важный эпизод в истории религиозной реформации в Европе. Дворяне, столь заметные на поверхности во время вспышки, всего лишь дрейфовали перед бурей, которую они не вызывали и не контролировали. Даже самых могущественных и прозорливых людей швыряло из стороны в сторону волной великих событий, которые, по мере того как они все более и более бурно разворачивались вокруг них, казалось, становились одновременно непреодолимыми и непостижимыми.

Ибо состояние народа сильно отличалось от состояния аристократии. Период мученичества длился долго и должен был продлиться в одиночку; но были признаки того, что однажды за ним может последовать более активная стадия народного заболевания. Беспорядки в Нидерландах зрели долго; когда разразилась последняя вспышка, было бы более философски задаться вопросом не о том, почему это произошло, а о том, как это могло быть так долго отложено. Во время правления Карла XVI век неуклонно набирал силу по мере того, как некогда всемогущий император впадал в дряхлость. Этот необыкновенный век возник на земле не только для того, чтобы усилить силу абсолютизма и суеверий. Новый свет не был открыт, древний мир отвоеван, печатный станок усовершенствован только для того, чтобы инквизиция могла безмятежно править в самых прекрасных уголках земли, а узаконенное лицемерие процветало на ее богатейших землях. Было невозможно, чтобы самые энергичные и сообразительные люди Европы не сочувствовали огромным усилиям, прилагаемым христианским миром, чтобы избавиться от инкуба, который так долго парализовывал ее руки и мозг. В Нидерландах, где привязанность к Риму никогда не была сильной, где в прежние времена утрехтские епископы были скорее гибеллинами, чем гвельфами, где все ранние секты раскольников — вальденсы, лолларды, гуситы — обрели множество обращенных и тысячи мучеников, было неизбежно, что в сердцах людей возникнет отклик на более глубокое волнение, которое теперь достигло самого сердца христианского мира. В этих провинциях, столь трудолюбивых и энергичных, легче всего было пробудить отвращение к системе, при которой так много монахов купались в роскоши за счет труда других, ничего не внося ни в налоги, ни в военную оборону страны, не занимаясь никаким производительным делом, кроме торговли индульгенциями и проматывая в тавернах и борделях ежегодные суммы, вырученные от торговли лицензиями на совершение убийств, кровосмешения и любых других преступлений, известных человечеству.

Народ был многочисленным, трудолюбивым, веками привыкшим к состоянию сравнительной гражданской свободы и оживленной внешней торговле, благодаря которой их умы были

спасены от застоя фанатизма. Было естественно, что они начали обобщать и перешли от конкретных образов, представленных им во фламандских монастырях, к абстрактному характеру самого Рима. Фламандцы, помимо всех прочих своих качеств, были торговой нацией. Торговля была матерью их свободы, насколько они ее приобрели, в гражданских вопросах. Она боролась за то, чтобы дать жизнь большей свободе, свободе совести. Провинции были расположены в самом сердце Европы. Кровь мирового транспорта ежедневно текла по тысячам артерий этой сотканной из воды территории. Между Нидерландами и всем миром происходил взаимный обмен; и идеями обменивались так же свободно, как товарами. Истина ввозилась так же свободно, как и менее ценные товары. Псалмы Марота были так же актуальны, как наркотики с Молуккских островов или алмазы с Борнео. Запретительные меры деспотического правительства не могли уничтожить эту интеллектуальную торговлю, равно как и фанатизм не мог изобрести эффективного карантина, чтобы исключить религиозную заразу, которая таилась в каждом тюке товаров и приносилась каждым ветерком с Востока и Запада.

Указы императора были вынесены, но не приняты. Ужасные преследования, от которых погибло так много тысяч человек, привели к своему неизбежному результату. Удобренная всей этой невинной кровью, почва Нидерландов превратилась в орошаемый сад, в котором свобода, гражданская и религиозная, должна была процветать вечно. У эшафота были свои ежедневные жертвы, но не было ни одного обращенного. Статистика этих преступлений, возможно, никогда не будет точно скорректирована, и не будет установлено, была ли знаменитая оценка Гроция преувеличенной или неадекватной. Те, кто любит ужасные подробности, могут найти для себя достаточно материала. Хроники содержат списки этих безвестных мучеников; но их имена, едва произносимые при их жизни, варварски звучат в наших ушах и никогда не прозвучат в трубах славы. И все же это были люди, которые осмелились и выстрадали столько, сколько люди могут осмелиться и выстрадать в этом мире, и ради самого благородного дела, которое может вдохновить человечество. Фанатиками они, конечно, не были, если фанатизм заключается в показухе, без соответствующего содержания. Для них все было ужасной реальностью. Император и его эдикты были реальностью, топор, кол были реальностью, и героизм, с которым мужчины брали друг друга за руку и шли в огонь, или с которым женщины пели победную песню, пока могильщик засыпал землей их живые лица, тоже был реальностью.

Таким образом, народ Нидерландов уже был проникнут на всей территории страны растущим духом религиозной реформации. Рано или поздно взрыв был неизбежен. Они оказались между двумя великими странами, где новые принципы уже пустили корни. Лютеранство Германии и кальвинизм Франции внесли каждый свою лепту в восстание в Нидерландах, но, возможно, часто совершается ошибка при оценке относительной доли этих нескольких влияний. Реформация впервые вошла в провинции не через аугсбургские, а через гугенотские ворота. Пламенные полевые проповедники с юга Франции впервые воспламенили легко возбудимые сердца родственного населения юго-западных Нидерландов. Валлоны были первыми, кто восстал против папского Рима, и первыми, кто примирился с ним, точно так же, как их кельтские предки пятнадцатью веками ранее были первыми в восстании против императорского Рима и поспешили подчиниться его всепоглощающей власти. Батавийцы, более медленные на подъем, но более стойкие, сохранили импульс, который они получили из того же источника, который уже волновал их "валлийских" соотечественников. В Валансьенеи Турне уже были французские проповедники, за которыми, как мы еще увидим, последуют многие другие. Не преуменьшая влияния немецких церквей, и особенно гарнизонных проповедей немецких военных капелланов в Нидерландах, можно с уверенностью утверждать, что ранние реформаторы провинций были в

основном гугенотами по своей вере: голландская церковь стала, соответственно, не лютеранской, а кальвинистской, и основатель Речи Посполитой едва перестал быть номинальным католиком, как стал приверженцем того же вероучения.

В то же время, с психологической точки зрения, более естественно рассматривать великое движение как единое целое, независимо от того, проявилось ли оно во Франции, Германии, Нидерландах, Англии или Шотландии. Политика правительств, национальный характер, индивидуальные интересы и другие сопутствующие обстоятельства изменили результат; но великая причина была той же самой; источник всех движений был стихийным, естественным и единственным. Реформация в Германии была отложена на полвека из-за только что заключенного Аугсбургского религиозного мира. Во Франции это держалось в напряжении из-за политики Макиавелли, которую Екатерина Медичи только что приняла и в течение нескольких лет должна была проводить, направленной на то, чтобы уравновесить одну партию против другой, чтобы нейтрализовать всю власть, кроме своей собственной. Соответственно, великое состязание было перенесено в Нидерланды, где оно продолжалось до конца столетия, в то время как весь христианский мир должен был с тревогой ожидать результата. С востока и Запада тучи рассеялись, оставив сравнительно светлую и мирную атмосферу, только для того, чтобы зловещей чернотой окутать преданную землю Нидерландов. В Германии князья, а не народ, завоевали Рим, и князьям, а не народу, были обеспечены выгоды от победы — награбленные церкви и право богослужения по совести. Народ имел право принять вероучение своего правителя или покинуть его землю. Тем не менее, на самом деле, поскольку многие князья были реформаторами, большая масса населения приобрела привилегию для своего собственного поколения и поколения их детей исповедовать ту религию, которую они действительно одобряли. Это был факт, и более приятный, чем необходимость выбора между тем, что они считали порочным идолопоклонством, и костром — единственный выбор, оставшийся их нидерландским братьям. Во Франции случайный осколок от копья Монтгомери отсрочил резню гугенотов на дюжину лет. В тот период, когда королева-регентша была полна решимости проводить свою быструю и распущенную политику, все уговоры Филиппа и искусство Альвы были бессильны побудить ее осуществить план, который Генрих раскрыл Оранскому в Венсенском лесу. Когда, наконец, произошло преступление, оно было столь же грубым, сколь и кровавым; одновременно преднамеренным и случайным; изолированное осуществление межрегулярного заговора, существовавшего на протяжении половины поколения, но разрозненного; массовая резня, но разрозненный заговор.

Аристократия и массы, оказавшиеся, таким образом, по целому ряду причин, в таком взволнованном и опасном состоянии, каковы были меры правительства?

Эдикт 1550 года был вновь введен в действие сразу после обретения Филиппом суверенитета. Необходимо, чтобы читатель был ознакомлен с некоторыми ведущими положениями этого знаменитого документа, таким образом, установленного выше всех конституций как органический закон страны. Несколько простых фактов, полностью лишенных риторического прикраса, окажутся в данном случае более впечатляющими, чем излишняя декламация. Американец рассудит, были ли обиды, причиненные Лодом и Чарльзом его пуританским предкам, самыми суровыми, через которые пришлось пройти народу, и не ведет ли Голландская Республика свой исток к тому же высокому религиозному происхождению, что и наше собственное содружество.

"Никто, - говорилось в указе, - не должен печатать, писать, копировать, хранить, утаивать, продавать, покупать или дарить в церквях, на улицах или в других местах какие-либо книги или надписи, сделанные Мартином Лютером, Джоном Эколампадиусом, Ульрихом Цвинглиусом, Мартином Буцером, Джоном Кальвином или другими еретиками, осужденными Святой Церковью; а также ломать или иным образом повреждать изображения Пресвятой Девы или канонизированных святых.... ни проводить в своем доме собрания или незаконные сборища, ни присутствовать на любых таких, в которых приверженцы вышеупомянутых еретиков учат, крестят и составляют заговоры против Святой Церкви и общего блага..... Более того, мы запрещаем, - продолжает указ, от имени суверена, - всем мирянам беседовать или оспаривать Священное Писание, открыто или тайно, особенно по любым сомнительным или трудным вопросам, или читать, преподавать или разъяснять Священное Писание, если они должным образом не изучили теологию и не были одобрены каким-либо известным университетом или проповедовать тайно или открыто, или разделять любое из мнений вышеупомянутых еретиков под страхом, если будет установлено, что кто-либо нарушил какой-либо из вышеупомянутых пунктов, поскольку нарушители нашего государства и общего спокойствия подлежат наказанию следующим образом". И как они должны были быть наказаны? Какое наказание полагалось мужчине или женщине, у которых был сборник гимнов или которые рискнули высказать в частном порядке мнение, что Лютер был не совсем неправ, сомневаясь в способности монаха продавать за деньги разрешение на совершение убийства или кровосмешения; или родителю, не являющемуся римско-католическим доктором богословия, который должен был читать Нагорную проповедь Христа своим детям в своей собственной гостинице или магазине? Как можно было наказать преступника за подобные преступления? Было ли это путем выговора, штрафа, тюремного заключения, изгнания или клеймения на лбу, обрезания ушей или вырезания ноздрей, как это практиковалось в отношении отцов-пуритан Новой Англии за их нонконформизм? Это было более суровое наказание, чем любой из этих методов. Пуританским отцам Голландской республики пришлось бороться с более мрачной судьбой. Далее указ предусматривал...

"Что такие нарушители всеобщего спокойствия подлежат казни, а именно: мужчины с мечом и женщины должны быть похоронены заживо, если они не будут упорствовать в своих заблуждениях; если же они будут упорствовать в них, то они должны быть казнены огнем; все их имущество в обоих случаях конфискуется в пользу короны".

Таким образом, милосердие государя позволяло кающемуся еретику быть обезглавленным или похороненным заживо вместо сожжения.

Эдикт также предусматривал меры против любого неправильного признания в ереси, возлагая на тех, кто не смог выдать подозреваемого, такое же наказание, как если бы они сами подозревались или были осуждены: "Мы запрещаем, - говорилось в указе, - всем лицам размещать, развлекать, снабжать едой, огнем или одеждой или иным образом оказывать поддержку любому лицу, признанному или заведомо подозреваемому в еретичестве; . . . и любой, кто не осудит кого-либо из таких, кого мы назначаем, будет подвергнут вышеупомянутым наказаниям".

Далее указ предусматривал, "что если какое—либо лицо, не осужденное за ересь или заблуждение, но сильно подозреваемое в этом и, следовательно, осужденное духовным судьей за отречение от такой ереси или светским магистратом за публичный штраф и возмещение

ущерба, снова станет подозреваемым или запятнанным ересью — хотя не должно казаться, что он нарушил какую-либо из наших вышеупомянутых заповедей - тем не менее, мы желаем и предписываем, чтобы такое лицо считалось рецидивистом и, как таковое, было наказано потерей жизни и имущества без каких-либо последствий ". надеюсь на смягчение вышеупомянутых наказаний".

Кроме того, было постановлено, что "духовные судьи, желающие возбудить дело против кого-либо за преступление ереси, должны просить любой из наших суверенных судов или провинциальных советов назначить кого-либо из их коллегии или такого другого помощника, которого выберет совет, председательствовать на разбирательстве, которое должно быть возбуждено против подозреваемого. Все, кто знает о каком-либо человеке, запятнанном ересью, обязаны донести на него и выдать всем судьям, должностным лицам епископов или другим лицам, имеющим власть в данной местности, под страхом наказания по усмотрению судьи. Точно так же все, кто знает о каком-либо месте, где скрываются такие еретики, будут обязаны заявить о них властям под страхом быть задержанными как соучастники и наказанными так, как были бы наказаны сами такие еретики, если бы их задержали".

Чтобы добиться наибольшего числа арестов путем прямого обращения к самому низменному, но не менее могущественному принципу человеческой природы, было предписано, "что доносчик в случае осуждения должен иметь право на половину имущества обвиняемого, если не более ста фламандских фунтов; если больше, то на десять процентов. от всех таких излишеств".

Предательство по отношению к друзьям поощрялось положением, "что если какой-либо человек, присутствующий на каком-либо тайном собрании, впоследствии выйдет вперед и предаст своих собратьев по конгрегации, он получит полное прощение".

Чтобы ни добрый народ Нидерландов, ни судьи и инквизиторы не обманывались мыслью, что эти фанатичные указы были предназначены только для внушения ужаса, а не для практического исполнения, суверен продолжал предписывать — "с той целью, чтобы у судей и должностных лиц не было причин, под предлогом того, что наказания слишком велики и тяжки и придуманы только для устрашения преступников, наказывать их менее строго, чем они заслуживают, — чтобы виновные действительно были наказаны вышеуказанными мерами наказания; запрещая всем судьям изменять или смягчать меры наказания любым способом, запрещающим кому-либо, в любом состоянии, просить нас или кого-либо, имеющего власть, о помиловании или представить какое-либо прошение в пользу таких еретиков, изгнанников или беглецов под страхом объявления их навсегда недееспособными к гражданским и военным должностям и, кроме того, произвольного наказания".

Таковы были основные положения этого знаменитого эдикта, первоначально обнародованного в 1550 году как краткое изложение всех предыдущих указов императора по религиозным вопросам. По своему стилю и названию это был бессрочный указ, и, согласно одному из его пунктов, он должен был публиковаться вечно, раз в шесть месяцев, в каждом городе и деревне Нидерландов. Он был обнародован в Аугсбурге, где император держал сейм, 25 сентября. Его суровость настолько потрясла вдовствующую королеву Венгрии, что она специально отправилась в Аугсбург, чтобы добиться смягчения некоторых его положений. Однако основное изменение, которого ей удалось добиться от императора, касалось только фразеологии. В

качестве уступки распространенному предрассудку слова "духовные судьи" были заменены на "инквизиторы" везде, где это выражение встречалось в первоначальном проекте.

Эдикт был вновь введен в действие по прямому совету епископа Аррасского сразу после восшествия на престол Филиппа: прелат знал цену имени императора; возможно, он также думал, что будет трудно усилить строгость постановлений. "Я посоветовал королю, - говорит Гранвель в письме, написанном несколько лет спустя, - не вносить изменений в плакаты, но провозгласить текст, составленный императором, переиздав его целиком как королевский эдикт, специально вставив фразу "Карл" и т. Д. Я рекомендовал это, чтобы люди не оклеветали его Величество за то, что он желает внести новшества в вопрос религии".

Этот эдикт, содержащий положения, которые были представлены читателю, теперь должен был исполняться со всей строгостью; каждое официальное лицо, начиная с штатгальтеров, получило самые строгие инструкции на этот счет от собственной руки Филиппа. Это был первый подарок Филиппа и Гранвеля Нидерландам; монарха, который сказал о себе, что он всегда, "с самого начала своего правления, следовал по пути милосердия, в соответствии со своей природной склонностью, столь хорошо известной всему миру"; прелата, который сказал о себе, "что он всегда боролся с мнением, что чего-либо можно добиться с помощью террора, смерти и насилия".

В период войны между Францией и Папой Римским было замечено, что исполнение этих эдиктов было приостановлено. Теперь оно возобновилось с удвоенной яростью. Более того, новая мера усилила недовольство и растерянность людей, и без того достаточно полных опасений. В качестве дополнительной гарантии верховенства древней религии считалось желательным увеличить число епископов. В Нидерландах было всего четыре епархии: в Аррасе, Камбре, Турне и Утрехте. Утрехтский архиепископат находился в составе Кельнского архиепископства; остальные три находились в составе Реймского. Казалось правильным, что прелаты Нидерландов не должны проявлять никакой внепровинциальной лояльности. Точно так же считалось, что для трех миллионов душ требуется больше, чем четыре духовных суперинтенданта. В любом случае, каковы бы ни были интересы стада, было ясно, что эти обширные и плодородные пастбища прокормят больше, чем нынешнее количество пастухов. Богатство религиозных домов в провинциях было очень велико. Одно только аббатство Аффлигем имело доход в пятьдесят тысяч флоринов, и было много других, едва ли уступавших ему по богатству. Но эти институты были сравнительно независимы как от короля, так и от папы римского. Время от времени избирая своих собственных настоятелей, ни в коем случае не желая каких-либо перемен, которые могли бы нарушить их покой и поставить под угрозу их богатство, честные монахи вряд ли стали бы участвовать в каком-либо очень энергичном крестовом походе против ереси, равно как и ради введения или укрепления испанских институтов, которые, как они знали, вызывали отвращение у народа, идти на риск, подталкивая всех своих учеников к бунту и вероотступничеству. Утешая себя философией Эразма, которая, по их мнению, лучше всего соответствовала тому времени, они были столь же маловероятны, как и сам роттердамский мудрец, выставлять себя мучениками ради искоренения кальвинизма. В политических вопросах аббаты и монахи находились под сильным влиянием знати, в обществе которой они занимали скамьи верхней палаты Генеральных штатов.

Доктор Фрэнсис Сонниус был направлен с миссией к папе римскому с целью донести необходимость увеличения епископальной мощи Нидерландов. Как раз в тот момент, когда

король собирался уходить, прибыл уполномоченный, привезший с собой Буллу Павла Четвертого, датированную 18 мая 1559 года. Впоследствии это было подтверждено решением Пия Четвертого, в январе следующего года. В документе говорилось, что "Павел Четвертый, раб рабов, желая обеспечить благосостояние провинций и вечное спасение их жителей, решил насадить на этой плодородной ниве несколько новых епископств. Враг человечества находился за границей, - говорилось в Булле, - в столь различных формах в то конкретное время, а Нидерланды, находившиеся тогда под властью любимого сына его святейшества Филиппа Католика, были окружены еретическими и раскольничьими нациями, и считалось, что вечноеблагополучие страны находилось в большой опасности. В период первоначального основания Кафедральных церквей провинции были малонаселенными; теперь они были переполнены, так что первоначального церковного устройства стало недостаточно. Урожай был обильным, но работников было мало".

С учетом этих и других причин были соответственно назначены три архиепископства. Главным должно было стать епископство Мехлина, в подчинении которого находились шесть епископств, а именно Антверпенское, Буа-ле-Дуэ, Рурмонское, Гентское, Брюгге и Ипрское. Епархия Камбре была второй, с четырьмя подчиненными епархиями Турне, Арраса, Сент-Омера и Намюра. Третьим архиепископством был Утрехт с пятью епархиями Харлема, Мидделбурга, Леувардена, Гронингена и Девентера.

Назначение на эти важные должности было предоставлено королю при условии утверждения папой римским. Более того, Буллой было предписано, что "каждый епископ должен назначить девять дополнительных пребендариев, которые должны были помогать ему в делах инквизиции на всей территории его епископства, двое из которых сами должны были быть инквизиторами".

Для поддержания этих двух великих мер, с помощью которых Филипп надеялся раз и навсегда искоренить нидерландскую ересь, было сочтено желательным, чтобы испанские войска, все еще остававшиеся в провинциях, оставались там на неопределенный срок.

Отряд был невелик, едва ли насчитывая четыре тысячи человек, но они были беспринципны и превосходно дисциплинированы. Как вбивающий клин, с помощью которого военный и церковный деспотизм в конечном итоге должен был быть вбит в самое сердце страны, они были бесценны. Вряд ли можно преувеличить моральный эффект, на который можно надеяться от регулярного присутствия постоянной армии Испании в мирное время в Нидерландах. Поэтому Филипп был полон решимости использовать все доводы и уловки, чтобы задержать войска.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Сожгли заживо, если они возражали против пресущствления
Немец оказывается трезвым — он считает себя больным
Управлять под видом повиновения
Информатор, в случае осуждения, должен иметь право на половину
У человека были только естественные проступки (без естественных прав)
Никакая клевета не была слишком бессмысленной, чтобы ее можно было изобрести
Разорительные почести
Суверенитет был рожден небом, помазанником Божьим
Это мерзкое и вредное животное по имени люди

Понимало искусство управления людьми, особенно своими начальниками
В один прекрасный день были уволены двадцать восемь мастеров-поваров
Вильгельм Нассауский, принц Оранский

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 6.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

1560-1561 [ГЛАВА II.]

Агитация в Нидерландах—древние уставы использовано в качестве барьеров против мер правительства—"радостный въезд" Брабант—Конституция Голландии—растущая непопулярность Perrenot Антоний, архиепископ Мехелен—неприятие новых епископств, оранжевый, Эгмонт и другие влиятельные дворяне—ярость народа на присутствие иностранных военных—оранжевый уходит в отставку командование легион—войска напомнил—Филиппа личное внимание к деталям преследования—Perrenot становится кардинал де Гранвель—Вся власть в его руках—его растущей непопулярности—враждебность и насилие "Эгмонт" в сторону кардинала—отношения между оранжевым и Гранвель—древняя дружба постепенно меняется к вражде обновление магистратуры в Антверпене—ссоры между принцем и кардиналом—Совместное письмо апельсина и "Эгмонт" к царю—ответа от царя—возмущение против Филиппа Граф Хорн—секретной переписке между королем и кардиналом—возгласы против новых епископств—Филиппа собственной финансовой отчетности,—нищету финансов в Испании, так и в провинциях—план для оскорбить монеты—брак Вильгельма молчаливого с принцессой Лотарингии обойти—переговоры о его супружеского союза с принцессой Анной Саксонской— переписка между Гранвель и Филипп на эту тему— Противостояние Ландграф Филипп и Филиппа вторая—характером и поведением курфюрстом Августом—миссии графа Schwartzburg— коммуникации Оранжевый король и герцогиня Маргарет— характерное письмо Филиппа—искусное ведение Гранвель и регента—визит Оранжевый в Дрезден—предложил "отметить" курфюрста Августа—отказ принца—протест ландграфа против этого брака— подготовка к свадьбе в Лейпциге—нотариальный документ, составленный на свадьбы— свадебные церемонии и празднества—Вход Гранвель в Мехелен как архиепископ— компромисс в Брабанте между монастырей и епископов.

1560 и 1561 годы были в основном заняты волнениями и смятением, вызванными причинами, изложенными в предыдущей главе.

Против произвольной политики, воплощенной в эдиктах, новых епископствах и иностранной военной службе, жители Нидерландов обратились к своим древним конституциям. В просторечии голландцев и фламандцев эти хартии назывались "поручениями", потому что государь скреплял их своей рукой. Как уже говорилось, Филипп сделал это быстрее, чем когда-либо делал кто-либо из принцев его дома, насколько клятва и подпись могли достичь этой цели, как в качестве наследственного принца в 1549 году, так и в качестве монарха в 1555 году. Причины того, что он широко и безоговорочно поклялся поддерживать провинциальные уставы, уже были указаны.

Из этих конституций конституция Брабанта, известная под названием "joyeuse entree, блайд инкомст", или "веселый вход", служила самым решительным барьером против нынешней повальной тирании. Прежде всего, "радостное вступление" предусматривало, "что князь страны не должен поднимать духовное государство выше, чем это было принято в старину и установлено прежними князьями; если только с согласия двух других сословий, знати и городов".

Еще раз: "принц не может преследовать никого из своих подданных или любого иностранного резидента ни в гражданском, ни в уголовном порядке, за исключением обычных и открытых судов провинции, где обвиняемый может отвечать и защищать себя с помощью адвокатов".

Далее: "принц не должен назначать иностранцев на должности в Брабанте".

Наконец, "если принц силой или иным образом нарушит какую-либо из этих привилегий, жители Брабанта после подачи регулярных протестов освобождаются от своих клятв верности и, как свободные, независимые и ничем не связанные люди, могут вести себя именно так, как им кажется наилучшим".

Таковы были основные положения, насколько они касались спорных вопросов, той знаменитой конституции, которая была столь высоко почитаема в Нидерландах, что матери приезжали в провинцию, чтобы родить своих детей, которые, таким образом, могли пользоваться привилегиями Брабанта по праву рождения. И все же хартии других провинций должны были быть столь же эффективны против произвола правительства. "Ни один иностранец, - говорится в конституции Голландии, - не имеет права быть советником, финансистом, магистратом или членом суда. Правосудие может осуществляться только обычными судами и магистратами. Древние законы и обычаи останутся неприкосновенными. Если принц нарушит какое-либо из этих положений, никто не обязан ему подчиняться".

Эти положения хартий Брабанта и Голландии приводятся лишь в качестве иллюстрации общего духа конституций провинций. Почти все провинции обладали одинаково широкими привилегиями, должным образом подписанными и скрепленными печатью. Насколько чернила и сургуч могли защитить страну от меча и огня, настолько Нидерланды были неуязвимы для эдиктов и обновленной епископальной инквизиции. К сожалению, вся история показывает, насколько слабы барьеры из бумаги или овечьей кожи, даже освященные монаршей клятвой, против потока королевского и церковного абсолютизма. Именно после получения в провинциях новой и подтверждающей Буллы о епископствах, изданной в январе 1560 года, об этой мере стало известно и проявилось недовольство. Недовольство было неизбежным и всеобщим. Церковное учреждение, которое должно было расширяться или возвышаться только с согласия сословий, внезапно было расширено до трех архиепископств и пятнадцати епископств. Отправление правосудия, которое допускалось только в свободных и местных судах, отдельных для каждой провинции, должно было быть передано, насколько это считалось наиболее важным из человеческих интересов, в руки епископов и их приспешников, многие из которых были иностранцами и большинство - монахами. Жизнь и имущество всего населения должны были находиться во власти этих совершенно безответственных конклавов. Все классы были возмущены. Знать была оскорблена тем, что духовные лица, возможно, иностранные духовные лица, должны были получить право заседать в провинциальных поместьях и контролировать их деятельность вместо беспечных, ленивых, невежественных аббатов и монахов, которые в целом признавали влияние великих сеньоров. Священники были разгневаны, потому что таким

образом религиозные дома были выведены из-под их контроля и переданы епископской коллегии, узурпировав места тех настоятелей, которые формально были избраны ими самими и между собой. Люди были встревожены, потому что монастыри, хотя и не пользовались уважением и популярностью, были, по крайней мере, милосердны и не стремились проявлять церковную жестокость; в то время как, с другой стороны, благодаря новым епископальным порядкам к уже установленному аппарату насаждения православия были добавлены силы из тридцати новых инквизиторов. Ненависть к этой мере была возложена на голову этого церковника, уже назначенного архиепископом Мехлина и вскоре ставшего известным как кардинал Гранвелле. С этого времени к этому прелату стали относиться с каждым днем все с большей неприязнью. На него смотрели как на воплощение всех отвратительных мер, которые были придуманы; как на источник той политики абсолютизма, которая проявлялась все более и более стремительно после отъезда короля из страны. Именно по этой причине народными протестами было придано такое большое значение пункту, запрещающему иностранцам занимать государственные должности. Гранвель был бургундцем; его отец провел большую часть своей активной жизни в Испании, в то время как и он, и его более выдающийся сын в общественном сознании отождествлялись с испанской политикой. Этому прелату, таким образом, приписывались эдикты, новые епископства и продолжающееся присутствие иностранных войск. Народ был прав в отношении первого обвинения. Они ошиблись относительно других обвинений.

Король не консультировался с Энтони Перрено по поводу создания новых епископств. Мера, которая последовательно рассматривалась Филиппом "Добрый", Карлом Смелым и императором Карлом, теперь была осуществлена Филиппом Вторым без ведома нового архиепископа Мехлина. Король на этот раз смог обмануть проницательность прелата и скрывал от него предполагаемую договоренность до прибытия Сонниуса с Быками. Гранвель объяснил причины этой тайны с большой простотой. "Его величество знал, - сказал он, - что я буду против этого, поскольку быть одним из четырех почетнее и прибыльнее, чем одним из восемнадцати". На самом деле, согласно его собственному заявлению, он потерял деньги, став архиепископом Мехлина и перестав быть епископом Арраса. По этим причинам он не раз отказывался от предложенного сана и, наконец, принял его только из страха оскорбить короля и после того, как добился компенсации за свои предполагаемые убытки. В том же письме (от 29 мая 1560 г.), в котором он благодарил Филиппа за дарование ему богатого аббатства Сен-Арман, о котором он просил, в дополнение к "мерседу" наличными деньгами, о надежном вложении которых он уже дал указания, он заметил, что теперь готов принять архиепископство Мехлина; несмотря на ненависть, связанную с этой мерой, несмотря на его слабые полномочия и несмотря на то, что при жизни епископа Турнейского, который в то время находился в тяжелом состоянии здоровья, он мог получать только три тысячи дукатов из доходов от продажи имущества. , отказавшись от Арраса и ничего не добившись в Мехлине; несмотря на все это и тысячу других вещей, помимо этого, он заверил его Величество, что, "поскольку королевское желание было настолько сильным, чтобы он согласился, он не сочтет ничего настолько трудным, чтобы, по крайней мере, не попытаться это сделать". Приняв решение принять престол и поддержать новые договоренности, он решил, что его прибыль должна быть как можно больше. Мы видели, как он уже получил возможность искупить свою вину. Вскоре после этого мы увидим, как он домогается короля по поводу аббатства Аффлигем, огромный доход от которого, по мнению прелата, станет еще одним приятным дополнением к вознаграждению за его жертвы. В то же время он больше всего беспокоился о том, чтобы люди, и особенно знатные вельможи, не

приписывали ему новое правление, как они настаивали на этом. "Говорят, что епископаты были созданы для удовлетворения моего честолюбия, - писал он Филиппу два года спустя, - тогда как вашему величеству известно, как упорно я отказывался от епископства в Мехлине и что я принял его только для того, чтобы не жить в праздности, ничего не делая для Бога и вашего Величества". Поэтому он несколько раз поручал Филиппу довести до сведения правительства регента, сеньоров и страны в целом, что эта мера была предпринята без его ведома; что маркиз Берген узнал об этом первым и что прелат, по правде говоря, держался в неведении по этому поводу до прибытия Сонниуса с Быками. Король, всегда послушный своему министру, соответственно написал герцогине требуемые заявления почти в точной предложенной фразеологии; приложив усилия, чтобы повторить заявления несколько раз, как в письме, так и из уст в уста, многим влиятельным лицам.

Люди, однако, упорно отождествляли епископа с этой схемой. Они видели, что он был главой новых учреждений; что ему предстояло получить львиную долю конфискованных аббатств и что он был первым в защите и проведении этой меры в жизнь, несмотря на все противодействие. Это противодействие с каждым днем становилось все ожесточеннее, пока кардинал, несмотря на то, что он охарактеризовал это мероприятие перед королем как "святое дело" и горячо заверил секретаря Переса, что он внесет свое состояние, свою кровь и свою жизнь в его успех, все же был вынужден с горечью воскликнуть: "Молю Бога, чтобы о возведении этих новых кафедр никогда не думали. Аминь! Аминь!"

Первым в сопротивлении был принц Оранский. Хотя он и был католиком, ему не нравились ужасные преследования, которые были намечены. Впоследствии он охарактеризовал новые епископства как части "одного грандиозного плана по установлению жестокой инквизиции в Испании; упомянутые епископы должны служить инквизиторами, сжигателями тел и тиранами совести: два пребендария в каждой епархии фактически являются инквизиторами". По этой причине он не преминул высказать свои замечания по этому поводу герцогине, Гранвелю и в прямых письмах королю. Его усилия были поддержаны Эгмонтом, Бергеном и другими влиятельными дворянами. Даже Берлаймон поначалу был склонен встать на сторону оппозиции, но после приведенного герцогиней аргумента о том, что епископства и пребенды обеспечат отличные места для его сыновей и других представителей аристократии, он начал горячо поддерживать эту меру. Однако большая часть труда и вся гнусность этого дела легли на плечи епископа. В народном сознании все еще оставался большой запас лояльности, который не иссяк даже за сорок лет правления императора и который Филиппу было суждено использовать так расточительно, как если бы это сокровище было неисчерпаемым. По этим причинам по-прежнему казалось наиболее приличным выместить всю ненависть на министре и сохранить утешительную формулу, что Филипп был принцем, "кротким, великодушным и обходительным".

Епископ, верный своему обычному убеждению, что слова для людей гораздо важнее вещей, был склонен исключить слово "инквизитор" из текста нового указа. На данном этапе ему хотелось сделать все как можно приятнее, и он не видел причин, по которым люди должны были бы напрасно пугаться. Если инквизицию можно было практиковать, а еретиков сжигать, он был за то, чтобы это делалось с комфортом. Слово "инквизитор" было непопулярным, почти неприличным. Было бы лучше исключить этот термин и сохранить саму вещь. "Люди боятся говорить о новых епископствах, - писал он Пересу, - из-за пункта, предусматривающего, что из девяти канонов один должен быть инквизитором. Поэтому люди боятся испанской инквизиции

".— Поэтому он написал королю, чтобы предложить вместо этого, чтобы каноники или выпускники были обязаны помогать епископу в соответствии с его указаниями. Этих терминов было бы достаточно, потому что, хотя они и не были сформулированы прямо, было ясно, что епископ был обычным инквизитором; но необходимо было исключить слова, которые содержали оскорбление.

Однако, несмотря на все красноречие и ловкость епископа, было трудно построить приемлемую инквизицию. Людям это не нравилось ни в какой форме, и были признаки, по которым нельзя было ошибиться, что однажды разразится буря, унять которую будет выше человеческих сил. В настоящее время народ направил свое негодование только на часть механизма, созданного для его угнетения. Испанские войска рассматривались как часть аппарата, с помощью которого должны были быть приведены в исполнение новые епископства и эдикты. Более того, люди устали от наглости и грабежей, которые эти наемники так долго совершали в этой стране. Когда короля впервые попросили отозвать их, мы видели, что он пришел в неистовую ярость. Впоследствии он лукавил. Пообещав, наконец, что все они будут высланы из страны в течение трех-четырех месяцев после его отъезда, он решил использовать все уловки, чтобы задержать их в провинции. Различными уловками ему удалось продержать их там четырнадцать месяцев, но в конце концов стало очевидно, что терпеть их присутствие больше нельзя. Ближе к концу 1560 года они были расквартированы в Вальхерене и Брилле. Зеландцы, однако, были настолько раздражены их присутствием, что решительно отказались хоть пальцем тронуть дамбы, которые, как обычно в то время года, требовали серьезного ремонта. Вместо того чтобы больше видеть, как их родная земля оскверняется этими ненавистными иностранными наемниками, они увидели бы, как она навсегда затонула в океане. Они поклялись погибнуть - мужчины, женщины и дети вместе - в волнах, чем дольше терпеть бесчинства, которые ежедневно причиняли солдаты. Таков был нрав зеландцев, что считалось неразумным шутить с их раздражением. Епископ чувствовал, что задерживать войска больше нецелесообразно и что все предлоги, придуманные Филиппом и его правительством, оказались безрезультатными. На заседании Государственного совета, состоявшемся 25 октября 1560 года, он в самых решительных выражениях указал регенту на необходимость окончательного вывода войск. Виль, знавший характер своих соотечественников, энергично поддержал это предложение. Оранский кратко, но твердо выразил то же мнение, отказавшись больше исполнять обязанности командира легиона - должность, которую он вместе с Эгмонтом принял временно, из лучших побуждений и по обещанию Филиппа вывести солдат. Герцогиня настаивала на том, чтобы выполнение приказа было отложено, по крайней мере, до прибытия графа Эгмонта, находившегося в то время в Испании, но это предложение было единогласно отклонено.

Соответственно, от имени регента были написаны письма королю. Было заявлено, что откладывать принятие этой меры больше нельзя, что все провинции согласны в этом пункте, что до тех пор, пока иностранцы остаются, в казну не должно быть внесено ни пенни; что, если они однажды отплывут, необходимая сумма для погашения их задолженности будет предоставлена правительству; но что, если они вернутся, вполне вероятно, что жители окажут им сопротивление основными силами и что им будет разрешено входить в города только через брешь в их стене. Более того, утверждалось, что трех или четырех тысяч испанцев будет недостаточно для принуждения всех провинций и что в королевской казне недостаточно денег, чтобы выплатить жалованье одной роте войск. "Меня пронзает до глубины души, - писал епископ Филиппу, - видеть, как испанская пехота покидает нас; но они должны уйти. Молю Бога,

чтобы мы могли придумать любой предлог, какой пожелает ваше величество, чтобы удержать их здесь! Мы испробовали все доступные человеку средства, чтобы удержать их, но я не вижу способа сделать это, не подвергнув провинции явной опасности внезапного восстания ".

К счастью для достоинства правительства или для спокойствия страны, был найден уважительный мотив для использования легиона в другом месте. Значительные потери, которые Испания недавно понесла при взятии Зерби, сделали необходимым пополнение армии, задействованной на Южной службе. Таким образом, катастрофа в Берберии, наконец, избавила Нидерланды от чумы, которая так долго их поражала. На короткую передышку страна была очищена от иностранных наемников.

Растущая непопулярность королевского правительства, все еще проявляющаяся, однако, в растущей ненависти к епископу, существенно не уменьшилась с уходом испанцев. Эдикты и епископства все еще были на месте, даже если солдаты ушли. Церковник добросовестно трудился, выполняя поручения своего хозяина. Филипп, со своей стороны, усердствовал в доведении своих мер до конца. Вечно озабоченный деталями, монарх из своего дворца в Испании часто рассылал информацию против самых скромных людей в Нидерландах. Любопытно наблюдать за мельчайшими сетями тирании, которые он уже начал плести вокруг целого народа, в то время как холодный, ядовитый и терпеливый он наблюдал за своими жертвами из центра своей паутины. Он передал герцогине и кардиналу конкретные сведения о различных мужчинах и женщинах, прислав их имена, возраст, внешность, занятия и место жительства, а также указания об их немедленном принесении в жертву. Даже севильские инквизиторы были настроены на то, чтобы с помощью своих филиалов или агентств в провинциях увеличить количество королевской информации по этому чрезвычайно важному вопросу. "В мире осталось совсем немного людей, - нравоучительно писал он в письме епископу, - которые заботятся о религии. Поэтому нам необходимо уделять больше внимания христианству. Мы должны потерять все, если потребуется, чтобы выполнить свой долг; в конце концов, - добавил он со своей обычной тавтологией, - это правильно, что человек должен выполнять свой долг".

Гранвель — так его теперь следует называть, поскольку будет немедленно упомянуто о его возведении в сан кардинала, — написал королю, заверяя, что будет приложено все усилия для розыска и казни лиц, на которых подана жалоба. Однако он оплакивал недостаток сердечности со стороны нидерландских инквизиторов и судей. "Я нахожу, - сказал он, - что все судебные чиновники приступают к исполнению эдиктов с неохотой, что, как я полагаю, вызвано их боязнью вызвать недовольство населения. Когда они действительно действуют, они делают это вяло, и когда за эти дела не берутся с необходимой живостью, желанный плод не получается. Мы не преминем увещевать их и приказывать выполнять свою работу ". Он добавил, что Виль и Берлаймон проявили похвальное рвение, но он не может сказать того же о Совете Брабанта. Эти советники "вечно болтали, - сказал он, - о конституционных правах своей провинции и заслуживали гораздо меньших похвал".

Популярность церковника, не возросшая от этих отчаянных попыток навязать несчастной нации бесчеловечную политику, также не прибавилась от его нового повышения в звании. Во второй половине 1560 года Маргарита Пармская, которая все еще испытывала глубокое восхищение прелатом и еще не начала уставать от его спокойного, но властного правления, была занята приготовлением для него восхитительного сюрприза. Без ведома ни его, ни короля она вступила

в переписку с папой римским и добилась, в качестве личного одолжения для себя, кардинальской шапки для Энтони Перрено. В феврале 1561 года кардинал Борромео написал письмо, в котором объявил, что желанный сан был дарован. Герцогиня поспешила с радостной готовностью сообщить эту новость епископу, но была крайне обижена, обнаружив, что он упорно отказывается принять свой новый сан, пока не напишет королю, чтобы объявить о назначении и попросить его разрешения принять эту честь. Герцогиня, справедливо уязвленная его отказом принять из ее рук благосклонность, которую она, и только она, добилась для него, тщетно пыталась преодолеть его упорство. Она заявила, что, хотя Филипп и не был осведомлен о заявлении или назначении, он был уверен, что расценит это как приятный сюрприз. Более того, она настаивала на том, что его временный отказ будет неправильно истолкован в Риме, где это, несомненно, вызовет насмешки и, вполне возможно, вызовет оскорбление в высших кругах. Епископ был неумолим. Он боялся, говорит его панегирист, что однажды он может оказаться в худших отношениях с герцогиней, чем сейчас, и тогда она может упрекнуть его в своих прежних благодеяниях. Он также опасался, что король может из-за этого шага не смотреть на него с удовлетворением в какой-нибудь будущий период, когда он, возможно, будет нуждаться в его милостях. Соответственно, он написал Филиппу весьма характерное письмо, в котором сообщил ему, что был удостоен кардинальской шапки. Он заметил, что многие люди уже поздравляли его, но прежде чем он продемонстрировал свое согласие или отказ, он ждал приказов его Величества: от его воли он хотел всегда зависеть. В сложившихся обстоятельствах у него также хватило хладнокровия выразить свою убежденность в том, что "именно его Величество тайно добился этой милости от его Святейшества".

Король принял эту информацию очень благосклонно, заметив в ответ, что, хотя он никогда не делал никаких предложений подобного рода, он "часто думал на эту тему". Разумеется, немедленно был передан королевский приказ о том, что это достоинство должно быть принято. Более того, в знак особой милости папа освободил нового кардинала от обязанности лично посещать Рим и отправил своего камергера Теофила Фризо в Брюссель с красной шляпой и табардом.

Прелат, достигнув таким образом сана, к которому он так долго стремился, не стал ни более скромным в своем поведении, ни менее усердным в работе, благодаря которой он уже приобрел столько богатства и почестей. Его поведение в отношении эдиктов и епископств уже привело его к отношениям, которые были далеки от дружеских, с его коллегами по собору. Все больше и больше он начинал брать управление делами в свои руки. Консульты, или секретный комитет государственного совета, составлял реальное правительство страны. Здесь самые важные дела решались без согласия других сеньоров, Оранского, Эгмонта и Глайона, которые в то же время несли ответственность за действия правительства. Кардинал обладал мягкими манерами, убедительной речью, в целом уравновешенным характером, но он был властным и вкрадчиво дерзким. Привыкший управлять королевскими особами под маской крайнего подобострастия, он начал в своем общении с лицами менее высокого ранга частично отказываться от подобострастия, претендуя на еще более неприкрытую власть. Для таких аристократов, как Эгмонт и Оранж, которые смотрели свысока на сына Николя Перрено и Никола Бонвало как на человека неизмеримо ниже их самих в социальной иерархии, такое поведение было достаточно раздражающим. Кардиналу, стоявшему настолько же высоко над Филиппом и даже Маргаритой по умственным способностям, насколько он был ниже их по светскому положению, было сравнительно легко вести себя с ними дружелюбно. С таким человеком, как Эгмонт, церковнику было невозможно поддерживать дружеские отношения. Граф, который, несмотря на свою

романтическую внешность, блестящие подвиги и интересную судьбу, был всего лишь заурядным персонажем, вскоре почувствовал смертельное отвращение к Гранвелю. Грубый солдат, не питающий ни малейшего уважения к науке или литературе, невежественный и властный, он был не из тех людей, которые подчиняются атмосфере превосходства, которая с каждым днем все более и более отчетливо проступала сквозь условную внешность кардинала. Гранвель, с другой стороны, питал легкое презрение к Эгмонту, которое проявлялось во всех его частных письмах королю и было достаточно очевидно в его поведении. Кроме того, между ними были явные причины вражды. Когда губернаторство Хесдина стало вакантным, Эгмонт, поддержанный Оранским и другими дворянами, потребовал его для графа де Рула, дворянина из семьи Крой, который, так же как и его отец, оказал много важных услуг короне. Однако благодаря влиянию Гранвеля это назначение было даровано сеньору д'Эльфо, джентльмену посредственного положения и репутации, который, как считалось, не имел никаких претензий на эту должность. Эгмонт, более того, пожелал заполучить аббатство Труль для своего бедного родственника; но кардинал, которому в этом отношении никогда ничего не мешало, уже получил разрешение короля присвоить аббатство себе. Эгмонт теперь был в ярости против прелата и не упускал возможности выразить свое отвращение как в его присутствии, так и за его спиной. По крайней мере, в одном случае его гнев вылился в нечто большее, чем просто слова. Выведенный из себя изысканной дерзостью Гранвеля в ответ на его собственные резкие высказывания, он в присутствии самой регентши замахнулся на него кинжалом, "и, - говорит современник, - несомненно, отправил бы кардинала на тот свет, если бы его насильно не удержали принц Оранский и другие присутствующие, которые горячо объяснили ему, что подобные горести следует улаживать обдуманным советом, а не желчью". В то же самое время, когда подобные сцены происходили в самом сердце государственного совета, Гранвель в своих конфиденциальных письмах секретарю Пересу горячо утверждал, что все сообщения о недостатке гармонии между ним и другими сеньорами и советниками были ложными, и что между ними всеми существовали наилучшие отношения. В его намерения не входило, пока в этом не возникнет необходимости, позволять королю сомневаться в его способности управлять советом в соответствии с тайным поручением, которым он был наделен.

Его отношения с Оранж дольше менялись от дружбы к открытой враждебности. В принце кардинал встретил достойную пару. Он обнаружил, что столкнулся с таким же тонким интеллектом, таким же богатым опытом в хитросплетениях, таким же уравновешенным характером и нравом, иногда таким же надменным, как у него самого. Он никогда не делал вид, что недооценивает ум Оранжа. "Это человек глубокого гения, огромных амбиций — опасный, пронизательный, политичный", - писал он королю в очень ранний период. Первоначальные отношения между ним и принцем были очень дружескими. Вряд ли требовалась большая пронизательность прелата, чтобы понять, что дружба со столь высокопоставленной личностью, как юный наследник Оранского княжества и обширных владений дома Шалон-Нассау в Бургундии и Нидерландах, была бы выгодна честолюбивому сыну бургундского советника Гранвелля. Молодой человек был любимцем императора с детства; его высокое положение и замечательные таланты, бесспорно, сделали его одним из выдающихся людей грядущего царствования. Поэтому в политике Перрено было использовать любую возможность, чтобы быть полезным принцу. Он занялся обеспечением, насколько это было необходимо, наследования Вильгельмом княжества своего кузена. Кажется несколько нелепым, что это заслуга не только Гранвеля, но и императора, что принцу было позволено получить наследство, которое самым недвусмысленным образом было даровано по завещанию Рене де Нассау и

которое ни одно живое существо не оспаривало. Тем не менее, поскольку некоторые королевские юристы выдвинули догму о том, что "сын еретика не должен преуспевать", было серьезно заявлено как огромный акт милосердия со стороны Карла Пятого, что он не конфисковал все наследство молодого принца. Взамен брат Гранвеля Джером получил пост губернатора юности, по достижении совершеннолетия он получил почетное военное назначение от своего прикомандированного ученика. Впоследствии прелат порекомендовал ему жениться на наследнице графа де Бюрена и использовал свое влияние на императора, чтобы преодолеть некоторые возражения Карла, что принц из-за такого значительного увеличения богатства может стать слишком могущественным. С другой стороны, в Гранвелле всегда было много бедных родственников и иждивенцев, жаждущих воспользоваться покровительством Оранского, которые жили при дворе принца или получали высокие должности от его щедрости. Таким образом, между ними установилась большая близость, основанная на различных взаимных выгодах; ибо вряд ли можно было утверждать, что долг дружбы был полностью на одной стороне.

Когда Оранж приезжал в Брюссель из путешествия, он заходил к епископу, прежде чем сойти в своем собственном доме. Когда священнослужитель посетил принца, он без церемоний вошел в его спальню еще до того, как тот встал; ибо на протяжении всей жизни Уильяма было принято принимать близких знакомых и даже присутствовать на важных государственных переговорах, еще находясь в постели.

Демонстрация этой близости длилась дольше, чем ее суть. Гранвель был самым политичным из людей, и принц не для того проходил обучение при дворе Карла Пятого, чтобы преждевременно подвергаться критике или враждебности кардинала из-за безрассудства Хорна и Эгмонта. Однако в конце концов произошел взрыв, и очень скоро после исключительно дружеской переписки между ними по поводу эдикта о религиозной амнистии, который Оранский готовил для своего княжества и который Гранвель рекомендовал ему не делать слишком мягким. Через несколько недель после этого антверпенская магистратура должна была быть возобновлена. Принц, как наследственный бургграф этого города, имел право на значительную долю назначающих полномочий в этих политических соглашениях, которые в данный момент имели большое значение. Жители Антверпена были в состоянии возбуждения по поводу новых епископов. Они открыто и, по сути, успешно сопротивлялись назначению нового прелата, для которого их город был образован епархией. Было известно, что принц был против этой меры и всей системы церковных преследований. Когда кандидатуры на новую должность были представлены регенту, она решила весь вопрос на тайной консультации, без ведома и в манере, противоположной взглядам Оранского. Затем ему был предоставлен список новых магистратов, и ему сообщили, что он был выбран комиссаром вместе с графом Арембергом, чтобы проследить за тем, чтобы назначения были приведены в исполнение. Возмущение принца было чрезвычайным. Он уже успел оскорбиться некоторыми дерзкими выражениями на эту тему, которые позволил себе кардинал. Теперь он отослал поручение обратно герцогине, добавив, как было сказано, что он не является ее лакеем и что она может послать кого-нибудь другого со своими поручениями. Эти слова были повторены в государственном совете. Произошла ожесточенная перепалка — Оранж яростно возмущался своим назначением только для выполнения решений, в которых он заявлял о своем первоначальном голосе. По его словам, его предки часто меняли всю магистратуру Антверпена своим собственным авторитетом. Было немного чересчур, что этот вопрос, как и любое другое государственное дело, находился под контролем секретного комитета, главой которого был кардинал. Гранвель, со своей стороны,

тоже был в ярости. Он выбежал из зала совета, вызвал канцлера Брабанта и потребовал, среди горьких проклятий в адрес Оранского, назвать какого-нибудь простого и неизвестного джентльмена, которого он мог бы назначить для исполнения поручения, отвергнутого принцем и Арембергом. Он поклялся, что во всех важных делах в будущем будет использовать дворян, менее раздутых гордыней и более сговорчивых, чем такие великие сеньоры. Канцлер тщетно пытался утихомирить гнев церковника, заявляя, что город Антверпен был бы крайне оскорблен тем оборотом, который принимали дела, и предлагая свои услуги, чтобы заставить принца отказаться от высказываний, которые так сильно оскорбили. Кардинал был неумолим и безапелляционен. "Я не желаю иметь ничего общего с принцем, господин канцлер, - сказал он, - и это вопросы, которые вас не касаются". Так закончился разговор, и так началась открытая вражда между знатью и кардиналом, которая так долго вынашивалась.

23 июля 1561 года, через несколько недель после описанных недавно сцен, граф Эгмонтский и принц Оранский обратились с совместным письмом к королю. В этом послании они напомнили ему, что первоначально неохотно вступали в должность в государственном совете из-за своего предыдущего опыта ведения дел во времена правления герцога Савойского. Они опасались, что важные государственные дела могут решаться без их согласия. Однако король, находясь в Зеландии, заверил их, что все дела будут рассматриваться единообразно в полном составе совета. Если когда-либо будет доказано обратное, он хотел, чтобы они предоставили ему информацию на этот счет, чтобы он мог немедленно применить средство правовой защиты. Соответственно, теперь они предоставили ему эту информацию. С ними советовались по мелочам: важные дела решались в их отсутствие. Тем не менее, они бы и сейчас не жаловались, если бы кардинал Гранвель не заявил, что все члены государственного совета должны нести ответственность за принимаемые им меры, независимо от того, присутствовали они при его принятии или нет. Им не нравилась такая ответственность, и они попросили короля либо принять их отставку, либо отдать приказ о том, чтобы все дела были доведены до сведения всего совета и обсуждались всеми членами совета.

В частном письме, написанном несколько недель спустя (15 августа), Эгмонт умолял секретаря Эрассо заверить короля, что их совместное письмо было продиктовано не страстью, а рвением к его службе. По его словам, невозможно ни представить себе наглость кардинала, ни составить представление об абсолютной власти, которой он присвоил себя.

По правде говоря, Гранвель, при всей своей проницательности, не мог видеть, что Оранж, Эгмонт, Берген, Монтиньи и остальные больше не были пажам и молодыми капитанами кавалерии, в то время как он был политиком и государственным деятелем. Будучи на шесть или семь лет старше Эгмонта и на шестнадцать лет старше Оранжа, он не утратил высокомерия высшей мудрости, не был ни несправедливым, ни таким раздражающим, когда все они были мальчиками. В его поведении по отношению к ним и во всем тоне его частной переписки с Филиппом обнаруживалась, почти помимо его воли, напускная властность, против которой восставал Эгмонт и которую принц был не из тех, кто признает. Филипп ответил на письмо двух вельмож в своей обычной медлительной манере. Графу Горнскому, который собирался покинуть Испанию (куда он сопровождал короля) и отправиться в Нидерланды, будет поручено принять решение, которое он сочтет уместным принять по предложенному вопросу. Тем временем он заверил их, что не сомневается в их усердии в его служении.

Что касается графа Хорна, Гранвель уже настроил короля против него. Хорн и кардинал никогда не были друзьями. Брат прелата претендовал на руку сестры адмирала, но был с некоторым презрением отвергнут. Хорн, смелый, вспыльчивый и не очень добродушный человек, долгое время не поддерживал отношений с Гранвелем и не претендовал на дружбу, которой никогда не испытывал. Гранвель только что написал королю, чтобы проинструктировать его, что Хорн категорически против той меры, которая ближе всего к сердцу короля, — нового епископства. По словам кардинала, он употреблял сильные выражения, выступая против этой схемы, еще находясь в Испании. Поэтому он посоветовал, чтобы его Величество, скрывая, конечно, источник информации и исходя, так сказать, из самого королевского разума, поговорил по этому поводу с адмиралом. Побуждаемый таким образом, Филипп был не в лучшем расположении духа, когда принимал графа Хорна, собиравшегося в то время уехать из Мадрида в Нидерланды и увезти с собой обещанный королем ответ на сообщение Оранского и Эгмонта. Редко было известно, чтобы его Величество проявлял столько гнева по отношению к кому-либо, как в тот раз. После нескольких слов адмирала, в которых он в общих чертах выразил свое сочувствие другим нидерландским дворянам и свое отвращение к Гранвелю, а также в ответ на расспросы Филиппа, король яростно прервал его: "Что? несчастный человек! - закричал он. - вы все жалуетесь на этого кардинала, и всегда в туманных выражениях. Ни один из вас, несмотря на все мои вопросы, не может назвать мне ни единой причины своего недовольства". При этих словах королевский гнев выплеснулся в таких недвусмысленных выражениях, что адмирал изменился в лице и был настолько сбит с толку негодованием и изумлением, что едва смог найти выход из комнаты.

Это было началом долгой смертельной схватки Гранвеля с Эгмонтом, Хорном и Оранж. Это был первый ответ, который сеньоры должны были получить на свои протесты против высокомерия церковника. Филипп был взбешен любым противодействием его принудительным мерам, особенно созданию новых епископств, "святому делу", на продвижение которого кардинал был готов "посвятить свое состояние и свою кровь". Гранвель подпитывал гнев своего хозяина постоянными сообщениями об усилиях, предпринимаемых выдающимися личностями, чтобы отсрочить исполнение плана. Ассонвиль сообщил ему, писал он, что на ужине у графа Эгмонта несколько джентльменов подали много жалоб по этому поводу. Говорили, что королю следовало бы посоветоваться со всеми, и особенно с государственными советниками. Нынешние кандидаты в новые епископаты были достаточно хороши, но, по их словам, впоследствии будет установлено, что будут назначены очень неподходящие личности. Сословия не должны допускать осуществления плана. Короче говоря, продолжал Гранвель, "идут те же разговоры, которые привели к отзыву испанских войск". Несколько месяцев спустя он написал Филиппу, чтобы сообщить, что петиция против новых епископств вот-вот будет составлена "двумя лордами". У них было два мотива; по словам кардинала, для этого шага: во—первых, дать королю понять, что он ничего не может сделать без их разрешения; во-вторых, потому, что в ассамблее штатов они тогда были главными. Поэтому они не хотели, чтобы в клерикальной ветви сословий кто-либо был выше настоятелей, которых они могли запугать, заставив делать все, что им заблагорассудится. В конце года Гранвель снова написал своему государю, чтобы проинструктировать его, как ответить на письмо, которое собирались направить ему принц Оранский и маркиз Берген по вопросу о епископстве. По его словам, они скажут ему, что включение аббатств Брабанта в состав новых епископств противоречит конституции "радостного входа". Филиппу, однако, пришлось ответить, что он проконсультировался с университетами и теми, кто разбирался в законах, и убедился, что это

полностью соответствует конституции. Поэтому ему было рекомендовано передать свой приказ о том, чтобы принц и маркиз использовали все свое влияние для содействия успеху этой меры. Укрепленный таким образом, король получил возможность рассмотреть не только петицию знати, но и депутатов от поместий Брабанта, которые примерно в это время прибыли в Мадрид. Этим посланцам, которые просили назначить королевских уполномоченных, с которыми они могли бы вести переговоры о епископствах, аббатствах и "радостном входе", король гордо ответил, "что в вопросах, касающихся служения Богу, он сам является уполномоченным". Впоследствии он, соответственно, с большой точностью пересказал им урок, который он тайно получил от вездесущего кардинала. Филипп был полон решимости, чтобы никакие возражения со стороны знати или частных лиц не мешали тщательному осуществлению грандиозного плана, на который он решился и важной частью которого были новые епископства. Противодействие раздражало его все больше и больше, пока его ненависть к противникам не стала смертельной; но в то же время это укрепляло его в его намерениях. "Сейчас не время тянуть время, - писал он Гранвелю. - Мы должны наказать его со всей строгостью. Этих негодяев можно заставить поступать правильно только с помощью страха, и даже не всегда таким образом".

В то же время королевские финансы в данный момент не допускали принятия каких-либо очень активных мер для принуждения к повиновению политике, которой и без того оказывалось столь ожесточенное сопротивление. Грубая оценка, сделанная собственноручно королем ресурсов и обязательств его казны, своего рода балансовый отчет за 1560 и 1561 годы, составленный во многом таким же образом, каким простой человек делал бы записи о своих доходах и расходах, давала лишь мрачную картину его финансового положения. Это показало, насколько разумным финансистом является деспотизм, и насколько малодоступны ресурсы могущественной империи, когда они рассматриваются просто как частная собственность, особенно когда владелец имеет возможность проявить тщеславие и сам позаботиться обо всех деталях: "Двадцать миллионов дукатов, - начинался меморандум, - потребуются, чтобы изъять мои доходы. Но об этом, - добавил король с причудливым пафосом для бухгалтерской книги, - мы сейчас говорить не будем, поскольку это совершенно невозможно. Затем он приступил к перечислению различных статей расходов, которые должны были быть покрыты в течение двух лет; например, столько—то миллионов причиталось Фуггерам (Ротшильдам шестнадцатого века), столько-то купцам во Фландрии, Севилье и других местах, столько-то на галеры принца Дориа, столько-то на трехлетнее жалованье его гвардии, столько-то на его домашние расходы, столько-то на обучение донна Карлоса и донна Хуана Австрийского, столько-то на жалованье послам и советникам - смешивая личные и государственные расходы, мелкие предметы и крупные займы, в одной странной суматохе, но в итоге его кошелек был изъят в общей сложности на сумму десять миллионов девятьсот девяносто тысяч дукатов.

Чтобы покрыть эти расходы, он мучительно перечислял средства, на которые мог рассчитывать в течение двух лет. Поскольку все его обычные арендные платы и налоги были глубоко заложены, он мог рассчитать из этого источника только двести тысяч дукатов. Так называемый доход от Индии был почти израсходован; и все же он мог принести ему четыреста двадцать тысяч дукатов. Ртутные рудники могли что-то дать, но так мало, что едва ли требовало упоминания. Что касается других рудников, то они были столь же недостойны внимания, поскольку были очень ненадежны и работали не так хорошо, как обычно. Лицензии, выданные короной на перевозку рабов в Америку, были установлены в размере пятидесяти тысяч дукатов на два года. Продукт "крозада" и "куарта", или деньги, выплачиваемые ему небольшими

суммами частными лицами, с разрешения его Святейшества, за свободу воздерживаться от церковных постов, оценивались в пятьсот тысяч дукатов. Этих и еще нескольких скудных статей хватило только на то, чтобы увеличить его доход в общей сложности до миллиона трехсот тридцати тысяч за два года против расходов, исчисляемых почти в одиннадцать миллионов. "Таким образом, недостает девяти миллионов, за вычетом трех тысяч дукатов", - печально заключил он (и, кроме того, допустил ошибку в своих цифрах в шестьсот шестьдесят три тысячи в свою пользу), "которые я могу искать в небе или попытаться собрать с помощью изобретений, которые уже исчерпаны".

Таким образом, человек, владевший всей Америкой и половиной Европы, мог получать со своих поместий только миллион дукатов в год. Владелец всего Перу и Мексики не мог рассчитывать на "ничего стоящего упоминания" в своих рудниках и получал ненадежный доход главным образом за счет разрешений, предоставленных его подданным заниматься работоторговлей и есть мясо по пятницам. Это, безусловно, было мрачное положение вещей для монарха в преддверии войны, которая должна была продлить его собственную жизнь и жизнь его детей; войны, в которой одни только армейские расходы должны были составлять полмиллиона флоринов ежемесячно, то есть около семидесяти процентов. ежегодные выплаты должны были регулярно растрачиваться или присваиваться руками, через которые они проходили, и при этом на каждом четырех человек, зарегистрированных и оплаченных по документам, в поле был задействован в среднем только один.

Гранвель, с другой стороны, мало утешал своего хозяина в том, что касалось финансовых дел в провинциях. Он заверил его, что "правительство часто оказывалось в таком затруднительном положении, что не знало, где искать десять дукатов". Он горько жаловался на то, что штаты вмешиваются в управление денежными делами и медлят с предоставлением субсидий. Кардинал был особенно возмущен вмешательством этих органов в распределение сумм, за которые они проголосовали. Было замечено, что штаты уже вынудили правительство вывести войска, к большому сожалению Гранвеля. Однако они продолжали проявлять несговорчивость в вопросе поставок. "Это очень мерзкие вещи, - писал он Филиппу, - эта власть, которую они присваивают, эта дерзость, с которой они говорят все, что считают нужным; и эти наглые условия, которые они выдвигают к каждому предложению о субсидиях". Кардинал возразил, что он напрасно пытался убедить их в их ошибке, но они по-прежнему упрямы.

Вероятно, именно в это время ему в голову пришел план обесценивания монеты, предложенный Филиппу некоторое время назад искусным химиком по имени Мален и всегда высоко одобрявшийся как им самим, так и Руем Гомесом. "Еще один экстраординарный источник дохода, хотя, возможно, и не очень почетный, - писал Суриано, - до сих пор держался в секрете; и из-за разногласий между королем и его духовником он был прекращен". Этот источник дохода, по-видимому, был найден в "определенном порошке, из одной унции которого, смешанной с шестью унциями ртути, получалось шесть унций серебра". Говорили, что композиция выдержала испытание молотком, но не огнем. Частично из-за теологических соображений, а частично из-за противодействия со стороны штатов, разработанный королем проект по выплате жалованья своей армии этим видом серебра был неохотно оставлен. Изобретение, однако, пришлось королю по вкусу, и изобретатель получил такое щедрое вознаграждение, что, по словам посланника, предполагалось, что во времена дефицита его величество без колебаний воспользуется такой монетой.

Прежде чем завершить эту главу, повествующую о событиях 1560 и 1561 годов, необходимо упомянуть об одном важном деле, которое привлекало большое внимание в течение всего этого периода. Это знаменитый брак принца Оранского с принцессой Анной Саксонской. Многими поверхностными авторами движущая причина великого нидерландского восстания была найдена в связи великого вождя с этим выдающимся лютеранским домом. Однако нужно было очень мало изучать характеры и время, чтобы поверить, что на ум Вильгельма Оранского могли оказать большое влияние такие натуры, как Анна Саксонская или ее дядя курфюрст Август, прозванный "Благочестивым".

Принц овдовел в 1558 году, в возрасте двадцати пяти лет. Гранвель, который, как говорили, оказал влияние на организацию его первого брака, теперь, по истечении годатраура, предложил ему союз с мадемуазель Рене, дочерью герцогини Лотарингской и внучкой Кристиана Третьего Датского и его жены Изабеллы, сестры императора Карла Пятого. Такая связь была не только с королевским домом Испании, но и с домом Франции, поскольку молодой герцог Лотарингии, брат этой дамы, женился на дочери Генриха первого, которую принц считал весьма желанной. Филипп и герцогиня Маргарита Пармская оба одобрили или сделали вид, что одобрили этот брак. В то же время вдовствующая герцогиня Лотарингия, мать предполагаемой невесты, была кандидатом, и очень срочным, на пост регента Нидерландов. Будучи женщиной с неугомонными амбициями и интригующим характером, она, естественно, видела в человеке такого положения и талантов, как Уильям, самого желанного союзника в своих нынешних и будущих планах. С другой стороны, Филипп, который открыто заявлял о своем желании столь тесно связать принца с его кровными родственниками и горячо рекомендовал этот брак матери молодой леди, вскоре после этого, прогуливаясь однажды с принцем по брюссельскому парку, объявил ему, что герцогиня Лотарингская отклонила его предложения. Такой результат удивил принца, который был в наилучших отношениях с матерью и настаивал на ее назначении регентом, используя все свое влияние, полностью отказавшись от своих притязаний на этот пост. Так и не было дано удовлетворительного объяснения этому странному завершению ухаживания, начатого с очевидного согласия всех сторон. Намекали, что юной леди не нравился принц; но, поскольку не было известно, чтобы между ними когда-либо обменялись хоть словом, поскольку принц по внешности и репутации был одним из самых блестящих кавалеров своего времени, и поскольку одобрение невесты обычно не имело первостепенного значения в таких государственных браках, тайна, казалось, требовала дальнейшего разрешения. Принц заподозрил Гранвелла и короля, которые, как считалось, вели вместе зрелые и тайные переговоры, в неискренности. Говорили, что епископ выразил мнение, что, хотя дружба, которую он питал к принцу, побудила бы его настаивать на браке, все же его долг перед своим господином заставил его усомниться в том, что было бы правильно продвигать личность, уже занимающую столь высокое положение благодаря рождению, богатству и популярности, еще выше благодаря столь тесному союзу с семьей его Величества. В результате король тайно дал указание герцогине Лотарингской отклонить это предложение, в то же время продолжая открыто отстаивать эту связь. Говорят, что принц обнаружил это двурушничество и нашел в нем единственное разумное объяснение всей операции. Более того, герцогиня Лотарингская, оказавшаяся в равной степени обманутой, а ее собственный амбициозный план в равной степени сорван ее беспринципной кузиной, которая теперь, ко всеобщему удивлению, назначила Маргариту Пармскую регентшей, а епископа — ее премьер-министром, имела так же мало причин довольствоваться комбинациями королевских и церковных интриг, как и сам принц Оранский. Вскоре после этой неудовлетворительной мистификации Вильгельм обратил

свое внимание на Германию. Анна Саксонская, дочь знаменитого курфюрста Мориса, жила при дворе своего дяди, курфюрста Августа. Мушкетная пуля, возможно, предательская, в неясной схватке с Альбертом Бранденбургским положила конец авантюрной карьере ее отца семь лет назад. Молодой леди, которая, как считалось, унаследовала многое от его беспокойного, бурного характера, было шестнадцать лет. Она была далеко не красавицей, несколько уродливой и хромала. В "Таймс" ее наследство от брака сочли достаточным; на руках у нее было семьдесят тысяч риксов, а тридцать тысяч должны были вернуться после смерти Джона Фредерика Второго, который женился на ее матери после смерти Мориса. Ее положение в Германии считалось гораздо более высоким, чем у Вильгельма Нассауского, и в этом отношении, а не из финансовых соображений, брак казался ему желанным. Человек, владевший огромным имуществом Нассау-Шалон вместе с наследием графа Максимилиана де Бюрена, вряд ли мог соблазниться 100 000 талерами. Его собственное обеспечение детей, которые могли появиться от предполагаемого брака, должно было составлять семьдесят тысяч флоринов ежегодно. Состояние, позволявшее проявлять такую щедрость, не могло быть существенно увеличено за счет приданого, которое могло показаться огромным многим обедневшим принцам Германии. "В конце концов, - говорит современник, - доли невесты едва хватило на банкеты и великолепные празднества, которыми отмечалась свадьба. Когда свадьба была оплачена, от всей суммы не осталось ни талера. " Тогда ничто не могло быть более ребяческим, чем обвинять принца в корыстных побуждениях, побуждавших его искать этого союза; обвинение, однако, не преминуло быть выдвинуто.

Обеим сторонам пришлось столкнуться с трудностями, прежде чем этот брак мог состояться. Невеста была лютеранкой, принц - католиком. В отношении религии Оранжа не существовало ни малейших сомнений, и не было предпринято никаких попыток обмана. Сам Гранвель дал наиболее полное подтверждение ортодоксальности принца. "Этот предполагаемый брак причиняет мне сильную боль, - писал он Филиппу, - но у меня никогда не было причин сомневаться в его принципах". В другом письме он отмечал, что хотел бы, чтобы брак был расторгнут, но он так надеялся на добродетель принца, что ничто не могло отделить его от истинной религии. С другой стороны, в его вере сомневались так же мало. Старый ландграф Филипп Гессенский, дед молодой леди, был категорически против этого брака. "Это папист, - сказал он, - который ходит к мессе и не ест мяса в дни поста". У него не было особых возражений против своего характера, но непреодолимых - против своей религии. "Старый граф Уильям, - сказал он, - был евангелическим лордом до конца своих дней. Этот человек - папист!" Итак, брак должен был быть смешанным. Необходимо, однако, остерегаться анахронизмов в этом вопросе. Лютеране еще не были официально объявлены еретиками. Напротив, именно в это время папа приглашал протестантских князей Германии на Тридентский собор, где должен был завершиться раскол и все заблудшие агнцы были снова приняты в лоно церкви. Поведение папы было вовсе не враждебным, а примирительным. Письма-приглашения от папы принцам были разосланы легатом, каждое начиналось словами "Моему возлюбленному сыну", и все они были презрительно отправлены обратно его Святейшеству с грубой шуткой в качестве ответа: "Мы верим, что наши матери были честными женщинами, и надеемся, что у нас были отцы получше". Великий совет еще не вынес своего решения. Браки происходили постоянно, особенно среди принцев и властителей, между приверженцами Рима и новой религии. Даже Филипп больше всего на свете хотел жениться на протестантке Елизавете, которую, будь она крестьянкой, он, несомненно, сжег бы, если бы это было в его власти. По всей Германии, также, особенно в высших кругах, существовала склонность скрывать религиозные противоречия;

воздерживаться от того, чтобы тревожить пепелища там, где все еще тлели разрушения, которые в один прекрасный день должны были разгореться вновь. Любому человеку, начиная с эрцгерцога Максимилиана, было чрезвычайно трудно определить свое кредо. Следовательно, брак между мужчиной и женщиной, придерживающимися противоположных взглядов на эту тему, не был неожиданным, хотя в целом и не считался желательным.

Однако были особые причины, по которым этот союз должен был быть неприятен как Филиппу Испанскому, с одной стороны, так и ландграфу Филиппу Гессенскому - с другой. Невестой была дочь курфюрста Мориса. В одном этом имени были сосредоточены почти все бедствия, позор и разочарование правления императора. Это был Морис, который преследовал императора в тирольских горах; это был Морис, который принудил к миру Пассау; это был Морис, который сверг католическую церковь в Германии; это был Морис, который сорвал избрание Филиппа римским королем. Если Вильгельму Оранскому приходится искать жену среди язычников, нельзя ли найти для него другую невесту, кроме дочери такого человека?

С другой стороны, дед Анны, ландграф Филипп, был знаменитой жертвой насилия и мошенничества Карла Пятого. Он видел в предполагаемом женихе юношу, который с детства был любимым пажом и доверенным лицом ненавистного императора, которому он был обязан своим долгим заключением. Он видел в нем также близкого друга и союзника — ибо назревающие ссоры в государственном совете еще не были известны миру — еще более глубоко ненавидимого Гранвеля; хитрого священника, чья замена "эйниг" на "эвиг" завлекла его в этот ужасный плен. Одни только эти соображения сделали бы его недружелюбным по отношению к принцу, даже если бы он не был католиком.

Однако курфюрст Август, дядя и опекун невесты, был не только благосклонен, но и стремился к браку и был полон решимости преодолеть все препятствия, включая противодействие ландграфа, без согласия которого он долгое время клялся не отдавать руку Анны. Для этого было несколько причин. Август, который, по словам одного из самых острых исторических критиков наших дней, был "византийским императором низшего класса, вновь появившимся в шляпе и мантии выборщика", не был тверд в своих правах на то достоинство, которое он занимал. Он получил наследство от своего брата, но его брат лишил Джона Фредерика собственности. Морис, восстав против императора, посадившего его на место своего кузена, не считал целесообразным вернуть законному владельцу звание, которым он сам был обязан жестокости Карла. Эти притязания могли бы быть отозваны, и Август, в свою очередь, был бы унижен возможным браком принцессы Анны с каким-нибудь беспокойным или интригующим немецким властелином. За пределами страны у нее было меньше шансов доставить неприятностей. Этот союз, пусть и не особенно желательный с точки зрения положения в обществе, в остальном был самым блестящим для его племянницы. Что касается религиозного аспекта, то, если бы он мог преодолеть угрызения совести ландграфа, он не видел особых трудностей в том, чтобы победить свою собственную совесть.

Очевидно, принц Оранский был поставлен в такое положение, что ему было бы трудно удовлетворить все стороны. Он намеревался, чтобы этот брак, как и все браки между высокопоставленными лицами в то время, заключался по принципу "*uti possidetis*", который был основой религиозного мира в Германии. Его жена после замужества и переезда в Нидерланды должна была "жить католически"; она считалась принадлежащей к одной Церкви со своим мужем, не должна была оскорблять правительство и не навлекать на себя никаких подозрений,

нарушая какие-либо религиозные приличия. Более того, Уильям, который в то время был легким, равнодушным католиком, испытывавшим отвращение к папским преследованиям, но почти в равной степени испытывавший отвращение к долгим пуританским молитвам и лицам, получавший гораздо больше удовольствия от мирских дел, чем от церковных споров, не был расположен продвигаться по этому тернистому пути. Имея дело с суровым фанатиком в Мадриде и еще одним в Касселе, он вскоре убедил себя, что вряд ли сможет полностью удовлетворить ни того, ни другого, и решил, что разумнее просто удовлетворить самого себя.

В начале 1560 года граф Гюнтер де Шварцбург, обрученный с сестрой принца Екатериной, вместе с полковником Георгом фон Холлем были отправлены в Германию для начала переговоров о браке. Они обнаружили, что курфюрст Август уже созрел и жаждет этого союза. Посланникам было легко удовлетворить все его требования по религиозному вопросу. Если, как впоследствии заявил курфюрст ландграфу, они действительно обещали, что молодой леди будет разрешено иметь евангелического проповедника в ее собственных апартаментах вместе с подобающими таинствами, то совершенно очевидно, что они далеко ушли от своих инструкций, поскольку Вильгельм лично неизменно отказывался от таких уступок. Однако более вероятно, что Август, чьи скользкие ноги были склонны плавно и быстро ступать по этой опасной почве, представил сообщения принца в выгодном свете. Во всяком случае, ничто в ходе последующего разбирательства не оправдывало поспешно сделанные таким образом выводы.

Ландграф Филипп с самого начала проявлял свое отвращение к этому браку. Как только предложение было получено Августом, этот властитель отправил Ганса фон Карловица к своему деду в Кассель. Принц Оранский, как было представлено, был молод, красив, богат, фаворитом испанского монарха; принцесса Анна, с другой стороны, сказала, что ее дядя вряд ли станет стройнее или улучшит пропорции тела, а ее кривой и порочный характер вряд ли улучшится с годами. Поэтому было желательно найти для нее решение как можно скорее. Курфюрст, однако, ни на что не решался без согласия ландграфа.

На это откровенное и не очень лестное для молодой леди заявление ландграф ответил решительно и характерно. Принц был испанским подданным, сказал он, и не сможет защитить Анну в ее вере, которая рано или поздно станет беглянкой: он всего лишь граф в Германии и неподходящая партия для дочери курфюрста; более того, следует посоветоваться с самой леди, которая даже не видела принца. Если бы у нее было кривое телосложение, как утверждал курфюрст, было бы стыдно разоблачать ее; однако скрывать это было сомнительно, поскольку принц мог впоследствии пожаловаться, что была обещана честная принцесса, а вместо нее мошеннически подставили кривую, - и так далее, хотя и гораздо больше подобной причудливой казуистики, в которой ландграф был сведущ. Однако его ответ на предложение руки и сердца был однозначным отрицанием, от которого он никогда не отказывался.

Вследствие этого противодействия переговоры были на некоторое время приостановлены. Август умолял принца не отказываться от проекта, обещая приложить все усилия, чтобы завоевать расположение ландграфа, намекая, что старик может "скоро отправиться на долгий покой", и даже предполагая, что в худшем случае он обязался ничего не предпринимать без ведома ландграфа, но не обязан ждать его согласия.

С другой стороны, принц сообщил королю Испании о предполагаемом браке. Он также провел много долгих бесед с регентом и с Гранвелем. Во всех этих интервью он неизменно использовал одну формулировку: его будущая жена должна была "жить как католичка", и если этот пункт не

будет принят, он прекратит переговоры. Он не претендовал на то, что она должна была отречься от своей протестантской веры. Герцогиня, описывая Филиппу условия, в общих чертах изложенные ей принцем, прямо заявила, что Август Саксонский должен был согласиться на то, чтобы его племянница "после замужества жила католической жизнью", но что совершенно невероятно, что "до бракосочетания ей будет разрешено отречься от своих ошибок и получить необходимое отпущение грехов в соответствии с правилами Церкви". Герцогиня, заявив о своей полной уверенности в ортодоксальности принца, в то же время выразила опасения, что в будущем его новые связи могут предпринять попытки "склонить его к своим порочным взглядам".

Со стороны государя последовало многомесячное молчание, в течение которого он проходил кропотливый процесс принятия решения, или, скорее, того, как люди, находящиеся за тысячу миль от него, составляли его за него. Осенью Гранвель написал, что принц был очень удивлен, что его заставили так долго ждать определенного ответа на его сообщения, сделанные в начале года относительно его предполагаемой женитьбы, и, наконец, узнал, что его Величество не прислал ответа на том основании, что брак расторгнут; дело в том, что переговоры ведутся более серьезно, чем когда-либо.

Ничто не могло быть более беспомощным и более характерным, чем письмо, которое отправил Филипп, таким образом подтолкнув к принятию решения. "Вы написали мне, - сказал он, - что у вас были надежды, что дело о женитьбе принца не получит дальнейшего развития, и, видя, что вы не стали чаще писать на эту тему, я, конечно, подумал, что с этим покончено. Это меня немало обрадовало, потому что это было лучшее, что можно было сделать. Точно так же, - продолжал самый тавтологичный из монархов, - я был очень рад, что это было сделано. Тем не менее, - добавил он, - если брак будет продолжен, я действительно не знаю, что сказать по этому поводу, кроме как передать это моей сестре, поскольку человек, находящийся на месте, может лучше видеть, что можно сделать в связи с этим; возможно ли предотвратить это, или лучше всего, если нет средства, дать разрешение. Но если есть средство, то лучше воспользоваться им, потому что, - патетически заключил король, - я не понимаю, как принц мог подумать о браке с дочерью человека, который сделал с его величеством, ныне во славе, то, что сделал герцог Морис".

Вооружившись этим блестящим посланием, которое, если оно что-то и значило, то лишь как вынужденное подтверждение требования принца о королевском согласии, регент и Гранвель вызвали Вильгельма Оранского и оговорили его в манере, наиболее оскорбляющей гордыню, и с широтой, совершенно не оправданной никаким разумным толкованием королевских инструкций. Они даже сообщили ему, что его Величество собрал "определенных лиц, сведущих в вопросах совести и богословия", по совету которых окончательное решение, которое пока невозможно, будет принято в будущем. Это собрание ученых хранителей совести и теологов существовало только в воображении Гранвеля и Маргарет. Письмо короля, каким бы слепым и неуклюжим оно ни было, давало герцогине право принять положительное решение под свою собственную ответственность; однако подобные выдумки составляли часть "лицемерия", которое ученики Макиавелли считали глубоким государственным искусством. Принц, каким бы раздраженным он ни был, сохранил твердость; заверил регента, что переговоры зашли слишком далеко, чтобы их прекращать, и повторил свое заверение, что будущая принцесса Оранская должна "жить как католичка".

В декабре 1560 года Вильгельм посетил Дрезден, где курфюрст принял его с большой сердечностью. Этот визит стал решающим в отношении брака. Внешность и достижения выдающегося поклонника произвели глубокое впечатление на леди. Ее сердце было охвачено бурей. Обнаружив или вообразив, что отчаянно влюблена в предполагаемого жениха, она вскоре проявила такое же рвение к браку, как и ее дядя, и часто выражалась с присущей ее характеру яростью. "Дьявол не должен препятствовать тому, что было предопределено Богом", - сказала она.

Говорили, что принц проявил большое усердие в своем внимании к службам протестантской церкви во время своего визита в Дриден. Однако, поскольку этот визит длился всего десять или одиннадцать дней, у нас не было большой возможности проявить большое рвение.

В тот же период некто Уильям Кнуттель был отправлен Оранским в отчаянной надежде получить согласие старого ландграфа, не идя ни на какие жизненно важные уступки. "Разрешишь ли принц, - спросил ландграф, - моей внучке иметь в доме евангелического проповедника?" — "Нет", - ответил Кнуттель. "Может ли она, по крайней мере, принять причастие Вечери Господней в своей собственной комнате, согласно лютеранскому обычаю?" — "Нет, - ответил Кнуттель, - ни в Бреде, ни где-либо еще в Нидерландах. Если ей настоятельно требуются такие таинства, она должна отправиться за ними за границу, к ближайшему протестантскому монарху".

14 апреля 1561 года курфюрст, вернувшись к обвинению, велел составить небольшую записку по религиозному вопросу, которую он переслал в надежде, что принц скопирует и подпишет ее. Он добавил обещание, что меморандум никогда не должен быть обнародован в ущерб подписавшему его лицу.

В то же время он устно сообщил графу Людовику, "что он был удовлетворен заявлениями, сделанными принцем в Дрездене по всем пунктам, за исключением того, что касалось религии. Поэтому он чувствовал себя обязанным просить о небольшом соглашении в письменной форме". — "Ни в коем случае! ни в коем случае! - быстро перебил Людовик с первого же слова. - Принц не может дать вашему высочеству-выборщику таких гарантий. Для этого пришлось бы рисковать жизнью, честью и состоянием, как вашей светлости хорошо известно. Курфюрст возразил, что декларация, если она будет подписана, никогда не попадет в руки испанского монарха, и настоял на том, чтобы отправить ее принцу. Людовик в письме своему брату охарактеризовал этот документ как "необычный, пространный и коварный" и настоятельно посоветовал принцу не иметь к нему никакого отношения.

Эту записку, которую принцу, таким образом, было предложено подписать и которую его брат Луи так настойчиво советовал ему не подписывать, принц так и не подписал. Суть его сводилась к следующему: — Принцессе после замужества нельзя было ни угрозами, ни убеждением отвратить от истинного и чистого Слова Божьего или от причастия в соответствии с доктринами Аугсбургского исповедания. Принц должен был разрешить ей читать книги, написанные в соответствии с Аугсбургским исповеданием. Принц должен был разрешать ей так часто, ежегодно, как она того потребует, выезжать из Нидерландов в какое-нибудь место, где она могла бы принять причастие в соответствии с Аугсбургским исповеданием. В случае, если бы она заболела или ей грозили роды, принц, при необходимости, вызвал бы к ней евангельского проповедника, который мог бы совершить над ней святое причастие в ее комнате. Дети,

которые могли появиться от этого брака, должны были быть проинструктированы относительно доктрин Аугсбургского исповедания.

Даже в случае исполнения этот знаменитый меморандум вряд ли противоречил бы заявлениям, сделанным принцем испанскому правительству. Он никогда не притворялся, что его невеста должна стать католичкой, а только жить как католичка. Все, что он обещал или от него ожидали обещания, это то, что его жена должна соответствовать законам Нидерландов. Документ в общих чертах признавал этот закон. Однако в случае абсолютной необходимости было оговорено, что принцесса должна иметь право на частные таинства. Это, конечно, было бы смертельным преступлением для кальвиниста или анабаптиста, но для лютеран эта практика никогда не была такой строгой. Более того, принц уже отверг доктрины эдиктов и восстал против приказа применять их в рамках своего правительства. Таким образом, общее обещание, данное им в частном порядке, в смысле меморандума, составленного курфюрстом, не было бы ни лицемерным, ни лживым, но было бы достойно человека, который смотрел поверх таких пресмыкающихся, как Гранвель и Филипп, с одной стороны, или Август Саксонский, с другой, и оценивал их религиозные притязания именно по их достоинству. Однако официальный документ, технически соответствующий всем этим требованиям, выдвинутому избирателем, безусловно, был бы расценен испанским правительством как очень преступный инструмент. Принц никогда не подписывал записку, но, как у нас будет возможность указать в надлежащем месте, он сделал устное заявление, соответствующее ее содержанию, но в очень расплывчатых и кратких выражениях, перед нотариусом в день бракосочетания.

Если читатель считает, что на разъяснение этого пункта было потрачено слишком много времени, ему следует помнить, что репутация великого и доброго человека - слишком ценное достояние истории, чтобы от нее можно было так легко отказаться. Не имеет большого значения установить точное вероучение Августа Саксонского или его племянницы; сравнительно мало значения имеет определение того момента, когда Вильгельм Оранский перестал быть честным, но либеральным католиком и открыл свое сердце свету Реформации; но очень важно, чтобы его имя было очищено от обвинения в преднамеренном обмане и лицемерии. Поэтому было сочтено необходимым убедительно доказать, что принц никогда не давал в Дрездене или Касселе никаких заверений, несовместимых с его заявлениями королю и кардиналу. Весь тон его речи и поведения на религиозную тему проявился в его ответе курфюрстине, которая сразу после свадьбы умоляла его не совращать ее племянницу с путей истинной религии. - Ее не должны беспокоить такие печальные вещи, - сказал принц. Вместо священного писания она должна читать "Амадиса де Голя" и другие книги о развлечениях, в которых говорится о любви; и вместо вязания и шитья она должна научиться танцевать гальдиарду и таким куртуазным танцам, которые приняты в нашей стране и соответствуют ее положению".

Ответ был небрежным, легкомысленным, почти презрительным. Совершенно очевидно, что Вильгельм Оранский еще не был тем "отцом Вильгельмом", которым ему было суждено стать, — серьезным, самоотверженным, глубоко религиозным, героическим; но из этого высказывания было в равной степени очевидно, что он не испытывал особой симпатии ни публично, ни в частном порядке к лютеранству или богословским спорам. Ландграф Вильгельм был недалек от истины, когда добавил в своем причудливом стиле, вспомнив этот хорошо известный ответ: "Поэтому, ваша светлость, позвольте заметить, что, когда у аббата в кармане лежат кости, монастырь играет".

Волнение при маленьком кассельском дворе было настолько велико, что многие протестантские князья и знать заявили, что "скорее отдадут своих дочерей за грубияна или свинопаса, чем за паписта". Ландграф был столь же энергичен в своем протесте, составленном по надлежащей форме 26 апреля 1561 года. Он не привык, по его словам, "льстить или щекотать лисьим хвостом". Он сожалел, если его слова прозвучали оскорбительно, тем не менее "брак был отвратительным, и этого было достаточно". У него не было особых возражений против принца, "который перед всем миром был храбрым и благородным человеком". Он признал, что его поместья были большими, хотя и намекнул, что его долги также были значительными; допустил, что он жил в роскоши, даже слышал "об одном из его банкетов, на котором все скатерти, тарелки и все остальное было сделано из сахара", но подумал, что он, возможно, был даже немного чересчур экстравагантен; заключив, после изрядной суматохи такого рода, "протестуя перед Богом, миром и всеми благочестивыми христианами, что он не несет ответственности за брак, а только за курфюрста Августа и других, он не несет ответственности за брак". которому, следовательно, однажды придется отчитаться за это перед Господом".

Тем временем свадьба была назначена на воскресенье, 24 августа 1561 года. Это был день Святого Варфоломея, бракосочетания, которому в шестнадцатом веке не суждено было стать счастливым. Ландграф и его семья отказались присутствовать на свадьбе, но была приглашена большая и блестящая компания. Король Испании отправил регентше переводной вексель, чтобы она могла приобрести кольцо стоимостью в три тысячи крон в качестве подарка невесте с его стороны. Помимо этого щедрого доказательства того, что его возражения против брака были сняты, он уполномочил свою сестру назначить посланников из числа самых выдающихся дворян, которые представляли бы его интересы по этому случаю. Барон де Монтиньи, соответственно, с блестящей компанией джентльменов был послан герцогиней, хотя она и отказалась послать всех губернаторов провинций по просьбе принца. Бракосочетание должно было состояться в Лейпциге. Небольшое описание свадебных торжеств, полностью почерпнутое из неопубликованных источников, может дать некоторое представление о манерах и обычаях светской жизни Германии и Нидерландов той эпохи.

Были приглашены короли Испании и Дании, которых представляли специальные послы. Герцоги Брауншвейгский, Лауэнбургский, Мекленбургский, курфюрст и маркграфы Бранденбургские, архиепископ Кельнский, герцог Клевский, епископы Наумбургский, Менебургский, Мейсенский и многие другие властители приняли приглашения и прибыли, как правило, лично, лишь некоторых представляли посланники. Были также приглашены городские советы Эрфурта, Лейпцига, Магдебурга и других городов. Жениха лично сопровождали его братья Джон, Адольф и Луи, а также Бурены, Лейхтенберги и различные другие выдающиеся личности.

Поскольку избирательная резиденция в Лейпциге не была полностью достроена, для каждой из приглашенных суверенных семей были устроены отдельные жилища в частных домах, в основном на рыночной площади. Здесь чиновники курфюрста должны были снабдить их провизией, но готовить они должны были сами. Для этой цели всем принцам было предложено привести своих собственных поваров и дворецких, а также свою посуду и кухонные принадлежности. Сами монархи должны были ежедневно обедать с курфюрстом в городском доме, но слуги и свита должны были принимать пищу в своих собственных апартаментах.

Блестящему собранию джентльменов и пажей, назначенных курфюрстом прислуживать за его столом, было приказано собраться в Лейпциге 22-го числа, все гости были приглашены на 23-е. Этим благородным юношам было дано множество предписаний, чтобы они могли выполнять свои обязанности с подобающей благопристойностью. Среди других приказов они получили особые предписания воздерживаться от всякой выпивки между собой и от любого буйного поведения, пока монархи и властители будут присутствовать на обеде. "Было бы постыдным неприличием, - настаивали на этом, - если бы великие люди, сидящие за столом, не могли слышать самих себя из-за криков обслуживающего персонала". Это положение не казалось необоснованным. Их также проинструктировали, что, если кто-либо из присутствующих за большими столами пригласит их выпить, они должны почтительно отклонить вызов и объяснить причину после трапезы.

Также были приняты особые меры для обеспечения безопасности в городе. Помимо регулярной лейпцигской гвардии, из соседних городов были вызваны двести двадцать аркебузир, копейщиков и алебардчиков. Все они должны были быть одеты в униформу; одна рука, бок и нога - в черное, а другая - в желтое, согласно росписи, заранее разосланной различным властям. В качестве конного патруля Лейпциг располагал регулярным отрядом из двух человек. Теперь их число увеличилось до десяти, и они получили приказ разъезжать с фонарями взад и вперед по всем улицам и переулкам, подходить ко всем людям, которых они могли встретить на улице без фонарей в руках, вежливо спрашивать их о деле и в то же время следить за миром и безопасностью в городе.

Пятьдесят аркебузир были назначены для охраны городского дома, а городской дозор в шестьсот человек был распределен по разным кварталам, особенно на случай пожара.

В субботу, за день до свадьбы, все гости прибыли в Лейпциг, а принц Оранский со своими друзьями - в Менебург. В воскресенье, 24 августа, курфюрст во главе своих гостей и свиты в великолепном облачении выехал встречать жениха. Его кавалькада насчитывала четыре тысячи человек. Прибыл Вильгельм Оранский в сопровождении тысячи всадников. Теперь весь отряд вместе вошел в город, сопровождая принца в городской дом. Здесь он спешил и был принят на лестнице принцессой Анной в сопровождении своих фрейлин. Она сразу же после этого удалилась в свои покои.

Именно в этот момент, между 4 и 5 часами пополудни, курфюрст и курфюрстинистка с невестой и женихом, сопровождаемые также дамой Софией фон Мильтиц и членами совета Гансом фон Поника и Убрихом Вольтерсдорфом с одной стороны, и графом Джоном Нассауским и Генрихом фон Вильтбергом с другой, в качестве свидетелей, предстали перед Вольфом Зайделем, нотариусом, в угловой комнате верхнего этажа городского дома. Затем один из советников со стороны выборщика обратился к жениху. Он заметил, что его высочество, без сомнения, помнит содержание меморандума или распоряжения, отправленного курфюрстом 14 апреля того же года, по условиям которого принц должен был согласиться, что он ни угрозами, ни уговорами не помешает своей будущей жене продолжать исповедание в Аугсбурге; что он позволит ей посещать места, где она могла бы принять аугсбургские таинства; что в случае крайней необходимости она должна принимать их в своей комнате; и что дети, которые могут появиться от этого брака, должны быть проинструктированы относительно доктрин Аугсбурга. Однако, продолжил советник, его высочество принц Оранский по разным причинам отказался дать какое-либо подобное соглашение в письменной форме, поскольку было решено, что перед

церемонией бракосочетания принц должен в присутствии невесты и других свидетелей дать устное обещание по этому поводу, и поскольку теперь стороны должны были немедленно соединиться браком, следовательно, курфюрст не сомневался, что принц не будет возражать против того, чтобы в присутствии этих свидетелей дать свое согласие на соблюдение соглашений, содержащихся в меморандуме или записке. Затем записка была прочитана. После этого принц ответил устно. "Милостивый курфюрст, я помню письмо, которое вы прислали мне 14 апреля. Все дело в том, что в нем содержалось только что рассказанное Доктором. Теперь я заявляю вашему высочеству, что сохраню все, как подобает принцу, и буду соответствовать этому". После этого он подал курфюрсту руку. —

Какова же была сумма и значение этого обещания со стороны принца? Почти ничего. Он будет соответствовать требованиям Избирателя в точности так, как он до сих пор говорил, что будет соответствовать им. Взятый в связи с его постоянными возражениями подписывать и скреплять печатью любой документ по этому вопросу — с его категорическим отказом ландграфу (через Кнуттеля) разрешить принцессе быть евангелическим проповедником или принимать таинства в Нидерландах — с решительным, формальным и публичным протестом ландграфа против брака — с заявлениями принца курфюрсту в Дрездене, которые были удовлетворительными по всем пунктам, кроме религиозного, — какое значение могло иметь это устное обещание, кроме того, что принц сделает в отношении религиозного вопроса ровно столько, сколько ему нужно? всегдаобещал, и не более того? Именно это и произошло. Впоследствии со стороны курфюрста не было никаких заявлений о том, что рассматривалось какое-либо другое соглашение. Принцесса жила католической жизнью с момента своего замужества, именно так, как Оранский заявил герцогине Маргарет, и как знал курфюрст, так и будет. Первый и последующие дети, рожденные от этого брака, были крещены католическими священниками с очень сложными католическими церемониями, и это с полного согласия избирателя, который прислал депутатов и выступил спонсором в одном замечательном случае.

Кто же из всех этих бесхитростных овечек - Филипп Испанский, курфюрст Саксонский или кардинал Гранвель - был введен в заблуждение речью или действиями принца? Ни одного. Можно смело утверждать, что принц, оказавшийся в переходную эпоху как по возрасту, так и по своему характеру, окруженный самыми искусными и интригующими личностями, известными истории, и вовлеченный в сеть самых запутанных и трудных обстоятельств, проявил себя столь же благородно, сколь и благоразумно. Трудно рассматривать нотариальный документ иначе, чем как меморандум, составленный скорее Августом, чем мудрым Уильямом, чтобы зафиксировать для собственного оправдания его неоднократные, хотя и безуспешные попытки получить от принца регулярно подписанный, скрепленный печатью и голографический акт по пунктам, изложенным в знаменитой записке.

После задержки, вызванной этими частными формальностями, свадебная процессия, возглавляемая придворными музыкантами, за которыми следовали судебные приставы, советники, высшие государственные чины и семья выборщиков, вошла в большой зал городского особняка. Затем церемонию бракосочетания провел "суперинтендант доктор Пфеффингер". Сразу после этого, в том же зале, невесту и жениха публично уложили на великолепную позолоченную кровать с расшитыми золотом пологам, куда курфюрст и курфюрстиница проводили принцессу. Затем им и всей собравшейся компании были поданы кондитерские изделия и напитки со специями. После этой церемонии их проводили в отдельные покои, чтобы они переоделись к ужину. Однако, прежде чем они покинули зал,

маркграф Ганс Бранденбургский от имени курфюрста Саксонии торжественно порекомендовал невесту ее мужу, призвав его заботиться о ней с верой и привязанностью и "оставить ее непоколебимой в общепризнанной истине святого Евангелия и правильном использовании таинств".

Сразу после этого в том же зале были накрыты пять круглых столов, каждый из которых вмещал по десять гостей. Как только первое блюдо из двадцати пяти блюд было подано на главный стол, невесту и жениха, курфюрста и курфюрстиню, испанского и датского послов и других сопровождали к нему, и банкет начался. Во время трапезы хор курфюрста и все другие оркестры исполняли "самую веселую и оригинальную музыку". Благородные вассалы подали воду, салфетки и вино, и все было обставлено чинно и подобающе. Как только ужин подошел к концу, со столов убрали, и в той же квартире начался бал. Были исполнены заранее подготовленные танцы, после чего снова были розданы "кондитерские изделия и напитки", после чего молодоженов проводили в брачную комнату.

Таким образом, бракосочетание, согласно лютеранскому обычаю той эпохи, состоялось не в церкви, а в частном доме; зале городского особняка, представлявшем в данном случае личные покои курфюрста. Однако на следующее утро в семь часов была сформирована процессия, чтобы проводить молодоженов в церковь Святого Николая, чтобы получить там дополнительное наставление и благословение. Две отдельные компании джентльменов, сопровождаемые большим количеством "флейтистов, барабанщиков и трубачей", сопровождали невесту и жениха, "двенадцать графов, каждый в шарфе цветов принцессы Анны, с золотыми гирляндами на головах и зажженными факелами в руках", предшествуя ей на хорах, где были отведены места для более знатной части общества. Церковь была великолепно украшена гобеленами, и, когда компания вошла, полный оркестр исполнил несколько прекрасных мотетто. Выслушав длинную речь доктора Пфэффингера и получив благословение перед алтарем, принц и принцесса Оранские вернулись в сопровождении сопровождавшей их процессии в городской дом.

После ужина, в тот же и три последующих дня, был проведен турнир. Ристалище находилось на рыночной площади, на стороне, ближайшей к городскому дому; курфюрстина и другие дамы смотрели вниз с балкона и из окна, чтобы "повлиять на дождь и определить приз". Главным героем этих рыцарских поединков, согласно архивным записям, был курфюрст Саксонии. Он "вел себя с таким особенным рыцарством", что его широко известный тезка и отдаленный преемник, Август Сильный, вряд ли мог проявить большую рыцарскую доблесть. В первый же день он столкнулся с Георгом фон Видебахом и выбил его из седла так ловко, что сбитый с толку кавалерист вывихнул плечо. На следующий день он сделал тилт с Михаэлем фон Денштедтом и снова одержал победу, поразив своего противника точно в цель и "перекинув его через хвост лошади так ловко, что рыцарь рухнул на землю, перекинув пятки через голову".

В среду было так называемое паллиативное отделение. Принц Оранский во главе шести отрядов, насчитывающих в общей сложности двадцать девять человек; маркграф Георг Бранденбургский с семью отрядами, насчитывающими тридцать четыре человека, и курфюрст Август с одним отрядом из четырех человек, не считая его самого, - все они были включены в списки. Жребий был брошен в пользу "ворот чести", и победу одержал маркграф, который соответственно защищал их со своим отрядом. Затем между этими чемпионами и принцем Оранским со своими людьми было разыграно двадцать раундов. Бранденбуржцы сломали семь

копий, отряд принца - только шесть, так что Оранский был вынужден покинуть ристалище в замешательстве. Затем неизменно победоносный Август вышел на поле боя и провел двадцать атак против защитников, сломав четырнадцать копий против десяти у бранденбуржцев. Маркграф, потерпевший таким образом поражение, сдал "ворота чести" курфюрсту, который удерживал их до конца дня против всех желающих. Справедливо предположить, хотя этот факт не зафиксирован, что первоначальная группа the Elector получила некоторое подкрепление. В противном случае было бы трудно объяснить эти постоянные победы, разве что приписав Августу и его четырем чемпионам силу, превосходящую силу смертных, а также доблесть. Его отряд сломал сто пятьдесят шесть копий, из которых сам курфюрст сломал тридцать восемь с половиной. Он получил первый приз, но отказался от других присужденных ему гердонов. Награда за самый сильный удар была присуждена Вольфу фон Шенбергу, "который выбил Курта фон Арнима из седла, так что он упал на барьеры".

В четверг была скачка на ринге. Рыцари, занимавшиеся этим видом спорта, носили различные странные одеяния поверх своих доспехов. Одни были переодеты гусарами, другие - шахтерами, третьи - ланскенетами; третьи - тартанами, паломниками, дураками, птицеловами, охотниками, монахами; крестьянами или нидерландскими кирасирами. На каждой вечеринке присутствовала группа музыкантов, одетых в похожие костюмы. Более того, граф Гюнтер фон Шварцбург появился на ристалище в сопровождении "пяти замечательных гигантов замечательных пропорций и внешности, очень нелепых на вид, которые выделяли всевозможные странные выходки верхом на лошади".

На следующий день был пеший турнир, за которым вечером последовали "ряженные", или маскарады. Эти маскарады были повторены на следующий вечер и представляли собой большое развлечение. Костюмы были великолепны, "с золотой и жемчужной вышивкой", танцы были очень веселыми и артистичными, а музыканты, входившие в труппу, проявили недюжинный талант. Эти "ряженные" были привезены Вильгельмом Оранским из Нидерландов по настоятельной просьбе курфюрста на том основании, что в провинциях в таких вопросах разбирались гораздо лучше, чем в Германии.

Таков краткий очерк веселья, которым была отмечена эта злополучная свадьба Варфоломея. Пока Вильгельм Оранский, таким образом, работал в Германии, Гранвелль воспользовался возможностью совершить свой въезд в город Мехлин в качестве архиепископа, полагая, что такой шаг будет лучше осуществить в отсутствие принца в стране. Кардинал не нашел никого в городе, кто приветствовал бы его. Там не было никого из знати. "Люди смотрели на процессию с молчаливой ненавистью. Ни один человек не плакал, да благословит его Бог". Он написал королю, что тот должен продвигать весь вопрос о епископствах как можно быстрее, добавив смехотворное утверждение, что оппозиция исходит исключительно от знати, и что "если бы сеньоры не говорили так много, ни один человек из народа не раскрыл бы рта на эту тему".

Протест трех поместий Брабанта против этого плана не повлиял на Филиппа. Он ответил безапелляционным тоном. Он заверил их, что не намерен отступать и что провинция Брабант должна чувствовать себя в долгу перед ним за то, что он дал им прелатов вместо аббатов, чтобы заботиться об их вечных интересах, и за то, что их религиозные дома были преобразованы в епископаты. Аббатства сопротивлялись, как могли, но вскоре были вынуждены прийти к компромиссу с епископами, которые, согласно достигнутому таким образом соглашению, должны были получать определенную часть доходов аббатств, в то время как остальная часть

должна была принадлежать учреждениям, вместе с сохранением их права избирать своих собственных настоятелей, подчиняясь, однако, одобрению соответствующих прелатов епархии. Так было улажено епископское дело в Брабанте. Во многих других епископствах к новым сановникам относились с неуважением, когда они въезжали в свои города, в то время как они сталкивались с бесконечным противодействием и раздражением при попытках завладеть закрепленными за ними доходами.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

История показывает, насколько непрочны бумажные барьеры
Лицензии, выданные короной на ввоз рабов в Америку
Мы верим, что наши матери были честными женщинами
Когда у настоятеля в кармане есть кости, монастырь будет играть
Разумнее просто удовлетворить себя

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 7.

ВОЗВЫШЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

1561-1562 [ГЛАВА III.]

Инквизиция — великая причина восстания—Три разновидности института—Описана испанская инквизиция—Епископальная инквизиция в Нидерландах—Папская инквизиция, учрежденная в провинциях Карлом V.—Его инструкции инквизиторам— Они обновлены Филиппом— Инквизитор Тительманн—Примеры его действий—Сравнение испанской и нидерландской инквизиций— Поведение Гранвеля—Фаво и Маллара, осужденных в Валансьене— "Путешествие Мобрулеи"—Суровые меры в Валансьен—Атака риторических клубов на Гранвеля—Инсинуации Гранвеля против Эгмонта и Симона Ренара—Робость Виль—Всеобщая ненависть к кардиналу—Шутовство Бредерода и Люме—Мужество Гранвеля—Филипп взымает налоги с Нидерландов за подавление гугенотов во Франции—Собрание рыцарей Руна— Ассамблея в доме Оранских—Требование к поместьям поставок— Монтиньи назначен посланником в Испанию—Открытая и решительная оппозиция Гранвелю—Тайные представления кардинала Филиппу относительно Эгмонт и другие сеньоры—Линия поведения короля—представительства Монтиньи в Испании -Неудовлетворительный результат его миссии.

Главной причиной восстания, которое через несколько лет должно было вспыхнуть по всем Нидерландам, была инквизиция. Почти ребячество заглядывать дальше или глубже, когда такой источник потрясений кроется в самом начале любого расследования. Во время войны по уже указанным причинам религиозные преследования время от времени приостанавливались. Теперь Филипп вернулся в Испанию, с большой точностью разработав всеобъемлющий план уничтожения той религиозной веры, которая уже была принята очень значительной частью его нидерландских подданных. Издалека над провинциями поднялось пророческое видение грядущего зла, еще более ужасного, чем все, что до сих пор угнетало их. Как на яркие равнины Сицилии, когда встает солнце, определенно и зримо проецируется огромная пирамидальная тень горы Этна — призрак этого вездесущего врага, который таит в себе огонь и опустошение, -

так и в утренний час правления Филиппа тень инквизиции была отброшена издалека на эти теплые и улыбающиеся провинции — призрак, угрожающий более яростным пламенем и более широким опустошением, чем те, которые когда-либо могли охватить простые физические силы.

Было много несколько излишних дискуссий относительно различных видов инквизиции. Различие, проводимое между папской, епископальной и испанской инквизициями, в шестнадцатом веке не убедило многих неискушенных умов в достоинствах истеблишмента в любой из его форм. Какой бы секретной она ни была, это была машина для изучения мыслей человека и сжигания его, если результат не был удовлетворительным.

Испанская инквизиция, строго так называемая, то есть современное или более позднее учреждение, учрежденное папой Александром Шестым и Фердинандом Католиком, несомненно, была наделена более совершенным аппаратом для причинения человеческих страданий и для потрясения человеческого воображения, чем любая из других менее искусно организованных инквизиций, будь то папская или епископальная. Первоначально он был придуман для евреев или мавров, которых христианство того времени не считало людьми, но которые не могли быть изгнаны без опустошения определенных районов. Однако вскоре она распространилась от язычников к еретикам. Доминиканец Торквемада был первым Молохом, водруженным на этот пьедестал крови и огня, и с того дня "святая канцелярия" находилась почти исключительно в руках этой группы братьев. За восемнадцать лет правления Торквемады десять тысяч двести двадцать человек были сожжены заживо, а девяносто семь тысяч триста двадцать одна была наказана позором, конфискацией имущества или вечным тюремным заключением, так что общее число семей, уничтоженных только этим монахом, составило сто четырнадцать тысяч четыреста одну. Со временем юрисдикция ведомства расширилась. Это научило дикарей Индии и Америки содрогаться при одном упоминании христианства. Страх перед его введением приковал ранних еретиков Италии, Франции и Германии к ортодоксальности. Это был суд, не подчинявшийся никакой светской власти и стоявший выше всех других судов. Это была коллегия монахов без апелляции, имевшая своих приближенных в каждом доме, погружавшаяся в тайны каждого очага, судившая и исполнявшая свои ужасные постановления безответственно. Она осуждала не поступки, а мысли. Оно делало вид, что проникает в совесть человека и наказывает за преступления, которые якобы раскрывает. Его процесс был сведен к ужасающей простоте. Его арестовывали по подозрению, пытали до признания, а затем карали огнем. Двух свидетелей, да еще тех, кто разделял факты, было достаточно, чтобы отправить жертву в отвратительную темницу. Здесь его скупо снабжали пищей, запрещали говорить или даже петь, к чему, как трудно было предположить, он испытывал большую склонность, а затем предоставляли самому себе, пока голод и нищета не сломили его дух. Когда это время должно было наступить, он был допрошен. Сознался ли он и отрекся ли от своей ереси, действительно ли невиновен или нет, тогда он мог надеть священную рубашку и скрыться с конфискацией всего своего имущества. Если бы он настаивал на признании своей невинности, два свидетеля отправили бы его на костер, а одного свидетеля - на дыбу. Он был проинформирован о свидетельских показаниях против него, но никогда не встречался лицом к лицу со свидетелем. Этим обвинителем мог быть его сын, отец или близкая жена, ибо всем им было предписано под страхом смертной казни сообщать инквизиторам о каждом подозрительном слове, которое могло быть произнесено их ближайшими родственниками. Таким образом, обвинительный акт был подтвержден, и заключенный предстал перед судом с применением пыток. Дыба была судом справедливости; единственным

защитником преступника была его сила духа - ибо номинальный советник, которому не разрешалось общаться с заключенным и который не был снабжен ни документами, ни полномочиями добывать доказательства, был марионеткой, усугублявшей беззаконие судебного разбирательства насмешкой над юридическими формами: пытка происходила в полночь, в мрачной темнице, тускло освещенной факелами. Жертву — будь то мужчина, матрона или нежная девственница — раздевали догола и растягивали на деревянной скамье. Вода, гири, костры, блоки, винты — все устройства, с помощью которых сухожилия можно было растягивать без трещин, кости дробить без переломов, а тело изящно извиваться, не выпуская духу, теперь были пущены в ход. Палач, закутанный в черную рясу с головы до ног, пристально глядя на свою жертву сквозь отверстия, прорезанные в капюшоне, скрывавшем его лицо, последовательно применял все виды пыток, которые изобрели дьявольски изобретательные монахи. Воображение заболевает, когда пытаешься идти в ногу с этими ужасными реалиями. Те, кто желает удовлетворить свое любопытство относительно деталей системы, могут легко удовлетворить себя в наши дни. Поток света, пролитый на этот предмет, более чем оправдывает ужас и восстание нидерландцев.

Период, в течение которого пытка могла применяться изо дня в день, был неограниченным по продолжительности. Она могла быть прекращена только признанием; так что эшафот был единственным убежищем от дыбы. Люди терпели пытки и темницу пятнадцать лет и, наконец, были сожжены на костре.

Казнь следовала за признанием вины, но числу приговоренных было позволено накапливаться, чтобы множество жертв могло украсить каждый большой праздничный день. Аутодафе было торжественным праздником. Монарх, высшие должностные лица страны, почтенное духовенство, население рассматривали это как вдохновляющий и восхитительный отдых. Когда наступило назначенное утро, жертву вывели из темницы. Затем он был облачен в желтую мантию без рукавов, похожую на плащ герольда, сплошь расшитую черными фигурами дьяволов. На его голову была надета большая коническая бумажная митра, на которой был изображен человек посреди пламени, окруженный бесами. Затем его языку было больно заткнуть кляп, так что он не мог ни открывать, ни закрывать рот. После того как он был облачен таким образом, и как раз в тот момент, когда он выходил из своей камеры, перед ним был подан завтрак, состоящий из всевозможных деликатесов, и его с ироничной вежливостью уговаривали утолить голод. Затем его вывели на общественную площадь. Процессия была выстроена с большой помпой. Его возглавляли маленькие школьники, за которыми немедленно следовала группа заключенных, каждый из которых был одет в описанной ужасной, но нелепой манере. Затем следовали магистраты и знать, прелаты и другие сановники Церкви: святые инквизиторы со своими чиновниками и приближенными следовали верхом, над ними развевался кроваво-красный флаг "священной канцелярии", украшенный по обе стороны портретами Александра и Фердинанда, пары братьев, основавших это учреждение. После процессии пришел сброд. Когда все достигли эшафота и были выстроены по порядку, собравшейся толпе была прочитана проповедь. Он был наполнен восхвалениями инквизиции и богохульными оскорблениями в адрес осужденных заключенных. Затем приговоры были зачитаны отдельным жертвам. Затем духовенство пропело пятьдесят первый псалом, и вся огромная толпа объединилась в одном огромном мизерере. Если среди виновных оказывался священник, с него теперь снимали каноническую одежду, которую он до сих пор носил; в то время как его руки, губы и выбритую макушку соскабливали кусочком стекла, с помощью которого предполагалось удалить масло для его освящения. Затем его бросили в общее стадо.

Те из заключенных, которые примирились, и те, чья казнь еще не была назначена, теперь были отделены от остальных. Остальных заставили взойти на эшафот, где стоял палач, готовый отвести их на костер. Затем инквизиторы передали их в его руки с иронической просьбой, чтобы он обошелся с ними нежно, без кровопускания и увечий. Те, кто оставался непоколебимым до последнего, затем были сожжены на костре; те, кто в последней крайности отрекся от своей веры, были задушены перед тем, как быть брошенными в пламя. Такова была испанская инквизиция — технически — так называемая: согласно биографу Филиппа Второго, это было "небесное средство, ангел-хранитель Рая, львиный ров, в котором Даниил и другие праведники не могли понести вреда, но в котором порочные грешники были растерзаны". Это был трибунал, стоящий выше всех человеческих законов, не подлежащий обжалованию и, конечно же, не подчиняющийся силам земли или небес. Ни одно звание, высокое или скромное, не было защищено от его юрисдикции. Королевская семья не была священной, как и лачуга нищего. Даже смерть не давала защиты. Священная канцелярия вторглась в принца в его дворце и нищего в его саване. Тела мертвых еретиков были изуродованы и сожжены. Инквизиторы охотились на трупы и разоряли могилы. Великолепный праздник святой канцелярии, как мы видели, приветствовал Филиппа на его родине. Весть об этом грандиозном самовластии, в ходе которого на глазах их государя было принесено в жертву так много выдающихся жертв, достигла Нидерландов почти одновременно с буллами о создании новых епископств в провинциях. Маловероятно, что эта мера стала бы более приятной из-за такого известия о королевских забавах.

Испанская инквизиция никогда не процветала ни на какой почве, кроме полуострова. Вполне возможно, что король и Гранвель были искренни в своих заверениях о том, что у них нет намерения вводить его в Нидерландах, хотя заявления таких людей имеют мало веса. Правда заключалась в том, что инквизиция уже существовала в провинциях. Главной целью правительства было утвердить и расширить этот институт. Епископальная инквизиция, как мы уже видели, была расширена за счет огромного увеличения числа епископов, каждый из которых должен был быть главным инквизитором в своей епархии с двумя особыми инквизиторами в подчинении. С этим аппаратом и эдиктами, как уже было описано, могло показаться, что сделано уже достаточно для подавления ереси. Но было сделано еще больше. Регулярная папская инквизиция также существовала в Нидерландах. Это учреждение, как и эдикты, было подарком Карла Пятого. Здесь снова необходимо вступительное слово — пусть читатель не сочтет, что этой болезненной теме посвящено слишком много времени. Напротив, невозможно составить определенное представление о характере нидерландского восстания без полного понимания этой великой причины — религиозных преследований, в условиях которых страна жила, дышала и существовала в течение полувека и в которых, если бы восстание наконец не вспыхнуло, население должно было быть либо истреблено, либо полностью охвачено. Несколько лет, которые непосредственно займут нас в настоящей и последующих главах, представляют страну в состоянии ежедневно растущего брожения, вызванного действием причин, существовавших задолго до этого, но получивших дополнительный стимул по мере развития политики нового правления.

До восшествия на престол Карла V. Нельзя сказать, что в провинциях когда-либо была учреждена инквизиция. Отдельные примеры обратного, приведенные канонистами, которые давали свои советы Маргарите Пармской, скорее доказывали отсутствие, чем существование этой системы. В правление Филиппа Доброго викарий генерального инквизитора вынес приговор некоторым еретикам, которые были сожжены в Лилле (1448). В 1459 году Пьер

Труссар, монах-якобинец, осудил многих вальденсов вместе с некоторыми видными гражданами Артуа, обвинив их в колдовстве и ереси. Однако он сделал это как инквизитор епископа Аррасского, так что это был акт епископальной, а не папской инквизиции. В общем, когда в провинциях требовались инквизиторы, приходилось заимствовать их из Франции или Германии. Ввиду того, что из-за преследований требовался домашний персонал, Карл Пятый в 1522 году обратился к своему старому наставнику, которого он посадил на папский престол.

Однако Чарльз уже в предыдущем году назначил Фрэнсиса Ван дер Хульста генеральным инквизитором Нидерландов. Этому человеку, которого Эразм назвал "заклятым врагом учености", также был предоставлен коадьютор по имени Николас Эгмондский, монах-кармелит, которого характеризовали как "безумца, вооруженного мечом". Генеральный инквизитор получил все полномочия преследовать, арестовывать, сажать в тюрьму, пытать еретиков без соблюдения обычных форм закона и приводить свои приговоры в исполнение без обжалования. Однако, вынося определенные суждения, он должен был следовать совету Лоуренса, президента великого совета Мехлина, грубого, жестокого и невежественного человека, который "ненавидел ученость более чем смертельной ненавистью", и на которого, безусловно, можно было положиться в вынесении самых суровых приговоров, какие только мог обрушить инквизитор. Адриан, соответственно, назначил Ван дер Хульста универсальным и генеральным инквизитором для всех Нидерландов. В то же время было прямо заявлено, что его функции не должны заменять те, которые осуществляются епископами в качестве инквизиторов в их собственных епархиях. Таким образом, папская инквизиция была учреждена в провинциях. Ван дер Хульст, человек с печально известной репутацией, был не тем человеком, который мог бы сделать это учреждение менее одиозным, чем оно было по своей природе. Однако не успел он исполнить свои обязанности и двух лет, как император отстранил его от должности за подделку документа. В 1525 году Бьюденс, Хаузо и Коппин были утверждены Климентом Седьмым в качестве инквизиторов в кабинете Ван дер Хульста. В 1531 году Руард Таппер и Майкл Друтиус были назначены Павлом Третьим после смерти Коппина, двое других остались на своих постах. Полномочия папских инквизиторов постепенно расширялись, и к 1545 году они были не только полностью независимы от епископальной инквизиции, но и приобрели право юрисдикции над епископами и архиепископами, которых они были уполномочены арестовывать и сажать в тюрьму. Они также получили привилегию назначать делегатов, или младших инквизиторов, по своему усмотрению и пользовались ею. Большая часть работы действительно выполнялась этими чиновниками, самыми известными из которых были Барбье, Де Монте, Тительман, Фабри, Кампо де Зон и Страйен. В 1545 году и снова в 1550 году император составил строгий свод инструкций для руководства этими папскими инквизиторами. Беглый взгляд на их контекст показывает, что учреждение не задумывалось как пустая форма.

Они были уполномочены расследовать, преследовать и наказывать всех еретиков, всех лиц, подозреваемых в ереси, и их защитников. В сопровождении нотариуса они должны были собирать письменную информацию о каждом человеке в провинциях, "зараженном или сильно подозреваемом". Они были уполномочены вызывать всех подданных его Величества, независимо от их ранга, качества или положения, и принуждать их давать показания или сообщать о подозрениях. Они должны были наказывать смертью всех, кто упорно отказывался давать такие показания. Император приказал своим президентам, судьям, шерифам и всем другим судебным и исполнительным чиновникам оказывать всяческую "помощь инквизиторам и их приближенным в их святой и благочестивой инквизиции, когда это потребует" под страхом наказания как подстрекателей к ереси, то есть смертной казни. Всякий раз, когда

инквизиторы приходили к выводу о ереси какого-либо человека, они должны были отдавать приказ о его аресте и заключении под стражу местным судьей или другими лицами, произвольно выбранными ими. Судьям или лицам, избранным таким образом, было предписано выполнить приказ под страхом наказания как защитников ереси, то есть смерти от меча или огня. Если заключенный был священнослужителем, инквизитор должен был кратко рассмотреть дело "без шума и формальности в процессе — выбрав члена имперского совета для вынесения приговора об отпущении грехов или осуждении". Если заключенный был мирянином, инквизитор должен был назначить его наказание, согласно эдиктам, советом провинции. В случае с мирянами, подозреваемыми, но не осужденными за ересь, инквизитор должен был приступить к их наказанию "по совету советника или какого-либо другого эксперта". В заключение император приказал "инквизиторам дать понять, что они выполняют не свою собственную работу, а работу Христа, и убедить в этом всех людей". Этот пункт их инструкций казался трудновыполнимым, поскольку ни один здравомыслящий человек не мог усомниться в том, что Христос, если бы он вновь появился в человеческом облике, был бы немедленно снова распят или сожжен заживо в любом месте во владениях Карла или Филиппа. Богохульство, с которым эти люди использовали имя Иисуса для освящения всех этих безымянных ужасов, безусловно, не последнее из их преступлений.

В дополнение к этим инструкциям 26 апреля 1550 года был издан специальный указ, согласно которому все судебные чиновники по требованию инквизиторов должны были оказывать им всяческую помощь в исполнении своих обязанностей путем ареста и заключения под стражу всех лиц, подозреваемых в ереси, в соответствии с инструкциями, выданными указанным инквизиторам; и это несмотря на любые привилегии или хартии, утверждающие обратное. Короче говоря, инквизиторы подчинялись не гражданской власти, а гражданская власть - им. Императорский эдикт уполномочивал их "наказывать, унижать достоинство, обличать и передавать еретиков светским судьям для наказания; использовать тюрьмы и производить аресты без обычного ордера, а просто уведомляя единственного советника, который был обязан выносить приговор в соответствии с их желанием, без обращения к обычному судье".

Эти инструкции инквизиторам были возобновлены и подтверждены Филиппом в самый первый месяц его правления (28 ноября 1555 г.). Как и в случае с эдиктами, Гранвель считал желательным использовать предполагаемую магию имени императора, чтобы освятить весь механизм преследований. Действие системы на протяжении большей части имперского периода было ужасным. Некоторое время она терпела крах во время французской войны, но недавно была возобновлена с дополнительной энергией. Среди всех инквизиторов имя Питера Тительмана теперь было самым выдающимся. Он выполнял свои печально известные функции во Фландрии, Дуэ и Турне, самых процветающих и густонаселенных частях Нидерландов, с быстротой, точностью и даже с шутливостью, которая едва ли казалась человеческой. В этом человеке был какой-то мрачный юмор. Женщина, которая, согласно "Дураку Лира", имела обыкновение засовывать живых угрей в горячий паштет, "стуча по ним палкой и укоризненно крича: "Распутники, ложитесь!" обладал духом истинного инквизитора. Именно так поступал Тительманн со своими еретиками, корчившимися на дыбе или в огне. Современные хроники рисуют его как некоего гротескного, но ужасного гоблина, мчащегося по стране ночью или днем, в одиночку, верхом на лошади, бьющего дрожащих крестьян по голове огромной дубиной, сеющего смятение повсюду, вытаскивающего подозреваемых из их очагов или постелей и засовывающего их в темницы, арестовывающего, пытающего, душащего, сжигающего, без малейшего намека на ордер, информацию или процесс.

Светский шериф, которого фамильярно называли Красный Жезл из-за цвета его служебного жезла, встретив однажды инквизитора Тительмана на большой дороге, с таким удивлением обратился к нему: "Как ты можешь осмеливаться ходить один или, самое большее, с одним—двумя помощниками, арестовывая людей со всех сторон, в то время как я не осмеливаюсь пытаться исполнять свои обязанности, кроме как во главе сильного отряда, вооруженного доказательствами; и то только с риском для своей жизни?"

- А! Красный Жезл, - шутливо ответил Питер, - ты имеешь дело с плохими людьми. Мне нечего бояться, ибо я хватаю только невинных и добродетельных, которые не сопротивляются и позволяют увести себя, как ягнят".

"Прекрасно, - сказал другой, - но если вы арестуете всех хороших людей, а я - всех плохих, трудно сказать, кто в мире избежит наказания". Ответ инквизитора не был записан, но нет никаких сомнений в том, что он действовал как сильный человек, выполняя свой распорядок дня.

Он был самым активным из всех участников религиозных преследований в эпоху, о которой мы сейчас рассказываем, но он был инквизитором в течение многих лет. Мартиролог провинций пропитан его убийствами. Он сжигал людей за праздные слова или подозрительные мысли; по его откровенному признанию, он редко ждал поступков. Услышав однажды, что некий школьный учитель по имени Гелейн де Мюлер из Ауденарда "был пристрастен к чтению Библии", он вызвал к себе виновного и обвинил его в ереси. Школьный учитель заявил, что, если он виновен в каком-либо преступлении, его должны судить судьи его города. "Ты мой пленник, - сказал Тительман, - и отвечать должен я, и никто другой". Инквизитор приступил к его катехизации и вскоре убедился в ереси школьного учителя. Он приказал ему немедленно отречься. Школьный учитель отказался. "Разве вы не любите свою жену и детей?" - спросил демонический Тительман. "Бог знает, - ответил еретик, - что если бы весь мир состоял из золота и принадлежал мне лично, я бы отдал все это, только чтобы иметь их при себе, даже если бы мне пришлось жить на хлебе и воде и в рабстве". "Тогда вам остается, - ответил инквизитор, - только отречься от ошибочности своих взглядов". — "Ни ради жены, ни ради детей, ни ради всего мира я не могу отречься от моего Бога и религиозной истины", - ответил заключенный. После этого Тительман приговорил его к казни на костре. Его задушили, а затем бросили в огонь.

Примерно в то же время Томас Кальберг, ткач гобеленов из Турне, находящийся под юрисдикцией того же инквизитора, был признан виновным в том, что скопировал несколько гимнов из книги, напечатанной в Женеве. Он сгорел заживо. Другой мужчина, чье имя не разглашается, был зарублен семью ударами ржавого меча в присутствии своей жены, которая была настолько поражена ужасом, что скончалась на месте раньше своего мужа. Его преступлением, безусловно, был анабаптизм, самое смертоносное преступление в календаре. В том же году некто Уолтер Капелл был сожжен на костре за еретические взгляды. Он был человеком состоятельным, и его любили бедняки Диксмайда во Фландрии, где он проживал, за его многочисленные благотворительные акции. Бедный идиот, которого часто кормили от его щедрот, крикнул подчиненным инквизитора, когда они привязывали его покровителя к столбу: "Вы кровавые убийцы; этот человек не сделал ничего плохого, но дал мне есть хлеб". С этими словами он бросился очертя голову в пламя, чтобы погибнуть вместе со своим защитником, но был с трудом спасен офицерами. День или два спустя он направился к костру, где все еще оставался наполовину обгоревший скелет Вальтера Капелла, взвалил тело на плечи и понес его

по улицам к дому обер-бургомистра, где в то время заседали несколько других магистратов. Протиснувшись к ним, он положил свою ношу к их ногам, крича: "Вот, убийцы! вы съели его плоть, теперь ешьте его кости!" Не было зафиксировано, отправил ли Тительман его составить компанию своему другу на том свете. Судьбе столь безвестной жертвы вряд ли нашлось бы место на переполненных страницах "Нидерландского мученичества".

Такого рода работа, продолжавшаяся ежедневно, не увеличила любви народа ни к инквизиции, ни к эдиктам. Это ужаснуло многих, но еще больше вдохновило на благородное сопротивление угнетению, особенно религиозному, которое является самым возвышенным инстинктом человеческой природы. Люди противостояли ужасным инквизиторам с мужеством, равным их жестокости: в Турне, одном из главных городов округа Тительмана, почти на его глазах некто Бертран ле Блас, фабрикант бархата, совершил то, что считалось почти невероятным преступлением. Упросив свою жену и детей помолиться о благословении на то, что он собирался предпринять, он отправился на Рождество в Турнейский собор и встал у алтаря. Дождавшись момента, когда священник высоко поднял освященную облатку, Ле Блас протиснулся сквозь толпу, выхватил облатку из руки священнослужителя и разломал ее на кусочки, громко крича при этом: "Заблудшие люди, неужели вы принимаете это за Иисуса Христа, вашего Господа и Спасителя?" С этими словами он бросил осколки на землю и растоптал их ногами.

[Histoire des Martyrs, f. 356, exev.; apud Brandt, i. 171, 172. Вполне можно предположить, что это было бы расценено как преступление почти немыслимых масштабов. Даже отказ преклонить колени на улице, когда мимо проносили облатку, приравнивался к смерти. Так, например, бедный торговец по имени Саймон из Берген-оп-Зома, который забыл пасть ниц перед своим киоском при проходе хозяина, был немедленно сожжен. Случаи применения одного и того же наказания за это преступление могут быть многократно увеличены. В данном конкретном случае зафиксировано, что шериф, присутствовавший при казни, был настолько поражен мужеством и пылом простодушной жертвы, что пошел домой, лег в постель, впал в бред, постоянно крича: "Ах, Саймон!" Симон! и умер несчастной смертью, "несмотря на все, что монахи могли сделать, чтобы утешить его".]

Изумление и ужас были настолько всеобщими при виде столь чудовищного преступления, что никто и пальцем не пошевелил, чтобы арестовать преступника. Священники и прихожане были одинаково парализованы, так что ему не составило бы труда совершить побег. Однако он не пошевелился; он пришел в церковь с твердым намерением исполнить то, что считал священным долгом, и понести ответственность за последствия. Через некоторое время его схватили. Инквизитор спросил, раскаивается ли он в содеянном. Напротив, он возразил, что гордится этим поступком и что готов умереть сотней смертей, чтобы спасти от такой ежедневной профанации имя своего Искупителя, Христа. Затем его трижды подвергли пыткам, чтобы заставить выдать своих сообщников. Казалось, что одному человеку не под силу совершить такое темное дело без сообщников. Однако у Бертрана их не было, и он не мог никого осудить. Затем был придуман суровый приговор как слабое наказание за такое количество злодеяний. Его волокли на плетне, с заткнутым железным кляпом ртом, на рыночную площадь. Здесь его правая рука и нога были обожжены и скручены между двумя раскаленными железами. Затем его язык был вырван с корнем, и поскольку он все еще пытался воззвать к имени Божьему, ему снова вставили железный кляп. Когда его руки и ноги были связаны вместе за спиной, затем его привязали за середину туловища к железной цепи и заставляли раскачиваться взад-вперед на

медленном огне, пока он полностью не поджарился. Его жизнь длилась почти до конца этих изощренных пыток, но силы духа хватило ему на всю жизнь.

В следующем году Тительманн арестовал некоего Роберта Ожье из Риссела во Фландрии вместе с его женой и двумя сыновьями. Их преступление состояло в том, что они не ходили к мессе и совершали частное богослужение дома. Они сознались в содеянном, поскольку заявили, что не могут выносить осквернения имени их Спасителя в идолопоклоннических таинствах. Их спросили, какие обряды они совершают в своем собственном доме. Один из сыновей, совсем мальчик, ответил: "Мы падаем на колени и молимся Богу, чтобы он просветил наши сердца и простил наши грехи. Мы молимся за нашего государя, чтобы его правление было процветающим, а жизнь - мирной. Мы также молимся за магистратов и других представителей власти, чтобы Бог защитил и сохранил их всех". Простое красноречие мальчика вызвало слезы даже у некоторых из его судей, поскольку инквизитор передал дело на рассмотрение гражданского трибунала. Однако отец и старший сын были приговорены к сожжению. "О Боже! — молился юноша у костра. - Вечный Отец, прими жертву наших жизней во имя Твоего возлюбленного Сына". - "Ты лжешь, негодяй!" - яростно перебил его монах, разжигавший костер. - "Бог не твой отец; вы дети дьявола". Когда пламя взметнулось вокруг них, мальчик снова закричал: "Смотри, отец мой, все небеса разверзаются, и я вижу десятьсот тысяч ангелов, радующихся за нас. Давайте радоваться, ибо мы умираем за правду". — "Ты лжешь! ты лжешь! - снова закричал монах. - Весь ад разверзся, и ты видишь, как десять тысяч дьяволов бросают тебя в вечный огонь". Восемь дней спустя жена Ожье и другой его сын были сожжены, так что этой семье пришел конец.

Таковы несколько изолированных примеров судебного разбирательства в одном районе Нидерландов. Инквизитор Тительманн, безусловно, заслужил свою ужасную репутацию. Люди называли его Савлом гонителем, и было хорошо известно, что изначально он был запятнан ересью, которую он так много лет яростно карал. В эпоху, которая сейчас привлекает наше внимание, он чувствовал, что общепризнанная политика правительства побуждает его к новым усилиям, из-за которых все его предыдущие достижения должны были быть отброшены в тень. В один прекрасный день он ворвался в дом в Рисселе, схватил Джона де Суарта, его жену и четверых детей, а также двух молодоженов и еще двух человек, обвинил их в чтении Библии и молитве у собственных дверей и приказал немедленно сжечь их всех.

Связаны ли эти события только для того, чтобы вызвать излишний ужас? Неужели страдания этих безвестных христиан ниже достоинства истории? Не лучше ли иметь дело с убийствами и угнетением абстрактно, не вдаваясь в тривиальные детали? Ответ таков: все это - история Нидерландов в ту эпоху; что эти отвратительные подробности раскрывают причины того грандиозного движения, в результате которого родилась великая республика и была уничтожена древняя тирания; и что кардинал Гранвель был смешон, когда утверждал, что народ не открыл бы рта, если бы сеньоры не поднимали такого шума. Поскольку знатные вельможи "были в долгу душой", поскольку судороги могли помочь выплатить их долги и обставить их маскарады и банкеты, поскольку принц Оранский был честолюбив, а Эгмонт ревновал кардинала, поэтому поверхностные писатели сочли вполне естественным, что страна была встревожена, хотя это "мерзкое и вредное животное, народ", возможно, не возражал против продолжения системы, которая действовала так долго. Напротив, именно потому, что движение было популярным и религиозным, оно всегда сохранит свое место среди важнейших событий истории. Достойные документы, государственные бумаги, торжественные договоры часто

имеют не большую ценность, чем овечья шкура, в которую они погружены. Десять тысяч безымянных жертв во имя религиозной и гражданской свободы могут создать великие государства и изменить облик целых континентов.

Дворяне, без сомнения, были заметны, и для дела правых было хорошо, что, как и в первые часы английской свободы, короне и митре противостояли меч и щит барона. Если бы все сеньоры объединились с Филиппом и Гранвелем, вместо того чтобы выступить грудью против инквизиции, дело истины и свободы было бы еще более отчаянным. Тем не менее, по воле Провидения они направлялись и контролировались более скромными, но более могущественными силами, чем их собственные. Благородными были всего лишь позолоченные стрелки на внешней стороне циферблата — время, которое должно было пробить, определялось неясными, но весомыми движениями внутри.

Возможно, не всегда лучше полагаться на абстрактную фразеологию, чтобы произвести необходимое впечатление. На некоторых умы декламации о свободе совести и религиозной тирании производят лишь смутное впечатление, в то время как на них может произвести впечатление, например, сухая, конкретная, циничная запись в бухгалтерской книге, подобная следующей, наугад взятой из реестра муниципальных расходов Турне за те годы, которыми мы сейчас занимаемся:

"Мистеру Жаку Барра, палачу, за то, что он дважды пытал Жана де Ланнуа, десять су.

- К тому же за то, что казнил огнем, - сказал Ланнуа, - шестьдесят су.
За то, что выбросил его золу в реку, восемь су.

Именно такому обращению подверглись тысячи и десятки тысяч людей в провинциях. Мужчин, женщин и детей сжигали, а их "пепел" выбрасывали за праздные слова против Рима, сказанные много лет назад, за то, что они молились в одиночестве в своих каморках, за то, что не преклоняли колен перед облаткой, когда встречали ее на улицах, за мысли, которые они никогда не высказывали вслух, но которые, при допросе, были слишком честны, чтобы отрицать. Конечно, поскольку эта работа продолжалась год за годом в каждом городе Нидерландов, а теперь была возобновлена и энергично начата человеком, который носил корону только для того, чтобы лучше мучить своих собратьев, пришло время поднять на восстание даже камни на улицах.

Таким образом, можно видеть, насколько ценными были заявления Филиппа и Гранвеля, на которые в последнее время было обращено большое внимание, о том, что в их намерения не входило вводить испанскую инквизицию. С эдиктами и нидерландской инквизицией, такими, какими мы их описали, этот шаг вряд ли был необходим.

Фактически, главное различие между этими двумя институтами заключалось в большей эффективности испанцев в выявлении тех своих жертв, которые были склонны отрицать свою веру. Изначально предназначенный для более робких и менее добросовестных неверных, которые часто были склонны прятаться в темных местах и отрекаться, на самом деле не отказываясь от своих ошибок, он был снабжен набором ядовитых приспешников, которые скользили по каждой комнате и сворачивались у каждого камина. Таким образом, поскольку

священной канцелярии и монарху были известны секретные детали каждого дома в королевстве, ни один неверный или еретик не мог избежать разоблачения. Этот невидимый механизм был менее необходим Нидерландам. Было сравнительно нетрудно обнаружить "паразитов" — по выражению одного валлонского историка того времени, — так что требовалось лишь поддерживать в исправном состоянии аппарат для уничтожения вредных существ, когда его находили. Еретики провинций собирались в домах друг у друга, чтобы совершать обряды, описанные таким простым языком Болдуином Ожье и осужденные эдиктами под таким ужасным наказанием. Инквизиционная система Испании вряд ли была нужна людям, у которых было мало благоразумия в сокрытии и не было склонности отречься от своей веры. "Это довольно смехотворно, - писал Гранвель, который иногда комически относился к инквизиции, - что король присылает нам показания, сделанные в Испании, на основании которых мы должны разыскивать еретиков здесь, как будто мы уже не знаем о тысячах. Если бы у меня было столько дублонов годового дохода, - добавил он, - сколько публичных еретиков в провинциях". Без сомнения, инквизиция была в таких глазах самым желанным учреждением. "Говоря бесстрастно, - говорит валлонец, - хорошо управляемая инквизиция является похвальным институтом и не менее необходима, чем все другие духовные и светские должности, принадлежащие как епископам, так и комиссарам Римского престола". Папских и епископальных учреждений в сотрудничестве с эдиктами было достаточно, если их тщательно использовать и полностью расширить. Одних эдиктов было достаточно. "Эдикты и инквизиция - это одно и то же", - сказал принц Оранский. То обстоятельство, что гражданские власти не были так полностью вытеснены нидерландской системой, как испанской, было скорее отличием формы, чем факта. Мы видели, что светские служители правосудия находились в подчинении инквизиторов. Шериф, тюремщик, судья и палач - все они должны были, под страхом самых страшных наказаний, выполнять их приказы. Читатель знает, что это были за указы. Он также знает инструкции корпусу папских инквизиторов, переданные Карлом и Филиппом: он знает, что Филипп, как лично, так и в письме, сделал все возможное, чтобы уточнить эти инструкции во время последней части своего пребывания в Нидерландах. Четырнадцать новых епископов, каждый с двумя специальными инквизиторами в подчинении, также были назначены для выполнения великой работы, которой суверен посвятил свое существование. Манера, с которой охотники за еретиками исполняли свои обязанности, была проиллюстрирована небольшим наброском карьеры одного из младших инквизиторов, Питера Тительмана. Следовательно, монарху и его министру вряд ли было нужно пересаживать экзотику с полуострова. Зачем им это делать? Филипп, который не часто говорил много в нескольких словах, однажды выразил всю правду в одном предложении: "Зачем вводить испанскую инквизицию?" он сказал: "инквизиция Нидерландов гораздо более безжалостна, чем инквизиция Испании".

Такова была система религиозных преследований, начатая Карлом и доведенная до совершенства Филиппом. Король не мог претендовать на заслуги изобретения, которое по праву принадлежало императору. В то же время его ответственность за невыразимое горе, вызванное продолжением действия схемы, ни на йоту не уменьшилась. Было время, когда вся система пришла в относительное запустение. Это было совершенно отвратительно для институтов и нравов нидерландцев. Даже большое количество католиков в провинциях испытывали к этому отвращение. Многие из ведущих вельмож, каждый из которых был католиком, первыми осудили его продолжение. Короче говоря, инквизицию частично терпели, но так и не приняли. Более того, он никогда не был представлен в Люксембурге или Гронингене. В Гелдерланде это было запрещено договором, по которому эта провинция была присоединена

к владениям императора, и в Брабанте этому равномерно и успешно сопротивлялись. Таким образом, хотя Филипп, воспользовавшись хитрым советом Гранвеля, укрылся под именем императора, повторив слово в слово его указы и переиздав его инструкции, ему не может быть предоставлена такая защита на суде истории. Подобная защита от столь чудовищных преступлений хуже, чем бесполезна. По правде говоря, и отец, и сын инстинктивно осознавали тесную связь между идеями религиозной и гражданской свободы. "Власть Бога и верховенство его Величества" - вот формула, которая постоянно повторялась, чтобы санкционировать постоянное обращение к эшафоту и могильной куче. Филипп, фанатичный в религии и своей вере в абсолютную власть королей, охотно отождествлял себя с Божеством, чтобы тому было легче наказывать за преступления против его собственной священной личности. Гранвель заботливо поддерживал его в этих убеждениях и питал его подозрения относительно мотивов тех, кто выступал против его мер. Министр постоянно представлял крупных сеньоров под влиянием честолюбия и гордыни. Он намекнул, что они не одобряли новые епископства только потому, что были разгневаны тем, что его Величество осмелился сделать что-либо без их согласия, и потому, что их собственное влияние в штатах уменьшилось бы. По его словам, их целью было держать короля "под опекой" — сделать его "тенью и шифром", в то время как сами они должны были осуществлять всю власть в провинциях. Невозможно преувеличить воздействие таких внушений на тупой и мрачный ум, которому они были адресованы. Однако легко понять, что министр с такими взглядами, скорее всего, был столь же близок своему хозяину, сколь и ненавистен народу. Ибо уже в начале 1562 года Гранвель был крайне непопулярен. "Кардинала ненавидят все люди", - писал сэр Томас Грешем. Великая борьба между ним и ведущей знатью уже началась. Народ справедливо отождествлял его со всей печально известной машиной преследований, которую он либо создал, либо с готовностью сделал своей. Виль и Берлаймон были его созданиями. С другими членами государственного совета, согласно их торжественному заявлению, уже записанному, он не соизволил посоветоваться, хотя и сделал вид, что возлагает на них ответственность за меры администрации. Даже сама регентша жаловалась, что кардинал совершенно забирает дела из ее рук и что он решает многие важные вопросы без ее ведома. Она уже начала ощущать себя марионеткой, которой ей суждено было стать; она уже чувствовала уменьшение уважительной привязанности к священнослужителю, которая вдохновила ее, когда она приобрела его красную шляпу.

Однако Гранвель был полон решимости осуществить намерения своего хозяина. Мы видели, как энергично он уже приступил к инаугурации новых епископств, несмотря на противодействие и обличения. Теперь он поощрял или порицал инквизиторов в их "благочестивом служении" по всем провинциям. Однако, несмотря на его усилия, ересь продолжала распространяться. В провинциях Валлонии инфекция была наиболее распространена, в то время как судьи и палачи были потрясены демонстрациями мятежа, которые вызывало каждое последующее жертвоприношение. Жертвам подбадривали на пути к эшафоту. Гимны Маро пели прямо перед лицами инквизиторов. Два министра, Фаво и Маллар, были особенно заметны в этот момент в Валансьене. Губернатор провинции, маркиз Берген, постоянно отсутствовал, так как всей душой ненавидел систему преследований. За эту небрежность Гранвель тайно и постоянно доносил на него Филиппу. "Маркиз открыто говорит, - сказал кардинал, - что нехорошо проливать кровь за дела веры. Имея таких людей в помощь нам, ваше величество может судить, какого прогресса мы можем добиться". Однако, по мнению Гранвеля, было важно, чтобы эти два министра в Валансьене были немедленно казнены. Они были признанными еретиками, и

они проповедовали своим ученикам, хотя они, конечно, не были докторами богословия. Более того, их обвиняли, что, без сомнения, наиболее абсурдно, в притворстве, что они творят чудеса. Говорили, что в присутствии нескольких свидетелей они взялись изгонять бесов; и они были задержаны по обвинению такого рода.

["Histoire des choses les plus memorables qui se sent passees en la ville et Compte de Valenciennes depuis le commencement des troubles des Pays-Bas sons le regne de Phil. II., jusqu'a l'annee 1621." — Ср. (Коллекция. Джерард).—Это современная рукопись, принадлежащая коллекции Джерарда в Королевской библиотеке в Гааге. Его автор был гражданином Валансьена и личным свидетелем большинства событий, которые он описывает. Он, по-видимому, достиг преклонного возраста, поскольку на основе личных наблюдений подробно описывает многие сцены, происходившие до 1566 года, и его работа продолжается до 1621 года. Это простой набросок, без особых литературных достоинств, но содержащий множество интересных местных анекдотов. Его анонимный автор был очень искренним католиком.]

На самом деле их проступок заключался в том, что они читали Библию нескольким своим друзьям. Гранвель отправил Филибера де Брюсселя в Валансьен, чтобы добиться их немедленного осуждения и казни. Он сделал выговор судьям и инквизиторам, он отправил маркизу Бергену срочный приказ немедленно отправиться к месту исполнения своих обязанностей. Заключенные были осуждены осенью 1561 года. Однако мировые судьи побоялись приводить приговор в исполнение. Гранвель не переставал порицать их за малодушие и почти ежедневно писал письма, обвиняя магистратов в том, что они сами были причиной беспорядков, которыми они были потрясены. Однако справиться с народным волнением было нелегко. Шесть или семь месяцев преступники оставались в заключении, в то время как день и ночь люди толпились на улицах, бросая властям угрозы и неповиновение, или толпились у тюремных окон, подбадривая своих любимых министров и обещая спасти их в случае, если будет предпринята попытка привести приговор в исполнение. Наконец Гранвель отдал категорический приказ казнить виновных огнем. 27 апреля 1562 года Фаво и Маллар были соответственно выведены из тюрьмы и доставлены на рыночную площадь, где были приняты меры к их сожжению. Симон Фаво, когда палач привязывал его к столбу, произнес молитву: "О! Вечный Отец!" Женщина в толпе в то же мгновение сняла туфлю и бросила ее в погребальную кучу. Это был условленный сигнал. В толпе сразу же возникло движение. Люди в огромном количестве бросились на заграждения, которые были воздвигнуты на площади вокруг места казни. Одни хватали уже подожженный хворост и разбрасывали его во все стороны; другие разрывали тротуары, третьи ломали в щепки ограждения. Палачам помешали привести приговор в исполнение, но стражникам удалось с большой быстротой и решимостью увести преступников и снова поместить их в темницу. Власти были в сомнении и смятении. Инквизиторы были за то, чтобы предать министров смерти в тюрьме и выбросить их головы на улицу. Приближался вечер, а чиновники все еще размышляли. Люди, которые распевали Псалмы Давида по городу, так и не решив, как им следует поступить, наконец решили спасти пострадавших. Огромная толпа, после долгих колебаний, соответственно, направила свои стопы к тюрьме. "Вы бы видели это мерзкое население, - говорит очевидец, - оно движется, останавливается, отшатывается, устремляется вперед, раскачиваясь взад и вперед, как морские волны, когда их волнуют противоборствующие ветры". Атака была энергичной, защита — слабой, поскольку власти не ожидали столь ожесточенной демонстрации, несмотря на угрожающие формулировки, которые так часто произносились. Заключенные были спасены, и им удалось бежать из города. День, в который таким образом была предотвращена казнь, с тех

пор назывался "днем жестоко сожженных" (Journée des mau-brulez). Однако один из священников, Симон Фаво, не обескураженный таким близким приближением к мученичеству, упорствовал в своих еретических трудах и несколько лет спустя был снова схвачен. "Тогда он был, - жизнерадостно сообщает хронист, - хорошо и окончательно обожжен" в том же месте, откуда был спасен ранее. [Ср. Валансьен]

Это отчаянное сопротивление тирании на мгновение увенчалось успехом, потому что, несмотря на ропот и угрозы, которые предшествовали буре, власти не верили, что народ способен зайти так далеко. Разве еретики — по словам инквизитора Тительмана — не позволяли год за годом брать себя в плен и резать, как ягнят? Замешательство магистратов вскоре сменилось гневом. Правительство в Брюсселе пришло в неистовство, когда ему сообщили о случившемся. Немедленно была подготовлена кровавая месть, чтобы отомстить за оскорбление инквизиции. 29 апреля отряды "ордонансеров" Боссю и Бергена были отправлены в Валансьен вместе с ротой полка герцога Эршо. Тюрьмы были мгновенно переполнены мужчинами и женщинами, арестованными за фактическое или подозреваемое участие в беспорядках. Из столицы были отправлены приказы о коротком процессе и суровой казни всех преступников. 16 мая началась резня. Некоторых сожгли на костре, некоторым отрубили головы: количество жертв было ужасающим. "Магистраты не оставили ничего недоделанного, - с большим одобрением говорит очевидец, - что могло бы послужить исправлению положения бедных людей". Прошло много времени, прежде чем судьи и палачи отдохнули от своих трудов. Когда, наконец, опустошение было полным, можно было бы предположить, что за "день жестоко сожженных" было совершено достаточное возмездие и для "бедных людей" было сделано достаточное количество "исправлений".

Подобные сцены, как правило, не повышали лояльности нации или популярности правительства. На голову Гранвеля лился с каждым днем все возрастающий поток ненависти. В провинции на него смотрели как на олицетворение того религиозного гнета, который с каждой минутой становился все более невыносимым. Король и регент избежали большей части ненавистного отношения к ним, потому что народ решил обрушить все свои проклятия на кардинала. Однако в этом воплощении не было большой несправедливости. Гранвель был правительством. Поскольку люди того времени были чрезвычайно почтительны к членам королевской семьи, они вымещали всю свою ярость на министре, сохраняя при этом традиционное уважение к суверену. Прелат уже стал постоянной мишенью "Риторических палат". Эти популярные клубы по изготовлению дмотканой поэзии и уличных фарсов из сырого материала общественных настроений заняли место, которое в последующие эпохи и в свободных странах было более эффективно заполнено ежедневной прессой. До изобретения этого самого грозного оружия, которым свобода когда-либо пользовалась против тирании, эти скромные, но влиятельные ассоциации делили с кафедрами единственную существовавшую силу возбуждать страсти или направлять мнения людей. Они были в высшей степени либеральны в своих наклонностях. Авторами и актерами их комедий, стихотворений и пасквилей были в основном ремесленники или торговцы, принадлежащие к классу, из которого вышли первые жертвы, а позже солдаты Реформации. Их смелые фарсы и яростная сатира уже внесли большой вклад в распространение среди людей отвращения к церковным злоупотреблениям. Они были особенно суровы к монашеской распущенности. "Эти продажные комедианты, называемые риторами, - говорит уже цитировавшийся валлонский современник, - доставляли много удовольствия народу". Всегда какие-нибудь бедные монашки или честные монахи становились частью фарса. Казалось, что люди не могли получать никакого

удовольствия, кроме как высмеивать Бога и Церковь. Люди, однако, упорствовали во мнении, что представления о монахе и Боге не были неотделимы друг от друга. Несомненно, благочестие ранних реформаторов было достаточно пылким и было доказано стойкостью, с которой они противостояли пыткам и смерти, но они не знали меры в насмешках, которыми осыпали людей, которые ежедневно убивали их толпами. Риторические комедии не вызывали восхищения с эстетической точки зрения, но они были гневными и искренними. Поэтому они стоили многих тысяч жизней, но они посеяли семя сопротивления религиозной тирании, которое однажды взойдет стократным урожаем. Было естественно, что власти давно должны были стремиться подавить эти бродячие драмы. "В то время, - писал честный Ричард Клаф сэру Томасу Грэшему, - в Ретерике играли такие пьесы, которые стоили многим 1000 человеческих жизней, ибо в этих пьесах Слово Божье было впервые открыто в этой стране. Пьесы Вече были и остаются запрещенными более строго, чем любая из книг Мартина Лютера".

Эти риторы теперь особенно распалялись против Гранвеля. Они были лично настроены против него, потому что он добился подавления их религиозных драм. "Эти риторы, которые устраивают фарсы и уличные представления, - писал кардинал Филиппу, - особенно злы на меня, потому что два года назад я помешал им высмеивать священное Писание". Тем не менее, эти учреждения продолжали выступать против курса правительства. Их неуклюжие маневры, их неуклюжие, но ошеломляющие удары ежедневно служили делу свободы вероисповедания. На новоназначенных епископов они обрушивали бесконечную череду рифм и ребусов, эпиграмм, карикатур и феерий. Стихи были расклеены по стенам каждого дома и переходили из рук в руки. Фарсы разыгрывались на каждой улице; одиозные священнослужители выступали в роли главных шутов. Эти представления вызвали такое возмущение, что были изданы новые эдикты для их пресечения. Запрету сопротивлялись и даже высмеивали во многих провинциях, особенно в Голландии. Тирания, способная утопить нацию в крови и слезах, была бессильна помешать ей самым горьким образом посмеяться над своими угнетателями. Никогда еще афинские острословы так не поносили кожевника Клеона, как эти фламандские "риторы" не поносили прелата. С бесконечно меньшим количеством аттической соли, но с такой же сердечностью, как это мог бы сделать Аристофан, популярные рифмы дали министру широкую возможность понять положение, которое он занимал в Нидерландах. Однажды проситель вложил ему в руку бумагу и исчез. В ней содержались несколько непристойных стихов о нем самом, а также карикатура на его личность. В ней он был изображен в виде курицы, сидящей на куче яиц, из которых он высиживал выводок епископов. Некоторые из них подрезали панцирь, кто-то выставлял вперед руку, кто-то ногу, в то время как другие бегали с митрами на головах, и все они имели причудливое сходство с различными недавно назначенными прелатами. Над головой кардинала был изображен парящий Дьявол, из уст которого исходили такие слова: "Это мой возлюбленный Сын, слушайте его, народ мой".

Был еще один пасквиль аналогичного характера, который был так хорошо оформлен, что особенно разозлил Гранвеля. Это была рифмованная сатира общего характера, как и все остальные, но такая тонкая и язвительная, что кардинал приписал ее своему старому другу и нынешнему врагу Симону Ренару. С этим человеком, бургундцем по происхождению и сотрудником колледжа Гранвеля, подружились и он сам, и его отец. Благодаря их покровительству и своим собственным способностям он занял выдающиеся посты; был испанским посланником как во Франции, так и в Англии, а также одним из участников переговоров о Воселльском перемирии. Недавно он разочаровался в своем стремлении стать членом государственного совета и поклялся отомстить кардиналу, которому приписывал свой

неудачный ход. Он, несомненно, был повинен в большой неблагодарности, поскольку с самого начала был в долгу перед человеком, в боку которого теперь стал вечной занозой. С другой стороны, следует признать, что Гранвель отплатил на враждебность своего старого товарища такой же злобой, как и он сам, и если Ренар не потерял головы вместе со своим политическим положением, то не из-за недостатка инсинуаций со стороны министра. Особенно Гранвель осуждал его перед "хозяином" как извращенца Эгмонта, в то время как самого этого дворянина он обычно описывал как слабого, тщеславного, "друга дыма", легко вводимого в заблуждение, но в основном благонамеренного и верного. В то же время, несмотря на все эти туманные похвалы, он никогда не упускал случая сообщить подозрительному королю о каждом факте или слухе, дискредитирующем графа. В случае с этой конкретной сатирой он сообщил Филиппу, что может поклясться, что она вышла из-под пера Ренара, хотя для обмана были задействованы риторические комики. Он описал постановку как наполненную "фальшивыми, отвратительными и inferналь-ными вещами" и как обращение не только с самим собой, но и с папой и всем церковным орденом с таким пренебрежением, какое только можно было проявить в Германии. Затем он продолжил намекать в присущей ему тонкой манере, что Эгмонт был причастен к публикации пасквиля. Ренар, по его словам, побывал в этом доме и был принят там гораздо более радушно, чем подобало. За восемь дней до того, как сатира была распространена, в доме Эгмонта состоялся разговор, по характеру в точности совпадающий с содержанием брошюры. Человек, в руках которого он был впервые замечен, продолжал Гранвель, был мастером ножевого дела, крестником графа. Этот человек сказал, что он сорвал его с ворот мэрии, но дай Бог, взмолился кардинал, чтобы не он первым повесил его там. Говорят, что Эгмонт и Мансфельд, добавил он, много раз посылали в "Катлер" за экземплярами сатиры, и все это усиливает подозрения против них.

Со знатью он был в не лучших отношениях, чем с народом. Великие сеньоры, Оранж, Эгмонт, Горн и другие, открыто признавались в своей враждебности к нему и уже изложили королю свои причины. Мансфельд и его сын в то время оба были в оппозиции. Эршот и Аремберг держались в стороне от лиги, которая формировалась против прелата, но не испытывали особой симпатии к его персоне. Даже Берлаймон начал прислушиваться к предложениям ведущих дворян, которые, помимо прочего, обещали предоставить его детям епископские должности. Не было никого по-настоящему верного и покорного кардиналу, кроме таких людей, как прево Морильон, который получил от него большое продвижение.

Этого выдающегося плюралиста в народе называли "дубль А, В, С", чтобы указать на то, что у него было в два раза больше льгот, чем букв в алфавите. Однако он не возражал против большего и был верен распределяющей власти. Того же курса придерживались секретарь Бейв, эсквайр Борди и другие лица, ожидающие ребенка, и их иждивенцы. Виглиус, всегда отличавшийся своим малодушием, в этот период уже стремился уйти на пенсию. Эрудированный и состоятельный фризец предпочел менее бурную карьеру. Он поддерживал эдикты, но его пугал шум, который ежедневно вызывало их буквальное исполнение, поскольку он знал нрав своих соотечественников. С другой стороны, он был слишком проникновенен, чтобы не понимать неизбежных последствий противодействия воле Филиппа. Поэтому он больше всего стремился избежать дилеммы. Он был ученым и мог найти более приятное занятие среди своих книг. Он накопил огромное состояние и желал сохранить его как можно дольше. У него была ученая голова, и он стремился сохранить ее на своих плечах. Этих простых

целей можно было бы лучше достичь в уединенной жизни. Должность президента тайного совета и члена "Консульты" была опасной. Он знал, что король искренен в своих намерениях. Он предвидел, что однажды люди станут ужасно серьезными. В жилах его текла древняя фризская кровь, и он знал, что дух древних батавов и фризийцев не полностью покинул их потомков. Он знал, что их нелегко разбудить, что они терпеливы, но что в конце концов они нанесут удар и будут терпеть. Он настойчиво просил короля освободить его и в качестве оправдания ссылаясь на свою телесную немощь. Филипп, однако, и слушать не хотел о его отставке и использовал самые убедительные аргументы, чтобы убедить его остаться. Четыреста пятьдесят ежегодных флоринов, обеспеченные хорошими мелиорированными болотами во Фрисландии, еще две тысячи врукх, с обещанием еще большего вознаграждения, когда король приедет в Нидерланды, были причинами, которым, как честно признался ученый доктор, он не мог сопротивляться. Подкрепленный этими доводами, он оставался на своем посту, оставался признанным другом и приверженцем Гранвеля и великодушно принимал оскорбления знати и народа. Надо отдать ему справедливость, он делал все, что мог, чтобы примирить антагонистов и поступиться принципами. Если бы когда-либо было возможно найти точный путь между добром и злом, президент нашел бы его и шел бы по нему с респектабельностью и самодовольством.

Однако на совете кардинал продолжал держать его надменно, поворачиваясь спиной к Оранжу и Эгмонту и удаляясь вместе с герцогиней и президентом для консультаций после каждого заседания. Гордые и важные особы, такие как принц и граф, с трудом могли стерпеть подобную дерзость; более того, они подозревали кардинала в том, что он настроил против них их государя. Поступило очень свежее сообщение, которое вызвало почти всеобщее доверие, о том, что Гранвель недвусмысленно посоветовал его величеству отрубить головы по меньшей мере полдюжине главных дворян страны. Это была ошибка; "Эти два сеньора, - писал кардинал Филиппу, - были проинформированы о том, что я написал вашему величеству, что вы никогда не станете хозяином этих провинций, не отрубив по крайней мере полдюжины голов, и что, поскольку было бы трудно из-за вероятных беспорядков, которые вызвал бы такой курс, сделать это здесь, ваше величество намеревается призвать их в Испанию и сделать это там. Ваше величество может судить, приходила ли мне когда-либо в голову подобная мысль. Я смеялся над этим как над нелепой выдумкой. Эта грубая подделка принадлежит Ренару". Кардинал далее сообщил его величеству, что эти же вельможи проинформировали его о том, что герцог Альва, будучи заложником Като-Камбрезийского мирного договора, заключил союз между коронами Франции и Испании для искоренения ереси мечом. Он добавил, что намерен обращаться с дворянами со всей мягкостью и что он должен сделать все возможное, чтобы угодить им. Единственное, от чего он не мог отказаться, - это от авторитета его Величества; чтобы поддержать его, он пожертвовал бы своей жизнью, если бы это было необходимо. В то же время Гранвель тщательно втолковывал королю необходимость опровержения упомянутого доклада, причем просьба, о которой он позаботился, также должна быть направлена лично через регента. Он уже, как от своего имени, так и от имени герцогини, просил короля официально опровергнуть какие-либо намерения ввести испанскую инквизицию в Нидерландах и что кардинал первоначально консультировал епископства. Проинструктированный таким образом, король соответственно написал Маргарите Пармской, чтобы изложить требуемые противоречия. При этом он сделал содержательное замечание. "Кардинал не советовал отрубать полдюжины голов, - сказал монарх, - но, возможно, было бы не так уж плохо сделать это!" Время должно было показать, сможет ли Филипп извлечь выгоду из намека,

содержащегося в заявлении кардинала, и следует ли использовать коэффициент "полдюжины" в качестве простого множителя при подготовке ужасного отчета.

В противоречия, какими бы искренними они ни были, не поверили наиболее заинтересованные лица. Почти вся знать продолжала относиться к кардиналу с подозрением и неприязнью. Многие из более грубого и безрассудного класса соперничали с риториками и популярными карикатуристами в практических шутках, которые они почти ежедневно разыгрывали против общего врага. Особенно граф Бредероде, "безумец, если таковой когда-либо существовал", как выразился один из современников, был самым неутомимым в своих попытках выставить Гранвеля на посмеище. Почти каждую ночь он ходил на маскарады, переодеваясь кардиналом или монахом; и поскольку было известно, что он редко бывал трезвым в этих или любых других случаях, можно легко представить дикость его демонстраций. Во всех этих случаях ему помогал его кузен Робер де ла Марк, сеньор де Люме, достойный потомок знаменитого "Арденнского кабана"; человек смелый до безрассудства, но крайне развращенный, распущенный и кровожадный. Эти два человека, оба пользующиеся широкой известностью из-за своей роли во многих самых ярких сценах, положивших начало великому восстанию, поклялись в самой решительной враждебности кардиналу, что проявлялось в безрассудной, шутовской манере, присущей их персонажам. Помимо церковных костюмов, в которые они всегда облачались на своих частых празднествах, они также носили на шляпах вместо плюмажей туманные хвосты. Такими же украшениями они украсили и своих слуг, открыто заявив, что этими символами они хотели показать, что старый лис Гранвель и его детеныши, Виль, Берлаймон и остальные, вскоре будут ими выслежены, а кисточка будет вложена в их шляпы в качестве трофея.

Более того, нет никаких сомнений в том, что кардиналу часто угрожали личной расправой. Гранвель сообщил королю, что дворяне постоянно угрожают его жизни, но он мало их боится, "поскольку считает их слишком благоразумными, чтобы предпринимать что-либо подобное". Если принять во внимание его позицию по отношению к высшим и низшим классам страны, то нет никаких сомнений в том, что этого было достаточно, чтобы встревожить робкого человека; но Гранвель был храбр по натуре. Его обвинили в том, что он тайно носил кольчугу, жил в постоянном трепете, преклонил колени перед Эгмонтом и Оранским, послал Ричардо, епископа Аррасского, ходатайствовать за него таким же унижительным образом, как и перед Эгмонтом. Все эти истории были баснями. Каким бы смелым и высокомерным он ни был, в то время он делал вид, что смотрит свысока, со снисходительным презрением на враждебность знати. Большую часть времени он проводил в одиночестве, сочиняя свои вечные депеши королю. У него был загородный дом под названием Лафонтен, окруженный прекрасными садами, недалеко от ворот Брюсселя, где он обычно проживал и откуда, несмотря на протесты своих друзей, часто возвращался в город после захода солнца один или всего с несколькими слугами. Он признался, что не боится покушений на убийство, потому что, если сеньоры лишат его жизни, они уничтожат лучшего друга, который у них когда-либо был. Эта вилла, где вызревала большая часть его планов и составлялись государственные документы, была названа народом, в насмешку над его предполагаемым происхождением, "Кузницей". Здесь, как они верили, была наковальня, на которой ковались цепи их рабства; здесь, по большей части покинутый теми, кто был его прежними соратниками, он принял философский вид, который приводил в раздражение, но не обманывал его противников. Над большими воротами своего дома он установил мраморную статую женщины. В одной руке она держала пустой кубок из-под вина, а в другой - кувшин с текущей водой. На пьедестале было выгравировано единственное слово

"Долговечный". Этим девизом, который был его обычным приемом, он, как предполагалось, в данном случае обозначал, что его власть переживет власть знати и что вечная и чистая, как живая вода, она будет спокойно течь еще долго после того, как вино их жизни будет выпито до осадка. Пламенная экстравагантность его противников и спокойная и прозрачная умеренность его собственного характера, символизируемые таким образом, должны были преподать миру моральный урок. Иероглифы, истолкованные таким образом, не пришлось по вкусу знати — все избегали его общества и отклоняли его приглашения. Он утешал себя обществом мелкопоместного дворянства — класса, которому он теперь начал покровительствовать и которого настоятельно рекомендовал к благосклонности короля, — намекая, что предоставление военных и гражданских должностей тем, кто ниже их по званию, было бы средством унижить гордыню вельмож. Он также делал вид, что окружает себя еще более скромными людьми. "Мне смешно, - писал он Филиппу, - видеть, как знатные сеньоры не посещают мои обеды; тем не менее, у меня за столом всегда много гостей, джентльменов и советников. Иногда я приглашаю даже горожан, чтобы заручиться их доброй волей".

Регент был хорошо осведомлен о гневе, всколыхнувшемся в сердцах ведущих аристократов из-за хладнокровия, с которым их отстранили от участия в управлении делами. Она язвительно защищала себя в своих письмах королю, хотя в этом квартале вряд ли была нужна защита из-за беспрекословного подчинения королевским приказам. Она призналась в своем нежелании советоваться со своими врагами.

Она призналась в своей решимости скрывать секреты правительства от тех, кто был способен злоупотребить ее доверием. Она заявила, что есть члены совета, которые охотно воспользовались бы трепетом, который она действительно испытывала и который ей следовало бы проявить, если бы она высказалась перед ними без утайки. По этой причине она ограничилась, как всегда намеревался Филипп, исключительно Консультацией. Было нетрудно узнать руку, написавшую письмо, подписанное таким образом Маргаритой Пармской.

И дворяне, и народ были в этот момент раздражены другим обстоятельством. Когда во Франции снова разразилась гражданская война, Филипп, согласно обещанию, данному им Екатерине Медичи, когда он брал в жены ее дочь, был призван помочь католической партии вспомогательными войсками. Соответственно, он отправил три тысячи пехотинцев, которых набрал в Италии, еще столько же собрал в Испании, и немедленно отдал приказ герцогине Пармской прислать по меньшей мере две тысячи кавалеристов из Нидерландов. Велико было негодование в совете, когда были отданы приказы. Велико было смятение Маргариты. Повиноваться королю было невозможно. Мысль о том, чтобы послать знаменитую провинциальную конную жандармерию на борьбу с французскими гугенотами, была неприемлема ни на мгновение. "Отряды ордонанса" были очень малочисленны и должны были охранять границу. Они использовались исключительно для бытовых целей. В их обязанности не входило отправляться в крестовые походы по чужим землям, еще меньше - принимать участие в религиозных распрях и уж тем более помогать монарху в борьбе с нацией. Эти взгляды были настолько убедительно представлены герцогине на совете, что она увидела невозможность подчиниться приказам своего брата. По этому поводу она написала Филиппу. Тем временем из Испании пришло еще одно письмо, в котором ее упрекали в задержке и нетерпеливо призывали немедленно предоставить требуемую кавалерию. Герцогиня оказалась перед дилеммой. Она боялась спровоцировать новую бурю в совете, поскольку там и так было достаточно споров на бытовые темы. Она знала, что невозможно получить согласие даже от

Берлаймона и Виглиуса на такую отвратительную меру, как предложенная. Однако она была очень встревожена повелительным тоном королевского послания. По совету Гранвеля она прибегла к хитрости. Собору было зачитано частное и конфиденциальное письмо Филиппа, но с изменениями, предложенными и вставленными кардиналом. Король был представлен как разгневанный задержкой, но желающий, чтобы вместо кавалерии, как требовалось первоначально, была выделена денежная сумма. Этот компромисс, после значительного сопротивления, был принят. Герцогиня написала Филиппу, объясняя и принося извинения за эту сделку. Король принял замену настолько благосклонно, насколько можно было ожидать, и отправил полторы тысячи солдат из Испании к своей теще-медицке, попросив у герцогини Пармской денег на оплату их расходов. Таким образом, промышленность Нидерландов была обложена налогами, чтобы французы могли подвергнуться преследованиям со стороны своего собственного монарха.

Регентше было запрещено ее братом созывать генеральные штаты - орган, который принц Оранский, поддерживаемый Бергеном, Монтиньи и другими дворянами, желал собрать. Нетрудно понять, что Гранвель приложил бы все усилия к тому, чтобы королевский запрет был соблюден. Однако герцогиня, которая, как уже намекалось, начинала чувствовать себя несколько неуютно под властью кардинала, пожелала проконсультироваться с каким-нибудь большим советом, чем тот, с которым она проводила свои ежедневные обсуждения. Соответственно, было созвано собрание рыцарей Руна. Они собрались в Брюсселе в мае месяце 1562 года. Ученый Виль обратился к ним с длинной и красноречивой речью, в которой он рассказал о беспокойном и опасном положении провинций, упомянул некоторые из его причин и предложил различные средства правовой защиты. Однако легко понять, что инквизиция не была указана в числе причин, а ее пресечение не было включено в число средств правовой защиты. Беседа, в которой основная тема была таким образом сознательно опущена, вряд ли, при всей ее краткости, произвела бы большое впечатление на недовольных рыцарей или оказала бы успокаивающее влияние на народ. Оратор, однако, был в восторге от собственного выступления. Более того, он сообщает нам, что герцогиня была не менее очарована и заявила, что никогда в жизни не слышала ничего более "деликатного, более подходящего и более красноречивого". Принц Оранский, однако, не разделял ее восхищения. Элегантные периоды жизни президента мало влияли на его сознание. Собрание было закрыто после нескольких дополнительных слов герцогини, в которых она просила рыцарей хорошенько обдумать причины растущего недовольства и встретиться с ней снова, готовясь объявить, что, по их мнению, было бы наилучшим способом поддержать честь короля, безопасность провинций и славу Божью.

Вскоре после роспуска ассамблеи принц Оранский разослал приглашения большинству рыцарей собраться в его доме с целью личного обсуждения. Президент и кардинал не были включены в эти приглашения. Фактически, встреча была тем, что мы должны были бы назвать совещанием, а не общим собранием. Тем не менее, среди присутствующих было много представителей правительственной партии — людей, которые расходились с принцем и были склонны поддержать Гранвеля. Встреча была бурной. Обсуждались две темы. Первым было предложение герцогини исследовать общие причины народного недовольства; вторым был вопрос о том, как можно сделать практически возможным обсуждение политических вопросов в будущем — процесс, который сейчас невозможен из-за упрямства и высокомерия некоторых функционеров, и который, когда бы ни предпринимался, всегда приводил к одному и тому же неизбежному результату. Это прямое нападение на кардинала вызвало яростные дебаты. Его

враги были в восторге от возможности дать выход своему долго сдерживаемому раздражению. Они разразились яростными оскорблениями в адрес человека, которого они так искренне ненавидели. С другой стороны, его приверженцы — Боссю, Берлаймон, Курьер — столь же горячо выступили в его защиту. Они ответили возмущенным отрицанием выдвинутых против него обвинений и горькими инсинуациями в адрес принца Оранского. Они обвинили его в том, что он питал желание быть назначенным губернатором Брабанта, должность, которая считалась неотделимой от общего штатгальтерства всех провинций. Они заявляли в свое оправдание, что ими не руководили никакие честолюбивые замыслы — что они были удовлетворены своим собственным положением, а не вдохновлены завистью к персонам более могущественным, чем они сами. Очевидно, что подобные обвинения не приведут ни к какому исцеляющему результату, и что в результате границы между кардиналистами и их противниками будут определены более резко, чем когда-либо. Закрытое собрание кавалеров Руна состоялось через несколько дней после этого. Герцогиня прилагала все возможные усилия, чтобы примирить враждующие группировки, не имея, однако, возможности применить единственное средство, которое могло быть эффективным. Человек, который уже быстро становился великим государственным деятелем страны, знал, что зло неизлечимо, если только правительство не изменит цели. С другой стороны, регентша, которая, следует признать, никогда не демонстрировала каких-либо выдающихся интеллектуальных способностей за период своего пребывания в Нидерландах, часто питала слабую и неопределенную надежду на то, что дело может быть улажено путем компромисса между мнениями конфликтующих сторон. К сожалению, инквизиция не была подходящим предметом для компромисса.

Сборкой Руна не было достигнуто ничего принципиально важного. Было решено, что следует обратиться к различным штатам с просьбой о выделении гигантской суммы денег и, кроме того, направить в Испанию специального посланника. Герцогиня и ее советники предполагали, что более удовлетворительную информацию о провинциях можно передать Филиппу из уст в уста, чем в самых замысловатых посланиях. Собрание было распущено после того, как были согласованы эти две меры. Доктор Виглиус, на которого была возложена обязанность представления отчета и петиции штатам, приступил к составлению необходимого заявления. Это он сделал со своей обычной элегантностью и, как обычно, к большому собственному удовлетворению. Однако, вернувшись к себе домой после исполнения этого долга, он был очень встревожен, обнаружив, что большое тутовое дерево, росшее в его саду, было вырвано с корнем сильным ураганом. Президент счел катастрофу зловещей и, соответственно, был не столько удивлен, сколько огорчен, когда впоследствии обнаружил, что его требование выполнить приказ осталось таким же бесплодным, как и его загубленное дерево. Бурю, охватившую его сад, он счел типичной для бури, которая вскоре должна была разразиться по всей стране, и испытывал все большее беспокойство по поводу того, что нужно добраться до гавани, пока там еще относительно спокойно.

Сословия отклонили просьбу о поставках по разным причинам; среди прочего, из-за того, что гражданская война во Франции подходила к завершению и что следует опасаться меньшей опасности из этого источника, чем это было в последнее время. Таким образом, "чаша горечи", на которую уже жаловался Гранвель, снова была поднесена к его устам, и у правительства появилось больше причин, чем когда-либо, сожалеть о том, что национальные представители приобрели привычку вмешиваться в финансовые вопросы.

Флоренс де Монморанси, сеньора де Монтиньи, была выбрана регентом для миссии, которая была назначена для Испании. Этот джентльмен был братом графа Горна, но обладал более высокими талантами и более дружелюбным характером, чем у адмирала. Он был теплым другом Оранжа и заклятым врагом Гранвеля. Он был искренним католиком, но решительным врагом инквизиции. Его брат отказался выступить в качестве посланника. Этот отказ может вызвать лишь небольшое удивление, если вспомнить гнев Филиппа при их прощальной встрече, а также то, что новая миссия неизбежно выявит новые претензии к кардиналу, еще более обширные, чем те, которые вызвали предыдущий взрыв королевского негодования. Монтиньи тоже предпочел бы остаться дома, но его решение было отклонено. В его судьбе было предначертано, что он дважды войдет в логово разъяренного льва и что один раз выйдет оттуда живым.

Таким образом, было показано, что существовала открытая, общепризнанная враждебность со стороны великих сеньоров и большей части мелкой знати к кардиналу и его мерам. Народ полностью и с энтузиазмом поддержал принца Оранского в его курсе. В оппозиции правительству не было ничего скрытого. Нидерланды не представляли собой абсолютную монархию. Они даже не представляли собой монархию. В провинциях не было короля. Филипп был королем Испании, Неаполя, Иерусалима, но он был всего лишь герцогом Брабанта, графом Фландрии, лордом Фрисландии, наследственным главой, короче говоря, под различными титулами семнадцати государств, каждое из которых, хотя и не было республиканским, обладало конституциями столь же священными, как корона, и гораздо более древними, чем она. Таким образом, сопротивление абсолютизму Гранвеля и Филиппа было логичным, законным, конституционным. Это была не интрига, не тайная лига, как имел наглость назвать это кардинал, а законное осуществление полномочий, которые издревле принадлежали тем, кто ими владел, и которые могло уничтожить только несправедливое нововведение.

План Гранвеля был тайным и незаметным. В течение всего только что описанного процесса он вел ежедневную конфиденциальную переписку с королем, помимо того, что был фактическим автором многочисленных депеш, которые были отправлены за подписью герцогини. Он открыто заявлял о своем праве монополизировать все полномочия правительства; он делал все возможное, чтобы навязать сопротивляющемуся и почти бунтующему народу отвратительные меры, на которые решился король, в то время как в своих тайных письмах он единообразно представлял дворян, выступавших против него, как находящихся под влиянием не искренней ненависти к угнетению и приверженности древним правам, а негодования и зависти к их собственной значимости. В своих письмах к своему господину он предполагал, что абсолютизм уже существовал по праву и фактически, установить который входило в намерения Филиппа. В то время как он лишал дворян, штаты и нацию их привилегий и даже их естественных прав (скудное наследие в те дни), он заверил короля, что существует очевидная решимость свести его власть к нулю.

Поместья, писал он, узурпировали все управление финансами и передали их Энтони Ван Стралену и другим, которые получали огромные прибыли в этом бизнесе. "Сеньоры, - сказал он, - заявляют на своих званных обедах, что я желаю подчинить их абсолютному деспотизму вашего Величества. На самом деле, однако, они действительно обладают гораздо большей властью, чем когда-либо прежде губернаторы отдельных провинций; и им лишь немного не хватает для того, чтобы мадам и ваше Величество стали простыми шифровальщиками, в то время как гранды монополизируют всю власть. Это, - продолжил он, - главный мотив их противодействия

новым епископствам. Они были разгневаны тем, что ваше величество осмелились добиваться такого соглашения в Риме, не получив предварительно их согласия. Они хотят низвести власть вашего Величества до такой низости, что вы ничего не сможете сделать, если они этого не захотят. Их цель - уничтожение королевской власти и отправления правосудия, чтобы избежать выплаты своих долгов; они постоянно говорят своим кредиторам, что они потратили все свои силы на службе вашему Величеству и что они никогда не получали вознаграждения или жалованья. Это они делают, чтобы сделать ваше величество отвратительным".

Как само собой разумеющееся, он объяснял сопротивление со стороны знати, каждый мужчина из которой был католиком, низменными мотивами. Они были простыми демагогами, которые отказывались сжигать своих собратьев не из-за какого-либо естественного отвращения к этой задаче, а для того, чтобы завоевать расположение населения. "Все эти разговоры об инквизиции, - сказал он, - всего лишь предлог. Это делается только для того, чтобы пустить пыль в глаза черни и склонить ее к бурным демонстрациям, в то время как настоящая причина в том, что они предпочитают, чтобы ваше Величество ничего не предпринимали без их разрешения и их руками".

Однако иногда он прибегал к снисходительному тону по отношению к сеньорам, которые составляли главные темы его писем, — аффектации, которая, возможно, оскорбила бы их почти так же сильно, как более открытое и искреннее осуждение. Он мог простить обиды, нанесенные самому себе. Именно Филипп должен был решать, каковы их достоинства или преступления с точки зрения короны. Его речь часто была подобающей мудрому человеку, который говорил об очень маленьких детях. "Ассонлевиль сказал мне, как приехавшему из Эгмонта, - писал он, - что многие дворяне недовольны мной; они слышали из Испании, что я пытаюсь настроить ваше величество против них". Конечно, тон ежедневных писем кардинала оправдал бы такие подозрения, если бы дворяне их видели. Однако Гранвель умолял короля разуверить их в этом вопросе. "Молю Бога, - сказал он благочестиво, - чтобы все они решили поддержать власть вашего Величества и принять такие меры, которые послужат Богу и безопасности государств. Могу ли я прекратить свое существование, если я не желаю оказать хорошую услугу самому малому из этих джентльменов. Ваше Величество знает, что, когда они делают что-либо для пользы вашей службы, я никогда не молчу. Тем не менее, так они устроены. Однако я надеюсь, что эта суматоха уляжется и что, когда прибудет ваше Величество, все они будут признаны заслуживающими награды за свои заслуги".

Особенно об Эгмонте он часто отзывался с туманной, но несколько снисходительной похвалой. Он никогда не выказывал негодования в своих письмах, хотя, как уже говорилось, граф время от времени допускал не только слова, но и поступки крайней жестокости по отношению к нему. Но кардинал был слишком снисходительным христианином или слишком проницательным политиком, чтобы не проходить мимо подобных оскорблений, пока существовал шанс, что такой знатный человек останется в живых или станет его другом. Соответственно, он описал его в целом как человека, чьи принципы в основном были хорошими, но который легко шел на поводу у собственного тщеславия и порочных советов других. Он представил его как человека, который изначально был горячим сторонником новых епископств и выразил удовлетворение тем, что два из них, Брюгге и Ипр, оказались в пределах его собственного владения. Однако он с сожалением сообщил королю, что в последнее время граф становится все более вялым, возможно, из страха оказаться отделенным от других дворян. В целом, сказал кардинал, он был достаточно сговорчив, если бы его не удалось так легко убедить подлецам; но, возможно,

однажды он снова откроет глаза. Несмотря на эти неопределенные выражения одобрения, которые Гранвель позволял себе в своих письмах к Филиппу, он никогда не упускал случая передать монарху каждый факт, каждый слух, каждое предположение, которые могли бы настроить королевское мнение против этого дворянина или против любого из дворян, характеру которых, как он в то же время заявлял, он ни в коей мере не желал вредить.

Верно, что он действовал в основном инсинуациями, хотя и был склонен завершать свои заявления опровержениями со своей стороны и надеждами на улучшение поведения сеньоров. В этот конкретный момент времени он предоставил Филиппу длинный и наиболее обстоятельный отчет о предательской переписке, которая, как считалось, велась между видной знатью и будущим императором Максимилианом. Это повествование было хорошим образцом виртуозного стиля инуэндо, в котором кардинал преуспел и с помощью которого ему часто удавалось убедить своего хозяина в истинности определенных утверждений, делая вид, что он их дискредитирует. По его словам, он услышал историю, которую счел своим долгом сообщить его Величеству, хотя сам до конца в нее не верил. Он чувствовал себя тем более обязанным говорить на эту тему, что это в точности соответствовало сведениям, которые он получил из другого источника. История заключалась в том, что один из этих сеньоров (кардинал не знал, кто именно, поскольку он еще не счел нужным расследовать этот вопрос) сказал, что вместо согласия на то, чтобы король действовал в этом вопросе о епископстве вопреки привилегиям Брабанта, дворяне выберут своим сувереном какого-нибудь другого принца крови. Это, сказал кардинал, было, возможно, скорее фантазией, чем реальным решением. Граф Эгмонт, конечно, по его словам, постоянно обменивался письмами с королем Богемии (Максимилианом), и поэтому предполагалось, что он был принцем крови, который должен был быть избран для управления провинциями. Было решено, что он должен быть избран римским королем честным путем или силой, что он должен собрать армию для нападения на Нидерланды, что внутри государств должно быть предпринято соответствующее движение и что народ должен восстать, передав ему бразды правления в вопросе религии. Кардинал, подробно изложив все подробности этой выдумки, добавил с очевидной откровенностью, что переписка между Эгмонтом и Максимилианом его не удивила, потому что во времена покойного императора между ними была большая близость. Поэтому, судя по частоте обмена письмами, он не был убежден в том, что существует план собрать армию для нападения на провинции и добиться его избрания силой. Напротив, Максимилиан никогда не смог бы осуществить такой план без помощи своего императорского отца, императора, который, по убеждению Гранвелля, предпочел бы умереть, чем быть замешанным в подобном злодействе против Филиппа. Более того, если только народ не станет еще более развращенным из-за постоянно данных ему дурных советов, кардинал не верил, что кто-либо из знати обладает достаточной властью, чтобы распоряжаться провинциями таким образом по своему усмотрению. Поэтому он пришел к выводу, что эту историю следует отвергнуть как неправдоподобную, хотя она пришла к нему непосредственно из дома упомянутого графа Эгмонта. Примечательно, что в начале своего повествования кардинал выразил незнание имени сеньора, замышлявшего всю эту измену, в то время как в конце он назвал местную резиденцию заговора во дворце Эгмонта. Также весьма характерно, что он должен добавить, что, в конце концов, он считал этого дворянина одним из самых честных из всех, если внешность не обманывает.

Можно предположить, однако, что все эти подробности заговора, который был совершенно воображаемым, могли произвести большее впечатление на такой ограниченный и подозрительный ум, как у Филиппа, чем туманные утверждения кардинала о том, что, несмотря

ни на что, он осмелится поклясться, что считает графа честным и что люди должны быть такими, какими кажутся.

Несмотря на заговор, который, согласно письмам Гранвеля, был составлен против него, несмотря на то, что его жизни ежедневно угрожали, он не советовал королю в тот период мстить за него каким-либо публичным взрывом гнева. Он благочестиво заметил, что помнит, что месть принадлежит Богу и что Он воздаст. Поэтому он безропотно переносил оскорбления, потому что это лучше всего соответствовало службе его Величеству. Поэтому он также приказал Филиппу не устраивать демонстраций в то время, чтобы не повредить его собственным делам. Он посоветовал ему притворяться, что он не знает, что происходит в провинциях. Зная, что его хозяин ежедневно обращался к нему за инструкциями, всегда выполнял их со всей покорностью и, по сути, не мог без них продвинуться ни на шаг в делах Нидерландов, он продолжил диктовать ему условия, на которых тот должен был писать дворянам, и особенно изложил правила для его руководства в предстоящих беседах с сеньором де Монтиньи. Филипп, чей единственный талант заключался в способности усваивать такие уроки с большим трудом, на данном этапе особенно нуждался в обучении. Соответственно, кардинал проинструктировал его, что он должен разубедить всех людей в том, что испанская инквизиция должна быть введена в провинции. Он должен был написать сеньорам, обещая выплатить им задолженность по жалованью; он должен был увещевать их делать все, что в их силах, для развития религии и поддержания королевской власти; и он должен был внушить им, что его ответ депутации из Антверпена доказывает отсутствие намерения учреждать инквизицию в Испании под предлогом создания новых епископств.

Более того, король должен был выразить свое желание, чтобы вся знать приложила все усилия, чтобы стереть это ложное впечатление из народного сознания. Он также должен был высказаться в том же духе относительно испанской инквизиции, епископства и религиозного вопроса в публичных письмах мадам де Парма, которые должны были быть зачитаны в полном составе совета. Кардинал также возобновил свои инструкции королю относительно того, каким образом следует отвечать антверпенским депутатам, дав им, в частности, заверения в том, что переносить испанскую инквизицию в провинции было бы так же безнадежно, как пытаться установить ее в Неаполе. Он вновь выразил желание, чтобы Филипп опроверг историю о полудюжине голов, и особенно велел ему сообщить Монтиньи, что Берген узнал о новых епископствах раньше кардинала. Это, настаивал Гранвель, было особенно необходимо, потому что сеньоры были раздражены тем, что столь важный вопрос решался без их совета, и потому что маркиз Берген теперь был "петухом оппозиции".

Примерно в то же время Гранвель и регент совместно с королем решили посеять недоверие и ревность среди знати, подарив одним "мерседесам" больше, чем другим, хотя на самом деле всем причитались большие суммы. В частности, таким ничтожным образом была предпринята попытка унижить Вильгельма Оранского. Эгмонту была выплачена значительная сумма, а принцу - незначительная, учитывая их большие претензии к казне. Более того, герцог Эршо был выбран посланником на Франкфуртский сейм, где должен был быть избран король римлян, с явным намерением, как Маргарита писала Филиппу, посеять разногласия среди знати, как он и предлагал. Герцогиня в то же время сообщила своему брату, что, по словам Берлаймона, принц Оранский вынашивает какой-то грандиозный замысел, наносящий ущерб службе его Величества.

Филипп, который уже начал подозревать, что человек, который так много думает, должен быть опасен, горел желанием разгадать план, над которым, как предполагалось, вынашивал Вильгельм Молчаливый, и написал герцогине за свежими сведениями.

Однако ни Маргарита, ни кардинал не смогли обнаружить ничего против принца, который тем временем, хотя и разочаровался в миссии во Франкфурте, отправился в этот город в личном качестве, за исключением того, что слышали, как он сказал: "Однажды мы станем сильнее". Гранвель и мадам де Парма сообщили об этом в один и тот же день, но это было все, что им удалось выяснить о скрытом заговоре.

Осенью этого года (1562) Монтиньи совершил свой визит в Испанию в качестве конфиденциального посланника регента. Король, будучи полностью подготовленным к тому, как ему предстояло поступить с ним, принял посла с большой сердечностью. В ходе их бесед он сообщил ему, что Гранвель никогда не пытался создать предубеждение против знати, что он не способен на злой умысел, приписываемый ему, и что даже если бы было иначе, его злобные высказывания против других государственных служащих не произвели бы никакого эффекта. Кроме того, король возразил, что у него не было намерения вводить испанскую инквизицию в Нидерландах и что новые епископы не были предназначены в качестве агентов для осуществления такого замысла, а были назначены исключительно с целью сглаживания религиозных трудностей в провинциях и возвращения своего народа в лоно верующих. Он добавил, что еще во время своего визита в Англию с целью обручения королевы Марии он рассматривал проект создания новых епископств, о чем мог свидетельствовать маркиз Берген, с которым он свободно беседовал на эту тему. Что касается связи Гранвеля с этим планом, он заверил Монтиньи, что с кардиналом предварительно не консультировались, но он впервые узнал о плане после миссии Сонниуса.

Таков был смысл посланий короля посланнику, как явствует из записок, написанных королевским почерком, и из переписки Маргариты Пармской. Точность Филиппа в выполнении его инструкций становится достаточно очевидной при сравнении его заявлений с письмами, ранее полученными от вездесущего кардинала. За пределами этих указаний король едва ли рискнул произнести хоть слово. Он был всего лишь полномочным представителем кардинала, как Монтиньи - регента. Пока длилась власть Гранвеля, он был абсолютен и непогрешим. Таково, таким образом, было удовлетворение, полученное от миссии Монтиньи. Религиозное преследование не должно было уменьшиться, но королевская власть заверила людей, что инквизиция, в ходе которой их ежедневно сжигали и обезглавливали, не может быть логически названа испанской инквизицией. В дополнение к утешению, каким бы оно ни было, которое нация могла извлечь из этого заявления, они также были утешены информацией о том, что Гранвель не был изобретателем епископств. Хотя он яростно поддержал эту меру, как только она была опубликована, тайно обличая как предателей и демагогов всех, кто поднимал свой голос против нее, хотя он был инициатором обновления эдиктов, хотя он ежедневно лично прилагал усилия к тому, чтобы эта нидерландская инквизиция, "более безжалостная, чем испанская", была приведена в исполнение со всей строгостью, и хотя он, в конце концов, выступил против малейшего смягчения ее ужасов, он должен был быть представлен знати и народу как человек мягкого и непредубежденного характера, неспособный причинить вред другим. даже его враги. "Я буду вести себя с сеньорами самым вежливым образом, - писал кардинал Филиппу, - и доставлю им удовольствие, даже если они этого не желают, ради Бога и вашего величества". Соответственно, именно в этом свете Филипп нарисовал посланнику

портрет своего любимого министра. Монтиньи, хотя и находился под некоторым влиянием лицемерных заверений короля о доброжелательности, с которой он относился к Нидерландам, тем не менее, не был обманут этим лестным портретом человека, которого он так хорошо знал и так искренне ненавидел, как Гранвеля. На просьбу короля во время их прощальной беседы высказать свое откровенное мнение о причинах недовольства в провинциях, Монтиньи очень откровенно и крайне неосмотрительно дал волю своей личной неприязни к кардиналу. Он говорил о своей распущенности, жадности, хвастовстве, деспотизме и заверил монарха, что почти все жители Нидерландов придерживаются такого же мнения о нем. Затем он подробно рассказал о всеобщем ужасе, внушаемом инквизицией, и о великом отвращении, испытываемом к учреждению новых епископатов. Эти три зла - Гранвель, инквизиция и епископства, - утверждал он, были реальными и достаточными причинами растущего народного недовольства. Пришло время выяснить, избежит ли посланник с открытым сердцем наказания за свою откровенность и следует ли полностью оставить возмездие за эти преступления против Гранвеля и Филиппа, как недавно предложил кардинал, в руках Господа.

Монтиньи вернулся в конце декабря. Его отчет о результатах миссии был представлен в государственном совете и был принят с большим возмущением. Заявления о благожелательных намерениях со стороны суверена не произвели никакого впечатления на Оранского, который уже имел привычку получать из Испании секретную информацию относительно намерений правительства. Он очень хорошо знал, что заговор, раскрытый ему Генрихом Вторым в Венсенском лесу, все еще был королевской программой, насколько это касалось испанского монарха. Более того, его гнев усилился из-за информации, полученной от Монтиньи, о том, что имена Оранского, Эгмонта и их приверженцев упоминались ему, когда он проезжал по Франции как признанные защитники гугенотов в политике и религии. Принц, который все еще был искренним католиком, хотя и ненавидел преследования инквизиции, был в ярости от этого заявления. На соборе произошла бурная сцена. Оранж открыто осудил доклад как новую клевету на Гранвеля, в то время как Маргарет защищала кардинала и отрицала обвинение, но в то же время со всей серьезностью стремилась примирить конфликтующие стороны.

Однако теперь стало ясно, что правительство больше не может существовать на нынешней основе. Либо Гранвель, либо сеньоры должны уступить. Принц Оранский решил, что кардинал должен пасть или что он сам откажется от всякого участия в государственных делах. В этом решении его поддержали Эгмонт, Горн, Монтиньи, Берген и другие ведущие дворяне.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Воздействие с целью их дискредитации
Вдохновляющий и восхитительный отдых (аутодафе)
Арестованный по подозрению, подвергнутый пыткам до признания
Инквизиция Нидерландов гораздо более безжалостна
Инквизиция не была подходящим предметом для компромисса
Его заставляли раскачиваться взад-вперед на медленном огне
Оратор, однако, был в восторге от собственного выступления
Филипп, который не часто говорил много в нескольких словах
Эшафот был единственным убежищем от дыбы
Десять тысяч двести двадцать человек были сожжены
Администрация Торквемады (инквизиции)

Два свидетеля отправили его на костер, один свидетель - на дыбу

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 8.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

1563-1564 [ГЛАВА IV.]

Совместное письмо к Филиппу, от оранжевого, Эгмонт и рога—Эгмонт ссора с Aerschot и с Аремберг—Филиппа ответить на три дворяне—его указаниям герцогини—Эгмонт отказывается от короля приглашение посетить в Испании—вторая буква трех властителей—миссия Арментерос—буква Алва—секретные письма Гранвель Филиппу—кардинала инсинуации и инструкции—его жалобы, как теплота Берген и Монтиньи за дело инквизиции—анекдоты, чтобы их дискредитировать лично описал Гранвель—Предполагается необходимость для царя присутствия в провинциях—переписка Лазарь Швенди—приближение кризиса—тревога Гранвель на пенсию—банкетный Каспара Schetz—изобретение шутовской колпак ливрее—переписка герцогини и кардинала с Филиппом на эту тему—весь вывод из трех властителей от Государственного совета—Царь советует с Алва об отзыве Гранвель—разработка двуличия Филиппа организовать его тайную записку кардиналу—его разборкой писем для других—выезд Гранвель из Нидерландов—Различные мнения в отношении его дела—нелепое поведение Brederode и Hoogstraaten—сказочные заявления в гранвелля, переписка по его вспоминают—всеобщей мистификации—кардинал обманул короля—Гранвель в отставке—его эпикурейство—страхи в провинции, как его вернуть—всеобщая радость по поводу его отъезда—представления к его дискредитации, сделанные герцогиней, чтобы Филипп—ее лицемерные письма к кардиналу—бал-маскарад у графа Мансфельд—в Шантони за консультацией к брату—обзор гранвелля, управления и оценка его характера.

11 марта 1563 года Оранж, Хорн и Эгмонт объединились в замечательном письме королю. Они сказали, что, поскольку их более длительное "молчание" может привести к краху дел его Величества, они, наконец, были вынуждены нарушить молчание. Они надеялись, что король благосклонно воспримет сообщение, которое было бы чистым, откровенным и свободным от всякой страсти. Ведущие деятели провинции, продолжали они, тщательно изучив характер и масштабы власти кардинала Гранвелля, пришли к выводу, что все находится в его руках. Это убеждение, по их словам, укоренилось в сердцах всех подданных его Величества, и особенно в их собственном, настолько глубоко, что его невозможно искоренить, пока остается кардинал. Поэтому короля умоляли подумать о необходимости исправления этого зла. Утверждалось, что королевские дела никогда не будут успешно вестись до тех пор, пока они будут поручены Гранвелю, потому что он был так ненавистен стольким людям. Если бы опасность не была неминуемой, они не чувствовали бы себя обязанными писать его величеству с такой горячностью. Однако это было дело, которое не допускало ни проволочек, ни лицемерия. Поэтому они молили короля, если они когда-либо заслуживали доверия в важных вещах, поверить им сейчас. Поступая так, его Величество избежал бы большого зла. Многие вельможи, губернаторы и другие сочли необходимым уведомить об этом, чтобы король мог предотвратить разорение страны. Однако, если бы его Величество пожелал, как они надеялись, избежать

всеобщего недовольства ради удовлетворения одного, вполне возможно, что дела еще могли бы процветать. Чтобы никто не подумал, что на них повлияли амбиции или надежда на личную выгоду, писатели попросили разрешения уйти из государственного совета. Ни их репутация, заявили они, ни интересы королевской службы не позволят им сотрудничать с кардиналом. Они называли себя послушными подданными и вассалами католиков. Если бы не рвение ведущих сеньоров, знати и других благожелательно настроенных лиц, дела в тот момент не были бы такими спокойными; простой народ был так сильно обижен, а образ жизни, которого придерживался кардинал, не приносил большего удовлетворения, чем его неограниченная власть. В заключение авторы умоляли его Величество не перекладывать вину на них, если за пренебрежением этим предупреждением последует несчастье. Это памятное письмо было подписано Гийомом де Нассау, Ламоралем д'Эгмоном и Филиппом де Монморанси (графом Хорном). Оно было отправлено под прикрытием Шарлю де Тиснаку, бельгийцу и прокурору Нидерландов в Мадриде, человеку, чьи отношения с графом Эгмонтом носили дружеский характер. Однако сохранить это дело в секрете от человека, наиболее заинтересованного в нем, было невозможно. Кардинал написал королю за день до написания письма и за много недель до его отправки, чтобы уведомить его о его прибытии и проинструктировать относительно ответа, который он должен был дать. Почти все ведущие дворяне и губернаторы придерживались сути письма, за исключением герцога Эрсхотского, графа Аремберга и барона Берлаймона. Герцог и граф отказались присоединиться к лиге; по этому поводу между ними и лидерами оппозиционной партии произошли сцены насилия. Эгмонт, находясь с большой группой охотников в загородном поместье Эршо, Бомон, воспользовался случаем, чтобы убедить герцога присоединиться к всеобщей демонстрации против кардинала, обсуждая этот вопрос в грубой, бесцеремонной манере, которая была для него обычной. Его доводы оскорбили обращенного таким образом дворянина, который был тщеславен и вспыльчив. В ответ он подтвердил, что был другом Эгмонта, но не хотел бы видеть его своим господином. Он сказал, что не желает иметь ничего общего с их союзом против кардинала, который никогда не давал ему повода для вражды. У него не было склонности диктовать королю выбор министров, и его величество был совершенно прав, выбирая своих слуг по собственному усмотрению. Герцог добавил, что если сеньоры не желают видеть в нем друга, то ему это безразлично. Ни один из них не был его начальником; у него была такая же большая группа благородных последователей и друзей, как и у лучших из них, и он не был расположен признавать превосходство какого-либо дворянина в стране. Разговор, продолжавшийся в таком ключе, вскоре перерос в ссору, и, судя по словам двух джентльменов, вскоре дело дошло бы до драки, если бы не вмешательство Аремберга и Роблеса, присутствовавших при этой сцене. Герцогиня Пармская, рассказывая об этом королю, добавила, что дуэль была ожидаемым результатом этого дела, но в конце концов двое дворян помирились. Характерным для Эршо было то, что впоследствии он продолжал общаться с дворянами в дружеских отношениях, сохраняя при этом все большую близость с кардиналом.

Джентльмены, приславшие это письмо, были раздосадованы преждевременной оглаской, которую оно, по-видимому, получило. Оранский тщетно уговаривал графа Аремберга вступить в лигу и вследствие этого поссорился с ним. Эгмонт в присутствии мадам де Парма открыто обвинил Аремберга в том, что он разгласил тайну, которая была ему доверена. Граф яростно отрицал, что он хоть словом обмолвился об этом человеческому существу; но добавил, что любое сообщение с его стороны было бы совершенно излишним, в то время как Эгмонт и его друзья ежедневно хвастались тем, чего им предстояло достичь. Эгмонт повторил обвинение в

злоупотреблении доверием со стороны Аремберга. Этот дворянин в ответ положил руку на свой меч, назвал лжецами всех, кто осмелится снова обвинить его в подобном преступлении, и предложил немедленно прекратить спор. И здесь, опять же, с большим трудом удалось предотвратить личную драку.

Эгмонт, грубый, безрассудный и нескромный, уже давал понять, что чувствует себя как дома на поле боя, а не в политическом споре, где благоразумие и знание человеческой натуры столь же необходимы, как и мужество. В этот период он был более свободен в своих чувствах, чем когда-либо в своей жизни. Воспламененный ненавистью к Гранвелю и полный решимости добиться свержения этого министра, он свободно общался с самыми разными людьми, добивался популярности среди бюргеров и с большой неосторожностью говорил каждому о необходимости объединения ради свободы и национального блага. Регентша, добросовестно записывая в своих депешах все, что достигало ее ушей, выразила свое удивление поведением Эгмонта, поскольку, как она часто пользовалась случаем сообщать королю, она всегда считала графа самым искренне преданным служению его Величеству.

Берлаймонт, единственный видный дворянин, который не одобрил письмо от 11 марта, в этот период пытался "плавать в двух водах", и, как обычно в таких случаях, ему было очень трудно удержаться на плаву. Он отказался вступить в лигу, но держался в стороне от Гранвеля. Надеясь, что сеньоры сделают его сына епископом Льежским, он в течение целого года не посещал кардинала и ни разу не разговаривал с ним на совете. Гранвель, рассказывая об этих обстоятельствах королю, выразил мнение, что Берлаймонт, пытаясь таким образом угодить обеим сторонам, полностью дискредитировал себя в глазах обеих.

Знаменитое послание, хотя и представляло собой наиболее разумную и мужественную констатацию неопровержимого факта, тем не менее было документом, подписание которого требовало большой смелости. Министр в тот момент казался всемогущим, и было очевидно, что король твердо придерживается курса на политический и религиозный абсолютизм. Поэтому неудивительно, что, хотя многие придерживались его принципов, мало кто был готов поставить свои имена на документе, который мог оказаться смертным приговором подписавшим его. Даже Монтиньи и Берген, хотя они активно руководили всей этой кликой, если это можно было назвать кликой, отказались подписать письмо. Эгмонт и Хорн были людьми безрассудной отваги, но они не были достаточно проницательны, чтобы полностью осознавать последствия своих поступков.

Враги часто обвиняли Оранжа в робости, но никто никогда не сомневался в его глубокой способности смотреть сквозь пальцы на поступки людей. Его политическая дальновидность позволила ему оценить опасную пропасть, к которой они сознательно приближались, в то время как пропасть, возможно, была скрыта от глаз его товарищей. Он был слишком спокоен по натуре, чтобы страсти толкнули его на серьезный политический шаг, о котором в более прохладные моменты он мог бы пожалеть. Поэтому он решительно и с открытыми глазами вступил в открытую и зарегистрированную вражду с самым могущественным и опасным человеком во всем испанском королевстве и навлек на себя негодование короля, который никогда не прощал. Можно с уверенностью утверждать, что для того, чтобы противостоять холодному и злобному деспотизму и впоследствии, не дрогнув, всю жизнь отстаивать дело национальных прав и свободы совести, требовалось столько же мужества, сколько и для того,

чтобы возглавить самую блестящую кавалерийскую атаку, которая когда-либо прославляла героя.

Филипп ответил на письмо трех вельмож 6 июня следующего года. В этом кратком ответе он признал рвение и привязанность, которыми руководствовались авторы. Тем не менее он предположил, что, поскольку они не упомянули никаких конкретных причин для принятия рекомендаций, содержащихся в их письме, было бы лучше, если бы один из них приехал в Мадрид для консультации с ним. Такие вопросы, сказал он, лучше было бы передавать из уст в уста. Таким образом, он мог бы получить достаточную информацию, которая позволила бы ему принять решение, поскольку, сказал он в заключение, в его обычае не было беспричинно обижать кого-либо из своих министров.

Это была прекрасная фраза, но, учитывая обстоятельства ее применения, довольно нелепая. О том, чтобы обидеть министра, не могло быть и речи. Письмо трех дворян было очень простым. Оно состояло из факта и дедукции. Заявленный факт заключался в том, что кардинал был ненавистен всем классам нации. Сделанный вывод заключался в том, что он больше не мог управлять государством без неминуемой опасности разрушительных потрясений. Факт был неоспорим. Человек, наиболее заинтересованный в этом, подтвердил это в своих частных письмах. "Говорят, - писал Гранвель Филиппу, - что гранди, знать и народ ненавидят меня, и я не удивлен, обнаружив, что гранди, знать и народ открыто настроены против меня, поскольку всех без исключения пригласили вступить в лигу". Причины непопулярности кардинала, которые он полностью признал, не имеют никакого отношения к сути письма. На этот факт опирались для обоснования простого, хотя и важного вывода. Филиппу предстояло принять решение о правильности такого вывода и соблюдать последствия своего решения, когда оно будет принято. Однако, как обычно, монарх был не способен принять решение. Он очень хорошо знал, что кардинал был одиозен и печально известен, потому что он был добровольным олицетворением королевской политики. Следовательно, Филипп был логично призван отказаться от политики или поддержать министра. Он не мог решиться ни на то, ни на другое. Тем временем ему был обеспечен удачный период притворного великодушия. Соответственно, это он передал в качестве своего первого ответа на важнейшее сообщение по теме, которое, по словам авторов, "не допускало ни притворства, ни проволочек". Однако лишить Филиппа возможности притворяться и медлить означало лишить его всего. Это были два оружия, с помощью которых он вел битву своей долгой жизни. Они объединили все его интеллектуальные ресурсы. Следовательно, было неизбежно, что в такой чрезвычайной ситуации, как нынешняя, он должен был сразу прибегнуть к обоим.

Одновременно с отправкой своего ответа знати он написал объяснительное письмо регенту. Он сообщил ей, что получил сообщение от трех сеньоров, но проинструктировал ее, чтобы она делала вид, что ничего не знает об этом деле, пока Эгмонт не поговорит с ней на эту тему. Он добавил, что, хотя он выразил троим дворянам свое желание, чтобы один из них, не уточняя, кто именно, прибыл в Мадрид, на самом деле он желал, чтобы Эгмонт, который казался наиболее сговорчивым из троих, был назначен депутатом. Король добавил, что его целью было разделить знать и выиграть время.

Со стороны Филиппа, конечно, было излишним сообщать сестре, что его целью было выиграть время. Прокрастинация всегда была его первым прибежищем, как будто ход мировых событий мог приостановиться на неопределенный срок, пока он сидел в своем кабинете и размышлял.

Однако было достаточно ребячеством рекомендовать своей сестре изображать невежество в вопросе, по поводу которого дворяне спорили и чуть не обнажали шпаги в ее присутствии. В этом, однако, заключалась государственная мудрость короля, когда его оставляли без посторонней помощи. Гранвель, который был одновременно Филиппом и Маргарет, когда приходилось обращаться к миру в целом или реагировать на него, не всегда считал необходимым регулировать переписку своих марионеток между собой. Чтобы более полно разделить дворян, король также передал Эгмонту личную записку, написанную его собственным почерком, в которой выражал свое желание лично посетить Испанию, чтобы они могли вместе обсудить весь этот вопрос.

Эти письма, как и можно было предположить, произвели какой угодно эффект, но только не удовлетворительный. Недовольство и ярость джентльменов, написавших или поддержавших сообщение от 11 марта, значительно возросли. Ответ, по правде говоря, вообще не был ответом. "Это холодный и нехороший ответ, - писал Людовик Нассауский, - отправленный после столь долгой задержки. Легко заметить, что письмо пришло из кузницы кардинала. В общем, это гнусное дело, если всеми джентльменами управляет один человек. Я молю Бога, чтобы его власти скоро пришел конец. Тем не менее, - добавил Луи, - все джентльмены бодрствуют, потому что доверяют краснокожему ничуть не больше, чем он того заслуживает.

Читатель уже видел, что письмо действительно было "из кузницы кардинала", поскольку Гранвель проинструктировал своего хозяина, как отвечать сеньорам, прежде чем послание было отправлено.

Герцогиня немедленно написала своему брату, что Эгмонт выразил готовность отправиться в Испанию, но добавил, что сначала он должен проконсультироваться с Оранж и Хорн. Кактолько этот шаг был предпринят, ей сообщили, что им необходимо посоветоваться со всеми джентльменами, которые санкционировали их письмо. Герцогиня тогда тщетно пыталась предотвратить такое собрание, но, обнаружив, что, даже если оно будет запрещено, оно все равно состоится, она разрешила встречу в Брюсселе, поскольку могла лучше проникнуть в происходящее там, чем если бы оно проводилось на расстоянии. Она добавила, что вскоре пошлет в Испанию своего секретаря Арментероса, чтобы король был досконально ознакомлен с происходящим.

Вскоре после этого Эгмонт написал Филиппу, отказываясь посетить Испанию специально из-за кардинала. Он добавил, что готов отправиться в путешествие, если король прикажет ему присутствовать по какому-либо другому поводу. То же самое решение было официально доведено до сведения регента теми кавалерами Руна, которые одобрили письмо от 11 марта — Монтиньи; Берген, Мегем, Мансфельд, Линье, Хогстраатен, Оранж, Эгмонт и Хорн. Принц Оранский, выступая от имени всех, сообщил ей, что они считают несовместимым ни с их репутацией, ни с интересами его Величества, что кто-либо из них должен совершить столь долгое и хлопотное путешествие, чтобы обвинить кардинала. Для любой другой цели все они были готовы немедленно отправиться в Испанию. Герцогиня выразила сожаление по поводу этого решения. Принц в ответ подтвердил, что во всех своих действиях они руководствовались не ненавистью к Гранвелю, а чувством долга перед его Величеством. Теперь, добавил он, король должен действовать так, как ему заблагорассудится.

Через четыре дня после этой беседы с регентом Оранж, Эгмонт и Хорн направили королю второе письмо. В этом сообщении они заявили, что проконсультировались со всеми

джентльменами, с одобрения которых было написано их первое письмо. Что касается поездки одного из них в Испанию, то, как предполагалось, они сочли весьма опасным для любого сеньора самоустраняться при том положении дел, которое тогда существовало. Это не было достаточной причиной, чтобы отправиться туда из-за Гранвеля. Они отказались от какого-либо намерения стать участниками процесса против кардинала. Они думали, что их простого, краткого заявления было бы достаточно, чтобы побудить его Величество нанять этого человека в других местах, где его таланты были бы более плодотворными. Что же касается "беспричинного оскорбления кардинала", то речь шла вовсе не о том, чтобы оскорбить его, а о том, чтобы освободить его от должности, которая не могла оставаться в его руках без несчастий. Что касается того, что "не было упомянуто никакой конкретной причины", они сказали, что это упущение было вызвано отсутствием многих подобных причин. Однако они не предъявили никаких обвинений, потому что, учитывая их прошлые заслуги и верность его Величеству, они ожидали, что им поверят, полагаясь на их честь, без дополнительных свидетелей или доказательств. У них не было намерения выставить себя обвинителями. Они намеренно воздержались от уточнений. Если бы его Величество предоставил более подробную информацию, было бы найдено достаточно причин. Однако было бы лучше, если бы они были предоставлены другими, а не ими самими. Тогда Его Величество обнаружил бы, что публичная и всеобщая жалоба была не лишена адекватных мотивов. Они возобновили свою молитву об освобождении их от службы в государственном совете, чтобы впоследствии их не обвиняли в ошибках других. Чувствуя, что спор между ними и кардиналом де Гранвелем в государственном совете не принес никаких плодов для дел его Величества, они предпочли уступить ему. В заключение они просили короля извинить простоту их писем, скорее за то, что они не были по натуре великими ораторами, но больше привыкли преуспевать, чем хорошо говорить, что также более приличествовало людям их положения.

4 августа граф Хорн также направил королю частное письмо, написанное в том же духе, что и только что процитированное совместное письмо. Он заверил его величество, что кардинал не может оказать никакой ценной услуги короне из-за ненависти, которую питает к нему вся нация, но что в том, что касается поддержания древней религии, все дворяне готовы выполнить свой долг.

Теперь регентша, как и обещала, отправила в Испанию своего личного секретаря Томаса де Арментероса. Его инструкции, которые были очень подробными, показали, что Гранвель не ошибся, когда обвинил ее в том, что она полностью изменилась по отношению к нему, и когда он направил ей укоризненное письмо, в котором выражал свое удивление тем, что его поведение стало благоприятным, и свою неспособность предугадать причину усталости и неудовлетворенности, которые она проявляла по отношению к нему.

Арментерос, человек низкого, корыстолюбивого и лживого характера, но любимец регентши и уже начинавший приобретать то влияние на ее умы, которое вскоре должно было стать столь преобладающим, не был другом кардинала. Было маловероятно, что он уменьшит эффект этого неопределенного порицания, смешанного со слабой похвалой, которым были охарактеризованы инструкции Маргарет, какими-либо своими хвalebными предложениями. Ему было поручено в общих чертах рассказать о распространении ереси и растущей бедности казны. Он должен был запросить двести тысяч крон на лотерею, которую регент предложил организовать в качестве финансовой схемы. Он должен был заявить, что герцогиня безуспешно пыталась всеми мыслимыми способами уладить ссору между кардиналом и сеньорами. Она

признавала огромные способности, опыт, рвение и преданность Гранвеля — за все эти качества она высоко ценила его, — в то время как, с другой стороны, чувствовала, что было бы очень неудобно и могло бы вызвать восстание в стране, если бы она удержала его в Нидерландах против воли сеньоров. Эти мотивы вынудили ее, добавил посланник, изложить королю обе точки зрения на этот предмет. Кроме того, Арментерос должна была рассказать об обстоятельствах бесед, которые недавно состоялись между ней и лидерами оппозиционной партии.

Из содержания этих инструкций было достаточно очевидно, что Маргарита Пармская не стремилась удержать кардинала, а, напротив, уже начинала испытывать тревогу из-за опасного положения, в котором оказалась. Через несколько дней после того, как трое дворян отправили свое последнее письмо королю, они вручили ей официальный протест. В этом документе они выразили свою убежденность в том, что страна находится на пути к разорению, как с точки зрения службы его Величеству, так и с точки зрения общего блага. Голые, народное недовольство растет с каждым днем, крепости на границе в полуразрушенном состоянии. Ежедневно можно было опасаться, что купцы и другие жители провинций будут арестованы в зарубежных странах для погашения долгов его Величества. Правительству было предложено принять меры против всего этого зла, но оставался один выход — созвать генеральные штаты и положиться на их советы и поддержку. Знать, однако, воздержалась настаивать на этом по причине запрета, полученного регентом от короля. Они предположили, однако, что такой запрет мог быть продиктован только недоверием, возникшим между его Величеством и сословиями лицами, не питавшими любви ни к тому, ни к другому и полными решимости не оставлять никаких ресурсов, с помощью которых можно было бы предотвратить бедствие страны. Поэтому дворяне умоляли ее высочество не обижаться, если до тех пор, пока король не в состоянии принять другие меры по управлению провинциями, они будут воздерживаться от присутствия в государственном совете. Они предпочли, чтобы тень, которую они так долго олицетворяли, наконец исчезла. Однако в заключение они выразили свою решимость выполнять свой долг в своих нескольких правительствах и служить регенту в меру своих способностей.

После того, как это замечание было сделано, принц Оранский, граф Горн и граф Эгмонт полностью воздержались от участия в заседаниях государственного совета. Она осталась наедине с кардиналом, которого уже ненавидела, и с двумя его тенями, Виль и Берлаймоном.

Арментерос после месяца, проведенного в путешествии, прибыл в Испанию и вскоре был допущен к аудиенции Филиппа. Во время своей первой беседы, длившейся четыре часа, он зачитал королю все заявления и документы, с которыми прибыл, и смиренно попросил принять незамедлительное решение. О таком результате, конечно, не могло быть и речи. Более того, кортесы Эстрагона, которые в то время заседали и которые требовали королевского внимания, предоставили монарху новый повод для его обычных колебаний. Тем временем, чтобы заручиться дополнительным советом в столь серьезной чрезвычайной ситуации, он передал письма знати вместе с другими бумагами герцогу Алва и запросил его мнение по этому вопросу. Альва ответил ревом дикого зверя: "Каждый раз, - писал он, - когда я вижу депеши этих трех фламандских сеньоров, мой гнев настолько усиливается, что, если бы я не прилагал всех возможных усилий, чтобы сдержать его, мои чувства показались бы чувствами безумца". После этого язвительного излияния он продолжил выражать мнение, что вся ненависть и жалобы на кардинала возникли из-за его несогласия с созывом генеральных штатов. Что касается лиц,

которые столь щедро заслужили такое наказание, он рекомендовал "отрубить им головы; но до тех пор, пока это не будет сделано, королю следует лицемерить вместе с ними". Он посоветовал Филиппу не отвечать на их письма, а просто дать понять через регента, что их доводы в пользу предложенного ими курса не кажутся удовлетворительными. Он не предписывал такое лечение в данном случае как "истинное средство, а только как паллиатив; потому что на данный момент можно было использовать только слабые лекарства, от которых, однако, можно было ожидать лишь небольшого эффекта". Что касается отзыва кардинала, "поскольку они имели наглость сделать предложение его величеству", герцог самым решительным образом отговорил его от этого шага. В то же время, прежде чем станет возможным приступить "к тому решительному наказанию, о котором уже говорилось", он посоветовал максимально разобщить дворян, используя лесть и лживые ласки по отношению к Эгмонту, которого легче заманить в ловушку, чем других.

По крайней мере, передо мной был человек, который знал, что у него на уме. Передо мной был слуга, на которого можно было положиться и который выполнял приказы своего хозяина всякий раз, когда этому хозяину требовалась его помощь. Мощный взрыв гнева, с которым герцог таким образом отреагировал на первые симптомы того, что он расценивал как мятеж, давал слабое представление о тоне, который он примет, когда это движение достигнет более продвинутой стадии. Можно догадаться, какие средства он однажды назначит вместо "мягких лекарств", на которые он пока так неохотно соглашался.

В то время как сеньоры, регент и король придерживались такого курса в отношении всепоглощающей темы политики Нидерландов - борьбы с Гранвелем, кардинал в своих письмах Филиппу расписывал ситуацию мельчайшими повседневными штрихами, секрет которых был известен только его карандашу.

Все еще сохраняя позу оскорбленного, но всепрощающего христианина, он говорил о знати тоном мягкой печали. Он осуждал любое усиление королевского гнева в его пользу; он продолжал бы служить джентльменам, хотя бы они того или нет; он больше всего беспокоился, чтобы какие-либо соображения на его счет не повлияли на решение короля относительно курса, которого следует придерживаться в Нидерландах. В то же время, несмотря на эти общие заявления о благожелательности по отношению к знати, он представлял их как разорившихся расточителей, желающих посеять всеобщую неразбериху, чтобы избежать личной ответственности; как заговорщиков, оказавшихся в пределах досягаемости генерального прокурора; как честолюбивых недовольных, которые были склонны свергнуть королевскую власть и воздвигнуть аристократическую республику на ее руинах. Он не сказал ничего, что могло бы настроить короля против этих джентльменов, но позаботился о том, чтобы не упустить ничего, что могло бы привести к такому результату. Он описал их как систематически выступающих против политики, которая, как он знал, была близка сердцу короля, и как преисполненных решимости убить верного министра, который так решительно проводил ее в жизнь, если его смещение не могло быть осуществлено никаким другим способом. Он говорил о состоянии религии как о все более и более неудовлетворительном и сетовал на трудности, с которыми он мог добиться сожжения еретиков; трудности, проистекающие из нежелания людей, от чьего высокого положения можно было ожидать лучшего.

Поскольку Гранвель - важная личность, поскольку его характер попеременно то подвергался сильному порицанию, то вызывал все больше аплодисментов, и поскольку описываемая сейчас

эпоха была той, в которую быстро прорастали причины великого потрясения, абсолютно необходимо, чтобы читатель получил возможность изучить главного героя, нарисованного его собственной рукой; рукой, в которой в тот момент решались судьбы могущественной империи. Поэтому долг историка - полностью представить картину своего правления в свете. В тот момент, когда было отправлено письмо от 11 марта, кардинал представлял Оранского и Эгмонта как пытающихся всеми способами угрозы или обольщения склонить всех крупных сеньоров и мелкую знать присоединиться к лиге против него. Они поссорились с Эршотом и Арембергом, они более чем наполовину соблазнили Берлаймона, и они клеймили всех, кто отказывался вступить в их лигу, как кардиналистов и приспешников инквизиции. Он возразил, что отнестись бы к их недоброжелательству с безразличием, если бы не был убежден, что сам он всего лишь предлог и что их замыслы на самом деле гораздо глубже. После возвращения Монтиньи сеньоры учредили лигу, к которой присоединились этот джентльмен и его брат, граф Хорн. Он ничего не говорил о клеветнических письмах и памфлетах, постоянным объектом которых он был, поскольку не желал обращать внимания на вопросы, которые касались исключительно его самого, однако, несмотря на это заявление об отказе от ответственности, он редко упускал из виду появление всех таких произведений для особого сведения его Величества. "Лучше было успокоить дух людей, - сказал он, - чем возбуждать их". Что же касается разжигания ссор между сеньорами, как рекомендовал король, то в этом вряд ли была необходимость, поскольку раздор быстро сеял свои семена. "Ему было очень больно, - сказал он с христианским вздохом, - наблюдать, что такие разногласия уже возникали, и, к сожалению, из-за него". Затем он подробно описал ссору между Эршотом и Эгмонтом, о которой уже рассказывал регент, не опустив в своем заявлении ничего особенного, что могло бы сделать Эгмонта предосудительным в глазах короля. Он также описал ссору между тем же дворянином и Арембергом, на которую он уже ссылался в предыдущих письмах королю, добавив, что многие дворяне и даже более благоразумная часть народа были недовольны поведением вельмож и что он прибегал к тайным, но ловким средствам, чтобы утвердить их в таких чувствах. Он проинструктировал Филиппа, как ответить на адресованное ему письмо, но умолял его величество без колебаний пожертвовать им, если этого потребуют интересы его короны.

Что касается религиозных вопросов, он неоднократно выражал сожаление по поводу того, что, несмотря на его собственные усилия и усилия мадам де Парма, дела идут не так, как он желал, а, напротив, очень плохо. "Ради любви к Богу и служения святой религии, - пылко воскликнул он, - доблестно приложи свою царственную руку к делу, иначе нам остается только воскликнуть: "Помоги, Господи, ибо мы погибаем!"

Произнеся это благочестивое наставление на ухо человеку, который не нуждался в стимуляторах на пути преследований, он продолжил выражать свои сожаления по поводу того, что судьи и другие должностные лица не взялись за наказание ереси с подобающей энергией.

Однако в тот самый момент Питер Тительманн бушевал по Фландрии, вырывая целые семьи из постелей и сжигая их дотла с таким полным пренебрежением ко всем законам и формам, что уже на следующий год вызвал торжественный протест со стороны четырех поместий Фландрии; а Тительманн был всего лишь одним из дюжины инквизиторов.

Гранвель, однако, не мог находить особого удовлетворения в усилиях подчиненных до тех пор, пока люди, занимающие высокое положение, пренебрегали своими обязанностями. Маркиз Берген, сообщил он Филиппу, не проявлял особого желания бороться с ересью в Валансьене, в

то время как Монтиньи проявил такую же небрежность в Турне. Часто можно было услышать, как они говорили любому, кто соглашался слушать, что нехорошо назначать смертную казнь за религиозные дела. Это чувство, высказанное в тот век крови и огня и увенчавшее вечной честью память тех несчастных дворян, было осуждено церковником как преступное и заслуживающее кары. Более того, он намекнул, что эти заявления о милосердии были простым лицемерием и что в основе их сострадания лежал личный интерес. "Это очень мрачно, - сказал он, - когда правит интерес; но эти люди по уши в долгах, так глубоко, что они обязаны самой своей душой. Они ищут любые средства уклониться от своих обязательств и больше всего желают создать всеобщую неразбериху". Что касается принца Оранского, кардинал утверждал, что тот задолжал девятьсот тысяч флоринов и имел едва ли двадцать пять тысяч чистого дохода в год, в то время как он тратил девяносто тысяч, имея в своем доме графов, баронов и дворян в большом количестве. В этот момент он предположил, что было бы неплохо найти работу для некоторых из этих грандов в Испании и других владениях его Величества, добавив, что, возможно, Оранский мог бы согласиться стать вице-королем Сицилии.

Возвращаясь к религиозному вопросу несколько недель спустя, он выразился несколько бодрее: "Мы подняли столько шума, - сказал он, - что, наконец, маркиз Берген был вынужден сжечь двух еретиков в Валансьене. Таким образом, очевидно, - морализировал кардинал, - что, если бы он действительно захотел применить это средство в этом месте, можно было бы добиться большого прогресса; но мы мало что можем сделать, пока он остается в правительстве провинций и отказывается помогать нам ". В последующем письме он снова выступил с жалобами на маркиза и Монтиньи, которые отныне были его козлами отпущения и пугалами. Берген не окажет нам никакой помощи, написал он, несмотря на все письма, которые мы ему посылаем. Он отсутствует по личным и политическим причинам. Монтиньи ел мясо во время Великого поста, как сообщил мне епископ Турнейский. И он, и маркиз открыто говорят, что нехорошо проливать кровь из-за вопросов веры, чтобы король мог судить, чего можно добиться с такими помощниками. "Берген избегает преследования еретиков", - снова написал кардинал месяц спустя госсекретарю Пересу. Он поехал поправить здоровье в Спа, хотя те, кто видел его в последний раз, говорят, что он толстый и крепкий.

Гранвель, однако, добавил, что они, наконец, "сожгли заживо еще одного проповедника". Еретик, по его словам, притворился раскаявшимся, чтобы спасти свою жизнь, но, обнаружив, что в любом случае ему отрубят голову как догматику, он отказался от своего отречения. "Итак, - самодовольно заключил кардинал, - они сожгли его".

Он с большой регулярностью вел хронику высказываний и поступков главных лиц Нидерландов по указанию короля, высказывая подозрения, когда не мог представить доказательств, и добавляя снисходительные извинения, которые, как он знал, мало повлияют на разум его корреспондента. Таким образом, он отправил отчет об "очень секретной встрече", проведенной Оранж, Эгмонтом, Хорном, Монтиньи и Бергеном в аббатстве Ла Форест, недалеко от Брюсселя, добавив, что он не знает, что они там делали, и не знает, что подозревать. Он сказал, что был бы счастлив наилучшим образом истолковать их действия, но не мог не вспомнить с глубокой печалью замечание, недавно сделанное Оранж Монтиньи, о том, что однажды они станут сильнее. Позже в том же году кардинал сообщил королю, что те же самые дворяне проводили совещание в Вердте, что он не знал, о чем там шла речь, но счел это дело очень

подозрительным. Филипп немедленно передал разведданные Алве, а также выразил опасения Гранвелля и свои собственные, что продолжающееся присутствие министра в Нидерландах приведет к массовым беспорядкам.

Кардинал не опустил ни одного анекдота или намека, которые могли бы повредить репутации ведущих дворян, за исключением, возможно, графа Эгмонта. С этой важной персоной, характер которой он хорошо понимал, он, казалось, был полон решимости, по возможности, поддерживать дружеские отношения. В этом желании была глубокая политика, о которой мы расскажем ниже. Другие сеньоры были охарактеризованы в общих чертах как настроенные на свержение королевской власти. Они были настроены на падение Гранвелля как на первый шаг, потому что, когда это будет сделано, остальное последует само собой. "Они намерены, - сказал он, - преобразовать государство в форму республики, в которой король не будет иметь никакой власти, кроме как выполнять их приказы". Он добавил, что с сожалением наблюдал, как на границах собирается так много немецких войск, поскольку считал, что они находятся под контролем недовольной знати Нидерландов. Сделав этот серьезный намек, он продолжил на одном дыхании выражать свой гнев по поводу заявления, якобы сделанного Оранж и Эгмонтом, о том, что он обвинил их в намерении спровоцировать гражданские беспорядки, идея, добавил он, которая никогда не приходила ему в голову. В том же абзаце он вложил в самое подозрительное ухо, которое когда-либо слушало историю об измене, свою убежденность в том, что дворяне планировали создание республики с помощью иностранных войск, и пожаловался, что эти дворяне обвинили его в том, что он подозревал их. Что касается принца Оранского, то его описывали как вечно хвастающегося своим влиянием в Германии и великими делами, которых он мог добиться там благодаря своим связям, "так что, - добавил кардинал, - мы не слышим другой песни".

Ему было что сказать по поводу проектов этих вельмож упразднить все советы, кроме государственного, полный контроль над которым они намеревались получить. Маркиз Берген был представлен как стоящий за всеми этими интригами. Общим и очевидным намерением было коренное изменение формы правления. Маркиз намеревался командовать во всем, и герцогине вскоре нечего будет делать в провинциях в качестве регента короля. Фактически, сам Филипп был бы в равной степени бессилен, "ибо, - сказал кардинал, - им удалось бы полностью взять ваше величество под опеку". Более того, он добавил, что сеньоры, чтобы завоевать расположение народа и поместий, позволили им приобрести такую власть, что на любую просьбу о субсидиях они ответили бы всеобщим народным восстанием. "Это простая истина, - сказал Гранвель, - и более того, в результате того же процесса через несколько дней в стране точно так же не останется религии". Когда несколько недель спустя депутаты некоторых штатов были нерегулярно созваны в Брюсселе по финансовым соображениям, кардинал сообщил монарху, что знать пытается добиться их расположения, предлагая им великолепную серию празднеств и банкетов.

Он рассказывал различные анекдоты, которые время от времени доходили до его ушей, и все они вызывали подозрения относительно лояльности и ортодоксальности знати. Дворянин, прибывший из Бургундии, недавно, как он сообщил королю, обедал с принцем Оранским, у которого в то время проживали Горн и Монтиньи. За столом Монтиньи очень громким голосом окликнул незнакомого кавалера, сидевшего на большом расстоянии от него, чтобы спросить, много ли в Бургундии гугенотов. Нет, ответил джентльмен, и им не разрешили бы там существовать. "Тогда в этой провинции может быть очень мало умных людей, - возразил

Монтины, - потому что те, у кого есть хоть капля ума, в основном все гугеноты". Принц Оранский тут попытался положить конец разговору, сказав, что бургундцы были совершенно правы, оставаясь такими, какими они были; на что Монтины подтвердил, что за последнее время он наслушался месс столько, что их хватило бы ему на три месяца. - Все это, может быть, и шутки, - заметил Гранвель, - но очень плохие, и очевидно, что такой человек - неподходящий инструмент для исправления положения религиозных дел в Турне.

На другой большой вечеринке тот же хронист достоверно сообщил королю, что маркиз Берген очень злонамеренно дразнил герцога Эршота за то, что тот не хотел вступать в лигу. Герцог ответил так же, как он ранее ответил Эгмонту, что его величество не должен принимать законы от своих вассалов; добавив, что что касается его самого, то он намерен следовать верноподданническим путем своих предков, боясь Бога и почитая короля. Короче говоря, сказал Гранвель, он ответил им с такой мудростью, что, хотя они никогда не были высокого мнения о его способностях, их заставили замолчать. Этот разговор происходил в присутствии всех слуг, причем маркиз был особенно громогласен, хотя комната была битком набита ими. Как только скатерть была снята и несколько лакеев все еще оставались на месте, Берген возобновил разговор. Он сказал, что придерживается того же мнения, что и его предок Джон Бергенский, который однажды сказал деду короля, Филиппу Красивому, что если его величество стремится к собственной гибели, то у него нет намерения губить себя. Если нынешний монарх намеревается потерять эти провинции, управляя ими так, как он ими управлял, маркиз подтвердил, что у него нет желания терять то небольшое имущество, которым он сам владел в стране. "Но если, — возразил герцог Эршо, - король категорически откажется выполнить то, чего вы от него требуете, что тогда?" - "Par la cordieu!" - в ярости ответил Берген. - "Мы дадим ему посмотреть!" после чего все замолчали.

Гранвель умолял короля держать все это при себе, добавив, что его величеству совершенно необходимо таким образом узнать, каковы на самом деле намерения провинциальных джентльменов. В том же письме также говорилось, что негодяй-генуэзец, которому регент приказал покинуть Нидерланды из-за совершенного им убийства, содержался графом Хорном в Верте с целью убийства кардинала.

Он подтвердил, что ему не разрешалось требовать изгнания убийцы из дома графа, но, тем не менее, он позаботится о том, чтобы ни этот негодяй, ни кто-либо другой не достиг своей цели. Несколько недель спустя, выражая свою радость по поводу опровержения сообщения о том, что сам Филипп был убит, Гранвель добавил: "Мне тоже, по сравнению с ним всего лишь червяк, угрожают со стольких сторон, что многие должны считать меня уже мертвым. Тем не менее, я постараюсь, с Божьей помощью, прожить как можно дольше, и если они убьют меня, я надеюсь, что они не получат всего ". И все же, со свойственным кардиналу иезуитизмом, кардинал не смог удержаться, даже в том самом письме, в котором он подробно описывал мятежные выступления Бергена и убийственные планы Хорна, чтобы возразить, что он сказал все это не для того, "чтобы настроить его Величество против кого-либо, а только для того, чтобы стало известно, до каких высот дошла наглость". Конечно, король и священнослужитель, подобно римским прорицателям, рассмеялись бы друг другу в лицо, если бы встретились, над бессмысленностью подобных демонстраций. Письма Гранвеля были заполнены, по большей части, картинами измены, хитростей и кровавых намерений, сфабрикованных в основном на основе отчетов, застольных бесед, бессвязных разговоров в беззаботной обстановке домашнего общения, и в то же время всегда оставалось поле для выражения его собственного

уязвленного чувства по поводу пагубных подозрений, высказанных против него различными субъектами его писем. "Бог свидетель, - сказал он Пересу, - что я всегда говорю о них с большим уважением, чем они обо мне. Но Бог простит их всех. В такие времена, как сейчас, нужно держать язык за зубами. Нужно молчать, чтобы не разворошить осиное гнездо".

Короче говоря, кардиналу мало-помалу, в течение последнего года его пребывания в Нидерландах, удалось развернуть перед взором своего монарха полотно, на котором некоторые выдающиеся фигуры, ярко окрашенные терпеливо накапливаемыми штрихами, были представлены как те, кто против собственной воли подтолкнул целую нацию к явному восстанию. Сословия и народ, сказал он, уже устали от действий знати, и эти личности окажутся очень ошибочными, думая, что люди, которым есть что терять, последуют за ними, когда они начнут восстание против его Величества. В целом, у него не было желания продлевать свое собственное пребывание, хотя, надо отдать ему справедливость, страх на него не влиял. Он думал или делал вид, что думает, что ситуация была вызвана искусственным народным недовольством, вызванным интригами нескольких амбициозных и обедневших Катилины и Цетеги, а не растущим восстанием, какого мир никогда не видел, порожденным медленно пробуждающимся гневом целого народа после многолетних мучений. Средство, которое он рекомендовал, заключалось в том, чтобы его Величество лично посетил провинции. Монарх излечит все расстройство, как только появится, сказал кардинал, просто перекрестившись. Действительно ли быстро растущая раковая опухоль национального недовольства окажется всего лишь королевским злом, которое может быть исцелено королевским прикосновением, как считали многие люди, кроме Гранвелля, было вопросом, не подлежащим проверке. С этого дня Филипп начал лелеять надежду, что он приедет, чтобы применить желаемое средство, но даже тогда, по мнению хороших судей, он скорее пожертвовал бы миллионы, чем появился в Нидерландах. Вильгельм Оранский даже надеялся, что король посетит провинции. В письме Лазарусу Швенди он выразил свое желание, чтобы его государь прибыл лично, чтобы убедиться, правильно ли было сеять так много недоверия между ним самим и его верноподданными. Принц утверждал, что ни один человек, не находящийся на месте событий, не может представить себе ложь и клевету, распространяемые Гранвелем и его друзьями, обвиняющими Оранжа и его соратников в мятеже и ереси самым позорным образом в мире. В заключение он добавил, что больше писать не может, поскольку одна мысль о том, каким образом действовало правительство Нидерландов, наполняет его отвращением и яростью. Это письмо, а также письмо Эгмонта аналогичного содержания, было передано доблестным и высокоинтеллектуальным солдатом, которому они были адресованы, королю Испании с просьбой предостеречь его от горьких истин, которые в нем содержались. Полковник, который был самым верным другом Оранского, впоследствии написал Маргарите Пармской в том же духе, горячо призывая ее к умеренности в религиозных вопросах. Это заявление привело в ярость Морильона, самого доверенного человека кардинала, который, соответственно, передал эту информацию своему уже ушедшему в отставку шефу, воскликнув в своем письме: "Что этот неблагодарный бабуин имеет в виду, вмешиваясь в наши дела? Действительно, прекрасное положение вещей, если короли избирают или удерживают своих министров по воле народа; мало ли он знает о бедствиях, которые были бы вызваны ослаблением эдиктов". В том же смысле кардинал незадолго до своего отъезда, который теперь был неминуем, написал, чтобы предупредить своего государя о мятежном характере людей, которые тогда вставали грудью между народом и его палачами. Он заверил Филиппа, что от действий этих вельмож зависит все существование страны. Пришло время заставить их открыть глаза. Их следует всячески

призывать отказаться от своего порочного пути, поскольку свобода, которую, как они думали, они защищают, была всего лишь жалким рабством, подчинением тысяче низких и презренных личностей и тому "мерзкому животному, которое называется народом".

Из представленной нами картины соответствующих настроений Гранвеля, сеньоров и нации в течение всего 1563 года и начала следующего года достаточно очевидно, что кризис быстро приближался. Гранвель на данный момент торжествовал, Оранский, Эгмонт и Горн покинули государственный совет, Филипп все еще не мог решиться уступить буре, а Алва вызывающе кричал дворянам и всему народу Нидерландов. Тем не менее Маргарита Пармская смертельно устала от министра, сам кардинал больше всего хотел уехать, а нация — ибо нация существовала, каким бы мерзким ни было это животное, — с каждым днем приходила в ярость от присутствия человека, в котором, справедливо или ложно, она видела воплощение религиозного гнета, под которым они стонали. Тем временем в конце года произошел новый инцидент, усугубивший серьезность ситуации. Каспар Шец, барон Гроббендонк, устроил Большой званый обед в декабре 1563 года. Этот персонаж, чье имя на протяжении многих лет было известно в государственных делах страны, был одним из четырех братьев, основавших очень богатое и влиятельное торговое заведение.

Он был главным фактором и финансовым агентом короля. Он был одним из величайших столпов биржи в Антверпене. Он также был сносным ученым, отвратительным поэтом, интригующим политиком и коррумпированным финансистом. Он регулярно получал жалованье от сэра Томаса Грэшема, которому снабжал секретной информацией, для которого добивался особых благосклонностей и от правительства которого был вознагражден золотыми цепями и подарками в твердой валюте, врученными настолько же тайно, насколько ловко был передан эквивалент. Тем не менее, хотя его продажность уже была более чем подозрительной, и хотя его казнокрадство за время его долгой карьеры стало настолько обширным, что в конечном итоге он был привлечен к ответственности правительством и умер до того, как процесс был завершен, лорда Гроббендонка часто привлекали к самым деликатным переговорам, и в нынешнюю эпоху он был человеком, пользующимся большим влиянием в Нидерландах.

Генеральный казначей соответственно устроил свой памятный банкет для знатной компании. Разговор за ужином, как и было неизбежно, зашел о кардинале. Его хвастовство, жадность, дерзость были полностью разоблачены. Вино лилось рекой, как всегда на этих фламандских празднествах — мозги гордых и безрассудных кавалеров раскались от возбуждения, в то время как одиозный священнослужитель по-прежнему был темой их разговоров, объектом то яростных оскорблений, то презрительного веселья. Помпезная демонстративность, которую он демонстрировал в своих экипажах, ливреях и всех принадлежностях своего дома, часто вызывала у них насмешки, а теперь давала новый повод для их насмешек. Обычаи Германии, простые одеяния, в которые были облачены слуги величайших домов этой страны, контрастировали с мишурой и блеском, в которых щеголял сам прелат. В знак презрения к Гранвелю было предложено немедленно изобрести ливрею, как можно более отличную от его общей формы, и чтобы все присутствующие джентльмены без разбора использовали ее для своей прислуги. Таким образом, люди, которых кардинал хотел ослепить своим нарядом, научились бы оценивать подобные наряды по их истинной ценности. Было решено выбрать что-нибудь чрезвычайно простое и в немецкой моде. В то же время компания, теперь уже основательно разгоряченная вином и одержимая духом насмешек, решила, что к ливрее следует добавить символ, с помощью которого должно быть выражено всеобщее презрение к

Гранвелю. Предложение было встречено одобрительными возгласами, но кто должен был изобрести иероглифический костюм? Все были достаточно безрассудны и готовы, но требовалась изобретательность устройства. Наконец было решено решить вопрос наугад. Под крики веселья были брошены кости. Эти люди, возможно, рисковали своими жизнями из-за этого, но размышления придали игре только больше остроты. Эгмонт победил. Это была самая роковая победа, которой он когда-либо добивался, более смертоносный приз, чем даже трофеи Сен-Кантена и Гравелингена.

Через несколько дней слуги дома Эгмонтов удивили Брюссель, появившись в новой ливрее. Камзол и рейтузы самого грубого серого цвета и длинные свисающие рукава, без золотых или серебряных кружев, с единственным орнаментом, составляли весь костюм. На каждом рукаве была вышита эмблема, напоминавшая монашеский капюшон или колпак шута с колокольчиками. Девиз указывал на Кардинала, как и, напротив, подчеркнутая грубость платья. Не было никаких сомнений относительно значения капюшона, но те, кто видел в этом символе больше сходства с шутовским колпаком, вспомнили некоторые едкие выражения, которые Гранвель привык употреблять. В дни своей величайшей дерзости он имел обыкновение называть самых выдающихся вельмож занудами, сумасшедшими и шутами. Предполагалось, что вышитая шапочка шута символизирует насмешку и напоминает высокомерному священнику, что в костюме шута, как и в старые времена, может скрываться Брут. Каким бы остроумным или уместным ни было изобретение, ливрея имела огромный успех. Согласно договоренности, дворяне, обедавшие с казначеем, заказали ее для всех своих слуг. Никогда еще новое платье так быстро не входило в моду. Непопулярность министра способствовала причудливости устройства. Ливрея с шутовским колпаком вошла в моду. Никогда еще не было такого наплыва галантерейщиков, мерсеров и портных с тех пор, как Брюссель был городом. Все фризские ткани в Брабанте были израсходованы. Вся саржа во Фландрии была застегнута на монашеские капюшоны. Герцогиня сначала смеялась вместе со всеми, но кардинал позаботился о том, чтобы король был немедленно проинформирован по этому поводу. Регентша, возможно, не очень огорчилась, увидев, как высмеивают человека, которого она так искренне не любила, и приняла небрежные оправдания Эгмонта и Оранжа по этому поводу без суровой критики. Она написала своему брату, что, хотя у джентльменов не было злого умысла, она сочла за лучшее увещевать их не заходить в шутке слишком далеко. Однако она уже обнаружила, что сшито две тысячи пар рукавов, и самое большее, чего она смогла добиться, - это чтобы в будущем из ливреи были исключены шутовские шапочки или монашеские капюшоны. Соответственно, примерно во время отъезда кардинала были внесены изменения в костюм.

Вместо капюшонов был изображен пучок стрел или, в некоторых случаях, пшеничный сноп. На эту новую эмблему были наложены различные толкования. По словам самих дворян, это означало единение всех их сердец на службе королю, в то время как их враги намекали, что это, очевидно, символ заговора. Измененный таким образом костюм носили как сами джентльмены, так и их слуги. Эгмонт обедал за столом регента после отъезда кардинала в камлотовом камзоле с отвисающими рукавами и пуговицами, на которых был выбит пучок стрел.

Пока кардинал делал вид, что не одобряет моду только из-за ее бунтарской направленности. Дурацкие шапочки и капюшоны, кротко заметил он Филипу, были наименьшей частью преступления, поскольку нанесение вреда самому себе можно было легко простить. Пшеничный сноп и вязанки стрел, однако, были очень мерзкими вещами, поскольку они

предвещали и подтверждали существование заговора, чего никогда не мог допустить князь, хоть сколько-нибудь уважавший свою собственную власть.

Этот инцидент с ливреей привлек внимание общественности и разжег всеобщую ненависть в течение последних месяцев пребывания министра в стране. Тем временем три сеньора стали очень нетерпеливы, не получив ответа на свое письмо. Маргарита Пармская убеждала своего брата удовлетворить их требования, повторяя ему их горькие жалобы на то, что их характеры и поведение постоянно искажаются в глазах их государя, и живописуя свое собственное изолированное положение. Она представляла себя полностью лишенной поддержки этих великих личностей, которые, несмотря на ее уверения в обратном, упорно продолжали верить, что они были представлены королю как заговорщики и им грозила опасность быть наказанными как предатели. Филипп, со своей стороны, подделывал депеши Гранвелля, полные намеков на заговор, и советовался с Алвой, который уже рекомендовал отрубить несколько голов за государственную измену. Принц Оранский, у которого уже были тайные агенты при дворе короля и который был снабжен копиями самых личных бумаг во дворце, прекрасно понимал, что нельзя обманываться гладкими заверениями регента. Однако Филипп, наконец, начал втайне уступать. Он спросил совета Альвы, не лучше ли в целом позволить кардиналу покинуть Нидерланды, по крайней мере на время, под предлогом посещения своей матери в Бургундии, и пригласить графа Эгмонта в Мадрид, чтобы разорвать цепь, как предлагал Гранвель. Герцог ответил, что у него нет сомнений ни в растущей наглости трех сеньоров, как это изображено в письмах герцогини Маргарет, ни в их намерении сделать кардинала своей первой жертвой; это обычный принцип всех восстаний против монарха - нападать в первую очередь на главного министра. Однако он не мог убедить себя в том, что король должен уступить и отозвать Гранвелля. Тем не менее, если это вообще будет сделано, он предпочел бы, чтобы кардинал отправился в Бургундию без разрешения, испрошенного либо у герцогини, либо у Филиппа; и чтобы затем он написал, отказываясь возвращаться на том основании, что его жизнь в Нидерландах небезопасна.

После долгих колебаний монарх, наконец, остановился на плане, который зарекомендовал себя благодаря крайнему двуличию, которым он отличался, и сложной системе мелких обманов, которые, следовательно, требовались. Король, который никогда не был так счастлив и чувствовал себя как дома, как во время составления составных частей сложной лжи, теперь деловито работал в своем кабинете. В различных письмах регенту, трем дворянам, одному Эгмонту и Гранвелю он отмерил определенные пропорциональные части всего своего плана, которые, взятые по отдельности, были предназначены для обмана и действительно обманули почти каждого человека в мире, не только в его собственном поколении, но и в течение трех столетий после него, но которые были составлены синтетически, как это теперь можно сделать, в результате современных разоблачений, образовали одну полную и значительную ложь, наблюдение за которой дает изучающему урок политической химии тех дней, которая называлась макиавеллианской государственная мудрость. Прекращение регентства Гранвелля, более того, чрезвычайно важно не только из-за серьезных и почти нескончаемых результатов, к которым оно привело, но и из-за иллюстрации, которую оно дает о сокровенных характерах кардинала и "его господина".

Курьер, который должен был доставить письма Филиппа трем дворянам, был задержан на три недели, чтобы позволить Арментеросу, которому были поручены более важные и секретные послания для герцогини и Гранвелля, добраться до Брюсселя первым. Однако все письма были

готовы в одно и то же время. В письме-инструкции для Арментероса этому посланнику предписывалось сообщить регенту, что еретики должны быть наказаны с новой силой, что она должна отказаться созывать генеральные штаты под любым предлогом и что в случае сильного давления она должна обратиться непосредственно к королю. Что касается Гранвеля, секретарь должен был заявить, что его величество все еще раздумывает и что герцогиня будет проинформирована о решении, когда оно будет принято. Он должен был выразить королевское удивление по поводу отсутствия сеньоров на заседании государственного совета, безапелляционно намекнув, что они должны немедленно вернуться на свои посты. Поскольку они не указали никаких подробностей против кардинала, король все еще будет размышлять на эту тему.

Он также написал герцогине личную записку, в которой сообщил, что еще не отправил письма для трех дворян, потому что хотел, чтобы Арментерос прибыл раньше их курьера. Однако он приложил две записки для Эгмонта, из которых Маргарет должна была передать ту, которая, по ее мнению, была в данных обстоятельствах лучшей. В одном из этих посланий король сердечно согласился, а в другом вежливо отклонил недавнее предложение Эгмонта посетить Испанию. Он также направил кардиналу частное письмо, написанное его собственной рукой. Арментерос, который путешествовал медленно из-за состояния своего здоровья, прибыл в Брюссель ближе к концу февраля. Пять или шесть дней спустя, а именно 1 марта, прибыл курьер с депешами для сеньоров. В своем письме Оранжу, Эгмонту и Горну король выразил свое удивление по поводу их решения воздержаться от участия в государственном совете. - Тем не менее, - повелительно сказал он, - не забудьте вернуться туда и показать, насколько выше вы цените мою службу и благо страны, чем какие-либо другие особенности. - Что касается Гранвеля, - продолжал Филипп, - то, поскольку вы не станете выдвигать никаких уточнений, я намерен подольше поразмыслить над этим вопросом, чтобы устроить его так, как может показаться наиболее подходящим.

Это письмо было датировано 19 февраля (1564 г.), следовательно, почти на месяц позже секретного письма Гранвелле, доставленного Арментеросом, хотя все депеши были составлены в одно и то же время и составляли части одного и того же плана. Однако в этой короткой записке Гранвелю крылась суть всей тайны.

"Я много размышлял, - писал король, - обо всем, что вы писали мне в течение этих последних нескольких месяцев, относительно недоброжелательности к вам некоторых лиц. Я также замечая ваши подозрения, что, если вспыхнет восстание, оно начнется с вас лично, воспользовавшись таким образом случаем, чтобы перейти от этого момента к осуществлению своих скрытых замыслов. Я особенно принял во внимание уведомление, полученное вами от викария Святой Гудулы, а также то, что вы узнали о генуэзце, который содержится в Верте; все это доставило мне большое беспокойство также из-за моего желания сохранить вашу жизнь, в которой моя служба так глубоко заинтересована, а также из-за возможных последствий, если с вами что-нибудь случится, чего не дай Бог. Поэтому я подумал, что было бы неплохо, чтобы дать время и передышку ненависти и озлоблению, которые эти люди питают по отношению к вам, и чтобы посмотреть, на какие меры они пойдут при приготовлении необходимого лекарства для провинции, чтобы вы покинули страну на несколько дней, чтобы навестить свою мать, и это с ведома герцогини, моей сестры, и с ее разрешения, которое вы попросите, и которое я написал ей, чтобы она дала, не допуская, чтобы создалось впечатление, что вы получили от меня приказ на этот счет. Вы также будете умолять ее написать мне с просьбой одобрить то, что она должна

сделать. Следуя этим курсом, ни моя власть, ни ваша не пострадают; и в зависимости от того, какой оборот могут принять дела, могут быть приняты меры для вашего возвращения, когда это будет целесообразно, и для всего остального, что можно будет организовать".

Таким образом, в двух словах Филипп навсегда сместил непопулярного министра. Ограничение срока его отсутствия не имело никакого значения и не должно было иметь никакого. Если бы не было достаточно сил, чтобы удержать кардинала на его месте, то маловероятно, что более трудная задача по его восстановлению после падения была бы предпринята в ближайшее время. Однако, казалось, что таким образом более бережно относиться к самоуважению Гранвелля, оставляя смутную возможность для возможного возвращения, чем отправлять его в безоговорочное увольнение.

Таким образом, хотя король отказался придавать какое-либо значение заявлениям знати и делал вид, что все еще раздумывает, отзывать кардинала или нет, на самом деле он уже отозвал его. Все мельчайшие указания, согласно которым у герцогини следовало попросить разрешения предпринять шаг, который уже был предписан монархом, и снисхождение Филиппа, которого он жаждал, чтобы подчиниться его собственным недвусмысленным указаниям, были выполнены в точности.

Как только кардинал получил королевский приказ, он в частном порядке занялся приготовлениями к своему отъезду. Регент, с другой стороны, передал графу Эгмонту одно из двух писем Филиппа, в которых этому джентльмену было отказано в визите, герцогиня полагала, что при нынешнем положении дел она должна получить от него больше помощи, чем от остальных сеньоров. Однако, поскольку Гранвель все еще откладывал свой отъезд, даже после прибытия второго курьера, она снова оказалась в затруднительном положении. Трое дворян сочли письмо Филиппа к ним чрезвычайно "сухим и лаконичным", а Оранский категорически отказался выполнить приказ о повторном входе в государственный совет. На заседании этого органа 3 марта, на котором присутствовали только Гранвель, Виль и Берлаймон, Маргарита рассказала о своих бесплодных попытках убедить сеньоров подчиниться недавно переданным королевским приказам и поинтересовалась их мнением. Затем был дан экстраординарный совет, что "она должна дать им еще немного повозиться, а потом посмотреть, что можно сделать". Даже в последний момент кардинал, не желая признавать себя побежденным, хотя втайне желая уйти в отставку, был склонен к прощальной борьбе. Однако герцогиня, теперь вооруженная особыми распоряжениями короля и уставшая от того, что ей надоело держать бразды правления, в то время как такие могущественные и беспокойные особы "грызли удила", в частном порядке настояла на том, чтобы кардинал объявил о своем немедленном отъезде. Пасквиады и памфлеты появлялись уже ежедневно, один ожесточеннее другого; слухи быстро распространялись среди всех слоев населения, и сеньоры самым решительным образом отказывались отступить от своего решения не присутствовать на совете до тех пор, пока остается Гранвель. С этим ничего нельзя было поделать, и 13 марта кардинал отбыл. Однако, несмотря на таинственность всего процесса, Вильгельм Оранский не был обманут. Он был уверен, что министр был отозван, и считал крайне маловероятным, что ему когда-либо разрешат вернуться. "Хотя кардинал говорит о скором возвращении, - писал принц Шварцбургу, - мы, тем не менее, надеемся, что, поскольку он солгал о своем отъезде, он также пощадит правду в своих нынешних утверждениях". Таково было общее убеждение, насколько это касалось вопроса об обязательном отъезде министра, всех тех, кто имел обыкновение получать свою информацию и свое мнение от принца Оранского. Многие даже подумали, что Гранвелла

отозвали с позором и во многом против его воли. "Когда кардинал, - писал секретарь Лорич графу Людовику, - получил приказ короля уезжать, он зарычал, как медведь, и некоторое время оставался один в своих покоях, готовясь к отъезду. Он говорит, что вернется через два месяца, но некоторые из нас думают, что это будут два долгих месяца, которые съедят сами себя, как деньги, взятые займы у евреев ". Более того, один остряк, как только стало известно об отъезде министра, повесил на дверь дворца Гранвеля в Брюсселе большой плакат с надписью крупными буквами: "Продается немедленно". Таким образом, несмотря на королевскую изобретательность, многие проницательно подозревали истинное положение дел, хотя на самом деле лишь очень немногие знали правду.

Кардинал покинул Брюссель в сопровождении многочисленной свиты, величественных экипажей и при большом параде. Герцогиня предоставила ему своих собственных мулов и достаточный эскорт, поскольку король недвусмысленно распорядился, чтобы были приняты все меры предосторожности против любого нападения с целью убийства. Однако никто не опасался такого нападения, поскольку все были достаточно удовлетворены тем, что министр удалился. Бредероде и граф Хоогстраатен стояли вместе и смотрели из окна дома недалеко от ворот Кауденберга, чтобы полюбоваться зрелищем отступления их врага. Как только кардинал миновал эти ворота, направляясь в Намюр, первый этап своего путешествия, они выскочили на улицу, сели оба на одну лошадь, Хугстраатена, у которого единственного были сапоги на ногах, взяли седло, а Бредерода - на круп и поскакали за кардиналом с ликованием школьников. Сев на коней, они продолжили сопровождать кардинала в его путешествии. В какой-то момент они были так близко от его кареты, когда та проезжала через овраг, что могли бы заговорить с ним с высоты, где они остановились, чтобы понаблюдать за ним; но они натянули на лица накидки своих плащей и позволили ему беспрепятственно проехать. "Но они молодые люди, - благожелательно сказал кардинал, рассказав все эти подробности герцогине, - и не следует обращать особого внимания на их поступки". Он добавил, что один из джентльменов Эгмонта сопровождал их компанию в пути, останавливаясь с ними на одних постоянных дворах, очевидно, в надежде узнать что-нибудь из их разговора или поступков. Однако, если такова была цель этого человека, Гранвель выразил убеждение, что он разочарован, поскольку ничто не могло быть более веселым, чем вся эта компания, или более сдержанным, чем их беседа.

Кардинал немедленно начал приводить в действие систему обмана относительно своего отъезда, которая была спланирована Филиппом. Человек, которому король приказал покинуть Нидерланды и которого герцогиня подтолкнула к немедленному выполнению королевского приказа, начал адресовать письма как Филиппу, так и Маргарите. Он написал из Намюра, умоляя регентшу, чтобы она не преминула милостиво попросить его Величество извинить его отсутствие по личным причинам в данный конкретный момент. Он написал Филиппу из Безансона, сообщив, что его желание навестить мать, которую он не видел девятнадцать лет, и родную землю, в которой он был чужаком в течение того же периода, побудили его воспользоваться поездкой брата и сопровождать его на несколько дней в Бургундию. Поэтому, по его словам, он получил необходимое разрешение от герцогини, которая любезно пообещала написать с первым же курьером, чтобы просить его Величество одобрить вольность, на которую они оба решились. Оттуда же он снова написал регенту, сообщив, что некоторые дворяне сделали вид, будто узнали от Арментероса, что король приказал кардиналу покинуть страну и не возвращаться; все это, добавил он, было очень фальшивой выдумкой Ренардеска, над которой он только посмеялся.

Разумеется, его брат, в компании которого он собирался навестить мать, которую не видел последние девятнадцать лет, был озадачен не меньше, чем весь остальной мир. Шантонне не знал, что это путешествие было вызвано чем-либо, кроме предполагаемых мотивов, и не знал, что его брат, возможно, не навещал бы их общего родителя еще девятнадцать лет, если бы не получил королевский приказ покинуть Нидерланды.

Филипп, с другой стороны, очень умело сыграл свою роль в этом фарсе. Вилью, Берлаймон, Морильон и все младшие кардиналисты были полностью захвачены письмами, которые были официально отправлены герцогине в ответ на ее собственное уведомление и уведомление кардинала. "Я не могу ошибиться, - писал король, - в том, что вы дали отпуск кардиналу де Гранвелю на два или три месяца, согласно только что полученным от вас советам, чтобы он мог заняться некоторыми своими личными делами". Как только эти письма были прочитаны на совете, Виль добросовестно передал их Гранвелю для ознакомления с этим персонажем, добавив свое собственное невинное размышление о том, что "это был язык, сильно отличающийся от того, которого придерживались некоторые люди, которых ваша светлость удалили по приказу его Величества". Морильон также отправил кардиналу копию того же отрывка из королевского послания, сказав очень мудро: "Интересно, что они все скажут теперь, поскольку эти письма были зачитаны на совете". Герцогиня, как и полагается по долгу службы, во всех случаях категорически отрицала, что Арментерос привозил какие-либо письма с рекомендацией или приказом об отступлении министра. Она добросовестно демонстрировала письма его Величества, доказывая обратное, и все же, по словам Виглиуса, было очень трудно помешать людям говорить так, как им нравится. Гранвель не упускал случая ввести в заблуждение каждого из своих корреспондентов по этому поводу, ссылаясь, конечно, на те же королевские письма, которые были написаны для публичного прочтения специально для подтверждения этих заявлений. "Вы видите из писем его величества к мадам де Парма, - сказал он Морильону, - насколько ложно сообщение о том, что король приказал мне покинуть Фландрию, и в каком замешательстве находятся те люди, которые сфабриковали эту историю". По необходимости он должен был выполнить свою часть королевской программы, но он выполнил свою задачу так искусно и с таким чрезмерным рвением, что продемонстрировал свое глубокое сочувствие политике короля. Он лицемерил с большим изяществом, даже если король делал это более естественно. Никто не был слишком незначительным, чтобы его можно было обмануть, никто не был слишком величественным. Императору Фердинанду жилось не лучше, чем "эсквайру" Борди. "Некоторые из тех, кто ненавидит меня, - писал он властителю, - распространили сообщение о том, что меня выдворили из страны и я никогда не вернусь. Эта история развеялась, поскольку появились письма, написанные его Величеством герцогине Пармской по поводу отпуска, который она мне предоставила ". Сам Филипп направил Гранвелю частное письмо, конечно, чтобы другие могли его увидеть, в котором он сделал вид, что только что узнал, что кардинал получил разрешение регента "навестить свою мать, чтобы уладить некоторые семейные дела", и серьезно одобрил этот шаг. В то же время король не смог удержаться от соблазна добавить еще один штрих лицемерия к своей собственной роли в комедии. Гранвель и Филип обманули весь мир, но Филип также обманул Гранвеля. Кардинал сделал тайну своего отъезда для Полвиллера, Виль, Морильона, императора, своего собственного брата, а также для королевского секретаря Гонсало Переса; но он не знал, что Перес, которого, как он думал, он обманывал так же искусно, как и всех остальных, сам составил отзывное письмо, которое король впоследствии переписал собственноручно и пометил "секретно и конфиденциально". И все же Гранвель мог бы догадаться, что в такой

чрезвычайной ситуации Филипп вряд ли стал бы полагаться на свои собственные литературные способности.

Гранвель месяц за месяцем оставался в уединении, изо всех сил предаваясь философским размышлениям. Уже в последний период своего пребывания в Нидерландах он жил в относительном и вынужденном одиночестве. Его дом избегали те поклонники власти, чьи лица редко обращены к заходящему солнцу. Вследствие этого он уже перед своим отъездом начал рассуждать о прелестях уединения, о тяготах величия и о необходимости отдыха для людей, сломленных государственными бурями. Великий человек подобен озеру, сказал он, к которому обычно прибегает измученная жаждой толпа, пока вода не мутнеет и, наконец, не иссякает. Власть выглядела более привлекательной спереди, чем в ретроспективе. То, чем обладали мужчины, всегда имело меньшую ценность, чем то, на что они надеялись. В этом прекрасном стиле красноречивой банальности падший министр уже начал морализировать о тщете человеческих желаний. Когда он обосновался в своем очаровательном убежище в Бургундии, у него было достаточно свободного времени, чтобы продолжить обсуждение темы. Он оставался на пенсии до тех пор, пока у него не выросла борода до пояса, поклявшись, согласно сообщением, что не будет бриться до тех пор, пока его не вызовут в Нидерланды. Если бы слухи были правдивы, сказали некоторые джентльмены из провинции, он, вероятно, встал бы на ноги. Он заявлял, что желает себе ослепнуть и оглохнуть, чтобы ничего не знать о событиях в мире, описывал себя как погруженного в литературу и не годного ни для каких дел, кроме как оставаться в своей комнате, уткнувшись в книги, или заниматься личными делами и религиозными упражнениями. У него была очаровательная резиденция в Орчампе, где он проводил большую часть своего времени. В одном из своих писем вице-канцлеру Селду он очень деликатно и энергично описал красоты этого уединенного места— "На самом деле мне здесь не так плохо, - сказал он, - как должно быть в Индии. Я нахожусь в чудесных местах, о которых я мечтал для вас тысячу раз, ибо я уверен, что вы сочли бы их подходящими для философии и достойными обители Муз. Здесь прекрасные горы, высокие, как небеса, плодородные со всех сторон, увитые виноградниками и богатые всевозможными фруктами; здесь реки текут по очаровательным долинам, воды их чисты, как хрусталь, полны форели, разбивающейся бесчисленными каскадами. Здесь раскинулись величественные рощи, плодородные поля, прелестные луга; с одной стороны, здесь очень тепло, с другой - восхитительная прохлада, несмотря на летнюю жару. Нет недостатка и в хорошей компании, друзьях и связях с, как вы хорошо знаете, самыми лучшими винами в мире".

Таким образом, очевидно, что кардинал не был аскетом. В его обители были и другие приспособления, кроме тех, что использовались для учебы и богослужения. Его уединенная жизнь была, по сути, жизнью сладострастника. Его брат Шантонне упрекал его в роскоши и беспорядке его заведения. Он жил в "хорошем и радостном настроении". Он заявлял, что полностью удовлетворен ходом событий, зная, что Бог превыше всего и позаботится обо всех. Он открыто заявлял о своей решимости извлекать удовольствие и выгоду даже из недоброжелательности своих противников. "Взгляните на мою философию, - воскликнул он, - жить как можно радостнее, смеяться над миром, над страстными людьми и над всей их клеветой". Очевидно, что его философия, если она имела какое-либо реальное существование, была в достаточной степени эпикурейской. Однако она была в основном составлена из притворства, как и вся его природа и вся его жизнь. Несмотря на горы, высокие, как небеса, прохладные гроты, форель и лучшие бургундские вина в мире, о которых он так красноречиво рассказывал, вскоре ему действительно стало не по себе от своего вынужденного уединения. Его притворство

о том, что он "максимально настраивает себя на спокойствие", не могло обмануть никого из близких товарищей, к которым он обращался в таком назидательном ключе. Хотя он притворялся слепым и глухим к политике, у него не было глаз и ушей ни для чего другого. Мирские дела были его стихией, и он потерпел кораблекрушение в очаровательном одиночестве, которым притворялся, что восхищается. Ему больше всего хотелось снова вернуться в мир, но у него были сложные карты для игры. Его хозяин был еще более сомнителен, чем обычно, во всем. Гранвель был готов оставаться в Бургундии до тех пор, пока Филипп решит, что он должен оставаться там. Он также был готов отправиться в "Индию, Перу или в огонь", когда бы его королю ни потребовалась такая поездка, или вернуться в Нидерланды, столкнувшись с любой опасностью, которая могла подстергать его на пути. Вероятно, он долгое время лелеял надежду, что буря в провинциях утихнет и станет возможным его возвращение к власти. Вильгельм Оранский, хотя и был более чем наполовину убежден в том, что не будет предпринято никаких попыток заменить министра, считал необходимым строго следить за его передвижениями. "Мы должны быть настороже, - сказал он, - и не дать себя обмануть. Возможно, они хотят усыпить нас, чтобы лучше осуществить свои планы. Ибо в настоящее время все обстоит мирно, и весь мир радуется уходу этого доброго кардинала". Принц никогда не совершал ошибки, недооценивая таланты своего великого противника, и он чувствовал необходимость быть начеку в нынешней чрезвычайной ситуации. "Мы имеем дело с хитрой птицей, - сказал он, - которая не спит ни днем, ни ночью, если нам хотят нанести удар". Честный Бредероде, утешившись зрелищем ухода своего врага, вскоре начал подозревать его возвращение и высказываться по этому поводу, как обычно, со смехотворной горячностью. "Говорят, рыжий парень снова вернулся, - писал он графу Людовику, - и что Берлеймон отправился встречать его в Намюр. "Дьявол за этими двумя" было бы хорошей погоней". Тем не менее шансы на это возвращение становились с каждым днем все меньше. Маргарита Пармская ненавидела кардинала с большой сердечностью. Она перестала быть у него рабыней и попала в гораздо более презренные руки, но на короткий промежуток времени, казалось, испытывала удовольствие от обретения свободы. По словам Виглиуса, двор после ухода Гранвеля был похож на школу мальчиков и девочек, когда педагог стоит к нему спиной. Он был очень зол на герцогиню за ее явную радость по поводу эмансипации. Маргарет относилась к бедному президенту с самым явным презрением, которая также изо всех сил старалась показать свою неприязнь ко всем кардиналистам. Министр Арментерос запретил Борди, который был двоюродным братом Гранвелля и находился на иждивении, даже разговаривать с ним публично. Вскоре регентша сблизилась с Оранским и Эгмонтом еще больше, чем когда-либо с кардиналом. Ее заставили увидеть — и, увидев, она пришла в негодование — шифр, которым она на самом деле была во время его правления. "Можно сказать, который час, - писал Морильон павшему министру, - поскольку она никогда не пишет вам и не упоминает вашего имени". Что касается Арментероса, с которым Гранвель все еще поддерживал дружеские отношения, то он был неугомонен в своих попытках удержать некогда могущественного священника от повторного восстания. Уже втершись в доверие к регенту, он взял за правило показывать главным сеньорам различные письма, в которых кардинал предупреждал ее не доверять им. "Этот дьявол, - сказал Арментерос, - думал, что попал сюда, в Рай; но он ушел, и мы позаботимся о том, чтобы он никогда не вернулся". Вскоресочли весьма вероятным, что король просто тянет время и что добровольный отъезд министра был обманом. Конечно, ничего точно известно по этому поводу не было. Филип хорошо позаботился об этом, но тем временем ставки были очень высоки на то, что реставрации не будет, поскольку желающих было немного. Мужчины думали, что если бы у великого человека оставалась хоть капля королевской милости,

герцогиня не была бы столь решительна в своем поведении по этому поводу. Они видели, что она багровела от негодования всякий раз, когда упоминалось имя кардинала. Они слышали, как она благодарила Небеса за то, что у нее был только один сын, потому что, если бы у нее был второй, он, должно быть, был священнослужителем, причем таким же мерзким, какими всегда были священники. Они были свидетелями ежедневных оскорблений, которые она обрушивала на бедного Виль, как потому, что он был другом Гранвеля, так и потому, что на старости лет готовился принимать заказы. Действительно, прошли те времена, когда Маргарет была настолько преисполнена почтительной привязанности к прелату, что могла тайно переписываться со Святейшим Отцом в Риме и просить красную шляпу для объекта своего почитания. Теперь она написала Филиппу, заявив, что стала лучше осведомлена о делах в Нидерландах, чем когда-либо прежде. Она сказала своему брату, что все взгляды Гранвеля и его последователей, Виглиуса и остальных, имели тенденцию произвести революцию, которую, как они надеялись, Филипп застанет в полном действии, когда приедет в Нидерланды. По ее словам, их целью было ловить рыбу в мутной воде, и для достижения этой цели они всегда преследовали план получения исключительного контроля над всеми делами. Это было причиной, по которой они когда-либо выступали против созыва генеральных штатов. Они боялись, что их книги будут прочитаны и их обман, несправедливость, симония и грабеж будут раскрыты. Таков был бы результат, если бы в стране было восстановлено спокойствие, и поэтому они сделали все возможное, чтобы разжигать и поддерживать раздор. Герцогиня вскоре после этого развлекла своего царственного брата очень подробными отчетами о различных актах симонии, казнокрадства и растраты, совершенных Виль, которым кардинал помогал и подстрекал и которыми он извлек выгоду. — [Переписка филолога. II, i. 318-320.] — Эти откровения неоценимы с исторической точки зрения. Они не повышают нашу оценку характера Маргарет, но, безусловно, дают нам четкое представление о характере администрации Гранвеля. В то же время для герцогини было характерно, что, рисуя портрет кардинала для частного детектива его государя, она обращалась к самому изгнанному министру с тайным выражением соболезнования и даже раскаяния. Она написала, чтобы заверить Гранвеля, что крайне раскаивается в том, что приняла взгляды Оранжа. Она пообещала, что повсюду будет публично заявлять, что кардинал был честным человеком, непорочным в своей морали и своем управлении, самым ревностным и верным слугой короля. Она добавила, что осознает свои обязательства перед ним и что любит его как брата. Она утверждала, что если фламандские сеньоры побудили ее лишить кардинала власти, то она уже раскаялась и что ее вина заслуживает того, чтобы король, ее брат, отрубил ей голову за то, что она вызвала столь великое бедствие. — ["Воспоминания Гранвеля", том 33, стр. 67.]

Между языком, который герцогиня использовала одновременно по отношению к Гранвеллу и Филиппу, безусловно, было несоответствие, но Маргарет обучалась в школе Макиавелли и сидела у ног Лойолы.

Кардинал ответил с такой же учтивостью, заявив, что такое письмо от герцогини не оставляет ему больше ничего желать, поскольку оно дает ему "полное и совершенное оправдание" его поведения. Без сомнения, он знал о ее истинных чувствах, но был слишком политичен, чтобы ссориться с такой важной персоной, как сестра Филиппа.

Инцидент, произошедший через несколько месяцев после ухода министра, показал, какого общего мнения о нем придерживались все слои голландцев. Граф Мансфельд отпраздновал крещение своего сына Филиппа Октавиана великолепной серией торжеств в Люксембурге,

столице его правительства. Помимо турниров и тому подобных видов спорта, которыми в те дни привыкли развлекаться высшие классы европейского общества, устраивался грандиозный маскарад, на который публика допускалась в качестве зрителей. В этом "ряженном" самым успешным зрелищем было представление группы, устроенное в явную насмешку над Гранвелем. Фигура, одетая в костюм кардинала, с красной шляпой на голове, прогуливалась по арене верхом на лошади. Перед ним шествовал человек, одетый как отшельник, с длинной белой бородой, перебирающий бусинки на четках, которые он демонстративно держал в руках. За кардиналом на коне следовал Дьявол, одетый в обычное обличье, которое считалось подходящим Князю Тьмы, который хлестал и лошадь, и всадника хлыстом из туманохвостов, заставляя их в большом трепете носиться по ристалищу, к огромному удовольствию зрителей. Практический каламбур над именем Симона Ренара, воплощенный в "Лисьем хвосте", с намеком на эффект многочисленных ударов, нанесенных этим самым злейшим и яростным врагом по Гранвелю, был понят толпой и пришелся ей по вкусу. Ничто не могло быть более сердечным, чем удары, нанесенные представителю министра, за исключением аплодисментов, которыми была встречена эта сатира, состоящая из настоящего подстрекательства. Юмористическое зрелище поглотило весь интерес маскарада и часто повторялось. Казалось, трудно удовлетворить всеобщее желание стать свидетелем тщательного наказания преступника.

Инцидент наделал большой шум в стране. Кардиналисты, естественно, были очень разгневаны, но они были в меньшинстве. Со стороны правительства в Брюсселе не последовало никакого порицания, и Мансфельд был тогда и еще долгое время после этого главной опорой королевской власти в Нидерландах. Было достаточно очевидно, что Гранвеля, по крайней мере на какое-то время, не поддерживала ни одна из сколь-либо влиятельных партий.

Тем временем он оставался в своем уединении. Его непопулярность, однако, не уменьшилась в его отсутствие. Более чем через год после его отъезда Берлаймон сказал, что дворяне ненавидят кардинала больше, чем когда-либо, и съедят его живьем, если поймают. Шансы на его возвращение постепенно уменьшались. Примерно в то же время Шантонне посоветовал своему брату показать зубы. Он заверил Гранвеля, что тот слишком спокоен в своем позоре, напомнил ему, что принцы испытывали теплую привязанность, когда хотели использовать людей, но когда они могли получить их слишком дешево, они мало ценили их, не обращая внимания на людей, которых привыкли видеть у себя под ногами. В неоднократных письмах он призывал кардинала снова собраться с духом, напустить на себя грозный вид и перестать сидеть на корточках. "Весь мир говорит, - заметил он, - что игра между королем и вами окончена, и вскоре все будут смеяться над вами и считать вас простофилей".

Уязвленный или ободренный этими увещеваниями и уставший от своей отставки, Гранвелле, наконец, отказался от всякого намерения вернуться в Нидерланды и ближе к концу 1565 года уехал в Рим, где участвовал в избрании папы Пия V. Пять лет спустя Филипп нанял его для ведения переговоров по договору между Испанией, Римом и Венецией против турок. Впоследствии он был вице-королем Неаполя, а в 1575 году переехал в Мадрид, чтобы принять активное участие в управлении общественными делами, "беспорядки в которых, - говорит аббатБуазо, - больше не могли пресекаться людьми посредственных способностей". Он умер в этом городе 21 сентября 1586 года в возрасте семидесяти лет и был похоронен в Безансоне.

Мы подробно остановились на управлении страной этим замечательным персонажем, потому что этот период был одним из жизненно важных в истории Нидерландского содружества. Министр, который руководит страной в эпоху, когда гражданская война неминуема, несет на своей голове по меньшей мере такую же тяжелую ответственность, как и человек, который отправляется противостоять вооруженному и полномасштабному восстанию. Все причины, из-за которых возникло великое восстание, находились в бурном действии в эпоху могущества Гранвеля. По тому, как он вел себя в присутствии этих опасных и активных участников надвигающихся потрясений, следует судить о его характере как исторического персонажа. Его индивидуальность имела так много общего с курсом правительства, полномочия, предоставленные в его руки, были столь обширны, а его энергия столь неутомима, что трудно преувеличить важность его влияния на судьбу страны, которой ему было позволено править. Именно по этой причине мы приложили немало усилий, чтобы представить его портрет, набросанный, так сказать, его собственной рукой. Однако необходимо сделать несколько общих замечаний. Долг историка - зафиксировать на одном простом и определенном полотне цвета-хамелеоны, в которых утонченный кардинал создал свой собственный образ. Почти любая теория, касающаяся его характера, может быть изложена и подкреплена многочисленными цитатами из его работ; более того, самые противоположные выводы относительно его внутренней природы часто можно сделать из одного-единственного из его личных и нескончаемых писем. Встав на путь под его руководством, часто бывает трудно понять, к чему мы клоним. Лицо гребца сияет безмятежностью, но он смотрит в одном направлении, а гребет в противоположном. Так было и три столетия назад. Стоило ли удивляться, что многие не видели пропасти, к которой катилась лодка, вмещавшая их всех, подчиняясь тому же импульсу?

Никто никогда не оспаривал таланты Гранвеля. От друзей и врагов его интеллект получил полную меру аплодисментов, на которые он когда-либо мог претендовать. Несомненно, его гений был редкого и утонченного рода. Его великая сила была по сути драматической по своей природе. Он овладевал характерами людей, с которыми ему приходилось иметь дело, а затем принимал их на себя. Он практиковал это искусство главным образом на особах высокого положения, поскольку его план состоял в том, чтобы управлять миром, приобретая власть над его помазанными правителями. Внешне он был мягким и податливым рабом, но на самом деле, пока длилась его власть, деспотом своих хозяев, он осуществлял безграничный контроль, разыгрывая их роли с такой точностью, что они сами были обмануты. Невозможно не восхищаться легкостью, с которой этот опытный Протей последовательно примерял на себя роли Филиппа и Маргариты во всех сложных делах и объемистой переписке своего правительства.

Когда посланники высокого ранга должны были быть отправлены с конфиденциальными миссиями в Испанию, кардинал получала их инструкции как герцогиня — проливая свет на их предполагаемые мотивы в секретных письмах как сестра короля — и отвечала на их заявления с глубокой мудростью как Филипп; передавала депеши, письма и сводки для королевских бесед, чтобы они были тщательно изучены до прибытия посла. Тот, кто отправлялся из Брюсселя в Мадрид, чтобы избежать влияния вездесущего кардинала, обязательно сталкивался с ним в самых сокровенных уголках королевского кабинета, как только его допускали на аудиенцию. Беседовать с Филиппом или Маргаритой было все равно что общаться с Энтони. Мастерство, с которым он вел свою игру, спокойно сидя на своей роскошной вилле, то протягивая длинную руку, чтобы сдвинуть короля в Мадриде, то ставя Маргариту на то место, которое ему нравилось, и имея дело с епископами, Рыцарями Руна и более мелкими сановниками,

Ричардотами, Морильонами, Вильями и Берлаймонтами, руководствуясь исключительно своим собственным планом действий, было поистине такого рода, что вызывало у нас особое удивление. Его способности к ведению дел и способность читать характеры были экстраординарными; но было необходимо, чтобы эти дела были деспотическими, а характеры - низшими по природе. Он мог читать Филиппа и Маргариту, Эгмонта или Берлаймонта, Алву или Виглиуса, но у него не хватало смелости проникнуть в глубины ума, подобные уму Вильгельма Молчаливого. Его гений был ловким и утонченным, но не глубоким. Он стремился к власти, подчиняя сильных мира сего, но у него не было интеллекта, который позволяет при дневном свете лицом к лицу сталкиваться с великими событиями и умами. В жестокой политической борьбе, из которой состояла его администрация, он был сорван и отброшен превосходящей силой человека, который вел открытую и мужественную войну и у которого не было защиты от отравленного оружия своего врага.

Его литературные достижения были очень велики. Его плодовитость была поразительной, и он писал по своему желанию на семи языках. "Эта способность к полиглотству сама по себе не была очень примечательным обстоятельством, поскольку она проистекала из его необходимого образования и географического положения. Немногие мужчины в ту эпоху и в том регионе были ограничены своим родным языком. Принц Оранский, который не особенно претендовал на ученость, владел по меньшей мере пятью языками. Эгмонт, которого считали невежественным человеком, определенно был знаком с тремя. Кардинал, однако, писал не только с легкостью, но и с замечательной эlegantностью, энергией и живостью, на каком бы языке он ни изъяснялся. Стиль его писем и других документов, рассматриваемых просто как сочинения, не уступал стилю ни одного писателя того времени. Его случайные выступления также были уважаемыми образцами гладкой и плавной риторики в эпоху, когда искусство красноречия было не слишком развито. И все же следует признать, что под всем неглубоким, но гармоничным течением его периодов было бы напрасно искать крупину золотого песка. Во всех его произведениях нельзя найти ни единой безупречной, мужественной мысли. Если временами наше восхищение возбуждается при виде жемчужины истинной философии, то вскоре при ближайшем рассмотрении мы вынуждены признать, что были обмануты фальшивым блеском. Выйдя на пенсию, его одиночество не было скрашено серьезным обращением к какой-либо отрасли знаний. Преданность науке и продвижению знаний, добродетель, которая превратила позор даже более низких натур, чем у него, в славу, никогда не украшала его уединения. У него был изысканный вкус, он строил прекрасные дворцы, коллекционировал картины и рассуждал об изящных искусствах с мастерством и красноречием опытного знатока; но нектарные плоды божественной философии были для него всего лишь жесткими и раздражительными.

Уловить его моральные качества еще труднее, чем интеллектуальные. Непростая задача - проникнуть в сокровенную внутреннюю структуру натуры, у которой едва ли был внутренний мир. Он не изменился, но ежедневно проявлял себя в разных аспектах. Однако у него были определенные особенности, которые не вызывали сомнений. Он всегда был мужественным, в целом спокойным. Оказавшись среди нации, которая его ненавидела, подвергаясь яростному противодействию самых могущественных противников, почти не имея друзей, кроме трусливого Вилью и плюралиста Морильона, тайно преданный Маргаритой Пармской, оскорбленный грубыми вельможами и под угрозой ночных убийц, он никогда не терял самообладания, своего невозмутимого высокомерия, своей силы духа. Он был храбр по натуре. Он не был страстным в своих обидах. Сказать, что он был всепрощающим по натуре, было бы огромной ошибкой; но то,

что он мог отказаться от мести по велению политики, совершенно очевидно. Он мог тянуть время, даже после получения того, что он считал серьезными травмами, если преступники были могущественны. Он никогда не проявлял злобы против герцогини. Даже после своего отстранения от власти в Нидерландах он ходатайствовал перед папой римским в пользу Оранского княжества, которое понтифик был склонен конфисковать. Принц в то время был таким же добрым католиком, как и кардинал. Он, по-видимому, был в хороших отношениях со своим сувереном, и, казалось, ему предстояла успешная карьера. Он был не из тех людей, с которыми можно ссориться. Позднее, когда положение этого великого человека было наиболее ясно определено миру, древняя привязанность кардинала к своему бывшему другу и ученику не помешала ему предложить знаменитый запрет, согласно которому за его голову была назначена награда, а его жизнь была передана в руки каждого наемного убийцы в Европе. Это не помешало ему предаться шутливости дьявола, когда весть о первых плодах этой щедрости за убийство достигла его ушей. Это не помешало ему весело смеяться над болью, которую, должно быть, испытал его старый друг, раненный в голову и лицо мушкетной пулей, и над изуродованным видом, который его "красивое лицо, должно быть, представляло в глазах его жены-вероотступницы". Это не помешало ему решительно не поверить, а затем и вовсе отказаться от утешения, когда было объявлено о выздоровлении прославленной жертвы. Он всегда мог притворяться, не забывая полностью о своих обидах. Конечно, если бы он был всепрощающим христианином, каким себя представлял, было бы странно размышлять о конечной судьбе Эгмонта, Горна, Монтиньи, Бергена, Оранжа и множества других, чьи отношения с ним были враждебными.

Его расточительность была огромной, а жизнь - роскошной. В то же время он мог оставить своего брата Шампаньи — человека со всеми его недостатками, благородной натуры и талантами, едва ли уступающими его собственным, — долгое время томиться в крайней бедности, поддерживаемый милосердием старого слуги. Его жадность к богатству вошла в поговорку. Ни одно благо не было слишком большим или слишком ничтожным, чтобы избежать поглощения, если оно находилось в пределах его возможной досягаемости. Обремененный местами и предпочтениями, купающийся в богатстве, он приближался к своему государю с жалобным хныканьем нищего. Он говорил о своей собственности как о "несчастье", когда просил о благах, и выражал свою благодарность на языке раба, когда получал их. Получив аббатство Святого Армана, он едва мог дожждаться похорон епископа Турнейского, прежде чем заявить права на огромные доходы Афлигема, заверив при этом короля, что его годовой доход составляет всего восемнадцать тысяч крон. В то же время, получая таким образом или преследуя огромные доходы от Сент-Армана и Афлигема, он мог отобрать аббатство Труль из ожидающих рук бедных иждивенцев и принимать гобелены и бочки с вином от Жака Лекьена и других в качестве налога на блага, которые он для них закупал. И все же человек, который, как и его отец до него, так долго жирел на государственные деньги, который в самом начале навлек на себя резкий упрек императора в жадности, чья семья, помимо всего этого жалованья и личной собственности, уже владела фрагментами королевских владений в виде девятнадцати баронств и сеньорий в Бургундии, помимо графства Кантекруа и других поместий в Нидерландах, имел наглость заявить: "Мы всегда больше ценили службу господину, чем нашу собственную выгоду".

Оценивая поведение министра по отношению к провинциям, мы встречаемся на пороге с целым роем туманных утверждений, которые по своей природе ослепляют или отвлекают от суждений. О его характере следует судить в целом и по его общим результатам, с тщательным

учетом противоречий и двусмысленностей. Истина ясна и единственна, но свет неоднозначен и преломляется в призме лицемерия. Отличительной чертой его правления был длительный конфликт между ним самим и ведущими сеньорами Нидерландов. Основой борьбы был религиозный вопрос. Пусть ссору переломят или подвергнут пыткам любым способом, который только может изобрести человеческая изобретательность, все равно остается неоспоримым, что главной целью Гранвелля было укрепить и расширить инквизицию, а его противников - свергнуть этот институт. Из этого неизбежно следовало, что древние хартии должны были быть втоптаны в пыль, прежде чем этот трибунал смог одержать победу. Дворяне, хотя все были католиками, защищали дело бедных религиозных мучеников, привилегии нации и права своего ордена. Они были консерваторами, сражавшимися за существование определенных великих фактов, полностью согласующихся с любой теорией справедливости и божественного разума, — за древние конституции, которые были куплены кровью и сокровищами. "Я буду отстаивать", - таков был девиз Вильгельма Оранского. Филипп, фанатичный и абсолютный, почти непостижимый, возможно, оказался бы невосприимчивым к любым заявлениям, даже Гранвелля. Тем не менее, министр мог бы попытаться выполнить эту задачу, и ответственность тяжела для человека, который разделял власть и руководил карьерой, но который никогда не переставал представлять великодушное сопротивление отдельных людей безумной жестокости как преступление против Бога и короля.

Однако из его писем взяты выдержки, доказывающие, что он считал испанцев "гордецами и узурпаторами", что он с негодованием отрицал, что когда-либо выступал за подчинение Нидерландов солдатам этой нации; что он рекомендовал вывести иностранные полки и что он посоветовал королю, когда тот приедет в страну, привести с собой как можно меньше испанских войск. Следует, однако, помнить, что он использовал, согласно его собственным заявлениям, все средства, какие только могла предложить человеческая изобретательность, чтобы удержать иностранных солдат в провинциях, что он "оплакивал до глубины души" их вынужденный отъезд и что он не соглашался на эту меру до тех пор, пока народ не пришел в смятение, а зеландцы не пригрозили погрузить страну в океан. "Вы можете судить о средствах, используемых для возбуждения народа, - писал он Пересу в 1563 году, - по тому факту, что распространилось сообщение о том, что герцог Альва направляется сюда, чтобы тиранить провинции". Тем не менее, из признаний Дель Рио, одного из членов совета крови Альвы, следует, что "кардинал Гранвелле прямо посоветовал отправить армию испанцев в Нидерланды для поддержания послушания его Величеству и католической религии", и что герцог Альва был назначен главнокомандующим по совету кардинала Спинозы и кардинала Гранвелле, как явствует из многих писем, написанных в то время его друзьям. По тем же признаниям, оказалось, что политический курс, столь недвусмысленно рекомендованный Гранвеллем, "закключался в том, чтобы подчинить страну системе правления, подобной системе Испании и Италии, и полностью подчинить ее испанскому совету". Когда грозный герцог отправился на свое кроваво-огненное дело, кардинал обратился к нему с письмом, полным лести; протестуя, "что всему миру известно, что ни один человек не может быть сочтен столь подходящим, как он, для участия в деле такой важности"; призывая его как можно быстрее продвигаться со своей армией в Нидерланды, надеясь, что "герцогине Пармской не будет позволено согласиться на какое-либо помилование или уступку городам, что помешает строительству крепостей, или на отмену хартий, которые были конфискованы", быть предотвращенным" и давал ему множество советов относительно общих мер, которые следует принять, и лиц, которых следует нанять по его прибытии, в числе которых особенно рекомендовался печально известный Нуаркармес. В

документе, найденном среди его бумаг, эти же пункты, наряду с другими, были рассмотрены довольно подробно. Объединение провинций в одно королевство, король которого должен был быть коронован абсолютным сувереном; установление универсального закона для католической религии, при этом соблюдалась осторожность, чтобы не называть этот закон инквизицией, "потому что для северных народов не было ничего более отвратительного, чем слово "испанская инквизиция", хотя само по себе это было самым святым и справедливым"; упразднение широкого или генерального совета в городах, единственного народного представительства в стране; строительство множества цитаделей и крепостей с гарнизонами из испанцев, итальянцев и Немцы. Таковы были основные положения этого замечательного документа.

Мужественная и открытая оппозиция знати была заклеяна оскорбленным священником как заговор. Он неоднократно шептал на ухо королю, что их лига была изменническим заговором, который генеральный прокурор должен был преследовать в судебном порядке; что сеньоры намеревались полностью подорвать власть Суверена; что они намеревались поставить своего короля под опеку, заставить его подчиняться всем их приказам, выбрать другого принца крови своим вождем, установить республику с помощью иностранных войск. Если бы подобные инсинуации, таким образом тайно донесенные до ушей Филиппа, который, подобно своему предшественнику Дионисию, получал удовольствие ежедневно выслушивать обвинения против своих подданных и стоны своих пленников, вряд ли вызвали бы опасную гангрену в королевском сознании, было бы трудно указать какой-либо курс, который привел бы к такому результату. Тем не менее кардинал утверждал, что он никогда не оказывал джентльменам плохих услуг, но что "они были разгневаны на него за то, что он хотел поддержать авторитет магистра". Почти в каждом письме он выражал расплывчатые общие оправдания или даже одобрение, в то же время фиксируя каждый ежедневный факт, который приводил к их дискредитации. Факты, которые он особенно умолял короля сохранить при себе, расплывчатые похвалы, которые он столь же настоятельно просил его повторить тем, кого это заинтересует. Постоянно бросая мелкие намеки, как камешки, в глубины подозрительной души своего хозяина, он знал, что в конце концов воды горечи перельются через край, но он обратил вечно улыбающееся лицо к тем, кому суждено было стать его жертвами. В его иронии всегда было что-то похожее на вежливую просьбу инквизитора к палачу о том, чтобы он обращался со своими заключенными помягче. В отношении такой молитвы от Филиппа можно было ожидать примерно того же результата, что и от палача. Даже если бы его критика была одинаково снисходительной, положение знати и ведущих горожан, таким образом подвергшихся постоянному, но тайному надзору, было бы слишком раздражающим, чтобы его можно было терпеть. Они не знали так точно, как мы узнали спустя три столетия, что все их праздные слова и небрежные жесты, равно как и более серьезные поступки, заносились в записную книжку, которую они заучивали наизусть в тайниках королевского кабинета и королевского разума; но они подозревали кардинала в шпионаже и открыто обвиняли его в тайной злобе.

Люди, отказавшиеся сжигать своих собратьев за различие в религиозных взглядах, были заклеяны как демагоги; как разорившиеся расточители, желавшие сбежать от своих обязательств в разгар революционной неразберихи; как замаскированные еретики, которые ждали удобного случая раскрыть свои истинные характеры. Монтиньи, который, будучи Монморанси, был почти союзником коннетабля и адмирала Франции и состоял в эпистолярной переписке с этими родственниками, считался гугенотом; следовательно, в глазах Филиппа, конечно, самым чудовищным из злоумышленников.

Хотя ни один человек не мог бы так щедро разбрасываться благочестивыми размышлениями и священными текстами, все же даже в его самых назидательных письмах всегда присутствовала запоздалая мысль. Время от времени уголок маски приподнимается, и открывается смертоносное лицо медленной, но неотвратимой мести. "Я очень хорошо знаю, - писал он Виглию вскоре после своего падения, - что месть принадлежит Господу - Бог мне свидетель, что я прощаю все прошлое". Тем не менее, в том же письме он добавил: "Моя теология, однако, не учит меня, что, терпя, человек позволяет своим врагам совершать еще большие ошибки. Если королевское правосудие в ближайшее время не будет пущено в ход, я буду вынужден исправиться. Это продолжается слишком долго - истощенное терпение сменяется яростью. Необходимо, чтобы каждый человек помогал себе, как он может, и когда я решу внести сумятицу в игру, я сделаю это, возможно, более заметно, чем другие". Несколько недель спустя, в письме тому же корреспонденту, он заметил: "Нам придется снова вернуться и порадоваться вместе. Что бы ни приказал король, я сделаю, даже если мне придется идти в огонь, что бы ни случилось, и без страха и уважения к кому бы то ни было, я намерен оставаться тем же человеком до конца — Долговечным; — и у меня достаточно твердая голова, когда я за что—либо берусь - "некий анимизм депондео". Здесь, несомненно, было значительное предзнаменование грядущего всеобщего гнева, и поэтому не имело большого значения то, что портреты Бергена, Хорна, Монтиньи и других, написанные им, так редко смягчались более лестными оттенками, которые он иногда смешивал с мрачным колоритом других своих картин. Особенно в отношении графа Эгмонта, его поведение было несколько озадачивающим и, на первый взгляд, почти непостижимым. Этот дворянин был самым яростным противником его курса, замахивался на него кинжалом, часто осыпал его личными оскорблениями и увенчал свое оскорбительное поведение изобретением памятного шутовского колпака - ливреи. И все же кардинал обычно говорил о нем с жалостью и мягким вниманием, описывал его как действительно доброжелательного человека, введенного в заблуждение другими, как "друга дыма", которого легко заполучить лестью и подкупом. Когда встал вопрос о поездке графа в Мадрид, кардинал повторил свои комплименты с дополнительным выражением нетерпения, чтобы они были переданы их объекту. Откуда вся эта христианская кротость у автора запрета Апельсина и восхвалителя Алвы? Истинное объяснение такой выдержки кардинала кроется в той оценке, которую он составил о характере Эгмонта. Гранвель оценил этого человека по достоинству, и даже он не мог предвидеть беспримерной жестокости и тупости, которые в конечном итоге должны были характеризовать поведение Филиппа по отношению к нему. Напротив, были все основания для того, чтобы кардинал видел в графе личность, которой блестящие заслуги, высокое положение и влиятельные связи обеспечили благополучное будущее. В настоящее время даже утверждалось, что Филипп собирался назначить его генерал-губернатором Нидерландов, чтобы полностью отделить его от Оранского и теснее привязать к короне. Следовательно, он был человеком, заслуживающим прощения. Очевидно, ничто, кроме подозрения в ереси, не могло повредить перспективам великого вельможи, а Эгмонт, вне всякого сомнения, был ортодоксом. Он даже был фанатиком католической веры. Он конфиденциально сказал герцогине Пармской, что всегда желал тщательного исполнения эдиктов; и он назвал врагами всех тех людей, которые обвиняли его в том, что он когда-либо выступал за смягчение Системы. Правда, сообщалось, что примерно во время отъезда Гранвеля из Нидерландов он сказал "постпокула, что ссора была не с кардиналом, а с королем, который очень плохо управлял государственными делами, даже в вопросах религии". Однако подобная бравада, произнесенная джентльменом в приподнятом настроении, разгоряченным недавним политическим триумфом, вряд ли могла перевесить осторожные расчеты Гранвеля:

явные признания в пользу преследования. Эгмонт на самом деле боялся инквизиции. Герой Гравелингена и Сен-Квентина на самом деле трепетал перед Петером Тительманом. Более того, несмотря на все, что было в прошлом, его чувства по отношению к кардиналу изменились. Он часто высказывал мнение, что, хотя его присутствие в Нидерландах недопустимо, он должен быть рад видеть его папой. Он выразил решительное неодобрение шутовскому маскараду, которым его высмеяли на вечеринке по случаю крестин в Мансфельде. В Мадриде он не только хорошо отзывался о самом Гранвелле, но и не позволял произносить в своем присутствии ничего пренебрежительного в его адрес. Однако, когда Эгмонт впал в немилость и уже был заключенным, кардинал приложил все усилия, чтобы представить королю, что он считал самым изобличающим доказательством мнимой измены графа; документ, с которым государственный обвинитель не был ознакомлен.

Таким образом, из этой ретроспективы станет ясно, насколько трудно уловить все меняющиеся тонкости этого замечательного персонажа. Его софизмы, даже когда они противоречат друг другу, настолько искусны, что их часто трудно парировать. Он поставил себе в заслугу то, что не основал новые епископаты; но следует помнить, что он сделал все возможное, чтобы привести в исполнение эту меру, которая была "настолько святым планом, что он пожертвовал бы ради его успеха своим состоянием и своей жизнью". Он отказался от архиепископства Мехлина, но его мотивы для этого были совершенно низменными. Его доходы на данный момент уменьшились, в то время как его личное отличие, по его мнению, не увеличилось от повышения. Он отказался принять это, потому что "это не было дополнением к его сану, поскольку он уже был кардиналом и епископом Аррасским", но в этом заявлении он допустил важный анахронизм. Он не был кардиналом, когда отказался от престола в Мехлине; получив красную шляпу 26 февраля 1561 года и уже приняв архиепископство в мае предыдущего года. Он утверждал, что "ни один человек не стал бы более решительно защищать свободу и привилегии провинций, чем он", но он предпочел быть тираном своего принца, чем поддерживать радостное появление. Он жаловался на наглость штатов, вмешивающихся в снабжение; он осудил созыв представительных органов, одними действиями которых можно было сохранить "свободу и привилегии" в стране; он рекомендовал полностью упразднить общественные советы в городах. Он описал себя как человека, который всегда боролся с мнением, что "чего угодно можно достичь с помощью террора, смерти и насилия", однако он рекомендовал миссию Алвы, в котором были воплощены "ужас, смерть и насилие". Он был возмущен тем, что его обвинили в том, что он посоветовал ввести испанскую инквизицию; но его причина заключалась в том, что этот термин неприятно звучал в ушах северян, в то время как сам поступок был весьма похвален. Он проявлял большое беспокойство по поводу того, чтобы общественность перестала бояться испанской инквизиции, но он был неумолимым сторонником нидерландской инквизиции, которую Филипп не без оснований называл "более безжалостным институтом" из двух. Он был автором не эдиктов, а их воспроизведения, устного и буквального, во всех тех ужасных масштабах, до которых они были доведены Карлом Пятым; и рекомендовал использовать имя императора для освящения адского плана. Он лично занимался исполнением этих ужасных законов, даже когда судья и палач расслаблялись. До последнего он осуждал всех тех, "кто советовал бы его Величеству разрешить смягчение эдиктов", и предупреждал короля, что, если он согласится на малейшее смягчение их положений, дела в провинциях пойдут хуже, чем во Франции. Он усердно создавал усиленную епископальную инквизицию наряду с этими эдиктами и с папской инквизицией, которая уже действовала в полную силу. Он не упускал

случая поощрить усердие всех этих различных отраслей в деле преследования. Когда, наконец, громкий крик угнетенных жителей Фландрии был произнесен в знак единодушного осуждения четырьмя поместьями этой провинции печально известного Тительмана, голос кардинала из глубины его роскошного уединения был услышан не из сочувствия к бедным невинным негодяям, которых ежедневно вытаскивали из их скромных домов на погибель от меча и огня, а из жалости к инквизитору, творившему адскую работу. "Я глубоко сожалею, - писал он Виглиусу, - что штаты Фландрии дуются на инквизитора Тительмана. Воистину, у него хорошее рвение, хотя иногда оно бывает нескромным и шумным; все же его нужно поддерживать, иначе на него наденут узду, из-за которой его авторитет будет совершенно ослаблен". Читатель, знакомый с личностью Питера Тительмана, может решить, насколько великодушен жизнерадостный эпикурейец, который мог таким образом восхвалять и поощрять такого жестокого монстра.

Если популярность является критерием заслуг общественного деятеля, то кардинал, конечно, не мог претендовать на нее. С того момента, как Грэшем объявил, что его "ненавидят все люди", и до момента его отъезда ненависть к нему быстро распространялась: он приехал в страну с двумя серьезными обвинениями, нависшими над его именем. Император Максимилиан утверждал, что кардинал пытался покончить с собой с помощью яда, и он настаивал на правдивости выдвинутого им обвинения до дня своей смерти. Более широкое признание получило другое обвинение. Он был автором достопамятной подделки, с помощью которой ландграф Филипп Гессенский был заключен в длительное тюремное заключение. Его путь в Нидерланды и в направлении к ним был достаточно изучен. Ни одно обвинение не было выдвинуто легкомысленно, но только после тщательного анализа доказательств. Более того, все они в основном исходят из уст самого преступника. И все же, если принять во внимание секретность испанского кабинета министров и политическую схему Макиавелли, которой характеризовалась та эпоха, то нет ничего странного в том, что в отношении характера этого человека существовали недоразумения и противоречия до тех пор, пока на это не пролился полный свет в результате вскрытия древних документов. Слово "Durate", которое было девизом кардинала, вполне может быть начертано на его маске, которую наконец сорвали, но которая была сделана из таких прочных материалов, что обманывала мир на протяжении трех столетий.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Попытка плавать в двух водах
Притворство и отсрочка
Взволнованный появлением жемчужины истинной философии
Внушающий подозрения, когда не может представить доказательств
Поддержание позиции оскорбленного, но всепрощающего христианина
Больше привыкшего поступать хорошо, чем хорошо говорить
Постоянно бросая мелкие намеки, как камешки
Прокрастинация всегда была его первым прибежищем
Наконец-то они сожгли заживо еще одного проповедника

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 9.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

Возвращение трех властителей в Государственный совет—политика оранжевый—коррупционного характера власти—усилия князя в пользу реформы—влияние Арментерос—болезненные ситуации Viglius—его беспокойство на пенсию—тайные обвинения против него передано герцогиню Филиппу—грозные признаки времени—Внимание Филиппа на детали преследование—выполнение Фабрициуса, и смятение в Антверпене—ужасная жестокость по отношению к протестантам—протест магистратуры Брюгге и четыре фламандских сословий против Titelman—упрямство Филиппа—Тридентского—бытовая ссора из-за очередности между французского и испанского посланников—заказ на публикацию Трент постановления в Нидерландах—противодействие мера—нежелание герцогини—"Эгмонт" принимает миссию в Испании—бурные прения в Совете по поводу его поручению—замечательное выступление оранжевый—апоплексия из Viglius—временное назначение бункера—выезда "Эгмонт"—Отвратительная сцена на Камбре—символ архиепископа—"Эгмонт", в Испании—лесть и подкуп—консилиум врачей—яростные заявления Филиппа—его указания "Эгмонт" в его отъезда—производство апельсина в отношении своего княжества—"Эгмонт", доклад Государственного совета о своей миссии—его тщеславие—продлен заказы от Филиппа продолжить преследование—возмущение "Эгмонт"—обычное лицемерие царя—выговор Эгмонт оранжево—собрание врачей в Брюсселе—результат их работы передается на Филиппа—Всеобщее волнение в Нидерландах—новые наказания для еретиков—интервью в Байонне между Екатерины Медичи и ее дочери, королевы Испании—ошибочные представления на эту тему—дипломатия Альвы—искусные поведение Екатерины—строгие письма от Филиппа герцогине, что касается инквизиции—ужасу Маргарет и Viglius—новый провозглашения указов, инквизиция, и Тридентский собор—ярость народа—сопротивление ведущих мировых властителей и Совета Брабант—Брабант объявлена свободной от инквизиции—принц Александр Пармский невеста Донна Мария Португалии—ее портрет—дорогие препараты для свадьбы—монтаж "Золотое Руно"—речь о Viglius—свадьба принца Александра.

Остаток года, весной которого кардинал покинул Нидерланды, был годом анархии, неразберихи и коррупции. Сначала было ощущение облегчения.

Филипп обменялся письмами, выражавшими крайнюю дружелюбность, с Оранж, Эгмонтом и Хорном. Эти три сеньора сразу же после отъезда Гранвеля написали королю, чтобы заверить его в своей готовности подчиниться королевским приказам и возобновить свои обязанности в государственном совете. Однако они заверили герцогиню, что повторное появление кардинала в стране послужит сигналом к их немедленному уходу. Они появлялись в совете ежедневно, работая с предельным усердием, часто до поздней ночи. Оранж имел в виду три великие цели, достигнув которых, по его мнению, страну еще можно было спасти и предотвратить угрожающие потрясения. Они заключались в созыве генеральных штатов, смягчении или отмене эдиктов и упразднении финансового совета и тайного совета, оставив только государственный совет. Два первых из этих пунктов, если бы они были достигнуты, конечно, ниспровергли бы всю абсолютную политику, которую проводили Филипп и Гранвель; поэтому было маловероятно, что это произвело бы какое-либо впечатление на тайную решимость правительства в этих отношениях. Что касается государственного совета, то ограниченные

полномочия этого органа, находящегося под управлением кардинала, стали одной из основных претензий к этому министру. Советы юстиции и финансов были поглотителями беззакония. Безраздельно царил самый неприкрытый разврат. Гангрена охватила все правительство. Государственные чиновники были печально известны своей возмутительной продажностью. Отправление правосудия у источника было отравлено, и люди не могли утолить свою ежедневную жажду у загрязненного ручья. Не было другого закона, кроме закона о самом длинном кошельке. Высшие сановники, назначенные Филиппом, стали самыми корыстолюбивыми торговцами, которые когда-либо превращали божественный храм правосудия в логово воров. Закон был товаром, который судьи продавали тому, кто больше заплатит. Бедный покупатель не мог получить ничего, кроме побоев и тюремного заключения, или, если его подозревали в ереси, хвороста или меча, но для богатых все было достижимо. Помилования за самые чудовищные преступления, паспорта, охранные удостоверения, должности, пользующиеся доверием и честью, были проданы с аукциона тому, кто больше заплатит. Против всего этого моря коррупции храбрый Вильгельм Оранский подставил свою грудь, неустрашимый и непоколебимый. Из всех известных людей в стране он был единственным, чей злейший враг за всю его общественную карьеру ни разу не намекнул, что его руки были осквернены. Его честь никогда не была запятнана даже намеком на подозрение. Кардинал мог обвинить его в финансовых затруднениях, из-за которых значительная часть его доходов неизбежно направлялась на погашение долгов, но он не мог предположить, что принц когда-либо избавлялся от трудностей, запустив руки в государственную казну, когда она могла быть легко открыта для него.

Однако вскоре стало достаточно очевидно, что с многоголовым монстром всеобщей коррупции предстоит столь же отчаянная борьба, как и с кардиналом, который так долго ее кормил и управлял ею. Принца обвинили в честолубии и интригах. Говорили, что он был полон решимости сосредоточить все правительственные полномочия в государственном совете, который, таким образом, должен был стать всемогущим и безответственным сенатом, в то время как король был бы низведен до положения венецианского дожа. Разумеется, было высказано предположение, что целью Оранжа было управлять новым Трибуналом Десяти. Без сомнения, принц был честолубив. Рождение, богатство, гений и добродетель не могли бы быть в такой выдающейся степени дарованы ни одному человеку, если бы они не несли с собой решимость отстаивать свою ценность. Это было не столько его желание, сколько необходимый закон его существа - произвести впечатление на свой век и управлять своими собратьями. Но он не прибегал к каким-либо искусствам, чтобы достичь превосходства, которое, по его мнению, всегда должно принадлежать ему, каким бы ни было его номинальное положение в политической иерархии. Ему уже недавно исполнилось тридцать лет, и он сильно изменился по сравнению с тем блестящим и беспечным вельможей, каким он был в час императорского отречения. У него становилось изможденное лицо, худая фигура, он по привычке не спал. Несправедливости, свидетелем которых он был ежедневно, абсолютизм, жестокость, прогнившее правительство избородили его лицо преждевременными морщинами. "Говорят, принц очень опечален, - писал Морильон Гранвелю, - и это легко прочесть по его лицу. Говорят, он не может уснуть". Поистине, монарх мог бы принять предупреждение о том, что перед ним опасный человек, который слишком много думает. "Люди с гладкой головой и такие, которые не спали по ночам", без сомнения, были бы более подходящими функционерами в королевских глазах, но в течение короткого периода король довольствовался использованием, наблюдением и подозрением человека, который однажды станет его великим и непобедимым

противником. Он продолжал усердно работать в совете и делал все возможное, принимая дворян и горожан в своем гостеприимном особняке, чтобы наладить хорошие отношения с большим количеством своих соотечественников. Однако вскоре он почувствовал отвращение к двору. Эгмонт был более снисходителен к царящим там безнравственным обычаям и получал почти детское удовольствие, обедая за столом герцогини, одетый, как и многие молодые дворяне, в короткий камлотовый камзол с пуговицами в виде пшеничных снопов.

Принц не желал поступаться своим личным достоинством, одобряя унижительные разбирательства и презренное превосходство Арментероса, и поэтому вскоре стало совершенно очевидно, что Эгмонт был большим любимцем при дворе, чем Оранский. В то же время граф усердно добивался расположения среднего и низшего классов Брюсселя, стреляя с бюргерами в "попинджей", называя каждого мужчину по имени и помогая на веселых банкетах в таунхаусе или зале гильдии. Принц, хотя временами и былнеобходимым участником этих народных увеселений, мог находить небольшие причины для радости в том, что касалось происходящего. Когда дела приводили его во дворец, он иногда был вынужден ждать в приемной по часу, пока секретарь Арментерос проводил частную консультацию с Маргаритой по наиболее важным административным вопросам. Не могло быть иначе, как оскорбительным для гордости и патриотизма принца, что крупные государственные дела были доверены таким рукам. Томас де Арментерос был всего лишь личным секретарем - простым клерком. Он не имел права быть осведомленным о важных делах, которыми могли заниматься только присяжные советники его Величества. Более того, он был печально известным казнокрадом. Он с огромной скоростью сколачивал состояние, беззастенчиво торгуя бенефициями, подопечными, должностями, будь то церковными или государственными. Его имя Арментерос было в народе преобразовано в Аргентерос, чтобы символизировать человека, сделанного на государственные деньги. Его доверительная близость с герцогиней обеспечила ему также прозвище "цирюльник мадам", намекающее на знаменитые украшения верхней губы Маргариты и на знаменитое влияние, которым пользовались цирюльники герцога Савойского и Людовика Одиннадцатого. Этот человек продавал почетные звания и ответственные должности с публичных торгов. Регентша не только потворствовала этим разбирательствам, которые были бы достаточно низменными, но и была полноправным партнером в позорной торговле. При посредничестве Секретарши она тоже сколотила большое личное состояние. "Герцогиня занялась торговлей местами по самой высокой цене, - сказал Мориллон, - с удила в зубах". Зрелище, представляемое на совете, часто было достаточно отталкивающим не только для кардиналистов, с которыми обращались с изощренной наглостью, но и для всех людей, любящих честь и справедливость или заинтересованных в процветании правительства. Во внешности герцогини не было ничего величественного, когда она сидела, беседуя отдельно с Арментеросом, перешептываясь, пощипывая, хихикая или споря, в то время как обсуждались важные государственные дела, о которых Секретарь не имел права быть информированным. Было неизбежно, что Оранж был до крайности оскорблен подобными действиями, хотя к нему самому относились со сравнительным уважением. Что же касается древних приверженцев Гранвеля, Борди, Бавов и Морильонов, то фаворит запретил им даже приветствовать его на улицах. Герцогиня обошлась с Берлаймоном с нарочитым оскорблением. "О чем говорит этот человек?" она спросила бы с томным высокомерием, если бы он попытался высказать свое мнение в государственном совете. Виль, которого Берлаймон обвинил в том, что он безуспешно пытался заключить мир с сеньорами, был в еще большей опале, чем его коллеги-кардиналисты. По его словам, он мечтал оказаться в Бургундии и пить хорошее вино Granvelle. Его терпение к

ежедневным оскорблениям, которые он получал от правительства, сделало его презренным в глазах его собственной партии. Друзья описывали его как малодушного до невероятной степени, робкого от избытка богатства, боящегося собственной тени. Он становился чрезвычайно жалким, часто выражая желание уйти и закончить свои дни в мире. Его верный Попрыгунчик поддерживал и утешал его, но даже Иоахим не мог унять его печали, когда думал о том, что после всей работы, проделанной им самим и коллегами, "они всего лишь из кожи вон лезли ради других", в то время как их собственная доля в добыче была удержана. Ничто не могло быть более оскорбительным, чем обращение Маргарет с ученым фризцем. Когда других членов совета вызвали на заседание в три часа, президента пригласили на четыре. Для него было совершенно невозможно добиться аудиенции у герцогини, кроме как в присутствии неизбежного Армэнтераса. Ему не разрешалось открывать рот, даже когда он время от времени набирался храбрости настолько, чтобы попытаться высказать свое мнение. Его авторитет был полностью мертв. Даже если он пытался бороться с созывом генеральных штатов аргументами, которые герцогиня, по его предложению, часто использовала для этой цели, к нему относились с таким же безразличием. "Бедный президент, - писал Гранвель главному секретарю короля Гонсало Пересу, - как я слышал, боится произнести хоть слово, и его заставляют писать в точности то, что ему говорят". В то же время бедный президент, подвергшийся такому жестокому обращению и униженный, иногда имел тщеславие воображать себя смелой и грозной личностью. Человек, которого его самые близкие друзья описывали как боящегося собственной тени, описал себя Гранвелью как человека, который шел своей собственной походкой, откровенно высказывая свое мнение при каждом удобном случае и заставляя людей немного побаиваться его, даже если они его не любили. Но кардинал знал, что лучше не верить в эту великодушную картину фантазии доктора.

Виглиусу не терпелось уйти в отставку, но он не хотел выглядеть опозоренным. Он инстинктивно чувствовал, хотя и был обманут относительно реальных фактов, что его великий покровитель потерпел поражение и изгнан. Он не хотел оказаться в таком же положении. Он желал, как он благочестиво выражался, удалиться от мира, "чтобы свести свои счета с Господом, прежде чем покинуть жилище жизни". Однако он был расположен угодить "хозяину" так же, как и Господу. Он хотел получить королевское разрешение удалиться с миром. Выражаясь его собственным высокопарным языком, он пожелал, чтобы при прощании его окропили "святой водой двора". Более того, он был доволен своим жалованьем, хотя ему и не нравились сарказмы герцогини. Эгмонт и другие советовали ему передать пост президента Хопперу, чтобы, поскольку он становился все слабее, приберечь все свои силы для государственного совета. Виглию это предложение совсем не понравилось. Он сказал, что, отказавшись от печатей, а вместе с ними от звания и жалованья, которые они ему давали, он должен стать низложенным святым. Пока он вообще оставался на земле, у него не было ни малейшего желания расставаться с этими вознаграждениями и почестями и превращаться всего лишь в "осла государственного совета". Однако он с проницательностью старого мореплавателя уже бросил свой якорь в наилучшем месте стоянки во время штормов, которые, как он предвидел, вскоре обрушатся на штат. До конца текущего года ученый доктор юридических наук стал также доктором богословия и уже обеспечил себе, таким образом, богатого пребенда святого Бавона Гентского. Это было бы утешением в потере светского достоинства и компенсацией за холодные взгляды герцогини. Он без колебаний приписал явную неприязнь, которую Маргарет проявляла к нему, благоговейному страху, который она испытывала перед его суровой цельностью характера. Истинная причина, по которой Армэнтерос и герцогиня невзлюбили его, заключалась в том,

что, по его собственным словам, "он был не того мнения, что они думали о лотереях, продаже должностей, продвижении по службе в аббатствах и многих других вещах подобного рода, с помощью которых они так спешили сколотить свое состояние". В другом случае он заметил в письме Гранвелю, что "все должности были проданы тому, кто больше заплатит, и что причиной негодования Маргариты как на кардинала, так и на него самого было то, что они так долго мешали ей получать прибыль, которую она сейчас получала от продажи бенефиций, должностей и других услуг".

Герцогиня, со своей стороны, охарактеризовала действия и политику кардиналистов, как прошлую, так и настоящую, как фракционные, коррумпированные и эгоистичные в последней степени. Она заверила своего брата, что симония, хищничество и нечестность Гранвелля, Виль и всех их последователей привели дела в то плачевное состояние, которое тогда было слишком очевидным. По ее словам, после ухода кардинала они делали все возможное, чтобы показать своей ленью и противодействием, что они полны решимости не допустить, чтобы что-либо процветало в его отсутствие. Прочитав ее собственное энергичное высказывание Филиппу— "Виль заставил ее испытать адские муки". Она описала его как постоянно сопротивляющегося курсу администрации и высказала мрачные подозрения, не только относительно его честности, но и ортодоксальности. Филипп жадно прислушивался к этим скандальным намекам относительно покойного всемогущего министра и его друзей. Поучительный урок в истории человечества - смотреть сквозь облако притворства, которым были окутаны действующие лица этой замечательной эпохи, и наблюдать, как все они яростно колют друг друга в темноте, не обращая внимания ни на прежнюю дружбу, ни даже на нынешнюю профессию. Поучительно видеть кардинала, со всем его гением и всей его гримасой, в фамильярных выражениях переписывающегося с Арментеросом, который при каждом удобном случае выставлял его на посмеище; видеть Филиппа, с довольным изумлением склоняющего ухо к разоблачениям Маргариты относительно кардинала, которого он в тот же момент заверял в своем неизменном доверии; и видеть Виль, автора эдикта 1550 года и единомышленного противника любого смягчения его ужасов, молча, без малейшего подозрения в этом, запутавшегося в сетях правосудия. инквизитор Тительманн.

В ответ на настойчивые просьбы Филиппа о дальнейшем раскрытии информации Маргарет соответственно проинформировала своего брата о дополнительных фактах, сообщенных ей Тительманом и его коллегой дель Канто после обмена клятвами о неразглашении. По ее словам, они заверили ее, что существуют серьезные сомнения в ортодоксальности Виглия. Большую часть своей жизни он общался с еретиками и назначил на должности многих подозрительных людей. Что касается его кумовства, симонии и мошенничества, то в этом не было никаких сомнений. Он щедро обеспечил всех своих друзей и родственников во Фрисландии пособиями. На старости лет он стал священником и церковнослужителем, чтобы получить должность ректора святого Бавона, хотя его немощи не позволяли ему служить мессу или даже стоять прямо у алтаря. Инквизиторы также обвинили его в краже колец, драгоценностей, посуды, белья, кроватей, гобеленов и другой мебели из заведения, все это имущество он отправил во Фрисландию, и в захвате ста тысяч флоринов наличными деньгами, которые принадлежали последнему аббату, — следовательно, акт чистой растраты. Впоследствии герцогиня передала Филиппу опись награбленного имущества, включая мебель из девяти домов, и умоляла его приказать Виглию немедленно возместить ущерб. Если есть правда в простой пословице, гласящей, что в случае определенных ссор честные люди восстанавливают свои права, то, возможно, столь же несомненно и то, что, когда выдающиеся общественные деятели нападают

друг на друга, историки могут докопаться до истины. Здесь, безусловно, представлены поучительные картины коррупции испанского регентства в Нидерландах, нарисованные председателем государственного совета, и нечестности президента, нарисованные регентом.

В октябре этого года в Антверпене произошла заметная суматоха. Монах-кармелит Кристофер Смит, обычно называемый Фабрициусом, покинул монастырь в Брюгге, принял принципы Реформации и взял себе жену. Некоторое время он жил в Англии, но по приглашению своих друзей впоследствии взял на себя опасную обязанность проповедника Евангелия в торговой столице Нидерландов. Однако вскоре он был выдан властям некой торговкой шляпками, которую в народе звали Длинная Маргарет, которая ради получения гонорара доносчику притворилась новообращенной в его доктрину. Он был схвачен и немедленно подвергнут пыткам. Он мужественно отказался выдать кого-либо из своей паствы, так же мужественно признавал и отстаивал свои религиозные убеждения. Он был приговорен к сожжению, и в промежуток времени, предшествовавший его казни, он утешал своих друзей письмами с советами, религиозным утешением и ободрением, которые писал из своей темницы. Он отправил послание женщине, которая предала его, заверяя ее в своем прощении и призывая к покаянию. Его спокойствие, мудрость и мягкость вызвали всеобщее восхищение. Поэтому, когда этого смиренного подражателя Христу повели по улицам Антверпена на костер, народ сразу же почувствовал волнение. К толпе, которая с угрожающим видом столпилась вокруг палачей, он обратился с настоятельным увещанием, что они не поставят под угрозу свою безопасность беспорядками во имя его дела. Однако он призвал всех оставаться непоколебимыми в отношении великой истины, за которую он собирался отдать свою жизнь. Толпа, следовавшая за процессией палачей, алебардщиков и магистратов, хором распевала сто тридцатый псалом. Когда жертва вышла на рыночную площадь, он опустился на колени, чтобы помолиться в последний раз. Однако палач грубо заставил его подняться, который немедленно приковал его цепью к столбу и затянул кожаный ремень вокруг его горла. В этот момент народное возмущение стало неконтролируемым; в магистратов и солдат посыпались камни, которые после небольшого сопротивления бежали, спасая свои жизни. Первый из повстанцев бросился на огороженную арену, чтобы спасти пленника. Было слишком поздно. Палач, убегая, разможил жертве голову кувалдой и пронзил ее насквозь кинжалом. Некоторые из свидетелей утверждали впоследствии, что было видно, как его пальцы и губы шевелились, словно в слабой молитве, еще некоторое время, пока, когда огонь разгорелся, он не упал в пламя. Остаток дня, после того как костер полностью превратился в пепел, обугленное и наполовину сгоревшее тело жертвы оставалось на рыночной площади, являя собой ужасающее зрелище для друзей и врагов. Впоследствии его привязали к камню и бросили в Щель. Такова была участь Кристофера Фабрициуса за то, что он проповедовал христианство в Антверпене. Ночью на стене городского дома был вывешен анонимный плакат, написанный кровью, в котором говорилось, что в городе есть люди, которые жестоко отомстят за его убийство. Однако ничего не было сделано для осуществления этой угрозы. Король, когда он получил известие об этой сделке, пришел в ярость от негодования и написал своей сестре свирепые письма, приказывая немедленно отомстить всем, кто был замешан в столь отвратительном бунте. Однако, поскольку один из участников был арестован и немедленно повешен, а остальным удалось скрыться, дело было прекращено.

Сцены возмущения, неистовые преследования быстро становились слишком ужасными, чтобы на них могли смотреть католики или кальвинисты. Тюрьмы кишели жертвами, улицы были запружены процессиями, ведущими на костер. Население процветающих городов, особенно во

Фландрии, было обезумевшим от зрелища такого большого варварства, которому подвергались не преступники, а, как правило, люди, отличавшиеся благопристойным поведением и безупречной жизнью. Именно в это время бургомистры, сенаторы и совет города Брюгге (все католики) смиренно представили герцогине-регентше, что Питер Тительманн, инквизитор Веры, вопреки всем формам закона, ежедневно проводил дознание среди жителей, не только против тех, кого подозревали или обвиняли в ереси, но и против всех, какими бы незапятнанными ни были их характеры; что он ежедневно приводил перед собой любых людей, которые ему нравились, мужчин или женщин, силой заставляя их говорить все, что ему заблагорассудится; что он вытаскивал людей из их домов и уничтожал их. даже из священных пределов церкви; часто в отместку за словесные оскорбления в свой адрес, всегда под предлогом ереси и без какой-либо формы или юридического обоснования. Поэтому они просили, чтобы он был вынужден прибегнуть к подготовительным допросам при содействии сенаторов города, допустить, чтобы свидетели давали свои показания, не подвергаясь угрозам, и вести все свои последующие разбирательства в соответствии с юридическими формами, которые он постоянно нарушал, публично заявляя, что будет вести себя по своему усмотрению.

Представители четырех поместий Фландрии, представившие в торжественном обращении к королю те же факты, завершили свое краткое, но энергичное описание чудовищных деяний Тительмана призывом к Филиппу пресечь эти ужасные действия, столь явно нарушающие древние хартии, которые он поклялся поддерживать. Можно предположить, что обращение к Филиппу с большей вероятностью вызвало бы королевское благословение, чем порицание, возложенное на голову инквизитора. В тайном совете были зачитаны петиции и протесты, которые, по словам президента, "были признаны проявленными в крайне дурном вкусе". В последовавшем за этим споре Виль и его друзья в серьезных выражениях напомнили герцогине о решительной воле короля, которая так часто высказывалась. С другой стороны, было сделано слабое представление об опасных последствиях в случае, если люди будут доведены до еще более глубокого отчаяния. Результат движения был весьма скудным. Герцогиня объявила, что она ничего не может предпринять в связи с запросом до получения дополнительной информации, но тем временем она поручила Тительманну вести себя в своем кабинете "осмотрительно и скромно". Осмотрительность и скромность, однако, никогда не проявлялись в каких-либо изменениях в действиях инквизитора, и он беспрепятственно продолжал свою печально известную карьеру до самой смерти, которая наступила лишь несколько лет спустя. По правде говоря, Маргарет сама смертельно боялась этого ужасного персонажа. Он почти ежедневно осаждал дверь ее комнаты, прежде чем она вставала, настаивая на аудиенциях, от которых она, несмотря на свое отвращение к этому человеку, не осмеливалась отказаться. "Пусть я погибну, - сказал Мориллон, - если она не будет испытывать перед Тительманом чрезвычайного благоговения". При таких обстоятельствах, при поддержке короля Испании, герцогини Брюссельской, тайного совета и ведущего члена того, что считалось либеральной партией, инквизиции было нетрудно отстоять свои позиции, несмотря на торжественные протесты сословий и приглушенные проклятия народа.

Филипп, столь далекий от того, чтобы уступать в вопросе великих религиозных преследований, был более решителен в своем курсе, чем когда-либо. Он уже в августе этого года отправил герцогине приказ о том, что постановления Тридентского собора должны быть опубликованы и приведены в исполнение по всей территории Нидерландов. Памятная ссора по поводу презумпции невиновности между французским и испанским делегатами вселила некоторые надежды на иное решение. Тем не менее тем людям, которые воображали, что из-за этого

нарушения этикета Филипп ослабнет в своей верности Церкви, было суждено жестоко ошибиться. Он сообщил своей сестре, что в общем деле христианства на него не должны влиять личные обиды.

В самом деле, как можно было ожидать иного решения? Его посланник в Риме, а также его представители на соборе повсеместно отвергли все сомнения относительно святости его постановлений. "Сомневаться в непогрешимости собора, как некоторые осмеливаются делать, - сказал Фрэнсис де Варгас, - и думать, что он способен на ошибку, - это самая дьявольская ересь из всех". Ничто не могло так сильно взволновать и возмутить мир, как подобные настроения. Поэтому архиепископ Гранады очень корректно сказал епископу Тортосы, что, если он выразит подобное мнение в Испании, его сожгут. Король разделял эти напряженные взгляды. Поэтому, хотя вся Европа была на цыпочках в ожидании того, как Филипп отомстит за пренебрежение, оказанное его послу, Филипп разочаровал всю Европу.

В августе 1564 года он написал герцогине-регентше, что указы должны быть провозглашены и приведены в исполнение без промедления. Они касались трех тем: доктрин, которые должна насаждать Церковь, реформирования церковной морали и воспитания народа. В то же время были изданы общие полицейские инструкции, согласно которым еретики должны были быть лишены всякого участия в обычных общественных благах и фактически подвергаться строгому отлучению от церкви. Гостиницы не должны были принимать гостей, школы - детей, богадельни - нищих, кладбища - мертвых тел, если только гости, дети, нищие и мертвые тела не были снабжены наиболее удовлетворительными доказательствами ортодоксальности. Акушерки, о существовании которых никто не подозревал, были единственными, кто выполнял свои функции, и были обязаны уведомлять в течение двадцати четырех часов о каждом происшедшем рождении; приходские клерки должны были так же регулярно регистрировать каждое такое прибавление к численности населения, а власти - следить за тем, чтобы католическое крещение проводилось в каждом случае с наименьшей возможной задержкой. Рождения, смерти и браки могли иметь законную силу только под сенью Церкви. Ни один человек не мог считать себя рожденным или умершим, если ему не было предоставлено свидетельство священника. Еретик был исключен, насколько церковная догма могла исключить его, из среды человечества, из освященной земли и из вечного спасения.

Указы содержали множество положений, которые противоречили не только привилегиям провинций, но и прерогативам суверена. По этой причине многие лорды в совете считали, что при их обнародовании следует сделать, по крайней мере, соответствующие исключения. Таково было и мнение герцогини, но король в своих письмах от октября и ноября (1564 г.) прямо запретил любые изменения в постановлениях и передал копию формы, в соответствии с которой каноны были опубликованы в Испании, вместе с выражением своего желания, чтобы аналогичного курса придерживались и в Нидерландах. Маргарита Пармская была в большом замешательстве. Было очевидно, что откладывать публикацию больше нельзя. Филипп отдал свои приказы, но серьезные сенаторы и ученые доктора университета решительно высказались в пользу необходимых исключений. Крайняя партия, возглавляемая Виглием, выступала за выполнение королевских решений. Они были отклонены, и герцогиню побудили попытаться внести изменения, если удастся получить разрешение ее брата. Президент выразил мнение, что указы, даже с предлагаемыми ограничениями, "не принесут удовлетворения людям, которые, более того, не имели права вмешиваться в богословие". Однако почтенный Виль забыл, что богословие слишком сильно вмешивалось в жизнь людей, чтобы можно было

полностью отвлечь общественное внимание от этого предмета. Мужчин и женщин, которых могли ежедневно вызывать на дыбу, кол и эшафот в ходе этих церковных мероприятий, и чьи рождения, смерти, браки и положение в загробном мире теперь должны были быть официально решены, вряд ли можно было бы обвинить в крайней неосмотрительности, если бы они вмешались в эту тему.

Оказавшись перед дилеммой, перед которой оказалась герцогиня, она снова вспомнила о специальной миссии в Испанию. В конце года (1564) было решено, что посланником должен быть Эгмонт. Монтиньи извинился, сославшись на личные дела; маркиз Берген - "из-за своего недомогания и тучности". В совете разгорелись бурные дебаты после того, как Эгмонт принял миссию, и непосредственно перед своим отъездом. Виглию было приказано подготовить инструкции для графа. Закончив черновик, он положил его перед доской. Документ был задуман в общих чертах и мог означать что угодно или ничего. Однако никакой критики в адрес его формулировок высказано не было до тех пор, пока не подошла очередь Оранжевых голосовать по документу. Затем, однако, Вильгельм Молчаливый открыл свои уста и разразился длинной и страстной речью, какую он произносил редко, но такую, какую мало кто, кроме него самого, мог произнести. В его речи не было ни шарканья, ни маскировки, ни робости. Он смело заявил, что пришло время высказаться. Целью отправки посланника высокого ранга с европейской репутацией, такого как граф Эгмонт, было рассказать королю правду. Пусть Филипп узнает это сейчас. Пусть ему недвусмысленно сообщат, что весь этот механизм плакатов и эшафотов, новых епископов и старых палачей, декретов, инквизиторов и доносчиков должен быть раз и навсегда упразднен. Их день закончился. Нидерланды были свободными провинциями, они были окружены свободными странами, они были полны решимости отстоять свои древние привилегии. Более того, его Величество должен был быть четко проинформирован об ужасающей коррупции, которая сделала отвратительной всю судебную и административную систему. Продажность, которая, как известно, существовала повсюду - на скамье подсудимых, в зале совета, на всех государственных должностях, где чистота была важнее всего, - была осуждена принцем в резких выражениях. Он сорвал маски с отдельных лиц и открыто обвинил канцлера Брабанта Энгельберта Мааса в мошенничестве и коррупции. Он настаивал на том, чтобы король был проинформирован о необходимости упразднения двух нижестоящих советов и расширения государственного совета за счет приема десяти или двенадцати новых членов, отобранных за их патриотизм, чистоту и способности. Прежде всего, необходимо было прямо сообщить его Величеству, что тридентские каноны, отвергнутые всем миром, даже католическими князьями Германии, никогда не смогут быть применены в Нидерландах и что было бы губительно предпринимать такую попытку. Он предложил и настоял на том, чтобы граф Эгмонт получил соответствующие инструкции. В заключение он признал, что сам был католиком и намеревался оставаться в Вере, но что он не мог с удовольствием наблюдать, как правители пытаются управлять душами людей и отнимать у них свободу в вопросах совести и религии.

Здесь, конечно, не было изысканной фразеологии, и по этим ведущим пунктам, столь слабо обозначенным, Вильгельм Оранский излил свое красноречие, придавая убедительность потоку своих быстрых оскорблений. Его речь длилась до семи вечера, когда герцогиня объявила заседание закрытым. Совет разошелся, регент отправился ужинать, но нельзя было ошибиться в том, какое впечатление произвела эта речь почти на всех его членов. Виль был в состоянии ужаса, растерянности и отчаяния. Он был удовлетворен тем, что, возможно, за исключением Берлаймона, все, кто слушал или должен был впоследствии прислушаться к убедительным

аргументам Оранжа, неизбежно будут соблазнены или сбиты с толку. Президент лежал без сна, ворочаясь в своей постели, пункт за пунктом вспоминая речь принца и пытаясь ответить на нее по порядку. Он чувствовал, что важно уничтожить произведенное впечатление. Более того, как мы часто видели, ученый доктор ценил себя за свою логику.

Поэтому было абсолютно необходимо, чтобы в ответе на следующий день его красноречие затмило красноречие его противника. Таким образом, Президент провел лихорадочную и неуютную ночь, произнося воображаемые речи и слушая их. С рассветом он встал и начал одеваться. Однако волнения предыдущего вечера и последующая бессонная ночь оказались чересчур тяжелыми для его слабого и слегка дряхлого телосложения. Прежде чем он закончил свой туалет, его без чувств распростер на полу апоплексический удар. Его слуги, когда вскоре после этого вошли в комнату, нашли его окоченевшим и, по-видимому, мертвым. Однако через несколько дней он частично восстановил свои физические чувства, но его рассудок еще долгое время оставался разбитым и, возможно, так и не был полностью восстановлен в своей первоначальной силе.

Это событие сделало необходимым обеспечить ему место в совете. Виглиус часто выражал намерение уйти в отставку, на что он все еще никак не мог полностью решиться. Теперь его место временно занял его друг и соотечественник Иоахим Хоппер, как и он сам, фризский врач древней крови и обширных познаний, хорошо разбирающийся в философии и юриспруденции; профессор Лувена и член совета Мехлина. Он также был первоначальным основателем и проектантом университета Дуэ, учебного заведения, которое по желанию Филиппа он успешно организовал в 1556 году, чтобы создать французский университет для валлонской молодежи взамен соблазнительного и ядовитого Парижа. В остальном Хоппер был обычным человеком. Филип часто нанимал его для ведения личных дел, не посвящая в тайну, лежащую в их основе. Его разум был в смятении, а стиль невыразимо запутанным и утомительным. "Бедный мастер Хоппер, - сказал Гранвель, - писал не на лучшем французском в мире; да простит его Господь. Он был сведущ в грамоте, но очень мало знал о великих делах". Его манеры были столь же пресмыкающимися, сколь и узким был его интеллект. Он никогда не выступал против герцогини, так что его коллеги всегда называли его членом совета "Да, мадам", и он делал все возможное, чтобы подружиться со всем миром.

В знак уважения к аргументам Оранжа инструкции для "Эгмонта" были соответственно значительно изменены по сравнению с оригинальными набросками Виль-Лиуса. В том виде, в каком они были составлены новым президентом, содержалось по крайней мере несколько намеков его Величеству относительно целесообразности смягчения эдиктов и проявления некоторого милосердия к его страдающему народу. Документ, однако, не очень удовлетворил принца, и, возможно, он не слишком полагался на личность посланника.

Эгмонт отправился в свое путешествие в начале января (1565 г.). Он путешествовал с большим размахом. До Камбре его сопровождали несколько знакомых дворян, которые улучшили ситуацию серией грандиозных банкетов во время пребывания графа, затянувшегося до конца января. Наиболее известными из этих джентльменов были Хогстраатен, Бредероде, младший Мансфельд, Кулембург и Нуаркармес. Прежде чем расстаться с посланником, они составили бумагу, которую подписали своей кровью, а затем передали в руки его графини. В этом документе они обещали, исходя из их "невыразимой и очень особой привязанности" к Эгмонту,

что, если во время его миссии в Испании с ним случится какое-либо зло, они, как джентльмены и кавалеры чести, отомстят кардиналу Гранвеллу или всем, кто может быть зачинщиком этого.

[Грин В. П., Архивы и др., i. 345, из книги Арнольди "История". Денквурд, стр. 282., Примечательно, что после возвращения графа из В Испании Хогстраатен получил от графини эту необычную облигацию и передал ее Мансфельду для сожжения в его присутствии. Мансфельд, однако, посоветовал сохранить его из-за Нуаркарма, чья подпись была приложена к документу и которого он знал как человека настолько лживого, что было бы неплохо, если бы в будущем они могли упрекнуть его в этом.—Тамже. В дальнейшем будет видно, что Noircarmes более чем оправдал мнение Мансфельда, но что последующая карьера самого Мансфельда не давала ему права упрекать кого-либо из благородных палачей Филиппа.]

Где бы ни находился Бредероде, там, вероятно, будет много серьезных кутежей. Соответственно, перед завершением визита в Камбре в этом древнем городе разразился скандал, вызванный самой шумной сценой. В честь Эгмонта и его друзей в цитадели был дан банкет. Присутствовали Бредероде, его двоюродный брат Люми и другие брюссельские дворяне. Архиепископ Камбрейский, человек, весьма одиозный для либеральной партии в провинциях, также был приглашен на праздник. Во время обеда этот прелат, хотя Эгмонт и относился к нему с заметным уважением, стал объектом многочисленных подшучиваний и грубых острот со стороны более грубой части гостей. Особенно эти общительные джентльмены прилагали бесконечные усилия, чтобы перегрузить его вызовами на огромные бочки с вином; считалось очень желательным, если это возможно, поместить архиепископа под стол. Эта шутка чередовалась с большим количеством грубого сарказма по поводу новых епископств. Затем разговор перешел на другие темы, среди прочего, естественно, на миссию графа Эгмонта. Бредероде заметил, что было очень опасно позволять столь выдающейся личности покидать страну в такой критический период. Если с графом что-нибудь случится, Нидерланды понесут огромные потери. Архиепископ, раздраженный предыдущим разговором, иронически попросил говорившего успокоиться, "потому что, - сказал он, - всегда будет легко найти нового Эгмонта". Услышав это, Бредероде, вне себя от ярости, яростно закричал: "Неужели мы должны терпеть подобные высказывания от этого священника?" Гулембург, тоже повернувшись к преступнику, заметил: "Ваше замечание было бы гораздо более применимо к вашему собственному случаю. Если бы тебе суждено было умереть, было бы легко найти пятьсот человек из твоих заслуг, чтобы заменить тебя в Камбре. Разговор, мягко говоря, переходил на личности. Епископ, желая положить конец этому острому поединку умов, поднял кубок, полный вина, и предложил Бредероде выпить. Этот джентльмен отклонил приглашение. После того, как скатерть была снята, чаша циркулировала более свободно, чем когда-либо. Веселье стало быстрым и яростным. Один из молодых джентльменов, сидевший рядом с епископом, сорвал с головы этого сановника шляпу и надел ее на свою собственную. Затем он осушил бокал за свое здоровье и передал кубок и колпачок своему следующему соседу. Оба ходили по кругу, пока не добрались до виконта Гентского, который встал со своего места и почтительно вернул шапку ее владельцу. Затем Бредероде взял большую "чашу из серебра и золота", наполнил ее до краев и осушил, к замешательству кардинала Гранвелля, заклеив покойного министра эпитетом, в котором было больше силы, чем приличия. Затем он призвал всю компанию произнести за него тот же тост и назвал кардиналистами всех тех, кто откажется. Архиепископ, не успевший переварить оскорбления, которые уже были нанесены ему, неосторожно снова вмешался в суматоху и попытался воззвать к разуму собравшихся. С таким же успехом он мог обратиться к команде "Комуса". Он не получил ничего, кроме дополнительных оскорблений. Бредероде

двинулся на него с угрожающими жестами. Эгмонт умолял прелата удалиться или, по крайней мере, не обращать внимания на дворянина, столь явно неподвластного своему разуму. Епископ, однако, настаивал — со смесью упрека, угрозы и несколько властных требований — на прекращении непристойных Сатурналий. С его стороны было бы разумнее удалиться. Граф Хоогстраатен, молодой человек невысокого роста, схватил позолоченный умывальник, в который компания окунула пальцы, прежде чем сесть за стол: "Тише, тише, маленький человек", - успокаивающе сказал Эгмонт, делая все возможное, чтобы сдержать шум. "В самом деле, маленький человек", - гневно ответил граф. "Я хотел бы, чтобы вы знали, что маленький человек никогда не происходил из моей расы". С этими словами он швырнул таз с водой и все остальное в голову архиепископа. Хогстраатен, без сомнения, проявлял свою храбрость до этого дня; в будущем ему предстояло проявить замечательную степень героизма; но следует признать, что рыцарство благородного дома Лалаинг не было продемонстрировано этим нападением на священника. Епископ был окроплен водой, но не поражен сосудом. Молодой Мансфельд, устыдившись своего возмущения, выступил вперед, чтобы извиниться за поведение своих спутников и успокоить оскорбленного прелата. Однако этот персонаж, совершенно естественно, доведенный до крайности, грубо оттолкнул его, крича: "Прочь, прочь! кто этот мальчик, который проповедует мне?" После чего Мансфельд, сильно раздраженный, поднял руку в сторону священнослужителя и презрительно щелкнул пальцами у него перед носом. Некоторые даже говорили, что он дернул архиепископа за нос, другие - что он угрожал его жизни обнаженным кинжалом. Ничто не могло быть более неприличным или более трусливым, чем поведение этих дворян в данном случае. Их опьянение вкупе с характером жертвы объясняли вульгарность выставки, но, конечно, не могли смягчить ее. Было вполне естественно, что такие люди, как Бредероде, находили забаву в этой замечательной травле епископа, но мы с сожалением видим роль, сыгранную Хогстраатеном в этой позорной сцене.

Наконец прелат, воскликнув, что, по-видимому, его пригласили только для того, чтобы подвергнуться оскорблению, покинул апартаменты в сопровождении Нуармеса и виконта Гентского и пригрозил, что все его друзья и родственники будут обвинены в его мести. На следующий день примирение было достигнуто, насколько это было возможно, усилиями Эгмонта, который обедал наедине с прелатом. Вечером Хогстраатен, Кулембург и Бредероде нанесли визит епископу, с которым они провели наедине час, и группа рассталась на номинальных дружеских условиях.

Эта скандальная сцена, разыгравшаяся не только перед множеством гостей, но и в присутствии множества слуг, неизбежно произвела большую сенсацию по всей стране. Вряд ли среди уважаемых людей могли быть большие расхождения во мнениях относительно поведения дворян, которые таким образом опозорили себя. Даже сам Бредероде, у которого, по-видимому, сохранилось, что было естественно, смутное впечатление об этой сделке, в дни, следовавшие за знаменитым банкетом, казалось, сомневался, заслужили ли он и его друзья сколько-нибудь бурных аплодисментов. Однако он был несколько противоречив сам себе, хотя всегда был неистов в своих утверждениях по этому поводу. В какой—то момент он утверждал — после обеда, конечно, - что убил бы архиепископа, если бы их не разлучили силой; в другие моменты он называл лжецами всех лиц, которые намекали на то, что он нанес или планировал причинить какой-либо вред этому прелату; свободно предлагая драться с любым человеком, который оспаривает любую из двух его позиций.

Вся сцена была инсценирована и представлена в виде маскарада на свадебном празднике, устроенном советником д'Ассонлевиллем по случаю бракосочетания дочери советника Хоппера, причем одну из главных ролей сыграл сын президента-судьи Артуа. Можно предположить, что если бы такие выдающиеся личности, находящиеся в тесной связи с правительством, принимали участие в подобном разбирательстве, то бунт, должно быть, носил бы вполне простительный характер. Правда заключалась в том, что епископ был кардиналистом и, следовательно, полностью не пользовался благосклонностью администрации. Он также был человеком вероломного, кровожадного характера, и, следовательно, его ненавидели люди. Он сделал все возможное, чтобы уничтожить ересь в Валансьене огнем и мечом. "Я скажу одно, - писал он в письме Гранвелю, которое было перехвачено, - поскольку котел раскрыт и вся кулинария известна, нам лучше всего продвигаться вперед и покончить со всеми главными еретиками, богатыми или бедными, не заботясь о том, будет ли город полностью разрушен таким образом. Такое мнение я бы высказал открыто, если бы нас, представителей церковной профессии, не обвиняли в том, что мы всегда взываем к крови". Такова была теория прелата. О его практике можно судить по образцу его действий, который произошел чуть позже днем. Гражданин Камбре, принявший лютеранское исповедание, обратился к архиепископу и попросил разрешения уехать из страны, забрав с собой свое имущество. Заявителю, явившемуся до полудня, было предложено зайти снова после обеда, чтобы получить ответ. Бюргер так и сделал, и был принят не прелатом, а палачом, который немедленно отнес лютеранина на рыночную площадь и отрубил ему голову. Достаточно очевидно, что служитель Христа с такими склонностями не мог вызвать большого сочувствия, каким бы глубоко оскорбленным он ни был на вечеринке, пока в стране оставались христиане.

Эгмонт отбыл из Камбре 30 января, его друзья с большой нежностью простились с ним, а Бредероде заверил его тысячей клятв, что он оставит Бога ради его служения. Прием, оказанный ему в Мадриде, был самым блестящим. Когда граф впервые появился во дворце, Филипп выбежал из своего кабинета в большой зал для приемов и бросился ему на шею, сердечно обнимая его, прежде чем граф успел опуститься на колени и поцеловать королевскую руку. В течение всего периода своего визита он часто обедал за личным столом короля, что было редкостью для Филиппа, и был обласкан всеми высшими сановниками двора так, как никогда прежде не был подданным испанской короны. Все наперебой осыпали почестями человека, которого король был полон решимости почтить.

Филипп ежедневно возил его кататься в своей карете, отправлял осматривать чудеса нового Эскориала, который он строил в память о битве при Сен-Кантене, и, хотя все еще стояла зима, настоял на том, чтобы показать ему красоты своего убежища в Сеговийском лесу. Советы Гранвеля относительно метода, с помощью которого можно было так легко заполучить "друга дыма", не остались без внимания его царственного ученика. Граф был поселен в доме Руя Гомеса, который вскоре почувствовал себя способным, согласно предыдущим заверениям на этот счет, содержащимся в частном письме Арментероса, склонить посланника к любому курсу, который прикажет Филипп. Лесть не скупилась. Более веские аргументы, чтобы убедить графа в том, что Филипп был самым щедрым и милосердным из принцев, также были использованы с большим эффектом. Королевские взносы за поместье Гаасбек, недавно приобретенное Эгмонтом, были переведены. Закладная на его сеньорию Нинов была погашена, и в дополнение ему была вручена значительная сумма денег. В общей сложности подарки, которые посол получил от королевской щедрости, составили сто тысяч крон. Таким образом, угощенный, польщенный и осыпанный подарками, граф более чем оправдывал мнение, выраженное в

письме Арментероса, о том, что он был человеком, которым легко управляли те, кто пользовался его доверием. Эгмонт почти не затрагивал общественные дела, которые привели его в Мадрид. Что касается эдиктов, Филипп, конечно, не лукавил, как бы громко посланник ни жаловался впоследствии в Брюсселе. По правде говоря, Эгмонт, опьяненный благовоениями, предложенными ему при испанском дворе, отличался от Эгмонта в Нидерландах, подчиняясь спокойному, но пронзительному взгляду и непреодолимому контролю Оранжа. Филип не давал ему никаких оснований предполагать, что он намеревался внести какие-либо изменения в религиозную систему провинций, по крайней мере в том смысле, который предполагала либеральная партия. Напротив, был созван совет врачей и духовных лиц, на обсуждение которого был приглашен граф для оказания помощи; по этому случаю король вызвал всеобщее восхищение пылкостью своего благочестия и горячностью своих восклицаний. Упав на колени перед распятием посреди собрания, он помолился, чтобы Бог постоянно сохранял его в том же духе, и запротестовал, что он никогда не назовет себя учителем тех, кто отрицает Господа Бога. Такое проявление могло оставить лишь мало сомнений в умах тех, кто был свидетелем этого, относительно королевских чувств, и Эгмонт не предпринял никаких усилий, чтобы добиться какого-либо смягчения тех религиозных эдиктов, которые он сам объявил достойными одобрения и пригодными для сохранения. Что касается вопроса о расширении государственного совета, Филипп отклонил эту тему несколькими туманными замечаниями, которые Эгмонт, не очень усердствовавший в данный момент в этом вопросе, возможно, неправильно понял. Также слегка обсуждался вопрос о наказании еретиков каким-либо новым методом, чтобы облегчить страдания, но лишить их славы мученичества, и здесь Эгмону опять не повезло, он неправильно понял королевский смысл и истолковал дополнительную утонченность жестокости как проявление милосердия. Однако в целом особых переговоров между монархом и послом не было. Когда граф заговаривал о делах, король рассказывал ему о своих дочерях и о своем желании обеспечить им блестящие браки. Поскольку у Эгмонта было восемь дочерей, не считая двух сыновей, вполне естественно, что ему было приятно видеть, что Филипп проявляет такой большой интерес к тому, чтобы подыскивать им мужей. Король заговорил с ним, чего едва ли можно было избежать, о знаменитой ливрее с шутовским колпаком. Граф отшутился по этому поводу, заявив, что это была просто глупая выходка, возникшая за винным столом, и с теплотой заверив, что ни в том, ни в другом случае не было и в помысле ничего неуважительного или нелояльно относящегося к его Величеству. Если бы хоть один джентльмен произнес недоброжелательное слово против короля, Эгмонт поклялся, что проткнул бы его насквозь на месте, будь он его собственным братом. На эти горячие протесты Филип ответил мягким упреком относительно прошлого и твердым предостережением относительно будущего. "Пусть это будет полностью прекращено, граф", - сказал король, когда они вдвоем ехали в королевской карете. Эгмонт в красивых выражениях высказался о кардинале в ответ на высказанное ему всеобщее одобрение его собственного характера из частных писем этого проницательного человека его величеству. Конечно, после всего этого граф мог бы считать, что история с ливреей прощена. Так мирно прошли часы этой миссии, подготовка к которой вызвала столько красноречия у принца Оранского и едва не унесла с собой апоплексический удар президента Виль. Перед отъездом Эгмонт получил от Филиппа письмо с инструкциями относительно отчета, который он должен был сделать герцогине по прибытии в Брюссель. После многих вещей, льстивших лично ему, посланнику было поручено представить короля как человека, охваченного невероятной скорбью при известии о прогрессе, достигнутом еретиками, но непоколебимо решившего не допускать смены религии в своих владениях, даже если бы в результате ему пришлось умереть тысячью смертей. Король, как он

должен был заявить, попросил герцогиню немедленно созвать внеочередное заседание собора, на котором должны были присутствовать определенные епископы, доктора богословия и очень ортодоксальные юристы, на котором под предлогом обсуждения вопроса Тридентского собора должно было быть рассмотрено, не может ли быть изобретен какой—то новый способ казни еретиков; на самом деле не такой, с помощью которого можно было бы делать какие—либо выводы из их страданий (что, безусловно, не было королевским желанием и вряд ли было бы благодарностью Богу или спасением религии), но с помощью которого все надежды на славу - этот мощный стимул для их нечестия - могло бы быть предотвращено. Что касается любых предлагаемых изменений в государственном совете или в двух других советах, король должен был быть представлен как нежелающий принимать какое-либо решение до тех пор, пока он не услышит, наконец, от герцогини-регентши по этому вопросу.

Конечно, здесь было достаточно откровенных высказываний на одну важную тему и очень мало поощрения в отношении другой. И все же Эгмонт, который сразу же после получения этих инструкций отправился по возвращении в Нидерланды, не проявил ничего, кроме удовлетворения. Филипп представил ему в качестве своего спутника в путешествии молодого принца Александра Пармского, который в то время собирался навестить свою мать в Брюсселе, и порекомендовал юноше, которому впоследствии суждено было сыграть столь заметную роль во фламандской истории, передать его особенной заботе Эгмонт адресовал королю письмо из Вальядолида, в котором тот восторгался Эскориалом и лесом Сеговии и заявлял, что возвращается в Нидерланды "самым довольным человеком в мире".

Он добрался до Брюсселя в конце апреля. Пятого мая он предстал перед советом и рассказал о своей беседе с королем, а также изложил королевские намерения и мнения. Они были уже достаточно хорошо известны. До него дошли письма, написанные после отъезда посланника, в которых, хотя в основном излагались те же взгляды, что и в инструкциях Эгмонту, Филипп выразил свое решительное неодобрение проекта расширения государственного совета и подавления авторитета двух других. Тем не менее граф составил свой отчет в соответствии с инструкцией, полученной в Мадриде, и заверил своих слушателей, что король - само великодушие, ничто так не заботит его сердце, как временное и вечное благополучие провинций. Он заявил, что осада Мальты на данный момент помешает королевскому визиту в Нидерланды, но он был отложен лишь на короткий период. Чтобы восполнить дефицит в провинциальной казне, из Испании будут немедленно осуществлены крупные денежные переводы. Чтобы учесть растущие трудности религиозного вопроса, было рекомендовано созвать девять ученых и святых личностей, которые должны были разработать какую-нибудь новую схему, с помощью которой можно было бы устранить возражения против существующей системы наказания еретиков.

Вряд ли нужно утверждать, что столь ничтожный результат миссии Эгмонта вряд ли вселил в сердца Оранского и его сторонников большую уверенность. Однако немедленного взрыва негодования не произошло. В течение нескольких дней обстановка в целом была мирной. Эгмонт выразил большое удовлетворение приемом, оказанным ему в Испании, и в ярких красках описал дружелюбное отношение короля к знати. Сразу после возвращения он отправился к своему правительству, собрал представителей штатов Артуа в городе Аррас и передал письма, отправленные этому органу королем. По этому случаю он произнес речь, проинформировав сословия о том, что его Величество отдал приказ о неукоснительном исполнении эдиктов императора; добавив, что он открыто изложил королю свое собственное

мнение по этому вопросу, чтобы отговорить его от того, на чем горячо настаивали другие. Он описывал Филиппа как самого либерального и жизнерадостного из принцев; его совет в Испании - как жестокий и кровожадный. Время должно было показать, не были ли эпитеты, применяемые таким образом к советникам, более применимы к монарху, чем панегирики, расточаемые таким образом слепой и predetermined жертвой. Также будет замечено, что этот язык, использовавшийся перед поместьями Артуа, существенно варьировался от его замечания вдовствующей герцогине Эршо, называвшей врагами людей, которые обвиняли его в том, что он требовал смягчения эдиктов. По правде говоря, этот самый колеблющийся, сбитый с толку и несчастный из людей, возможно, едва ли понимал смысл своих недавних переговоров в Испании и не осознавал направленности своих повседневных высказываний дома. Однако сразу после своего возвращения он был несколько тщеславен и чрезмерно внимателен к бизнесу. "Он говорит как король, - злобно заметил Морильон, - ведет переговоры день и ночь и заставляет всех склоняться перед ним". В его доме было больше просителей, придворных и деловых людей, чем даже во дворце герцогини. Он часто заявлял, что посвятит свою жизнь и свое состояние выполнению приказов короля, и заявлял о своей бескомпромиссной враждебности ко всем, кто осмелится противостоять этому верноподданническому решению.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем в его поведении стала отчетливо заметна полная перемена. Эти безмятежные дни вскоре закончились. Прибытие новых писем из Испании стало самым недвусмысленным доказательством королевской решимости, если, конечно, раньше можно было рационально усомниться в чем-либо. Герцогине были переданы строжайшие инструкции постоянно поддерживать в рабочем состоянии весь механизм преследования, что вызвало возмущение Оранского и его сторонников. Они признали, что больше не могут доверять королевскому слову, поскольку вскоре после отъезда Эгмонта король написал депеши, настолько расходившиеся с его языком, как сообщил посланник. По их словам, в этих предписаниях джентльменам их положения и чувств посвящать свое времяощрению палачей и инквизиторов не было ничего милосердного или благопристойного. Герцогиня не смогла успокоить дворян. Эгмонт был вне себя от ярости. Со своим обычным безрассудством и гневом он высказывался на нескольких заседаниях государственного совета в самых невыразительных выражениях. Его гнев еще больше разгорелся из-за информации, которую он получил от второго сына Берлаймона, молодого и нескромного парня, который, к величайшему сожалению, выдал многие секреты, которые он узнал от своего отца, но которые никогда не предназначались для ушей Эгмонта.

Привычное притворство Филиппа, таким образом, вызвало много ненужных затруднений. У него было в обычае вести переписку с помощью различных секретарей, и это была его неизменная практика - обманывать их всех. Те, кто был в самых доверительных отношениях с монархом, наверняка были одурачены во всех важных случаях. Было замечено, что даже проникательный Гранвель не смог избежать этой общей участи для всех, кто считал свою грудь хранилищем королевских тайн. По этому поводу Гонсало Перес и Руй Гомес горько жаловались, что им ничего не было известно о письмах, которые недавно были отправлены из Вальядолида, в то время как Тиснак и Кортервиль ничего не знали о сообщениях, переданных руками Эгмонта. Они признали, что король создавал бесконечные проблемы, ведя свои дела таким образом с одним набором советников и в противоположном смысле с другими, таким образом лицемеря со всеми, и добавили, что Филипп теперь был очень удивлен недовольством, вызванным в провинциях несоответствием между французскими письмами, привезенными Эгмонтом, и испанскими письмами, отправленными герцогине. Поскольку это был его обычный способ

ведения бизнеса не только в Нидерландах, но и во всех его владениях, они придерживались мнения, что такой путаницы и неудовлетворенности вполне можно было ожидать.

Однако, в конце концов, несмотря на негодование Эгмонта, следует признать, что его было легко одурачить. Он был ослеплен королевскими улыбками, опьянен придворными благовониями, осквернен еще более низменными взятками. Его свернули с пути чести и общения с мудрыми и благородными, чтобы он выполнял работу тех, кто должен был способствовать его уничтожению. Принц Оранский упрекнул его в лицо в том, что, находясь в Испании, он забыл представлять взгляды своих соратников и наилучшие интересы страны, в то время как он хорошо помнил о своих личных целях и принимал щедрые дары короля. Эгмонт, уязвленный в самое сердце упреком того, кого он чтит и кто желал ему добра, надолго опечалился, удалился от двора и общества и часто выражал намерение удалиться в свои поместья. Однако он во многом подчинялся своему секретарю, сеньору де Бакерзилю, человеку беспокойного, интригующего и лживого характера, который в тот период оказывал на графа такое же большое влияние, какое Армендерос продолжал оказывать на герцогиню, чья непопулярность из-за этого и других обстоятельств с каждым днем возрастала.

Повинуясь приказу короля, были опубликованы тридентские каноны. Номинально они применялись в Камбре, но само духовенство оказало яростное сопротивление нововведению в Мехлине, Утрехте и многих других местах.

Этот вопрос, наряду с другими, более жизненно важными, стоял перед собранием епископов и врачей, которое, согласно указаниям Филиппа, было созвано герцогиней. По мнению ученых богословов, в целом взгляды Тридентского собора относительно реформирования церковной морали и народного образования были здравыми. Существовали некоторые разногласия между священнослужителями и врачами-мирянами и по другим вопросам. Сеньоры, юристы и депутаты от сословий - все выступали за отмену смертной казни за еретические преступления любого рода. Президент Виль вместе со всеми епископами и докторами богословия, включая прелатов Сент-Омера, Намюра и Ипра, а также четырех профессоров богословия из Лувена, твердо придерживались противоположного мнения. Президент, в частности, заявил, что яростно выступает за смертную казнь, и выразил большой гнев против тех, кто выступал за ее отмену. Герцогиня на второй день собрания официально поставила вопрос о том, следует ли вносить какие-либо изменения в наказание еретиков. Принц Оранский вместе с графами Горном и Эгмонтом, однако, отказались принимать участие в обсуждениях на том основании, что в намерения его Величества не входило, чтобы государственные советники высказывали свое мнение перед посторонними, но что для донесения своих советов до Совета были вызваны посторонние лица. Таким образом, сеньоры умыли руки, и врачи с большой готовностью пришли к заключению. Они были единодушны во мнении, что внесение каких-либо изменений в наказание не соответствует ни служению Богу, ни общему благу, за исключением, возможно, случаев крайней молодости; но что, напротив, с еретиками следует бороться, только сохраняя строгость эдиктов и мужественно наказывая преступников. Просидев на заседании большую часть шести дней, епископы и доктора богословия изложили свои чувства в письменной форме и поставили свои подписи под документом. Что касается важного изменения, предложенного в наказаниях за ересь, было объявлено, что нецелесообразно вносить никаких изменений в эдикты, которые так хорошо действовали в течение тридцати пяти лет. В то же время было высказано предположение, что "некоторые лица, в зависимости от их возраста и качества, могут быть казнены или наказаны более или менее строго, чем другие; некоторые - смертной

казнью, некоторые - галерным рабством, некоторые - вечным изгнанием и полной конфискацией имущества". Также допускалась возможность смягчения наказания тех, кто, не будучи еретиками или сектантами, мог бы подпадать под положения эдиктов "из любопытства, беспечности или иным образом". Было намекнуто, что такие нарушители могут быть "выпороты розгами, оштрафованы, изгнаны или подвергнуты аналогичным наказаниям более легкого характера". Из этого небольшого наброска совета, данного таким образом герцогине, можно понять, что эти богословы были настроены очень осторожно использовать милосердие, которое, по их мнению, было возможно в некоторых случаях, но которое должно было падать только на головы праведников. С еретиками все еще предстояло иметь дело, насколько епископы и президенты могли повлиять на их судьбу, с абсолютной строгостью.

Когда собрание закончилось, герцогиня, получившая, таким образом, в распоряжение записанную мудрость этих специальных советников, спросила своих советников по конституции, что ей с этим делать. Однако Оранж, Эгмонт, Хорн и Мансфельд ответили, что это не их дело и что его Величество не интересовался их мнением в этом помещении. Герцогиня соответственно передала Филиппу выводы ассамблеи вместе с причинами отказа сеньоров принимать участие в ее обсуждениях. Однако в чувствах Оранжа вряд ли можно сомневаться, а его молчание не может не оскорблять высшие силы. Какое-то время он довольствовался тем, что держал глаза и уши открытыми для развития событий, но при этом внимательно наблюдал. У него было "мало свободного времени для развлечений", как выразился Бредероде. Этот свободомыслящий человек смотрел на работу теологической ассамблеи с глубоким отвращением. "Ваше письмо, - писал он графу Людовику, - полно этих негодяев из числа епископов и президентов. Я бы хотел, чтобы эта раса вымерла, как раса зеленых собак. Они всегда будут сражаться тем оружием, которое они когда-либо использовали, оставаясь до конца алчными, жестокими, упрямыми, амбициозными и так далее. Я оставляю вас позаботиться обо всем остальном".

Таким образом, вне всякого сомнения, было решено, что компромисса с ересью быть не должно. Так пожелал король. Так посоветовали теологи. Герцогиня провозгласила это. Предполагалось, что без топора, огня и дыбы католическая религия будет уничтожена и что все население Нидерландов примет реформатскую веру. Это было отчетливое заявление Вильюса в частном письме Гранвелю. "Многие стремятся отменить наказание за ересь, - сказал он, - если они добьются этого, действуйте как истинная католическая религия; ибо, поскольку большинство людей - невежественные глупцы, еретики скоро составят подавляющее большинство, если страх наказания не удержит их на пути истинном".

Беспокойство, ужас, гнев народа, казалось, быстро перерастали в кризис. Не говорили ни о чем, кроме эдиктов и инквизиции. Ничто другое не приходило в голову людям. На улицах, в лавках, в тавернах, в полях; на рынке, в церкви, на похоронах, на свадьбах; в замке дворянина, у очага фермера, на чердаке механика, на бирже торговцев была только одна постоянная тема для волнующих разговоров. Люди начали шептаться друг другу, что лучше умереть сразу, чем жить в вечном рабстве. Лучше пасть с оружием в руках, чем быть замученным и растерзанным инквизицией. Кто мог ожидать, что в темноте придется сражаться с таким врагом?

Они упрекали муниципальные власти в том, что они используют себя в качестве инструмента этого учреждения. Они спросили магистратов и шерифов, как далеко они зашли бы в своей защите перед Божьим трибуналом за убийство его созданий, если бы только могли ответить на

божественное обвинение, обратившись к эдикту 1550 года. С другой стороны, инквизиторы громко ругали вялость и трусость светских властей. Они утомляли слух герцогини жалобами на трудности, с которыми они сталкивались при исполнении своих обязанностей, на незначительную готовность различных должностных лиц помочь им в исполнении их обязанностей. Несмотря на прямое указание его Величества на этот счет, они испытывали, по их словам, постоянный недостаток того радостного сотрудничества, на которое они имели право претендовать, и вследствие этого возникали постоянные разногласия. Папским и королевским указом они были уполномочены использовать тюрьмы, констеблей, весь пенитенциарный механизм каждой провинции; однако офицеры часто отказывались действовать и даже осмеливались закрывать тюрьмы. Тем не менее, предполагалось, как полностью следовало из императорских и королевских инструкций инквизиторам, что их действия через провинциальные власти должны были быть безудержными. Не удовлетворившись этими заявлениями регенту, инквизиторы также обратились напрямую к королю. Юдокус Тилетанус и Майкл де Бэй направили Филиппу письмо из Лувена. Они сообщили ему, что они были единственными оставшимися из пяти генеральных инквизиторов, назначенных папой римским для всех Нидерландов, трое других были недавно обращены в епископы. По их словам, к ним ежедневно поступали жалобы на чудовищное распространение ереси, но их собственная контора становилась настолько одиозной, так оклеветанной и подвергалась такому сильному сопротивлению, что они не могли выполнять свои обязанности без личной опасности. Поэтому они срочно потребовали от его Величества дополнительной поддержки и содействия. Таким образом, герцогиню, подвергшуюся одновременно нарастающему гневу целого народа и пронзительным воплям инквизиторского гнева, швыряло взад и вперед, как в штормовом море. Приказы короля, слишком четкие, чтобы их можно было изменить, были выполнены. Богословская ассамблея собралась и дала совет. Тридентский собор был тут и там приведен в исполнение. Эдикты были переизданы, и инквизиторы получили поощрение. Более того, в соответствии с предложением Филиппа, теперь был отдан приказ казнить еретиков в полночь в их подземельях, зажав их головы между колен, а затем медленно душить в кадках с водой. Тайное утопление было заменено публичным сожжением, чтобы венец тщеславия еретика, который, как считалось, должен был утешить его в агонии, никогда не был возложен на его голову.

В течение лета Магарет писала своему брату, что народное безумие становится все более и более сильным. По ее словам, люди громко кричали, что испанская инквизиция, или нечто худшее, чем испанская инквизиция, была установлена среди них с помощью епископов и духовенства. Она убеждала Филиппа пересмотреть инструкции для инквизиторов. Эгмонт, по ее словам, яростно выражал свое недовольство несоответствием между устным обращением Филиппа к нему и королевскими депешами по религиозному вопросу. Другие сеньоры были возмущены еще больше.

В то время как народные волнения в Нидерландах, таким образом, пугающе нарастали, к преобладающему недовольству добавилось еще одно обстоятельство. Знаменитое свидание Екатерины Медичи и ее дочери, королевы Испании, произошло в середине июня в Байонне. Повсеместно высказывались самые мрачные подозрения относительно последствий для человечества заговоров, которые должны были возникнуть на этой знаменитой конференции между представителями Франции и Испании. Эти подозрения были в высшей степени

обоснованными, но, тем не менее, они были ошибочными. План согласованных действий по истреблению еретиков в обоих королевствах, как было прекрасно известно, был разработан задолго до этой эпохи. Также ни для кого не было секретом, что королева-регентша Франции желала встретиться со своим зятем, чтобы обсудить с ним важные вопросы с глазу на глаз. Филипп, однако, в последнее время не был расположен к личной беседе с Екатериной. Поскольку его жене больше всего на свете хотелось встретиться со своей матерью, тем не менее в конце концов было решено, что путешествие совершит королева Изабелла; но он извинился, что из-за множества своих дел не будет сопровождать ее в этой поездке. Герцог Альва был, соответственно, назначен сопровождать королеву в Байонну. Филипп тайно проинструктировал обоих не упускать ничего из виду в предстоящем разговоре, направленном на то, чтобы заручиться сердечным сотрудничеством Екатерины Медичи в общем и формально оформленном плане одновременного уничтожения всех еретиков во французских и испанских владениях. Поведение Альвы в этой дипломатической миссии было до крайности скрытным. Его письма обнаруживают тонкость изобретательности и деликатность обращения, которые мир обычно не относил к его характеристикам. Вся его ловкость, а также такт королевы Изабеллы, способностями которой, по словам Альвы, он был поражен, оказались совершенно бессильны перед уверенным фехтованием коварной Екатерины. Королева-регентша, чье мастерство герцог, даже потерпев поражение, признавал перед своим повелителем, продолжала твердо придерживаться своего намерения сохранить собственную власть, удерживая равновесие между Гизом и Монморанси, между Легионером и гугенотом. До тех пор, пока ее враги могли быть заняты истреблением друг друга, она была готова откладывать истребление гугенотов. Великой Варфоломеевской резне было суждено продлиться еще семь лет. Конечно, поначалу Альва был очень воодушевлен языком французских принцев и дворян, присутствовавших в Байонне. Монлюк возразил, что "они могли бы распилить вдовствующую королеву надвое, прежде чем она стала бы гугеноткой". Монпансье воскликнул, что "он был бы разрезан на куски за службу Филиппу - что испанский монарх был единственной надеждой Франции", и, пылко обнимая Альву, он подтвердил, что "если бы его тело вскрыли в этот момент, имя Филиппа было бы запечатлено в его сердце". Герцог, не имея возможности приступить к вскрытию, физическому или моральному, внутренностей Монпансье, оставался в некотором неведении, несмотря на эти восклицания. Однако его первый разговор с молодым королем вскоре развеял его надежды. Он сразу же обнаружил, по его собственным словам, что Карла Девятого "подлечили". Поднимать оружие по религиозным соображениям против своих собственных подданных монарх объявил разорительным и неприличным. Для Альвы было очевидно, что королевский ученик усвоил урок для этого случая. Человечеству было жаль, что мудрость, которой он лицемерно учился, не смогла проникнуть в его сердце. Герцог делал все возможное, чтобы претворить в жизнь планы и пожелания своего царственного господина, но безуспешно. Королева-регентша предложила союз двух королев и императора против турок и пожелала заключить различные матримониальные союзы между сыновьями и дочерьми трех домов. Альва выразил мнение, что союзы уже были достаточно тесными, в то время как, напротив, тайный союз против протестантов сделал бы все три семьи в большей безопасности. Екатерину, однако, нельзя было свергнуть со своего поста. Она отказалась даже признать, что канцлер де Лопиталь был гугенотом, на что герцог ответил, что она была единственным человеком в ее королевстве, придерживающимся такого мнения. Она выразила намерение созвать ассамблею врачей, и Альва высмеял в своих письмах Филиппу притворство такого рода. Короче говоря, она достаточно ясно дала понять, что час для совместных действий французского и испанского государей против своих подданных еще не пробил, так что знаменитая Байоннская

конференция завершилась безрезультатно. Однако общему мнению человечества казалось не менее несомненным, что все детали настоящего заговора были определенно организованы по этому поводу с целью истребления протестантов, и это заблуждение распространялось историками с большой известностью всех партий вплоть до наших дней. Однако тайные письма Альвы не оставляют сомнений относительно фактов.

В течение ноября в Нидерланды прибыли новые письма от Филиппа, подтверждающие все, что он написал ранее. Он лично написал генеральным инквизиторам Тилет-Анусу и Де Бэю, ободряя их, восхваляя, обещая им свою поддержку и призывая их ни из-за каких соображений не отказываться от тщательного выполнения своих обязанностей. Он написал Питеру Тительманну письмо, в котором приветствовал усилия, предпринятые этим чиновником для устранения недостатков, от которых страдает религия, заверил его в своей благодарности, призвал его продолжать свой добродетельный путь и признал свою решимость не жалеть ни усилий, ни средств, ни даже собственной жизни для поддержания католической веры. Герцогине он писал очень подробно и в самых недвусмысленных выражениях. Он отрицал, что смысл его письма из Вальядолида отличался от смысла депеш Эгмонта. Что касается некоторых заключенных-анабаптистов, относительно судьбы которых Маргарет запросила его мнения, он приказал казнить их, добавив, что такова его воля в отношении всех, независимо от их качества, кто может быть пойман. То, что люди в Нидерландах говорили об инквизиции, он назвал крайне неприятным для себя. Этот институт, существовавший при его предшественниках, он объявил более необходимым, чем когда-либо; он также не допустит, чтобы его дискредитировали. Он хотел, чтобы его сестра не верила пустым разговорам о неудобствах, которые могут быть вызваны строгостью инквизиции. Результатом были бы гораздо большие неудобства, если бы инквизиторы не продолжили свою работу, и герцогине было приказано написать светским судьям, предписав им не чинить препятствий на пути, но оказывать всю необходимую помощь.

Эгмонту король написал собственноручно, высоко оценив многое из того, что содержалось в недавних решениях ассамблеи епископов и докторов богословия, и повелев графу оказать содействие в исполнении королевского решения. В вопросах религии Филипп высказывал мнение, что лицемерие и слабость совершенно неуместны.

Когда эти решающие письма попали в государственный совет, переполох был чрезвычайным. Герцогиня рассчитывала, несмотря на свои глубочайшие убеждения, на менее императивные инструкции. Принц Оранский, граф Эгмонтский и адмирал громко обличали королевскую политику. Разгорелись ожесточенные и продолжительные дебаты. Волнение сразу же охватило народ. Распространялись подстрекательские листовки. Каждую ночь на дверях Оранжа, Эгмонта и Хорна вывешивались плакаты, призывающие их смело выступать в качестве защитников народа и свободы в религиозных вопросах. В домах знати ежедневно устраивались банкеты, на которых наиболее пылкие и молодые представители их сословия, с мозгами, возбужденными вином и гневом, пускались в пламенные оскорбления против правительства и обменивались клятвами защищать друг друга и дело угнетенных провинций. Тем временем тайный совет, органу, которому герцогиня передала недавние депеши из Мадрида, в ноябре месяце представил доклад по всему вопросу государственному совету, поддержав королевские взгляды и настаивая на необходимости претворения их в жизнь. Король так энергично настаивал на эдиктах и инквизиции, что ничего не оставалось делать, кроме как разослать по всей стране новые прокламации вместе с приказами епископам, советам, губернаторам и судьям о том, чтобы были приняты все меры для их полного исполнения.

Этот доклад был представлен государственному совету, и некоторые из его членов поддержали его. Принц Оранский выразил ту же бескомпромиссную враждебность к инквизиции, которую он всегда проявлял, но заметил, что приказы короля были настолько точными и абсолютными, что не оставляли возможности обсуждать этот вопрос. Ничего не оставалось делать, сказал он, кроме как повиноваться, но он умыл руки от фатальных последствий, которые предвидел. Больше не было среднего пути между повиновением и бунтом. Этого мнения, обоснованность которого едва ли можно было оспорить, придерживались также Эгмонт и Хорн.

Виль, напротив, нервный, взволнованный, потрясенный, теперь был склонен тянуть время. Он заметил, что если сеньоры опасаются таких пагубных последствий, то было бы лучше предотвратить, а не усиливать опасность, которая последует за предлагаемым уведомлением губернаторов и муниципальных властей по всей стране по поводу инквизиции. Спешка не означала ни исполнения намерений, ни служения интересам короля, и было желательно "избежать эмоций и скандала". По этому поводу Президент произнес очень длинную речь, признав в заключение, что, если его Величество не сочтет предложенный курс приемлемым, он готов обрушить все негодование на свою голову.

Конечно, такая позиция президента была несколько несовместима с его предыдущим курсом. Он был самым яростным в своих обличениях всех, кто вмешивался в исполнение великого эдикта, автором которого он был. Недавно он яростно боролся с мнением тех гражданских лиц из собрания врачей, которые выступали за отмену смертной казни за ересь. Он с большой энергией выразил свое личное мнение о том, что древняя религия погибнет, если убрать механизм преследований; и все же сейчас он, казалось, впервые услышал вопль целой нации и содрогнулся от этого звука. Теперь, когда жребий был брошен в соответствии с советами всей его жизни, теперь, когда королевские приказы, часто загадочные и нерешительные, наконец стали слишком четкими, чтобы их можно было неправильно истолковать, и слишком императивными, чтобы их можно было изменить, президент представил себе возможность отсрочки. Здоровье древнего фризца лишь недавно позволило ему вернуться на свое место в совете директоров. Его присутствие там было лишь временным, поскольку он получил из Мадрида согласие на свою отставку, сопровождаемое приказом исполнять обязанности президента до прибытия его преемника Шарля де Тиснака. Таким образом, выражаясь его собственным языком, герцогиня все еще была вынуждена в течение сезона полагаться "на свой древний Палинурус", что было ей далеко не по душе, поскольку она потеряла доверие к лоцману. Можно предположить, что он стремился разрядить обстановку в течение того короткого периода, когда ему еще предстояло подвергаться их ярости; но напрасно он изливал масло своего красноречия. Никто не поддержал его предложений. Герцогиня, хотя и была в ужасе от возможных последствий, чувствовала невозможность послушаться преднамеренного указа своего брата. Соответственно, было подготовлено воззвание, в котором предписывалось, чтобы Тридентский собор, эдикты и инквизиция были опубликованы в каждом городе и деревне провинции немедленно, а затем раз в шесть месяцев навсегда. Дело было сделано, и принц Оранский, наклонившись к уху своего ближайшего соседа, когда они сидели за столом совета, прошептал, что сейчас они станут свидетелями начала самой необычайной трагедии, которая когда-либо разыгрывалась.

Пророчество действительно было доказательством того, что принц мог предсказывать будущее, но сарказму президента, тому, что замечание было сделано ликующим тоном, противоречило каждое действие пророка в его жизни.

Указ был издан. На рыночных площадях каждого города и деревни Нидерландов инквизиция была снова официально провозглашена. Все сомнения, которые до сих пор существовали относительно намерений правительства, были рассеяны. С этого момента не допускалось никаких споров относительно конституционности эдиктов или совместимости их положений с привилегиями страны. Крик народа в его агонии вознесся к Небесам. В ответ на этот указ раздался вопль проклятия. Пламя народного безумия, злое и угрожающее, поднялось над крышами домов в каждом городе и деревне. В надвигающемся конфликте больше нельзя было ошибиться. Ужасная трагедия, которую великий страж страны так долго и неустанно предсказывал, торжественно и неуклонно приближалась. Суеверные глаза того времени видели в небе сверхъестественные и злое знамения. Сражающиеся армии топтали облака; с небес капала кровь; ангел-истребитель несся на ветру.

Обычные дела человечества почти прекратились. Торговля была парализована. Антверпен трясло, как при землетрясении. Казалось, разверзлась пропасть, в которой ее процветание и само ее существование были навсегда поглощены. Иностранные торговцы, фабриканты и ремесленники бежали от ее ворот, как будто внутри них бушевала чума. Процветающие города, вероятно, вскоре обезлюдели. Столичное сердце всей страны было почти неподвижно.

Люди, облеченные высокой властью, сочувствовали всеобщему возмущению. Маркиз Берген, младший Мансфельд, барон Монтиньи открыто отказались приводить в исполнение указы своих правительств. Выдающиеся люди смело и ожесточенно выступали против тирании правительства и призывали к неповиновению. Нидерландцы, упорно утверждалось, были не такими уж бессмысленными животными, чтобы не знать о взаимоотношениях принца и народа. Они знали, что долг короля перед своими вассалами так же священен, как и обязанности подданных перед сувереном.

Четыре главных города Брабанта первыми выступили с официальным осуждением этого безобразия. На их имя был составлен подробный и окончательный документ, который был представлен регенту. В нем говорилось, что недавнее провозглашение нарушает многие статьи "радостного вступления". Эта древняя конституция ограничивала власть духовенства, и в прежние времена монарх испытывал зависть не меньше, чем народ. Таким образом, не было допущено никакого церковного суда, за исключением суда епископа Камбрейского, юрисдикция которого была четко ограничена тремя категориями дел — делами, вытекающими из браков, завещаний и смертных приговоров.

В настоящее время было бы излишним обсуждать вопрос о том, противоречили ли указания инквизиторам и публикация эдиктов "радостному входу". Забрать человека из его дома и сжечь его после краткого предварительного допроса явно не соответствовало букве и духу брабантского хабеас корпус, которым монарх обеспечивал неприкосновенность жилища и регулярные судебные процессы; и все же такова была единообразная практика инквизиторов по всей стране. Петиция четырех городов была передана регентом совету Брабанта. Канцлер, или председательствующий судья этого трибунала, был известен своей коррумпированностью — креатурой испанцев. Однако его усилия поддержать политику администрации оказались тщетными. Герцогиня приказала обыскать архивы провинции в поисках прецедентов, а совету доложить о петиции. Случай был слишком очевиден для аргументации или догматизма, но была предпринята попытка укрыться в безвестности. Ответ совета был нерешительным и двусмысленным. Герцогиня настаивала на четком и категоричном ответе четырем городам.

Оказанный таким образом нажим, совет Брабанта решительно заявил, что никакой инквизиции в провинциях никогда не существовало. Невозможно было дать какой-либо другой ответ, но Виглиус и его единомышленники в тайном совете были чрезвычайно разгневаны таким выводом. Уступка, однако, была сделана, несмотря на дурной пример, который, по мнению некоторых лиц, победа, одержанная таким образом в столь важной провинции, подаст жителям других частей страны. Брабант был объявлен свободным от инквизиции. Тем временем множились памфлеты, листовки, пасквилы и другие популярные произведения. Используя фламандское выражение, они "засыпали улицы снегом". Каждую ночь их прибавляли гвоздями ко всем большим домам в Брюсселе. Патриотов призывали бастовать, выступать, возмещать ущерб. Едкие пасквилы, страстные оскорбления и искренние протесты попали в руки герцогини. Публикации в том виде, в каком они появились, были с жадностью поглощены людьми. "Мы готовы, — говорилось в замечательном письме королю, — умереть за Евангелие, но мы читаем в нем: "Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - Божье". Мы благодарим Бога за то, что наши враги сами вынуждены свидетельствовать о нашем благочестии и терпении; так что это обычная поговорка: "Он не клянется; он протестант; он не блудник и не пьяница; он из новой секты". И все же, несмотря на эти свидетельства нашего характера, никакого способа наказания для нас не предусмотрено. было забыто, за что мы, возможно, можем быть наказаны". Это утверждение о морали пуритан Нидерландов было оправданием мучеников, а не самовосхвалением фарисеев. Факт был неопровержим. Их принципы были жесткими, но их жизни были чистыми. В основном они принадлежали к среднему и низшему классам. Они были трудолюбивыми ремесленниками, которые желали жить в страхе Божьем и в честь своего Короля. Их защищали дворяне и джентльмены высокого положения, очень многие из которых впоследствии горячо поддержали кредо, которое поначалу они лишь великодушно защищали. Весь их характер и положение во многих чертах напоминали характер английских пуритан, которые три четверти века спустя бежали в поисках убежища в Голландскую республику, а оттуда отбыли, чтобы основать Американскую Республику. Разница заключалась в том, что нидерландцы подвергались более длительным преследованиям и гораздо более интенсивному мученичеству.

Ближе к концу года (1565), который заканчивался во всеобщем мраке; современные хроники оживляются прерывистыми проблесками солнечного света. Свет оживляет только более возвышенные регионы фламандского мира, но трогательно взглянуть на этих дворян, многим из которых суждено было стать такими героическими, а судьбы - такими трагичными, поскольку среди теней, отбрасываемых надвигающимся злом, они все же находили время для рыцарских празднеств своей страны и эпохи. В замке д'Антуан был проведен великолепный турнир по случаю бракосочетания барона Монтиньи с дочерью принца д'Эспиноа. Оранж, Хорн и Хогстраатен были претендентами и одержали победу над всеми желающими, среди которых были Эгмонт и другие выдающиеся рыцари.

Так блестяще и весело прошли первые часы этого брака, который не прошло и шести месяцев, как должен был так мрачно расторгнуться. Судьба, ожидавшая рыцарского жениха в темнице Симанкаса, вскоре была описана в одной из самых отвратительных глав тирании Филиппа.

Перед концом года в Брюсселе был отпразднован еще более сложный свадебный праздник, виновнику торжества которого впоследствии предстояло оказать самое решающее влияние на судьбу страны. Следует помнить, что Александр, принц Пармский, сопровождал Эгмонта по возвращении из Испании в апреле месяце. Герцогиня была в восторге от появления своего

сына, которому тогда было двадцать лет, но он уже был опытным кавалером. Она выразила особое удовольствие, обнаружив, что он до такой степени испанец "по манерам, костюму и разговору", что невозможно было предположить, что он когда-либо посещал какую-либо другую страну или говорил на каком-либо другом языке, кроме испанского.

Знать фламандского двора не разделяла энтузиазма матери. Нельзя было отрицать, что он был красивым и галантным молодым принцем, но его высокомерие было настолько невыносимым, что вызывало отвращение даже у тех, кто был наиболее расположен отдавать дань уважения сыну Маргарет. Он держался в основном надменно и уединенно, обычно обедал в одиночестве в своих собственных апартаментах и едва ли удостоивал своим вниманием кого-либо из джентльменов Нидерландов. Даже Эгмонт, заботам которого он был особенно рекомендован Филиппом, подвергся пренебрежению. Если время от времени он удостоивал одного или двух сеньоров приглашением к своему столу, он торжественно восседал один во главе стола, в то время как гостей, с которыми он едва удостоивал слога, сажали на табуреты без спинок, под солонкой. Можно предположить, что такая дерзость была достаточно раздражающей для людей с гордым характером, но несколько безрассудным поведением, которые отличали нидерландскую аристократию. Через короткое время они держались отчужденно, считая достаточным терпеть подобные выходки Филиппа. Герцогиня сначала поощряла надменность молодого принца, но вскоре опечалилась, увидев, к чему это привело. По всеобщему мнению, молодой принц был просто смесью гордыни и пустоты. "В этом человеке вообще ничего нет", - сказал Шантонне. Конечно, выражение его лица не было удачным. Время должно было показать, что в этом человеке было больше, чем во всех губернаторах, посланных Филиппом последовательно в Нидерланды; но доказательство было отложено до более поздней эпохи. Тем временем его мать была занята и крайне озадачена его приближающейся свадьбой. В начале года он был обручен с принцессой Португалии донной Марией. Поэтому было сочтено необходимым отправить флотию из нескольких судов в Лиссабон, чтобы доставить невесту в Нидерланды, причем свадьба была назначена в Брюсселе. Одни только эти расходы были значительными, и приготовления к банкетам, рыцарским турнирам и другим торжествам также проводились с таким размахом, что герцог, ее муж, был оскорблен расточительностью Маргарет. Люди, которые ее не любили, с горечью отзывались о расточительности, свидетелями которой они были в период нехватки и смуты. Многие из знати насмехались над ее замешательством. В довершение всего юный принц был настолько любезен, что в присутствии своей матери выразил надежду, что свадебный флот, находившийся в то время на пути из Португалии, может затонуть со всем, что в нем находилось, на дне моря.

Бедная герцогиня была бесконечно огорчена всеми этими обстоятельствами. "Безумные и возмутительные расходы", в которые вовлекла ее свадьба, упреки мужа, насмешки сеньоров, непочтительные эпиграммы ее сына, насмешки народа до такой степени повлияли на ее настроение, поскольку она была озабочена серьезными государственными делами, что она целыми днями не выходила из своих комнат, час за часом плача самым жалобным образом. Ее огорчали городские сплетни; тем не менее осенью прибыл флот и доставил юную Марию в провинцию. Эта юная леди, если верить верному историографу дома Фарнезе, была образцом принцесс.

[Эта принцесса, будучи подростком, могла бы уже воскликнуть вместе с достопочтенным Фаустом:

"Habe nun Philosophie
Юристы и медицина
Und leider ach: Theologie
Durch studirt mit heissem Bemuehen," etc.

Составители панегириков королевским домам в шестнадцатом веке не привыкли делать свою работу наполовину.—Strada.]

Она была дочерью принца Эдуарда и внучкой Джона Третьего. Она была молода и красива; она могла говорить как по-латыни, так и по-гречески, к тому же хорошо разбиралась в философии, математике и теологии. У нее на языке вертелись Священные Писания, как ветхого завета, так и нового, и она могла цитировать отцов церкви с быстротой епископа. Она была настолько строго ортодоксальна, что, будучи вынуждена из-за неблагоприятных погодных условий высадиться в Англии, отказалась от всякого общения с королевой Елизаветой из-за ее ереси. Она была настолько в высшей степени целомудренна, что не могла ни читать сонеты Петрарки, ни опереться на руку джентльмена. Ее деликатность в таких вопросах действительно была доведена до такого предела, что однажды, когда было обнаружено, что горит корабль, доставлявший ее в Нидерланды, она отчитала грубияна, который вышел вперед, чтобы спасти ей жизнь, заверив его, что от прикосновения огня меньше вреда, чем от прикосновения человека. К счастью, пламя было потушено, и Фениксу Португалии было позволено спуститься несгоревшим на унылые берега Фландрии.

Это событие, несмотря на недавние слезы герцогини и высокомерие принца, послужило сигналом к большому празднику среди придворных Брюсселя. Это была также эпоха, с которой следовало датировать движения секретного и важного характера. Кавалеры Руна были собраны, и Виль произнес перед ними одну из своих самых классических речей. Ему было что рассказать о личных приключениях святого Андрея, покровителя Ордена, и он вдавался в некоторые подробности беседы, которую этот почтенный человек однажды вел с проконсулом Эгеем. Мораль, которую он вывел из своего повествования, заключалась в необходимости объединения магнатов для поддержания католической веры; дворянство и Церковь были двумя столпами, на которых зиждилась вся социальная структура. Следует опасаться, что президент стал довольно прозаичным по этому поводу. Возможно, его проповедь, как и проповеди вымышленного архиепископа Гранады, начала отдавать апоплексическим ударом, от которого он так недавно избежал. Возможно, поскольку собрание было веселым, молодые аристократы занервничали из-за очень длинной и очень торжественной речи. Во всяком случае, когда собрание разошлось, было немало шуток на эту тему. Де Хаммес, которого обычно называют "Туазон д'Ор", советник и кавалер ордена, сказал, что президент видел видения и разговаривал со святым Андреем во сне. Маркиз Берген спросил, откуда он почерпнул столь близкое знакомство с идеями Святого. Президент отнесся к этим замечаниям довольно раздраженно, и вскоре компания из пустячной превратилась в горячую дискуссию на волнующие темы дня. Вскоре Виглиусу стало очевидно, что Де Хаммер и другие его товарищи имели дело с опасными вещами. Он начал проницательно подозревать, что популярная ересь быстро распространяется в высшие слои общества; но не только президент обнаружил, насколько широко распространяется зараза. Встреча, случайная светская беседа, которая так быстро перешла от веселья к серьезности, быстрый обмен идеями и общение вольных каменщиков, посредством

которого передавались сведения на запретные темы, стали событиями исторической важности. Беседы между дворянами, которые в ходе празднеств, вызванных бракосочетаниями Монтиньи и Пармы, обнаружили, что у них тайное сходство взглядов по жизненно важным вопросам, стали частым явлением. О результате, к которому привели такие конференции, будет рассказано в следующей главе.

Тем временем 11 ноября 1565 года архиепископ Камбрэский с большой торжественностью отпраздновал бракосочетание принца Александра и донны Марии в придворной часовне Брюсселя. В следующее воскресенье свадебный банкет состоялся в большом зале, где десять лет назад состоялось памятное отречение дедушки жениха - императора.

Стены снова были увешаны великолепными гобеленами с изображением Гидеона, в то время как Рыцари Руна и все другие вельможи страны собрались, чтобы украсить зрелище. Короля представлял его посланник в Англии Дон Гусман де Сильва, который прибыл в Брюссель по этому случаю и который был выбран для выполнения этой обязанности, потому что, по словам Арментероса, "помимо благоразумия, он был наделен такой остроумной грацией по отношению к дамам в вопросах времяпрепровождения и развлечений". В начале декабря на большой рыночной площади Брюсселя состоялся знаменитый турнир, судьями которого были герцог Пармский, герцог Эршо и граф Эгмонт. Соперником был граф Мансфельд, которому помогал его сын Чарльз, прославленный среди местной знати своей ловкостью в подобных видах спорта. Графу Чарльзу по этому случаю был вручен серебряный кубок от дамы ристалища. Граф Боссю получил приз за то, что лучше всех ломал свои копыя; сеньор де Бовуар - за самый блистательный выход; граф Луи Нассауский - за то, что наиболее доблестно вел себя в рукопашной схватке. В тот же вечер знать вместе с новобрачной была приглашена на великолепный ужин, устроенный мэрией Брюсселя в великолепном отеле "Отель де Вилль". По этому случаю призы, полученные на турнире, были розданы под аплодисменты и веселье всех участников.

Так, с банкетами, турнирами и веселыми свадебными колоколами, с весельем, позолотившим внешность общества, в то время как смертельная ненависть к инквизиции разъедала сердце нации, и когда уже разгорался пожар гражданской войны, угасанию которой не суждено было стать свидетелем ни одному живому человеку, закончился 1565 год.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Все офисы были проданы по самой высокой цене
английским пуританам

Хабеас корпус

Он делал все возможное, чтобы подружиться со всем миром

Посмотри сквозь пелену лицемерия

Нет закона, кроме закона о самом длинном кошельке

Панегиристы королевских домов в шестнадцатом веке

Публичное сожжение было заменено тайным утоплением

Сонеты Петрарки

Святому Варфоломею предстояло проспать еще семь лет

Думать, что он способен на ошибку, - самая дьявольская ересь из всех

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 10.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, доктор философии, LL.D.

1855

1566 [ГЛАВА VI.]

Франциск Юний—его проповедь в Culemburg дом—компромисс— портреты Сен-Aldegonde, Людовика Нассау, ООО "Туасон д'Ор," Карла Мансфельд—эскиз компромисса—отношения оранжевый— его письмо к герцогине—подписантов компромисс—нескромность конфедератов—шпионаж за Филиппа, оранжевый— недовольство властителей—проведение Эгмонт—отчаяние людей—эмиграция в Англию—его последствия—запрос—встреча в бреду и Hoogstraaten—преувеличенные заявления относительно запроса в Государственный совет—колебаний герцогини—Собрания нотаблей—дискуссии по поводу просьбы и инквизиции—характер Brederode—Прибытие просителей в Брюсселе— представление просьбы—эмоции Маргарет—выступление Brederode—эскиз запрос—памятные сарказм телевизионных фильмов— обсуждения в Государственном совете—апостиль, чтобы запрос—ответ апостиль—ответ герцогини—выступление Д'Esquerdes— ответ Маргарет—незабываемый банкет в Culemburg дом—название "нищие" принял—оранжевый, "Эгмонт", и рога разбить буйным встречи—костюм из "нищих"—Brederode в Антверпене—мучительной казни на Oudenardo—подобных жестокостей во всех провинциях— проект "умеренность"—религиозные представления оранжевый—его отставки всех его офисах не принято—"умеренность" характеризуется— Эгмонт в Аррас дебаты на "умеренность"—шатание "Эгмонт" —представительства Монтиньи и Берген в Испанию—инструкции посланникам—секретную переписку Филиппа с папой о Нидерландах инквизицию и указы—поле-проповедовать в провинциях—модет в Гент—другие проповедники характеризуется возбуждения, на терне—Питер Гэбриэл в Гарлеме поле—проповедь в районе Антверпен— смущение Регент—волнения в Антверпене—Пенсионный Wesenbeck отправляется в Брюссель—Оранжевый в Антверпене—его патриотического курса —Введение в заблуждение герцогини—несдержанный пыл доктора Rythovius—встреча в Санкт-Тронд—конференции в сумку—Луи Нассау назначен Регент—неудовлетворительно переговоров.

Самым примечательным событием в начале 1556 года был знаменитый Компромисс. Этот документ, подписавшие который обязались противостоять инквизиции и защищать друг друга от всех последствий такого сопротивления, вероятно, был работой Филиппа де Марникса, сеньора Сент-Альдегонды. Однако происхождение этой лиги покрыто мраком. Ее основы были заложены уже во второй половине предыдущего года. Бракосочетание Пармы с португальской принцессой стало причиной большого веселья не только в Брюсселе, но и в Антверпене. Крупная торговая столица отпраздновала это событие великолепным банкетом. Там были триумфальные арки, венки из цветов, верноподданнические речи, щедрые чувства - в обычном изобилии. Главным украшением обеденного стола было великолепное кондитерское изделие, искусно изображавшее миссию графа Мансфельда с флотом в Португалию, чтобы забрать невесту из ее дома, с изящно выполненными фигурами из сахара — портретами, надо полагать, главных персонажей в том виде, в каком они появлялись во время самых поразительных сцен истории. Однако в самый разгар этих увеселений в Брюсселе состоялось собрание людей, чьи умы были заняты более серьезными вещами, чем производство сахара. В день пармской

свадьбы Фрэнсис Юниус, священник-раскольник, проживавший в то время в Антверпене, был приглашен в Брюссель, чтобы произнести проповедь в доме графа Кулембурга, на конном рынке (ныне называемом Малый Саблон), перед небольшим собранием примерно из двадцати джентльменов.

Этот Фрэнсис Юниус, родившийся в знатной семье в Бурже, был пастором тайной французской конгрегации гугенотов в Антверпене. Он был очень молод, приехав из Женевы, где получил образование, чтобы возглавить тайную церковь, когда ему только исполнилось двадцать лет. Однако он уже был известен своей ученостью, красноречием и мужеством. Ближе к концу 1565 года уже стало известно, что Юниус находился в тайном сговоре с Людовиком Нассауским, чтобы подготовить обращение к правительству на тему инквизиции и эдиктов. Был отдан приказ о его аресте.

Некий художник из Брюсселя притворился обращенным в новую религию, чтобы получить допуск в общину и впоследствии получить вознаграждение доносчика. Он так хорошо сыграл свою роль, что ему разрешили присутствовать на многих собраниях, в ходе которых он набросал портрет проповедника и передал его герцогине-регентше вместе с подробными описаниями его места жительства и повседневных привычек. Тем не менее, несмотря на всю эту помощь, правительству не удалось наложить на него руки. Он бежал в Бреду и продолжал свою работу, несмотря на преследования. О мужестве этого человека можно судить по тому факту, что однажды он произнес проповедь, отстаивая доктрины реформатской церкви со своим обычным красноречием, в комнате с видом на рыночную площадь, где в тот самый момент происходила казнь на костре нескольких еретиков, в то время как свет от пламени, в котором сгорали братья по их Вере, мерцал сквозь стеклянные окна собрания. Таким был человек, который произнес проповедь во дворце Кулембург в день свадьбы Пармы. Вельможи, слушавшие его, были заняты серьезной беседой после завершения религиозных обрядов. Юниус не принимал участия в их разговоре, но в его присутствии было решено, что должна быть создана лига против "варварской и жестокой инквизиции" и что конфедераты должны взаимно связать себя как внутри Нидерландов, так и за их пределами ради достижения этой великой цели. Юний, делая это недвусмысленное заявление, не упомянул имен знати, перед которой он проповедовал. Можно сделать вывод, что некоторые из них были более пылкими и более уважаемыми среди несколько разношерстной группы, которой впоследствии был подписан Компромисс.

Примерно в ту же эпоху Людовик Нассауский, Николя де Хаммес и некоторые другие джентльмены встретились в банях Спа. На этом тайном собрании были определенно заложены основы Компромисса. Впоследствии был составлен документ, который был распространен для подписей в начале 1566 года. Поэтому было бы ошибкой предполагать, что этот памятный документ был одновременно подписан и приведен к присяге на какой-либо торжественной сцене, подобной декларации независимости Америки, или подобно некоторым последующим событиям нидерландского восстания, устроенным намеренно для драматического эффекта. Несколько экземпляров Компромиссного документа тайно передавались из рук в руки, и в течение двух месяцев было получено около двух тысяч подписей. На оригинальной копии значилось всего три имени: Бредероде, Шарля де Мансфельда и Луи Нассауского. Композицию статьи обычно приписывают Святой Альдегонде, хотя этот факт не является бесспорным. Во всяком случае, совершенно очевидно, что он был одним из создателей и главных сторонников знаменитой лиги. Святой Альдегонд был одним из самых выдающихся людей своего времени. Он происходил из древнего дворянства, что было доказано множеством исторических и

геральдических свидетельств в ответ на непристойный памфлет, в котором его обвиняли, среди прочих проступков, в том, что он происходил из плебейской крови. Установив свое "происхождение от истинных и древних джентльменов Савойи по отцовской и материнской линии", он по-мужски упрекнул своих обидчиков. "Даже если бы я не был благороден по происхождению, - сказал он, - я был бы не менее и не более добродетельным и честным человеком; и никто не может упрекнуть меня в том, что я не справился с чувством чести или долга. Что может быть большей глупостью, чем хвастаться добродетелью или галантностью других, как это делают многие дворяне, которые, не имея ни крупницы добродетели в своей душе, ни капли мудрости в мозгах, совершенно бесполезны для своей страны! И все же есть такие люди, которые, поскольку их предки совершили какой-нибудь доблестный поступок, считают себя достойными управлять механизмами целой страны, поскольку с юности ничему не научились, кроме как танцевать и вертеться, как флюгеры, не только пятками, но и головой". Конечно, святая Альдегунда усвоила другие уроки, кроме этих. Он был одним из многогранных людей, которые помнили симметрию древних патриотов. Он был поэтом с большой энергией и воображением; прозаиком, чей стиль не превзошел ни один из его современников; дипломатом, в чьем такте и деликатности Вильгельм Оранский впоследствии отличался на самых трудных и важных переговорах; оратором, чьи выступления на многих крупных публичных мероприятиях привлекали внимание Европы; солдатом, чья храбрость впоследствии была засвидетельствована на многих полях сражений; теологом, столь искусным в полемике с богословием, что, как выяснится позже, он был более чем достойным соперником для других богословов. коллегия епископов на своей территории, и ученый настолько опытный, что, помимо того, что он свободно говорил и писал на классических и нескольких современных языках, он также перевел для широкого употребления Псалмы Давида на народные стихи, и в очень поздний период его жизни генеральные штаты республики обратились к нему с просьбой перевести все Священные Писания, выполнению которого помешала его смерть. Страстный враг инквизиции и всех злоупотреблений древней Церкви, ярый защитник гражданских свобод, следует признать, что он также разделял тиранический дух кальвинизма. Он так и не поднялся до тех высот, до которых суждено было воспарить духу великого основателя содружества, но осудил великий принцип религиозной свободы для всех сознаний как безбожный. Сейчас ему было двадцать восемь лет, он родился в один год со своим другом Луи Нассауским. Его девиз "Repos ailleurs" прекрасно олицетворял беспокойную, взволнованную и трудолюбивую жизнь, к которой он был обречен.

Этот другой выдающийся лидер новообразованной лиги, граф Людовик, был настоящим рыцарем старины, самым зеркалом рыцарства. Мягкий, великодушный, благочестивый; в своей палатке перед битвой он пользовался молитвами, которые мать посылала ему из дома его детства, — но пылкий на поле боя, как древний крестоносец, — выполнял работу генерала и солдата с отчаянной доблестью и вопреки любому численному превосходству, жизнерадостный и стойкий при любых невзгодах, остроумный и жизнерадостный в социальном общении, оживлял своим непоколебимым духом более серьезную и зловещую душу своего брата; он был человеком, к которому в ту раннюю эпоху были обращены взоры самых ярых нидерландских реформаторов. надежный посох, на который должен был опираться великий принц Оранский, пока он не сломается. Такой же веселый, как Бредероде, он не был запятнан своими пороками и оказывал безграничное влияние на этого безрассудного человека, который часто заявлял, что "умрет бедным солдатом у его ног". Карьере Людовика было суждено быть короткой, если считать по годам, но если судить по событиям, то она должна была достичь почти

патриархальной продолжительности. В возрасте девятнадцати лет он принял участие в битве при Сен-Кантене, и когда однажды началась война за свободу, его меч так и не был вложен в ножны. Его дни были наполнены жизнью, и когда он сошел в свою окровавленную, но неизвестную могилу, ему предстояло оставить имя, столь же прославленное героической доблестью и неутомимой энергией, как и безупречной честностью. Он был невысокого роста, но хорошо сложен; атлетически сложен во всех рыцарских упражнениях, с приятными чертами лица, темными смеющимися глазами, коротко подстриженными каштановыми волосами и остроконечной бородкой.

"Золотое руно", как повсеместно называли Николаса де Хаммеса, было незаконным отпрыском благородного дома. Он был одним из самых активных первых приверженцев лиги, держал в своем распоряжении списки подписавшихся и ежедневно рыскал по стране в поисках новых сторонников. На публичных проповедях реформатской религии, которые вскоре после этой эпохи, повинуясь общему порыву, распространились по всем Нидерландам, он привлек к себе внимание. Его обвинили в том, что в таких случаях он носил на шее эмблему Руна, чтобы внушить невежественным людям мысль, что они сами могут законно следовать за ним, когда они видят, что член этого прославленного братства ведет их вперед. Поскольку Де Хаммер был всего лишь чиновником или слугой этого Ордена, но не компаньоном, соблазнение подданных под таким ложным предлогом было сочтено одним из самых отвратительных его преступлений. Он был свиреп в своей враждебности к правительству и одним из тех пламенных духов, чье преждевременное рвение наносило ущерб делу свободы и приводило в уныние осторожный патриотизм оранжистов. Он был за то, чтобы немедленно нанести удар по гигантским злодеяниям испанского доминиона, не ожидая, пока будет выковано оружие, которым должны были быть нанесены удары. Он забыл, что люди и деньги были так же необходимы, как гнев, в борьбе с самым чудовищным деспотизмом в мире. "Они желают, - писал он графу Людовику, - чтобы мы встретили этих голодных волков увещеваниями, используя ласковые слова, в то время как они жгут и отрубают головы.— Пусть будет так. Возьмемся за перо, пусть они возьмутся за меч. Для них дела, для нас слова. Мы будем плакать, они будут смеяться. Хвала Господу за все; но я не могу писать это без слез". Этот нервный язык обрисовал ситуацию и характер писателя.

Что касается Чарльза Мансфельда, то вскоре он отошел от лиги, в которую изначально входил с чрезмерным рвением.

Под влиянием лидеров было получено много подписей в течение первых двух месяцев года. Формулировка документа была такова, что патриотически настроенные католики могли подписать его так же честно, как и протестанты. В нем яростно критиковалась тирания "кучки чужаков", которые, руководствуясь только личной алчностью и честолюбием, использовали притворное рвение к католической религии, чтобы склонить короля к нарушению его клятв. Он осудил отказ смягчить суровость указов. Он объявил инквизицию, которую, по-видимому, правительство намерено навлечь на них навсегда, "беззаконной, противоречащей всем законам, человеческим и божественным, превосходящей величайшее варварство, которое когда-либо практиковали тираны, и способствующей бесчестию Бога и полному опустошению страны". Поэтому подписавшие протестовали, что, "должным образом относясь к своим обязанностям как верных вассалов его Величества, и особенно как дворян - и чтобы не быть лишенными своих поместий и своих жизней теми, кто под предлогом религии хотел обогатиться грабежом и убийствами", они связали себя друг с другом святым заветом и торжественной клятвой противостоять инквизиции. Они взаимно пообещали противостоять этому во всех

формах, открытых или тайных, под какой бы маской оно ни носило название инквизиции, плаката или эдикта, "и искоренять это явление в любой форме, как мать всего беззакония и беспорядка". Они протестовали перед Богом и людьми, что они не предпримут ничего, что могло бы опозорить Господа или умалить величие или власть Короля. Напротив, они провозгласили честной целью "сохранить монарха в его поместье и подавить все мятежи, беспорядки, монополии и группировки". Они обязались сохранить свою конфедерацию, сформированную таким образом, навеки неприкосновенной и не допускать, чтобы ни один из ее членов не подвергался преследованиям каким-либо образом, ни физически, ни имущественно, ни в рамках какого-либо судебного разбирательства, основанного на инквизиции, эдиктах или нынешней лиге.

Таким образом, будет видно, что Компромисс по своему происхождению был соглашением знати. Она была направлена против иностранного влияния, которым исключительно управлялись Нидерланды, и против инквизиции, будь то папской, епископальной или посредством эдикта. Нет никаких сомнений в том, что страна полностью контролировалась испанскими хозяевами и что их намерением было подчинить древнюю свободу Нидерландов хунте иностранцев, заседающей в Мадриде. Невозможно представить себе ничего более законного, чем конституционное сопротивление такой политике.

С принцем Оранским не консультировались относительно формирования лиги. Для ее основателей было достаточно очевидно, что его осторожный ум найдет в движении много поводов для порицания. Его чувства по отношению к инквизиции и эдиктам, безусловно, были известны всем людям. В начале этого года он также направил герцогине примечательное письмо в ответ на ее письменные указания издать Тридентский собор, инквизицию и эдикты в соответствии с недавними распоряжениями короля, которые должны применяться во всем его правительстве. Хотя его совета по этому вопросу никто не спрашивал, он выразил свое чувство долга высказать свое мнение по этому вопросу, предпочтя риск подвергнуться порицанию за свои возражения риску навлечь подозрение в попустительстве опустошению страны своим молчанием. Он оставил вопрос о реформировании церковной морали нетронутым, как не относящийся к его призванию: что касается инквизиции, он самым ясным образом сообщил ее высочеству, что надежда, которая все еще теплилась в народном сознании на то, чтобы избежать постоянного учреждения этого института, одна предотвратила полное обезлюдение страны со всем подрывом ее коммерческой и мануфактурной промышленности. Что касается эдиктов, он сдержанно, но убедительно выразил мнение, что было очень трудно обеспечить соблюдение этих плакатов сейчас, при их строгости, когда люди были раздражены, а нищета всеобщей, поскольку в прежних случаях в них часто вносились изменения. Король, по его словам, не добьется для себя ничего, кроме трудностей, и наверняка потеряет любовь своих подданных, обновив эдикты, усилив инквизицию и приступив к новым казням в то время, когда народ, движимый примером своих соседей, естественно, склонен к новшествам. Более того, когда из-за ежедневного роста цен на зерно по всей стране надвигался голод, нельзя было выбрать худшего момента для проведения такой политики. В заключение он заметил, что всегда желал повиноваться приказам его Величества и ее Высочества и выполнять обязанности "доброго христианина". Использование последнего термина примечательно, поскольку отмечает эпоху в истории мышления принца. Годом раньше он сказал бы, что он добрый католик, но именно в течение этого года его разум начал полностью проникаться религиозными сомнениями, и великий вопрос Реформации встал перед ним не только как политическая, но и

как моральная проблема, которой, как он чувствовал, он не мог больше пренебрегать вместо решения.

Таково было мнение Orange. Однако он не мог безопасно доверить священные интересы содружества таким рукам, как у Бредероде, — как бы усердно этот восторженный персонаж ни пил за здоровье "Младшего Вильгельма", как он любовно называл принца, — или "Золотого руна", или Чарльза Мансфельда, или этого молодого арденнского кабана Робера де ла Марка. К своему брату и святой Альдегонде он питал доверие, но не осуществлял над ними того контроля, который приобрел впоследствии. Его поведению по отношению к конфедерации в основном подражали другие крупные вельможи. Участники соглашения никогда не ожидали получить подписи таких людей, как Оранж, Эгмонт, Хорн, Мегэн, Берген или Монтиньи, и этих выдающихся личностей никогда не обвиняли в подписании Компромисса, хотя некоторым из них впоследствии были предъявлены обвинения в защите тех, кто поставил свои имена под документом. Первоначально конфедераты были созданы среди мелкой знати. Некоторые из них были искренними католиками, любившими древнюю Церковь, но ненавидевшими инквизицию; некоторые были яростными кальвинистами или убежденными лютеранами; некоторые были беспокойными и предприимчивыми людьми, людьми с разбитым состоянием, экстравагантными привычками и безграничными желаниями, которые, без сомнения, думали, что обширные земли Церкви с их величественными аббатствами обеспечат гораздо более подходящие дома и доходы для галантных джентльменов, чем для ленивых монахов. Все были молоды, немногие обладали благоразумием или поведением, и история лиги более чем оправдывала неодобрение Оранжевых. Таким образом, дворяне объединились, мало чего добившись своим союзом. Они опозорили великое дело своими оргиями, почти погубили его своей неэффективностью, и когда веревка из песка, которую они скрутили, распалась, народ ничего не выиграл, а дворянство почти утратило доверие нации. Эти замечания относятся к основной массе конфедератов и к некоторым лидерам. Людовика Нассауского и Святую Альдегонду всегда почитали и им доверяли так, как они того заслуживали.

Хотя язык Компромисса говорил о членах лиги как о дворянах, тем не менее документ был распространен также среди бюргеров и торговцев, многие из которых, согласно сатирическому замечанию нидерландского католика, возможно, находились под влиянием желания написать свои имена в такой аристократической компании, а некоторым из них было суждено искупить такое тщеславие на эшафоте.

Таким образом, глубокий и тревожный ум Orange мог иметь мало общего с такими единомышленниками. Уверенность росла по мере увеличения числа игроков, их дерзость и буйство эмоций росли вместе с ростом лиги. Язык на их буйных пирах был таким же горячим, как вино, которое смущало их головы; и все же принц знал, что редко бывало празднество, на котором не присутствовал бы какой-нибудь спокойный, сдержанный испанец, наблюдающий спокойным взором и хладнокровным умом за экстравагантным поведением и хладнокровно выслушивающий опасные признания или браваду этих гуляк с целью передать запись их языка или демонстраций в сокровенное святилище кабинета Филиппа в Мадриде. Принц также знал, что король был очень искренен в своей решимости поддерживать инквизицию, какой бы затяжной ни казалась ее деятельность. Он прекрасно понимал, что вскоре можно ожидать появления вооруженных сил для поддержки королевских указов. Принц уже организовал ту систему шпионажа за Филиппом, с помощью которой защитнику своей страны так долго удавалось обходить своего деспота. Король оставлял письма на ночь тщательно запечатанными в

своем письменном столе, и незримые руки еще до утра пересылали их копии Вильгельму Оранскому. Ложась спать, он оставлял в карманах записки, и точные расшифровки этих бумаг точно так же, прежде чем он поднялся, попали к тому же сторожу в Нидерландах. Несомненно, склонность к политическим интригам была выдающейся чертой характера принца и пятном на чистоте его нравственной натуры. И все же лицемерную политику своего времени он освоил только для того, чтобы достичь самых благородных целей, которым великий и порядочный человек может посвятить свою жизнь, - защиты свободы и религии целого народа от иностранной тирании. Его интрига служила его стране, а не узким личным амбициям, и только благодаря такому искусству он стал хозяином Филиппа, вместо того чтобы сразу пасть, как многие великие личности, слепой и влюбленной жертвой. Несомненно, его поставщикам секретной информации часто приходилось со страхом искупать вину за свою контрабандную торговлю, но те, кто занимается государственной изменой, должны быть готовы заплатить за свою торговлю.

Таким образом, хотя знатные люди держались в стороне от конфедерации, тем не менее многие из них недвусмысленно выражали свое несогласие с политикой, проводимой правительством. Маркиз Берген написал герцогине, что отказывается от своих постов на том основании, что он неспособен выполнить намерение короля в вопросе религии. Мегэн ответила на тот же вызов аналогичным письмом. Эгмонт заверил ее, что передал бы свои должности в Испании в руки короля, если бы мог предвидеть, что его Величество примет такие решения, какие были провозглашены сейчас. Чувства Оранского были открыто выражены в письме, на которое мы уже ссылались. Его мнение разделяли Монтины, Кулембург и многие другие. Герцогиня была почти доведена до отчаяния. Состояние страны было ужасающим. Самые решительные лоялисты, такие как Берлаймон, Виль и Хоппер, посоветовали ей не упоминать имя инквизиции на совещании, которое она была вынуждена провести с депутацией из Антверпена. Она боялась, все боялись произнести ненавистное слово. Она писала отчаянные письма Филиппу, описывая состояние страны и свою собственную агонию в самых мрачных красках. По ее словам, с момента получения королевского приказа дела шли все хуже и хуже. Король поступил опрометчиво. Было бесполезно объяснять людям, что инквизиция всегда существовала в провинциях. Они утверждали, что это было новшеством; что это учреждение было более строгим, чем испанская инквизиция, которая, по словам Маргарет, "была самой отвратительной, как знал король". Привести указы в исполнение было совершенно невозможно. Почти все губернаторы провинций прямо сказали ей, что они не будут помогать сжигать пятьдесят или шестьдесят тысяч нидерландцев. Так горько Маргарита Пармская оплакивала королевский указ; не потому, что она испытывала какое-либо сочувствие к жертвам, а потому, что чувствовала растущую опасность для палача. Теперь необходимо было решить одно из двух: уступка или вооруженное принуждение. Тем временем, пока Филипп медленно и тайно набирал рекрутов, его сестра, а также его люди были на дыбе. Из всех сеньоров ни один не был поставлен в столь тягостное положение, как Эгмонт. Его военная репутация и популярность делали его слишком важной персоной, чтобы им пренебрегали, и все же он был глубоко огорчен совершенной им прискорбной ошибкой. Теперь он утверждал, что никогда не поднимет оружие против короля, но что отправится туда, где люди его больше не увидят.

Таково было положение знати, большей и меньшей. Положение народа не могло быть хуже. В стране царил голод. Эмиграция, вызванная не перенаселением, а преследованиями, быстро ослабляла страну. Неудивительно, что не только иностранные купцы были напуганы приближающимися беспорядками в крупных торговых городах, но и что каждый трудолюбивый

ремесленник, который мог найти средство к бегству, должен был искать убежища среди незнакомцев, где бы ни можно было найти убежище. Это убежище было предоставлено протестантской Англией, которая радушно приняла этих умных и несчастных странников и с готовностью усвоила уроки механического мастерства, которые они должны были преподавать. Уже тридцать тысяч нидерландцев-эмигрантов обосновались в Сэндвиче, Норвиче и других местах, выделенных им Елизаветой. Однако условием свободы, предоставляемой этим иностранцам для занятий своим ремеслом, всегда было то, что в каждом доме должен был работать по крайней мере один английский подмастерье. "Таким образом, - язвительно заметил валлонский историк, - с помощью этого постановления и посредством высоких пошлин на иностранные мануфактуры англичане создали свои собственные ткани и запретили производство тканей в Нидерландах. Таким образом, они привлекли в свою страну наших искусных ремесленников для занятий своей промышленностью не дома, а за границей, и наши бедняки, таким образом, теряют средства к существованию. Таким образом, сукноделие, шелкоткачество и искусство крашения пришли в упадок в этой стране и были бы полностью уничтожены, если бы не наши мудрые компенсационные указы ". Автор, который черпал большую часть своих материалов и мудрости из бумаг советника д'Ассонлевиля, едва ли мог сомневаться в том, что преследование, которому подвергались эти трудолюбивые ремесленники, о страданиях которых он делал вид, что сожалеет, должно было иметь какое-то отношение к их эмиграции; но он предпочитал полностью приписывать это системе защиты, принятой в Англии. В этом он следовал мнению своего наставника. "Долгое время, - сказал Ассонлевиля, - Нидерланды были Индией для Англии; и пока они у нее есть, ей не нужно ничего другого. Французы пытаются захватить врасплох наши крепости и города: англичане воюют против нашего богатства и кошельков людей ". Однако, какова бы ни была причина, течение торговли уже изменилось. Суконное производство Англии уже приобретало преобладание над производством в провинциях. Суда теперь каждую неделю ходили из Сандвича в Антверпен, груженные шелком, атласом и тканями, произведенными в Англии, в то время как всего несколько лет назад из Антверпена в Англию доставлялись фламандские ткани того же производства.

Незаинтересованные судьи могли бы предположить, что в основе этого изменения в торговле лежали преследования. Принц Оранский подсчитал, что до этого периода пятьдесят тысяч человек в провинциях были казнены в соответствии с эдиктами. Он был умеренным человеком и привык взвешивать свои слова. Поскольку системе бойни был дан новый импульс — поскольку теперь было достаточно ясно, что "если отец наказывал свой народ бичом, то сын держал в руках кнут со скорпионами", поскольку эдикты должны были применяться с новой силой, — было естественно, что торговля и промышленность должны были как можно скорее покинуть обреченную страну, какую бы систему тарифов ни приняли соседние страны.

В начале марта конфедераты решились на новый шаг. Была составлена петиция, или "Просьба", которая должна была быть официально представлена герцогине-регентше большим количеством джентльменов, принадлежащих к лиге. Это движение было настолько серьезным и, вероятно, за ним могли последовать такие потрясающие результаты, что Оранжу и его друзьям казалось абсолютно необходимым заранее ознакомиться с ним, прежде чем оно будет окончательно организовано. У принца не было ни власти, ни какой-либо причины, по которой у него могло возникнуть желание предотвратить эту меру, но он считал своим долгом сделать все возможное, чтобы обуздать пыл людей, которые так опрометчиво продвигались вперед, и максимально смягчить характер угрозы в их манифесте.

С этой целью в середине марта в Бреде был проведен митинг якобы для общественных целей и "поднятия настроения", который затем был перенесен на Хогстраатен. На эти конференции Оранский пригласил Эгмонта, Хорна, Хогстраатена, Бергена, Мегена, Монтиньи и других знатных людей. Присутствовали также Бредероде, Толуз, Бокстель и другие члены лиги. Цель принца, собиравшего таким образом своих ближайших сподвижников, губернаторов провинций и рыцарей Руна, а также некоторых ведущих членов лиги, была двоякой. Он долгое время придерживался мнения, что все еще возможно умеренное и лояльное движение, с помощью которого можно было бы предотвратить надвигающиеся конвульсии. Линия политики, которую он наметил, требовала согласия земских магнатов и предполагала созыв генеральных штатов. Естественно, что он тешил себя надеждой, что его поддержат люди, занимавшие такое же политическое и социальное положение, как и он сам. Все они, хотя и католики, ненавидели инквизицию. Как патетически воскликнул Виль, "сам святой Павел не смог бы убедить этих людей в том, что инквизиция может принести хорошие плоды в деле религии". Вряд ли можно было ожидать, что святой Павел вновь появится на земле с такой целью. Тем временем аргументы ученого президента оказались бессильными ни убедить дворян в том, что учреждение достойно похвалы, ни добиться от герцогини отсрочки публикации последних указов. Принц Оранский, однако, не смог склонить своих обычных соратников к своему образу мыслей. Жестокие намерения членов лиги вызвали гнев более лояльных дворян. Их намерения были настолько опасны, даже по мнению самого принца, что он счел своим долгом изложить герцогине всю суть дела, хотя и не возражал против изложения скромной Просьбы. Мегэн была чрезвычайно возмущена планом конфедератов, который она назвала оскорблением правительства, предательской попыткой "горстки жалких бродяг" внушить благоговейный страх герцогине. Он поклялся, что "проломит каждому из них голову, если король выделит ему пару сотен тысяч флоринов". Оранж спокойно осудил этот грубый язык, заверив его, что такой процесс будет сложнее, чем он думал, и что он также найдет много очень уважаемых людей среди бродяг.

Собрание в Хоогстраатене закончилось без какого-либо полезного результата, но теперь принцу, по его собственному мнению, было поручено наблюдать за действиями союзников и в какой-то мере руководить ими. Благодаря его заботе предполагаемая Просьба была значительно изменена, и особенно ее тон стал более мягким. С тех пор Мегэн полностью отделился от Оранжа и встал исключительно на сторону правительства. Эгмонт, как обычно, колебался, не удовлетворив ни принца, ни герцогиню.

Маргарита Пармская сидела в своей комнате для совещаний очень скоро после этих событий, на которых присутствовали как Оранский, так и Эгмонт, когда в апартаменты вошел граф Мегэн. С большой поспешностью он попросил отложить рассмотрение всех вопросов, находящихся на рассмотрении правления, чтобы он мог сделать важное заявление. Затем он заявил, что получил информацию от джентльмена, на слово которого он мог положиться, очень преданного слуги короля, но чье имя он обещал не разглашать, что как внутри, так и за пределами Нидерландов сформировался очень обширный заговор еретиков и сектантов, что у них уже есть силы в тридцать пять тысяч человек, пеших и конных, готовых к действию, что они собираются совершить внезапное вторжение и разграбить всю страну, если они немедленно не получат официальную уступку в полной свободе совести, и что в течение шести или семи дней полторы тысячи человек - вооруженные люди должны были предстать перед ее высочеством. Эти нелепые преувеличения истины были подтверждены Эгмонтом, который сказал, что он получил подобную информацию от лиц, имена которых он не имел права упоминать, но из чьих

заявлений он мог заключить, что каждый день можно ожидать каких-то больших беспорядков. Он добавил, что среди конфедератов было много тех, кто желал сменить своего государя, и что все вожди и капитаны заговорщиков были назначены. Тот же самый дворянин также представил совету копию Компромисса, условия которого едва ли оправдывали экстравагантные формулировки, которыми он был провозглашен. Герцогиня была поражена этими сообщениями. Она уже получила, но, вероятно, еще не читала письмо от принца Оранского по этому поводу, в котором было изложено умеренное и ясное изложение фактических фактов, которое теперь было повторено тем же персонажем из уст в уста. Последовали взволнованные и безрезультатные дебаты, в ходе которых, однако, было достаточно ясно, как герцогиня сообщила своему брату, что одно из двух должно быть сделано без дальнейших промедлений. Пришло время правительству взяться за оружие или пойти на уступки.

На одной из неофициальных встреч членов совета, которые теперь проводятся почти ежедневно, посвященных предстоящему Запросу, Аремберг, Меген и Берлаймонт настаивали на том, что дверь следует закрыть перед лицами заявителей без дальнейшего рассмотрения петиции. Берлаймонт также предположил, что, если этот курс не будет признан целесообразным, следующим лучшим выходом было бы позволить конфедератам войти во дворец со своей Просьбой, а затем вырезать их на куски до последнего человека с помощью войск, которые будут немедленно отправлены с границ. Такие кровавые проекты были с негодованием отвергнуты Orange. Он утверждал, что конфедераты имеют право на уважительное отношение. Многие из них, по его словам, были его друзьями — некоторые из них были его родственниками, — и не было причин отказывать джентльменам их ранга в праве, которое принадлежало беднейшему плебею в стране. Эгмонт поддерживал эти взгляды принца так же искренне, как в предыдущий раз, казалось, одобрял более ярые советы Мегэн.

Тем временем, поскольку было очевидно, что демонстрация конфедерации вот-вот состоится, герцогиня созвала грандиозное собрание знати, в котором должны были принять участие не только все государственные и тайные советники, но и все губернаторы и рыцари Руна. 28 марта состоялось это собрание, на котором обсуждался весь предмет Запроса, а также предлагаемые изменения эдиктов и отмена инквизиции. Герцогиня также обратилась к участникам собрания за советом — не лучше ли ей было бы уехать в какой-нибудь другой город, например в Монс, который она выбрала в качестве своей крепости на крайний случай. Решение состояло в том, что отказывать в праве подачи петиции группе джентльменов, многие из которых были родственниками величайшей знати страны, было бы своевольным действием; но было решено, что от них потребуется явиться без оружия. Что касается предполагаемого бегства герцогини, то не без оснований утверждалось, что такой шаг навлечет позор на правительство и что было бы достаточной мерой предосторожности усилить охрану у городских ворот — не для того, чтобы препятствовать въезду просителей, а для того, чтобы проследить, чтобы их не сопровождали вооруженные силы. Было решено, что граф Бредероде представит петицию герцогине во главе депутации, состоящей примерно из трехсот джентльменов. Характер дворянина, которому, таким образом, отводилась первостепенная роль в столь важном событии, проявился в достаточной степени. У него не было никаких качеств, кроме рождения и смелости, чтобы рекомендовать его в качестве лидера политической партии. Было очевидно, что для того, чтобы человек мог быть полезен на таком посту, необходимы и другие качества, и недостатки графа вскоре стали прискорбно бросаться в глаза. Он был прямым потомком и представителем старых суверенных графов Голландии. За пятьсот лет до его рождения его предок Сикко, младший брат

Дирка Третьего, умер, оставив двух сыновей, один из которых был первым бароном Бредероде. Пятисотлетнее непрерывное наследство по мужской линии от первоначальных суверенов Голландии давало ему лучшие генеалогические права на провинции, чем те, которые Филипп Испанский мог предъявить через бургундский дом-узурпатор. В надвигающихся беспорядках он надеялся на возможность вновь утвердить древние почести своего имени. Он был заклятым врагом испанцев и "воды из источника". Но незадолго до этой эпохи он написал Людовику Нассаускому, тогда лежавшему от лихорадки, чтобы серьезно возразить ему по поводу необходимости заменять воду вином во всех случаях, и в дальнейшем будет видно, что кубок для вина был великим инструментом, на который он полагался для осуществления освобождения страны. Хотя он и не был "ни бакалавром, ни канцлером", как он выразился, предполагалось, что он наделен живым красноречием и материнским остроумием. Однако даже эти дары, если он ими обладал, часто оказывались недостаточными в важных чрезвычайных ситуациях. В его храбрости не было сомнений, но ему не было суждено умереть ни воином, ни мучеником. Безудержный, шумный, распутный, но храбрый, добросердечный и щедрый, он был достойным представителем своих предков, непримиримых к битвам, пьянству, крестоносным походам монархов Голландии и Фрисландии, и сам был бы более дома и был бы более полезен в одиннадцатом веке, чем в шестнадцатом.

Было около шести часов вечера третьего апреля (1566 г.), когда долгожданная кавалькада наконец въехала в Брюссель. Огромное скопление горожан всех рангов столпилось вокруг благородных союзников, как только они появились. Их было около двухсот, все верхом, с пистолетами в кобурах, и Бредероде, высокий, атлетически сложенный, с воинственной осанкой, с красивыми чертами лица и светлыми вьющимися локонами, падающими на плечи, казался подходящим вождем для этого отряда батавских рыцарей.

Процессию встречали частыми аплодисментами, пока она медленно двигалась по городу, пока не достигла особняка Оранж-Нассау. Здесь Бредероде и граф Луи вышли из машины, в то время как остальная компания разошлась по разным кварталам города.

"Они думали, что я не приеду в Брюссель", - сказал Бредероде, спешиваясь. "Очень хорошо, я здесь; и, возможно, я уеду другим способом". В течение следующего дня графы Кулембург и Ван ден Берг вошли в город с сотней других кавалеров.

Утром пятого апреля конфедераты собрались в особняке Кулембург, который стоял на площади под названием Сабон, в нескольких минутах ходьбы от дворца. Прямая красивая улица вела от дома вдоль вершины холма к великолепной резиденции древних герцогов Брабантских, в то время являвшейся резиденцией герцогини Маргариты. Незадолго до полудня джентльмены выступили вперед, маршируя пешком, по двое, в количестве трехсот человек. Почти все они были молоды, многие из них носили самые древние исторические имена своей страны, каждый был одет в великолепные костюмы. Было сочтено зловещим, что человек, возглавлявший процессию, Филипп де Байоль, хромал. Замыкали шествие Бредероде и граф Луи, которые шли последними, держась за руки. Огромная толпа собралась на площади перед дворцом, чтобы поприветствовать людей, которых считали избавителями страны от испанской тирании, от кардиналистов и от инквизиции. Собравшееся население встретило их оглушительными возгласами "ура" и хлопками в ладоши. Когда они вошли в зал совета, пройдя через большой зал, где десять лет назад император раздавал свои короны, они увидели дочь императора, сидящую в государственном кресле в окружении самых высокопоставленных особ страны.

Волнение герцогини было очевидным, когда процессия несколько неожиданно появилась; ее волнение не уменьшилось, когда она заметила среди просителей многих родственников и слуг Оранского и Эгмонтского домов и увидела дружеские взгляды узнавания, которыми обменялись они и их вожди.

Как только все вошли в зал заседаний сената, Бредероде выступил вперед, низко поклонился и произнес краткую речь. Он сказал, что прибыл туда со своими коллегами, чтобы представить смиренное прошение ее высочеству. Он сослался на распространявшиеся слухи о том, что они предполагали беспорядки, мятеж, иностранные заговоры и, что было более отвратительно, чем все остальное, смену государя. Он осудил подобные заявления как клевету, попросил герцогиню назвать людей, которые таким образом оклеветали честную и лояльную компанию, и призвал ее примерным образом наказать клеветников. С этими вступительными замечаниями он представил петицию. Затем знаменитый документ был зачитан вслух.—Его тон был достаточно лояльным, особенно в преамбуле, которая была наполнена заявлениями о преданности как королю, так и герцогине. Однако после этого обычного вступления просители предельно ясно заявили, что недавние постановления его Величества в отношении эдикта и инквизиции, вероятно, приведут к всеобщему восстанию. Они сказали, что надеялись, что сеньоры или сословия предпримут движение, чтобы исправить зло, нанеся удар по его причине, но они ждали напрасно. Опасность, с другой стороны, возрастала с каждым днем, всеобщее восстание было у самых ворот, и поэтому они чувствовали себя обязанными больше не медлить, а выйти вперед первыми и выполнить свой долг. Они заявляли, что делают это с большей свободой, потому что опасность коснулась их совсем близко. Они были наиболее подвержены бедствиям, которые обычно возникают в результате гражданских беспорядков, поскольку их дома и земли, расположенные в открытых полях, подвергались разграблению со всего мира. Более того, не было ни одного из них, каким бы ни было его состояние, кто не подлежал бы в любой момент казни в соответствии с эдиктами по ложной жалобе первого человека, пожелавшего получить его имущество и решившего донести на него инквизитору, по милости которого были жизни и имущество всех. Поэтому они умоляли герцогиню-регентшу направить от их имени посланника, который смиренно умолял бы его Величество отменить эдикты. Тем временем они просили ее Высочество распорядиться о полном прекращении инквизиции и всех казней до тех пор, пока не будет объявлено о дальнейшем соизволении короля и пока не будут приняты новые постановления, изданные его Величеством по совету и с согласия должным образом собранных генеральных штатов. Петиция завершилась так же, как и началась, выражениями крайнего уважения и преданной лояльности.

Волнение герцогини Маргарет очень заметно усилилось во время чтения газеты. Когда все было закончено, она несколько минут хранила полное молчание, и слезы катились по ее щекам. Как только она смогла справиться со своим волнением, она произнесла несколько слов о том, что посоветуется со своими советниками и даст просителям такой ответ, который они сочтут подходящим. Затем союзники вышли из зала совета в большой зал; каждый по отдельности, уходя, приближался к герцогине и делал так называемый "каракол" в знак почтения. Таким образом, у нас было достаточно времени, чтобы рассмотреть всю компанию и сосчитать численность депутации.

После этой церемонии была завершена, было много серьезной дискуссии в совет. Принц Оранский обратился к герцогине с несколькими словами, чтобы успокоить ее раздражение. Он заметил, что конфедераты были не мятежниками-бунтовщиками, а преданными

джентльменами, хорошо родившимися, с хорошими связями и благородным характером. По его словам, на них повлияло честное желание спасти свою страну от надвигающейся опасности, а не алчность или честолюбие. Эгмонт пожал плечами и заметил, что ему необходимо на время покинуть двор, чтобы посетить эксские бани из-за воспаления ноги. Именно тогда Берлаймонт, согласно рассказу, который был подтвержден почти каждым современным писателем, будь то католик или протестант, произнес насмешку, которой суждено было стать бессмертной и дать популярное название конфедерации. "Что, мадам, - как сообщается, в гневе воскликнул он, - возможно ли, чтобы ваше высочество боялись этих нищих? (ге). Разве не очевидно, что это за люди? У них не хватило мудрости управлять собственными поместьями, и теперь они должны учить короля и ваше Высочество, как управлять страной? Клянусь живым Богом, если бы моему совету последовали, их петиция была бы прокомментирована дубинкой, и мы заставили бы их спускаться по ступеням дворца гораздо быстрее, чем они поднимались по ним.

Граф Мегенский был столь же резок в выражениях. Аремберг был за то, чтобы приказать "их преподобиям конфедератам" без промедления покинуть Брюссель. Разговор, ведущийся в столь бурном ключе, вполне мог быть услышан теми джентльменами, которые еще не покинули большой зал, примыкающий к залу совета. Затем заседание совета было отложено на час или два, чтобы собраться снова во второй половине дня с целью принятия взвешенного решения относительно ответа, который должен быть дан на этот Запрос. Тем временем многие из союзников расхаживали с важным видом по улицам, очень смело рассказывая о только что произошедшей сцене и, вероятно, немало хвастаясь тем эффектом, который произведет их демонстрация. Говорят, что, когда они проходили мимо дома Берлаймона, этот дворянин, стоя у своего окна в компании графа Аремберга, повторил свою шутку. "Вот опять идут наши славные нищие", - сказал он. "Посмотрите, прошу вас, с какой бравадой они проходят перед нами!"

6 апреля Бредероде в сопровождении большого числа своих спутников снова появился во дворце. Затем он получил петицию, которая была возвращена ему с апостилем или комментарием на этот счет: —Ее Высочество направит посланника с целью убедить его Величество удовлетворить Просьбу. В результате можно было ожидать всего, что достойно неподдельной (наивной) и обычной благожелательности короля. Герцогиня уже при содействии государственных и тайных советников, рыцарей-оруженосцев и губернаторов приступила к разработке проекта смягчения эдиктов, который должен был быть представлен королю. Поскольку ее полномочия не позволяли ей приостановить действие инквизиции и плакатов, она была уверена, что петиционеры будут удовлетворены специальным ходатайством, которое вот-вот будет подано королю. Тем временем она отдаст приказ всем инквизиторам, чтобы они действовали "скромно и осмотрительно" в своих кабинетах, чтобы ни у кого не было повода жаловаться. Ее Высочество также надеялась, что джентльмены, со своей стороны, будут вести себя лояльно и удовлетворительно, доказывая тем самым, что у них нет намерения вносить новшества в древнюю религию страны.

На предпоследний день, в понедельник, 8 апреля, Бредероде в сопровождении нескольких союзников снова появился во дворце с целью вручения ответа на Апостиль. В этом втором документе конфедераты выразили благодарность за быстрый ответ, который герцогиня дала на их Просьбу, выразили сожаление по поводу того, что она не чувствовала себя вправе приостановить расследование, и выразили свою уверенность в том, что она немедленно отдаст

инквизиторам и магистратам приказ прекратить судебное преследование по религиозным делам до тех пор, пока не будет объявлено дальнейшее соизволение короля. Они заявили, что желают соблюдать все правила, которые впоследствии будут установлены его Величеством по совету и с согласия генеральных штатов, для обеспечения безопасности древней религии, и пообещали вести себя в целом таким образом, чтобы у ее Высочества были все основания быть довольными ими. Более того, они потребовали, чтобы герцогиня распорядилась напечатать Петицию в подлинном виде в правительственной типографии.

Признание того, что конфедераты будут поддерживать древнюю религию, было получено, как Маргарет сообщила своему брату, благодаря умелому управлению Хогстраатен, без подозрения со стороны просителей, что предложение о таком заявлении исходило от нее.

Герцогиня устно ответила на второе обращение, сделанное ей сообщниками, что она не может выйти за рамки Апостилия, который она проставила. Она уже распорядилась составить письма для инквизиторов и магистратов. Протоколы этих инструкций должны быть представлены конфедератам графом Хогстраатеном и секретарем Берти. Что касается печатания их петиции, она была готова удовлетворить их требование и отдаст соответствующие распоряжения.

Джентльмены, получив этот ответ, удалились в большой зал. Однако, посовещавшись несколько минут, они вернулись в зал совета, где сеньор д'Эскерд, один из них, обратился к регентше с несколькими напутственными словами от имени своих соратников; в заключение он попросил ее заявить, что союзники не совершали никаких действий и не демонстрировали демонстраций, несовместимых с их долгом и с совершенным уважением к его Величеству.

На это требование герцогиня несколько сухо ответила, что не может быть судьей в подобном деле. Время и их будущие поступки, заметила она, могут свидетельствовать только об их целях. Что касается заявлений от нее, то они должны быть удовлетворены апостилем, который они уже получили.

Этим ответом, скорее едким, чем приятным, дворянам пришлось довольствоваться, и они соответственно откланялись.

Следует признать, что они были склонны довольно бесцеремонно скользить по значительной территории к великой цели, которую имели в виду. Несомненно, принцип петиции был главной чертой их логики. В своем втором обращении они выразили полную уверенность в двух очень значительных уступках. Герцогиня должна была практически приостановить инквизицию, хотя она и объявила себя не имеющей полномочий для этой цели, король, который претендовал де-юре и де-факто на всю законодательную власть, отныне должен был издавать законы по религиозным вопросам с согласия генеральных штатов. Конечно, эти цели были весьма похвальны, и если гражданскую и религиозную революцию можно было совершить с помощью нескольких джентльменов, явившихся в суд в изысканной одежде, чтобы подать петицию, а затем устроивших грандиозный банкет, то Бредероде и его сподвижники были людьми, способными выполнить эту задачу. К сожалению, море крови и долгие годы конфликта пролились между нацией и землей обетованной, которая на мгновение показалась такой близкой к достижению.

Тем временем следующим важным шагом в глазах Бредероде был ужин. Соответственно, он пригласил союзников на великолепную трапезу, которую приказал приготовить в особняке

Кулембург. 8 апреля триста гостей собрались на этот роскошный банкет, которому суждено было стать историческим.

Доска сверкала серебром и золотом. Вино распространялось с большей, чем обычно, быстротой среди банды благородных Вакханок, которые никогда не уставали пить за здоровье Бредероде, Оранжа и Эгмонта. Считалось, что повод настоятельно требовал экстраординарной пирушки, а политические события последних трех дней придали вину дополнительный азарт. Разгорелась серьезная дискуссия о том, какое название следует дать их конфедерации. Должны ли они называть себя "Обществом согласия", восстановителями утраченной свободы, или каким другим привлекательным названием следует окрестить лигу? Бредероде, однако, уже был готов решить этот вопрос. Он знал цену популярному и оригинальному имени; он обладал инстинктом, с помощью которого ловкие сторонники во все века привыкли превращать укоризненные эпитеты своих противников в лозунги чести, и он уже приготовился к потрясающему театральному эффекту. Внезапно, среди шума голосов, он встал, пустив в ход все свои риторические способности: он изложил собравшимся замечания, которые, как сообщалось, сеньор де Берлаймон высказал герцогине при предъявлении Просьбы, и имя, которое он счел нужным применить к ним коллективно. Большинство джентльменов тогда впервые услышали этот запоминающийся сарказм. Велико было всеобщее возмущение тем, что статский советник посмел заклеить как нищих группу джентльменов, в жилах которых течет лучшая кровь страны. Бредероде, напротив, смягчая их гнев, с добродушным юмором заверил их, что нет ничего более удачливого. "Они называют нас нищими!" - сказал он. "Давайте примем это имя. Мы будем бороться с инквизицией, но останемся верны королю даже до тех пор, пока не будем вынуждены носить мешок нищего".

Затем он подозвал одного из своих пажей, и тот принес ему кожаный кошелек, какие в те дни носили профессиональные нищенствующие, вместе с большой деревянной чашей, которая также была частью их обычных принадлежностей. Бредероде немедленно повесил кошелек себе на шею, наполнил чашу вином, поднял ее обеими руками и залпом осушил. "Да здравствуют нищие!" - воскликнул он, вытирая бороду и ставя миску на стол. "Vivent les gueulx." Тогда впервые с уст этих безрассудных дворян сорвался знаменитый клич, который так часто раздавался над сушей и морем, среди пылающих городов, на залитых кровью палубах, среди дыма и резни на многих пораженных полях сражений. Юмор Бредероде был встречен оглушительными аплодисментами. Затем граф повесил кошелек на шею своему ближайшему соседу и вручил ему деревянную дубинку. Каждый гость, по очереди, надел рюкзак нищего. Отодвинув в сторону свой золотой кубок, каждый наполнил чашу нищих до краев и осушил ее за здоровье нищих. Взрывы смеха и крики "Да здравствует земля!" сотрясли стены величественного особняка, поскольку они были обречены никогда больше не сотрясаться. Был изобретен шибболет. Заклинание, которое они с таким нетерпением искали, было найдено. Их враги снабдили их заклинанием, которое впоследствии оказалось достаточно мощным, чтобы вызвать духов из дворца или лачуги, леса или волны, поскольку деяния "диких нищих", "лесных попрошаек" и "морских попрошаек" научили Филиппа наконец понимать нацию, которую он довел до безумия.

Когда бумажник и чаша обошли стол, их подвесили к колонне в холле. Затем каждый из присутствующих по очереди бросил немного соли в свой кубок и, встав под эти символы братства, повторил звенящий отрывок, сочиненный экспромтом по такому случаю.

Этой солью, этим хлебом, этим кошельком мы клянемся, что
Эти нищие никогда не изменятся, хотя весь мир должен смотреть на это.

Эта нелепая церемония завершила обряды, с помощью которых конфедерация получила свое название; но банкет ни в коем случае не закончился. Шум перерос в ярость. Молодые и более безрассудные дворяне предавались разгулу, который посрамил бы языческие Сатурналии. Они ежеминутно повторяли друг другу свои громогласные клятвы в верности общему делу, осушали огромные кубки за здоровье нищих, выворачивали свои шляпы и камзолы наизнанку, танцевали на стульях и столах. Некоторые обращались друг к другу "лорд-аббат" или "преподобный приор" того или иного религиозного учреждения, указывая таким образом на средства, с помощью которых некоторые из них надеялись поправить свою разбитую судьбу.

Когда суматоха была в самом разгаре, в квартиру вошли принц Оранский с графами Горном и Эгмонтом. Они спокойно поужинали с Мансфельдом, который был прикован к своему дому из-за воспаленного глаза, и направлялись в зал совета, где заседания теперь затягивались каждую ночь до позднего часа. Зная, что Хогстраатена несколько против его воли заставили присутствовать на банкете, они зашли через Калембург-хаус, чтобы уговорить его удалиться. Они также были склонны, по возможности, сократить празднества, которые их влияние было бы бессильно предотвратить.

Эти знатные люди, как только они появились, были окружены шайкой "попрошаек", обезумевших и взмокших от недавнего винного крещения, которые заставили их выпить по чашке под крики "Да здравствует король и богиня!". Значения этого возгласа они, конечно, не могли понять, поскольку даже те, кто слышал презрительные замечания Берлаймона, могли не вспомнить точный термин, который он употребил, и уж точно не могли осознавать важность, до которой он только что был возведен. Что касается Хорна, то он недолюбливал Бредероде и задолго до этого поссорился с ним, помешал многим людям подписать Компромисс и, хотя в то время был гостем Оранжа, имел привычку ложиться спать перед ужином, чтобы избежать общества многих, кто часто бывал в доме. Тем не менее, его присутствие в течение нескольких минут с наилучшими намерениями в конце этого знаменитого банкета стало одним из самых смертоносных обвинений, которые впоследствии были выдвинуты против него короной. Трое сеньоров отказались сесть и остались лишь на мгновение, "на мизерере", прихватив с собой Хогстраатен, когда уходили. Они также убедили всю компанию разойтись одновременно, так что их присутствие послужило, по крайней мере, прекращению позорного бунта. Когда они прибыли в зал совета, то получили благодарность герцогини за то, что они сделали.

Таково было первое движение, предпринятое членами "Компромисса". Было ли странным, что Orange не испытывал особой симпатии к таким товарищам? Разве у него не было причин колебаться, если священное дело гражданской и религиозной свободы могло быть поддержано только этими защитниками и с такой помощью?

"Нищие" не довольствовались одним лишь названием освященного веками братства нищенствующих, в которое они сами себя записали. Сразу после банкета в Кулембурге был выбран костюм для конфедерации.

Эти молодые джентльмены, отказавшись от золотых кружев и бархата, сочли целесообразным облачиться в камзолы и рейтузы пепельно-серого цвета и короткие плащи того же цвета из

самых грубых материалов. В таком виде они появлялись на улицах, с обычными фетровыми шляпами на головах, с нищенскими мешочками и мисками на боку. Они приказали также отчеканить медали из свинца и меди, на одной стороне которых была изображена голова Филиппа; на обратной - две руки, сцепленные в кошельке, с девизом: "Верен королю, даже если носишь мешок нищего". Эти значки они носили на шее или в качестве пуговиц к шляпам. В качестве дополнительного отличия они коротко сбривали бороды, за исключением усов, которые оставались длинными и свисающими по турецкой моде, — этот обычай, как казалось, был дополнительной характеристикой нищенствующих.

Очень скоро после этих событий дворяне лиги разъехались из столицы по своим домам. Бредероде выехал из Брюсселя во главе отряда кавалеров, которые отсалютовали толпе аплодирующих зрителей выстрелом из пистолетов. Сорок три джентльмена сопровождали его до Антверпена, где он остановился на ночь. Герцогиня уже уведомила магистратов этого города о его предполагаемом визите и предупредила их, чтобы они присмотрели за его действиями. "Великий нищий", как назвал его Хогстраатен, однако вел себя настолько пристойно, насколько можно было ожидать. Четыре или пять тысяч жителей толпились вокруг отеля, где он снял свои апартаменты. Он появился в окне со своей деревянной чашей, наполненной вином, в руках и кошельком на боку. Он заверил собравшихся, что готов умереть, защищая добрых людей Антверпена и всех Нидерландов от эдиктов и инквизиции. Тем временем он выпил за их здоровье и умолял всех, кто принял клятву, поднять руки. Публика, весьма развеселившись, подняла руки и захлопала в ладоши, когда честный Бредероде осушил свою чашу, и вскоре после этого их убедили удалиться в отличном настроении.

Все эти события были зафиксированы и переданы в Мадрид. Также было как публично сообщено, так и тайно зарегистрировано, что Бредероде ел каплунов и другое мясо в Антверпене в Страстную пятницу, которая пришлась на день его визита в этот город. Однако он отрицал это обвинение с нелепой горячностью. "Те, кто сказал мадам, что мы ели мясо в Антверпене, - писал он графу Людовику, - лгали нечестиво и подло, с глубиной в двадцать четыре фута в горле". Он добавил, что его племянник Чарльз Мансфельд, который, несмотря на возмущенный запрет своего отца, помогал в представлении Просьбы и в то время находился в компании своего дяди в Антверпене, заказал каплуна, что Бредероде отменил. "Потом мне сказали, - сказал он, - что мой племянник поджарил у себя в комнате сосиску. Я полагаю, что он думал, что находится в Испании, где они позволяют себе такие деликатесы.

Пусть не думают, что эти мелочи ниже достоинства истории. Подобные вопросы заполняли всю душу Филиппа, увеличивали количество обвинительных актов для тысяч более высокопоставленных людей, чем Бредероде, и обеспечивали занятие как для тайных корреспондентов и шпионов, так и для самых высокопоставленных правительственных чиновников. Каплуны или сосиски в Страстную пятницу, Псалмы Клементы Маро, Нагорная проповедь на народном языке привели к дыбе, виселице и столбу, но положили начало войне против инквизиции, которая должна была продлиться восемьдесят лет. Бредероде не суждено было стать героем той партии, которую он опозорил своим шутством. Будь он жив, он, возможно, подобно многим своим соратникам, искупил бы своей храбростью на поле боя репутацию, которую его оргии сделали презренной. Теперь он уехал из Антверпена на север Голландии, где, как он вскоре сообщил графу Людовику, "нищих было так же много, как песков на морском берегу".

Его "племянник Чарльз" два месяца спустя подчинился предписанию своего отца и официально вышел из конфедерации.

Тем временем распространился слух, что Просьба знати уже принесла хорошие плоды, что эдикты должны быть смягчены, инквизиция упразднена, а свобода совести в конце концов восторжествует. "После этих сообщений, - говорит современник, - вся нечисть из числа изгнанников и беглецов из-за религии, а также те, кто скрывался, начали поднимать головы и выставять вперед свои рога". Было известно, что Маргарита Пармская приказала инквизиторам и магистратам вести себя "скромно и осмотрительно". Было известно, что тайный совет усердно работал над проектом "смягчения" эдиктов. Скромно и осмотрительно Маргарита Пармская почти сразу после отдачи этих приказов, пока "умеренность" все еще находилась в руках юристов, сообщила своему брату, что она лично занялась делом человека, который выхватил священную облатку из рук священника в Ауденарде. Этот "квидам", как она его называла — ибо его имя было ниже ведома незаконнорожденной дочери императора, — по ее приказу подвергся строгому и образцовому правосудию. И в чем заключалось "строгое и образцовое правосудие", совершенное таким образом над "квидамом"? Прокурор соседнего города Турне предоставил нам возможность ответить. Молодой человек, ткач гобеленов по имени Ханс Тискен, 30 мая бросил священную облатку на землю. За это преступление, которое было таким же, как то, которое совершил на Рождество прошлого года Бертран ле Блаз в Турне, его теперь постигло аналогичное, хотя и не столь суровое наказание. После совершения преступления он спокойно вернулся домой, но его преследовали, арестовали и в следующую субботу отвезли на рыночную площадь Ауденарде. Здесь ему отрубили правую руку, которой он совершил преступление, а затем привязали к столбу и сожгли заживо на медленном огне. К счастью, его мучили не более четверти часа, но он настаивал на своем мнении и до последнего вздоха взывал к Богу о поддержке.

Эта домашняя трагедия разыгралась в Ауденарде, месте рождения герцогини Маргарет. Она была дочерью могущественного Карла Пятого, но ее мать была всего лишь дочерью гражданина Ауденарда, "квидам" вроде безымянной ткачихи, которая таким образом была сожжена по ее прямому приказу. Однако не следовало предполагать, что это обстоятельство могло сыграть в столь большую пользу злоумышленнику. Более того, в тот же момент она отдала приказ о том, чтобы аналогичное наказание было применено к другому человеку, находившемуся тогда во фламандской тюрьме, за преступление анабаптизма.

Тайный совет, которому помогали тринадцать рыцарей Руна, усердно работал, и результат их мудрости наконец проявился в "умеренности", состоящей из пятидесяти трех статей.

В чем же заключалась суть этих пятидесяти трех статей, с таким трудом разработанных Виль, так красиво оформленных советником д'Ассонлевилем? Просто для того, чтобы заменить повод на хворостину. После устранения всего словоблудия этот факт остался единственным доказательством. Было самым четким образом установлено, что все формы религии, кроме римско-католической, были запрещены; что не допускались никакие публичные или тайные собрания; что все еретические писания должны были быть подавлены; что все любопытные исследования Священного Писания должны были быть запрещены. Лица, нарушившие эти правила, были разделены на два класса — вводящих в заблуждение и введенных в заблуждение. Имело место притворство о даровании милосердия лицам второй категории, в то время как тем, кто входил в первую, была объявлена смерть. Это было просто притворство, ибо

бессвязный закон был настолько открытым во всех своих пунктах, что Могучая машина преследования могла проехать по ним целиком, когда такой курс казался бы целесообразным. Каждый мужчина или женщина в Нидерландах могут быть внесены в список лиц, вводящих в заблуждение, по усмотрению официальных лиц. Мнимое милосердие к заблудшим было всего лишь иллюзией.

Суперинтенданты, проповедники, учителя, служители, составители проповедей, дьяконы и другие должностные лица должны были быть казнены с привязью и конфискацией всего их имущества. Это было предельно ясно. Однако другие еретики, которые отреклись бы от своей ереси перед епископом, могли быть прощены за первое преступление, но в случае упорства подлежали изгнанию. Это казалось проявлением милосердия, по крайней мере, к раскаявшимся преступникам. Но кто были эти "другие" еретики? Все лица, которые обсуждали религиозные вопросы, подлежали смертной казни. Все лица, не изучавшие теологию в "знаменитом университете", которые исследовали и толковали Священное Писание, должны были быть преданы смерти. Все лица, в домах которых должен был совершаться какой-либо акт извращенной религии, подлежали смертной казни. Все лица, которые укрывали или защищали служителей и учителей какой-либо секты, подлежали смертной казни. Все преступники, тщательно перечисленные таким образом, должны были быть казнены, независимо от того, раскаялись они или нет. Однако, если они отрекутся от своих ошибок, им полагалось быть обезглавленными, а не задушенными. Таким образом, было очевидно, что почти любой еретик может быть привлечен к ответственности в любой момент.

Строго говоря, мысль о смерти от уздечки или топора менее шокировала воображение, чем мысль о том, чтобы быть сожженным или похороненным заживо. Таким образом, в этом отношении указы были смягчены предложенной "Умеренностью". Однако всегда было бы трудно убедить сколько-нибудь значительную часть разумных людей в том, что причинение насильственной смерти каким бы то ни было способом из-за религиозных убеждений было актом милосердия. Нидерландцев, однако, удалось убедить в этом. Проект нового эдикта был демонстративно назван "Moderatie", или "Умеренность". Поэтому было вполне естественно, что простые люди с помощью придираков, которые во фламандском языке одинаковы и в английском, называли предлагаемую "Умеренность" "Убийством". Грубый материнский ум людей уже охарактеризовал проект и уничтожил его, в то время как тупые формалисты проводили его через предварительные стадии.

Голосование в пользу проекта было получено от поместий Артуа, Эно и Фландрии, инструкции для посланников; барон Монтиньи и маркиз Берген были составлены в соответствии со схемой. Эгмонт отказался от этой миссии, не имея оснований поздравлять себя с дипломатическим успехом своего визита в Испанию в предыдущем году. Двух дворян, согласившихся занять этот пост, убедили согласиться против их воли. Они знали, что их политическое поведение после отъезда короля из страны не всегда считалось удовлетворительным в Мадриде, но они, конечно, были далеки от того, чтобы подозревать истинное состояние королевских умов. Они оба были такими же искренними католиками и такими же преданными джентльменами, как Гранвель, но они не осознавали, как постоянно, на протяжении долгих лет, этот персонаж представлял их Филиппу ренегатами и мятежниками. Они сохранили конституционные права государства и отказались выступать в качестве палачей инквизиции, но им еще предстояло узнать, что подобные демонстрации приравняются к государственной измене.

Монтињи отбыл 29 мая из Брюсселя. Он оставил невесту, с которой обвенчался прошлой осенью, посреди праздничных сцен — нерожденного ребенка, которому так и не суждено было увидеть лицо своего отца. В Париже он получал предупреждения, которыми пренебрегал ради наживы. Испанский посол в этом городе сообщил ему, что гнев Филиппа по поводу недавних сделок в Нидерландах был велик. Высокопоставленный деятель Франции настоятельно просил его симулировать болезнь или найти убежище любым способом, с помощью которого он мог бы избежать выполнения своей миссии. Подобные намеки не заставили его свернуть с намеченного курса, и он направился в Мадрид, куда прибыл 17 июня.

Его коллеге по миссии, маркизу Бергену, не удалось отправиться в путь в то же время из-за несчастного случая, который при сложившихся обстоятельствах мог показаться почти зловещим. Прогуливаясь по дворцовому парку, в том месте, где какие-то джентльмены играли в пэлл-мэлл, он был случайно ранен в ногу деревянным мячом. Травма, хотя и пустяковая, вызвала у го сильное раздражение и лихорадку, из-за чего он был прикован к постели на несколько недель. Только 1 июля он смог уехать из Брюсселя. Таким образом, оба этих несчастных дворянина отправились выполнять то темное и таинственное предназначение, с которого лишь недавно была снята завеса трех столетий.

Помимо длинного исторического рассуждения в восемнадцати главах, прочитанного в качестве наставления послам, Маргарет заранее отправила курьера с различными сведениями о последних событиях. Алонсо дель Канто, один из шпионов Филиппа в Нидерландах, также написал королю, чтобы сообщить, что два посла были настоящими виновниками всех бед, существовавших тогда в стране. Кардинал Гранвель также повторил свои предыдущие заявления в конфиденциальном сообщении его Величеству, добавив, что нельзя было выбрать более подходящих людей, чем Берген и Монтињи, поскольку они лучше, чем кто-либо другой, знали положение дел, в котором они сыграли главную роль. Тем не менее, Монтињи по прибытии в Мадрид 17 июня был принят Филиппом с очевидной сердечностью, немедленно допущен к аудиенции и в самых решительных выражениях заверил, что в королевских умах нет недовольства сеньорами, какие бы ложные слухи ни распространялись на этот счет. В остальном результат этой и последующих бесед с монархом был достаточно скудным.

Иначе и быть не могло. Миссия посланников была тщательно продуманным фарсом, призванным разыграть ужасную трагедию. Они были посланы добиться от Филиппа отмены инквизиции и смягчения эдиктов. Однако в тот самый момент, когда проводились все эти законодательные и дипломатические мероприятия, Маргарита Пармская располагала секретными письмами от Филиппа, которые ей было поручено доставить архиепископу Сорренто, папскому нунцию при императорском дворе, находившемуся в то время со специальным визитом в Брюсселе. Этот священнослужитель прибыл в Нидерланды якобы для того, чтобы посоветоваться с принцем Оранским о делах его княжества, сделать замечание графу Кулембургу и принять меры по реформированию духовенства. Однако истинной целью его миссии было разработать средства для усиления инквизиции и подавления ереси в провинциях. Филипп, по просьбе которого он прибыл, поручил ему ни в коем случае не разглашать эту тайну, поскольку король хотел, чтобы все поверили, что мнимое было единственным делом, которое прелат должен был выполнять в стране. Маргарет соответственно передала ему частные письма, в которых Филипп признавался в своей решимости поддерживать инквизицию и эдикты во всей их строгости, но требовал соблюдать строжайшую секретность по этому вопросу. Поэтому герцогиня, зная карты в лицо, должно быть, сочла

излишним продолжать игру, которая для жестокого, но склонного к проволочкам характера Филиппа, возможно, была приятным возбуждением.

Плану смягчения эдиктов путем замены сожжения удушением, следовательно, не суждено было добиться большого успеха ни в Испании, ни в провинциях; но люди, которые предприняли следующее крупное движение в драме восстания, вели себя таким образом, что устыдили угнетавшего монарха и буйную знать, которая взялась защищать свои свободы.

В этот самый момент, в начале лета 1566 года, многие тысячи бюргеров, торговцев, крестьян и джентльменов были замечены собирающимися и марширующими по полям каждой провинции, вооруженными аркебузами, дротиками, пиками и палашами. С какой целью проводились эти собрания? Только для того, чтобы послушать проповеди и спеть гимны на открытом воздухе, поскольку осквернять церкви подобными обрядами было незаконно. Это была первая крупная народная фаза нидерландского восстания. Несмотря на эдикты и инквизицию с их ежедневными гекатомбами, несмотря на специальную публикацию в это время по всей стране герцогиней—регентшей о том, что все кровавые законы, касающиеся религии, действуют так же, как и прежде, несмотря на то, что Маргарита предложила награду в семьсот крон человеку, который приведет ей проповедника — живого или мертвого, - жажду народа исповедовать реформатскую религию больше нельзя было утолить у темных и скрытых источников, где их священники так долго тайно служили.

Отчасти ободренные временным затишьем в преследованиях, отчасти воодушевленные изложением Просьбы и событиями, к которым она привела, реформаторы теперь смело выходили из своих укрытий и проводили свои религиозные собрания при свете дня. Сознание численности и правоты принесло убежденность в силе. Дерзость реформаторов поразила президента Виглиуса, который не мог найти достаточно веских формулировок, чтобы охарактеризовать такое богохульное поведение и выразить сожаление по поводу него. В глазах правительства проповедь на местах, казалось, распространялась со скоростью зловредной чумы. Миазмы разносились на крыльях ветра. Еще в 1562 году в окрестностях Ипра проводились публичные проповеди. Однако последовавшие за этим казни на время пресекли эту практику как в этом месте, так и по всей Фландрии и остальным провинциям. Теперь она прорвалась как бы единым порывом из одного конца страны в другой. Во второй половине июня Герман Стрейкер, или Модег, монах, отказавшийся от своих обетов, чтобы стать одним из самых популярных проповедников Реформатской церкви, обратился к пастве численностью семь или восемь тысяч человек в окрестностях Гента. Питер Датенус, еще один лишенный сана монах, проповедовал в различных местах Западной Фландрии с большим эффектом. Человек, наделенный неистовым красноречием, невоздержанный, как большинство фанатиков, он оказал тогда больше услуг делу Реформации, чем ему было суждено сделать в более поздние периоды.

Но священники-отступники были не единственными проповедниками. К невыразимому отвращению консерваторов в Церкви и государстве, нашлись люди малообразованные, совершенно не знающие иврита, из низших сословий — шляпники, карьеристы, кожевники, красильщики и тому подобное, которые тоже начали проповедовать, вспомнив, возможно, не по сезону, что первые ученики, выбранные основателем христианства, не все были докторами богословия с дипломами "известного университета". Но если бы природа таких людей была подчинена тому, в чем она проявлялась, это обвинение не могло быть выдвинуто против

служителей, обладающих знаниями и достижениями Амброза Вилля, Марнье, Ги де Брея или Фрэнсиса Юниуса, человека, которого Скалигер назвал "величайшим из всех теологов со времен апостолов". Аристократический сарказм не мог быть направлен против Перегрин де ла Гранжа, происходившего из знатной семьи в Провансе, в жилах которого текла горячая кровь южной Франции, храброго, как его нация, образованного, красноречивого, восторженного, который прискакал к месту своей проповеди верхом на лошади и выстрелил из пистолета, чтобы привлечь внимание своей паствы.

28 июня 1566 года в одиннадцать часов вечера около Турне, у моста Эрмонвиль, собралось шесть тысяч человек, чтобы послушать проповедь Амброза Уилла, человека, который изучал теологию в Женеве, у ног Кальвина, и который теперь, когда за его голову была назначена особая награда, проповедовал доктрины, которые он выучил. Два дня спустя десять тысяч человек собрались на том же месте, чтобы послушать Перегрин де ла Гранжа. Губернатор Мулбаис огласил прокламацию из цитадели, предупреждая всех мужчин, что эдикты столь же строги, как и прежде, и что каждый мужчина, женщина или ребенок, пришедший на эти проповеди, подвергается смертной казни. Люди становились только более пылкими и возбужденными. В воскресенье, седьмого июля, двадцать тысяч человек собрались на том же мосту, чтобы послушать Эмброуза Уилла. Каждый третий был вооружен. У одних были аркебузы, у других пистолеты, пики, шпаги, вилы, кинжалы, дубинки. Проповедника, за поимку которого была предложена новая награда, сопровождала к его кафедре сотня конных солдат. Он умолял своих слушателей не пугаться слова Божьего угрозами; уверял их, что, хотя сам он всего лишь плохой проповедник, у него есть божественное поручение; что он не боится смерти; что, если он падет, найдутся люди лучше него, которые займут его место, и пятьдесят тысяч человек, которые отомстят за его убийство.

Герцогиня сотнями рассылала прокламации. Она приказала немедленно подавить эти вооруженные собрания и арестовать проповедников. Но что толку от прокламаций против такого количества людей с оружием в руках? Зачем доводить до безумия эти орды энтузиастов, которые теперь были совершенно миролюбивы и которые после завершения богослужения маршировали обратно в город с соблюдением всех приличий? Все классы населения охотно ходили на проповеди. Местная знать, богатые торговцы, знатные люди, а также более скромные ремесленники и чернорабочие - все заразились. Сторонники реформатской религии превосходили католиков численностью в пять или шесть раз к одному. По воскресеньям и другим праздникам, в часы службы, Турне буквально лишался своих обитателей. На улицах было так тихо, как будто здесь разразилась война или эпидемия. Герцогиня отдавала приказы, но не посылала войска. Обученным городским оркестрам, арбалетчикам Святого Маврикия, лучникам Святого Себастьяна, фехтовальщикам Святого Христофора нельзя было приказать из Турне прекратить проповедь, потому что все они сами ходили на проповедь. Следовательно, как бесполезно посылать императивные приказы без фитильного замка для приведения команды в исполнение.

По всей Фландрии разыгрывались подобные сцены. Собрания превратились в лагеря, поскольку реформаторы теперь приходили на свои религиозные службы вооруженными до зубов, преисполненные решимости, в случае изгнания из церквей, защищать свое право на поля. Вокруг лагерей были сооружены баррикады из перевернутых повозок, веток и досок. На каждой аллее была выставлена сильная охрана из всадников. Находившиеся поблизости разведчики предупредили о приближающейся опасности и отвели верующих в укрытие.

Коробейники и лоточники занимались торговлей, за которую была установлена смертная казнь, и продавали запрещенные сборники гимнов всем, кто хотел их купить. Странное и противоречивое зрелище! Армия преступников, совершающих деяния, которые могли быть искуплены только на костре; укоренившийся мятеж, противостоящий правительству с пикой, фитильным замком, дротиком и баррикадой, и все это не с более смертоносной целью, чем прислушаться к заветам миролюбивого Иисуса.

Таким образом, проповедь распространилась через валлонские провинции до северных Нидерландов. Ближе к концу июля было объявлено, что монах-отступник, отличавшийся исключительным красноречием, по имени Питер Гэбриэл, будет проповедовать в Оверине близ Гарлема. Это был первый выездной митинг, состоявшийся в Голландии. Люди были вне себя от энтузиазма; власти были вне себя от дурных предчувствий. Люди со всей страны тысячами стекались в город. Другие города опустели, Гарлем был переполнен. Множество людей расположились лагерем на земле накануне вечером. Магистраты приказали держать ворота закрытыми утром, пока не пройдет много времени после обычного часа. Это было бесполезно. Засовы и решетки были лишь небольшим препятствием для энтузиастов, которые проделали столько миль пешком или верхом, чтобы послушать проповедь. Они взобрались на стены, переплыли ров и столпились к месту встречи задолго до того, как были открыты двери. Когда они больше не могли оставаться закрытыми без конфликта, к которому магистраты не были готовы, все население единым порывом хлынуло из города. На поле собрались десятки тысяч человек. Бастионы были возведены, как обычно, выставлена стража, приняты необходимые меры предосторожности. Но в этом случае и в том регионе опасность была невелика. Множество реформаторов делало указы невозможными до тех пор, пока там не было иностранных войск для их исполнения. Собрание было разбито лагерем и организовано упорядоченным образом. Женщин, которых было много, поместили рядом с кафедрой, которая в данном случае представляла собой пару воткнутых в землю копий, поддерживающих поперечину, к которой проповедник мог прислониться спиной. Богослужение началось с пения псалма всем многочисленным собранием. Стихи Клемана Маро, недавно переведенные Датеном, были тогда новыми и популярными. Мелодии "монархического менестреля", распеваемые таким образом на их простом, но нервном родном языке толпой, которая лишь недавно узнала, что вся поэзия и восторг преданности не были безвозвратно похоронены в погребенном языке или замурованы в стенах церкви, никогда не производили более возвышающего эффекта. Ни один гимн, исполненный всемирно известным органом в этом древнем городе, никогда не пробуждал более возвышенных эмоций, чем эти десять тысяч человеческих голосов, звучавших с травянистых лугов в тот жаркий летний полдень. Когда все снова стихло, поднялся проповедник; маленький, тощий человек, который выглядел так, словно скорее растаял бы под палящим июльским солнцем, чем держал толпу прикованной к ней магией своего языка четыре часа подряд. Его текстом были 8-й, 9-й и 10-й стихи второй главы Послания к Ефесянам; и когда стройный монах говорил своей простой аудитории о Божьей благодати и вере в Иисуса, который сошел свыше, чтобы спасти самых низменных и покинутых, если они доверятся Ему, его слушатели попеременно преисполнялись рвения или заливались слезами. Он молился за все состояния людей — за них самих, за их друзей, за их врагов, за правительство, которое преследовало их, за короля, чье лицо было обращено к ним в гневе. Временами, по словам одного из присутствовавших, в толпе не было видно ни одного сухого глаза. Закончив, священник резко покинул свою паству, поскольку ему пришлось ехать всю ночь, чтобы добраться до Алкмара, где он должен был проповедовать на следующий день.

К середине июля этот обычай утвердился за пределами всех главных городов. В некоторых местах проводились лагерные собрания; как, например, в окрестностях Антверпена, где прихожане часто насчитывали пятнадцать тысяч, а в некоторых случаях насчитывали от двадцати до тридцати тысяч человек одновременно; "очень многие из них, - сказал очевидец, - лучшие и состоятельные в городе".

Секта, к которой принадлежало большинство этих верующих, была сектой Кальвина. В Антверпене были лютеране, кальвинисты и анабаптисты. Лютеране были самой богатой сектой, но кальвинисты - самой многочисленной и восторженной. Принц Оранский в тот момент был ярким противником как кальвинизма, так и анабаптизма, но склонялся к лютеранству. Политические причины той эпохи, несомненно, повлияли на его взгляды в религиозных вопросах. Голландцы вряд ли могли рассчитывать на помощь лютеранских князей Германии, которые ненавидели женевские доктрины, если только они не захотели приспособить Исповедание Аугсбурга. Принц знал, что император, хотя и склонялся к Реформации, испытывал резкое отвращение к кальвинизму, и поэтому он желал покончить с расколом, который существовал во всей Реформатской церкви. Однако достичь этого означало бы одержать большую победу над фанатизмом, который был преобладающей характеристикой той эпохи, чем, возможно, можно было ожидать. Принц с первого момента своего отказа от древних доктрин был склонен предпринять эту попытку.

Герцогиня приказала магистратам Антверпена подавить эти массовые собрания с помощью гильдейской милиции. Они ответили, что в прежние времена такой курс мог бы быть осуществим, но секты стали слишком многочисленными, чтобы их можно было принуждать. Если бы властям удалось предотвратить исповедание реформированной религии в городе, это было бы настолько успешным результатом, насколько можно было ожидать. Предотвратить проповедь за пределами городских стен с помощью буржуазной силы было совершенно невозможно. Медлительность Государя поставила регента перед ужасной дилеммой, но было достаточно очевидно, что борьба не могла откладываться надолго. "Скоро будет трудно расколоть орешек", - писал граф Людовик. "Король никогда не одобрит проповедь; люди никогда не откажутся от нее, даже если это будет стоить им жизни. В ближайшее время на страну надвигается тяжелая облачность". Герцогиня еще не была уполномочена набирать войска, и она опасалась, что, начав подобные операции, она, возможно, оскорбит короля и в то же время может спровоцировать народ на более эффективные военные приготовления, чем ее собственные. Она чувствовала, что на одну набранную ею роту сектанты могли бы собрать десять. Более того, у нее не было денег, даже если бы в противном случае она сочла целесообразным набрать армию. Тем временем она делала все, что могла, с помощью "публичных молитв, процессий, постов, проповедей, увещеваний" и других церковных механизмов, которые она приказала епископам привести в действие. Ее положение действительно было достаточно тревожным.

Эгмонт, которого многие сектанты надеялись заполучить в качестве своего лидера в случае гражданской войны, не проявлял склонности поощрять подобные надежды, но и не поднимал оружия против народа. Он отправился во Фландрию, где вооруженные собрания для полевых проповедей стали настолько многочисленными, что отряд в тридцать или сорок тысяч человек мог быть поднят в воздух почти по первому сигналу, и где консерваторы, охваченные тревогой, желали присутствия своего знаменитого губернатора. Жители Антверпена, со своей стороны, потребовали Вильгельма Оранского. Принц, который был наследственным бургграфом города,

сначала отклонил приглашение магистратуры. Герцогиня присоединила свою просьбу ко всеобщей молитве жителей. События тем временем накалялись, а подозрения росли. Мегэн пробыла в городе несколько дней, к большому неудовольствию реформаторов, которые его ненавидели. Ожидалось, что к нему присоединится Аремберг, и ходили слухи, что под эгидой этих двух ведущих кардиналистов тайно предпринимаются меры по вводу в город гарнизона вместе с большим запасом боеприпасов. С другой стороны, "великий нищий" Бредероде поселился также в Антверпене; ежедневно развлекал толпу шумной знати в своем отеле перед второй политической демонстрацией, которая вскоре будет описана, и постоянно расхаживал по улице, сопровождаемый толпой приверженцев в нищенских ливреях. Искренние реформаторы чувствовали себя почти так же неловко в присутствии своих общепризнанных друзей, как и в присутствии Мегэн и Аремберга, и искренне желали избавиться от них всех. Долгими и тревожными были размышления магистратов по всем этим вопросам. Наконец, было решено послать новую депутацию в Брюссель, прося регентшу распорядиться об отъезде Мегэн, Аремберга и Бредероде из Антверпена; протестуя против любого плана, который, как можно было предположить, она вынашивала, направляя в город наемные войска; давая слово сенату поддерживать мир тем временем их регулярными силами; и, прежде всего, умоляя ее еще раз, в самых настоятельных выражениях, направить туда бургграфа, как единственного человека, способного спасти город от бедствий, в которые он был вовлечен. так что, скорее всего, упадет.

Принц Оранский, которого таким образом настойчиво просили как правительство Антверпена, жители этого города, так и сама регентша, наконец согласился совершить визит, которого так настойчиво требовали. 13 июля он прибыл в Антверпен. Весь город был полон энтузиазма. Казалось, половина его населения вышла из ворот, чтобы поприветствовать его, выстроившись вдоль дороги на многие мили. Ворота, через которые он должен был пройти, крепостные валы, крыши домов были плотно забиты людьми с выжидающими и нетерпеливыми лицами. По меньшей мере тридцать тысяч человек собрались, чтобы поприветствовать своего гостя. Длинная кавалькада выдающихся горожан прибыла в Берген, чтобы встретить его и сопроводить в город. Бредероде, сопровождаемый несколькими знатными союзниками, ехал во главе процессии. Когда они столкнулись с принцем, в знак приветствия прозвучала серия пистолетных выстрелов, что послужило сигналом к оглушительному крику собравшейся толпы. Толпа столпилась вокруг принца, когда он приближался, называя его своим спасителем, своим отцом, своей единственной надеждой. Дикие приветственные крики раздавались со всех сторон, когда он проезжал через город, время от времени смешиваясь с возгласами "долгих лет жизни нищим". Эти партийные выкрики были немедленно и резко пресечены Оранж, который в присутствии Бредероде выразил решимость заставить людей забыть этот вредный лозунг. Более того, в то время он не испытывал особого удовольствия от бурных проявлений привязанности к его персоне, которые были слишком пылкими, чтобы их можно было порицать, но и слишком несвоевременными, чтобы их можно было одобрить. Когда толпе наконец дали понять, что их приветствия неприятны принцу, большая часть толпы согласилась разойтись, чувствуя, однако, облегчение от надвигающейся опасности в присутствии человека, на которого они инстинктивно смотрели как на своего естественного защитника.

Сенаторы вышли всем скопом, чтобы встретить бургграфа и сопроводить его в приготовленную для него гостиницу. Прибыв туда, он, не теряя времени, открыл дело, которое привело его в Антверпен. Он сразу же провел длительные консультации с высшими ветвями власти. Впоследствии, день за днем, он честно, усердно, мудро трудился над восстановлением

общественного спокойствия. Он неоднократно проводил обсуждения с каждой отдельной частью маленького содружества, сенатом, советом древних, корпорацией попечителей, деканами ремесел. Он также не ограничивал свое общение только этими организованными политическими организациями. У него были частые беседы с офицерами военных ассоциаций, с иностранными торговыми компаниями, с гильдиями "Риториков". Покои "Фиалки" и "Мэриголда" были не слишком фривольными или фантастическими, чтобы к ним мог обратиться тот, кто знал человеческую природу и устройство нидерландского общества так хорошо, как принц. День и ночь он трудился со всеми классами граждан, чтобы добиться лучшего взаимопонимания и установить взаимное доверие. Наконец, его усилиями спокойствие было восстановлено. После того как был собран широкий совет, было решено, что исповедание реформированной религии должно быть исключено из города, но молчаливо допускаться в пригородах, в то время как вооруженные силы должны постоянно находиться в готовности для подавления любых попыток восстания. Принц желал, чтобы город нанял тысячу двести человек и заплатил им жалованье, чтобы по крайней мере небольшое количество дисциплинированных войск могло быть готово в любой момент; но он счел невозможным обсудить этот вопрос с советом. Магистраты были готовы взять на себя ответственность за спокойствие в городе, но у них не было наемников.

Таким образом, в течение оставшейся части июля и первой половины августа Вильгельм Оранский был напряженно занят выполнением того, что должно было стать работой регента. Он по-прежнему считался как герцогиней, так и кальвинистской партией, хотя и не испытывал симпатий ни к той, ни к другой, как единственный человек в Нидерландах, который мог контролировать нарастающую волну национального восстания. По словам его врагов, он позаботился о том, чтобы его поведение в Антверпене имело все признаки лояльности; но они намекнули, что он с самого начала был предателем, который коварно разжигал смуту, которую, казалось, осуждал. Никто не сомневался в его гениальности, и все испытывали или притворялись восхищенными ее проявлением в этот критический момент. "Принц Оранский оказывает очень большие и заметные услуги в Антверпене королю и стране", - сказал Ассонлевиль. "Этот сеньор очень искусен в управлении великими делами". Маргарита Пармская писала ему письма с самой теплой благодарностью, выражениями одобрения и пожеланиями, чтобы он мог как остаться в Антверпене, так и вернуться, чтобы помогать ей в Брюсселе. Филипп тоже собственноручно написал ему письмо, в котором признавалась безоговорочная уверенность в характере принца, с негодованием отвергались все подозрения со стороны Государя, высказывалась искренняя благодарность за его согласие на антверпенскую миссию и давался решительный отказ на настоятельную просьбу Оранского сложить свои полномочия. Принц прочитал или выслушал все эти похвалы и оценил их по достоинству. Он знал, что это была чистая гримаса. Это ввело его в заблуждение не больше, чем если бы он прочитал письмо, отправленное Маргаритой Филиппу несколько недель спустя, в котором она выражалась как "полностью осведомленная о том, что Оранский намеревался воспользоваться надвигающимися беспорядками с целью завоевания провинций и раздела всей территории между собой и друзьями". Ничто не может быть более лживым, чем столь мерзкое и нелепое утверждение.

Курс принца до сих пор был и остается последовательным и лояльным. Он шаг за шагом обвинял монарха во лжи, но единственное искусство, которое он использовал, состояло в том, чтобы еще тверже утвердиться на верном пути. Во власти монарха было созвать ассамблею генеральных штатов, чего так громко требовала вся нация, упразднить инквизицию, отказаться

от преследований, признать великий факт Реформации. Для этого он должен был перестать быть Филиппом. Чтобы поколебаться в попытке направить его на этот путь, принц должен был перестать быть Вильгельмом Оранским. Если бы он преуспел, не было бы ни государственной измены, ни Республики Голландия. Его поведение во время антверпенских беспорядков было твердым и мудрым. Даже если бы его долг потребовал от него подавить публичную проповедь безапелляционным насилием, у него не было средств для достижения этой цели. Восстание, если оно и было, уже разрослось в полную силу. Его нельзя было взять за горло и задушить одной рукой, какой бы твердой она ни была.

Сообщение о том, что верховный шериф Брабанта собирает войска по приказу правительства, чтобы напасть на реформаторов во время их полевых проповедей, значительно подорвало работу, уже проделанную принцем. Численность собравшихся снова увеличилась с десяти или двенадцати тысяч до двадцати пяти тысяч, причем все мужчины более тщательно обеспечили себя оружием, чем раньше. Вскоре после этого невоздержанное рвение другого человека, вооруженного до зубов — правда, не так, как воинственный шериф и его войска, аркебузами и дротиками, но еще более смертоносным оружием полемической теологии, — едва не вызвало всеобщую вспышку. Мирная и не очень многочисленная паства слушала одного из своих проповедников в поле за городом. Внезапно неизвестный человек в штатском и с прагматичными манерами прервал беседу, приведя категорическое опровержение некоторым выдвинутым доктринам. Священник ответил упреком и повторил оспариваемое мнение.— Незнакомец, очевидно, сведущий в церковных вопросах, многословно и тепло ответил. Проповедник, человек скромного положения и умеренных способностей, приводил аргументы так убедительно, как только мог, но, очевидно, не мог сравниться со своим противником. Вскоре он был побежден в словесной войне. Что ж, возможно, так оно и было, поскольку оказалось, что незнакомец был не кем иным, как Питером Ритовиусом, доктором богословия, выдающимся педантом из Лувена, родственником епископа и сам был церковным сановником. Этот ученый профессор, прекрасно разбиравшийся в своем предмете, легко одержал победу, в то время как бедный диссидент, больше привыкший возвышать сердца своих слушателей, чем забивать им голову, пал ниц и затаил дыхание под шквалом текстов, приукрашиваний и твердых еврейских корней, которыми он вскоре был завален. Однако триумф профессора был недолгим, так как простодушная паства, любившая своего учителя, была в ярости от того, что он был таким образом посрамлен. Поэтому, не мудрствуя лукаво, они схватили странствующего рыцаря-донкихота Церкви и так избили его дубинками, что он, возможно, расстался бы с жизнью в этой стычке, если бы его не защитила более респектабельная часть собрания. Эти люди, крайне неодобрительно относившиеся ко всему происходящему, силой спасли его от нападавших и увезли в город, где известие о случившемся сразу же вызвало переполох. Здесь его бросили в тюрьму как нарушителя общественного порядка, но на самом деле для того, чтобы он мог быть в личной безопасности. На следующий день принц Оранский, сурово отчитав его за несвоевременное проявление педантизма, освободил его из заключения и приказал вывезти из города. "Этому богослову, - писал принц герцогине Маргарет, - мне кажется, было бы лучше остаться дома, поскольку, я полагаю, у него не было особых поручений выполнять эту работу".

Таким образом, пока этот великий государственный деятель мог оставаться в столице, его умеренная твердость предотвращала взрыв, которого так долго ожидали. Его собственное правительство Голландии и Зеландии также особенно нуждалось в его заботе. Проповедь на местах распространилась в этом регионе с поразительной быстротой. Вооруженные собрания, совершенно неподвластные гражданским властям, происходили ежедневно в окрестностях

Амстердама. И все же герцогиня не могла позволить ему посетить свое правительство на севере. Если бы его можно было на день оторвать от Антверпена, было необходимо, чтобы он помог ей в новом осложнении отношений с дворянами конфедерации в самый разгар своих антверпенских трудов, поэтому по приказу Маргарет он был вынужден встретиться с комитетом в Даффеле. Ибо в том же самом богатом событиях июле члены "Компромисса" провели большое собрание в Сент-Тронде, в Льежском епископстве. Они собрались тринадцатого числа того же месяца и оставались в сборе до начала августа. Это был дикий, шумный съезд, насчитывавший около полутора тысяч кавалеристов, каждый со своими оруженосцами и вооруженной свитой; более масштабное и важное собрание, чем когда-либо проводившееся. Бредероде и граф Луи были руководителями собрания, которое, как можно предположить по его составу и численности, вероятно, не отличалось ни особым порядком в своих демонстрациях, ни благотворными результатами. Это было несвоевременное движение. Съезд был слишком большим для обсуждения, слишком буйным, чтобы внушать доверие. Знать расквартировалась повсюду - в тавернах и фермерских домах по соседству, в то время как большое количество людей разбило лагерь на открытых полях. Там царил постоянный шум веселья, смешанный со словесными перепалками и случайными скреживанием мечей. Это было скорее похоже на съезд древних, диких батавов, собравшихся по тевтонскому обычаю, чтобы выбрать короля среди хриплых криков, обильной выпивки и бряцания копьями и щитами, чем на собрание их цивилизованных потомков с высокой и серьезной целью. Толпы зрителей, землевладельцев, нищенствующих, ежедневно собирались в аристократическом собрании, присоединяясь с естественным умощением к непрекращающемуся крику "Да здравствует народ!" Было невозможно, чтобы так скоро после своего крещения самозванные нищие отказались от всякой связи с освященным веками братством, в которое они себя записали.

Конфедераты обсуждали — если обмен криками можно назвать обсуждением — в основном два момента: должны ли они, в случае получения первоначальных целей своей петиции, приостановиться или двигаться дальше; и должны ли они настаивать на получении какого-либо обещания от правительства, что им не придется мстить за их предыдущие действия. По обоим вопросам было много жарких споров и большое расхождение во мнениях. Более того, они приняли два очень опрометчивых и очень серьезных решения — гарантировать народу от любого насилия из-за его вероисповедания и задействовать силы немецкой солдатни, четыре тысячи всадников и сорок рот пехоты, путем "варт гельд", или сохранения заработной платы. Было очевидно, что эти джентльмены были настроены действовать быстро и далеко. Если весной они были готовы принять крещение вином, то теперь "нищие" жаждали крещения кровью. В то же время следует отметить, что рекруты, которые они предлагали не создавать, а иметь под своим командованием, предназначались исключительно для обороны. В случае, если король, как считалось вероятным, посетит Нидерланды с огнем и мечом, там уже будет сформировано ядро сопротивления.

18 июля принц Оранский по настоятельной просьбе регента встретился в Даффеле с комитетом дворян-конфедератов. Граф Эгмонт был связан с ним в выполнении этой обязанности. Конференция прошла не очень удовлетворительно. Депутаты от Сен-Тренд, состоявшие из Бредероде, Кулембурга и других, обменялись с двумя сеньорами старыми аргументами. Конфедератов убеждали, что они взяли на себя ответственность за общественное спокойствие до тех пор, пока регент будет выполнять свое обещание; что, поскольку герцогиня отправила двух выдающихся посланников в Мадрид, чтобы выполнить, по возможности, пожелания знати, их долгом было выполнить свои собственные обещания; что вооруженные сборища должны

быть подавлены их усилиями, а не поощряться их примером; и что, если они теперь будут усердно сдерживать беспорядки, герцогиня была готова заявить от своего имени и от его имени, что Ваше величество, что представление Просьбы было полезным.

Дворяне ответили, что обещания превратились в фарс, что регент обманывал их, что преследования были такими же жестокими, как и прежде, что "Умеренность" была насмешкой, что письма, рекомендуемые инквизиторам "скромность и благоразумие", были просто макулатурой, что за головы проповедников была назначена награда, как если бы они были дикими зверями, что из Испании постоянно исходили угрозы вторжений, что созыв генеральных штатов был незаконно отложен, что люди были доведены до отчаяния и что это было поведение инквизиторов. правительства, а не конфедератов, что заставило реформаторов отбросить прежнюю сдержанность и десятками тысяч смело выйти в поле не для того, чтобы бросить вызов своему Королю, а для того, чтобы поклониться своему Богу.

Такова, вкратце, была конференция Даффела. В заключение был составлен документ, который Бредероде отнес обратно в конвент и который было предложено представить герцогине на ее утверждение. Соответственно, в конце месяца Людовик Нассауский был отправлен в Брюссель в сопровождении двенадцати сподвижников, которых фамильярно называли его двенадцатью апостолами. Здесь он представил ее высочеству на совете заявление, отражающее взгляды конфедератов. В этом документе они утверждали, что всегда были готовы вскочить на коней и выступить против иностранного врага, но что они никогда не обнажат меч против своих ни в чем не повинных соотечественников. Они утверждали, что их прошлое поведение заслуживает похвалы, и что, требуя гарантий безопасности на имя как герцогини, так и рыцарей Руно, они руководствовались не желанием просить прощения, а нежеланием без таких гарантий вступать в соглашения, затрагивающие общественное спокойствие. Если бы, однако, они были уверены, что намерения регентши были дружественными и что не было намерения мстить за прошлое, если бы, более того, она была готова довериться советам Горна, Эгмонта и Оранского и не предпринимать никаких важных мер без их согласия, если бы, прежде всего, она созвала генеральные штаты, тогда, и только тогда, конфедераты были готовы приложить все свои силы для сохранения мира, обуздания народного порыва и изгнания всеобщего отчаяния.

Пока что Людовик Нассауский и его двенадцать апостолов. Следует признать, что, что бы ни думали о правосудии, могло быть только одно мнение относительно смелости этих взглядов. Герцогиня была в ярости. Если формулировку, высказанную в апреле, можно было счесть дерзкой, то, безусловно, эта новая просьба была, по ее собственным словам, "еще более горькой на вкус и более трудной для переваривания". Поэтому она ответила в очень неудовлетворительной, высокомерной и двусмысленной манере, отложив принятие решения по их предложениям до их обсуждения государственным советом и намекнув, что они также будут представлены Рыцарям Руна, которые должны были провести заседание 26 августа.

Последовал еще какой-то разговор без какого-либо результата. Эскердес жаловался, что конфедераты были источником постоянной клеветы, и требовал, чтобы клеветники предстали перед ними лицом к лицу и были наказаны. - Я прекрасно понимаю, - перебила Маргарет, - вы хотите взять правосудие в свои руки и сами стать королем. Далее эти безрассудные джентльмены намекнули, что если их принудят к мерам самозащиты с помощью насилия, то у них уже есть друзья в определенной стране. Герцогиня, вероятно, пораженная откровенностью этого заявления, как говорят, потребовала дальнейших объяснений. Конфедераты в ответ

заметили, что у них есть ресурсы как в провинциях, так и в Германии. Государственный совет решил, что принять предложения конфедератов означало бы немедленно создать триумvirат, и герцогиня написала своему брату письмо, в котором недвусмысленно советовала не принимать это предложение. Затем собрание в Сент-Тронде было распущено, поскольку оно устроило бурные демонстрации, которые не привели к положительным результатам, и навлекло на себя различные подозрения, большинство из которых были необоснованными, в то время как некоторые из них были справедливыми.

Прежде чем дать читателю краткий отчет о открытой и тайной политике, проводимой правительством в Брюсселе и Мадриде вследствие этих сделок, теперь необходимо упомянуть о поразительной серии событий, которые в этот момент усугубили обстановку того времени и оказали фатальное влияние на положение содружества.

1566 [ГЛАВА VII.]

Церковная архитектура в Нидерландах—Разрушение образа- Описание собора Антверпена—Церемония Оммеганга— Предшественствующие беспорядки—Иконоборцы в Антверпене—Случаи разрушения образа в различных городах—События в Турне—Проповедь Вилля—Беспорядки, устроенные маленьким мальчиком—Разграбление церквей в Турне— Захоронение герцога Адольфа Гельдрского—Иконоборцы побеждены и убиты в Анчине—Варфоломеевский день в Валансьене—Общие характеристики разрушения образа—Свидетельства современников что касается честности бунтовщиков—Испуг герцогини- Предполагаемое бегство в Монс—Совет Хорна и других сеньоров— Соглашение от 25 августа.

В Нидерландах огромное количество церквей и монастырей. Их изысканная архитектура и тщательно продуманное убранство были самым ранним свидетельством интеллектуальной культуры, проявленной в стране. В огромном количестве городов, поселков и деревень, которые были скучены на этой узкой территории, в силу обстоятельств, действующих во всем христианском мире, произошло огромное накопление церковных богатств. Никогда больше не смогут возникнуть те же причины, которые в незапамятные времена покрыли почву Европы этими великолепными творениями христианского искусства. Именно в этих анонимных, но совершенно оригинальных достижениях готический гений, пробудившись от долгого сна темных веков, впервые выразил себя. Ранняя поэзия германских народов была высечена в атоне. Вокруг непоколебимого принципа преданности, который тогда так прочно укоренился в почве, сгруппировались изысканные и энергичные эманации только что пробудившегося ума. Все, что могла изобрести наука, все, что могло воплотить искусство, все, на что могла отважиться механическая изобретательность, все, что могло расточить богатство, все, что было в человеческой энергии, жаждущей мирного выражения, везде, где шевелилось жизненное начало, инстинктивно стремившееся творить и украшать в эпоху, когда вульгарное насилие и разрушительность были общими тенденциями человечества, - все собралось вокруг этих величественных храмов, когда их устремленные ввысь вершины наконец пронзили туман, который так долго нависал над миром.

В Нидерландах насчитывалось много сотен более или менее примечательных церквей. Хотя суровая критика могла бы с сожалением обнаружить в этих конкретных произведениях великой германской школы развитие той практической тенденции, которая отличала батавскую и фламандскую ветви, — хотя она могла бы признать отход от того мистического принципа,

который в своих попытках символизировать устремления человечества к бесконечному объекту поклонения наверху несколько пренебрегал желаниями молящихся внизу, — хотя пространства могли быть слишком широкими, а межколонны слишком пустыми, за исключением удобства собраний; тем не менее, было много церковных шедевров, которые можно было рассматривать как шедевры искусства. очень блестящие проявления батавского и бельгийского ума в тринадцатом и четырнадцатом веках. Многие из них были заполнены картинами школы, которая по времени и достоинствам имела преимущество перед своими родственными художественными питомниками в Германии. Все они были уставлены статуями. Все они были заполнены богато украшенными часовнями, поскольку церкви обогащались поколение за поколением щедрым покаянием, которое таким образом покупало отпущение грехов и расчищало путь на небеса.

И вот, всего на шесть или семь летних дней и ночей, бушевала буря, в результате которой все эти сокровища были уничтожены. Содержимое почти каждого из этих храмов было полностью разграблено; не с целью грабежа, а разрушения. Едва ли хоть одна провинция или город спаслись. Искусство должно вечно оплакивать эту тяжелую утрату; Человечество должно сожалеть о том, что реформирование, таким образом, всегда готово вырождаться в разрушительный принцип; но невозможно очень строго осуждать дух, побудивший к жестокому, но не свирепому поступку. Эти статуи, ассоциировавшиеся с безжалостными преследованиями, которые так долго опустошали провинции, перестали быть изображениями. Они стали человеческими и полными ненависти, так что народ восстал и предал их неизбирательной резне.

Несомненно, следует сожалеть об иконоборческой ярости, поскольку такие сокровища едва ли можно обновить. Эпоха строительства и украшения великих соборов прошла. Конечно, наш собственный век, практичный и доброжелательный, хотя и менее поэтичный, должен заниматься настоящим и проецировать себя в будущее. Оно должно воздавать славу Богу скорее тем, что позволяет богатству удобрять низшие слои человечества, чем тем, что воздвигает великолепные храмы, где нищие должны преклонять колени. Одеть нагого, искупить вину преступника, накормить голодного не столько милостыней и проповедями, сколько профилактическими учреждениями и благотворным законодательством; прежде всего, путем распространения национального образования поднять расу на уровень культуры, которого едва ли достигал класс в прежние времена, - задача столь же возвышенная, как и накопление груды церковного великолепия.

Было бы утомительно подробно описывать события, которые характеризовали замечательное разрушение имиджа в Нидерландах. Поскольку Антверпен был центральным пунктом в этих сделках, и поскольку в великом соборе этого города было больше богатства и великолепия, чем в любой церкви северной Европы, необходимо вкратце описать события, которые там произошли. Благодаря его выставке в этом месте дух каждого места будет показан наилучшим образом.

Церковь Богоматери, которую Филипп так недавно превратил в кафедральный собор, датируется 1124 годом, хотя более справедливо считать ее произведением четырнадцатого века. Его коллегия каноников была основана в другой местности Годфруа Бульонским. Брабантский герой, столь романтически воплощающий религиозную поэзию своего времени, который первым взобрался на стены спасенного Иерусалима и был его первым христианским

монархом, но отказался принять золотую диадему на том месте, где Спаситель был увенчан терновым венцом; фламандец, который жил и был эпосом, который великий итальянец столетия спустя перевел в бессмертные стихи, таким образом, уместно ассоциируется с прекрасной архитектурной поэмой, которая должна была украсить владения его предков. Корпус церкви, интерьер и изящные перспективы которого не подлежали упреку, выдвинутому против многих нидерландских церквей, в том, что они уже уподобились муниципальным дворцам, которые они должны были предложить, — был завершен в четырнадцатом веке. Красивый фасад с башней был достроен только в 1518 году. Изысканный и дерзкий шпиль, гигантский стебель, на котором должен был наконец распуститься непревзойденный цветок этого архитектурного творения, был растением, выращивавшимся целое столетие. Возвышаясь почти на пятьсот футов над церковью длиной в столько же футов, он достойно олицетворял восходящую тенденцию готической архитектуры. Внешне и внутренне собор был истинным выражением христианского принципа набожности. Среди огромного скопления образов, бесконечных орнаментов, множества эпизодов, бесконечного разнообразия деталей всегда был виден центральный, материнский принцип. Все указывало вверх, от шпиля в облаках до арки, на которой была изображена самая маленькая скульптура святого в часовнях внизу. Это было святилище, не похожее на языческие храмы, вмещавшее видимое божество, но сооружение, где смертные могли поклоняться невидимому Существованию в небесных сферах.

Церковь, расположенная в центре города, вокруг ее стен извивались шумные улицы самого оживленного мегаполиса Европы, была священным островом в бурлящем майне. В вечных сумерках высокие колоннообразные стволы в густом изобилии росли из пола, усеянного призматическими огнями и могильными тенями. Каждый ствол окаменевшего леса поднимался на сверхъестественную высоту, их многочисленные ветви переплетались в пространстве наверху, образуя непроницаемый полог. Листья, цветы и плоды колоссальной роскоши, диковинные птицы, звери, грифоны и химеры в бесконечных множествах, буйная растительность и фантастическая зоология более свежего или сказочного мира, казалось, украшали и оживляли сомкнутые стволы и свисающие ветви, в то время как сокрушительные симфонии или замирающий рокот органа наводили на мысль о порывах ветра в лесу, то о полном диапазоне шторма, то о нежных интонациях вечернего бриза.

Внутренне вся церковь была неопишимо богата. Все, что могли изобрести пышная набожность и изобретательная изобретательность в дереве, бронзе, мраморе, серебре, золоте, драгоценных украшениях или сверкающей мебели для священных обрядов, было расточено с избытком. Вековые слезы покаяния покрыли весь интерьер сверкающими сталактитами. Разделенный на пять нефов, с внешними рядами часовен, но не разделенный ширмами или перегородками, великий храм образовывал внушительное целое, эффект был еще более впечатляющим, перспективы казались почти бесконечными. Богатые горожане, двадцать семь гильдий, шесть военных ассоциаций, музыкальные колледжи, помимо многих других светских или религиозных объединений, имели у каждого свои часовни и алтари. Гробницы, украшенные изображениями крестоносцев в кольчугах и благочестивых дам, покрывали пол, в воздухе висели изодранные знамена, колонны украшали гербы ордена Золотого руна, ордена, типичного для фламандской промышленности, кавалерами которого гордились императоры и короли. Огромные, красиво расписанные окна сияли сценами из Священных Писаний, старинными портретами, простыми аллегориями, написанными теми яркими и забытыми красками, о которых искусство не перестает сожалеть. Дневной свет, растворяющийся во мраке или окрашенный фантастическим блеском, священники в сияющих одеждах, поющие на

неизвестном языке, возвышенное дыхание хоровой музыки, удушающие запахи мирры и нарда, наводящие на мысль о восточных пейзажах и образах Священного Писания, - все это в совокупности сбивает с толку и возвышает чувства. Самые высокие и смиренные, казалось, находились на одном уровне в этих священных пределах, где даже запятнанный кровью преступник был в безопасности, а рука светского правосудия была парализована.

Но работа вырождения началась. Атмосфера собора больше не была святой в глазах растущего множества людей. Лучше кровавые обряды бельгийских друидов, лучше вопли убиваемых жертв из "безжалостного дикого леса" языческих предков нации, чем это фантастическое сочетание божественной музыки, ярких красок, великолепных церемоний со всеми этими сожжениями, обезглавливаниями и удушениями, которые характеризовали систему человеческих жертвоприношений за последние полвека.

Такой была церковь Нотр-Дам в Антверпене. Таким безразличным или враждебным к архитектурному сокровищу были жители города, где в прежние времена все население рисковало бы своими жизнями, защищая то, что они считали гордостью и украшением своей столицы.

Регент настойчиво просил принца Оранского присутствовать на конференции в Даффеле. Вернувшись в Антверпен, он согласился, в ответ на настоятельные просьбы сената, отложить свой отъезд до истечения 18 августа. 13-го числа того же месяца он согласовал с магистратами постановление, которое было опубликовано соответствующим образом и согласно которому проповеди были ограничены полями. Депутация купцов и других лиц обратилась к нему с просьбой разрешить исповедовать реформатскую религию в городе. Это прошение принц безапелляционно отклонил, и депутаты, а также их избиратели согласились с этим решением "из особого уважения к его персоне". Он, однако, недвусмысленно сообщил герцогине, что ему будет трудно или невозможно долго оставаться на таком посту и что за его отъездом из города, вероятно, последует вспышка болезни. Он предупредил ее, что с его стороны было очень неблагоприятно покидать Антверпен в такой конкретный момент. Тем не менее, по мнению Маргарет, встреча рыцарей Руна настоятельно требовала его присутствия в Брюсселе. В неоднократных письмах она настаивала на том, чтобы он немедленно покинул Антверпен.

18 августа состоялась великая и освященная временем церемония Оммеганг. Соответственно, великая процессия, главной целью которой было провести по городу колоссальное изображение Богородицы, вышла, как обычно, из дверей собора. Изображение, украшенное красками и лучезарное, было поднято на плечи ее почитателей, за которыми следовали гильдии, военные ассоциации, риторы, религиозные сообщества, все в сверкающих одеждах, со знаменами с гербами и торжествующе марширующие по улицам под звуки труб и барабанный бой. Это зрелище, торжественное, но шумное, было именно таким зрелищем, которое в тот момент больше всего подходило для того, чтобы раздражать протестантские умы и приводить к озорству. Сильного взрыва неприязни, однако, не произошло. За процессией последовала толпа насмешников, но они ограничились словами и оскорбительными жестами. Изображению непрерывно отдавали честь, пока ее несли по улицам, с насмешками, проклятиями и самой грубой непристойностью. "Майкен! Майкен!" (маленькой Мэри) "Пришел твой час. Это твой последний променад. Город устал от тебя". Таковы были приветствия, которые представительница Пресвятой Девы получала от мужчин, уставших от устаревшего ряженья. Время от времени в процессию, проходившую по городу, было выпущено несколько

ракет, но никакого ущерба нанесено не было. Когда изображение, наконец, вернули на свое место и представление было несколько поспешно завершено, казалось, был повод для поздравлений по поводу того, что обошлось без беспорядков.

На следующее утро перед собором собралась большая толпа. Образ, вместо того чтобы стоять в центре церкви, где во всех прежних случаях он использовался в течение недели, следующей за церемонией, для приема поздравительных визитов, теперь был позорно установлен за железной оградой на хорах. Было сочтено неблагоприятным оставлять его в кощунственных руках. Предосторожность вызвала насмешки. Множество бродяг опасной наружности, множество праздных подмастерьев и оборванных мальчишек долгое время болтались вокруг заточенного образа, подглядывая через ограду и предаваясь множеству жестоких шуток. "Майкен! Майкен! - закричали они. - Неужели ты так быстро испугался? Так рано улетел в свое гнездо? Думаешь, ты недосыпаешь для проказ? Берегись, Майкен! твой час быстро приближается!" Другие столпились вокруг балюстрады, крича "Да здравствует бог!" и хрипло приказывая изображению присоединиться к крику нищих. Затем, покинув это место, толпа празднично бродила по великолепной церкви, глумясь над идолами, проклиная великолепные украшения, глумясь над распятием и алтарем.

Вскоре один из толпы, оборванец механического вида, в изодранном черном дублете и старой соломенной шляпе, взобрался на кафедру. Открыв найденный там священный том, он начал произносить импровизированную и грубую карикатуру на монашескую проповедь. Кто-то из прохожих аплодировал, кто-то плакал от стыда, кто-то кричал "Да здравствуют нищие!", кто-то бросал в шарлатана палки и мусор, кто-то хватал его за ноги и пытался оттащить с места. Он, с другой стороны, мужественно отстаивал свои позиции, отбивая каждый снаряд, борясь с нападавшими и продолжая при этом изливать злобные и непристойные речи. Наконец молодой матрос, горячий приверженец католической веры и импульсивный, какими обычно бывают моряки, взобрался на кафедру сзади, набросился на механика и кубарем скатил его со ступенек. Падая, проповедник схватился со своим врагом, и оба покатались по земле. Ни один из них не был сильно ранен, но началась суматоха. Раздался pistolетный выстрел, и матрос был ранен в руку. Были обнажены кинжалы, размахивали дубинками, прохожие, как правило, принимали участие в нападении на моряка, в то время как те, кто защищал его, были несколько избиты, прежде чем им удалось вывести его из церкви. Однако в тот день больше ничего не произошло, и зрителям собора удалось разогнать толпу и закрыть двери на ночь.

Информация об этом беспорядке была доведена до сената, который затем собрался в Отель де Вилль. Этот орган был повергнут в состояние сильного волнения. Потеряв принца Оранского, они, казалось, потеряли собственные мозги, и первой мерой, которую они предприняли, было отправить гонца с мольбами о его возвращении. Тем временем было необходимо, чтобы они что-то сделали для себя. Было очевидно, что надвигается буря. Вредитель, который так быстро распространялся по провинциям, скоро доберется и до них. Симптомы страшного посещения были уже слишком очевидны. Какие меры предосторожности должны: они предпринять? Должны ли они издать прокламацию? Такие документы были слишком распространены в последнее время и потеряли свою силу. Пришло время не утверждать, а проявлять власть. Должны ли они созвать начальников страж и приказывать немедленно вооружить и собрать свои соответствующие роты? Должны ли они собрать капитанов военных объединений? Ничего

лучшего нельзя было и желать, чем подобные меры в случаях вторжения или обычных беспорядков, но кто может сказать, насколько глубоко яд проник в политическое тело; кто может сказать, с какой готовностью бюргерская милиция будет выполнять приказы магистрата? Было бы лучше не издавать никаких прокламаций, если бы они не могли обеспечить соблюдение их положений; было бы лучше не вызывать гражданских солдат, если только они не проявят послушания. Следует ли посылать за наемными войсками в такой поздний час? Не вызовет ли их появление в этот критический момент скорее ярость, чем запугивание дерзких сектантов? Никогда магистраты не были в большем замешательстве. Они не знали, какой курс, вероятно, окажется наиболее безопасным, и в своем стремлении не сделать ничего плохого сенаторы вообще ничего не предприняли. После долгого и тревожного совещания честный бургомистр и его товарищи разошлись по домам, по своим кроватям, надеясь, что угрожающее пламя гражданских беспорядков погаснет само по себе или, возможно, что их сны наполнят их той мудростью, которой, казалось, не было в часы бодрствования.

Утром, когда стало известно, что никаких мер предосторожности принято не было, дерзость реформаторов, естественно, возросла. В ранний час внутри собора собралась огромная толпа, чей дикий вид и оборванный вид свидетельствовали о том, что день и ночь вряд ли пройдут так же мирно, как предыдущие. Те же насмешки и проклятия были брошены в адрес образа Пресвятой Богородицы; тот же вой нищих разносился под высокими сводами. В течение нескольких часов не было совершено ни одного акта насилия, но толпа увеличилась. Несколько мелочей, появившихся, как обычно, перед началом мероприятия, казалось, указывали на приближающиеся конвульсии. Очень ничтожная пожилая женщина вызвала крушение имиджа Антверпена. В течение многих лет она привыкла сидеть перед дверью собора с восковыми свечами и облатками, зарабатывая на скудное существование прибылью от своей скудной торговли и мелкими монетами, которые иногда получала в качестве милостыни. Кое-кто из черни начал препираться с этой древней торговкой. Они насмехались над ее священными товарами; они отпускали непристойные шуточки, которыми ее снабдило общественное положение; они уверяли ее, что настал час, когда ее идолопоклонническая торговля будет прекращена навсегда, когда она и ее покровительница Мария будут вместе преданы уничтожению. Разъяренная старуха отвечала угрозой на угрозу и насмешкой на насмешку. Перейдя от слов к делу, она начала подбирать с земли все наступательные снаряды или оружие, которые могла найти, и разбрасывать вокруг себя во всех направлениях. Ее мучители защищались, как могли. Уничтожив весь ее товарный запас, они спровоцировали других выступить в ее защиту. Прохожие устремились к месту происшествия; вскоре собор был заполнен до отказа; яростная суматоха уже была в разгаре.

Многие люди в тревоге бежали в городские дома, неся информацию об этой вспышке магистратам. Джон Ван Иммерзель, маркграф Антверпена, в то время поддерживал связь с сенатом и ожидал прибытия надзирателей, которых наконец сочли целесообразным вызвать. Узнав об этом бунте, который ополчение, если бы было собрано заранее, могло бы предотвратить, сенат решил всем составом проследовать к собору в надежде усмирить толпу своим достойным присутствием. Маркграф, который был высшим должностным лицом маленькой речи посполитой, соответствующим образом прошествовал к собору в сопровождении двух бургомистров и всех сенаторов. Поначалу их авторитет, просьбы и личное влияние произвели хороший эффект. Некоторые из тех, кто находился снаружи, согласились удалиться, и суматоха внутри частично улеглась. Однако, поскольку ночь быстро приближалась,

многие из толпы настояли на том, чтобы остаться на вечернюю мессу. Им сообщили, что в эту ночь ничего не будет и что на этот раз люди, конечно, могут обойтись без вечерни.

Несколько человек теперь проявляли намерение покинуть собор, и сенаторам было предложено, чтобы, если они пойдут впереди, население последовало бы за ними и таким образом разошлось по домам. Превосходные магистраты последовали совету, возможно, не желая больше выполнять опасные, но недостойные функции полицейских. Перед уходом они приняли меры предосторожности и закрыли все двери церкви, оставив одну-единственную открытой, чтобы у оставшегося сброда была возможность уйти. Сенаторам, похоже, не приходило в голову, что одни и те же ворота могли бы с таким же удобством служить входом для тех, кто снаружи, как и выходом для тех, кто внутри. Однако это непредвиденное событие произошло. Как только магистраты удалились, толпа ворвалась в единственную дверь, которая была оставлена открытой, одолела маркграфа, который с несколькими слугами остался позади, тщетно пытаясь угрозами и увещеваниями утихомирить беспорядки, с позором изгнала его из церкви и широко распахнула все остальные двери. Затем толпа хлынула внутрь, как разъяренное море. Весь собор оказался во власти бунтовщиков, которые, очевидно, намеревались причинить вред. Смотрители и казначеи церкви, после тщетной попытки сохранить некоторые из ее самых ценных вещей, удалились. Они донесли эту весть до сенаторов, которые в сопровождении нескольких алебардчиков снова осмелились приблизиться к этому месту. Однако это длилось лишь мгновение, ибо, напуганные яростными звуками, доносившимися изнутри церкви, как будто подземные и невидимые силы готовили катастрофу, противостоять которой не могла никакая человеческая сила, магистраты поспешно скрылись с места происшествия. Опасаясь, что следующая атака будет направлена на городской дом, они поспешили сосредоточить в этом месте имеющиеся у них силы и бросили величественный собор на произвол судьбы.

И теперь, когда ночные тени сгущали вечные сумерки в церкви, началась разрушительная работа. Вместо вечерней мессы зазвучала яростная музыка псалма, выкрикиваемого тысячью разъяренных голосов. Казалось, это был заранее подготовленный сигнал к общей атаке. Банда мародеров набросилась на изображение Пресвятой Богородицы, вытащила его из хранилища, вонзила кинжалы в его неодушевленное тело, сорвала с него украшенные драгоценными камнями и расшитые одежды, разломала всю фигуру на тысячу кусков и разбросала осколки по полу. Последовал дикий крик, а затем работа, которая, казалось, была поручена сравнительно небольшому числу собравшихся, продолжилась с невероятной быстротой. Некоторые были вооружены топорами, некоторые дубинками, некоторые кувалдами; другие принесли лестницы, блоки, веревки и рычаги. Каждая статуя была выброшена из своей ниши, каждая картина сорвана со стены, каждое чудесно расписанное окно разлетелось на атомы, каждый древний памятник разлетелся вдребезги, каждое скульптурное украшение, каким бы неприступным оно ни было на вид, было сброшено на землю. Неутомимо, дерзко, наделенные, как казалось, сверхъестественной силой и проворством, эти яростные иконоборцы карабкались на головокружительные высоты, визжа и тараторя, как злобные обезьяны, триумфально срывая медленно созревавший веками плод. За удивительно короткий промежуток времени они выполнили свою задачу.

Главный алтарь украшала колоссальная и великолепная группа Спасителя, распятого между двумя разбойниками. Статуя Христа была сорвана со своего места с помощью канатов и блоков, в то время как злоумышленники, по горькой и кощунственной иронии судьбы, остались наверху,

единственные представители разрушенной мраморной массы. Хоры украшало очень красивое произведение архитектуры — "хранилище", как его называли, в котором образно хранилось тело Христа. Это вызывающее всеобщее восхищение произведение опиралось на единственную колонну, но поднималось, арка за аркой, столб за столбом, на высоту трехсот футов, пока совершенно не терялось в своде наверху. "Теперь он был разлетелся на миллион осколков". Статуи, изображения, панно, украшения, лежавшие на земле, были разбиты кувалдами, обтесаны топорами, растоптаны, разорваны и избиты в клочья. Толпа блудниц, схватив с алтарей восковые свечи, встала вокруг разрушителей и зажгла их за работой. Ничто не ускользало от их всеядной ярости. Они осквернили семьдесят часовен, взломали все сундуки с сокровищами, прикрыли свои убогие одеяния великолепными одеяниями священнослужителей, преломили священный хлеб, разлили священное вино в золотые чаши, большими глотками выпивая за здоровье нищих; сожгли все великолепные молитвенники и рукописи и намазали свою обувь священным маслом, которым были помазаны короли и прелаты. Казалось, что каждое из этих злобных существ, должно быть, было наделено силой сотни великанов. Как иначе за несколько коротких часов летней ночи отряд, численность которого, по всем данным, составляла не более сотни человек, мог совершить такое чудовищное осквернение? Зрителей, как и во всех подобных случаях, было множество, но настоящих спойлеров было очень мало.

Самый благородный и богатый храм Нидерландов был разрушен, но ярость разрушителей была возбуждена, а не унята. Схватив каждый по горящему факелу, все стадо выбежало из собора и с своим пронеслось по улицам. "Да здравствуют нищие!" - раздавалось в душном полуночном воздухе, когда ненасытная стая носилась взад и вперед, круша каждое изображение Пресвятой Девы, каждое распятие, каждую скульптуру святого, каждый католический символ, который они встречали на своем пути. Всю ночь напролет они переходили от одного священного сооружения к другому, основательно разрушая по пути. К утру они разграбили тридцать церквей внутри городских стен. Они проникали в монастыри, сжигали их бесценные библиотеки, разрушали их алтари, статуи, картины и, спустившись в подвалы, вскрывали все бочки, которые там находили, выливая единым великим потоком все древнее вино и эль, которыми эти святые мужи имели обыкновение утешать свое уединение из поколения в поколение. Они вторглись в женские монастыри, обитатели которых в панике бежали в поисках убежища в дома своих друзей и родни. Улицы были заполнены монахами и монахинями, которые бегали туда-сюда, визжа и трепеща руками, спасаясь от когтей этих дьявольских кальвинистов. Ужас был воображаемым, ибо не менее примечательной чертой в этих сделках было то, что ни мужчине, ни женщине не было нанесено ни одного оскорбления или увечья и что ни один фартинг из огромного количества уничтоженного имущества не был присвоен. Это была война не против живых, а против извращений, и чувства, побудившие к нападению, ни в малейшей степени не смешивались с жадной грабежа. Знатные граждане Антверпена, каждую минуту ожидавшие, что буря перенесется с церковных зданий на частные жилища и что за святотатством последуют грабежи, изнасилования и убийства, оставались всю ночь в ожидании нападения и были готовы защищать свои очаги, даже если алтари будут осквернены. Предосторожность была излишней. Католики утверждали, что конфедераты и другие богатые протестанты организовали эту компанию распутников за жалкие гроши в десять шиллингов в день. С другой стороны, многие считали, что католики сами спланировали все это безобразие, чтобы навлечь ненависть на реформаторов. Оба утверждения были одинаково необоснованны. Задание было выполнено

самым тщательным образом, но оно было вызвано яростным фанатизмом, а не низменными мотивами.

Еще два дня и ночи хаос беспрепятственно бушевал во всех церквях Антверпена и соседних деревнях. Едва ли хоть одна статуя или картина избежала разрушения. К счастью, прославленный художник, чьим трудам было суждено в следующем поколении обогатить и облагородить город, Рубенс, самый глубокий из колористов, самый драматичный из художников; чей буйный тропический гений, казалось, расцвел еще пышнее, как будто разрушения, причиненные жестокими руками, должны были быть компенсированы творческой энергией единого, божественного духа, еще не родился. Все имевшиеся сокровища были уничтожены полностью. Однако ярость была направлена исключительно против запасов и камней. Ни один мужчина не был ранен, ни одна женщина не пришла в ярость. Действительно, заключенные, безнадежно томившиеся в темницах, были освобождены. Монах, просидевший в тюрьме монастыря Босоногих двенадцать лет, вновь обрел свободу. Искусство было растоптано в пыль, но человечество не сожалело ни о каких жертвах.

Эти ведущие черты характеризовали движение повсюду. Процесс был одновременным и почти универсальным. Трудно сказать, где он начался и где закончился. Для всей работы хватило нескольких дней в середине августа. Количество оскверненных церквей никогда не подсчитывалось. В одной провинции Фландрия было разграблено четыреста церквей. В Лимбурге, Люксембурге и Намюре не было никаких нарушений имиджа. В Мехлине семьдесят или восемьдесят человек тщательно выполнили эту работу на глазах у большого совета и изумленной магистратуры.

В Турне, городе, отличавшемся своим церковным великолепием, реформа в течение лета продвигалась большими темпами. В то же время ненависть между двумя религиями становилась все более и более острой. Взаимную вражду подпитывали как мелочи, так и серьезные дела.

Незначительный инцидент едва не вызвал грандиозную вспышку. Иезуит, пользующийся некоторой известностью, произносил пламенную речь с кафедры Нотр-Дана. Он искренне признался в своем желании быть достаточно хорошим, чтобы умереть за всех своих слушателей. Он наглядно доказал, что ни один человек не должен уклоняться от пыток или мученичества ради поддержания древней веры. Пока он распространялся таким образом, его пылкая речь была внезапно прервана тремя резкими, внезапными ударами весьма своеобразного характера, обрушившимися на большой портал Церкви. Священник, забыв о своей любви к мученичеству, побледнел и упал под кафедру. Поспешно сбежав по ступенькам, он укрылся в ризнице, заперев дверь на засов. Прихожане разделяли его панику: "Нищие идут", - раздался общий крик. Поднялась ужасная суматоха, которая распространилась по городу, когда прихожане поспешно высыпали из собора, спасаясь от банды разъяренных кальвинистов-разрушителей. Однако, когда потрясение немного улеглось, выяснилось, что причиной всего переполоха был маленький ежик. Искушавшись в Шельде, он вернулся через церковь с парой мочевых пузырей подмышкой. Он прислонил их к двери Собора, отчасти для того, чтобы высушить, отчасти из любви к озорству. Таким образом, большой переполох, в ходе которого высказывались опасения, что Тумэй будет уволен и залит кровью, был вызван маленьким распутным мальчиком, который плавал на мочевом пузыре.

Этой комедии за несколько дней предшествовала только настоящая катастрофа. 22 августа до Турне дошла весть о том, что церкви в Антверпене, Генте и многих других местах были разграблены. В тот же вечер произошло мгновенное движение в сторону подражания этому примеру. Паскье де ла Барре, генеральному прокурору города, долгими мольбами удалось успокоить людей на ночь. Была выставлена "стража ужаса", и питались надежды, что буря может утихнуть. Ожидание оказалось напрасным. На рассвете следующего дня толпа ворвалась в церкви и разобрала их до самых стен. Картины, статуи; органы, украшения, серебряные и золотые чаши, реликварии, альбомы, ризы, ризыницы, кресты, канделябры, лампы; кадилыницы, все из богатейших материалов, сверкающие жемчугом, рубинами и другими драгоценными камнями, были разбросаны горами обломков по земле.

Когда Разрушители зарывались в древние гробницы, в одном или двух случаях они совершали акты поразительного посмертного правосудия. Забалзамированное тело герцога Адольфа Гелдресского, последнего из Эгмонтов, правившего в этой провинции, было извлечено из гробницы и опознано. Хотя оно пролежало там девяносто лет, оно было таким же нетронутым, "Благодаря превосходным специям, которые сохранили его от гниения", как и в день погребения. Брошенный на мраморный пол церкви, он пролежал несколько дней, подвергаясь проклятиям толпы. Герцог совершил преступление против своего отца, вследствие чего провинция, которой управляли туземцы, перешла под власть Карла Смелого. Устав ждать наследства старого герцога, он поднял против него открытый мятеж. Вытащив его из постели в полночь в разгар зимы, он вынудил старика, без одежды, кроме ночной, пройти босиком двадцать пять миль по льду и снегу от Граве до Бюрена, в то время как сам проделал то же самое путешествие в его компании верхом. Затем он бросил его в темницу под башней замка Бюрен и продержал взаперти шесть месяцев.

[Memoires de Philippe de Comines (Loud. et Paris, 1747), liv. iv. 194-196. В Королевской галерее Берлина находится потрясающая картина Рембрандта, на которой старый герцог изображен смотрящим из-за решетки своей темницы на своего сына, который угрожает ему с поднятой рукой и свирепым выражением лица. Невозможно представить себе предмет, более подходящий для мрачного и саркастичного гения этого художника.]

Наконец герцог Бургундский вызвал их обоих на свой совет и предложил, чтобы Адольф выделял своему отцу 6000 флоринов ежегодно с титулом герцога до его смерти. "Он сказал нам, - сказал Коминс, - что скорее бросил бы старика головой вперед в колодец, а потом прыгнул бы сам. Его отец был герцогом сорок четыре года, и ему пора было уйти на покой". Адольф, будучи таким несговорчивым, содержался в тюрьме до самой смерти Карла Смелого. Достопамятному восстанию в Генте во времена леди Марии он был обязан своей свободой. Восставшие граждане забрали его из тюрьмы и заставили возглавить набег на Турне. Под стенами этого города он был убит и похоронен под его собором. И теперь, как будто его проступок не был в достаточной степени искуплен потерей почестей его предков, пленением и смертью, земля по прошествии почти столетия выбросила его из своего лона. Там, снова под солнечным светом, среди непристойной команды более позднего поколения, которая все еще хранила память о его грехе, лежало тело более чем отцеубийцы, которого "превосходные специи" таким образом сохранили от разложения только для того, чтобы оно стало знаком презрения и демонического смеха.

Большое скопление бунтовщиков, число которых росло по мере их продвижения, захлестнуло провинцию Турне после разграбления городских церквей. Вооруженные алебардами, молотами и вилами, они день за днем вели войну против истуканов. В монастыре Маршьен, который современники считали самым красивым аббатством во всех Нидерландах, они остановились, чтобы спеть десять заповедей в стихах Маро. Едва огромный хор закончил проповедь против истуканов, как:

Тайлер не - ферасу имайге
De quelque chose que ce soit,
Сай боннер лу потерпел неудачу в хоммейге,
Bon Dieu jalousie en recoit,

когда всю толпу, казалось, охватило внезапное безумие. Не дожидаясь окончания Псалма, они устремились к компании мраморных мучеников, как будто те обладали способностью чувствовать наносимые удары. Через час они превратили все в руины.

Совершив это деяние, они направились к Анчину. Здесь, однако, они столкнулись с сеньором де ла Туром, который во главе небольшого отряда крестьян атаковал мародеров и одержал полную победу. Пятьсот или шестьсот из них были убиты, остальные утонули в реке и прилегающих болотах, остальные были рассеяны. Таким образом, было доказано, что немного больше духа со стороны упорядоченной части жителей могло бы привести к иному результату, чем всеобщее разрушение имиджа.

В Валансьене "трагедия", как называет ее очевидец, была разыграна в день Святого Варфоломея. Однако это была всего лишь трагедия статуй. Едва ли столько бессмысленных камней было принесено в жертву, сколько живых гугенотов было принесено в жертву в одном городе во время Варфоломея, который быстро приближался. Во время резни в Валансьене ни один человек не пострадал.

Таково в общих чертах и в некоторых отдельных деталях было знаменитое иконобойство Нидерландов. Это движение было внезапным взрывом народной мести против символов той Церкви, от которой реформаторы терпели такие ужасные гонения. Это было также выражением общей симпатии к доктринам, завладевшим сердцем нации. Именно развращение этого инстинкта в начале лета побудило кальвинистов и лютеран выступить вооруженными отрядами численностью в двадцать тысяч человек, чтобы поклониться Богу в открытом поле. Разница между этими двумя явлениями заключалась в том, что проповедь на местах была преступлением, совершенным всей массой реформаторов; мужчинам, женщинам и детям грозила смертная казнь по общему решению, в то время как разрушение имиджа было деянием небольшой части населения. Ста человек, принадлежащих к низшим слоям общества, было достаточно для осквернения церквей Антверпена. По словам Оранжа, это сделала "всего лишь горстка сброда". Сэр Ричард Клаф видел, как десять или двенадцать человек разоряли церковь за церковью, в то время как десять тысяч зрителей смотрели на это безразлично или в ужасе. Банды иконоборцев носили самый низкий характер и были немногочисленны. Возможно, самым крупным скоплением было то, что разорило провинцию Турне, но оно было настолько слабым, что было полностью разгромлено небольшим и решительным отрядом. Обязанность репрессий легла как на католиков, так и на протестантов. Ни одна из сторон не пошевелилась. Все, казалось, были охвачены особым изумлением, когда буря пронеслась над землей.

Служители реформатской религии и лидеры либеральной партии осудили разрушение имиджа. Фрэнсис Юниус горько сожалел о таких эксцессах. Амброз Уилл, непричастный к преступлению, выступил в Турне перед десятью тысячами сторонников Реформации — даже когда в соседних городах бушевала буря, и когда многие голоса вокруг него хрипло призывали к подобным злодеяниям, чтобы осудить безобразия, которыми было опозорено святое дело. Принц Оранский в своих частных письмах выражал сожаление по поводу беспорядков и клеймил виновных. Даже Бредероде, будучи сюзереном своего города Виан, приказал тихо вынести тамошние изображения из церквей, охарактеризовал это народное восстание как бессмысленное и подлое. Многие из ведущих союзников не только были оскорблены происходящим, но и в своем стремлении наказать иконоборцев и выйти из союза, от которого они устали, начали принимать суровые меры против министров и реформаторов, которых они провозгласили в апреле особыми защитниками.

Следующей примечательной чертой этих беспорядков было почти полное воздержание бунтовщиков от личных оскорблений и грабежей. По этому поводу примечательно свидетельство очень ожесточенного, но честного католика из Валансьена. "Некоторые хронисты, - сказал он, - сильно ошиблись в характере этого разрушения образа. Говорили, что кальвинисты убили сотню священников в этом городе, разрезав некоторых из них на куски, а других сожгли на медленном огне. Я очень хорошо помню все, что произошло в тот ужасный день, и могу подтвердить, что ни один священник не пострадал. Гугеноты позаботились о том, чтобы никоим образом не повредить живые изображения". Так было везде. Католические и протестантские авторы сходятся во мнении, что против мужчины или женщины не было совершено никаких актов насилия.

Также было бы очень легко собрать огромное количество свидетельств того, что они воздерживались от грабежей. Они разрушали ради разрушения, а не с целью грабежа.

Хотя они принадлежали к низшим слоям общества, они оставили без внимания груды украшений, золотых и серебряных тарелок, дорогого шитья на земле. Они инстинктивно чувствовали, что великая страсть будет осквернена примесью ничтожных мотивов. Во Фландрии компания бунтовщиков повесила одного из своих за кражу предметов стоимостью в пять шиллингов. В Валансьене иконоборцам предложили большие суммы, если они воздержатся от осквернения церквей этого города, но они с презрением отвергли это предложение. Честный бюргер-католик, зафиксировавший этот факт, заметил, что он сделал это из-за множества искажений по этому вопросу, а не потому, что хотел польстить ереси и мятежу.

В Турне в этом вопросе соблюдалась величайшая щепетильность. Пол собора был усыпан "жемчугом и драгоценными камнями, чашами и реликвариями из серебра и золота"; но служители реформатской религии вместе с магистратами прибыли на место и без труда, хотя и были совершенно бессильны предотвратить шторм, спокойно завладели обломками. "У нас было все ценное, - говорит генеральный прокурор Де ла Барр, - тщательно описанное, взвешенное, запечатое в сундуках и помещенное под строгую охрану в тюрьму Галле, от которой один комплект ключей был выдан министрам, а другой - магистратам". Кто осмелится в очень суровых выражениях осудить это опустошение запасов и камней в стране, где инквизицией было убито так много живых мужчин и женщин, представляющих большую ценность, чем

многие статуи, и где "Кровавый трибунал" Альвы так скоро затмил даже это ужасное учреждение по количеству жертв и объему конфискации?

Однако на какое-то время беспорядкам было суждено стать самыми катастрофическими для партии реформаторов. Это послужило благовидным предлогом для многих вялых сторонников их дела прекратить всякую связь с ним. Эгмонт назвал это дело в высшей степени возмутительным и занялся наказанием преступников во Фландрии. Регентша была вне себя от негодования и ужаса. Филипп, услышав эту новость, впал в пароксизм безумия. "Это дорого им обойдется!" - кричал он, в ярости дергая себя за бороду. "Это дорого им обойдется! Клянусь в этом душой моего отца!" Таким образом, реформация в Нидерландах из-за ярости этих фанатиков, по-видимому, была вынуждена покинуть возвышенность, на которой она стояла в начале лета. Величественное зрелище многочисленных полевых проповедей было омрачено эксцессами разрушения образов. Религиозная война, прежде неминуемая, стала неизбежной.

Тем не менее, первым результатом беспорядков стало временное преимущество реформаторов. Из-за опасений герцогини-регентши, которая, несомненно, оказалась в ужасном положении, была вынуждена пойти на большую уступку. В ее поведении не было героизма, хотя ей можно было простить трепет. Однако в этих тяжелых обстоятельствах ее предательство было менее простительным. В три часа утра 22 августа Оранж, Эгмонт, Хорн, Хугатраатен, Мансфельд и другие были вызваны во дворец. Они нашли ее уже снаряженной для бегства, окруженной фрейлинами, камергерами и лакеями, в то время как мулы и наемные экипажи стояли запряженные во дворе, а ее телохранители были готовы вскочить на коней по первому требованию. Она объявила о своем намерении немедленно отступить в Монс, в этом городе, благодаря заботам Эршота, она надеялась найти убежище от ярости восстания, охватившего тогда страну. Ее тревога почти не поддавалась контролю. Она была уверена, что буря готова разразиться над Брюсселем и что каждый католик будет убит на ее глазах. Аремберг, Берлаймон и Нуаркарм были с герцогиней, когда прибыли другие сеньоры.

Части отряда герцога Эршотского было приказано сопровождать предполагаемый рейс до Монса. Оранж, Хорн, Эгмонт и Хогстраатен умоляли ее отказаться от своего рокового решения. Они заявили, что такое отступление перед толпой было бы само по себе средством разрушения страны. Они осудили всех лиц, разработавших этот план, как врагов его Величества и ее самой. Они заявили о своей готовности умереть у ее ног, защищая ее, но умоляли ее не покидать свой пост в час опасности. Пока они так взволнованно спорили, в зал вошел Виль. Со слезами на глазах Маргарет повернулась к престарелому президенту, осыпая его яростными упреками и жалобными причитаниями. Виглий принес известие, что горожане овладели воротами и полны решимости не допустить ее отъезда из города. Он напомнил ей, в соответствии с неперменной практикой всех мудрых советчиков, что он постоянно предсказывал этот результат. Однако ему не удалось ни утешить ее, ни предложить какое-либо средство. По правде говоря, он был в такой же сильной панике, как и она сама, и, согласно заявлению герцогини, главным образом для того, чтобы спасти президента от грозящей опасности, она в конце концов решила пойти на уступки. "Виль, - писала Маргарита Филиппу, - так сильно боится быть разорванным на куски, что его робость стала невероятной". После горячего заверения графа Хорна, что он позволит ей бежать из города, если это станет необходимым, или погибнет при попытке, - обещания, в котором его поддержали остальные сеньоры, - она согласилась остаться на день в своем дворце. Мансфельд был назначен генерал-капитаном города; Эгмонт, Хорн, Оранж и остальные согласились служить под его командованием, и все вместе спустились в городской дом. Были

созваны мировые судьи, созвано общее собрание граждан, и было объявлено о назначении Мансфельда вместе с искренним призывом ко всем честным людям поддержать правительство. В ответ на призыв раздались крики единодушного одобрения, восторженное обещание жить или умереть вместе с регентом и выражение решимости не допускать ни проповеди реформатов, ни разрушения их имиджа в городе.

Тем не менее в семь часов вечера герцогиня снова послала за сеньорами. Она сообщила им, что получила свежую и достоверную информацию, что церкви должны быть разграблены этой же ночью; что Виль, Берлаймон и Аремберг должны быть убиты, а она и Эгмонт должны быть взяты в плен. Она много раз повторяла, что поступила опрометчиво, выражала горькое сожаление по поводу того, что отложила свой побег из города, и призывала тех, кто препятствовал ее плану, теперь выполнить свои обещания. Яростно повернувшись к графу Хорну, она обрушила град упреков на его участие в сделке. "Вы - причина, - сказала она, - того, что я сейчас в таком положении. Почему бы тебе не выполнить свое обещание и не позволить мне немедленно покинуть это место. Хорн ответил, что готов сделать это, если она решит больше не оставаться. Он в любой момент прорвется сквозь охрану у ворот Кауденберга и выведет ее в целости и сохранности или погибнет в этой попытке. В то же время он заверил ее, что не верит пустым слухам, ходящим по городу, напомнил ей, что знать, магистраты и горожане едины в ее защите, и вкратце привел те же аргументы, которые раньше использовались, чтобы успокоить ее тревогу. Дворянам снова удалось претворить в жизнь свои советы, герцогиня была избавлена от позора и катастрофы отступления перед восстанием, которое было направлено только против статуй, а церковные сокровища Брюсселя были спасены от святотатства.

25 августа произошел кульминационный акт того, что реформаторы считали своим самым полным триумфом, а регентша - своим глубочайшим унижением. В связи с тревожным аспектом ситуации было сочтено необходимым предоставить новой религии свободу вероисповедания в тех местах, где она уже была установлена. Соответственно, были составлены статьи соглашения на этот счет, которыми правительство и Льюис Нассауский обменялись при участии пятнадцати других представителей конфедерации. Они подписали соответствующее обязательство, что до тех пор, пока регентша будет верна своему обещанию, они будут считать их ранее существовавший союз аннулированным и будут сердечно помогать во всех усилиях по поддержанию спокойствия и поддержке авторитета его Величества. Затем герцогиня должным образом подписала важное Соглашение. В нем говорилось, что инквизиция упразднена, что его Величество вскоре издаст новый общий указ, прямо и недвусмысленно защищающий дворян от всех пагубных последствий прошлых деяний, что они должны быть приняты на королевскую службу и что публичная проповедь в соответствии с формами новой религии должна практиковаться в местах, где она уже имела место. Всенаты всех городов были немедленно разосланы общие письма, в которых провозглашались эти статьи соглашения и предписывалось их исполнение. Таким образом, на краткий миг по всем Нидерландам прокатилась волна радости. Считалось, что инквизиция навсегда упразднена, наступила эпоха религиозной реформации.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Все осудили нарушение имиджа

Стремясь не сделать ничего плохого, сенаторы вообще ничего не сделали

К утру они разграбили тридцать церквей

Фанатизм, который был преобладающей чертой той эпохи,
Обогащал поколение за поколением глубоким раскаянием
Пятьдесят тысяч человек в провинциях (казнены)
Яростный фанатизм
Лютеранские князья Германии, ненавидевшие женевские доктрины
Монастыри, сжигавшие свои бесценные библиотеки
Никаких качеств, кроме рождения и смелости, которые могли бы рекомендовать его
Собор Парижской Богоматери в Антверпене
Лица, обсуждавшие религиозные вопросы, подлежали смертной казни
Преждевременное рвение наносило ущерб делу
Получил отпущение грехов и расчистил путь на небеса
Воздвигая великолепные храмы, где нищие должны преклонять колени
Раскол, который существовал во всеобщей Реформатской церкви
Шторм, в результате которого все эти сокровища были уничтожены (за 7 дней)
Самый благородный и богатый храм Нидерландов был разрушен
Тиранический дух кальвинизма
Не помогло бы сжечь пятьдесят или шестьдесят тысяч нидерландцев

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЕТЕХТ ГОЛЛАНДСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 1555-1566, Завершено:

Шутка, называемая добровольными взносами или благотворительностью
Страна, лишенная по природе своих прав
Отпущение грехов за кровосмешение обходилось в тридцать шесть ливров
Достигли величия, для которого не были рождены
Преклонный возраст уменьшил его склонность к другим плотским удовольствиям
Стремясь дискредитировать их
Все офисы были проданы по самой высокой цене
Все заявили о нарушении имиджа
Все его ученики и обращенные должны быть наказаны смертью
Любое чтение Священных Писаний (запрещено)
Спор между Лютером и Эразмом о предопределении
Наследственное папство, бессрочный папа-император
Вдохновляющий и восхитительный отдых (аутодафе)
Объявил о своем приближающемся браке с Девой Марией
Ежегодная жатва беззакония, за счет которой увеличивались его доходы
Стремясь не делать ничего плохого, сенаторы вообще ничего не делали
Арестован по подозрению, подвергнут пыткам до признания
Готов, как паписты, с возрастом, педикюром и отлучением от церкви
Покушение на авторитет папы римского
Попытка плавать в двух водах
Батавский легион был императорской личной охраной
Обращать нидерландцев в христианство
К утру они разграбили тридцать церквей
Фанатизм, который был преобладающей чертой эпохи
Епископ - посвященный пират
Смелый реформатор имел только новую догму вместо старых

Братья, родители и дети, имеющие общих жен
Сожженных заживо, если они возражали против пресуществления
Сожженных, задушенных, обезглавленных или похороненных заживо (100 000)
Карл Пятый, автократ половины мира
Приговаривающий всех еретиков к смерти
Предать огню всех пленных, каких бы то ни было (Папское письмо)
Мужество отчаяния воспламенило французов
Ремесло означает, попросту говоря, силу
Преступник, вина которого была установлена каленым железом
Преступники, покупающие Рай за деньги
Крестовые походы значительно улучшили положение крепостных
Указы о сожжении, удушении и погребении заживо
Демократические инстинкты древних германских дикарей
Отрицают полезность молитв за умерших
Деспот по рождению и склонностям (Карл V.)
Разница между вольностями и свободой
Спор между Лютером и Цвингли относительно реального присутствия
Лицемерие и отсрочка
Божественное право
Пил воду, в которой ему приходилось умываться,
Терпеть все лишения, кроме голода
английских пуритан
Огромное богатство (Церкви), породившее ненависть,
Обогащало поколение за поколением богатым покаянием
Эразм поощряет смелого монаха
Эразм Роттердамский
Даже за изнасилование Божьей матери, если бы это было возможно
Взволнован появлением жемчужины истинной философии
Казни Гуса и Иеронима Пражских
Басня о божественном праве придумана, чтобы санкционировать систему
Феликс Манц, анабаптист, утонул в Цюрихе
Немногие, даже прелаты, были очень послушны папе
Фикция апостольской власти связывать и освобождать
Пятьдесят тысяч человек в провинциях (преданы смерти)
Рыбаки и сплавщики по реке становятся искателями приключений в океане
Что касается меня, то я недостойн этой чести (мученичества)
Чтобы женщины оплакивали, чтобы мужчины помнили
Запрещает все частные собрания для поклонения
Сила канцелярская — власть клерков
Яростный фанатизм
Доблестный и злополучный Ламорал Эгмонт
Галлия высмеивала римских солдат, называя их бандой пигмеев
Герман обнаруживает, что он трезв — он считает себя больным
Правит под видом подчинения
Великая наука политического равновесия
Великая привилегия, Великая хартия вольностей Голландии

Гарантии прощения за все мыслимые грехи
Хабеас корпус
Безмятежные дни запретов, книг и свечей
Он знал людей, особенно знал их слабости
Он делал все возможное, чтобы подружиться со всем миром
Ересь рано зародилась в Нидерландах
Его воображение, возможно, помогло его памяти в решении этой задачи
История показывает, насколько непрочны барьеры из бумаги
Голландия, Англия и Америка - все это звенья одной цепи
Я бы принес дрова, чтобы сжечь вместе с ними моего собственного сына
В Голландии духовенство не имело ни влияния, ни мест
Информатор, в случае вынесения обвинительного приговора, должен иметь право на
половину
Инквизиция Нидерландов гораздо более безжалостна
Инквизиция не была подходящим предметом для компромисса
Внушение подозрений, когда невозможно представить доказательства
Изобрел такие христианские формулы, как эти (проклятие)
Придумываю длинные речи для исторических персонажей
1 июля в Брюсселе были сожжены два монаха-августинца
Царя Сиона забывают до смерти раскаленными щипцами
Трудился в невыгодных условиях, поскольку никогда не существовал
Учись так же мало трепетать перед искусством жречества, как и перед искусством владения
мечом
Давай дурачить этих бедных созданий, сколько душе угодно
Лицензии, выданные короной на ввоз рабов в Америку
Мелкие обиды иногда разгорались сильнее, чем огромные
Длинная череда столь многих прославленных и безвестных
Взгляни сквозь облако притворства
Лютеранские князья Германии, ненавидевшие женевские доктрины
Их заставляли раскачиваться взад-вперед на медленном огне
Поддержание позиции оскорбленного, но всепрощающего христианина
У человека были только естественные проступки (без естественных прав)
Многие жадные священники низшего ранга превратились в лавочников
Монастыри сожгли свои бесценные библиотеки
Больше привыкший поступать хорошо, чем хорошо говорить
Никто не может свидетельствовать, кроме домохозяина
Никакая клевета не была слишком бессмысленной, чтобы ее изобрести
Нет закона, кроме закона о самом длинном кошельке
Никаких качеств, кроме рождения и смелости, которые могли бы рекомендовать его
Не из того теста, из которого делают мучеников (Эразм)
Собор Парижской Богоматери в Антверпене
Нигде преследование еретиков не было более безжалостным
Упрямые, обоюбого пола, которых нужно сжечь
В демократии часто бывает много тирании
Одно золотое зернышко остроумия в листе бесконечной банальности
Оратор, однако, был в восторге от собственного выступления

Другие идут в бой, говорит историк, эти идут на войну
Панегиристы королевских домов в шестнадцатом веке
Помилование за убийство, если не с помощью яда, обходилось дешевле
Помилование за преступления, которые уже были совершены или вот-вот будут совершены
Оплачивают свой проезд в чистилище
Постоянно роняют мелкие намеки, как камешки
Лица, обсуждавшие религиозные вопросы, подлежали смертной казни
Мелочная страсть к ничтожным деталям
Филипп, который не часто говорил много в нескольких словах
Насадил инквизицию в Нидерландах
Отравление, например, разрешалось за одиннадцать дукатов
Папа и император придерживаются обеих позиций с одинаковой логикой
Умение читать и писать помогло духовенству разбогатеть
Преждевременное усердие нанесло ущерб делу
Промедление всегда было его первым прибежищем
Обещания, которые, как он знал, обязательны только для слабых
Получил отпущение грехов и расчистил путь на небеса
Опрометчивость, чередующаяся с колебаниями
Готовность в любой момент нанести удар и пролить кровь за ее дело
Воздвигая великолепные храмы, где нищие должны преклонять колени
Раскаявшиеся женщины будут похоронены заживо
Раскаявшихся мужчин следует казнить мечом
Отменяемые льготы или междоусобицы
Разорительные почести
Продажа отпущений грехов была источником больших состояний для священников
То же заклинание над невежественным бароном и трусливой задницей
Эшафот был единственным убежищем от дыбы
Раскол, который существовал во всеобщей Реформатской церкви
Глумление над церемониями и таинствами Церкви
Публичное сожжение было заменено тайным утоплением
Ужесточено наказание за чтение Священных Писаний в частном порядке
Рабство было как добровольным, так и принудительным
Крестоносец был свободен по возвращении
Сонеты Петрарки
Суверенитет был рожден небесами, помазанником Божьим
Купол Святого Петра возвышался немного ближе к облакам
Святому Варфоломею предстояло проспать еще семь лет
Шторм, в результате которого все эти сокровища были уничтожены (за 7 дней)
Танчелин
Налогообложение за грех
Десять тысяч двести двадцать человек были сожжены
Это мерзкое и вредное животное по имени люди
Самый благородный и богатый храм Нидерландов был разрушен
Галл был на редкость нецеломудрен
Оживляющее впоследствии становится растворяющим началом
Плохой герцог Бургундии Филипп по прозвищу "Добрый",

Яйцо снес Эразм, а вылупился Лютер
Эти человеческие жертвы, закованные в цепи и сгорающие на костре
Наконец-то они сожгли заживо еще одного проповедника
Тысячи сожженных еретиков не обратили ни одного
Таким образом, Hand-wegren, метание руками, стало Антверпеном
Считать его способным на ошибку - самая дьявольская ересь из всех
Предпочитать бедность богатству, сопутствующему торговле
Администрация Торквемады (инквизиции)
Спокойствие деспотизма перед буйством свободы
Двое свидетелей отправили его на костер, один свидетель - на дыбу
Тиранический дух кальвинизма
Понимал искусство управления людьми, особенно своим начальством
В один прекрасный день были уволены двадцать восемь мастеров-поваров
Сельские жители или деревенщины
Мы верим, что наши матери были честными женщинами
Когда у настоятеля в кармане оказываются кости, в игру вступает монастырь
Вильгельм Нассауский, принц Оранский
Разумнее было бы просто удовлетворить себя
Не помогло бы сожжение пятидесяти или шестидесяти тысяч нидерландцев

MOTLEY'S HISTORY OF THE NETHERLANDS, PG EDITION, 1566-1574, Завершает
РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ , 1855

ТОМ 2, книга 1., 1566 1566 [ГЛАВА VIII.]

Тайная политика правительства—Берген и Монтиньи в Испании— Дебаты в Сеговии—
Переписка герцогини с Филиппом— Проволочки и лицемерие короля—Секретное сообщение
Папе Римскому—Влияние на провинции писем короля правительству—Секретные инструкции
герцогине—Унылые заявления Маргарет—Ее искажения относительно Оранского, Эгмонта и
других—Гнев и двуличие Филиппа—Усилия Эгмонта во Фландрии—Оранский возвращается в
Антверпен—Его терпимый дух—Соглашение от 2 сентября—Хорн в Турне —Раскопки в соборе—
Почти всеобщее присутствие на проповеди— Началось строительство храмов —Трудное
положение Хорна—Проповедь в Суконном цехе, — вспоминал Хорн,—Нуарармес в Турне—
Дружеская переписка Маргарет с Оранским, Эгмонтом, Хорном и Хоогстраатеном —Ее тайная
клевета на этих людей.

Эгмонт во Фландрии, Оранж в Антверпене, Горн в Турне, Хоогстраатен в Мехлине прилагали все
усилия, чтобы подавить восстание и предотвратить разорение. Какова же, между тем, была
политика правительства? Тайный курс, проводимый как в Брюсселе, так и в Мадриде, можно
свести к обычной формуле — лицемерие, проволочки и еще раз лицемерие.

На данном этапе необходимо сделать краткий обзор открытых и тайных действий короля и его
представителей с того момента, как Берген и Монтиньи прибыли в Мадрид. Эти злополучные
джентльмены были приняты с видимым радушием и допущены к частым, но ничего не

значащим беседам с его Величеством. Течение, по которому они плыли, было глубоким и коварным, но оно было ровным и очень медленным. Они заверили короля, что его письма, предписывающие строгое исполнение инквизиции и эдиктов, породили все зло, от которого страдали провинции. Они сказали ему, что испанцы и их приспешники пытались управлять страной, исключая коренных граждан и зная, но что вскоре выяснится, что на нидерландцев нельзя наступать, как на жалких жителей Милана, Неаполя и Сицилии. Подобные слова непривычно прозвучали для королевского уха, но посланники, которые были католиками и верноподданными, понятия не имели, что, выражая таким образом свое мнение, согласно чувству долга и повинаясь желанию короля, о причинах недовольства, они совершают акт государственной измены.

Когда весть о публичной проповеди достигла Испании, в роцце Сеговии почти ежедневно проводились консультации. Выдающимися личностями, входившими в состав королевского совета, были герцог Альва, граф де Ферия, дон Антонио де Толедо, дон Хуан Манрике де Лара, Руй Гомес, Кихада, советник Тиснак, недавно назначенный президентом Государственного совета, и советник Хоппер. Шестеро испанцев и двое нидерландцев, один из которых к тому же человек с тупым интеллектом и совершенно раблепным характером, заниматься местными делами Нидерландов в период сильного волнения! Инструкции посланников заключались в том, чтобы указать на необходимость согласования трех важных пунктов — отмены инквизиции, смягчения эдиктов в соответствии с проектом, подготовленным в Брюсселе, и полного прощения за прошлые деяния. По всем этим предложениям было много споров. Филипп говорил мало, но он внимательно слушал длинные выступления на совете и сделал невероятное количество заметок. По общему мнению, это последнее требование со стороны нидерландцев было четвертым звеном в цепи государственной измены. Первым был заговор, в результате которого Гранвель был изгнан; вторым - миссия Эгмонта, главной целью которой было добиться изменения состава государственного совета, чтобы поставить этот орган под контроль нескольких надменных и мятежных дворян; третьим было предъявление дерзкого и мятежного запроса; и вот, в довершение всего, поступило предложение, включавшее три пункта— отмену инквизиции, отмену эдиктов и помилование преступников, для которых смерть была единственным достаточным наказанием. .

Что касается этих трех пунктов, то после долгих споров было решено удовлетворить их с определенными ограничениями. Упразднить инквизицию означало бы устранить единственный инструмент, с помощью которого Церковь привыкла регулировать совесть и доктрины своих подданных. Это было бы равносильно уступке религиозной свободе, по крайней мере, отдельным лицам в пределах их собственного места жительства, и никакая уступка не могла бы быть более пагубной, чем эта. Тем не менее, было бы целесообразно разрешить временное прекращение папской инквизиции теперь, когда епископальная инквизиция была так сильно расширена и укреплена в Нидерландах, при условии, что эта ветвь института должна поддерживаться в энергичном состоянии. Что касается Умеренности, то было сочтено, что лучше отложить этот вопрос до предполагаемого визита его Величества в провинции. Однако, если регент сочтет абсолютно необходимым внести изменения, она должна распорядиться о составлении нового проекта, поскольку тот, который был отправлен ранее, был признан неприемлемым. Что касается общего порядка помилования, то необходимо было бы выдвинуть множество условий и ограничений, прежде чем оно могло быть предоставлено. При условии, что они были достаточно подробными, чтобы исключить всех лиц, которых можно было бы

счесть желательными наказать, амнистия была возможна. В противном случае об этом не могло быть и речи.

Тем временем Маргарита Пармская убеждала своего брата принять решение, рисуя смутное состояние страны в самых ярких красках и настаивая, хотя и прекрасно понимая личные чувства Филиппа, на благоприятном решении по трем пунктам, которых требовали послы. Особенно она настаивала на своей неспособности сопротивляться любому восстанию и требовала помощи людей и денег на случай, если его Величество не примет "Умеренность".

Это был последний день июля, когда король вообще написал, чтобы сообщить о своих решениях в связи с кризисом, который произошел в первую неделю апреля. Расстройство, от которого он, наконец, приготовил рецепт, еще до того, как пришло его письмо, уже прошло свои последующие стадии полевой проповеди и разрушения имиджа. Конечно, эти свежие симптомы потребовали бы длительных консультаций, размышлений и записей, прежде чем с ними можно было бы справиться. В то же время считалось бы, что они еще не проявились. Это было мастерское промедление государя, когда его провинции были охвачены пламенем.

Его мастерское притворство было использовано в направлении, предложенном его советниками. Филипп никогда не выдвигал ни одной мысли и не разрабатывал плана, но он всегда был верен лживости своей натуры и неумолимо следовал советам других. Нельзя совершить большей ошибки, чем приписать талант этому трудолюбивому и педантичному монарху. Интеллект этого человека был достоин презрения, но злобность и двуличие, почти сверхчеловеческие, эффективно вывели его характер из области обыденности. Соответственно, он написал, что помилование при определенных условиях может быть даровано и что папская инквизиция может прекратиться — епископы сейчас присутствуют в таком количестве, "чтобы заботиться о своих стадах", и, следовательно, епископальная инквизиция учреждена на такой надежной основе. Он добавил, что если смягчение указов все еще желательно, то в Мадрид может быть направлен новый проект, поскольку тот, который представили Берген и Монтиньи, не был удовлетворительным. Составляя этот замечательный план по усмирению беспорядков в стране, выросших из решительного восстания против инквизиции в любой форме, он не только последовал совету, но и в точности перенял формулировки своих советников.

Конечно, это не слишком воодушевило патристические сердца в Нидерландах. Помилование, настолько ограниченное, что, вероятно, никто не был прощен, кроме тех, кто не сделал ничего дурного; епископальная инквизиция, побужденная к возобновлению усилий на том основании, что папские чиновники должны быть уволены; и обещание, что, хотя предлагаемое смягчение эдиктов кажется слишком мягким для принятия монархом, все же в какой-то будущий период созреет другой проект урегулирования вопроса ко всеобщему удовлетворению — таковы были предложения короны. Тем не менее Филипп считал, что зашел слишком далеко, даже оказывая такое скудное милосердие, и что он был слишком откровенен, прибегнув к столь тонкому обману, как в набросанном таким образом плане. Поэтому он вызвал нотариуса, перед которым в присутствии герцога Альвы, лицензиата Менчаки и доктора Веласко заявил, что, хотя он только что уполномочил Маргариту Пармскую, в силу обстоятельств, помиловать всех тех, кто был скомпрометирован в ходе недавних беспорядков в Нидерландах, однако, поскольку он не сделал этого спонтанно или добровольно, он не считает себя связанным этим разрешением, но, напротив, он оставляет за собой право наказать всех виновных, и особенно тех, кто был инициаторами и подстрекателями мятежа.

Вот и все о помиловании, обещанном в его официальной переписке.

Что касается уступок, на которые, как он предполагал, он сам пошел в вопросе инквизиции и эдиктов, он спас свою совесть другим способом. Отменив правой рукой все, что делала его левая, он не успел отправить свои письма герцогине-регентше, как отправил другое своему посланнику в Риме. В этом послании он поручил Рекезенсу проинформировать папу о недавних королевских решениях по этим трем пунктам и заявить, что у него не было времени заранее проконсультироваться с его Святейшеством. Тем не менее, продолжал Филипп "благоразумный", возможно, так было лучше, поскольку отмена не могла иметь силы, если бы папа, которым был учрежден этот институт, не согласился на его приостановление. Этот вопрос, однако, должен был храниться в глубокой тайне. Вот и все, что касается дела инквизиции. Папский институт, несмотря на официальные письма, должен был существовать, если только папа не решит его уничтожить; и его Святейшество, как мы видели, несколькими неделями ранее отправил архиепископа Сорренто в Брюссель с целью согласования секретных мер по укреплению "Святой канцелярии" в провинциях.

Что касается предлагаемого смягчения эдиктов, Филипп сообщил Пию Пятому через Рекезенса, что проект, присланный герцогиней, одобрен не был, были переданы распоряжения о разработке нового проекта, в котором все статьи, предусматривающие суровое наказание еретиков, должны быть сохранены, в то время как изменения, которые должны быть согласованы государственным и тайным советами, а также рыцарями Руна, должны быть приняты — конечно, ни в каком смысле милосердия. Напротив, король заверил его Святейшество, что, если новые статьи хоть в малейшей степени в мире смягчат суровость наказания, они ни в коем случае не получат королевского одобрения. Филипп также умолял папу "не шокироваться" в связи с предлагаемым помилованием, поскольку оно ни в коем случае не будет распространяться на лиц, совершивших преступления против религии. Все это должно было храниться в строжайшем секрете. Король добавил, что скорее, чем допустит малейший ущерб древней религии, он пожертвовал бы всеми своими состояниями и потерял бы сотню жизней, если бы у него было так много; ибо он никогда не согласился бы быть повелителем еретиков. Он сказал, что устроит беспорядки в Нидерландах, по возможности, без насилия, потому что насильственные меры приведут к полному разрушению страны. Тем не менее, они должны быть применены, если его цель не может быть достигнута никаким другим способом. В этом случае король сам был бы исполнителем своего собственного замысла, не допуская, чтобы опасность, которой он подвергся, ни разорение провинций, ни разрушение других его владений помешали ему сделать все, что обязан делать христианский государь, поддерживать католическую религию и авторитет Святого Престола, а также засвидетельствовать свое личное уважение к правящему понтифику, которого он так сильно любил и почитал.

Здесь говорилось прямо. Здесь были отчетливо предсказаны все грядущие ужасы. Здесь была сказана правда единственному существу, с которым Филип когда-либо был искренен. Однако даже в этом случае он позволил себе ложь, которая не ввела в заблуждение его Святейшество. У Филиппа не было намерения лично ехать в Нидерланды, и папа знал, что у него его нет. "Я нутром чую, - скорбно сказал Гранвель, - что никто в Риме не верит в поездку его Величества в провинцию". Однако с этого времени король начал обещать этот визит, который преподносился как панацея от всех болезней и служил оправданием для постоянных задержек.

Вполне можно предположить, что если бы тайная политика Филиппа была досконально понята в Нидерландах, вспышка произошла бы раньше. Однако, получив публичные депеши из Мадрида, администрация в Брюсселе приложила немало усилий, чтобы представить их содержание как в высшей степени удовлетворительное. Папская инквизиция должна была быть упразднена, помилование должно было быть даровано, новая мера пресечения должна была быть установлена на какой-то неопределенный период; чего еще хотели бы люди? И все же, не видя лица карт, люди заподозрили настоящую правду, и Оранж был убежден в этом. Виль писал, что если король не нанесет намеченный визит в ближайшее время, он приедет слишком поздно, и что с каждой неделей промедление наносит больше вреда, чем можно исправить месяцами труда и, возможно, потоками крови. В чем конкретно заключался процесс, посредством которого Филипп должен был вылечить все болезни одним своим присутствием, президент не объяснил.

Что же касается мер, предложенных королем после столь долгой задержки, то они, конечно, были хуже, чем бесполезны, поскольку события развивались, пока он размышлял. Предложенный курс, по словам Виглиуса, был всего лишь "пластырем для раны, но тормозной цепью для колеса". Он настаивал на том, что созыв генеральных штатов был единственным средством от опасностей, в которые была вовлечена страна, если только король не прибудет лично. Однако он выразил надежду, что путем общих консультаций будут выработаны какие-то средства, с помощью которых государственным делам будет придан если не хороший, то, по крайней мере, менее отчаянный аспект, "чтобы содружество, если оно должно пасть, могло, по крайней мере, упасть на лапы, как кошка, и сломать себе ноги, а не шею".

Несмотря на этот весьма образный взгляд на предмет; и несмотря на настойчивые заявления герцогини Маргарет своему брату о том, что вся знать и народ кричат о необходимости созыва генеральных штатов, Филипп был верен своему чутью в этом, как и в других вопросах. Он очень хорошо знал, что генеральные штаты Нидерландов и испанский деспотизм - несовместимые идеи, и с бесконечным отвращением относился к идее создания ассамблеи. В то же время небольшой полезный обман не повредит. Поэтому он написал герцогине, что полон решимости никогда не допускать созыва генеральных штатов. Он запретил ей соглашаться на этот шаг ни при каких обстоятельствах, но приказал ей хранить его запрет в строжайшем секрете. По его словам, он хотел, чтобы люди думали, что созыв был запрещен только на данный момент и что герцогиня ожидала получить необходимое разрешение в другое время. Он ясно заявил, что желает, чтобы народ не отчаивался получить ассамблею, но он был полон решимости никогда не соглашаться на этот шаг, поскольку очень хорошо знал, что подразумевается под заседанием Генеральных штатов. Конечно, после столь бесхитростного, но тайного заявления ученицы Макиавелли Маргарет вполне могла счесть аргументы, которые впоследствии будут использованы ею и другими в пользу горячо желаемой меры, совершенно излишними.

Такова была тайная политика Филиппа; еще до того, как он услышал о поразительных событиях, которые впоследствии обрушились на него. Он поддержал бы инквизицию и эдикты; он истребил бы еретиков, даже если бы ради этого дела потерял все свои владения и собственную жизнь; он никогда не услышал бы о том, чтобы национальные представители объединились. Каковы же тогда были бы его эмоции, когда бы ему рассказали о двадцати тысячах вооруженных еретиков, собравшихся в одном месте и пятнадцати тысячах в другом, почти в каждом городе каждой провинции, чтобы совершать свои богохульные обряды; когда бы ему рассказали о вихре, который смел с лица земли все церковные накопления веков; когда бы он прочел полные

отчаяния письма Маргарет, в которых она признавала, что наконец-то совершила поступок, недостойный Бога, своего короля и ее самой, разрешив свободу вероисповедания отступникам от древней церкви !

Отчет, приведенный герцогиней, на самом деле был очень мрачным. Она сказала, что горе поглотило ее душу, и румянец залил ее щеки, когда она рассказывала о недавних сделках. Она призвала Бога в свидетели, что долго сопротивлялась, что провела много бессонных ночей, что была измучена лихорадкой и горем. После этого покаянного вступления она призналась, что, будучи пленницей и почти осажденной в своем дворце, больная душой и телом, она пообещала союзникам прощение и безопасность, а также свободу проводить собрания еретиков в местах, где эта практика уже распространилась. Эти уступки были признаны действительными до тех пор, пока король с согласия генеральных штатов не решит этот вопрос окончательно. Однако она заявила, что дала свое согласие на эти два требования не от королевского имени, а от своего собственного. Король не был связан ее обещанием, и она выразила надежду, что он не обратит внимания ни на какие подобные обязательства. Далее она умоляла своего брата выступить как можно скорее, чтобы отомстить за оскорбления, нанесенные древней церкви, добавляя, что, если ее лишат этого утешения, она должна немедленно покинуть эту жизнь. Только эта надежда могла предотвратить ее смерть.

Это, безусловно, были сильные выражения. Она также была предельно откровенна в своих описаниях влияния, которым пользовались определенные персонажи, чтобы воспрепятствовать осуществлению какой-либо власти с ее стороны. "А потому, - сказала Маргарет, - я терзаю свое сердце и никогда не обрету покоя до прибытия вашего Величества".

Не было никаких сомнений в том, кто были эти личности, которые, как утверждалось, таким образом держали герцогиню в рабстве и вынудили ее пойти на эти позорные уступки. В своих тайных итальянских письмах она снабдила короля набором самых экстравагантных и неправдоподобных выдумок, предоставленных ей в основном Нуаркармесом и Мансфельдом, относительно курса, которого придерживались в этот важный кризис Оранж, Эгмонт, Хорн и Хогстраатен. Все они, по ее словам, выступили против Бога и религии.—Хорн, по крайней мере, был за то, чтобы убить всех священников и монахов в стране, если требования еретиков не будут полностью удовлетворены. Эгмонт открыто выступил в защиту нищих и набирал войска в Германии. Оранский имел твердое намерение стать хозяином всей страны и разделить ее между другими сеньорами и самим собой. Принц сказал, что, если она найдет убежище в Монсе, как она предлагала, они немедленно созовут генеральные штаты и примут все необходимые меры. Эгмонт придерживался того же мнения, заявив, что выступит во главе сорока тысяч человек, чтобы осадить ее в этом городе. Все эти сеньоры, однако, заявили о своей решимости предотвратить ее бегство, собрать представителей сословий и силой потащить ее перед собранием, чтобы заставить ее согласиться на все меры, которые могли быть сочтены целесообразными. При всех этих обстоятельствах она была вынуждена отложить свое отступление и пойти на уступки, которые повергли ее в позор.

С помощью такой позорной клеветы, полностью опровергнутой каждым фактом в деле и не подкрепленной ни единым доказательством, за исключением слухов о таком человеке, как Нуаркармес, эта "женщина, вскормленная в Риме, которой никто не мог доверять", копала могилы мужчинам, которые делали все возможное, чтобы служить ей.

Гнев Филипа, впервые услышавшего о взломе имиджа, был очевиден. Когда пришло это известие, он был болен перемежающейся лихорадкой в лесу Сеговии, и вполне можно предположить, что его гнев по поводу происходящего вряд ли облегчил его болезнь. Тем не менее, после первого взрыва негодования он нашел облегчение в своем обычном обмане. Медленно вынашивая самую страшную месть, которую помазанный монарх когда-либо сознательно обрушивал на свой народ, он написал, что "его намерением было обращаться со своими вассалами и подданными в провинциях как с добрым и милосердным принцем, не разорять их и не обращать в рабство, но проявлять всю человечность, мягкость и изящество, избегая всякой жестокости". Таковы были общепризнанные намерения государя по отношению к своему народу в тот момент, когда ужасный Альва, которому предстояло стать олицетворением всей этой "человечности, мягкости и изящества", уже начинал подготовку к своему знаменитому вторжению в Нидерланды.

Суть соглашения, заключенного 23 августа между конфедератами и регентом, заключалась в том, что проповедь реформированной религии должна допускаться в местах, где она была установлена ранее к этой дате. На этом основании Эгмонту, Горну, Оранжу, Хогстраатену и другим было приказано еще раз попытаться умиротворить различные провинции.

Эгмонт отбыл к своему правительству во Фландрии, и с этого момента исчезли все его претензии, которые в лучшем случае были достаточно слабыми, чтобы соответствовать характеру национального вождя. В течение всего года его курс менялся. Он испытал на себе влияние оранжевого; у него были великодушные инстинкты; у него было много тщеславия; у него была гордость высокого положения, которая нелегко переносила господство чужаков в стране, которой, как он считал, он и его компаньоны по праву рождения имели право править. Однако в этот момент, особенно в компании Нуаркарма, Берлаймона и Виль, он выразил, несмотря на их клеветнические искажения, глубочайшее отвращение к еретикам. Он был ревностным католиком и считал разрушение имиджа непростительным преступлением. "Рано или поздно мы должны взяться за оружие, - сказал он, - чтобы образумить этих реформаторов, иначе они в конце концов установят для нас закон". С другой стороны, его гнев часто смягчался серьезными, но любезными увещеваниями Оранжевых. В течение части лета реформаторы были настолько сильны во Фландрии, что за один день шестьдесят тысяч вооруженных людей были собраны на различных полевых проповедях в этой провинции. "Все, что им было нужно, - это Жакмар или Филипп ван Артевельде, - говорит современник-католик, - но они не посмели бы выступить под знаменем пивовара, посмеявшегося поднять глаза на вождя, на самого прославленного воина своего времени". Без сомнения, если бы Эгмонт когда-нибудь прислушался к этим чаяниям, он мог бы выступить против правительства с непобедимой силой, захватить столицу, заключить в тюрьму регента и овладеть всей страной, которая была совершенно беззащитна, прежде чем Филипп успел бы написать более десяти депеш на эту тему.

Этим надеждам реформаторов, если их вообще можно было назвать надеждами, теперь было суждено потерпеть самое горькое разочарование. Эгмонт вступил во Фландрию не как вождь повстанцев, не как мудрый умиротворитель, а как беспринципный сторонник правительства, готовый без промедления отомстить всем подозрительным лицам, которые попадутся ему на пути. Он приказал казнить многочисленных нарушителей имиджа и других еретиков. Вся провинция была в состоянии тревоги, ибо, хотя регент и не снабдил его сильным отрядом войск, все же имя победителя при Сен-Кантене и Гравелине стоило многих полков. Его суровость была

чрезмерной. Его кровавым усилиям умело помогал также его секретарь Баккерзил, человек, имевший наибольшее влияние на своего шефа, и который теперь яростно искупал вину за подписание Компромисса, преследуя тех, для защиты кого была создана эта лига. "Среди всех затруднений герцогини-регентши, - говорит валлонский историк, - эта добродетельная принцесса находила утешение в подвигах Баккерзееля, дворянина на службе у графа Эгмонта. Однажды он единовременно повесил двадцать еретиков, включая священника".

Подобные достижения, совершенные руками или по приказу выдающегося генерала, которого самым нелепым образом выставляли возможным защитником гражданских и религиозных свобод в стране, произвели глубокую сенсацию. Фландрия и Артуа были заполнены женами и детьми тысяч подозреваемых, которые бежали из страны, спасаясь от гнева Эгмонта. Крики и жалобные причитания этих несчастных существ были слышны со всех сторон. Графа Людовика искренне умоляли заступиться за преследуемых реформаторов. "Ты, столь благородно одаренный Небом, ты, у кого на лице написаны добрая воля и исключительная щедрость, - сказал Утенхове Людовику, - в силах спасти этих бедных жертв от глотки хищных волков". Граф откликнулся на этот призыв и постарался смягчить суровость Эгмонта, не произведя, однако, никакого заметного эффекта. Фландрия вскоре была умиротворена, и этой важной провинции не было позволено воспользоваться преимуществами соглашения, которое было вымощено у герцогини. Проповеди были запрещены, а служители и конгрегации арестованы и подвергнуты наказанию даже в тех местах, где этот обычай был установлен до 23 августа. Конечно, такие энергичные усилия как со стороны хозяина, так и со стороны слуги не отдавали изменой Филиппу и вряд ли указывали на окончательную гибель Эгмонта и Баккерзиля.

Курс "Оранжа" в Антверпене соответствовал всей его карьере. Он честно пришел, чтобы добиться умиротворения, но он знал, что этой цели можно достичь, только преданно соблюдая Соглашение, которое было подписано между конфедератами и регентом. Он вернулся в город 26 августа и обнаружил, что порядок частично восстановлен. Когда бюргеры, наконец, окончательно встревожились, а ярость разрушителей имиджа полностью утихла, восстановить спокойствие было сравнительно легко. Спокойствие, однако, восстановилось само собой, и когда штиль сменился бурей, безмятежные головы бургомистров еще раз показались из волн.

Трое нарушителей имиджа, которых взяли с поличным, были повешены по приказу магистратов 28 августа. Присутствие Оранжа придало им смелости совершить эти казни, которые он не мог предотвратить, поскольку пятая статья Соглашения предписывала наказание бунтовщиков. Магистраты решили, что "наказание" по этому случаю должно быть образцовым, и не во власти Оранжа было вмешиваться в работу обычного правительства города, действующего в соответствии с его законами. Однако это был не его поступок, и он поспешил, чтобы избежать необходимости дальнейшего насилия, подготовить статьи соглашения на основе уступок Маргарет. Публичная проповедь, согласно реформатской религии, уже имела место в городе. 22-го числа во владение были взяты по меньшей мере три церкви. Сенат поручил пенсионарию Везенбеку обсудить это с министрами, поскольку магистраты в тот момент не могли командовать. Таффин, валлонский проповедник, оказался сговорчивым и согласился отложить свои упражнения. Кроме того, он сопровождал пенсионария в собор, чтобы убедить Германа Модета в том, что и для него было бы лучше отложить намеченное служение. Они нашли этого красноречивого энтузиаста уже в великой церкви, сгоравшего от нетерпения взойти на руины и совершенно неспособного устоять перед искушением спеть фламандский псалом и произнести фламандскую проповедь в стенах, которые на протяжении стольких веков были слышны только

римскому языку и римскому ритуалу. Все, на что он согласился в ответ на мольбы своего коллеги и магистрата, - это на то, чтобы его проповедь была короткой. В этом, однако, он переоценил свои способности удерживать внимание, поскольку проповедь не только получилась длинной, но и он прочитал еще одну во второй половине того же дня. Таким образом, город Антверпен явно подпадал под действие седьмого пункта договора от 24 августа, поскольку проповедь в кафедральном соборе состоялась до подписания этого Соглашения.

Таким образом, 2 сентября, после долгих бесед с главами реформатской религии, принц составил шестнадцать статей соглашения между ними, магистратами и правительством, которые были должным образом подписаны и обменены. Они были задуманы в истинном духе государственной мудрости, и если бы правители страны поднялись до умственных высот Уильяма де Нассау, если бы Филипп был способен постичь такой ум, принц, который единственный обладал властью в те смутные времена управлять волей всех людей, позволил бы монарху передать эту прекрасную группу провинций, не потеряв ни единой драгоценности, наследникам своей короны.

Если принц играл в какую-то игру, он играл в нее честно. Зародить мысль о религиозной терпимости в эпоху всеобщего догматизма; трудиться над созданием взаимного уважения среди конфликтующих мнений в период, когда многие раскольники были такими же фанатичными, как ортодоксы, и когда большинство реформаторов яростно провозглашали не свободу для каждой христианской доктрины, а только новое вероучение вместо всех остальных, — допустить возможность нескольких дорог на небеса, когда фанатики всех вероисповеданий закрыли бы все пути, кроме своих собственных; если бы такие чувства и цели были грехами, их бы плохо обменяли на лучшие добродетели мира. возраст. И все же, без сомнения, это было его вопиющим преступлением по мнению многих современников. Теперь он становился отступником от древней Церкви, но он долгое время думал, что императоры, короли и папы слишком много заботились о душах людей в прошлые времена и преждевременно отправили слишком многих из них на расправу. Он был в равной степени не в состоянии предоставить все полномочия для той же цели кальвинистам, лютеранам или анабаптистам. "Он порицал строгость наших теологов, - сказал современник-католик, собрав все религиозные обиды принца в одном абзаце, - за то, что они строго соблюдают устав Церкви, ни в чем не уступая своим противникам; он обвинял кальвинистов как мятежных и неуправляемых людей, но, тем не менее, испытывал ужас перед императорскими эдиктами, которые приговаривали их к смерти; он говорил, что жестоко лишать человека жизни за то, что он придерживался ошибочного мнения; короче говоря, он воображал в своем воображении разновидность религии, наполовину католической, наполовину Реформированной, чтобы удовлетворить всех людей; система, которая была бы принята, если бы он добился своего". Эта картина, нарисованная одним из его самых блестящих и злейших врагов, вызывает наше восхищение, хотя и призвана вызвать отвращение.

Обнародованные таким образом статьи соглашения в Антверпене отнесли три церкви к различным сектам реформаторов, оговорили, что католики или протестанты не должны предпринимать попыток помешать религиозному богослужению друг друга, и при условии, что ни взаимные насмешки в их проповедях, ни пение уличных баллад вместе с неподобающими намеками и открытыми актами враждебности не должны нарушать доброе общение, которое

должно царить между братьями и согражданами, даже если они придерживаются различных мнений относительно религиозных обрядов и доктрин, в будущем.

Это было основой, на которой Вильгельм Оранский заключил очень краткий религиозный мир, нарушенный почти сразу же после установления, не только в Антверпене, но и в Утрехте, Амстердаме и других главных городах своего правительств. Однако принц, несмотря на свои неустанные усилия, питал слабые надежды на мирный исход. Он чувствовал, что последний шаг, сделанный Реформацией, был над пропастью. Ему не нравился такой быстрый прогресс. Он знал, что король никогда не простит нарушения имиджа. Он чувствовал, что никогда не признает Соглашение от 24 августа. Сэр Томас Грэшем, который, как представитель протестантской королевы Англии в великой торговой столице Европы, был полностью осведомлен о том, какой оборот принимают дела, уже консультировал какое-то другое место для продажи английских товаров. Он уведомил свое правительство, что торговля в Антверпене не будет обеспечена "в те суматошные времена". Он был в доверительных отношениях с принцем, который пригласил его отобедать 4 сентября и заставил пенсионария Везенбека, который также присутствовал, зачитать вслух соглашение, которое в тот день должно было быть провозглашено в городском доме. Однако Оранский высказался с большим сомнением относительно будущих перспектив провинций и вероятного характера короля. "Во всех своих разговорах, - говорит Грэшем, - принц говорил мне: "Я знаю, что это ничем не остановит короля!"

В то время как Эгмонт был, таким образом, занят во Фландрии, а Оранский - в Антверпене, граф Горн делал все возможное в важном городе Турне. Адмирал не был особенно одарен ни умом, ни способностью управлять людьми, но он отправился туда с честной целью проследить за исполнением Соглашения, намереваясь, если это окажется практически осуществимым, скорее оказать поддержку правительству, чем реформаторам. В то же время, чтобы удовлетворить приверженцев "религии" и продемонстрировать свое искреннее стремление к умиротворению, он согласился на жилье, которое было приготовлено для него в доме городского торговца-кальвиниста, вместо того, чтобы поселиться у свирепого старого губернатора Мулбе в цитадели. Это сильно оскорбило католиков и вдохновило реформаторов на то, что они смогут проповедовать в городе. На эту привилегию они имели право, поскольку подобная практика там уже была установлена до 24 октября. Тем не менее, поначалу он был склонен ограничить их, в соответствии с пожеланиями герцогини, внешкольными упражнениями.

По прибытии, по несколько зловещему стечению обстоятельств, он ужинал с некоторыми видными гражданами в зале "геенны", или комнаты пыток, - определенно не то место, которое могло вызвать здоровый аппетит. В следующее воскресенье его угостили большим банкетом, на котором присутствовали все знатные горожане, устроенным в доме на рыночной площади. Торжества были прерваны ссорой, которая произошла в соборе. Предание гласило, что под сводами этого здания было спрятано огромное сокровище, и каноники, как известно, хвастались, что этого зарытого богатства будет достаточно, чтобы восстановить их храм более великолепно, чем когда-либо, в случае его полного разрушения. Соответственно, адмирал сразу же по прибытии выставил сильную охрану в церкви и начал очень обширные раскопки в поисках этой воображаемой шахты. Регентша сообщила своему брату, что граф ведет эту работу с целью присвоения всего, что может быть найдено, в своих интересах. Поскольку она знала, что он разорившийся человек, казалось, не было более удовлетворительного способа

объяснить эти действия. Хорн, однако, прямо заявил ей, что каждый пенни, который поступит в его распоряжение из этого или любого другого источника, будет тщательно возвращен законным владельцам. Так и не было найдено ничего существенного, что оправдывало бы золотые легенды о монахах, но тем временем ростовщики нанесли им большое оскорбление. Каноники, естественно, встревоженные сохранностью своего сказочного сокровища, вынудили охрану тайком получить подпись от некоего городского чиновника. Завязалась ссора, которая закончилась появлением этого персонажа вместе с командующим вооруженными силами, стоявшими на страже в соборе, перед банкетной компанией. Граф в свойственной ему грубой манере сделал виновнику серьезный выговор за его вмешательство и пригрозил, в случае повторения проступка, немедленно связать его, заткнуть рот кляпом и препроводить в Брюссель для дальнейшего наказания. Дело, таким образом, было удовлетворительно улажено, банкет продолжился, все присутствующие купцы были в восторге от того, что увидели упомянутого чиновника, который был чрезвычайно непопулярен, "так хорошо облапошенного графом". Раскопки продолжались некоторое время, пока не возникла угроза разрушения фундамента церкви, но было обнаружено лишь несколько монет и несколько других предметов небольшой ценности.

Хорн снял свои апартаменты в городе, чтобы быть под рукой для подавления любых беспорядков и вселить уверенность в людей. Он приехал в город, где пять шестых жителей исповедовали реформатскую религию, и поэтому он не считал разумным пытаться насильственно подавить их богослужение. По прибытии он издал прокламацию, в которой приказывал, чтобы все имущество, которое могло быть похищено из религиозных домов, было немедленно возвращено магистрату под страхом наказания в виде того, что все, кто ослушается приказа, "будут немедленно задушены на виселице". Однако ничего не вернули по той простой причине, что ничего не было украдено. Следовательно, душить было некого.

Следующим шагом было обнародование Соглашения от 24 августа и выражение намерения адмирала обеспечить его соблюдение. Проповеди посещались с таким же энтузиазмом, как и всегда, в то время как буря, бушевавшая среди изображений, тем временем полностью улеглась. Пятнадцатитысячные прихожане все еще собирались послушать Эмброуза Уилла в пригороде, но вели себя очень спокойно. Между адмиралом и руководителями реформированных консисторий была достигнута договоренность о том, что три места, которые должны быть выбраны Хорном, будут отведены для их богослужений. В этих местах, которые находились за пределами стен, реформаторам было дано разрешение строить молитвенные дома. На это герцогиня официально дала свое согласие.

Член городского совета Николас Таффин от имени реформаторов выступил перед магистратами с "смелой и элегантной речью", заявив, что, поскольку, по самым скромным подсчетам, три четверти населения были инакомыслящими, поскольку регент распорядился построить новые храмы и поскольку католики сохранили за собой все церкви в городе, было не более чем справедливо, чтобы община несла расходы на строительство новых зданий. Однако последовал возмущенный ответ, что нельзя ожидать, что католики будут платить за поддержание ереси, особенно когда они только что были так сильно выведены из себя разрушающим имидж советником Таффином, который ничего не взял, поэтому своей "смелой и элегантной речью" сэкономил небольшой голос в размере сорока ливров.

Однако строительство было начато немедленно. Многие дворяне и богатые горожане внесли свой вклад в эту работу; некоторые делали пожертвования деньгами; другие давали большое количество дубов, тополей, вязов и других древесных пород для использования в строительстве. Сразу же был заложен фундамент первого храма за пределами Порт-де-Коккерель. Огромные кучи разбитых изображений и других украшений оскверненных церквей были самым неблагоприятным образом использованы для этой цели, и католики пришли в крайнюю ярость, увидев этих святых мужского и женского пола, которые на протяжении веков занимали такие "почетные и возвышенные положения", павших так низко, что стали краеугольными камнями храмов, строители которых объявляли все эти святыни идолами.

Когда осень пошла на убыль, люди стали настойчиво просить разрешения проводить свои проповеди в городе. Новые здания не могли быть закончены до зимы, но тем временем лагерные собрания в условиях быстро приближающегося сезона штормов становились очень неудобным способом богослужения. С другой стороны, герцогиня пришла в ярость от этого предложения и приказала Хорну ни в коем случае не соглашаться на то, чтобы внутренние районы Турне были осквернены этими еретическими обрядами. Тщетно адмирал отстаивал справедливость иска, поскольку эти учения проводились в нескольких городских церквях до Соглашения от 24 августа.

Это соглашение было заключено герцогиней только для того, чтобы быть нарушенным. Она уже получила деньги и разрешение на взимание поборов и быстро перешла на тон, сильно отличающийся от того униженного поведения, которое было характерно для нее в августе. Графа Хорна использовали точно так же, как использовали Эгмонта, Оранжа и Хогстраатена, чтобы обратить во внимание их личное влияние на реформаторов. Инструменты и выполненная с их помощью работа должны были быть выброшены при самом удобном случае.

Адмирал оказался в самом невыносимом положении. Честный, заурядный, угрюмый человек, он приехал в город, полный еретиков, чтобы добиться уступок, только что сделанных правительством в борьбе с ересью. Вскоре он обнаружил, что администрация в Брюсселе следит за ним, подшучивает над ним и подозревает его. Губернатор Мулбе в цитадели, который номинально находился в его подчинении, отказался подчиняться его приказам, очевидно, получал секретные инструкции от регента и был полон решимости заставить город сдаться артиллерийским огнем в самое ближайшее время. Хорн потребовал, чтобы он поклялся, что никакие свежие войска не войдут в замок. Мулбе поклялся, что не даст такого обещания ни одной живой душе. Адмирал бушевал со своей обычной яростью, выражал сожаление по поводу того, что у его брата Монтиньи был такой плохой лейтенант в цитадели, но не мог произвести никакого впечатления на решительного ветерана, который лучше Хорна знал, какая игра готовилась. В замок ежедневно прибывали небольшие подкрепления; солдаты гарнизона, как слышали, хвастались, "что скоро они будут разделывать и есть мясо горожан у себя на одежде", и весь положительный эффект от заявления адмирала по прибытии полностью исчез.

Хорн горько жаловался на ситуацию, в которую он попал. Он знал, что его самого постоянно клеветают на ложные сведения как в Брюсселе, так и в Мадриде. В критический момент он делал все возможное, чтобы служить правительству, не нарушая взятых на себя обязательств, но он заявил, что не является ни теологом, ни юристом и неспособен, находясь под подозрением и без посторонней помощи, выполнить задачу, которую самые образованные врачи совета сочли бы невыполнимой. Он с горечью воскликнул, что предпочел бы выдержать осаду любой

крепости турками, чем оказаться в таком положении. Он делал все, на что был способен, но что бы он ни делал, это было неправильно. По его словам, есть большая разница между пребыванием в определенном месте и разговором об этом на расстоянии.

В середине октября герцогиня отозвала его, чьи письма были настолько двусмысленны, что он признался, что совершенно не в состоянии разгадать их смысл. Прежде чем покинуть город, он совершил свое самое непростительное преступление. По настоянию лидеров реформатских конгрегаций разрешить им проводить богослужения в Зале Суконщиков до завершения строительства их храмов, граф дал свое согласие временно и при условии отзыва регентом, которому было немедленно сообщено об этой договоренности.

Хорн удалился, и реформаторы мгновенно завладели залом. Он был найден в очень грязном и беспорядочном состоянии, заставленный скамейками, эшафотами, кольями, виселицами и всем оборудованием, используемым для публичных казней на рыночной площади. Огромная толпа мужчин с готовностью принялась за работу: скребли, убирали, белили и убирали весь грязный хлам из зала, хором распевая при этом гимны Клемана Маро. К обеду место было готово. Кафедру и скамейки для прихожан заменили бревнами для виселицы. Трудно понять, что такая работа, как эта, была смертельным преступлением. Тем не менее Хорн, который сам был искренним католиком, совершил самое тяжкое из всех своих преступлений против Филиппа и против Бога, одобрив столь гнусную сделку.

Адмирал отправился в Брюссель. Секретарь де ла Торре, весьма второсортная личность, был направлен в Турне для передачи приказов регента. Губернатор Мулбе, теперь ведавший делами как гражданскими, так и военными, должен был подготовить все необходимое для гарнизона, который вскоре должен был быть отправлен под командованием Нуарармеса. Теперь герцогиня держала в руках оружие, и ее речь была дерзкой. Ла Торре посоветовал реформаторам быть мудрыми, "пока жезл был еще зеленым и рос, чтобы его не забрали себе за спины; ибо подданным не подобало заключать сделки со своим королем". Вряд ли был использован какой-либо достойный предлог для нарушения Соглашения от 24 августа, как только правительство стало достаточно сильным, чтобы нарушить его. Всегда говорилось, что проповеди, подавленные ранее, не были установлены таким образом; но на самом деле проповеди распространились почти повсюду и теперь были повсеместно отменены. Использовалась также нелепая оговорка о том, что в проповеди не включались другие религиозные учения, тогда как было печально известно, что они никогда не были разделены. Однако это безвозмездная задача - разгадать обманы тирании, когда она едва ли снисходит до маскировки. Лицемерия, которые сопротивлялись влиянию столетий, более достойны серьезного изучения, и эпоха предлагает нам их в достаточном количестве.

В конце года город Турне был полностью покорен, а реформатская религия подавлена. 2 января 1567 года сеньор де Нуаркарм прибыл к воротам во главе одиннадцати рот с приказом герцогини Маргариты усилить гарнизон и разоружить горожан. Он дал магистратам ровно полтора часа на то, чтобы решить, подчинятся ли они безропотно. Он выразил намерение сохранить Соглашение от 24 августа; нелепое притворство в сложившихся обстоятельствах, как показало это событие. Были вызваны знатные люди, представление согласовано, и вустановленный срок магистраты предстали перед Нуаркармесом с безоговорочным принятием его условий. Этот свирепый человек сказал им в ответ, что они поступили мудро, ибо, если бы они задержали прием гарнизона еще на минуту, он немедленно сжег бы город дотла и предал

мечу всех жителей до единого. Он был полностью уполномочен сделать это, и последующие события не в одном ужасном случае показали, насколько Нуарармес был способен осуществить эту угрозу.

Солдаты, совершавшие форсированный марш всю ночь и пребывавшие в твердой уверенности, что город откажется от выдвинутых условий, были чрезвычайно разочарованы тем, что им пришлось отказаться от разграбления, на которое они рассчитывали. Восемьсот или девятьсот негодяев-крестьян, следовавших за полками, каждый из которых был снабжен большим пустым мешком, который они рассчитывали наполнить добычей, которую они могли бы купить у солдат или украсть посреди ожидаемой резни и грабежа, также разделяли недовольство солдат, которые теперь с позором изгнали их из города.

Граждане были немедленно разоружены. Все прекрасное оружие, которое они были вынуждены приобрести за свой счет, когда магистраты выстроили его под восемью знаменами для защиты города от беспорядков и вторжения, было у них отобрано; самые красивые сабли, карабины, кинжалы и пистолеты были разделены Нуарармесом между его офицерами. Таким образом, Турне был усыплен.

В течение всего этого процесса во Фландрии, а также в Антверпене, Турне и Мехлине поведение герцогини было отмечено большим, чем обычно, вероломством. Она отрицала действия, которые люди, на которых она полагалась в своей крайней нужде, совершали под ее руководством; она притворялась, что восхваляет их поведение, в то время как тайно искажала их действия и клеветала на их мотивы, и она напрягала все нервы, чтобы набирать иностранные войска, пытаясь позабавить союзников и сектантов притворным милосердием.

Когда Оранж пожаловался, что она осуждала его действия в Антверпене и придерживалась выражений, неблагоприятных для его репутации, она возразила, что полностью одобряет его действия — за исключением только двух пунктов очных проповедей и разрешения еретикам заниматься другими упражнениями, помимо проповедей, — и что, если она им недовольна, он может быть уверен, что она скорее скажет ему об этом, чем будет плохо отзываться о нем за его спиной. Принц, который был вынужден необходимостью и полностью уполномочен условиями "Соглашения" согласиться с этими двумя пунктами, которые были жизненно важными в его договоренностях, очень спокойно ответил, что он не настолько легкомыслен, чтобы поверить в то, что она использовала язык для его дискредитации, если бы он не был вполне уверен в этом факте, как он вскоре докажет на основании доказательств. Оранж был не из тех, кого можно было обмануть ни относительно положения, в котором он находился, ни относительно характера тех, с кем он имел дело. Маргарет, однако, написала в том же духе о нем Хогстматену, подтвердив, что ничто не могло быть дальше от ее намерения, чем охарактеризовать действия "ее кузена, принца Оранского, как противоречащие службе его Величеству; зная, как и она, насколько постоянной была его привязанность и насколько усердны его действия во имя Бога и короля".

Она также отправила советника д'Ассонлевиля со специальной миссией к принцу, поручив этому приятному персонажу сообщить ее упомянутому кузену из Оранжа, что он был и всегда был "любим и лелеян его Величеством, и что лично она всегда любила его как брата или ребенка".

Она написала Хорну, в основном одобряя его поведение, хотя и в туманных выражениях, и выражая большую уверенность в его рвении, лояльности и добрых намерениях. Такую же похвалу она воздавала Хогстраатену, в то время как в отношении Эгмонта постоянно упрекала его за подозрения, которые он, казалось, упрямо питал относительно ее расположения и Филиппа в отношении его поведения и характера.

Уже частично было видно, каковы были ее личные чувства и тайные представления относительно карьеры выдающихся личностей, которых таким образом поощряли и восхваляли. Ее картины были написаны в ежедневно темнеющих тонах. Она рассказала своему брату, что Оранский, Эгмонт и Горн собираются встать во главе конфедератов, которые должны были взяться за оружие и набирать войска; что лютеранская религия должна быть насильственно установлена, что вся власть правительства должна быть передана триумвирату, созданному таким образом этими сеньорами, и что Филипп на самом деле должен быть полностью исключен из тех провинций, которые были его древним наследием. Всю эту информацию она получила от Мансфельда, над которым дворяне постоянно насмехались, как над верным камердинером, который никогда не получит своего жалованья.

Она также сообщила королю, что план раздела страны уже разработан: Август Саксонский получит Фрисландию и Овериссель; граф Бредероде - Голландию; герцоги Клевский и Лотарингский - Гелдре; король Франции - Фландрию, Артуа и Эно, на территориях которых Эгмонт должен был стать бессменным штатгальтером; принц Оранский - Брабант; и так до бесконечности. Оранский, Горн и Эгмонт устроили всеобщую резню всех католиков, которая должна была начаться, как только король ступит на борт корабля, чтобы прибыть в страну. Об этом последнем примечательном факте Маргарет сообщила Филиппу, опираясь на авторитетный источник в Нуаркарме.

Она извинилась за то, что воспользовалась услугами этих дворян по необходимости. Их действия во Фландрии, в Антверпене, Турне, Мехлине были в высшей степени предосудительными, и она была вынуждена опровергнуть их в самых важных деталях. Что касается Эгмонта, то она весьма неохотно вверила ему войска с целью подавления фламандских сектантов. Она боялась показать недостаток доверия к его характеру, но в то же время верила, что все солдаты, подчиняющиеся приказам Эгмонта, будут очень большими врагами короля. Несмотря на его заверения в верности древней религии и его Величеству, она опасалась, что он замешан в каком-то великом заговоре против Бога и короля. Когда мы вспоминаем, с какой безжалостностью несчастный граф на самом деле выступал против сектантов, и какие кровавые доказательства своей верности "Богу и королю" он приводил, кажется почти невероятным, что Маргарет могла записать все эти чудовищные утверждения.

Более того, герцогиня неоднократно предупреждала своего брата о том, что дворяне имеют обыкновение завладевать всей перепиской между Мадридом и Брюсселем и что они тратят огромные деньги на то, чтобы прочесть самые личные письма ее самой и Филиппа. Поэтому она предупредила его, чтобы он был настороже, поскольку, по ее мнению, почти все их депеши были прочитаны. Учитывая обстоятельства дела и содержание этих документов, как мы видели, ее жалобы на недоверие этих сеньоров к ее искренним протестам кажутся совершенно замечательными.

ГЛАВА IX., часть 1., 1566 г.

Позиция Оранского—Интервью в Дендермонде—Предполагаемые письма Алавы—Взгляды Эгмонта—Изоляция Оранского—Поведение Эгмонта и Рога—Конфедерация распущенной знати—Слабое поведение выдающихся личностей—Бдительность Оранского—Требование созыва Генеральных штатов—Памфлет Оранского—Город Валансьен отказывается от гарнизона—Влияние Ла Гранжа и Де Брей—Город, объявленный на осадном положении—Окруженный нуармейцами—Движения за освобождение города—Кальвинисты потерпели поражение при Ланнуа и у Ватерлотса—Ликование правительства—Ужесточение осады—Жестокости, применяемые к сельскому населению—Мужество жителей—Протест рыцарям Руна—Поведение Бредероде—Оранского в Амстердаме—Новая присяга, требуемая правительством—Оранский отказывается—Он предлагает сложить с себя все должности—Митинг в Бреде—Новая "Просьба" Бредероде—Он создает беспорядки и набирает войска в Антверпене—Поведение Хоогстраатен—Планы Бредероде—Предполагаемое попустительство Оранского—Тревога в Брюсселе—Толуза в Остравель—Бредероде в Голландии—Де Бовуар побеждает Толуза—Волнения в Антверпене—Решительное поведение Оранских—Трехдневные беспорядки в Антверпене подавлены мудростью и мужеством Оранских.

Необходимо упомянуть о некоторых важных событиях, произошедших одновременно с теми, что описаны в предыдущей главе, чтобы читатель мог досконально понять позицию ведущих персонажей этой великой драмы в конце 1566 года.

Принц Оранский, как мы видели, добросовестно прилагал все свои силы для умиротворения торговой столицы на основе, заранее согласованной герцогиней. Он установил временный религиозный мир, только благодаря которому в тот кризис можно было предотвратить надвигающуюся бурю; но он позволил закону вершить свое дело в отношении некоторых бунтовщиков, которые регулярно осуждались судами. Он работал день и ночь, несмотря на огромные препятствия, клеветнические искажения и противоречивые мнения, чтобы восстановить порядок из хаоса; он добровольно подвергал опасности свою собственную жизнь — однажды ворвался в буйствующую толпу, ранил нескольких алебардой, которую выхватил у одного из своих охранников, и почти одной рукой разогнал опасное восстание — и он остался в Антверпене по настоятельным просьбам магистрата, который заявил, что жизни ни одного священнослужителя не будет в безопасности, как только к нему повернутся спиной, и что все торговцы немедленно покинут город. Тем не менее было необходимо, чтобы он лично посетил свое правительство в Голландии, где царили аналогичные беспорядки и где люди всех рангов и партий требовали своего штатгальтера.

Однако, несмотря на все свои усилия, он прекрасно осознавал позицию, в которой он находился по отношению к правительству. Слащавые фразы Маргарет, нарочитая похвала "доброму и жизнерадостному" Филиппу не произвели никакого эффекта на этого государственного деятеля, который привык смотреть на поступки людей сквозь пальцы, до глубины их сердец. В сердцах Филиппа и Маргариты он уже увидел неизгладимый отпечаток предательства и мести. Он был особенно возмущен оскорблением, которое нанесла ему герцогиня-регентша, отправив герцога Эрика Брауншвейгского с вооруженными силами в Голландию для защиты Гауды, Вердена и других мест, находящихся в ведении правительства самого принца. Он был хорошо знаком с общим тоном, в котором другие сеньоры и он сам были представлены своему государю. Он уже был убежден, что страна будет завоевана

иностранными наемниками и что его собственная жизнь, как и жизнь многих других дворян, должна быть принесена в жертву. Настал момент, когда он был вправе искать средства защиты, как для себя, так и для своей страны, на случай, если король окажется настолько безумным, чтобы осуществить цели, о которых подозревал принц. Быстро приближалось время, когда государственный деятель, занимающий такое высокое положение перед миром, какое занимал он, был бы вынужден выбрать свою роль на всю жизнь. Быть беспринципным орудием тирании, мятежником или изгнанником было его неизбежной судьбой. Человеку, столь склонному к предсказанию будущего, казалось, что момент для его выбора уже настал. Более того, он считал это сомнительным, и события самым наглядным образом подтверждали его сомнения в том, может ли он быть принят в качестве инструмента деспотизма, даже если бы он был склонен заниматься проституцией ради такого служения. Таким образом, с этого момента, несомненно, зародились предательские мысли Вильгельма Молчаливого, если только попытка защитить древние и закрепленные хартией свободы от иностранного угнетателя можно считать изменой. Он отправил частного посланника в Эгмонт, изложив серьезные подозрения, проявленные герцогиней при отправке герцога Эрика в Голландию, и предложив принять во внимание средства для устранения опасностей, которые угрожали стране. Он намекал, что католики, так же как и протестанты, будут сокрушены в ходе одного вселенского завоевания, как только Филипп завершит грандиозные приготовления, которые он проводил для вторжения в провинции. Что касается его самого, сказал он, то он не остался бы в этой стране ни для того, чтобы стать свидетелем полного опустошения народа, ни для того, чтобы пасть безропотной жертвой мести, которую он предвидел. Если, однако, он мог рассчитывать на сотрудничество Эгмонта и Горна, он был готов, по совету генеральных штатов, рискнуть приготовлениями к вооруженному вторжению испанцев, в результате которого страна должна была быть обращена в рабство. Однако люди, поставленные в такое положение, в котором они находились, были обязаны "не позволять траве расти у них под ногами", и момент для действий быстро приближался.

Это была схема, к реализации которой Orange была готова прибегнуть. Использовать свое собственное влияние и влияние своих друзей, встать между монархом, обезумевшим от фанатизма, и народом, находящимся в состоянии религиозного безумия, противостоять жестокому насилию, если потребуется, силой и заставить монарха уважать хартии, которые он поклялся соблюдать и которые были гораздо более древними, чем его суверенитет; Вильгельм Оранский уже замыслил такую измену, ибо никаким другим способом он не мог быть верен своей стране и своей собственной чести.

Из этого тайного посольства ничего не вышло, ибо сердце и судьба Эгмонта были уже предрешены. Однако перед отъездом Оранжа на север, где его присутствие в голландских провинциях теперь было настоятельно необходимо, в Дендермонде состоялась памятная беседа между Оранж, Хорном, Эгмонтом, Хогстраатеном и графом Луи. Характер этой конференции, вероятно, был аналогичен характеру секретной миссии от Оранжа до Эгмонта, только что записанной. Это была недолгая консультация. Джентльмены встретились в одиннадцать часов и беседовали до тех пор, пока не был готов ужин, то есть между двенадцатью и часом дня. Они обсудили содержание письма, недавно полученного Хорном от его брата Монтиньи из Сеговии, в котором живо описывалась ярость Филиппа в связи с недавними событиями в Нидерландах и выражались удивление и негодование самого барона по поводу того, что сеньоры не смогли предотвратить такие безобразия, как публичные проповеди, разрушение имиджа и Соглашение. У них также состоялся разговор о

недовольстве, проявленном герцогиней действиями графа Хорна в Турне, и они прочитали предоставленное им весьма примечательное письмо, написанное испанским посланником в Париже доном Франциском Алавским Маргарите Пармской. Это письмо было подделано. По крайней мере, регентша в своей итальянской переписке утверждала, что оно вымышленное, и в этих секретных письмах Филиппу она обычно говорила правду. Проницательность Вильгельма Оранского в данном случае была обманута. Однако поразительная точность, с которой была очерчена нынешняя и будущая политика правительства, точность, с которой были предсказаны многие нерожденные события, вместе с мельчайшими штрихами, придававшими вид подлинности вымышленному посланию, вполне могли ввести в заблуждение даже такого проницательного наблюдателя, как принц.

В письмах упоминалась глубокая и давно укоренившаяся враждебность Филиппа к Оранжу, Горну и Эгмонту, как факт, полностью известный автору и его корреспонденту, но герцогиня настаивала на необычайной степени очевидной сердечности в ее общении с ними. По словам автора, король намеревался использовать их и уничтожить, и долг регента состоял в том, чтобы поддержать этот замысел. "Беспорядки и смуты произошли не без их тайного согласия, - сказал предполагаемый Алава, - и ваше высочество может быть уверено, что они будут первыми, за кого его Величество ухватится, не для того, чтобы даровать преимущества, а чтобы наказать их так, как они того заслуживают. Ваше высочество, однако, не должны проявлять никаких признаков неудовольствия, но должны постоянно поддерживать в их умах мысль о том, что его Величество считает их самыми верными из своих слуг. Пока они убеждены в этом, их можно легче использовать, но когда придет время, с ними будут обращаться по-другому. Ваше высочество может быть уверено, что его Величество не меньше вашего склонен к тому, чтобы они понесли заслуженное наказание". Кроме того, герцогине было рекомендовано "разобраться с тремя сеньорами по примеру испанских правительств в их общении с посланниками Бергена и Монтиньи, которых встречают с улыбкой, но за которыми пристально наблюдают, и которым никогда не разрешат покинуть Испанию живыми". Остальная часть письма ссылается на предполагаемые обязательства между Францией и Испанией по искоренению ереси, из чего следует ссылка на общепринятое, но ошибочное представление о Байоннской конференции, что, по-видимому, является убедительным доказательством того, что письмо не было подлинным. Однако высказываются серьезные претензии к поведению королевы-регентши, которая описывается как "некая леди, хорошо известная ее Высочеству, и как человек без веры, дружбы или правды; самая законченная лицемерка в мире". Приведя примеры двуличия, проявляемого Екатериной Медичи, автор продолжает: "Она часто посылает ко мне своего маленького черного карлика с поручениями, чтобы с помощью этого шпиона выведать мои секреты. Я, однако, настороже и льщу себя надеждой, что узнаю от него больше, чем она от меня. Она никогда не сможет похвастаться тем, что обманула испанца.

Пара выдержек из этого весьма знаменитого документа казались незаменимыми из-за большого значения, придаваемого ему как на конференции в Дендермонде, так и на процессах над Эгмонтом и Хорном. Современные писатели Голландии не сомневались в его подлинности, и, что более примечательно, Страда, историограф семьи Фарнезе, процитировав отрицание Маргарет подлинности письма, хладнокровно замечает: "Было ли это всего лишь выдумкой заговорщиков или на самом деле депешей из Алавы, я не берусь решать. Однако несомненно, что герцогиня объявила это ложью.

Конечно, когда мы читаем послания и наблюдаем, как глубоко автор, по-видимому, раскрыл глубокое коварство испанского кабинета министров и как отчетливо обозначены события далекого будущего, у нас возникает искушение воскликнуть: "Aut Alava, aut Diabolus"; депешу написал либо посланник, либо Оранж. Кто еще мог так безошибочно заглянуть в будущее и в сердце Филипа?

Поскольку, насколько нам известно, против принца никогда не выдвигалось никаких обвинений, излишне обсуждать степень безнравственности, которая должна быть присуща такому обману. Склонность к использованию хитрости в войне против Испании, без сомнения, была пятном на его высоком характере. Однако, прежде чем он будет осужден Судом Совести, необходимо тщательно изучить невыразимые уловки политики, с которыми ему приходилось бороться, а также чистую и возвышенную цель, ради достижения которой велась долгая борьба его жизни.

Несомненно, в Дендермонде велись какие-то разговоры о целесообразности или возможности насильственного сопротивления испанской армии, с помощью которой казалось вероятным, что Филипп собирался вторгнуться в провинции и лишить жизни ведущих вельмож. Граф Людовик был сторонником создания в Германии условий для достижения этой цели. Также весьма вероятно, что принц, возможно, поддержал это предложение. В смысле своего предыдущего сообщения Эгмонту он, возможно, рассуждал о необходимости введения сборов для подкрепления решений генеральных штатов о борьбе с насилием. Однако нет никаких доказательств какого-либо подобного факта. Эгмонт, во всяком случае, выступил против этого плана на том основании, что "было неправильно иметь столь дурное мнение о таком хорошем короле, как Филипп, что он никогда не делал ничего несправедливого по отношению к своим подданным, и что если кто-то боится, ему лучше покинуть страну".

Более того, Эгмонт усомнился в подлинности писем из Алавы, но согласился отвезти их в Брюссель и передать регенту. Эта дама, увидев их, горячо заверила графа, что это выдумки.

Конференция закончилась после того, как продлилась полтора часа. Затем знать отправилась на ужин, на котором, по-видимому, присутствовали и другие лица, и знаменитое собрание в Дендермонде подошло к концу. После того как трапеза была закончена, каждый из пяти вельмож сел на коня и отправился своей дорогой.

С этого времени положение этих ведущих сеньоров стало более четким. Оранж оказался почти в полной изоляции. Без помощи Эгмонта ни о каком эффективном сопротивлении надвигающемуся вторжению из Испании не могло быть и речи. Граф, однако, принял свое бесповоротное и роковое решение. После различных колебаний в течение прошедшего бурного периода его ум, несмотря на все тревожные причины, которые до сих пор частично влияли на него, теперь твердо стоял на точке зрения лояльности. Руководство этой полярной звезды должно было привести его к полному кораблекрушению. Несчастный аристократ, отгородившийся от всякого страха перед Филиппом медной стеной спокойной совести, не видел в своем прошлом ни одной вины, при виде которой ему следовало бы побледнеть от ужаса. Более того, он был сангвиником по натуре, католиком по религии, роялистом по привычке и убеждениям. Отныне он был полон решимости, что его заслуги перед короной должны с лихвой компенсировать любые праздные речи или дерзкие демонстрации, в которых он мог быть ранее повинен.

Хорн пошел другим путем, но таким, который также отделил его от принца, в то время как это привело к той же участи, которой слепо следовал Эгмонт.—Адмирал не совершал никакого акта государственной измены. Напротив, он делал все возможное, в самых трудных обстоятельствах, чтобы предотвратить восстание и спасти интересы самого неблагодарного государя. Теперь он был склонен вернуться в свою добродетель, уйти от придворной жизни, к которой он никогда не чувствовал призвания, и отказаться от всяких связей с правительством, которое, как он чувствовал, очень плохо с ним обращалось. Угрюмый, разгневанный, разочарованный, разоренный и оклеветанный, он больше не хотел поддерживать отношения с королем или герцогиней. У него были давние обиды на всю королевскую семью. Он так и не простил императору того, что тот отказал ему, когда он был молод, в назначении камергером. Он долго и верно служил Филиппу, но никогда не получал ни одного стивера жалованья или "мерседа", несмотря на всю свою работу в качестве государственного советника, адмирала, суперинтенданта в Испании; в то время как его младший брат долгое время получал девять или десять тысяч флоринов ежегодно. Он потратил четыреста тысяч флоринов на службу королю; его поместья были заложены по полной стоимости; он был вынужден продать свою фамильную утварь. На Турнире он сделал все, что мог, чтобы услужить герцогине, и предотвратил "сицилийскую вечерню", которая была неминуема с момента его прибытия. Он спас католиков от всеобщей резни, но, тем не менее, услышал от Монтињи, что все его действия в Испании были искажены, а мотивы очернены. Его сердце больше не склоняло его продолжать служить Филиппу, даже если бы у него были для этого средства. Он проинструктировал своего секретаря Алонсо де ла Лоо, которого много месяцев назад отправил в Мадрид, чтобы тот больше не настаивал на требованиях своего хозяина относительно "мерседа", но дал понять, что отказывается от всех требований и уходит со всех постов. Он мог бы стать отшельником до конца своих дней, как и император Карл. Если бы у него было мало денег, он мог бы на них прожить. Именно в этом смысле он обращался к Маргарите Пармской, к Ассонлевилю, ко всем, кто его окружал. Именно в таком напряжении и гнев он написал Филиппу, с негодованием защищая свой курс на турнире, протестуя против грубого поведения герцогини и прямо заявляя, что больше не будет обсуждать с дамами вопросы, касающиеся мужской чести.

Таким образом, испытывая острую несправедливость, адмирал высказался в выражениях, которые Филипп вряд ли простил бы. Он взялся за умиротворение Турне, потому что это было правительство Монтињи, и пообещал свои услуги, когда они потребуются. Хорн был верным и любящим братом, и трогательно слышать, как он поздравляет Монтињи с тем, что, в конце концов, в Испании ему живется лучше, чем в Нидерландах. Ни верность, ни искренний католицизм, за которые Монтињи в тот период хвалил Хорна в своих частных письмах, не могли спасти двух братьев от гибели, которая теперь быстро приближалась.

Таким образом, Хорн, слепой, как Эгмонт, — не осознавая, что один шаг за пределы безоговорочного повиновения создал непроходимую пропасть между ним и Филиппом, — решил встретить свою судьбу в угрюмом уединении. Возможно, не совсем бескорыстный человек, но честный, как мир, заурядный умом, но храбрый, великодушный и прямолинейный, преследуемый клеветой, преследуемый всей сворой, которая заискивала перед властью по мере того, как она становилась все более могущественной, он теперь удалился в свою "пустыню", как он называл свой разрушенный дом в Вирте, где стоял в страхе, бросая вызов регенту, Филиппу, всему миру.

Таким образом, две выдающиеся личности, на сотрудничество которых до сих пор пытался полагаться Оранж, были полностью отделены от него. Конфедерация знати также была распущена, мало чего добившись, несмотря на все свои шумные демонстрации, и потеряв всякое доверие народа из-за формального прекращения Компромисса вследствие Августовского соглашения. Как единое целое, они оправдали сарказм Хьюберта Лангве о том, что "объединившаяся знать погубила свою страну своей глупостью и неспособностью". Они осквернили святое дело непристойными оргиями, скомпрометировали его мятежными демонстрациями, бросили его, когда больше всего нуждались в помощи. Баккерзил отличился тем, что повесил сектантов во Фландрии. "Золотое руно" де Хаммеса, после того как после подписания Соглашения разразился большой скандал в Антверпене и его окрестностях, закончилось тем, что он получил должность артиллериста в императорской армии вместе с тремя сотнями крон для конвоя от герцогини Маргарет. Калембург служил делу свободы вероисповедания, разрушая церкви во владениях своих предков, снося статуи, обедая в часовнях и раздавая святую облатку своему попугаю. Ничто не могло быть глупее этих актов непочтительности, которые оскорбляли католиков и вызывали отвращение у честных патриотов. Ничто не могло быть более противоположным чувствам Оранжевых, первым принципом которых было воздержание всех христианских конфессий от взаимных оскорблений. В то же время несколько отвратительно наблюдать, с каким негодованием относились к подобным преступлениям люди с самым отрешенным характером. Таким образом, Армендерос, чье имя было синонимом государственного мошенничества, который год за годом сколачивал деньги путем казнокрадства, выставления на аукцион высоких постов в церкви и государстве, взяток и всевозможного воровства, не мог сдержать своего ужаса, когда упоминал о вафлях, которые ели попугаи, или о "поджаренных на вилках" священниках-ренегатах; и изливал свои эмоции по этому поводу в лоно верующего Антонио Переса, человека, о чьих развратах, политических злодеяниях и преднамеренных убийствах должна была звенеть вся Европа.

Несомненно, в конфедерации было много людей, для которых было зарезервировано почетное служение национальному делу. Имена Луи Нассау, Мамикса Сент-Альдегондского, Бернара де Мерода должны были быть вписаны золотыми буквами в списки их страны; но в данный момент они были нетерпеливы, невнимательны, вышли из-под контроля Оранжа. Людовику не терпелось, чтобы король прибыл из Испании со своей армией и чтобы "начались медвежьи пляски". Бредероде, шумный, крикливый и нелепый, как всегда, своим шутовством выставлял на посмеище национальное дело и подвергал опасности весь народ своими неадекватными, но бунтарскими действиями.

Какой курс должен был избрать принц Оранский? Он не смог найти никого, кто разделял бы его взгляды. В конце года он был уверен, что цель правительства определена. Он не делал секрета из своей решимости никогда не использовать себя в качестве инструмента для предполагаемого порабощения народа. Он неоднократно подавал в отставку со всех своих постов. Теперь он был полон решимости принять отставку раз и навсегда. Если он и использовал притворство, то только потому, что обман Филиппа не позволял никому быть откровенным. Если государь постоянно отрицал все враждебные намерения против своего народа и проявлял крайнюю привязанность к людям, которых он уже обрек на эшафот, как мог князь открыто осудить его? Его долгом было спасти свою страну и своих друзей от неминуемой гибели. Поэтому он сохранял бдительность. Филипп в глубине своего кабинета находился под постоянным наблюдением бессонного принца. Государь заверил свою сестру, что ее опасения по поводу их переписки беспочвенны. Он всегда запирали свои бумаги и брал ключ с собой. Тем

не менее, ключ был вынут у него из кармана и бумаги прочитаны. Оранж привык замечать, что досужие люди могут заниматься философскими изысканиями и постигать тайны природы, но его дело - изучать сердца королей. Он знал мужчину и женщину, с которыми ему приходилось иметь дело. Мы достаточно изучили политику, тайно проводимую Филиппом и Маргаритой, чтобы оценить точность, с которой принц, словно на ощупь в темноте, оценил всю ситуацию. Если бы его друзья прислушались к его предостережениям, они могли бы остаться в живых и оказать услугу тирании. Если бы он последовал их примеру ложной лояльности, была бы еще одна жертва, более прославленная, чем все остальные, и целая страна была бы безнадежно порабощена.

Именно принимая во внимание эти соображения, мы можем объяснить его связь с таким человеком, как Бредероде. Предприятия этого дворянина, Толуза и других, а также сопротивление Валансьена вряд ли могли быть предотвращены даже противодействием принца. Но зачем ему выступать против людей, которые, как бы опрометчиво или неэффективно они ни пытались противостоять тирании, когда он знал, что сам уже объявлен тираном вне закона и обречен им? Такую преданность он оставил Эгмонту. До поздней осени он все еще верил в возможность созыва генеральных штатов и проведения в Германии подготовительных мероприятий для приведения в исполнение их декретов.

Союзники и сектанты хвастались, что они могут легко собрать армию в шестьдесят тысяч человек в пределах провинций, что богатые купцы Антверпена будут поставлять им тысячу двести тысяч флоринов ежемесячно и что смешно предполагать, что немецкие наемники, нанятые герцогиней в Саксонии, Гессене и других протестантских странах, когда-либо окажут серьезную помощь против приверженцев реформатской религии. Не питая особого доверия к таким преувеличенным заявлениям, принц вполне мог иметь основания считать себя достаточно сильным, если его поддержат конфедерация, Эгмонт и его собственное безграничное влияние как в Антверпене, так и в его собственном правительстве, чтобы поддержать официальные власти страны даже против испанской армии и с законной и непреодолимой силой встать между безумным тираном и страной, которую он готовился сокрушить. Наиболее информированные католики придерживались мнения, что, если Эгмонт выступит на стороне конфедерации, он сможет выступить в поход с шестьюдесятью тысячами человек и одним ударом стать хозяином всей страны. В сочетании с Orange моральная и физическая сила была бы непобедимой.

Следовательно, не только оранжевые, но и католики и протестанты, все население страны и сама герцогиня-регентша желали созыва сословий. Несмотря на преднамеренное, но тайное решение Филиппа никогда не собирать этот орган, хотя когда-либо существовала надежда, что они будут созваны, Маргарет настойчиво просила своего брата разрешить эту меру. "В объединении Штатов было меньше опасности, - почувствовала она себя обязанной сказать, - чем в том, чтобы не объединять Штаты; было лучше сохранить католическую религию для части страны, чем полностью потерять ее". "Чем больше это откладывалось, - сказала она, - тем более разрушительными и отчаянными становились государственные дела. Если бы эта мера была отложена еще на некоторое время, вся Фландрия, половина Брабанта, вся Голландия, Зеландия, Гвельдрия, Турне, Лилль, Мехлин были бы потеряны навсегда, без малейшего шанса когда-либо восстановить древнюю религию". Короче говоря, страна была "без веры, короля и закона", и ничего худшего нельзя было ожидать от любого обсуждения генеральных штатов. Поскольку таково мнение герцогини и, согласно ее заявлению, почти всех добрых католиков в

стране, вряд ли может показаться удивительным или предательским, что принц также поддерживает эту меру.

Однако по мере того, как герцогиня набиралась сил, а народ, ошеломленный судьбой Турне и Валансьена, начал терять мужество, она видела все меньше причин для объединения штатов. Оранж, с другой стороны, полностью покинутый Эгмонтом и Хорном и мало доверявший характерам бывших конфедератов, оставался сравнительно спокойным, но бдительным.

В конце года была распространена важная брошюра, написанная его рукой, в которой его взгляды относительно необходимости предоставления определенной степени религиозной свободы были доведены до сведения королевского правительства с присущей ему проницательностью мышления, умеренностью формулировок и скромным тоном. Человек, который занимал самые важные гражданские и военные посты в стране почти с детства, и на которого друзья и враги смотрели снизу вверх как на самую важную личность среди трех миллионов ее жителей, извинился за свою "самонадеянность", публично высказав свой совет. "Я бы не стал, - сказал он, - в вопросах такой важности притворяться мудрее или предъявлять большие претензии, чем того требуют мой возраст или опыт, но, видя, что дела в таком затруднительном положении, я скорее пойду на риск быть обвиненным в дерзости, чем пренебрегу тем, что считаю своим долгом".

Таким, таким образом, было отношение главных фигур в Нидерландах и положение дел в конце богатого событиями 1566 года, последнего мирного года, который предстояло знать жившим тогда людям или их детям. Правительство, слабое в начале, было сильным к концу. Конфедерация была сломлена и рассеяна. За просьбой, банкетами для нищих, публичными проповедями, разрушением имиджа, Августовским соглашением последовала реакция. Турне принял свой гарнизон. Эгмонт, полностью послушный короне, вынудил все города Фландрии и Артуа предоставить солдат, достаточных для поддержания безоговорочного повиновения и подавления всех еретических демонстраций, так что у регента было сравнительно мало времени, чтобы осуществить покорение Валансьена.

Этот древний город в провинции Эно, на границе Франции, был основан императором Валентинианом, в честь которого и получил свое название. Первоначально основанный им как город-убежище, он получил привилегию предоставлять убежище должникам, преступникам и даже убийцам. Это древнее право сохранялось, с некоторыми изменениями, даже до того периода, которым мы сейчас занимаемся. Однако, по словам правительства, никогда прежде город так не злоупотреблял правом на убежище, даже в самые дикие времена. Что такое должники, грабители, убийцы по сравнению с еретиками? и все же эти злейшие враги своей расы кишели в мятежном городе, даже сейчас соблюдая самые отвратительные обряды Кальвина и повинаясь самым пагубным из всех проповедников, Гвидо де Брей и Перегрину де ла Гранж. Это место было рассадником ереси и мятежа, и, казалось, по общему согласию было решено, что последняя битва за то, что называлось новой религией, должна состояться под его стенами.

Приятно расположенный в плодородной долине, снабженный очень мощными укреплениями и очень глубокими рвами, Валансьен, через центр которого протекает Шельд и который дает возможность затопить окружающие луга, считался в те дни почти неприступным. Город был призван, почти одновременно с Турне, принять гарнизон. Это требование правительства было встречено категорическим отказом. Ближе к середине декабря Нуаркарм приказал магистратам

прислать депутацию для переговоров с ним в Конде. Соответственно, пенсионер Аутреман отправился в этот соседний город в сопровождении нескольких своих коллег. Этот комитет не был против требований правительства. Магистратуры городов, как правило, были далеки от мятежа, но в случае с Валансьеном реальная власть в тот момент принадлежала кальвинистской консистории и министрам. Депутаты, вернувшись из Конде, вызвали ведущих представителей реформатской религии вместе с проповедниками. Было подчеркнуто, что их долгом является немедленное использование своего влияния в пользу требования, предъявленного правительством городу.

- Пусть я стану немым, как рыба! - решительно ответил де ла Гранж. - Пусть язык мой прильнет к небу, прежде чем я убедлю мой народ принять гарнизон жестоких наемников, которые попирают права его совести!

Советник Аутреман возразил вспыльчивому министру, что, если он и его коллега опасаются за свои собственные жизни, правительству следует принять достаточные меры для их отъезда под подписку о невыезде. Ла Гранж ответил, что за себя он не боится, что Господь защитит тех, кто проповедовал, и тех, кто верил в его святое слово, но что Он не простит им, если они сейчас склонят свои шеи перед Его врагами.

Вскоре стало совершенно очевидно, что никакого соглашения быть не может. Магистраты не могли проявлять никакой власти, проповедники были всемогущи, а граждане, по словам одного католика, жившего в Валансьене, "позволяли своим служителям вести себя, как волам". 17 декабря 1566 года герцогиня-регентша соответственно издала прокламацию, объявляющую город на осадном положении, а всех его жителей мятежниками. Преступления, за которые предусматривалось это наказание, были подробно изложены в эдикте. Проповедь в соответствии с реформатской религией была разрешена в двух или трех церквях, причастие в кальвинистской манере совершалось публично, вместе с отказом причастившихся от присоединения к католической церкви, и теперь к списку их беззаконий добавился мятежный отказ принять гарнизон, присланный им герцогиней. За подобные преступления регентша сочла своим долгом запретить всем жителям любого города, деревни или провинции Нидерландов поддерживать связь с Валансьеном, покупать или продавать вместе с его жителями или снабжать их провизией; под страхом быть признанными соучастниками их восстания и, как таковые, быть казненными с помощью уздечки.

Теперь нуарармес стянул с города все войска, какие только можно было выделить. Конфедераты обещали помощь пострадавшим гражданам, Orange в частном порядке поощряла их к несогласию в их законном отказе. Бредероде и другие занялись враждебными демонстрациями, которым было суждено остаться безрезультатными; но тем временем жителям не на что было положиться, кроме своих мужественных сердец и рук.

Поначалу осада выдерживалась с легким сердцем. Предпринимались частые вылазки, затевались хитроумные стычки, в которых гугеноты, по свидетельству одного из самых ожесточенных современников-католиков, вели себя с храбростью бывалых солдат, как будто всю свою жизнь они только и делали, что сражались; совершались набеги на монастыри по соседству с целью добыть припасы, а разбитые статуи из разобранных церквей использовались для строительства моста через рукав реки, который в насмешку называли Мостом идолов. Нуарнармес и шесть офицеров под его началом, которые, как считалось, вяло проводили свои операции, получили прозвище "Семь спящих". Гигантские очки, три фута в окружности, были в

насмешку установлены на крепостных валах, чтобы можно было увидеть артиллерию, которую, как говорили, посылали паписты из Арраса, как только она прибудет. Советник Аутреман, покинувший город перед началом осады, снова прибыл в него по поручению Нуарнармеса. Его встретили с презрением, на его предложения от имени правительства ответили криками ярости; его забросали камнями, и он был очень рад, что остался жив. Кафедры гремели рассказами о доблестных деяниях Иисуса Навина, Иуды Маккавея и других библейских героев. Чудеса, совершенные ради них, служили для поощрения энтузиазма людей, в то время как движения, происходившие в различных точках по соседству, вселяли надежду на всеобщее восстание по всей стране.

Этим надеждам было суждено рухнуть. Конечно, в двух точках были сделаны большие сборки. Около трех тысяч сектантов было собрано в Ланнуа под командованием Пьера Комайя, который, будучи слесарем, а затем кальвинистским проповедником, теперь был склонен попытаться счастья в качестве генерала. Его банда, однако, была беспорядочной. Вооруженные вилами крестьяне, молодые студенты и безработные старые солдаты, снабженные ржавыми фитильными замками, пиками и алебардами, составляли его отряд. Компания, похожая по характеру и уже насчитывавшая около тысячи двухсот человек, собиралась на Уотерлотс. Была выражена надежда, что вскоре будет собран внушительный строй и что два отряда, соединившись, затем двинутся на выручку Валансьену. Хвастались, что за очень короткое время тридцать тысяч человек будут задействованы в боевых действиях. Католики даже опасались подобного результата.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

1566 год, последний мирный год

Раскольники были такими же фанатичными, как и ортодоксы

Если бы у него было мало, он мог бы прожить на немного

Подвергаться риску быть обвиненным в дерзости, чем пренебрегать

Не позволять траве расти у них под ногами

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 13.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855

1567 [ГЛАВА IX, часть 2.]

Кальвинисты потерпели поражение при Ланнуа и Ватерлотсе—Ликование правительства—Осада усилилась—Жестокости, применяемые к сельскому населению—Мужество жителей—Протест рыцарям Руна—Поведение Бредероде—Оранского в Амстердаме—Новая присяга, требуемая правительством—Оранский отказывается—Он предлагает сложить с себя все должности—Митинг в Бреде—Новая "Просьба" Бредероде—Он создает беспорядки и набирает войска в Антверпене—Поведение Хоогстраатен—Планы Бредероде—Предполагаемое попустительство Оранского—Тревога в Брюссель—Толуза при Остравеле—Бредероде в Голландии—Де Бовуар побеждает Толуза—Волнения в Антверпене—Решительное поведение Оранских—Трехдневные беспорядки в Антверпене подавлены мудростью и мужеством Оранских.

Именно тогда Нуаркарм и его "семь спящих" показали, что они бодрствуют. В начале января 1567 года этот свирепый солдат, среди пороков которого ни до, ни после определенно не числилась лень, напал на армию слесаря при Заннуа, в то время как сеньор де Рассингем в тот же день атаковал отряд при Ватерлотсе. Нуаррамс уничтожил половину своих врагов с первой же атаки. Разношерстный сброд сразу же рассыпался. Проповедник хорошо сражался, но его недисциплинированное войско обратилось в бегство при первом же виде врага. Те, у кого были аркебузы, бросили их без единого выстрела, чтобы бежать быстрее. Вскоре по меньшей мере тысяча человек были расprostерты мертвыми на поле боя; других загнали в реку. Две тысячи шестьсот человек, согласно католическим отчетам, были истреблены за час.

Рассингем, со своей стороны, с пятью или шестью сотнями регулярных войск атаковал силы Теризля, насчитывавшие по меньшей мере вдвое больше. Половина из них вскоре была изрублена на куски и обращена в бегство. Однако шестьсот человек, которые видели какую-то службу, укрылись на кладбище Уотерлот. Здесь, из-за каменной стены ограды, они стойко выдерживали атаку католиков. Покой усопших на тихом сельском церковном дворе был нарушен шумом самого кровопролитного конфликта. Вскоре временный форт был снесен, и гугеноты отступили в церковь. Пока они боролись в узком дверном проеме, на них обрушился грохочущий аркебузный залп. Вскоре среди древних могил было разбросано по меньшей мере четыреста трупов. Остальных загнали в церковь, а из церкви - на колокольню. Затем на колокольне развели огонь и поддерживали, пока все не изжарились или не задохнулись. Ни один человек не спасся.

Таков был вопрос на первом пострадавшем поле битвы в Нидерландах за свободу вероисповедания. Следует признать, что это не очень воодушевило любителей свободы. Сторонники правительства были в приподнятом настроении, пропорциональном опасениям, которые испытывали по поводу результатов этого восстания в Валлонии. "Эти добрые лицемеры, - писал корреспондент Orange, - задирают головы, как стадо верблюдов. От гордости они становятся неуправляемыми". Герцог Эршо и граф Мегем устраивали грандиозные банкеты в Брюсселе, где все добропорядочные шевалье пили в честь победы и за здоровье его Величества и мадам. "Я видел, как Берлаймон только что прошел мимо окна", - писал Шварц принцу. - Он возвращался с обеда у Эршо с лицом таким же красным, как новая шляпа кардинала.

С другой стороны, жители Валансьена были подавлены в равной мере с ликованием своих противников. Больше не было разговоров о семи спящих, больше не было люнетов, воткнутых в копья, чтобы следить за приближающимися силами врага. Чувствовалось, что правительство бодрствует, и что город скоро увидит надвигающиеся ужасы без телескопов. Осада усилилась. Нуаркарм занял командную позицию в Сен-Армане, благодаря чему ему удалось перекрыть все коммуникации между городом и окрестностями. Все деревни по соседству были разграблены; все поля опустошены. Все низости, которые наглые солдаты могут причинить беспомощным крестьянам, совершались ежедневно. Мужчины и женщины, пытавшиеся связаться с городом, были хладнокровно убиты сотнями. У жителей деревни отнимали их жалкое имущество, детей раздевали донага посреди зимы ради лохмотьев, которыми они были прикрыты; матроны и девственницы продавались с публичных торгов под барабанный бой; больных и раненых несчастных сжигали на медленном огне, чтобы развлечь солдат. Короче говоря, все неизбежное проклятие, которое может олицетворять военная мощь, разжигаемая религиозным

фанатизмом, пало на головы этих несчастных провинциалов, осмелившихся поклоняться Богу в христианских церквях без римского ритуала.

Тем временем город сохранял мужество. Все население встало под разные знамена. Как богатые, так и бедные взялись за оружие, чтобы защитить стены, которые их приютили. Городские бедняки были зачислены в три роты, которые носили многозначительное название "Тонны нулей" или "Совершенно обнаженные", и многие ожесточенные столкновения происходили заворотами мужчинами, которых, по словам одного католика, жившего в то время в городе, скорее можно было принять за "опытных ветеранов, чем за бюргеров и ремесленников". В то же время, к чести Валансьена, следует заявить, опираясь на тот же неоспоримый авторитет, что ни один католик в городе не был ранен или оскорблен. Оставшимся там священникам не разрешалось служить мессу, но они никогда не встречали осуждающего слова или взгляда со стороны людей.

Жители города обратились за помощью к конфедератам. Они также опубликовали обращение к рыцарям Руна - документ, в котором патетическим и пугающим языком рассказывалась история их обид. Они обратились к этим могущественным и прославленным шевалье с просьбой предотвратить совершение великого зла, которое теперь нависло над столькими невинными головами. "Не ждите, - говорили они, - пока грянет молния, пока потоп не поглотит нас, пока уже пылающие пожары не превратят землю в угли и золу, пока не станет возможным ничего другого, кроме как оставить страну в ее запустении на растерзание иностранному варварству. Пусть дело угнетенных дойдет до ваших ушей. Так ваша совесть станет железным щитом; так счастье целой страны будет свидетельствовать перед ангелами о вашей правоте его Величеству во имя его истинного величия и славы".

Эти волнующие призывы к ордену, главой которого был Филипп, к Виль-канцлеру, Эгмонту, Мансфельду, Эршоту, Берлаймону и другим кавалерам, вряд ли произвели большой эффект. Город не мог рассчитывать ни на какую помощь в этих высоких кругах.

Тем временем, однако, отважный Бредероде предпринял попытку очень масштабной диверсии, которая, в случае успеха, спасла бы Валансьен и всю страну за его пределами. Этот эксцентричный персонаж в течение осени и зимы создавал беспорядки в различных частях страны. Где бы он ни обосновывался, из окон его апартаментов доносились звуки разгула и шума. Подозрительные личности в различных костюмах ломались к нему в дверь и следовали за ним по пятам. В то же время власти чувствовали себя обязанными относиться к нему с уважением. В Хорне он развлекал многих знатных горожан на большом банкете. За-здоровье-нищих пили большими глотками, и их шебболет разносился по всему дому. В разгар празднества Бредероде повесил нищенскую медаль на шею бургомистру, который согласился быть его гостем по этому случаю, но не имел намерения вступать в братства настоящих или политических нищенствующих. Однако превосходный магистрат был близок к тому, чтобы стать членом и того, и другого. Эмблема, которой он был явно украшен, привела его в замешательство, когда он оправился от последствий оргий с "великим нищим", и впоследствии он был наказан за свою неосторожность конфискацией половины своего имущества.

В начале января Бредероде разместился в своем городе Виане. Там, в силу своих сеньориальных прав, он убрал все статуи и другие папские эмблемы из церквей, выполнив эту операцию, однако, с большой тишиной и благопристойностью. Он также собрал в этом городе много вооруженных людей и укрепил его укрепления, чтобы противостоять, как он сказал,

угрозе нападения герцога Эрика Брауншвейгского и его немецких наемников. В этом месте была установлена типография, откуда постоянно выходили сатирические памфлеты, сборники гимнов и другие вредные произведения, вызывавшие раздражение правительства. Гостеприимством графа пользовались многие незаконные и буйные личности. По словам доктора Виглиуса, все отбросы и грязь провинции скапливались в Виане, как в выгребной яме. Вдоль спокойных берегов Леха, на реке которого стоит город, извивалась "гидра восстания", вечно угрожающая.

Предполагалось, что Бредероде вращает обширные планы, как политические, так и военные, и Маргарита Пармская постоянно находилась в опасении из-за бравяды этого очень шумного заговорщика. Она, как обычно, обратилась за помощью к Вильгельму Оранскому. Принц, однако, был очень не расположен прийти ей на помощь. Крайнее отвращение к политике правительства уже начало проявляться в его публичных высказываниях. Осенью и зимой он сделал все, что мог сделать человек для безопасности монаршей короны и для счастья народа. Его заслуги в Антверпене зафиксированы. Как только он смог вырваться из этого города, где магистраты и все классы граждан цеплялись за него как за своего единственного спасителя, он поспешил успокоить провинции Голландия, Зеландия и Утрехт. Он договорился в главных городах страны на той же основе, которую он принял в Антверпене и на которую Маргарет согласилась в августе. Не могло быть и речи о том, чтобы установить порядок, не разрешив реформаторам, составлявшим гораздо большую часть населения, свободно совершать религиозные обряды в некоторых неосвященных местах внутри городов.

Например, в Амстердаме, как он сообщил герцогине, было множество необразованных, варварских людей, моряков и тому подобных, которые никоим образом не могли понять, уместно ли проповедовать на открытой местности, видя, что открытая местность в это время года была полностью под водой. — Любезное предложение Маргарет о том, что, возможно, что-то можно было бы сделать с лодками, также было сочтено неприемлемым. "Я не знаю, - сказал Оранж, - кто мог посоветовать вашему высочеству сделать такое предложение". Он также сообщил ей, что варварские мореплаватели имеют явное право на свои проповеди, ибо этот обычай был установлен еще до Августовского договора в месте, называемом "Ластад", среди пристаней. "Тогда, во имя Бога, - писала Маргарет, - пусть они продолжают проповедовать в Последний день". Поскольку варвары хотели только этого, в Амстердаме и других северных городах с полного согласия регента было заключено Соглашение. Католики содержали церкви и соборы, но в зимний сезон большая часть населения получала разрешение поклоняться Богу на суше, на складах и пристанях.

Однако в течение всего лишь нескольких недель герцогиня хладнокровно отменила все это мероприятие, отозвала ее разрешение и объявила категорический запрет на любые проповеди в стенах церкви или за ее пределами. Правительство становилось все сильнее. Разве Нуаррамс и Рассингем не разрубили на куски три или четыре тысячи этих сектантов, шедших на битву под командованием священников, слесарей и подобных вождей? Разве все сторонники хорошего правления не "поднимали головы, как верблюды"?

Легко понять, что принц не мог с самодовольством позволить слабой, лживой и властной женщине так постоянно ставить себя в тупик. Она неоднократно обращалась к нему, когда была в ужасе от бури и затонувшего в океане человека; и так же постоянно отрицала его поступки и поносила его характер, когда снова чувствовала себя в безопасности. Своим личным влиянием

и неустанными усилиями он успокоил старые батавские провинции, где все еще витал старый батавский дух. Люди всех рангов и вероисповеданий были благодарны ему за его труды. Реформаторы многого не добились, но они были удовлетворены. Католики сохранили свои церкви, свою собственность, свое внимание. Голландские штаты выделили ему пятьдесят тысяч флоринов в знак признания его усилий по восстановлению мира. Он отказался от подарка. Он был по уши в долгах, нуждался в деньгах, но, как он сообщил Филиппу, он не хотел, "чтобы люди думали, что его действиями руководят мотивы алчности или особого интереса, а не истинная привязанность, которую он питал к службе его Величеству и благу страны". Тем не менее, едва он повернулся спиной, как регент свел на нет всю его работу.

Новый и важный шаг со стороны правительства теперь поставил его в положение почти открытого бунтаря. Все должностные лица, от губернаторов провинций до младших офицеров армии, должны были принести новую присягу на верность, "*novum et hactenus inusitatum religionis iuramentum*", как охарактеризовал это принц, что, по его словам, было равносильно инквизиции. Каждому человеку, выполнявшему поручение его Величества, было торжественно приказано поклясться повиноваться приказам правительства, где бы и против кого бы то ни было, без каких-либо ограничений. Граф Мансфельд, ныне "фактотум в Брюсселе", принес присягу с большим рвением. То же самое сделали Aerachot, Berlaymont, Meghem и, после небольшого колебания, Egmont. Orange отверг это предложение. Он дал достаточно клятв, которых никогда не нарушал и не собирался нарушать сейчас: он по-прежнему был готов сделать все, что отвечало реальным интересам монарха. Тот, кто осмеливался делать больше, не был истинным слугой правительства, не был истинным любителем страны. Он никогда не опозорил бы себя слепым обещанием, из-за которого его могли бы принудить совершать поступки, наносящие ущерб, по его мнению, безопасности короны, счастью содружества и его собственной чести. Он охотно принял предложенную альтернативу. Он отказался от всех своих должностей и не желал больше служить правительству, политику которого он не одобрял, королю, который подозревал его.

Его отставка не была принята герцогиней, которая все еще прилагала усилия, чтобы сохранить услуги человека, который был необходим ее администрации. Она умоляла его, несмотря на чисто оборонительную и настороженную позицию, которую он теперь занял, принять меры, чтобы Бредероде отказался от своих пагубных привычек. Она также упрекнула принца в том, что он снабдил этого человека артиллерией для своих укреплений. Оранж несколько презрительно ответил, что он не является сторожем Бредероде и не имеет права вмешиваться в его дела. Он подарил ему три маленьких полевых рисунка, обещанных давным-давно; не то чтобы он упомянул это обстоятельство в качестве предлога для пожертвования. "Слава Богу, - сказал он, - в этой стране у нас всегда была свобода дарить друзьям или родственникам те подарки, которые нам нравились, и я думаю, что все наладилось, если внимательно относиться к таким мелочам". Конечно, как сюзерен Вианы, которому угрожали посягательством на его сеньориальные права, граф мог считать себя вправе укреплять бастионы своей маленькой крепости, и вряд ли можно было считать, что принц серьезно угрожает безопасности короны незначительным подарком, который вызвал раздражение регента.

Не очень приятно размышлять о явной близости, которую принц оказывал столь сомнительному персонажу, но Оранский теперь был настроен враждебно по отношению к правительству, был убежден доказательствами, точность которых время установило самым наглядным образом, что его собственная голова, как и многие другие, уже была обречена на плаху, в то время как вся

страна была обречена на жалкое рабство, и поэтому он был склонен с большей снисходительностью смотреть на безумства тех, кто пытался, какими бы слабыми и безумными они ни были, предотвратить ужасы, которые он предвидел. Время для рассуждений прошло. Все, что могли предложить истинная мудрость и практическая государственная мудрость, он уже предоставил в распоряжение женщины, которая ударила его ножом в спину, опираясь на его руку, — короля, который уже вынес смертный приговор, упрекая своего "кузена Оранского" в отсутствии доверия к королевской дружбе. Должен ли он теперь пытаться подчинить свою страну, вмешиваясь в действия людей, которыми он не имел права командовать и которые, по крайней мере, пытались противостоять тирании? Даже если бы он так поступил, он прекрасно знал о награде, уготованной за его верность. Ему не нравились такие почести, которые он предвидел для всех тех, кто когда-либо вставал между монархом и его мезьей. Для себя он должен был добиться освобождения страны, основания свободного содружества. Этим рукам предстояло еще много поработать, прежде чем он станет жертвой коронованного убийцы.

В начале февраля Бредероде, Хогстраатен, Хорн и несколько других джентльменов посетили принца в Бреде. Предполагается, что здесь у Оранского спросили совета относительно нового движения, задуманного Бредероде. Он намеревался с большой торжественностью представить герцогине новую петицию. Нет никаких свидетельств того, что принц одобрил этот шаг, который, должно быть, казался ему излишним, если не ребяческим. Вероятно, он отнесся к этому вопросу безразлично. Однако Бредероде, который любил устраивать демонстрации и считал себя гением для такой работы, написал регенту за охранными письмами, чтобы тот мог приехать в Брюссель со своей петицией. В выдаче паспортов было пренебрежительно отказано. Затем он приехал в Антверпен, откуда отправил документ в Брюссель письмом.

Этим новым Запросом исповедание реформированной религии было заявлено как право, в то время как герцогиня была призвана распустить войска, которые она собирала, и добросовестно соблюдать "августейший" договор. Эти заявления были несколько смелее, чем в апреле прошлого года, хотя либеральная партия была намного слабее, а конфедерация полностью распущена. Бредероде, без сомнения, считал хорошим полководческим поступком бросить последнюю буханку хлеба в лагерь противника до того, как город сдастся. Маргарита Пармская сразу же сняла его надменный тон. "Ей было интересно, - сказала она, - что это за дворяне, которые, год назад попросив спасти их только от инквизиции, теперь осмеливаются говорить о проповеди в городах". Уступки августа всегда были отвратительными, и теперь они были отменены. "Что касается вас и ваших сообщников, - продолжала она, обращаясь к графу, - то вы поступите правильно, если немедленно разойдетесь по домам, не вмешиваясь в государственные дела, поскольку в случае неповиновения я поступлю с вами так, как сочту нужным".

Бредероде нелегко было смутиться, он пренебрег советом и продолжил путь в Антверпен. Здесь, приняв ответ регента за официальное объявление военных действий, он занялся сбором войск в городе и вокруг него.

Оранж вернулся в Антверпен в начале февраля. Во время его отсутствия Хогстраатен исполнял обязанности губернатора по просьбе принца и регента. В течение зимы этот дворянин, который был очень молод и очень вспыльчив, держал дело в своих руках всякий раз, когда предпринималась малейшая попытка подстрекательства к мятежу. Либерал в принципах и

преданный друг Оранского, он, однако, был склонен доказать, что поборники религиозной свободы не были покровителями мятежа. Во время беспорядков в соборе, когда разъяренная толпа разграбляла все, что еще можно было разграбить в этой церкви, и осыпала оскорблениями папистов во время их богослужения, маленький граф, который, по словам современника-католика, "обладал храбростью льва", ворвался к ним с мечом в руке, убил троих на месте и с помощью своих последователей преуспел в убийстве, ранении или пленении всех остальных. Он также выследил зачинщика беспорядков до его квартиры, где приказал арестовать его в полночь и сразу же повесить в его рубашке без какого-либо судебного разбирательства. Такие быстрые действия мало походили на спокойную и рассудительную умеренность Оранжа во всех случаях, но их, безусловно, могло быть достаточно, чтобы убедить Филиппа в том, что все противники инквизиции не были еретиками и преступниками. По прибытии принца в Антверпен было сочтено целесообразным, чтобы Хогстраатен оставался связанным с ним во временном правительстве города.

В течение февраля Бредероде оставался в Антверпене, тайно набирая войска. Вероятно, это было его намерение — если можно сказать, что у такого бессистемного и безответственного человека было намерение — совершить покушение на остров Вальхерен. Если удастся захватить такие важные города, как Флашинг и Мидделбург, он считал возможным предотвратить вооруженное вторжение, которое вскоре ожидается из Испании. Оранж послал в эти города офицера, который должен был разведать их состояние и посоветовать им не принимать гарнизон от правительства без его разрешения. До сих пор он потворствовал действиям Бредероде, на что имел полное право, поскольку Вальхерен находился в ведении принца, и он не был расположен к тому, чтобы эти города разделили судьбу Турнира, Валансьена, Буа-ле-Дюка и других городов, которые уже прошли или проходили под копытами иностранных наемников.

Также вероятно, что он не приложил никаких особых усилий для проверки зачисления в Бредероде. Миру в Антверпене ничто не угрожало, и для сохранения этого города принц, казалось, теперь ограничивал себя. Он был наследственным бургграфом Антверпена, но офицером Филиппа больше никогда. Таким образом, несмотря на резкие требования герцогини Маргарет, принц не предпринял активных мер, с помощью которых можно было бы обеспечить корону Филиппа. Он, возможно, смотрел на борьбу почти равнодушно. Тем не менее, он издал официальное заявление, согласно которому графу запрещалось вступать в армию. Ван дер Аа, джентльмен, принимавший активное участие в этих наборах, был вынужден покинуть город. Бредероде уже уехал на север, чтобы заняться дальнейшим зачислением.

Тем временем в Брюсселе поднялась большая тревога. Эгмонт, не упускавший возможности продемонстрировать свою лояльность, предложил немедленно отправиться на остров Вальхерен с целью вытеснить любых мятежников, которые могли бы проникнуть туда. Соответственно, он собрал семьсот или восемьсот валлонских ветеранов, находившихся в его распоряжении во Фландрии, в маленьком порту Сас-де-Гент, готовых немедленно осуществить свое намерение, "достойное, - говорит католический писатель, - его хорошо известного мужества и великодушия". Герцогиня выразила благодарность за преданность графа, но в дальнейшем его услуги оказались ненужными. Повстанцам, несколько лодок с грузом которых курсировали в окрестностях Флашинга в начале марта, было отказано во входе ни в один из портов острова. Поэтому они поплыли вверх по Шельду и высадились в маленькой деревушке под названием Остравель, на расстоянии чуть более мили от Антверпена.

Командиром экспедиции был Марникс из Тулузы, брат Марникса из Святой Альдегонды. Этот молодой аристократ, бросивший колледж, чтобы бороться за свободу вероисповедания, обладал прекрасными талантами и достижениями. Как и его прославленный брат, он уже был искренним новообращенным в доктрины реформатской церкви. Однако у него не было ничего, кроме смелости, чтобы рекомендовать его в качестве руководителя военной экспедиции. Он был всего лишь мальчишкой, совершенно лишенным полевого опыта. Его войска состояли из необученных новобранцев, бродяг и преступников вне закона.

Однако, как бы там ни было, его армия вскоре была размещена в Остравелле на удобной позиции и проявила немалую осмотрительность. В тылу у него был Шельд с его дамбами, справа и слева - дамбы и деревня. Впереди он возвел бруствер и вырыл траншею. Тогда здесь было водружено знамя восстания, и сюда ежедневно стекалось множество недовольных со всей округи. Через несколько дней в его лагере было три тысячи человек. С другой стороны, Бредероде был занят в Голландии и хвастался, что вскоре выйдет на поле боя по меньшей мере с шестью тысячами солдат. Вместе они пойдут на помощь Валансьену и установят мир в Брюсселе.

Было очевидно, что нельзя допустить, чтобы это продолжалось. Герцогиня с некоторым трепетом приняла предложение Филиппа де Ланнуа, сеньора де Бовуара, командира ее телохранителей в Брюсселе, без промедления уничтожить это гнездо мятежников. Половина всего числа этих солдат была предоставлена в его распоряжение, и Эгмонт предоставил де Бовуару четыреста своих опытных валлонов.

С отрядом численностью всего в восемьсот человек, но все они были отборными, бесстрашный офицер предпринял свое предприятие с большой поспешностью и секретностью. 12 марта весь отряд был отправлен небольшими группами, чтобы избежать подозрений, и вооружен только мечом и кинжалом. Их шлемы, щиты, аркебузы, доспехи, копья, штандарты и барабаны были переданы их офицерам, которые бесшумно доставили их к месту встречи. На следующее утро перед рассветом де Бовуар встретился со своими солдатами в аббатстве Святого Бернара, в лиге от Антверпена. Здесь он подал им оружие, угостил прохладительными напитками и произнес краткую речь. Он проинструктировал их, что они должны наступать со свернутыми знаменами и без барабанного боя, пока не окажутся в пределах видимости врага, что передовое отделение должно открыть огонь, отойти в тыл и зарядить оружие, за ним последует следующее, которое должно сделать то же самое, и, прежде всего, что ни одна аркебуза не должна быть выпущена, пока не будут видны лица врага.

Отряд двинулся в путь. После нескольких минут марша они оказались на виду у Остравелла. Затем они развернули свои флаги и двинулись к форту с громкими возгласами "ура". Толуз был застигнут врасплох так, словно они внезапно появились из недр земли. Ему сообщили, что правительство в Брюсселе крайне встревожено. Когда он впервые услышал приближающиеся трубы и внезапные крики, он подумал, что это отряд обещанных сил Бредероде. Крест на знаменах вскоре обманул его. Тем не менее, "как храбрый и великодушный молодой джентльмен, каким бы он ни был", он, не теряя времени, собрал своих людей для боя, умолял их защищать свои брустверы, которые были неприступны для таких небольших сил, и приказал им терпеливо ждать, открывая огонь, пока враг не подойдет достаточно близко, чтобы его можно было заметить.

Этим приказам не подчинились. "Молодой ученый", как назвал его Де Бовуар, не имел возможности вдохнуть свой дух в толпу своих последователей. Они уже были охвачены паникой из-за неожиданного появления врага. Католики наступали с хладнокровием ветеранов, прицеливаясь так тщательно, как будто это они, а не их враги стояли за брустверами. Войска Толуза стреляли яростно, опрометчиво, прямо поверх голов нападавших. Многие из защитников были убиты сразу же, как только они показались над своими бастионами. Ров был форсирован, бруствер взят единой решительной атакой. Повстанцы оказали небольшое сопротивление, но обратились в бегство, как только враг вошел в их крепость. Это была охота, а не битва. Сотни лежали мертвыми в лагере; сотни были загнаны в Щель; шестьсот или восемьсот человек укрылись в фермерском доме; но люди Де Бовуара подожгли здание, и каждый мятежник, вошедший в него, был сожжен заживо или расстрелян. Пощады не было. Едва ли хоть одному человеку из трех тысяч, удерживавших форт, удалось спастись. Тело Толуза было разрублено на сотню кусков. Сеньор де Бовуар имел основания в кратком письме, в котором рассказывалось об этом подвиге, заверить ее высочество, что в его маленьком отряде есть "несколько очень доблестных парней". Несомненно, они выполнили порученное им предприятие быстро, аккуратно и добились полного успеха. От великого мятежного сблища, которое с каждым днем, казалось, становилось все более грозным, не осталось и следа.

Эта кровавая драма разыгралась на виду у всего Антверпена. Бой продолжался с рассвета до десяти часов утра, и в течение всего этого времени городские валы, обращенные в сторону Остравелла, крыши домов, башни церквей кишели нетерпеливыми зрителями. Звуки барабана и трубы, грохот мушкетной стрельбы, победные крики, отчаянные вопли побежденных были услышаны тысячами людей, которые глубоко сочувствовали мятежникам, перенесшим столь кровавое наказание. В Антверпене было сорок тысяч человек, выступавших против Римской церкви. Из этого числа большую часть составляли кальвинисты, и тысячи этих кальвинистов смотрели с зубчатых стен на гибельную битву.

Вскоре возбуждение стало неконтролируемым. Около десяти часов огромное количество сектантов хлынуло к Красным воротам, которые обеспечивали наиболее удобный выход к месту действия; подъемный мост Остравельских ворот был разрушен накануне вечером по приказу Оранжа. Они приходили со всех улиц и переулков города. Некоторые были вооружены копьями, пиками или аркебузами; у некоторых были кувалды; у других были партизанские топоры и огромные двуручные мечи прошлого века; все были полны решимости выступить на помощь своим друзьям в полях за городом. Жена Толуза, еще не знавшая о смерти своего мужа, хотя его поражение было очевидным, ходила по улицам, призывая кальвинистов спасти или отомстить за своих гибнущих братьев.

Царило ужасное смятение. Десять тысяч человек уже были на ногах и с оружием в руках. — Именно тогда принц Оранский, которого его враги иногда описывали как робкого и малодушного по натуре, показал, из чего он был сделан. Его чувство долга больше не требовало от него защищать корону Филиппа, которая отныне должна была быть доверена наемникам инквизиции, но огромное население Антверпена, женщины, дети и огромные богатства самого богатого Божества в мире были вверены его заботам, и он принял на себя ответственность. Вскочив на коня, он немедленно появился у Красных ворот перед самой огромной толпой, с какой когда-либо сталкивался человек. Он прибыл туда почти один, без охраны. Вскоре после этого с тем же намерением прибыл Хогстраатен. Принц был встречен воплями проклятия. Тысячи хриплых голосов назвали его слугой папы Римского, посланником Антихриста и осыпали

его многими другими эпитетами того же рода. Его жизнь была в неминуемой опасности. Разъяренный суконщик направил аркебузу ему в грудь. "Умри, вероломный негодяй?" он воскликнул: "Ты тот, кто является причиной того, что наши братья так прискорбно погибли на том поле". Заряженное оружие было отбито другой рукой в толпе, в то время как принц, не обескураженный свирепыми демонстрациями покушения на его жизнь и невзбешенный жестокими оскорблениями, которым он подвергся, продолжал спокойно, серьезно, повелительно обращаться к толпе. В лице и на языке Вильгельма Оранского было то, "что люди охотно называют властолюбием". Каким другим талисманом мог бы он, без насилия и без солдат, усмирить хотя бы на мгновение десять тысяч разъяренных кальвинистов, вооруженных, взбешенных против его личности и жаждущих мести католикам? Задняя стена Красных ворот была прорвана еще до того, как прибыли Оранж и его коллега Хогстраатен. Самые возбужденные кальвинисты готовились броситься на врага в Остравелле. Принц, после того как он привлек внимание толпы, настаивал на том, что битва теперь окончена, что реформаторы полностью разбиты, враг отступает и что беспорядочная и плохо вооруженная толпа не сможет вернуть себе былую удачу. Многих убедили отказаться от этого проекта. Однако пятьсот самых буйных настояли на том, чтобы покинуть ворота, и губернаторы, недвусмысленно предупредив этих фанатиков, что их кровь должна пасть на их собственных головах, неохотно позволили этому числу покинуть город. Остальная часть толпы, не успокоенная, но неуверенная и настроенная отомстить католикам, находившимся в городских стенах, за бедствие, которое творилось снаружи, шумно устремилась на длинную и широкую улицу, называемую Мер, расположенную в самом центре города.

Тем временем пыл тех, кто совершил вылазку из ворот, заметно остыл, когда они оказались в открытом поле. Де Бовуар, чьи люди после победы бросились вдогонку за беглецами, теперь услышал шум в городе. Подозревая нападение, он снова собрал свою компактную маленькую армию для новой схватки. Последний из побежденных толузианцев, попавший в плен; более удачливый, чем их предшественники, он был спасен ради выкупа. Их было триста человек; довольно опасное количество пленных для восьмисот человек, которые только что вступили в очередное сражение. Поэтому де Бовуар приказал своим солдатам расстрелять их всех. Когда этот приказ был выполнен, католики двинулись маршем к Антверпену под бой барабанов и развевающиеся знамена. Пятьсот кальвинистов, которым не понравился их внешний вид и которые на самом деле были в меньшинстве, отступили внутрь; ворота закрылись так же поспешно, как они только что вышли из них. Де Бовуар приблизился к городскому рву, на краю которого он водрузил знамена несчастной Тулузы, и затрубил в трубу вызова. Обнаружив, что у горожан явно не хватило духу ввязаться в драку, он забрал свои трофеи и удалился.

С другой стороны, смятение внутри стен снова усилилось. Кальвинисты в большом количестве собирались на Мерэ. Это была большая и великолепная улица, скорее продолговатая рыночная площадь, чем улица, застроенная величественными зданиями и сообщавшаяся различными перекрестками с Биржей и многими другими общественными зданиями. К полудню на площади собралось двенадцать или пятнадцать тысяч кальвинистов, все вооруженные и воинственные люди. Они забаррикадировали весь участок тротуарами и перевернутыми фургонами. Они уже ворвались в арсенал и захватили множество полевых орудий, которые были установлены у входа на каждую улицу и переулок. Они взяли штурмом городскую тюрьму и освободили заключенных, все из которых, благодарные и свирепые, пришли, чтобы пополнить ряды тех, кто защищал крепость на Мерэ. Затевалось ужасное злодеяние. Угрозы разграбления церквей и домов католиков, разграбления всего богатого города были отчетливо слышны среди этой

могущественной толпы, возбужденной религиозным энтузиазмом, но содержащей в одной огромной разнородной массе элементы всех преступлений, которые только может совершить человечество. Тревога по всему городу была неопишуемой. Криков женщин и детей, пребывавших в трепетном ожидании того, что принесет следующий час, было, по словам того, кто их слышал, "достаточно, чтобы смягчить самые ожесточенные сердца".

Тем не менее усердие и мужество принца не отставали от восстания. Он приказал собрать восемь рот гвардейцев, зачисленных в сентябре, на площади перед ратушей для защиты этого здания и магистратуры. Он созвал сенат города, совет старейшин, деканов гильдий, мастеров приходов, чтобы посоветоваться с ним в зале совета. Рискуя жизнью, он снова предстал перед разъяренной толпой в Мерье, двинулся навстречу их пушкам и крикам и заставил их назначить восемь депутатов для переговоров с ним и магистратами в ратуше. Сделав это, он быстро, но обдуманно составил шесть статей, с которыми эти депутаты согласились и в которых городские власти сердечно объединились. Эти статьи предусматривали, что ключи от города должны оставаться во владении принца и Хоогстраатена, что стражу должны нести бюргеры и солдаты вместе, что магистраты не должны разрешать въезд гарнизону и что забота о хартиях, особенно о том, что касается радостного въезда, должна быть возложена на граждан.

Эти договоренности, когда их депутаты представили их собранию в Мерэ, не были приняты благосклонно. Кальвинисты потребовали ключи от города. Они не хотели быть запертыми на милость какого-либо человека. Они уже пригрозили взорвать мэрию в воздух, если им не доставят ключи. Они утверждали, что бюргерам без различия вероисповедания, а не наемным войскам, следует разрешить охранять рыночную площадь перед ратушей.

Наступила ночь, и никакой определенной договоренности заключено не было. Тем не менее, было заключено временное перемирие посредством уступки в отношении охраны. Было решено, что для защиты города следует нанять бюргеров, кальвинистов и лютеран, а также католиков. Однако по хитрости кальвинисты, специально выделенные для этой службы, были размещены не на городской площади, а на крепостных валах и у ворот.

Прошла ночь ужасного ожидания. Пятнадцатитысячная армия мятежников оставалась разбитой лагерем и забаррикадированной на Берегу, с заряженными ружьями и наведенной артиллерией. Яростные крики "Да здравствуют нищие", "Долой папистов" и другие знаменательные лозунги раздавались всю ночь напролет, но более серьезной вспышки не произошло.

Весь следующий день кальвинисты оставались в своем лагере, католики и городская стража - на своих постах возле ратуши. Принц с утра до ночи был занят в зале совета с муниципальными властями, депутатами от "религии" и чиновниками гильдии составлением нового мирного договора. К вечеру было согласовано пятнадцать статей, которые должны были быть немедленно предложены повстанцам и в случае их непринятия приведены в исполнение. Договоренность предусматривала, что не должно быть гарнизона; что сентябрьские контракты, разрешающие реформатское богослужение в определенных местах в пределах города, должны быть сохранены; что люди разных партий должны воздерживаться от взаимных оскорблений; что два губернатора, принц и Хоогстраатен, должны хранить ключи; что город должен охраняться как солдатами, так и гражданами, без различия религиозных убеждений; что для защиты этого места должен быть выделен отряд из четырехсот кавалеристов и небольшая флотилия военных кораблей, и что расходы, которые должны быть понесены, должны быть

возложены на все классы, духовенство и мирян, католиков. и Реформированы без каких-либо исключений.

Предполагалось, что губернаторы в сопровождении магистратов немедленно отправятся в Мерэ, чтобы изложить повстанцам эти условия. Однако уже наступила ночь, и было понятно, что раздражение кальвинистов скорее усилилось, чем уменьшилось, так что было сомнительно, что это соглашение будет принято. Поэтому было необходимо дождаться решения вопроса на другой день, а не провоцировать ночные бои на улицах.

В течение ночи принц неустанно трудился, чтобы защититься от опасностей завтрашнего дня. Кальвинисты яростно выразили свое неприятие каких-либо разумных мер. Они пригрозили, не откладывая в долгий ящик, разграбить религиозные дома и особняки всех богатых католиков и изгнать из города всех папистов. Они призвали лютеран присоединиться к ним в их восстании и пригрозили им, в случае отказа, той же участью, которая ожидала католиков. Принц, который сам был лютеранином, не совсем свободным от всеобщего предубеждения против кальвинистов, к секте которых он впоследствии примкнул, был полностью осведомлен о прискорбном факте, что вражда в те дни между кальвинистами и лютеранами была такой же яростной, как между реформаторами и католиками. Теперь он воспользовался этим чувством и своим влиянием на сторонников Аугсбургского исповедания, чтобы спасти город. Ночью он беседовал со священниками и видными членами лютеранских церквей и убедил их заключить по этому случаю союз с католиками и со всеми друзьями порядка против армии преступников, которые угрожали сжечь и разграбить город. Лютеране в ночной тишине взяли за оружие и разбили лагерь численностью в три или четыре тысячи человек на берегу реки, по соседству с монастырем Святого Михаила. Принц также послал за деканами всех иностранных торговых ассоциаций — итальянской, испанской, португальской, английской, ганзейской, привлек их помощь также для защиты города и приказал им оставаться в доспехах на своих заводах, готовыми действовать в любой момент. предупреждение. Было решено, что их следует регулярно информировать о ходе событий.

Утром 15-го числа город Антверпен представлял собой устрашающее зрелище. В разных точках его стен были выстроены три разные армии. Пятнадцатитысячная армия кальвинистов расположилась лагерем на набережной; вооруженные и жаждущие действия лютеране находились у собора Святого Михаила; католики и регулярные части городской стражи были выставлены на площади. По самым скромным подсчетам, поднялось от тридцати пяти до сорока тысяч человек. Все стороны были возбуждены и рвались в бой. Огонь религиозной ненависти яростно пылал в каждой груди. Многие преступники и изгои, нашедшие убежище в ходе недавних событий в Антверпене, находились в рядах кальвинистов, профанируя святое дело и вдохновляя фанатичную партию кровавыми решениями. Паписты, раз и навсегда, должны были быть выслежены, точно так же, как они годами преследовали реформаторов. Пусть с людьми, которые жирели на добыче ограбленных христиан, поступят подобным образом. Пусть их дома будут разграблены, их тела брошены собакам — таковы были крики, издаваемые тысячами вооруженных людей.

С другой стороны, лютеране, такие же злые и богатые, как и католики, видели в каждом кальвинисте убийцу и грабителя. Они жаждали их крови, ибо дух религиозного безумия, характерный для того века, с трудом поддается пониманию в наш более холодный и скептический век. Были все основания полагать, что в тот день на улицах Антверпена должно

было разыгаться кровопролитное сражение — генеральное сражение, в ходе которого, кто бы ни был победителями, город наверняка был предан огню, разграблению и поруганию. Таков был бы результат, согласно совпадающим свидетельствам очевидцев и современных историков всех стран и вероисповеданий, если бы не мужество и мудрость одного человека. Вильгельм Оранский знал, какими будут последствия битвы, затянувшейся у стен Антверпена. Он предвидел ужасный хаос, которого следовало ожидать, опустошение, которое воцарится в каждом очаге города. "Никогда еще люди не были в таком отчаянии и с таким желанием сражаться", - сказал сэр Томас Грэшем, который каждый час ожидал, что его призовут принять участие в конфликте. Если бы принц не смог в то утро предотвратить надвигающееся бедствие, никакая другая сила под небесами не смогла бы спасти Антверпен от разрушения.

Статьи, подготовленные 14-го числа, уже были одобрены теми, кто представлял интересы католиков и лютеран. Они были зачитаны ранним утром войскам, собравшимся на площади и в соборе Святого Михаила, и встречены сердечными приветствиями. Теперь было необходимо, чтобы кальвинисты приняли их или чтобы ссора была прекращена немедленно. В десять часов Вильгельм Оранский в сопровождении своего коллеги Хогстраатена, комитета муниципальных властей и сотни кавалеристов выехал в Мер. Поверх доспехов они носили красные шарфы как символы, которыми отличались все те, кто объединился для подавления восстания. Пятнадцать тысяч кальвинистов, свирепых и беспорядочных, как всегда, сохраняли угрожающий вид. Тем не менее принцу разрешили въехать на середину площади. Затем статьи были прочитаны вслух по его команде, после чего он с большим самообладанием сделал несколько замечаний. Он указал, что предложенное им соглашение было основано на сентябрьских уступках, что было признано право отправления культа, что иностранный гарнизон был запрещен и что больше ничего нельзя было справедливо требовать или с честью допускать. Он сказал им, что борьба с их стороны была бы безнадежной, поскольку католики и лютеране, которые все были согласны с справедливостью договора, превосходили их численностью почти вдвое к одному. Поэтому Он самым искренним и нежным образом заклинал их засвидетельствовать свое согласие с предложенным миром, повторив слова, которыми он должен был завершить свое выступление. Затем твердым голосом принц воскликнул: "Боже, храни короля!" Это был последний раз, когда эти слова прозвучали из уст человека, уже объявленного Филиппом вне закона. Толпа кальвинистов на мгновение заколебалась, а затем, не в силах сопротивляться спокойному влиянию, убежденные его разумным языком, они подняли один громкий крик "Да здравствует король!"

Дело было сделано, мир принят, ужасное сражение предотвращено, Антверпен спасен. Депутаты от кальвинистов теперь официально приняли и подписали статьи. Различные классы сограждан обменялись добрыми словами, которые всего час назад жаждали крови друг друга, артиллерия и другие боевые средства были возвращены в арсеналы, кальвинисты, лютеране и католики сложили оружие, и к трем часам в городе воцарилась полная тишина. По некоторым оценкам, было поднято пятьдесят тысяч вооруженных людей, однако после трех дней ужасного ожидания ни один человек не был ранен, и беспорядки теперь утихли.

Принц, по правде говоря, использовал взаимную враждебность протестантских сект с благой целью, предотвратив кровопролитие тем самым оружием, которым должна была вестись битва. Если бы такой человек, как Вильгельм Молчаливый, мог занять трон там, где восседал Филипп Благоразумный, насколько иначе могла бы сложиться история Испании и судьба Нидерландов. Однако Грэшем был прав в своем предположении, что регент и двор не "хорошо отнесутся к

делу". Маргарита Пармская была неспособна понять такой ум, как у Оранского, или оценить его усилия. Она была окружена беспринципными и корыстолюбивыми солдатами, которые приветствовали грядущую гражданскую войну как самую прибыльную из спекуляций. "Фактотум" Мансфельд; графы Аремберг и Мегем, герцог Эрсхот, Кровожадные нуаркармы, уже подсчитывали свою долю в предстоящих конфискациях. В приближающемся междоусобном конфликте собравшиеся получают золото, даже если их мечи не будут увенчаны почетными лаврами. "Мегэн со своим полком опустошает страну, - писал Вильгельм Оранский ландграфу Гессенскому, - и доводит многих людей до нищеты. Аремберг делает то же самое во Фрисландии. Они только думают о том, как под предлогом религии перемолоть бедных христиан и стать богатыми и могущественными на своих поместьях и своей крови".

Сеньор де Бовуар написал герцогине, требуя все поместья Тулузы и своего брата Сент-Альдегонда в качестве награды за победу при Остравеле, в то время как Нуаркарм в этот самый момент должен был начать в Валансьене ту карьеру убийств и грабежей, которая продолжилась в Монсе несколько лет спустя и опозорила его имя.

Неужели дело рук Уильяма де Нассау - добиться аплодисментов от такого регента, окруженного такими советниками? Какое им было дело до того, что в одном из богатейших и густонаселенных городов христианского мира обошлись без резни и грабежей? Разве резня и грабеж не были теми самыми элементами, в которых они развлекались? И что могло быть совершено более ужасного преступления против Бога и Филиппа, чем разрешить, как только что разрешил принц, право отправления культа в христианской стране кальвинистам и лютеранам? Поэтому, как само собой разумеющееся, Маргарита Пармская осудила условия, на которых был спасен Антверпен, как "новую и непомерную капитуляцию", и не имела намерения выражать свое одобрение ни принцу, ни магистрату.

1567 [ГЛАВА X.]

Эгмонт и Эршо перед Валансьеном—Жестокость Эгмонта—
Капитуляция города—Побег и поимка министров—
Казнь Ла Гранжа и Де Бре —Ужасная жестокость в
Валансьен—Последствия сокращения Валансьена—Герцогиня
в Антверпене—Вооруженное вторжение в провинции, о котором было принято решение в
Испании—
Назначение Альвы—Возмущение Маргариты—Миссия Де Билли—
Притворный визит Филиппа—Попытки герцогини одержать верх над
Orange—Миссия Берти—Интервью Orange и Эгмонта в
Письма Виллебрука—Оранского Филиппу, Эгмонту и Хорну—
Оранж покидает Нидерланды—Письмо Филиппа Эгмонту—
Секретные разведданные, полученные Оранж—Миссия Ла Торре в
Бредероде—Отъезд и смерть Бредероде—Смерть Бергена—Отчаяние
в провинциях—Массовая эмиграция—Жестокости, применяемые к приверженцам
новой религии—Эдикт от 24 мая—Гнев короля.

Валансьен, судьба которого так тесно зависела от исхода этих различных событий, теперь с трепетом ожидал ее падения. Нуаркармы все плотнее и плотнее окружали город и изощренной

жестокостью вынудили многих кальвинистов из Турнедействовать в качестве первопроходцев в окопах против своих же собратьев в Валансьене. После поражения при Тулузе и последовавшего за этим срыва всех планов Бредероде по снятию осады герцогиня отправила в Валансьен новый вызов вместе с письмами, знакомящими горожан с результатами битвы при Остревеле. Разведанным никто не поверил. Однако Эгмонт и Эршо, которым Маргарита доверила эту последнюю миссию в осажденном городе, резко упрекнули депутатов, прибывших вести переговоры с ними, за их дерзость сомневаться в словах регента. Оба сеньора обосновались в замке Бюснаж, на расстоянии одного лье от Валансьена. Здесь они принимали уполномоченных из города, половина из которых были католиками, назначенными магистратами, половина - кальвинистами, назначенными консисториями. Этим посланцам сообщили, что герцогиня простит городу его прошлые проступки при условии, что ворота будут открыты, гарнизон принят и полное подавление всех религий, кроме римской, будет принято безропотно. Поскольку почти все население исповедовало кальвинистскую веру, эти условия вряд ли можно было считать благоприятными. Однако было добавлено, что реформаторам должно быть предоставлено четырнадцать дней для преобразования их собственности и отъезда из страны.

Депутаты, посоветовавшись со своими избирателями в городе, вернулись на следующий день со встречными предложениями, которые, скорее всего, не нашли одобрения у правительства. Они предложили принять гарнизон при условии, что солдаты будут жить за свой счет, без каких-либо налогов с граждан на их питание, ночлег или жалованье. Они утверждали, что все имущество, которое было изъято, должно быть восстановлено, все лица, обвиняемые в государственной измене, освобождены. Они потребовали безоговорочной отмены эдикта, которым город был объявлен мятежным, вместе с гарантией от Рыцарей Руна и государственного совета, что условия предложения и договора должны строго соблюдаться.

Как только эти условия были зачитаны обоим сеньорам, герцог Эршо разразился безудержным приступом смеха. Он возразил, что ничто не может быть более смехотворным, чем подобные предложения, достойные завоевателя, диктующего мир, предложенный таким образом городом, находящимся в постоянной осаде и полностью находящимся во власти врага. Веселье герцога не разделял Эгмонт, который, напротив, впал в неистовую страсть. Он поклялся, что город будет сожжен у них на глазах и что каждый из жителей будет предан мечу за дерзкие высказывания, с которыми они осмелились обратиться к милосерднейшему государю. Он приказал дрожащим депутатам немедленно вернуться с этим категорическим отказом от их условий и с его приказом принять предложения правительства в трехдневный срок.

Уполномоченные упали на колени к ногам Эгмонта и молили о пощаде. Они умоляли его, по крайней мере, передать это повелительное послание не их рукой, а какой-нибудь другой и позволить им удалиться из города. По их словам, разъяренные жители должны были бы разорвать их на куски, если бы они осмелились предстать перед ними с такими инструкциями. Эгмонт, однако, заверил их, что их следует отправить в город связанными по рукам и ногам, если они немедленно не подчинятся его приказу. Поэтому депутаты с тяжелым сердцем были вынуждены вернуться домой с таким горьким результатом своих переговоров. Условия были отвергнуты, как само собой разумеющееся, но мрачные предчувствия членов комиссии относительно их собственной судьбы от рук их сограждан не оправдались.

Теперь были немедленно приняты меры по обстрелу города из пушек. Эгмонт, рискуя жизнью, спустился в ров, чтобы осмотреть укрепления и составить мнение о наиболее подходящем месте для наведения батарей. Сообщив о результатах своего расследования Нуаркарму, он вернулся, чтобы доложить обо всем регенту в Брюсселе. Несомненно, теперь граф достаточно отдалился от Вильгельма Оранского и проявлял энергию в борьбе за тиранию, которая была достаточно беспринципной. Многие люди, которые в прежние времена были обмануты его более щедрыми проявлениями, пытались убедить себя, что он играет свою роль. Однако Нуарнамес — а ни один человек не был более компетентен, чтобы четко решить этот вопрос, — выразил свою полную уверенность в лояльности Эгмонта. Маргарет тепло откликнулась на его хвалебные речи, с одобрением прочитала секретные письма Эгмонта Нуаркарму и выразила глубочайшее уважение и привязанность к "графу". Эгмонт также, не теряя времени, написал Филиппу, сообщив ему, что он выбрал наиболее подходящее место для штурма упрямого города Валансьен, сожалея, что у него не было восьми или десяти военных рот, которые теперь были в его распоряжении, днем раньше, и в этом случае он смог бы подавить многие беспорядки, но поздравляя своего государя с тем, что все проповедники были в бегах, реформатская религия подавлена, а народ разоружен. Он заверил короля, что приложит все усилия, чтобы предотвратить возобновление беспорядков, и выразил надежду, что его величество будет доволен его поведением, несмотря на клевету, которой были полны времена.

Тем временем Нуарнамес снял маску со своих батарей и открыл огонь в точном соответствии с предложениями Эгмонта.

Сначала артиллерия нанесла удар по так называемой "Белой башне", на которой случайно оказалась эта древняя рифмующаяся надпись:

"Когда каждый получит свое,
И справедливость восторжествует для сильных и слабых,
Совершенной будет эта каменная башня,
И все немые научатся говорить".

"Quand chacun sera satisfait,
Et la justice regnera,
Ce boulevard sera parfait,
Et—la muette parlera."—Valenciennes MS.

По какой-то неизвестной причине это довольно безвкусное четверостишие было превращено в злое пророчество. Считалось очень зловещим, что батарея должна быть открыта первой против этой Сивиллиной башни. Кроме того, куранты, которые всю осаду играли музыку священных песен Маро, в то утро со всех колоколен зазвучали двадцать второй псалом: "Боже мой, Боже мой, почему ты оставил меня?"

Это было Вербное воскресенье, 23 марта. Женщины и дети скорбно ходили по улицам, держа в руках зеленые ветви, и молились, стоя на коленях, во всех частях города. Отчаяние и суеверия овладели горожанами, которые до того времени оправдывали утверждение Ла Нуэ, что никто не выдержит осады лучше гугенотов. Как только началась канонада, дух жителей, казалось, испарился. Священники тщетно увещевали свою паству, когда черепица и дымоходы начали

рушиться на улицы, а на артиллерийские залпы отозвался всеобщий плач перепуганных женщин.

В первый же день после снятия масок с батарей город направил в Нуар войска, предлагая почти безоговорочную капитуляцию. Не было совершено ни малейшей брешки — не существовало ни малейшей опасности нападения, — и все же горожане, которые заслужили уважение своих противников храбростью, с которой они совершали вылазки и вели перестрелки во время осады, теперь, отчаявшись в любой надежде на возможную помощь, и полностью деморализованные ходом недавних событий за их стенами, сдались с позором и по собственному усмотрению. Единственное условие, на которое согласились Нуарармесы, состояло в том, что город не должен быть разграблен и что следует сохранить жизни жителей.

Однако это обещание было дано только для того, чтобы его нарушили. Нуарнармы вошли в город и закрыли ворота. Все самые богатые граждане, которые, конечно же, считались самыми преступными, были немедленно арестованы. Солдатам, хотя формально и не разрешалось разграблять город, были расквартированы жители, которых они грабили и убивали, по свидетельству гражданина-католика, почти по своему усмотрению.

Майкл Херлин, очень богатый и выдающийся бюргер, был арестован в первый же день. Два министра, Гвидо де Брей и Перегрин де ла Гранж, вместе с сыном Херлина совершили побег через водные ворота. Укрывшись в таверне в Сен-Арно, они были замечены за ужином крестьянином, который немедленно побежал к мэру городка с известием, что в Сен-Арно прибыли какие-то люди, выглядевшие как беглецы. Один из них, по словам информатора, был богато одет и носил меч с золотой рукоятью и в бархатных ножнах. По описанию мэр узнал Херлина младшего и заподозрил его спутников. Все они были арестованы и отправлены в Нуарармес. Двое Херлинов, отец и сын, были немедленно обезглавлены. Гвидо де Брей и Перегрин де ла Гранж были закованы в цепи и брошены в грязную темницу, где их предварительно повесили. Здесь их посетила графиня де Руль, которой было любопытно посмотреть, как кальвинисты выдержали свое мученичество. Она спросила их, как они могут спать, есть или пить, будучи закованы в такие тяжелые оковы. "Дело и моя чистая совесть, - ответил Де Брей, - заставляют меня есть, пить и спать лучше, чем тех, кто причиняет мне зло. Эти кандалы для меня более почетны, чем золотые кольца и цепи. Они мне более полезны, и когда я слышу их звон, мне кажется, что я слышу музыку сладких голосов и позвякивание лютен".

Это ликование никогда не покидало этих отважных энтузиастов. Они восприняли свой смертный приговор "как приглашение на брачный пир". Они подбадривали друзей, которые толпились на пути к эшафоту, увещеваниями оставаться верными реформатской вере. Ла Гранж, стоя на лестнице, громким голосом провозгласил, что он был убит за то, что проповедовал чистое слово Божье христианскому народу в христианской стране. Де Брей, находясь под той же виселицей, стойко свидетельствовал, что он тоже совершил это преступление в одиночку. Он предостерегал своих друзей повиноваться магистратам и всем другим лицам, облеченным властью, за исключением вопросов совести; воздерживаться от подстрекательства к мятежу; но повиноваться воле Божьей. Палач сбросил его с лестницы, когда он еще говорил. Так закончились жизни двух красноречивых, образованных и высокоодаренных богословов.

В этом несчастном городе были принесены в жертву многие сотни жертв. "Было задушено или обезглавлено очень много других горожан, - говорит аристократический католический историк того времени, - но в основном это были личности невысокого уровня, имена которых мне совершенно неизвестны". — [Понтус Пайен] - Все привилегии города были аннулированы. Было конфисковано огромное количество имущества в пользу Нуармеса и остальных "Семи спящих". Многие кальвинисты были сожжены, другие повешены. "В течение целых двух лет, - говорит другой католик, который в то время был гражданином Валансьена, - не проходило и недели, чтобы несколько граждан не были казнены, и часто за один раз отправлялось большое количество людей. Все это так встревожило добрых и невинных, что многие покинули город так быстро, как только могли". Если бы добрым и невинным людям случилось быть богатыми, они могли бы быть уверены, что никто из полицейских не счел бы это преступлением, которое не могут искупить никакая доброта и невинность.

От судьбы Валансьена зависела, как будто по общему согласию, вся судьба антикатолической партии. "Наконец-то люди узнали, - говорит другой валлонец, - что у короля длинные руки и что он набирал солдат не для того, чтобы нанизывать бусы. Поэтому они втянули в дело свои рога и злобный нрав, намереваясь снова пустить их в ход, если правительству не удастся осадить Валансьен ". Однако правительству это удалось, и ужас был чрезвычайным, всеобщее подчинение - немедленным и даже жалким. "Взятие Валансьена, - писал Нуаркарм Гранвелю, - сотворило чудо. Все другие города выходят мне навстречу, надевая веревку на собственные шеи". Нигде не было оказано сопротивления. Турне был разгромлен; Валансьен, Буа-ле-Дюк и все другие важные города безропотно приняли свои гарнизоны. Даже "Антверпен" предпринял свою последнюю борьбу и, как только оранжевая лошадь повернулась спиной, опустился на колени в пыль, чтобы взять ее под уздцы. Принц смог, благодаря своему мужеству и мудрости, предотвратить кровопролитный конфликт в его стенах, но одно его личное присутствие могло гарантировать жителям что угодно, например, свободу вероисповедания, теперь, когда остальная часть страны была покорена. 26 апреля шестнадцать рот пехоты под командованием графа Мансфельда вошли в ворота. 28-го герцогиня посетила город, где ее приняли с уважением, но где ее глаза были потрясены тем, что она назвала "отвратительным, печальным и отвратительным зрелищем заброшенных церквей".

Для глаз всех, кто любил свое отечество и свою расу, вид опустошенной страны, с ее древними уставами, вытесненными грубой силой, с ее трудолюбивым населением, массово покидающим землю, как будто свирепствовала эпидемия, с виселицами и помостами, воздвигнутыми в каждой деревне, и с отвратительным и всеобщим предчувствием еще более мрачных бедствий, которые последуют за этим, был зрелищем еще более печальным, отвратительным и омерзительным.

Ибо теперь было решено, что герцог Альва во главе испанской армии немедленно отправится в Нидерланды. Земля, уже поработанная, должна была быть сокрушена, а все остатки ее древних свобод уничтожены. Завоеванные провинции, некогда являвшиеся обителью муниципальной свободы, науки, искусства и литературы и благословленные беспрецедентным коммерческим и промышленным процветанием, должны были быть переданы в полное подчинение кабинету министров в Мадриде. Тупой и злобный фанатик, которому помогали несколько испанских грандов и который проживал на другом конце Европы, отныне должен был осуществлять деспотическую власть над странами, которые на протяжении веков пользовались местной администрацией и системой, почти приближающейся к полному самоуправлению.

Такова была политика, разработанная Гранвелем и Спинозой, для проведения которой герцог Альва 15 апреля покинул Мадрид.

Было вполне естественно, что Маргарита Пармская возмутилась тем, что ее таким образом вытеснили. Она считала, что приобрела большой авторитет благодаря тому, как были подавлены последние повстанческие движения, как только Филипп, после своих бесконечных уступок, снабдил ее оружием и деньгами. Поэтому она написала брату в крайне резком тоне, выражая свое недовольство. По ее словам, она всегда была скована в своих действиях из-за того, что он ограничивал ее полномочия. Она жаловалась, что он не заботится о ее репутации или душевном спокойствии. Несмотря на все препятствия и опасности, она, наконец, обустроила страну, и теперь другому человеку предстояло пожинать плоды этой чести. Она также отправила сеньора де Билли в Испанию с целью устного представления его величеству о нецелесообразности отправки герцога Альвы в Нидерланды в данный момент с испанской армией.

Однако Маргарита ничего не добилась своими письмами и посланием, кроме резкого упрека от Филиппа, который не привык терпеть возражений, даже от своей сестры. Его цель была определена. Теперь все должны были проявить абсолютное подчинение. "Он был крайне удивлен и недоволен, - сказал он, - что она осмелилась написать ему с такой страстью и в такой решительной манере. Если она не получила никакой другой награды, кроме славы за то, что восстановила служение Богу, она должна выразить свою благодарность королю за предоставленную ей возможность сделать это".

Притворство о намерениях климента все еще сохранялось, как и пустое притворство о королевском визите. Альва и его армия пришли лишь для того, чтобы подготовить дорогу королю, который по-прежнему представлялся "добродушным и мягким, медлительным к гневу и не склонным к кровопролитию". Поверхностные люди верили, что король действительно прибывает, и надеялись на чудеса от его пришествия. Герцогиня знала лучше. Папа римский никогда в это не верил, Гранвель никогда в это не верил, принц Оранский никогда в это не верил, советник д'Ассонлевиль никогда в это не верил. "У его величества, - говорит валлонский историк, опираясь на документы Ассонлевиля, - было много веских причин не приезжать. Он любил тишину, был великим переговорщиком, отличался флегматичностью и скромностью, не склонен к длительным путешествиям, особенно к морским, которые были для него очень болезненными. Более того, в то время он строил свой Эскориал с таким вкусом и любовью, что для него было невозможно выйти из дома ". Этих веских причин было достаточно, чтобы задержать монарха, на место которого был назначен генерал, который, следует признать, не был ни флегматичным, ни скромным, и энергии которого вполне хватало для выполнения требуемой работы. По правде говоря, в планах короля посетить Нидерланды никогда не было ничего, кроме притворства.

С другой стороны, работа Orange на тот момент была закончена. Он спас Антверпен, он сделал все возможное, чтобы сохранить свободы страны, права совести и королевскую власть, насколько они были совместимы друг с другом. Теперь каждому человеку была явно навязана альтернатива: либо пообещать слепое повиновение, либо принять положение мятежника. Таким образом, Вильгельм Оранский стал мятежником. От него потребовали подписать новую клятву, которую с жадностью принесли Мансфельды, Берлаймонты, Эйрахоты и Эгмонты, подчиняться любому приказу, который он может получить, в отношении любого человека и в

любом месте, без каких—либо ограничений, - и он недвусмысленно и неоднократно отклонял это требование. Он снова и снова настаивал на том, чтобы уйти со всех своих постов. Герцогиня, все больше и больше стремившаяся склонить столь влиятельную особу на сторону тирании, была весьма настойчива в своих требованиях. "Человек с таким благородным сердцем, - писала она принцу, - и происходящий от таких прославленных и преданных предков, несомненно, не может забыть о своих обязанностях перед его Величеством и страной".

Вильгельм Оранский знал свой долг перед обоими лучше, чем герцогиня могла понять. Он ответил на этот новый вызов, напомнив ей, что он единогласно отказался от нового и экстраординарного обязательства, которое от него требовали. Он был верен своим старым клятвам, и поэтому в новых клятвах не было необходимости. Более того, клятву без ограничений он бы никогда не дал. По его словам, может случиться так, что ему прикажут совершать поступки, противоречащие его совести, наносящие ущерб службе его Величеству и нарушающие его клятву соблюдать законы страны. Поэтому он еще раз сложил с себя все свои должности и заявил о своем намерении покинуть провинцию.

Маргарет ранее приглашала его на собеседование в Брюссель, от которого он отказался, поскольку обнаружил там заговор с целью "сыграть с ним злую шутку". Ассонлеви уже был отправлен к нему, но безрезультатно. Он отказался встретиться с депутацией рыцарей Руна в Мехлине из-за того же подозрения в нечестной игре. После прекращения беспорядков в Антверпене 19 марта Оранж снова написал герцогине, повторив свой отказ принести присягу и заявив, что считает себя, по крайней мере, отстраненным от всех своих функций, поскольку она отказалась, сославшись на недееспособность, принять его официальную отставку. Теперь Маргарет решила, по совету государственного совета, отправить секретаря Берти, снабженного обширным письмом с инструкциями, со специальной миссией к принцу в Антверпен. Этот уважаемый чиновник с честью выполнил свою задачу, соблюдая обычные формальности и приводя избитые аргументы в пользу неограниченной присяги с большой ловкостью и благопристойностью. Он мягко указал на неуместность передачи столь ответственных постов, как те, которые сейчас занимал принц, в такой момент. Он намекнул на огорчение, которое этот шаг должен вызвать у добродушного государя.

Вильгельм Оранский стал несколько нетерпеливым после официальной лекции этого секретаря тайного совета, простого человека с сургучными печатями и протоколами. Скучный запас банальностей, которыми он снабдил себя, вскоре иссяк. Его аргументы сразу же иссякли от презрения, с которым принц их воспринял. Великий государственный деятель, который, как надеялись, будет обречен на разорение, бесчестие и смерть из-за таких весьма жалких уловок, с негодованием спросил, действительно ли ожидается, что он признает себя нарушившим свои старые обязательства, подписав теперь новые; что он опозорит себя неограниченным обещанием, которое может потребовать от него нарушить свои клятвы провинциальным статутам и императору; что он согласится издавать религиозные эдикты, которые он ненавидит; что он будет действовать как палач христиан из-за их религиозных убеждений, должность, против которой он выступает. душа его возмутилась; что он связал себя неограниченным обещанием, которое могло потребовать от него предать смерти собственную жену за то, что она была лютеранкой? Более того, следовало ли предполагать, что он будет безоговорочно подчиняться любым приказам, отданным ему от имени его Величества, когда представителем короля может быть человек, чье превосходство не подобает признавать представителю его

расы? Должен ли был Вильгельм Оранский получать абсолютные приказы от герцога Альвы? Принц, с негодованием упомянув это имя, замолчал.

Было совершенно очевидно, что формалисты не должны были произвести на этого человека никакого впечатления. Бедняга Берти, добросовестно спрягнув свою парадигму во всех ее наклонениях и временах, вернулся к своей зеленой доске в зале заседаний со своим протоколом конференции. Однако, прежде чем уйти, он убедил Оранского провести собеседование с герцогом Эршотским, графом Мансфельдом и графом Эгмонтом.

Эта памятная встреча состоялась в Виллебруке, деревне на полпути между Антверпеном и Брюсселем, в первую неделю апреля. Герцогу Эршотскому не позволили присутствовать, но Мансфельд и Эгмонт — в сопровождении верного Берти, чтобы совершить еще один устный процесс, — должным образом явились. Принц никогда не испытывал особой симпатии к Мансфельду, но между ним и Эгмонтом всегда существовала нежная и честная дружба, несмотря на разницу в их характерах, непрекращающиеся уловки, к которым прибегал испанский двор, чтобы разлучить их, и непроходимую пропасть, которая теперь существовала между их позициями по отношению к правительству.

Те же самые общие места аргументации и риторики теперь обсуждались между Оранж и тремя другими персонажами, принц отчетливо заявил в заключение, что он считает себя уволенным со всех своих должностей и что он собирается уехать из Нидерландов в Германию. Интервью, если бы оно ограничилось такой формальной беседой, имело бы мало исторического интереса. Выбор Эгмонта был сделан. Несколькими месяцами ранее он заявил о своей решимости считать врагами тех, кто перестанет вести себя как верные вассалы, заявил, что не боится того, что страна окажется в руках испанцев, и отрекся от всякого намерения, в любом случае, поднять оружие против короля. Его последующий курс, как мы видели, полностью соответствовал этим торжественным заявлениям. Тем не менее принц, которому они были вручены, считал еще возможным отвести своего друга от пропасти, на которой он стоял, и спасти его от неминуемой участи. Его любовь к Эгмонту, выражаясь его собственным благородным и патетичным языком, "пустила слишком глубокие корни в его сердце", чтобы позволить ему в этой их прощальной встрече пренебречь последним усилием, даже если этому торжественному предупреждению суждено было быть проигнорированным.

При любом разумном построении истории Филипп был беспринципным узурпатором, пытавшимся превратить себя из герцога Брабанта и графа Голландии в абсолютного короля. Именно Вильгельм поддерживал, Филипп разрушал; и монарх, который таким образом подрывал счастье провинций и собирался истребить их население, должен был тем же способом навсегда подорвать свою собственную власть и лишиться своего богатейшего наследства. Человек, на которого он мог бы опереться в поисках поддержки, если бы был способен понять его характер и понять эпоху, в которую он сам был призван править, был из-за собственного безумия Филиппа превращен в инструмент, с помощью которого у него были отняты его самые ценные провинции, которые в конечном итоге были преобразованы в независимое государство. Если бы видение, подобное тому, что бессмертный драматург представил другому тирану и убийце, открыло Филиппу будущее, он тоже мог бы увидеть свою жертву, не коронованную сам, но указывающую на череду королей, даже на тех, кто "носил двойные шары и тройные скипетры", и улыбающуюся им, как своим. Но подобные соображения не возымели никакого действия на принца Оранского. Он знал, что сам уже объявлен вне

закона, и знал, что тайное осуждение распространилось и на Эгмонта. Он беспокоился о том, чтобы его друг предпочел лишения изгнания с шансом стать чемпионом борющейся страны жалкой участи, к которой вела его слепая уверенность. Даже тогда казалось возможным, что храбрый солдат, который недавноосквернял свой меч во имя тирании, мог вспомнить о своей более яркой и былой славе. Если бы Эгмонт был так же верен своей родине, как до тех пор, пока "на него не обрушился долгий стальной удар", он был верен Филиппу, он, возможно, все же заслужил бы более яркие лавры, чем те, что были завоеваны при Сен-Кантене и Гравелине. Если бы он был обречен на падение, он мог бы найти славную смерть на поле битвы свободы, вместо того мрачного исхода, который тогда был так близок к нему, описанного пророческим языком Оранжевого, но которого он был слишком оптимистичен, чтобы бояться. Он с уверенностью говорил о королевском милосердии. "Увы, Эгмонт, - ответил принц, - королевское милосердие, которым ты хвалишься, погубит тебя. Хотел бы я обмануться, но я слишком ясно предвижу, что вы станете мостом, который испанцы разрушат, как только перейдут по нему, чтобы вторгнуться в нашу страну". Этими последними, торжественными словами он завершил свой призыв вывести графа из его рокового состояния безопасности. Затем, словно убедившись, что он смотрит на своего друга в последний раз, Вильгельм Оранский обнял Эгмонта и на мгновение сжал его в крепких объятиях. Слезы полились из глаз обоих в этот момент расставания — и тогда короткая сцена простого и возвышенного пафоса закончилась — Эгмонт и Оранж расстались друг с другом, чтобы никогда больше не встретиться на земле.

Несколько дней спустя Оранж снова направил Филиппу письмо с отказом от всех своих должностей и объявлением о своем намерении уехать из Нидерландов в Германию. Он добавил, что всегда должен быть готов предоставить себя и свое имущество по приказу короля во всем, что, по его мнению, способствует истинному служению его Величеству. Принц уже получил замечательное предупреждение от старого ландграфа Филиппа Гессенского, который не забыл, каким коварным образом его собственное достопамятное пленение было вызвано коварством Гранвеля и Альвы. "Пусть они не мажут ваши уста медом", - сказал ландграф. "Если три сеньора, о которых так много говорила герцогиня Маргарет, приглашены Алвой ко двору под предлогом дружеской консультации, пусть они будут осторожны и дважды подумают, прежде чем принять приглашение. Я знаю герцога Алва и испанцев и то, как они поступили со мной.

Принц перед отъездом в последний раз попрощался с Хорном и Эгмонтом письмами, которые, словно сознавая монументальный характер, который они должны были приобрести для потомков, он написал на латыни. Теперь, когда он поворачивался спиной к стране, он желал, чтобы те два дворянина, которые отказались подражать ему и советовали не следовать его курсу, вспомнили, что он действовал обдуманно, добросовестно и в соответствии с давно разработанным планом.

Графу Хорну он заявил, что не в состоянии больше потворствовать грехам, ежедневно совершаемым против страны и собственной совести. Он заверил его, что правительство приучало страну к корзинам, чтобы теперь она могла терпеливо принимать седло и уздечку. Что касается его самого, то, по его словам, его спина недостаточно окрепла для уже возложенного на нее бремени, и он предпочел перенести любое бедствие, которое могло случиться с ним в изгнании, нежели быть вынужденным теми, кого они все осудили, уступить цели, к которой так долго и неуклонно стремились.

Он напомнил Эгмонту, который в письме убеждал его остаться, что его решение было принято намеренно и уже давно доведено до сведения его друзей. По совести говоря, он не мог принести требуемую присягу; и теперь, когда все взоры были обращены на него, он не остался бы в стране единственным самоотводящимся. Он предпочитал сталкиваться со всем, что могло случиться, вместо того, чтобы пытаться угодить другим, принося в жертву свободу, свое отечество, собственную совесть. "Поэтому я надеюсь, - сказал он Эгмонту в заключение, - что вы, взвесив мои доводы, не станете возражать против моего отъезда. Остальное я оставляю Богу, который распорядится всем так, как больше всего способствует славе его имени. Что касается вас, я прошу вас поверить, что у вас нет более искреннего друга, чем я. Моя любовь к тебе пустила такие глубокие корни в моем сердце, что ее не может уменьшить никакое расстояние во времени или месте, и я молю тебя в ответ сохранять ко мне те же чувства, которыми ты всегда дорожил".

Принц покинул Антверпен 11 апреля и написал эти письма из Бреды 13 числа того же месяца. 22-го числа он отправился в Дилленбург, родовую резиденцию его семьи в Германии, через Граве и Клеве.

Нельзя было предполагать, что это прощальное послание повлияет на решение Эгмонта относительно его собственных передвижений, поскольку его решимость не была поколеблена памятной беседой с принцем. Судьба графа была предрешена. Разве его не хвалили армейцы; разве он не заслужил лицемерных похвал герцогини Маргариты; более того, разве он только что не получил самое нежное письмо с благодарностью и одобрением от самого короля Испании? Это письмо, один из самых ярких памятников хладнокровного вероломства Филиппа, было датировано 26 марта. "Я рад, мой кузен, - писал монарх Эгмонту, - что ты принес новую присягу, не потому, что я считал это вообще необходимым в отношении тебя, но ради примера, который ты таким образом подал другим и которому, я надеюсь, все они последуют. Я получил не меньшее удовольствие, услышав о том, как превосходно вы исполняете свой долг, о помощи, которую вы оказываете, и о предложениях, которые вы делаете моей сестре, за что я благодарю вас и прошу продолжать в том же духе".

Эти слова были написаны королевской рукой, которая уже подписала смертный приговор человеку, которому они были адресованы. Альва, наделенный всеми полномочиями для осуществления задуманного великого плана, не ограниченный провинциальными законами или статутами Золотого Руна, покинул Мадрид, чтобы отправиться в Карфаген, в тот самый момент, когда Эгмонт читал королевское письмо. "Испанский мед", если еще раз воспользоваться простой метафорой старого ландграфа Филиппа, сделал свое дело, и несчастная жертва уже была поймана в ловушку.

Граф Хорн оставался в мрачном молчании в своем логове в Верте, ожидая охотников на людей, которые уже были в пути. Казалось немыслимым, что и он, знавший, что его подозревают и не любят, таким образом закрывал глаза на свое положение. Однако будет видно, что для того, чтобы заманить его в ловушку, следовало прибегнуть к тому же вероломству, которое оказалось столь успешным с Эгмонтом.

Что касается самого принца, то он двинулся с места не слишком быстро. Вскоре после его прибытия в Германию Ванденесс, личный секретарь короля, но и секретный агент Оранского, написал ему, что прочел письма короля Алве, в которых герцогу было поручено "арестовать

принца, как только он сможет добраться до него, и не допустить, чтобы суд над ним длился более двадцати четырех часов".

Бредероде оставался в Виане, а затем в Амстердаме после неудачной экспедиции Толуза, которую он организовал, но в которой не принимал участия. Он причинил много беспокойства магистратуре Амстердама и всем уважаемым людям, кальвинистам или католикам. Он причинил много вреда, но не вселил никаких надежд в умы реформаторов. Его всегда окружало множество компаньонов по выпивке, чванливых дворян, переодетых моряками, разорившихся торговцев, беглецов и преступников всех мастей, превосходных людей, способных пить за здоровье нищих и горланить нищенские песни, но совершенно непригодных ни к какому серьезному предприятию. Состоятельные люди относились к нему с опаской, поскольку не верили в его способности и боялись его частых требований внести свой вклад в патриотическое дело. Он проводил время в увеселительных садах, стреляя в цель из аркебузы или арбалета, выпивая со своими товарищами и выкрикивая "Да здравствует бог".

Регент, полный решимости сместить его, в марте направил к нему секретаря Ла Торре с инструкциями, что, если Бредероде откажется покинуть Амстердам, магистратура должна обратиться за помощью к графу Мегему, у которого был полк в Утрехте. Этот пункт делал невозможным для Ла Торре передачу своих инструкций Бредероде. После его отказа этот персонаж, хотя и знал секретаря так же хорошо, как своего собственного отца, хладнокровно сообщил ему, что ничего о нем не знает; что он не считает его таким респектабельным человеком, каким тот притворяется; что он не верит ни единому слову о том, что у него есть какие-либо поручения от герцогини, и что поэтому он не должен обращать никакого внимания на его требования. Ла Торре кротко ответил, что он не настолько самонадеян и не настолько лишен здравого смысла, чтобы сравнивать себя с дворянином такого ранга, как граф Бредероде, но что, поскольку он двадцать три года служил секретарем тайного совета, он думал, что ему можно верить на слово. В связи с этим Ла Торе подал официальный протест, а Бредероде подал другой. Ла Торре подробно изложил их беседу, в то время как Бредероде бушевал как сумасшедший и называл герцогиню капризным и неразумным тираном. В конце концов он заключил Ла Торре в тюрьму на день или два и изъясил его бумаги. По странному совпадению, эти события произошли 13, 24 и 15 марта, в те самые дни великого антверпенского восстания. То, как принц Оранский имел дело с сорока или пятьюдесятью тысячами вооруженных людей, жаждавших перерезать друг другу глотки, в то время как Бредероде был занят запугиванием прагматичного, но порядочного старого секретаря, иллюстрировало разницу в уровне этих двух людей.

Это был последний подвиг графа. Он оставался в Амстердаме еще несколько недель, но последовавшие события превратили Гектора в верного вассала. Перед 12 апреля он написал Эгмунту, умоляя его заступиться за Маргариту Пармскую и предлагая "карт-бланш" относительно условий, если только ему позволят заключить мир с правительством. Однако было уже несколько поздно для того, чтобы "великий нищий" сделал свое заявление. Никаких условий ему предоставлено не было, но герцогиня разрешила ему временно пользоваться своими доходами, с согласия короля. 25 апреля он принимал избранный круг друзей в своем отеле в Амстердаме, а затем в полночь отплыл в Эмбден. Многочисленная процессия его приверженцев провожала его до корабля, неся зажженные факелы и распевая вакхические песни. Он умер в течение года после этого от разочарования и запоя в замке Харденберг в

Германии, после всех своих волнений и ярости, несмотря на свои яростные заявления умереть бедным солдатом у ног Луи Нассау.

Этот "добрый шевалье и христианин", как ласково называл его брат, находился в Германии, готовясь к мужественному труду, который Провидение предназначило ему совершить. Жизнь Бредероде, который участвовал в ранней борьбе, возможно, из легкомысленного ожидания услышать, как его называют графом Голландским, какими были его предки, ничего не внес в дело свободы, и его смерть не вызвала сожаления. Его беспорядочная группа последователей рассеялась во всех направлениях после ухода своего вождя. Судно, на котором Батенбург, Галайна и другие дворяне со своими воинами бежали в немецкий порт, было доставлено в Харлингген, в то время как эти джентльмены, одолеваемые сном и выпивкой, не подозревали об опасности и были переданы графу Мегему благодаря предательству их лоцмана. Солдаты были немедленно повешены. Аристократов оставили украшать первый большой эшафот, который Алва должен был воздвигнуть на конном рынке в Брюсселе.

Конфедерация была полностью разбита на куски. Из вождей, к которым народ привык обращаться за поддержкой, некоторые сплотились перед правительством, некоторые были в изгнании, некоторые сидели в тюрьме. Монтиньи, за которым пристально наблюдали в Испании, был фактически пленником, тоскуя по молодой невесте, с которой он сочетался браком на фоне таких блестящих празднеств всего за несколько месяцев до своего отъезда, и по ребенку, которому так и не суждено было увидеть лицо своего отца.

Его коллега, маркиз Берген, которому повезло больше, был уже мертв. Превосходный Виль воспользовался случаем, чтобы замолвить словечко за Нуаркарма, который стирал Турне в порошок и вырезал жителей Валансьена. "Мы слышали о смерти Бергена", - написал президент своему верному Иоахиму. "Лорд Нуаркарм, который был его заместителем на посту губернатора Эно, показал пример того, на что он способен. Хотя у меня нет личной близости с этим дворянином, я не могу не обнять его со всей моей благожелательностью. Поэтому, о мой Попрыгунчик, прошу тебя, сделай все возможное, чтобы его назначили губернатором".

С уходом Orange над Нидерландами, казалось, наступило полное затмение. Страна была абсолютно беспомощна, сердца людей похолодели от дурных предчувствий. Все лица, сколько-нибудь замешанные в недавних беспорядках или подозреваемые в ереси, бежали из своих домов. Беглых солдат загоняли в реки, резали на куски в полях, вешали, сжигали или топили, как собак, без пощады и угрызений совести. Наиболее трудолюбивая и ценная часть населения массово покидала землю. Волна хлынула наружу с такой быстротой, что Нидерланды, казалось, быстро превращались в безлюдную пустошь, какой они были до христианской эры. По всей стране те реформаторы, которые не смогли совершить побег, вернулись в свои старые укрытия. Новая религия была изгнана из всех городов, все собрания были разогнаны вооруженными людьми, проповедники и ведущие члены были повешены, их последователи избиты розгами, доведены до нищенства или заключены в тюрьму, даже если им иногда удавалось избежать эшафота. Однако невероятное число людей было казнено по религиозным мотивам. Едва ли это была такая маленькая деревня, говорит антверпенский хронист [Метерен], чтобы она не могла доставить палачу одну, две или три сотни жертв. Новые церкви сравнивали с землей, и из их бревен соорудили виселицы. Считалось остроумной шуткой повесить реформаторов на балках, под которыми они надеялись поклоняться Богу. Имущество беглецов было конфисковано. Номинальные нищие стали нищими на самом деле. Многие из тех, кто чувствовал себя

обязанным остаться и любил свое имущество больше, чем свою веру, внезапно превратились в самых ревностных католиков. Люди, которые годами не ходили к мессе, теперь никогда не пропускали своих ежедневных и ночных визитов в церкви. Люди, которые никогда не разговаривали с духовным лицом иначе, как оскорбительно, теперь не могли обедать без него за своим столом. Многие из тех, кого подозревали в участии в кальвинистских обрядах, были первыми и громче всех в подавлении и осуждении всех форм и проявлений реформации. Страна была так же полностью "умиротворена", по выражению завоевателя, как Галлия была умиротворена Цезарем.

24 мая регент издал новый указ, чтобы освежить воспоминания тех, кто, возможно, забыл предыдущие законы, которые, однако, не были рассчитаны на то, чтобы заставить людей забыть об этом. Согласно этому новому прокламации, все министры и учителя были приговорены к виселице. Все лица, которые допустили, чтобы их дома использовались в религиозных целях, были приговорены к виселице. Все родители или хозяева, чьи дети или слуги посещали такие собрания, были приговорены к виселице, в то время как дети и слуги подлежали только избиению розгами. Все люди, которые пели гимны на похоронах своих родственников, были приговорены к виселице. Родители, которые позволили крестить своих новорожденных детей не руками католического священника, были приговорены к виселице. Такое же наказание было назначено лицам, которые крестили ребенка или выступали в качестве его покровителей. Школьные учителя, которые преподавали какую-либо ошибку или ложное учение, также подлежали смертной казни. Те, кто нарушал законы, запрещающие покупку и продажу религиозных книг и песен, должны были понести тот же приговор; после первого нарушения. Все насмешки или оскорбления в адрес священников и церковнослужителей также квалифицировались как тяжкие преступления. Бродягам, беглецам, вероотступникам, беглым монахам было приказано немедленно убираться из каждого города под страхом смерти. Во всех случаях к повешению добавлялась конфискация всего имущества преступника.

Этот указ, по словам современного историка, усилил страх перед теми, кто исповедовал новую религию, до такой степени, что они покинули страну "большими кучами". Поэтому стало необходимым издать последующее воззвание, запрещающее всем лицам, будь то иностранцы или туземцы, покидать землю или вывозить свое имущество, а также запрещающее всем капитанам судов, возчикам фургонов и другим транспортным агентам оказывать помощь в бегстве таким беглецам под страхом смерти.

И все же будет ли принято во внимание, что эдикт от 24 мая, положения которого только что были в общих чертах изложены, на самом деле вызвал гнев Филиппа из-за их милосердия? Он написал герцогине, выражая боль и недовольство, которые он испытывал, что эдикт, столь неприличный, столь незаконный, столь противоречащий христианской религии, должен был быть опубликован. Ничто, сказал он, не могло оскорбить или огорчить его глубже, чем любое, даже малейшее оскорбление, нанесенное Богу и Его Римско-католической церкви. Поэтому он приказал своей сестре немедленно отменить эдикт. Читая письмо короля, можно почти представить, что Филипп, наконец, пришел в ужас от ужасов, совершенных от его имени. Увы, он был возмущен только тем, что еретикам было позволено вешать тех, кого следовало сжечь, и что было оставлено несколько узких и почти невозможных лазеек, через которые те, кто оскорбил фаята, могли спастись бегством.

И вот, пока страна парализована нынешним и ожидаемым горем, из-за Альп доносятся звуки быстро наступающей испанской армии. Опускается занавес над прелюдией к великой трагедии, которую предсказали пророческие уста Оранжа. Когда он снова будет снят, сцены катастроф и кровопролития, битв, осад, казней, подвигов непоколебимой, но доблестной тирании, сверхчеловеческого и успешного сопротивления, героического самопожертвования, фанатичного мужества и безумной жестокости, как во имя Зла, так и Правых, будут показаны в ужасной последовательности - зрелище человеческой энергии, человеческих страданий и человеческой силы переносить страдания, которое не часто демонстрировалось на сцене мировых событий.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Боже, храни короля! Это был последний раз, когда
Добросовестно спрягал свою парадигму
Возмущен тем, что еретиков приговорили к повешению
Безумная жестокость, как во имя Зла, так и во имя Правды
Больных и израненных несчастных сжигали на медленном огне
Скудный запас банальностей
Время рассуждений прошло
Которые любили свое имущество больше, чем свою веру

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 14.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ , 1855

1567 [Часть III, АЛЬВА, ГЛАВА 1.]

Продолжение раздоров в испанской шкафа—Руй Гомес и Алва— захват Нидерландов поручил герцогу—рождения, предыдущие карьера и характер Алва—организация армии вторжения—Его марта в провинции—жалобы герцогини Маргарет—Алва принимает депутации на границе—интервью между герцогом и "Эгмонт" —прием Алва герцогини Пармы—циркулярные письма в такие города, требующих принятия ими гарнизоны—Маргарет секретной переписки—универсал задержания—ключи для больших городов востребованы Алва—секретные планы правительства, устраивали перед герцога вылета—арест Оранского, Эгмонт, Горн и другие, определяется по—скрытый курса правительства по отношению к ним,—увлечение "Эгмонт" —предупреждения, адресованные ему де Билли и другие меры, чтобы завлечь графа Горна—банкетный Гранд-Приор—Гранд-Приор предупреждение "Эгмонт" —зло советами Noircarmes—аресты Эгмонт, Горн, Bakkerzeel и Straalen— популярный ужас—обиженное поведение герцогини Маргарет— характерный комментарии Гранвель—его секретные махинации и отказы—Берген и Монтиньи—последние мгновения Маркиз Берген— коварство Руй Гомес—создание "кровавый совет"—его ведущей функции—коварное поведение Viglius—секретную переписку, в отношении президента, между Филиппом и Алва— членов "кровавый Совет"—портреты Варгас и Hessels— режим работы принят Советом—Оптовая казни— отчаяние в провинциях—отставка герцогини Маргарет согласилась—ее отъезд из Нидерландов—

возобновление гражданской войны во Франции—смерть Монморанси—вспомогательные войска, отправленные во Францию Алва—возведение Антверпен цитадель—описание цитадели.

Вооруженное вторжение в Нидерланды было необходимым следствием всего, что произошло ранее. То, что неизбежный результат так долго откладывался, объяснялось скорее непостижимой запоздалостью характера Филиппа, чем обстоятельствами дела. Никогда монарх не придерживался так непоколебимо смертоносной цели и не шел к ней так медленно и обходными путями. Маска великодушия, возможного милосердия теперь была сброшена, но иллюзия его предполагаемого визита в провинцию все еще сохранялась. Он заверил регента, что будет руководствоваться ее советами, и поскольку она сделала все необходимые приготовления для приема его в Зеландии, то он должен прибыть именно в Зеландию.

Среди советников Филиппа были те же два человека, что и раньше, — принц Эболи и герцог Алва. Они по-прежнему представляли совершенно противоположные идеи, и по характеру, темпераменту и истории каждый был противоположностью другого. Политика принца была мирной и выжидательной; политика герцога бескомпромиссной и свирепой. Руй Гомес был настроен предотвратить, если возможно, вооруженную миссию Альвы, и теперь он открыто советовал королю выполнить свое давно отложенное обещание и лично предстать перед своими мятежными подданными. Ревность и ненависть, которые существовали между принцем и герцогом — между человеком мира и человеком гнева, — постоянно взрывались, даже в присутствии короля. Споры в совете были непрекращающимися. Полный решимости, по возможности, предотвратить возвышение своего соперника, фаворит был даже на мгновение склонен сам просить о командовании армией. Было что-то нелепое в том, что человек, чья жизнь была мирной и который трепетал при звуке оружия, стремился вытеснить грозного Альву, о котором его хвалебные речи утверждали с кастильским преувеличением, что само слово "страх" внушает ему ужас. Но существовал предел, за который влияние Анны де Мендоса и ее мужа не распространялось. Филиппа нельзя было ни загнать в Нидерланды против его воли, ни помешать ему передать командование армией самому подходящему человеку в Европе для его целей.

В конце концов было решено, что нидерландская ересь должна быть побеждена силой оружия. Вторжение напоминало одновременно крестовый поход против неверных и вылазку за сокровищами в золотоносную Индию - достижения, которыми испанское рыцарство так часто демонстрировало себя. Знамя креста должно было быть водружено на завоеванные зубчатые стены трехсот неверных городов, и поток богатств, более богатых, чем когда-либо поступавший из мексиканских или перуанских рудников, должен был хлынуть в королевскую казну из постоянных источников конфискаций. Который так подходил на роль Танкреда и Писарро в этой двухцветной экспедиции, как герцог Альва, человек, который с самого раннего детства и с могилы своего отца был предан вражде с неверующими и который пророчествовал, что сокровища потекут ручьем глубиной в ярд из Нидерландов, как только еретики начнут получать по заслугам. Немедленно была собрана отборная армия путем взятия четырех легионов, или терциев, из Неаполя, Сицилии, Сардинии и Ломбардии и заполнения их мест в Италии свежими рекрутами. Таким образом, было получено около десяти тысяч отборных и опытных солдат, главнокомандующим из которых был назначен герцог Алва.

Фердинандо Альваресу де Толедо, герцогу Альва, шел шестидесятый год. Он был самым успешным и опытным генералом Испании и Европы. Ни один человек не изучал более глубоко и не практиковался более постоянно в военной науке. В самом важном из всех искусств той эпохи он был самым непревзойденным художником. В единственной почетной профессии того времени он был самым тщательным и педантичным профессором. Со времен Деметрия Полиорцета ни один человек не осаждал столько городов. Со времен Фабия Кунктатора ни один полководец не избегал стольких сражений, и ни один солдат, каким бы храбрым он ни был, никогда не достигал более возвышенного безразличия к клевете или обесцениванию. Доказав в детстве в Фонтарабии и в зрелом возрасте в Мюльберге, что он может проявлять героизм и безудержную отвагу; когда это необходимо, он мог позволить себе с презрением относиться к безрассудным насмешкам, которые его враги время от времени устраивали за его счет. Сознавая, что держит свои армии в своих руках силой непревзойденной дисциплины и магией имени, подтвержденного сотней триумфов, он мог терпеливо и благожелательно сносить ропот своих солдат, когда им отказывали в сражениях.

Он родился в 1508 году в семье, которая могла похвастаться императорским происхождением. Некий Палеолог, брат византийского императора, завоевал город Толедо и передал его название в качестве фамилии. Отец Фердинандо, дон Гарсия, был убит на острове Гербес в битве с маврами, когда его сыну было всего четыре года. Ребенка воспитывал его дед, дон Фредерик, и с самого раннего детства он был приучен к оружию. Ненависть к неверным и решимость отомстить за кровь своего отца, взывать к нему из чужой могилы были самыми ранними его инстинктами. В юности он отличался доблестью. Его первый меч был отточен в Фонтарабии, где, хотя ему было всего шестнадцать лет, считалось, что его стойкость в трудностях, блестящая и отчаянная храбрость и пример военной дисциплины, который он подавал войскам, в немалой степени способствовали успеху испанского оружия.

В 1530 году он сопровождал императора в его походе против турок. Чарльз, инстинктивно признавая заслуги юноши, которому суждено было на всю жизнь стать спутником его трудов и славы, оказал ему свою благосклонность в начале его карьеры. Молодой, храбрый и полный энтузиазма, Фердинанд де Толедо в тот период был самым интересным героем, какой когда-либо появлялся на страницах кастильского романа. Его безумная поездка из Венгрии в Испанию и обратно, совершенная за семнадцать дней ради краткого визита к своей новобрачной жене, - не самый привлекательный эпизод в истории существования, которому было суждено стать таким мрачным и кровавопролитным. В 1535 году он сопровождал императора в его памятной экспедиции в Тунис. В 1546 и 1547 годах он был генералиссимусом в войне против Смальяльдийской лиги. Его самым блестящим военным подвигом - возможно, самым блестящим за все время правления императора — был переход Эльбы и битва при Мюльберге, совершенные, несмотря на горькие и яростные упреки Максимилиана и огромные возможности поражения. Эта битва положила конец войне. Гигантский и великодушный Джон Фредерик, удивленный его молитвами в церкви, в смятении сбежал, оставив свои сапоги, которые, как впоследствии смехотворно говорили, из-за их нечеловеческих размеров были включены в число трофеев дома Толедо.

[История. du Due d'Albe, i. 274. Брантом, Дом. Illust. и др. (гл. v.), говорится, что один из сапог был "достаточно велик, чтобы вместить походную кровать", стр. 11. Я привожу этот анекдот только как образец того, как подобные нелепости, как имеющие большое, так и малозначительное значение, увековечиваются писателями во всех странах и эпохах. Доспехи благородного и

несчастливого Джона Фредерика до сих пор можно увидеть в Дрездене. Его размер указывает на человека намного выше среднего роста, в то время как внешняя длина железного башмака, напротив, составляет менее одиннадцати дюймов.]

Разгром был тотальным. "Я пришел, я увидел, и Бог победил", - сказал император, благочестиво пародируя эпиграмму своего бессмертного предшественника. Максимилиан, принося тысячу извинений за свои предыдущие оскорбления, снова и снова обнимал героического дон Фердинанда, когда, облаченный в простые синие доспехи, не украшенные ничем, кроме пятен крови своих врагов, он возвращался после преследования беглецов. Победа была столь полной и внезапной, что объяснить ее оказалось невозможно, разве что на основании чудесного вмешательства. Предполагалось, что, подобно Джошуа Навину в долине Аджалон, дон Фердинанд приказал солнцу остановиться на некоторое время, и ему подчинились. В противном случае, как могло произойти форсирование реки, которое было завершено только в шесть часов вечера, и полное разгром протестантских войск - все это было совершено за короткий промежуток апрельских сумерек? Хорошо известен ответ герцога Генриху Второму Французскому, который впоследствии расспрашивал его на эту тему. - Ваше величество, в тот вечер я был слишком занят тем, что происходило на земле внизу, чтобы обращать внимание на эволюцию небесных тел. Поскольку по счастливой случайности он был избавлен от какого-либо участия в алжирской экспедиции или в позорном отступлении из Инспрука, он был вынужден смириться с тем, что в долгую историю его успехов вошла катастрофическая осада Меца. Выполняя долг фельдмаршала и стража, поддерживая свою армию своей твердостью и дисциплиной, когда ничто другое не могло бы ее поддержать, он, наконец, смог, после того как половина ста тысяч человек, с которыми Карл начал осаду, была принесена в жертву, убедить своего императорского повелителя снять осаду до того, как оставшиеся пятьдесят тысяч замерзнут или умрут с голоду.

Кульминация карьеры Алвы, казалось, завершилась в тумане, который сгустился вокруг заходящей звезды империи. Сопровождая Филиппа в Англию в 1554 году в его матримониальной экспедиции, ему было суждено в последующие годы в качестве вице-короля и генералиссимуса Италии оказаться на ряде ложных постов. Великий полководец, участвовавший в небольшой войне, кавалер боевого креста против преемника святого Петра, он, наконец, выпутался из нее со своей обычной ловкостью, но без особой славы. Ему было уготовано унижение, другому - триумф. Блеск его собственного имени, казалось, утонул в океане, в то время как имя ненавистного соперника с новой блестящей рудой внезапно "вспыхнуло на челе утреннего неба". Пока он забавлялся с дотардом, которого ему было запрещено сокрушать, Эгмонт разгромил отборные войска Франции и покорил ее самых прославленных военачальников. Это было непростительное преступление, которое могло быть искуплено только кровью победителя. К несчастью для его соперника, приближалось время, когда должна была свершиться давно отложенная месть.

В целом герцог Альва не уступал ни одному генералу своего возраста. Как сторонник дисциплины он был первым в Испании, возможно, и в Европе. Расточитель времени, он был экономистом крови, и это, возможно, было в глазах человечества его главным достоинством. Время и я - это два, было частым замечанием Филиппа, и его любимый генерал считал эту максиму применимой как к войне, так и к политике. Таковы были его качества военного командира. Как государственный деятель, он не обладал ни опытом, ни талантом. Как человек, он обладал простым характером. Он не сочетал в себе большого разнообразия пороков, но те,

которые у него были, были колоссальны, и он не обладал никакими добродетелями. Он не был ни похотливым, ни невоздержанным, но его хвалебные речи признавали его огромную алчность, в то время как мир согласился с тем, что такого количества хитрости и свирепости, терпеливой мстительности и всеобщей кровожадности никогда не было в диких лесных зверях и лишь изредка в человеческой груди. Теперь его история должна была показать, что его предыдущая бережливость в человеческой жизни не была вызвана любовью к себе подобным. Лично он был суровым и властолюбивым. Такой же труднодоступный, как и сам Филипп, он был еще более высокомерен с теми, кого допускали к нему. Он обращался ко всем с пренебрежительным обращением во втором лице множественного числа. Обладая правом быть покрытым в присутствии испанского монарха, он с трудом был вынужден отказаться от него перед германским императором. Он происходил из знатной семьи, но его территориальные владения были невелики. Его герцогство было небольшим и давало ему не более четырнадцати тысяч крон годового дохода и четыреста солдат. Однако он всю свою жизнь был бережливым финансистом, никогда не оставаясь без солидной суммы наличных денег под проценты. Предполагалось, что за десять лет до своего прибытия в Нидерланды он уже увеличил свой доход до сорока тысяч в год за счет доходов от своих инвестиций в Антверпене. Как уже упоминалось, его военный характер иногда понимался совершенно неправильно. Его часто считали скорее педантичным, чем практичным командиром, более способным рассуждать о битвах, чем выигрывать их. Несмотря на то, что его долгая жизнь была почти непрерывной кампанией, против него часто выдвигались нелепые обвинения в робости. Дворянин при дворе императора Карла однажды направил герцогу письмо с титулом "Генерал армий его Величества в герцогстве Миланском в мирное время и мажордом дома во время войны". Говорили, что урок пошел герцогу на пользу, но он очень плохо вознаградил дворянина, который его преподавал, став впоследствии причиной того, что ему отрубили голову. Однако в целом Алва проявлял философское презрение к мнениям, высказываемым относительно его военной славы, и особенно пренебрежительно относился к критике, высказываемой его собственными солдатами. "Вспомните, — сказал он немного позже дону Иоанну Австрийскому, — что первые враги, с которыми приходится сражаться, — это ваши собственные войска; с их криками о сражении в данный момент и ... их ропотом о результатах в другой; с их "Я думал, что сражение должно состояться" или "я считал, что случай не должен быть упущен". У вашего высочества будет достаточно возможностей проявить доблесть, и вы никогда не будете настолько слабы, чтобы быть побежденным болтовней солдат".

При жизни он был высоким, худым, прямым, с маленькой головой, вытянутым лицом, худыми желтыми щеками, темными мерцающими глазами, лицом цвета пыли, черными щетинистыми волосами и длинной, посеребренной соболями бородой, спускавшейся двумя волнистыми потоками на грудь.

При такой конструкции техника была тщательно подобрана. Лучший человек в Европе, способный возглавить силы вторжения, был поставлен во главе десяти тысяч отобранных ветеранов. Рядовые в этой изысканной маленькой армии, по словам восторженного знатока Брантома, который специально отправился на почту в Лотарингию, чтобы посмотреть на них в походе, все носили гравированные или позолоченные доспехи и были во всех отношениях экипированы как капитаны. Они были первыми, кто взял в руки мушкеты — оружие, которое очень удивило фламандцев, когда впервые прозвучало у них в ушах. Мушкетеров, заметил он, можно было бы принять за принцев, с таким приятным и грациозным высокомерием они держались. Каждого сопровождал его слуга или оруженосец, который нес за него его оружие,

за исключением боя, и остальная армия относилась ко всем с чрезвычайным почтением, как если бы они были офицерами. Четыре полка из Ломбардии, Сардинии, Сицилии и Неаполя насчитывали в общей сложности не более девяти тысяч лучших пехотинцев Европы. Ими командовали соответственно дон Санчо де Лодионо, дон Гонсало де Бракамонте, Жюльен Ромеро и Альфонсо де Ульоа, все выдающиеся и опытные генералы. Кавалерией, насчитывавшей около тысячи двухсот человек, командовал внебрачный сын герцога, дон Фердинандо де Толедо, приор ордена Святого Иоанна. Чиапин Вителли, маркиз Четона, служивший королю во многих кампаниях, был назначен маршалом де камп, а Габриэль Цербеллони был назначен командующим артиллерией. По дороге герцог получил в подарок от герцога Савойского услуги выдающегося инженера Пачеко, или Пачотти, чье имя впоследствии было связано с самой знаменитой цитаделью Нидерландов и чья ужасная судьба совпала с первыми успехами либеральной партии.

Располагая столь совершенной армией, в небольшом масштабе, во всех ее подразделениях, и укомплектованной, вдобавок, силами в две тысячи проституток, столь же регулярно зачисленных, дисциплинированных и распределенных, как кавалерия или артиллерия, герцог приступил к своему важному предприятию 10 мая в Карфагене. Тридцать семь галер под командованием принца Андреа Дориа доставили основную часть войск в Геную, поскольку герцог задержался на несколько дней в Ницце из-за приступа лихорадки. 2 июня армия была собрана в Александрии де Палла, и ей было приказано снова собраться в Сан-Амбросио у подножия Альп. Затем ему было приказано пересечь гору Сени и проехать через Савойю, Бургундию и Лотарингию регулярным тройным движением. Вторая дивизия должна была каждую ночь становиться лагерем на том месте, которое предыдущей ночью занимал авангард, а арьергард должен был разместиться на следующую ночь в лагере корпусного батая. Таким образом, выстраиваясь почти в одну линию медленными и извилистыми движениями, с обдуманной, смертоносной, ядовитой целью, эта армия, которая должна была стать орудием давно отложенной мести Филиппа, пробиралась через узкий горный перевал и густой лес. Многие ущелья, через которые вело их путешествие, были настолько тесными и запутанными, что, если бы хоть десятая часть измены, наказать которую они пришли, когда-либо существовала, кроме как в больном воображении их монарха, не осталось бы ни одного человека, который мог бы рассказать об этом. Эгмонт, если бы он действительно был предателем и заговорщиком, за которого его принимали, мог бы легко организовать меры по отсечению войск до того, как они смогли бы вступить в страну, которую они обрекли на уничтожение. Его военный опыт, его квалификация для смелого удара, его огромная популярность и сильная ненависть, которую он питал к Алве, обеспечили бы его достаточным оборудованием для достижения этой цели.

За двенадцать дней марша армия прошла Бургундию, еще за двенадцать - Лотарингию. На протяжении всего путешествия их неотступно сопровождали силы кавалерии и пехоты, выделенные для этой службы королем Франции, который, опасаясь вызвать новую демонстрацию гугенотов, отказал испанцам в проезде через свои владения. Эта разведывательная армия следовала за ними, как тень, и наблюдала за всеми их передвижениями. Шеститысячный отряд швейцарцев, столь же встревоженный продвижением войск, также окружал их с флангов, не создавая, однако, никаких препятствий их продвижению. К середине августа они достигли Тионвиля на границе с Люксембургом, пройдя в последний день маршем расстояние в две лиги через лес, который, казалось, был специально устроен для того, чтобы позволить небольшому отряду обороняющихся смутить и уничтожить армию

вторжения. Никакого сопротивления, однако, предпринято не было, и испанские солдаты, наконец, расположились лагерем на территории Нидерландов, завершив свое полное приключений путешествие в полной безопасности и при безупречной дисциплине.

Герцогиня в своих тайных письмах Филиппу продолжала выражать свое неодобрение предприятию, вверенному таким образом Алве, она горько жаловалась, что теперь, когда ее усилиями страна была умиротворена, следует послать другую, чтобы пожать всю славу или, возможно, свести на нет все, что она с таким трудом и таким успехом сделала. Она заявила своему брату самым недвусмысленным образом, что имя Альва было достаточно одиозным, чтобы вызвать отвращение у всей испанской нации в Нидерландах. Она не могла найти достаточно веских выражений, чтобы выразить свое удивление по поводу того, что король принял решение о мере, которая, вероятно, повлечет за собой такие фатальные последствия, не посоветовавшись с ней по этому вопросу и вопреки тому, что было ее неизменным советом. Она также написала лично Алве, умоляя, приказывая и угрожая, но с таким же плохим успехом. Герцог слишком хорошо знал, кто теперь правит Нидерландами: сестра его господина или он сам. Что касается последствий его вооруженного вторжения для настроений в провинциях, ему было в высшей степени безразлично. Он пришел как завоеватель, а не как посредник. "В свое время я укротил железных людей, - сказал он презрительно. - неужели я не смогу легко сокрушить этих людей из масла?"

Однако в Тионвиле его официально встретили Берлаймон и Нуаркарм со стороны регента. Более того, в этот момент к нему начали приходить депутации из разных городов, которые вяло и трепетно приветствовали его и выражали свое неудовольствие за все, что могло показаться оскорбительным в прошлом. На все подобные послания он отвечал расплывчатым и общепринятым языком, говоря, однако, своим доверенным лицам: "Я здесь, в этом можно быть уверенным, приветствуют меня или нет, для меня не имеет большого значения". В Тирлемонте 22 августа его встретил граф Эгмонт, который приехал из Брюсселя, чтобы оказать ему подобающее уважение, как представителю своего государя, графа сопровождали несколько других дворян, и он привез герцогу в подарок несколько прекрасных лошадей. Альва, однако, принял его, но холодно, потому что поначалу не смог приладить маску к своему лицу так ловко, как это было необходимо. "Вот величайший из всех еретиков", - сказал он своим слугам, как только было объявлено о присутствии дворянина, причем достаточно громким голосом, чтобы тот мог услышать.

Даже после того, как они обменялись приветствиями, он обратился к нему с несколькими замечаниями наполовину шутливым, наполовину едким тоном, сказав, среди прочего, что его графство могло бы избавить его от необходимости совершать это долгое путешествие на старости лет. Были и другие наблюдения в подобном духе, которые вполне могли бы вызвать подозрения у любого человека, не настроенного, подобно Эгмону, оставаться слепым и глухим. Однако после короткого перерыва Альва, похоже, взял себя в руки. Он любовно провел рукой по этой статной шее, которую он уже посвятил плахе, и граф, заранее решивший установить, если возможно, дружеские отношения с новым вице-королем, — они ехали бок о бок в дружеской беседе, сопровождаемые пехотным полком и тремя ротами легкой кавалерии, которые принадлежали к непосредственному командованию герцога. Альва, по-прежнему сопровождаемый Эгмонтом, вскоре после этого проехал через лувенские ворота в Брюссель, где они расстались на сезон. Для герцога было снято жилье в доме некоей мадам де Жасс, по соседству с дворцом Эгмонта. Оставив здесь основную часть своей свиты, капитан-генерал, не

сходя с коня, немедленно направился во дворец, чтобы засвидетельствовать свое почтение герцогине Пармской.

В течение трех дней регентша обсуждала со своим советом уместность отказа в любом визите человека, присутствие которого она справедливо считала позором и оскорблением для себя. Это было наградой за ее восьмилетнюю преданность приказам брата; быть замененной подданной, к тому же пришедшей проводить политику, которую она настоятельно отвергала, вряд ли можно было ожидать от дочери императора, что она милостиво смирится с таким унижением и примет своего преемника с улыбкой на лице. Однако вследствие покорности, с которой герцог обращался к ней в своих недавних посланиях, предлагая с истинно кастильской, но пустой вежливостью положить к ее ногам свою охрану, свою армию и самого себя, она согласилась принять его с сопровождающими или без них.

При его появлении во дворе произошла сцена яростной перебранки, чуть ли не кровопролития, между его телохранителями и лучниками из свиты регента, которых наконец с трудом убедили пропустить наемников ненавистного капитан-генерала. Явившись в три часа пополудни, после этих не слишком удовлетворительных предварительных переговоров, в спальню герцогини, где она имела обыкновение давать конфиденциальные аудиенции, он встретил, как легко можно было предположить, ледяной прием: герцогиня, неподвижно стоявшая посреди комнаты в сопровождении Берлаймона, герцога Эрашо и графа Эгмонта, отвечала на его приветствия со спокойной строгостью. Ни она, ни кто-либо из ее сопровождающих не сделали ни шага ему навстречу. Герцог снял шляпу, но она, спокойно признавая его права испанского гранда, настояла на том, чтобы он оставался прикрытым. Затем последовала напряженная и официальная беседа продолжительностью в полчаса, при этом все стороны оставались на ногах. Герцог, хотя и был почтителен, с трудом скрывал свое возмущение и надменное ощущение приближающегося триумфа. Маргарет была холодной, величественной и неприступной, скрывая свой гнев и унижение под маской имперской гордости. Алва в письме Филиппу, описывающем эту беседу, заверил его величество, что он относился к герцогине со всем уважением, которое мог проявить к королеве, но, судя по другим свидетельствам современников, вероятно, что временами в его поведении было очень заметно плохо замаскированное и даже сердитое высокомерие. Государственный совет посоветовал герцогине не принимать его до тех пор, пока он должным образом не продемонстрирует свои полномочия. От этой церемонии отказались, но на вопрос герцогини во время этого интервью относительно их характера и объема, он, как сообщается, хладнокровно ответил, что действительно точно не помнит, но что он просмотрит их и отправит ей информацию при первой же возможности.

Однако на следующий день его работа была должным образом продемонстрирована.

В этом документе, датированном 31 января 1567 года, Филипп назначил его капитан-генералом "в переписке с дорогой сестрой его Величества Пармской, которая была занята другими делами, принадлежащими правительству", умолял герцогиню сотрудничать с ним и требовать от него повиновения, а также приказал всем городам Нидерландов разместить такие гарнизоны, какими он будет командовать.

Во время официальной беседы между Альвой и мадам де Парма, на которой были предъявлены эти полномочия, были сделаны необходимые предварительные приготовления относительно испанских войск, которые теперь должны были быть немедленно расквартированы в главных

городах. Герцог, однако, сообщил регентше, что, поскольку эти вопросы не входят в ее компетенцию, он должен взять на себя смелость согласовать их с властями, не беспокоя ее по этому поводу, и проинформирует ее о результатах своих мер при их следующей встрече, которая должна была состояться 26 августа.

Циркулярные письма за подписью Филиппа, которые Альва привез с собой, теперь были разосланы в различные муниципальные органы страны. В этих городах по отдельности было приказано разместить гарнизоны и обеспечить войска, активные услуги которых, как надеялся король, не потребуются, но которые он отправил заранее, чтобы подготовить мирный вход для себя. Он потребовал самого абсолютного повиновения герцогу Алве до своего собственного прибытия, которое должно было произойти почти немедленно. Эти письма были отправлены в Мадрид 28 февраля и теперь сопровождалось кратким официальным циркуляром, подписанным Маргаритой Пармской, в котором она объявляла о прибытии своего дорогого кузена Альвы и требовала безоговорочного подчинения его власти.

Выполнив таким образом эти требования внешних и общепринятых приличий, возмущенная герцогиня в своих частных итальянских письмах к брату не скрывала своего гнева, который до сих пор был частично подавлен. Она вновь выразила свое глубокое сожаление по поводу того, что Филип до сих пор не принял отставку, которую она так недавно и так искренне предложила. Она отрицала всякую ревность к верховным полномочиям, которые теперь были дарованы Алве, но думала, что его Величество мог бы позволить ей покинуть страну до прибытия герцога с полномочиями, которые были столь экстраординарными, а также столь унижительными для нее. Таким образом, ее честь могла бы быть спасена. Ей было больно сознавать, что она как бы служит вечным примером для всех остальных, у которых, учитывая то, как с ней обошелся король, отныне будет мало стимулов выполнять свой долг. Никогда, ни при каких обстоятельствах ни один человек не мог оказать ему таких услуг, какие оказала она. За девять лет у нее не было ни минуты покоя. Если король не проявил к ней особой благодарности, она утешалась мыслью, что удовлетворила своего Бога, саму себя и весь мир. Она поставила под угрозу свое здоровье, возможно, свою жизнь, и теперь, когда она умиротворила страну, теперь, когда король стал более абсолютным, более могущественным, чем когда-либо прежде, была послана другая, чтобы насладиться плодами ее трудов и страданий.

Герцогиня не скрывала своего возмущения по поводу того, что ее таким образом вытеснили, и, обдумав этот вопрос, пришла в ярость. Она открыто выразила свое неудовольствие. Временами она была почти вне себя от ярости. Все сочувствовали ее эмоциям, потому что все ненавидели герцога и содрогались при появлении испанцев. Казалось, что судный день за все преступления, которые когда-либо были совершены на протяжении веков, теперь настал для Нидерландов. Меч, который так долго висел над ними, казалось, вот-вот опустится. Во всех провинциях было только одно чувство холодного и безнадежного уныния. Те, кто все еще видел возможность совершить побег с обреченной земли, толпами устремились через границу. Все иностранные торговцы покинули большие рынки. В городах стало так тихо, словно на крышах каждого дома развернули знамя чумы.

Тем временем генерал-капитан методично продолжал свою работу. Он распределил свои войска по Брюсселю, Генту, Антверпену и другим главным городам. В качестве крайней меры и в знак последнего унижения он потребовал, чтобы муниципалитеты передали свои ключи на его хранение. Магистраты Гента смиренно протестовали против такого унижения, и Эгмонт был

достаточно неосторожен, чтобы сделать себя рупором их протестов, которые, излишне добавлять, не увенчались успехом. Тем временем настал его собственный час расплаты.

Как уже отмечалось, появление Альвы во главе иностранной армии было естественным следствием всего, что произошло ранее. Иллюзия королевского визита все еще сохранялась, и притворство возможного помилования все еще демонстрировалось, в то время как монарх спокойно сидел в своем кабинете без отдаленного намерения покинуть Испанию, и в то время как вестники его накопившегося и долго скрываемого гнева уже обрушивались на свою жертву. Это было преднамеренное намерение Филиппа, когда герцога отправляли в Нидерланды, чтобы все лидеры антиинквизиционной партии и все, кто когда-либо или каким-либо образом был замешан в оппозиции правительству или в осуждении его действий, были преданы смерти. Было решено, что провинции должны быть подчинены абсолютному господству совета Испании, небольшой группы иностранцев, заседающей на другом конце Европы, хунты, в которой нидерландцы не должны были иметь права голоса и оказывать никакого влияния. Деспотическое правление испанскими и итальянскими владениями должно было быть распространено на эти фламандские территории, которые, таким образом, должны были быть превращены в беспомощную зависимость от иностранной и абсолютной короны. Предполагалась реорганизация инквизиции на тех же началах, на которых она существовала до начала смуты, наряду с повторным введением в действие и энергичным исполнением знаменитых эдиктов против ереси.

Такова была схема, рекомендованная Гранвелле и Эспинозой и подлежащая исполнению Альвой. Как неотъемлемая часть этого плана, на тайных встречах в доме Эспинозы, перед отъездом герцога, было также решено, что все сеньоры, на которых герцогиня Маргарита так много жаловалась, особенно принц Оранский, а также графы Эгмонт, Хорн и Хоогстраатен, должны быть немедленно арестованы и привлечены к ответственности. С маркизом Бергеном и бароном Монтиньи, которые уже были в Испании, можно было иметь дело в любое время. Было также решено, что джентльмены, замешанные в конфедерации или компромиссе, должны быть немедленно привлечены к уголовной ответственности за государственную измену, независимо от обещания помилования, данного герцогиней.

Таким образом, были намечены общие черты великого проекта, и сразу же было выполнено несколько необходимых предварительных действий. Чтобы Эгмонт, Хорн и другие выдающиеся жертвы не встревожились и таким образом избежали намеренно уготованной им участи, королевские заверения были отправлены в Нидерланды, чтобы развеять их уныние и сомнения. Филипп собственноручно написал Эгмонту письмо, полное любви и доверия, о котором уже упоминалось. Он написал его после того, как Альва покинул Мадрид, выполняя свою миссию мести. Те же тайные меры применялись и в отношении других. Принц Оранский не был способен попасть в королевскую ловушку, какой бы осторожной ни была наживка. К сожалению, он не мог поделиться своей мудростью со своими друзьями.

Трудно представить себе столь сангвинический темперамент, как тот, которому Эгмонт был обязан своим разрушением. Не только принц Оранский предсказал его гибель. Предупреждения приходили к графу отовсюду, и теперь они часто повторялись. Конечно, он не был лишен беспокойства, но он принял свое решение; преисполненный решимости верить королевскому слову и в королевскую благодарность за оказанные им услуги не только против Монморанси и Де Терм, но и против еретиков Фландрии. Однако он сильно изменился. Он

преждевременно состарился. В сорок шесть лет его волосы поседели, и он никогда не спал без пистолетов под подушкой. Тем не менее он проявлял, а иногда и ощущал, беззаботность, которая удивляла всех вокруг. Португальский дворянин Роблес, сеньор де Билли, вернувшийся в начале лета из Испании, куда он был направлен с конфиденциальной миссией мадам де Парма, как говорят, неоднократно сообщал Эгмонту об опасном положении, в котором он оказался. Сразу после своего прибытия в Брюссель он навестил графа, который тогда был прикован к своему дому из-за травмы, полученной в результате падения с лошади. "Постарайся побыстрее поправиться, - сказал Де Билли, - потому что в Испании о тебе рассказывают очень плохие истории". Эгмонт от души рассмеялся над этим замечанием, как будто ничего не могло быть более абсурдного, чем такое предупреждение. Его друг — ибо Де Билли, как говорят, испытывал настоящую привязанность к графу — настаивал на своих пророчествах, говоря ему, что "птицы в поле поют гораздо приятнее, чем в клетках", и что ему лучше было бы покинуть страну до прибытия Альвы.

Эти предупреждения повторялись почти ежедневно одним и тем же джентльменом и другими, которые все больше и больше удивлялись увлечению Эгмонта. Тем не менее он пренебрег их предостережениями и отправился навстречу герцогу в Тирлемонт. Даже тогда он мог бы заметить по холодности своего первого приема и непочтительному поведению испанских солдат, которые не только не отдали ему честь, но и громко пробормотали, что он лютеранин и предатель, что мадридское правительство не так уж его любит, как ему хотелось бы.

Однако после первых нескольких мгновений поведение Альвы изменилось, в то время как Чиаппин Вителли, Габриэль де Сербеллони и другие высокопоставленные офицеры приняли графа с большой вежливостью даже при его первом появлении. Великий приор Фердинандо де Толедо, внебрачный сын герцога и уже выдающийся солдат, по-видимому, испытывал теплую и искреннюю дружбу к Эгмонту, чьи блестящие подвиги на поле боя вызывали его юношеское восхищение, и чьему уничтожению он, тем не менее, был вынужден стать невольным орудием. Соответственно, в течение нескольких дней после прибытия нового генерал-губернатора все, казалось, шло гладко. Великий приор и Эгмонт чрезвычайно сблизились, проводя время вместе на банкетах, маскарадах и играх так радостно, как будто вернулись веселые дни, наступившие после Като-Камбрейского мирного договора. Герцог тоже проявлял самое дружелюбное расположение, заботясь о том, чтобы посылать ему большие подарки в виде испанских и итальянских фруктов, которые часто получали правительственные курьеры.

Купаясь в этой фатальной безопасности, Эгмонт не только забыл о своих страхах, но, к сожалению, преуспел в том, чтобы внушить графу Хорну часть своей уверенности. Этот джентльмен все еще оставался в своем уединенном особняке в Верте, несмотря на хитроумные средства, которые были использованы, чтобы выманить его из этой "пустыни". Удивительно, что тот же самый человек, который, по словам хорошо информированного современника-католика, больше всего стремился предупредить Эгмонта об опасности, был также главным инструментом для осуществления захвата адмирала. Сеньор де Билли на следующий день после своего прибытия из Мадрида написал Хорну, сообщив ему, что король весьма доволен его услугами и характером. Де Билли также заявил, что Филипп поручил ему четко выразить королевскую благодарность за поведение графа, добавив, что его Величество собирается посетить Нидерланды в августе, и, вероятно, ему будет предшествовать или сопровождать барон Монтиньи.

Вскоре после этого Альва и его сын Дон Фердинандо направили графу Хорну письма от Гервербиллера (датированные 26 и 27 июля), полные выражений дружбы и доверия. Адмирал, который послал одного из своих джентльменов поприветствовать герцога, теперь ответил из Верта, что он очень ценит проявленную к нему доброту, но что по причинам, которые его секретарь Алонсо де ла Лоо сообщит более подробно, он должен на данный момент просить извинения от личного визита в Брюссель. Альва принял секретаря с чрезвычайной вежливостью. Герцог выразил бесконечную боль по поводу того, что король до сих пор не вознаградил услуги графа Хорна по заслугам, сказал, что год назад он сказал своему брату Монтиньи, насколько он друг адмирала, и попросил Ла Лоо передать своему хозяину, что он не должен сомневаться в королевской щедрости и благодарности. Губернатор добавил, что если бы он мог увидеть графа лично, то мог бы рассказать ему то, что доставило бы ему удовольствие и что доказало бы, что друзья его не забыли. После этого Ла Лоо имел долгую беседу с секретарем герцога Альборносом, который заверил его, что его господин питает величайшую привязанность к графу Хорну и что, поскольку его дела находятся в таком затруднительном положении, ему легко может быть предоставлен пост губернатора в Милане или вице-короля Неаполя, который вот-вот освободится. Секретарь добавил, что герцог был очень обижен тем, что его не посетили многие выдающиеся вельможи, чьим верным другом и слугой он был, и что графу Хорну следовало бы посетить Брюссель, если не для обсуждения важных дел, то, по крайней мере, навестить генерал-капитана как друга. "После всего этого, - сказал честный Алонсо, - я немедленно отправляюсь в Верт, чтобы убедить его светлость уступить желаниям герцога".

Это научное маневрирование, соединенное с настойчивыми заявлениями Эгмонта, наконец произвело свой эффект. Адмирал покинул свой пост в Верте, чтобы упасть в яму, которую его враги так искусно готовили в Брюсселе. Ночью 8 сентября Эгмонт получил еще одно чрезвычайно важное и таинственное предупреждение. Испанец, по-видимому, высокопоставленный офицер, тайно проник в его дом и торжественно убеждал его совершить побег до наступления утра. Графиня, которая впоследствии рассказала эту историю, всегда считала, хотя и не была уверена, что таинственным посетителем был Джулиан Ромеро, маршал де Камп. Эгмонт, однако, оставался таким же слепо уверенным, как и прежде.

На следующий день, 9 сентября, великий приор дон Фердинандо дал великолепный обед, на который были приглашены Эгмонт и Хорн, а также Нуарармес, виконт Гентский и многие другие вельможи. Банкет был оживлен музыкой собственного военного оркестра Альвы, который герцог прислал, чтобы развлечь компанию. В три часа он отправил джентльменам записку, в которой просил их по окончании обеда составить ему компанию в его доме (мезон де Жасси), поскольку он хотел проконсультироваться с ними относительно плана цитадели, которую он предлагал возвести в Антверпене.

В этот момент великий приор, сидевший рядом с Эгмонтом, прошептал ему на ухо: "Немедленно покиньте это место, синьор граф; возьмите самую быструю лошадь в вашей конюшне и убирайтесь без промедления". Эгмонт, сильно встревоженный и вспомнивший многочисленные пророчества и предостережения, которые он пропустил мимо ушей, встал из-за стола и вышел в соседнюю комнату. За ним последовали Нуаркарм и два других джентльмена, которые заметили его волнение и поинтересовались его причиной. Граф повторил им таинственные слова, только что нашептанные ему великим приором, добавив, что он полон решимости последовать совету без малейшего промедления. "На! Граф, - воскликнул Нуаркарм, - не

относитесь легкомысленно к такому безоговорочному доверию к этому незнакомцу, который советует вам погибель. Что скажут герцог Альва и все испанцы о таком поспешном бегстве? Не скажут ли они, что ваше превосходительство бежали от сознания вины? Не будет ли ваш побег истолкован как признание в государственной измене?"

Если эти слова действительно были сказаны Нуаркармом; а что это было так, у нас есть свидетельство валлонского дворянина, постоянно общавшегося с друзьями Эгмонта и со всей католической партией, то они представляют собой еще одно доказательство злобного и жестокого характера этого человека. Этот совет навсегда решил судьбу колеблющегося Эгмонта. Он встал из-за стола, полный решимости последовать совету благородно мыслящего испанца, который рискнул жизнью, чтобы спасти своего друга. Теперь он вернулся, повинувшись совету своего соотечественника, фламандского дворянина, равнодушно отнестись к благонамеренному предупреждению и снова сесть за стол на последнем банкете, который ему предстояло почтить своим присутствием.

В четыре часа, когда обед был закончен, Хорн и Эгмонт в сопровождении других джентльменов направились в дом "Яссы", который в то время занимал Алва, чтобы принять участие в предложенных обсуждениях. Герцог принял их с большой любезностью. Вскоре появился инженер Пьетро Урбино и положил на стол большой пергамент, содержащий план и высоту цитадели, которая должна быть возведена в Антверпене. Вскоре возникла жаркая дискуссия на эту тему, в которой приняли участие Эгмонт, Хорн, Нуаркармес и другие, а также инженеры Урбино и Пачеко. Через некоторое время герцог Алва покинул апартаменты под предлогом внезапного недомогания, оставив компанию все еще увлеченной своим спором. Совет продолжался почти до семи вечера. Когда все разошлись, дон Санчо д'Авила, капитан герцогской гвардии, попросил Эгмонта остаться на минутку после остальных, поскольку ему нужно было кое-что сообщить ему. После пары незначительных замечаний испанский офицер, как только они остались одни, попросил Эгмонта сдать свою шпагу. Граф, взволнованный и, несмотря на все происшедшее, все еще застигнутый врасплох, едва знал, что ответить. Дон Санчо повторил, что ему поручено арестовать его, и снова потребовал отдать ему шпагу. В тот же миг двери соседней квартиры распахнулись, и Эгмонт увидел себя в окружении отряда испанских мушкетеров и алебардщиков. Оказавшись таким образом в ловушке, он отдал свой меч, с горечью сказав при этом, что он, по крайней мере, оказал некоторую услугу королю в давно прошедшие времена. Затем его отвели в комнату на верхнем этаже дома, где была устроена его временная тюрьма. Окна были забаррикадированы, дневной свет исключен, вся квартира завешана черным. Здесь он оставался четырнадцать дней (с 9 по 23 сентября). В течение этого периода ему не разрешалось общаться со своими друзьями. Его комната днем и ночью освещалась свечами, прислуживали ему в строгом молчании испанские слуги и охраняли испанские солдаты. Капитан стражи каждую полночь задерживал занавеску и будил его ото сна, чтобы сменяющий его офицер мог опознать его.

Граф Хорн был арестован по тому же поводу капитаном Салинасом, когда он проходил через внутренний двор дома после окончания совета. Его заперли в другой комнате особняка, и с ним поступили точно так же, как с Эгмонтом. 23 сентября оба были доставлены под усиленной охраной в замок Гент.

В этот же день были успешно проведены два других важных ареста, включенных и организованных в ту же программу. Баккерзеель, личный секретарь Эгмонта, и Энтони Ван

Страален, богатый и влиятельный бургомистр Антверпена, были схвачены почти одновременно. По просьбе Альвы бургомистр был приглашен герцогиней Пармской отправиться по делам в Брюссель. Он, по-видимому, опасался засады, потому что, когда он садился в свою карету, чтобы отправиться в путь, он был так закутан в множество одежд, что его едва можно было узнать. Однако едва он оказался на открытой местности, вдали от человеческого жилья, как его внезапно окружил отряд из сорока солдат под командованием дон Альберика Лодрона и дон Санчо де Лодроно. Эти офицеры следили за его передвижениями в течение многих дней. Захват Баккерзиля был осуществлен с такой же ловкостью примерно в тот же час.

Алва, когда он сидел за столом совета вместе с Эгмонтом и Хорном, был тайно проинформирован о том, что эти важные персоны, Баккерзил и Страален, а также личный секретарь адмирала Алонсо де ла Лоо, были, таким образом, успешно арестованы. Он с трудом скрыл свое удовлетворение и немедленно покинул квартиру, чтобы расставить ловушку двум главным жертвам его предательства. Он сам организовал все детали этих двух важных арестов, в то время как его внебрачный сын, приор дон Фердинандо, был вынужден руководить процессом. Заговор был превосходным заговором и был осуществлен так же успешно, как и был мудро задуман. Никто, кроме испанцев, не был задействован ни в одной части дела. Офицеры высокого ранга в армии его Величества выполняли роль шпионов и полицейских с большой ловкостью, и нельзя было ожидать, что эта обязанность покажется позорной, когда приор рыцарей Святого Иоанна руководил операциями, когда генерал-капитан Нидерландов разработал весь план и когда все, от младшего офицера до вице-короля, получили подробные инструкции относительно предполагаемого предательства от великого начальника испанской полиции, восседавшего на троне Кастилии и Арагона.

Как только эти джентльмены были взяты под стражу, секретарь Альборноз был отправлен в дом графа Хорна и в дом Баккерзиля, где все бумаги были немедленно изъяты, инвентаризированы и переданы в руки герцога. Таким образом, если среди самых секретных сообщений Эгмонта и Хорна или их корреспондентов таилась хоть одна предательская мысль, ей предстояло нелегкое дело, но ее можно было скрутить в веревку, достаточно прочную, чтобы задушить их всех.

В ту же ночь герцог написал его величеству торжествующее письмо. Он извинился за то, что эти важные поимки были отложены так надолго, но заявил, что счел желательным заполучить всех этих ведущих персонажей одним ударом. Затем он рассказал о том, как виртуозно были проведены эти операции. Конечно, если вспомнить, что герцог прибыл в Брюссель только 23 августа, а оба графа были надежно заключены в тюрьму 9 сентября, то с его стороны казалось излишней скромностью оправдываться за очевидную задержку. Во всяком случае, в глазах мира и потомков его рвение выполнять кровавые приказы своего хозяина было достаточно быстрым.

Ужас охватил все провинции, когда стало известно об арестах. Огромная популярность Эгмонта и выдающиеся заслуги ставили его так высоко над массой горожан, а его приверженность католической религии, кроме того, была настолько хорошо известна, что становилось очевидным, что теперь ни один человек не мог быть в безопасности, когда такие люди, как он, находились во власти Альвы и его мирмидонцев. Враждебность к испанцам возрастала с каждым часом. Герцогиня изобразила негодование по поводу ареста двух дворян, хотя нигде не указано, что она попыталась сказать хоть слово в их защиту или хотя бы пальцем пошевелила в какой-либо последующий момент, чтобы спасти их. Ей не хотелось омыwać руки от крови двух

невинных людей; она была лишь оскорблена тем, что их арестовали без ее разрешения. Герцог, это правда, послал Берлаймона и Мансфельда сообщить ей об этом факте, как только был совершен захват, под благовидным предлогом, что он предпочитает избавить ее от всей ответственности и всей непопулярности этой меры, однако ничто не могло смягчить ее гнев по поводу этого и любого другого проявления презрения, с которым он, по-видимому, относился к сестре своего государя. Она ежедневно жаловалась на его поведение каждому, кто был допущен к ней. Сама подавленная чувством личного унижения, она, казалось, на мгновение отождествила себя с делом угнетенных провинций. Казалось, она вообразила себя защитницей их свобод, и нидерландцам на мгновение показалось, что они разделяют это наваждение. Поскольку она была возмущена дерзостью герцога Алвы по отношению к ней самой, честные граждане начали отдавать ей должное за сочувствие к их собственным обидам. Она выразила решимость переезжать из одного города в другой до тех пор, пока не поступит ответ на ее требование обувольнении. Она позволяла своим непосредственным помощникам при каждом удобном случае оскорблять испанцев в хороших выражениях. Даже ее личный капеллан позволил себе, проповедуя перед ней в дворцовой часовне, осудить всю нацию как расу предателей и насильников, и за это преступление герцогиня лишь сделала ему выговор, во многом против ее воли, и приказала удалиться на время в свой монастырь. Она не пыталась скрыть своего недовольства каждым шагом, предпринятым герцогом. Во всем этом было много раздражительности, но очень мало достоинства, в то время как не было ни искры настоящего сочувствия к угнетенным миллионам, ни трепета подлинного женского волнения при мысли о надвигающейся судьбе двух аристократов. Ее главным горем было то, что она умиротворила провинции и что теперь прибыла другая, чтобы пожинать плоды славы; но ей было трудно успешно играть роль благожелательной и милосердной регентши, в то время как непогребенные кости многих еретиков по ее указу все еще висели на стропилах их собственных разобранных церквей. Но совершенно верно, что ужасы правления герцога были благоприятны для славы Маргариты и, возможно, в еще большей степени для славы кардинала Гранвелля. Слабым и пробивающимся лучам человечности, которые время от времени освещали ход их правления, было суждено погаснуть в хаосе настолько глубоком и темном, что эти последние лучи света казались по контрасту более яркими и обильными.

Граф Хогстраатен, направлявшийся в Брюссель, по счастливой случайности повредил руку в результате случайного выстрела из пистолета. Задержанный этим несчастным случаем в Кельне, он был проинформирован еще до прибытия в столицу об аресте двух своих выдающихся друзей и принял намек немедленно отправиться в безопасное место.

Лояльность старшего Мансфельда не вызывала сомнений даже у Алвы. Однако его сын Чарльз проявил неосторожность и, как мы видели, даже поставил свое имя на самых ранних экземплярах Компромисса. Правда, он отошел от дел, порвав все связи с конфедератами, но его отец хорошо знал, что подпись молодого графа на этом знаменитом документе стала бы доказательством его смертного приговора, если бы его нашли в стране. Поэтому он отправил его в Германию до прибытия герцога.

Удовлетворению короля не было предела, когда он узнал об этом важном достижении Алвы, и он немедленно написал, чтобы выразить свое одобрение в самых экстравагантных выражениях. Кардинал Гранвель, напротив, изобразил удивление по поводу курса, который он втайне предлагал. Он заверил его величество, что никогда не верил, что Эгмонт питает чувства, противоположные католической религии или интересам короны, вплоть до его собственного

отъезда из Нидерландов. По его словам, он был убежден, что граф подвергся жестокому обращению со стороны других, хотя, конечно, кардинал с сожалением узнал о том, что Эгмонт написал по случаю крещения ребенка графа Хогстраатена. Что касается других арестованных, он сказал, что никто не сожалеет об их участи. Кардинал добавил, что предполагалось, что он сам был зачинщиком этих захватов, но что его не беспокоило ни это, ни другие обвинения подобного характера.

В разговорах с окружающими он часто выражал сожаление по поводу того, что принц Оранский был слишком хитер, чтобы попасться в те же сети, в которых были так неразрывно запутаны его более простые товарищи. Действительно, при первых же известиях о том, что в Брюсселе арестованы высокопоставленные лица, кардинал нетерпеливо поинтересовался, был ли схвачен Молчун, поскольку этим термином он всегда характеризовал принца. Получив отрицательный ответ, он выразил крайнее разочарование, добавив, что если бы Оранж сбежал, они бы никого не взяли; и что его поимка была бы более ценной, чем поимка каждого человека в Нидерландах.

Петер Тительманн, знаменитый инквизитор, который, отойдя от активной жизни, в то время жил на милости Филиппа и поощрялся дружескими письмами этого монарха, высказал то же мнение. Узнав, что Эгмонт и Хорн были схвачены, он нетерпеливо поинтересовался, был ли схвачен и "мудрый Уильям". Ему, конечно, ответили отрицательно. "Тогда наша радость будет недолгой", - заметил он. "Горе нам, если гнев придет из Германии".

12 июля этого года Филипп написал Гранвелю, чтобы узнать подробности письма, которое принц Оранский, согласно предыдущему сообщению кардинала, написал Эгмонту по случаю крещения ребенка графа Хогстраатена. 17 августа кардинал ответил, исправив королю допущенную им ошибку. Письмо, как он уже заявил, было написано не Оранж, а Эгмонт, и он выразил свое удивление по поводу того, что мадам де Парма до сих пор не отправила его его величеству. Герцогиня, должно быть, видела это, потому что ее духовник показал это человеку, который был информатором Гранвеля. В этом письме, продолжил кардинал, Эгмонт сделал заявление принцу Оранскому о том, что их заговоры были раскрыты, что король производил оружие, что они не могли противостоять ему и что поэтому стало необходимым притворяться и как можно лучше приспособливаться к сложившейся ситуации, ожидая других обстоятельств, при которых можно было бы осуществить свои замыслы. Более того, Гранвель посоветовал немедленно арестовать Страалена, который был посвящен в это письмо, и, возможно, амануэнси.

Кардинал был полон решимости не оставлять это дело без внимания, несмотря на свои заверения в добрых чувствах к заключенному графу. Вопреки заявлению о том, что он знал о письме, которое было равносильно полному признанию в измене из уст самого Эгмонта — факта, которого, если бы он был доказан и, возможно, даже намекнут, было бы достаточно для Филиппа, чтобы лишить Эгмонта двадцати тысяч жизней, — вопреки этим постоянным рекомендациям своему подозрительному и кровожадному хозяину разузнать этот документ, если бы это было возможно, следует признать, что туманные и лицемерные высказывания церковника в пользу милосердия стоили очень мало.

Конечно, эти семена подозрительности упали не на бесплодную почву. Филипп немедленно передал полученную таким образом информацию герцогу Альва, неоднократно поручая ему выяснить, что было написано либо Эгмонтом, либо Страаленом по наущению Эгмонта, заявив,

что такое письмо было написано во время крещения в Хогстраатене, что оно, вероятно, проиллюстрирует взгляды Эгмонта в тот период, и что само письмо, которое когда-то было в руках духовника мадам де Парма, следует, по возможности, раздобыть. Таким образом, тот самый язык, которым Гранвель обращался к Филиппу, был немедленно повторен монархом своему представителю в Нидерландах в тот момент, когда все бумаги Эгмонта были в его распоряжении и когда личный секретарь Эгмонта подвергался пыткам, чтобы вырвать у него секреты, которые никогда не приходили ему в голову. Тот факт, что такого письма найдено не было, что герцогиня никогда не упоминала ни о каком подобном документе и что ни тщательное изучение бумаг, ни применение дыбы не смогли получить никакой удовлетворительной информации по этому вопросу, приводит к выводу, что такого предательского документа никогда не существовало, разве что в воображении кардинала. В любом случае, это не более чем простое колебание, прежде чем приписывать документу обличающий характер в отсутствие каких-либо прямых доказательств того, что такой документ вообще когда-либо существовал. Духовник мадам де Парма рассказал другому человеку, который сообщил кардиналу, что либо граф Эгмонт, либо бургомистр Страален по приказу графа Эгмонта написали принцу Оранскому то-то и то-то. Какие это были доказательства, на основании которых можно было выдвинуть обвинение в государственной измене против человека, которого Гранвель пытался охарактеризовать как человека, не выступающего ни против католической религии, ни против истинного служения королю? Что за лисье милосердие было со стороны кардинала, когда он, делая такие смертоносные намеки, рекомендовал заключенной жертве помилование?

Несчастные посланники, маркиз Берген и барон Монтиньи, оставались в Испании под пристальным наблюдением. От тех обреченных жертв, которые, несмотря на дружеские увещевания и зловещие предупреждения, отважились таким образом проникнуть в логово льва, никогда не было видно следов удаляющихся ног. Теперь, когда Альву наконец отправили в Нидерланды, их судьба, казалось, была решена, и маркиз Берген, приняв это предзнаменование в самом зловещем смысле, сразу же после этого заболел до смерти. Было ли это болезнью отложенной надежды, внезапно сменившейся отчаянием, или это был еще более сильный и недвусмысленный яд, пришедший на помощь несчастному дворянину, возможно, никогда не будет установлено с уверенностью. Тайны этих ужасных тюрем Испании, где, как вскоре после этого считалось, даже старший сын и законная жена монарха стали жертвами его темной мести, возможно, никогда не будут точно разгаданы, пока могила не отдаст своих мертвецов и не раскроются погребенные веками преступления.

Очень скоро после ухода флота Альвы из Картагены маркиз Берген почувствовал приближение своего конца. Он послал за принцем Эболи, с которым всегда поддерживал близкие отношения и которого считал своим бескорыстным другом. Полагаясь на его верную грудь и надеясь получить только из его глаз те благочестивые капли сочувствия, в которых он нуждался, умирающий аристократ излил свою долгую и последнюю жалобу. Он поручил ему сказать человеку, которого он больше не будет называть своим королем, что он всегда был верным и преданным, что горечь от постоянных подозрений, когда он сознавал свою абсолютную преданность, была более острой печалью, чем можно было легко поверить, и что он надеется, что придет время, когда его собственная правда и происки его врагов будут раскрыты. Он завершил свое прощальное послание предсказанием, что после того, как он долгое время будет лежать в могиле, обвинения в его адрес будут, наконец, хотя и слишком поздно, сняты.

Так говорил несчастный посланник, и его друг ответил словами утешения. Вполне вероятно, что он даже отважился от имени короля предоставить ему свободу вернуться домой; единственное средство, как неоднократно заявляли его врачи, которое могло быть применено к его болезни. Но дьявольское лицемерие Филиппа и подлое вероломство Эболи на данном этапе почти превосходят все ожидания. Принц подошел, чтобы пожать руку и закрыть глаза умирающему, которого он называл своим другом, предварительно внимательно изучив сводку самых подробных и секретных инструкций своего господина относительно поведения, которое он должен был соблюдать по этому торжественному случаю и после него. Этот документ, написанный собственноручно Филиппом, был доставлен Эболи в самый день его визита в Берген, и на нем было написано, что его нельзя ни читать, ни вскрывать, пока доставивший его посыльный не уйдет от него. В нем принцу предписывалось, если станет очевидно, что маркиз уже не поправляется, пообещать ему от имени короля разрешение вернуться в Нидерланды. Однако, если появится возможность того, что он выживет, Эболи должен был лишь лелеять надежду, что такое разрешение в конечном итоге может быть получено. В случае смерти Бергена принц должен был немедленно посоветоваться с Великим инквизитором и графом Фериа о мерах, которые следует принять для его погребения. В этом случае могло бы показаться целесообразным выразить сожаление, которое король и его министры испытывали по поводу его смерти, и то огромное уважение, с которым они относились к нидерландской знати. В то же время Эболи было дополнительно поручено обсудить с теми же лицами наиболее эффективные средства предотвращения побега барона Монтиньи; бдительно следить за его передвижениями и дать общие указания губернаторам и почтмейстерам перехватить его бегство, если оно будет предпринято. Наконец, в случае смерти Бергена принцу было приказано отправить специального гонца, очевидно, под его личную ответственность, и как бы в отсутствие и без ведома короля, сообщить герцогине Пармской об этом событии и настоятельно призвать ее немедленно вступить во владение городом Берген-оп-Зом и всем другим имуществом, принадлежащим маркизу, до тех пор, пока не будет установлено, невозможно ли после смерти обвинить его в государственной измене и соответствующим образом конфисковать его поместья.

Таковы были инструкции Филиппа Эболи, и в точном соответствии с программой ужасная комедия разыгралась у смертного одра посланника. Через три дня после прощальной беседы со своим бескорыстным другом маркиз превратился в труп. Не успели у него окоченеть конечности, как в Брюссель был отправлен гонец с приказом регенту наложить арест на его имущество и арестовать по подозрению в ереси юного родственника и племянницу, которые, по воле маркиза, должны были сочетаться браком и разделить его состояние. Вся драма, начиная со сцены смерти, разыгрывалась в соответствии с порядком: до прибытия Алвы в Нидерланды имущество маркиза находилось в руках правительства в ожидании конфискации, которая была отложена лишь на короткое время, в то время как, с другой стороны, барон Монтиньи, товарищ Бергена по несчастью, которого, однако, не так-то легко было увести тоской по дому, был заключен в алькасар в Сеговии, чтобы никогда не выйти живым из испанской тюрьмы. Есть что-то трогательное в заблуждении, которому предавались Монтиньи и его брат, граф Горн, каждый из которых верил, что другой вне опасности, один из-за своего отсутствия в Нидерландах, другой - из-за отсутствия в Испании, в то время как оба, запутавшись в одних и тех же сетях, быстро и верно приближались к своей участи.

В том же послании от 9 сентября, в котором герцог сообщил Филиппу о захвате Эгмонта и Горна, он объявил ему о своей решимости учредить новый суд для разбирательства преступлений,

совершенных в недавний период смуты. Соответственно, этот замечательный трибунал был создан с наименьшей возможной задержкой. Он назывался Советом Смуты, но вскоре приобрел ужасное название, под которым навсегда останется известен в истории, "Совет крови". Он вытеснил все другие институты. Каждому суду, от муниципальных магистратур до верховных советов провинций, было запрещено в будущем принимать к сведению какие-либо причины, вызванные недавними беспорядками. Государственный совет, хотя и не был формально распущен, пришел в полное запустение, его членов время от времени вызывали в личные покои Алвы нерегулярным образом, в то время как его основные функции были узурпированы Советом Крови. Не только граждане каждой провинции, но и муниципальные органы и даже сами суверенные провинциальные поместья были вынуждены выступать, как скромные люди, перед этим новым и чрезвычайным трибуналом. Нет необходимости упоминать о совершенном таким образом абсолютном нарушении всех хартий, законов и привилегий, потому что само создание совета было смелым и жестоким провозглашением того, что этим законам и привилегиям пришел конец. Конституция или материнский принцип этого внезапно созданного суда носил двоякий характер. Он определял преступление государственной измены и карал его. Определения, изложенные в восемнадцати статьях, объявляли государственной изменой доставку или подписание какой-либо петиции против новых епископов, инквизиции или Эдиктов; терпимость к публичным проповедям при любых обстоятельствах; отсутствие сопротивления разрушению имиджа, проповедям на местах или представлению Просьбы дворянами и "либо из сочувствия, либо из удивления" утверждение, что король не имел права лишать все провинции их свобод, или утверждение, что этот нынешний трибунал обязан каким-либо образом уважать какие-либо законы или какие-либо уставы. В этих кратких и простых, но всеобъемлющих терминах было определено преступление государственной измены. Наказание было сформулировано еще более кратко, просто и исчерпывающе, поскольку во всех случаях это была мгновенная смерть. Эта новая и ужасная машина настолько хорошо выполняла свою работу, что менее чем за три месяца с момента ее установки в результате ее кратковременной эксплуатации погибло восемнадцать сотен человек; среди них были одни из самых высоких, благородных и добродетельных в стране; и с тех пор она не проявляла ни малейшего признака остановки в своей ужасной карьере.

Однако, как ни странно, этот огромный суд, созданный таким образом на руинах всех древних институтов страны, не был наделен даже номинальной властью из какого бы то ни было источника. Король не выдал ему ни патента, ни хартии, и даже герцог Алва не считал нужным давать какие-либо поручения ни от своего имени, ни в качестве генерал-капитана кому-либо из членов правления. Совет Крови был всего лишь неформальным клубом, бессменным президентом которого был герцог, в то время как все остальные члены назначались им самим.

Из этих подчиненных советников двое имели право голоса, однако во всех случаях при условии принятия им окончательного решения, в то время как остальные вообще не голосовали. Таким образом, он ни в коем случае не носил характера судебного, законодательного или исполнительного трибунала, а был чисто консультативным советом, благодаря которому кровавые труды герцога время от времени облегчались в деталях, в то время как с его плеч не было снято ни малейшего груза власти или ответственности. Он оставил за собой окончательное решение по всем вопросам, которые должны быть вынесены на рассмотрение совета, и изложил свои мотивы для этого с мрачной простотой. "Две причины, - писал он королю, - побудили меня таким образом ограничить власть трибунала; первая - из-за того, что, не зная его членов, я мог бы легко быть ими обманут; вторая - из-за того, что служители закона

осуждают только за преступления, которые доказаны; тогда как вашему величеству известно, что государственные дела регулируются правилами, весьма отличными от законов, действующих у них здесь".

Следовательно, поскольку целью герцога было сформировать группу людей, которые помогали бы ему в осуждении за преступления, которые не могли быть доказаны, и в пренебрежении законами, которые не подлежали признанию, следует признать, что ему не повезло с назначениями на должности советников. В этом назначении ему помогал опытный Виль. Этот ученый юрисконсульт со свойственной ему развязностью уклонился от опасной для себя чести, но он выдвинул несколько человек, из которых герцог отобрал свой список. Священническое облачение, которое он так недавно и так "хитро" надел, послужило ему оправданием, и в своих письмах своему верному Хопперу он неоднократно поздравлял себя с успехом держаться подальше от столь кровавого и опасного поста.

Невозможно смотреть на поведение выдающегося фризца на этом важном этапе без презрения. Стремясь только к спасению себя, своего имущества и своей репутации, он, колеблясь, склонился перед "самым прославленным герцогом", как он всегда называл его, с искренним и подобострастным почтением. Хотя он отказался окунуть собственные пальцы в невинную кровь, которая вот-вот должна была хлынуть потоками, он не возражал против участия в церемонии инициации великого холокоста в Нидерландах. Его порядочное и утонченное поведение кажется даже более оскорбительным, чем шутливость настоящих убийц. Сознывая, что никто не знает законы и обычаи Нидерландов лучше, чем он сам, он имел скромную наглость заметить, что в тот момент ему было необходимо молча подчинить свою собственную неумелость высшему суждению и знаниям других. Освободившись наконец от Сизифова камня, который, как он жалобно выражался, он ворочал в течение двадцати лет; получив к приезду Тиснака отставку с поста президента государственного совета, он все же не отказывался от вознаграждения и звания Президента тайного совета, хотя обе должности стали синекурами с момента создания Совета Крови. Хотя его жизнь прошла на административных и судебных должностях, он не краснел в вопросах конституционного права, полагаясь на авторитет таких юристов, как герцог Альва и две его испанские ищейки, Варгас и Дель Рио. Как он заметил в своей конфиденциальной переписке, ему не нравилось противоречить герцогу, утверждавшему, что в случаях государственной измены привилегии Брабанта бессильны, хотя он слегка сомневался, согласятся ли брабантцы с этой доктриной. По его словам, он часто думал о средствах восстановления процветания провинций, но на деле он лишь помогал герцогу, в меру своих способностей, в организации Совета Крови. Он желал добра своей стране, но больше всего беспокоился о благосклонности Альвы. "Я рад, - сказал он в одном из своих писем, - что самый прославленный герцог написал королю, восхваляя мою угодливость; когда меня здесь порицают за то, что я так благоговейно забочусь о нем, утешает то, что мои заслуги перед королем и губернатором не остались там незамеченными". Действительно, герцог Альва, который изначально подозревал о характере президента, казалось, наконец-то был побежден его неутомимым и раболепным почтением. Он написал королю, в благосклонности которого ученый Доктор больше всего стремился в тот знаменательный период сохранить себя, что Президент был очень услужлив и прилежен и что он заслужил толику утешения из королевской руки. В результате Филипп написал в одном из своих писем несколько строк туманного комплимента, который, по предложению Альвы, можно было бы показать Виглию. Однако для испанского двора и испанского монарха весьма характерно, что буквально накануне он отправил генерал-капитану несколько документов совершенно иного

значения. Для того, как он сказал, чтобы герцог не был в неведении ни о чем, что касалось Нидерландов, он переслал ему копии писем, написанных Маргаритой Пармской из Брюсселя три года назад. Эти письма, как вы помните, содержали отчет о тайных расследованиях, которые герцогиня провела относительно личного характера и мнений Вильюса — в тот самый момент, когда он, по-видимому, пользовался ее высшим доверием, — и обвинила его в ереси, мошенничестве и воровстве. Таким образом, усердный президент, при всей его учености и опыте, последовательно оказывался обманутым Маргарет и Алвой, за которыми он так подобострастно ухаживал, и всегда Филиппом, которого он так боялся и боготворил.

С его помощью список членов совета крови был быстро составлен. Никто из тех, кому была предложена эта должность, не отказался от нее. Нуаркарм и Берлаймон согласились с очень большим рвением. Было назначено несколько председателей и советников различных провинциальных судов, но все нидерландцы были людьми из соломы. Два испанца, Дель Рио и Варгас, были единственными членами, которые могли голосовать; в то время как их решения, как уже говорилось, могли быть отменены Альвой. Дель Рио был человеком без характера и таланта, простым орудием в руках своего начальства, но Хуан де Варгас был ужасной реальностью.

В Европе нельзя было найти лучшего человека для должности, на которую он был таким образом возведен. Проливать человеческую кровь было, по его мнению, единственным важным делом и единственным увлекательным времяпрепровождением в жизни. Его юность была запятнана другими преступлениями. Он был вынужден уехать из Испании из-за жестокого обращения с ребенком-сиротой, опекуном которого он был, но, став мужчиной, не находил иного удовольствия, кроме убийства. Он выполнил кровавую работу Алвы с усердием, которое было почти сверхчеловеческим, и с весельем, которое посрамило бы демона. Его отвратительные шутки звучат сквозь кровь, дым и предсмертные крики тех дней вечных жертвоприношений. Он гордился тем, что был двойником железносердечного герцога, и действовал настолько единообразно в соответствии с его взглядами, что право на пересмотр оставалось лишь номинальным. Не могло быть никакой возможности столкновения там, где подчиненный стремился лишь превзойти несравненного начальника. Фигура Варгаса встает перед нами сквозь туман трех столетий с ужасающей отчетливостью. Даже его варварская грамматика не была забыта, и его преступления против синтаксиса и против человечества обрели такое же бессмертие. "*Heretici fraxerunt templa, boni nihili faxerunt contra, ergo debent omnes patibulare*" - такова была всеобъемлющая, но варварская формула человека, убившего латинский язык так же безжалостно, как он убивал своих современников.

Среди шифровальщиков, составлявших остальную часть правления, фламандский советник Хессельс был тем, кого герцог больше всего уважал. Он не был лишен таланта или учености, но герцог ценил его только за жестокость. Поскольку ему было позволено принимать лишь незначительное участие в обсуждениях, Хессельс привык коротать свои послеполуденные часы за столом совета, а когда его пробуждали от дремоты, чтобы он мог высказать мнение по делу, находившемуся тогда на рассмотрении суда, он имел обыкновение тереть глаза и выкрикивать "*Ad patibulum, ad patibulum*" ("на виселицу с ним, на виселицу с ним") с большим рвением, но в полном неведении относительно имени преступника или существа дела. Его жена, естественно, встревоженная тем, что часы бодрствования и сна ее мужа были одинаково поглощены работой этого палача, не раз зловеще выражала ему свою надежду, что он, чья голова и сердце были так

поглочены виселицей, не сможет однажды повеситься на ней сам; мрачное пророчество, которое Будущее самым ужасным образом исполнилось.

Составленный таким образом Совет Крови провел свое первое заседание 20 сентября в резиденции Алвы. Возникнув полностью взрослым и вооруженным до зубов из головы своего изобретателя, новый трибунал — с самого начала обладавший всей своей энергией — немедленно начал проявлять ужасающую активность в достижении целей своего существования. Члены совета поклялись хранить "вечную тайну относительно всего, что должно совершаться на совете, а также поклялись донести на любого из их числа, кто нарушит данное обещание", и суд считался организованным. Альва работал там по семь часов в день. Можно полагать, что подчиненных не щадили и что их офис не был синекурой. Их труд, однако, не был обременен устаревшими формами. Поскольку этот высший и единственный трибунал для всех Нидерландов не имел никаких поручений или полномочий, кроме воли генерал-капитана, также считалось, что установление свода правил и распоряжений, которые могли бы быть полезны в менее независимых судах, является вопросом вышестоящей инстанции. Формы судебного разбирательства были краткими и бесхитростными. Существовала грубая организация, с помощью которой толпа уполномоченных, действовавших как низшие должностные лица совета, была рассредоточена по провинциям, в обязанности которых входил сбор информации обо всех лицах, которые могли быть обвинены в участии в недавних беспорядках. Однако величайшим преступлением было быть богатым, и оно не могло быть искуплено никакими добродетелями, какими бы значительными они ни были. Альва стремился доказать, что он такой же опытный финансист, как и, бесспорно, непревзойденный командир, и он пообещал своему хозяину ежегодный доход в размере 500 000 дукатов от конфискации, которые должны были сопровождать казни.

Было необходимо, чтобы поток крови немедленно пролился по Нидерландам, чтобы обещанная золотая река глубиной в ярд, согласно его хваленому заявлению, начала орошать измученную жаждой почву Испании. Из основных законов, которые были приняты для определения государственной измены в тот же момент, когда был учрежден совет, очевидно, что любой человек в любой момент может быть вызван в суд. Каждый человек, невиновный или виноватый, папист или протестант, чувствовал, как у него трясется голова на плечах. Если бы он был богат, казалось, не было другого выхода, кроме бегства, что теперь было почти невозможно, от суровых наказаний, налагаемых новым эдиктом на всех носильщиков, капитанов кораблей и погонщиков фургонов, которые должны были помочь в побеге еретиков.

Определенному числу этих уполномоченных было особо поручено собирать информацию об измене Оранского, Луи Нассау, Бредероде, Эгмонта, Горна, Кулемберга, Ванденберга, Бергена и Монтиньи. На основании такой информации должно было быть возбуждено судебное разбирательство против этих выдающихся сеньоров в упрощенном порядке. Особым советникам Суда Крови было поручено организовать эти важные судебные процессы, но уполномоченные должны были отчитываться в первую очередь перед самим герцогом, который впоследствии вернул бумагу в руки своих подчиненных.

Что касается второстепенных и разнообразных дел, которые ежедневно в невероятном количестве передавались на рассмотрение трибунала, то соблюдались те же предварительные процедуры, имитирующие разбирательство в судах общей юрисдикции. Алва отправил телеги

информации, которую ему ежедневно приносили, но которую ни у него, ни у кого другого человека не было времени прочитать, на рассмотрение совета советников. В обязанности различных младших офицеров, которые, как уже говорилось, не имели права голоса, входила подготовка отчетов по этим делам. Ничто не могло быть более кратким. Информация была подана против человека или против сотни человек в одном документе. Герцог отправил бумаги в совет, и младшие советники немедленно доложили Варгасу. Если отчет заканчивался рекомендацией о смертной казни для данного человека или ста человек, о которых шла речь, Варгас немедленно одобрял это, и казнь этого человека или ста человек приводилась в исполнение в течение сорока восьми часов. Если в докладе содержался какой-либо другой вывод, он немедленно отправлялся обратно на доработку, и президент осыпал репортеров упреками.

Учитывая такой метод работы, можно предположить, что членам совета не позволялось ослаблять свою ужасную активность. Реестр каждого города, деревни и селения по всей территории Нидерландов содержал ежедневные списки мужчин, женщин и детей, принесенных таким образом в жертву в святилище демона, который получил власть над этой несчастной землей. Не часто случалось, чтобы человек имел достаточную значимость, чтобы предстать перед судом — если это можно назвать судом — в одиночку. Было сочтено более оперативным отправлять их в печь партиями. Так, например, 4 января были осуждены восемьдесят четыре жителя Валансьена; в другой день - девяносто пять разных людей из разных мест Фландрии; в другой раз - сорок шесть жителей Малина; в третий раз - тридцать пять человек из разных местностей и так далее.

Вечер Масленицы, любимого праздника в Нидерландах, стал поводом для ареста и увода огромного количества обреченных людей одним махом. Справедливо предполагалось, что бюргеров, напившихся вина и яств, которым, возможно, преследования, в условиях которых они жили, придавали дополнительный и ужасный стимул, можно было бы легко поднять с постелей в большом количестве и немедленно доставить в совет. Заговор был остроумным, сеть была раскинута соответствующим образом. Однако многие из обреченных, к счастью, были предупреждены об ужасном завершении, которое надвигалось на их фестиваль, и на какое-то время оказались в безопасности. Награда в виде примерно пятисот заключенных - вот и все, что вознаградило проницательность предприятия. Нет необходимости добавлять, что все они были немедленно казнены. Это утомительная и отвратительная задача - рыться в заплесневелых записях трехсотлетней давности, чтобы воспроизвести малоизвестные имена тысяч тех, кто был таким образом принесен в жертву.. Мертвые похоронили своих мертвецов и забыты. Точно так же вряд ли нужно утверждать, что все разбирательства в совете проходили "ex parte" и что за информацией почти неизбежно следовал смертный приговор. Иногда случалось даже, что решение советников превосходило трудолюбие комиссаров. Иногда приговоры выносились раньше, чем планировалось. Так, однажды дело одного человека было передано в суд, но еще до начала расследования выяснилось, что он уже был казнен. Более того, беглый просмотр бумаг, как обычно, доказал, что преступник не совершал никакого преступления. "Несмотря ни на что, - шутливо сказал Варгас, - если он умер невиновным, для него будет тем лучше, когда он предстанет перед судом в другом мире".

Но, как бы члены совета ни позволяли себе эти мягкие шутки между собой, было очевидно, что невиновность на самом деле невозможна, согласно правилам, которые были установлены в отношении государственной измены. Эта практика соответствовала предписанию, и людей

ежедневно казнили под бессмысленными предлогами, что было хуже, чем казни вообще без предлогов. Так, Питер де Витт из Амстердама был обезглавлен за то, что во время одной из беспорядков в этом городе он убедил бунтовщика не стрелять в магистрата. Это было воспринято как достаточное доказательство того, что он был авторитетным человеком среди повстанцев, и, соответственно, он был предан смерти. Мадам Жюрьен, которая в 1566 году сбила своей тувелькой маленькое деревянное изображение Пресвятой Богородицы, вместе со своей служанкой, которая была свидетельницей преступления, но не осудила его, были утоплены палачом в бочке, установленной на эшафоте.

Даже смерть не во всех случаях делала преступника недостижимым для палача. Эгберт Мейнарцун, человек высокого должностного положения, был осужден вместе с двумя коллегами по обвинению в сборе денег в лютеранской церкви. Он умер в тюрьме от водянки. Шериф был возмущен врачом, потому что, несмотря на сердечные снадобья и укрепляющие рецепты, преступник ускользнул у него из рук прежде, чем почувствовал прикосновения палача. Он утешил себя тем, что положил тело на стул и приказал обезглавить мертвеца вместе со своими коллегами.

Таким образом, вся страна превратилась в склеп; похоронный звон раздавался ежечасно в каждой деревне; ни одна семья не была призвана оплакивать своих самых дорогих родственников, в то время как выжившие вяло бродили, призраки самих себя, среди развалин своих бывших домов. Дух нации в течение нескольких месяцев после прибытия Алвы казался безнадежно сложенным. Кровь ее лучших и храбрейших уже обагрила эшафот; люди, к которым она привыкла обращаться за руководством и защитой, были мертвы, в тюрьме или в изгнании. Покорность перестала быть чем-либо полезным, бегство стало невозможным, и дух мести поселился у каждого очага. Скорбящие ежедневно ходили по улицам, ибо едва ли был хоть один дом, который не пришел бы в запустение. Эшафоты, виселицы, погребальные костры, которых было достаточно в обычные времена, теперь представляли собой совершенно неадекватный механизм для непрекращающихся казней. Столбы и колья на каждой улице, дверные косяки частных домов, заборы в полях были завалены человеческими тушами, задушенными, сожженными, обезглавленными. В садах по всей стране на многих деревьях росли отвратительные плоды в виде человеческих тел.

Таким образом, Нидерланды были раздавлены, и, если бы не жесткость тирании, которая теперь закрыла их ворота, они были бы обезлюдели. На улицах тех городов, которые еще недавно кормили так много ремесленников, начала расти трава. На всех этих огромных промышленных рынках, где так бурно пульсировал поток человеческой жизни, теперь царили тишина и темнота полуночи. Именно в это время ученый Виглиус написал своему другу Хопперу, что все преклоняются перед благоразумием и мягкостью герцога Алвы. Таковы были одни из первых плодов этого благоразумия и этой мягкости.

Герцогиню Пармскую постоянно держали в состоянии раздражения. В течение многих месяцев она не переставала требовать своего освобождения от отвратительного положения шифровальщицы в стране, где она так недавно была суверенной, и наконец добилась этого. Филипп передал о своем согласии на ее отставку тому же курьеру, который привез назначение Алвы генерал-губернатором вместо нее. Письма герцогине были полны обычных комплиментов за ее прошлые заслуги, сопровождавшихся, однако, менее бесплодным и более приемлемым

признанием в виде пожизненного дохода в размере 14 000 дукатов вместо 8000, которыми ее высочество пользовалась до сих пор.

В дополнение к этому щедрому пособию, которого она никогда не должна была лишаться, за исключением получения полной выплаты в размере 140 000 дукатов, она получила 25 000 флоринов от поместий Брабанта и 30 000 от поместий Фландрии.

С этими существенными доказательствами успеха после ее девятилетней усталости и невыносимого беспокойства она, наконец, уехала из Нидерландов, сообщив о разрыве своих связей с провинциями в прощальном письме в Поместья от 9 декабря 1567 года. В течение нескольких недель после этого, в сопровождении герцога Альвы пересекая границу Брабанта, сопровождаемая значительной депутацией фламандской знати в Германию и сопровождаемая до конца своего путешествия в Парме графом и графиней Мансфельд, она, наконец, завершила свою богатую событиями карьеру в Нидерландах.

Ужасы сменившейся администрации благотворно сказались на ее репутации. На темной почве последующих лет строки, запечатлевшие ее историю, казались написанными светлыми буквами. Тем не менее, ее поведение в Нидерландах дает мало поводов для одобрения и много - для возмущенного порицания. То, что она не была полностью лишена женской мягкости и чувства щедрости, доказывало ее прощальное послание брату. В этом письме она рекомендовала ему курс на милосердие и прощение и напомнила ему, что чем ближе короли приближаются к Богу по положению, тем больше они должны стараться подражать ему в его добродетели. Но язык этого прощания был более нежным, чем дух ее правительства. Тщетно также искать в общей атмосфере доброты, которой пронизано послание, особую рекомендацию тех выдающихся и обреченных сеньоров, чья привязанность к ее особе и чьи рыцарские и добросовестные попытки выполнить ее собственные приказы поставили их на край пропасти, с которой они вскоре должны были быть сброшены. Люди, которые удержали ее от того, чтобы покрыть себя позором, поспешно отступив с опасного поста, и которые подвергли опасности свои жизни, повинувшись ее четким инструкциям, долгое время томились в одиночном заключении, которому суждено было закончиться только смертью предателя, — и все же мы тщетно ищем доброе слово в их адрес.

Тем временем во Франции разразилась вторая гражданская война. Пустое перемирие, посредством которого партия Гизов и гугеноты отчасти притворялись, что обманывают друг друга, ускорило свой конец; среди прочего, из-за похода Альвы в Нидерланды. Гугеноты встревожились, поскольку они признали братство, объединившее их врагов во всех странах против Реформации, а Конде и Колиньи слишком хорошо знали, что то же влияние, которое привело Альву в Брюссель, вскоре создаст истребительную армию против их последователей. Военные действия возобновились с большим ожесточением, чем когда-либо. Битва при Сен-Дени - жестокая, смертельная, но нерешительная — состоялась. Восьмидесятилетний герой Монморанси, сражавшийся как пехотинец, отказывавшийся отдать свой меч и в ответ на почтительные просьбы своего ближайшего врага вонзивший ему зубы в горло рукоятью пистолета, герой стольких сражений, чье поражение при Сен-Кентине стало роковой точкой в его карьере, наконец погиб в своих доспехах, храбро, но не прославленно, в конфликте со своими соотечественниками, возглавляемыми его собственным героическим племянником. Военный контроль над католической партией был полностью в руках Гизов; канцлер де Лопиталь покинул двор после последней и тщетной попытки примирить враждующие

группировки, которые никакая человеческая сила не могла объединить; гугеноты овладели Рошелью и другими сильными местами и под руководством искусных государственных деятелей и опытных генералов упорно теснили самого христианского монарха в самом сердце его королевства.

Еще в середине октября, все еще находясь в Антверпене, Альва принял нескольких секретных агентов французского монарха, которые в то время были осаждены в его столице. Кардинал Лотарингский предложил передать несколько укрепленных пунктов Франции в руки испанца, и Альва написал Филиппу, что он склонен принять это предложение и оказать услугу. По его словам, удерживаемые таким образом места станут гарантией покрытия его расходов, в то время как в случае смерти короля Карла и его брата "их обладание позволило бы Филиппу заявить свои права на французскую корону по праву своей жены, а салический закон был бы просто шуткой".

Вдовствующая королева, приняв теперь совсем иной тон, чем тот, которым характеризовался ее разговор на собеседовании в Байонне, написала Альве, что, если из-за отсутствия 2000 испанских мушкетеров, которых она просила его предоставить, ей придется уступить, она решила заранее раскаться перед Богом и христианскими князьями в заключении мира, который она должна будет заключить. Герцог написал ей в ответ, что гораздо лучше разрушить королевство, сохранив его для Бога и короля войной, чем сохранить его целым без войны, к выгоде дьявола и его последователей. Сообщалось также, что в другой раз он напомнил ей испанскую пословицу о том, что голова одного лосося стоит головы ста лягушек. Намеку, если он действительно был дан, определенно было суждено воплотиться в жизнь.

Герцог снабдил Кэтрин не только советом, но и мушкетерами, к которым она обратилась. Две тысячи пехотинцев и полторы тысячи всадников под командованием графа Аремберга, сопровождаемые отборным отрядом католической знати Нидерландов, присоединились к королевскому лагерю в Париже до конца года, чтобы принять участие в непродолжительных военных действиях, которые должны были предшествовать второму вероломному миру.

Тем временем Алва не забывал о деле, которое послужило предлогом для ареста двух обвиняемых. Укрепления главных городов были возведены с большой скоростью. Строительство памятной цитадели Антверпена, в частности, было начато еще в октябре под руководством знаменитых инженеров Пачеко и Габриэля де Цербеллони. Через несколько месяцев строительство было завершено стоимостью в миллион четыреста тысяч флоринов, из этой суммы горожане, несмотря на их протесты, были вынуждены внести более четверти. Сумма в четыреста тысяч флоринов была вытянута из бюргеров налогом на все наследственное имущество в пределах муниципалитета.

Две тысячи рабочих ежедневно были заняты на строительстве этой важной крепости, которая была возведена, как наиболее ясно проявлялось ее положение, не для защиты, а для контроля над торговым центром провинций. Он стоял на окраине города, отделенный от его стен только открытой эспланадой. Это был самый совершенный пятиугольник в Европе, одна из сторон которого упиралась в Поле, две были обращены к городу, а две - к открытой местности. Пять бастионов со стенами из кованого камня, соединенных завесами из дерна и каменной кладки, окруженных стенами длиной в лигу в окружности и внешним рвом, питаемым Шельдом, окружали просторную крепость, где маленькая церковь со множеством маленьких жилых домиков, затененных деревьями и кустарником, приютилась среди ошестинившейся

артиллерией, как бы имитируя внешний вид мирной и пасторальной деревни. Четырем из пяти бастионов капитан-генерал со свойственной ему помпезностью присвоил свои собственные имена и титулы. Одного звали герцог, второго - Фердинандо, третьего - Толедо, четвертого - Альва, а пятый был крещен именем злополучного инженера Пачеко. Уотергейт был украшен гербом Альвы, окруженным его ошейником из Золотого руна, с подвешенным на нем агнцем Божьим; символом богохульной иронии, который до сих пор остается на крепости, напоминая образ тирана и убийцы. Каждый бастион был пронизан казематами и подземными складами и мог вместить в своих недрах огромный запас провизии, боеприпасов и солдат. Такова была знаменитая цитадель, построенная для укрощения буйного духа Антверпена ценой жизни тех, кого она должна была устрашать и оскорблять.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Конде и Колиньи
Кроме того, снабдили отрядом из двух тысяч проституток
Он пришел как завоеватель, а не как посредник
Надежда отложилась, внезапно сменившись отчаянием
Тем временем во Франции разразилась вторая гражданская война
Расточитель времени, он был кровным экономистом
Однако величайшим преступлением было быть богатым
Время и я - это два

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 15.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Автор: ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855-1856 [ГЛАВА II.]

Оранжевый, граф Луи, Hoogstraaten, и другие, цитируется до крови-Совет—обвинения в их адрес письмо—Оранжевый в ответ— позиция и настроения князя—захват графа Бюрена— подробности этой операции—прошения в Совет из Лувена и других местах—смертный приговор в отношении всего населения Нидерландов произносится испанскую инквизицию и провозгласили Филиппа—жестоких изобретений против еретиков—дикие оборванцы— предварительные труды Совета по борьбе Эгмонт и Горн— запросы, адресованные им в тюрьме—статьи обвинения против них—Взыскания случаях—призывы к юрисдикции усилия Графиня Эгмонт и Горн, многие рыцари из шерсти, а император, в пользу заключенных— отвечает Альва и Филиппа—угодливое поведение Viglius—трудности, обусловленные Золотое Руно уставы отложить—подробности обвинений против графа Горна и его защита—статьи обвинения против "Эгмонт" —набросок своего ответа—размышления о двух испытаниях— отношение оранжево—его опубликовал 'оправдание'—его секретных комбинаций—его поручение графа Луи—крупные суммы денег в будущем Нассау семьи, нидерландских беженцев, а другие—большие личные жертвы, принесенные принцем—четырёхместный схема для вторжения в Нидерланды—поражение патриотов под Сосqueville—поражение Мельников— вторжение Фрисландия графом Луи—мер Алва ему противопоставить—командование роялисты умолял Аремберг и Meghem—герцога план кампании— перестрелка на плотине—задержание Meghem—граф Луи на Хейлигера—ли— характер заземления—заранее Аремберг—диспозиция сил "Патриот" —нетерпение испанские войска, чтобы участвовать—Битва Хейлигера-ли—

поражение и смерть Аремберг—смерть Адольфа Нассау—эффекты боя—гнев и суровые меры Алва—восемнадцать дворян казнил в Брюсселе—смертного приговора, вынесенного Эгмонт и Горн—епископ Ипра отправляется Эгмонт—бесплодные заступничества святителя и Графиня—"Эгмонт" прошлой ночью в тюрьме—в "Гранде" на Брюссель—подробности о казни Эгмонта и Горна—наблюдение на характерах двух дворян—Бедственное положение семьи группы "Эгмонт".

В конце октября герцог Алва с триумфом въехал в новую крепость. Во время своего отсутствия, которое должно было продлиться до конца года, он приказал секретарю Куртвилю и члену совета дель Рио руководить комиссией, которая тогда фактически занималась сбором материалов для судебного преследования принца Оранского и других дворян, покинувших страну. Соответственно, вскоре после его возвращения, 19 января 1568 года, принц, его брат Луи Нассауский, его шурин, граф Ван ден Берг, граф Хоогстраатен, граф Кулембург и барон Монтиньи были вызваны от имени Алвы предстать перед Советом Крови в течение трех четырнадцати дней с даты провозглашения под страхом вечного изгнания с конфискацией их поместий. Излишне говорить, что эти сеньоры не подчинились призыву. Они прекрасно знали, что их послушание будет вознаграждено только смертью.

В обвинениях против принца Оранского, которые были составлены из десяти статей, говорилось, главным образом и кратко, что он был и остается главой и фронтом восстания; что, как только его Величество покинул Нидерланды, он начал свои махинации, чтобы стать хозяином страны и изгнать своего монарха силой, если тот попытается вернуться в провинции; что он соблазнил подданных его Величества ложными предложениями о том, что вот-вот будет введена испанская инквизиция; что он был тайным вдохновителем и руководителем Бредерода и организации восстания. примкнувшие к конфедерации дворяне; и что, когда его послали в Антверпен от имени регента для подавления восстания, он поощрял ересь и предоставил реформаторам свободу вероисповедания.

Статьи против Хогстраатена и других джентльменов просто аналогичного содержания. Таким образом, конечно, не было слабым доказательством спокойной наглости правительства видеть прокламацию Алвы, обвиняющую Оранского в преступлении за то, что он подтолкнул подданных к восстанию ложным утверждением о том, что инквизиция вот-вот будет учреждена, когда письма герцога Филиппу и Гранвелля Филиппу, датированные почти одним и тем же днем, рекомендовали немедленное восстановление инквизиции, как только достаточное количество казней проложит путь для этой меры. Достаточным свидетельством безрассудного деспотизма было также то, что в то время как герцогиня, заключившая памятное соглашение с религиозными деятелями, получала лестное благодарственное письмо и прощальную пенсию в размере четырнадцати тысяч дукатов в год, те, кто по ее приказу руководствовался этим договором как основой своих переговоров, были призваны сложить головы на плаху.

Принц ответил на этот вызов кратким и несколько презрительным обращением к юрисдикции. Как Рыцарь Руна, как член Германской империи, как суверенный принц Франции, как гражданин Нидерландов, он отверг власть Альвы и его самозванного трибунала. Свою невиновность он был готов доказать перед компетентными судами и праведными судьями. Как Рыцарь Руна, он сказал, что судить его могут только его сверстники, братья Ордена, и для этой цели он может быть вызван только королем как главой Ордена с санкции по крайней мере шести его товарищей-рыцарей. В заключение он предложил предстать перед его

Императорским Величеством, курфюрстами и другими членами Империи или перед рыцарями Золотого Руна. В последнем случае он потребовал права, согласно уставу этого ордена, быть помещенным на время судебного разбирательства не в одиночную тюрьму, как это было с Эгмонтом и Хорном, а под дружескую опеку и защиту самих братьев. Письмо было адресовано генеральному прокурору, а дубликат был направлен герцогу.

Из общего содержания документа очевидно, что принц еще не был готов бросить вызов своему суверену или заявить о своей приверженности новой религии: уезжая из Нидерландов весной, он открыто заявил, что у него все еще есть шестьдесят тысяч флоринов в год и что он не должен начинать никаких военных действий против Филиппа, пока тот не посягнет на его честь или поместья. Дальновидный политик, если он когда-либо был человеком, знал направление, к которому неизбежно клонилось дело, но он знал, сколько сил можно извлечь, если безвозвратно ввести противника в заблуждение. Он все еще сохранял почтительное отношение к монарху, хотя и с вызовом откликнулся на дерзкий призыв вице-короля. Более того, для него еще не наступило время публично порвать с древней верой. Будучи скорее государственным деятелем, чем религиозным деятелем, в ту эпоху он не был расположен к более полному обращению, чем то, которое он пережил. По правде говоря, он был не за новую доктрину, а за свободу совести. Его разум уже выходил за рамки любых догм того времени. Человек, которого его враги клеймили как атеиста и ренегата, на самом деле выступал за веротерпимость и, следовательно, был более глубоким преступником в глазах всех религиозных партий.

События, касавшиеся только его лично, быстро поставили его в положение, в котором он мог с честью вступить в бой.

Его репутация уже подверглась нападкам, его собственности угрожала конфискация. Теперь его самые близкие семейные узы должны были быть разорваны рукой тирана. Его старший ребенок, граф де Бюрен, лишенный его защиты, должен был быть отправлен в бессрочный плен в чужую страну. Для человека его проницательности было замечательной оплошностью, что, уезжая из провинции, он оставил своего сына, тогда тринадцатилетнего мальчика, продолжать учебу в лувенском колледже. Таким образом, оказавшись во власти правительства, он вскоре был схвачен в качестве заложника за хорошее поведение отца. Гранвель, по-видимому, был первым, кто порекомендовал этот шаг в секретном письме Филиппу, но Алва вряд ли нуждался в подсказках. Соответственно, 13 февраля 1568 года герцог отправил сеньора де Шасси в Лувен в сопровождении четырех офицеров и двенадцати лучников. Ему было вручено письмо графу де Бюрену, в котором этого молодого дворянина просили безоговорочно доверять подателю депеши и уведомляли, что желание его величества видеть его подготовленным к службе было причиной сообщения, которое сеньор де Шасси собирался сделать.

Более того, этот джентльмен был подробно проинструктирован относительно того, как действовать в этом достопамятном деле о похищении. Он должен был вручить письмо молодому графу в присутствии его наставника. Он должен был пригласить его в Испанию от имени его Величества. Он должен был заверить его, что приказы его Величества отданы исключительно с целью его собственного блага и что ему было поручено не арестовывать, а только сопровождать его. Он должен был разрешить графу сопровождать только двух камердинеров, двух пажей, повара и счетовода. Однако он должен был убедить своего наставника сопровождать его, по крайней мере, до границы с Испанией. Он должен был устроить так, чтобы на второй день после своего прибытия в Лувен граф отправился в Антверпен, где он должен был остановиться у графа

Лодрона, после чего они должны были проследовать во Флашинг, откуда должны были отправиться в Испанию. В этом городе он должен был передать юного принца человеку, которого найдет там по поручению герцога. Как только он сделал графу в Лувене первое предложение, тот с помощью своей свиты должен был самым строгим образом следить за ним днем и ночью, но так, чтобы это наблюдение не было замечено.

План был выполнен превосходно и в строгом соответствии с программой. Однако похитителям повезло, что молодой принц оказался благосклонно настроен к этому плану. Он с готовностью принял приглашение своих похитителей. Он даже написал губернатору, чтобы поблагодарить его за дружеские услуги от его имени. Он с мальчишеским удовольствием воспринял празднества, которыми Лодрон скрасил его короткое пребывание в Антверпене, и без всякого нежелания отправился в эту мрачную и ужасную страну Испании, откуда так редко возвращались фламандские путешественники. Подмененный, так сказать, с пеленок, он, казалось, полностью преобразился благодаря обучению испанскому, потому что Филипп получил образование, а не принес его в жертву. Когда он вернулся в Нидерланды после двадцатилетнего пребывания в Испании, было трудно обнаружить в его мрачном челе, угрюмом характере и иезуитских привычках следы великодушия, которое характеризовало расу героев, дом Оранских-Нассау.

Филипп выразил некоторое беспокойство по поводу последствий этого захвата для правительств Германии. Альва, однако, вновь заверил своего государя в этом пункте, ссылаясь на чрезвычайную покорность пленника и спокойную манеру, в которой был произведен арест. Более того, на том конкретном этапе правительству Нидерландов было бы трудно вызвать удивление где бы то ни было, кроме как актом милосердия. Президент и депутация профессоров Лувенского университета посетили Варгаса, который, как исполняющий обязанности президента Совета Крови, номинально произвел арест, с протестом, что эта мера является грубым нарушением их устава и привилегий. Этот персонаж, однако, со своим обычным презрением как к закону, так и к латыни, грубо ответил: "Non curamus vestros privilegios", - и этим запоминающимся ответом резко прекратил беседу с дрожащими педантами.

Петиции теперь сыпались в совет со всех сторон, унижительные заявления от охваченных террором муниципалитетов, смиренные ходатайства за обреченных и заключенных в тюрьму жертв. Депутации магистратуры Антверпена, пришедшей с мольбой о пощаде в защиту некоторых из своих самых выдающихся сограждан, находившихся тогда в тюрьме, герцог дал самый страстный и свирепый ответ. Он выразил свое удивление тем, что жители Антверпена, этого рассадника государственной измены, осмеливаются обращаться к нему за помощью к предателям и еретикам. Пусть они подумают об этом в будущем, продолжил он, или он повесит каждого человека во всем городе, чтобы подать пример остальной стране; ибо его Величество предпочел бы, чтобы вся страна превратилась в необитаемую пустыню, чем чтобы на ее территории существовал хоть один инакомыслящий.

События теперь развивались стремительно. Монарх, казалось, был готов буквально привести в исполнение угрозу своего вице-короля. В начале года был обнародован самый возвышенный смертный приговор, который когда-либо произносился с момента сотворения мира. Римский тиран желал, чтобы все головы его врагов были на одной шее, чтобы он мог отрубить их одним ударом; инквизиция помогла Филиппу повесить головы всех его нидерландских подданных на одну шею с той же ужасной целью. 16 февраля 1568 года приговором Святой Канцелярии все

жители Нидерландов были приговорены к смертной казни как еретики. Из этого всеобщего приговора были исключены лишь несколько человек, особенно названные по имени. Королевская прокламация, датированная десятью днями позже, подтвердила этот указ инквизиции и приказала привести его в исполнение немедленно, независимо от возраста, пола или состояния здоровья. Это, вероятно, самый лаконичный смертный приговор, который когда-либо был вынесен. Три миллиона человек, мужчин, женщин и детей, были приговорены к эшафоту в трех строках; и, поскольку было хорошо известно, что это были не безобидные удары грома, как некоторые ватиканские буллы, а серьезные и практические меры, которые предполагалось привести в исполнение, можно легко представить ужас, который они произвели. Вряд ли целью правительства было добиться абсолютного выполнения общего плана во всей его длине и широте, однако в те ужасные времена, на которые они обрушились, нидерландцев можно было извинить за то, что они считали, что нет слишком чудовищных мер, которые нельзя было бы выполнить. Во всяком случае, было ясно, что, когда все будут осуждены, любой может в любой момент быть отправлен на эшафот, и именно такого курса придерживались власти.

В соответствии с этим всеобщим декретом трудолюбие Совета Крови сейчас может показаться излишним. Почему бы не отказаться от этих мнимых судебных преследований отдельных лиц теперь, когда общий приговор поглотил все население в одной огромной могиле? Тем не менее, можно предположить, что если усилия комиссаров и советников не служили никакой другой цели, они, по крайней мере, предоставили правительству ценные доказательства относительно относительного богатства и других обстоятельств отдельных жертв. Главной мыслью правительства было то, что преследования, если ими разумно управлять, могут принести золотой урожай, — и все же было желательно продолжать дело, в котором уже был достигнут такой кровавый прогресс.

И в соответствии с этим новым указом казни, конечно, не ослабевали. Людей, занимавших самые высокие и скромные должности, ежедневно и ежечасно тащили на костер. Алва в единственном письме Филиппу хладнокровно оценил количество казней, которые должны были состояться сразу после окончания страстной недели, "в восемьсот голов". Многие граждане, осужденные на сто тысяч флоринов и ни за какое другое преступление, внезапно увидели себя привязанными к лошадиному хвосту, со связанными за спиной руками и так потащенными к виселице. Но хотя богатство было непростительным грехом, бедность редко служила защитой. Всегда можно было найти достаточные причины для того, чтобы обречь на смерть как голодающего рабочего, так и богатого бюргера. Чтобы избежать беспорядков, создаваемых на улицах частыми речами или увещеваниями, с которыми жертвы обращались к прохожим по пути на эшафот, был изобретен новый кляп. Язык каждого заключенного был вкручен в железное кольцо, а затем опален раскаленным железом. Отек и воспаление, которые были непосредственным результатом, препятствовали проскальзыванию языка через кольцо и, конечно же, фактически исключали всякую возможность речи.

Хотя умы людей еще не были готовы к концентрированному восстанию против тирании, под властью которой они томились, было невозможно подавить все человеческие чувства и загасить каждую искру естественного негодования.

К сожалению, в замешательстве и нищете этого народа первое проявление насильственного и организованного сопротивления носило порочный и злобный характер. Возникли обширные

банды мародеров и грабителей с большой дороги, которые называли себя "Дикими нищими" и которые, надев маски и символы революционной фракции, совершали большие бесчинства во многих частях страны, грабя, мародерствуя и убивая. Их основной гнев был направлен против религиозных домов и отдельных лиц. Многие монастыри были ограблены, многие священнослужители получили увечья и жестокое обращение. Вошло в привычку лишать священников носа или ушей и привязывать их к хвостам лошадей. Это было делом рук банд хулиганов, само существование которых было порождено социальным и моральным разложением, до которого была доведена страна, и которые были готовы извлечь выгоду из глубокой и всеобщей ненависти, которую испытывали к католикам и монахам. Изданный Альвой эдикт, разрешающий и повелевающий всем убивать диких нищих на месте, без суда и повешения, имел сравнительно небольшой эффект. Вооруженные силы ветеранов, активно рыскавшие по стране, оказались более успешными, и флибустьеры были на какое-то время подавлены.

Тем временем графы Эгмонт и Хорн содержались в строгом заключении в Генте. Ордер на их арест не был зачитан или выписан. Ни одно предварительное расследование, ни малейшая информация не предшествовали длительному тюремному заключению двух людей столь высокого ранга, столь отличившихся на государственной службе. Однако по истечении двух месяцев герцог снизошел до того, чтобы начать против них инсценированный процесс. Членами совета, назначенными для этой работы, были Варгас и Дель Рио, которым помогал секретарь Претс. Эти лица посетили адмирала 10, 11, 12 и 17 ноября и графа Эгмонта 12, 13, 14 и 16 числа того же месяца, потребовав от них ответа на длинный, запутанный и бессвязный набор допросов. Они были вынуждены давать эти ответы в тюрьме, без помощи каких-либо адвокатов, под страхом быть осужденными *"in contumaciam"*. Вопросы, какими бы неуклюжими они ни казались, были, тем не менее, искусно составлены с целью вовлечения заключенных в противоречие самим себе. После того, как эта работа была завершена, у них забрали все бумаги, которыми они намеревались обосновать свои ответы. Ранее также были тщательно разграблены их дома и дома их секретарей Баккерзиля и Алонсо де ла Лоо, и каждое письмо и документ, которые удалось найти, попали в руки правительства. Более того, Баккерзиля, как уже говорилось, неоднократно вздымали на дыбу с целью вымогательства признаний, которые могли бы изобличить его хозяина. После того как были приняты эти предварительные меры предосторожности, графов снова оставили в одиночестве еще на два месяца. 10 января каждому была вручена копия заявлений или обвинений, выдвинутых против него генеральным прокурором. На эти документы, составленные соответственно по шестьдесят третьей и девяностой статьям, от них требовалось в пятидневный срок, без помощи адвоката и без консультации с кем-либо, дать письменный ответ под страхом, как и прежде, судебного разбирательства и заочного осуждения.

Этот приказ был выполнен почти в установленный срок, и на этом, можно сказать, их собственное участие в судебном процессе прекратилось; в то время как остальная часть разбирательства была похоронена в глубоких недрах Совета Крови. После того, как их ответы были доставлены, но не раньше, заключенным, в качестве дополнительной насмешки, разрешили нанять адвокатов. Этим адвокатам, однако, разрешалось лишь изредка беседовать со своими клиентами, и всегда в присутствии определенных лиц, специально уполномоченных для этой цели герцогом. Им также было разрешено собрать доказательства и снять показания, но до того, как свидетели были готовы, был назначен намеренно преждевременный день, 8 мая, для объявления дела закрытым, и ни одна строчка их показаний, личных или документальных,

не была принята.—Их адвокаты ходатайствовали о представлении доказательств, подготовленных правительством, и получили отказ. Таким образом, им было запрещено использовать показания в свою пользу, в то время как то, что должно было быть использовано против них, держалось в секрете. Наконец, 1 июня разбирательство было официально завершено, и документы были представлены герцогу. Через три дня было объявлено, что масса вещества, относящегося к этим двум чудовищным процессам, была исследована — что само по себе физически невозможно — и 4 июня был вынесен приговор. Этот вопрос был ускорим кампанией Луи Нассау во Фрисландии, образовавшей ряд важных событий, описать которые вскоре будет нашим долгом. Однако предварительно необходимо добавить несколько слов для пояснения двух пробных испытаний, которые были таким образом кратко описаны.

Судебный процесс продолжался от начала до конца под протесты заключенных и под угрозой неповиновения со стороны правительства. Помимо абсолютно безответственного и незаконного характера трибунала, перед которым они предстали — Совет Крови был частным учреждением Алвы без предлога или поручения — эти аристократы признавали юрисдикцию всего трех судов. Как рыцари Золотого руна, оба претендовали на привилегию этого ордена предстать перед судом в соответствии с его уставом. Как гражданин и дворянин Брабанта, Эгмонт требовал защиты "Joyeuse Entree", конституции, которой поклялись Филипп и его предки, причем Филипп в большей степени, чем все его предки. Как член Священной Римской империи и граф, адмирал утверждал, что его судили его сверстники, курфюрсты и принцы королевства.

Графиня Эгмонт после ареста ее мужа и конфискации его поместий до суда была обречена на жизнь, полную нищеты и мучений. Вместе со своими одиннадцатью детьми, все нежного возраста, она нашла убежище в монастыре. Обезумевшая от отчаяния, более опустошенная и более глубоко оскорбленная, чем это часто бывало с высокородными леди прежде, она не оставила камня на камне, чтобы спасти своего мужа от его участи или, по крайней мере, добиться для него беспристрастного и компетентного суда. Она обратилась к герцогу Альва, королю, императору, своему брату, палатинскому курфюрсту, и многим ведущим рыцарям Руна. Вдовствующая графиня Хорн, оба сына которой теперь лежали в пасти смерти, также занималась самыми трогательными обращениями к тем же высокопоставленным особам. Было приложено все усилия, чтобы сделать тройную жалобу в суд обоснованной. Ведущие рыцари Руна, Мансфельд, чья лояльность не вызывала сомнений, и Хогстраатен, хотя сам был вне закона, призвали короля Испании защитить устав прославленного ордена, главой которого он был. Поместья Брабанта по ходатайству Сабины, графини Эгмонт, о том, что они примут близко к сердцу привилегии провинции, чтобы ее муж мог пользоваться защитой, которой не может быть справедливо лишен самый ничтожный гражданин страны, обратились к Алве со слабым и дрожащим протестом и приложили к нему прошение леди. Император от имени графа Хорна лично написал Филиппу, требуя для него суда перед представителями королевства.

Все было напрасно. Поведение Филиппа и его вице-короля совпадало по духу с честной жестокостью Варгаса. "Non curamus vestros privilegios", - подытожил весь процесс. Non curamus vestros privilegios был неопровержимым ответом на все конституционные аргументы, которые выдвигались против тирании с тех пор, как Филипп вззошел на трон своего отца. Теперь это был единственный ответ, который считался необходимым на поток петиций в пользу графов, независимо от того, исходили ли они из скромных или величественных источников. Лично король хранил гробовое молчание. В письме герцогу Альвскому он отметил, что "император, герцоги Баварский и Лотарингский, герцогиня и вдовствующая герцогиня много раз

обращались к нему с письмами в самой настоятельной форме в пользу графов Хорн и Эгмонт". Он добавил, что ничего не ответил ни им, ни другим Рыцарям Руна, которые умоляли его уважать устав ордена, и он умолял Альву "ускорить процесс как можно быстрее". На искреннее письмо с автографом, в котором император 2 марта 1568 года предпринял последнюю попытку спасти прославленных узников, он ответил, что "весь мир, наконец, одобрил бы его поведение, но, во всяком случае, он не стал бы действовать иначе, даже если бы ему пришлось рисковать потерей провинций и если бы небо упало ему на голову".

Но мало внимания уделялось увещаниям императорских дворов или привилегиям Брабанта. Это были всего лишь паутинные препятствия, которые, на самом деле, уже давно были устранены. Президент Вильюс даже выразил сожаление по поводу петиции мадам Эгмонт в совет Брабанта. Это было так горько, сказал он, что герцог был слегка раздосадован и обиделся, что королевские слуги в этом совете так мало принимают близко к сердцу интересы его Величества. В глазах превосходного фризца казалось неприличным, что жена, умоляющая за своего мужа, мать за нее, одиннадцать детей, которые так скоро останутся без отца, позволяют себе грубые выражения!

Уставы Руна были препятствиями несколько более серьезными. Поскольку, однако, Алва прибыл в Нидерланды, пообещав уничтожить этих двух дворян, как только он наложит на них руки, это был всего лишь вопрос формы, и даже этот вопрос был, после небольшого размышления, бесцеремонно отложен в сторону.

Поэтому на ходатайства от имени двух графов о том, чтобы они были переданы на попечение Ордена и рассматривались в соответствии с его статутами, герцог безапелляционно ответил, что он взял на себя ведение этого дела по поручению его Величества как суверена страны, а не как главы ордена Золотого Руна, что он должен довести дело до конца так, как оно было начато, и что графам следует прекратить подачу петиций по этому вопросу.

В затруднительном положении, созданном строгими формулировками этих уставов, доктор Виглиус нашел возможность проявить себя очень полезным. Алва изучал законы и предписания Ордена, но не мог найти никакой лазейки. Президент, однако, пришел ему на помощь и объявил в качестве своего юридического заключения, что губернатору больше не нужно беспокоиться по этому вопросу и что кодекс Руна не создает юридических препятствий для этого процесса. Альва немедленно написал, чтобы сообщить об этом мнению Филиппу, добавив с большим удовлетворением, что он должен немедленно сообщить об этом братьям Ордена, что было тем более необходимым шагом, потому что адвокат Эгмонта создавал большие проблемы с этими привилегиями и протестовал на каждом этапе разбирательства. Каким образом ученый президент опроверг эти вызывающие беспокойство законы, нигде не указано; но он полностью восстановил свою благосклонность, и король написал ему письмо с благодарностью за его юридические усилия.

Теперь было смело заявлено, что устав Руна не распространяется на такие преступления, в которых обвинялся заключенный. Более того, Альва получил специальный патент, датированный восемью или девятью месяцами ранее, по которому Филипп уполномочивал его возбуждать дела против всех лиц, замешанных в смутах, и особенно против рыцарей Золотого руна.

Излишне напоминать, что это были всего лишь произвольные действия деспота. Вряд ли есть необходимость критиковать подобные действия. Вопрос о казни дворян был решен до того, как Альва покинул Испанию. Поскольку они были жителями конституционной страны, необходимо было перешагнуть через конституцию. Поскольку они были рыцарями Руна, необходимо было отменить устав Ордена. Конституции Нидерландов казались уже настолько полностью уничтоженными, что их едва ли можно было считать препятствием; но Орден Руна был августейшей маленькой республикой, наследственным главой которой был Филипп, гражданами которой были императоры, короли и вельможи. Тирания могла быть смущена такими тонкими золотыми нитями, как эти, даже когда она пробивалась сквозь муниципальные хартии, как сквозь тростник. Тем не менее, курс короля был выбран. Хотя тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая главы Ордена прямо предусматривали суд и наказание братьев, виновных в мятеже, ереси или государственной измене; и хотя одиннадцатая глава, бессрочная и неизменная, дополнений к этой конституции императора Карла, наделяла орден исключительной юрисдикцией в отношении всех преступлений, какие бы они ни были совершены рыцарями, все же Альва хладнокровно заявил, что преступления, за которые были арестованы адмирал и Эгмонт, выходят за рамки полномочий трибунала.

Вот и все, что касается обращения в суд. Вряд ли стоит углубляться в разбирательство, которое было начато и доведено до завершения в порядке, о котором уже говорилось. Тем не менее, поскольку они были названы процессом, один взгляд на внутреннюю часть этой массы документов вряд ли может быть лишним.

Заявление против графа Хорна, на основании которого он был осужден невидимыми свидетелями, носило характер повествования. Она состояла в повторении обстоятельств, как истинных, так и вымышленных, с пятью выводами. Эти пять выводов приравнивались к пяти преступлениям — государственной измене, мятежу, заговору, ложному обвинению в государственной измене и злоупотреблению доверием. Доказательства этих преступлений были представлены смутным образом на основе намеренно сбивчивого изложения. Однако не было приведено ни одного события, которое не было бы описано в ходе этой истории. Излагая общее заявление о том, что адмирал, принц Оранский, граф Эгмонт и другие лорды организовали заговор с целью изгнания его Величества из Нидерландов и раздела провинций между собой; впоследствии заявление перешло к подробностям. Десять из шестидесяти трех статей были посвящены кардиналу Гранвелю, который из-за абсурдного притворства никогда не назывался прямо по имени, но назывался "определенным лицом — главным лицом — великой персоной государственного совета его Величества". Ни одно из преступлений, совершенных против него, не было забыто: письмо от 11 марта, шутовской колпак, ливрея были воспроизведены в самых буйных тонах, а заговор против министра спокойно рассматривался как государственная измена монарху.

Далее было предъявлено обвинение в том, что адмирал посоветовал и дал согласие на слияние финансового и тайного советов с государственным, что было явно предательской мерой. Более того, он провел беседы с принцем Оранским, с Эгмонтом и другими дворянами в Бреде и Хогстраатене, на которых зародились идеи конфедерации и петиции. Эта петиция была причиной всего зла, охватившего страну. "Это нанесло скандальный ущерб королю, заявив, что инквизиция была тиранией для человечества, что было позорным и недостойным предложением". Конфедерация с его ведома и при его поддержке зарегистрировала 30 000 человек. Он не сделал ничего, не больше, чем Оранж или Эгмонт, чтобы помешать

представлению петиции. В ходе последовавшего совещания в государственном совете и он, и принц высказались за то, чтобы немедленно покинуть Брюссель, в то время как граф Эгмонт выразил намерение отправиться в Экс, чтобы испить воды. Тем не менее, во внешнем виде графа Эгмонта (продолжавшего этот обвинительный акт против другого лица) не было ни единого признака болезни. Более того, адмирал поднимал тост за "Живую ногу геу" по разным поводам: на банкете в доме Кулембергов, за личным столом принца Оранского, на ужине в монастыре Святого Бернара, на обеде, устроенном бургомистром Страаленом. Он санкционировал договоры с повстанцами в Даффеле, которыми он явно признал себя виновным в государственной измене. Он провел собеседование с Оранж, Эгмонтом и Хогстраатеном в Денремонде с предательской целью организовать набор войск, чтобы воспрепятствовать въезду его Величества в Нидерланды. Он отказался приехать в Брюссель по просьбе герцогини Пармской, когда повстанцы собирались подать петицию. Он написал своему секретарю, что отныне твердо решил не служить ни королю, ни кайзеру. Он получил от некоего Таффина бумагу со знаками одобрения, в которой говорилось, что созыв генеральных штатов является единственным средством от волнений в стране. Он неоднократно подтверждал, что инквизиция и эдикты должны быть отменены.

Когда он прибыл в Турне в августе 1566 года, люди кричали "Да здравствует бог!" - доказательство того, что ему понравился этот клич. Все его сделки в Турне, от первой до последней, были преступными. Он терпимо относился к реформатским проповедям, он запретил католикам и протестантам приставать друг к другу, он не стал казнить еретиков, он позволил верующим возвести здание для публичных богослужений за пределами городских стен. Он сказал в доме принца Эспиной, что, если король войдет в провинции с силой, он выступит против него с 15 000 войсками. Он сказал, что, если его брат Монтиньи будет задержан в Испании, он отправится ему на выручку во главе 50 000 человек, которыми он располагал. Он неоднократно заявлял, что "люди должны жить по своей совести" — как будто божественные и человеческие законы мертвы, а люди, подобно диким зверям, должны следовать всем своим похотям и вожделениям. Наконец, он поощрял восстание в Валансьене.

Обо всех этих преступлениях и проступках прокурор объявил себя достаточно осведомленным, а вышеупомянутый подсудимый был полностью, широко и публично опорочен.

Поэтому этот офицер завершил свое заявление заявлением, "что дело должно быть рассмотрено в кратком порядке, без каких-либо фигур или форм процесса; и что, следовательно, его превосходительством или делегированными им судьями вышеупомянутый подсудимый должен быть объявлен совершившим различными способами государственную измену, должен быть лишен своего сана и должен быть приговорен к смертной казни с конфискацией всего его имущества".

Адмирал, которого таким образом безапелляционно призывали в течение пяти дней, без посторонней помощи, без документов и из стен тюрьмы, отвечать по этим обвинениям "*solos ex vinculis causam dicere*", взялся за выполнение своей задачи со смелостью невиновного. Он, конечно, подал протест в суд и пожаловался на отсутствие адвоката, но не для того, чтобы оправдать какую-либо слабость в своей защите, а всего лишь за незелегантность своих показаний. Затем он продолжил категорически отрицать некоторые факты, признавать другие и отвергать весь этот предательский вывод. Его ответ во всех существенных отношениях был

триумфальным. Подкреплённая доказательствами, которые, увы, не были собраны и опубликованы до его смерти, она была неприступна.

Он отрицал, что когда-либо замышлял заговор против своего короля, к которому он когда-либо был привязан, но признал, что желал смещения Гранвелля, к которому всегда относился враждебно. Однако он был открытым и общепризнанным врагом кардинала и не участвовал в тайном заговоре против его репутации или против его жизни. Он отрицал, что ливрея (за которую, однако, он не нес ответственности) была предназначена для того, чтобы высмеять кардинала, но утверждал, что она должна была послужить примером экономии для экстравагантной знати. Он познакомился с Оранж и Эгмонтом в Бреде и Хогстраатене и был рад этому, потому что долгое время был в разлуке с ними. Эти интервью, однако, носили социальный, а не политический характер, для поднятия настроения и веселья, а не для обсуждения заговора и государственной измены. Он никогда не имел никакого отношения к конфедерации; он не консультировал и не защищал петицию, но, напротив, услышав о предполагаемом движении, написал, чтобы уведомить об этом герцогиню. Он ни в коей мере не был союзником Бредероде, но, напротив, по разным причинам не был с ним в дружеских отношениях. Он не переступал порога его дома с момента возвращения из Испании. Он не присутствовал на ужине в Калембург-Хаусе. В тот день он обедал с принцем Оранским, у которого остановился, а после обеда они вдвоем отправились навестить Мансфельда, который был прикован к постели с воспалённым глазом. Там они встретили Эгмонта, и все трое вместе отправились в Кулембург-хаус, чтобы забрать Хогстраатена, которого союзники вынудили отобедать с ними, а также предупредить дворян, чтобы они не связывали себя экстравагантными и подозрительными выходками. Они пробыли в доме всего несколько минут, и за это время компания настояла на том, чтобы они выпили по одной чашке за здоровье ле Руа и ле ге. Затем они удалились, забрав с собой Хоогстраатен, и все думали, что своим визитом оказали услугу правительству, вместо того чтобы привлечь себя к ответственности за государственную измену. Что касается криков "Да здравствует народ!" за столами "Оранж", аббата Сен-Бернара и в других местах, то эти слова произносились простыми, безобидными людьми; и поскольку он считал стол местом свободы, он не считал себя вправе порицать манеры своих товарищей, особенно в домах, где он сам был всего лишь гостем. Что касается совершения государственной измены на собрании Даффела, то его там вообще не было.

Он благодарил Бога за то, что в то время его не было в Брюсселе, ибо, если бы герцогиня поручила ему, а также Оранжу и Эгмонту уладить эти сложные дела, он счёл бы своим долгом поступить так же, как они. Ему никогда не приходило в голову набирать войска против его Величества. Встреча в Денремонде была проведена для консультаций по четырём вопросам: дела Турне; перехваченные письма французского посла Алавы; письмо Монтиньи, в котором он предупреждал своего брата о дурном впечатлении, которое дела Нидерландов производят в Испании; и дела Антверпена, из которого принц Оранский счёл необходимым в тот момент удалиться. Что касается его отсутствия в Брюсселе, он заявил, что держался подальше от Двора, потому что был разорен. Он был по уши в долгах, и его смущение было настолько велико, что в Антверпене он не смог собрать 1000 крон под залог своего имущества даже под стопроцентный процент. Он был так далек от того, чтобы набирать войска, что едва ли был в состоянии оплачивать свой хлеб насущный. Что касается его операций в Турне, то во всех них он следовал инструкциям мадам де Парма. Что же касается возгласа "Да здравствует народ!", то в тот момент его не волновало, закричит ли толпа "Да здравствует граф Хорн!", поскольку его мысли тогда были заняты более существенными вещами. Он отправился туда по специальному

поручению герцогини и действовал в соответствии с инструкциями, ежедневно получаемыми из ее рук. По ее приказу он добился временного компромисса между двумя религиозными партиями на основе Даффельского договора. Он разрешил продолжать публичные проповеди, но не ввел их впервые. Он разрешал строить храмы за воротами, но это было по прямому приказу мадам, как он мог доказать из ее писем. Она даже упрекнула его перед советом за то, что работа не была выполнена с достаточной оперативностью. Что касается его предполагаемой угрозы, что он выступит против въезда короля с 15 000 человек, он с удивительной простотой ответил, что не помнит, чтобы делал какие-либо подобные замечания, но для человека невозможно удержать в голове всю ту бессмыслицу, которую он иногда может произнести. Честный адмирал считал, что его бедность, на которую он уже ссылался, была настолько печально известна, что обвинение не заслуживало серьезного ответа. Он также назвал замечание, в котором его обвинили, относительно его похода в Испанию с 50 000 человек для спасения Монтиньи "легкомысленным и нелепым". У него не было сил собрать сотню человек. Более того, он радовался задержанию Монтиньи, поскольку считал, что оказаться за пределами Нидерландов - значит оказаться вне опасности. В целом, он утверждал, что во всех тех своих действиях, которые можно было бы считать антикатолическими, он полностью руководствовался инструкциями регентши и ее согласием с дворянами. Это Соглашение, как она неоднократно заявляла ему, должно было свято соблюдаться до тех пор, пока его Величество по совету генеральных штатов не примет иного решения.

Наконец, он заметил, что юриспруденция не является его призванием. Он не был мелочным мошенником, но он искренне старался соответствовать широким и общепринятым принципам чести, справедливости и правды. В очень немногих и простых словах он умолял своих судей отнестись с уважением к его деяниям и к жизни, полной верного служения. Если он и допускал иногда ошибки в те смутные времена, его намерения всегда были верными и благородными.

Обвинения против графа Эгмонта были очень похожи на обвинения против графа Хорна. Ответы обоих подсудимых были почти идентичны. На вопросы, таким образом адресованные двум разным лицам относительно обстоятельств, имевших место задолго до этого, не могли бы быть даны отдельные, тайные, но одновременные ответы на практически одинаковых языках, если бы этот язык не был словами правды. Эгмонта обычно обвиняли в заговоре с другими с целью изгнания короля из провинций и раздела территории между собой. В длинной серии из девяноста статей его обвинили в заговоре против личности и жизни кардинала Гранвелля. Было предъявлено обвинение в том, что он изобрел ливрею в виде шутовского колпака. Он присоединился к письмам королю, в которых требовал отстранения прелата. Он выступал за объединение трех советов. Он утверждал, что генеральный совет должен быть собран немедленно, что в противном случае долги его Величества и страны никогда не будут выплачены и что провинции достанутся французам, немцам или дьяволу. Он утверждал, что не будет способствовать сожжению сорока или пятидесяти тысяч человек ради того, чтобы инквизиция и эдикты могли быть поддержаны. Он заявил, что эдикты были строгими. Он посоветовал герцогине умерить их пыл и отменить инквизицию, заявив, что эти меры, а также всеобщее помилование в придачу, были единственным средством успокоения страны. Он посоветовал создать конфедерацию и пообещал ей свою защиту и благосклонность. Он посоветовал подать петицию. Он уладил все эти вопросы, посоветовавшись с другими дворянами, на собеседованиях в Бреде и Хоогстраатене. Он отклонил требование мадам де Парма взяться за оружие для ее защиты. В самый критический момент он выразил свое намерение отправиться в эксские бани для оздоровления, хотя его внешний вид не

свидетельствовал о каком-либо заболевании. Он одобрял действия мятежной знати в Сен-Тронде и давал советы. Он заключил соглашение с представителями "религии" в Генте, Брюгге и других местах. Он посоветовал герцогине помиловать тех, кто взял в руки оружие. На заседании государственного совета он вместе с принцем Оранским утверждал, что, если мадам покинет Брюссель, они соберут генеральные штаты по своему усмотрению и соберут силы численностью в сорок тысяч человек. Он замыслил государственную измену и договорился о наборе войск во время встречи в Денремонде с Хорном, Хогстраатеном и принцем Оранским. 20 апреля 1566 года он взял под свою защиту конфедерацию повстанцев; пообещал, что в будущем их никогда не будут преследовать из-за инквизиции или эдиктов, и что до тех пор, пока они будут придерживаться условий Петиции и Компромисса, он будет защищать их лично. Он предоставил свободу проповедовать за пределами городских стен во многих городах своего правительства. Он неоднократно заявлял, что, если король пожелает ввести инквизицию в Нидерландах, он продаст все свое имущество и переедет в другую страну; таким образом, заявляя, с каким презрением и отвращением он относится к упомянутой инквизиции. Он подмигивал всем сектантам. Он позволил кричать "Да здравствует бог!" за своим столом. Он присутствовал на банкете в Калембург-хаусе.

Таковы были основные пункты нескончаемого обвинительного акта. Как и адмирал, Эгмонт признал многие факты и категорически отрицал остальные. Он с негодованием отверг возможность предательского вывода из любого или всех его поступков. Он, безусловно, желал смещения Гранвелля, поскольку верил, что его возвращение пойдет на пользу королевской службе. Он ответил почти в тех же выражениях, что и адмирал, на обвинение, касающееся ливреи, и утверждал, что ее главной целью было показать пример экономии. Шутовской колпак и колокольчики были заменены на связку стрел вследствие неких слухов, распространившихся по Брюсселю, и во исполнение распоряжения мадам де Парма. Что касается созыва генеральных штатов, объединения советов, смягчения эдиктов, то он, безусловно, поддерживал эти меры, которые считал полезными и законными, а не вредными или предательскими. Он, конечно, утверждал, что указы были строгими, и посоветовал герцогине, учитывая опасные обстоятельства, сложившиеся в стране, внести временные изменения до тех пор, пока не будет известно, что угодно его Величеству. Что касается Компромисса, то он посоветовал всем своим друзьям держаться от него подальше, и многие в результате держались от него подальше. Что касается представления петиции, то он уведомил об этом мадам де Парма, как только услышал, что такой шаг рассматривается. Он использовал те же формулировки, что и Хорн, в отношении интервью в Бреде и Хогстраатене — что это были встречи в "хорошем настроении" и дружеских отношениях. Он всегда был в полном распоряжении герцогини, за исключением тех случаев, когда по ее прямому приказу отправлялся во Фландрию и Артуа для подавления беспорядков. Он не имел никакого отношения к собранию знати в Сен-Тронде. Он отправился в Даффел в качестве специального посланника герцогини для переговоров с некоторыми полномочными представителями, назначенными на встрече в Сен-Тронде. Он строго следовал письму с инструкциями, составленному герцогиней, которое можно было найти среди его бумаг, но он никогда не обещал дворянам своей личной помощи или защиты. Что касается встречи в Денремонде, то он дал почти такой же отчет, как и Хорн. Принц, адмирал и он сам беседовали между четвертью двенадцатого и временем обеда, которое было в двенадцать часов, по различным вопросам, в частности о недовольстве короля недавними событиями в Нидерландах и о некоем письме посла Алавы в Париже герцогине Пармской. Однако он высказал мадам свое мнение о том, что письмо было подделкой. Он разрешил публичную

проповедь в некоторых городах, за пределами городских стен, где она уже была учреждена, потому что это соответствовало договору, заключенному мадам в Даффеле, который она с честью приказала ему соблюдать. Он, конечно, не обращал внимания на религиозные учения реформаторов, потому что ему было прямо приказано это сделать, и потому что правительство в то время не было предоставлено войск для подавления новой религии силой. Он рассказал о визите Хорна, Оранжа и о себе самом в Калембург-хаус на памятном банкете почти теми же словами, что использовал адмирал. Он сделал все, что было в его силах, чтобы помешать мадам покинуть Брюссель, и в этом его усилия увенчались успехом, и это принесло много пользы стране. Он никогда не рекомендовал помиловать тех, кто взял в руки оружие, а, напротив, рекомендовал наказать их, как это проявилось в его поведении по отношению к повстанцам в Остервеле, Турне и Валансьене. Он никогда не позволял кричать "Да здравствует народ!" за своим столом и нигде больше не поощрял этого в своем присутствии.

Таковы были основные моменты в этих памятных делах о так называемой государственной измене. Судебного разбирательства не было. Трибунал был некомпетентен; у заключенных не было адвокатов; доказательства правительства были скрыты; показания защиты были исключены; и дело было окончательно рассмотрено до того, как судья, выносивший приговор, смог представить хотя бы тысячную долю его существа.

Но говорить об этом в терминах, обычно применимых к государственным судебным процессам, почти ребячество. Дело было улажено в Мадриде задолго до ареста заключенных в Брюсселе. Приговор, подписанный Филиппом бланком, был привезен в портфолио Альвы из Испании. Это разбирательство было насмешкой, и, поскольку речь шла о каком-либо воздействии на общественное мнение, его с таким же успехом можно было бы опустить. Если бы джентльмены были расстреляны во дворе Яссе-хауса по постановлению военного трибунала через час после их ареста, права провинций и чувства человечества не были бы оскорблены более вопиющим образом. Все конституционные и естественные права были нарушены от начала до конца. Это, конечно, не было новшеством. Тысячи безвестных личностей, чьи родственники и друзья находились не на тронах и высоких постах, а в кабинках и подвалах, и чья судьба поэтому не вызвала сочувствия по всей Европе, уже были принесены в жертву Кровавому трибуналу. Тем не менее, этот грандиозный случай представлял собой колоссальную эмблему того состояния, в котором сейчас находились Нидерланды. Это была монументальная демонстрация правды, которую тысячи людей уже усвоили ценой собственных усилий, что закон и правосудие были отменены по всей стране. В стране было введено военное положение — всему населению вынесен смертный приговор. Вся гражданская власть была в руках Альвы; вся ответственность лежала на груди Альвы. Ни самые низменные, ни самые могущественные не могли поднять головы перед лицом грандиозного опустошения, охватившего страну. Теперь это было неопровержимо доказано. Несчастливого сапожника или ткача могли потащить из его мастерской на эшафот, призывая "jus de non evocando", пока ему не заткнут рот кляпом, но император не сошел бы со своего трона, а палатинские курфюрсты и могущественная знать не бросились бы ему на помощь; но в защиту этих узников самые величественные руки и голоса христианского мира были воздеты у подножия трона Филиппа; и их мольбы оказались столь же тщетными, как миллионы слез и предсмертных криков, которые были пролиты или произнесены в самых скромных уголках страны. Было очевидно, что после этого всякое заступничество должно быть бесполезным. Филипп был фанатично увлечен своей миссией. Его вице-король был одержим его преданностью, как демоном. Только так можно, по крайней мере, понять то поведение, которое никогда не может быть смягчено. Это был энтузиазм Филиппа воплотить

гнев Божий против еретиков. Это был энтузиазм Альвы воплотить гнев Филиппа. Ограниченный, изолированный, видящий только ту часть мира, которая была видна через петлю крепости, в которую Природа заточила его на всю жизнь, полагающий свою славу в безоговорочном повиновении своему начальнику, ни о чем не спрашивающий, ни в чем не сомневающийся, ничего не боящийся, вице-король выполнял свою адскую работу со всем спокойствием ангела. Железная воля, преодолевавшая все препятствия; несокрушимая стойкость духа, выдерживавшая, не дрогнув, гору ответственности, достаточную, чтобы сокрушить обычную натуру, - вот качества, которые в сочетании с его фанатичным послушанием сделали его человеком для работы Филиппа, какого больше не найти в мире.

Таким образом, дело рассматривалось в суде, который был не только некомпетентен по законам страны, но даже не являлся судом справедливости в каком-либо философском или юридическом смысле. Конституционное и муниципальное право были нарушены при его создании не больше, чем все национальные и естественные нормы.

Читатель, который шаг за шагом следил за карьерой двух выдающихся жертв в течение опасных дней правления Маргарет, достаточно осведомлен о масштабах государственной измены, в которой они обвиняются. С нашей стороны было бы оскорблением здравого смысла полностью изложить несправедливость их приговора. Оба были невиновны перед короной, в то время как руки одного, напротив, были глубоко запятнаны кровью народа. Эта истина была настолько очевидной, что даже член Совета Крови, Пьер Арсен, президент Артуа, направил герцогу Альва подробные мемуары, в которых критиковал дело в соответствии с нормами закона и утверждал, что Эгмонт, вместо того, чтобы заслуживать наказания, имел право на значительную награду.

Вот и все о знаменитой государственной измене графов Эгмонта и Хорна, что касается истории судебного разбирательства и существа дела. Последнему акту трагедии предшествовали события, о которых сейчас необходимо рассказать.

Принц Оранский наконец бросил вызов. Объявленный вне закона, с конфискованным имуществом в Нидерландах и похищенным старшим ребенком, он увидел достаточное личное оправдание для того, чтобы наконец выйти на ристалище, общепризнанный защитник прав нации. Увенчается ли революция успехом или будет катастрофически подавлена; вознесет ли его в результате на трон или на эшафот, даже он, глубоко вертлявый и неразговорчивый политик, не мог предвидеть. Реформация, в которой он проявлял как политический, так и религиозный интерес, могла оказаться в его руках достаточным рычагом для свержения испанской власти в Нидерландах. Инквизиция могла обрушиться на его страну и на него самого, сокрушив их навсегда. Шансы, казалось, были у инквизиции. Испанцы под командованием первого вождя в Европе разбили лагерь и укрепились в провинциях. Гугеноты только что заключили свой роковой мир во Франции, к пророческому недовольству Колиньи. Ведущие деятели либеральных настроений в Нидерландах были в плену или в изгнании. Все были смущены конфискациями, которые в ожидании приговора расшатывали нервы войны. Страна была охвачена террором; парализованная, неподвижная, униженная, она отказалась от своих убеждений и молила только о жизни. В этот момент на сцене снова появился Вильгельм Оранский.

Он ответил на акт осуждения, который был вынесен против него заочно, опубликованной статьей умеренной длины и большого красноречия. По его словам, он неоднократно предлагал отдать себя под суд компетентного суда. Как Рыцарь Руна, как член Священной Римской

империи, как суверенный принц, он не мог признавать никакого трибунала, кроме ордена рыцарей или королевства. Личное заступничество императора перед Филиппом было напрасно, чтобы добиться вынесения решения по его делу любым из них. Признание юрисдикции печально известного Совета Крови было бы равносильно смерти и унижению с его стороны. По его словам, он презирал отстаивать свое дело, "пока не узнал, какие низкие негодяи, недостойные быть слугами своих товарищей и его самого".

Поэтому он апеллировал к суду всего мира. Он опубликовал не развернутую аргументацию, а сжатое и язвительное изложение тех безобразий, которые были совершены по отношению к нему. Он отрицал, что был участником Компромисса. Он отрицал, что был обеспокоен этой Просьбой, хотя и с презрением осуждал тиранию, которая могла рассматривать петицию к правительству как акт открытой войны против суверена. Он говорил о Гранвелле с нескрываемым гневом. Он утверждал, что кардинал желал продолжения его пребывания на этом посту, чтобы его личная популярность могла защитить гнусные замыслы правительства. Эдикты, инквизиция, преследования, новые епископства были причинами беспорядков. В заключение он выразил негодование по поводу поведения Филиппа по отношению к себе. Монарх забыл о своих заслугах и заслугах своих доблестных предков. Он лишил его чести, он лишил его сына — и то, и другое было для него дороже жизни. Поступив таким образом, он скорее унизил себя, чем причинил вред, поскольку нарушил все свои королевские клятвы и обязательства.

Статья была опубликована в начале лета 1568 года. Примерно в то же время граф Хоогстраатен опубликовал аналогичный ответ на акт осуждения, с которым его посетили. Он защищался главным образом на том основании, что все преступления, в которых его обвиняли, были совершены в соответствии с буквальными указаниями герцогини Пармской, после ее соглашения с союзниками.

Теперь принц прилагал все возможные усилия для сбора средств и войск. У него было много встреч с влиятельными людьми в Германии. Протестантские князья, особенно ландграф Гессенский и курфюрст Саксонский, пообещали ему помощь. Он использовал все свое красноречие и дипломатию, чтобы завести друзей для дела, которое теперь смело отстаивал. Высокородный Демосфен наэлектризовал большие собрания своими негодующими выпадами в адрес Филиппа испанского. Он превзошел даже своего царственного противника в той трудолюбивой тонкости, с которой тот начал составлять тысячи комбинаций. Быстрый, скрытный, не знающий усталости, этот мощный и терпеливый интеллект сновал туда-сюда, распутывая запутанный клубок, в котором все казалось таким безнадежно запутанным, и постепенно развертывая широкие схемы симметричного и возрожденного государственного устройства. У него были высокопоставленные корреспонденты и большие надежды в Англии. Он уже был тайно или открыто в союзе с половиной правителей Германии. Гугеноты Франции смотрели на него как на своего друга, а на Людовика Нассауского как на своего неизбежного вождя, если бы Колиньи было суждено пасть. Он был в союзе со всеми изгнанными и объявленными вне закона дворянами Нидерландов. По его приказу ежедневно набирали рекрутов без звука барабана. Он даровал назначение своему брату Людовику, одному из самых искусных и отважных солдат того времени, более решительного сторонника которого восстание не нашло бы, а принц - более верного лейтенанта.

Это поручение, датированное Дилленбургом 6 апреля 1568 года, было несколько поразительным документом. Это разрешало графу набирать войска и вести войну против Филиппа исключительно ради блага Филиппа. Фикция лояльности, конечно, никогда не заходила дальше. Принц Оранский сообщил всем, "кому должны были достаться эти подарки", что благодаря привязанности, которую он питал к милостивому королю, он намеревался изгнать войска его Величества из Нидерландов. "Чтобы показать нашу любовь к монарху и его наследственным провинциям, - так гласила комиссия, - чтобы предотвратить опустошение, нависшее над страной из-за свирепости испанцев, сохранить привилегии, в которых поклялись его Величество и его предшественники, предотвратить искоренение всей религии эдиктами и спасти сыновей и дочерей страны от унижительного рабства, мы попросили нашего горячо любимого брата Луи Нассау ввести столько войск, сколько он сочтет необходимым".

Ван дер Берг, Хогстраатен и другие, наделенные аналогичными полномочиями, также активно занимались набором войск; но правой рукой восстания был граф Людовик, поскольку его прославленный брат был его главой и сердцем. Двести тысяч крон были суммой, которую принц считал абсолютно необходимой для организации армии, с которой он намеревался вступить в Нидерланды. Половина этого количества была произведена городами Антверпен, Амстердам, Лейден, Гарлем, Мидделбург, Флашинг и другими городами, а такжеторговцами-беженцами в Англии. Другая половина была подписана частными лицами. Сам принц внес 50 000 флоринов, Хогстраатен - 30 000, Людовик Нассауский - 10 000, Кулемберг- 30 000, Ван дер Берг - 30 000, вдовствующая графиня Хорн- 10 000 и другие лица в меньшей пропорции. Граф Джон Нассауский также заложил свои поместья, чтобы собрать крупную сумму на это дело. Сам принц продал все свои драгоценности, столовые приборы, гобелены и другую мебель, которые отличались почти королевским великолепием. Не энтузиаст, а обдуманный, осторожный человек, он теперь поставил все на риск, казавшийся таким отчаянным. Великолепие его положения было достаточно обрисовано. Его роскошь, его состояние, его семья, его жизнь, его дети, его честь - всем этим он теперь рисковал не с безрассудством игрока, а со спокойной убежденностью государственного деятеля.

Частная и наиболее дерзкая попытка обезопасить персону Альва и завладеть Брюсселем провалилась. Вскоре, однако, ему пришлось направить всю свою энергию против открытой войны, которая теперь началась.

Согласно плану принца, его помощники должны были атаковать провинции одновременно в трех местах, в то время как он сам ожидал в окрестностях Клеве, готовый к четвертому штурму. Армия гугенотов и беженцев должна была войти в Артуа на границе Франции; вторая, под командованием Хоогстраатена, должна была действовать между Рейном и Маасом; в то время как Людовик Нассауский должен был поднять знамя восстания во Фрисландии.

Двум первым авантюрам было суждено оказаться явно неудачными. Отряд под командованием сеньора де Коквиля, последний из всех, выступил в бой в конце июня. Он вошел в округ Эсден в Артуа, был немедленно перегнан через границу графом де Руль и разрублен на куски в Сен-Валери маршалом де Косси, губернатором Пикардии. Это произошло 18 июля. Из 2500 человек, составлявших экспедицию, спаслись лишь 300. Несколько нидерландцев, попавших в плен, были переданы испанскому правительству и, конечно же, повешены.

Войска под командованием сеньора де Виллара были раньше вооружены и тем скорее разгромлены. Этот незадачливый джентльмен, сменивший графа Хогстраатена, пересек

границу Жюльера в окрестностях Местрихта 20 апреля. Его силы, пехота и кавалерия, составляли почти три тысячи человек. Целью предприятия было поднять страну; и, если возможно, укрепиться, захватив важный город. Рурмонд был первым пунктом атаки, но попытки, как хитростью, так и силой, обезопасить город оказались бесплодными. Граждане не созрели для восстания и отказались от приема в армию. Таким образом, в то время как захватчики пытались обстрелять ворота, они были отброшены приближением испанских войск.

Герцог, как только ему стало известно о вторжении, действовал с большой оперативностью. Дон Санчо де Лодроно и дон Санчо де Авила с пятью вандерами испанской пехоты, тремя ротами кавалерии и примерно тремя сотнями пикинеров под командованием графа Эберштейна, всего около 1600 отборных солдат, были немедленно отправлены против Виллара. Вождь повстанцев, отказавшись от своей попытки захватить Рурмонд, двинулся к Эркеленсу. 25 апреля, между Эркеленсом и Далемом, испанцы поравнялись с ним и дали бой. В этой стычке Виллар потерял всю свою кавалерию и двух вандеров из своей пехоты. С оставшимися силами, насчитывавшими 1300 человек, он в полном порядке отступил к Дейлему. Здесь он быстро окопался. В четыре часа пополудни Санчо де Лодроно во главе 600 пехотинцев достиг этого места. Он был не в состоянии сдержать порывистость своих людей, хотя кавалерия под командованием Авилы, которой помешал трудный характер узкой тропы, по которой отступали повстанцы, еще не прибыла. Противник был два к одному и был укреплен; тем не менее, через полчаса окопы были захвачены, и почти каждый человек в армии патриотов был предан мечу. Сам Виллар с горсткой солдат бежал в город, но вскоре был взят в плен вместе со всеми своими сторонниками. Он запятнал дело, которым занимался, подлым признанием в замыслах принца Оранского — предательстве, однако не спасшем его от эшафота. В ходе сегодняшней работы испанцы потеряли двадцать человек, а повстанцы - почти 200. Эта часть освободительных сил потерпела, таким образом, катастрофическое поражение накануне вступления графа Людовика во Фрисландию.

Еще 22 апреля вице-губернатор этой провинции сообщил Алве, что нищие собираются большими силами в окрестностях Эмбдена. Было очевидно, что готовится важное предприятие. Два дня спустя Людовик Нассауский вступил в провинцию в сопровождении небольшого отряда войск. На его знаменах сверкали патриотические надписи. "Nunc aut nunquam, Rescupere aut mori" - таковы были лозунги его отчаянного приключения: "Свобода отечества и совести" была лозунгом, который должен был привлечь тысячи людей под его знамена. На западных землях Фризии он застал врасплох замок Ведде, резиденцию отсутствующего Аремберга, штатгальтера провинции. Оттуда он двинулся к Аппингадаму, или Плотине, на приливных водах Долланта. Здесь его встретил его младший брат, доблестный Адольф, дни которого были почти сочтены, который привел с собой небольшой конный отряд. В Ведде, Дамбе и Слохтерене был установлен стандарт. В этих трех пунктах ежедневно собирались вооруженные отряды, добровольные искатели приключений, крестьяне с любым деревенским оружием, которое попадалось им под руку. Вице-губернатор Гросбек срочно написал герцогу, что нищие с каждым часом набирают силу; что лидеры прекрасно понимают свою игру; что они держат свои планы в секрете, но быстро завоевывают сердце страны.

4 мая Людовик направил повестку в магистратуру Гронингена, приказав им прислать депутацию для совещания с ним в Дам. По его словам, он был готов продемонстрировать поручение, которым его снабдили. Он прибыл в страну не ради личного приключения, а получил приказ собрать достаточную армию. По его словам, с помощью вечного Бога он был полон решимости

искоренить отвратительную тиранию этих жестоких преследователей, проливших так много христианской крови. Он был полон решимости восстановить поправленные привилегии и защитить беглых, охваченных террором христиан и патриархов страны. Если магистраты были расположены принять его по-дружески, то это было хорошо. В противном случае он должен, к сожалению, чувствовать себя обязанным выступить против них как врагов его Величества и общего блага.

В результате этого вызова Людовик получил умеренную сумму денег при условии отказа на данный момент от нападения на город. С этим временным запасом он смог удержать большее количество авантюристов, которые ежедневно толпились вокруг него.

Тем временем Альва не сидел сложа руки. 30 апреля он написал Гросбеку, что ему следует позаботиться о том, чтобы его не застали врасплох; что он должен держать глаза открытыми до прибытия подмоги, которая уже была в пути. Затем он немедленно приказал графу Арембергу, который только что вернулся из Франции по завершении военных действий, поспешить к месту боевых действий. Пятерым вандерам из его собственного полка, небольшому отряду кавалерии и сардинскому легиону Браккамонте, всего около 2500 человек, было приказано следовать за ним с максимальной быстротой. Графу Мегему, штатгальтеру Гвельдреса, с пятью вандерами пехоты, тремя легкой кавалерией и небольшим количеством артиллерии, общей численностью около 1500 человек, было приказано сотрудничать с Арембергом. На этот счет распоряжения генерал-губернатора были недвусмысленными. Казалось невозможным, что разгром толпы под командованием Луи Нассау мог выстоять хоть мгновение перед почти 4000 отборных и опытных солдат, но герцог серьезно предупреждал своих генералов не недооценивать врага.

7 мая графы Мегем и Аремберг встретились и посоветовались в Арнхайме по пути во Фрисландию. После того, как они услышали подробные сообщения о восстании в этой провинции и о настроениях по всем восточным Нидерландам, они были полностью согласны с тем, что было бы опрометчиво предпринимать какие-либо самостоятельные действия. 11-го Аремберг добрался до Волленховена, где его уложили в постель с подагрой. Толпы людей, пока он лежал больной, ежечасно проходили с флейтой и барабаном перед его окнами и стреляли из пистолетов и аркебуз через ров блокада, где он был расквартирован. 18-го Браккамонте со своим легионом прибыл по воде в Харлинген. Не было потеряно ни минуты. Аремберг, несмотря на свою подагру, которая все еще приковывала его к носилкам, немедленно пустился в погоню за врагом. Проходя через Гронинген, он собрал все войска, какие только можно было выделить.. Он также получил шесть артиллерийских орудий. Шесть пушек, которые любители гармонии окрестили нотами гаммы "ут, ре, ми, фа, соль, ля", были предоставлены в его распоряжение властями и приобрели историческую известность. Однако было предписано, что во время исполнения этих музыкальных произведений испанцы не должны были танцевать. 22-го числа, сопровождаемый всеми своими силами, состоящими из легиона Браккамонте, его собственных четырех вандеров и отряда немцев, он оказался в поле зрения врага у Дамбы. Людовик Нассауский выслал из города отряд аркебузистов численностью около тысячи человек. Завязалась острая перестрелка, но нищие были загнаны в свои окопы с потерей двадцати или тридцати человек, и с наступлением темноты сражение прекратилось.

Было приятно видеть, писал Аремберг Альве, какими бодрыми и нетерпеливыми были испанцы, несмотря на долгий переход, который они совершили в тот день. Вскоре пришло время показать, как легко неумеренная доблесть может перерасти в ошибку. Тем временем Аремберг

расквартировал свои войска в аббатстве Виттеверум и вокруг него, недалеко от маленького города Дам без стен.

С другой стороны, Мегем, чьим сотрудничеством командовал Алва и о котором он договорился лично с Арембергом за две недели до этого в Арнхайме, задержался в своих передвижениях. Его войска, долгое время не получавшие жалованья, взбунтовались. Однако небольшая сумма денег, присланная из Брюсселя, пресекла это несвоевременное неповиновение. Затем Мегем приступил к осуществлению своего соглашения со своим коллегой, заверив генерал-губернатора, что война закончится через шесть дней. По его словам, у нищих не было стивера, и они должны были распастся или быть разорваны на куски, как только Аремберг и он объединят свои силы. Тем не менее он признал, что этих самых "мастеров-попрошаек", как он их называл, может оказаться слишком много для любого генерала в отдельности.

Алва в ответ выразил уверенность, что четырех или пяти тысяч отборных войск Испании будет достаточно для ведения короткой войны, но, тем не менее, предупредил своих офицеров об опасности чрезмерной самонадеянности. Ему сообщили, что повстанцы надели красный шарф испанской униформы. Он надеялся, что эта уловка не спасет их от проломленных голов, но не желал, чтобы значок его Величества был изменен.

Он повторил свои приказы о том, что никакое предприятие не должно предприниматься иначе, как согласованно всей армией; и приказал генералам немедленно повесить и задушить всех пленных, как только они будут взяты.

Двигаясь прямо на север, Мегэм достиг Коувердена, примерно в пятидесяти милях от Дэма, в ночь на 22-е число. Он сообщил Арембергу, что может ожидать его со своей пехотой и легкой кавалерией в течение следующего дня. На следующее утро, 23-го, Аремберг написал свое последнее письмо герцогу, пообещав прислать хороший отчет о нищих в течение нескольких часов.

Людовик Нассауский разбил свой лагерь у Дам около полуночи. Отступая в южном направлении по Волд-вег, или лесной дороге, узкой дамбе, проходящей через болотистую местность, он занял позицию примерно в трех лигах от своего предыдущего лагеря. Недалеко от монастыря Хайлигер Ли, или "Святого Льва", он выбрал себе место для стоянки. Немного денег на руках, щедрые обещания и надежда на добычу окончательно положили конец мятежу, который вспыхнул и в его лагере. Уверенный в том, что Мегем еще не объединился с Арембергом, готовый нанести, наконец, решающий удар во имя свободы и отечества, Людовик ожидал прибытия своего нетерпеливого врага.

Его положение отличалось внушительной силой и удачливым предзнаменованием. Хайлигер Ли был лесистым возвышением, искусственно возведенным монахами-предвестниками. Это была единственная возвышенность на том обширном пространстве водянистых пастбищ, окруженных реками Эмс и Липпе — "ложными полями", описанными Тацитом. Здесь Герман, первый из тевтонских героев, уничтожил три ветеранских легиона римского тирана. Здесь призрак Вара, перепачканного и окровавленного, поднялся из болота, чтобы предупредить Германика, пришедшего отомстить за него, о том, что готская свобода - опасный противник. И теперь, в бесконечном воспроизведении истории, другой немецкий воин занял выгодное положение в том же самом опасном регионе. Тирания, с которой он боролся, стремилась стать такой же всеобщей, как тирания Рима, и простерла свои завоевательные крылья над мирами, о

которых цезари и не мечтали. Оно также было вооружено, чтобы сокрушить не только права человека, но и права Бога. Битва за свободу должна была вестись не только за отечество, но и за совесть. Это дело было даже более священным, чем то, которое вдохновило руку Германа.

Хотя болота той далекой эпохи были превращены в плодородные пастбища, все же вся местность была влажной, коварной и опасной. Страна была разделена на квадраты не изгородами, а непроходимыми рвами. Сельскохозяйственные укрепления долгое время делали страну почти неприступной, в то время как ее защита от океана сослужила почти такую же хорошую службу и в борьбе с более непримиримым врагом-человеком.

Аремберг, ведя своих солдат по узкой дамбе в погоне за тем, что они считали сборищем беглых нищих, вскоре достиг Винсхотена. Здесь он почувствовал присутствие своего презренного врага. Людовик и Адольф Нассауские, сидя за обедом в монастыре "Святого Льва", были предупреждены дружелюбным крестьянином о приближении испанцев. Своевременные разведданные дали генералу-патриоту время подготовиться. Его искренние мольбы заставили его войска устыдиться своего мятежного поведения накануне, и теперь они оба были готовы вступить в бой. Деревня находилась недалеко от аббатства, и по соседству с аббатством теперь находился Луи Нассауский. Позади него был лес, слева - холм средней высоты, перед ним - обширное и заболоченное поле. Впереди поля была дамба, ведущая к аббатству. Это была дорога, по которой должен был пройти Аремберг. На равнине, лежавшей между лесом и холмом, собралась основная масса нищих. Они были расположены двумя квадратами или эскадрильями, скорее в глубину, чем в ширину, что давало представление о меньшем количестве, чем они содержали на самом деле. Меньшее каре, в котором находилось две тысячи восемьсот человек, было частично укрыто холмом. С обеих сторон стояли мушкетеры. На гребне холма располагался большой отряд легковооруженных войск, "enfants perdus" армии. Кавалерия численностью не более трехсот человек была размещена впереди, лицом к дороге, по которой должен был прибыть Аремберг.

Эта дорога была окаймлена лесом, простиравшимся почти до передней части холма. Когда Аремберг достиг его края, он вывел свою артиллерию и открыл огонь по корпусу легких войск. Холм защищал большую часть вражеского корпуса от этой атаки. Обнаружив, что повстанцы настолько сильны численностью и позицией, Аремберг был настроен только на перестрелку. Он лучше, чем его солдаты, знал коварную природу местности перед врагом. Он увидел, что это был один из тех районов, где торф был вывезен большими площадями в качестве топлива и где липкая зеленая пена на поверхности глубоких луж имитировала снятый дерн. Он видел, что поле битвы, предоставленное ему его проницательным врагом, было одним большим количеством ловушек. Прежде чем он сможет удержать позицию, многие люди обязательно должны быть уничтожены.

Он на мгновение остановился. Ему не хватало кавалерии, у него был только отряд Мартиненго, едва насчитывавший четыреста человек. Он был уверен, что Мегэм прибудет в течение двадцати четырех часов. Таким образом, если бы он смог держать повстанцев в узде, не давая им ни малейшей возможности рассеяться, он был бы в состоянии на следующий день разрезать их на куски в соответствии с планом, согласованным двумя неделями ранее. Но графу пришлось столкнуться с двойным препятствием. Его солдаты были очень горячими, а враг - хладнокровным. Испанцы, которые накануне вечером так легко прогнали тысячу мушкетеров из-за своей ветряной мельницы, которые видели, как все силы мятежников в спешке отступали

в ту же ночь, когда они прибыли к Дамбу, считали, что им сопутствует полная победа. Полагая, что одно название старых легионов вселяло ужас в сердца нищих и что испанскому оружию невозможно оказать сопротивление, они поносили своего полководца за его осторожность. Его задержка была причиной их спешки. Почему празднующие и мятежные войска Мегема, прибывшие в неурочный час, должны разделить триумф и добычу? Никто не знал страну лучше, чем Аремберг, уроженец Нидерландов, штатгальтер провинции. Только трусливые или еретические мотивы могли повлиять на него, если бы он сейчас, в самый час победы, сдержал их. Распаленный до предела этими насмешками, чувствуя, что его гордость за страну задета за живое, и желая показать, что нидерландец поведет за собой везде, куда осмелятся пойти испанцы, Аремберг позволил себе совершить серьезную ошибку, за которую ему предстояло так глубоко раскаяться. Пренебрегая предписаниями собственного опыта и распоряжениями своего начальника, он поддался хвастливому юмору своих солдат, который он, в отличие от Альвы, не научился умерять или презирать.

Тем временем было видно, что отряд легких войск, получивший огонь от музыкальных произведений Гронингена, дрогнул. Затем артиллерия была выведена из-под прикрытия леса, и более полно нацелена на два главных участка противника. Прозвучало несколько выстрелов. Вскоре после этого "enfants perdus" беспорядочно отступили, полностью покинув свои позиции.

Это очевидное преимущество, которое было всего лишь заранее продуманной стратегией, оказалось слишком большим для пылких испанцев. Они весело бросились вперед, чтобы атаковать неподвижные каре, их генерал был больше не в состоянии сдерживать их порыв. Через мгновение весь авангард погрузился в болото. Еще через несколько минут все они беспомощно и безнадежно барахтались в лужах, в то время как вражеские мушкетеры поливали их смертоносным огнем, не замочив собственных подошв. Копейщики, составлявшие основную часть большого каре, теперь тоже атаковали всех, кто пытался вырваться из их окружения, и снова загнали их обратно, навстречу грязной смерти. Одновременно меньший эскадрон патриотов, который так долго укрывался, вышел из-за холма, сделал обход вокруг его основания, окружил арьергард испанцев, прежде чем они смогли выдвинуться на помощь своим гибнущим товарищам, и почти мгновенно разбил их вдребезги. Гонсало де Браккамонте, тот самый испанский полковник, который первым осудил Аремберга за его стремление затянуть сражение, теперь был первым, кто пустился в бег. Его плохому поведению приписывали потерю дня. Гнев Альвы был настолько велик, когда ему сообщили об инциденте, что он приговорил бы офицера к смертной казни, если бы не заступничество его друзей и соотечественников. Разгром был внезапным и абсолютным. Безрассудство испанцев загнало их в яму, которую вырыли их враги. День был потерян. Арембергу ничего не оставалось, как погибнуть с честью. Встав во главе своей горстки кавалеристов, он ринулся в рукопашную. Удар принял на себя молодой Адольф Нассауский, возглавлявший такое же количество всадников. Каждый лидер выделял другого. Они встретились, как и подобает "могущественным капитанам", в самый разгар схватки. Аремберг, получив от своего противника pistolетный выстрел и проигнорировав его, уложил Адольфа мертвым у своих ног с пулей в теле и рассеченной саблей головой. Двое кавалеристов, непосредственно сопровождавших молодого графа, разделили ту же участь от одной и той же руки. Вскоре после этого лошадь Аремберга, раненная мушкетной пулей, упала на землю. Несколько преданных сторонников подняли коня на ноги, а истекающего кровью всадника - в седло. Они попытались унести своего раненого генерала с места боя. Конь сделал несколько шагов и упал замертво. Аремберг высвободился из своего тела и сделал несколько шагов к краю луга у дороги. Здесь, раненный в бою, искалеченный

болезнью, которая так долго мучила его, и едва ли способный дольше выдерживать бремя своих доспехов, он спокойно ожидал своей участи. Вскоре после этого отряд противника продвинулся вперед, и Аремберг пал, покрытый ранами, сражаясь, как герой Гомера, в одиночку против целого батальона, с мужеством, достойным лучшего дела и лучшей судьбы. Меч, которым он получил свой последний смертельный удар, принадлежал сеньору де Голтену. Этот офицер, только что увидевший, как у него на глазах убили его брата, забыл об уважении из-за неудачного рыцарского подвига.

Едва битва была закончена, как послышался звук приближающейся трубы. Звук заставил победителей приостановить преследование и позволил остаткам побежденных испанцев спастись бегством. Считалось, что силы Мегема продвигаются вперед. Этот генерал действительно прибыл, но он был один. В полдень того же дня он достиг Зюдларена, деревни примерно в четырех лигах от места боевых действий. Здесь он нашел письмо от Аремберга, в котором его просили поторопиться. Он так и сделал. Однако его войска, выступившие в то утро из Ковордена, вдобавок не смогли совершить столь длительный марш. Граф в сопровождении нескольких сопровождающих добрался до окрестностей Хайлигера Ли как раз вовремя, чтобы встретиться с некоторыми из лагерных маркитантов и другими беглецами, от которых он узнал ужасную весть о поражении. Обнаружив, что все потеряно, он очень корректно вернулся в Зюдларен, откуда проделал большую часть своего пути в Гронинген. Таким образом, он смог обезопасить этот важный город, ключ Фрисландии. Войск, которые он привел, в дополнение к четырем немецким вандерам из Шаумбурга, уже расквартированным там, было достаточно, чтобы защитить его от плохо оснащенной армии Луи Нассау.

В конце концов, лидер патриотов одержал лишь ничтожную победу. Разумеется, он уничтожил некоторое количество испанцев, насчитывавших, по разным оценкам, от пятисот до тысячи шестисот человек. Он также разбил небольшую, но опытную армию. Более того, этим триумфальным завершением сражения он научил нидерландцев тому, что отборные войска Испании не были непобедимыми. Но моральный эффект победы был единственным постоянным. Плохо оплачиваемые войска графа с трудом удавалось держать вместе. У него не было достаточной артиллерии, чтобы взять город, обладание которым оказалось бы столь важным для дела. Более того, вместе с принцем Оранским и всеми его братьями он был призван оплакать молодого и рыцарственного Адольфа, чья кровь запятнала лавры этой первой победы патриотов. Оставшись и, таким образом, потратив обычные три дня на поле боя, Людовик теперь расположился перед Гронингеном, укрепившись лагерем на расстоянии пушечного выстрела от города.

23-го числа мы видели, что Аремберг, полный доверия, написал генерал-губернатору, обещая вскоре прислать ему хорошие новости о нищих. 26-го граф Мегем написал, что, поговорив с человеком, который помог положить Аремберга в гроб, он вряд ли мог больше сомневаться в его судьбе.

Гнев герцога был даже больше, чем его удивление. Подобно Августу, он тщетно призывал мертвого командира к своим легионам, но приготовился к более быстрой и страшной мести, чем месть римлянина. Осознавая серьезность своего положения, он решил лично выступить в бой и уничтожить этого дерзкого вождя, который осмелился не только справиться с его опытными полками, но и победить их. Но прежде чем он смог повернуться спиной к Брюсселю, предстояло совершить много дел. Теперь его меры следовали одна за другой с затаенным дыханием,

молниеносные и взрывоопасные при каждом ударе. 28 мая он издал указ, изгоняющий под страхом смерти принца Оранского, Луи Нассау, Хогстраатена, Ван ден Берга и других с конфискацией всего их имущества. В то же время он сравнял с землей Калембургский дворец и воздвиг на его руинах колонну в память о проклятом заговоре, зародившемся в его стенах. 1 июня восемнадцать почетных пленных, в том числе два барона Батенбург, Максимилиан Кок, Блуа де Трелонг и другие, были казнены на Конном рынке в Брюсселе. Выражаясь энергичным языком Хогстраатена, эта ужасная трагедия разыгралась прямо под окнами этого "жестокое животного, Нуаркармеса", который в компании своего друга Берлаймонта и остальных членов Кровавого Совета наблюдал за шокирующим зрелищем. Головы жертв были насажены на колья, к которым были привязаны и их тела. Одиннадцать из этих жертв были впоследствии захоронены без погребения в неосвященной земле; остальные семеро были оставлены непогребенными гнить на виселице. 2 июня Виллар, лидер Даалемского восстания, пострадал на эшафоте вместе с тремя другими. 3-го числа графов Эгмонта и Хорна доставили в карете из Гента в Брюссель под охраной десяти рот пехоты и одной кавалерийской. Затем их поселили в "Бруд-хьюи" напротив Ратуши, на большой площади Брюсселя. 4-го числа Алва, как он торжественно объявил перед Богом и миром, тщательно изучив массу документов, относящихся к тем двум крупным судебным процессам, которые были завершены всего три дня назад, вынес приговор прославленным заключенным. Эти документы о беззаконии, подписанные и скрепленные печатью герцога, были отправлены в Совет Крови, где их зачитал секретарь Претс. Подпись Филиппа отсутствовала, поскольку приговоры были составлены на бланках, подписанных монархом, которых вице-король привез целый сундук из Испании. В приговоре Эгмонту очень кратко говорилось, что герцог Алва, ознакомившись со всеми бумагами и доказательствами по делу, признал графа виновным в государственной измене. Было доказано, что Эгмонт объединился с конфедератами; что он был участником проклятого заговора принца Оранского; что он взял мятежную знать под свою защиту и что он предал правительство и Святую католическую церковь своим поведением во Фландрии. Поэтому герцог приговорил его к казни мечом на следующий день и постановил, что его голова должна быть водружена высоко в общественном месте и оставаться там до тех пор, пока герцог не распорядится иначе. Приговор графу Хорну был схожим по формулировкам и смыслу.

В тот день герцог послал за епископом Ипрским, прелат прибыл в сумерках. Как только он представился, Альва сообщил ему о только что вынесенном приговоре и приказал передать эту информацию заключенным. Далее он возложил на него обязанность освящать жертв и готовить их души к смерти. Епископ упал на колени, потрясенный ужасным указом. Он умолял генерал-губернатора сжалиться над двумя несчастными дворянами. Если их жизни нельзя было спасти, он умолял его, во всяком случае, предоставить отсрочку. Со слезами и искренними мольбами прелат пытался предотвратить или отсрочить приговор, который был вынесен. Это было напрасно. Приговор, непреклонный, как судьба, был вынесен задолго до этого. Его исполнение было лишь ускорено временным триумфом восстания во Фрисландии. Алва грубо сказал епископу, что его вызвали не для того, чтобы давать советы. Отсрочка или помилование были одинаково невозможны. Он должен был действовать как исповедник преступников, а не как советник вице-короля. Епископ, получивший такой упрек, удалился выполнять свою печальную миссию. Тем временем в тот же вечер несчастная графиня Эгмонт была потрясена слухами, слишком расплывчатыми, чтобы в них можно было поверить, слишком ужасными, чтобы ими пренебрегали. Она находилась в комнате графини Аремберг, к которой пришла, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью графа, когда ей был объявлен приказ о немедленной казни

ее собственного мужа. Она поспешила к генерал-губернатору. Принцесса Палатинская, чьи предки были императорами, помнила только, что она была женой и матерью. Она упала к ногам человека, который распоряжался судьбой ее мужа, и смиренно и покорно молила его о пощаде. Герцог со спокойной и почти невероятной иронией успокоил графиню сообщением, что завтра ее муж непременно будет освобожден. С этой двусмысленной фразой, достойной ничтожных оракулов древности, несчастная женщина была вынуждена удалиться. Слишком скоро после этого ей открылась ужасная правда этих слов — слов обреченности, которые она приняла за утешение.

За час до полуночи епископ Ипрский добрался до тюрьмы Эгмонта. Граф был заключен в камеру на втором этаже Бруд-хьюиса, особняка гильдии арбалетчиков, в том углу здания, который выходит на узкую улочку, отходящую от большой площади. Он был разбужен ото сна приближением своего посетителя. Не в силах говорить, но выражением своего лица указывая на случившееся большое несчастье, епископ вскоре после своего прихода вложил бумагу, данную ему Альвой, в руки Эгмонта. Таким образом, несчастный дворянин внезапно получил известие о том, что егосмертный приговор был вынесен и что его приведение в исполнение назначено на следующее утро. Он прочел газету от начала до конца, не дрогнув, и выразил скорее удивление, чем тревогу по поводу ее содержания. Чрезвычайно оптимистичный по натуре, он никогда не верил, даже после девятимесячного заключения, в фатальное прекращение трудностей, в которые он был вовлечен. Теперь он был поражен как внезапным осуждением, последовавшим за его затянувшимся судебным процессом, так и скоростью, с которой его смерть должна была привести приговор в исполнение. Он спросил епископа со многими выражениями изумления, невозможно ли помилование; нельзя ли получить хотя бы отсрочку? Прелат ответил точным пересказом разговора, который только что произошел между ним и Альвой. Эгмонт, таким образом убежденный в своей неизбежной участи, затем с изысканной вежливостью заметил своему спутнику, что, поскольку ему предстояло умереть, он благодарит и Бога, и герцога за то, что в последние минуты его утешил такой превосходный отец-исповедник.

Впоследствии, в естественном порыве негодования, он воскликнул, что это действительно был жестокий и несправедливый приговор. Он заявил, что никогда за всю свою жизнь не причинял зла его величеству; конечно, никогда настолько серьезного, чтобы заслужить такое наказание. Все, что он сделал, было сделано с лояльными намерениями. Истинный интерес короля был его постоянной целью. Тем не менее, если он и впал в ошибку, он молился Богу, чтобы его смерть стерла его злодеяния и чтобы его имя не было опозорено, а его дети не были посрамлены. Его любимой жене и невинным детям пришлось пережить достаточно страданий из-за его смерти и конфискации его имущества. По крайней мере, благодаря его долгой службе они были избавлены от дальнейших страданий. Затем он спросил своего отца-исповедника, какой совет он может дать относительно своего нынешнего поведения. Епископ ответил увещанием, что он должен обратиться к Богу, что он должен полностью отвлечься от всех земных интересов и подготовить себя к загробному миру. Он последовал совету и, преклонив колени перед епископом, исповедался сам. Затем он попросил разрешения причаститься, которое епископ совершил после обычной мессы. Эгмонт спросил, какая молитва была бы наиболее уместна в час казни. Его духовник ответил, что нет ничего более подходящего, чем то, чему Иисус учил своих учеников, — Отче наш, сущий на Небесах.

Последовал небольшой разговор, в ходе которого граф снова выразил свою благодарность за то, что эти благочестивые и дружеские услуги успокоили его изнывающую от разлуки душу.

Испытывая отвращение, он снова оплакивал печальную судьбу своей жены и маленьких детей. Епископ снова умолял его отвлечься от столь мучительных размышлений и всецело посвятить себя Богу. Охваченный горем, Эгмонт воскликнул с естественным и простым пафосом— "Увы! насколько жалка и хрупка наша природа, что, когда мы должны думать только о Боге, мы не в состоянии избавиться от образов жены и детей".

Придя в себя и имея еще много времени, он сел и с совершенным самообладанием написал два письма, одно Филиппу и одно Алве. Знаменитое письмо королю было следующего содержания:

"СИР, сегодня вечером я узнал о приговоре, который вашему величеству было угодно вынести мне. Хотя у меня никогда не возникало мысли и я считаю, что никогда не совершал поступка, который мог бы нанести ущерб личности вашего Величества или службе, или в ущерб нашей истинной древней католической религии, тем не менее я набираюсь терпения, чтобы вынести то, что благому Богу угодно было послать. Если во время этих волнений в Нидерландах я сделал или допустил что-либо, что имело другой вид, то это было с истинным и добрым намерением служить Богу и вашему Величеству, а также с учетом необходимости времени. Поэтому я молю ваше величество простить меня и сжалиться над моей бедной женой, моими детьми и моими слугами, принимая во внимание мои прошлые заслуги. В надежде на это я теперь верю себя милости Божьей.

"Из Брюсселя,
"Готов умереть", 5 июня 1568 года,
"Смиренный и верный вассал и слуга Вашего величества,
ЛАМОРАЛ Д'Эгмонт".

Поцеловав таким образом руку убийцы, поразившую его, он вручил епископу письмо, на котором была печать скорее излишней лояльности, чем христианского прощения, с просьбой переслать его по назначению вместе с письмом, написанным его собственной рукой. Этот долг епископ торжественно пообещал выполнить.

Переживая все подробности своей казни со свойственной его характеру стойкостью, он теперь посоветовался со своим духовником относительно того, какими словами ему следует обратиться с эшафота к собравшимся людям. Епископ, однако, решительно отговорил его вообще обращаться к толпе.

Люди, стоявшие дальше всех, убеждал священник, не услышали бы этих слов, в то время как испанские войска, находившиеся в непосредственной близости, не поняли бы их. Поэтому ему казалось проявлением мудрости и достоинства хранить молчание, общаясь только со своим Богом. Граф согласился с этим доводом и отказался от своего намерения сказать несколько прощальных слов людям, многие из которых, как он считал, нежно любили его. Теперь он много готовился к завтрашнему дню, чтобы в последние минуты его мысли не отвлекались на механические детали, собственноручно отрезал воротник от своего камзола и рубашки, чтобы у палача не было повода запятнать его личность. Остаток ночи прошел в молитве и размышлениях.

Сохранилось меньше обстоятельств, касающихся последней ночи жизни графа Хорна. Однако достоверно установлено, что адмирал воспринял внезапное известие о своем приговоре с

абсолютным спокойствием. Викарий Ла Шапель помогал ему в его молитвенных упражнениях в тюрьме.

Ночью на большой площади Брюсселя были сделаны необходимые приготовления к утренней трагедии. Намерением правительства было вселить ужас в сердца людей, устроив впечатляющее и ужасающее зрелище. Абсолютная и безответственная судьба, которая управляла ими, должна была проявиться в принесении в жертву этих двух людей, столь высоких по рангу, влиятельным связям и выдающейся службе.

Эффект усиливался из-за характера местности, где должно было быть представлено мрачное шоу. Большая площадь Брюсселя всегда имела поразительный и театральный вид. Его архитектурные эффекты, предполагающие в какой-то степени странный союз восточного и испорченного греческого искусства, совершенный в средневековую полночь, поражали взоры многих поколений. Великолепный Отель де Вилль с его дерзким шпилем и вычурным фасадом украшал одну сторону здания; прямо напротив находился изящный, но непоследовательный фасад Бруд-хьюи, ныне последнего земного пристанища двух выдающихся жертв, в то время как вокруг этих главных зданий возвышались фантастические дворцы Лучников, моряков и других гильдий, с их украшенными гирляндами стенами и ниспадающими фронтонами, обильно украшенными эмблемами, статуями и причудливыми украшениями. Это место было ареной многих блестящих турниров и многих кровавых казней. Доблестные рыцари сражались на его территории, в то время как яркие глаза излучали вдохновение со всех этих живописных балконов и украшенных окон. Мученики религиозной и политической свободы пережили на одном и том же месте муки, которые могли бы побудить каждый камень его мостовой к бунту или разжалобить их до жалости. Здесь сам Эгмонт в более счастливые дни часто уносил с собой награду мастерства или доблести, привлекавшую всеобщее внимание; и поэтому почти в расцвете жизни, проиллюстрированной многими блестящими поступками, он был послан рукой тирании на заслуженный отдых.

Утром 5 июня три тысячи испанских солдат были выстроены в боевом порядке вокруг эшафота, воздвигнутого в центре площади. На этот помост, покрытый черной тканью, были положены две бархатные подушки, два железных штыря и маленький столик. На столе стояло серебряное распятие. Маршал-провост Спелле сидел внизу верхом на лошади со своим красным жезлом в руке, даже не подозревая, что ему уготована более мрачная участь, чем та, служителем которой он сейчас был. Палач был скрыт за драпировкой эшафота.

В одиннадцать часов в покои Эгмонта прибыла рота испанских солдат во главе с Хулианом Ромеро и капитаном Салинасом. Граф был готов принять их. Они собирались связать ему руки, но он горячо запротестовал против такого унижения и, распахнув складки своего одеяния, показал им, что он сам снял воротнички и готовился к своей смерти. Его просьба была удовлетворена. Затем Эгмонт в сопровождении епископа твердым шагом преодолел небольшое расстояние, отделявшее его от места казни. Хулиан Ромеро и стражник последовали за ним. По дороге он читал вслух пятьдесят первый псалом: "Услышь вопль мой, Боже, и внимли молитве моей!" Казалось, он выбрал эти отрывки из Священного Писания как доказательство того, что, несмотря на козни его врагов и жестокое наказание, к которому они его привели, верность своему государю была таким же глубоко укоренившимся и религиозным чувством в его груди, как и преданность своему Богу. "Ты продлишь жизнь короля; и годы его жизни на многие

поколения. Он пребудет перед Богом вечно! О, приготовь милость и истину, которые могут спасти его". Такова была замечательная молитва осужденного предателя по пути на плаху.

Взойдя на эшафот, он дважды или трижды прошел по нему. Он был одет в табард или мантию из красного дамаста, поверх которой была наброшена короткая черная мантия, расшитая золотом. На голове у него была черная шелковая шляпа с черно-белыми перьями, а в руке он держал носовой платок. Расхаживая взад и вперед, он выражал горькое сожаление по поводу того, что ему не позволили умереть с мечом в руке, сражаясь за свою страну и своего короля.

Оптимистичный до последнего, он страстно спрашивал Ромеро, действительно ли приговор был безвозвратным, не было ли даже тогда помилования. Маршал пожал плечами, пробормотав отрицательный ответ. Услышав это, Эгмонт заскрежетал зубами, скорее от ярости, чем от отчаяния. Вскоре после этого, снова овладев собой, он сбросил свою мантию и мантию и снял с шеи значок с изображением Золотого руна. Затем, опустившись на колени на одну из подушек, он вслух прочел молитву "Отче наш" и попросил епископа, преклонившего колени рядом с ним, повторить ее трижды. После этого прелат дал ему поцеловать серебряное распятие, а затем произнес над ним свое благословение. Сделав это, граф снова поднялся на ноги, отложил шляпу и носовой платок, снова опустился коленями на подушку, надвинул на глаза маленькую шапочку и, сложив руки вместе, воскликнул громким голосом: "Господи, в Твои руки я вверяю свой дух". Затем внезапно появился палач и одним ударом снес ему голову с плеч.

За ударом последовало мгновение гнетущей тишины. Казалось, все огромное собрание почувствовало это в своих сердцах. Слезы полились из глаз даже у испанских солдат, ибо они знали и чтили Эгмонта как доблестного генерала. Французский посол Мондусэ, наблюдавший за происходящим из тайного места, прошептал, что только что видел, как пала голова, перед которой Франция дважды трепетала. Были даже видны слезы на железных щеках Альвы, когда он смотрел на происходящее из окна дома прямо напротив эшафота.

Теперь на тело и кровь быстро набросили темную ткань, и через несколько минут было видно, как адмирал пробирается сквозь толпу. Его лысая голова была непокрыта, руки развязаны. Он спокойно приветствовал всех своих знакомых, которых случайно встречал на своем пути. Под черным плащом, который он сбросил, взойдя на эшафот, на нем был простой темный дублет, и он, в отличие от Эгмонта, не носил эмблемы Руна. Бросив взгляд на труп, накрытый темной тканью, он спросил, было ли это тело Эгмонта. Получив утвердительный ответ, он пробормотал несколько слов по-испански, которые было неразборчиво слышно. Затем его внимание привлек перевернутый его собственный герб, и он выразил гнев по поводу такого унижения своего гербового щита, заявив, что он не заслужил такого оскорбления. Затем он сказал несколько слов собравшимся внизу, пожелав им счастья и умоляя помолиться за его душу. Он не целовал распятие, но преклонил колени на эшафоте, чтобы помолиться, и епископ Ипрский помогал ему в богослужении. Когда они закончили, он снова поднялся на ноги. Затем, полностью натянув миланскую шапочку на лицо и произнеся на латыни то же заклинание, которое использовал Эгмонт, он подставил свою шею под удар.

В качестве последнего одолжения Эгмонт добился, чтобы его казнь предшествовала казни его друга. Считая себя отчасти виноватым в повторном появлении Хорна в Брюсселе после прибытия Альвы и в его смерти, которая наступила в результате, он хотел избавить себя от боли видеть его мертвым. Джемма Фризиус, астролог, составившая гороскоп графа Хорна при его рождении, самым торжественным образом пришла к нему, чтобы предостеречь от посещения

Брюсселя. Граф решительно ответил, что он уповает на Бога и что, более того, его друг Эгмонт тоже направляется туда, который пообещал, что ни одного из них не постигнет худшая участь, чем другого.

Головы обоих страдальцев были теперь на два часа насажены на железные колья. Их тела, помещенные в гробы, оставались в течение того же промежутка времени на эшафоте. Тем временем, несмотря на присутствие войск, население не могло удержаться от слез и проклятий. Многие столпились у эшафота и макали свои носовые платки в кровь, чтобы впоследствии они сохранились как память о преступлении и как знаки мести.

Впоследствии тела были переданы их друзьям. Величественная процессия гильдий в сопровождении многих представителей духовенства доставила их гробы в церковь Святой Гудулы. Оттуда тело Эгмонта было перевезено в монастырь Святой Клары, недалеко от старых брюссельских ворот, где оно было забальзамировано. Его герб и знамена были вывешены на внешней стене его резиденции по приказу графини. По приказу Алвы они были немедленно снесены. Впоследствии его останки были перевезены в его город Соттегем во Фландрии, где они были преданы земле. Граф Хорн был похоронен в Кемпене. Тела были сняты с эшафота в два часа. Головы оставались открытыми между горящими факелами еще два часа. Затем они были сняты, упакованы в коробки и, как обычно предполагалось, отправлены в Мадрид. Таким образом, король получил возможность смотреть на мертвые лица своих жертв, не утруждая себя путешествием по провинциям.

Так умерли Филипп Монморанси, граф Горнский, и Ламорал Эгмонтский, принц Гаверенский. Более сильное сочувствие, которое, казалось, проявлялось к судьбе Эгмонта, делало несчастье его товарища по оружию и смерть сравнительно менее интересными.

Эгмонт - великая историческая фигура, но он определенно не был великим человеком. Его казнь остается непреходящим памятником не только жестокости и вероломства Филиппа, но и его тупости. Королю было на что надеяться от Эгмонта и чего бояться. Гранвель хорошо знал этого человека и почти до последнего не мог поверить в возможность такой беспрецедентной ошибки, как та, которая превратила в жертву, мученика и народного кумира личность действительно храбрую, но невероятно нерешительную и чрезмерно тщеславную, которую при небольшом руководстве можно было бы превратить в самое полезное орудие в королевских целях.

Нет необходимости пересказывать события карьеры Эгмонта. Шаг за шагом мы изучали его курс, и ни в один период мы не обнаружили даже зачатка тех элементов, которые делают национального чемпиона. Его гордость порядком приводила его в ярость из-за дерзости Гранвеля и вызывала у него раздражение из-за его владычества. Его тщеславие высоким званием и выдающейся военной службой заставляло его жаждать самого высокого места под короной, в то время как его ненависть к тем, кто, как он считал, обманул его в своих притязаниях, превратила его в недовольного. У него не было сочувствия к людям, но ему, как великому сеньору, нравилось, когда на него смотрела разинувшая рот толпа и им восхищалась. Он был непоколебимым католиком, питал крайнее отвращение к сектантам, а после разрушения образа получал истинное удовольствие, вешая священников вместе с их прихожанами и доводя осажденных христиан Валансьена до крайности. Неоднократно он заявлял о своем недвусмысленном одобрении печально известных эдиктов и время от времени прилагал усилия, чтобы обеспечить их соблюдение в пределах своей провинции. Мимолетное

впечатление, произведенное на него возвышенной натурой Оранжа, было легко стерто в Испании придворной лестью и королевскими взятками. Несмотря на холодность, отпоры и неоднократные предупреждения, которые могли бы спасти его от гибели, ничто не могло в конце концов отвести его от фанатичной преданности, к которой после долгих колебаний безвозвратно устремился его разум. Его добровольное унижение как генерала, вельможи, фламандца и христианина перед наглым альвой при его первом прибытии вызвало бы наше презрение, если бы не более мягкие эмоции, вызванные гибелью влюбленного дворянина. После отъезда Оранского Эгмонт был только рад наняться к Филиппу на любую работу, которую монарх мог найти для него. И все же это был человек, которого Филипп избрал с помощью меча палача, чтобы превратить в народного кумира, и которого Поэзия любила изображать романтическим поборником свободы.

Что касается Хорна, то о его карьере также было рассказано достаточно подробностей, чтобы читатель мог досконально понять этого человека. Он был человеком посредственных способностей и совершенно заурядного характера. Его высокий ранг и трагическая судьба - вот что делает его интересным. Он не питал особой любви ко двору или людям. Сломленный судьбой, он проводил время главным образом в размышлениях о неблагодарности Карла и Филиппа и горьких жалобах на разочарования, на которые обрекла его их политика. Его не заботили ни кардиналисты, ни конфедераты. Ему не нравился Бредерод, он ненавидел Гранвеля. Мрачный и угрюмый, он лег спать, в то время как люди, которых называли его соучастниками заговора, обедали и веселились в одном доме с ним самим: крик "Да здравствует народ!" вызывал у него так же мало сочувствия, как и крик "Да здравствует ле Руа". Наиболее интересными чертами его характера являются его великодушие по отношению к отсутствующему брату и мужество, с которым, будучи представителем Монтињи в Турне, он предпочел противостоять гневу правительства и навлечь на себя смертельную месть Филиппа, чем стать палачом безобидных христиан в Турне. В этом отношении его поведение гораздо больше заслуживает нашего уважения, чем поведение Эгмонта, и он, безусловно, больше заслуживал почитания со стороны народа, даже несмотря на то, что был покинут всеми людьми при жизни и оставлен обезглавленным и одиноким в своем гробу в Святой Гудуле.

Ненависть к Альве, возникшая из могил этих прославленных жертв, с каждым днем становилась все сильнее. "Подобными явлениям из другого мира, - писал Хугстраатен, - кажутся крики, стенания и справедливое сострадание, которые все жители Брюсселя, благородные или неблагородные, испытывают к такой варварской тирании, в то время как этот альвийский Нерон хвастается, что сделает то же самое со всеми, до кого дотронется". Никто не верил, что двое дворян совершили преступление, и многие были даже склонны оправдать Филиппа за его участие в судебном убийстве. Люди приписывали казнь исключительно личной ревности герцога. Они говорили друг с другом не только о зависти, с которой генерал-губернатор всегда относился к военным победам своего соперника, но и о том, что Эгмонт в разное время выигрывал крупные суммы альвов в азартных играх и что, кроме того, он несколько раз отбирал приз у герцога, стреляя в папайю. Тем не менее, несмотря на все эти абсурдные слухи, нет никаких сомнений в том, что Филипп и Альва должны в равной степени разделить вину за сделку и что "наказание" было организовано до того, как Альва уехал из Испании.

Графиня Эгмонт осталась в монастыре Камбре со своими одиннадцатью детьми, погруженная в нищету. Герцог написал Филиппу, что сомневается, есть ли на свете такая несчастная семья. В то же время он поздравил своего государя с уверенностью в том, что чем сильнее воздействие,

тем плодотворнее будет пример этой великой казни. Он заявил, что графиня считалась самой святой женщиной и что едва ли была ночь, когда в сопровождении своих дочерей она не выходила босиком, чтобы вознести молитвы за своего мужа в каждой церкви города. Он добавил, что сомнительно, хватит ли у них денег, чтобы купить себе ужин в тот же вечер, и он умолял короля предоставить им средства к существованию. Он посоветовал без промедления поместить графиню в испанский монастырь, где ее дочери могли бы сразу же принять постриг, заверив его величество, что ее приданого совершенно недостаточно для ее содержания. Таким образом, гуманно порекомендовав своему государю подать милостыню семье, которую он собственноручно низвел с княжеского положения до нищенства, вице-король перешел к подробному описанию недавних событий во Фрисландии, а также мер, которые он собирался предпринять, чтобы отомстить за поражение и смерть графа Аремберга.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Глубоко преступный в глазах всех религиозных партий
Он не стал казнить еретиков
Святая канцелярия осудила всех жителей Нидерландов
Не за новую доктрину, а за свободу совести
Ни о чем не спрашивая, ни в чем не сомневаясь, ничего не боясь
Вечное воспроизведение истории
Богатство было непростительным грехом

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 16.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855

1568 г. [ГЛАВА III.]

Приготовления герцога против графа Людовика—Шаткое положение Людовика во Фрисландии—Робость жителей—Альва во Фрисландии—Перестрелка близ Гронингена—Отступление патриотов—Ошибка, совершенная Людовиком—Его позиция при Еммингене—Мятежные выступления его войск—Людовик частично восстанавливает порядок—Попытка разрушить дамбы, прерванная прибытием войск Альвы—Хитрая стратегия герцога—Поражение графа Людовика и полное уничтожение его армии—Бесчинства, совершенные испанцами—Альва в Утрехте—Казнь о Вроу ван Димене—Эпизод с Доном Карлосом—Басни о нем и королеве Изабелле—Тайна, касающаяся его смерти—Секретные письма Филиппа Папе—То, в котором содержится правда о сделке, все еще скрытая в Ватикане—Дело против Филиппа, изложенное Матье, Де Ту и другими—Показания в пользу короля со стороны нунция, венецианского посланника и других—Сомнительное состояние вопроса—Анекдоты о доне Карлосе—Его характере.

Эти меры были приняты с точностью и оперативностью, которые отличали характер герцога, когда точность и оперативность были желательны. После успешного набега Луи Нассау в каждом его шаге чувствовалась ужасающая энергия. Решив лично выйти на поле боя почти со всеми испанскими ветеранами, он сразу же приступил к действиям, исходя из необходимости обезопасить столицу после того, как ему придется повернуться к ней спиной. Было невозможно

оставить три тысячи отборных солдат для охраны графа Эгмонта. Меньшего количества казалось недостаточным, чтобы предотвратить спасение. Таким образом, он больше не откладывал наказание, которое уже было определено, но которое ускорили события на севере. Таким образом, единственным положительным результатом победы Луи Нассау стала казнь его заключенных друзей.

Экспедиция под командованием Аремберга потерпела неудачу по двум причинам. Силы испанцев были недостаточны, и они атаковали врага в невыгодном положении. Неосторожное нападение было результатом презрения, с которым они относились к своему противнику. Эти ошибки не должны были повториться. Алва приказал графу Мегему, который теперь командует провинцией Гронинген, ни в коем случае не начинать военные действия, пока исход не будет ясен. Он также немедленно приказал большим подкреплениям выдвинуться к месту боевых действий. Командирами, которым была доверена эта обязанность, были герцог Эрик Брауншвейгский, Кьяппин Вителли, Нуаркармес и граф де Роулкс. Местом встречи всех сил был Девентер, и сюда они все прибыли 10 июля. В тот же день сам герцог Алва прибыл в Девентер, чтобы лично принять командование. Вечером 14 июля он достиг Ролдена, деревни, расположенной в трех лье от Гронингена, во главе трех дивизий испанской пехоты, трех рот легкой кавалерии и отряда драгун. Все его силы в Гронингене и его окрестностях составляли пятнадцать тысяч отборных солдат, не считая большого, но неопределенного количества менее дисциплинированных солдат.

Тем временем Людовик Нассауский с момента своей победы ничего не добился. У этого бездействия было одно достаточное оправдание - полная нехватка средств. Его единственным доходом было количество черной почты, которую он мог взимать с жителей провинции. Он повторил свое решение обращаться со всеми ними как с врагами, если они не предоставят ему средств для изгнания их тиранов из страны. Время от времени он получал таким образом небольшие суммы. Жители были настроены благосклонно, но они были робки и отчаивались. Они не видели четкого пути к достижению результата, в отношении которого Людовик был так уверен. Они знали, что ужасный Альва уже в пути. Они были уверены, что будут разграблены обеими сторонами и, кроме того, будут повешены как мятежники, как только появится генерал-губернатор.

Людовик, однако, выпустил два официальных заявления о двух особых взносах. В этих документах он кратко объяснил, что дома всех самоотводящихся должны быть немедленно сожжены, и в результате этих безапелляционных мер он получил около десяти тысяч флоринов. Альва приказал прикрепить контрпрокламации к дверям церквей и в других местах, запрещая всем лицам вносить вклад в эти принудительные займы повстанцев под страхом выплаты испанцам вдвое большей суммы с дополнительным произвольным наказанием после его прибытия. Несчастливым жителям, оказавшимся, таким образом, между двух огней, ничего не оставалось, как отдать половину своего имущества на поддержку восстания в первую очередь, с перспективой впоследствии отдать другую половину в качестве субсидии тирании; в то время как виселица стояла в конце улицы, чтобы вознаградить их за щедрость. Таково было ужасное положение крестьянства в этом гражданском конфликте. Какой груз вины, таким образом, навалился на коронованную голову, которая зачала, и на красную правую руку, которая сотворила все эти страдания, - какие человеческие веса могут измерить?

С такими ненадежными средствами поддержки армия Людовика Нассауского, как легко можно предположить, была какой угодно, но только не послушной. После победы при Хайлигере Ли его немецким наемникам показалась вероятной обширная добыча, которая становилась все слабее по мере того, как слабые плоды этого сражения становились с каждым днем все более очевидными. Два аббата Виттеверума и Хайлигера Ли, которые последовали за Арембергом, чтобы быть свидетелями его победы, были вынуждены заплатить настоящему победителю высокую цену за развлечение, на которое они сами себя пригласили, и эти суммы, вместе с суммами, собранными с сопротивляющихся поместий, и принудительными взносами, внесенными незадачливыми крестьянами, позволили ему продержать свои разрозненные войска вместе еще несколько недель. Мятеж, однако, вспыхивал постоянно и благодаря красноречивым увещаниям и туманным обещаниям графа был с трудом подавлен.

В течение нескольких недель сразу после битвы он распределял свои войска по трем разным станциям. Однако при приближении герцога он поспешно сосредоточил все свои силы в своем собственном сильно укрепленном лагере, расположенном на расстоянии половины пушечного выстрела от Гронингена. Его армия, какой бы она ни была, насчитывала от 10 000 до 12 000 человек. Альва достиг Гронингена ранним утром и, не останавливаясь ни на минуту, провел свои войска прямо через город. Затем он немедленно занял укрепленный дом, из которого было легко нанести урон лагерю. Покончив с этим, герцог с несколькими сопровождающими выехал вперед, чтобы лично разведать противника. Он нашел его на хорошо укрепленной позиции, имея перед собой реку, которая служила рвом для его лагеря, и вдобавок глубокую траншею в трехстах ярдах за ней. Через реку вели два деревянных моста; над каждым возвышался укрепленный дом, в котором имелся запас сосновых факелов, готовых в любой момент поджечь мосты. Удовлетворившись таким образом, герцог поехал обратно к своей армии, которая получила строгий приказ не шевелить и пальцем до его возвращения. Затем он отправил небольшой отряд из пятисот мушкетеров под командованием Роблеса вступить в перестрелку с врагом и, если возможно, выманить его из окопов.

Войска Людовика, однако, не проявляли жадности вступать в бой. Напротив, вскоре стало очевидно, что их расположение имело противоположную тенденцию. Сам граф, не доверяя в тот момент своим солдатам, которые находились в крайне мятежном состоянии, желал отступить перед своим грозным противником. Герцог, верный, однако, своим жизненным принципам, не имел намерения форсировать события в этих труднодоступных и болотистых регионах. Перестрелка, таким образом, продолжалась много часов, из испанской армии были выделены дополнительные силы в 1000 человек. Однако день был очень знойным, противник сопротивлялся, и все действия были вялыми. Наконец, ближе к вечеру крупный отряд, оказавшийся за пределами своих окопов, вступил в ожесточенный бой с испанцами. Бой длился всего несколько минут, патриоты вскоре были разбиты и поспешно бежали обратно в свой лагерь. Паника распространилась вместе с ними, и вскоре вся армия отступила. Отступая, они, однако, подожгли мосты и таким образом обеспечили себе преимущество в начале погони. Сдерживать испанцев было больше нельзя. Вителли получил разрешение последовать за ним с 2000 дополнительными войсками. Полторы тысячи человек, которые уже были задействованы, яростно атаковали своих отступающих врагов. Некоторые бросились через пылающие мосты, их одежда и даже бороды были в огне. Другие прыгнули в реку. Ни огонь, ни вода не могли остановить яростное преследование. Кавалеристы спешили, загнали своих лошадей в ручей и, вцепившись им в хвосты, погнали лошадей вперед копытами. Переправившись таким образом, они присоединились к своим товарищам в безумной погоне по узким дамбам и через

болотистую и почти непроходимую местность, где мятежники искали убежища. Слишком скоро наступившая ночь, наконец, положила конец охоте. Герцог с трудом отозвал своих людей и заставил их сдерживать свое рвение до завтра. Триста патриотов остались мертвыми на поле боя, не считая, по крайней мере, такого же количества погибших в реке и каналах. Армия Людовика была полностью разбита, и герцог считал ее практически уничтоженной. Он написал в государственный совет, что должен заняться ими на следующий день, но сомневался, что найдет кого-нибудь, кто сможет с ним поговорить. В этом генерал-губернатор вскоре был приятно разочарован.

Пять дней спустя герцог прибыл в Рейден на Эмсе. Из-за неблагоприятного расположения местных жителей, которые были готовы защитить беглецов, сообщив их преследователям ложную информацию, он все еще сомневался относительно позиции, которую тогда занимал враг. Он боялся, что их найдут в этой самой деревне Рейден. То, что их не нашли, было роковой ошибкой со стороны графа Луи. Если бы он проявил твердость в этот момент, то, возможно, продержался бы еще долго. Мост, который здесь пересекал реку, позволил бы ему в любой момент отступить в Германию, и это место было легко оборонять спереди. Таким образом, он мог бы выстоять против своего свирепого, но осторожного врага, в то время как его брат Оранж, находившийся в Страсбурге и наблюдавший за развитием событий, осуществлял свою собственную давно спланированную экспедицию в сердце Нидерландов. Поскольку Алва, таким образом, был занят во Фрисландии, результаты такоговторжения могли быть ошеломляющими. Однако этого не было на картах той кампании. Мятежный нрав наемников под его командованием наполнил Людовика сомнениями и отвращением. Смелый и оптимистичный, но всегда слишком вспыльчивый и нетерпеливый, он не видел особой возможности больше расплачиваться со своими войсками обещаниями. Возможно, он не был против поставить их в положение, когда они были бы вынуждены сражаться или погибнуть. Во всяком случае, таково было их нынешнее положение. Вместо того чтобы остановиться в Рейдене, он остановился в Йеммингене, примерно в четырех лье от этого места и немного ниже по реке. Алва обнаружил этот важный факт вскоре после своего прибытия в Рейден и не мог скрыть своего восторга. Уже ликуя по поводу ошибки, допущенной его противником, пренебрегшим важным положением, которое он теперь занимал сам, он был вдвойне рад, узнав природу места, которое он предпочел выбрать. Он видел, что Луи полностью загнал себя в ловушку.

Йемминген был маленьким городком на левом берегу Эмса. Ручей здесь очень широкий и глубокий, является скорее приливным заливом, чем рекой, поскольку находится всего в нескольких милях от Долларта. Этот круглый залив, или океанская пропасть, образовавшийся в результате сильного наводнения 13 века, окружает вместе с рекой узкий полуостров. В углу этого полуострова, как на дне мешка, Людовик разместил свою армию. Его пехота, как обычно, была выстроена в два больших каре и по-прежнему насчитывала десять тысяч человек. Тыл опирался на деревню, река была слева от него; его скудный отряд кавалерии справа. Впереди были две очень глубокие траншеи. Узкая дорога, которая служила единственным входом в его лагерь, охранялась рavelинами с каждой стороны и пятью артиллерийскими орудиями.

Герцог, лично проведя разведку противника, поехал обратно, довольный тем, что спастись было невозможно. Река была слишком глубокой и широкой, чтобы плавать или переходить вброд, и лодок было очень мало. Людовик оказался запертым между двенадцатью тысячами испанских ветеранов и рекой Эмс. Армия повстанцев, хотя и не была недостаточной по численности,

находилась в состоянии дезорганизации. Они жаждали денег и не желали сражаться. Они подняли открытый мятеж на самом пороге битвы и поклялись, что немедленно расформируются, если золото, которое, как они полагали, было недавно доставлено в лагерь, не будет немедленно распределено между ними. Таково было положение вещей в то богатое событиями утро 21 июля. Все увещевания графа Луи казались бессильными. Его красноречие и терпение, уступавшие его доблести, вскоре иссякли. Он безапелляционно отказался от денег, которых они требовали, приведя самую убедительную из всех причин - пустую казну. Он ясно продемонстрировал, что в этот момент они должны были сделать свой выбор, либо одержать победу, либо подвергнуться резне. Ни бегство, ни капитуляция были невозможны. Они знали, какой пощады можно ожидать от копий испанцев или от вод Долларта. Их единственный шанс на спасение заключался в их собственных мечях. Инстинкт самосохранения, вызванный таким образом, оказал некоторое естественное воздействие.

Тем временем предстояло, по возможности, выполнить работу, которой слишком долго пренебрегали. На этой водной территории море сдерживалось только искусственными средствами. За очень короткое время, разрушив несколько дамб и открыв несколько шлюзов, вся страна, через которую предстояло пройти испанцам, могла оказаться под водой. Полагая, что еще возможно привлечь океан к своей защите, Людовик, частично приведя своих солдат к повиновению, приказал выделить сильный отряд для этой важной службы. Схватив лопату, он сам приступил к работе, а затем вернулся, чтобы привести свою армию в боевое состояние. Были открыты два или три приливных шлюза, разрушены два или три моста, когда Альва, ехавший впереди своей армии, появился в миле или двух от Йеммингена. Было восемь часов утра. Патриоты удвоили свои усилия. К десяти часам вода была уже по колено, а в некоторых местах доходила до пояса. В этот час прибыл передовой отряд испанцев. Герцог немедленно приказал выступить полутора тысячам мушкетеров. Им предшествовала рота конных карабинеров, сопровождаемая небольшим отрядом отличившихся добровольцев. Этот маленький отряд сразу же бросился на войска, занятые разрушением дамб. Повстанцы обратились в бегство при первом же натиске, и испанцы закрыли ворота. Чувствуя всю важность момента, граф Людовик приказал большому отряду мушкетеров восстановить позицию и завершить работу по затоплению. Было слишком поздно. Маленькая группа испанцев удерживала свой пост с непревзойденным упорством. Атака за атакой, залп за залпом превосходящих сил, брошенных против них, не смогли ослабить яростную хватку, с которой они держали этот ключ ко всей ситуации. Прежде чем их успели отогнать от дамб, прибыли их товарищи, и все их противники сразу же поспешно отступили в свой лагерь.

Сейчас герцог использовал почти ту же тактику, что и в сражении у аббатства Селверт. Он решил, что это дело тоже должно быть охотой, а не сражением, но предвидел, что оно будет более успешным. Не было никакой лазейки для побега, так что после небольшой удачной травли заключенные жертвы были вынуждены выскакивать из своего укрытия, чтобы погибнуть от его копий. Во время своего марша из Рейдена в то утро он позаботился о том, чтобы занять своими войсками каждый фермерский дом, каждое здание любого вида вдоль дороги. Он оставил сильную охрану на мосту в Рейдене и, таким образом, тщательно перекрыл все улицы. Те же полторы тысячи мушкетеров теперь продвигались дальше к лагерю. Этот небольшой отряд, мощный, но поддерживаемый тайно, должен был почувствовать врага, вступить с ним в перестрелку и как можно скорее выманить его из окопов. План удался. Постепенно столкновения между ними и войсками, высланными графом Людовиком, становились все более серьезными. Обнаружив, что им противостоят столь незначительные силы, взбунтовавшиеся

мятежники воспрянули духом. Работа шла жаркая. Лодроньо и Ромеро, командиры мушкетеров, встревожившись, послали к герцогу за подкреплением. В ответ он прислал сообщение, что если их недостаточно, чтобы нанести урон врагу, то они могут, по крайней мере, пока держаться самостоятельно. Он имел право многого ожидать от испанских солдат. Во всяком случае, он не должен посылать подкреплений.

Снова на них стали давить с большей теплотой; снова их посланец вернулся с тем же ответом. В третий раз они посылают самые настоятельные просьбы о помощи. Герцог по-прежнему был неумолим.

Тем временем результат этой научной ловли приближался. К полудню повстанцы, не имея возможности видеть, насколько большая часть испанской армии прибыла, начали думать, что дело не так уж серьезно. Граф Людовик отправил на реку разведывательный отряд на нескольких лодках. Они вернулись, не обнаружив никаких крупных сил. Поэтому казалось вероятным, что наводнение остановило их продвижение более успешно, чем предполагалось. Людовик, всегда слишком опрометчивый, воспламенил своих людей временным энтузиазмом. Преисполненные решимости отрезать себе путь к отступлению одним энергичным движением, вся армия, наконец, выступила из своих окопов под бой барабанов и развевающиеся знамена; но скрытые подкрепления их врагов уже были на месте. Патриоты встретили более теплый прием, чем они ожидали. Их мужество испарилось. Едва они продвинулись на триста ярдов, как весь отряд дрогнул, а затем стремительно отступил к лагерю, едва обменявшись с противником выстрелами. Граф Людовик, в неистовстве и отчаяния, перебегал от шеренги к шеренге, тщетно пытаясь сплотить свои охваченные ужасом войска. Это было безнадежно. Батарея, охранявшая дорогу, была совершенно пуста. Он сам бросился к пушке и собственноручно расстрелял их все. Это был их первый и последний выстрел. Его единственная рука, какой бы смелой она ни была, не смогла переломить ход битвы, и он был отброшен назад со своими трусливыми войсками. Мгновение спустя дон Лопе де Фигероа, возглавлявший авангард испанцев, бросился на батарею и захватил ее вместе с рavelинами. Их собственная артиллерия была направлена против повстанцев, и вскоре дорога была зачищена. Теперь испанцы в большом количестве бросились через траншеи в погоню за отступающим врагом. Не было оказано ни сопротивления, ни пощады. Все, что было предпринято, - это невозможный побег. Это была не битва, а резня. Многие нищие, спасаясь бегством, побросали свое оружие; все забыли, как им пользоваться. Их противники массово убивали их, а тех, кто избежал меча, сбрасывали в реку. Были убиты семь испанцев и семь тысяч повстанцев.

[Письмо Альвы Государственному совету. *Correspondance du Duc d'Albe*, 158. То же письмо опубликовано у Игора, iv. 245, 246. Все авторы допускают, что на стороне патриотов было убито семь тысяч человек, и число убитых испанцев оценивается не более чем в восемьдесят, даже патриотическим Метереном, 55. Сравните Бор, iv. 245-246; Эррера, av. 696; Хофд, v. 176, и Мендоса, 72.]

Стремительный отлив унес шляпы гибнущих несчастных в таком количестве вниз по течению, что жители Эмбдена узнали результат битвы за невероятно короткий промежуток времени. Перестрелка длилась с десяти часов до часу, но бойня продолжалась гораздо дольше. Требовалось время, чтобы зарезать даже не сопротивляющихся жертв. Большое количество людей укрылось на ночь на острове на реке. На следующий день во время отлива испанцы добрались до них вброд и перебили всех до единого. Многие прятались в лачугах, на болотах и в

зарослях, так что весь следующий день был занят их отслеживанием и отправкой. Предстояло сделать так много, что работы хватило бы на всех. "Не солдат, - с большой простотой говорит испанский историк, участвовавший в битве, - не солдат и даже не юноша, который хотел бы разделить победу, но мог бы найти кого-нибудь, чтобы ранить, убить, сжечь или утопить". Ранения, убийства, сожжения, утопления продолжались два дня, и очень немногим удалось спастись. Преследование на суше растянулось на три или четыре лиги вокруг, так что дороги и пастбища были усеяны телами, корсетами и другим оружием. Сам граф Людовик разделся и, когда все было кончено, спасся вплавь через Эмс. С жалкими остатками своих войск он снова укрылся в Германии.

Через два дня испанская армия двинулась обратно к Гронингену. Страница, описывающая их победоносную кампанию, запачкана возмущением и красна от крови. Ни один из ужасов, сопровождающих прохождение вражеских войск через беззащитную страну, не был опущен. Множество служанок и матрон подвергалось насилию; стариков хладнокровно убивали. Когда Альва вернулся с аррьергардом своей армии, все небо было красным от постоянного пожара; казалось, сама земля превратилась в пепел. Каждая крестьянская лачуга, каждый фермерский дом, каждая деревня по дороге были сожжены дотла. Возмущение было настолько грубым и масштабным, что главнокомандующий считал своим долгом повесить нескольких своих солдат, наиболее отличившихся в этой работе. Так закончилась кампания графа Людовика во Фрисландии. Таким знаменательным и ужасным образом герцог Альва подтвердил превосходство испанской дисциплины и своего собственного военного мастерства.

По возвращении в Гронинген были вызваны представители сословий, которые получили суровую нотацию за свое подозрительное поведение в отношении восстания. Чтобы более эффективно контролировать как провинцию, так и город, генерал-губернатор приказал построить сильную крепость, которая вскоре была начата, но так и не была завершена. Получив таким образом ключ к этому важному и сомнительному региону, он вернулся через Амстердам в Утрехт. Там его встретил его сын Фредерик с сильным подкреплением. Герцог произвел смотр всей своей армии и оказался во главе 30 000 пехотинцев и 7000 кавалеристов. Полностью подчинив провинцию, у него не было занятия для такой силы, но он воспользовался этой возможностью, отрубив голову старухе в Утрехте. Вроу ван Димен восемнадцать месяцев назад предоставила проповеднику Арендсуну ночлег в своем доме. На самом деле преступление было совершено ее зятем, который жил под ее крышей и который сам, без ее участия, оказал это опасное гостеприимство еретику; но старая леди, хотя и была набожной католичкой, была богата. Ее казнь вселила бы здоровый ужас в сердца ее соседей. Конфискация ее поместий принесла бы в государственную казну кругленькую сумму. Стало бы очевидным, что та же самая рука, которая могла одним ударом уничтожить армию из двенадцати тысяч мятежников, могла бы нанести знаковое наказание за мелкие проступки неизвестных личностей. Старую леди, которой перевалило за восемьдесят четыре года, посадили на стул на эшафоте. Она героически встретила свою смерть и с презрением отнеслась к своим убийцам. "Я очень хорошо понимаю, - заметила она, - почему мою смерть считают необходимой. Теленок жирный, и его нужно зарезать". Обращаясь к палачу, она выразила надежду, что его меч достаточно остер, "поскольку он, вероятно, нашел бы ее старую шею очень прочной". С этой ужасной пародией на трогательные предсмертные слова Анны Болейн мужественная старая леди покорилась своей судьбе.

Трагедия Дона Карлоса не относится строго к нашей теме, а именно к расцвету нидерландского содружества — ни к упадку испанской монархии, ни к жизни Филиппа Второго. Лишь тонкая нить связывает несчастного молодого принца с судьбами северной республики. Говорили, что он, без сомнения, прав, желая стать правителем Фландрии. Предполагалось также, что он вел тайную переписку с лидерами восстания в провинциях. Однако, похоже, он не пользовался их доверием. Его имя лишь однажды упоминается Вильгельмом Оранским, который сообщил в письме, что "принц Испании недавно съел шестнадцать фунтов фруктов, включая четыре фунта винограда, за один присест и вследствие этого заболел". Результат был достаточно естественным, но нигде не видно, чтобы юноша королевской крови, рожденный для столь обильного потребления плодов земли, когда-либо давал нидерландцам какие-либо другие доказательства своей способности управлять ими. Нет никаких сомнений в том, что дома он был крайне неудобным персонажем, как для себя, так и для других, и что он "очень сердечно ненавидел своего отца". Он был крайне разгневан назначением Алвы в Нидерланды, потому что надеялся, что либо король отправится туда, либо доверит миссию ему, в любом из этих случаев он должен быть на время избавлен от отцовской власти или, по крайней мере, от отцовского присутствия. По-видимому, достоверно установлено, что Карлос питал к своему отцу ненависть, которая могла привести к преступным покушениям, но нет никаких доказательств того, что такие попытки когда-либо предпринимались. Что касается сказочных любовных походов принца и королевы, то они никогда не существовали, кроме как в воображении поэтов, которые предпочли найти источник сентиментальной печали для инфанта в произвольной замене его отца на себя в брачном контракте с дочерью Генриха Второго. Поскольку Карлосу было всего двенадцать или тринадцать лет, когда он таким образом лишился невесты, которую никогда не видел, основания для страстного сожаления были весьма незначительными. Вряд ли это была бы более абсурдная фантазия, если бы поэты решили изобразить отца Филиппа, императора Карла, оплакивающего в старческом маразме потерю "кровавой Мэри", которую он так щедро уступил своему сыну. Филипп взял плохую старуху, чтобы сменить своего отца; он взял прекрасную юную принцессу за счет своего сына; но подобные изменения в государственных браках были настолько само собой разумеющимися, что в результате вряд ли могли возникнуть какие-либо эмоции. Нет никаких доказательств или каких-либо оснований предполагать, что между Доном Карлосом и его мачехой когда-либо существовали какие-либо любовные отношения.

Что касается процесса и смерти принца, тайна до сих пор не разгадана, и поле для догадок все еще открыто. Кажется неблагоприятной задачей нащупывать в темноте истину из множества источников, когда истина действительно существует в осязаемой форме, если к ней могут прикоснуться руки профанов. Секрет похоронен в недрах Ватикана. Филипп написал два письма на эту тему Пию V. Содержание первого (21 января 1568 г.) известно. Он сообщил понтифику, что был вынужден заключить его сына в тюрьму, и пообещал, что при ведении дела не упустит ничего, чего можно было бы ожидать от отца и справедливого и благоразумного короля. Второе письмо, в котором он рассказал, или предполагается, что рассказал, обо всем ходе трагических событий, вплоть до смерти и похорон принца, до сих пор не было обнародовано. Есть надежда, что это секретное послание после трех столетий темноты вскоре увидит свет.[Г-н Гашар заверил меня, что Королевская историческая комиссия с уверенностью ожидает получения копии этого важного письма.]

Поскольку Филипп обычно говорил папе правду, вполне вероятно, что тайна, когда ее однажды раскроют, будет содержать истинное решение тайны. Пока этот момент не наступит, кажется

бесполезным пытаться разобраться в этом вопросе. Тем не менее, возможно, будет полезно кратко изложить дело так, как оно есть. Что касается короля, то он опирается не на неприступный, но, безусловно, на респектабельный авторитет. Принц Оранский в своем знаменитом Извинении называет Филиппа убийцей своей жены и своего сына и говорит, что во Франции были доказательства этих фактов. Он ссылается на насильственную смерть Карлоса почти так, как если бы это была неоспоримая истина. "Что касается дона Чарльза, - говорит он, - разве он не был нашим будущим сувереном? И если отец мог выдвинуть против своего сына обвинение, достойное смертной казни, не лучше ли было бы судить его нам, чем трем или четверем монахам или инквизиторам Испании?"

Историк П. Матье рассказывает, что Филипп собрал свой совет совести; что они рекомендовали милосердие; что после этого Филипп передал дело инквизиции, трибуналом которой Карлос был объявлен еретиком из-за его связи с протестантами и за покушение на жизнь своего отца был приговорен к смертной казни, и что приговор был приведен в исполнение четырьмя рабами: двое держали за руки, один за ноги, в то время как четвертый душил его.

Де Ту приводит следующий отчет об этой сделке, почерпнув многие подробности из устных сообщений Луи де Фуа:

Филипп вообразил, что его сын вот-вот сбежит из Испании и направится в Нидерланды. Король также считал, что ему угрожает покушение со стороны Карлоса, главным доказательством чего было то, что принц всегда носил пистолеты в карманах своих свободных бриджей. Поскольку Карлос хотел всегда оставаться ночью один, без прислуги в своей комнате, де Фуа изготовил для него набор блоков, с помощью которых он мог открывать или закрывать дверь, не вставая с постели. Он всегда спал с двумя пистолетами и двумя обнаженными шпагами под подушкой, а в шкафу под рукой держал две заряженные аркебузы. Эти замечательные меры предосторожности, по-видимому, скорее указывают на глубокий страх быть убитым самому; но, тем не менее, предполагалось, что они оправдывают подозрения Филиппа в том, что Инфант замыслил отцеубийство. Однако в канун Рождества (1567 г.) Дон Карлос сказал своему духовнику, что он решил убить человека. В результате священник отказался допустить его к причастию. Принц потребовал, по крайней мере, неосвященную облатку, чтобы людям казалось, что он участвует в таинстве. Духовник отклонил это предложение и, немедленно отправившись к королю, рассказал всю историю. Филипп воскликнул, что он сам был тем человеком, которого принц намеревался убить, но что следует немедленно принять меры, чтобы предотвратить такой замысел. Затем монарх проконсультировался со Святой канцелярией инквизиции, и было принято решение арестовать его сына. Де Фуа был вынужден переделать замки на двери в комнату принца таким образом, чтобы ее можно было открыть без обычного шума, который почти наверняка разбудил бы его. Соответственно, в полночь граф Лерма проник в комнату так тихо, что все оружие было снято с подушки принца и со шкафа, не разбудив спящего. Затем Филипп, Руй Гомес, герцог де Ферия и двое других дворян бесшумно прокрались в квартиру. Карлос все еще спал так крепко, что Дерме пришлось сильно встряхнуть его за руку, прежде чем он смог проснуться. Пробудившись ото сна глубокой ночью и увидев своего отца в таком сопровождении перед своей кроватью, принц закричал, что он мертв, и горячо умолял прохожих немедленно покончить с ним. Однако Филипп заверил его, что пришел не убивать его, а по-отечески наказать и напомнить о своем долге. Затем он прочитал ему серьезную лекцию, заставил подняться с постели, забрал своих слуг и поместил его под стражу. Его заставили облачиться в траурные одежды и спать на раскладушке. Принц был в отчаянии.

Вскоре он предпринял несколько покушений на собственную жизнь. Он бросился в огонь, но был спасен своими охранниками, и вся его одежда была объята пламенем. Он провел несколько дней без еды, а потом съел столько котлет из мясного фарша, что чуть не умер от несварения желудка. Говорили также, что он пытался удушить себя алмазом, но ему помешала охрана; что он положил в постель лед; что он сидел на холодных сквозняках; что он одиннадцать дней обходился без еды, причем последний метод был, как можно было бы подумать, достаточно тщательным. Поэтому Филипп, видя, что его сын в таком отчаянии, еще раз посоветовался со Святой Канцелярией и пришел к решению, что лучше законно приговорить его к смерти, чем позволить ему умереть от собственной руки. Однако, чтобы сохранить видимость, приказ был тайно приведен в исполнение. Дона Карлоса заставили проглотить яд, подсыпанный в миску с бульоном, от которого он умер через несколько часов. Это было в начале его двадцать третьего года. Смерть скрывали несколько месяцев и обнародовали только после победы Алвы при Эммингене.

Таков был отчет, составленный де Ту на основе устных сообщений де Фуа и из других не указанных источников. Конечно, такое повествование далеко не заслуживает безоговорочного доверия. Историк был нашим современником, но он не был в Испании, и показания инженера, конечно, не заслуживают особого внимания по поводу процесса и казни (если казнь имела место); хотя они убедительны в отношении вопросов, которые были ему лично известны. В остальном, все, что можно сказать, чтобы установить, - это существование общего слуха о том, что Карлос пришел к своей смерти нечестным путем и вследствие совета, данного инквизицией.

С другой стороны, во всех письмах, написанных в тот период лицами в Мадриде, которые, судя по их положению, скорее всего, знали правду, не было найдено ни единого слова, подтверждающего насильственную смерть, которую, как утверждается, перенес Карлос. Секретарь Эрассо, папский нунций Кастанья, венецианский посланник Кавалли - все они выражают убеждение, что смерть принца была вызвана его собственным экстравагантным поведением и душевным волнением; чередованием голодания и ненасытной еды, бросанием себя в огонь, обледенением постели и подобными актами отчаяния. Почти каждый автор ссылается на инцидент с отказом священника допустить Карлоса к причастию на том основании, что он признался в смертельной ненависти к человеку, которого все считали королем. Также повсеместно считалось, что Карлос намеревался убить своего отца. Нунций спросил Спинозу (тогдашнего президента Кастилии), соответствует ли это сообщение действительности. "Если бы больше нечего было опасаться, - ответил священник, - король защитил бы себя другими мерами", но дело было хуже, если только могло быть хуже. Король, однако, созвал всех иностранных дипломатов и заверил их, что эта история была ложной. После своего ареста принц, по словам Кастаньи, пытался различными способами покончить с собой, в конце концов, много дней воздерживался от пищи и в результате умер, "рассуждая на смертном одре серьезно и как здравомыслящий человек".

Историк Кабрера, официальный панегирист Филиппу Второму, говорит о смерти Карлоса как о естественной, но оставляет мрачную тайну о симптомах его болезни. Он заявляет, что принц был судим и осужден комиссией или хунтой, состоящей из Спинозы, Руя Гомеса и лиценциата Вирвиески, но что его унесла болезнь, природу которой он не описывает.

Льоренте не нашел в записях инквизиции ничего, что доказывало бы, что Святая канцелярия когда-либо осуждала принца или возбуждала против него какой-либо процесс. Он утверждает, что был осужден комиссией, но умер от последовавшей болезни. Следует признать, что болезнь была удобной, и что такие болезни очень склонны поражать людей, которых тираны склонны устранять со своего пути, желая в то же время сохранить видимость. Конечно, было бы самонадеянно безоговорочно принимать повествование де Ты, которому буквально следуют Хофд и многие современные писатели. С другой стороны, было бы преувеличением исторического скептицизма оправдывать Филиппа за убийство его сына исключительно на основании отрицательных показаний. Люди, окружавшие суд, не верили в это преступление. Они не видели никаких доказательств этого. Конечно, они ничего не видели. Филипп позаботился бы о том, чтобы их не было, если бы он решил, что смерть принца следует считать естественной. И аргумент *priori*, который опускает личность предполагаемого преступника и чрезвычайные обстоятельства времени и места, не является удовлетворительным. Филип досконально разбирался в тайных ночных убийствах. Вскоре у нас будет возможность рассказать о сложном и изобретательном методе, с помощью которого было совершено убийство Монтины и который держался в глубокой тайне от всего мира до тех пор, пока письма королевского убийцы после трехсотлетнего перерыва не были эксгумированы и грязная тайна не раскрылась. Филипп был способен на любое преступление. Более того, в своем письме своей тете, королеве Португалии Екатерине, он отчетливо заявляет, что, подобно Аврааму, готов пойти на все в послушании Господу. "В этом вопросе, - сказал он, - я решил принести в жертву Богу свою собственную плоть и кровь и предпочесть служение Ему и всеобщее благо всем другим человеческим соображениям". Всякий раз, когда письмо Пию V. увидит свет, станет ясно, выходила ли жертва, которую монарх таким образом принес своему Богу, за рамки тюремного заключения и осуждения своего сына, или же она была завершена фактическим принесением жертвы в жертву.

Что касается самого принца, то совершенно очевидно, что, если бы он был жив, во владениях испанской короны стало бы на одного тирана больше. Карлос с самой ранней юности отличался свирепостью своего характера. Император Карл был очень доволен им, которому тогда было около четырнадцати лет, во время их первой встречи после отречения. Он льстил себе мыслью, что парень унаследовал свой собственный боевой гений вместе со своим именем. Карлос проявил большой интерес к рассказам своего деда о различных сражениях, но когда был рассказан о бегстве из Иннсбрука, он много раз с большой горячностью повторил, что никогда бы не сбежал; этой позиции он придерживался, несмотря на все доводы императора, и это его очень забавляло. Молодой принц всегда любил солдат и жадно прислушивался к рассказам о войне. У него была также привычка записывать имена всех военных, которые, согласно обычаю, часто предлагали свои услуги предполагаемому наследнику престола, и заставлял их давать торжественную клятву соблюдать свои обязательства. Однако никаких других свидетельств о его военном таланте не сохранилось. "Он был хитрым, амбициозным, жестоким, вспыльчивым, - говорит посланник Суриано, - ненавидел шутов, любил солдат". Его природная жестокость, по-видимому, проявлялась с детства. После возвращения с охоты у него вошло в привычку перерезать горло зайцам и другим животным и забавляться их предсмертными конвульсиями. Он также часто получал удовольствие, поджаривая их заживо. Однажды он получил в подарок очень большую змею от какого-то человека, который, казалось, понимал, как доставить удовольствие этому замечательному

юному принцу. Однако через некоторое время любимая рептилия позволила себе укунуть своего хозяина за палец, после чего дон Карлос немедленно отомстил, откусив ей голову.

Он был чрезвычайно разгневан предположением о том, что принц, который, как ожидалось, произойдет от брака его отца с английской королевой, однажды будет править Нидерландами, и поклялся вызвать его на смертный бой, чтобы предотвратить подобное ущемление его прав. Его отец и дед были в высшей степени поражены этим проявлением духа, но не было предписано, чтобы мир стал свидетелем исполнения этих братских намерений в отношении младенца, которому так и не суждено было родиться.

Короче говоря, свирепость, по-видимому, была главной чертой характера несчастного Карлоса. Его наставник, человек образованный и достойный, которого звали "достопочтенный Иоанн", пытался смягчить этот чрезмерный пыл темперамента с помощью курса Цицерона *de Officiis*, который он читал ему ежедневно. Однако ни красноречие Талли, ни наставления достопочтенного Джона не произвели ни малейшего впечатления на эту очень дикую натуру. С возрастом он не стал ни мудрее, ни мягче. Он был преждевременно и крайне распушен. Все деньги, которые ему были позволены в детстве, он тратил на женщин с низкой репутацией, а когда у него не оставалось ни гроша, он отдавал им свои цепочки, медали и даже одежду со своей спины. Ему доставляло удовольствие оскорблять респектабельных женщин, когда он встречал их на улицах, оскорбляя их самыми грубыми выражениями и жестами. Будучи жестоким, хитрым, свирепым и распушенным, он, казалось, сочетал в себе многие из худших качеств сумасшедшего. То, что он, вероятно, был одним из них, является лучшей защитой, которую можно предложить в оправдание его поведения. Пытаясь применить насилие к женщине, когда он учился в университете Алкалы, он упал с каменной лестницы, из-за чего долгое время лежал с тяжелой травмой головы и, как предполагалось, повредил мозг.

Черты свирепости, зафиксированные в нем за его короткую жизнь, настолько многочисленны, что человечество вряд ли может желать, чтобы она продолжалась. Однажды, когда несколько капель воды упали ему на голову из окна, когда он проходил по улице, он безапелляционно приказал своей охране сжечь дом дотла и предать мечу всех его обитателей до единого. Солдаты немедленно отправились выполнять приказ, но были более гуманны, чем их хозяин, и вернулись под тем предлогом, что в этот момент в дом было внесено Святое Причастие Виатикума. Это обращение к суеверию принца успешно приостановило исполнение преступлений, которые замышляла его непостижимая злоба. В другом случае дворянин, спавший рядом с его комнатой, не сразу ответил на звонок. Набросившись на своего замешкавшегося слугу, как только тот появился, принц схватил его на руки и собирался выбросить из окна, когда крики несчастного камергера привлекли внимание, и его вызвали на помощь.

Кардинал Эспиноза однажды случайно задержал в своем дворце актера, который по прямому приказу дон Карлоса должен был исполнить любимую роль. Взбешенный этим задержанием, принц схватил священника за горло, как только тот появился во дворце, и, выхватив его кинжал из ножен, поклялся душой своего отца, что лишит его жизни на месте. Великий инквизитор упал на колени и взмолился о пощаде, но, вероятно, только появление короля спасло ему жизнь.

В этих неуправляемых взрывах гнева часто было что-то нелепое, смешанное с жестокостью. Дон Педро Мануэль, его камергер, однажды по его приказу приказал сшить пару сапог для принца. Когда их принесли домой, они, к сожалению, оказались слишком тесными. Принц после

тщетных попыток натянуть их на себя впал в пылающую страсть. Он клялся, что это вина дона Педро, который сам всегда носил тесные ботинки, но в то же время утверждал, что на самом деле за всем этим стоит его отец. Он дал молодому дворянину пощечину за то, что тот вступил в сговор с королем против его спокойствия, а затем приказал нарезать сапоги на мелкие кусочки, тушить и приправлять. Затем, послав за провинившимся сапожником, он приказал ему съесть свои собственные сапоги, превращенные таким образом в похлебку; и несчастный механик, считавший, что его жизнь поплатилась за это, с радостью подчинился.

Даже могущественный Альва не смог избежать его насилия. Как и все люди, которым доверял его отец, герцог был ненавистен предполагаемому наследнику. Дон Карлос ненавидел его всей силой своей маленькой души. Он ненавидел его так, как только добродетельный человек заслуживает ненависти со стороны такого негодяя. Предполагаемый наследник взял Нидерланды под свое покровительство. Он даже замыслил тайно отправиться в провинции и поэтому не мог скрыть своего гнева по поводу назначения герцога. Сомнительно, чтобы страна выиграла от удовлетворения его желаний. Вполне возможно, что проделки столь злобной обезьяны были еще более пагубными, чем сосредоточенная и энергичная тирания альвы. Когда новый капитан-генерал зашел перед своим отъездом, чтобы засвидетельствовать свое почтение инфанту, герцогу, к его удивлению, показалось, что он внезапно вошел в логово дикого зверя. Дон Карлос с яростным воем бросился на него, размахивая кинжалом в руке. Он осыпал его упреками в том, что его обмануло правительство Нидерландов. Он поклялся, что Альва никогда не выполнит свою миссию и не покинет его живым. Он собирался привести в исполнение угрозу своим кинжалом, когда герцог приблизился к нему. Завязалась ожесточенная борьба. Оба вместе покатались по земле, принц кусался и наносил удары, как одержимый, герцог защищался так хорошо, как только мог, не покушаясь на жизнь своего противника. Прежде чем исход боя был решен, приближение многих людей положило конец позорной сцене. На сделку была наброшена настолько приличная завеса, насколько это было возможно, и герцог отбыл выполнять свою миссию. До конца года принц находился в тюрьме, откуда так и не вышел живым.

Фигура дона Карлоса была такой же бесформенной, как и его разум. Его голова была непропорционально большой, конечности - хрупкими, одно плечо было выше, одна нога длиннее другой. С чертами лица, напоминающими черты его отца, но со смуглым, а не светлым цветом лица, с выражением лица одновременно свирепым и глупым, и с характером таким, каким мы его обрисовали, по свидетельству тех, кто его хорошо знал, действительно странно, что он когда-либо был превращен магией поэзии в романтического героя. Такой же жестокий и хитрый, как его отец, такой же безумный, как его прабабушка, он оставил имя, которое даже его мрачная и загадочная судьба не может сделать интересным.

1568 г. [ГЛАВА IV.]

Непрекращающееся и чрезмерное варварство правительства—Казнь Антони ван Страалена из "Красного жезла" Спелле—Принцу Оранскому немецкие друзья посоветовали сохранять спокойствие—Героические настроения Оранского—Его религиозные взгляды—Его усилия в пользу веротерпимости—Его пылкое благочестие—Его публичная переписка с императором—Его "Оправдание", его "Предупреждение" и другие документы, характеризующие принца —Со значительной армией пересекает Рейн—Переправа через Маас у Стохема—Он предлагает бой Альве—Решимость герцога избежать сражения—Сравнение о его нынешнем положении по

сравнению с его предыдущим положением во Фрисландии—Виртуозная тактика герцога—Стычка на Гете—Поражение оранжистов—Смерть Хоогстраатена—Соединение с Генлисом—Приверженность Альвы своему первоначальному плану—Принц пересекает границу Франции—Переписка между Карлом IX и Оранским—Армия патриотов расформирована в Страсбурге—Комментарии Гранвеля о позиции принца—Торжествующий настрой Альвы—Празднества в Брюсселе—Колоссальная статуя Альвы, воздвигнутая им самим в цитадели Антверпена—Заступничество короля император с Филиппом—Мемориал шести выборщиков императору—Миссия эрцгерцога Карла в Испании—Его переговоры с Филиппом—Публичная и частная переписка между королем и императором—Двуличие Максимилиана—Внезапное прекращение интервенции—Предложения Гранвелля Филиппу относительно Пассауского мирного договора.

Герцог, разгромив таким образом план графа Бута и подавив восстание во Фрисландии, с триумфом вернулся в Брюссель. Ничуть не успокоенный успехами своего оружия, он с новой энергией возобновил бойню, которая на короткое время была приостановлена во время его блестящей кампании на севере. Алтари снова дымились от жертв; повешение, сожжение, утопление, обезглавливание, казалось, было обречено быть постоянным курсом его правления до тех пор, пока оставались человеческие тела, на которые могла обрушиться его фанатичная месть. Четверо выдающихся людей были казнены вскоре после его возвращения в столицу. Ранее они подверглись такому суровому наказанию на дыбе, что их пришлось отвести на эшафот и привязать к стульям, чтобы обезглавить. Этими четырьмя пострадавшими были фризский дворянин по имени Галена, секретари Эгмонта и Хорна, Баккерзель и Ла Лоо, а также выдающийся бургомистр Антверпена Энтони Ван Страален. Арест трех последних упомянутых лиц, одновременно с арестом по двум пунктам обвинения, был описан в предыдущей главе. В случае с Ван Страаленом услуги, оказанные им провинциям за время его долгой и почетной карьеры, были настолько замечательными, что даже Совет Крови, направляя его дело в Алву для вынесения приговора, руководствовался гуманными чувствами. Они испытывали такое сильное раскаяние из-за надвигающейся участи человека, который, помимо других достойных деяний, собрал почти все средства для блестящей кампании в Пикардии, которой были проиллюстрированы первые годы правления Филиппа, что наметкнули на уместность помилования. Но призыв к милосердию, хотя и исходил из уст тигров, обогранных человеческой кровью, остался без внимания тирана. Казалось странным, что человек, который обеспечивал нервы войны в этой череде непрощенных триумфов, должен разделить судьбу героя, снискавшего лавры.

[Бор, Капелла, Hoofd, ibi sup. Последними словами бургомистра, когда он подставил шею под удар палача, были: "Вур вель гедаан, кваклик белуд" — "За верную службу жестокое воздаяние". —Капелла, 232.]

Сотни безвестных мучеников теперь следовали тем же путем в другой мир, где, несомненно, они заслуживали воздаяния, если непоколебимая приверженность своей вере и спокойное доверие Богу среди пыток и смерти, слишком ужасных, чтобы их можно было описать, когда-либо находили благосклонность свыше. "Красный жезл", как в народе называли мэра Брабанта, никогда не бездействовал. Он летал от деревни к деревне по всей провинции, с присущей ему готовностью выполняя кровавые приказы своих хозяев. Тем не менее его карьере вскоре было суждено завершиться на том же самом эшафоте, где он так долго исполнял свои обязанности. Отчасти из каприза, отчасти из бескомпромиссного и фантастического чувства справедливости его хозяин теперь повесил палача, чье усердие было столь неутомимым. Приговор, который был

прикреплен к его груди во время его страданий, гласил, что он был виновен во многих злоупотреблениях; что он казнил многих людей без ордера и пострадал от многих виновных за взятку, чтобы избежать их участи. Читатель может судить, какой из двух пунктов представлял собой наиболее достаточную причину.

Во время всех этих триумфов Альвы принц Оранский не утратил самообладания. Один за другим все его смелые, умело задуманные и тщательно подготовленные планы проваливались. Виллер потерпел полное поражение при Далене, Коквиль был разбит на куски в Пикардии, и теперь доблестный и опытный Людовик потерпел полное поражение во Фрисландии. Краткий успех патриотов при Хайлигер-Зее был смыт потоками крови в Йеммингене. Тирания торжествовала еще больше, провинции притаились еще робче, чем когда-либо. Друзья, на которых полагался Вильгельм Оранский в Германии, никогда не проявлявшие энтузиазма в его деле, хотя многие из них были искренними и либеральными, теперь стали холодными и встревоженными. В течение долгих месяцев его самые верные и преданные союзники, такие люди, как курфюрст Гессенский и герцог Виртембергский, а также менее заслуживающий доверия Август Саксонский, искренне выражали свое мнение, что в сложившихся обстоятельствах ему лучше всего сидеть тихо и наблюдать за ходом событий.

Было известно, что император написал Филиппу срочное письмо по поводу его политики в Нидерландах в целом и относительно позиции Оранского в частности. Все люди, от императора до самого ничтожного властелина, казалось, теперь придерживались мнения, что принцу лучше сделать паузу; что он, действительно, обязан дожидаться исхода этого протеста. "Ваше высочество должны сидеть спокойно", - сказал ландграф Вильгельм. "Ваше высочество должны сидеть спокойно", - сказал Август Саксонский. "Вы не должны шевелить ни рукой, ни ногой за гибнущие провинции", - сказал император. "Ни один солдат - ни конный, ни пеший, ни драгунский - не будет набираться в пределах Империи. Если вы нарушите мир в королевстве и поссорите нас с нашим замечательным братом и кузеном Филиппом, это будет на ваш собственный страх и риск. Вам ничего не остается, как молчать и ждать его ответа на наше письмо". Но принц знал, какое влияние его неподвижное сидение окажет на дело свободы и религии. Он знал, какое сильное воздействие оказало письмо императора на сердце Филиппа. Он знал, что чем более непроницаемая тьма сгущается сейчас над этой роковой страной, защите которой он посвятил свою жизнь, тем настойчивее ему запрещалось отворачиваться от нее в ее скорби. Он знал, что тысячи человеческих душ, находящихся на грани гибели, ежедневно обращаются к нему как к своей единственной надежде на земле, и он был полон решимости, пока он может излучать хоть один луч света, никогда не отводить от него взгляда. В этот период трудно размышлять о его характере, не заразившись, возможно, опасным энтузиазмом. Нелегкая задача хладнокровно анализировать природу, в которой было так много самоотверженного и героического, а также ловкого и утонченного; и почти невозможно выразить эмоции, которые естественным образом переполняют сердце при созерцании такого количества активных добродетелей, не подвергая себя обвинению в чрезмерном восхищении. Сквозь туман невзгод человеческая фигура может расширяться до колоссальных и обманчивых размеров. Таким образом, возможно, наше суждение окажется в плену, но, во всяком случае, возбужденное чувство более благотворно, чем то, которое вызвано простым пролитием крови, вызванным просто эгоистичным победителем. Когда дело борца за права человека против тирании, за политическую и религиозную свободу против всепоглощающего и абсолютного фанатизма, еще труднее сдерживать почитание в законных рамках. Освободить души и тела миллионов, сохранить для великодушного народа, который

почти все потерял, те свободные институты, которые завещали его предки, было благородной задачей для любого человека. Но передо мной стоял принц древней расы, обширных владений, императорской крови, один из великих людей земли, чей путь по проторенной дороге был бы гладким и успешным, но кто был готов пролить свое богатство, как воду, и отдать кровь своего сердца, каплю за каплей, в этом добродетельном, но почти отчаянном деле. Он чувствовал, что от человека, которому так много было доверено, о многом нужно было просить. Бог наделил его острым и всеобъемлющим гением, непоколебимой силой духа, а также положением и богатством, которые позволяют человеку использовать свои способности во вред или на счастье своих ближних в самых широких масштабах. Принц чувствовал ответственность, и мир должен был узнать о результате.

Примерно в это время в его сознании произошла глубокая перемена. До сих пор, хотя номинально он был приобщен к общине древней Церкви, его образ жизни и образ мыслей не побуждали его очень серьезно относиться к вещам за пределами этого мира. Суровые обязанности, серьезный характер дела, которому отныне предстояло посвятить свои дни, уже привели его к более внимательному изучению основных атрибутов христианства. Теперь он был пожизненно зачислен солдатом Реформации. Отныне Реформация была его родиной, сферой его долга и привязанности. Религиозные реформаторы становились его братьями, будь то во Франции, Германии, Нидерландах или Англии. И все же его ум взлетел выше, чем у самых выдающихся реформаторов. Его целью была не новая доктрина, а религиозная свобода. В эпоху, когда думать было преступлением, когда фанатизм и дух преследования были характерны для католиков и лютеран, кальвинистов и цвинглианцев, он осмелился объявить свободу совести великой целью, к которой должны стремиться благородные натуры. В эпоху, когда терпимость была пороком, у него хватило мужества культивировать ее как добродетель. Его прощальный совет нидерландским реформаторам, когда он покидал их на сезон весной 1567 года, состоял в том, чтобы устранить все мелкие разногласия в религиозном союзе. Представители Аугсбургского исповедания и кальвинистской церкви, по их собственному мнению, столь же неспособные смешиваться, как масло и вода, были, по его мнению, способны к дружескому объединению. Он красноречиво призывал добрых и влиятельных представителей всех партий объединиться в одном общем деле против угнетения. Даже с каждым днем все больше отдавая предпочтение делу очищенной Церкви и с каждым днем все острее ощущая развращенность Рима, он все же был готов терпимо относиться ко всем формам богослужения и предоставить разум бороться с заблуждениями.

Без капли ханжества или фанатизма он стал глубоко религиозным человеком. До сих пор он был всего лишь светским человеком и государственным деятелем, но с этого времени он начал спокойно полагаться на Божье провидение во всех чрезвычайных ситуациях своей богатой событиями жизни. Его письма, написанные его самым близким друзьям, которые должны быть прочитаны только ими самими и на которые другие глаза не смотрели до тех пор, пока не прошло почти три столетия, с избытком доказывают его искреннее и простое доверие. Это чувство не предполагалось для эффекта, чтобы вводить в заблуждение других, но лелеялось как тайная поддержка для него самого. Его религия была не прикрытием для его замыслов, а утешением в его бедствиях. В своем инструктивном письме своему самому доверенному агенту Джону Базиусу, хотя он откровенно заявлял о своей поддержке протестантских принципов, он выразил свое крайнее отвращение к преследованиям католиков. "Если мы получим власть над каким-либо городом или поселками, - писал он, - пусть общины папистов будут как можно более уважаемыми и защищенными. Пусть они будут побеждены не насилием, а мягкосердечием и

добродетельным обращением". После ужасной катастрофы при Еммингене он написал Людовiku, в самых нежных выражениях утешая его в связи с печальным исходом его кампании. От него не ускользнуло ни слова упрека, хотя его брат руководил операциями во Фрисландии после битвы при Хайлигер-Ли в манере, совершенно противоречащей его собственному совету. Он советовал не вступать в битву и предсказывал поражение; но после того, как битва состоялась и было нанесено сокрушительное поражение, его речь дышала только непоколебимой покорностью воле Божьей и неизменной уверенностью в своем собственном мужестве. "Ты можешь быть вполне уверен, брат мой, - писал он, - что я никогда не чувствовал ничего более остро, чем прискорбное несчастье, случившееся с тобой, по многим причинам, которые ты легко можешь себе представить. Более того, это сильно мешает нам взимать налоги, которые мы производим, и сильно охладило сердца тех, кто в противном случае был бы готов оказать нам помощь. Тем не менее, поскольку Богу так угодно, необходимо набраться терпения и не терять мужества; подчиняясь Его божественной воле, что я, со своей стороны, решил делать во всем, что может случиться, продолжая продвигаться вперед в нашей работе с его Всемогущей помощью. "Soevis tranquillus in undis", он никогда не был так спокоен, как в самую сильную бурю и самую темную ночь. Он черпал утешение и освежал свое мужество в неиссякающих источниках Божественного милосердия.

"Я уезжаю завтра, - писал он недостойной Анне Саксонской, - но когда я вернусь или когда увижу вас, клянусь честью, я не могу сказать вам с уверенностью. Я решил вверить себя в руки Всемогущего, чтобы он мог направить меня туда, куда Ему угодно, чтобы я отправился. Я достаточно хорошо вижу, что мне суждено провести эту жизнь в страданиях и труде, чем я вполне доволен, поскольку это угодно Всемогущему, ибо я знаю, что заслужил еще большее наказание. Я только умоляю Его милостиво послать мне силы терпеливо переносить это".

Такой язык в письмах, самых личных, не предназначенных для того, чтобы их видели другие глаза, кроме тех, которым они были адресованы, является трогательным свидетельством искреннего благочестия его характера. Ни один человек никогда не был более предан высокой цели, ни один человек никогда не имел большего права воображать, что ему доверена божественная миссия, или меньшей склонности называть себя таковым. В его характере не было ничего от шарлатана. Его натура была верной и непоколебимой. Ни один узколобый узурпатор никогда не был так предан своему собственному возвышению, как этот великодушный человек делу угнетенного человечества. И все же было неизбежно, что низменные умы не смогли бы распознать его чистоту. В то время как он потратил всю свою жизнь на освобождение народа, было легко приписать всю его борьбу надежде основать династию. Для пресмыкающихся натур было естественно искать в грубой почве личных интересов питающие корни дерева, под ветвями которого нация нашла свое убежище. Что они могли понять о живых источниках и небесной росе?

В мае 1568 года император Максимилиан официально потребовал от принца Оранского сложить оружие и воздержаться от всех поборов и махинаций против короля Испании и мира в королевстве. Этому призыву ему было приказано подчиниться под страхом лишения всех прав, феодальных владений, привилегий и дарований, дарованных императорскими руками ему или его предшественникам, и навлечь на себя самый тяжелый позор, наказание и кары Империи.

На этот документ принц ответил в августе, уделив тем временам мало внимания его предписаниям. Теперь, когда император, который поначалу был благосклонен, начал

неодобрительно относиться к его начинанию, он не ослаблял своих усилий привести свою армию в боевое состояние. Один за другим те из князей империи, которые были наиболее стойкими в его деле и по-прежнему были наиболее дружелюбны к его особе, становились все холоднее по мере усиления тирании; но их отчаяние охладило пыл князя не больше, чем свержение при Еммингене, которое было ее причиной. В августе он ответил на письмо императора почтительно, но тепло. Он по-прежнему обличал тиранию Альвы и искусство Гранвеля с тем энергичным красноречием, которое всегда было в его распоряжении, в то время как, как обычно, демонстрировал почти преувеличенное уважение к их монарху. По его словам, нельзя было предполагать, что его величество, "король добродушный и щедрый", когда-либо замышлял такие жестокости, как те, которые были быстро воспроизведены в письме, но было несомненно, что герцог Алва совершил их по собственной инициативе. Более того, он надеялся, что император, прочитав "Оправдание", недавно опубликованное принцем, оценит причину, по которой он взялся за оружие. Он надеялся, что теперь его величество сочтет сопротивление справедливым, христианским и соответствующим общественному спокойствию. Он выразил убеждение, что вместо того, чтобы чинить какие-либо препятствия, его Величество впредь будет оказывать помощь "бедным и покинутым христианам", даже несмотря на то, что должность и полномочия его Величества заключались в том, чтобы быть последним прибежищем для пострадавших.

"Оправдание принцем Оранским ложных обвинений своих клеветников", на которое таким образом ссылался принц, упоминалось в предыдущей главе. Этот замечательный документ был составлен по совету его друзей, ландграфа Вильгельма и курфюрста Августа, но это был не единственный документ, который принц распорядился опубликовать в эту важную эпоху. Он официально объявил войну герцогу Алва; он обратился с торжественным и красноречивым предупреждением или прокламацией ко всем жителям Нидерландов. Все эти документы чрезвычайно важны и интересны. Их фразеология показывает намерения и дух, которыми руководствовался принц, впервые вступив в борьбу. Без принца и его усилий на данном этапе, вероятно, никогда бы не было свободного Нидерландского содружества. Несомненно также, что без восторженной страсти к гражданским и религиозным свободам, охватившей массы нидерландского народа, усилия принца не увенчались бы успехом. Он знал своих соотечественников; в то время как они, от самых высоких до самых скромных, признавали в нем своего спасителя. Однако не было никаких намеков на революционное движение. Принц пришел поддержать, а не свергнуть. Его целью было восстановить свободу, которой пользовались в провинциях до воцарения бургундской династии. Позиция, которую он занял сейчас, была необычной в истории. Этот защитник народного дела не установил никаких революционных стандартов. Во всех своих документах он явно преклонялся перед властью короля. С помощью вымысла, который не был нефилофским, он предположил, что монарх был неспособен на преступления, в которых он обвинял вице-короля. Таким образом, он не принял на себя роль вооруженного мятежника против своего принца, но в своем собственном качестве суверена он набрал войска и вел войну против сатрапа, которого предпочел считать нарушившим приказы своего господина. В интересах Филиппа, которые, как предполагалось, были идентичны благополучию его народа, он поднял оружие против тирана, который жертвовал обоими. Эта маска преданности никогда не спасла бы его голову от плахи, как он хорошо знал, но на некоторых таких возвышенных людей, как он, возможно, повлияла благородная софистика, которая стремилась укрепить дело народа, приписывая королю добродетель.

И таким образом правитель незначительного маленького княжества смело выступил на битву с самым могущественным монархом в мире. За свой счет и ценой почти нечеловеческих усилий он собрал почти тридцать тысяч человек. Теперь он смело заявлял миру, и особенно жителям провинций, о своих мотивах, своих целях и своих надеждах.

"Мы, милостью Божьей принц Оранский, - говорилось в его заявлении от 31 августа 1568 года, - приветствуем всех верных подданных его Величества. Мало кому известно, что испанцы в течение длительного времени стремились управлять страной в соответствии со своим удовольствием. Злоупотребляя добротой его величества, они убедили его издать указ о введении инквизиции в Нидерландах. Они хорошо понимали, что в случае, если удастся заставить нидерландцев мириться с его введением, они потеряют всякую защиту своей свободы; что, если они будут противиться его введению, они превратят эти богатые провинции в обширное поле для грабежа. Мы надеялись, что его величество, приняв дело близко к сердцу, уберет свои наследственные провинции от такого полного разорения. Мы обнаружили, что наши надежды тщетны. Из-за нашей верной службы его Величеству и нашего истинного сострадания к верным подданным мы не можем больше спокойно смотреть на подобные убийства, грабежи, бесчинства и агонию. Более того, мы уверены, что его величество был плохо информирован о делах Нидерландов. Поэтому мы беремся за оружие, чтобы противостоять жестокой тирании испанцев с помощью милосердного Бога, который является врагом всякой кровожадности. С радостью поставив на кон нашу жизнь и все наши мирские богатства, мы теперь, слава Богу, располагаем превосходной армией кавалерии, пехоты и артиллерии, собранной за наш собственный счет. Мы призываем всех верноподданных Нидерландов прийти и помочь нам. Пусть они примут близко к сердцу крайнюю нужду страны, опасность вечного рабства для себя и своих детей и полного ниспровержения евангелической религии. Только когда кровожадность Алвы будет наконец подавлена, провинции смогут надеяться на восстановление чистого отправления правосудия и процветающее состояние своего содружества".

В "предупреждении" или воззвании ко всем жителям Нидерландов принц выразил аналогичные чувства. Он объявил о своем намерении навсегда изгнать испанцев из страны. Для осуществления этого грандиозного начинания были необходимы деньги. Соответственно, он призвал своих соотечественников внести свой вклад - богатых из-за их изобилия, бедных даже из-за их бедности - в продвижение этого дела. Для этого, пока еще было время, он торжественно предупредил их "перед Богом, отечеством и миром". После названия этой статьи были процитированы 28-й, 29-й и 30-й стихи десятой главы книги Притчей. К документу также был прикреплен любимый девиз принца: "pro lege, rege, grege".

Однако эти призывы возымели незначительный эффект. Из трехсот тысяч крон, обещанных Маркусом Пересом от имени ведущих дворян и купцов Нидерландов, на руки пришло десять или двенадцать тысяч. Призывы к джентльменам, подписавшим Компромисс, и ко многим другим, кто в прошлом благосклонно относился к либеральной партии, были бессильны. Бедный проповедник-анабаптист собрал небольшую сумму у общины беженцев на окраине Голландии и, рискуя жизнью, привез ее в лагерь принца. По его словам, это исходило от людей, чья воля была лучше подарка. По его словам, они никогда не желали, чтобы им платили чем-то другим, кроме доброты, когда дело реформ должно восторжествовать в Нидерландах. Принц подписал квитанцию на получение денег, выразив, что тронут сочувствием этих бедных отверженных. Со временем были получены и другие пожертвования из аналогичных

источников, в основном собранные несогласными проповедниками, голодающими и преследуемыми церковными общинами. Нищие изгнанники внесли гораздо больший вклад в установление гражданской и религиозной свободы, чем богатые торговцы или надменная знать.

В конце сентября принц собрал свою армию в провинции Трев, недалеко от монастыря Ромерсдорф. Его силы составляли почти тридцать тысяч человек, из которых девять тысяч были кавалерией. Люми, граф де ла Марек, теперь присоединился к нему во главе отборного отряда солдат; смелый, свирепый партизан, происходивший от знаменитого арденнского Дикого кабана. Подобно Цивилису, древнему батавскому герою, он поклялся не стричь волосы и бороду до тех пор, пока не будет достигнуто освобождение страны или, по крайней мере, пока смерть Эгмонта, кровным родственником которого он был, не будет отомщена. Вполне вероятно, что свирепое поведение этого вождя и особенно жестокость, проявленная его войсками по отношению к монахам и папистам, опозорили дело больше, чем их доблесть могла продвинуть его вперед. Но в те бурные времена такими грубыми, но острыми инструментами вряд ли можно было пренебрегать, и имя Люми навсегда осталось связанным с важными триумфами либерального дела.

Однако патриотам было суждено снискать лишь несколько лавров в этой кампании. Принц пересек Рейн у Сен-Фейта, деревни, принадлежавшей ему самому. Он спустился по берегу до самых окрестностей Кельна. Затем, после того как он колебался в явной неуверенности относительно территорий Жюльера и Лимбурга, он внезапно, яркой лунной ночью, переправился через Маас со всей своей армией в окрестностях Стохема. Операция была проведена блестяще. Компактный отряд кавалерии, согласно плану, который не раз принимался Юлием Цезарем, был размещен посреди течения, под прикрытием которого вся армия успешно перешла реку вброд. Река Маас была более мелкой, чем обычно, но вода доходила солдатам до шеи. Этот подвиг был совершен ночью и утром 4 и 5 октября. Это считалось настолько смелым достижением, что слава о нем распространилась повсюду. Испанцы начали трепетать перед доблестью принца, которого они притворялись, что презирают. Сам факт этого отрывка был категорически опровергнут. Несчастный бюргер в Амстердаме был подвергнут бичеванию у столба для битья, потому что он упомянул об этом как о общеизвестном факте. Герцог Алва отказался поверить в эту историю, когда ему ее озвучили. "Неужели армия принца Оранского - это стая диких гусей, - спросил он, - раз она может перелетать такие реки, как Маас?" Тем не менее это было правдой. Объявленный вне закона, изгнанный принц снова стоял на границах Брабанта, за его спиной была дисциплинированная армия. На его знаменах были патриотические надписи. На некоторых было написано "Pro Lege, Rege, Grege". Пеликан, разрывающий свою грудь, чтобы напоить детенышей своей живой кровью, был трогательной эмблемой других. Это была его решимость вынудить герцога Алвы вступить в генеральное сражение. Он желал смыть позор с Йеммингена. Если бы он мог водрузить свой победоносный штандарт таким образом в самом центре страны, он чувствовал, что тысячи людей сплотились бы вокруг него. Страна поднялась бы почти до уровня человека, если бы он одержал победу над тираном, разгоряченный победой и насытившийся кровью.

С развевающимися знаменами, барабанным боем, звуками труб, со всей помпой и вызывающим видом, на какие только был способен уже победоносный генерал, Оранский вошел в Брабант и занял позицию в шести тысячах шагов от лагеря Альвы. Его план состоял в том, чтобы всеми возможными способами отважить противника или заманить его в ловушку на

пораженном поле боя. Губернатор обосновался в местечке под названием Кейзерслегер, которое когда-то занимал Юлий Цезарь. Город Мейстрихт находился в непосредственной близости от него, который, таким образом, был полностью под его защитой, пока снабжал его припасами. Принц послал к герцогу герольда, который должен был предложить обменять всех пленных, которые могут быть захвачены в предстоящей кампании, вместо казни. Герольд, в сапогах и со шпорами, спешившись с лошади, был немедленно повешен. Это был важный ответ на миссию милосердия. Альва не вел переговоров с повстанцами перед битвой и не давал пощады после нее.

Тем временем герцог тщательно изучил все положение дел и пришел к своему выводу. Он был полон решимости не сражаться. Было очевидно, что принц будет предлагать битву охотно, демонстративно, часто, но губернатор был полон решимости никогда не принимать участия в битве. Однажды приняв, его решение было неизменным. Он осознал важную разницу между своим нынешним отношением к жизни и тем, в котором он оказался прошлым летом во Фрисландии. Там сражение было необходимо, теперь было более целесообразно победить врага путем промедления. Во Фрисландии повстанцы только что одержали победу над отборными войсками Испании. Здесь они страдали от клейма сокрушительного поражения. Тогда армия Луи Нассау ежедневно пополнялась новобранцами, которые прибывали со всей округи. Теперь ни крестьянин, ни дворянин не смели и пальцем пошевелить ради принца. Армию Людовика поддерживала та, которую, как было известно, готовил его брат. Если бы их передвижение не было остановлено, произошло бы столкновение. Вооруженное восстание приняло бы тогда столь грозный характер, что мятеж даже для робких людей казался бы более безопасным выбором, чем лояльность. Армия принца, напротив, была теперь последней надеждой патриотов.: Три армии, которые ей предшествовали, были последовательно и убедительно разгромлены.

Фрисландия, опять же, находилась на окраине страны. Поражение, понесенное тамошним правительством, не обязательно ставило под угрозу владение провинциями. Брабант, напротив, был сердцем Нидерландов. Если принц добьется решающего триумфа тогда и там, он станет хозяином судьбы страны. Вице-король знал, что он отвратителен, и правил с помощью террора. Принц был объектом народного идолопоклонства, и они сплотились бы вокруг него, если бы осмелились. Победа, одержанная освободителем над тираном, уничтожила бы ужасный талисман непобедимости, с помощью которого правили Альвы. Герцог в достаточной мере продемонстрировал свою дерзость в жестоком наказании, которому он подверг мятежников при Людовике. Теперь он мог позволить себе играть в научную игру, в которой был таким глубоким мастером, не рискуя потерять уважение или авторитет. Он не был энтузиастом. Хотя он, несомненно, был достаточно уверен в том, что одолеет принца в решающей битве, у него не было достаточного наслаждения радостями состязания, чтобы быть готовым рискнуть даже отдаленной возможностью поражения. Его силы, хотя и состояли из ветеранов и лучших мушкетеров и пикинеров Европы, все же несколько уступали по численности его противнику. Против двадцати тысяч пеших и восьми тысяч оранской конницы он мог противопоставить только пятнадцать или шестнадцать тысяч пеших и пятьдесят пять сотен всадников. Более того, преимущество, которым он обладал во Фрисландии, стране, благоприятной только для пехоты, в которой он был сильнее своего противника, теперь перешло к его новому врагу. На равнинах Брабанта превосходство принца в кавалерии, несомненно, сказывалось. Время года также было важным элементом в расчетах. Одна только зима вскоре разогнала бы банды немецких наемников, расходы которых Orange не смогла покрыть, даже находясь на действительной

службе. С невыплаченным жалованьем и обманутыми надеждами на грабеж армия повстанцев исчезла бы через несколько недель так же бесследно, как если бы была разбита в открытом поле. Короче говоря, Оранж в результате победы обрел бы новую жизнь и силу, в то время как его поражение могло лишь на несколько недель предвосхитить уничтожение его армии, которое и без того было неизбежно. Алва, напротив, в случае неудачи может потерять господство над Нидерландами и не получит существенного преимущества в случае победы. Принцу было на что надеяться, герцогу - чего опасаться в результате общих действий.

План, обдуманый таким образом, был выполнен с безупречной точностью. Как произведение искусства, нынешняя кампания Альвы против Оранжа была более совершенным шедевром, чем более блестящая и лихая экспедиция во Фрисландию. Герцог решил держаться за юбку своего противника, следовать за ним шаг за шагом, останавливать его на каждом шагу, преследовать сотней способов, срывать все его предприятия, парировать все его удары и, наконец, изгнать его из страны после совершенно бесплодной кампании, когда, как он был уверен, его плохо оплачиваемые наемники разбегутся во всех направлениях, оставив их патриота-принца беспомощным авантюристом без гроша в кармане. Хитроумно задуманный план его противник, несмотря на все свои усилия, не смог обойти.

Кампания длилась чуть больше месяца. Двадцать девять раз принц менял свой лагерь, и при каждом переходе герцог по-прежнему был у него за спиной, такой же близкий и, казалось, неосязаемый, как его тень. Трижды они были на расстоянии пушечного выстрела друг от друга; дважды между ними не было ни единой траншеи или вала. Жители деревни отказывались от припасов принца, ибо трепетали перед местью губернатора. Алва приказал снять железо со всех мельниц, так что во всей провинции нельзя было намолоть ни бушеля зерна. Таким образом, в стране было очень мало фуража для тридцати тысяч солдат принца. Войска, и без того недовольные, требовали жалованья и грабежей. Во время одной мятежной демонстрации меч принца был выбит из его бока, и всеобщее восстание было подавлено с трудом. Солдаты были обезумевшими и замученными тактикой Альвы. Они постоянно оказывались в присутствии врага, который, казалось, в один момент затевал битву и исчезал, как призрак, в следующий момент. Они чувствовали приближение зимы и с каждым днем становились все более недовольными раздражающими трудностями, которым они подвергались. В ночь с 5 на 6 октября принц переправился через Маас у Стохема. Оттуда он направился к Тонгру, сопровождаемый вражескими войсками, которые расположились лагерем в непосредственной близости. Из Тонгреса он перебрался в Сен-Тронд, все еще преследуемый и все так же сбитый с толку той же осторожной манерой. Перестрелки на аванпостах были непрекращающимися, но основные силы были отведены, как только появилась вероятность их участия.

Из Сен-Тронда, в окрестностях которого он оставался несколько дней, он двинулся в южном направлении к Жодуаню. Граф де Жанлис с подкреплением из французских гугенотов, которого ожидал принц, проник через Арденны, переправился через Маас у Шарлемона и теперь намеревался соединиться с ним у Ваверона. Между ними протекала река Гета. Принц разместил значительные силы на холме у ручья, чтобы защитить проход, а затем не спеша переправил свою армию через реку. Граф Хоогстраатен с арьергардом, состоявшим примерно из трех тысяч человек, остался один на том берегу, чтобы спровоцировать или соблазнить врага, который, как обычно, расположился лагерем совсем рядом. Альва отказался атаковать основную армию, но Фредерик с отрядом в четыре тысячи человек остался один на этом берегу, чтобы спровоцировать или соблазнить врага, который, как обычно, расположился лагерем совсем

рядом. Альва отказался атаковать основную армию, но быстро выделил своего сына, донна Фредрика, с отрядом в четыре тысячи пехотинцев и три тысячи всадников, чтобы отрезать арьергард. Движение было произведено мастерски, холм был взят, трехтысячное войско, не перешедшее реку, было разбито на части, и Вителли поспешно отправил дворянина по имени Барберини умолять герцога выступить с основными силами, переправиться через реку и раз и навсегда истребить мятежников в генеральном сражении. Альва, воспламененный не пылом предстоящего триумфа, а яростью из-за того, что его мудро продуманные планы не могли быть поняты даже его сыном и его любимыми офицерами, ответил нетерпеливому гонцу с безапелляционной яростью. "Возвращайтесь к Вителли", - крикнул он. "Кто будет командовать в этой кампании - он или я? Скажите ему, чтобы он не позволил ни одному человеку перейти реку. Предупреди его, чтобы он больше не посылал послов советовать о битве; ибо, если ты или кто-либо другой осмелится принести мне еще одно подобное послание, я клянусь тебе головой короля, что ты не уйдешь отсюда живым.

Получив этот решительный ответ, гонцу ничего не оставалось, как со всей поспешностью поскакать назад, чтобы принять участие в том, что могло остаться от бойни войск графа Хогстраатена, и помешать Вителли и дону Фредерику в их несвоевременном порыве перейти реку. Это было сделано должным образом, в то время как тем временем весь арьергард патриотов был перебит. Сотня или две, последние, кто остался, бежали с поля боя и укрылись в доме по соседству. Испанцы поджигали здания и, стоя вокруг с поднятыми копьями, предлагали беглецам выбор: сгореть в огне или броситься на их копья. Оказавшись в ловушке, одни избрали один путь, другие - другой. Несколько человек, спасаясь от ярости огня и жестокости испанцев, закололи себя собственными мечами. Другие обнимались, а затем убивали друг друга, враги снизу наблюдали за происходящим, как на театральном представлении; то шипели, то аплодировали, поскольку смертельная схватка была им более или менее по вкусу. Через несколько минут все беглецы были мертвы. В этом бою погибло почти три тысячи патриотов, включая тех, кто был сожжен или зарезан после окончания битвы. Сьер де Луверваль был взят в плен и вскоре после этого обезглавлен в Брюсселе; но самым большим несчастьем, постигшим либеральную партию в связи с этим, была смерть Антония де Лалена, графа Хоогстраатена. Этот храбрый и великодушный дворянин, испытанный друг принца Оранского и его соратник во время памятных сцен в Антверпене, был ранен в ногу во время боя случайным выстрелом из собственного пистолета. Травма, хотя и казавшаяся легкой, стала причиной его смерти через несколько дней. Казалось странным совпадение его доброй и злой судьбы. Случайное ранение в руку из его собственного пистолета, когда он направлялся в Брюссель, чтобы поприветствовать Алву по прибытии, спасло его от эшафота. И вот теперь, в его первом серьезном сражении с герцогом, этому, казалось бы, пустяковому ранению в ногу было суждено положить конец его существованию. Это событие ознаменовалось еще одним странным обстоятельством. Во время веселого ужина в ходе этой кампании Хоогстраатен в грубой солдатской манере подшутил над графом Людовиком, рассказав о его катастрофе при Йеммингене. Он притворился, что верит в то, что в отступлении по этому поводу не было необходимости. "Мы уже много дней находимся в Нидерландах, - сказал он, - и не видели испанцев, кроме их спин". — "А когда герцог вырвется на свободу, - ответил Людовик, несколько уязвленный, - я ручаюсь, что вы довольно скоро увидите их лица и запомните их на всю оставшуюся жизнь". Таким образом, этому полушутливому замечанию было суждено стать мрачным пророчеством.

Это было единственное важное действие в рамках кампании. Полный успех операции не повлиял на намерения Альвы, и, несмотря на ропот многих его офицеров, он остался тверд в своем решении. После окончания битвы при Гете и упрямого отказа герцога воспользоваться своим преимуществом барон де Шевро в его присутствии швырнул свой пистолет на землю, воскликнув, что герцог никогда не будет сражаться. Губернатор улыбнулся огорчению молодого человека, казалось, даже одобрил его энтузиазм, но напомнил ему, что дело офицера - сражаться, а генерала - побеждать. Если победа будет бескровной, тем лучше для всех.

Эта акция состоялась 20 октября. Несколько дней спустя принц соединился с Генлисом в Ваверене, местечке примерно в трех лье от Лувена и Брюсселя. Эти вспомогательные силы были, однако, незначительными. Там было всего пятьсот кавалеристов и три тысячи пехотинцев, но женщин и детей было так много, что это скорее походило на эмигрирующую колонию, чем на армию вторжения. Они прибыли поздно. Если бы они пришли раньше, это не имело бы большого значения, поскольку было написано, что в этой кампании лавров не будет. Братский дух, который существовал между реформаторами во всех странах, - это все, что могло проявиться в тот раз. Принц потерпел крушение в своих надеждах на генеральное сражение, еще более горькое разочарование вызвала пассивность страны. Ни один голос не был поднят, чтобы приветствовать освободителя. Ни один город не открыл своих ворот. Все было скорчено, безмолвно, униженно. Восстание, которое, возможно, было бы всеобщим, если бы была одержана блестящая победа, благодаря виртуозной тактике Альвы превратилось в почти невыносимую идею. Мятельные демонстрации в лагере принца стали непрекращающимися; солдаты были недовольны и утомлены. То, что предсказал герцог, сбывалось, ибо армия принца уже распадалась.

Генлис и другие французские офицеры желали, чтобы принц на время оставил Нидерланды и пришел на помощь гугенотам, которые снова возобновили религиозную войну под предводительством Конде и Колиньи. Немецкие солдаты, однако, не захотели слушать такое предложение. Они завербовались сражаться с герцогом Альва в Нидерландах и не хотели о войне против Карла IX во Франции. Принцу пришлось совершить контрмарш в сторону Рейна. Он снова пересек Гету, к некоторому удивлению Альвы, и двинулся в направлении Мааса. Однако осенние дожди сильно разлили эту реку с тех пор, как он перешел ее в начале месяца, так что перейти ее вброд было уже невозможно. Он приблизился к городу Льеж и призвал их епископа, как он сделал при своем въезде в страну, чтобы тот предоставил свободный проход его войскам. Епископ, который благоговел перед Альвой, и который снова принял его защиту, отказался. У принца не было времени на переговоры. Он снова был вынужден совершить контрмарш и направился по большой дороге во Францию, по-прежнему находясь под пристальным наблюдением Альвы, между войсками которого и его собственными происходили ежедневные стычки. При Ле-Кенуа принц получил незначительное преимущество над испанцами; при Като-Камбрези он также одержал небольшую и легкую победу; но к 17 ноября герцог Альва вступил в Като-Камбрези, и принц пересек границу Франции.

Маршал де Коссе, стоявший на границе Франции и Фландрии, теперь преследовал принца, используя тактику, очень похожую на тактику Альвы. Однако он был слишком слаб, чтобы нанести какой-либо серьезный ущерб, хотя и достаточно силен, чтобы постоянно раздражать. Он также отправил секретаря к принцу с официальным запретом от имени Карла IX на его въезд на территорию Франции со своими войсками.

Помимо этих переговоров, которые вел секретарь Фавель со стороны маршала де Коссе, король, который был чрезмерно встревожен, также отправил маршала Гаспара де Шомберга на ту же службу. Соответственно, этот посланник обратился к принцу с официальным протестом от имени своего государя. Карл IX, который был представлен, счел очень странным, что принц таким образом въехал на территорию Франции. Король не знал, что он когда-либо давал ему ни малейшего повода для враждебных действий, и поэтому не мог спокойно отнестись к тому, что принц таким образом вторгся во Францию с "большой и могучей армией"; потому что ни один властитель, каким бы скромным он ни был, не мог допустить такого поведения, не говоря уже о великом и могущественном монархе. Поэтому Оранж был вызван, чтобы заявить о своих намерениях, но в то же время был проинформирован, что если он просто желает "дружелюбно проехать по стране" и даст заверение и запросит разрешение на это, заверенное его рукой и печатью, его Величество примет все необходимые меры для обеспечения такого дружелюбного проезда.

Принц в ответ сослался на заявления, которые он уже сделал маршалу де Коссе. Он утверждал, что прибыл во Францию не со злым умыслом, а скорее с желанием оказать очень скромную услугу его Величеству, насколько это было возможно с чистой совестью.

Коснувшись неспособности короля припомнить, чтобы он давал какой-либо повод для враждебных действий со стороны принца, он ответил, что пропустит этот вопрос мимо ушей. Хотя он мог привести множество разнообразных и веских причин для насильственных мер, он не был настолько лишен понимания, чтобы не признать тщетность попыток что-либо предпринять своими личными средствами против столь великого и могущественного Короля, по сравнению с которым он был "всего лишь мелким товарищем".

"Поскольку истинная религия, - продолжал Оранж, - это общественное дело, которому следует отдавать предпочтение перед всеми частными делами; поскольку принц, как истинный христианин, обязан своей честью и совестью всеми силами способствовать ее продвижению и утверждению где бы то ни было; поскольку, с другой стороны, согласно указу, опубликованному его Величеством в сентябре прошлого года, предпринимались попытки заставить поверить в свою совесть всех тех, кто придерживается христианской религии; и поскольку было решено уничтожить чистое слово Божье и все его осуществление, а также не допускать никакой другой религии, кроме римско-католической, что очень вредно для соседних народов, где существует свободное исповедание христианской религии, поэтому принц не поверил бы утверждениям его Величества, что в намерения его Величества не входило принуждать чью-либо совесть".

Приведя это очень преднамеренное и краткое противоречие заявлениям французского короля, принц продолжил выражать свое сочувствие угнетенным христианам во всем мире. Он заверил, что окажет им всю помощь, утешение, совет и подмогу, которые только сможет оказать. Он выразил свое убеждение в том, что люди, исповедующие эту религию, не требуют ничего иного, кроме славы Божьей и распространения Его слова, в то время как во всех вопросах гражданского устройства они готовы повиноваться его Величеству. Он добавил, что всеми его поступками руководило христианское и нежное отношение к королю и его подданным, которых его Величество, должно быть, желает уберечь от крайнего разорения. Более того, он заявил, что если он заметит какие-либо признаки того, что приверженцы этой религии преследуют какую-либо иную цель, кроме свободы совести и безопасности жизни и имущества, он не только откажется от своей помощи им, но и использует всю силу своей армии для их уничтожения. В

заклучение он умолял короля поверить, что дело, за которое взялся принц, было христианским делом и что его намерения были добрыми и дружественными по отношению к его Величеству.

[Это очень красноречиво написанное письмо датировано Сезоном, 3 декабря 1568 года. Оно никогда не публиковалось. Это находится в Коллекции MSS, Pivoen concernant и др., Гаагский архив.]

Однако тщетно принц пытался склонить свою армию попытать счастья в гражданской войне во Франции. Они завербовались в Нидерланды, кампания закончилась, и они настояли на том, чтобы их отвели обратно в Германию. Шомберг, тайно проинструктированный королем Франции, принимал активное участие в разжигании недовольства, и принц был вынужден уступить. Он повел свою армию через Шампань и Лотарингию к Страсбургу, где она была расформирована. Все деньги, которые принц смог собрать, были выплачены им. Он заложил все свое походное снаряжение, свою посуду, свою мебель.

То, что он не мог заплатить деньгами, он компенсировал обещаниями, которые должны были свято исполниться, когда ему вернут его имущество. Он даже торжественно пообещал, что, если вернется из Франции живым и по-прежнему не сможет выплатить им задолженность по заработной плате, сдаст им себя в качестве заложника в уплату долга.

Так триумфально для Альвы и плачевно для Оранжа закончилась кампания. Так безнадежно исчезла армия, с которой связывалось столько гордых надежд. Восемь тысяч подростков были убиты в ничтожных стычках, тридцать тысяч рассеяны, и их нелегко было собрать снова. Все средства, которыми мог распоряжаться принц, были потрачены впустую, не принеся результата. В настоящее время, казалось, ничто не давало Нидерландам основания для надежды, но во Франции возобновилась война за свободу. Отряд из тысячи двухсот всадников был готов последовать примеру принца. Соответственно, три брата: Уильям, Луи и Генри — восемнадцатилетний юноша, бросивший учебу в университете, чтобы подчиниться рыцарским инстинктам своей расы, — ранней весной следующего года отправились под знамена Конде.

Кардинал Гранвель, который во время своего пребывания в Риме ни на минуту не отрывал глаз и мыслей от провинций, теперь выразил свое ликование. Он с холодной злобой предсказал немедленные результаты кампании и был достаточно оптимистичен, чтобы поверить, что борьба окончена и принц навсегда повержен. В своих письмах Филиппу он должным образом обратил внимание на комплименты, оказанные ему Оранским в его Оправдании, в его Заявлении и в его письме императору. Он отказался отвечать на какие-либо обвинения, чтобы еще больше разозлить принца. Однако он выразил мнение, что эта публикация трудов была делом не храбрых солдат, а трусов. Он также размышлял о предполагаемых интригах Оранского по организации посольства от своего имени от императора к Филиппу - миссии, которая наверняка закончилась бы ничем, в то время как это стоило бы принцу всего авторитета не только в Германии, но и в Нидерландах. По его словам, он был уверен в результатах предстоящей кампании. Герцог Алва был человеком, на чье административное благоразумие и военное мастерство его государь мог безоговорочно положиться, и в рядах повстанцев не было человека, способного осуществить предприятие такого масштаба. Меньше всего у принца Оранского хватало мозгов для ведения столь важных дел, согласно тому мнению, которое он составил о нем за время их долгого общения в прежние дни.

Когда исход кампании был решен и принц снова стал изгнанником, Гранвель заметил, что теперь доказано, насколько некомпетентны он и все его спутники, чтобы соперничать в военном мастерстве с герцогом Алва. С холодной насмешкой над мотивами, которые, по его мнению, были чисто эгоистичными, он сказал, что принц не избрал надлежащего пути для возвращения своего имущества и что теперь ему будет очень трудно удовлетворить своих кредиторов. Так когда-нибудь падут те, морализировал он, кто взлетит выше, чем следовало бы; добавив, что отныне у принца будет достаточно забот о мадам, своей жене, если она вскоре не изменится в настроении и характере.

Тем временем герцог Альва, отправив из Като Камбрези краткий отчет о победоносном завершении кампании, с триумфом вернулся в Брюссель. Он, безусловно, полностью оправдал свое право считаться первым воином своего времени. С помощью своих лейтенантов он быстро уничтожил две армии, посланные против него; третью он лично уничтожил в блестяще успешном сражении, в котором он потерял семь человек, а его враги - семь тысяч; и теперь он, благодаря совершенной стратегии, сорвал четвертое и последнее сражение под командованием обожаемого чемпиона Нидерландов, и это так решительно, что, не потеряв ни одного человека, он уничтожил восемь тысяч мятежников и рассеял на все четыре стороны оставшиеся двадцать тысяч. Такие знаменательные результаты вполне могли бы вызвать гордость даже у более кроткой натуры. Столь масштабные и удачные усилия по установлению навсегда неприступной военной тирании в конституционной стране могли бы вызвать ликование более скромного деспота. Не было ничего удивительного в том, что надменный, а теперь, по-видимому, всемогущий Альва почти принял на себя роль бога. По возвращении в Брюссель он учредил череду триумфальных фестивалей. Люди были призваны радоваться и быть чрезвычайно радостными, усыпать цветами его путь, петь Осанну в его честь тем, кто пришел к ним, обогранный кровью тех, кто сражался в их защиту. Праздник был объявлен должным образом; дома, где постоянно висели погребальные люки для убитых обитателей, были украшены гирляндами; колокола, которые ни разу не прерывали свой ежедневный звон по жертвам невероятной жестокости, теперь звонили самым веселым звоном; и на той самой площади, где совсем недавно Эгмонт и Хорн, помимо многих других менее выдающихся мучеников, приняли позорную смерть, день за днем проводились веселые турниры со всей вызывающей помпой, которая могла сделать зрелище наиболее раздражающим.

Но даже этих проявлений веселья было недостаточно. Завоеватель и укротитель Нидерландов чувствовал, что для поддержания его гордости необходимо более личное и осязаемое обожествление. Когда Германик одержал свою последнюю победу над древней свободой тех великодушных народов, потомки которых, но недавно овладевшие более организованной свободой, были посланы вторым и худшим Тиберием Альву оскорблять и сокрушать, доблестный, но скромный римлянин воздвиг свой трофей на равнинах Идистависа. "Армия Тиберия Цезаря, покорившая народы между Рейном и Эльбой, посвящает этот памятник Марсу, Юпитеру и Августу". Так гласила надпись Германика, без единого намека на его собственное имя. Герцог Альва, вернувшись с полей сражений в Брабанте и Фрисландии, воздвиг колоссальную статую самого себя и приказал выгравировать на ее пьедестале следующие строки: "Фердинанду Альваресу де Толедо, герцогу Альва, губернатору Нидерландов при Филиппе Втором, за то, что он подавил мятеж, восстановил религию, обеспечил справедливость, установил мир; самому верному министру короля воздвигнут этот памятник".

[Бор, iv. 257, 258. Метерен, 61. Де Ты, ст. 471-473, который видел это после того, как оно было ниспровергнуто, и который был "поражен красотой работы не меньше, чем безумной гордостью того, кто приказал это сделать".]

Столь напыщенный панегирик, даже если он правдив и заслужен, был бы уместен на надгробии, воздвигнутом мертвому вождю его скорбящими поклонниками. Что мы скажем о такой ложной и чрезмерной дани уважения не богу, не памяти ушедшего величия, а живому, смертному человеку, и приносимой не его почитателями, а им самим? Конечно, поклонение себе никогда не заходило дальше, чем в этом замечательном памятнике, воздвигнутом в честь Альвы руками Альвы. Статуя была колоссальной и была установлена в цитадели Антверпена. Его бронза была изготовлена из пушки, захваченной в Йеммингене. Он изображал герцога, попирающего распростертую фигуру с двумя головами, четырьмя руками и одним телом. Одни интерпретировали эти две головы как изображение Эгмонта и Хорна, другие - двух Нассау, Уильяма и Луи. Другие видели в них аллегорическое изображение знати и общин Нидерландов или, возможно, олицетворение Компромисса и Просьбы. Помимо главной надписи на пьедестале, были изваяны различные барельефы; и зритель, чье восхищение генерал-губернатором не было удовлетворено самой колоссальной статуей, мог свободно найти новое воплощение героя либо в ангеле с факелоносцем, либо в кротком пастухе. Работа, обладавшая значительными эстетическими достоинствами, была выполнена художником по имени Джейкоб Йонгелинг. Он продолжал удивлять и вызывать отвращение у нидерландцев, пока не был разрушен преемником Алвы Рекезенсом.

Уже было замечено, что многие принцы Империи сначала горячо, а затем, когда вокруг него сгустилась буря, с меньшей серьезностью поддерживали усилия Оранского. Они, как в частном порядке, так и официально, привлекли к этому вопросу внимание императора и просили его заступничества перед Филиппом. Это вмешательство не было направлено на то, чтобы спасти принца от наказания, как бы искусно Гранвелль ни искажал факты. Это было обращение в защиту свободы вероисповедания в Нидерландах, произнесенное теми, кто добился этого самостоятельно и кто, наконец, получил иммунитет от преследований. Это был призыв, который те, кто его подал, были обязаны сделать, поскольку нидерландские уполномоченные участвовали в консультациях, в результате которых Пассауский мир был вырван из рук Карла с неохотой.

Однако эти обращения к императору, а через него и к королю Испании, сопровождались, как мы видели, постоянными советами принцу Оранскому "сидеть тихо". Император поддерживал его дело с очевидной откровенностью, насколько позволяло дружеское посредничество, но тем временем безапелляционно приказал ему воздержаться от развязывания войны против Альвы, предписание, которому принц столь же безапелляционно отказался подчиниться. Император даже отправил специальных послов к герцогу и принцу, чтобы убедить их сложить оружие, но безрезультатно. Оранж знал, какой курс был более великодушным по отношению к его угнетенной стране: взяться за оружие теперь, когда надежда превратилась в отчаяние из-за яростной тирании Алвы, или "сидеть тихо" и ждать результатов протоколов, которыми вот-вот обменяются король и кайзер. Его действия действительно не увенчались успехом, но если бы он обратил внимание на результат этой вялой дипломатии, это было бы еще хуже для дела свободы. Сочувствие его лучших друзей, сначала пылкое, затем вялое, по мере того как вокруг

него сгущались бедствия, стало, наконец, совершенно холодным. Из могилы королевы Изабеллы также восстал самый назойливый призрак на его пути. Король Испании снова овдовел, и у императора среди его шестнадцати детей было более одной дочери на выданье. К титулам "любимый кузен и шурин", которыми Филиппа всегда приветствовали в императорских воззваниях, в перспективе был добавлен более близкий и дорогой титул "зять".

Узы брака были священны в традициях дома Габсбургов, но все же номинально вмешательство было произведено. Еще в августе 1568 года министр императора в Мадриде обратился с мемориальной речью к королю. Он тепло и веско отозвался о судьбе Эгмонта и Горна и напомнил Филиппу, что казни, которые постоянно происходили в провинциях, неуклонно продвигали дело принца Оранского. 22 сентября 1568 года шестеро выборщиков обратились с официальным обращением к императору. Они поблагодарили его за предыдущее вмешательство в пользу Нидерландов, живо расписали жестокость Альвы и осудили неслыханную жестокость, с которой он расправился не только со многими знатными сеньорами, но и с людьми всех степеней. Несмотря на неоднократные заверения короля в обратном, они напомнили императору, что инквизиция, а также Тридентский собор теперь были созданы в Нидерландах с полной силой. Они утверждали, что провинции были исключены из Аугсбургского религиозного мира, на который их притязания были совершенными. Нижняя Германия имела право на те же привилегии, что и Верхняя Германия. Они умоляли императора открыто выразить свои чувства и их собственные. Было уместно, чтобы его католическое величество осознал, что князья Империи объединились ради сохранения отечества и спокойствия. С этой целью они отдали в руки императора свои поместья, свое состояние и свои жизни.

Таков был язык этого важного обращения к императору от имени миллионов угнетенных в Нидерландах, обращения, которое Гранвель холодно охарактеризовал как интригу, затеянную Оранским, чтобы добиться восстановления его собственной благосклонности!

Император в ответ заверил посланников выборщиков, что он принял это дело близко к сердцу и решил отправить своего собственного брата, эрцгерцога Карла, со специальной миссией в Испанию.

Соответственно, 21 октября 1568 года император вручил своему брату обширное письмо с инструкциями. Он должен был напомнить Филиппу о частых увещеваниях императора по поводу политики, проводимой в Нидерландах. Он должен был упомянуть о срочных запросах, сделанных ему курфюрстами и принцами Империи в ходе их недавнего посольства. Он должен был заявить, что император недавно направил уполномоченных к принцу Оранскому и герцогу Альвскому, чтобы добиться, по возможности, прекращения боевых действий. Он должен был представлять, что огромное количество людей, воспитанных принцем Оранским в Германии, свидетельствовало о мощной поддержке, которую он нашел в стране. При таких обстоятельствах он должен был показать, что император не мог издать указ о запрете в отношении него, как того требовал герцог Алва. Эрцгерцог должен был запросить согласия короля на примирение Оранского на почетных условиях. Он должен был потребовать замены суровости помилованием и настаивать на отзыве иностранных солдат из Нидерландов.

Снабженный этим очень теплым и строгим письмом, эрцгерцог прибыл в Мадрид 10 декабря 1568 года. Несколько дней спустя он вручил королю копию инструкций - тех храбрых слов, на которые принц Оранский должен был полагаться, а не на собственное храброе сердце и

крепкие руки своих сторонников. Филипп, ознакомившись с письмом, выразил свое удивление по поводу того, что ему были сделаны подобные предложения, да еще при посредничестве такого лица, как эрцгерцог. Он уже направил письмо императору, выражая свое недовольство предпринятым шагом. Он был обеспокоен честью, оказанной принцу Оранскому, и вмешательством в его собственные права. По его мнению, это было неслыханным поступком - обращаться таким образом к монарху его ранга по вопросам, в которых он ни от кого не мог принять закон. Однако он пообещал, что на письмо с инструкциями должен быть дан письменный ответ.

20 января 1569 года этот ответ был передан в руки эрцгерцога. Было указано, что документ является публичным и император вправе представить его избирателям; но король также распорядился подготовить конфиденциальный документ, в котором Максимилиану были указаны его мотивы и личные огорчения.

В более публичном документе Филип отметил, что он никогда не считал себя обязанным оправдывать свое поведение в собственных делах перед другими. Однако он думал, что его пример суровости был бы воспринят с одобрением князьями, подданных которых он таким образом учил послушанию. Он не мог признать, что из-за договоров, которые сделали Нидерланды частью Империи, он был обязан соблюдать в их пределах постановления имперского сейма. Что касается вопроса религии, то его главной заботой с момента вступления на престол было поддержание католической веры во всех своих государствах. В священных вещах он не допускал компромиссов. Только Церковь имела право предписывать правила верующим. Что касается наказания, наложенного им на нидерландских повстанцев, то будет установлено, что он применил не суровость, как это было выдвинуто против него, а, напротив, великое милосердие и мягкость. Он не внес никаких изменений в управление провинциями, и уж тем более в эдикты, единственные статуты, обязательные для исполнения князьями. Он назначил герцога Алва регентом, потому что такова была его королевская воля и удовольствие назначить его таким образом. Испанские солдаты были необходимы для тщательного наказания мятежников и в настоящее время не могли быть отозваны. Что касается принца Оранского, чье дело казалось главным мотивом для этого посольства и в чьих интересах так много делалось, то его преступления были настолько печально известны, что невозможно было даже пытаться оправдать их. По сути, он был автором всех заговоров, беспорядков и подстрекательств к мятежу, которые имели место в Нидерландах. Все кражи, святотатства, осквернения храмов и другие злодеяния, ареной которых были эти провинции, по справедливости должны были быть вменены ему. Более того, он собрал армию и вторгся на территорию его Величества. Столь чудовищные преступления закрыли ворота для всякого милосердия. Несмотря на свое уважение к ходатайству императора и принцев Империи, король не мог снизойти до того, чтобы удовлетворить то, о чем его теперь просили в отношении принца Оранского. Что касается перемирия между ним и герцогом Алвы, его Императорскому Величеству следовало бы задуматься о разнице между сувереном и его мятежным вассалом и подумать о том, насколько неприличным и наносящим ущерб чести короля следует считать такой договор.

Пока что это публичное письмо, копию которого эрцгерцогу предоставили как на испанском, так и на латыни. Частный меморандум предназначался только для глаз императора и его посланника. В этом документе король выражался с большей теплотой и более решительным языком. Он сказал, что был поражен тем, что принц Оранский, набирая армию с целью

вторжения в государства своего естественного суверена, получил такую большую помощь и утешение в Германии. Казалось невероятным, что это не могло быть предотвращено императорской властью. Он был огорчен тем, что к принцу были отправлены уполномоченные. Он сожалел о такой демонстрации в его пользу, которая теперь была предпринята миссией эрцгерцога в Мадриде. Что, однако, вызвало у короля глубочайшую печаль, так это то, что его Императорское величество пожелал убедить его в религиозных вопросах действовать мягче. Император должен осознавать, что никакие человеческие соображения, никакое отношение к его королевствам, ничто в мире, что можно было бы представить или чем можно было бы рискнуть, не заставили бы его ни на волос свернуть со своего пути в вопросе религии. Этот путь был одним и тем же во всех его королевствах. Он всегда верно шел по нему и намеревался оставаться на нем вечно. Он не допустит ни советов, ни убеждения в обратном и плохо воспримет, если будут предложены советы или убеждения. Он не мог не рассматривать условия инструкций, данных эрцгерцогу, как выходящие за рамки дружеского предложения. По сути, они представляли угрозу, и он был удивлен, что эта угроза была применена, потому что с такими же, как он, правителями, подобные средства могли иметь лишь небольшой успех.

23 января 1569 года эрцгерцог представил королю энергичный ответ на открытое письмо. Оно было составлено в духе инструкций и, следовательно, не нуждается в подробном анализе. Он не верит, что его Императорское Величество допустит какое-либо оправдание курса, проводимого в Нидерландах. Сословия империи никогда не допустили бы рассуждений Филиппа о связи этих стран с Империей или о том, что они были независимыми, за исключением конкретных статей, изложенных в Аугсбургском мирном договоре. В 1555 году, когда Карл Пятый и король Фердинанд заключили религиозный мир, им помогли посланники из Нидерландов. Таким образом, князья империи настаивали на том, чтобы религиозный мир, который единственный сохранил остатки романизма в Германии, по праву распространился на провинции. Что касается принца Оранского, то эрцгерцог предпочел бы больше ничего не говорить, но приказ императора не позволял ему молчать. Теперь было необходимо положить конец такому положению вещей в Нижней Германии. Принцы империи приходили в ярость. Он напомнил об опасностях Смалькальдской войны — неминуемой опасности, в которую был поставлен император из-за действий одного курфюрста. Те, кто верил, что Фландрией можно управлять так же, как Италией и Испанией, сильно ошибались, и Карл Пятый всегда признавал эту ошибку.

Такова была суть миссии эрцгерцога в Мадрид, насколько это касалось ее непосредственных целей. Однако в ходе беседы этого персонажа с Филиппом король воспользовался случаем, чтобы сделать выговор его Императорскому величеству за его общую небрежность в вопросах религии. По его словам, в его сердце лежал вопрос о том, что император, хотя, в чем он не сомневался, был христианским и католическим монархом, из политических соображений не привык проявлять те внешние проявления, которых требовали вопросы веры. Поэтому он умолял эрцгерцога обратить на этот вопрос внимание его Императорского Величества.

Император, несмотря на эту торжественную миссию, стал более чем равнодушен еще до того, как его посланник прибыл в Мадрид. Для этого безразличия было несколько причин. Когда были составлены соответствующие инструкции, в Вене еще не знали о смерти королевы Испании. Эрцгерцогу даже было поручено сообщить Филиппу о приближающихся браках двух эрцгерцогинь: Анны с королем Франции и Изабеллы с королем Португалии. Однако несколько дней спустя посланник получил письма от императора, уполномочивающие его предложить скорбящему Филиппу руку эрцгерцогини Анны.

[Эррера (lib. xv. 707) ошибочно утверждает, что император с самого начала возложил на эрцгерцога выполнение этих двух поручений, а именно: провести переговоры о браке эрцгерцогини Анны с Филиппом и уладить дела Нидерландов. Напротив, он был уполномочен предложить Анну королю Франции и уже передал свои инструкции на этот счет Филиппу, прежде чем тот получил письма из Вены, написанные после того, как стало известно о смерти Изабеллы. На другом собеседовании он представил Филиппу это новое супружеское предложение. Эти факты важны, поскольку они указывают на то, насколько полно были отброшены цели посольства, начало которого было столь претенциозным, чтобы обеспечить более выгодный брак для одной из семи австрийских эрцгерцогинь.—Сравните Корреспонденцию Филиппа]

Король ответил эрцгерцогу, когда было сделано это предложение, что, если он заботится только о своем личном удовлетворении, он должен оставаться таким, каким он был. Поскольку, однако, у него теперь не было сына, он был рад, что предложение было сделано, и хотел бы посмотреть, как можно уладить это дело с Францией.

Таким образом, неудачный ход Оранского в Брабанте, столь обескураживший немецких князей, наиболее склонных к его делу, и еще больше вдовство Филиппа изменили взгляды Максимилиана. 17 января 1569 года, за три дня до того, как его посол приступил к переговорам, он соответственно направил письмо с автографом его католическому величеству. В этом послании несколькими холодными строками он полностью свел на нет любой возможный эффект, который мог бы быть произведен очевидной серьезностью его вмешательства в пользу Нидерландов. Он сообщил королю, что эрцгерцог был послан не для того, чтобы досадить ему, а чтобы убедить в своей дружбе. Он заверил Филиппа, что тот должен быть удовлетворен его ответом, каким бы он ни был. Он умолял только о том, чтобы оно было составлено в таких выражениях, чтобы принцы и курфюрсты, которым оно должно быть показано, не вызвали подозрений.

Эрцгерцог покинул Мадрид 4 марта 1569 года. Он удалился, вполне довольный результатами своей миссии, не потому, что ее мнимые цели были достигнуты, поскольку они явно провалились, а потому, что король подарил ему сто тысяч дукатов и пообещал жениться на эрцгерцогине Анне. 26 мая 1569 года император направил Филиппу окончательный ответ, в котором он прямо одобрил оправдание королем своего поведения. По его мнению, оно было основано на разуме и справедливости. Тем не менее, в нынешнем виде это вряд ли можно было показать принцам и избирателям, и поэтому он изменил многие пункты, которые, по его мнению, могли оказаться оскорбительными.

Так закончилась "в дыму", как и предсказывал Гранвель, знаменитая миссия эрцгерцога Карла. Император Священной Римской Империи отказался от своего помпезного вмешательства, смущенный упреком, но утешенный обещанием. Если хорошо быть защитником религиозной свободы в Верхней и Нижней Германии, то лучше быть тестем короля Испании и обеих Индий. Отсюда неубедительный и резкий вывод.

Кардинал Гранвель был очень полезен в сложившейся ситуации. Он написал Филиппу, чтобы заверить его, что, по его мнению, Нидерланды не имеют права в соответствии с Аугсбургской сделкой требовать соблюдения на своей территории указов Империи. Он добавил, что Карл Пятый согласился на Пассауский мирный договор только для того, чтобы спасти своего брата Фердинанда от разорения; что он согласился на него только как император и ни прямо, ни

косвенно не включил Нидерланды в его положения. Более того, он заявил, что император аннулировал международный договор актом, который так и не был опубликован, вследствие настойчивых просьб Фердинанда.

Было замечено, что король использовал это мнение Гранвелля в ответе, представленном эрцгерцогу. Хотя он не снизошел до аргументации, он изложил этот факт так, как будто он был неоспоримым. Еще больше он обрадовался, узнав, что Карл отменил Пассауский мирный договор, и нетерпеливо написал Гранвелю, чтобы узнать, где можно найти секретный документ. Кардинал ответил, что он, вероятно, был среди его бумаг в Брюсселе, но он сомневается, что его можно было бы найти в его отсутствие. Трудно сказать, существовал ли когда-либо такой документ. Совершить такое мошенничество было бы достойно Карла; выдумать его совершение было бы достойно кардинала. В любом случае, сделка была достаточно своевольной и чрезвычайно позорной.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Эпоха, когда терпимость была пороком
Эпоха, когда думать было преступлением
Дело офицера сражаться, генерала побеждать
Жестокости, применяемые к монахам и папистам
За верную службу, злое воздаяние
Трогательные предсмертные слова Анны Болейн
Были убиты семь испанцев и семь тысяч повстанцев
Теленок жирный, его нужно зарезать
Болезнь была удобной
Трагедия Дона Карлоса

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 17.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855-1569-70 [ГЛАВА V.]

Ссора между Alva и королевы Англии Елизаветы—испанский средств, изъятых английского правительства—не-сношения между Англией и Нидерландами—ужесточение мер против ереси,—продолжал преследование отдельных случаях—настоящему шляпу и меч, чтобы Алва от папы—определение генерал—губернатора создать систему из произвольного налогообложения в провинциях—собрание сословий в Брюсселе—Алва указы положил перед ними—сотой, десятой, и пятый пенсов—противостояние Viglius проект Усадьбы из различных провинций дают неохотного согласия—определяется стойкостью Утрехт—город и провинция привел до крови Совет— приговор о конфискации имущества и лишению прав в отношении обоих—обращение к царю—трудности сбора нового налога—коммутации в течение двух лет—проектов о помиловании—генерал—растет немилость герцога—его желание оставить свой пост—тайной вражды между губернатором и Viglius—измененные чувства президентом—мнения Гранвель—Помилование высокопарно провозгласил Герцогом в Антверпене—символ амнистии—недовольство народа с законом—жалобы Алва Царя—судьба и судьба барона Монтиньи, в Испании—его заключении в Сеговии—его попытка сбежать—его неспособность—Его судилище—его жена обращение к Филиппу— его осуждению—его тайное убийство

определена после—его реквизиты, как тщательно прописаны и обеспечиваются Царь—страшные наводнения по всей Голландии—огромный ущерб жизни и имуществу во Фрисландии—Lowestein замок, предпринятых Де Рюйтер, хитростью—отвоевать места у испанцев—отчаянное сопротивление и смерти де Рюйтера.

Вскоре после возвращения герцога в Брюссель произошла ссора между ним и королевой Англии. Случилось это так. Определенные суда, перевозившие кочевые грузы от принца Конде, преследовали в английских портах несколько торговых судов, прибывших из Испании с припасами в денежной форме для испанской армии в Нидерландах. Торговые корабли оставались в гавани, не осмеливаясь отправиться к месту назначения, в то время как каперы оставались в соседнем порту, готовые наброситься на них, если они выйдут в море. Командиры торгового флота пожаловались испанскому послу в Лондоне. Посланник изложил дело королеве. Королева пообещала возмещение ущерба и, почти сразу же после того, как обещание было дано, наложила арест на все наличные деньги в сосудах на сумму около восьмисот тысяч долларов по обменному курсу 1885 года - и присвоила все это в свою пользу. Предлог для этого разбирательства был двояким. Во-первых, она заверила посла, что взяла деньги в свое распоряжение для того, чтобы они могли быть сохранены для ее брата-короля Испании. Во-вторых, она утверждала, что деньги вообще не принадлежали испанскому правительству, а были собственностью неких генуэзских купцов, у которых она, по своему праву, взяла их взаймы на короткий срок. Обе эти позиции вряд ли могли быть правильными, но любая из них давала веские основания для присвоения средств в ее собственное пользование.

Герцог Алва, очень нуждавшийся в деньгах, пришел в ярость, когда ему сообщили об этом обстоятельстве. Он немедленно отправил советника д'Ассонлевиля с другими уполномоченными в составе специального посольства к английской королеве. Его посланникам было отказано в аудиенции, а герцога обвинили в самонадеянности за то, что он осмелился, как если бы он был сувереном, отправить миссию к коронованной особе. Алва не был удовлетворен, но тайный уполномоченный был направлен в Испанию для обсуждения этого вопроса. Гнев Алвы не был смягчен таким презрительным обращением. Огорченный потерей своих средств и уязвленный за живое упреком, которого заслуживало его высокомерие, он прибегнул к своевольным мерам. Он издал прокламацию, приказывающую лично арестовать каждого англичанина на территории Нидерландов и наложить арест на все имущество, которое может быть обнаружено принадлежащим лицам этой нации. Королева ответила такими же суровыми мерами против нидерландцев в Англии. Герцог подкрепил свой удар прокламацией (от 31 марта 1569 г.), в которой подробно излагалась жалоба и предписывалось строгое прекращение сношений с Англией. Пока королева и вице-король обменивались таким образом ударами, настоящими страдальцами были, конечно, несчастные нидерландцы. Между верхними и нижними жерновами алчности Елизаветы и высокомерия Альвы жалкие остатки фламандского процветания были почти раздавлены. Прокламации и поручения жестко следовали друг за другом, но только в апреле 1573 года дело было окончательно улажено. До того, как этот день настал, торговля Нидерландов понесла, по самым скромным подсчетам, безвозвратный убыток в размере двух миллионов флоринов, ни одна из которых так и не была возмещена пострадавшим испанским правительством.

Между тем, ни в самодовольстве от своей победы над Вильгельмом Оранским, ни в порыве гнева против английской королевы герцог ни на минуту не упускал из виду главную цель своего существования в Нидерландах. Виселица и кол были нагружены их ежедневными жертвами.

Записи того периода изобилуют постоянно возобновляющимися варварствами, совершаемыми против новой религии. Магистратам различных городов были разосланы новые инструкции, которыми все муниципальные служащие должны были руководствоваться при исполнении своего великого долга. Герцог особо повелел им следить за тем, чтобы в каждом приходе были предоставлены акушерки-католички, и никто другой, должным образом поклявшиеся уведомлять в течение двадцати четырех часов о каждом происшедшем рождении, чтобы викарий мог немедленно приступить к крещению. Им также было приказано назначить определенных шпионов, которые должны были следить за каждым совершением таинств, публичных или частных, будь то у алтаря или у смертного одра, и которые должны были сообщать о примерном наказании (то есть смерти на костре) всех лиц, которые совершали насмешливые или непочтительные жесты, или которые не оказывали должного почтения указанным Таинствам. Более того, для того, чтобы даже сама смерть не обманом лишила тирана его добычи, те же самые шпионы должны были нести вахту у ложа умирающего и немедленно уведомлять правительство обо всех лицах, которые осмелятся уйти из этой жизни, предварительно не получив чрезвычайного помазания и святой облатки. Было предписано конфисковать имущество таких преступников, а их тела доставить к публичному месту казни.

В начале этого года на севере Голландии произошел волнующий случай, который из-за своей особенности заслуживает краткого упоминания. Бедный анабаптист, не виновный ни в каком преступлении, кроме членства в преследуемой секте, был приговорен к смертной казни. Он совершил побег, преследуемый судебным приставом, через замерзшее озеро. Был конец зимы, и лед стал непрочным. Он дрожал и трескался под его шагами, но он благополучно добрался до берега. Офицеру повезло меньше. Лед под ним треснул, и он погрузился в озеро, взывая о помощи. Его никто не услышал, кроме беглеца, за которым он охотился. Дирк Виллемзун, ибо так звали анабаптиста, инстинктивно повинаясь велению великодушной природы, вернулся, с риском для жизни пересек трясущийся и опасный лед, протянул руку своему врагу и спас его от неминуемой смерти. К несчастью для человеческой природы, нельзя добавить, что великодушие этого поступка было встречено соответствующим героизмом. Офицер, правда, хотел избежать ответственности за принесение в жертву спасителя своей жизни, но бургомистр Асперена строго напомнил ему помнить о своей клятве. Соответственно, он арестовал беглеца, который 16 мая следующего года был сожжен заживо под самыми длительными пытками.

Почти в то же время четверо священнослужителей, старшему из которых было семьдесят лет, были казнены в Гааге после трехлетнего тюремного заключения. Все они прожили безупречную жизнь, не совершив никакого преступления, за исключением того, что поддерживали Реформацию. Поскольку они были людьми, занимавшими видное положение в местном обществе, было решено, что они должны быть казнены со всей торжественностью. Они были приговорены к сожжению на костре, и поскольку они принадлежали к церковному сословию, перед казнью было необходимо лишить их личной неприкосновенности. Соответственно, 27 мая, облаченные в великолепные одежды для торжественной мессы, они предстали перед епископом Буа-ле-Дюка. Прелат; с помощью ножниц срежьте по пряди волос с головы каждого из них. Затем он очень осторожно соскреб их макушки и кончики пальцев маленьким серебряным ножичком, не причинив ни малейшего вреда. Таким образом, предполагалось, что мистическое масло освящения было достаточно удалено. Затем прелат приступил к раздеванию жертв, говоря при этом каждой: "Eximo tibi vestem justitiae, quem volens abjecisti"; на что старейший пастор, Арент Диркзун, решительно ответил: "imo vestem justifestiae". Епископ, завершив таким образом торжественный фарс осквернения, передал пленников

Совету Крови, умоляя обращаться с ними очень мягко. Три дня спустя все они были казнены на костре, получив, однако, снисхождение в виде удушения перед тем, как быть брошенными в огонь.

Именно в этот момент, когда агенты герцогского правительства таким образом ревностно исполняли его указы, от папы Римского прибыл специальный гонец, привезший в подарок Альве украшенные драгоценными камнями шляпу и шпагу. Это был дар, редко даруемый Церковью, и только высшим сановникам или тем, кто заслужил ее самые выдающиеся награды самыми блестящими подвигами в ее защиту. В письме с автографом его Святейшества, сопровождавшем подарки, герцога просили "помнить, когда он надевал шляпу на голову, что она охраняет его как шлем праведности и щит Божьей помощи, указывающий на небесную корону, которая уготована всем князьям, поддерживающим Святую Церковь и Римско-католическую веру". Девиз на мече гласил: "Accipe sanctum gladium, меню для борьбы с врагами народа Израиля".

Вице-король Филиппа, которого наместник Христа таким образом побудил настойчиво следовать заветам своего господина, вряд ли свернул бы со своего пути или отступил бы от своей работы. Человеческая изобретательность была не в силах придать новые ужасные черты религиозным преследованиям, от которых стонали провинции, но новая атака могла быть предпринята на жалкие остатки их богатства.

Герцог был недоволен результатами своих финансовых мероприятий. Конфискация имущества изгнанных и убитых еретиков не доказала неисчерпаемости запасов, которыми он хвастался. Поток золота, который должен был постоянно поступать в испанскую казну, вскоре и вовсе прекратился. Это было неизбежно. Конфискации по необходимости должны были стать лишь ненадежным источником пополнения любой казны. Только безумный альва мог вообразить, что из такого источника можно получать постоянный доход. Однако нельзя было ожидать, что этот человек, чья тирания доходила до безумия, сможет понять тесную связь между интересами народа и интересами его правителей, и он был полон решимости показать с помощью еще более жестоких и нелепых экспериментов, как легко великий солдат может превратиться в ничтожного финансиста.

Он уже сообщил своему царственному повелителю, что через очень короткое время в денежных переводах из Испании больше не будет необходимости для покрытия расходов правительства Нидерландов. Напротив, он обещал, что провинции будут выделять по меньшей мере два миллиона долларов ежегодно, сверх расходов на их управление, для пополнения внутренней казны. Благодаря его изобретательности уже было открыто другое Перу, изобилие золота в котором не зависело от продолжения той ереси, искоренить которую было его миссией. Его хвастовство было подвергнуто насмешкам в Мадриде, где у него было больше врагов, чем друзей, и поэтому он еще больше стремился воплотить его в реальность. Уязвленный смехом, с которым дома встречали все его политэкономические схемы, он был полон решимости показать, что его творческая государственная мудрость не менее достойна уважения, чем его бесспорный гений разрушения.

Его схема была не чем иным, как заменой произвольной системы налогообложения короны законным и конституционным правом провинций самостоятельно облагать себя налогами. Это была не очень оригинальная мысль, но, безусловно, смелая. Ибо, хотя страна, находящаяся в таком упадке, могла пострадать от введения любого нового уровня тирании, все же было

сомнительно, останется ли у нее достаточно сил, чтобы выдержать тяжесть после того, как она была введена. Более того, было очевидно, что новая система вызовет более широкий резонанс, чем любой другой, вызванный даже религиозными преследованиями. Там было много жителей, которые были ревностными и искренними католиками и поэтому считали себя в безопасности от рук палача, в то время как не было никого, кто мог бы надеяться избежать хватки новых сборщиков налогов. И все же губернатор был не тем человеком, которого могла обескуражить возможная непопулярность этой меры. Храбрости у него было больше, чем у смертного. Казалось, он поставил перед собой задачу точно определить способность страны к нищете. Он был полон решимости точно измерить его ширину и глубину; узнать, сколько физических и моральных страданий может накопиться в его пределах, прежде чем оно переполнится. Каждый мужчина, женщина и ребенок в стране были торжественно приговорены к смертной казни; и произвольные казни во исполнение этого приговора происходили ежедневно. Было конфисковано миллионное имущество, в то время как самые удачливые и трудолюбивые, а также храбрейшие из нидерландцев скитались без гроша в кармане в далеких странах. И все же удары, какими бы безрассудными они ни были, поразили не все головы. Жители были истреблены, а не уничтожены, и производительная энергия страны, которая на протяжении веков обладала такой большой жизнеспособностью, еще не полностью угасла. Несмотря на крушение их общественного счастья, на полное ниспровержение их политической свободы, они все еще сохраняли тень, по крайней мере, одного великого оплота против деспотизма. Король не мог вводить никаких налогов.

"Веселое блюдо" Брабанта, а также конституции Фландрии, Голландии, Утрехта и всех других провинций четко предписывали способ сбора необходимых средств для правительства. Государь или его штатгальтер должен был лично предстать перед сословиями и обратиться с просьбой о деньгах. Именно сословия, после консультаций со своими избирателями, должны были решить, следует ли удовлетворять это прошение (Bede) или нет, и если какая-либо ветвь власти откажется подчиниться, монарх должен был терпеливо ждать более благоприятного момента. Такова была обычная практика в Нидерландах, и правящие дома не часто имели повод обвинять сословия в скупости. Однако неудивительно, что герцог Алва был недоволен продолжающимся существованием этой провинциальной привилегии. Страна осужденных преступников, нация, чья всеобщая шея в любой момент могла быть без церемоний возложена на плаху, казалась едва ли пригодной для того, чтобы держать в руках завязки кошелька и раздавать милостыню своему монарху. Вице-король был раздражен этим высокомерным проявлением конституционной свободы. Более того, хотя он позаимствовал у нидерландцев почти все атрибуты свободных людей, он не желал, чтобы они пользовались главной привилегией рабов - быть накормленными и охраняемыми за счет своего хозяина. Поэтому он созвал общее собрание провинциальных сословий в Брюсселе и 20 марта 1569 года распорядился представить им следующие декреты.

Налог в размере сотой копейки, или одного процента, был наложен на все имущество, недвижимое и движимое, подлежащее немедленному сбору. Этот обман, однако, не был бессрочным, а подлежал выплате только один раз, если, конечно, та же произвольная власть, которой он был начислен, не потребует его во второй раз.

Налог в размере двадцатого пенни, или пяти процентов, взимался при каждой передаче недвижимости. Это обложение было бессрочным.

В-третьих, с каждого предмета торговли или личного имущества взималась плата в размере десятого пенни, или десяти процентов, которая выплачивалась по мере его продажи. Этот налог также должен был быть бессрочным.

Можно легко представить себе ужас, охвативший собрание, когда были услышаны эти грандиозные предложения. Люди могут расходиться во мнениях относительно религиозных догм. В самых фанатичных преследованиях всегда найдется много тех, кто из добросовестных, хотя и ошибочных побуждений искренне поддерживает дело фанатика. Более того, хотя сопротивление тирании в вопросах веры всегда является самой пылкой борьбой и поддерживается самым возвышенным принципом нашей природы, все же не все люди сделаны из того сурового материала, из которого вылеплены мученики. В вопросах, относящихся к высшему миру; многих может совратить от их убеждений корысть или принудить к отступничеству насилием. Человеческая природа часто податлива там, где затронуты религиозные интересы, но в делах материальных и финансовых оппозиция тирании склонна быть единодушной.

Интересы торговли и мануфактуры, когда они вступали в конфликт с интересами религии, часто оказывались победителями в Нидерландах. Однако эта новая мера — эта произвольная и самая чудовищная система налогообложения - пришлось по душе каждому гостю. Ни один человек, каким бы ловким он ни был, не смог парировать удар, который сокрушил всех.

В ассамблее самым неопровержимым образом утверждалось, что эти десятая и двадцатая копейки полностью уничтожат торговлю и мануфактуры страны. Сотая пенни или один процент. налог на все имущество по всей стране, хотя и представляет собой серьезную субсидию, на этот раз можно смириться. Однако выплачивать правительству двадцатую часть полной стоимости дома каждый раз, когда дом продавался, было самым невыносимым бременем. Дом может быть продан двадцать раз в год и, следовательно, в течение года будет конфискован по всей своей стоимости. Это означало либо запрет на любую передачу недвижимости, либо возможный отказ от ее цены.

Что касается десятой части стоимости товаров, которую продавец выплачивал при каждой продаже, то схема была чудовищной. Любая торговля и производство неизбежно прекращаются при первой же попытке ввести ее в действие. Один и тот же товар может продаваться десять раз в неделю и, следовательно, приносить стопроцентную прибыль. еженедельно. Более того, изделие часто состояло из десяти различных изделий, каждое из которых могло окупаться на сто процентов, следовательно, произведенное изделие при десятикратной передаче окупалось на тысячу процентов. еженедельно. Быстрые переводы и беспрепятственные перемещения, будучи нервами и мускулами торговли, были невозможны для нее, чтобы долго выдерживать паралич такого налога. Самозванец никогда не мог быть взят, и это привело бы только к полному упадку промышленности. Это никоим образом не могло обогатить правительство.

Король не мог извлекать богатство из разорения своих подданных; и все же установить такую систему было суровым и абсурдным решением генерал-губернатора. Детская простота усилий казалась невероятной. Невежество было столь же возвышенным, как и тирания. Самые ясные аргументы и самые искренние увещания были напрасны. Слишком непрозрачный, чтобы его осветил поток света, слишком твердый, чтобы его растопили слезы народа, вице-король спокойно следовал своей цели. На пронизательные и яркие возражения Виль, который

неоднократно демонстрировал все, что было деспотичного и невозможного в налоге, он просто ответил, что это не что иное, как испанская "алькабала", и что он ежегодно получал 50 000 дукатов от его введения в своем родном городе Альва.

Виглий в этом случае был в оппозиции к герцогу. Справедливости ради следует отметить, что ученый юрисконсульт мужественно и неоднократно противостоял гневу своего начальника во многих яростных дискуссиях в совете по этому вопросу. Он никогда не пытался вырвать хоть одну головешку из тлеющего пламени огромного холокоста религиозных преследований, но в конце концов его пробудила угроза уничтожения всех материальных интересов страны. Он мужественно противостоял тирану, возможно, подкрепленный знанием того, что предложенный план принадлежал не королю, а губернатору. Он знал, что это было открыто высмеяно в Мадриде, и что Филипп, хотя он, вероятно, никогда бы не осудил это в таких выражениях, определенно не стремился к его исполнению. Президент подробно остановился на разнице, которая существовала между положением малонаселенной страны скотоводов и чернорабочих в Испании и густонаселенными и шумными городами Нидерландов. Если бы герцог ежегодно собирал 50 000 дукатов с алькабалы в Альве, он мог бы только поздравить его, но не мог не заверить, что налог окажется невозможным в провинциях. На его довод о том, что самозванство сурово падет не на высшие и не на низшие классы общества, не на великую знать и духовенство, не на деревенское население, а на торговцев и промышленников, президент ответил, что нежелательно грабить алтарь Святого Петра, чтобы построить алтарь святому Павлу. Возможно, было бы проще предположить, что потребитель будет платить налог, предположив, что он вообще когда-либо будет уплачен, но три столетия назад эта аксиома не была так известна, как сейчас.

Тем временем отчет депутатов перед ассамблеей об их возвращении к своим избирателям вызвал сильнейшее волнение и тревогу. Петиция за петицией, отчет за отчетом сыпались на правительство. Раздались крики отчаяния и почти неповиновения, которые не были вызваны прежними муками. Однако, чтобы вызвать более благосклонное расположение герцога, поместья раз и навсегда выделили сотый пенни. Десятый и двадцатый вызвали жестокую и затяжную борьбу, пока различные собрания вотчинных провинций, одно за другим, измученные, напуганные и надеющиеся, что не будет предпринято серьезных усилий для сбора налога, не согласились, при определенных ограничениях, на его введение.— Основными условиями были протест против законности судебного разбирательства и положение о том, что согласие ни одной провинции не должно быть действительным до тех пор, пока не будет получено согласие всех. Голландия тоже была вынуждена отказаться от своего присоединения, хотя город Амстердам долго не давал своего согласия; но город и провинция Утрехт были неумолимы. Они предложили солидную сумму в качестве компенсации, увеличив первоначально предложенную сумму с 70 000 до 200 000 флоринов, но они решительно отказались быть обремененными этим постоянным налогом. Их упорному сопротивлению было суждено дорого им обойтись. В течение нескольких месяцев Альва, видя, что они все еще непреклонны в своем отказе, расквартировал над ними ломбардский полк и применил другие принудительные меры, чтобы образумить их. Грубые, наглые, неоплачиваемые и, следовательно, непокорные солдаты были расквартированы в каждом доме города, так что считалось, что оскорбления, которым подвергалось население из-за вторжения этих головорезов к их очагам, вскоре вынудят провинцию согласиться на введение налога. Однако это было не так. Город и провинция оставались стойкими в своем противостоянии. Соответственно, в конце года (15-е число. Декабрь 1569 г.) сословия были призваны в течение

четырнадцать дней предстать перед Советом Крови. В назначенное время генеральный прокурор был готов с обвинительным актом, сопровождавшимся, как это обычно бывало, одновременным вынесением обвинительного приговора. Обвинительный акт возродил и перечислил все предыдущие преступления, совершенные в городе и провинции, особенно во время смуты 1566 года и в эпоху заключения мирного договора с герцогиней Маргаритой. Жители и магистраты, как в личном, так и в общественном качестве, были осуждены за ересь, мятеж и неправильное заключение. Город и провинция были соответственно признаны виновными в государственной измене, были лишены всех своих хартий, законов, привилегий, свобод и обычаев, и было объявлено, что они лишились всего своего имущества, реального и личного, вместе со всеми сборами, арендной платой, акцизами и податями, причем все это было конфисковано в пользу его Величества.

Однако немедленное приведение приговора в исполнение было приостановлено, чтобы дать истейтс возможность ответить. Результатом стала огромная масса ходатайств, ответов, копий, реплик на реплики и апостилей, которые мало кому было суждено прочесть, и меньше всего тем, кому они были номинально адресованы. Они никому не принесли пользы, кроме гонораров, которые приносили джентльменам в мантиях. Однако прошло шесть месяцев, прежде чем дело было закрыто. Поскольку не предстояло проливать кровь, упрощенный процесс не был сочтен необходимым. Наконец, 14 июля, перед Варгасом была выложена объемная стопка документов. Это был первый раз, когда он увидел их, и, более того, они были написаны на языке, в котором он не понимал ни слова. Однако его способности к ведению дел были таковы, что только взгляд на внешнюю сторону дела позволил ему принять решение. Через полчаса после этого, в сапогах и со шпорами, он служил мессу в церкви Святой Гудулы, направляясь на оглашение приговора в Антверпен. Это решение было вынесено в тот же день и подтвердило предыдущий акт осуждения. Варгас приступил к выполнению своей задачи так бодро, как если бы это было убийство. Акт разбоя и нищенства обрушился на город и провинцию, и результатом его расторопности стало изрядное количество страданий для других и грабежей для него самого. Многие тысячи граждан были разорены, многие миллионы имущества конфискованы.

Таким образом, Утрехт был лишен всех своих древних свобод в наказание за то, что посмел их сохранить. Провинциальное духовенство также вызвало гнев герцога, сославшись на буллу "in Coena Domini", которой церковная собственность объявлялась освобожденной от налогообложения. Столь незначительный выпад против человека, который только что был опоясан освященным папским мечом, украшенным драгоценными камнями, был действительно всего лишь слабой попыткой защиты. Альва относился к Coena Domini с презрением, но он заключил в тюрьму печатника, который осмелился переиздать ее на данном этапе. Более того, обнаружив, что это было опубликовано в печати по приказу не кого иного, как министра Ла Торре,, он бросил этого офицера также в тюрьму, помимо отстранения его от исполнения обязанностей на год.

Поместья провинции и магистратура города обжаловали его величеству решение герцога. Дело напрямую не касалось интересов религии, поскольку, хотя еретические беспорядки 1566 года послужили номинальными мотивами осуждения, сопротивление десятому и двадцатому пенни было настоящим преступлением, за которое они страдали. Таким образом, король, хотя и был далек от климента, не был чрезвычайно строг. Он отказался от цели обращения, но не предал смерти послов, которые доставили его в Мадрид. Это, безусловно, имело бы место в вопросах

строго религиозных, или даже если бы уполномоченные прибыли двумя годами раньше, но даже Филипп, возможно, считал, что на данный момент было пролито почти достаточно невинной крови. Во всяком случае, он позволил легатам из Утрехта вернуться не с удовлетворенным прощением, но, по крайней мере, с головами на плечах. В начале следующего года, когда провинции все еще оставались на военном положении, все утрехтские хартии были переданы во владение правительству и переданы на хранение в замок Вреденберг. Только после ухода Алвы они были восстановлены, согласно королевскому приказу, новым губернатором Рекесенсом.

К середине 1569 года Алва в очень бодром тоне написал королю, объявив, что все поместья провинций согласились с введением налога. Он поздравил его Величество с тем фактом, что отныне этим доходом можно пользоваться вечно и что он будет ежегодно приносить в его казну по меньшей мере два миллиона сверх государственных расходов. Сотая копейка, по его подсчетам, составила бы по меньшей мере пять миллионов.

Однако он был очень преждевременен в своем триумфе, поскольку сословия не заставили себя долго ждать, отказавшись от уступки, которая была либо вырвана у них насилием, либо украдена путем введения в заблуждение. Исходя из того, что согласие всех было оговорено до того, как согласие кого-либо было признано действительным, каждая провинция теперь отказывалась обеспечивать соблюдение или разрешать взимание десятой или двадцатой копейки в своих пределах. Ужасными были угрозы и гнев вице-короля, мучительно затянувшие возобновление переговоров с сословиями. Наконец, был достигнут компромисс, и финальная битва была отложена. В конце лета было решено, что провинции должны выплачивать по два миллиона ежегодно в течение двух последующих лет, срок которых истек в августе 1571 года. Таким образом, до этого периода в этом вопросе царил относительный покой.

Вопрос о всеобщем помиловании обсуждался более года как в Брюсселе, так и в Мадриде. Виль, который знал своих соотечественников лучше, чем их знал вице-король, часто писал своему другу Хопперу о целесообразности немедленного объявления амнистии. Кроме того, между ним и герцогом Алвы было проведено множество совещаний, и он подготовил не один проект предлагаемой меры. Президент прекрасно понимал, что была достигнута точка, за которой сила тирании не могла идти дальше. Он был уверен, что любое дополнительное давление может вызвать лишь реакцию, результатом которой может стать изгнание испанцев из Нидерландов. Тогда, возможно, предстоит сыграть еще одну игру. Головы тех, кто так усердно служил правительству на протяжении всей его ужасной карьеры, могли, в свою очередь, быть отправлены на плаху, а их состояния пойдут на пополнение Казны. Более того, появились признаки того, что благосклонность Алвы пошла на убыль. Король не был особенно поражен достоинствами новых финансовых мер и выражал большую тревогу, как бы не пострадала торговля страны. Было известно, что герцог стремился к своему возвращению. Его здоровье было подорвано, он чувствовал, что его ненавидят по всей стране, и он был уверен, что его враги в Мадриде быстро подрывают его авторитет. Казалось, у него также было смутное подозрение, что его миссия в Нидерландах завершена; что в настоящее время пролито столько крови, сколько эта земля может легко поглотить. Он написал Филиппу срочное и даже жалобное письмо по поводу своего возвращения. "Если бы вашему величеству только было угодно увезти меня из этой страны, - сказал он, - я счел бы это такой же великой милостью, как если бы ваше Величество даровали мне жизнь". Он поклялся "душой герцогини", что "скорее был бы разрезан на мелкие кусочки", чем ушел бы со своего поста, если бы потребовалось его присутствие, но он

выразил мнение, что благодаря его усилиям дела были поставлены в такое русло, что они наверняка будут идти гладко до скончания веков. "В настоящее время и на будущее, - писал он, - вашему величеству повиновались и будут повиноваться строже, чем любому из ваших предшественников", - добавляя с безумным самодовольством, - "и все это было достигнуто без насилия". Он также заверил его Величество в благополучном состоянии финансовых дел. Его налог должен был творить чудеса. Он разговаривал с капиталистами, которые предлагали ему четыре миллиона долларов в год за десятую копейку, но он отказался, потому что оценил продукт в гораздо более высокую сумму. Сотая копейка не могла быть оценена ниже пяти миллионов. Поэтому было очевидно, что вместо того, чтобы переводить средства в провинции, его величество в будущем будет получать от них постоянный и огромный доход. Более того, он заверил короля, что в настоящее время нет никого, кто мог бы внушать беспокойство ни изнутри, ни извне. Единственным выдающимся дворянином в стране был герцог Эршо, который был предан его величеству и, более того, "мало что значил", как хорошо знал король. Что касается принца Оранского, у него было бы достаточно дел, чтобы вырваться из лап своих кредиторов. Германии им нечего было бояться. Англия ничего не предпримет, пока Германия будет спокойна; а Франция пала слишком низко, чтобы ее вообще можно было бояться.

Таковы были настроения герцога, и король уже обдумывал целесообразность назначения своего преемника. Все это было известно президенту. Он инстинктивно чувствовал, что от этого преемника, кем бы он ни был, следует ожидать большего милосердия; и поэтому он был удовлетворен тем, что, по крайней мере, не нанесет ущерба своему собственному положению, склонившись в этот поздний час на сторону милосердия. Его неприятие десятого и двадцатого пенни уже привело к разрыву между ним и вице-королем, но втайне он чувствовал себя утешенным, думая о том, что король, вероятно, на той же стороне, что и он сам. Конечно, Алва по-прежнему отзывался о нем с одобрением, как публично, так и в частном порядке, часто пользуясь случаем, чтобы похвалить его в своих частных письмах как честного и ревностного слугу, как живого регистратора, без чьего универсального знания вещей и людей он вряд ли знал бы, в какую сторону обратиться. Президент, однако, начал уставать от собственного подхалимства. Он попросил своего друга Иоахима встать на его сторону, если его превосходительство напишет королю неблагоприятные отзывы о его поведении. Казалось, он изменил свои взгляды на человека, относительно "благоразумия и мягкости" которого когда-то мог перевернуть столько прекрасных периодов. Он даже выразил некоторую тревогу, как бы не возникли сомнения относительно совершенного милосердия короля. "Здесь происходит столько конфискаций и кровопролития, - сказал он, - что какой-нибудь налет жестокости или алчности может случайно запятнать мантию его Величества". Он также признался, что иногда читал в "Истории" о большем милосердии, чем сейчас, проявляемом к бедным нидерландцам. Если бы ученый фризец пришел к этим гуманным выводам несколько раньше, возможно, это было бы лучше для него самого и для его отечества. Если бы он служил своей стране так же верно, как служил Тайму, Филиппу и Алве, его владения не были бы такими обширными, а его титулы - столь многочисленными, но ему не пришлось бы в старости восклицать с капризной раздражительностью, что "верный слуга - всегда вечный осел".

Теперь стало ясно, что король рассматривает акт амнистии. Виглиус представил несколько планов, которые, однако, были настолько искажены многочисленными исключениями, предложенными Алвой, что президент с трудом узнал его работу. Гранвель также часто обращал внимание Филиппа на помилование. Кардинал был слишком проницателен, чтобы не понимать, что настало время, когда продолжение суровости может только разрушить его

собственное дело. Он чувствовал, что страна не может быть более униженной, дух патриотизма более явно угас. Проявление милосердия, которое теперь ничего не будет стоить и ничего не будет значить, могло бы быть более эффективным, чем это обильное и бессмысленное кровопролитие.

Он ясно видел, что жестокость Альвы уже перешла все границы. Однако, будучи слишком политичным, чтобы открыто порицать столь могущественного чиновника, он продолжал говорить о нем и его администрации Филиппу в терминах возвышенного панегирика. Он был "мудрым сеньором", благоразумным правителем, на которого его Величество мог полностью положиться. Он был человеком с большим опытом, всю свою жизнь приученным к ведению дел и вполне способным дать хороший отчет во всем, к чему он прикладывал руки. Однако он признался другим корреспондентам, что администрация мудрого сеньора, на которого его Величество мог так безоговорочно положиться, в конце концов "привела эти провинции в плачевное состояние".

К концу 1569 года из Мадрида были отправлены четыре различных документа о помиловании. Из этих четырех герцог должен был выбрать один и тщательно уничтожить остальные три. Однако выбор был сделан только в июле следующего года, и вице-король был готов объявить о помиловании. 14 числа того же месяца в Антверпене был устроен большой праздник с целью торжественного провозглашения долгожданной амнистии. Утром герцог в сопровождении блестящего штаба и длинной процессии духовенства в великолепных одеяниях прошествовал по улицам торговой столицы, чтобы вознести молитвы и отслужить мессу в кафедральном соборе. Затем епископ Аррасский начал проповедь о благословениях милосердия, кратко прокомментировав предстоящее королевское милосердие. Однако в самом начале своей речи он был охвачен судорогами, которые потребовали его удаления с кафедры; инцидент, который не был расценен как удачное предзнаменование. Во второй половине дня герцог со своей свитой появился на площади перед Городским домом. Здесь были возведены большие строительные леса или театр. Платформа и ступени, которые вели к ней, были покрыты алой тканью. Трон, покрытый золотой тканью, был установлен на самом возвышенном месте для герцога. На ступеньках прямо под ним стояли две самые красивые женщины Антверпена, одетые в аллегорические одежды, олицетворяющие праведность и мир. Лестница и помост были уставлены офицерами, площадь была запружена войсками и до краев заполнена ожидающей толпой горожан. Ближе к концу летнего дня герцог, одетый в знаменитую шляпу и шпагу папы римского, занял свое место на троне со всем королевским видом. После нескольких предварительных церемоний гражданский чиновник, встав между двумя герольдами, произнес долгожданный акт милосердия. Однако его чтение было настолько невнятным, что мало кто, кроме солдат, находившихся в непосредственной близости от платформы, мог расслышать хоть слово из документа.

Этот эффект был, возможно, преднамеренным. Конечно, от толпы можно было ожидать небольшого энтузиазма, если бы текст амнистии был услышан. Он состоял из трех частей — перечисления совершенных проступков, изложения условий помилования и длинного списка исключений. Все грехи бездействия и совершения, ересь, публичная проповедь, разрушение имиджа, компромисс, конфедерация, восстание были расписаны в ярких красках. Помилование, однако, было предложено всем тем, кто не подвергся обязательному импичменту, в случае, если они примирятся с Церковью до истечения двух месяцев и путем исповеди и раскаяния получают отпущение грехов. Исключения, однако, занимают большую

часть документа. Когда был обнародован общий акт осуждения, в результате которого все жители Нидерландов были приговорены к смертной казни, исключений было очень мало, и все лица упоминались поименно. В акте о помиловании исключения касались стольких классов населения, что ни один человек не мог избежать места в какой-либо из категорий, когда правительству было угодно лишить его жизни. Закон прямо исключал из сферы действия всех министров, учителей, догматизаторов и всех, кто поддерживал и укрывал таких догматизаторов и проповедников; всех тех, кто в малейшей степени был замешан в разрушении имиджа; всех, кого когда-либо лично подозревали в ереси или расколе; всех, кто когда-либо подписывал или поддерживал Компромисс или Петицию регенту; всех тех, кто брал в руки оружие, жертвовал деньги, распространял брошюры; всех тех, кто каким-либо образом обвинялся в неправильном заключении или кто не смог осудить виновных в ереси. Однако все лица, которые были включены в любой из этих категорий исключений, могли заявить о себе в течение шести месяцев, когда, признавшись в своем преступлении, они могли надеяться на благоприятное рассмотрение своего дела.

Такова вкратце и без словоблудия была эта амнистия, на которую Нидерланды так долго надеялись. Согласно его положениям, не был помилован ни один мужчина или женщина, которые когда-либо совершали проступок. Прощены были только невиновные. Даже они не были уверены в милосердии, если только не получают полного отпущения грехов от папы Римского. Более чем когда-либо обычная суровость будет применена ко всем, кто совершил какой-либо из тех положительных поступков, за которые столь многие уже лишились своих голов. Положение, в котором таким преступникам намекалась возможность помилования при условии, что они сознаются и сдадутся, справедливо рассматривалось как ловушка. Оно никого не обмануло. Ни один человек, после опыта последних трех лет, добровольно не сунул бы свою голову в пасть льву, чтобы прочнее закрепить ее у себя на плечах. Ни один человек, совершивший побег, не стал бы выступать в роли доносчика против самого себя в надежде получить помилование, от которого на самом деле были освобождены все, кроме самых искренних и ревностных католиков.

Поэтому, как только стали известны условия этого акта, ропот и недовольство стали всеобщими. Алва, разумеется, написал королю, "что народ был полностью удовлетворен, за исключением демагогов, которые не могли допустить ни единого исключения из амнистии; но он не мог ни обмануть своего государя, ни себя самого подобными заявлениями". Конечно, Филипп был полностью разочарован эффектом, которого он ожидал от этой меры. Он думал, что "это заткнет рты многим людям". Напротив, все уста в Нидерландах стали громогласно обличать лицемерие, с помощью которого был обнародован новый акт осуждения под названием помилования. Виль, составивший документ о гораздо большем милосердии, был далек от удовлетворения принятой мерой. "Конечно, - писал он своему доверенному лицу, - от столь милосердного государя следовало ожидать более милосердных мер. По прошествии четырех лет оставить для наказания и казни всех тех, кто во время беспорядков по слабости духа не оказал правительству той услуги, которую могли бы оказать храбрые люди, - это совершенно беспрецедентно".

Алва не мог долго притворяться, что верит в удовлетворение народа. Вскоре он написал королю, признавая, что впечатление, произведенное помилованием, было далеко не благоприятным. Он приписал большое пагубное воздействие суровому порицанию, которое было открыто высказано в отношении этого акта членами правительства как в Испании, так и в Нидерландах. Он пожаловался, что Хоппер написал Виглиусу, что "была выбрана самая суровая

из четырех переданных форм помилования"; дело в том, что была принята самая мягкая. Если бы это было так, то чье воображение было бы достаточно сильным, чтобы изобразить троих сожженных, которые, хотя и были более суровыми, чем обнародованный жестокий документ, все же назывались актами о помиловании? Герцог с горечью говорил о том, как влиятельные лица в Мадриде открыто осуждали жестокую форму объявленной амнистии. По его словам, его авторитет в Нидерландах уже был достаточно ослаблен, и такое порицание его действий со стороны руководства не способствовало его улучшению. "По правде говоря, - добавил он почти патетически, - нет ничего удивительного в том, что вся нация недоброжелательно настроена ко мне, потому что я определенно не сделал ничего, чтобы заставить их полюбить меня. В то же время такие выражения, передаваемые из Мадрида, не увеличивают их нежности".

Короче говоря, рассматриваемая как мера, с помощью которой правительство, не лишаясь своей ужасной власти, должно было успокоить общественное мнение, амнистия провалилась. Рассматриваемая как сеть, в которую следует заманить новых жертв, уже пробравшихся в далекую атмосферу свободы, она оказалась столь же безуспешной. Несколько очень малоизвестных личностей появились, чтобы воспользоваться преимуществами этого акта, прежде чем истек шестимесячный срок. С ними было сочтено целесообразным обращаться мягко; но никто не был обманут таким милосердием. Как выражались простые люди, в тот раз сеть для зябликов не была раскинута.

Умники Нидерландов, ищущие облегчения в своем жалком положении с помощью еще более жалкой уловки, заменили две буквы слова *Pardona* и переименовали новую меру *Pandora*. Тщеславие было не лишено смысла. Амнистия, нисходящая из небесных областей, предстала перед смертными как вестник, нагруженный небесными дарами. Шкатулка, когда ее открыли, источала проклятия вместо благословений. На этом, однако, классическая аналогия заканчивалась, поскольку всех педантов Лувена озадачило бы обнаружение Надежды, скрывающейся под какой бы то ни было маской, в положениях о помиловании.

Очень скоро после обнародования этого знаменитого акта новобрачная Филиппа, Анна Австрийская, проезжала через Нидерланды по пути в Мадрид. Во время своего краткого пребывания в Брюсселе она дала интервью вдовствующей графине Хорн. Эта несчастная дама, увидев, как ее старший сын, глава ее прославленного дома, так недавно погиб на эшафоте, пожелала сделать последнее усилие ради оставшегося, в то время тесно заточенного в тюрьме Сеговии. Эрцгерцогиня торжественно пообещала, что его освобождение будет первым благом, о котором она попросит своего царственного жениха, и убитая горем графиня удалилась почти с надеждой.

Здесь следует позволить себе небольшое отступление, чтобы рассказать об остальных судьбах этого сына, злополучного сеньора де Монтиньи. О его поездке в Мадрид в сопровождении маркиза Бергена рассказывалось в предыдущем томе. Последняя и самая печальная сцена в жизни его товарища-посланника была описана в недавней главе. После этого зловещего события Монтиньи стал больше всего беспокоиться о своем отступлении из Испании. Его больше года разлучали с невестой, с которой он прожил несколько месяцев. Он не был заключен в тюрьму, но чувствовал себя под самым строгим, хотя и секретным контролем. Для него было совершенно невозможно получить разрешение вернуться или уехать без разрешения. Однажды, случайно покинув город, чтобы прокатиться верхом в соседнюю деревню, он неожиданно оказался в окружении эскорта из сорока солдат. Тем не менее, король

сохранял улыбающееся выражение лица. В ответ на неоднократные и настоятельные просьбы Монтиньи об увольнении Филипп любезно подтвердил свое желание продлить свой визит. Его попросили остаться, чтобы сопровождать своего государя в этом путешествии в Нидерланды, которое надолго не затянется. В его нетерпении все казалось предпочтительнее состояния неизвестности, в котором он был вынужден пребывать. Он с готовностью предложил, если его обвинят или заподозрят в совершении преступления, сдать в тюрьму, если только его можно будет привлечь к суду. Вскоре после прибытия Алвы в Нидерланды первая часть этого предложения была принята. Как только в Мадриде стало известно об арестах Эгмонта и Хорна, Монтиньи был лишен свободы и заключен в тюрьму алькасар в Сеговии. Здесь он оставался заключенным в течение восьми или девяти месяцев в высокой башне без сопровождающего, кроме молодого пажа Артура де Мунтера, который сопровождал его из Нидерландов. Восемь латников были специально наняты для наблюдения за ним и предотвращения его побега.

Однажды, ближе к середине июля 1568 года, группа паломников, некоторые из которых были во фламандских одеждах, прошла по улицам Сеговии. Они распевали, как это было принято в таких случаях, тихую, монотонную песню, в которой Монтиньи, случайно оказавшийся поблизости, внезапно узнал язык своей родины. Его удивление было еще больше, когда, приглядевшись повнимательнее, он различил ужасный смысл песни. Мнимые паломники, не имея других средств связи с заключенным, пели для его сведения о трагических судьбах его брата, графа Хорна, и его друга, графа Эгмонта. К этому напряжению примешивались предупреждения о его собственной приближающейся гибели; если он не сможет совершить побег раньше, будет слишком поздно. Таким образом, благодаря этому дружескому маскараду Монтиньи узнал о судьбе своего брата, которая в противном случае в этой стране ужасной секретности могла бы быть скрыта от него навсегда.

Намек на собственное спасение не ускользнул от него, и он немедленно приступил к составлению плана побега. Ему удалось привлечь на свою сторону одного из восьми солдат, которые его охраняли, и таким образом он получил возможность общаться со многими из своих приверженцев за пределами тюремных стен. Его дворецкому ранее разрешалось снабжать стол своего хозяина провизией, приготовленной его собственным поваром. Теперь переписка велась с помощью писем, спрятанных в буханках хлеба, которые ежедневно присылались заключенному. Таким же образом были предоставлены напильники для распиливания оконных решеток. Также была передана очень тонкая веревочная лестница, по которой он должен был совершить побег во двор внизу. План был полностью составлен. Некий поляк, занятый на предприятии, должен был находиться в Эрнани с лошадьми наготове, чтобы доставить их в Сан-Себастьян. Там был нанят шлюп, который ожидал их прибытия. Соответственно, Монтиньи в письме, вложенном в буханку хлеба — последнюю, как он надеялся, которую ему предстояло разломать в тюрьме, — было дано указание, обрезав бороду и иным образом замаскировав свою личность, осуществить свой план и присоединиться к своим сообщникам в Эрнани. К несчастью, мажордом Монтиньи был влюблен. Накануне отъезда из Испании его прощальная встреча с любовницей так затянулась, что заботу об отправке хлеба переложили на другого человека. Заместитель распорядился так неумело, что буханку принесли коменданту замка, а не заключенному. Комендант разломил хлеб, обнаружил письмо и стал хозяином всего заговора. Все лица, участвовавшие в этом предприятии, были немедленно приговорены к смертной казни, а испанский солдат казнен без промедления. Остальные, которых сочли заслуживающими смягчения наказания из-за их верности своему хозяину, были отправлены на галеры. Мажордом, чья несвоевременная галантность стоила Монтиньи свободы, получил

вдобавок двести ударов плетью. Однако все они в конечном итоге были освобождены из тюремного заключения.

Несчастный джентльмен теперь содержался в еще более тесном заключении в своей одинокой башне. Поскольку все его приверженцы были уничтожены, он больше не мог надеяться на побег. Осенью этого года (1568) Алва счел целесообразным официально передать свое дело на рассмотрение Совета Крови. Монтиньи не совершил никакого преступления, но он был одним из той группы популярных дворян, смерть которых была давно предрешена. Соответственно, в Испанию были отправлены письма, уполномочивающие определенных тамошних чиновников провести это предварительное расследование, которое, как обычно, должно было стать единственным допустимым испытанием. Длинный список допросов был адресован ему 7 февраля 1569 года в его тюрьме в Сеговии. Неделью спустя его снова посетил алькальд, который зачитал ему ответы, которые он дал в первый раз, и потребовал, чтобы он подтвердил их. Затем ему было приказано разослать сводничество определенным лицам в Нидерландах, которые, возможно, пожелают выступить от его имени. Монтиньи подчинился, отправив несколько имен с оговоркой о замене. Однако все назначенные таким образом лица отказались действовать, если им не будет предоставлена копия протокола судебного разбирательства и изложение обвинительных статей. Совет Крови категорически отказал в этом. Не видя возможности оказать услугу своему другу, приняв какое-либо участие в этой насмешке над правосудием, они отказались принять сводничество. Они не могли защищать дело, когда не только показания, но даже обвинения против обвиняемого держались в секрете. Соответственно, правительством было назначено лицо, которое выступало от имени заключенного.

Таким образом, формы правосудия были соблюдены, и Монтиньи, заключенный в сеговийской башне, был приговорен к пожизненному заключению в Брюсселе. Конечно, ничто не могло сравниться с иронией такого процесса. Адвокат никогда не видел своего клиента, находящегося за тысячи миль от него, и ему не разрешалось поддерживать с ним переписку. Судебное разбирательство было возбуждено по повестке, адресованной герцогом Альва мадам де Монтиньи в Брюссель. Эта несчастная дама могла апеллировать только к королю. "Убежденная, - сказала она, - что ее муж невиновен в выдвинутых против него обвинениях, она бросилась, ошеломленная и поглощенная слезами и страданиями, к ногам его Величества. Она умоляла короля вспомнить прошлые заслуги Монтиньи, ее собственную молодость и то, что она наслаждалась его обществом всего четыре месяца. Руководствуясь всеми этими соображениями и страстями Иисуса Христа, она заклинала монарха простить любые проступки, которые мог совершить ее муж". Читатель может легко судить, какое впечатление произвел такой нежный призыв на сердце Филиппа. Из этой скалы, столь слабо пораженной, не бил источник милосердия. Не было большей уверенности в том, что ответы Монтиньи на адресованные ему допросы послужили триумфальным подтверждением его курса, чем в том, что такое подтверждение было бы совершенно бессильно спасти его жизнь. Выдвинутые против него обвинения были аналогичны тем, которые привели Эгмонта и Хорна к плахе, и это, конечно, не давало ему никаких оснований надеяться на то, что он сможет доказать свою еще большую невинность в подозрительном поведении, чем они. Соответственно, 4 марта 1570 года герцог Алва вынес ему приговор. В приговоре говорилось, что его голова должна быть отрублена, а затем выставлена на всеобщее обозрение насаженной на наконечник пики. 18 марта 1570 года герцог направил алькальдам, коррехидорам и другим судьям Кастилии письмо с требованием привести приговор в исполнение.

По прибытии этого требования перед королем в совете разгорелись серьезные дебаты. По общему мнению, на данный момент в Нидерландах было почти достаточно строгости. Считалось, что зрелище публичной казни другого выдающегося деятеля теперь может оказаться скорее раздражающим, чем полезным. Такого мнения придерживался и сам король. Конечно, ни ему, ни его советникам не приходило в голову, что это соображение должно побудить их сохранить жизнь невинному человеку. Сомнения относительно целесообразности нового убийства не пошли на пользу заключенному, который, помимо того, что был верноподданным и прихожанином древней Церкви, также был облачен в белые одежды посланника, претендующего не только на справедливость, но и на гостеприимство, как заместитель сестры Филиппа, Маргариты Пармской. Эти соображения, вероятно, никогда не приходили в голову Его Величеству. Однако ввиду особых обстоятельств дела было единогласно решено, что публичного пролития крови больше не должно быть. Большинство членов совета были за медленный яд. Они сказали, что в мясо и питье Монтиньи следует ежедневно добавлять наркотики, чтобы он мог понемногу умирать. Филипп, однако, прекратил эти рассуждения, решив, что таким образом цели правосудия не будут в достаточной степени удовлетворены. Он решил, что заключенного следует регулярно казнить, но дело должно быть тайным, и следует публично объявить, что он умер от лихорадки.

Этот вопрос был улажен; теперь король приступил к осуществлению своего плана со всем тем пристальным вниманием к деталям, которое отличало его характер. Терпеливое усердие, которое, если бы Бог дал ему человеческое сердце и любовь к справедливости, могло бы сделать его полезным монархом, теперь он посвятил плану убийства в полночь со спокойным чувством наслаждения, которое кажется почти невероятным. Нет никакого преувеличения в том, чтобы назвать это деяние убийством, поскольку оно, безусловно, не было санкционировано никаким законом, божественным или человеческим, и не было оправдано никакими обстоятельствами, которые, как предполагается, смягчают вину за убийство. Кроме того, если принять во внимание тщательно продуманную и излишнюю роскошь приготовлений, предпринятых Филиппом для осуществления своего замысла, нельзя усомниться в том, что он получал положительное удовольствие от своей работы. Могло показаться, что он почти позавидовал достижениям Альвы в деле резни. Он, казалось, был готов доказать тем, кто непосредственно находился рядом с ним, что каким бы способным ни был вице-король проводить публичные казни в грандиозных и ужасающих масштабах, все же была определенная утонченность, которой Алва никогда не достигал в подобном деле, и которая полностью принадлежала его Величеству. Король был полон решимости превратить убийство Монтиньи в шедевр.

Соответственно, 17 августа 1570 года он приказал дону Эухенио де Перальте, консьержу крепости Симанкас, отправиться в Сеговию, а оттуда перевезти сеньора Монтиньи в Симанкас. Здесь он должен был быть строго замурован, но при этом ему разрешалось время от времени выходить в коридор, примыкающий к его комнате. 7 октября следующего года лиценциату дону Алонсо де Авельяно, алькальду Вальядолида, был вручен приказ, адресованный королем дону Эухенио де Перальте, требующий от него передать заключенного в руки упомянутого лиценциата, которому было поручено привести в исполнение приговор Альве. Более того, этот чиновник был снабжен подробным письмом с инструкциями, которое было составлено в соответствии с указаниями короля 1 октября. В этих королевских инструкциях говорилось, что, хотя приговор был вынесен для публичной казни, все же король принял решение в пользу частной казни в стенах крепости. Это должно было быть устроено так, чтобы никто не

заподозрил, что Монтиньи был казнен, но, напротив, все должны были говорить и верить, что он умер естественной смертью. Таким образом, было нанято очень мало людей, которые под присягой и угрозами хранили тайну. Дон Алонсо должен был немедленно отправиться в Вальядолид, который находился в двух коротких лигах от Симанкаса. Там он должен был связаться с доном Эухенио и договориться о способе, дне и часе казни. Он уезжал из Вальядолида вечером накануне праздника, ближе к вечеру, чтобы прибыть в Симанкас незадолго до наступления темноты. Он возьмет с собой доверенного нотариуса, палача и как можно меньше слуг. Сразу же по прибытии в крепость он должен был сообщить Монтиньи смертный приговор в присутствии дон Эухенио и еще одного или двух человек. Затем он утешал его, в чем ему помогал дон Эухенио. После этого он оставлял его с религиозным лицом, которое будет назначено для этой цели. Эта ночь и весь следующий день, который будет праздником до полуночи, будут отведены Монтиньи, чтобы у него было время исповедаться, принять таинства, обратиться к Богу и покаяться. Между часом и двумя часами ночи должна была состояться казнь в присутствии священнослужителя, дон Эухенио де Перальты, нотариуса и еще одного или двух человек, которые понадобятся палачу. Священнослужитель должен был быть мудрым и рассудительным человеком и знать, насколько мало доверия Монтиньи внушал к символу веры. Если бы заключенный захотел составить завещание, это не могло быть разрешено. Поскольку все его имущество было конфисковано, он ничем не мог распоряжаться. Если бы он, однако, пожелал заявить о долгах, которые он хотел бы выплатить, ему была бы предоставлена такая свобода. Однако было оговорено, что он не должен был делать никаких намеков в каких-либо памятных записках или письмах, которые он мог бы написать, на казнь, которая вот-вот должна была состояться. Он должен был выражаться языком серьезно больного человека, который чувствует себя на пороге смерти. С помощью этой дьявольской изобретательности предполагалось сделать жертву соучастницей заговора и вложить в его умирающие уста фальшивое оправдание убийц. После того как казнь была совершена и о смерти было объявлено с соблюдением предписанной маскировки, погребение должно было состояться в церкви Святого Спасителя в Симанкасе. Следовало допустить умеренную пышность, подобающую человеку такого уровня, как Монтиньи, и воздвигнуть приличную гробницу. Также должна была быть отслужена большая месса с приличным количеством, "скажем, семистами", меньших месс. Поскольку слуг покойного было немного, продолжал бережливый король, каждому из них можно было бы выдать траурный костюм. Таким образом, лично согласовав все детали этой секретной работы, от оглашения приговора до погребения заключенного; установив не только способ его ухода из жизни, но и порядок прохождения через чистилище, король отправил агента выполнять его задание.

Королевская программа была точно выполнена. Дон Алонсо прибыл в Вальядолид и договорился с доном Эухенио. Было решено, что документ, подготовленный королевскими властями и привезенный доном Алонсо из Мадрида, должен быть выброшен в коридор тюрьмы Монтиньи. Эта статья, написанная на латыни, гласила следующее:

- Ночью, как я понимаю, у вас не будет ни малейшего шанса сбежать. Днем их будет много, потому что тогда вы будете отвечать за одного подагрического стража, который не сравнится ни по силе, ни по скорости с таким энергичным человеком, как вы. Совершите свой побег с 8 по 12 октября, в любое удобное для вас время, и поезжайте по дороге, примыкающей к воротам

замка, через которые вы вошли. Ты найдешь Роберта и Джона, которые будут наготове с лошадьми и всем необходимым. Пусть Бог благоволит твоему начинанию. —R. D. M."

Письмо, таким образом намеренно брошенное в коридор одним сообщником, вскоре было подобрано другим, который немедленно обвинил Монтиньи в попытке к бегству. Несмотря на яростные заявления о невинности, естественно, сделанные заключенным, его мнимый проект был сделан предлогом для еще более строгого заключения в "Епископской башне". Письмо, написанное в Мадриде по приказу Филиппа, было доставлено доном Алонсо в Симанкас, в котором заранее описывались эти обстоятельства в точности так, как они произошли сейчас. Кроме того, в нем говорилось, что Монтиньи вследствие его строгого заключения тяжело заболел и что ему будет оказано все внимание, совместимое с его сохранностью. Это письмо, согласно предыдущим распоряжениям, теперь было подписано доном Эухенио де Перальтой, датировано 10 октября 1570 года и публично отправлено Филиппу. Таким образом, было официально установлено, что Монтиньи серьезно болен. Врач, тщательно проинструктированный и поклявшийся хранить тайну, теперь был демонстративно допущен в тауэр, принес с собой огромное количество лекарств. По возвращении он должным образом распространил среди горожан свое мнение о том, что знаменитый узник страдал расстройством, излечиться от которого было почти невозможно. Таким образом, благодаря мастерским мерам предосторожности Филиппа, ни один человек в Мадриде или Симанкасе не знал, что Монтиньи умирает от лихорадки, за единственным исключением самого пациента.

В субботу, 14 октября, с наступлением темноты дон Алонсо де Авельяно в сопровождении предписанных лиц, включая брата Эрнандо дель Кастильо, священнослужителя с высокой репутацией, появился в тюрьме Симанкас. В десять часов вечера Монтиньи был оглашен приговор. Он был явно взволнован внезапным известием, поскольку оно было для него совершенно неожиданным. Напротив, он очень надеялся на заступничество королевы, о прибытии которой он уже узнал. Однако вскоре он пришел в себя и попросил оставить его наедине со священнослужителем. Вся ночь и следующий день прошли в священных службах. Он вел себя с большой сдержанностью, мужеством и спокойствием. Он заявлял о своей полной невинности в каком-либо соучастии с принцем Оранским или в каких-либо нелояльных замыслах или чувствах в любой период своей жизни. Он составил мемориал, в котором выразил свою сильную привязанность ко всем пунктам католической веры, от которых он ни на мгновение не отступал. Все его поведение было благородным, покорным и христианским. "Во всем существенном, - сказал брат Эрнандо, - он вел себя так хорошо, что мы, оставшиеся, можем ему позавидовать". Он написал документ с инструкциями, касающимися его верных и осиротевших иждивенцев. Он вложил свой перстень с печаткой, прикрепленный к маленькой золотой цепочке, в руки священнослужителя, чтобы тот передал его жене. Другое кольцо, оправленное бирюзой, он отправил своей теще, принцессе Эспиноа, от которой и получил его. Таким образом, примерно через час после полуночи, утром 16 октября, отец Эрнандо уведомил, что заключенный готов умереть. Затем вошел алькальд Дон Алонсо в сопровождении палача и нотариуса. Теперь снова был зачитан приговор Альве, и алькальд добавил, что король "из своего милосердия" заменил публичную казнь тайной. Монтиньи признал, что судебное решение было бы справедливым, а наказание мягким, если бы было признано, что выдвинутые против него обвинения были правдой. Однако его враги, пока он был таким образом замурован, обладали властью обвинять его по своему списку. Он замолчал, а затем палач вышел вперед и задушил его. Затем алькальд, нотариус и палач немедленно отправились в Вальядолид, так что на следующее утро никто не знал, что они были той ночью в Симанкасе, и не мог догадаться о

темном деле, которое они тогда и там совершили. Ужасную тайну, которую им было запрещено разглашать под страхом смерти.

Монтињи сразу после своей смерти был облачен в одеяние святого Франциска, чтобы скрыть следы удушения. В течение дня тело было передано, согласно предыдущему распоряжению короля, в церковь Святого Спасителя. Дон Эухенио де Перальта, руководивший погребением, открыл лицо покойного, чтобы удостоверить его личность, которую мгновенно узнали многие скорбящие слуги. На следующее утро второе письмо, подготовленное Филиппом задолго до этого и доставленное доном Алонсо де Авельяно в Симанкас, было датировано 17 октября 1570 года вместе с подписью дон-Эухенио де Перальты, смотрителя крепости Симанкас, а затем публично отправлено королю. В нем говорилось, что, несмотря на уход, оказанный сеньору де Монтињи во время его тяжелой болезни лечившими его врачами, ему продолжало становиться все хуже и хуже до предыдущего утра между тремя и четырьмя часами, когда он скончался. Брат Эрнандо дель Кастильо, случайно оказавшийся в Симанкасе, совершил священные обряды по просьбе покойного, который умер в таком католическом настроении, что можно было питать большие надежды на его спасение. Хотя у него не было никакого имущества, все же его похороны были проведены очень респектабельно.

3 ноября 1570 года эти два письма, якобы написанные доном Эухенио де Перальтой, были переданы Филиппом герцогу Альва. Они должны были служить доказательством заявления, которое теперь было поручено сделать генерал-губернатору, о том, что сеньор де Монтињи умер естественной смертью в крепости Симанкас. С тем же курьером король также переслал секретные мемуары, содержащие точную историю темной сделки, из мемуаров которой был подготовлен приведенный выше отчет. В то же время герцогу было поручено публично предъявить лживые письма дон-Эухенио де Перальты, как содержащие подлинное изложение дела. Более того, король отметил в своем письме, что в Испании нет ни одного человека, который сомневался бы в том, что Монтињи умер от лихорадки. Он добавил, что если чувства покойного дворянина хоть сколько-нибудь соответствовали его внешним проявлениям, то, согласно полученным отчетам о его последних минутах, следует надеяться, что Бог смилостивится над его душой. Секретарь, скопировавший письмо, взял на себя смелость добавить, однако, к этому абзацу предположение, что "если бы Монтињи действительно был еретиком, дьявол, который всегда помогает своим детям в такие моменты, вряд ли подвел бы его в его смертный час". Филипп, недовольный таким легкомыслием, распорядился стереть этот отрывок. Он даже дал выход своему королевскому негодованию в заметке на полях о том, что мы всегда должны высказывать благоприятные суждения о мертвых — благочестивое чувство, которое всегда дороже мастерам письма, чем историкам. Однако этому замечательному моралисту, казалось, никогда не приходило в голову, что душить невинного человека так же предосудительно, как плохо отзываться о нем после его смерти.

Так погиб барон Монтињи через четыре года после своего прибытия в Мадрид в качестве посла герцогини Маргариты и через три года после смерти своего коллеги-посланника маркиза Бергена. Нет необходимости в извинениях за столь подробный рассказ об этой мрачной и тайной трагедии. Великие дела правления иногда оказываются пустяками; великие битвы и великие договоры, отнимая огромное количество жизней и дыхания, часто оставляют мир там, где они его основали. События, занимающие многие из самых величественных страниц истории и больше всего жившие в устах людей, часто содержат всего лишь банальные уроки философии. Возможно, дело обстоит иначе, когда благодаря воскресению секретных

документов, над которыми скопилась пыль трех столетий, мы получаем возможность изучить внутреннее функционирование системы совершенной тирании. Либеральные институты, республиканские или конституционные правительства действуют при дневном свете; мы видим, как они работают, чувствуем тряску их колес и часто напрасно встревожены их очевидными тенденциями. Обратная сторона картины не всегда так легко достижима. Поэтому, когда мы находим тщательный портрет непревзойденного тирана, написанный его собственной рукой, нам стоит на мгновение остановиться, чтобы внимательно взглянуть в черты лица. Конечно, впоследствии мы не станем любить свободу меньше.

Ближе к концу 1570 года на Нидерланды обрушилось еще одно ужасное несчастье. Теперь рука Божья поразила несчастную страну, и без того измученную жестокостью войны. Наводнение, более грандиозное, чем любое другое, которое когда-либо было зафиксировано в этих летописях, столь изобилующих подобными катастрофами, теперь охватило все побережье от Фландрии до Фрисландии. Не достопамятный потоп XIII века, из которого родился Зюйдер-Зее; не тот, при котором воды Долларта навсегда сомкнулись над деревнями и церквями Гронингена; не одно из тех постоянно повторяющихся наводнений, которые год за годом заставляли жителей Нидерландов с тревогой вспоминать о водном хаосе, из которого была создана их родина и в который ей ежедневно грозила опасность погрузиться снова, возбудили столько ужаса и причинили столько разрушений. Непрекращающийся и яростный шторм с северо-запада долгое время гнал воды Атлантики в Северное море, а теперь обрушил их на хрупкие побережья провинций. Дамбы, задача которых была выше их сил, прорвались во всех направлениях. Города Фландрии, расположенные на значительном расстоянии от суши, были внезапно затоплены водами океана. Над всем узким полуостровом Северная Голландия нависла неминуемая опасность быть сметенным навсегда. Между Амстердамом и Мейденом большая дамба Димер была прорвана в двенадцати местах. Ручной борт, фальшборт, сделанный из дубовых свай, скрепленных металлическими скобами, пришвартованных железными якорями и укрепленных гравием и гранитом, был разломан на куски, как вьючная нить. "Спящий", дамба, названная так потому, что стихия обычно оставляла ее в покое, за исключением серьезных чрезвычайных ситуаций, одна устояла и предотвратила завершение катастрофы. Океан по-прежнему обрушивался на сушу со страшной яростью. Какое-то время Дорт, Роттердам и многие другие города были практически затоплены. Вдоль побережья рыболовецкие суда и даже корабли большего размера заплывали в глубь страны, где они запутывались в рощах и фруктовых садах или разбивали вдребезги крыши и стены домов. Человеческие жертвы и материальный ущерб были огромными во всех приморских провинциях, но во Фрисландии опустошение было полным. Там почти все дамбы и шлюзы были разбиты вдребезги; страна повсюду превратилась в бушующее море. Шпили и башни внутренних городов превратились в острова океана. Тысячи людей были сметены с лица земли за несколько часов. Целые районы территории со всеми их деревнями, фермами и церквями были сорваны со своих мест, унесены силой волн, иногда для того, чтобы оказаться в другой части страны, иногда для того, чтобы быть полностью поглощенными. Множество мужчин, женщин, детей, лошадей, быков, овец и всех домашних животных боролись с волнами во всех направлениях. Охотно хватались за каждую лодку и за каждый предмет, который мог служить лодкой. Каждый дом был затоплен; даже кладбища отдавали своих мертвецов. Живой младенец в колыбели и давно похороненный труп в гробу плыли бок о бок. Древний потоп, казалось, вот-вот возобновится. Повсюду, на верхушках деревьев, на шпилях церквей, толпились люди, моля Бога о милосердии и своих собратьев опомощи. Когда шторм наконец утих, лодки начали

курсировать во всех направлениях, спасая тех, кто все еще боролся в воде, снимая беглецов с крыш и верхушек деревьев и собирая тела тех, кто уже утонул. Полковник Роблес, сеньор де Билли, которого раньше очень ненавидели за его испанскую или португальскую кровь, проявил себя очень активным участником этой гуманной работы. Благодаря его усилиям и усилиям войск, принадлежащих Гронингену, было спасено много жизней, и благодарность заменила древнюю вражду. Было подсчитано, что только в провинции Фрисландия было уничтожено по меньшей мере двадцать тысяч человек. По всем Нидерландам погибло сто тысяч человек. Один только материальный ущерб и количество животных, попавших в море, были почти неисчислимы.

Эти события произошли 1 и 2 ноября 1570 года. Первый день пришелся на день Всех Святых, и испанцы громко утверждали, что месть Небес обрушилась на обитель еретиков. Голландцы рассматривали катастрофу как предзнаменование еще более ужасных несчастий, уготованных им. Казалось, что Бог и человек обрекли их на уничтожение. Подавляющая тирания долгое время была по их конституционным бастионам только для того, чтобы в конце концов захлестнуть их; и теперь непреодолимый океан, нетерпеливый к слабым барьерам человека, наконец поднялся, чтобы вернуть свою добычу. Природа, словно желая заглушить слабую жестокость человека, за несколько часов произвела больше опустошения, чем фанатизм, каким бы активным он ни был, мог произвести за многие годы.

Почти в конце этого года (1570) произошел инцидент, иллюстрирующий свирепую храбрость, столь часто проявляемую в гражданских распрях. На западной окраине острова Боммель стоял замок Лоустейн. Остров находится не в море. Это узкая, но важная территория, заключенная между реками Маас и Ваал. Замок, расположенный тонким крюком на слиянии двух рек, контролировал два города Горкам и Доркам, а также все судоходство по водам. Однажды вечером, ближе к концу декабря, четверо монахов, одетых в капюшоны и рясы нищенствующих серых монахов, попросили гостеприимства у ворот замка. Их сразу же провели к коменданту, брату президента Тиснака. Он стоял у камина, беседуя со своей женой. Первый монах, приблизившийся к нему, спросил, принадлежит ли замок герцогу Альве или принцу Оранскому. Кастелян ответил, что не признает никакого принца, кроме Филиппа, короля Испании. Вслед за этим монах, который был не кем иным, как Германом де Рюйтером, погонщиком скота по профессии и горячим сторонником Апельсина, выхватил из-под рясы пистолет и выстрелил коменданту в голову. Остальные, воспользовавшись внезапной паникой, преодолели все сопротивление, оказанное слабым гарнизоном, и стали хозяевами этого места. В течение следующего дня они ввели в замок двадцать четыре или пять человек, с помощью которых усердно принялись укреплять это место и закрепляться в нем. Более крупное подкрепление, на которое они рассчитывали, было задержано наводнениями и морозами, которые на данный момент сделали дороги и пятерки одинаково непригодными для использования.

Дон Родриго де Толедо, губернатор Буа-ле-Дюка, немедленно отправил некоего капитана Переа во главе двухсот солдат, к которым по дороге присоединились разные отряды добровольцев, как можно скорее вернуть крепость. Замок, омываемый по внешним стенам реками Вааль и Маас и имеющий два редута, защищенных двойным внутренним рвом, было бы трудно взять приступом, если бы численность осажденных была хоть сколько-нибудь достаточной для его обороны. Однако при нынешнем положении дел испанцы, пробив брешь в стене из своих пушек в первый день, а затем с замечательной отвагой на второй день усилили внутренние укрепления и оказались хозяевами крепости в течение сорока восьми часов после своего первого

появления у ее ворот. Большинство защитников были либо убиты, либо взяты в плен живыми. Один де Рюйтер пробрался во внутренний зал замка, где остановился на пороге. Многие испанцы, один за другим, пытались убить или обезопасить его, пали от его меча, которым он владел с силой великана. Наконец, подавленный численностью и ослабленный потерей крови, он медленно отступил в зал, сопровождаемый многими своими противниками. Здесь неожиданным движением он поднес спичку к горке пороха, которую ранее разложил по полу квартиры. Взрыв произошел мгновенно. Башня, где проходило состязание, взлетела на воздух, и Де Рюйтера с его врагами постигла общая участь. Часть изуродованных останков этого героического, но свирепого патриота была впоследствии извлечена из руин тауэра и с бессильной злобой прибита гвоздями к виселице в Буа-ле-Дюке. Из его выживших товарищей некоторые были обезглавлены, некоторые были разбиты о колесо, некоторые были повешены и четвертованы — все были казнены.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Конституционные правительства, действуйте при дневном свете
Потребитель заплатил бы налог, если бы он вообще был когда-либо уплачен
Финансовая оппозиция тирании, как правило, единодушна
Великие сражения часто оставляют мир там, где они его застали
Великие дела правления иногда оказываются пустяками
Верный слуга всегда остается вечным ослом

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 18.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855-1870 [ГЛАВА VI.]

Оранжевый и графа Луи во Франции—мир с гугенотами—Колиньи мемуары, представленная по запросу Карла IX., на тему вторжения в Нидерланды—секретной переписки оранжевый, организованных Павел покупает—каперство комиссий, выдаваемых князь—правил, установленных им для флотов таким образом создается—нищенском положении князя—его стойкость—его личные жертвы и лишения—его щедрость—вновь конкурса между герцогом и сословиями на эту тему десятой и двадцатой пенсов—ожесточенные споры в Совете,—решительное неприятие Viglius—указ главное немедленному сбору налогов популярных бесчинство—Viglius по доносу Алва—Герцога ожесточенные жалобы царю—тайные планы Филиппа против королевы Англии Елизаветы—в Ridolphi заговор с целью убийства Елизаветы терпят Филипп и Пия В.—царские приказы Алва для дальнейшего план—герцога уговорами—взрыв в центре сюжета—упрямство Филиппа—возобновление жалоб на Альва, как неосмотрительно услуг от него требуется—другие попытки Филиппа в убийстве Элизабет—Дону Джон Австрии в Левант--Битва при Лепанто—ленностью Селим—назначение Медина-Чели—Непрекращающиеся споры в Брюсселе после налогообложения—настойчивые усилия оранжевый—неуважение к Альве для принца—предложил наказание позора в отношении его название—Sonoy миссии в Германии—замечательные документы, выданные принца—"речь"—интенсивный ненависть к Альве развлекали высших, а также низших чинов—визит Франциска де Альва в Брюсселе—его неблагоприятных доклад к царю,—постоянно недовольный язык герцог,—депутации в Испании—всеобщего восстания против налогов свирепость Алва—

Выполнение восемнадцать торговцы тайно приказал,—перебил взятие Бриля—Нищие на море—молодого кабана Арденны—примирения между английским государством и что Альва—Голландия privateersmen приказали выйти из английских портов—Де-Ла-Марк флота перед Брилл—город, вызвали к сдаче—комиссары послали на флот—полет магистратов и посадских людей—захват место—возмущение Алва—народное ликование в Брюсселе—каламбуры и карикатуры—боссу приказал восстановить город из Брилл—Его поражение—его коварный вход в Роттердаме—резня в этом городе—топить революцию—неудачная попытка губернатора де Бургонь данным напомним граждан к их послушанию—экспедиция под Treslong из Брилл, чтобы помочь городе Флашинг—убийство Расчесо патриотами—Zeraerts назначен губернатором Валхереном оранжевый.

Хотя таковы были внутренние события Нидерландов в 1569 и 1570 годах, принц Оранский, хотя и снова был странником, никогда не позволял себе впадать в отчаяние. В течение всего этого периода, самого мрачного часа для него самого и для его страны, он всегда был настороже. Распустив свои войска в Страсбурге и приняв наилучшие возможные в данных обстоятельствах меры для выплаты им жалованья, он присоединился к армии, которую герцог Де Пон собирал в Германии для оказания помощи делу гугенотов во Франции. Принц был вынужден признать, что на данный момент все открытые усилия в Нидерландах, скорее всего, окажутся бесплодными, и инстинктивно обратил свой взор на более благоприятный аспект Реформации во Франции. Было неизбежно, что, поскольку он был таким образом отстранен на время от своей законной работы, его должны были повести на освободительные бои в соседнюю страну. Герцог Де Пон, считавший, что его собственное военное мастерство вряд ли соответствует задаче, которую он взял на себя, был как бы рад отдать себя и свою армию под командование Оранского.

Тем временем разыгралась битва при Джамаке; принц Кондо, покрытый ранами и восклицавший, как сладко умирать за Христа и родину, выпал из седла; вся армия гугенотов была разбита королевскими войсками под номинальным командованием Анжу, а тело Конде, привязанное к спине осла, с насмешкой пронесли по улицам Жарнапа.

Дела борьбы за свободу во Франции уже приняли почти такой же черный оборот, как и в провинциях. Вскоре после этого Вильгельм Оранский с отрядом в тысячу двести всадников присоединился к знаменам Колиньи. Его сопровождали два брата. Юноша Генри бросил университет, чтобы последовать примеру принца. Неукротимый Людовик, после того как семь тысяч человек из его армии были убиты, голым переплыл Эмс, восклицая, "что его мужество, слава Богу, было таким же свежим и энергичным, как всегда", и, не теряя ни минуты, возобновил свои враждебные планы против испанского правительства. Тем временем он присоединился к гугенотам во Франции. Битва при Монконтуре увенчалась успехом, граф Питер Мансфельд с пятитысячным войском, посланным Альвой, сражался на стороне роялистов, а Луи Нассау - на стороне гугенотов, искупив стойкостью и мастерством, с которыми он прикрывал отступление, свою неумеренную храбрость, которая ускорила бой и, возможно, стала главной причиной свержения Колиньи. Принц Оранский, который был безапелляционно вызван в Нидерланды в начале осени, не присутствовал на битве. Переодетый крестьянином, всего с пятью слугами, подвергаясь большой опасности, он пересек вражеские позиции, пересек Францию и прибыл в Германию еще до наступления зимы. Граф Людовик остался с гугенотами. Он казался настолько необходимым для их дела и настолько дорог был их армиям, что во время тяжелой болезни Колиньи в течение следующего лета все взоры были обращены на него как на неизбежного преемника этого великого человека, единственного оставшегося столпа свободы во Франции.

Колиньи выздоровел. Смертоносный мир между гугенотами и двором увенчался успехом. Адмирал, несмотря на свою проницательность и подозрительность, пустился со всей своей командой по тому спокойному и коварному течению, которое привело к ужасной катастрофе при Святом Варфоломее. Чтобы отвлечь его внимание, правительство взяло на себя официальное обязательство направить помощь в Нидерланды. Адмирал должен был возглавить вспомогательные войска, которые должны были быть отправлены через границу для свержения тиранического правительства Альвы. Долгими и тревожными были переговоры между Колиньи и роялистами. Монарх запросил у адмирала подробное мнение в письменной форме о наиболее целесообразном плане вторжения в Нидерланды. Результатом стала подготовка знаменитых мемуаров под руководством Колиньи молодым Де Морне, сеньором де Плесси. Документ, безусловно, не был бумагой высшего порядка. Он не взывал к более возвышенным инстинктам, которыми, как можно было предположить, обладали короли или простые смертные. Он вызвал монарха на состязание в Нидерландах, чтобы отомстить за древние обиды, нанесенные Испанией. В нем вызывался призрак Изабеллы Французской, подло убитой, как считалось, Филиппом. Это открывало перспективу повторной аннексии прекрасных провинций, отнятых у предков короля бывшими испанскими монархами. В нем описывалось опасное положение Филиппа: мавританское восстание разъедало внутренности его королевства, турецкая война пожирала его края, язва восстания разъедала самое сердце Нидерландов. В нем с ликованием вспоминался печальный факт, что единственным естественным и здоровым существованием французов было состояние войны — что Франции, если она не была занята иностранными кампаниями, ничто не могло помешать вонзить свой меч в собственные жизненно важные органы.

Он предавался освежающим воспоминаниям о тех безмятежных днях, которые не так давно прошли, когда Франция, наслаждаясь совершенным спокойствием в пределах своих собственных границ, спокойно и регулярно вела свои длительные войны за границей.

Несмотря на этот дух дикости, который современные документы если и не презирали, то, по крайней мере, приглушили, статья, тем не менее, была проницательной; но запрос на мемуары и многочисленные интервью на тему вторжения были направлены только на то, чтобы ввести в заблуждение. Они были всего лишь занавесом, скрывавшим приготовления к мрачной трагедии, которая вот-вот должна была разыгаться. Столь же обманутый и более оптимистичный, чем когда-либо, Луи Нассау в этот период был неутомим в своих попытках приобрести друзей для своего дела. У него были неоднократные аудиенции у короля, ко двору которого он прибыл переодетым. Он произвел сильное и теплое впечатление на посланника Елизаветы при французском дворе Уолсингема. Вполне вероятно, что в стремлении графа отстаивать свою точку зрения он придал больше правдоподобия определенным проектам раздела Нидерландов, чем когда-либо санкционировал бы его брат. Принц был совершенно незнаком с этими зачаточными планами. Его работой было освободить свою страну и уничтожить тиранию, которая приобрела колоссальные масштабы. Этой работы было достаточно на всю жизнь, и нельзя найти никаких доказательств того, что ничтожный личный интерес занимал даже самое низкое место среди его мотивов.

Тем временем осенью 1569 года Оранский снова достиг Германии. Пауль Байс, лейденский пенсионарий, постоянно информировал его о положении дел в провинциях. С его помощью была организована и поддерживалась обширная переписка с ведущими деятелями во всех частях Нидерландов. Общепринятые термины, которыми в этих письмах обозначались

различные важные вопросы и лица, были хорошо известны всем сторонникам дела не только в провинциях, но и во Франции, Англии, Германии и особенно в крупных торговых городах. Принц, например, всегда обозначался как Мартин Виллемзун, герцог Алва - как мастер Пауэлс ван Альблас, королева Англии - как Генри Филипзун, король Дании - как Питер Петерсон. Вместо двенадцати месяцев использовались двенадцать знаков зодиака, и было принято великое множество подобных замен. Более того, перед своим визитом во Францию Оранж в качестве суверена выдал поручения различным морякам, которые были уполномочены совершать крузы против испанской торговли.

"Морские попрошайки", как называли себя эти каперы, вскоре приобрели такое же ужасное название, как "дикие попрошайки" или "лесные попрошайки"; но принц, много раз беседовавший с адмиралом Колиньи о важных выгодах, которые можно извлечь из этой системы, твердо вознамерился после своего возвращения из Франции исправить ее злоупотребления. Сеньор де Долен, который, как и многие другие дворяне-беженцы, приобрел много отличий в этой бродячей корсарской жизни, в течение сезона исполнял обязанности адмирала при принце. Однако он решительно отказался предоставлять какие-либо отчеты о своих различных экспедициях и, как следствие, был лишен командования. Его преемником был назначен Гиллен де Файнс, сеньор де Люмбрес. В то же время Оранский издал строгие приказы, запрещающие любые враждебные меры против императора или любого из принцев империи, против Швеции, Дании, Англии или против любых властителей, которые были защитниками истинной христианской религии. Герцог Алва и его сторонники были определены как единственные законные противники. Более того, принц дал подробные инструкции относительно дисциплины, которую необходимо соблюдать на его флоте. Военные уставы должны были строго соблюдаться. Каждый командир должен был содержать на борту своего корабля священника, который должен был проповедовать слово Божье и сохранять христианское благочестие среди экипажа. Никто не должен был осуществлять какое-либо командование флотом, кроме коренных нидерландцев, если только на это не было прямого приказа принца Оранского. Все призы должны были быть разделены по установленному правилу. На борт не допускались никакие лица ни в качестве матросов, ни в качестве солдат, за исключением "людей с дурным именем и славой". Не допускался ни один человек, который когда-либо был наказан по справедливости. Таковы были основные черты организации того зарождающегося военно-морского флота, которому в течение этого и последующих столетий предстояло добиться стольких триумфов и к которому уже проложил путь могущественный и предприимчивый торговый флот. "Из своих кораблей, - сказал кардинал Бентивольо, - голландцы строят дома, из своих домов - школы. Здесь они рождаются, здесь получают образование, здесь осваивают свою профессию. Их моряки, перелетая из одной точки в другую, практикуясь в своем искусстве везде, где смертным являет себя солнце, становятся настолько искусными, что с ними едва ли может сравниться, а тем более превзойденными, ни одна нация цивилизованного мира".

Однако принц, вернувшись из Франции, никогда еще не был в таком плачевном состоянии. "Оранж явно гибнет", - сказал один из сторонников правого дела. У него не только не было средств для организации новых призывов, но он ежедневно сталкивался с самыми громкими заявлениями, исходившими от армии, которую он недавно был вынужден распустить. Первоначально в Нидерландах сообщалось, что он пал в битве при Монконтуре. "Если его действительно убьют, - писал Виль, едва осмеливаясь поверить в эту великую новость, - у всех нас будет меньше причин для дрожи". Однако после своего фактического возвращения, тощий

и нищий, без денег и кредита, всего лишь угрожающая тень, лишенная смысла и власти, он, казалось, оправдывал сарказм Гранвеля. "Vana sine viribus ira", - процитировал кардинал, и действительно, казалось, что ни один человек в Германии не пошевелится в его защиту теперь, когда на его дело опустился такой глубокий мрак. Малоизвестные и угнетенные во всех провинциях и Германии по-прежнему свободно вносили взносы из-за своей слабости и бедности и облагали себя налогами сверх своих возможностей, помогая предприятиям на благо Нидерландов. Однако великие мира сего, те, на кого принц полагался; те, кому он отдал свое сердце; герцоги, принцы и курфюрсты, в результате этой роковой перемены в его судьбе исчезли, как вода.

Однако его дух не был сломлен. Его письма свидетельствовали о совершенном понимании своего положения и того, до чего была доведена его страна; но в них никогда не было и следа слабости или отчаяния. Скромным, но возвышенным мужеством; благочестивой, но непритворной покорностью дышал каждый документ, публичный или частный, вышедший из-под его пера в эту эпоху. Он написал своему брату Джону, что вполне готов отправиться во Франкфурт, чтобы сдать в качестве заложника своим войскам для выплаты их долгов. В то же время он умолял своего брата перевернуть небо и землю, чтобы собрать по крайней мере сто тысяч талеров. Если бы он только мог выдать им месячное жалованье, солдаты, возможно, были бы какое-то время довольны. Он также дал указания относительно распоряжения тем, что осталось от его посуды и мебели, большая часть которой была уже продана и израсходована на общее дело. Он подумал, что в целом было бы лучше продать остаток по частям на ярмарке. При таком курсе было бы собрано больше денег, чем при более оптовом соглашении.

Теперь он был вынужден лично заниматься самыми мелкими вопросами домашнего хозяйства. Человек, который был супругом императоров, который сам был государем, прожил долгую жизнь в пышности и роскоши, окруженный бесчисленными вельможами, пажам, воинами и слугами, теперь спокойно смирился с положением преступника и изгнанника. Он с радостью выполнял задачи, которые раньше возлагались на его конюхов и камердинеров. Была почти трогательная простота в обыденных деталях существования, которое на мгновение стало таким неясным и таким отчаянным. "Пришлите с посыльным, - писал он, - маленький наемный экипаж, подаренный мне адмиралом; пришлите также две пары моих чулок; одна пара у портного для починки, другую пару вы, пожалуйста, прикажете взять из вещей, которые я недавно носил в Дилленбурге. Они лежат на столе вместе с моим снаряжением. Если маленький экипаж не в порядке, пожалуйста, пришлите серого коня с обрезанными ушами и хвостом".

Однако он всегда помнил не только о великом деле, которому посвятил себя, но и о нуждах, с которыми сталкивались люди, оказавшие ему услугу. Он никогда не забывал своих друзей. В глубине своего собственного горя он вспомнил о милостях, полученных от скромных людей. "Пошли Хартманну Вольфу маленькую чашечку стоимостью не менее ста флоринов, - писал он своему брату. - Можешь взять столько серебра из сундука, в котором еще осталось кое-что из моего церковного сервиза". — "Ты заметишь, что Аффенштейну нужна лошадь, - писал он в другой раз. - Пожалуйста, присмотришь ему лошадь и пришлешь ее мне вместе с ценой. Я пришлю вам деньги. Поскольку он показал себя таким преданным делу, нужно что-то для него сделать".

Спор между герцогом и поместьями по поводу десятого и двадцатого пенни был на время улажен. Однако двухлетний срок, в течение которого было решено смягчить налог, истекал

осенью 1571 года. Ранотаким образом, в этом году споры возобновились с большей ожесточенностью, чем когда-либо. Сословия были удовлетворены тем, что король проявлял меньшее рвение, чем вице-король. Виглий был удовлетворен тем, что могущество Альвы пошло на убыль. Хотя король вряд ли открыто осудил бы его недавние меры, не казалось невероятным, что неоднократные просьбы губернатора об отзыве могут быть удовлетворены. Подкрепленный этими соображениями, президент, который так долго был гибким орудием тирана, внезапно превратился в народного трибуна. Споры, противоречия, брань, угрозы стали теперь непрекращающимися в совете. Герцог обнаружил, что преждевременно ликовал, когда объявил королю о триумфальном введении на постоянной основе прибыльного налога. Несмотря на то, что далеко не все сословия дали свое согласие, как он утверждал и как писал Филипу, теперь оказалось, что ни одно из этих объединений не считало себя связанным сверх своей квоты в течение двух лет. Об этом было официально заявлено на совете Берлаймоном и другими членами. Гнев герцога вспыхнул при этом заявлении. Он отругал Берлаймонта за то, что тот утверждал или позволял утверждать, что согласие орденов когда-либо было сомнительным. Он возразил, что они так же недвусмысленно согласились с бессрочным введением метки, как он с ее заменой на два года. Однако он заявил, что его тошнит от квот. Теперь налог должен быть собран немедленно, и казначею Щецу было приказано принять соответствующие меры.

На конференции 29 мая герцог поинтересовался мнением Вильюса. Президент выступил с пространным ответом, сославшись на то, что согласие с указами было лишь условным, и обратился к тем членам финансового совета, которые присутствовали, с просьбой подтвердить его утверждение. Оно было подтверждено всеми. Герцог в гневе поклялся, что те, кто осмелится утверждать подобное, должны быть наказаны. Виль ответил, что у членов совета всегда был обычай высказывать свое мнение и что им никогда прежде не угрожали такими последствиями. Однако, если таковы были чувства его превосходительства, советникам лучше оставаться дома, придержать языки и таким образом избежать наказания. Герцог, немного овладев собой, извинился за этот намек на кару, угрозу, которую, по его словам, он не имел в виду в отношении советников, которых он всегда хвалил перед королем и о которых его величество был столь высокого мнения. При последующей встрече герцог отвел Виглия в сторону и заверил его, что тот придерживается своего собственного образа мыслей. Однако по определенным причинам он выразил нежелание, чтобы остальные члены совета были осведомлены об изменении его взглядов. По его словам, он хотел бы лукавить. Проницательный президент на мгновение не мог представить, к чему клонит губернатор. Впоследствии он понял, что целью этого маленького обмана было закрыть ему рот. Герцог, очевидно, предполагал, что президент, убавоканный этим тайным заверением, будет хранить молчание; что другие члены совета, полагая, что президент разделяет взгляды губернатора, изменят свое мнение; и что оппозиция сословий, потеряв таким образом поддержку в совете, также очень скоро прекратит свое существование. Президент, однако, не должен был попасться в ловушку этой лжи. Он решительно поддерживал свою враждебность к налогу, полагаясь в вопросах своей безопасности на мнение короля, настроения народа и суждения своих коллег.

Ежедневные заседания правления были почти полностью посвящены этому единственному вопросу. Хотя с момента прибытия Алвы Совет Крови узурпировал почти все функции государственного и финансового советов, все же теперь со стороны Алвы, казалось, появилась склонность искать поддержки у других функционеров, даже когда он отвергал власть. Однако он не встретил ни сочувствия, ни послушания. Президент решительно сказал ему, что он пытается плыть против течения, что налог оскорбителен для народа и что глас народа - это глас

Божий. Однако в последний день июля герцог издал указ, которым предписывалось взимать десятый и двадцатый пенсы в упрощенном порядке. Вся страна немедленно подняла шум. Сословия каждой провинции, собрания каждого города встретились и выразили протест. Торговцы приостановили все дела, мелкие торговцы закрыли свои лавки. Люди собирались толпами, клянясь сопротивляться незаконному и жестокому самозванству. Не было собрано ни фартинга. "Семь людей стивера", шпионов правительства, которые за это ничтожное ежедневное жалованье были наняты для того, чтобы отслеживать измену в каждой таверне, в каждой лавке торговца, в каждом переулке каждого города, теперь были совершенно неспособны сообщить обо всех проклятиях, которые ежечасно раздавались в адрес тирании вице-короля. Очевидно, его власть приходила в упадок. Советники сопротивлялись ему, простые люди почти бросали ему вызов. Торговец, которому он был должен за товары на тридцать тысяч флоринов, отказался открывать свою лавку, чтобы не взимать налог с его товаров. Герцог конфисковал его долг, как и предвидел торговец, но, поскольку это была денежная жертва, она казалась предпочтительнее молчаливого согласия в размере столь неопределенном и безграничном, что оно могло легко поглотить все имущество страны.

Ни один человек не отдал честь губернатору, когда он проходил по улицам. Люди едва ли пытались скрыть свое отвращение к его персоне: Алва, со своей стороны, ежедневно демонстрировал неуправляемую ярость. На совете, состоявшемся 25 сентября 1571 года, он заявил, что король приказал немедленно привести в исполнение эдикт. Виль заметил, что было много возражений против его формы. Он также решительно отрицал, что сословия когда-либо давали свое согласие. Алва яростно спросил президента, не утверждал ли он сам однажды, что согласие было дано! Виль ответил, что он никогда не делал подобного утверждения. Он упомянул условия и подразумеваемые обещания со стороны правительства, с помощью которых было вымогано частичное согласие. Он никогда не смог бы сказать, что согласие было получено, потому что никогда не верил, что его можно получить. Он не успел далеко продвинуться в своих рассуждениях, когда его прервал герцог — "Но вы так сказали, вы так сказали, вы так сказали", — воскликнул раздраженный губернатор с нарастающей страстью, много раз повторяя это категорическое противоречие заявлениям президента. Виглиус твердо стоял на своем. Алва громко осудил его за то, что тот не уважал его авторитет. По его словам, он до сих пор оказывал Президенту добрые услуги в отношениях с его Величеством, но, конечно, не должен чувствовать себя оправданным в сокрытии своего недавнего и очень некрасивого поведения.

Виль ответил, что он всегда благоговейно относился к губернатору и старался заслужить его расположение усердным подобоострастием. Однако он был связан своей клятвой произносить на совете то, что соответствовало его собственным чувствам и интересам его Величества. До сих пор он делал это в присутствии императоров, королей, королев и регентов, и они не обижались. В этот час он не дрожал за свою седую голову и надеялся, что его Величество выслушает его, прежде чем осудить. Твердая позиция президента усилила раздражение вице-короля. Заметив, что он знает надлежащие способы усиления своей власти, он распустил собрание.

Сразу после этого его навестили его сын, дон Фредерик из Варгаса, и другие знакомые. Им он пересказал происшедшую сцену, при этом так яростно обрушиваясь на Виглия, что возникло предположение, что против него замыслилось что-то серьезное. Сообщение передавалось из уст в уста. Об этом деле заговорил весь город, так что, пословам президента, вскоре его

обсуждали все парикмахеры и пожилые женщины Брюсселя. Его друзья встревожились за его безопасность, в то время как граждане радовались, что их дело нашло такого могущественного защитника. Однако из этих угроз и этих взрывов ничего не вышло. Напротив, вскоре после этого герцог отдал приказ перечислять десятую часть пенни на четыре основных товара - зерно, мясо, вино и пиво. Также не взимался сбор с сырья, используемого в мануфактурах. Безусловно, это были очень важные уступки. Тем не менее, конституционные возражения остались. Алву никак не могли заставить понять, почему алькабала, которая без труда выросла в маленьком городке Алва, столкнулась с таким ожесточенным сопротивлением в Нидерландах. Поместья, сообщил он королю, доставляли много хлопот. Они отказали в своем согласии по приказу своего сатрапа. Мотивом, повлиявшим на ведущих людей, был не интерес к фабрикам или рыболовству, а страх, что в будущем они, возможно, не смогут диктовать закон своему суверену. Народ этой страны, заметил он, обладал все тем же характером, который был описан Юлием Цезарем.

Герцог, однако, не нашел особого сочувствия в Мадриде. Придворные и советники долгое время высмеивали его планы. Что касается короля, его мысли были заняты более интересными вещами. Филипп жил только для того, чтобы претворять в жизнь то, что он считал волей Божьей. Пока герцог вел эту битву с нидерландскими конституционалистами, его хозяин дома участвовал в тайном, но наиболее всеобъемлющем плане. Это был заговор с целью убийства английской королевы Елизаветы и освобождения Марии, королевы Шотландии, которая должна была взойти на трон вместо нее. Этот проект, в котором, конечно же, подразумевалось подчинение Англии владычеству древней Церкви, не мог не оказаться привлекательным для Филиппа. Оно включало в себя заговор против дружественного монарха, огромное служение Церкви и убийство. Его страсть к интригам, его любовь к Богу и его ненависть к людям - все это было бы удовлетворено сразу. Таким образом, хотя восстание мавров в сердце его королевства едва было прекращено, хотя его легионы и флоты в тот момент были вовлечены в необычно важное противостояние с турецкой империей, хотя Нидерландам, все еще сохранявшим свою враждебность и ненависть, требовались лучшие силы испанской армии, чтобы принудить их к покорности, он без колебаний согласился на темную авантюру, которую ему предложили подлые руки.

Некто Ридольфи, флорентиец, долгое время проживавший в Англии, был направлен в Нидерланды в качестве секретного агента герцога Норфолка. Алва сразу разгадал его характер и обвинил Филиппа в том, что он распущенное, болтливое существо, совершенно непригодное для того, чтобы ему доверяли важные дела. Филипп, однако, больше думавший о заговоре, чем о своих товарищах-актерах, приветствовал агента заговора в Мадриде, внимательно выслушал его разоблачения и, не связывая себя никакими прямыми обещаниями, отпустил его со множеством ободряющих выражений.

12 июля 1571 года Филипп написал герцогу Альва письмо, в котором рассказал о своей беседе с Роберто Ридольфи. Посланник, рассказав о страданиях королевы Шотландии, изложил ему план ее освобождения. Если бы испанский монарх пожелал помочь герцогу Норфолку и его друзьям, было бы легко возложить на голову Марии корону Англии. Затем она должна была породниться с Норфолком. Английское королевство должно было снова признать власть Рима, и повсюду должна была быть восстановлена католическая религия. Наиболее благоприятным моментом для осуществления плана был август или сентябрь. Поскольку королева Елизавета в то время должна была покинуть Лондон и уехать за город, можно было легко найти возможность

схватить и убить ее. Пий V, которому Ридольфи рассказал обо всем, высоко оценил этот план и горячо призвал Филиппа к сотрудничеству. Бедный и разоренный, как и он сам, папа заявил, что готов продать свои чаши и даже собственное облачение, чтобы выделить средства на это дело. Филип ответил, что для того, чтобы убедить его, потребовалось несколько слов. Его желание добиться успеха предприятия было чрезвычайным, несмотря на трудности, которыми оно было окружено. Он серьезно размышлял на эту тему в надежде, что Бог, чьим делом это было, просветит и поможет ему. Так много он сказал Ридольфи, но впоследствии сообщил своему совету, что полон решимости осуществить этот план определенными средствами, о которых герцог вскоре будет проинформирован. Предполагаемая цель состояла в том, чтобы убить или пленить Елизавету, освободить королеву Шотландии и возложить на ее голову корону Англии. В этом предприятии он поручил герцогу Алва тайно оказать содействие, однако не прибегая к открытым военным действиям от своего имени или от имени своего государя. Он желал знать, сколько испанцев герцог может предоставить в распоряжение заговорщиков. Они запросили шесть тысяч аркебузирова для Англии, две тысячи для Шотландии, две тысячи для Ирландии. Помимо этих войск, вице-королю было приказано немедленно предоставить четыре тысячи аркебузов и две тысячи корсетов. На расходы предприятия Филипп немедленно перечислял двести тысяч крон. Альве было приказано держать это дело в строжайшем секрете от своих советников. Даже Хоппер в Мадриде ничего не знал об этом деле, в то время как король лишь в общих чертах высказался нунцию и Ридольфи, которые в то время уже были на пути в Нидерланды. Король завершил свое письмо словами, что из того, что он теперь написал своей рукой, герцог может сделать вывод, насколько близко к сердцу он принимает это дело. Ему не нужно было говорить больше, поскольку он был убежден, что герцог проявит к этому такой же глубокий интерес, как и он сам.

Альва осознал всю опрометчивость этого плана и почувствовал, насколько невозможным для него было бы выполнить приказ Филиппа. Посылать армию из Нидерландов в Англию с целью свергнуть с престола и убить самого популярного монарха и в то же время сохранить самые дружественные отношения со страной было довольно отчаянным предприятием. Силы в десять тысяч испанцев под командованием Чиappa Вителли и других любимых офицеров герцога вряд ли оказались бы мелочью, которую можно было бы упустить из виду, и их действия не поддавались бы очень дружелюбным объяснениям. Поэтому губернатор заверил Филиппа, что он "высоко ценит своего хозяина за его заговор. Он не мог не вознести бесконечную благодарность Богу за то, что тот сделал его вассалом такого принца". Он чрезвычайно высоко оценил решение, принятое его величеством. Однако после этой преамбулы он продолжил обливать холодной водой пыл своего государя. Он решительно выразил мнение, что Филиппу не следует предпринимать ничего подобного до тех пор, пока, во всяком случае, партия герцога Норфолкского не завладеет личностью Елизаветы. Если бы король заявил о себе преждевременно, он мог бы быть уверен, что венецианцы, разорвав свой союз с ним, заключат мир с турком; и что Елизавета, возможно, заключила бы брак с герцогом Алансонским, который теперь казался всего лишь забавой. Более того, он выразил недоверие герцогу Норфолку, которого считал беднягой, лишенным мужества. Он также выразил свои сомнения относительно благоразумия и способностей дон-Герана де Эспеса, посла его Величества в Лондоне.

Прошло незадолго до того, как об этих махинациях стало известно в Англии. Королеву Шотландии охраняли строже, чем когда-либо, герцог Норфолк был арестован; и все же Филипп, чья доля в заговоре оставалась тайной, не был обескуражен абсолютным размахом всего этого

дела. Он по-прежнему стремился к невыполнимой цели с упорством, которое напоминало безумие. Он признавал, что его обязательства перед Богом были настолько строгими, что он по-прежнему был полон решимости продолжать святое дело. Поэтому он перевел обещанные средства герцогу Алве и призвал его действовать с надлежащей секретностью и оперативностью.

Вице-король был немало озадачен этими замечательными инструкциями. Никто, кроме сумасшедших, не мог продолжать заговор после того, как заговор был раскрыт и заговорщики арестованы. Однако именно этого его католическое величество ожидал от своего генерал-губернатора. Алва не без оснований жаловался на противоречивые требования, которым его подвергали.

Он не должен был вызывать разрыва с Англией, но он должен был послать помощь заключенному в тюрьму предателю; он должен был держать все свои операции в секрете от своего совета, но он должен был вывести всю свою армию из страны и организовать дорогостоящую кампанию. Он усмехнулся легкомыслию Ридольфи, который вообразил, что схватить королеву Англии, освободить королеву Шотландии, завладеть Лондонским Тауэром и сжечь флот в Темзе - дело одного момента. "Если бы ваше величество и королева Англии действовали сообща, - заметил он, - было бы невозможно осуществить план, предложенный Ридольфи". Главная опасность, которой следовало опасаться, исходила от Франции и Германии. Если бы эти страны не вмешались, он предпринял бы попытку сделать Филиппа сувереном Англии до наступления зимы. Однако их противодействие было достаточным, чтобы сделать предприятие не только трудным, но и невозможным. Он умолял своего учителя не торопиться с решением самого важного вопроса, который был решен человеком с тех пор, как Христос пришел на землю. По его словам, на карту поставлено не что иное, как существование христианской веры, ибо, если его Величество потерпит неудачу в этом начинании, от древней религии не останется камня на камне. Он снова предупредил короля о подлом характере Ридольфи, который говорил об этом деле так свободно, что оно стало обычным предметом обсуждения на бирже в Антверпене, и во всех своих письмах он повторял свое недоверие к сторонам, занимавшим видное место в сделке.

Таков был общий смысл длинных посланий, которыми обменивались король и герцог Алва по поводу этого незаконного плана. Герцог проявлял нежелание участвовать во всем этом деле, хотя он, конечно, никогда не выступал против проекта своего господина никакими аргументами, основанными на добросовестности, христианском милосердии или чувстве чести. Убить королеву Англии, ниспровергнуть законы ее королевства, сжечь ее флот и разделить ее подданных, при этом старательно сохраняя маску дружелюбия и полного уважения — все эти проекты были признаны заслуживающими внимания сами по себе, хотя были высказаны возражения относительно времени и способа исполнения.

Алва никогда наотрез не отказывался принять свою долю в предприятии, но он старался и пальцем не пошевелить, пока катастрофа в Англии не сделала все попытки тщетными. Филипп, с другой стороны, никогда не отказывался от участия в заговоре, но после бесконечного количества писем и интриг пришел к выводу, что передал все дело в руки Альвы. Единственным пострадавшим от участия Филиппа в заговоре был испанский посланник в Лондоне дон Геран де Эспес. Королева Елизавета официально уволила этого джентльмена за то, что он дал

предательский и враждебный совет герцогу Альве и Филиппу; но ее Величество в то же время выразила самое глубокое уважение к своему брату из Испании.

Однако ближе к концу того же года (декабрь 1571 г.) Альва отправил в Англию двух других итальянских убийц, подкупленных обещанием огромного вознаграждения, чтобы они тихо, с помощью яда или иным способом покусились на жизнь Елизаветы. Посланник Мондусэ, информируя французского монарха об этом плане, добавил, что герцог был настолько раздражен раскрытием предыдущего предприятия, что ничто не могло сравниться с его яростью. Этим негодяям не суждено было добиться успеха, но покушения герцога на жизнь королевы время от времени возобновлялись. Восемнадцать месяцев спустя (август 1573 г.) два шотландца, пенсионеры Филиппа, прибыли из Испании с секретным приказом проконсультироваться с Альвой. Соответственно, у них было много переговоров с герцогом и его секретарем Альборносом. Они хвастались, что могут легко захватить Елизавету, но сказали, что целью короля было убить ее. План, писал Мондусэ, был таким же, как и раньше, а именно: убить королеву Англии и передать ее корону Марии Шотландской, которая, таким образом, оказалась бы в их власти, и чей сын должен был быть схвачен и выдан замуж таким образом, чтобы сделать их вечными хозяевами обоих королевств.

В эту историю не входит обсуждение достоинств или повествование о судьбе того спорного и бесплодного союза, который был заключен в этот период Филиппом с Венецией и Святым Престолом против турок. Восстание в Гранаде было наконец подавлено после двухлетней борьбы, и остатки романтической расы, некогда правившей полуостровом, были обращены в рабство. Мавры выдерживали неравный конфликт с постоянством, которого нельзя было ожидать от столь кроткого народа. "Если нация, кроткая, как ягнята, могла так храбро сопротивляться, - сказал принц Оранский, - то чего же не следовало ожидать от такого отважного народа, как Нидерланды?" Дон Иоанн Австрийский, завершивший серию несколько бесславных набегов на женщин, детей и прикованных к постели стариков в Андалусии и Гранаде, прибыл в августе этого года в Неаполь, чтобы принять командование объединенным флотом в Леванте. Битва при Лепанто состоялась, но сварливое и противоречивое поведение союзников сделало блестящую победу бесплодной, как волны, на которых она была одержана. Однако не менее верно и то, что грубые ошибки неверных ранее позволили Филиппу с большим успехом выпутаться из опасностей мавританского восстания, чем это могло бы быть при его удаче. Если бы повстанцам удалось удержать Гранаду и горы Андалусии и если бы их поддержали, как они имели право ожидать, войска султана, конфликту мог быть придан иной аспект, гораздо менее триумфальный для Испании. Если бы турецкой империей в тот момент правил принц с сильными амбициями и всеобъемлющей политикой, Филиппу стоило бы серьезной борьбы за сохранение своих наследственных владений. Пока он замыслил заговор против жизни и трона Елизаветы, у него могли быть причины дрожать за свои собственные. Однако, к счастью для его католического величества, Селим удовлетворился тем, что получил во владение остров Венера с его плодородными виноградниками. "Проливать кровь" кипрских виноградников, в которых он был таким восторженным знатоком, было для него более волнующим занятием, чем преследовать среди резни и лишений великолепную мечту о воссозданном Восточном халифате.

25 сентября 1571 года Джону де ла Серде, герцогу Медина-Коэлья, наконец было выдано поручение генерал-губернатора Нидерландов. Филипп, уступив неоднократным просьбам герцога и, возможно, не совсем удовлетворенный недавним ходом событий в провинциях,

наконец, после долгих колебаний согласился на отставку Алвы. Однако его преемник не должен был немедленно покинуть свой пост, и тем временем герцогу было поручено продолжать свою верную службу. В настоящее время эти службы свелись к постоянным и не слишком победоносным препирательствам с его советом, с сословиями и с народом по поводу его отвратительного налога. Он был совершенно один. Те, кто непоколебимо стоял на его стороне, когда единственным делом администрации было сжигание еретиков, отвернулись от него теперь, когда он ввязался в этот отчаянный конфликт с. вся денежная мощь страны. Король был далек от сердечной поддержки, советники были слишком хитры, чтобы удержать колесо, к которому они привязались только при его восхождении. Виль и Берлаймон, Нуаркарм и Эршо выступили против человека, который, как они теперь думали, тонет, и почти бросили ему вызов, и постоянно информировали короля об огромном бедствии, причиняемом финансовыми мерами герцога.

В конце года в Государственном совете была зачитана тщательно продуманная петиция от сословий Брабанта. В ней содержался решительный протест против десятого пенни. Настоятельно требовалась его отмена на том основании, что его введение привело бы страну к всеобщему разорению. После этого Алва разразился одним из жестоких взрывов ярости, которым он был подвержен. Процветание Нидерландов, по его словам, было не дороже для жителей, чем для него самого. Он поклялся крестом и святая святых, хранящихся в церкви Святой Гудулы, что, будь он всего лишь частным лицом, живущим в Испании, он бы из любви, которую он питал к провинциям, бросился на их защиту, если бы их безопасность была под угрозой. Поэтому он чувствовал себя глубоко уязвленным тем, что недоброжелательные люди таким образом намекали на то, что он даже хотел нанести вред стране или осуществлять тиранию над ее гражданами. Десятый пенни, продолжал он, необходим для защиты земли и гораздо предпочтительнее квот. Было в высшей степени неприлично, чтобы каждый человек в толпе знал, сколько было внесено, потому что каждый индивид, узнав общую сумму, вообразил бы, что он заплатил все сам. В заключение он заметил, что, несмотря на подорванное здоровье и преклонные годы, какими он себя чувствовал, он теперь больше всего стремился вернуться и ежедневно с нетерпением ожидал прибытия герцога Медина Коэлья.

В течение этого же года принц Оранский продолжал свои приготовления. Он разослал своих агентов во все места, где у него была надежда получить поддержку. Деньги были тем, что он, естественно, больше всего стремился получить от частных лиц; открытая и воинственная помощь была тем, чего он требовал от правительств. Его средства мало-помалу увеличивались благодаря щедрости многих безвестных личностей и отважным подвигам морских попрошайек. Однако его миссия при северных дворах провалилась. Его посланцев приняли в Швеции и Дании со сдержанной вежливостью. Герцог Альва, с другой стороны, никогда не упоминал о принце иначе, как с презрением; не зная, что разоренный разбойник медленно подрывает саму почву под ногами монарха; не подозревая, что слабые удары, которые он презирал, были первыми ударами столетнего конфликта; предвидя, что незадолго до его окончания наказанная провинция превратится в великую республику и что имя разбойника станет почти божественным.

Гранвель уже рекомендовал наделить молодого графа де Бюрена определенными землями в Испании в обмен на его наследственные поместья, чтобы имя и слава мятежника Вильгельма навсегда исчезли в Нидерландах. С той же точки зрения вице-король теперь предложил новый приговор принцу Оранскому. Это заключалось в том, чтобы торжественно казнить его в виде

чучела, протащить его герб по улицам за хвосты лошадей и, разломав его на куски и, таким образом, аннулировав его гербовые знаки, объявить его и его потомков неблагородными, позорными и неспособными владеть собственностью или поместьями. Если бы королю, кардиналу и губернатору раскрыли один-два листа будущей истории, они могли бы обнаружить, что судьба дома прославленного мятежника не совсем соответствует изложенному таким образом плану полного уничтожения.

Не обескураженный, принц продолжал посылать своих эмиссаров во все стороны. Дидрих Соной, его самый надежный агент, который был главой представительства при Северных дворах, теперь активно агитировал правительства и народы Германии с той же целью. Для этого служения было использовано несколько замечательных работ "Руки Оранжа". В письме, составленном и подписанном его собственной рукой, кратким и ярким языком излагалась история его кампании 1568 года и его последующих усилий на благо священного дела. Теперь необходимо, сказал он, чтобы другие, кроме него, приняли участие в его жертвоприношениях. Он заявил об этом ясно и красноречиво. Документ на самом деле был письмом с просьбой вооружить свободу. "Ибо, хотя все сущее, - сказал Принц, - находится в руке Божьей, и хотя он сотворил все сущее из ничего, все же он даровал разным людям разные средства, с помощью которых, как с помощью различных инструментов, он достигает своих всемогущих целей. Для этого он наделил одних физической силой, других мирским богатством, третьих еще разными дарами, все из которых должны быть использованы их владельцами к Его чести и славе, если они не хотят навлечь на себя проклятие недостойного управляющего, зарывшего свой талант в землю. . . . Теперь вы можете легко видеть, - продолжал он, - что принц не может выполнить эту великую работу в одиночку, потеряв землю, людей и имущество, и уже использовав на это дело все, что у него оставалось, помимо того, что он взял на себя тяжелые обязательства".

Аналогичные инструкции были даны другим агентам, и документ под названием "Разглагольствование", составленный в соответствии с его предложениями, также был широко распространен. Этот документ важен для всех, кто интересуется его историей и характером. Прежде он не публиковал официального послания, на котором был столь теплый, религиозный отпечаток реформаторской партии. Печально, но без уныния, эта Речь напоминала о несчастьях прошлого и изображала мрачность настоящего. Искренне, но не фанатично, это вселяло надежду и требовало помощи на будущее. "Хотя обращения, обращенные к князю, - так гласила часть документа, - носят разнообразный характер и различаются по своим рекомендациям, тем не менее все они направлены на продвижение Божьей славы и освобождение отечества. Именно это позволяет ему и тем, кто думает вместе с ним, переносить голод, жажду, холод, жару и все несчастья, которые могут послать небеса Наши враги не жалеют ни своих денег, ни своего труда; неужели вы будете холоднее и тупее своих врагов? Тогда пусть каждая церковная община подаст пример другим. Мы читаем, что царь Саул, когда он хотел освободить жителей Иависа из рук Нахада, аммонитянина, разрубил на куски упряжку волов и разослал их как знаки по всему Израилю, сказав: "С теми, кто не последует за Саулом и Самуилом, поступят так же, как с этими волами. И страх Господень сошел на народ, они вышли, и жители Иависа были спасены. "Здесь вы имеете то же самое предупреждение, смотрите на него, внимательно следите за тем, кто пренебрегает им, чтобы гнев Божий, которого люди Израиля избежали своим быстрым послушанием, не обрушился на ваши головы. Вы можете сказать, что вы изгнанные люди. Это правда: но тем самым вы не лишены всякой способности оказывать служение; более того, от вас требуется помощь тому, кто вернет вас в ваши дома. Вы можете сказать, что у вас отняли все ваше имущество; однако у многих из вас еще что-то осталось, и из

этого немногого вы должны внести свой вклад, каждый свою лепту. Вы говорите, что вы уже много отдали. Это правда, но враг снова на поле боя; он жаждет вашего порабощения, поддерживаемый щедростью своих сторонников. Неужели вы будете менее отважны, менее великодушны, чем ваши враги?"

Эти настоятельные призывы не остались бесплодными. Сила принца медленно, но неуклонно возрастала. Тем временем отвращение, с которым все относились к Альве, почти достигло безумия. В начале 1572 года дон Франсис де Алава, посол Филиппа во Франции, посетил Брюссель. Он уже был осведомлен о последствиях курса герцога благодаря огромной иммиграции нидерландских беженцев во Францию, которую он видел собственными глазами. По пути в Брюссель он был встречен Нуармесом близ Камбре. Даже это "жестокое животное", как назвал его Хогстраатен, мясник из Турне и Валансьена, наконец-то встревожился, если не пожалел, страданиями страны. "Герцог никогда не забудет об этом грязном десятом пенни", - сказал он Алаве. Он вскочил со стула в сильном волнении, когда посол упомянул о бегстве купцов и ремесленников из провинций. - Сеньор дон Франциск, - воскликнул он, - еще десять тысяч человек готовы покинуть страну, если губернатор не приостановит свою карьеру. Дай Бог, чтобы не возникло ни одной катастрофы, которую человек не в силах исправить".

Посол прибыл в Брюссель и поселился во дворце. Здесь он застал герцога, только что оправившегося от приступа подагры, в состоянии достаточно свирепом. Он сильно разволновался, когда дон Франциск заговорил об эмиграции, и заверил его, что на этот счет был грубый обман. Посланник ответил, что он не мог ошибиться, ибо это был вопрос, к которому он, так сказать, прикасался собственными пальцами и видел собственными глазами. Герцог, настаивая на том, что дон Фрэнсис подвергся жестокому обращению и был дезинформирован, перевел разговор на другие темы. На следующий день посла посетили Берлеймон и его сын, сеньор де Иерж. Каждый из них отвел его в сторону по отдельности. "Слава Богу, вы прибыли сюда, - сказали они почти одними и теми же словами, - чтобы вы могли полностью оценить положение провинций и без промедления предупредить его Величество о надвигающейся опасности". Все его посетители выражали те же чувства. Дон Фредерик Толедский сделал единственное исключение, заверив посланника, что финансовые меры его отца были отвергнуты Нуармесом и другими только потому, что это лишило их профессии и влияния. Однако такого почтительного выражения следовало ожидать от человека, о котором секретарь Альборнос написал, что он был величайшим утешением для своего отца и самым божественным гением, когда-либо известным. К сожалению, это не было подтверждено ни одним другим жителем страны.

На третий день дон Франциск отправился прощаться. Герцог попросил его сообщить его величеству о нетерпении, с которым он ожидает прибытия своего преемника. Затем он сообщил своему гостю, что в Брабанте, самой упрямой из всех провинций, уже начали собирать десятый пенни. - Что вы на это скажете, дон Франциск? он вскрикнул от восторга. Алава ответил, что, тем не менее, он считает, что налог столкнется со многими препятствиями, и убедительно просил его подумать. Более того, он заверил его, что тот должен без утайки полностью высказать свое мнение королю. Герцог использовал те же формулировки, которых придерживался дон Фредерик, относительно мотивов тех, кто выступал против введения налога. "Может быть, и так, - сказал дон Фрэнсис, - но, во всяком случае, все согласились петь под одну и ту же мелодию". Слегка удивленный, герцог ответил: "Вы сомневаетесь, что города сдержат свои обещания? Будьте уверены, я найду средства заставить их." "Дай Бог, чтобы это было так, - сказал Алава, -

но, по моему недалековидному мнению, вам понадобится вся ваша осмотрительность и весь ваш авторитет".

Посол не стал дожидаться, пока сможет связаться со своим сувереном устно. Он направил в Испанию подробный отчет о своих наблюдениях и выводах. Он живо расписал Филиппу ненависть всех людей к герцогу. Вся нация, заверил он его Величество, объединилась в едином крике: "Пусть он уходит, пусть он уходит, пусть он уходит!" Что же касается введения десятого пенни, то, по мнению дона Фрэнсиса, это было совершенно невозможно. Более того, он предупредил его величество, что Алва занят формированием тайных союзов с католическими князьями Европы, что неизбежно приведет к созданию оборонительных союзов среди протестантов.

Таким образом, в то время как в начале 1572 года принц Оранский, не обескураженный никакими поражениями, был неутомим в своих усилиях по защите дела свободы, и в то же время самые стойкие сторонники произвола власти были единодушны в осуждении Филиппу безумного поведения его вице-короля, письма самого Алвы, естественно, были полны жалоб и порицаний. По его словам, было напрасно искать доверенного советника теперь, когда вопросы, которые он хотел сохранить в таком глубоком секрете, чтобы о них не узнала даже земля, были громко провозглашены над черепицей на крышах каждого дома. Тем не менее, он будет разрезан на мелкие кусочки, но его величеству следует повиноваться, пока он жив, чтобы выполнять королевские приказы. По его словам, не было никого, кто когда-либо был бы верен, кроме Берлаймонта, и даже он был нейтрален в вопросе о налоге. Он не оказал там ни хороших, ни плохих услуг, но, как было известно его величеству, Берлаймонт был совершенно несведущ в бизнесе и "не умел ничего, кроме как быть хорошим парнем". В таком случае он рекомендовал Йергеса, сына "доброго парня", как подходящего человека на пост губернатора Фрисландии.

Депутации, назначенные различными провинциями для личных переговоров с королем, по прибытии получили выговор за то, что осмелились прибыть в Испанию без разрешения. Однако большего наказания, чем этот упрек, назначено не было. Их заверили, что король был крайне недоволен их попыткой выдвинуть протесты против налога, но они были утешены заверением, что его Величество примет во внимание предмет их петиции. Таким образом, ожидания Алвы были обмануты, поскольку десятый пенни формально не был подтвержден; и надежды провинций рухнули, потому что он не был явно дезавуирован.

Ситуация в провинциях достигла очередного кризиса. "Будь у нас сейчас деньги, - писал принц Оранский, - мы могли бы, с Божьей помощью, надеяться чего-нибудь добиться. Это время, когда даже с небольшими суммами можно добиться большего, чем в другие сезоны с более крупными средствами". Граждане открыто восстали против налога. Чтобы десятый пенни не взимался с каждой продажи товаров, было принято естественное, но отчаянное средство — никакие товары не продавались вообще.

Была приостановлена не только оптовая торговля в провинциях, но и мелкое и необходимое движение повседневной жизни было полностью остановлено. Все магазины были закрыты. "Пивовары, - говорит современник, - отказывались варить пиво, пекари - печь, разлищики - разливать пиво". Толпы людей, полностью потерявших работу и полностью зависевших от благотворительности, кишели в каждом городе. Солдаты, разъяренные из-за жалованья, которым Альва в течение многих месяцев пренебрегал, с каждым днем становились все более наглыми; горожане, обезумевшие от ярости и ожесточившиеся от отчаяния, оказывали все

более упорное сопротивление; в то время как герцог, ставший непреклонным из-за сопротивления и обезумевший от гнева, взирал на учиненные им разрушения со злобой, которая давно перестала быть человеческой. "Болезнь разъедает наши жизненно важные органы, - писал Виль. - Все страдают из-за отсутствия предметов первой необходимости. Множество людей находятся в крайней и безнадежной бедности. Моя заинтересованность в благополучии содружества, - продолжил он, - побуждает меня отправить эти отчеты в Испанию. Что касается меня, то я ничего не боюсь. Сломленный болезнью и острыми физическими страданиями, я должен был бы уйти из жизни без сожаления".

Столица выглядела как город, пораженный чумой. Нельзя было достать предметы самой крайней необходимости. Невозможно было купить ни хлеба, ни мяса, ни пива. Тиран, вне себя от ярости из-за того, что с ним так обошлись в самом его логове, тайно послал за мастером Карлом, палачом. Чтобы продемонстрировать неожиданный и благотворный пример, он решил повесить восемнадцать ведущих торговцев города на дверях их собственных магазинов с наименьшей возможной задержкой и без малейшего судебного разбирательства.

Мастеру Карлу в ту же ночь, когда он должен был встретиться с герцогом, было приказано приготовить восемнадцать прочных веревок и восемнадцать лестниц длиной в двенадцать футов. Благодаря этому простому соглашению Альва был склонен на следующий день заявить бюргерам Брюсселя, что отныне правосудие должно быть доведено до порога каждого человека. Он предположил, что зрелище полутора дюжин мясников и пекарей, подвешенных перед магазинами, которые они отказались открывать, послужит более эффективным стимулом для торговли, чем любой другой, которого можно ожидать от аргументов или заявлений. Палач готовил веревки и лестницы; дон Фредерик Толедский уединился с президентом Вильюсом, которого, несколько против его воли, разбудили в полночь, чтобы выписать ордера на эти импровизированные казни; Альва с мрачным нетерпением ждал рассвета, на котором должно было начаться представление, когда непредвиденное событие внезапно положило конец обычной трагедии. Ночью поступило сообщение о том, что город Брилл захвачен. Герцог, чувствуя всю серьезность положения, отложил наказание, которое он таким образом втайне планировал, до более удобного времени, чтобы без малейших колебаний предотвратить последствия этого нового движения со стороны мятежников. Захват Брилла был *Deus ex machina*, который неожиданно разрешил как неразрешимый узел ситуации, так и петлю палача.

Неоднократно упоминались эти грозные сторонники дела патриотов - морские разбойники. Природа лишила их половины своих прав по рождению, а теперь тирания изгнала их со своего узкого перешейка, и изгнанные голландцы устремились к океану. Его бескрайние поля, издавна возделываемые их промышленностью, стали фатально плодородными теперь, когда угнетение превратило мирный мореплавательный народ в нацию корсаров. Оказавшись вне закона и в нищете, несомненно, многие жители Нидерландов погрузились в преступную деятельность. Патриотическая партия уже давно отказалась от уважительного поведения, которое вызывало сарказм лоялистов. Морские попрошайки просили милостыню через жерла своих пушек. К сожалению, они слишком часто предъявляли свои требования как к друзьям, так и к врагам. Каждый разорившийся торговец, каждый изгнанный лорд, каждый безрассудный моряк, который был готов пожертвовать торговому миру, чтобы восстановить свое подорванное состояние, мог без особых трудностей получить судно и команду в каком-нибудь северном порту под предлогом крейсирования против правительства вице-короля. Очевидный мотив также не был просто предлогом. Главной целью всех этих флибустьеров была война с Альвой, и

принц Оранский, в качестве суверена, обычно снабжал их каперскими удостоверениями для этой цели. Принц, действительно, делал все возможное, чтобы контролировать и направлять зло, которое неизбежно выросло из ужасов того времени. Однако его адмирал Уильям де ла Марк был неспособен понять возвышенные цели своего начальника. Дикий, кровожадный, распущенный дворянин, носивший нестриженные волосы и бороду, согласно древнему батавскому обычаю, до тех пор, пока не должна была быть искуплена смерть его родственника Эгмонта, достойный потомок Арденнского Кабана, этот волосатый и свирепый корсар казался воплощением мести. Он поклялся обрушить на Альву и папство глубокую месть, которой обязана им нидерландская знать, и в жестокости, впоследствии примененной им к монахам и священникам, Совет Крови узнал, что их пример сделал по крайней мере одного зрелого ученого среди повстанцев. В это время он находился со своим флотом у южного побережья Англии, с этого выгодного положения его теперь предстояло в кратчайшие сроки изгнать.

Переговоры между герцогом Альвским и королевой Елизаветой уже приняли дружественный тон и быстро подходили к завершению. Эта монархиня ни в коем случае не собиралась ввязываться в данный момент в войну с Филиппом, и уполномоченные Алвы убеждали ее правительство, что постоянная поддержка, оказываемая английским народом нидерландским крейсерам, неизбежно должна привести к такому результату. Таким образом, в последних числах марта Де ла Марку и его бандитам был вынесен приговор о фактическом отлучении от церкви. Императивный приказ Елизаветы запрещал кому-либо из ее подданных снабжать их мясом, хлебом или пивом. Поскольку приказ был строго выполнен, их дальнейшее пребывание стало невозможным. Соответственно, двадцать четыре судна различных размеров под командованием Де ла Марка, Треслонга, Адама ван Гарема, Бранда и других выдающихся моряков отплыли из Дувра в самых последних числах марта. Находясь почти на грани голодной смерти, эти искатели приключений, естественно, стремились обеспечить себя продовольствием. Они решили совершить внезапный набег на побережье Северной Голландии и соответственно взяли курс на Энкбуизен, как потому, что это был богатый морской порт, так и потому, что в нем находилось много тайных сторонников принца. В Вербное воскресенье они захватили два испанских торговых судна. Вскоре после этого, однако, ветер стал встречным, и они не смогли обогнуть Хелдер или Тексель, и во вторник, 1 апреля, отказавшись от своего первоначального намерения, они направились к Зеландии и вошли в широкое устье реки Маас. Между городом Брилл, расположенным на южном краю этого устья, и Наасландслейсом, примерно в полулиге от него, на противоположном берегу, эскадра внезапно появилась около двух часов апрельского полудня, к великому изумлению жителей обоих мест. Это был слишком большой флот, чтобы быть простым скоплением торговых судов, и при этом они не походили на испанские корабли. Питер Коппелсток, проницательный паромщик, сообщил пассажирам, которых ему довелось перевозить через реку, что незнакомцы, очевидно, были попрошайками у воды. Страшное имя повергло его слушателей в ужас, и они загорелись желанием сбежать из столь опасного места. Однако, должным образом высадив своих клиентов, которые поспешили распространить весть о надвигающемся вторжении и приготовиться к обороне или бегству, дюжий паромщик, втайне благосклонный к делу свободы, смело поплыл к берегу, чтобы разузнать о месте назначения и целях флота.

Судно, которое он приветствовал первым, находилось под командованием Уильяма де Блуа, сеньора Трелонга. Этот предприимчивый дворянин, чей брат был казнен герцогом Альва в 1568

году, сам сражался бок о бок с графом Людовиком при Еммингене и, хотя был покрыт ранами, был одним из немногих, кто выжил в той ужасной бойне. За прошедший период он стал одним из самых известных мятежников за океаном, и его всегда хорошо знали в Брилле, где его отец был губернатором при короле. Он сразу узнал Коппелстока и поспешил вместе с ним на борт адмиральского корабля, заверив Де лаМарка, что перевозчик - именно тот человек, который им нужен. Было абсолютно необходимо произвести высадку, поскольку люди были без всего необходимого для жизни. Капитан Мартин Бранд посетил корабль Адама Ван Харена, как только они бросили якорь в Маасе, прося еды. "Я дал ему сыр, - сказал Адам, впоследствии рассказывая об этом происшествии, - и заверил его, что это была последняя еда, которую удалось найти на корабле". Остальные суда были в таком же запустении. В сложившихся обстоятельствах было необходимо попытаться совершить посадку. Поэтому Треслонг, который на самом деле был героем этого незабываемого приключения, убедил Де ла Марка отправить послание в город Брилл с требованием его сдачи. Это был смелый призыв горстки людей, самое большее трехсот или четырехсот человек, которые были нищими как в переносном, так и в буквальном смысле. Город Брилл не был густонаселенным, но он был хорошо обнесен стенами и укреплен. Кроме того, это был самый удобный порт. Треслонг отдал рыбаку Коппелстоку свой перстень с печаткой и приказал ему, аккредитованному таким образом в качестве посланника, отнести их повестку в магистратуру. Коппельсток, не испытывая отвращения, немедленно причалил к берегу, протолкался сквозь толпу жителей, которые засыпали его вопросами, и появился в городском доме перед собравшимися магистратами. Он сообщил им, что был послан адмиралом флота и Треслонгом, которого они хорошо знали, потребовать, чтобы со стороны города были высланы два комиссара для переговоров с патриотами. По его словам, ему было предложено заверить, что с депутатами будут обращаться вежливо. Единственной целью тех, кто послал его, было освободить страну от десятого пенни и свергнуть тиранию Альвы и его испанцев. Вслед за этим магистраты спросили его, насколько велики силы Де ла Марка под его командованием, на этот вопрос перевозчик небрежно ответил, что всего их может быть около пяти тысяч. Эта чудовищная ложь произвела свое действие на магистратов. Теперь у них больше не было никакого желания сопротивляться захватчику; обсуждался единственный вопрос: вести с ними переговоры или бежать. В целом, было решено сделать и то, и другое. С некоторым трудом удалось найти двух депутатов, достаточно храбрых, чтобы отправиться на переговоры с нищими, в то время как в их отсутствие большинство ведущих бюргеров и функционеров готовились к бегству. Де ла Марк и Треслонг заверили посланников, что не было нанесено никакого ущерба гражданам или частной собственности, но что свержение правительства Алвы должно быть осуществлено немедленно. Магистратам было дано два часа, чтобы решить, сдадут ли они город и признают ли власть Де ла Марка в качестве адмирала принца Оранского. Отпущенные таким образом два часа они потратили на позорное бегство. Их примеру последовало большинство горожан. Когда захватчики по истечении указанного срока появились под стенами города, они обнаружили нескольких жителей низшего сословия, взиравших на них сверху, но не получили официального сообщения ни из какого источника.

Теперь все силы повстанцев были разделены на две группы, одна из которых под командованием Треслонга атаковала южные ворота, в то время как другая под командованием адмирала наступала на северные. Треслонгу после короткой борьбы удалось ворваться внутрь и арестовать при этом губернатора города, который как раз собирался уходить. Де ла Марк и его люди развели костер у северных ворот, а затем разбили наполовину сгоревший портал концом

старой мачты. Так грубо и быстро нидерландские патриоты провели свою первую успешную осаду. Две партии, всего, вероятно, не более двухсот пятидесяти человек, встретились перед заходом солнца в центре города, и был заложен фундамент Голландской республики. Усталый дух свободы, так долго скитавшийся по земле и морям, наконец нашел пристанище, приготовленное грубыми и даже непристойными руками.

Паника, вызванная первым появлением флота, была настолько обширной, что в городе осталось едва ли пятьдесят горожан. Все остальные бежали, прихватив с собой столько имущества, сколько смогли унести. Адмирал от имени принца Оранского, как законный штатгальтер Филиппа, официально вступил во владение почти опустевшим городом. Жителям обоего пола не было причинено никакого унижения, но как только завоеватели обосновались в лучших домах этого места, их стремление к разграблению церковей больше нельзя было сдерживать. Все алтари и изображения были уничтожены, богатая мебель и великолепные облачения переданы в частное пользование. Адам ван Хэйр появился на палубе своего корабля в великолепной ризе для мессы. С тех пор Треслонг не пользовался в своей каюте чашами для питья, за исключением золотых чаш для причастия. К сожалению, их ненависть к папству не ограничивалась подобными демонстрациями. Тринадцать несчастных монахов и священников, которым не удалось совершить побег, были арестованы и брошены в тюрьму, откуда через несколько дней по приказу свирепого адмирала были доставлены и казнены при обстоятельствах величайшего варварства.

Новость об этом важном подвиге распространилась с огромной скоростью. Альва, застигнутый врасплох в тот самый момент, когда он вымещал свой гнев на мясниках и бакалейщиках Брюсселя, отложил этот жестокий план, чтобы справиться с новой трудностью. Он, конечно, не ожидал такого результата от того, что королева Елизавета с готовностью согласилась на его просьбу. Его гнев был чрезмерен; триумф народа, который его искренне ненавидел, был пропорционально велик. Брюссельские острословы были уверены, что не упустят такой возможности, поскольку название захваченного города допускало придирки, а мероприятие проходило в День всех дураков.

"В апрельский день дурака,
У герцога Алвы украли очки",

стал популярным двустишием. Слово "очки" во фламандском языке, как и название внезапно удивленного города, звучит как "Брилл", и этот намек на потерю герцогом зрения не был лишен изобретательности. Также широко распространилась карикатура, изображающая Де ла Марка, снимающего с носа герцога очки, в то время как губернатор, как предполагалось, произносил свое обычное выражение всякий раз, когда ему сообщали какую-либо важную информацию: "No es nada, no es nada — Это ничего, это ничего".

Герцог, однако, не терял ни минуты, пытаясь исправить положение. Графу Боссю, который исполнял обязанности штатгальтера Голландии и Зеландии под властью Алвы с тех пор, как принц Оранский сложил с себя этот пост, было приказано немедленно вернуть завоеванный морской порт, если это возможно.

Поспешно собрав силы примерно из десяти рот гарнизона Утрехта, часть войск которого недавно, к несчастью для правительства, была переведена из Брилля в этот город, граф

переправился через Слудс на остров Ворн в день Пасхи и отправил призыв повстанцам сдать Брилл. Патриоты, которых было очень мало, поначалу побоялись выходить за ворота и атаковать значительно превосходящие силы захватчиков. Однако плотник, который принадлежал к городу, но долгое время был сторонником Оранжа, бросился в воду с топором в руке и, подплыв к нивландскому шлюзу, несколькими энергичными взмахами взломал его. Море сразу же нахлынуло, сделав подход к городу с северной стороны невозможным: затем Боссу повел своих испанцев вдоль нивландской дамбы к южным воротам, где они были встречены жарким артиллерийским залпом, который совершенно ошеломил их. Тем временем Треслонг и Роболь самым дерзким образом подплыли к кораблям, доставившим врага на остров, пустили одни по течению, а другие подожгли.

Испанцы у южных ворот увидели свои пылающие корабли, увидели, как море быстро поднимается над дамбой, их охватила паника оттого, что они оказались таким образом зажатыми между огнем и водой, и они бросились в поспешное отступление по скользкой дамбе и через скользкие и мутные воды, которые быстро угрожали захлестнуть их. Многие утонули или задохнулись во время своего бегства, но большая часть сил спаслась на судах, которые все еще оставались в пределах досягаемости. Предотвратив эту опасность, адмирал де ла Марк созвал всех жителей, значительная часть которых вернулась в город после того, как захват был окончательно установлен, и потребовал от них, а также от всего населения острова, принести присягу на верность принцу Оранскому как штатгальтеру его Величества.

Принц был не слишком доволен предприятием Де ла Марка. Он считал это преждевременным и сомневался, будет ли практически осуществимо удержать это место, поскольку он еще не завершил свои приготовления в Германии и не собрал силы, с которыми намеревался снова выступить на поле боя. Возможно, больше всего он не доверял характеру своего адмирала. Оранж был прав в своей оценке Де ла Марка. В планы этого разбойника не входило ни захватывать, ни удерживать это место; и после того, как высадка была произведена, корабли снабжены продовольствием, церкви разграблены, добыча захвачена, а несколько монахов убиты, он отдал приказ сжечь город и отплыть флоту. Настойчивые просьбы Треслонга, однако, с некоторым трудом возобладали над первоначальными намерениями Де ла Марка. Таким образом, именно этому смелому и умному дворянину больше, чем какому-либо другому человеку, принадлежит заслуга в закладке этого краеугольного камня батавского содружества. Само по себе предприятие было случайным, но острый глаз Треслонга разглядел возможность постоянного завоевания, в то время как его начальник не мечтал ни о чем, кроме пиратского набега.

Тем временем Боссу, потерпев неудачу в своем покушении на Брилла, направился в Роттердам. Было важно, чтобы он, по крайней мере, обезопасил другие города, поскольку недавний успех повстанцев мог поколебать их лояльность. Он обнаружил, что ворота Роттердама закрыты. Власти отказались выполнить его требование ввести гарнизон для короля. Заявляя о своей абсолютной лояльности, жители, что вполне естественно, отказались впустить банду кровожадных испанцев, чтобы добиться их повиновения. Вынужденный вступить в переговоры, Боссу прибегнул к коварной уловке. Он попросил разрешения своим войскам пройти через город без остановки. Это было разрешено магистратами при условии, что одновременно допускается командование только капралом. К этим условиям граф приложил свою руку и печать. Однако с пропуском первого отряда все испанские силы предприняли яростную атаку на ворота. Горожане, не подозревавшие о предательстве, не были готовы оказать эффективное

сопротивление. Крепкий кузнец, почти в одиночку противостоявший захватчикам у ворот со своим кувалдой, был собственноручно пронзен Боссом в сердце. Солдаты, получив таким образом доступ, бросились по улицам, предавая смерти каждого, кто оказывал малейшее сопротивление. В течение нескольких минут было убито четыреста горожан. Судьба женщин, брошенных теперь на произвол жестоких солдат, была хуже смерти. Захват Роттердама печально известен теми же преступлениями, которые очерняют историю каждого испанского триумфа в Нидерландах.

Важный город Флашинг на острове Вальхерен первым ощутил патриотический импульс, вызванный успехом при Брилле. Сеньор де Герпт, горячий сторонник Оранжа, призвал собравшихся на рыночной площади бюргеров изгнать из города небольшие остатки испанского гарнизона. Чуть позже в тот же день к стенам подошло значительное подкрепление. Герцог решил, хотя и слишком поздно, достроить крепость, строительство которой было начато задолго до этого, чтобы контролировать владение этой важной позицией в устье западного Шельда. Войска, которым предстояло возобновить эту слишком затянувшуюся работу, прибыли как раз вовремя, чтобы стать свидетелями изгнания своих товарищей. Де Герпт легко убедил бюргеров, что жребий брошен и что их единственная надежда - в решительном сопротивлении. Люди горячо согласились, в то время как полупьяный парень в толпе отважно предложил, в обмен на кружку пива, взобраться на крепостной вал и выпустить пару артиллерийских орудий по испанским кораблям. Предложение было принято, и бродяга, весело взбираясь на высоту, разрядил пушки. Как ни странно, выстрел, произведенный рукой сумасшедшего, обратил корабли вторжения в бегство. Внезапная паника охватила испанцев, весь флот разом повернул в направлении Мидделбурга и вскоре скрылся из виду.

Однако на следующий день Антоний Бургойнский, губернатор острова Вальхерен при Альве, появился во Флашинге. Будучи высокого мнения о своих ораторских способностях, он прибыл с намерением своей риторикой отвоевать город, который испанцы до сих пор не могли отвоевать с помощью своих пушек. Зазвонил большой колокол, все население собралось на рыночной площади, и Антоний со ступеней городского дома произнес длинную речь, заверив горожан, среди прочих заверений, что король, который был самым добродушным принцем во всем христианском мире, забудет и простит их обиды, если они честно вернутся к своим обязанностям.

Однако эффект красноречия губернатора был значительно ослаблен вступительными замечаниями Де Херпта и группы его сторонников. Они напоминали народу о добродушии короля, о его готовности забывать и прощать, примером чего является судьба Хорна и Эгмонта, Бергена и Монтињи, а также ежедневные и почти ежечасные постановления Совета Крови. Каждый хорошо продуманный период правления губернатора встречался ироническими возгласами. Речь не увенчалась успехом. - О, граждане, граждане! - воскликнул наконец смущенный Антоний. - Вы не ведаете, что творите. Ваша кровь падет на ваши собственные головы; ответственность ляжет на ваши собственные сердца за пожары, которые поглотят ваши города, и за опустошение, которое охватит вашу землю!" Оратор на этом впечатляющем месте был прерван и самым бесцеремонным образом выдворен из города. Правительство оставалось в руках патриотов.

Партия, однако, была сильна не столько солдатами, сколько духом. Поэтому, как только они заявили о своем восстании Альве как о неопровержимом факте, они отправили эмиссаров к

принцу Оранскому и адмиралу Де ла Мареку в Бриль. Обнаружив, что жители Флашинга готовы предоставить оружие и боеприпасы, Де ла Марк с готовностью согласился послать небольшое количество людей, смелых и опытных в партизанской войне, которых он теперь собрал больше, чем мог вооружить или содержать в своем нынешнем положении.

Отряд численностью в двести человек на трех небольших судах соответственно отплыл из Брилла во Флашинг; и это была дикая команда, состоявшая из безрассудных авантюристов под командованием отважного Треслонга. Экспедиция казалась жестоким, но причудливым маскарадом. Каждый человек в маленькой флотилии был облачен в великолепные облачения разграбленных церквей, в расшитые золотом сутаны, сверкающие праздничные одеяния или более мрачные капюшоны и рясы монахов-капуцинов. Так ускорились первые знаменосцы той свирепой свободы, которая возникла из огня, в котором сгорело все остальное, ради чего люди дорожат своим отечеством. Так пронесся этот решительный, но фантастический отряд по тихим устьям Зеландии, будя стоячие воды своими дикими нищенскими песнями и криками о мести.

Эта месть вскоре обрела выдающийся объект. Пачеко, главный инженер Алвы, сопровождавший герцога в его походе из Италии, который с тех пор заслужил всемирную известность как архитектор антверпенской цитадели, только что был в спешке отправлен во Флашинг для завершения строительства крепости, строительство которой так долго откладывалось. Слишком поздно для своей работы, слишком рано для своей безопасности, злополучный инженер прибыл почти одновременно с Треслонгом и его командой. Он ступил на берег, совершенно не подозревая обо всем, что произошло, ожидая, что к нему отнесутся с уважением, подобающим главному коменданту этого места и офицеру, пользующемуся высоким доверием генерал-губернатора. Он оказался в окружении возмущенной и угрожающей толпы. Несчастный итальянец не понял ни слова из обращенных к нему оскорбительных выражений, но без труда понял, что власть герцога низвергнута. Заметив Де Рика, выдающегося партизанского офицера и капера Амстердама, чья репутация храброго и великодушного человека была ему известна, он подошел к нему и, сняв с пальца кольцо с печаткой, поцеловал его и вручил вождю повстанцев. Этим дурацким жестом он дал ему понять, что полагается на свою честь в отношении обращения, подобающего джентльмену. Де Рик понял призыв и охотно обеспечил бы ему, по крайней мере, смерть солдата, но он был бессилён сделать это. Он арестовал его, чтобы защитить от ярости черни, но Треслонг, который теперь командовал во Флашинге, был особенно разгневан на основателя антверпенской цитадели и испытывал свирепое желание отомстить за убийство своего брата телом любимца своего разрушителя. Пачеко был приговорен к повешению в первый же день своего прибытия. Выйдя из тюрьмы, он усердно, но не униженно умолял сохранить ему жизнь. Он предложил большой выкуп, но его враги были жадны до крови, а не до денег. Однако найти палача было трудно. Городской палач отсутствовал, и предубеждение страны и эпохи против этой мерзкой профессии, несомненно, не уменьшилось за пять ужасных лет правления Алвы. Даже осужденный убийца, сидевший в городской тюрьме, отказался расстаться с жизнью в награду за исполнение своей обязанности. Никогда не следует говорить, заметил он, что его мать родила палача. Однако, когда ему сказали, что предполагаемой жертвой является испанский офицер, злоумышленник с готовностью согласился выполнить задание при условии, что впоследствии он сможет убить любого человека, который насмеялся над ним этим поступком.

Оказавшись у подножия виселицы, Пачеко горько пожаловался на уготованную ему позорную смерть. Он громко протестовал, заявляя, что происходит из такого же благородного рода, как

Эгмонты или Хорны, и имеет право на столь же почетную казнь, какой была их казнь. "Меч! меч!" он отчаянно кричал, борясь с теми, кто его охранял. Языка его не понимали, но имена Эгмонта и Хорна еще сильнее распалили ярость толпы, в то время как его крик о шпаге был ложно истолкован грубым парнем, у которого случайно оказалась рапира Пачеко при его поимке и который теперь красовался с ней у подножия виселицы. "Не бойся за свой меч, Сейлор, - крикнул этот негодяй. - твой меч в достаточной безопасности и в надежных руках. Поднимайтесь по лестнице вместе с вами, сеньор; ваш меч вам больше не понадобится.

Пачеко, оскорбленный таким образом, покорился своей участи. Он твердым шагом поднялся по лестнице и был повешен между двумя другими испанскими офицерами. Так трагически погиб храбрый солдат и один из самых выдающихся инженеров своего времени; человек, чей характер и достижения, несомненно, заслужили для него лучшей участи. Но хотя мы клеймим позором, как того заслуживает, зверское поведение нескольких нидерландских партизан, мы должны помнить, кто первым освободил демона международной ненависти в этой несчастной стране, и никогда не следует забывать, что великий лидер восстания словом, прокламацией, примером, мольбами, угрозами и снисходительным наказанием постоянно порицал и в определенной степени сдерживал кровожадный дух, с помощью которого некоторые из его последователей опозорили благородное дело, которое они отстаивали.

Треслонг недолго оставался командующим во Флашинге. Офицер, пользующийся большим доверием принца, Джером ван т Зерартс, прибыл во Флашинг с поручением стать вице-губернатором всего острова Вальхерен. При нем присутствовал небольшой отряд французской пехоты, и почти в то же время гарнизон был дополнительно усилен прибытием большого количества добровольцев из Англии.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Морские попрошайки, как называли себя эти каперы
Волосы и борода нестриженные, согласно древнему батавскому обычаю
Единственное здоровое существование французов было в состоянии войны

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 19.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855-1872 [ГЛАВА VII.]

Муниципальная революции по всей Голландии и Зеландии—особенности движения в разных местах—Sonoy заказу оранжевый качестве губернатора Северной Голландии—теория Временного правительства— поручения князя к своим офицерам,—Клятва, установленном пунктом терпимости—сюрприз Монс графом Луи—Ах да, Энтони Оливер—подробности захвата—собрания граждан—выступления Родес и графа Луи—влияние различных движений при Алва—Дон Фредерик приказал Инвест Монс—герцога нетерпения на пенсию—Прибытие Медина Коэли—его узкий выход—взятие Лиссабона флота—наигранное радушие между Alva и Медина—уступки со стороны короля и вице-короля на эту тему десятой копейки—усадьбы Голландии собрались, по зову оранжевый, в Дорт—призывы князя к этому у Конгресса средства на оплату его вновь, взимаемый армии—теория временных государств агрегата—источника и характера своей власти—выступление Санкт-Aldegonde—щедрость сословий и провинций—

новички обмениваются между князем представитель и Конгресса—комиссия по Де Ла Марк ратифицировали —виртуальная диктатуры оранжевый—ограничение своей власти из-за своего поступка—граф Луи в Монсе—подкрепление привел из Франции Родез— необдуманности, что офицер—его полное поражение—Оранжевый снова в поле—Rocmond приняты—эксцессы "Патриот" армия—провозглашение оранжевый, внушающими уважение ко всем личным и религиозные права,—его ответ императоравывозов—его прогресс в Нидерландах,— надеется развлекали из Франции—подкрепление под Колиньи обещал до оранжевого Карл IX.— Варфоломеевскую ночь—событие характеризуется—эффект в Англии, в Риме, и в других частях Европы—чрезмерное веселье Филиппа—экстравагантный панегирик дарованные ему при Карле IX.—Заказ отправлен Филиппом посадить всех пленных французов в Нидерландах до смерти—тайная переписка Карла IX. со своим посланником в Нидерландах—Ликование испанцев перед Монсом—Альва призвал французского посланника, согласно приказу своего господина, предать смерти всех французов в Монсе и тех, кто уже попал в плен —Последствия резни для принца Оранского—Альва и Медина в лагере перед Монсом—Безнадежность плана принца добиться сражения у Альвы—Энкамисада Ромеро —Принцу чудом удалось спастись— Мятёж и роспуск его армии— Его возвращение в Голландию—Его стойкость—Отчаянное положение графа Луи в Монсе—Настроения Альвы—Капитуляция Монса— Вежливый прием графа Людовика испанскими генералами— Лицемерие этих демонстраций—Природа капитуляции Монса— Ужасное нарушение ее условий—Нуарнармы в Монсе—Создание Совета Крови в городе—Массовые казни—Жестокость и алчность нуарнармов—Позднее обнаружение архивов этих преступлений—Возвращение восставших городов Брабанта и Фландрии к повиновению—Разграбление Мехлина испанцами—Подробности этого события.

Примеру, поданному таким образом Бриллом и Флашингом, быстро последовали. Первая половина 1572 года отличилась серией триумфов, ставших еще более примечательными из-за неудач, последовавших в конце. Внезапно, почти как бы случайно, был захвачен небольшой, но важный морской порт, на который принц так долго надеялся. Сразу после этого половина острова Вальхерен сбросила иго Альвы, затем Энкбуизен, ключ к Зюйдер-Зее, главному арсеналу и одному из первых торговых городов Нидерландов, восстал против испанского адмирала и вывесил на своих крепостных валах оранжевое знамя. Революция, совершенная здесь, была исключительно делом рук людей — моряков и горожан города. Более того, магистратура была отменена, и правительство Алвы отреклось от власти, не пролив ни капли крови, не причинив ни малейшего вреда личности или имуществу. Таким же стихийным движением почти все важные города Голландии и Зеландии подняли знамя того, в ком они узнали своего освободителя. Революция повсюду совершилась почти при одинаковых обстоятельствах. В едином порыве яростного энтузиазма нация сбросила с себя оковы. Аудуотер, Дорт, Гарлем, Лейден, Горкам, Левенштейн, Гауда, Меденблик, Хорн, Алкмар, Эдам, Монникендам, Пурмеренде, а также Флашинг, Вир и Энкбуизен - все они находились под властью правительства Оранского как законные штатгальтеры короля.

Не только в Голландии и Зеландии были зажжены огни маяка свободы. Город за городом в Гелдерланде, Оверисселе и Утрехтском престоле; все важные города Фрисландии, некоторые раньше, некоторые позже, некоторые без борьбы, некоторые после короткой осады, некоторые с сопротивлением правительственных чиновников, некоторые путем дружеского компромисса, приняли гарнизоны принца и формально признали его власть. Из хаоса, порожденного долгой и сверхъестественной тиранией, начали появляться первые борющиеся элементы нового и лучшего мира. Было бы излишним описывать подробности, которые ознаменовали внезапное

восстановление свободы в этих различных группах городов. Черты великодушия ознаменовали смену правительства в одних, обстоятельства жестокости исказили революцию в других. Остров Вальхерен, поровну разделенный между двумя сторонами, был аренной жесточенной и дьявольской войны. Трудно сказать, что было более смертоносным - взаимная расовая ненависть или враждебность из-за религиозных различий. Бои были непрерывными и кровопролитными, пленных с обеих сторон немедленно казнили. Неоднократно были замечены люди, помогавшие собственными руками и хладнокровно вешать своих собственных братьев, взятых в плен в рядах врага. Когда пленников становилось слишком много, чтобы их можно было повесить, их связывали спина к спине, по двое, и таким образом сбрасывали в море. Островитяне находили жестокое удовольствие в этих актах жестокости. Испанец перестал быть человеком в их глазах. Однажды хирург из Вира вырезал сердце у пленного испанца, прибил его гвоздями к носу судна и пригласил горожан прийти и вонзить в него зубы, что многие и сделали с диким удовлетворением.

В других частях страны революция в целом прошла сравнительно спокойно. Даже проявления великодушия не были редкостью. Бургомистр Гонды, долгое время покорный раб Алвы и Совета Крови, бежал, спасая свою жизнь, когда в этом городе вспыхнуло восстание. Он нашел убежище в доме одной вдовы и попросил дать ему место, где можно было бы спрятаться. Вдова привела его в потайной чулан, который служил кладовой. "Буду ли я там в безопасности?" - спросил беглый чиновник. "О да, господин бургомистр, - ответила вдова, - именно в этом месте прятался мой муж, когда вы в сопровождении судебных приставов обыскивали дом, чтобы привести его на эшафот за его религию. Пройдите в кладовую, ваша милость; я буду отвечать за вашу безопасность. Так преданно скромная вдова преследуемого и убитого кальвиниста защищала жизнь магистрата, который принес опустошение в ее очаг.

Не всем завоеваниям, столь быстро достигнутым во имя свободы, было суждено сохраниться, и ни одно из них не было удержано без борьбы. Однако маленькому северному скоплению республик, которые теперь восстановили свою честь перед древним батавским названием, была уготована долгая и энергичная жизнь. С этого сурового перешейка свет свободы должен был долгие годы изливаться на борющееся человечество в Европе; путеводный фарос через штормовое море; и Гарлем, Лейден, Алкмар — названия, освященные героическими деяниями, которые не часто попадали в летописи человечества, все еще дышат таким же трубным и вечным вызовом деспотизму, как Марафон, Фермопилы или Саламин.

Во всех освобожденных городах путем всенародных выборов были избраны новые магистраты. От них требовалось принести клятву верности королю Испании и принцу Оранскому как его штатгальтеру; пообещать сопротивление герцогу Альва, десятому пенни и инквизиции; поддерживать свободу каждого человека и благосостояние страны; защищать вдов, сирот и несчастных, а также поддерживать справедливость и правду.

Дидрих Соной прибыл в Энкбейзен 2 июня. Принц предоставил ему поручение, назначив его вице-губернатором Северной Голландии или Уотерленда. Таким образом, для борьбы с властью Алвы была установлена власть короля. Штатхолдерат над Голландией и Зеландией, на который принц был назначен в 1559 году, теперь был восстановлен. На этой фикции покоилось все временное государственное устройство восставших Нидерландов. Правительство, как оно постепенно формировалось, начиная с этой эпохи и вплоть до провозглашения независимости и абсолютного отказа от суверенной власти Испании, будет в общих чертах описано в одной из

следующих глав. Поначалу народ не требовал ни на йоту большей свободы, чем было обеспечено коронационной клятвой Филиппа. Никто не притворялся, что Филипп не был сувереном, но были притворство и решимость поклоняться Богу по совести и вернуть древние политические "свободы" страны. Пока правили Алва, Совет Крови, инквизиция и военное положение были единственными кодексами или судами, и ни один устав не действовал. Восстановить эту практическую свободу и эти исторические права и сбросить со своих плеч самое кровавое правительство было целью Вильгельма и народа. Никакого революционного знамени не было выставлено.

Письменные инструкции, данные принцем своему заместителю Соною, заключались в том, чтобы "следить за тем, чтобы Слово Божье проповедовалось, не создавая, однако, никаких препятствий Римской церкви в отправлении ее религии; восстанавливать беглецов и изгнанных по совести и требовать от всех магистратов и должностных лиц гильдий и братств клятвы верности". Принц также предписал форму этой клятвы, повторив в ней, к его вечной чести, тот же самый строгий запрет на нетерпимость. "Точно так же, - гласила формула, - те, кто принадлежит к "религии", не должны препятствовать римским церквам".

Принц все еще находился в Германии, занимаясь сбором войск и выделением средств. Однако он руководил делами восставших провинций в мельчайших деталях в силу диктатуры, неизбежно навязанной ему как обстоятельствами, так и народом. Тем временем Людовик Нассауский, нидерландский баярд, совершил самый неожиданный и блестящий подвиг. Он долгое время находился во Франции, ведя переговоры с лидерами гугенотов и, что более секретно, с придворными. Весь мир предполагал, что он все еще находится в этом королевстве, когда пришло поразительное известие о том, что он застал врасплох и захватил важный город Монс. Этот город, столица Эно, расположенный в плодородной, холмистой и красивой местности, защищенный высокими стенами, тройным рвом и мощной цитаделью, был одним из самых цветущих и элегантных мест в Нидерландах. Более того, это было из-за близости к границам Франции; самое важное приобретение для повстанческой партии. Таким образом, захват был осуществлен. Уроженец Монса, некто Энтони Оливер, художник-географ, втерся в доверие к Алве, для которого в разное время подготовил несколько замечательно выполненных карт страны. Имея возможность посетить Францию, герцог нанял его следить за передвижениями Людовика Нассауского и составлять отчет о ходе его интриг при французском дворе. Художник, однако, был всего лишь переодетым шпионом, на самом деле преданным делу свободы, корреспондентом Orange и своей семьи. Таким образом, его общение с Людовиком в Париже привело к результату, сильно отличающемуся от того, который ожидал Альва. В городе Монс уже было заручено большое количество сторонников, и теперь между графом Луи, Жанлисом, Де ла Нуэ и другими выдающимися вождями гугенотов был разработан план, который предстояло осуществить с помощью храброго и энергичного художника.

23 мая Оливер появился у ворот Монса в сопровождении трех фургонов, якобы с товарами, но на самом деле нагруженных аркебузами. Они были тайно розданы его сообщникам в городе. В течение дня граф Людовик прибыл в окрестности в сопровождении пятисот всадников и тысячи пехотинцев. Эти силы он разместил в тесном укрытии в густых лесах между Мобежем и Монсом. Ближе к вечеру он послал в город двенадцать самых верных и смелых своих последователей, переодетых виноторговцами. Эти люди смело направились в трактир, заказали ужин и, беседуя с хозяином, небрежно поинтересовались, в котором часу следующим утром откроются городские ворота. Им сообщили, что обычный час - четыре утра, но небольшой подарок

привратнику обеспечит вход, если они пожелают, в более ранний час. Они объяснили свои запросы заявлением, что у них есть несколько бочонков вина, которые они хотели бы доставить в город до восхода солнца. Получив всю необходимую информацию, они вскоре покинули таверну. На следующий день они очень рано подошли к воротам, которые привратник, пообещав солидный "пенни на выпивку", согласился отпереть. Однако не успели отодвинуть засовы, как он был сражен насмерть, в то время как около пятидесяти драгун въехали в ворота. Граф и его сторонники теперь скакали галопом по городу в утренних сумерках, выкрикивая: "Франция! свобода! город наш!" "Принц приближается!" "Долой десятый пенни, долой кровожадного Альву!" Как только в окне показывалось удивленное лицо бюргера, они стреляли в него из карабинов. Они производили столько шума и вели себя так смело, как будто их было по меньшей мере тысяча человек.

Тем временем, однако, улицы оставались пустыми; ни один из их тайных сообщников не показывался. Пятьдесят человек могли напасть врасплох, но их было слишком мало, чтобы удержать город. Граф начал подозревать ловушку. С приближением рассвета распространилась тревога; положение маленького отряда было критическим. В своей стремительности Людовик намного опередил свою армию, но им было приказано следовать по его стопам, и он был удивлен, что их прибытие так надолго задержалось. Ожидание становилось невыносимым, он выехал из города на поиски своих приверженцев и нашел их блуждающими по лесу, где они полностью заблудились. Приказав каждому всаднику взять с собой по пешему солдату на крупе, он быстро повел их обратно в Монс. По дороге они столкнулись с Ла Нуэ, "железной рукой", и Жанлисом, которые тем временем предприняли безуспешную атаку, чтобы вернуть Валансьен, который в течение нескольких часов был выигран и снова проигран. Добравшись до ворот Монса, они оказались на волосок от того, чтобы опоздать; их сторонники не вышли; горожане были разбужены; все ворота были заперты, кроме одного — и там привратник ссорился с французским солдатом из-за аркебузы. Подъемный мост через ров в этот момент поднимался; последний въезд закрывался, когда Гитой де Шомон, французский офицер, верхом на легком испанском коне, вскочил на поднимавшийся мост. Под его весом ворота снова просели, их взломали, и Людовик со всеми своими людьми торжествующе въехал в город.

По звуку колокола горожане немедленно собрались на рыночной площади. Присутствовали духовенство, магистратура и генеральный совет. Генлис произнес первую речь, в которой он отверг всякое намерение совершать завоевания в интересах Франции. Когда это обещание было дано, Людовик Нассауский обратился затем к собранию: "Магистраты, - сказал он, - не поняли моих намерений. Я заявляю, что я не мятежник перед королем; я доказываю это, не требуя ни от кого новых клятв. Оставайтесь связанными своими старыми клятвами верности; пусть магистраты продолжают выполнять свои функции — вершить правосудие. Я полагаю, что ни один человек не заподозрит брата принца Оранского, способного на какой-либо замысел против свобод страны. Что касается католической религии, я беру ее под свою особую защиту. Вы спросите, почему я нахожусь в Монсе во главе вооруженных сил: кто-нибудь из вас не знает о жестокостях Альвы? Свержение этого тирана в такой же степени отвечает интересам короля, как и народа, поэтому в моем нынешнем поведении нет ничего, что противоречило бы верности его Величеству. Я поднял оружие только против Альвы; я здесь, чтобы защитить вас от его ярости. Я иду войной против него, чтобы предотвратить продолжение всеобщего восстания. Единственное предложение, которое я должен вам сделать, заключается в следующем: я

требую, чтобы вы объявили Альву де Толедо предателем короля, палачом народа, врагом страны, недостойным правительства и, следовательно, лишенным своих полномочий".

Магистратура не осмелилась принять столь смелое предложение; генеральный совет, составляющий наиболее популярную ветвь муниципального управления, был сравнительно склонен отдать предпочтение Нассау, и многие его члены проголосовали за свержение тирана. Тем не менее требования графа Людовика были отклонены. Таким образом, его положение стало критическим. Гражданские власти отказались платить его войскам, которые, к тому же, были слишком малочисленны, чтобы противостоять неизбежной осаде. Патриотизм граждан, однако, не должен был быть подавлен властью магистратов; многие богатые владельцы крупных суконных и шелковых мануфактур, которыми славился Монс, собрали и вооружили отряды за свой счет; многие добровольческие отряды также были быстро организованы и обучены, а укрепления приведены в порядок. Не было предпринято никаких попыток навязать жителям реформатскую религию, и даже с католиками, которые были уличены в тайной переписке с врагом, Нассау обращался с такой чрезвычайной мягкостью, что навлек на себя суровые упреки со стороны многих членов его собственной партии.

Большая коллекция церковной утвари, ювелирных изделий, денег и других ценностей, которые были отправлены в город на хранение из церквей и монастырей провинций, была захвачена, и таким образом, без особого кровопролития и насилия важный город был захвачен повстанцами. Три дня спустя туда прибыли две тысячи пехотинцев, в основном французов. В начале следующего месяца Людовик получил еще больше подкреплений благодаря прибытию тысячи трехсот пехотинцев и тысячи двухсот всадников под командованием графа Монтгомери, знаменитого офицера, чье копье на турнире оказалось роковым для Генриха Второго. Таким образом, герцог Алва внезапно оказался во власти революционной бури. Казалось, одна молния за другой обрушиваются на него с затаенной последовательностью. Брилл и Флашинг были уже потеряны; Мидделбург был так плотно обложен, что его падение казалось неминуемым, а вместе с ним мог погибнуть и весь остров Вальхерен, ключ ко всем Нидерландам. За одно утро он услышал о восстании в Энкбейзене и во всей Акватории; два часа спустя пришло известие о восстании в Валансьене, а на следующий день - о поразительном взятии Монса. Одна катастрофа неотступно следовала за другой. Он мог бы поклясться, что ненавистный Людовик Нассауский, нанесший этот последний и самый роковой удар, находился в тот момент в Париже под надежным наблюдением правительственных эмиссаров; а теперь он как бы внезапно появился из-под земли, чтобы лишить его этого важного города и обнажить всю границу для вероломных нападений вероломной Франции. Он отказался поверить этим сведениям, когда они были впервые сообщены ему, и поклялся, что у него есть определенная информация о том, что графа Луи видели играющим на теннисном корте в Париже, причем в течение столь короткого периода времени, что его присутствие в Эно в тот момент было невозможно. Вынужденный, наконец, признать правдивость этой ужасной новости, он в ярости швырнул шляпу на землю, осыпая проклятиями вдовствующую королеву Франции, чьим вероломным интригам он приписывал успех предприятия, и поклялся прислать ей испанский чертополох в достаточном количестве в обмен на флорентийские лилии, которыми она его таким образом одарила.

Несмотря на растерянность, сгущавшуюся вокруг него, герцог сохранил если не самообладание, то хотя бы мужество. Ослепленный на короткое время стремительными нападениями, совершенными на него, он не знал, куда направить свою месть. Этот последний

удар в столь жизненно важную область сразу определил его. Он немедленно отправил дон Фредерика предпринять осаду Монса и серьезно занялся подбором крупных подкреплений для своей армии. Дон Фредерик без особого сопротивления овладел Вифлеемским монастырем в непосредственной близости от города и с четырьмя тысячами солдат начал капитуляцию в надлежащей форме.

Алве уже давно не терпелось покинуть провинцию. Даже он был способен на человеческие эмоции. Сквозь семикратные доспехи своей гордыни его пронзила острота национального проклятия. Он был утомлен непрекращающимися проклятиями, которые обрушивались на его слух. "Ненависть, которую народ питает ко мне, - писал он в письме Филиппу, - из-за наказания, которое мне пришлось понести, хотя и со всей умеренностью, присущей миру, делает все мои усилия тщетными. Преемник встретит больше сочувствия и окажется более полезным". 10 июня герцог Медина Коэли с флотом из более чем сорока кораблей прибыл из Бланкенбурга, намереваясь войти в Шельд. Хулиан Ромеро с двумя тысячами испанцев также находился на борту флота. Разумеется, вновь прибывшим ничего не было известно ни об изменившемся положении дел в Нидерландах, ни о нежелательном приеме, который они ожидали встретить во Флашинге. После того как несколько легких судов были захвачены крейсерами "патриот", тревога распространилась по всему флоту. Медине Коэли с несколькими транспортом удалось совершить побег в Слейс, откуда он поспешил в Брюссель гораздо менее церемонно, чем предполагал первоначально. Двенадцать бискайских кораблей вышли в море, заметили большой лиссабонский флот, по странному совпадению внезапно появившийся в поле зрения, снова изменили курс и при благоприятном бризе смело направились вверх по Хонду; миновали Флашинг, несмотря на сильную канонаду из фортов, и в конце концов благополучно вошли в Раммекенс, откуда солдат, около половины из которых таким образом были спасены, в очень критический момент перевели в Мидделбург.

Огромный лиссабонский флот последовал вслед за бискайцами, но с гораздо меньшим успехом. Совершенно не зная о революции, произошедшей в Исе Вальклирен, оно подчинилось призыву мятежного форта сняться с якоря, и, за исключением трех или четырех, все суда были захвачены. Это была самая богатая добыча, которую повстанцы когда-либо добывали по морю или суше. Флот был гружен специями, деньгами, драгоценностями и самыми дорогими товарами. Было захвачено пятьсот тысяч золотых крон, и было подсчитано, что всего награбленного хватило бы для ведения войны по меньшей мере в течение двух лет. Также была захвачена тысяча испанских солдат и большое количество боеприпасов. Неожиданное положение дел сделало паузу естественной и почти необходимой, прежде чем правительство могло быть чинно передано. Медина Коэли с испанской высокопарностью заявил о своей готовности служить солдатом под началом генерала, которого он так сильно почитал, в то время как Альва приказал, чтобы во всех отношениях его назначенному преемнику оказывались те же внешние знаки уважения, что и ему самому. Однако за всей этой внешней церемонией скрывалось много взаимной злобы.

Тем временем герцог, у которого буквально "не было ни единого реала", был вынужден, наконец, подавить свою гордость из-за десятого пенни. 24 июня он созвал сословия Голландии на собрание 15 числа следующего месяца. В официальном послании, выпущенном с этой целью, он официально согласился отменить весь налог при условии, что генеральное управление Нидерландов будет ежегодно выделять ему два миллиона флоринов. Почти в тот же момент король отправил в отставку депутатов от сословий Мадрида с публичным заверением, что налог

будет приостановлен, и частным намеком на то, что он был отменен не по срокам, а только для того, чтобы спасти достоинство герцога.

Эти лечебные меры были приняты слишком поздно. Поместья Голландии действительно встретились в назначенный июльский день; но они собрались не из повиновения Альве, а по призыву Вильгельма Оранского. Они тоже встретились, но не в Гааге, а в Дорте, чтобы принять официальные меры для отказа от власти герцога. Первый конгресс нидерландского содружества все еще заявлял о лояльности короне, но был полон решимости безоговорочно принять политику Оранжевых.

Принц снова собрал армию в Германии, состоявшую из пятнадцати тысяч пеших и семи тысяч всадников, помимо нескольких нидерландцев, в основном валлонов, насчитывавших еще почти три тысячи человек. Однако, прежде чем выйти на поле боя, ему было необходимо гарантировать своим войскам жалование по крайней мере за три месяца. Этого он больше не мог сделать, кроме как выдав облигации, одобренные некоторыми городами Голландии, в качестве своих ценных бумаг. Соответственно, он разослал письма от своего имени во все главные города, горячо заклиная их вспомнить, наконец, о том, что причитается ему, отечеству и их собственному характеру. "Пусть никакая сумма золота, - говорил он в одном из этих писем, - не будет вам так дорога, чтобы ради нее вы пожертвовали своими жизнями, своими женами, своими детьми и всеми вашими потомками до последних поколений; чтобы вы навлекли грех и позор на себя и гибель на нас, которые так искренне стремились помочь вам. Подумайте, какое презрение вы навлечете на себя со стороны иностранных народов, какое преступление вы совершите против Господа Бога, какое кровавое ярмо вы навеки наложите на себя и своих детей, если вы сейчас будете искать уловки; если вы сейчас помешаете нам выйти на поле боя с войсками, которые мы завербовали. С другой стороны, какую невыразимую пользу вы принесете своей стране, если сейчас поможете нам спасти это отечество от власти испанских стервятников и волков".

Это и подобные послания, распространенные по всей провинции Голландия, произвели глубокое впечатление. В соответствии с его предложениями депутаты от дворянства и от двенадцати городов этой провинции собрались 15 июля в Дорте. Строго говоря, сословия, или правительство Голландии, орган, представлявший весь народ, состоял из знати и шести крупных городов. Однако на этот раз Амстердам, все еще находящийся во власти короля, не мог прислать депутатов, в то время как, с другой стороны, всем маленьким городам было предложено прислать своих представителей на Конгресс. Восемь человек приняли предложение; остальные отказались назначать делегатов, частично из соображений экономии, частично из робости".

Эти сословия были законными представителями народа, но у них не было законодательной власти. Народ никогда не претендовал на суверенитет и не претендует на него сейчас. Источником, из которого должно было исходить правительство Нидерландов, по-прежнему был божественный мандат. Даже сейчас сословия молчаливо уступали, как они делали это всегда, высшие законодательные и исполнительные функции хозяину земли. На Филиппа Испанского, как представителя голландского графа Дирка Первого, по многим извилистым каналам снизошло божественное излияние, первоначально исходившее от французского короля Карла Простого. Эту сверхъестественную силу никто не оспаривал, но теперь она была хитроумно обращена против государя. Власть короля была направлена против него самого в лице принца

Оранского, которому тринадцать лет назад была делегирована часть этого божественного права. Сословия Голландии собрались в Дорте 15 июля как представители народа; но они были созваны Оранж, королевским указом назначенным в 1559 году штатгальтером и, следовательно, высшим законодательным и исполнительным должностным лицом некоторых провинций. Такова была теория временного правительства. Принц представлял королевскую власть, дворяне представляли как самих себя, так и жителей открытой местности, в то время как двенадцать городов представляли всю массу бюргеров. Предполагалось, что вместе они олицетворяют всю власть, как божественную, так и человеческую, которой мог пользоваться конгресс. Таким образом, все движение было направлено против Альвы и против графа Боссю, назначенного Альвой штатгальтером вместо Оранжа. Имени Филиппа было суждено долгое время фигурировать в заголовках документов, с помощью которых собирались деньги, набирались войска и собирались налоги - и все это для того, чтобы использовать в смертельной войне против него самого.

Сословия были созваны 15 июля, когда Пауль Байс, пенсионарий Лейдена, испытанный и близкий друг Оранжа, был избран адвокатом Голландии. Затем съезд был отложен до 18-го числа, когда появился святой Альдегонд, наделенный всеми полномочиями временно действовать от имени его Высочества.

Уважаемый полномочный представитель выступил перед конгрессом с длинной и очень эффективной речью. Он напомнил о жертвах и усилиях принца в предыдущие годы. Он сослался на катастрофическую кампанию 1568 года, в ходе которой принц казался полным больших надежд во главе доблестной армии, но через короткое время был вынужден уйти в отставку, потому что ни один город не открыл свои ворота и ни один нидерландец пальцем не пошевелил ради этого. Тем не менее он не утратил мужества и не замкнул своего сердца; и теперь, когда, по благословению Божьему, глаза людей открылись и так много городов восстали против тирана, принц оказался втянутым в ожесточенную борьбу. Хотя его собственное состояние было разрушено в результате этого дела, он был не в состоянии противостоять ежедневному потоку петиций, которые призывали его выступить еще раз. Он снова докучал своим родственникам и могущественным друзьям; он, наконец, собрал новую и хорошо оснащенную армию. Настал день выплаты. Над его собственной головой нависал вечный позор, над отечеством - вечное горе, если конгресс сейчас откажет в необходимых поставках. "Тогда пробудитесь, - с жаром воскликнул оратор, - пробудите свое собственное рвение и рвение ваших городов-побратимов. Ухватись за локс, которая никогда не казалась красивее, чем сегодня.

Страстное красноречие святой Альдегонды произвело глубокое впечатление. Люди, которые упрямо отвергали требования Альвы, теперь единодушно решили пролить свое золото и свою кровь по зову Оранжевого. "Поистине, - писал герцог немного позже, - меня почти сводит с ума вид того, с какими трудностями доставляются припасы вашему величеству и с какой щедростью народ отдает свои жизни и состояние в распоряжение этого мятежника". Верному правителю казалось странным, что люди поддерживают своего освободителя с большей готовностью, чем с той, с которой они служили своему разрушителю! Было решено, что необходимая сумма должна быть немедленно собрана, частично за счет регулярных сборов и текущих "просьб", частично за счет займов у богатых, у духовенства, у гильдий и братств, частично за счет излишних церковных украшений и других дорогостоящих предметов роскоши. Было предписано, чтобы подписка была немедленно открыта по всей стране, чтобы золотая и серебряная посуда, мебель, ювелирные изделия и другие дорогие изделия поступали в виде

добровольных взносов, описи и квитанции на которые должны выдаваться магистратами каждого города, и чтобы на эти деньги можно было собирать либо займы, либо продажей. Восторженный и либеральный дух восторжествовал. Казалось, все решили не платить десятую часть Алве, а отдать все принцу.

Сословия, кроме того, единогласным решением заявили, что они признают принца законным правителем Голландии, Зеландии, Фрисландии и Утрехта, и что они будут использовать свое влияние на другие провинции, чтобы добиться его назначения протектором всех Нидерландов на время отсутствия короля. Его Высочеству было предложено назначить адмирала, на которого вместе с некоторыми заместителями от прибрежных городов должно было быть возложено ведение морской войны.

Руководство военными операциями на суше должно было осуществляться Дортом, Лейденом и Энкбуизеном совместно с графом де ла Марком. Сословия и полномочный представитель также обменялись обещанием, что ни одна из сторон не должна заключать никаких договоров с королем, кроме как с полного согласия и сотрудничества другой. Что касается религии, было твердо установлено, что публичное богослужение должно быть разрешено не только Реформатской церкви, но и Римско—католической - духовенство обеих должно быть защищено от любых посягательств.

После этих слушаний граф де ла Марк предстал перед ассамблеей. Его поручение от Оранжа было зачитано депутатам и ими утверждено. Принц в этом документе разрешал "своему дорогому кузену" набирать войска, принимать верность городов, размещать в них гарнизоны, восстанавливать все местные законы, муниципальные права и древние привилегии, которые были подавлены. Он должен был поддерживать свободу вероисповедания под страхом смертной казни для тех, кто ее нарушал; он должен был вернуть все конфискованное имущество; он должен был, по совету своего совета, продолжать занимать должности тех городских магистратов, которые были благосклонны, и устранять тех, кто был враждебен делу.

На самом деле принц был облечен диктаторскими и даже королевскими полномочиями. Эта власть была навязана ему молитвами народа, но он не проявил никакого рвения, частично приняв это обременительное положение. Временно он был хранителем всего суверенитета северных провинций, но его гораздо меньше интересовали теории правления, чем пути и средства. Его целью было освободить страну от тирана, который в течение пяти лет сжигал и убивал людей. Его целью было изгнать иностранных солдат. Для этого он должен встретиться со своим врагом в поле. Он был так мало расположен укреплять свою личную власть, что добровольно наложил на себя ограничения актом, дополняющим решения Конгресса Дорта. В этом важном указе, изданном принцем Оранским в качестве временной формы правления, он публично объявил, "что он не будет делать и предписывать ничего, кроме как по совету сословий, по той причине, что они лучше всего знакомы с обстоятельствами и настроениями жителей". Он приказал сословиям назначить сборщиков всех государственных налогов и постановил, что все военные офицеры должны принести присягу на верность ему, как штатгальтеру, и поместьям Голландии, быть верными и послушными, чтобы освободить землю от албанской и испанской тирании, для службы его королевскому Величеству как графу Голландии. Временная конституция, созданная таким образом суверенным принцем и фактическим диктатором, была, безусловно, столь же бескорыстной, сколь и мудрой.

Тем временем в Эно бурно разгорелась война. Едва Людовик Нассауский оказался во владении Монса, как отправил Генлиса во Францию за теми подкреплениями, которые были обещаны королевскими устами. С другой стороны, дон Фредерик держал город в плотной осаде; ожесточенные бои у стен происходили почти ежедневно, но было очевидно, что Людовик не сможет удержать положение, в которое он так по-рыцарски себя поставил, если вскоре не получит важной помощи. Необходимое подкрепление вскоре было в пути. Генлис быстро собрал рекрутов, и вскоре было объявлено, что он продвигается в Эно с отрядом гугенотов, численность которых, по сообщениям, возросла до десяти тысяч ветеранов. Людовик отправил своему сообщнику серьезное послание с просьбой соблюдать крайнюю осторожность при приближении. Прежде всего, он убеждал его, прежде чем пытаться перебросить в город подкрепление, соединиться с принцем Оранским, который уже переправился через Рейн со своей новой армией.

Генлис, преисполненный самонадеянности и желавший единолично снискать всю славу освобождения города, пренебрег этим советом. Его опрометчивость привела к его гибели и временному падению дела свободы. Быстро продвигаясь вперед, он пересек французскую границу и к середине июля оказался в двух лье от Монса. Испанцы знали о его подходе и были хорошо подготовлены к тому, чтобы сорвать его проект. 19-го числа он оказался на круглой равнине протяженностью около лиги, окруженной перелесками и лесами и усеянной фермерскими домами и огородами. Здесь он остановился, чтобы выслать разведывательный отряд. Однако небольшой отряд вскоре был оттеснен, получив информацию, что дон Фредерик Толедский с десятью тысячами человек немедленно приближается к ним. В действительности испанские силы насчитывали четыре тысячи пехотинцев и полторы тысячи кавалеристов; но дон Фредерик нанял три тысячи полуруких невежд, чтобы увеличить свои очевидные силы. Демонстрация произвела свой эффект, и не успела распространиться первая паника от полученных сведений, как Нуарнамес бросился на них во главе своей кавалерии. Пехота прибыла сразу после этого, и гугеноты были разбиты почти сразу же, как их увидели. Это была скорее встреча, чем сражение. Потери французов были очень велики, в то время как пало лишь незначительное количество испанцев. Героем дня был Чьяппин Вителли. Именно его мастерским приготовлениям перед боем и его энергичным усилиям на поле боя была обязана победа. Получив тяжелое ранение в бедро всего несколько дней назад, он приказал нести себя на носилках в лежащем положении перед своими войсками, и его видели повсюду, поощряя их усилия и подставляя себя, каким бы искалеченным он ни был, под всю тяжесть сражения. Для него эта победа едва не оказалась роковой; дону Фредерику она принесла еще большую известность. Усилия Вителли в его тяжелом состоянии вызвали сильное воспаление, от которого он едва не скончался, в то время как сын Альвы снискал широкую известность благодаря полному разгрому ветеранов-гугенотов, скорее благодаря своему лейтенанту и Джулиану Ромеро.

Число убитых, оставленных французами на равнине, составляло по меньшей мере тысячу двести человек, но гораздо большее число было подробно вырезано крестьянами, среди которых они пытались укрыться и которые еще не забыли варварства, учиненные их соотечественниками в предыдущей войне. Многие офицеры были взяты в плен, среди которых был главнокомандующий Генлис.

Этому несчастному джентльмену было суждено ценой жизни искупить свою опрометчивость и упрямство. Его перевезли в замок Антверпен, где шестнадцать месяцев спустя он был тайно

задушен по приказу Альвы, который распространил сообщение о том, что он умер естественной смертью. Примерно сотне пехотинцев удалось проникнуть в Мону, и это была вся помощь, которую графу Людовику суждено было получить от Франции, на страну, на которую он возлагал такие возвышенные и разумные надежды.

Пока происходило это прискорбное событие, принц уже привел свою армию в движение. 7 июля он перешел Рейн у Дуйсбурга с четырнадцатью тысячами пехотинцев, семью тысячами всадников, завербованных в Германии, не считая отряда в три тысячи валлонов. 23 июля он взял город Рурмонд после мощной канонады, и в этом месте его войска уже начали позорить благородное дело, в котором они участвовали, подражая жестокости и варварству своих противников. Личность и имущество бюргеров пользовались, за очень немногими исключениями, уважением; но многие священники и монахи были преданы смерти солдатами при обстоятельствах величайшего варварства. Принц, разгневанный таким поведением, но будучи неспособным осуществлять очень строгую власть над войсками, жалование которым он еще не был в состоянии выплачивать в полном объеме, издал прокламацию, осуждающую подобные эксцессы, и приказал своим последователям под страхом смерти уважать права всех людей, будь то паписты или протестанты, и защищать религиозные обряды как в католических, так и в реформатских церквях.

Вряд ли можно было ожидать, что войска, зачисленные принцем в тот же самый большой склад наемных солдат в Германии, откуда герцог также получал свои ежегодные припасы, будут сильно отличаться по своим склонностям от войск, зачисленных под испанские знамена; и все же между характерами двух командиров существовал огромный контраст. Один лидер насаждал практику грабежа, насилия и убийства как обязанность и отдавал четкие приказы убивать сыновей каждой матери в захваченных им городах; другой сдерживал все излишества в меру своих возможностей, защищая не только жизнь и имущество, но даже древнюю религию.

Император Максимилиан снова издал свои указы против военных операций Оранжа. Связанный с монархом Испании столькими семейными узами, будучи одновременно двоюродным братом, шурином и тестем Филиппа, ему было трудно сохранять подобающее ему отношение как главе Империи, которой Пассауский мир гарантировал свободу вероисповедания. Однако было достаточно доказано, что увещевания и ходатайства, адресованные Филиппу, были всего лишь пустой болтовней. Поэтому требовать от принца мирного поведения на основании какого-либо прошлого или будущего посредничества стало оскорблением. Еще более грубым издевательством было призывать его прекратить военные действия, поскольку Нидерланды были включены в состав империи и, следовательно, защищены Пассауским и Аугсбургским мирными договорами. Принц достойно ответил на призыв его Императорского величества сдержанным, но убедительным письмом, в котором он обратился к нему из своего лагеря, сообщив, что все ходатайства оказались бесплодными и что единственной помощью Нидерландам был меч.

Принц задержался в Рурмонде на месяц, потому что, как он выразился, "у него не было ни единого су" и потому, что, как следствие, войска отказались наступать в Нидерланды. Получив, наконец, от голландских городов необходимые гарантии выплаты жалования за три месяца, 27 августа, в день опубликования своего письма императору, он пересек Маас и направился кружным путем через Диест, Тирлемон, Сихем, Лувен, Мехлин, Термондэ, Ауденардэ, Нивель. Многие города и деревни признали его власть и приняли его гарнизоны. Самым значительным

из них был Мехлин, в котором он разместил отряд своих войск. В тот момент его судьба была предрешена. Алва не мог простить этого акта патриотизма со стороны города, который так недавно исключил его собственные войска. "Это прямое разрешение Бога, - писал он в духе мрачного и мстительного пророчества, - чтобы мы наказали ее так, как она заслуживает, за разрушение образа и другие злодеяния, совершенные там во времена мадам де Парма, которые наш Господь не пожелал оставить без наказания".

Тем временем принц продолжал свое наступление. Лувен купил свой нейтралитет на время шестнадцатью тысячами дукатов; Брюссель упрямо отказывался слушать его и был слишком силен, чтобы подвергнуться силовому нападению в тот момент; другие важные города, убежденные аргументами и завоеванные красноречием различных прокламаций, которые он распространял по мере своего продвижения, спонтанно и даже с энтузиазмом встали на его сторону. Насколько иным был бы мир в результате его кампании, если бы не неожиданное землетрясение, которое в тот момент привело в ужас христианский мир и рассеяло все его хорошо вызревшие планы и законные надежды. Больше всего он полагался на Провидение и свое собственное сильное сердце, надеясь на помощь Франции. Хотя Генлис своим проступком пожертвовал своей армией и самим собой, принц по-прежнему справедливо относился с оптимизмом к политике французского двора. Все бумаги, которые были найдены во владении Генлиса его завоевателями, были написаны на одном языке. "Вы были бы поражены изумлением, - писал секретарь Алвы, - если бы увидели письмо, которое сейчас находится в моих руках, адресованное королем Франции Людовику Нассаускому". В этом письме король заявлял о своей решимости использовать все силы, которые Бог вверил ему в руки, чтобы спасти Нидерланды от гнета, под которым они стонали. Тон Колиньи в его переписке с Оранским соответствовал всему духу и языку французского правительства. Адмирал заверил принца, что нет никаких сомнений в серьезности королевских намерений в отношении Нидерландов, и, порекомендовав соблюдать крайнюю осторожность, выразил надежду в течение нескольких дней соединиться с ним во главе двенадцати тысяч французских аркебузир и по меньшей мере трех тысяч кавалеристов. Принц Оранский, сильный и вскоре еще более окрепший, вполне мог бы похвастаться, что Нидерланды свободны и что Алва в его власти. Он имел право быть оптимистичным, ибо ничто иное, как чудо, не могло теперь разрушить его великодушные надежды — и, увы! чудо произошло; чудо вероломства и кровопролития, подобного которому мир, знакомый с резней, каким он когда-либо был и которому еще предстояло быть, еще не видел. 11 августа Колиньи с такой надеждой написал о своих передвижениях в направлении Нидерландов, санкционированных и поддерживаемых его королем. Через две недели после этого дня состоялась "парижская свадьба", и адмирал с тысячами своих религиозных единомышленников, привлеченный к доверию сверхчеловеческим предательством и убаюканный музыкой августейших свадебных колоколов, был внезапно зарезан на улицах Парижа королевскими и благородными руками.

Принц продолжил свой поход, во время которого до него дошли тяжелые вести, но он был убежден, что с самым получением ужасных вестей судьба этой кампании решена и падение Монса неизбежно. Выражаясь его собственным языком, он был повержен на землю "ударом кувалды", и враг не извлек из этого великого события иного предзнаменования.

Преступление не было совершено при попустительстве правительства Испании. Напротив, два суда в тот момент были настроены крайне враждебно друг к другу. В начале лета Карл IX и его советники были так же неверны Филиппу, как в конце его они были вероломны Колиньи и

Оранскому. Массовое убийство гугенотов не имело даже того достоинства, что было хорошо продуманным и разумно осуществленным планом. Мы видели, как неуклонно семь лет назад Екатерина Медичи отвергала попытки Альвы разработать общий план уничтожения всех еретиков во Франции и Нидерландах одновременно. Мы видели, с каким отвращением Альва отвернулся от несчастного молодого короля в Байонне, когда тот выразил мнение, что о том, чтобы поднять оружие против своих собственных подданных, не может быть и речи и что за этим может последовать только всеобщее разорение. "Легко заметить, что он прошел обучение", - писал Альва своему хозяину. К несчастью, та же самая мать, которая тогда преподавала эти уроки лицемерной доброжелательности, теперь воздействовала на трусливый, но свирепый характер своего сына с совершенно иными намерениями. Незавершенное убийство Колиньи, страх перед возмездием со стороны гугенотов, необходимость взять на себя инициативу в междоусобной борьбе были использованы с искусством Медичи и с полным успехом. Король был доведен плетью до иступления. Вскочив на ноги с воплем ярости и ужаса, "Я согласен на этот план", - закричал он, - "при условии, что во Франции не останется в живых ни одного гугенота, который мог бы упрекнуть меня в содеянном".

Той ночью началась резня. Давно обдуманное преступление было совершено в панике, но работа была проделана досконально. Король, который за несколько дней до этого собственноручно написал Людовику Нассаускому, выражая свою твердую решимость поддерживать протестантское дело как во Франции, так и в Нидерландах, который воспользовался советами Колиньи при составлении своих планов и который послал французские войска под командованием Генлиса и Ла Ноне на помощь своим братьям-кальвинистам во Фландрии, теперь подал сигнал к всеобщей резне протестантов и собственноручно, из окон своего дворца, расстреливал своих подданных из аркебузы, как если бы они были дикими зверями.

Между воскресеньем и вторником, по одним из самых скромных подсчетов, было убито пять тысяч парижан всех рангов. По разным оценкам, во всем королевстве число жертв составляло от двадцати пяти тысяч до ста тысяч. Сердце протестантской Европы на мгновение замерло от ужаса. Королева Англии надела траурные одежды и с презрением отвергла извинения французского посланника. Напротив, в Риме известие о резне вызвало неописуемую радость. Папа в сопровождении своих кардиналов торжественно отправился в церковь Святого Марка, чтобы возблагодарить Бога за милость, столь необычно оказанную Святому Престолу и всему христианскому миру; и в присутствии того же августейшего собрания был совершен молебен.

Но ничто не могло сравниться с удовлетворением, которое это событие вызвало в душе Филиппа Второго. Теперь всякая помощь французского правительства нидерландским протестантам была прекращена. "Известие о событиях в день святого Варфоломея, - писал Карлу IX французский посланник в Мадриде Сен-Гоар, - поступило 7 сентября. Король, получив это известие, проявил, вопреки своему естественному обыкновению, столько веселья, что казался более довольным, чем все удачи или счастливые происшествия, которые когда-либо прежде происходили с ним. Он созвал к себе всех своих приближенных, чтобы заверить их, что ваше величество - его добрый брат и что никто другой не заслуживает звания Самого христианина. Он прислал ко мне своего секретаря Кайаса с поздравлениями по случаю этого события и с сообщением, что он как раз направляется в Святой Иероним, чтобы возблагодарить Бога и вознести свои молитвы о том, чтобы ваше Величество могло получить Божественную поддержку в этом великом деле. Я пошел навестить его на следующее утро, и как только я

предстал перед ним, он начал смеяться и с выражением крайнего удовлетворения восхвалять ваше Величество как заслуживающего вашего титула Самого христианского, сказав мне, что нет короля, достойного быть спутником вашего величества ни по доблести, ни по благоразумию. Он высоко оценил непоколебимую решимость и долгое сокрытие столь великого предприятия, которое весь мир был бы не в состоянии постичь".

"Я поблагодарил его, - продолжал посол, - и сказал, что благодарю Бога за то, что он позволил вашему Величеству доказать своему Хозяину, что его ученик выучился своему ремеслу и достоин титуласамого христианского короля. Я добавил, что он должен признаться, что сохранением Нидерландов он обязан вашему величеству".

По мнению Филиппа, ничто не могло быть более восхитительным, чем это самое неожиданное и очень кстати пришедшееся известие. Карл IX, о чьих интригах в Нидерландах он был давно осведомлен, теперь внезапно превратился в результате этого чудовищного преступления в своего самого могущественного союзника, и в то же время протестанты Европы узнали, что в христианском мире есть еще один коронованный глава, более заслуживающий отвращения, чем он сам. Он немедленно написал Альве, выражая свое удовлетворение тем, что король Франции избавился от таких пагубных людей, потому что теперь ему придется поддерживать дружбу с Испанией, поскольку ни английская королева, ни немецкие протестанты отныне не могут ему доверять. Более того, он сообщил герцогу, что французский посланник Сен-Гоар убеждал его отдать приказ о немедленной казни Генлиса и его товарищей, которые были взяты в плен, а также всех французов, которые будут схвачены в Монсе; и что он полностью согласен с уместностью этой меры. "Чем скорее, - сказал Филипп, - эти вредные растения будут уничтожены с земли, тем меньше опасений, что взойдет новый урожай". Поэтому монарх собственноручно дополнил письмо: "Я желаю, чтобы, если вы еще не избавили от них мир, вы сделали это немедленно и сообщили мне об этом, поскольку я не вижу причин, по которым это следует откладывать".

Это демоническая картина, нарисованная французским послом и собственноручно Филиппом, изображающая радость испанского монарха по поводу того, что его "Самый христианский" брат только что убил двадцать пять тысяч его собственных подданных. Таким же хладнокровным образом его католическое величество приказал дополнительно казнить несколько тысяч гугенотов, чтобы более полно осуществить планы своего царственного брата; и все же Филипп мог написать о себе, "что весь мир признал мягкость его натуры и мягкость его намерений".

По правде говоря, совет, данный таким образом святым Гоаром по поводу французских пленных во владениях Алвы, был естественным результатом Варфоломея. Здесь были офицеры и солдаты, которых Карл IX. сам послал в Нидерланды сражаться за протестантское дело против Филиппа и Алвы. Найденные у них бумаги уже поставили его в некоторое замешательство и разоблачили его двуличие перед испанским правительством, прежде чем великая резня стала столь значительным возмещением за его проступок. Он приказал Мондусэ, своему посланнику в Нидерландах, максимально использовать лицемерие, продолжать свои интриги с протестантами и решительно отрицать все доказательства такого попустительства. "Я вижу, что бумаги, найденные у Генлиса, - писал он за двенадцать дней до резни, - попали в руки Ассонлевиля, и что они знают, что все, что делал Генлис, было совершено с моего согласия".

[Эти замечательные письма, которыми обменивались Карл IX и Мондусэ, недавно были опубликованы г-ном Эмилем Гаше (шеф палеографического бюро бельгийских архивов) по рукописи, обнаруженной им в библиотеке в Реймсе.—Comte Rendu de la Com. Roy. d'Hist., iv. 340, кв.]

- Тем не менее, вы скажете герцогу Альвы, что все это ложь, придуманная для того, чтобы возбудить против меня подозрения. Вы также будете время от времени сообщать ему о делах врага, чтобы заставить его поверить в вашу честность. Даже если он вам не поверит, моя цель будет достигнута, при условии, что вы сделаете это ловко. В то же время вы должны поддерживать постоянную связь с принцем Оранским, проявляя большую осторожность, чтобы не допустить раскрытия вашей разведывательной информации королю".

Разве эти мастерские дипломатические приемы не были достойны короля, которого его мать с детства заставляла изучать "Принца" Макиавелли и который глубоко принял близко к сердцу часто повторяемую в те дни максиму о том, что "Наука правления - это наука лжи"?

Радости в испанском лагере перед Монсом не было предела. Это было так, как если бы единственный оплот между нидерландскими повстанцами и полным разрушением был внезапно снят. Гимнами в Святой Гудуле, кострами, праздничной иллюминацией, ревом артиллерии, а также трубами и шоумами был отмечен славный праздник при дворе и в лагере в честь чудовищного убийства, совершенного самым христианским королем над своими христианскими подданными; не было упущено ни минуты, чтобы сообщить солдатам-гугенотам, запертым вместе с Людовиком Нассауским в осажденном городе, о великой катастрофе, которая должна была сделать напрасной всю их доблесть. "Это было наказание, - сказал испанский солдат, наиболее храбро сражавшийся при Монсе и впоследствии подробно описавший осаду, - вполне достойное короля, носящего титул "Самого христианского", и еще более почетным было нанести его собственными руками, как это сделал он". Это замечание было не содержательным сарказмом, а откровенным выражением мнения человека, одинаково известного мастерством, с которым он обращался как со шпагой, так и с пером.

Французский посланник в Нидерландах был, конечно, немедленно проинформирован своим сувереном о великом событии: Карл IX дал очень емкий отчет об этой сделке. "Чтобы помешать успеху предприятия, задуманного адмиралом, - писал король 26 августа, когда от него еще тлели руки и когда хаос по всей Франции был в самом разгаре, - я был вынужден позволить упомянутым Личинам напасть на упомянутого адмирала, что они и сделали, поскольку упомянутый адмирал был убит и все его сторонники. Очень большое число тех, кто принадлежал к новой религии, также было убито и разрублено на куски. Вполне вероятно, что зажженный таким образом огонь распространится по всем городам моего королевства, и что все приверженцы указанной религии будут спасены ". Конечно, не часто в истории христианский король так спокойно говорил о разделке своих подданных, в то время как вокруг него шла работа. Более того, следует отметить, что обычное оправдание подобных чудовищ, религиозный фанатизм, в данном случае даже не может быть предложено. Екатерина в прошлые времена благоволила гугенотам не меньше, чем католикам, в то время как Карл вплоть до самого момента преступления находился в строгом союзе с еретиками как Франции, так и Фландрии и продвигал планы Оранского и Нассау. Более того, даже в этот самый момент и в этом самом письме, в котором он сообщил новость о резне, он поручил своему посланнику поддерживать самые тесные, но самые секретные отношения с принцем Оранским, проявляя

большую осторожность, чтобы герцог Альва не узнал об этих отношениях. Его мотивы состояли, конечно, в том, чтобы помешать принцу отказаться от своих замыслов и приехать, чтобы устроить беспорядки во Франции. Теперь, когда дело было сделано, королю больше всего хотелось пожать все плоды своего преступления. - Итак, господин де Мондусэ, в таких делах необходимо, - продолжал он, - учитывать все возможные непредвиденные обстоятельства. Я знаю, что эта новость будет очень приятна герцогу Альвы, поскольку она наиболее благоприятна для его замыслов. В то же время я не желаю, чтобы он один собирал плоды. Я не хочу, чтобы он, согласно своему превосходному обычаю, вел свои дела таким образом, чтобы отдать принца Оранского в мои руки, помимо отправки обратно во Францию Жанлиса и других пленных, а также французов, которые сейчас заперты в Монсе".

Это был достаточно ясный намек, который Мондусэ не мог не понять. "Внимательно наблюдайте за выражением лица герцога, когда будете передавать ему это послание, - добавил король, - и сообщите мне его ответ". Однако для того, чтобы не было никакой ошибки в этом вопросе, Карл через пять дней снова написал своему послу, отчетливо выразив сожаление, которое он испытал бы, если бы Алва не взял город Монс или если бы он взял его с боем. "Передайте герцогу, - сказал он, - что для служения его господину и Богу крайне важно, чтобы эти французы и другие люди в Монсе были изрублены на куски". В день именин он написал еще одно письмо, таково было его беспокойство по этому поводу, в котором поручал посланнику убедить Алву в необходимости наказать этих мятежников французской короне. "Если он скажет вам, - продолжал Шарль, - что это молчаливо требует от него предать смерти всех французских пленников, которые сейчас находятся в его руках, а также разрезать на куски каждого человека в Монсе, вы скажете ему, что это именно то, что он должен сделать, и что он будет виновен в большом оскорблении христианства, если поступит иначе". Конечно, герцог, получивший такой недвусмысленный приказ как от своего собственного господина, так и от его христианского величества предать смерти каждого из этих французов, имел достаточный королевский ордер. Тем не менее, он не смог полностью выполнить эти свирепые инструкции. Заключенным, уже находившимся в его власти, не суждено было сбежать, но у города Монс, по его собственному выражению, "зубы оказались острее, чем он предполагал".

Мондусэ, не теряя времени, довел до сведения Альвы настоятельную необходимость осуществления предложенной таким образом масштабной и хладнокровной резни. "Герцог ответил, - писал посланник своему государю, - что он каждый день казнит своих пленников и что у него осталось совсем немного. Тем не менее, по какой-то причине, которую он не упоминает, он оставляет за собой главных дворян и вождей". Впоследствии он сообщил своему хозяину, что Генлис, Жюмелес и другие лидеры пообещали, если Алва предоставит им разумный выкуп, вынудить французов в Монсе покинуть город, но что герцог, хотя его речь становилась все менее уверенной, все еще надеялся взять город штурмом. "Я убеждал его, - добавил он, - предать их всех смерти, уверяя его, что он будет нести ответственность за последствия обратного курса". — "Почему ваш Самый христианский учитель, - спросил Альва, - не прикажет этим французам в Монсе явиться к нему под присягой не устраивать беспорядков? Тогда мои пленники будут в моем распоряжении, и я получу свой город". — "Потому что, — ответил посланник, - они не будут доверять его Христианнейшему величеству и предпочтут умереть в Монсе". - [Мондусэ Карлу IX, 15 сентября 1572 г.]

Это, безусловно, был самый разумный ответ, но поучительно наблюдать, с каким цинизмом посланник принимает эту позицию своего хозяина, хладнокровно фиксируя результаты всех этих кровавых бесед.

Таково было положение дел, когда принц Оранский прибыл в Перонну, между укреплениями Бинша и герцога Альвского. Осаждающая армия была богата знатью высокого ранга. До сих пор командовал дон Фредерик Толедский, но 27 августа в лагерь прибыли герцоги Медина Козэли и Альва. Сразу после этого прибыл воинственный архиепископ Кельнский во главе двухтысячной кавалерии. У принца Оранского был только один шанс, и опыт четырехлетней давности научил его, что этот шанс невелик. Он все еще мог спровоцировать своего противника на жестокую битву, и в результате он полагался на Бога. По его собственным словам, "он всегда верил, что великий Бог воинств был с ним, и будет сражаться в гуще своих войск". До тех пор, пока Альва оставался в своем неприступном лагере, было невозможно атаковать его или перебросить подкрепление в Монс. Принц также вскоре обнаружил, что Альва был слишком умен, чтобы рисковать своим положением из-за ненужного сражения. Герцог знал, что кавалерия принца превосходит его собственную. Он выразил полное нежелание играть на руку принцу, вместо того чтобы выиграть игру, в которой больше не было сомнений. Солдаты-гугеноты в Монсе были в отчаянии и взбунтовались; Людовик Нассауский лежал в постели, изнемогая от опасной лихорадки; Жанлис был в плену, а его армия разбита вдребезги; Колиньи был убит, а протестантская Франция парализована; войска Оранского, набранные всего на три месяца, уже взбунтовались и наверняка перейдут к открытому неповиновению, когда последствия парижской резни станут им полностью ясны; и поэтому были еще более веские причины, чем в 1568 году, почему Альва должен оставаться совершенно спокойным и видеть своего врага. Это потому, что основатель у него на глазах. Доблестный архиепископ Кельна больше всего рвался в бой. Он ежедневно выезжал верхом рядом с герцогом, со сбруей за спиной и пистолетами в кобурах, вооруженный и одетый как один из его собственных кавалеристов, и яростно подбивал герцога на решительный бой с принцем. Герцог одобрил энтузиазм прелата, но не поддался ему. "Это прекрасная фигура мужчины, с его корсетом и пистолетами, - писал он Филиппу, - и он проявляет большую привязанность к службе вашего величества".

Проблема кампании была неизбежна. 11 сентября дон Фредерик с отрядом в четыре тысячи отборных человек обосновался в Сен-Флориане, деревне недалеко от гаврских ворот города, в то время как принц расположился лагерем в Эрминьи, в полулиге от того же места, откуда он попытался ввести в город подкрепление. В ночь с 11-го на 12-е дон Фредерик отважился напасть энкамисадой на вражеский лагерь, что оказалось в высшей степени успешным и едва не привело к пленению самого принца. Отборный отряд из шестисот аркебузистов, одетых, как это было принято в этих ночных экспедициях, рубашками поверх доспехов, чтобы они могли узнавать друг друга в темноте, возглавлял Джулиан Ромеро в тылу врага. Часовые были повержены, вся армия застигнута врасплох и на мгновение бессильна, в то время как в течение двух часов, с часу ночи до трех, испанцы рубили своих врагов, едва пробудившись ото сна, не подозревая, насколько малыми силами они были так внезапно застигнуты врасплох, и неспособные в суматохе отличить друга от врага. Самые смелые, ведомые лично Юлианом, сразу же направились к шатру принца. Его охранники и он сам крепко спали, но маленький спаниель, который всегда проводил ночь на его кровати, был более верным часовым. Существо прыгнуло вперед, яростно лая при звуке враждебных шагов и царапая лапами лицо своего хозяина. У принца было как раз время вскочить на лошадь, которая была уже оседлана, и скрыться в темноте, прежде чем его враги ворвались в шатер. Его слуги были убиты, его

конюший и два его секретаря, которые через мгновение оказались в седлах, все погибли, и, если бы не бдительность маленькой собачки, Вильгельм Оранский, от плеч которого зависела вся тяжесть судьбы его страны, в течение недели был бы приведен к позорной смерти. До самой смерти принц держал в своей спальне спаниеля той же породы. Полуночная резня все еще продолжалась, но испанцы в ярости подожгли палатки. Отблески пожара показали оранжистам, насколько ничтожными силами они были застигнуты врасплох. Однако прежде чем они успели сплотиться, Ромеро увел своих аркебузиреров, каждый из которых, по крайней мере, убил своего человека. Шестьсот человек из войска принца были преданы мечу, в то время как многие другие были сожжены в своих постелях или утонули в маленьком ручейке, протекавшем за пределами их лагеря. Погибло всего шестьдесят испанцев.

Эта катастрофа не изменила планов принца, ибо эти планы уже были расстроены. Вся суть его предприятия была разрушена в одно мгновение резней Святого Варфоломея. Он отступил во Вронн и Нивель, убийца по имени Хейст, немец по происхождению, но французский шевалье, тайно следовавший за ним в его лагере, поклялся лишить его жизни за большую награду, обещанную Альвой, — предприятию, которому, однако, не суждено было увенчаться успехом. Солдаты наотрез отказались оставаться на поле боя еще хоть час или даже предоставить эскорт графу Людовику, если бы его случайно можно было вывезти из города. Принц был вынужден сообщить своему брату об отчаянном положении его дел и посоветовать ему капитулировать на самых выгодных условиях, какие только он мог предложить. С тяжелым сердцем он оставил рыцарского Людовика осажденным в городе, который тот так доблестно захватил, и направился через Маас к Рейну. Среди его войск вспыхнул яростный мятеж. Его жизнь была с трудом спасена от жестоких солдат, взбешенных его неспособностью заплатить им, за исключением просроченных ценных бумаг голландских городов, усилиями офицеров, которые все еще относились к нему с почтением и привязанностью. Перейдя Рейн у Орсуа, он распустил свою армию и почти в одиночку отправился в Голландию.

Но даже в этот час горя и поражения принц казался более героичным, чем многие завоеватели в день своего триумфа. Несмотря на то, что все его надежды были разрушены, вся структура благосостояния его страны была разрушена колоссальным преступлением его королевского союзника, он никогда не терял уверенности в себе и своего непоколебимого доверия к Богу. Все города, которые всего несколько недель назад так рьяно поднимали его знамя, теперь разом пали. Он отправился в Голландию, единственную провинцию, которая осталась верной и которая все еще смотрела на него как на своего спасителя, но он отправился туда, ожидая гибели и приготовившись к ней. "Там я устрою себе гробницу", - таково было его простое и возвышенное выражение в частном письме к своему брату.

Он шел на выручку Людовику, и город за городом открывали свои объятия, чтобы принять его. Он ожидал, что в походе к нему присоединится Колиньи во главе отборной армии, а теперь был вынужден предоставить своего брата его судьбе, заменив резню адмирала и его союзников ожидаемой армией помощи, и когда каждый город и каждая провинция отказались от его дела с таким же рвением, с каким они совсем недавно поддерживали его. "Богу было угодно, - сказал он, - лишить нас всякой надежды, которую мы могли бы возложить на людей; король объявил, что резня была совершена по его приказу, и запретил всем своим подданным под страхом смерти помогать мне; более того, он послал помощь Алве. Если бы не это, мы были бы хозяевами герцога и заставили бы его капитулировать по своему усмотрению". Но даже тогда он не был повержен.

Его политическая проницательность также не подлежала импичменту из-за того, до какой степени он был таким образом обманут французским судом. "Это не только не достойно порицания, что я не подозревал о подобном преступлении, - сказал он, - но меня скорее обвинили бы в злонамеренности, если бы я был способен на столь зловещее подозрение. Это не совсем обычное дело - скрывать такие грандиозные обсуждения под благовидным прикрытием свадебного праздника".

Тем временем граф Людовик лежал прикованный к своему ложу с сильной лихорадкой. Его солдаты отказались больше удерживать город, теперь, когда намерения Карла IX изменились. о них стало известно, и силы Оранских были выведены. Алва предложил самые почетные условия, и поэтому для графа было невозможно оказывать более длительное сопротивление. Город был так важен, а время в тот момент было так дорого, что герцог был готов отказаться от мести мятежнику, которого он так искренне ненавидел, и удовольствоваться лишением его награды, которую он захватил с такой дерзостью. "Для меня было бы искренним удовольствием, - писал герцог, - помимо блага для Бога и вашего Величества, иметь графа Нассау в моей власти. Я бы преодолел все препятствия, чтобы схватить его, такова особая ненависть, которую я питаю к этому человеку ". Однако в сложившихся обстоятельствах он признал, что результатом военного совета могло быть только выдвижение либеральных условий.

Соответственно, 19 сентября были подписаны статьи о капитуляции между уважаемым Де ла Ноне и тремя другими лицами с одной стороны, и сеньором де Нуаркармесом и тремя другими лицами со стороны Испании. Город был передан Альве, но все солдаты должны были выйти со своим оружием и имуществом. Те из горожан, кто поднял оружие против его величества, и все, кто все еще придерживался реформатской религии, должны были уйти в отставку вместе с солдатами. Войска должны были поклясться не служить в будущем против королей Франции или Испании, но из этого положения Людовик со своими английскими и немецкими солдатами был явно исключен, граф с негодованием отверг саму идею такого обязательства или прекращения своих военных действий на мгновение. Было также решено предоставить автоколонны и обменивать заложников для надлежащего соблюдения условий договора. Таким образом, предварительные переговоры были улажены, и силы патриотов покинули город.

Граф Людовик, встав с постели больного, лично засвидетельствовал свое почтение победоносным генералам по их просьбе. В лагере Альвы его приняли с необычайным восхищением и уважением. Герцог Медина Коэльи осыпал его любезностями и "basolomanos", в то время как дон Фредерик заверил его высокопарным языком испанских комплиментов, что нет ничего, чего бы он не сделал, чтобы услужить ему, и что он получил бы большее удовольствие, исполнив малейшее его желание, чем если бы тот был его ближайшим родственником.

Когда на следующий день граф, все еще страдавший от лихорадки и одетый в свой длинный халат, уезжал из города, он приказал своей карете остановиться у входа в апартаменты дона Фредерика. Этот генерал, который инкогнито стоял у двери, с искренним восхищением глядя на героя стольких тяжелых сражений, удалился при его приближении, чтобы не доставлять больному хлопот выходить. Однако Луи, узнав его, обратился к нему с испанским приветствием "Perdone vuestra Senoria la pesedumbre" и остановился у ворот. Дон Фредерик, из вежливости к своему положению, не явился сам, но прислал адъютанта выразить свои комплименты и добрые пожелания. Обменявшись этими любезностями, Людовик покинул город, сопровождаемый, как и было условлено, испанской гвардией. Уважение, с которым испанские

генералы относились к вождю повстанцев, имело глубокий смысл. Хотя резня Святого Варфоломея встретила полное одобрение Алвы, все же это был намек ему изобразить священный ужас перед этим событием, и он признал, что "скорее отрубил бы себе обе руки, чем был бы виновен в таком деянии" — как будто руки палача имели право протестовать против любого убийства, каким бы массовым оно ни было. Граф Людовик сразу заподозрил и вскоре после этого полностью понял истинные мотивы рыцарского обращения, которому он подвергся. Он хорошо знал, что эти самые люди отправили бы его на эшафот, попади он в их власть, и поэтому оценил их любезность по достоинству.

При капитуляции города было четко указано, что всем солдатам, а также тем жителям, которые носили оружие, должно быть разрешено покинуть город со всем их имуществом. Было решено, что остальной народ может оставаться без посягательств на свою личность или поместья. Историки придерживались общего мнения, что статьи этого соглашения соблюдались завоевателями добросовестно. Никогда еще не было более показательной ошибки. Капитуляция была совершена поздно ночью, 20 сентября, без обеспечения, на которое надеялся Карл IX. Массовое убийство, а именно Де ла Нона и его спутников. Что касается Генлиса и тех, кто был взят в плен после его поражения, их судьба уже была предreshена. Город был эвакуирован 21 сентября: Алва вошел в него 24-го. Большинство добровольцев ушли вместе с гарнизоном, но многие из тех, кто, к большому сожалению, затянул с прощанием со своими семьями, доверившись слову испанского капитана Молиноса, были брошены в тюрьму. Нуаркарм, валансьенский мясник, теперь появился в Монсе. Как главный судебный пристав Эно, он прибыл в это место как человек, облеченный властью, и теперь его деяния должны были довершить позор, который навсегда должен был окружить его имя. Грубо нарушив условия, на которых сдался город, он теперь приступил к резне и мародерству. Была создана Комиссия по борьбе с беспорядками, в точности имитирующая знаменитый Совет Крови в Брюсселе, члены которой были назначены нуарнармами, и все они были жителями города. Совет начал разбирательство, осудив всех добровольцев, хотя они прямо участвовали в капитуляции. Все их жены и дети были изгнаны; все их имущество конфисковано. 15 декабря начались казни. Бесстрашный Де Лесте, шелковый фабрикант, командовавший отрядом добровольцев и с замечательным мужеством выдерживавший во время осады атаки войск Альвы в самый критический момент, стал одной из первых жертв. Принимая во внимание, "что он был джентльменом и не принадлежал к числу самых злонамеренных", он был казнен мечом. "В знак уважения к тому, что он прослушал мессу и завершил ее сладкой и католической смертью", было разрешено "похоронить его в освященной земле". За ним быстро последовали многие другие. Некоторые были обезглавлены, некоторые повешены, некоторые сожжены заживо. Все, кто носил оружие или работал на укреплениях, были, конечно, преданы смерти. Те, кто отказывался исповедоваться и принимать католические таинства, погибали в огне. Бедняге, обвиненному в том, что он высмеивал эти таинства, вырвали язык, прежде чем обезглавить. Сапожник по имени Блез Бузе был повешен за то, что ел мясной суп в пятницу. Его также обвинили в посещении протестантских проповедей ради участия в раздаче милостыни по этим поводам - преступлении, за которое были казнены многие другие нищие. Шестидесятидвухлетний старик был отправлен на эшафот за то, что позволил своему сыну носить оружие среди добровольцев. Наконец, когда уже не было никаких предлогов для оправдания казней, собор мотивировал свои постановления искренней преданностью жертв делу повстанцев или доктринам Реформированной церкви. Десять, двенадцать, двадцать человек часто были повешены, сожжены или обезглавлены за один день. Виселицы,

нагруженные изуродованными телами, выстроились вдоль городских дорог, в то время как Нуаркармес устрашающими выражениями одобрения непрестанно возбуждал ярость своих спутников. Это чудовище, возможно, было бы менее достойно проклятия, если бы в ходе этих грязных разбирательств им руководил фанатичный фанатизм или политическая ненависть; но его мотивы были самого отвратительного свойства. Всю эту бойню он устроил главным образом для того, чтобы добыть для себя золото. Той же ручкой, которой подписывались смертные приговоры самым богатым жертвам, он выписывал распоряжения в свою пользу об их конфискованном имуществе. Львиную долю награбленного присвоил он сам. Он пожелал получить поместье Франсуа де Гларжа, сеньора д'Эслесма. Джентльмен не совершил никакого правонарушения и, более того, проживал за пределами французской границы. Тем не менее, в нарушение международного права соседняя территория была захвачена, и д'Эслесм предстал перед кровавым трибуналом Монса. Нуаркарм заранее составил своим собственным почерком как условия обвинения, так и приговор. Жертва была невиновна и была католичкой, но он был богат. Он признался, что дважды присутствовал на проповеди из любопытства и не причастился на предыдущую Пасху. За эти преступления он был обезглавлен, а его конфискованное имущество почти за символическую цену отошло секретарю Нуарармеса, торговавшемуся за своего хозяина. "Вы не можете доставить мне большего удовольствия, - писал Нуаркарм совету, - чем быстро разобраться со всеми этими мятежниками и приступить к конфискации их имущества, реального и личного. Не преминьте подвергнуть пыткам всех тех, из кого можно что-либо вытянуть".

Несмотря на беспримерную покорность комиссаров, им было трудно добиться от своего грозного вождя разумной доли в кровавом вознаграждении. Поэтому они не стеснялись демонстрировать свой собственный позор и перечислять собственные преступления, чтобы оправдать свое требование о более высоком жалованье. "Рассмотрите, - говорилось в петиции с этой целью, - внимательно рассмотрите все, что является одиозным в нашем ведомстве, и огромное количество изгнаний и казней, которые мы вынесли всем нашим родственникам и друзьям".

Более того, в качестве небольшого смягчения чудовищных преступлений, совершенных этими людьми, можно добавить, что, устав наконец от своего дела, они убедили нуарсармов воздержаться от проскрипций. Лонге, один из комиссаров, даже лично обратился к нему с просьбой о пощаде в пользу "бедных людей, даже попрошаек, которые, хотя и носили оружие во время осады, могли бы затем быть помилованы". Нуаркарм, разгневанный этим предложением, сказал, что "если бы он не знал, что члены комиссии честные люди, он должен был бы поверить, что их ладони были смазаны маслом", и запретил любые дальнейшие слова на эту тему. Когда Лонге все же осмелился высказаться в пользу некоторых людей, "которые были очень бедны и просты, не обвинялись в двуличии и, к тому же, были добрыми католиками", у него дела обстояли не лучше. "Прочь вас!" - закричал Нуаркармес в великой ярости, добавив, что он уже написал, чтобы всех их казнили. "После чего, - сказал бедный член кровного совета Лонгхей в своем письме коллегам, - я ушел в отставку, и оставляю вас гадать, каким образом".

Таким образом, работа продолжалась день за днем, месяц за месяцем. До 27 августа следующего (1573) года палач не отдыхал, и когда Рекесенс, преемник Алвы, приказал открыть тюрьмы Монса, там было найдено еще семьдесят пять человек, приговоренных к плахе и ожидающих своей участи.

Это самый ужасный комментарий к временам, в которые происходили эти операции, - то, что они могли так быстро кануть в лету. Преступники позаботились о том, чтобы скрыть свидетельства своей вины, в то время как последующие ужасы в более широком масштабе в других местах стерли память обо всех этих сравнительно малоизвестных убийствах и грабежах. Процветание Монса, одного из самых процветающих и богатых промышленных городов Нидерландов, было уничтожено, но в таком же состоянии находилось так много городов, что его нищета едва ли была чем-то примечательным. Тем не менее, в наши дни падение полуразрушенной башни в разрушенном замке Нааст наконец раскрыло архивы всех этих преступлений. Как эти документы оказались там, остается загадкой, но они, наконец, были обнародованы.

Таким образом, испанцы вернули себе Монс, и с этим событием временная революция во всех Южных Нидерландах подошла к концу. Ключи этого города отпирали вороталюбого другого города в Брабанте и Фландрии. Города, которые так недавно подчинились власти Оранского, теперь поспешили отречься от принца и вернуться к своей древней, лицемерной и трусливой верности. Новые клятвы верности были в целом приняты Алвой, но прекрасный архиепископский город Мехлин был выбран в качестве примера и жертвы.

Из-за испанских войск образовалась большая задолженность. Чтобы искупить их вину и исполнить свое богохульное пророчество о Божественном наказании за прошлые злодеяния, Альва теперь оставил этот город на произвол своих солдат. По его команде дон Фредерик подошел к воротам и потребовал их сдачи. В ответ гарнизон произвел несколько выстрелов. Однако эти трусливые войска, ввергнув таким образом город еще глубже в позор, который, в глазах Альвы, они навлекли на себя, приняв мятежников в своих стенах после того, как незадолго до этого отказались впустить испанские войска, ночью бежали, оставив город беззащитным.

Рано утром следующего дня из ворот вышла торжественная процессия священников со знаменем и посохами, за которыми следовала длинная толпа умоляющих горожан, пытавшихся этой демонстрацией отвратить гнев победителя. Пока звучали покаянные псалмы, солдаты деловито сбрасывали в ров сухие ветки и мусор. Прежде чем религиозные обряды были завершены, тысячи людей взломали ворота или взобрались на стены и вошли в город с быстротой, которую могла внушить только надежда на грабеж. Разграбление началось мгновенно. Собственность друзей и врагов, папистов и кальвинистов подвергалась без разбора разграблению. Все было демонтировано и уничтожено. "Едва ли в стенах остался хоть один гвоздь, - сказал один испанец, написавший вскоре после этого из Брюсселя, -. Войска, казалось, вообразили себя в турецком городе и обрушили на город Божественное возмездие, о котором говорил Алва, с энергией, встреченной его горячими аплодисментами.

Три дня продолжалась ужасная сцена, один день в пользу испанцев, еще два - в пользу валлонов и немцев. Все церкви, монастыри, религиозные дома всех видов были полностью разграблены. Все ценные предметы, которые в них находились, украшения алтарей, реликварии, чаши, вышитые занавеси и ковры из бархата или дамаста, золотые одеяния священников, хранилища для воинства, драгоценные сосуды для миропомазания и соборования, богатая одежда и драгоценности, украшавшие изображения Святой Девы, - все это было без разбора разграблено испанскими солдатами. Святые облатки были растоптаны ногами, священное вино вылито на землю, и, короче говоря, все ужасы, которые были

совершены иконоборцами в их самые дикие моменты, и за тысячную долю которых еретики массово сжигались, теперь были повторены в Мехлине особыми воинами Христа, римскими католиками, которые были посланы в Нидерланды отомстить за оскорбления, нанесенные римско-католической вере. Мотивом, вдохновлявшим команду святотатцев, также был не фанатизм, а жажда грабежа. Собственность романистов отбиралась так же свободно, как и собственность кальвинистов, секта которых существовала; на самом деле, в архиепископском городе их было немного. Дом кардинала Гранвелля был ограблен. Нищенские средства, хранившиеся в монастырях, не соблюдались. Кровати были убраны из-под больных и умирающих женщин, будь то леди аббатисы или пациентка больницы, чтобы мешковину можно было разорвать в клочья в поисках спрятанных сокровищ.

Иконоборцы 1566 года уничтожили миллионы ценностей ради идеи, но они ничего не присвоили. Более того, они едва ли причинили вред человеческому существу, ограничив свой гнев извращениями. Испанцы в Мехлине не пощадили ни мужчину, ни женщину. Убийства и бесчинства были бы невероятными, если бы они не были засвидетельствованы самими уважаемыми свидетелями-католиками. Мужчин убивали в их домах, на улицах, у алтарей. Сотни женщин подвергались насилию в церквях и на кладбищах. Более того, это деяние было спланировано столь же преднамеренно, сколь и тщательно выполнено. Оно было санкционировано высшей властью. Дон Фредерик, сын Альвы, и генерал Нуарармес оба присутствовали на месте происшествия, и к ним тщетно обращались с просьбами остановить хаос. "По прибытии их видели шепчущимися друг другу на ухо, - рассказывает очевидец и католик, - и хорошо известно, что дело было улажено накануне. Эти двое продолжали быть вместе до тех пор, пока оставались в городе". Работа, по правде говоря, была полностью завершена. Ультракатолик Жан Ришардо, член Большого совета и племянник епископа Аррасского, сообщил Государственному совету, что разграбление Мехлина было настолько ужасным, что у бедных матерей не было ни кусочка хлеба, чтобы положить в рот своим детям, которые умирали у них на глазах — настолько безумной и жестокой была алчность грабителей. "Он мог бы сказать больше, - добавил он, - если бы у него волосы не вставали дыбом не только при рассказе, но даже при воспоминании об этой сцене".

В течение трех дней город был оставлен на растерзание той троице фурий, которые всегда подстерегают Войну по ее следам — Убийству, Похоти и Грабежу, — под влиянием которых люди становятся намного страшнее самых свирепых зверей. В своем письме своему хозяину герцог поздравил его с этим грязным делом как с хорошо совершенным благочестивым поступком. Однако он считал необходимым оправдаться перед общественностью в документе, который оправдывал разграбление Мехлина отказом принять его гарнизон несколькими месяцами ранее и выстрелами, которые были произведены по его войскам, когда они приближались к городу. За эти проступки и по его прямому приказу было совершено преступление. Вина за это должна быть навеки возложена на его голову.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Повешен за то, что ел мясной суп в пятницу

При условии, что во Франции не останется в живых ни одного гугенота

Подвергните пыткам всех, из кого можно что-либо вытянуть

День святого Варфоломея

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 20.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ , 1855

1572-73 гг. [ГЛАВА VIII.]

Дел в Голландии и Зеландии—осада Tergoes патриотами— важность месте—трудность снятия это—его позиция— дерзкий план по отправке помощи через "утопили Земли"— яркая и успешная экспедиция Мондрагон—осада поднял—ужасный мешок Зютфен—основа поведения графа Ван ден Берг— отказ от Нардена до капитуляции—последующие неудачные депутацию, чтобы сделать условия с Дон Фредерик—Фредерик не до Нардена— предательство Ромеро— испанцы признались—Общие резни гарнизона и горожан—город сгорел дотла—теплый прием Оранского в Голландии—тайные переговоры с Усадыбы— отчаянный характер борьбы между Испанией и провинций —Дон Фредерик в Амстердаме—планы по сокращению Голландия— стычка на льду в Амстердам—подготовка в Гарлеме ожидаемой осаде— Описание города— начале операции—полное инвестиций— число осаждающих и осажденных—взаимное варварства—определяется отражении первого штурма—срыв по batenburg экспедиции— Жестокости в город, а лагерь—добыча и countermining—второй штурм победоносно отразила страдания и болезни в Гарлеме—распоряжения не Фредерик на пенсию—памятные упрек в Alva—усилия апельсина, чтобы облегчить места—Sonoy экспедиции—подвиг Джон Херинг— жестокий расстрел пленных с обеих сторон—Quiryn Dirkzoon и его семья казнена в городе— парков на берегу озера— разгром "Патриот" армада—ужасные страдания и голод в городе— переговоры с осаждающими—отчаяние город—Обращение к оранжево—экспедиция под деревушки батенбург, чтобы разгрузить город—его поражение и смерть—отчаянное состояние Гарлем—его сдаться на милость победителя—кровавые казни—всеобщая резня—счет победы в кровь и деньги—радость Филипп на пресс.

В то время как таким образом Брабант и Фландрия были возвращены к цепям, которые они так недавно разорвали, дела принца Оранского в Зеландии не улучшались. Никогда еще год не был так отмечен противоречивой судьбой, никогда за обещаниями весны не следовали такие уныние и разочарования осенью, как в памятном 1572 году. На острове Вальхерен Мидделбург и Арнемюйд все еще держались за короля—Кампвир и Флашинг за принца Оранского. На острове Южный Бевелаад город Гоес, или Тергоес, все еще стойко оборонялся небольшим гарнизоном испанских войск. Пока это место держалось, город Мидделбург мог сохраняться. Если этот важный город падет, испанцы потеряют всякую власть над Вальхереном и провинцией Зеландия.

Джером де'т Зерартс, храбрый, преданный, но на редкость невезучий офицер, командовал войсками принца в Вальхерене. Он пытался с помощью различных наспех спланированных экспедиций найти работу своим мятежным солдатам, но фортуна отказалась улыбнуться его усилиям. Он осадил Мидделбург и потерпел неудачу. Он предпринял попытку Терго и был вынужден бесславно отступить. Жители Флашинга, когда он вернулся, закрыли ворота города у него перед носом и в течение нескольких дней отказывались впускать ни его, ни его войска.

Чтобы загладить этот позор, который возник скорее из-за неподчинения его последователей и неприязни, которую они питали к его персоне, чем из-за недостатка мужества или поведения с его стороны, он собрал войско в семь тысяч человек, снова двинулся к Тергоесу и 26 августа осадил это место в форме. Гарнизон был очень недостаточным, и хотя они вели себя с большой храбростью, вскоре стало очевидно, что без подкрепления им придется сдаться. С их свержением было очевидно, что испанцы потеряют важную приморскую провинцию Зеландия, и герцог соответственно приказал Д'Авиле, командовавшему в Антверпене, без промедления бросить помощь в Тергос. С этой целью предпринимались попытки как на море, так и на суше, но все они были безуспешными. Зеландцы господствовали на водах со своим флотом и чувствовали себя слишком хорошо среди этих заливов и отмелей, чтобы не уступать своим врагам. Потерпев неудачу в попытке освободить город по воде или суше, испанцы разработали план высадки морского десанта. Их план привел к одному из самых блестящих ратных подвигов, которыми отличается история этой войны.

Шельд, протекающий мимо города Антверпен и разделяющий провинции Фландрия и Брабант, широко раскрывает два своих рукава почти в противоположных направлениях, прежде чем впасть в море. Между этими двумя рукавами лежат острова Зеландия, наполовину плавающие на поверхности, наполовину затопленные волнами. Город Тергос был главным городом Южного Бевеланда, самой важной части этого архипелага, но Южный Бевеланд не всегда был островом. Пятьдесят лет назад буря, одна из самых жестоких, занесенных в штормовые летописи этой незащищенной страны, разрушила все преграды: воды Германского океана, подгоняемые чередой северных ветров, обрушились на низкое побережье Зеландии быстрее, чем их можно было унести через узкий Дуврский пролив. Дамбы острова прорвало, океан захлестнул сушу, сотни деревень были затоплены, а целый участок местности оторван от провинции и навсегда погребен под водой. Эта "Затонувшая земля", как ее еще называют, теперь отделяла остров от основного. Однако во время отлива опытные лоцманы могли перейти вброд устье реки, которое узурпировало место суши. Средняя глубина составляла от четырех до пяти футов во время отлива, в то время как прилив поднимался и опускался по меньшей мере на десять футов; дно было илистым и ненадежным, и, кроме того, его пересекали три живых ручья или протоки; всегда слишком глубокие, чтобы их можно было перейти вброд.

Капитан Пломарт, фламандец с большим опытом и храбростью, горячо преданный делу короля, разработал план отправки подкреплений через этот затонувший район в город Тергос. В сопровождении двух местных крестьян, хорошо знакомых с дорогой, он дважды совершил опасный и трудный переход, длина которого от суши к суше составляла почти десять английских миль. Убедившись таким образом в возможности этого предприятия, он изложил свой план испанскому полковнику Мондрагону. Этот отважный ветеран с энтузиазмом воспринял предложение, осмотрел местность и, посоветовавшись с Санчо Авилей, решил лично возглавить экспедицию по пути, предложенному Пломартом. Три тысячи отборных людей, по тысяче от каждой нации - испанцев, валлонов и немцев, были быстро и тайно собраны в Берген-оп-Зом, из окрестностей этого города, в местечке под названием Агджер, необходимо было выступить в поход. Было приготовлено некоторое количество мешков, в которые были положены сухари и порох, по одному для того, чтобы каждый солдат нес их на голове. Хотя была уже поздняя осень, погода благоприятствовала; войска, еще не осведомленные о секретном предприятии, для которого они были отобраны, были готовы собраться у кромки воды, и Мондрагон, который, несмотря на свой возраст, решил возглавить опасную экспедицию, теперь, вечером 20 октября, кратко объяснил им суть службы. Его

заявление об опасностях, с которыми им предстояло столкнуться, скорее разожгло, чем уменьшило их пыл. Их энтузиазму не было предела, когда он описал важность города, который они собирались спасти, и упомянул о славе, которую завоюют те, кто таким мужественно выступит на его спасение. Наступила половина отлива, и ветеран, которому предшествовали только проводники и Пломарт, весело нырнул в волны, за ним почти гуськом последовала его армия. Вода никогда не доходила до груди, часто выше плеча. Расстояние до острова, по меньшей мере три с половиной лиги, предстояло преодолеть самое большее за шесть часов, иначе поднимающийся прилив захлестнул бы их навсегда. И вот так, по колышущейся и зыбкой жиже, которая часто не давала им опоры, эта отважная группа в течение пяти часов совершала свой полуночный переход, иногда спасая свою жизнь вплавь и всегда борясь с волнами, которые каждое мгновение грозили поглотить их.

Прежде чем прилив поднялся более чем наполовину, еще до рассвета армия снова ступила на сушу, у деревни Ирсекен. Из всех трех тысяч утонули только девять несчастных; так много мужества и дисциплины потребовалось в том темном и опасном переходе по самому дну моря. Герцог Алва вполне мог бы назвать это одним из самых блестящих и оригинальных достижений в анналах войны. На берегу немедленно зажгли сигнальные огни, как и было условлено, чтобы сообщить Санчо д'Авиле, который с нетерпением ожидал результатов в Берген-оп-Зом, о благополучном прибытии войск. Затем был разрешен краткий отдых. С наступлением рассвета они выступили из Ирсекена, который находился примерно в четырех лигах от Терго. Весть о том, что испанская армия таким образом поднялась из морских глубин, разнеслась перед ними, пока они шли. Осаждающие силы господствовали на воде со своим флотом, на суше со своей армией; и все же эти неукротимые испанцы нашли тропу, которая не была ни сушей, ни водой, и таким образом подкрались к ним в ночной тишине. Им предшествовала паника, когда они напали на врага, значительно превосходящего их числом. Для 'т Зераэртса было невозможно заставить своих солдат оказать сопротивление. Армия патриотов поспешно и с позором бежала к своим кораблям, горячо преследуемая испанцами, которые настигли и уничтожили весь их арьергард, прежде чем они успели погрузиться на борт. Когда это было сделано, доблестный маленький гарнизон, который так успешно удерживал город, был усилен отважными ветеранами, пришедшими им на помощь. Его дерзкий проект, столь блестяще осуществленный, "старый добрый Мондрагон", как называли его солдаты, вернулся в провинцию Брабант.

После взятия Монса и разграбления Мехлина герцог Альва направился в Нимвеген, отправив своего сына, дона Фредерика, покорять северные и восточные страны, которые были слишком готовы подчиниться завоевателю. Очень слабое сопротивление оказал ни один из городов, которые совсем недавно с таким энтузиазмом поддерживали дело Оранжевых. Зутфен попытался оказать слабое сопротивление вступлению королевских войск и в результате был жестоко наказан. Альва отдал приказ своему сыну не оставлять в живых ни одного человека в городе и сжечь дотла каждый дом. Приказ герцога был выполнен почти буквально. Дон Фредерик вошел в Зутфен и без малейшего предупреждения предал мечу весь гарнизон. Затем горожане стали беззащитной добычей; кого-то зарезали на улицах, кого-то повесили на деревьях, украшавших город, некоторых раздели совершенно догола и выгнали в поля, чтобы замерзнуть насмерть зимней ночью. Когда работа смерти стала слишком утомительной для мясников, пятьсот ни в чем не повинных горожан связали по двое, спина к спине, и утопили, как собак, в реке Иссель. Несколько отставших, которым поначалу удалось ускользнуть от преследования, впоследствии были выведены из своих укрытий и повешены на виселицах за ноги, причем некоторые из жертв мучились четыре дня и ночи, прежде чем смерть пришла им

на помощь. Излишне добавлять, что надругательства над женщинами были не менее повсеместными в Зютфене, чем в каждом городе, захваченном или оккупированном испанскими войсками. Эти ужасы продолжались до тех пор, пока во всем несчастном городе не осталось ни целомудрия, ни жизни.

Это нападение и резня были совершены так внезапно, что помощь вряд ли была бы возможна, даже если бы имелось намерение оказать ее. Однако такого намерения не было. Вся страна уже снова съежилась, за исключением провинций Голландия и Зеландия. Никто не осмеливался приблизиться, даже чтобы узнать, что произошло в стенах города, в течение нескольких дней после того, как его гибель свершилась. "В прошлое воскресенье над Зютфеном был слышен вопль агонии, - писал граф Ньювенар, - звук, похожий на звук страшной резни, но мы не знаем, что произошло".

Граф Ван ден Берг, другой шурин Оранского, показал себя явно недостойным прославленной расы, с которой он был связан. В начале года он получил дань уважения от городов Гелдерланд и Овериссель от имени принца-патриота. Теперь он подло покинул поле, на котором пытался собирать лавры, пока светило солнце успеха. Написав из Кампена, куда он удалился, что намерен удерживать город до последнего вздоха, он сразу же после этого тайно и опрометчиво бежал из страны. Во время своего бегства он был разграблен своим собственным народом, в то время как его жена, Мария Нассауская, в то время находившаяся на позднем сроке беременности, была оставлена в неизвестной деревне, переодетая крестьянкой.

С бегством Ван ден Берга все города, которые под его руководством подняли знамя Оранжевого цвета, сразу же отказались от этого дела. Фрисландия тоже, где Роблес одержал победу над шестью тысячами патриотов, снова подчинилась игу. Но если древнее сердце свободных фризмов билось так слабо, то среди их братьев по другую сторону Зюйдер-Зее все еще оставался дух. Пока Вильгельм Оранский находился в пределах ее границ и пока ее родственные провинции проявляли по отношению к нему непокорность, Голландия не последовала бы их низменному примеру. Поскольку восстаний не осталось, за исключением северо-западных оконечностей Нидерландов, дону Фредерику было приказано проследовать из Зютфена в Амстердам, а оттуда приступить к завоеванию Голландии. Маленький городок Наарден, расположенный на побережье реки Зюйдер-Зее, лежал на его пути и еще официально не покорился. 22 ноября рота из ста солдат была направлена к городским воротам, чтобы потребовать его сдачи. Небольшой гарнизон, оставленный принцем, не был расположен сопротивляться, но дух горожан был крепче их стен. Они ответили на вызов заявлением, что до сих пор удерживали город для короля и принца Оранского и, с Божьей помощью, будут делать это и впредь. Когда всадники удалились с этим ответом, сумасшедший по имени Адриан Кранкхефт взобрался на крепостной вал и разрядил в них кулеврину. Ни один человек не был ранен, но слова неповиновения и выстрел, произведенный рукой безумца, были обречены на страшный ответ.

Тем временем жители этого места, которое было в лучшем случае далеко не сильным и плохо обеспеченным оружием, боеприпасами или солдатами, отправляли назойливые послания в Соной и ближайшим к ним генералам-патриотам эфира, прося подкрепления. Их гонцы вернулись почти с пустыми руками. Они привезли немного пороха и множество обещаний, но ни одного латника, ни дуката, ни артиллерийского орудия. Более того, наиболее влиятельные командиры советовали почетную капитуляцию, если бы это еще было возможно.

Сбитые с толку таким образом, бюргеры маленького городка сочли свое гордое положение совершенно несостоятельным. Соответственно, 1 декабря они отправили бургомистра и сенатора в Амерсфорт, чтобы, по возможности, договориться с доном Фредериком. Когда эти посланцы прибыли на место, им было отказано в допуске к генералу. Армия уже получила приказ выдвигаться к Наардену, и им было приказано сопровождать авангард и ожидать их ответа у ворот их собственного города. Этот приказ был достаточно зловещим. Впечатление, которое это произвело на них, было подтверждено предостерегающими голосами их друзей в Амерсфорте, которые умоляли их не возвращаться в Наарден. Этот совет неостался незамеченным ни для одного из двух посланников. После того, как они немного продвинулись в своем путешествии, бургомистр Лаурентсун незаметно выскользнул из саней, в которых они ехали, оставив свой плащ позади. - Прощай, я думаю, что сейчас не рискну возвращаться в Наарден, - спокойно сказал он, бросая своего спутника на произвол судьбы. Другой, который не мог так легко бросить своих детей, жену и сограждан в час опасности, так же спокойно пошел вперед, чтобы разделить их неминуемую участь.

Вечером армия достигла Буссема, расположенного в полулиге от Наардена. Здесь дон Фредерик разместил свою штаб-квартиру и приступил к осаде города. Затем сенатору Герриту было приказано вернуться в Наарден и на следующее утро вывести более многочисленную делегацию, должным образом уполномоченную сдать это место. Соответственно, посланник вернулся на следующий день в сопровождении Ламберта Гортензия, ректора латинской академии, и четырех других граждан. Прежде чем эта депутация прибыла в Буссем, их встретил Джулиан Ромеро, который сообщил им, что ему поручено вести переговоры с ними со стороны дона Фредерика. Он потребовал ключи от города и дал депутации торжественное обещание, что жизни и имущество всех жителей будут свято соблюдаться. Чтобы подтвердить это заверение, дон Хулиан трижды протянул руку Ламберту Гортензию. Сдержав слово солдата, уполномоченные, не обмениваясь никакими письменными документами, сдали ключи и сразу же после этого сопроводили Ромеро в город, за которым вскоре последовали пятьсот или шестьсот мушкетеров.

Чтобы оказать этим гостям радушный прием, все домохозяйки города немедленно приступили к приготовлениям к роскошному пиршеству, которому испанцы отдали должное, в то время как полковника и его офицеров принимал сенатор Геррит в своем собственном доме. Как только это веселье подошло к концу, Ромеро в сопровождении хозяина вышел на площадь. Тем временем зазвонил большой колокол, и горожан призвали собраться в церкви Гаст-Хьюис, которая тогда использовалась как ратуша. В течение нескольких минут пятьсот человек вошли в здание и спокойно стояли, ожидая, какие меры могут быть предложены для их обсуждения. Внезапно священник, расхаживавший взад-вперед перед церковными дверями, вошел в здание и велел всем приготовиться к смерти; но объявление, подготовка и смерть произошли одновременно. Дверь распахнулась, и банда вооруженных испанцев ворвалась через священный порог. Они дали один залп по беззащитному стаду, а затем бросились на них с мечами и кинжалами. Раздался вопль отчаяния, когда несчастные жертвы увидели, насколько безнадежно они сражаются, и увидели свирепые лица своих мясников. Бойня на этом узком пространстве была плотной и быстрой. Через несколько минут все были отправлены, и среди них сенатор Геррит, из-за стола которого испанский командующий только что поднялся. Затем церковь была подожжена, и мертвые и умирающие вместе сгорели дотла.

Разгоряченные, но не насытившиеся испанцы выбежали на улицы, жаждущие новых ужасов. Все дома были разграблены, и мужчин заставили отнести добычу в лагерь, где в награду они были убиты. Затем город был обстрелян во всех направлениях, чтобы вынудить прячущихся горожан покинуть свои укрытия. Как только они вышли, нетерпеливые враги предали их смерти. Некоторых пронзили рапирами, других изрубили на куски топорами, некоторых окружили на пылающих улицах отряды смеющихся солдат, опьяненных не вином, а кровью, которые швыряли их туда-сюда своими копьями и находили дикое развлечение в их предсмертных муках. Тех, кто пытался сопротивляться, сжимали заживо, как рыб, и оставляли задыхаться до смерти в затяжных пытках. Солдаты, становясь все более и более безумными по мере продолжения грязной работы, вскрывали вены некоторым своим жертвам и пили их кровь, как вино. Некоторых бюргеров на время пощадили, чтобы они могли стать свидетелями надругательства над их женами и дочерьми, а затем зарезали вместе с этими еще более несчастными жертвами. Были совершены чудеса жестокости. Ни церковь, ни домашний очаг не были священными: мужчины были убиты, женщины оскорблены у алтарей, на улицах, в своих пылающих домах. Ламберту Гортензиу была сохранена жизнь из уважения к его учености и гению, но он вряд ли мог благодарить своих врагов за это благо, потому что они убили его единственного сына и вырвали ему сердце на глазах у отца. Вряд ли кто-нибудь из мужчин или женщин выжил, разве что случайно. Несколько сотен бюргеров бежали по снегу на открытую местность. Однако их настигли, раздели совершенно догола и подвесили на деревьях за ноги, чтобы они замерзли или погибли более мучительной смертью. Большинство из них вскоре умерли, но двадцати богатым людям удалось, выдержав долгие пытки, выкупить свои жизни у бесчеловечных преследователей. Главному бургомистру Генриху Ламбертсону повезло меньше. Известный своим достатком, он подвергался пыткам, подвергая подошвы ног огню до тех пор, пока они почти не сгорели. Пообещав сохранить ему жизнь, он согласился заплатить большой выкуп; но едва он внес оговоренную сумму, как по прямому приказу самого дона Фредерика его повесили на пороге собственного дома, а его отрубленные конечности впоследствии прибили к воротам города.

Таким образом, были уничтожены почти все жители Наардена, солдаты и горожане; и теперь дон Фредерик издал категорический приказ, чтобы никто под страхом смерти не давал приюта или пищи ни одному беглецу. Он также запретил мертвым все, что теперь могло быть им запрещено, — могилу. Три недели подряд эти непогребенные тела загрязняли улицы, и те немногие несчастные женщины, которые все еще прятались в домах, избежавших огня, не могли выбраться из своих укрытий, не наступив на гниющие останки тех, кто был их мужьями, отцами или братьями. Таков был недвусмысленный приказ того, кого льстецы называли "самым божественным гением, когда-либо известным". Вскоре после этого поступил приказ разобрать укрепления, которые, безусловно, оказались достаточно слабыми в трудный час, и стереть с лица земли то, что осталось от города. Работа была добросовестно выполнена, и на долгое время Наарден прекратил свое существование.

Альва со своим обычным в таких случаях самодовольством написал своему государю, что "они перерезали горло бюргерам и всему гарнизону и что они не оставили в живых ни одного маменькиного сынка". Это утверждение было почти буквально верным, и косность, с которой эти ищейки комментировали свои преступления, не была менее отвратительной, чем их вина. "Это было Божье соизволение, - сказал герцог, - что эти люди взялись защищать город, который был настолько слаб, что никто другой не предпринял бы подобной попытки". Не менее благочестиво было и размышление Мендосы. "Разграбление Наардена, - сказал этот по-

настоящему храбрый и опытный кавалерист, - было наказанием, которое, как следует полагать, произошло с явного разрешения Божественного Провидения; наказанием за то, что он был первым из голландских городов, в котором ересь свила свое гнездо, откуда она распространилась по всем соседним городам".

Не без нежелания, но все же с твердой решимостью историк должен добросовестно фиксировать эти операции. Преувеличивать было бы низостью; преувеличивать невозможно. Хорошо, что мир не должен забывать, сколько зла претерпела одна безобидная нация от рук деспотизма и во имя святого Бога. Было достаточно языков и перьев, чтобы рассказать о бесчинствах народа, время от времени впадающего из рабства в безумие. Хорошо также, что об этих преступлениях нужно помнить и по-новому обдумывать; но не менее полезно изучить противоположную картину. Тиранию, вечно молодую и вечно старую, постоянно воспроизводящую саму себя с теми же каменными чертами лица, с той же внушительной маской, которую она носила все века, никогда нельзя рассматривать слишком подробно, особенно когда она рисует свой собственный портрет и когда тайная история ее вины раскрывается признаниями ее любовников. Изучение ее черт характера не заставит нас меньше любить народную свободу.

История правления Альвы в Нидерландах - одна из тех картин, которые заставляют нас почти онеметь от изумления. Почему Всемогуший допустил, чтобы такие преступления совершались во имя Его святого имени? Было ли необходимо, чтобы многие поколения прошли через эту кровь, чтобы приобрести для своих потомков благословения гражданской и религиозной свободы? Было ли необходимо, чтобы альвы опустошали мирную нацию мечом и пламенем, чтобы опустошение распространилось на счастливую землю, чтобы чистый и героический характер Вильгельма Оранского выделялся более заметно, подобно античной статуе из безупречно чистого мрамора на фоне грозового неба?

После того как армия, которую принц так безуспешно вел на помощь Монсу, была распущена, он сам отправился в Голландию. Он прибыл в Кампен незадолго до того, как та отреклась от его дела. Оттуда его сопровождали через Зюйдер-Зее в Эухайзен. Он прибыл в эту провинцию, единственную, которая, несмотря на хорошие и дурные отзывы, оставалась полностью верной ему, не как завоевателю, а как неудачливому, объявленному вне закона человеку. Но в этих холодных лагунах бились теплые сердца, и ни один завоеватель, вернувшийся после серии блестящих побед, не мог быть встречен с большей любовью и уважением, чем Уильям в тот самый мрачный час в истории страны. За его спиной было всего семьдесят всадников, все, что осталось от двадцатитысячного войска, которое он во второй раз собрал в Германии, и он чувствовал, что в тот период для него было бы безнадежно пытаться сформировать третью армию. Теперь он прибыл туда, чтобы, по крайней мере, разделить судьбу Голландии, если ему не удастся добиться ее освобождения. Он ездил из города в город, консультируясь с магистратурами и с жителями и улаживая многие вопросы, касающиеся как мира, так и войны. В Гарлеме по его просьбе были собраны штаты провинций. Собрание умоляло его изложить им, если это возможно, любые планы и средства, которые он мог бы придумать для дальнейшего сопротивления герцогу Алвы. Запрошенный таким образом, принц на очень секретном заседании раскрыл свои планы и удовлетворил их относительно будущих перспектив дела. Его речь нигде не сохранилась. Его строгие предписания относительно секретности, несомненно, предотвратили или стерли какие-либо записи о заседании. Вероятно, однако, что он более подробно рассказал о состоянии своих переговоров с Англией и о возможности возобновления

графом Людовиком своих частных сношений с французским двором, чем это было безопасно публично разглашать.

В то время как принц был таким образом занят подготовкой отважной провинции к последней смертельной схватке с врагом, эта смертельная схватка уже быстро приближалась; ибо состязание в Нидерландах отличалось от обычной войны. Это было столкновение двух принципов, по своей природе настолько враждебных друг другу, что абсолютное уничтожение одного из них было единственно возможным выходом. По мере того как продолжалась битва, каждого отдельного бойца, казалось, вдохновляла прямая личная злоба, и люди находили удовольствие в жестоких поступках, от которых поколения, не обученные убивать, с ужасом отшатывались. Убивать беззащитных заключенных; пить, не метафорически, а буквально, кровь сердца врага; проявлять дьявольскую изобретательность в изобретении взаимных пыток стало не только обязанностью, но и упоением. Теперь за Свободой Нидерландов охотились до самого ее логова. Он нашел свое последнее убежище среди песков и зарослей, где вынашивалось его дикое детство, и теперь готовился раздавить своего мучителя в последних объятиях или умереть в борьбе.

После разграбления и резни Наардена дон Фредерик поспешил в Амстердам, где в то время квартировал герцог, чтобы получить отеческое благословение за хорошо выполненную работу. Вскоре к аплодисментам его родителя добавилось королевское одобрение, и герцог был тепло поздравлен в письме, написанном Филиппом, как только стало известно о злодеянии, с тем, что дон Фредерик так явно показал себя сыном своего отца. Теперь у отца и сына было больше работы. Амстердам был единственным пунктом в Голландии, который поддерживал Алву, и с этого момента он был полон решимости вернуть всю провинцию. Принц Оранский был основан в южном округе; Дидрих Соной, его лейтенант, находился в Северной Голландии. Важный город Гарлем лежал между ними, в месте, где вся территория от моря до моря была менее чем в часе ходьбы. С падением этого города провинция была бы разделена надвое, силы мятежников были бы совершенно разбиты, и всякое дальнейшее сопротивление, как считалось, стало бы невозможным.

Жители Гарлема почувствовали нависшую над ними опасность. Боссу, штатгальдер Alva в Голландии, официально объявил систему, применявшуюся до сих пор в Мехлине, Зутфене и Наардене, преднамеренной политикой правительства. Представитель короля официально провозгласил истребление мужчин, женщин и детей в каждом городе, выступавшем против его власти, но провозглашение и практика такой системы возымели эффект, противоположный предполагаемому. "Сердца голландцев были скорее закалены к сопротивлению, чем охвачены благоговейным страхом перед судьбой Наардена". Удачное событие также было воспринято как счастливое предзнаменование предстоящего соревнования. Небольшая флотилия вооруженных судов, принадлежащих Голландии, была заморожена в окрестностях Амстердама. Дон Фредерик по прибытии из Наардена отправил отряд отборных людей по льду атаковать захваченные суда. Экипажи, однако, укрепились, вырыв широкую траншею вокруг всего флота, который, таким образом, с этого момента превратился в почти неприступную крепость. По мере продвижения осаждающих из этой замерзшей цитадели выезжал на коньках сильный отряд хорошо вооруженных и умелых мушкетеров. Последовала быстрая, блестящая и скользкая перестрелка, в которой голландцы, столь привычные к подобным видам спорта, легко одолели своих противников и изгнали их с поля, потеряв несколько сотен убитыми на льду.

- Никогда раньше не слышал о таком, - сказал Альва, - чтобы отряд аркебузирова вот так перестреливался на замерзшем море. В течение следующих двадцати четырех часов наводнение и быстрая оттепель освободили суда, которые все спаслись в Энкхайзене, в то время как мороз, немедленно и странным образом наступивший, сделал преследование невозможным.

Испанцы были поражены этими новыми маневрами на льду. Забавно читать их подробные описания чудесных приспособлений, которые позволили голландцам так бойко вступать в бой с превосходящими силами и так быстро отводить взгляд после достижения знаменательного триумфа. Тем не менее испанцы никогда не впадали в уныние и всегда были способными учениками, даже если учителем был враг. Алва немедленно заказал семь тысяч пар коньков, и его солдаты вскоре научились выполнять военные маневры с этим новым снаряжением так же смело, если не так ловко, как голландцы.

Часть магистратуры Гарлема, несмотря на дух, царивший в провинции, начала дрожать при приближении опасности. Они были достаточно низки, чтобы вступить в тайные переговоры с Алвой и послать троих из своего числа для переговоров с герцогом в Амстердам. Одному хватило ума остаться с врагом. Двое других были арестованы по возвращении и после беспристрастного судебного разбирательства приговорены к смертной казни. Ибо, пока эти посланцы трусливой магистратуры отсутствовали, дюжий комендант маленького гарнизона Рипперда собрал горожан и солдат на рыночной площади. Он предупредил их об абсолютной необходимости сделать последнее усилие ради свободы. В поразительных красках он представил им судьбу Мехлина, Зутфена, Наардена, как пророческое зеркало, в котором они могли бы прочесть свою собственную судьбу, если бы оказались достаточно низки, чтобы сдать город. Он настаивал на невозможности примирения с врагами, которые были столь же лживы, сколь и кровожадны, и чьи грязные страсти разжигались, а не утолялись ужасами, которыми они уже насытились.

Рипперда обратился к людям, которые могли бы посочувствовать его смелым и возвышенным чувствам. Солдаты и горожане в один голос требовали защиты, а не капитуляции, ибо в Гарлеме не было жалких духов, за исключением членов магистратуры; и вскоре принц отправил в Гарлем святого Альдегонду, верного министра Оранжа, произвести основательные изменения в этом органе.

Гарлем, на развалинах которого испанская тирания намеревалась вторгнуться в Голландию, находился в самой узкой части того узкого перешейка, который отделяет Зюйдер-Зее от Германского океана. Расстояние от моря до моря едва ли составляет пять английских миль в поперечнике. К западу от города простиралась узкая полоска земли, когда-то бывшая болотом, а затем плодородным лугом; ее поддерживали благодаря неослабевающей силе духа в самой пасти бушующего океана. Между Северным морем и внешним краем этого пастбища вздымались дикие и фантастические холмы, нагроможденные ветром и волнами в подражание горам; длинные витки той песчаной веревки, с помощью которой, приданной дополнительной прочности тончайшему камышу, волны Северного моря были подчинены приказам человека. На противоположной, или восточной стороне, Гарлем смотрел в сторону Амстердама. Этот уже цветущий город находился всего в десяти милях отсюда. Два города были разделены внутренним водным пространством и соединены узкой дамбой. Озеро Гарлем, образовавшееся менее ста лет назад в результате прорыва четырех меньших озер во время шторма, который

угрожал поглотить весь полуостров, простиралось на юг и восток; море ограниченных размеров, всего пятнадцати футов в глубину и семидесяти квадратных миль поверхности, но, будучи открытым всем небесным ветрам, часто вызывало штормы, не менее опасные, чем атлантические. За озером, к северу, воды реки У почти захлестнули полуостров. Этот залив Зюддер-Зее был отделен от Гарлем-мер лишь тонкой полоской суши. Над этим пролегла дамба между двумя городами-побратимами, которые, к сожалению, сейчас вооружены друг против друга. На полпути между ними дамба была пробита и снова закрыта системой шлюзовых сооружений, которые при открытии впустили воды озера в воды устья и вызвали затопление окружающей местности.

Город был одним из крупнейших и красивейших в Нидерландах. Он также был одним из самых слабых.— Стены были старинной постройки, с башенками, но некрепкие. Протяженность и слабость оборонительных сооружений делали необходимым наличие большого гарнизона, но, к сожалению, гарнизон был даже слабее стен. Главной опорой города были отважные сердца жителей. Улицы в тот день были просторными и правильными; каналы были обсажены липами и тополями. Древняя церковь Святого Бавона, большое внушительное строение из кирпича, стояла почти в центре площади, самый выдающийся объект не только города, но и провинции, видимый на многие лиги моря и суши, более ровной, чем море, и, казалось, собирающей весь тихий маленький город под свои священные и покровительственные крылья. Его высокий ажурный свинцовый шпиль был увенчан колоссальной короной, которую возвышенное воображение могло бы расценить как символический гердон мученичества, водруженный над городом в награду за его героизм и агонию.

Сразу стало очевидно, что водное пространство между Гарлемом и Амстердамом станет основным театром военных действий, которые вот-вот начнутся. Вскоре началась осада. Беглый бургомистр Де Фрис имел наглость по совету Альвы обратиться с письмом к горожанам, призывая их сдаться по своему усмотрению. Посыльный был повешен — жестокий, но практичный ответ, который положил конец всем дальнейшим предательским сообщениям. Это было в первую неделю декабря. 10-го числа дон Фредерик послал сильный отряд для захвата форта и деревни Спарендам в качестве необходимого предварительного шага к началу осады. Крестьянин показал Сапате, командиру экспедиции, потайной ход через затопленные и замерзшие луга, испанцы храбро ворвались в это место, обратили в бегство весь гарнизон, убили триста человек и овладели заводом и деревней. На следующий день дон Фредерик предстал перед стенами Гарлема и принялся регулярно осаждать это место. Туманная погода благоприятствовала его операциям, и он не прекращал усиливаться до тех пор, пока по меньшей мере тридцать тысяч человек, включая полторы тысячи кавалеристов, не расположились лагерем вокруг города. Немцы под командованием графа Оверштейна были размещены в красивой и обширной липовой и буковой роще, раскинувшейся между южными стенами и берегом Гарлемского озера. Дон Фредерик со своими испанцами занял позицию на противоположной стороне, в месте, называемом Домом Клифа, руины которого сохранились до сих пор. Валлоны и другие полки были распределены по разным местам, чтобы полностью окружить город.

[Пьер Стерлинкс: "Приходите в Верахтиге, Разрушайте ван алле Гешединиссен, Аншлаген, Штормены, Шермутзинген, ауде Шитен, город Харлем во вдуме в Голландии, гешихт" и т. Д. и т. Д. — Делфт, 1574. — Это, безусловно, лучший современный отчет о знаменитой осаде. Автор был гражданином Антверпена, который ежедневно вел дневник событий, происходивших в

Гарлеме. Это сухой, краткий перечень ужасов, записанный без страсти или комментариев. — Сравните Бор, vi. 422, 423; Метерен, iv. 79; Мендоса, viii. 174, 175; Вагенер, vad. История., vi. 413, 414.]

На краю озера принц Оранский уже приказал возвести группу фортов, с помощью которых Гарлем на первое время получил контроль над его замерзшей поверхностью. Однако в ходе осады доном Фредериком были возведены другие форты, так что положение вещей изменилось.

Против этой огромной силы, почти равной по численности всему населению города, гарнизон внутри городских стен никогда не превышал четырех тысяч человек. Вначале оно было гораздо менее многочисленным. Однако те же обстоятельства, которые помогли инициаторским операциям дон Фредерика, были выгодны гарлемцам. Густой морозный туман постоянно висел над поверхностью озера. Под прикрытием этого занавеса в город ежедневно доставлялись большие запасы людей, провизии и боеприпасов, несмотря на все усилия осаждающих. Скользящие по льду сани, мужчины, женщины и даже дети, передвигающиеся на коньках со скоростью ветра, - все внесли свой вклад в течение коротких темных дней и долгих ночей декабря, когда была снята зимняя осада.

В конце концов гарнизон насчитывал около тысячи пионеров или разведчиков, три тысячи бойцов-мужчин и около трехсот женщин-воительниц. Последний был самым боеспособным отрядом, все женщины имели респектабельный вид, вооруженные шпагами, мушкетами и кинжалами. Их предводительница, Кенау Хасселер, была вдовой из знатной семьи с незапятнанной репутацией, примерно сорока семи лет от роду, которая во главе своих амазонок участвовала во многих наиболее ожесточенных боях во время осады, как внутри стен, так и за их пределами. Когда такой дух одушевлял городских служанок и матрон, можно было ожидать, что мужчины вряд ли сдадут это место без борьбы. Принц собрал в Лейдене отряд в три или четыре тысячи человек, который он направил до середины декабря к городу под командованием Де ла Марка. Однако по пути эти войска были атакованы сильным отрядом под командованием Боссю, Нуаркармеса и Ромеро. После резких действий в условиях сильной снежной бури Де ла Марк был полностью разгромлен. Тысяча его солдат была изрублена на куски, и большое количество уведено в качестве пленников на виселицы, которые уже были на видном месте воздвигнуты в испанском лагере и которые с начала и до конца осады не обходились без жертв. Среди пленников был доблестный офицер Баптист ван Триер, за которого Де ла Марк напрасно предлагал две тысячи крон и девятнадцать испанских пленников. Предложение было отвергнуто с презрением. Ван Триер был повешен на виселице за одну ногу до тех пор, пока не умер, в ответ на это варварство Де ла Марк немедленно повесил девятнадцать испанцев. С таким чередом жестокостей осада, можно сказать, началась.

Дон Фредерик занял позицию напротив Крестовых ворот, которые были не очень прочными, но укреплены равелином. Намереваясь провести очень короткую осаду, он немедленно установил свои батареи и 18, 19 и 20 декабря направил яростную канонаду по Кросс-гейт, воротам Святого Иоанна и завесе между ними. В первый день было произведено шестьсот восемьдесят выстрелов и почти столько же в каждый из двух последующих дней. Стены были сильно разрушены, но мужчины, женщины и дети работали в городе день и ночь, заделывая проломы так быстро, как только могли. Они привезли мешки с песком, каменные блоки, телеги земли со всех сторон, и они сняли с церкви все их статуи, которые кучами бросили в образовавшиеся

щели. Если они таким образом добивались от этих изваяний святых большей практической выгоды, чем могли бы получить, только умоляя их вмешаться. Однако этот факт вызвал ужас у осаждающих. Люди, которые ежедневно убивали своих собратьев и хладнокровно вешали своих пленников, притворялись, что содрогаются от чудовищности преступления, совершенного таким образом против истуканов.

После трехдневной канонады был отдан приказ о штурме, причем дон Фредерик намеревался лишь устроить быструю резню, чтобы увенчать свои достижения при Зутфене и Наардене. Он думал, что это место падет через неделю, и после еще одной недели грабежей, убийств и изнасилований он, возможно, отправится на "новые пастбища", пока Голландия не будет захвачена. Ромеро двинулся к пролому, сопровождаемый многочисленным штурмующим отрядом, но встретил сопротивление, которое удивило испанцев. Церковные колокола забили тревогу по всему городу, и все население устремилось к стенам. Осаждающих встретили не только со шпагой и мушкетом, но и со всеми орудиями, какие только могли найти руки бюргеров. На головы солдат посыпались тяжелые камни, кипящее масло, горящие угли; обручи, обмазанные смолой и подожженные, были ловко заброшены им на шею. Даже испанское мужество и свирепость были вынуждены отступить перед непоколебимой решимостью целого населения, воодушевленного единым духом. В ходе конфликта Ромеро потерял глаз, многие офицеры были убиты и ранены, три или четверо солдат погибли в прорыве, в то время как из горожан погибли только трое или четверо. Неохотно был дан сигнал к отступлению, и испанцы прекратили атаку. Теперь дон Фредерик знал, что Гарлем не падет к его ногам при первом звуке его трубы. Было очевидно, что резня должна предшествовать осаде. Поэтому он отдал приказ подорвать рavelин и не сомневался, что через несколько дней это место будет в его руках.

Тем временем принц Оранский из своей штаб-квартиры в Зассенхайме, на южной оконечности мер, предпринял новую попытку прислать туда помощь. Две тысячи человек с семью полевыми орудиями и множеством повозок с боеприпасами были отправлены вперед под командованием Батенбурга. Этот офицер заменил Де ла Марка, которого принц в конце концов лишил звания. Безрассудный и беспринципный флибустьер больше не должен был служить делу, которое было больше запятнано его варварством, чем могло быть продвинуто его отчаянной доблестью. Экспедиция Батенбурга, однако, оказалась не более успешной, чем экспедиция его предшественника. Войска, достигнув окрестностей города, заблудились в густом тумане, который почти постоянно окутывал это место. Палили из пушек, звонили в туманные колокола, на крепостных валах зажигали маяки, но отряд был безвозвратно потерян. Испанцы напали на них прежде, чем они смогли найти дорогу в город. Многие были преданы мечу, другие бежали в разных направлениях; очень немногим удалось проникнуть в Гарлем. Батенбург вывел остатки войск, но все столь необходимые припасы были потеряны, а маленькая армия полностью уничтожена.

Де Конинг, заместитель командира, был среди заключенных. Испанцы отрубили ему голову и перебросили через стены в город с такой надписью: "Это голова капитана де Конинга, который направляется с подкреплением в добрый город Гарлем". Горожане ответили практичной шуткой, которая была еще более варварской. Они отрубили головы одиннадцати пленным и положили их в бочку, которую бросили в испанский лагерь. Этикетка на бочке содержала следующие слова: "Доставьте эти десять голов герцогу Алве в уплату его десятипенсового

налога и еще одну голову в качестве процентов". Таким жутким весельем осажденные и осаждающие разнообразили монотонный ужас той зимней осады. Поскольку вылазки и стычки происходили ежедневно, имелся постоянный запас пленных, на которых обе стороны могли проявить свою изобретательность, так что виселицы в лагере или городе были постоянно украшены.

После нападения 21 декабря дон Фредерик регулярно совершал свои подземные атаки. Однако так же быстро, как испанцы добывали, горожане добывали контрмин. Испанец и нидерландец ежедневно встречались в смертельной схватке в недрах земли. Отчаянной и частой была борьба в проходах, таких узких, что нельзя было использовать ничего, кроме кинжалов, и таких незаметных, что тусклые фонари едва освещали смертельный удар. Казалось, что это конфликты не людей, а злых духов. И это были не только рукопашные схватки. Ливень из голов, конечностей, изуродованных туловищ, искалеченных останков сотен человеческих существ часто извергался из земли, словно из невидимого вулкана. Мины взрывались с беспрецедентной частотой и решительностью. Испанцы по-прежнему трудились с неослабевающим рвением, и по-прежнему осажденные, не дрогнув, копались в их работах и сдерживали их продвижение мечами, копьями и ужасными взрывами.

Принц Оранский, тем временем, призывал горожан к упорству, часто обещая помощь. Его письма, написанные на очень маленьких клочках бумаги, были отправлены в город почтовыми голубями. 28 января он отправил значительный запас двух предметов первой необходимости, пороха и хлеба, на ста семидесяти санях через Гарлемское озеро вместе с четырьмя сотнями солдат-ветеранов. Горожане продолжали оспаривать подходы к рavelину перед Перекрестными воротами, но стало очевидно, что долго они его удерживать не смогут. Поэтому они тайно, упорно и быстро в течение долгих зимних ночей сооружали полумесяц из цельного камня с внутренней стороны того же портала. Старики, немощные женщины, нежные дети объединились с трудоспособными для выполнения этой работы, с помощью которой они все еще надеялись выжить после падения рavelина:

31 января, после двух- или трехдневной канонады против ворот Креста и Святого Иоанна и разделявших их занавесей, дон Фредерик отдал приказ о полном штурме. Стены были сильно разрушены, часть ворот Иоанна лежала в руинах; испанцы в большом количестве влезли в брешь; город был почти захвачен врасплох; в то время как главнокомандующий, уверенный в победе, приказал всем своим вооруженным силам отрезать население, которое в панике бежало отовсюду. Нападение было неожиданным, но сорок или пятьдесят часовых защищали стены, пока те били тревогу. Зазвонили колокола, и горожане, чей сон в ту опасную зиму не был особенно тяжелым, вскоре снова заняли крепостные стены. Дневной свет застал их в разгар ожесточенной борьбы. Осажденные, как и прежде, защищались мушкетами и рапирами, расплавленной смолой, головнями, дубинками и камнями. Тем временем, после утренней молитвы в испанском лагере прозвучал сигнал к общему штурму. Была предпринята мощная атака на Крестовые ворота, и рavelин, наконец, был взят. Испанцы ворвались в этот форт, так долго служивший объектом их атаки, ожидая немедленно ворваться в город с мечом и огнем. Когда они взобрались на его стену, то впервые заметили новое и более мощное укрепление, которое было тайно построено с внутренней стороны. Была раскрыта причина, по которой рavelин в конце концов уступил. Полумесяц, о существовании которого они и не подозревали, поднялся перед ними, оцетинившись пушками. По осаждающим немедленно был открыт резкий огонь, и в то же мгновение рavelин, который горожане подорвали, взорвался

сильным взрывом, подняв в воздух всех солдат, которые только что с таким триумфом вошли в него. Это был поворотный момент. Прозвучал сигнал к отступлению, и испанцы бежали в свой лагерь, оставив по меньшей мере триста убитых под стенами. Таким образом, вторая атака, предпринятая превосходящими силами и возглавляемая самыми опытными генералами Испании, была демонстративно и славно отражена простыми бюргерами Гарлема.

Теперь стало почти очевидно, что город нельзя взять ни регулярными наступлениями, ни внезапной атакой. Поэтому было решено, что он должен быть уменьшен голодом. Тем не менее, по мере того как зима продолжалась, огромная армия за стенами страдала от этого бедствия так же сильно, как и население внутри. Солдаты падали грудями от болезней, вызванных сильным холодом и недостатком пищи, поскольку, как обычно при подобных осадах, число погибших намного превышало число тех, кто был убит рукой врага. Страдания внутри города неизбежно увеличивались день ото дня, все население было переведено на строгий рацион питания. Их запасы с каждым днем уменьшались, а с приближением весны и таянием льда на озере возникла опасность, что они окажутся полностью отрезанными. Если бы владение водой было потеряно, они должны были бы уступить или умереть с голоду; и они сомневались, что принц смог бы организовать флот. Изможденный призрак Голода уже встал перед ними с угрозой, которую нельзя было понять неправильно. В своем несчастье они жаждали нападения испанцев, чтобы посмотреть в лицо менее грозному врагу. Они ежедневно проходили парадом по крепостным валам с барабанным боем и развевающимися знаменами, призывая осаждающих к новым попыткам. Чтобы разжечь религиозную вражду своих противников, они облачились в великолепные, расшитые золотом облачения священников, которые они забрали из церквей, и двинулись в притворной процессии, высоко неся изображения, украшенные церковными нарядами, реликвии и другие символы, священные в глазах католиков, которые они впоследствии сбросили с крепостных валов или с насмешливыми криками разбили на тысячи осколков.

Однако в то время противник серьезно обсуждал, снимать осаду или нет. Дон Фредерик явно придерживался мнения, что было сделано достаточно для чести испанского оружия. Он устал видеть, как его люди беспомощно гибнут вокруг него, и считал награду слишком ничтожной по сравнению с жизнями, которых она должна была стоить. Его отец думал иначе. Возможно, он вспомнил осаду Меца и то непрекращающееся сожаление, с которым, как он полагал, его императорский повелитель вспоминал полученный от него совет. Во всяком случае, герцог теперь отослал обратно дону Бернардино де Мендосу, которого дон Фредерик отправил в Нимвеген просить разрешения своего отца снять осаду, со следующим ответом: "Скажи дону Фредерику, - сказал Альва, - что, если он не решит продолжать осаду до тех пор, пока город не будет взят, я больше не буду считать его своим сыном, каким бы ни было мое прежнее мнение. Если он падет во время осады, я сам выйду на поле боя, чтобы поддержать его, а когда мы оба погибнем, герцогиня, моя жена, приедет из Испании, чтобы сделать то же самое".

Такие формулировки были недвусмысленными, и боевые действия возобновились с такой же яростью, как и прежде. Осажденные приветствовали их с восторгом и, как обычно, ежедневно предпринимали самые отчаянные вылазки. Во время одной из вспышек гарлемцы под прикрытием густого тумана подошли к главной батарее противника и попытались вскрыть орудия у него на глазах. Все они были убиты у жерла пушки, куда привел их патриотизм, а не тщеславие, и лежали мертвыми вокруг батареи с молотками и пиками в руках. Тот же дух проявлялся ежедневно. С наступлением весны коровы ежедневно выходили за ворота на свои

мирные пастбища, несмотря на всю суматоху внутри и вокруг; испанцы также не могли поймать ни одного из этих животных, не заплатив за это по крайней мере дюжине солдат. "Эти граждане, - писал дон Фредерик, - делают все, что могли бы сделать лучшие солдаты в мире".

Морозы прекратились к концу февраля. Графу Боссю, который строил флотилию небольших судов в Амстердаме, вскоре после этого удалось войти в озеро с несколькими канонерскими лодками через брешь, которую он проделал в Надстройке, примерно в половине лиги от этого города. Владение озером уже было под угрозой. Принц, однако, не сидел сложа руки, и он тоже вскоре был готов отправить свою флотилию в мер. В то же время город Амстердам находился почти в таком же опасном положении, как и Гарлем. Как и город на озере, снабжение другого зависело от его дамбы. Если бы эта великая искусственная дорога, которая вела в Мюйдени Утрехт, была разорвана на части, Амстердам мог бы умереть с голоду так же, как и Гарлем. "С тех пор как я появился на свет, - писал Алва, - я никогда не испытывал такой тревоги. Если им удастся перекрыть коммуникации вдоль дамб, нам придется снять осаду Гарлема, сдаться, скрестив руки на груди, или умереть с голоду". Оранж был полностью осведомлен о положении обоих городов, но ему, как обычно, катастрофически не хватало людей и средств. Он умоляюще писал своим друзьям в Англию, Францию, Германию. Он убедил своего брата Людовика привести с собой несколько солдат, если это было в человеческих силах. "Вся страна тоскует по тебе, - писал он Луи, - как если бы ты был архангелом Гавриилом".

Принц, однако, сделал все, что было возможно для человека, которому так мешали. Он был самим собой, в то время как с тревогой писал, надеялся и ждал поставок войск из Германии или Франции, делая все возможное с теми добровольцами, которых мог собрать. Он все еще находился в Сассенхайме, на юге города, в то время как Соной со своими небольшими силами расположился лагерем на севере. Теперь он послал этого генерала с таким большим отрядом, какой только мог собрать, атаковать Димердик. Его люди окопались так прочно, как только могли, между Даймером и Y, одновременно открывая шлюзы и прорывая дамбу. Во время отсутствия их командира, который отправился в Эдам за подкреплением, они подверглись нападению крупных сил из Амстердама. Происходило ожесточенное состязание амфибий, частично в лодках, частично на скользкой дамбе, частично в воде, напоминающее по характеру частые схватки между древними батавами и римлянами во время Цивилисских войн. В конце концов патриоты были побеждены.

Соной, направлявшийся им на выручку, был расстроен в своем замысле неожиданным малодушием добровольцев, которых он завербовал в Эдаме. Преодолевая тысячи опасностей, он продвигался вперед, почти без присмотра, на своем маленьком суденышке, но только для того, чтобы стать свидетелем свержения и изгнания своей банды. Для него было слишком поздно в одиночку пытаться сплотить отступающие войска. Они хорошо сражались, но были вынуждены уступить перед превосходящими силами, один человек из маленькой армии проявил чудеса доблести. Джон Харинг из Хорна в полном одиночестве расположился на дамбе, где она была такой узкой между рекой Y с одной стороны и озером Димер с другой, что двое мужчин едва могли стоять рядом. Здесь, вооруженный мечом и щитом, он фактически выступил против тысячи вражеских солдат и держал их в узде в течение периода, достаточного для того, чтобы его собственные люди, если бы они захотели, сплотились и эффективно отразили атаку. Было слишком поздно, битва была слишком проиграна, чтобы ее можно было восстановить; но храбрый солдат все еще удерживал свой пост, пока своей преданностью не позволил всем тем своим соотечественникам, которые все еще оставались в окопах,

благополучно отступить. Затем он нырнул в море и, не задетый ни копьем, ни пулей, совершил побег. Будь он греком или римлянином, Горацием или Хабрием, его имя было бы прославлено в истории — его статуя была бы воздвигнута на рыночной площади; ибо отважный голландец на своей плотине проявил столько же доблести в святом деле, сколько и самые классические герои древности.

Эта неудачная попытка прервать сообщение между Амстердамом и страной укрепила надежды Альвы. Несколько сотен патриотов были убиты или взяты в плен, и среди убитых был Энтони Оливер, художник, через посредство которого Людовик Нассауский был представлен в Монсе. Его голова была отрублена двумя прапорщиками на службе у Альвы, которые получили назначенную за нее цену в две тысячи кароли. Затем на нем было написано имя владельца и выброшено в город Гарлем. В то же время в испанском лагере перед городом на видном месте была установлена новая виселица, на которой всезаклученные были повешены, некоторые за шею, некоторые за пятки, на виду у их соотечественников. Как обычно, этот особый акт жестокости вызвал соперничество горожан. Двое из старой коллегии магистратов, принадлежавших к испанской партии, все еще находились в заключении в Гарлеме вместе с семью другими лицами, среди которых были священник и мальчик двенадцати лет. Теперь они были приговорены к виселице. Жена одного из бывших бургомистров и его дочь, которая была бегинкой, шли рядом с ним, когда его вели на казнь, благочестиво увещевая его мужественно перенести проклятия народа и свою позорную участь. Толпа, раздраженная такой дерзостью, не удовлетворилась тем, что отомстила главным жертвам, но после того, как казнь состоялась, они затащили жену и дочь в воду, где они обе погибли. Будет правильно зафиксировать эти примеры жестокости, иногда совершаемой как патриотами, так и их угнетателями, — жестокости, ставшей почти неизбежной из-за невероятного варварства иностранного захватчика. Это была война волчьей злобы. По словам Мендосы, каждый мужчина в Гарлеме и за его пределами "казался вдохновленным духом особой и личной мести". Невинная кровь, пролитая в Мехлине, Зутфене, Наардене и на тысячах эшафотов, слишком долго лилась из-под земли. Голландцы, должно быть, были больше или меньше людьми, чтобы иногда не совершать поступков, которые справедливость и разум должны осудить. [Нет! Это было таким же злом для одной стороны, как и для другой. Д.У.]

Необычное настроение, которое было зафиксировано у пылкого офицера гарнизона, капитана Кори, иллюстрировало ужас, с которым благородные натуры относились к подобным сценам резни. Изначально обладавший мягким нравом, но воспылавший почти до безумия созерцанием жестокости испанцев, он избрал профессию военного, к которой испытывал естественное отвращение. Храбрый до безрассудства, он вел своих людей в каждую дерзкую вылазку, в каждое опасное полуночное приключение. Вооруженного только своей рапирой, без защитных доспехов, его всегда находили там, где битва бушевала наиболее ожесточенно, и многочисленные жертвы пали от его меча. Однако, возвращаясь из таких поездок, он неизменно запирался в своей каюте, ложился в постель и лежал несколько дней, терзаемый угрызениями совести и горько оплакивая все то кровопролитие, в котором он принимал столь активное участие и которое, казалось, сделала необходимым жестокая судьба. Когда благодушное настроение спадало, его бешенство возвращалось, и он снова устремлялся на поле боя в поисках нового опустошения и новых жертв для своей ярости.

Сражения у стен были почти ежедневным явлением. 25 марта тысяча осажденных совершили блестящую вылазку, разгромили все аванпосты противника, сожгли триста палаток и захватили

семь пушек, девять штандартов и множество повозок с провизией, все это им удалось привезти с собой в город. Укрепив таким образом себя способом, который не часто практикуют жители осажденного города, перед лицом тридцати тысяч ветеранов, убив восемьсот человек противника, что составляло почти по одному на каждого сражавшегося, в то время как они потеряли всего четверых из своего отряда, гарлемцы, вернувшись, воздвигли трофей траурного, но ликующего вида. На крепостном валу была насыпана земляная насыпь в виде колоссальной могилы, на виду у лагеря противника, и на ней были установлены пушки и штандарты, столь доблестно завоеванные в стычке, с насмешливой надписью, плавающей в центре насыпи: "Гарлем - кладбище испанцев".

Таковы были особенности этой знаменитой осады в течение зимы и ранней весны. Альва вполне мог бы написать своему государю, что "это была такая война, какой никогда прежде не видели и не слышали ни в одной стране на земле". И все же герцог провел в боях почти шестьдесят лет. Он сообщил Филиппу, что "никогда еще место не защищалось с таким мастерством и храбростью, как Гарлем, ни повстанцами, ни людьми, сражающимися за своего законного принца". Конечно, его сын обнаружил свою ошибку, утверждая, что город сдастся через неделю; в то время как отец, после почти шестилетнего опыта, нашел этот "народ масла" менее податливым, чем даже те "железные люди", которыми он хвастался, что приручил их. Было видно, что ни небо Греции или Италии, ни величественные пейзажи Швейцарии не были необходимы, чтобы пробудить дух неповиновения иностранному угнетению — дух, который так же гордо бушевал среди зимних туманов и ровных лугов Голландии, как когда-либо в более солнечной атмосфере и в более романтических странах.

Мендоса выполнил свою миссию в Испании и вернулся с запасом денег в течение шести недель со дня своего отъезда. Более того, благодаря его представлениям и мольбам Альвы Филипп приказал Рекезенсу, губернатору Милана, направить в Нидерланды три опытных испанских полка, которые сейчас были более необходимы в Гарлеме, чем в Италии. В то время как сухопутные силы, таким образом, были усилены, флот на озере также был значительно увеличен. С другой стороны, "Принц Оранский" предоставил более сотни парусов различных описаний, так что теперь вся поверхность моря была заполнена кораблями. Морские бои и перестрелки происходили почти ежедневно, и было очевидно, что борьба не на жизнь, а на смерть теперь должна вестись на воде. До тех пор, пока голландцы могли удерживать или оспаривать владение озером, время от времени все еще можно было оказывать помощь Гарлему. Если испанцы одолеют флот принца, город неизбежно умрет с голоду.

Наконец, 28 мая состоялось решающее столкновение флотов. Суда сцепились друг с другом, и завязался долгий, ожесточенный рукопашный бой. Под командованием Боссю находилось сто судов; под командованием Мартина Бранда, адмирала флота пэтриот, почти сто пятьдесят, но меньших размеров. Батенхург командовал войсками на борту голландских судов. После затяжного конфликта, в результате которого погибло несколько тысяч человек, победа была решена в пользу испанцев. Двадцать два судна принца были захвачены, а остальные полностью разбиты, и Боссю с триумфом пересек озеро. Форты, принадлежавшие патриотам, были немедленно взяты, а гарлемцы со своими друзьями полностью изгнаны из озера.

Это было началом конца. Отчаяние овладело городом. Все население долгое время существовало на пособие в фунт хлеба каждому мужчине и по полфунта каждой женщине; но теперь хлеб был на исходе, голод уже начался, и с потерей озера голодная смерть была совсем

близко. Они послали настоятельные просьбы принцу предпринять что-нибудь от их имени. Еще три недели они определили как самый длительный срок, в течение которого они могли продержаться. Он послал им весточку с почтовыми голубями, чтобы они потерпели еще немного, поскольку он собирает силы и все равно сумеет снабдить их припасами. Тем временем в течение июня страдания жителей увеличивались ежечасно. Обычная еда давно исчезла. Население теперь питалось льняным семенем и рапсом; когда эти запасы были исчерпаны, они пожирали кошек, собак, крыс и мышей, а когда, наконец, все эти нечистые животные были съедены, они варили шкуры лошадей и быков; они ели кожу для обуви; они срывали крапиву и траву с кладбищ и сорняки, которые росли между камнями мостовой, чтобы с такой пищей они могли еще немного поддерживать жизнь, пока не прибудет обещанная помощь. Мужчины, женщины и дети десятками падали замертво на улицах, умирая от голода, и увыживших едва хватило духу или сил похоронить их с глаз долой. Те, кто еще жил, казалось, порхали, как тени, взад и вперед, завидуя тем, чьи страдания уже прекратила смерть.

Так прошел июнь. 1 июля бюргеры согласились на переговоры. Для переговоров с осаждающими были посланы депутаты, но переговоры были внезапно прекращены, поскольку дон Фредерик не признал никаких компромиссных условий. 3-го числа по городу возобновилась мощная канонада. Было выпущено тысяча восемь ядер — больше, чем когда-либо было выпущено за один день с начала осады. Стены были сильно разрушены, но приказа о штурме не было отдано, поскольку осаждающие были уверены, что жители физически не смогут продержаться еще много дней. Последнее письмо, написанное кровью, было отправлено принцу Оранскому, в котором говорилось о том плачевном состоянии, в которое они были доведены. В то же время с насмешкой отчаяния они бросили во вражеский лагерь те немногие буханки хлеба, которые еще оставались в городских стенах. День или два спустя были проведены вторые и третьи переговоры, результаты которых были не более удовлетворительными, чем на первых. Теперь на башне собора был поднят черный флаг - сигнал отчаяния друзьям и врагам, но вскоре в город прилетел голубь с письмом от принца, в котором он умолял их продержаться еще два дня, потому что помощь приближалась.

Принц действительно делал все, что было возможно в данных обстоятельствах. Он собрал жителей Делфта на рыночной площади и объявил о своем намерении лично выступить на помощь городу перед лицом осаждающей армии, если удастся раздобыть какие-либо войска. Солдат там не было, но Гарлем вызывал глубочайшее сочувствие во всех его городах-побратимах - Делфте, Роттердаме, Гауде. Многочисленная масса бюргеров, многие из которых были людьми высокого положения, все люди респектабельные, вызвались отправиться на помощь. Принц крайне не одобрял эту разношерстную армию, стойкости которой он не мог доверять. Как солдат, он знал, что в таком важном предприятии энтузиазм не может заменить опыт. Тем не менее, поскольку регулярных войск не было, и чрезвычайная ситуация не допускала промедления, он составил комиссию, назначив Паулюса Байса губернатором на время своего отсутствия и временным штатгальтером, если он погибнет в экспедиции. Было собрано четыре тысячи вооруженных добровольцев и шестьсот конных кавалеристов под командованием Карло де Нута, и теперь принц встал во главе их. Однако этот проект вызвал всеобщий протест со стороны магистратов и бюргеров всех городов, а также со стороны самих войск. Они не согласились бы, чтобы жизнь, столь ценная, столь необходимая для существования Голландии, подвергалась ненужному риску. Было важно помочь Гарлему, но принц представлял большую ценность, чем многие города. Поэтому он, наконец, неохотно согласился передать командование экспедицией барону Батенбургу, тем менее охотно, что не

мог не испытывать доверия к характеру войск. 8 июля, в сумерках, экспедиция выступила из Зассенхайма. Она насчитывала почти пять тысяч человек, у которых было с собой четыреста повозок с провизией и семь полевых орудий. Среди добровольцев Ольденбарневельд, впоследствии столь прославившийся в истории Республики, маршировал в строю со своим мушкетом на плече. Таков был образец духа, царившего среди населения провинции.

Батенбург остановился в лесах Нордвика, на южной окраине города, где оставался до полуночи. Казалось, во вражеском лагере все стихло. После молитвы он отдал приказ продвигаться вперед, надеясь пробраться сквозь ряды своих спящих противников и захватить их врасплох. Ему было суждено испытать горькое разочарование. Его планы и численность были хорошо известны испанцам, два голубя с письмами, в которых содержались подробности предполагаемой экспедиции, были застрелены и доставлены в лагерь дона Фредерика.

Горожане, как оказалось, прорвались через завесу с той стороны, где ожидался Батенбург, чтобы совершить вылазку в сотрудничестве с силами на подмогу, как только они появятся. Были согласованы сигнальные костры, с помощью которых осажденные должны были дать знать о приближении своих друзей. Испанский командующий соответственно приказал сложить кучу зеленых веток, смолы и соломы напротив бреши в городской стене. За ней он разместил пять тысяч отборных солдат. Еще пять тысяч человек с отрядом кавалерии были размещены в окрестностях даунса с приказом атаковать армию патриотов слева. Шести полкам под командованием Ромеро было приказано двигаться на восток и атаковать их правый фланг. Густая масса дыма скрыла от глаз горожан огни маяка, выставленного Батенбургом, и скрыла пять тысяч испанцев от наступающих голландцев. Когда Батенбург вышел из леса, он обнаружил, что на него напали превосходящие его силы, а несколько минут спустя он был полностью окружен превосходящими силами противника. Действительно, вся испанская армия была при оружии и ожидала его уже два дня. Только несчастные горожане не знали о его прибытии. Шум сражения они приняли за ложную тревогу, поднятую испанцами, чтобы привлечь их в свой лагерь; и они отклонили вызов, который были не в состоянии принять.

Батенбург вскоре был убит, а его войска наголову разбиты. Число убитых по разным оценкам составляло от шестисот до двух и даже трех тысяч. Во всяком случае, несомненно, что все силы были полностью уничтожены или рассеяны, а попытка освободить город полностью сорвалась. О смерти Батенбурга сожалели меньше, потому что его обвинили, вероятно, с большой несправедливостью, в том, что он был пьян во время действия и, следовательно, неспособен должным образом руководить порученным ему предприятием.

Теперь испанцы отрезали пленнику нос и уши и отправили его в город, чтобы сообщить новость, в то время как несколько голов также были переброшены через стены, чтобы подтвердить эту информацию. Когда об этом решающем перевороте стало известно в Делфте, там даже произошла вспышка негодования против Оранжевых. Согласно заявлению Алвы, которое, однако, должно быть воспринято с большим недоверием, некоторые жители хотели разграбить дом принца и подвергли его личному унижению. Конечно, если бы эти демонстрации имели место, народный гнев никогда не был бы более бессмысленным; но рассказ полностью основан на туманном утверждении герцога и полностью расходится с любым другим современным описанием этих событий. Однако теперь героическому, но несчастному городу стало абсолютно необходимо предоставить себя своей судьбе. Было невозможно предпринять что-либо еще в

его интересах. Озеро и его форты были в руках врага, лучшие силы, которые можно было собрать, чтобы противостоять осаждающей армии, были разбиты вдребезги, и принц Оранский с тяжелым сердцем прислал сообщение, что бюргеры должны заключить с врагом наилучшие условия, какие только возможно.

Весть отчаяния вызвала ужасный переполох в голодающем городе. Не было никакой надежды ни на подчинение, ни на сопротивление. Резня или голодная смерть были единственной альтернативой. Но если внутри стен не было надежды, то снаружи все равно ждала смерть солдата. На мгновение гарнизон и трудоспособные горожане приняли решение выступить от ворот сплошной колонной, прорубить себе путь через вражеский лагерь или погибнуть на поле боя. Считалось, что к беспомощным и немощным, которые останутся одни в городе, можно будет относиться снисходительно после того, как все бойцы будут убиты. Во всяком случае, оставаясь сильным, они не могли ни защитить, ни утешить их. Однако, как только об этом решении стало известно, раздались такие вопли женщин и детей, что они пронзили сердца солдат и бюргеров и заставили их отказаться от этого проекта. Они чувствовали, что было бы трусостью не умереть в их присутствии. Затем было решено выстроить всех женщин, больных, стариков и детей в каре, окружить их всеми здоровыми мужчинами, которые еще оставались, и таким образом выстроиться, чтобы пробиться к воротам и победить силой отчаяния или, по крайней мере, погибнуть всем вместе.

Об этих отчаянных планах, которые, как считалось, осажденные вполне могли осуществить, вскоре стало известно в испанском лагере. После того, чему он был свидетелем за последние семь месяцев, дон Фредерик чувствовал, что нет ничего такого, чего гарлемцы не могли бы сделать или на что не осмелились бы. Он боялся, что они подожгут свой город и обратят в пепел их дома, их самих и их детей; и он не желал, чтобы плоды его победы, приобретенные такой огромной ценой, были вырваны у него из рук, когда он собирался их собирать. Соответственно, по его приказу магистратуре и видным гражданам было разослано письмо на имя графа Оверштейна, командующего немецкими войсками в осаждающей армии. Это послание предлагало сдаться по собственному усмотрению, но содержало торжественное заверение, что никакое наказание не будет применено, кроме как к тем, кто, по мнению самих горожан, заслужил его, и обещало полное прощение, если город сдастся без дальнейших проволочек. На момент отправки этого письма дон Фредерик имел строгий приказ от своего отца не оставлять в живых ни одного человека из гарнизона, за исключением только немцев, и казнить, кроме того, большое количество бюргеров. Этим приказам он не смел ослушаться, даже если бы испытывал к этому хоть малейшее желание. Однако в результате полуофициального письма Оверштейна город официально сдался по собственному усмотрению 12 июля.

Зазвонили в большой колокол и был отдан приказ, чтобы все оружие, имевшееся у гарнизона или жителей, было доставлено в городской дом. Затем мужчинам было приказано собраться в монастыре Зил, женщинам - в соборе. В тот же день дон Фредерик в сопровождении графа Боссю и многочисленной свиты въехал в город. Сцена, представшая его взору, могла бы тронуть каменное сердце. Повсюду были свидетельства страданий, которые он так мужественно переносил во время той семимесячной осады. Тлеющие руины домов, подожженных ядрами, разрушенные укрепления, срубленные стволы деревьев, развороченные тротуары, разбитые иконы и другие материалы для заделки брешей, образовавшихся в результате ежедневной канонады, разбросанные во всех направлениях, скелеты нечистых животных, с которых была обглодана плоть, непогребенные тела мужчин и женщин, павших замертво на общественных

улицах, — более того, изможденные формы тех, кто еще выжил, призраки их прежних "я", все это было похоже на то, что они видели. Это могло бы вызвать, по крайней мере, сомнение в том, что уже причиненные страдания не являются достаточным наказанием даже за такие глубокие преступления, как ересь и раскол. Но это было далеко не так, как думал дон Фредерик.

Казалось, он прочел вызов и отчаяние в запавших глазах, которые уставились на него, когда он вошел в заведение, и он не подумал о клятве, которую дал неофициально, но свято.

Все офицеры гарнизона были немедленно арестованы. Некоторые из них ожидали приговора своего победителя в виде добровольной смерти. Капитан Борде, выдающийся французский офицер, как и Брут, заставил своего слугу держать меч, от которого тот пал, вместо того чтобы сдаться живым мести испанцев. Не было недостатка в чертах великодушия. Вместо Питера Хасселера, молодого офицера, проявившего замечательную храбрость на протяжении всей осады, испанцы по ошибке арестовали его двоюродного брата Николаса. Заключенный терпел, пока его без возражений уводили на неизбежный эшафот, когда Питер Хасселер яростно протиснулся сквозь ряды тюремщиков. "Если вам нужен энсин Хасселер, я тот, кто вам нужен. Отпустите этого невинного человека", — крикнул он. Перед заходом солнца его голова упала. Все офицеры были доставлены в Дом Клифа, где они были немедленно казнены. — Капитан Рипперда, который так героически осудил трусливое поведение магистрата, чье красноречие подтолкнуло солдат и горожан к сопротивлению и чье мастерство и мужество так долго выдерживали осаду, пострадал одним из первых. Внебрачный сын кардинала Гранвелля, который мог бы легко спасти свою жизнь, объявив о происхождении, которое он ненавидел, и Ланселот Бредероде, незаконнорожденный отпрыск этого древнего дома, также были среди этих первых жертв.

На следующий день Альва пришел в лагерь. Он объехал окрестности, осматривая состояние укреплений снаружи, но вернулся в Амстердам, так и не войдя в город. На следующее утро началась резня. Награбленное было заменено двумястами сорока тысячами гульденов, которые граждане обязались выплатить четырьмя частями; но убийство было непременным условием победы и не допускало никаких компромиссов. Более того, Альва уже выразил решимость устроить всеобщую резню по этому поводу. Гарнизон за время осады был сокращен с четырех тысяч до полутора тысяч человек. Из них германцы, числом в шестьсот человек, были по приказу Альвы уволены с обещанием больше не служить против короля. Весь остальной гарнизон был немедленно перебит, и по меньшей мере столько же горожан. Барабанщики ежедневно ходили по городу, провозглашая, что все, кто укрывает лиц, которые в какой-либо прежний период были беглецами, должны немедленно выдать их под страхом того, что их немедленно повесят на собственных дверях. На этих беженцев и солдат пала основная тяжесть резни; хотя изо дня в день постоянно обнаруживались причины для предания смерти каждого человека, сколько-нибудь отличавшегося службой, положением, богатством или либеральными принципами; ибо резня не могла быть совершена сразу, но, при всем приложенном трудолюбии и сердечности, неизбежно затягивалась на несколько дней. Пятерых палачей и их помощников постоянно держали за работой; и когда, наконец, они изнемогли от усталости или, возможно, заболели от ужаса, триста несчастных были связаны по двое, спина к спине, и утоплены в Гарлемском озере.

Наконец, после того, как две тысячи триста человек были хладнокровно убиты в городе, где ранее столь многие тысячи погибли насильственной или затяжной смертью, был разыгран богохульный фарс с помилованием. Пятьдесят семь самых видных местных бюргеров были,

однако, исключены из-под действия акта амнистии и взяты под стражу в качестве гарантии хорошего поведения других граждан в будущем. Некоторые из этих заложников вскоре были казнены, некоторые умерли в тюрьме, и все они в конечном итоге были бы принесены в жертву, если бы морское поражение при Боссю вскоре после этого не позволило принцу Оранскому спасти оставшихся заключенных. За время осады по стенам было произведено десять тысяч двести пятьдесят шесть выстрелов. Двенадцать тысяч человек из осаждающей армии умерли от ран или болезней в течение семи месяцев и двух дней, прошедших между окружением и капитуляцией. В начале августа, после того как казни были успешно завершены, дон Фредерик совершил свой триумфальный въезд, и первая глава "вторжения в Голландию" была закрыта. Такова была достопамятная осада Гарлема, событие, в ходе которого мы призваны в равной степени удивляться человеческой способности причинять страдания и терпеть их.

Испанцы праздновали победу, а в Утрехте они изготовили чучело принца Оранского, которое пронесли в процессии, разбили о колесо и сожгли. Однако было очевидно, что если взятие Гарлема было триумфом, то завоеватели вполне могли обменять его на поражение. Во всяком случае, было ясно, что испанская империя недостаточно сильна, чтобы выдержать еще много подобных побед. Если бы потребовалось тридцать тысяч отборных солдат, среди которых были три полка, названные Альвой соответственно "Непобедимыми", "Бессмертными" и "Несравненными", чтобы завоевать самый слабый город Голландии за семь месяцев и с потерей двенадцати тысяч человек, то сколько людей, сколько времени и сколько смертей потребовалось бы, чтобы подчинить себе остальную часть этой маленькой провинции? Ибо, как разграбление Наардена произвело эффект, противоположный предполагаемому, скорее воспламенив, чем подавив дух голландского сопротивления, так и долгая и славная оборона Гарлема, несмотря на ее трагическое завершение, лишь усилила до предела ненависть и патриотизм других городов провинции. Даже сокровищ Нового Света было недостаточно, чтобы оплатить завоевание этой маленькой песчаной отмели. В течение пяти лет из Испании было отправлено двадцать пять миллионов флоринов на военные расходы в Нидерландах. И все же этой суммы, с добавлением крупных сумм, ежегодно получаемых от конфискации, в пять миллионов, в которые оценивалась выручка в сотую пенни, и двух миллионов ежегодно, из которых складывались десятый и двадцатый пенсы, было недостаточно, чтобы спасти казну от разорения, а неуплаченные войска - от мятежа.

Тем не менее, на данный момент возникающая радость была очень сильной. Филипп лежал опасно больной в лесу Сеговии, когда пришло радостное известие о взятии Гарлема и сопровождавшей его бойне. Отчет обо всех этих страданиях, подробно описанный ему Альвой, подействовал на него как волшебство. Кровь двух тысяч трехсот его собратьев, хладнокровно убитых по его приказу в одном городе, оказалась для кровожадного монарха эликсиром жизни: он выпил и освежился. "Главное лекарство, которое вылечило его величество, - писал Альве министр Кайас из Мадрида, - это радость, вызванная у него хорошими новостями, которые вы сообщили о сдаче Гарлема". В разгар своего ликования король забыл, какое сильное недовольство он недавно испытывал развитием событий в Нидерландах; сколько сокровищ ежегодно расходовалось с недостаточным результатом. "Зная о вашей нужде, - продолжал Кайас, - его величество немедленно послал за доктором Веласко и приказал ему снабдить вас средствами, если ему придется спуститься в землю, чтобы добыть их". Несмотря на ликование испанцев, принц Оранский не был ни встревожен, ни уныл. Как обычно, он доверился высшей силе, чем человек. "Я надеялся сообщить вам лучшие новости, - писал он графу Людовику, - тем не менее, поскольку в остальном благоугоден благому Богу, мы должны подчиниться Его

божественной воле. Я беру того же Бога в свидетели, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы помочь городу". Несколько дней спустя, написав в том же духе, он сообщил своему брату, что зеландцам удалось захватить замок Раммекенс на острове Вальхерен. "Я надеюсь, - сказал он, - что это уменьшит гордыню наших врагов, которые после сдачи Гарлема думали, что они собиравались проглотить нас живьем. Однако я уверяю себя, что они найдут работу, совсем не похожую на ту, которую они ожидают".

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Энтузиазм не мог заменить переживания
Завидуя тем, чьи страдания уже прекратились
Не оставить в живых ни одного человека в городе и сжечь каждый дом
Недостаточно силен, чтобы выдержать еще много таких побед
Ольденбарневельд; впоследствии столь прославленный
Прислал им весточку с почтовыми голубями
Триста женщин-воинов
Тирания, вечно молодая и вечно старая, постоянно воспроизводящая саму себя
Одинаково удивляюсь способности человека причинять страдания и терпеть их

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 21.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ, 1855-1873 [ГЛАВА IX.]

Положение Алва—ненависть развлекали его повышенным особым—ссоры между ним и Медина Козли—отлет последних жалобы царю на всех других—попытки примирения решения правительством для народа Нидерланды—гротескный характер адресу—мятежные демонстрации испанских войск—Секретные реверансы в оранжево— послушание, с трудом, восстановлен Алва—начала осаду Алкмара—кровавые угрозы герцога—поощрение и энтузиазм язык принца—препараты в Алкмар для обороны—первый штурм уверенно отбили—отказ солдат на штурм во второй раз—экспедиция плотник-посланник—приказы князя, чтобы затопить страну—плотника отпавлений в руках противника—эффект, произведенный на испанцев — осада поднял—переговоры графа Луи с Францией—беспокойство и секретную переписку герцога—Конвенции с английского правительства—цели, преследуемые оранжевый—жестокость Де Ла Марк—его отстранение от должности и последующую смерть—переговоры с Францией—изменил тон французского суда в отношении Варфоломеевская ночь—последствия преступления при королевских проектах—лицемерие испанского правительства—письмо Людовика, чтобы Карл IX. —Жалобы Карл IX.—Тайные устремления, что монарх и Филиппа—интриги в отношении польские выборы—возобновление переговоров между Шомберг и граф Людовик, с согласия оранжевый—условия предписано принц—статьи тайный союз—замечательное письмо графа Луи Карл IX.— Ответственность и изолированного положения, в оранжевый—к "адрес" и "послания"—религиозных чувств князя—морских действий на Zuyder Зи—плена боссу и Санкт-Aldegonde—одиозная позиция Алва—его непрекращающаяся жестокость—выполнение Uitenhoove—обман, практикуемый Алва на его кредиторов—прибытие Рекесенс, новый генерал-губернатор—отъезд Алва—заключительные замечания по его администрация.

Для сохранения непрерывности повествования осада Гарлема рассказана до ее завершения. Более того, это великое событие составляло главный материал истории Нидерландов вплоть до середины 1573 года. Теперь необходимо разобраться с несколькими незакрепленными нитями, прежде чем мы сможем двигаться дальше.

Альва уже некоторое время чувствовал себя в ложном и неудобном положении. Хотя он продолжал оставаться объектом народной ненависти, столь же сильной, как и прежде, он постепенно утратил свою власть над теми, кто в начале его карьеры громче всех проявлял уважение. "Поверьте мне, - писал госсекретарь Альборнос госсекретарю Кайасу, - эти люди ненавидят нашу нацию больше, чем дьявола. Что же касается герцога Альвы, то у них пена идет изо рта, когда они слышат его имя." Виглий, хотя по-прежнему поддерживал ровные отношения с губернатором, на самом деле давно отдалился от него. Даже Эршо, с которым герцог долгое время поддерживал близость наполовину нежную, наполовину презрительную, теперь начал относиться к нему с пренебрежением, которое было трудно переварить столь гордому желудку.

Но главным источником дискомфорта, несомненно, было присутствие Медины Козли. Это была постоянная заноза в его боку, которую не удавалось извлечь никакой хитростью. Преемник, который не хотел и не мог стать его преемником, но который сопровождал его как тень и его злой гений— доверенный коллега, который предал его доверие, высмеивал его проекты, высмеивал его авторитет и все же жаловался на жестокое обращение— соперник, который не был ни компаньоном, ни подчиненным, а притворялся его цензором— чиновник с совершенно аномальным характером, прикрывающийся своим отречением от власти, которую он не осмеливался присвоить, и критикующий меры, которые он был не в состоянии осознать; — таков был герцог Медина Козэли в оценке Альвы .

Ссоры между двумя герцогами стали непрекращающимися и позорными. Конечно, каждый жаловался королю, и каждый, по его собственному признанию, был мучеником тирании другого, но кротость, проявленная Альвой во всех его отношениях с новоприбывшим, была удивительной, если верить рассказам, предоставленным им самим и его доверенным секретарем. С другой стороны, Медина Козэли написал королю, в самых откровенных выражениях жалуясь на Альву и утверждая, что ему самому никогда не разрешалось видеть никаких депеш и иметь ни малейшей информации о политике правительства. Он упрекнул герцога в том, что тот уклоняется от личного участия в военных операциях, и попросил королевского прощения, если тот удалится со сцены, где чувствовал себя лишним.

Соответственно, ближе к концу ноября он уехал, не засвидетельствовав своего почтения. Губернатор пожаловался королю на это бесцеремонное обращение и заверил Его величество, что никогда еще вежливость и кротость не были так плохо вознаграждены, как со стороны этого неблагодарного и язвительного герцога. "Он сказал мне, - сказал Алва, - что если я не останусь на поле боя, он не останется со мной в мирных городах, и он спросил меня, намерен ли я выступить в Голландию с войсками, которые должны были там перезимовать. Я ответил, что пойду туда, куда будет необходимо, даже если мне придется проплыть все каналы Голландии". Сообщив эти подробности, герцог добавил с видимой искренностью и кротостью, что он уверен, что на Медину Козэли повлияло только крайнее рвение к службе Его Величеству, и что, обнаружив, что ему так мало чем можно заняться в Нидерландах, он стал недоволен своим положением.

Сразу после падения Гарлема Алва предпринял еще одну попытку вернуть лояльность других городов с помощью прокламаций. Губернатору стало очевидно, что столь решительное сопротивление со стороны первого осажденного города предвещало много долгих кампаний, прежде чем удастся покорить всю провинцию. Соответственно, 26 июля из Утрехта был выпущен циркуляр, который сразу же после этого был опубликован во всех городах Нидерландов. Это был документ необычного характера, сочетавший в себе наигранное, почти смехотворное милосердие с честной и искренней жестокостью. Следовательно, в документе было что-то очень гротескное. Филипп с самого начала был вынужден поддерживать по отношению к своим непокорным подданным образы наседки и отца блудного сына; диапазон подражания, который вряд ли был бы ему позволен, даже с помощью самой низменной лести. "Вам хорошо известно, - так гласило обращение, - что король снова и снова проявлял свою готовность принять своих детей, в каком бы плачевном состоянии блудные сыновья ни возвращались. Его Величество еще раз заверяет вас, что ваши грехи, какими бы черными они ни были, будут прощены и забыты в изобилии королевской доброты, если вы покаетесь и вовремя вернетесь в объятия его Величества. Несмотря на ваши многочисленные преступления, его Величество по-прежнему стремится, подобно курице, созывающей своих цыплят, собрать вас всех под родительским крылом. Настоящим король еще раз предупреждает вас, чтобы вы отдали себя в его королевские руки и не ждали его гнева, жестокости и ярости и подхода его армии".

Нежный характер обращения, уже исчезающий к концу преамбулы, вскоре сменяется горечью. По мере продолжения выступления домашняя птица-мать превращается в кровавого дракона. "Но если, - продолжает монарх, - вы пренебрегаете этими предложениями о милосердии, принимая их с закрытыми ушами, как прежде, тогда мы предупреждаем вас, что нет ни строгости, ни жестокости, какой бы великой вы ни ожидали, путем опустошения, голода и меча, таким образом, что нигде не останется и следа того, что существует в настоящее время, но его Величество обнажит и полностью обезлюдит землю и заставит ее снова заселиться чужаками; поскольку в противном случае его Величество не мог бы поверить, что воля Бога и его Величества была исполнена.

Почти излишне добавлять, что этот циркуляр остался безрезультатным. Королевский гнев, таким образом богохульно отождествляющий себя с божественной местью, не внушал ужаса, а королевские уговоры - привязанности.

Следующим пунктом атаки был город Алкмар, расположенный на самом краю полуострова, среди лагун и нетронутых прерий Северной Голландии. Принц Оранский уже предоставил ему небольшой гарнизон. К середине июля город был вынужден сдаться и получил в ответ решительный отказ. Тем временем испанцы отступили от стен, в то время как капитуляция и наказание Гарлема занимали их в течение следующих нескольких недель. Более того, август был в основном потрачен Альвой на подавление опасного и затяжного мятежа, вспыхнувшего среди испанских солдат в Гарлеме — от трех до четырех тысяч из них были расквартированы среди несчастного населения этого города.

Жители терпели непрестанные страдания от рук свирепых испанцев, окрыленных победой, взбунтовавшихся из-за долгих просрочек с жалованьем и жадных до добычи, в которой им было отказано. Однако временами ярость солдат была более яростно направлена против их собственных командиров, чем против врага. Войска недовольных даже разработали проект по

передаче Гарлема в руки "Оранжевых". Группа из них, переодетых балтийскими купцами, прислуживала принцу в Делфте и была тайно допущена к его постели еще до того, как он встал. Они заявили ему, что они испанские солдаты, которые сочувствуют его делу, недовольны своим собственным правительством и готовы, получив сорок тысяч гульденов, передать город в его руки. Принц принял этот вопрос к сведению и пообещал принять предложение, если ему удастся собрать необходимую сумму. Однако он оказался не в состоянии сделать это в оговоренный срок, и поэтому из-за отсутствия столь ничтожной суммы предложение было вынужденно отклонено.

Различными были бесчинства, совершенные непокорными войсками в каждой провинции Нидерландов по отношению к многострадальным жителям. "Ничто, - писал Алва, - не причиняло ему такой боли за все сорок лет его службы". Он заявил о своей решимости отправиться в Амстердам, чтобы предложить себя в качестве заложника солдатам, если таким образом он сможет подавить мятеж. Соответственно, он отправился в Амстердам, где благодаря его усилиям, умело поддержанным усилиями маркиза Вителли, и выплате тридцати крон каждому солдату — четырнадцати в счет задолженности и шестнадцати в качестве его доли в гарлемских компенсационных деньгах — восстание было подавлено, и повиновение восстановлено.

Теперь у генерала было свободное время, чтобы направить всю свою энергию против маленького города Алкмар. На этом берегу и мелководье, крайней границе пригодной для жизни земли, дух Свободы Голландии был загнан в угол. Серые башни Эгмонтского замка и Эгмонтского аббатства возвышались между городом и морем, и там были расквартированы войска, посланные принцем Оранским, на тот очень короткий период, когда горожане колебались, принимать ли их. Однако вскоре жребий был брошен, и гарнизон принца был принят. Испанцы продвинулись вперед, сожгли деревню Эгмонт дотла, как только патриоты покинули ее, и 21 августа дон Фредерик, появившись перед стенами, официально приступил к захвату Алланаара. За несколько дней это было сделано так тщательно, что, говоря языком Альвы, "воробью было невозможно ни войти в город, ни вылететь из него". Шансы были несколько неравны. Шестнадцать тысяч ветеранов составляли силы осады. В городе находился гарнизон из восьмисот солдат вместе с тысячей сотен горожан, способных носить оружие. Остальное население состояло из очень небольшого числа беженцев, не считая женщин и детей. Две тысячи сто трудоспособных мужчин, из которых только около трети были солдатами, противостояли шестнадцати тысячам регулярных войск.

Также не было никаких сомнений относительно участи, которая была уготована им, если они погибнут. Герцог громко возмущался неблагодарностью, с которой до сих пор отвечали на его милосердие. Он горько жаловался на неудачу, сопутствовавшую его циркулярам о наказании; с невероятной горячностью упрекал себя за прежнюю мягкость и протестовал против того, что, казнив всего две тысячи триста человек при сдаче Гарлема, не считая еще нескольких бюргеров, он не встретил соответствующих проявлений привязанности. Однако он пообещал себе щедрую компенсацию за всю эту неблагодарность в виде тотальной мести, которую он намеревался обрушить на Алкмар. Он уже злорадствовал в предвкушении опустошения, которое вскоре разразится в этих стенах. Такой бред, если бы он был выдуман пером беллетриста, показался бы ребяческой карикатурой; исходя, достоверно, из его собственного, — он все еще кажется слишком преувеличенным, чтобы в него можно было поверить. "Если я возьму Алкмар, - писал он Филиппу, - я решил не оставить в живых ни одного живого существа;

нож будет приставлен к горлу каждого. Поскольку пример Гарлема оказался бесполезным, возможно, пример жестокости образумит другие города".

Он воспользовался случаем также прочитать лекцию партии примирения в Мадриде, к советам которой, как он полагал, его государь начинал прислушиваться. Ничто, утверждал он, не может быть более бессмысленным, чем идея прощения. Недавние события в достаточной степени доказали это. Людям на расстоянии было легко говорить о мягкости, но те, кто находился на месте, знали лучше. Мягкость пока ничего не дала; только насилие могло преуспеть в будущем. "Пусть ваше величество, - сказал он, - избавится от иллюзий, что с помощью доброты с этими людьми можно сделать все, что угодно. Дело уже дошло до такой степени, что многие из тех, кто родился в стране и до сих пор выступал за помилование, теперь не обмануты и признают свою ошибку. Они придерживаются мнения, что в Алкмаре не должно остаться ни одной живой души, но что каждый человек должен быть предан мечу". В то же время он воспользовался случаем, даже в этих свирепых письмах, которые, кажется, обгажены кровью, похвалить свое собственное природное великодушие. "Ваше величество может быть уверено, - сказал он, - что ни один человек на земле не желает стать на путь милосердия больше, чем я, несмотря на мою особую ненависть к еретикам и предателям". Поэтому он с сожалением счел себя вынужденным избрать противоположный курс и подавить все свои более благородные чувства.

На Дидриха Соноя, вице-губернатора Оранжа в провинции Северная Голландия, была возложена непосредственная ответственность за защиту этой части страны. По мере того как шторм медленно приближался с юга, даже этому опытному офицеру стало не по себе из-за надвигающегося неравного конфликта. Он отправил письмо своему начальнику, в котором представил мрачную картину своего положения. Все инстинктивно смотрели на принца, как на Бога в минуту опасности; все чувствовали, что от его гения и стойкости зависит все благополучие отечества. Была также надежда, что в тайном иностранном союзе были предоставлены какие-то ресурсы. "Если ваша королевская светлость, - писал Соной, - заключили договор о помощи с каким-либо могущественным властелином, крайне важно, чтобы об этом стало известно всем городам, чтобы положить конец эмиграции и утешить людей в их горе".

Ответ принца был полон высокого энтузиазма. С мягким, но серьезным красноречием он сделал выговор унынию и маловерию своего лейтенанта и других приверженцев. По его словам, он не ожидал, что они так скоро забудут о своем мужестве. Казалось, они думали обо всей судьбе страны, связанной с городом Гарлем. Он привел Бога в свидетели этого — он не жалел сил и охотно не пожалеет бы ни капли своей крови, чтобы спасти этот преданный город. "Но поскольку, несмотря на наши усилия, - продолжал он, - Всемогущему Богу было угодно распорядиться Гарлемом согласно Его божественной воле, должны ли мы, следовательно, отрицать и высмеивать Его святое слово? Ослабла ли из-за этого сильная рука Господа? Пришла ли, таким образом, в замешательство его Церковь? Вы спрашиваете, заключал ли я прочный договор с каким-либо великим королем или властелином, на что я отвечаю, что до того, как я встал на защиту угнетенных христиан в этих провинциях, я заключил тесный союз с Царем царей; и я твердо убежден, что все, кто уповают на Него, будут спасены Его всемогущей рукой. Бог воинств соберет для нас армии, чтобы сразиться с нашими врагами и с Его собственными". В заключение он рассказал о своих приготовлениях к нападению на врага как с моря, так и с суши и призвал своего лейтенанта и жителей северного квартала сохранять решительный фронт перед наступающим врагом.

И теперь, когда перед их глазами был разрушенный и опустошенный Гарлем, возможно, пророческий призрак их собственной неминуемой судьбы, горстка людей, запертых в Алкмаре, приготовилась к худшему. Их главная надежда заключалась в дружественном море. Обширные шлюзы, называемые Зип, через которые очень скоро могло произойти затопление всей северной провинции, находились всего в нескольких милях отсюда. Открыв эти ворота и пробив несколько дамб, можно было бы заставить океан сражаться за них. Однако для достижения такого результата требовалось согласие жителей, поскольку уничтожение всех посевов было бы неизбежно. Город был настолько плотно обложен, что отправиться туда было вопросом жизни и смерти, и поэтому было трудно найти посланника для этой опасной миссии. Наконец, городской плотник по имени Питер Ван дер Мей предпринял эту авантюру, и ему было поручено доставить письма Соною, принцу Оранскому и видным лицам в нескольких городах провинции: эти бумаги были вложены в полый посох, тщательно закрепленный наверху.

Вскоре ситуация в осажденном городе достигла критической точки. Ежедневные стычки без решающего результата происходили за стенами. Наконец, 18 сентября, после непрерывной канонады, длившейся почти двенадцать часов, дон Фредерик в три часа пополудни отдал приказ о штурме. Несмотря на свой семимесячный опыт работы в Гарлеме, он все еще был уверен, что ему удастся взять Алкмар штурмом. Атака была произведена сразу же на фризские ворота и на красную башню на противоположной стороне. Два отборных полка, недавно прибывших из Ломбардии; возглавили наступление, оглашая воздух своими криками и уверенные в легкой победе. Их поддерживали, казалось, подавляющие силы дисциплинированных войск. И все же никогда, даже в новейшей истории Гарлема, атаке не подвергались более бесстрашные бойцы. Каждый живой человек был на стенах. Штурмующие отряды подвергались обстрелу из пушек, мушкетов, пистолетов. На них ежеминутно выливались кипяток, смола и масло, расплавленный свинец и негашеная известь. Сотни просмоленных и горящих обручей были искусно затянуты на шеях солдат, которые тщетно пытались выпутаться из этих огненных полос, в то время как как только кто-либо из захватчиков ставил ногу на брешь, бюргеры сталкивали их лицом к лицу с мечами и кинжалами и швыряли их вниз головой в ров.

Трижды возобновлялась атака со все возрастающей яростью — и трижды была отражена с непоколебимой стойкостью. Штурм продолжался четыре часа. За весь этот период ни один из защитников не покидал своего поста, пока не падал с него мертвым или раненым. Женщины и дети, не обращая внимания ни на летящие во все стороны пули, ни на рукопашные схватки на крепостных валах, постоянно переходили от арсеналов к укреплениям, постоянно снабжая своих отцов, мужей и братьев порохом и пулями. Таким образом, каждый человек в городе, который мог ходить, стал солдатом. Наконец на сцену опустилась тьма. Прозвучала труба рекаля, и испанцы, совершенно сбитые с толку, отступили со стен, оставив по меньшей мере тысячу убитых в траншеях, в то время как погибло только тринадцать бюргеров и двадцать четыре человека из гарнизона. Таким образом, Алкмар продержался немного дольше — таким образом, большая и хорошо оснащенная армия потерпела сокрушительное поражение от горстки людей, сражавшихся за свои очаги и алтари. Энсин Солис, который на мгновение взобрался на брешь и чудом остался жив после того, как был сброшен с зубчатой стены, сообщил, что он не видел "ни шлемов, ни доспехов", когда смотрел вниз, на город: только несколько невзрачных людей, в основном одетых как рыбаки. И все же эти невзрачные рыбаки победили ветеранов Альвы.

Горожане были воодушевлены результатами работы этого дня. Более того, они уже располагали такой информацией о состоянии дел в стане врага, которая придавала им дополнительную уверенность. Испанец по имени Джеронимо был взят в плен и доставлен в город. Получив обещание помилования, он раскрыл много секретов, касающихся положения и намерений осаждающей армии. С болью приходится добавлять, что заключенный, несмотря на его разоблачения и обещание, под которым они были даны, был предательски казнен. Он усердно умолял сохранить ему жизнь, когда его вели к виселице, предлагая новые откровения, которые, однако, после уже сделанных обширных сообщений были сочтены излишними. Видя, что это бесполезно, он с совершенной простотой пообещал своим похитителям опуститься на колени и поклоняться дьяволу точно так же, как они это делали, если, поступая таким образом, он сможет получить милосердие. Можно предположить, что такое предложение вряд ли принесло бы ему дополнительную пользу в глазах этих закоренелых кальвинистов, и бедняга был соответственно повешен.

На следующий день после штурма по городу была открыта новая канонада. После того, как было произведено семьсот выстрелов, был отдан приказ об атаке. Это было напрасно: ни угрозы, ни мольбы не могли заставить испанцев, до сих пор столь неукротимых, пробить брешь. В их воображении это место казалось защищенным не только силами смертных; иначе как могло случиться, что горстка полуголодных рыбаков уже смогла с таким триумфом свергнуть освященные веками легионы Испании? Несомненно, считалось, что Дьявол, которому они поклонялись, будет продолжать защищать своих детей. Ни мольбы, ни угрозы дон Фредерика не возымели никакого действия. Несколько солдат позволили своим офицерам проткнуть себя насквозь, вместо того чтобы подойти к стенам; и, соответственно, штурм был отложен на неопределенный срок.

Тем временем, поскольку губернатор Соной открыл многие дамбы, земля по соседству с лагерем стала болотистой, хотя угрожаемого затопления еще не произошло. Солдаты и без того чувствовали себя очень неудобно и очень сопротивлялись. Плотник-посланник не сидел сложа руки, поскольку 26 сентября прибыл в апартаменты Соной с письмами от принца Оранского. Эти депеши давали четкие указания Соной наводнить графство любым способом; вместо того, чтобы позволить Алкмару попасть в руки врага. Дамбы и шлюзы должны были охраняться сильной охраной, чтобы крестьяне, стремясь спасти свой урожай, не ремонтировали или не закрывали их на ночь. Письма Оранжа были скопированы и вместе со свежими сообщениями из Соной доставлены плотнику. В примечании на полях письма принца гражданам предписывалось разжечь четыре маячных огня в указанных местах, как только возникнет необходимость прибегнуть к крайним мерам. Когда этот момент должен был наступить, было торжественно обещано, что будет создано наводнение, которое сметет всю испанскую армию в море. Фактически работа была начата. Зип и другие шлюзы уже были открыты, и огромная масса воды, подгоняемая сильным северо-западным ветром, хлынула с океана. Требовалось только пробить две огромные дамбы, чтобы сделать потоп и опустошение полными. Урожаи были обречены на гибель, и ужасающая потеря имущества стала неизбежной, но, во всяком случае, испанцы, если принять эту последнюю меру, должны были бежать или погибнуть все до единого.

Получив приказ и обещание нанести этот решающий удар, плотник направился к городу. Однако ему не удалось беспрепятственно войти в дом, как это было при его уходе. Он едва спасся, проходя через вражеские позиции, и, когда был занят своим спасением, ему так не

повезло, или, как оказалось, настолько повезло, что он потерял жезл, в который были вложены его депеши. Он благополучно въехал в город, где устно рассказывал своим собратям-бюргерам о намерениях принца и Соноя. Тем временем его письма были положены перед генералом осаждающей армии. Принятое Оранж решение, о котором таким образом непреднамеренно стало известно дону Фредерику, скорее затопить страну вдоль и поперек, чем не суметь защитить Алкмар, произвело глубокое впечатление на него. Было очевидно, что он имеет дело с решительным лидером и с отчаявшимися людьми. Его попытка взять крепость штурмом явно провалилась, и он не мог обманывать себя относительно настроения и диспозиции своих войск с момента того отражения. Когда станет известно, что им грозит затопление в океане в дополнение ко всем прочим ужасам войны, у него были основания полагать, что они с позором покинут этот отдаленный и пустынный сэнд-хук, где, оставаясь, они могли найти только водяную могилу. После обсуждения этих взглядов на офицерском совете был достигнут результат, согласно которому уже было сделано достаточно для прославления испанского оружия. Считалось, что ни честь, ни верность не требуют, чтобы шестнадцать тысяч солдат были принесены в жертву в состязании не с человеком, а с океаном.

Соответственно, 8 октября осада, длившаяся семь недель, была снята, и дон Фредерик воссоединился со своим отцом в Амстердаме. Готовые погибнуть в последней битве и сокрушить как самих себя, так и своих врагов в общей катастрофе, голландцы наконец вынудили своего надменного врага бежать с позиции, которую он так дерзко занял.

Эти общественные сделки и военные операции были не единственными важными событиями, повлиявшими на судьбу Голландии и ее родственных провинций на данном этапе. Тайные отношения, которые уже были возобновлены между Людовиком Нассауским, как полномочным представителем своего брата, и французским двором, в течение некоторого времени вызывали большое беспокойство в душе Алвы. Граф Людовик был известен как искусный переговорщик, столь же доблестный и опытный солдат. Его откровенность и смелость вселяли уверенность. "Храбрый дух в верной груди" вдохновлял его на все сделки; его опыт и быстрое восприятие характера не позволяли ему стать жертвой обмана даже самых ловких политиков, в то время как его истинная цель делала его неспособным ни перехитрить союзника, ни предать доверие. Его карьера свидетельствовала о том, что дипломатия иногда может быть успешной, даже если она основана на искренности.

Альва тайно выразил своему государю большие подозрения в отношении Франции. Он напомнил ему, что Карл IX в начале предыдущего года заверил его, что тайно имеет дело с Людовиком Нассауским только для того, чтобы убедить графа перейти на службу к Филиппу. В то же время Карл делал все, что мог, чтобы помочь Моосу, и написал памятное письмо, которое попало в руки Альвы при взятии Генлиса и в котором выражалась столь твердая решимость нанести смертельный удар королю, которого автор таким образом пытался задобрить. Все это Правитель напомнил своему государю. Ввиду этого растущего отвращения к английскому двору Алва рекомендовал использовать справедливые слова, намекая, однако, что его хозяину ни в коем случае не было бы необходимости считать себя очень строго связанным любыми подобными обещаниями Елизавете, если бы они вдруг стали неудобными. "Обещания монарха, - деликатно предположил он, - не должны были считаться такими священными, как обещания более скромных смертных. Не то чтобы король прямо нарушал свое слово, но в то же время, - продолжал герцог, - ядумал всю свою жизнь, и я узнал это от императора, отца вашего Величества, что переговоры королей зависят от принципов, отличных от принципов тех из нас,

частных джентльменов, которые ходят по миру; и таким образом я всегда замечал, что отец вашего величества, который был таким великим джентльменом и таким могущественным принцем, вел свои дела ". Губернатор также воспользовался случаем, чтобы выразить свои сожаления по поводу неуклюжего способа, которым был реализован план Ридольфи. Если бы с ним посоветовались раньше, к этому делу можно было бы отнестись гораздо деликатнее; как бы то ни было, не могло быть никаких сомнений в том, что раскрытие заговора настроило Елизавету против Испании. "Из этой пыли, - заключил герцог, - образовалась вся эта грязь". Вряд ли могло быть сюрпризом ни для Филиппа, ни для его вице-короля, что раскрытие Елизаветой их заговора с целью лишить ее жизни и возложить корону на голову ее ненавистной соперницы вызвало в ее груди по отношению к ним неприязненные чувства. Однако на данный момент переговоры Алвы, по-видимому, прошли успешно.

Первого мая 1573 года в Брюсселе были официально опубликованы статьи соглашения между Англией и Испанией относительно нидерландских трудностей. Герцог, сообщая о прекращении этих договоренностей, негромко рекомендовал своему хозяину впредь брать английское министерство на свое содержание. В частности, он посоветовал его величеству ежегодно давать взятку лорду Берли, "который держал королевство в своих руках; поскольку я всегда придерживался мнения, - продолжил он, - что для принцев было отличной практикой назначать пенсии министрам других властителей и держать дома тех, кто ни от кого не брал взятки".

С другой стороны, переговоры Оранжа с английским двором пока не увенчались успехом, и он по-прежнему считал почти невозможным собрать необходимые средства для продолжения войны. Конечно, его личные письма показали, что ни он, ни его братья не были своекорыстны в своих переговорах. "Вы знаете, - сказал он в письме своим братьям, - что в мои намерения никогда не входило искать личной выгоды. Я всего лишь стремился к свободе совести и государственного устройства страны, которую иностранцы пытались угнетать. У меня нет других статей, которые я мог бы предложить, за исключением того, что должна быть разрешена религия, реформированная в соответствии со Словом Божьим, что тогда содружеству должна быть возвращена его древняя свобода, и с этой целью испанцы и другие солдаты должны быть вынуждены уйти в отставку".

Восстановление гражданской и религиозной свободы, утверждение великого принципа терпимости в вопросах совести составляли цель, которой были посвящены его дни и ночи, в жертву было принесено его королевское состояние, рискована его жизнь. В то же время его навязывание терпимости к обеим религиям вызвало клевету на него среди фанатичных приверженцев обеих. Католики обвинили его в том, что он спровоцировал эксцессы, для подавления которых он делал все, что было в его силах. Чудовищные поступки Де ла Марка, вызвавшие негодование принца, были даже поставлены в вину тому, кто рисковал своей жизнью, чтобы предотвратить их и наказать. Де ла Марк, действительно, более чем компенсировал свои великие заслуги при взятии Брилля своими последующими жестокостями. Наконец, отец Корнелиус Мусий, пастор Святой Агаты, в возрасте семидесяти двух лет, человек, высоко ценимый принцем Оранским, был подвергнут пыткам и смерти этим варваром при обстоятельствах величайшей жестокости. Это ужасное деяние стоило принцу многих слез, вызвало негодование голландских сословий и привело к увольнению преступника со службы. Однако было сочтено целесообразным, принимая во внимание его прошлые заслуги, влиятельные связи и беспокойный характер, мирно вынудить его покинуть страну.

Прошло много времени, прежде чем принцу и поместьям удалось избавиться от этого бремени. Он устроил несколько беспорядков в разных частях провинции и хвастался, что у него много прекрасных боевых кораблей и три тысячи преданных ему людей, с помощью которых он мог заставить поместья "плясать под его дудку". В начале следующего года (1574) он был, наконец, вынужден покинуть провинции, которые больше никогда не беспокоил своим присутствием. Несколько лет спустя он умер от укуса бешеной собаки - вполне приемлемый конец для человека с таким бешеным нравом.

В то время как принц, таким образом, неуклонно стремился к высокой и великодушной цели, его непримиримые враги, конечно, представляли его человеком, играющим в игру, которая, к несчастью для него самого, была проигрышной. - Этот бедный принц, - сказал Гранвель, - поступил опрометчиво. Теперь я сомневаюсь, что он когда-нибудь сможет заключить мир, и я думаю, что мы скорее попытаемся избавиться от него и его брата, как от турок. Брак с дочерью Мориса "*unde mala et quia ipse talis*" и его братьями причинил ему много вреда. То же самое произошло со Швенди и немецкими близостями. Я видел все это очень ясно, но он предпочел мне не верить.

Злополучный, еще худший советник Вильгельма Оранского! Если бы он только последовал совету дружественного кардинала, держал руку на пульсе от немецких браков и ноги на церковных собраниях, если бы он помогал своему государю сжигать еретиков и охотиться на мятежников, тогда не возникло бы необходимости "обращаться с ним как с турком". Это бесспорно. Точно так же было бы и так, что одним великим светильником стало бы меньше на том прямом и трудном пути, который ведет к храму истинной славы.

Оранский в основном полагался на секретные переговоры, которые его брат Луи в то время возобновлял с французским правительством. Со времен Варфоломеевской резни принц испытывал почти непреодолимое отвращение к тому, чтобы поддерживать какие-либо отношения с этим запятнанным кровью двором. Но недавно эта сделка приобрела новое лицо. Вместо того чтобы прославлять свое преступление, король и его мать теперь приняли раскаивающийся тон и заявили, что содеянное было непреднамеренным; что это было результатом паники или экстаза страха, вызванного внезапно обнаруженными замыслами гугенотов; и что, руководствуясь инстинктом самосохранения, король со своей семьей и ближайшими друзьями совершил преступление, о котором они теперь горько сожалеют. Французским посланникам при различных дворах Европы было поручено внушить эту точку зрения монархам, при которых они были аккредитованы. Это, безусловно, были инструкции, сильно отличающиеся от тех, которые они получили вначале. Первоначально их намек состоял в том, чтобы вознести полную чашу хвалы и благодарности от имени своего государя за его достойный подвиг. Артиллерийские залпы, иллюминации и ликования, торжественные шествия и мессы, которыми отмечалось это знаменательное событие, были еще свежи в памяти людей. Послы были в достаточной степени смущены четким и решительным одобрением, которое они недавно выразили. Хотя король официальным заявлением взял на себя всю ответственность, поскольку он, как известно, был одним из главных исполнителей этого деяния, его агенты теперь должны были унизить себя и своего монарха, представив как прискорбный акт безумия резню, которую они уже превозносили в ещо как искусно выполненное и полностью похвальное достижение.

Усмирить могущество Испании, добиться руки королевы Елизаветы для герцога Алансонского, установить коварный протекторат над протестантскими князьями Германии, получить польский трон для герцога Анжуйского и даже императорскую корону для дома Валуа — все эти лелеемые проекты, казалось, рухнули наземь из-за парижской резни и вызванного ею отвращения. Карл и Екатерина не замедлили обнаружить ложное положение, в которое они себя поставили, в то время как испанская шутка по поводу огромной ошибки, совершенной Францией, была достаточно заметна сквозь надетую маску священного ужаса.

Филипп и Альва с озорной радостью прислушивались к вою проклятия, который проносился по христианскому миру при каждом порыве ветра. Они так же искренне радовались унижению злоумышленников, как и совершению преступления. "Ваше величество, - очень прямо писал Людовик Нассауский королю Карлу, - видит, как испанец, ваш смертельный враг, упивается запустением ваших дел; как он смеется до упаду над вашими несчастьями. Эта резня позволила ему ослабить ваше величество больше, чем он мог бы сделать в результате тридцатилетней войны.

Еще до того, как прошел год, Чарльз окончательно убедился в роковом впечатлении, произведенном этим событием. Горьким и почти униженным было его нытье по поводу того, что король-католик отказался от своего дела. "Он хорошо знает, - писал Чарльз Сен-Гоару, - что если он сможет покончить с этими неприятностями и оставить меня в покое на танцах, у него будет досуг и средства для установления своей власти не только в Нидерландах, но и в других местах; и что он станет более величественным и грозным, чем когда-либо был. Это воздаяние, которое они воздают за добро, полученное от меня, которое, как известно каждому".

Гаспар де Шомберг, ловкий и почетный агент Карла в Германии, с самого начала предупредил своего королевского повелителя о пагубном влиянии резни на все планы, которые он осуществлял, и особенно на те, которые касались корон Империи и Польши. Первому проекту было суждено вскоре быть заброшенным. Ни Карлу, ни Филиппу не полагалось отнимать престолонаследие в Германии у многочисленных отпрысков Максимилиана; и все же поучительно наблюдать, с какой беспринципной алчностью добивались награды оба. Каждый из них был готов совершить свою покупку, отказавшись от того, что считалось его самыми заветными принципами. Филипп Испанский, чья миссия заключалась в искоренении ереси во всех его королевствах, и который, выполняя эту миссию, уже совершил больше преступлений и больше вляпался в кровь своих подданных, чем монарх часто делал раньше; Филипп, для которого его апологеты никогда не находили никакой защиты, за исключением того, что он считал своим долгом перед Богом скорее обезлюдить свои территории, чем допустить хоть одного еретика в их пределы — теперь вступил в тайные переговоры с князьями Империи. Он поклялся, что, если они возложат на него корону, он выведет испанцев из Нидерландов; что он потерпит в этих провинциях исповедание реформированной религии; что он признает их союз с остальной частью Германской империи и их вытекающие из этого притязания на выгоды Пассауского мирного договора; что он вернет принцу Оранскому "и всем его сообщникам" их прежние владения, достоинства и состояние; и что он добьется соблюдения во всех королевствах, включенных в империю, всех эдиктов и постановлений, которые были созданы для обеспечения безопасности. свобода вероисповедания в Германии. Короче говоря, Филипп был готов, в случае, если ему будет обещана корона Карла Великого, свести на нет дело своей жизни, восстановить в должности главного мятежника, на которого он охотился и объявил вне закона, и преклониться перед Реформацией, последователей которой он так долго сжигал и

вырезал. Так велика и не более того была та религиозная убежденность, с помощью которой он в течение многих лет имел наглость оправдывать чудовищные деяния, творимые в Нидерландах. Бог никогда не простил бы ему, пока в провинциях остается хоть один несожженный еретик; но дайте ему императорский скипетр, и каждый еретик, не отказываясь от своей ереси, должен быть очищен иссопом и стать белее снега.

Карл IX тоже, хотя и не мог воскресить в памяти бесчисленные жертвы парижской свадьбы, был все же готов объяснить эти убийства к удовлетворению каждого непредубежденного человека. Это стало строго необходимым. Хотя восшествие либо его Самого христианского, либо Самого католического Величества на трон цезарей было самым невероятным событием, все же более скромный выборный трон, фактически вакантный, косвенно был дарован теми же силами. Было возможно, что корона Польши достанется герцогу Анжуйскому. Этот ключ открывает сложную политику этого и последующего года. Выборы в Польше - ключ к запутанному лабиринту интриг и королевских переворотов в период междоусобицы. Сигизмунд Август, последний из Ягеллонов, умер 7 июля 1572 года. Видными кандидатами на его место были эрцгерцог Эрнест, сын императора, и Генрих Анжуйский. Принц Оранский не был забыт. Сильная партия выступала за то, чтобы поддержать его избрание, как за самый знаменательный триумф, которого мог добиться протестантизм, но его честолюбие не было возбуждено перспективой такого приза. Его собственная работа требовала всей энергии всей его жизни. Однако его влияние было мощным, и анжуйские партизаны с нетерпением искали его. Лютеране и моравцы в Польше были многочисленны, протестантская партия там и в Германии держала в своих руках весь ход выборов.

Принцу было трудно преодолеть свое отвращение к самому имени человека, преступление которого сразу же опустошило Францию и разрушило прекрасные перспективы, с которыми они с братом годом ранее въехали в Нидерланды. Тем не менее, он был готов выслушать заявления, с помощью которых король и его министры пытались, не совсем безуспешно, снять со своей репутации, если не с их душ, вину за глубокий замысел. Это было нечто такое, что убийцы теперь притворялись, что искупают свое преступление во вретище и пепле, — это было нечто такое, что, поддержав притязания Анжу и снисходительно выслушав раскаяние Карла, можно было снять осаду Рошели, восстановить свободу совести гугенотов и установить союз с могущественной нацией, с помощью которого Нидерланды могли бы снова поднять голову. Французское правительство, глубоко враждебное Испании как по страсти, так и по политике, было способно оказать большую помощь восставшим провинциям. "Я смиреннейшим образом умоляю вас, мой добрый господин, - писал Шомберг Карлу IX, - остерегайтесь позволять курфюрстам вбивать себе в голову, что вы каким бы то ни было образом содействуете делам короля Испании. Не совершайте по отношению к нему никаких актов открытой враждебности, если считаете это неблагоприятным; но будьте начеку! если не хотите, чтобы вас начисто вышибли из седла. Я бы пришел в ярость, если бы увидел, что из-за злобной клеветы ваших врагов вам не удастся заполучить приз".

Таким образом, Оранж был вынужден принять, пусть и с недоверием, выражение раскаяния, которое должно было сопровождаться мерами по исцелению. Он позволил своему брату Людовику возобновить переговоры с Шомбергом в Германии. Он составил и передалему наброски договора, который он был готов заключить с Карлом. Основные условия этого соглашения иллюстрировали бескорыстный характер этого человека. Он требовал, чтобы король Франции немедленно заключил мир со своими подданными, прямо заявляя, что он

подвергся насилию со стороны тех, кто под предлогом его службы стремился к собственной выгоде ценой разорения короны и народа. Король должен сделать религию свободной. Указ на этот счет должен быть утвержден всеми парламентами и сословиями королевства, и такие подтверждения должны быть без утайки или обмана распространены среди всех князей Германии. Если его величество не был склонен вести войну за освобождение Нидерландов, он должен был немедленно выдать принцу Оранскому сто тысяч крон, а каждые три месяца - еще сто тысяч. Принц должен был получить свободу собрать во Франции тысячу кавалеристов и семь тысяч пехотинцев. Каждый город в провинциях, которые должны быть завоеваны его оружием, за исключением Голландии или Зеландии, должен быть передан под скипетр и в руки короля Франции. Провинции Голландия и Зеландия также должны быть переданы под его защиту, но ими должны управлять их собственные джентльмены и граждане. Полная свобода вероисповедания и соблюдение древних конституций, привилегий и хартий должны были быть гарантированы "без каких бы то ни было придинок". Принц Оранский или поместья Голландии или Зеландии должны были возместить его христианскому величеству суммы, которые он должен был авансировать. В этом последнем пункте было единственное упоминание принца о себе, за исключением оговорки о том, что ему должно быть разрешено набрать войска во Франции. Его единственными личными требованиями были вербовка солдат для участия в битвах за свободу и оплата их расходов, если это не должно быть обеспечено поместьями. Почти в то же время он снабдил аналогичными инструкциями своих тайных посланников Люинбра и доктора Тайджерта, которые должны были отправиться в Париж.

Неутомимые усилия Шомберга и почти страстные объяснения со стороны французского двора в конце концов возымели свое действие. "Вы будете постоянно заверять принцев, - писал герцог Анжуйский Шомбергу, - что все, написанное вам о том, что произошло в этом королевстве, соответствует действительности; что события произошли внезапно, без какого-либо предварительного планирования; что ни король, ни я никогда не имели с королем Испании никаких дел против религиозных деятелей и что все это является полным обманом, о котором ежедневно говорят по этому поводу принцам".

Однако граф Людовик безапелляционно потребовал, чтобы королевское покаяние принесло плоды спасения остальным жертвам. Из зарослей этих опасных интриг его бесстрашная рука вырвала "цветок безопасности" для своего попорченного дела. Он требовал не слов, а дел или, по крайней мере, обещаний. Он придерживался по отношению к агентам Карла и к самому монарху того же стойкого скептицизма, который проявляли депутаты-гугеноты на своих совещаниях с Екатериной Медичи. "Разве слова короля недостаточно?" — спросила вдовствующая герцогиня комиссарам, которые настаивали на гарантиях. "- Нет, мадам, - ответил один из них, - клянусь Святым Варфоломеем, нет!" Граф Людовик прямо сказал Шомбергу и повторил это много раз, что через несколько дней он должен получить категорический ответ, "который заключался бы не только в словах, но и в делах, и что он не мог и не хотел бы вечно рисковать ни честью своего брата, ни имуществом, ни кровью, ни жизнью тех бедных людей, которые поддерживали это дело".

23 марта 1573 года у Шомберга состоялась беседа с графом Луи, которая длилась семь или восемь часов. В ходе этой беседы предприятия графа, "которые, - сказал Шомберг, - несомненно, грандиозны и прекрасны", были тщательно обсуждены, и ряд условий, составленных частично рукой одного, частично другого участника переговоров, был определенно согласован. Эти условия основывались на протекторате короля Франции над

Голландией и Зеландией с суверенитетом над другими территориями, которые должны были быть приобретены Нидерландами. Они находились в строгом соответствии со статьями, представленными принцем Оранским. Свобода вероисповедания для представителей обеих религий, священное сохранение муниципальных хартий и предоставление определенных ежегодных субсидий со стороны Франции на случай, если его Величество не выступит на поле боя, были основными чертами.

Десять дней спустя Шомберг написал своему хозяину, что граф готов использовать все влияние своей семьи, чтобы добиться для Анжу короны Польши, в то время как Людовик, завершив таким образом переговоры с агентом, направил длинное и серьезное письмо королевскому доверителю. На всем протяжении этого замечательного послания лежал отпечаток откровенного и бесстрашного характера автора. "Так поступил ты" редко обращалось к помазанному монарху в таких недвусмысленных тонах.: В письме описывалось благоприятное положение, в котором находился король до рокового лета 1572 года. Королева Англии была тогда весьма дружелюбно расположена к нему и склонялась к еще более тесным отношениям с его семьей. Германские князья желали избрать его римским королем - достоинство, за которое так бесплодно боролся его дед. Голландцы, доведенные до отчаяния тиранией своего собственного монарха, стремились броситься в его объятия. Все это произошло благодаря его эдикту о религиозном умиротворении. Как изменилась картина сейчас! Кто теперь оказывал почтение королю, столь преступному и падшему? "Ваше величество сегодня, - сказал Людовик искренне и прямо, - на грани разорения. Государство, рушащееся со всех сторон и почти покинутое, является добычей любого, кто пожелает завладеть им; тем более, что ваше Величество, стремившееся в последнее время излишествами и развязанными ранее войнами пробудить совесть людей, теперь настолько лишено не только дворянства и солдат, но и того, что составляет самую прочную опору трона, любви и добрых пожеланий подданных, что ваше Величество напоминает древнее здание, день за днем подпираемое сваями, но которое невозможно будет долго удерживать от падения на землю ". Конечно, здесь были полезные истины, сказанные в простом стиле.

Граф продолжал напоминать королю о радости, которую "испанец, его смертельный враг", испытал от запустения своих дел, будучи уверенным, что беспорядки во Франции позволят ему достичь своих целей, не нанося удара. В этом, по его словам, и заключался секрет вежливости, с которой герцог Алва обошелся с самим писателем при сдаче Монса. Людовик в продолжение заверил короля, что, если он будет упорствовать в этих репрессивных действиях по отношению к своим подданным новой религии, у него не будет никакой надежды, и что два его брата напрасно уедут в Англию и Польшу, оставив его наедине с трудной и опасной войной. До тех пор, пока он сохранял враждебное отношение к протестантам в своем собственном королевстве, его справедливые слова не производили никакого эффекта в других местах. "Мы начинаем раздражаться, - сказал граф, - тем способом ведения переговоров, который практикует Франция. Там люди не идут к делу прямым путем, а ловят свое притворство на крючок".

Он прямо напомнил королю об обмане, который тот применил по отношению к адмиралу, — достаточная причина, по которой в будущем нельзя было полагаться на его слово. В королевских письмах принцу Оранскому, адресованных незадолго до Святого Варфоломея, было обещано решительное возмездие тем, кто причастен к покушению на этого великого человека. "Два дня спустя, - сказал Людовик, - ваше величество осуществили эту месть, но

довольно жестоким образом". Было ясно, что король окружен людьми, которые желали его погубить и которые в своих собственных целях хотели заставить его еще глубже, чем прежде, искупаться в крови своих подданных. Это разорение его величество все еще мог предотвратить, установив мир в своем королевстве и прекратив мучить своих бедных религиозных подданных.

В заключение граф несколькими простыми, но красноречивыми фразами намекнул на невозможность сковать мысли людей. Душа, будучи бессмертной, была недоступна королям. Совесть нельзя было победить, а религиозный дух - заточить в тюрьму. Это было открыто императором Карлом, который взял в плен все города и великих людей Германии, но, тем не менее, не смог взять в плен религию. "Это чувство, - сказал Людовик, - глубоко укоренившееся в сердцах людей, которое нельзя вырвать силой оружия. Поэтому пусть ваше величество не обманывается лестью тех, кто, подобно плохим врачам, держит своих пациентов в неведении об их болезни, откуда приходит их гибель".

Без понимания этих частных и наиболее важных сделок было бы невозможно проникнуть в суть тайны, которая окутывала в тот период отношения великих держав друг с другом. Было замечено достаточно, чтобы навсегда заглушить доводы, часто выдвигаемые в защиту религиозной тирании, о том, что тиран действует, повинувшись искреннему убеждению в чувстве долга; что, совершая свои темные дела, он верит, что выполняет волю Небес. Здесь мы видим Филиппа, предлагающего восстановить принца Оранского и установить свободу вероисповедания в Нидерландах, если с помощью таких обещаний он сможет завладеть императорской диадемой. Здесь также мы видим Карла IX и его мать — их руки пропитаны еретической кровью Святого Варфоломея - которые заключают официальные обязательства с еретиками защищать ересь повсюду, если такими обещаниями можно обеспечить корону Ягеллонов и руку Елизаветы.

Пока Луи был таким образом занят в Германии, Orange обычно обосновывался в Делфте. Он ежедневно ощущал нужду в своем брате, ибо одиночество принца посреди таких огненных испытаний было равносильно почти опустошению. Не часто обстоятельства возлагали на человека такую большую ответственность и так мало власти. Он считался защитником и отцом страны, но, опираясь на свои собственные мозги и ресурсы, он должен был обеспечить себя средствами для выполнения этих высоких функций. Он изо всех сил стремился выполнять обязанности диктатуры, не захватывая ее власти в большем объеме, чем это было необходимо для его цели. Но он был один на этом маленьком перешейке, в единоборстве с великой испанской монархией. Именно к нему были обращены все взоры во время бесконечных ужасов осады Гарлема и в более процветающей лиге Алкмара. Что он мог сделать, он сделал. Он изобретал все возможные средства, чтобы помочь Гарлему, и только слезы всего населения Голландии помешали ему лично отправиться на его спасение. Благодаря его решению и духу, который он распространил по стране, люди поднялись на высоту героизма, благодаря которому Алкмар был спасен. Тем не менее, в течение всего этого тревожного периода ему не на кого было опереться, кроме самого себя. "Наши дела в Голландии и Зеландии в довольно хорошем состоянии, - писал он, - если бы у меня только была какая-нибудь помощь. Я не в состоянии в одиночку выдержать столько трудов и тяжесть таких великих дел, которые обрушиваются на меня ежечасно, — финансовых, военных, политических. У меня нет никого, кто мог бы мне помочь, ни единого человека, а потому я оставляю вас гадать, в какой беде я нахожусь".

Ибо не только сражения и осады давали ему занятие и наполняли тревогой. В одиночку он тайно руководил политикой страны и, каким бы бессильным и объявленным вне закона он ни казался, вел ежедневную переписку не только с сословиями Голландии и Зеландии, чьими совещаниями он руководил, но и с основными правительствами Европы. Более того, сословия Нидерландов были официально собраны Алвой в сентябре в Брюсселе для выработки путей и средств продолжения борьбы. Принцу это показалось хорошей возможностью воззвать к патриотизму всей страны. Соответственно, он снабдил провинцию Голландия набросками обращения, которое было немедленно направлено от их имени и от его имени генеральной ассамблее Нидерландов. Документ представлял собой нервный и быстрый обзор хода последних событий в провинциях с убедительным изложением причин, которые должны были побудить их всех объединиться ради общего дела против общего врага. Это относилось к старой привязанности и искреннему отношению, с которыми они раньше относились друг к другу, и к уверенности в том, что инквизиция навсегда утвердится в стране на руинах всех их древних институтов, если они теперь не объединятся, чтобы свергнуть ее навсегда. Он требовал от народа, собранного таким образом через своих представителей, как они могут терпеть тиранию, убийства и вымогательства герцога Алвы. Принцы Фландрии, Бургундии, Брабанта или Голландии никогда не заключали ни войны, ни мира, не чеканили монеты и не требовали уплаты налога с народа без согласия сословий. Как могла нация теперь согласиться с ежедневными запретами, которые практиковались? Если бы Амстердам и Мидделбург остались верны себе; если бы эти важные города не позволили отвлечь себя от дела свободы, северные провинции были бы неприступны. "Нидерланды сокрушены только Нидерландами", - говорилось в обращении. "Откуда у герцога Алвы сила, которой он хвастается, как не от вас самих — от городов Нидерландов? Откуда его корабли, припасы, деньги, оружие, солдаты? От нидерландского народа. Почему бедная Голландия таким образом стала дегенеративной и ублюдочной? Куда девался благородный дух наших отважных предков, которые никогда не терпели тирании чужих народов и не позволяли чужаку даже занимать должность в пределах наших границ? Если маленькая провинция Голландия может таким образом сдерживать мощь Испании, чего не смогли бы достичь все Нидерланды — Брабант, Фландрия, Фрисландия и остальные, объединенные вместе?" В заключение генеральных штатов убедительно призвали выступить вперед, как братьев по крови, и взяться за руки с Голландией, чтобы вместе они могли спасти отечество и восстановить его древнее процветание.

Почти в то же время принц составил и пустил в обращение одно из самых энергичных и страстных произведений, когда-либо выходивших из-под его пера. Оно было озаглавлено "Послание в форме мольбы его королевскому Величеству Испании от принца Оранского и поместий Голландии и Зеландии". Документ произвел глубокое впечатление на весь христианский мир. Это был лояльный призыв к лояльности монарха — требование восстановить земельные привилегии и отстранить герцога Алвы. В нем содержалась поразительная картина его зверств и страданий нации, и несколькими энергичными штрихами было разрушено представление о том, что эти страдания были вызваны виной народа. В этой связи принц упомянул о тех актах осуждения, которые генерал-губернатор обнародовал под названием "помилования", и с презрением отнесся к гипотезе о том, что были совершены какие-либо преступления, которые Альва мог простить. "Мы берем Бога и ваше Величество в свидетели, - говорилось в послании, - что если мы совершили такие проступки, которые инкриминируются в помиловании, то мы не желаем и не заслуживаем помилования. Подобно самым жалким созданиям, которые ползают по земле, мы будем довольны тем, что искупим свои проступки

ценой собственной жизни. Мы не будем роптать, о милосердный царь, если нас схватят одного за другим и разорвут на части, если будет доказано, что мы совершили преступления, в которых нас обвиняют".

Изложив таким образом тиранию правительства и невиновность народа, принц от своего имени и от имени сословий объявил о решении, к которому они пришли. "Тиран, - продолжал он, - скорее запятнает каждую реку и ручей нашей кровью и повесит наши тела на каждом дереве в стране, чем не насытит в полной мере свою месть и не насытится нашими страданиями. Поэтому мы подняли оружие против герцога Алвы и его приверженцев, чтобы освободить себя, наших жен и детей из его кровожадных рук. Если ни он, ни мы не окажемся слишком сильными, мы скорее умрем почетной смертью и оставим после себя достойную похвалы славу, чем согнем наши шеи и доведем наше дорогое отечество до такого рабства. Здесь все наши города поклялись друг другу выдержать любую осаду, отважиться на все, перенести все возможные страдания, да, скорее поджечь все наши дома и превратиться вместе с ними в пепел, чем когда-либо подчиниться указам этого жестокого тирана".

Это были смелые слова, и им суждено было мужественно воплотиться в жизнь, как доказывали жизнь и смерть автора и летописи его страны, из поколения в поколение. Если мы будем искать источник энергии, которая таким образом поддерживала Принца в неравной борьбе, которой он посвятил свою жизнь, мы найдем его в единственном пронизывающем принципе его натуры — вере в Бога. Он был защитником политических прав своей страны, но прежде всего он был защитником ее религии. Свобода совести для своего народа была его первой целью. Утвердить аксиому Лютера о том, что мысли бесплатны, было его решимостью. Мир в Пассау, и гораздо больше, чем мир в Пассау, было целью, к которой он стремился. Свобода вероисповедания для всех конфессий, терпимость ко всем формам веры - вот что было великим благом в его философии. Что касается его самого, то теперь он стал членом кальвинистской, или реформатской, церкви, отложив на некоторое время свое публичное присоединение к этому сообществу, чтобы не оскорблять лютеран и императора. Однако он никогда не был догматиком и искал в христианстве то, что объединяет, а не то, что разделяет христиан. В течение октября он публично присоединился к церкви в Дорте.

За счастливым окончанием осады Алкмара последовал, три дня спустя, еще один знаменательный успех со стороны патриотов. Граф Боссю, построивший или собравший значительный флот в Амстердаме, в начале октября вошел в Зюйдер-Зее, несмотря на затонувшие корабли и другие препятствия, с помощью которых патриоты пытались сделать проход по Y практически невозможным. Патриоты Северной Голландии, однако, не бездействовали, и вскоре флот из двадцати пяти судов под командованием адмирала Диркзуна курсировал в тех же водах. Произошло несколько стычек, но корабли Боссю, которые были крупнее и снабжены более тяжелыми пушками, очевидно, не были склонны к ближнему бою, к которому стремились патриоты. Испанский адмирал, каким бы голландцем он ни был, знал храбрость своих соотечественников в ближнем бою на море и предпочитал полагаться на калибр своей пушки. Однако 11 октября весь флот "патриот", поддерживаемый сильным восточным бризом, обрушился на испанскую армаду, которая, насчитывая теперь тридцать парусников всех наименований, стояла в стороне в окрестностях Хорна и Энкхейзена. После короткого общего сражения почти весь испанский флот поспешно ретировался, преследуемый большинством голландских кораблей patriot. В конце концов пять королевских кораблей были захвачены, остальным удалось спастись бегством. Остался только адмирал, который не

пожелал сдаваться, хотя его войска таким подлым образом покинули его. Его корабль, "Инквизиция", ибо таково было ее дерзкое название, был самым большим и лучше всего укомплектованным из обоих флотов. Большая часть противника отправилась в погоню за беглецами, но четыре судна меньшего размера атаковали "Инквизицию" в начале боя. Из них один вскоре замолчал, в то время как остальные трое неразрывно вцепились в борта и нос корабля. Все четверо дрейфовали вместе, невзирая на ветер и прилив, и это жестокое действо продолжалось непрерывно, во время которого плавание кораблей было полностью прекращено. В таком конфликте не было продемонстрировано никакой научной артиллерии, никакой военной или военно-морской тактики. Это была схватка не на жизнь, а на смерть, какая всегда происходит, когда встречаются испанец и нидерландец, будь то на суше или на воде. Боссу и его люди, вооруженные пуленепробиваемыми кольчугами, стояли со щитом и мечом на палубе "Инквизиции", готовые отразить все попытки подняться на борт. Голландец, как обычно, атаковал со смоляными обручами, кипящим маслом и расплавленным свинцом. Неоднократно они проникали на адмиральский корабль, и так же часто их отбрасывали и убивали кучами или сбрасывали в море. Бой начался в три часа пополудни и продолжался без перерыва всю ночь. Суда, дрейфовавшие вместе, наткнулись на отмель, называемую Нек, недалеко от Виденесса. В пылу событий на это происшествие почти не обратили внимания. В утренних сумерках Джон Харинг из Хорна, герой, сдержавший тысячу солдат на дамбе Димер, взобрался на борт "Инквизиции" и спустил ее знамя. Доблестное, но преждевременное достижение стоило ему жизни. Он был прострелен насквозь и умер на палубе корабля, который был не совсем готов поднять свой флаг. Однако к полудню Боссу стало очевидно, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Корабли сели на мель у враждебного побережья, его собственный флот был безнадежно рассеян, три четверти его команды были мертвы или выведены из строя, в то время как суда, с которыми он был связан, постоянно пополнялись лодками с берега, которые доставляли свежих людей и боеприпасы, а также забирали своих убитых и раненых. В одиннадцать часов адмирал Боссу сдался и с тремя сотнями пленных был отправлен в Голландию. Сам Боссу был заключен в тюрьму в Хорне, где по прибытии его встретили бурными демонстрациями народной ненависти. Резня в Роттердаме, произошедшая из-за его жестокости и предательства, еще не была забыта или прощена.

Эта победа, с таким трудом последовавшая за триумфом при Алкмаре, была столь же отрадна патриотам, сколь и досадна Алве. Когда его правление подходило к концу, оно было отмечено катастрофой и позором на суше и на море. Блестящие подвиги, которыми он вселил ужас в сердца нидерландцев при Йеммингене и в Брабанте, были сведены на нет доблестью горстки голландцев, не имевших ни дисциплины, ни опыта. Для патриотов своевременный захват такой значительной персоны, как адмирал и губернатор северной провинции, был большим преимуществом. Те из заложников из Гарлема, которые еще не были казнены, теперь спаслись бегством. Более того, святая Альдегонда, красноречивая патриотка и близкий друг Оранского, который был взят в плен несколько недель спустя во время сражения при Мэсландс-Луис, была спасена от неминуемой гибели по той же причине. Принц поспешил заверить герцога Альва, что к Боссу будет применена та же мера, что и к Святой Альдегонде. Следовательно, генерал-губернатор не мог казнить своего пленника, и он был вынужден смириться с досадой, видя в своей власти главного мятежника и еретика, которого он не осмеливался ударить. Оба выдающихся заключенных в конце концов вновь обрели свободу.

Герцог, несомненно, пал в глазах всех слоев общества еще ниже, чем когда-либо прежде, за всю свою долгую и в целом успешную жизнь. Неудачи, понесенные его армией, вера в то, что

его хозяин охладил к нему, уверенность в том, что его карьера в Нидерландах завершается без удовлетворительного результата, естественная усталость, производимая на умы людей созерцанием столь монотонной и безудержной тирании в течение стольких лет, - все это способствовало падению его репутации. Он чувствовал себя отвратительным как для принцев, так и для плебеев. Со своими членами кабинета министров он долгое время был в неудовлетворительных отношениях. Президент Тиснак умер рано, летом, и Виль, во многом против своей воли, был вынужден временно занять его место. Но теперь между ученым фризцем и губернатором не было и намека на дружбу. Каждый искренне ненавидел другого. Альва устал от фламандских и фризских советников, какими бы услужливыми они ни были, и стремился заполнить весь совет испанцами рода Варгас. Он снова вынудил Виль-Лиуса занять этот пост только для того, чтобы, немного помедлив, изгнать его и всех жителей Нидерландов в один и тот же момент. "Пока эта древняя шайка догматиков не будет устранена, - писал он Филиппу, - вместе с Виглием, их вождем, который преподает им все уроки, ничто не пойдет правильно. Бесплезно добавлять одного или двух испанцев, чтобы заполнить вакансии; это все равно что наливать флягу хорошего вина в бочку с уксусом; оно точно так же превращается в уксус. Ваше величество скоро сможет одним ударом реорганизовать совет, чтобы итальянцы или испанцы, как вам будет угодно, могли полностью управлять страной".

Учитывая его личные чувства по отношению к своим доверенным советникам, можно предположить, что его общение с советом в течение года нельзя было назвать дружественным. Более того, он держался, по большей части, на расстоянии от резиденции правительства. Во время военных действий в Голландии его штаб-квартира находилась в Амстердаме. Здесь, когда год подходил к концу, он стал таким же непопулярным, как и в Брюсселе. Корыстолюбивые и непатриотичные бюргеры, которые в начале весны установили его бюст в своих домах и отдавали большие суммы за его портрет небольшими суммами, теперь ломали его изображения и срывали портреты со своих стен, ибо было очевидно, что сила его имени исчезла как с принцем, так и с народом. И все же, конечно, те свирепые демонстрации, которые раньше окружали его личность такой атмосферой ужаса, не ослабли и не стали менее частыми, чем прежде. Он продолжал доказывать, что может быть варваром как в большом, так и в мелком масштабе. Как и в предыдущие годы, он мог на одном дыхании руководить массовыми убийствами и лично руководить казнями отдельных людей. Это было проиллюстрировано, среди прочих примеров, жестокой судьбой Уитенхува. Этот несчастный дворянин, попавший в плен летом, был обвинен в участии во взятии Брилля, и поэтому герцог приговорил его к поджариванию заживо на медленном огне. Соответственно, он был привязан цепью длиной в несколько футов к столбу, вокруг которого были развешаны хворост. Здесь его долгое время подвергали медленным пыткам, оскорбляя насмешками окружавших его смеющихся испанцев, пока палач и его помощники, более гуманные, чем их начальник, не пронзили жертву копьями — смягчение наказания, которое было плохо воспринято Альвой. Однако у губернатора не было причин дольше оставаться в Амстердаме. Гарлем пал; Алкмар был освобожден; и Лейден, которому во время его второй осады было суждено написать столь знаменательную главу в истории войны, был осажден, это правда, но, поскольку было известно, что он плохо снабжается, его следовало взять скорее блокадой, чем активными операциями. Соответственно, командовать осадой был оставлен дон Франсис Вальдес, который, однако, без каких-либо запоминающихся событий был снят, о чем вскоре будет рассказано.

Герцог влез в Амстердаме в огромные долги, как государственные, так и частные. Соответственно, в начале ноября он приказал объявить по всему городу звуком трубы, что все

лица, предъявляющие к нему требования, должны предъявить свои требования лично в указанный день. Ночью, предшествующей назначенному таким образом дню, герцог и его свита очень бесшумно отбыли, без предупреждения и барабанного боя. Благодаря этому мастерскому управлению его несчастные кредиторы потерпели неудачу в самый канун их ожидаемого триумфа; крупные счета, которые были заключены по доверии короля и губернатора, остались по большей части неоплаченными, и многие богатые и респектабельные семьи были доведены до нищеты. Таково было следствие безграничного доверия, которое они питали к чести своего тирана.

17 ноября дон Луис де Рекесенс-и-Кунига, великий командор Святого Яго, назначенный преемником Алвы, прибыл в Брюссель, где его приняли с большой радостью. Герцог в тот же день написал королю, "целуя ему ноги" за то, что таким образом освободил его от занимаемых должностей. Разумеется, между отъезжающим и вновь прибывшим губернаторами произошел обильный обмен любезностями. Алва был готов остаться ненадолго, чтобы помочь своему преемнику советом, но предпочел, чтобы Великий Командующий немедленно принял бразды правления. На эту просьбу после долгих почтительных колебаний он, наконец, согласился. Соответственно, 29 ноября он принес присягу в Брюсселе в качестве вице-губернатора и генерал-капитана в присутствии герцога Эршо, барона Берлаймона, президента Совета и других должностных лиц.

18 декабря герцог Альва навсегда покинул провинцию. К его дальнейшей карьере эта история не имеет никакого отношения, и не желательно распространяться о личной биографии человека, чье имя, безусловно, никогда не вызывает приятных эмоций. В последние несколько недель своего правления он большую часть времени не вставал с постели — отчасти из-за подагры, отчасти для того, чтобы никто не увидел его унижения, но главным образом, как говорили, чтобы избежать настоятельных требований своих кредиторов. Он выразил опасение возвращаться домой через Францию на том основании, что в него, весьма вероятно, выстрелят из окна, когда он будет проходить мимо. Он трогательно жаловался, что после всех своих трудов он не "заслужил одобрения короля", в то время как навлек на себя "недоброжелательство и всеобщую ненависть каждого человека в стране". Мондусет, которому он сделал это замечание, придерживался того же мнения и сообщил своему хозяину, что герцог "породил такую необычайную ненависть в сердцах всех людей в стране, что они устроили бы фейерверк в честь его отъезда, если бы осмелились".

Говорят, что во время своего путешествия из Нидерландов он хвастался, что за период своего правления казнил восемнадцать тысяч шестьсот жителей провинций. Число тех, кто погиб в битвах, осадах, от голода и резни, не поддавалось подсчету. Герцог был хорошо принят своим королевским хозяином и оставался в фаворе до тех пор, пока новая авантюра дона Фредерика не привела отца и сына в опалу. Обманув и бросив подружку невесты, он внезапно женился на своих кузинах, чтобы избежать женитьбы, которую требовали за его проступок. В результате и герцог, и дон Фредерик были заключены в тюрьму и изгнаны, и Альва не был освобожден до тех пор, пока для завоевания Португалии не потребовался опытный генерал. Туда он и направился, так сказать, с оковами на ногах. Выполнив порученное ему военное предприятие, он впал в затяжную лихорадку, по окончании которой настолько ослабел, что жизнь ему поддерживало только молоко, которое он пил из женской груди. Таким было нежное второе детство человека, который почти в буквальном смысле слова пил кровь в течение семидесяти лет. Он умер 12 декабря 1582 года.

Предыдущие страницы были написаны напрасно, если теперь требуется тщательная оценка его характера. Его портрет написан, насколько это возможно, его собственной рукой. Его поступки, которые не оспариваются, и его письменные слова иллюстрируют его натуру более полно, чем это могло бы сделать самое красноречивое перо. Не было предпринято никаких попыток преувеличить его преступления или преуменьшить его превосходные качества. Добродетелей у него не было никаких, если только военное мастерство не считалось, как у римлян, добродетелью. В войне, как в науке, так и в практическом искусстве, он превосходил всех генералов, которые противостояли ему в Нидерландах, и он не уступал ни одному полководцу в мире в течение долгого и воинственного периода, к которому принадлежала его жизнь. Людовик Нассауский пользовался высокой репутацией во всей Европе как умелый и отважный полководец. С необузданными добровольцами он разгромил армию испанских регулярных войск, возглавляемую известным и опытным вождем Нидерландов; но когда Алва лично вышел на поле боя, ситуация полностью изменилась. Герцог нанес ему при Еммингене такой удар, который навсегда поверг бы в уныние менее неукротимого чемпиона. Никогда еще поражение не было более сокрушительным. Патриотическая армия была уничтожена почти полностью, а ее лидера, голого и нищего, хотя и не обескураженного, отправили обратно в Германию, чтобы он заново создавал свои силы и свои планы.

Продemonстрировав таким образом перед глазами страны весь ужас своего имени и подтвердив древнюю военную славу своей нации, герцог был волен применить против своего самого грозного противника непревзойденную тактику, которой он мог бы научить весь мир. Страна, парализованная страхом, с тревогой, но безучастно наблюдала за научной битвой между двумя великими чемпионами деспотизма и протестантизма, которая увенчалась успехом. Вскоре стало очевидно, что конфликт может закончиться только одним способом. Принц обладал значительными военными способностями и восторженной отвагой; он ничуть не потерял своей заслуженной репутации из-за неудачного исхода своей кампании; он померялся силами с великим полководцем того времени и день за днем тщетно вызывал его на смертный бой; но столь же несомненно было и то, что тихая игра герцога велась самым виртуозным образом. Его позиции и лагеря были взяты с безошибочной рассудительностью, его стычки мудро и хладнокровно велись в рамках предписанного контроля, в то время как неизбежный разгром противостоящих сил происходил именно так, как он предвидел, и в пределах, которые он предсказывал. Не менее ярко герцог проявил свой военный гений и в катастрофическом начале 1572 года. Несмотря на то, что он подвергался нападениям со всех сторон, когда почва внезапно поднималась вокруг него, как при землетрясении, он не терял ни твердости, ни проницательности. Конечно, если бы ему так быстро не помогло то другое землетрясение, которое в День Святого Варфоломея заставило содрогнуться весь христианский мир и разрушило недавнюю структуру протестантской свободы в Нидерландах, это могло бы еще хуже сказаться на его репутации. Теперь, когда Монс был в безопасности, фламандская граница охранялась, Франция оставалась верной, а в Брабанте находилось тридцать тысяч человек под командованием принца Оранского, героические братья вполне могли поверить, что герцог "в их власти". Измена Карла IX "поразила их, как дубиной", как с горечью воскликнул принц. В сложившихся обстоятельствах его вторая кампания была заранее обречена на провал, и Алва легко победил его, вновь применив те хитрости, которые он так хорошо понимал.

Военная слава герцога была неоспорима, когда он прибыл в провинцию, и как на полях сражений, так и в длительных кампаниях он показал, насколько она была заслуженной; и все же он покинул Нидерланды озадаченным человеком. Принц мог быть много раз побежден, но его

нельзя было победить. Когда Алва проник в самое сердце древней батавской земли, он обнаружил, что его превосходят так, как никогда прежде, даже самые могущественные генералы его времени. Более дерзкий, более изобретательный, более отчаянный, чем все военачальники той или любой другой эпохи, дух национальной свободы теперь учил угнетателя, что он непобедим, кроме как путем уничтожения. Тот же урок был прочитан в тех же зарослях нервией Юлию Цезарю, батавами легионам Веспасиана; и теперь более возвышенное и чистое пламя, чем то, которое вдохновляло национальную борьбу против Рима, горело в груди потомков того же народа и придавало им силу, проистекающую из религиозного энтузиазма. Более опытный, более тонкий, более политичный, чем Герман; более преданный, более терпеливый, более великодушный, чем Цивилис, и равный им обоим по доблести и решимости, Вильгельм Оранский был достойным воплощением христианского, национального сопротивления немецкой расы иностранной тирании. Алва вошел в Нидерланды, чтобы поступить с ними как с завоеванными провинциями. Он обнаружил, что завоевание еще предстоит совершить, и покинул страну, так и не завершив его. Несмотря на море крови, голландцы чувствовали, что приближаются к земле обетованной. За семимесячную осаду Гарлема погибло больше королевских солдат, чем повстанцы потеряли при поражении при Еммингене и в знаменитой кампании при Брабанте. В Алкмаре накатывающие волны дерзкого завоевания были остановлены, и затем прилив пошел на убыль навсегда.

Опытный солдат безнадежно боролся с дикой и страстной ненавистью, которую вызывала его тирания. Ни его легионы, ни его совершенная стратегия не помогли ему против совершенно отчаявшегося народа. Таким образом, как военачальник, он, в целом, не снискал никаких дополнительных лавров за время своего длительного правления Нидерландами. Из всех других качеств, которые можно ожидать от человека, назначенного иметь дело со свободной страной в состоянии зарождающегося восстания, он проявил недостаток сигнала. Как финансист, он демонстрировал поразительное невежество в отношении основных принципов политической экономии. Никто прежде серьезно не предлагал конфискацию в качестве постоянного источника дохода государства; однако ежегодный доход от конфискованного имущества убитых еретиков регулярно использовался во время его правления для пополнения королевской казны и поддержки истребительной войны против подданных короля. Государственный деятель никогда прежде не ожидал огромных доходов от торговли страны, преданной почти всеобщей резне. Во время ежедневного уничтожения жизней людей он считал возможным ежедневное уничтожение их промышленности. Его преследования охватили страну тех трудолюбивых классов, которые сделали ее богатым и процветающим государством, каким она была совсем недавно; и в то же время он нашел "перуанскую жилу", как он утверждал, взимая десятую часть пенни с каждой из ее коммерческих операций. Он думал, что народ, столь искалеченный действиями Совета Крови, мог бы платить десять процентов не ежегодно, а ежедневно; не от своего дохода, а от своего капитала; не один раз, а каждый раз, когда ценность, составляющая капитал, переходила из рук в руки. Он хвастался, что не потребует никаких средств от Испании, а, напротив, будет ежегодно переводить их в королевскую казну на родине из доходов от своих налогов и конфискаций; однако, несмотря на эти ресурсы и на двадцать пять миллионов золотых, присланных Филиппом за пять лет из Мадрида, казна провинций была пуста и обанкротилась, когда прибыл его преемник. Рекесенс не нашел ни пенни в государственной казне, ни средств для его получения.

Как администратор гражданских и судебных дел страны, Алва сразу же довел ее институты до ужасающей простоты. На место древних законов, которыми так гордились голландцы, он

заменил Совет Крови. Этот трибунал был еще более произвольным, чем инквизиция. Никогда еще не был изобретен более простой аппарат для тирании, чем эта великая машина для экономии труда. Никогда еще не совершалось такого большого количества убийств и грабежей с такой быстротой и регулярностью. Приговоры, казни и конфискации в невероятной степени приводились в исполнение ежедневно с ужасающей точностью. Ответственность за это изобретение несет только Алва. Трибунал и его советники были делом его рук и созданиями, и они верно выполняли темную цель своего существования. В оправдание преступлений губернатора также нельзя утверждать, что он был всего лишь слепым и фанатично преданным рабом своего государя. Благородная натура не могла бы запятнать себя такой работой на бойне, но могла бы попытаться смягчить королевскую политику, не отказываясь от верности. Натура, менее жесткая, чем железо, по крайней мере, проявила бы раскаяние, обнаружив себя превращенной в бесплотное орудие резни. Однако более решительный, чем его хозяин, он, казалось, своей оперативностью осудил медлительный гений Филиппа. Временами казалось, что король медлит над своей работой, дразня свою жажду мести, прежде чем она должна быть удовлетворена: Алва, стремительный и жестокий, презирал такое эпикурейство. Гигантскими шагами он шагал по надменным статутам и народным конституциям, сокрушая как магнатов, претендовавших на скамью монархов в качестве присяжных, так и низменных ремесленников, которые могли апеллировать только к законам своей страны. От помпезных театральных эшафотов Эгмонта и Хорна до девятнадцати подвесок, приготовленных мастером Карлом, чтобы повесить главных пекарей и пивоваров Брюсселя на их собственных порогах, от обезглавливания двадцати дворян на Конном рынке в начале губернаторской карьеры до поджаривания заживо в Уитенхув в конце, от плахи, на которую упала почтенная голова Энтони Страалена, до темного стула, на котором пожилая дворянка Амстердама приняла смерть за акт заместительного милосердия, — от годовичного тюремного заключения. от конца к концу - от самых знаковых до самых убогих сцен жертвоприношения, глаз и рука великого мастера без усталости руководили выполнением задачи, возложенной сувереном.

Без сомнения, работа по почти неизбирательной резне была должным образом спланирована. Не часто в истории случалось, чтобы губернатор приезжал управлять делами провинции, где все население, насчитывающее три миллиона человек, было официально приговорено к смертной казни. Однако со временем он даже превзошел те кровавые инструкции, которые получил. Он отмахнулся от рекомендаций Совета Крови о милосердии; он отговорил монарха от попытки пойти по пути милосердия, к которому по тайным причинам Филипп одно время был склонен прибегнуть. Губернатор, как он заверил короля, напрасно прибегал к мягкости, и теперь он был полон решимости испытать, на что может повлиять небольшая благотворная строгость. Эти слова были написаны сразу после массовых убийств в Гарлеме.

После всего кровопролития в Монсе, Наардене и Мехлине, а также из-за Беспорядков на Совете, ежедневно, в течение шести лет, все еще плача из-под земли, он обременял себя неуместной и глупой нежностью к людям. Он заверил короля, что, когда Алкмар будет взят, он не пощадит "ни одной живой души из всего его населения"; и в качестве своего прощального совета он рекомендовал сжечь дотла все города в Нидерландах, за исключением нескольких, которые могли бы быть постоянно заняты королевскими войсками. В целом, история редко представляла человечеству столь законченную картину совершенной и абсолютной тирании, как в администрации Нидерландов Алвой.

Десятки тысяч жителей этих несчастных провинций, павших жертвами виселицы, меча, кола, живой могилы или пожизненного изгнания, никогда не были подсчитаны; ибо эти статистические данные о варварстве часто стираются из человеческих летописей. Однако известно достаточно, и достаточно было приведено на предыдущих страницах. Ни один способ, которым люди когда-либо причиняли страдания своим собратьям, не был исключен из повседневной практики. Мужчины, женщины и дети, старые и молодые, дворяне и нищие, зажиточные бюргеры, пациенты больниц, сумасшедшие, мертвые тела - всех без разбора заставляли служить пищей для эшафота и костра. Людей пытали, обезглавливали, вешали за шею и за ноги, сжигали на медленном огне, щипали до смерти раскаленными щипцами, ломали на колесовании, морили голодом и сдирали кожу заживо. Их шкуры, содранные с живых тел, были натянуты на барабаны, чтобы бить в них во время марша их собратьев к виселице. Тела многих, умерших естественной смертью, были эксгумированы, а их гниющие останки повешены на виселице под предлогом того, что они умерли, не приняв причастия, но на самом деле для того, чтобы их имущество могло стать законной добычей казны. Давние браки были расторгнуты по приказу правительства, чтобы богатые наследницы могли выходить замуж против своей воли за иностранцев, которых они ненавидели. Женщины и дети были казнены за преступление, заключавшееся в том, что они помогали своим беглым мужьям и родителям копеечкой в их крайней нужде и даже за то, что утешали их письмом в изгнании. Таков был обычный ход дел, управляемых Советом Крови. Дополнительные варварства, совершенные во время разграбления этих пылающих и умирающих от голода городов, почти невероятны; нерожденные младенцы отрывались от живых тел своих матерей; женщины и дети подвергались насилию тысячами; и целые народы сжигались и изрубались на куски солдатами всеми способами, которые только могла изобрести жестокость в ее бессмысленной изобретательности. Такова была администрация, о которой Варгас в конце заявил, что чрезмерное милосердие, "*nimia misericordia*", привело ее к гибели.

Даже Филипп, вдохновленный тайными замыслами, устал от правителя, который в ранний период уже оскорблял его своим высокомерием. В ознаменование своих побед вице-король воздвиг колоссальную статую, но не своему монарху, а самому себе. Чтобы провозгласить королевское помилование, он воссел на золотой трон. Такой дерзкий вид вряд ли мог быть прощен абсолютным Королем. Слишком осторожный, чтобы спровоцировать открытый разрыв, он позволил губернатору, после того как тот выполнил всю свою работу, и даже больше, чем всю свою работу, уйти в отставку без позора, но и без триумфа. За грехи этой администрации хозяин и слуга несут равную ответственность.

Характер герцога Альвы, насколько это касается Нидерландов, кажется почти карикатурным. Как художественное произведение, это могло бы показаться гротескным, но даже тому стойкому историческому скептицизму, который наслаждается переворотом суждений веков и восстановлением репутации, давно обращенной в прах, должно быть, трудно изменить позицию этого человека. Ни одно историческое решение не является окончательным; обращение к более отдаленным потомкам, основанное на более точных свидетельствах, всегда имеет силу; но когда приговор был вынесен на основании неоспоримых фактов и показаний из уст преступника, шансов на отмену приговора мало. Смягчение пороков, которые не только признаются, но и провозглашаются добродетелями, является проявлением философской прямоты.

[Прошло то время, когда можно было сказать, что жестокость Алвы или чудовищность его администрации были преувеличены партийным насилием. Человеческая выдумка неспособна превзойти истину в этом вопросе. Пытаться защищать либо этого человека, либо его меры в наши дни - значит обвинять себя в невежестве или фанатизме, против которых история и аргументы в равной степени бессильны. Публикация писем герцога в "Корреспонденции Симанкаса" и в безансонских газетах, вместе с этой компактной массой ужаса, задолго до появления на свет под названием "Сентентьен ван Алва", в которой из официальных отчетов скопирована только часть смертных приговоров и изгнания, вынесенных им за время его правления, — все это само по себе было бы достаточным оправданием всех обвинений, когда-либо выдвинутых самым ожесточенным современником Голландии или Фландрии. Однако, если исследователь по-прежнему настроен скептически, пусть он изучит "Реестр условий и запретов, являющихся причиной неприятностей при оплате труда" в трех томах вместе с отчетами "Совета по неприятностям" в сорока трех фолиантах в Королевском архиве в Брюсселе. После прочтения всех этих хроник беззакония самый решительный историк, сомневающийся, вероятно, откажется от этого дела.]

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Посоветовал его величеству ежегодно давать взятку лорду Берли
Цепляйтесь за их притворство, как за крючок
Аксиома Лютера о том, что мысли бесплатны
Жизнь поддерживалась только молоком, которое он пил из женской груди
Скептицизм, которому доставляет удовольствие переворачивать суждения веков
Так много ответственности и так мало власти
Иногда мы добиваемся успеха, даже если он основан на искренности
Мы начинаем раздражаться

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, ИЗДАНИЕ PG, ТОМ 22.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДЖОН ЛОТРОП МОТЛИ

1855

АДМИНИСТРАЦИЯ ВЕЛИКОГО КОМАНДОРА

ЧАСТЬ IV. 1573-74 [ГЛАВА I.]

Предыдущая карьера Рекезенса—Страсть Филиппа к деталям—Очевидные и реальные цели правительства—Всеобщее стремление к миру—Переписка ведущих роялистов с Оранским—Банкротство казначейства при отъезде Алвы—Дорогостоящий характер войны—Притворная мягкость со стороны командующего—Его личные взгляды—Бедствие Мондрагона при Мидделбурге—Тяжелое положение Голландии—Секретные переговоры Оранского с Францией—Св. Взгляды Альдегонды в плену—Экспедиция по освобождению Мидделбурга—Контрподготовки Оранского—Поражение экспедиции—Капитуляция Мондрагона—Планы Оранского и его братьев—Армия под командованием графа Людовика пересекает Рейн—Меры, принятые Рекезенсом—Маневры Авилы и Людовика—Две армии столкнулись при Муке—

Битва при Мук-хите—Свержение и смерть графа Людовика—Призрачная битва— Характер Людовика Нассауского—Болезненная неопределенность относительно его судьбы— Характерны периодические мятежи испанских войск—Мятеж после битвы из Мука—Антверпен атакован и оккупирован—Дерзкое и деспотичное поведение мятежников—Предложения Реквезенса отклонены—Мятеж в цитадели—Подвиги Сальватьерры—Условия составления— Солдатский праздник по случаю простой—Успешной экспедиции адмирала Буазо

Ужасы правления Алвы заставили людей с нежностью вспоминать о более мягкой и колеблющейся тирании герцогини Маргарет. По той же причине приход Великого Командующего был встречен с радостью и мимолетным проблеском надежды. В любом случае, было облегчением, что человек, в котором, казалось, воплощалось почти невозможное совершенство жестокости, наконец-то был отозван. Было ясно, что его преемник, каким бы честолюбивым ни было стремление пойти по стопам Алвы, никогда не сможет соперничать с силой и непоколебимой прямоотой цели, которые были позволены природе герцога достичь. Новый генерал-губернатор, несомненно, был человеком, и голландцы уже давно не представляли себе ничего общего между собой и покойным вице-королем.

Однако, помимо этой надежды, мало что обнадеживало в том, что было положительно известно о новом функционере или политике, которую он должен был представлять. Дон Луис де Рекесенс и Кунига, великий командующий Кастилией и покойный губернатор Милана, был человеком посредственных способностей, обладавшим репутацией умеренного человека и мудреца, которых он вряд ли заслуживал. Его военная доблесть проявилась главным образом в кровавой и бесплодной битве при Лепанто, где его поведение и советы, как предполагалось, в какой-то мере способствовали победному результату. Его руководство в "Милане" характеризовалось как твердое и умеренное. Тем не менее, к его персонажу в Нидерландах относились отнюдь не благосклонно. Люди рассказывали друг другу о его подорванной вере маврам в Гранаде и о его непопулярности в Милане, где, несмотря на его хваленую умеренность, на самом деле он так угнетал народ, что вызвал его смертельную ненависть. Они также жаловались, что было оскорблением посылать в качестве генерал-губернатора провинций не принца крови, как это было раньше, а простого "джентльмена в плаще и шпаге".

Однако любой человек, представлявший королевскую власть в провинциях, находился в исторически невыгодном положении. Он был буквально не более чем актером, даже вряд ли таковым. Политикой и гордостью Филиппа было руководить всеми механизмами своей обширной империи и самому дергать за каждую ниточку. Его куклы, как бы великолепно они ни были одеты, двигались только повинаясь его импульсу и произносили только его голос. На столе в его кабинете были разложены все дела из его различных сфер деятельности, вплоть до мельчайших подробностей.

Планы, мелкие или масштабные, затрагивающие интересы империй и эпох или ограниченные узкими рамками тривиальных и мимолетных деталей, отягощали его память и отнимали время. Его стремлению выполнять всю работу в своих королевствах способствовала непостижимая жадность к труду. Он любил рутину бизнеса, как некоторые монархи любили войну, а другие - удовольствия. Цель этого честолюбия, одинаково ничтожная и невозможная, свидетельствовала об ограниченности ума. Его поместья рассматривались им как частная собственность; меры, затрагивающие временные и вечные интересы миллионов, рассматривались как внутренние дела, и око хозяина считалось единственным, кто мог

должным образом присматривать за этими поместьями и этими интересами. В этой непомерной страсти к управлению проявлялась большая неспособность управлять. Его ум, постоянно утомляемый мелочными трудами, никогда не был способен обзирать свои обширные владения с высоты величия.

В Алве, конечно, он использовал неоспоримую реальность; но Алва, по счастливому совпадению характеров, казался его вторым "я". Однако теперь он ушел, и хотя королевская цель не изменилась, изменились королевские обстоятельства. Настал момент, когда, как считалось, можно было бы снова эффектно надеть маску и котурн; когда серьезный и общепринятый персонаж мог бы благопристойно появиться, чтобы исполнить интерлюдия милосердия и умеренности с удовлетворительными результатами. Соответственно, Великому Полководцу, о котором ходили слухи об амнистии, было поручено возглавить правительство, которое Алве было разрешено отправить в отставку.

Было усиленно распространено сообщение о том, что предполагается изменение политики. Более оптимистично настроенные люди даже предполагали, что герцог с позором ушел в отставку. По возвращении король проявил к нему демонстративную холодность, в то время как Варгасу, сопровождавшему губернатора, было категорически запрещено появляться ближе чем в пяти лигах от двора. Более проникательные, однако, усматривали в этом явном неудовольствии много наигранности. Сен-Гоар, проникательный наблюдатель за настроениями и мерами Филиппа, написал своему государю, что он внимательно наблюдал за выражениями лиц как Филиппа, так и Алвы; что он как можно тщательнее ознакомился с намеченным курсом политики; что он пришел к выводу, что королевское огорчение было всего лишь притворством, направленным на то, чтобы склонить нидерландцев к мыслям о невозможном мире, и что он считает настоящее всего лишь передышкой, в течение которой можно было бы еще активнее готовиться к подавлению восстания. Теперь всему миру было очевидно, что восстание достигло стадии, на которой оно могло быть прекращено только абсолютным завоеванием или уступкой.

Покорить население провинций, кроме как путем истребления, казалось трудным — если судить по семи годам казней, осад и кампаний, которые к настоящему времени прошли без определенного результата. Поэтому было сочтено целесообразным прибегнуть к уступкам. Соответственно, новый губернатор, на случай, если голландцы откажутся от всех целей, за которые они так героически боролись, был уполномочен помиловать их. Однако ему было прямо предписано не принимать никаких примирительных мер, в которых абсолютное превосходство короля и полный запрет любых форм богослужения, кроме римско-католического, не принимались бы за основу. Теперь, когда люди боролись по меньшей мере десять лет за конституционные права против прерогатив и по меньшей мере семь за свободу совести против папизма, было легко предсказать, какой эффект могут произвести любые начатые таким образом переговоры.

И все же, без сомнения, в Нидерландах существовало самое искреннее стремление к миру. Католическая часть населения желала примирения со своими собратьями по новой религии. Всеобщая месть, обрушившаяся на ересь, поразила не только еретиков. Трудно было найти очаг, протестантский или католический, который не был бы опустошен казнью, изгнанием или конфискацией. Простые люди и знатные сеньоры одинаково устали от войны. Не только Эршо и Виль, но и Нуаркарм и Берлаймон желали, чтобы мир был наконец заключен на либеральных условиях и принц Оранский был полностью и безоговорочно помилован. Даже испанские

военачальники почувствовали отвращение к монотонной бойне, запятнавшей их мечи. Джулиан Ромеро, свирепый и беспринципный солдат, на чьей голове лежала вина за резню в Наардене, направил Вильгельму Оранскому несколько писем, полных учтивости и добрых пожеланий скорейшего окончания войны и полного примирения принца со своим сувереном. Нуаркарм также вступил в переписку с великим лидером восстания и предложил сделать все, что в его силах, для восстановления мира и процветания в стране. Принц ответил на любезность испанца такой же, но бесплодной вежливостью, поскольку было очевидно, что из таких неофициальных переговоров нельзя было добиться определенного результата. Нуаркарму он ответил мягким, но серьезным упреком, выразив глубокое сожаление по поводу того, что нидерландский дворянин такого высокого положения, со столькими другими людьми высокого ранга и авторитета, так долго поддерживал короля в его тирании. Он, однако, выразил свое удовлетворение тем, что их глаза, пусть и с опозданием, открылись на чудовищное беззаконие, творившееся в стране, и он принял предложения дружбы так же откровенно, как они были сделаны. Вскоре после этого принц предоставил своему корреспонденту доказательство своей искренности, переслав ему два перехваченных письма от определенных агентов правительства к Алве, в которых о нуарнармах и других лицах, которые так долго поддерживали короля против своей собственной страны, говорилось с угрозой и недоверием. Соответственно, принц предупредил своего нового корреспондента, что, несмотря на все доказательства бескомпромиссной лояльности, которые он продемонстрировал, он все еще движется по темному и скользкому пути и может, подобно Эгмонту и Хорну, оказаться на эшафоте - в качестве конца и награды своей карьеры. Столь глубокой была та бездна лицемерия, которая составляла королевскую политику по отношению к Нидерландам, что самые беспринципные сторонники правительства могли видеть только сомнение и опасность в отношении своей будущей судьбы, и иногда их спасала только своевременная смерть от позора и рук палача.

Таковы были настроения многих выдающихся личностей, даже среди самых преданных лоялистов. Все жаждали мира; многие даже определенно ожидали его с прибытием Великого Полководца. Более того, при первом же взгляде на беспорядочное состояние казначейства этот чиновник обнаружил, что желательна хотя бы короткая передышка, прежде чем приступить к нескончаемым мерам противодействия восстанию. Если бы какой-нибудь человек когда-либо был склонен приписывать Альве административные способности, такое заблуждение должно было бы развеяться при виде замешательства и банкротства, которые представились после прекращения его правления. Он решительно отказался предоставить своему преемнику какую бы то ни было информацию о своем финансовом положении. Далекий от того, чтобы представить подробное заявление, какого, естественно, можно было ожидать в столь знаменательном случае, он сообщил Великому командующему, что даже о наброске не может быть и речи и потребует больше времени и труда, чем он мог себе тогда позволить. Соответственно, он удалился, оставив Рекезенса в глубоком неведении относительно своих прошлых отчетов; неведении, которое, вероятно, в полной мере разделял и сам герцог. Его враги упорно утверждали, что, как бы небрежно ни велись его счета, он был очень осторожен, чтобы не допустить ошибок против самого себя, и что он ушел в отставку с богатством, если не с честью, после своего долгого и ужасного правления. Его собственные письма, напротив, обвиняли короля в неблагодарности, в том, что он позволил старому солдату погубить себя не только в здоровье, но и в богатстве из-за отсутствия должного вознаграждения во время тяжелого правления. Во всяком случае, совершенно очевидно, что восстание уже дорого обошлось короне. Армия в Нидерландах насчитывала более шестидесяти двух тысяч человек,

восемь тысяч из которых были испанцами, остальные - валлонами и немцами. Сорок миллионов долларов уже были потоплены, и казалось вероятным, что для поддержания войны потребуется почти вся годовая добыча американских рудников. Трансатлантическое золото и серебро, извлеченные из глубин, где они были погребены веками, использовались не для расширения потока здоровой, животворящей торговли, а для того, чтобы быть переплавленными в кровь. Пот и пытки языческих подданных короля в первобытных лесах Нового Света стали вспомогательными факторами в истреблении его нидерландского народа и уничтожении древней цивилизации. С этой ли целью Колумб открыл полушарие Кастилии и Арагона, а новая Индия открыла свои скрытые сокровища?

Было потрачено сорок миллионов дукатов. Шесть с половиной миллионов задолженностей были связаны с армией, в то время как ее текущие расходы составляли шестьсот тысяч долларов в месяц. Соответственно, только военные расходы Нидерландов составляли более семи миллионов долларов в год, а на рудниках Нового Света за полвека правления Филиппа добывалось в среднем всего одиннадцать. Против этого постоянно растущего дефицита в казне не было ни гроша, ни средств для его накопления. Десятый пенни уже давно практически исчез, и вскоре его должны были официально отменить. Конфискация перестала приносить постоянный доход, и поместья упрямо отказывались выдавать хоть доллар. Таково было состояние, до которого довели страну безжалостная тирания и финансовые эксперименты Алвы.

Поэтому Рекесенсу было очевидно, что в данный момент было бы полезно питать надежды на прощение и примирение. Он увидел то, чего поначалу не понимал и чего мало кто из фанатичных сторонников абсолютизма в любую эпоху когда-либо понимал, что национальный энтузиазм, будучи глубоким и всеобщим, делает восстание более дорогим для деспота, чем для повстанцев. "До моего прибытия, - писал великий командующий своему государю, - я не понимал, как мятежники могли содержать такой значительный флот, в то время как ваше Величество не могло содержать ни одного. Однако, похоже, что люди, которые борются за свою жизнь, свои очаги, свою собственность и свою ложную религию, короче говоря, за свое собственное дело, довольствуются только пайком, не получая жалованья". Мораль, которую новый губернатор извлек из своего правильного диагноза царящего беспорядка, заключалась не в том, что этот национальный энтузиазм следует уважать, а в том, что его следует обмануть. Однако он не обманул никого, кроме самого себя. Он осудил Нуаркармеса и Ромеро за их вмешательство, но выразил надежду на всеобщее умиротворение. Он отверг идею какого-либо примирения между королем и принцем Оранским, но в то же время предложил урегулировать восстание. Он еще не понял, что восстание и Вильгельм Оранский были единым целым. Хотя сам принц неоднократно предлагал навсегда покинуть страну, если его отсутствие ускорит урегулирование, удовлетворяющее провинции, в Нидерландах не было патриота, который мог бы без отчаяния смотреть на его отъезд. Более того, все они знали лучше, чем Рекезенс, неизбежный результат мирных мер, которые ежедневно предвещались.

Назначение Великого командующего на самом деле было отчаянной попыткой обмануть нидерландцев. Он ясно и сердечно одобрил политику Алвы, но написал королю, что было бы желательно развлечь народ идеей другого, более мягкого плана. Он притворялся, что верит, и, возможно, действительно верил, что нация смирится с разрушением всех своих институтов, при условии, что раскаявшимся еретикам будет позволено примириться с Матерью-Церковью, а упрямым - отправиться в вечное изгнание, забрав с собой небольшую часть своих мирских благ.

За то, что он был готов пойти на эту последнюю и почти невероятную уступку, он искренне просил прощения у короля. Если его и следовало осудить, то, по его мнению, не следовало слишком строго осуждать, поскольку его лояльность была известна. Весь мир знал, как часто он рисковал своей жизнью ради его Величества, и с какой радостью и сколько еще раз он был готов рисковать этим в будущем. По его мнению, религия, в конце концов, имела очень мало общего с этими проблемами, и поэтому он конфиденциально сообщил об этом своему государю. Эгмонт и Хорн умерли католиками, народ не поднялся, чтобы помочь вторжению принца в 1568 году, и новая религия была всего лишь рычагом, с помощью которого несколько искусных демагогов попытались свергнуть власть короля.

Подобные взгляды свидетельствовали о способностях нового губернатора. Народ действительно отказался восстать в 1568 году не потому, что у него не было симпатий к Оранжевым, а потому что они были парализованы страхом перед Альвой. Однако с тех пор новая религия повсюду росла и множилась в крови, которая пролилась на нее дождем. Теперь в Голландии и Зеландии было трудно найти католика, который не был бы правительственным агентом. Принц был умеренным католиком в первые дни восстания, в то время как он выступил как поборник свободы для всех форм христианства. Теперь он стал новообращенным в новую религию, ни на дюйм не отступив от своей позиции в пользу всеобщей терпимости. Таким образом, новая религия не была инструментом, изобретенным какой-то фракцией, а проникла в атмосферу повседневной жизни людей. Отдельных людей могли казнить за то, что они утверждали, что дышат им, но оно само по себе было неосязуемо для атак деспотизма. И все же Великий командующий убедил себя, что религия не имеет ничего общего с государством Нидерландов. Ничего больше не было нужно, думал он; или делал вид, что думает, для восстановления спокойствия, чем еще раз раскинуть сеть всеобщей амнистии.

Герцог Алва знал лучше. Этот чиновник, с которым Рекезенсу было приказано посовещаться перед его отъездом из провинции, ясно высказал свое мнение, что нет смысла говорить о помиловании. Жестоко, но откровенно он утверждал, что ничего не остается, как продолжать процесс истребления. По его словам, было необходимо низвести страну до мертвого уровня невосприимчивой нищеты, прежде чем акт забвения мог быть надежно положен в основу нового и постоянного общественного порядка. Он уже дал свой совет его величеству, что все города в стране должны быть сожжены дотла, за исключением тех, которые могут быть постоянно заняты королевскими войсками. Король, однако, в своем обращении о помиловании при назначении новой администрации дал указание главнокомандующему не прибегать к этой мере, если только это не станет строго необходимым. — Таковы были противоположные мнения старого и нового губернаторов относительно помилования. Ученый Виглий встал на сторону Альвы, хотя и явно против его воли. "И герцог, и я придерживаемся того же мнения, - писал командующий, - что Виль не осмеливается высказать свое истинное мнение и что он втайне желает соглашения с мятежниками". Проявляя большую непоследовательность, губернатор был обижен не только на тех, кто выступал против его планов, но и на тех, кто их одобрял. Он был зол на Виль, который, по крайней мере номинально, не одобрял помилование, и на Нуаркарма, Эршота и других, которые проявляли желание к умиротворению. Из главной характеристики, приписываемой народу Юлием Цезарем, а именно, что он не забывал ни милостей, ни обид, сохранилась, по мнению Великого Полководца, только вторая половина. Они не только никогда не забывали травм, но и память у них, по его словам, была настолько хорошей, что они помнили многие из тех, которых никогда не получали.

Однако в целом, находясь в затруднительном положении и ожидая дальнейших поставок, командующий втайне был склонен испытать эффект помилования. Цель состояла в том, чтобы обмануть народ и выиграть время, ибо не было никакого намерения признавать свободу совести, выводить иностранные войска или созывать генеральные штаты. Однако было невозможно немедленно применить эти лицемерные меры примирения. Война была в самом разгаре, и ее не удалось остановить даже в тот зимний сезон. Патриоты держали Мондрагона в плотной осаде в Мидделбурге, последнем пункте на острове Вальхерен, который удерживал короля. В этом городе были заперты значительные сокровища в виде денег и товаров; и, более того, такой достойный и выдающийся офицер, как Мондрагон, не мог быть брошен на произвол судьбы. В то же время голод сильно давил на него, и к концу года у гарнизона и горожан не осталось ничего, кроме крыс, мышей, собак, кошек и других отвратительных заменителей пищи, с помощью которых можно было поддерживать жизнь. Необходимо было немедленно принять меры, чтобы освободить это место.

С другой стороны, положение патриотов было не очень обнадеживающим. Их превосходство на море было неоспоримо, ибо голландцы и зеландцы были лучшими моряками в мире, и они требовали от своей страны не платы за свою кровь, а благодарности. Сухопутные войска, однако, обычно были наемниками, которые были склонны к мятежу в начале боевых действий, если, как это слишком часто случалось, им не могли выплатить жалованье. Голландия была полностью разрезана надвое потерей Гарлема и Лейденской лиги, сообщение между разделенными частями было невозможно, разве что с трудом и опасностью. Сословия, хотя они многое сделали для этого дела и были готовы сделать гораздо больше, были слишком склонны спорить по экономическим вопросам. Они раздражали принца Оранского, торгуясь по поводу субсидий до такой степени, что его гордая и щедрая натура с трудом могла смириться. Он возлагал большие надежды на Францию. Людовик Нассауский провел секретные беседы с герцогом Алансонским и герцогом Анжуйским, ныне королем Польши, в Бламоне. Алансон тайно, с любовью и теплотой заверил его, что будет таким же искренним другом делу, как и два его брата королевской крови. Граф даже получил на руки сто тысяч ливров в качестве залога благоприятных намерений Франции и теперь был усердно занят, по просьбе принца, набором армии в Германии для освобождения Лейдена и остальной Голландии, в то время как Вильгельм, со своей стороны, ничего не упускал, будь то через представительства в поместьях или тайные иностранные миссии и переписку, для продвижения дела страдающей страны.

В то же время принц опасался последствий обещанного помилования. У него были причины не доверять общему настроению нации, когда такой человек, как святой Альдегонд, просвещенный патриот и его собственный испытанный друг, был вынужден из-за обескураживающего и опасного положения, в котором он оказался, отказаться от возвышенности, на которой они оба так долго и прочно стояли: святой Альдегонд находился в строгом заключении с момента своего пленения в Маэсландслуисе, в конце правления Алвы.— Это, без сомнения, было затруднительное положение, сопровождавшееся сильными страданиями и реальной опасностью. До сих пор единой политикой правительства было убивать всех заключенных, независимо от ранга. Соответственно, некоторые были утоплены, некоторые повешены, некоторые обезглавлены, некоторые отравлены в своих темницах - все были убиты. Таков был курс Алвы. Великий командующий также высоко оценил эту систему, но захват патриотами графа Боссю потребовал приостановления такой строгости. Было ясно, что

голова Боссю упадет так же быстро, как голова Святой Альдегонды, поскольку принц недвусмысленно предупредил правительство об этом неизбежном результате. Однако, несмотря на эту уверенность в своем возможном возвращении на свободу, нидерландский повстанец в испанской тюрьме вряд ли мог чувствовать себя в своей тарелке. В пещере было так много следов ног, и ни один из них не выходил наружу. И все же не было ничего странного в том, что принц с сожалением прочитал о несколько неискренней казуистике, с помощью которой святой Альдегонд пытался убедить себя и своих соотечественников в желательности примирения с монархом, даже на недостойных условиях. Он был несколько шокирован тем, что столь доблестный и красноречивый сторонник Реформации хладнокровно высказал свое мнение о том, что король, вероятно, откажет нидерландцам в свободе совести, но, без сомнения, позволит отправить еретиков в изгнание. "Возможно, после того, как мы отправимся в изгнание, - добавила святая Альдегунда почти с подлостью, - Бог даст нам возможность оказать такую добрую услугу королю, что он отнесется к нам более благосклонно и, может быть, разрешит нам вернуться в страну".

Конечно, такой язык не подходил перу, написавшему знаменитый Компромисс. Однако самого принца даже плен и увещевания столь ценного друга не могли заставить свернуть с пути исполнения долга. Он по-прежнему публично и в частном порядке утверждал, что вывод иностранных войск из провинций, восстановление старых конституционных привилегий и полная свобода совести в религиозных вопросах являются неперенными условиями любого умиротворения. Ему было ясно, что испанцы не готовы выполнить эти условия, но он был уверен, что добьется освобождения Святой Альдегонды, не соглашаясь на позорный мир.

Самым неотложным делом по прибытии Великого Полководца, очевидно, было освобождение города Мидделбург. Мондрагон, после столь стойкой обороны, вскоре был бы вынужден капитулировать, если бы он незамедлительно не получил припасы. Рекезенс, соответственно, собрал семьдесят пять кораблей в Берген-оп-Зом, которые номинально находились под командованием адмирала де Глимса, но на самом деле под командованием Джулиана Ромеро. Другой флот из тридцати судов был собран в Антверпене под командованием Санчо д'Авилы. Обоим, обильно нагруженным провизией, было суждено добраться до Мидделбурга двумя разными переправами - Хондо и Восточным Шельдом. С другой стороны, "Принц Оранский" отправился во Флашинг, чтобы руководить операциями адмирала Буазо, который уже, повинаясь его приказам, привел в готовность там мощную эскадру. В конце января 1574 года д'Авила прибыл в окрестности Флашинга, где ожидал прибытия флота Ромеро. Объединившись, два командира должны были предпринять решительную попытку укрепить голодающий город Мидделбург. В то же время губернатор Рекезенс лично прибыл в Берген-оп-Зом, чтобы ускорить отправку более сильного флота, но в намерения принца Оранского не входило позволять этой экспедиции спасать город. Испанским генералам, какими бы доблестными они ни были, предстояло узнать, что их гений не был присущ амфибиям и что морские попрошайки все еще были непобедимы в своей стихии, даже если их сухопутные собратья иногда отступали.

Флот адмирала Буазо уже продвинулся вверх по Шельду и занял позицию почти напротив Берген-оп-Зома. 20 января принц Оранский, прибывший из Зиерик-Зи, приехал нанести им визит перед предстоящей акцией. Его галера, бросающаяся в глаза своим элегантным убранством, некоторое время подвергалась обстрелу артиллерии форта, но, по счастливой случайности, осталась невредимой. Он собрал всех офицеров своей армады и кратким, но красноречивым языком напомнил им, насколько необходимо для спасения всей страны, чтобы

они не допустили, чтобы город Мидделбург — ключ ко всей Зеландии, который уже вот—вот попадет в руки патриотов, — был вырван у них из рук. На море, по крайней мере, голландцы и зеландцы чувствовали себя как дома. Офицеры и матросы единодушно оглашают воздух радостными криками. Они поклялись, что прольют каждую каплю крови в своих жилах, но будут поддерживать принца и страну; и они торжественно поклялись не только служить, если необходимо, безвозмездно, но и пожертвовать всем, что у них есть в мире, вместо того, чтобы отказаться от дела своего отечества. Своим присутствием и речью принц довел их доблесть до такого высокого уровня энтузиазма, что отбыл в Делфт, чтобы принять меры к снятию испанцев с осады Лейдена.

29 января флот Ромеро вышел из Бергена, разделенный на три дивизиона, каждый из которых насчитывал двадцать пять судов разного размера. Когда Великий Командующий стоял на дамбе Шакерлоо, наблюдая за отплытием, флот произвел общий салют в его честь, но с самым печальным предзнаменованием. В результате выброса, по какой-то случайности, загорелись склады одного из кораблей, который взорвался со страшным взрывом, погибла каждая душа на борту. Экспедиция, тем не менее, продолжила свой путь. Напротив Ромерсваэля их ожидал флот Буазо, выстроенный в боевой порядок. Как свидетельство духа, одушевлявшего эту выносливую расу, можно упомянуть, что Шот, капитан флагманского корабля, был оставлен на берегу умирать от чумной лихорадки. Адмирал Буазо назначил на его место смывщика Клаафа Клаафзуна. Однако незадолго до начала боя Шот, "едва способный выпустить перышко изо рта", поднялся на борт своего корабля и потребовал командования.

Никто не оспаривал прецедент, ради подтверждения которого он поднялся со смертного одра. Однако по мере приближения вражеского флота между этими соперничающими капитанами завязалась короткая дискуссия о том, как следует встречать испанцев. Клаафзун придерживался мнения, что большинству людей следует спуститься вниз до окончания первого выстрела противника. Шот настаивал, чтобы все оставались на палубе, готовые вступить в схватку с испанским флотом и без малейшего промедления взять его на абордаж.

Настроение Шота возобладало, и вся команда стояла на палубе, держа наготове абордажные пики и абордажные захваты.

Первая дивизия Ромеро подошла ближе и дала первый бортовой залп, когда Шот и Клаафзун оба были смертельно ранены. Адмирал Буазо потерял глаз, а многие офицеры и матросы на других кораблях были убиты или ранены. Однако это была первая и последняя канонада. Столько судов Ромеро, сколько удалось захватить в узком устье, оказались в тесных объятиях своих врагов. Завязалась кровопролитная рукопашная схватка. Оружием были боевой топор, абордажная пика, пистолет и кинжал. Каждый человек, сдавшийся в плен, был немедленно заколот и выброшен в море безжалостными зеландцами. Сражаясь только для того, чтобы убивать, а не грабить, они даже не остановились, чтобы снять золотые цепи, которые многие испанцы носили на своих шеях. Однако с самого начала было очевидно, что испанскому флоту вряд ли удастся одержать ту победу над "патриотами", которая была необходима, прежде чем они смогут освободить Мидделбург. Сражение продолжалось еще немного, но после того, как было захвачено пятнадцать кораблей и убито тысяча двести роялистов, остальная часть вражеского флота отступила в Берген. Сам Ромеро, чей корабль сел на мель, выпрыгнул из иллюминатора и поплыл к берегу, за ним последовали те из его людей, кто был способен подражать ему. Он приземлился у самых ног Великого Командующего, который, промокший и

замерзший, весь день простоял на дамбе Шакерлоо под проливным дождем только для того, чтобы наконец стать свидетелем полного разгрома его армады.

"Я сказал вашему превосходительству, - хладнокровно сказал Ромеро, выбираясь, весь мокрый, на берег, - что я сухопутный боец, а не моряк. Если бы вы дали мне командование сотней флотов, я полагаю, что ни один из них не преуспел бы лучше, чем этот. Губернатор и его сбитый с толку, но настроенный философски лейтенант вернулись в Берген, а оттуда в Брюссель, признав, что город Мидделбург должен пасть, в то время как Санчо д'Авила, услышав о бедствии, постигшем его соотечественников, с величайшей быстротой привел свой флот обратно в Антверпен. Таким образом, доблестный Мондрагон был брошен на произвол судьбы.

Эта участь больше не могла затягиваться. Город Мидделбург достиг и миновал черту голода. Тем не менее Мондрагон был полон решимости не уступать по своему усмотрению, хотя и был очень готов капитулировать. Принц Оранский после победы при Бергене желал безоговорочной капитуляции, считая это своим правом и зная, что его нельзя считать способным осуществить над Мидделбургом месть, которая была совершена над Наарденом, Зютфеном и Гарлемом. Мондрагон, однако, поклялся, что скорее подожжет город в двадцати местах и погибнет вместе со всеми солдатами и горожанами в огне, чем сдастся на милость врага. Принц знал, что храбрый испанец вполне способен привести в исполнение свою угрозу. Он выдвинул почетные условия, которые 18 февраля были изложены в пяти статьях и подписаны. Было решено, что Мондрагон и его войска должны покинуть это место со своим оружием, амуницией и всем своим личным имуществом. Оставшиеся граждане должны были принести присягу на верность принцу как штатгальтеру его Величества и, кроме того, выплатить субсидию в размере трехсот тысяч флоринов. Мондрагон должен был, кроме того, добиться освобождения Святой Альдегонды и четырех других высокопоставленных военнопленных или, потерпев неудачу в этой попытке, вернуться в течение двух месяцев и объявить себя военнопленным. Католические священники не должны были забирать из города ничего из своего имущества, кроме одежды. В соответствии с этой капитуляцией Мондрагон и те, кто пожелал сопровождать его, покинули город 21 февраля и были доставлены на фламандский берег в Неузе. В дальнейшем будет видно, что губернатор не предоставил ему освобождения пяти заключенных и не разрешил вернуться в соответствии с его условно-досрочным освобождением. Несколько дней спустя принц вошел в город, реорганизовал магистратуру, заручился поддержкой жителей, восстановил древнюю конституцию и щедро перечислил две трети суммы, на которую они были рассчитаны.

Таким образом, испанцы были успешно изгнаны с острова Вальхерен, оставив голландцев и зеландцев хозяевами морского побережья. Однако с тех пор, как была снята осада Алкмара, враг оставался на территории Голландии. Лейден был плотно обложен, страна находилась в отчаянном положении, и всякое сообщение между различными городами было практически приостановлено. Принцу Оранскому было сравнительно легко снарядить свой флот и укомплектовать его людьми. Гений и привычки народа сделали его как дома на воде и внушили ему чувство превосходства над своими противниками. На суше все было не так. Голландцы, сильные в сопротивлении, терпеливые в страданиях, хотя и были ужасны в обороне, не обладали необходимой дисциплиной или опытом, чтобы уверенно встретить испанские легионы-ветераны в открытом поле. Чтобы снять осаду Лейдена, принц в основном полагался на графа Людовика, который снова был в Германии. В последние дни правления Алвы Уильям написал своим братьям, призывая их как можно скорее согласовать детали кампании, набросок

которой он переслал им. Как только в Германии будут собраны достаточные силы, должна была быть предпринята попытка штурма Мейстрихта. Если это не удастся, Людовик должен был пересечь Маас в окрестностях Стохема, направиться к родному городу принца Гертруденбергу и оттуда соединиться со своим братом в окрестностях Делфта. Затем они должны были вместе занять позицию между Гарлемом и Лейденом. В этом случае казалось вероятным, что испанцы окажутся вынуждены сражаться в крайне невыгодных условиях или покинуть страну. "Короче говоря, - сказал принц, - если это предприятие будет организовано с должным усердием и осмотрительностью, я считаю его единственным надежным средством для скорейшего прекращения войны и изгнания этих дьявольских испанцев из страны, прежде чем герцог Альва успеет собрать другую армию для их поддержки".

Во исполнение этого плана Людовик всю первую половину зимы был активно занят набором войск и сбором припасов. Французские принцы оказали ему помощь значительными суммами денег в качестве гарантии того, чего он мог ожидать от этого источника в будущем. Он предпринял безуспешную попытку осуществить захват Рекезенса, направляясь к власти в Нидерландах. Затем он перешел границу Франции, где у него состоялась важная беседа с Екатериной Медичи и герцогом Анжуйским, а затем он был в пункте отправления, чтобы взойти на трон Польши. Он получил щедрые подарки и еще более щедрые обещания. Анжу заверил его, что он зайдет так же далеко, как любой из немецких князей, в оказании активной и искренней помощи протестантскому делу в Нидерландах. Герцог Алансонский, которому вскоре, в отсутствие брата, предстояло стать главой нового союза между "политиками" и гугенотами, также пожал ему руку, прошептав при этом на ухо, что правительство Франции теперь принадлежит ему, как недавно Анжу, и что принц может рассчитывать на его дружбу в полной безопасности.

Этим прекрасным словам, которые ничего не стоили, когда их произносили тайным шепотом, не суждено было собрать очень богатый урожай, ибо взаимная зависть Франции и Англии к тому, чтобы ни одна из них не приобрела господства в Нидерландах, сделала оба правительства расточительными на обещания, в то время как общий страх, который они испытывали перед могуществом Испании, сделал обоих вялых, неискренних и коварных союзников. Граф Иоанн, однако, был неутомим в организации финансирования предполагаемой экспедиции и в сборе контрибуций среди своих многочисленных родственников и союзников в Германии, в то время как Людовик воспользовался переходом Анжу в Польшу, чтобы приобрести для себя две тысячи немецких и французских кавалеристов, которые сопровождали этого принца и которые, будучи теперь уволенными, были рады, что им предложил работу генерал, который, как считалось, был при деньгах. Еще тысяча кавалеристов и шесть тысяч пехотинцев вскоре были собраны из этих вечно кишащих рассадников наемных воинов - небольших германских государств. С ними в конце февраля Людовик переправился через Рейн в условиях сильной снежной бури и повернул свой курс к Местрихту. Все три брата принца сопровождали это маленькое войско, кроме герцога Кристофера, сына палатинского курфюрста.

К концу месяца армия достигла Мааса и расположилась лагерем в четырех милях от Местрихта, на противоположном берегу реки. Гарнизон, которым командовал Монтесдока, был слаб, но известие о военных приготовлениях в Германии предшествовало прибытию графа Людовика. Рекезенс, понимая серьезность ситуации, отдал приказ о немедленном наборе в Германию восьми тысяч кавалеристов и соответствующего количества пехоты. В то же время он приказал дону Бернардино де Мендосе с несколькими ротами кавалерии, дислоцировавшимся тогда в

Бреде, без промедления броситься в Маэстрихт. Общая забота о противодействии вражеской экспедиции была возложена на дона Санчо д'Авилу. Этот генерал немедленно собрал все войска, какие только можно было выделить, из каждого города, где они были расквартированы, укрепил города Антверпен, Гент, Нимвебен и Валансьен, где, как было известно, было много тайных приверженцев Оранского; и с оставшимися своими силами выступил в поход, чтобы воспрепятствовать вступлению Людовика в Брабант и его соединению со своим братом в Голландии. Браккамонте был отправлен в Лейден, чтобы немедленно отвлечь войска, осаждавшие город. Таким образом, Людовик уже совершил нечто важное самим фактом своего приближения.

Тем временем принц Оранский собрал шесть тысяч пехотинцев, местом встречи которых был остров Боммель. Он был разочарован малочисленностью войск, которые Людовик смог собрать, но немедленно отправил к нему гонцов с сообщением о своем собственном положении и с указанием присоединиться к нему на острове Боммель, как только Мейстрихт будет взят. Однако не в судьбе Людовика было захватывать Мейстрихт. Его экспедиция с самого начала была отмечена катастрофой. Мрачное и угрожающее пророчество еще до своего начала окутало Людовика, его братьев и его маленькую армию погребальным покровом. Более тысячи его людей дезертировали прежде, чем он достиг Мааса. Когда он разбил лагерь неподалеку от Мейстрихта, он обнаружил, что река не замерзла и не вскрылась, лед препятствовал судоходству, но был слишком слаб для веса армии. Пока он был таким образом задержан и смущен, Мендоса прибыл в город с подкреплением. Людовику уже казалось необходимым отказаться от своих надежд на Местрихт, но он, по крайней мере, желал переправиться через реку в этом районе, чтобы как можно скорее соединиться с принцем. Однако, пока река все еще была покрыта льдом, враг вывез все лодки. 3 Марта Авилла прибыл с большим отрядом войск в местрихт, а 18-го Мендоса ночью переправился через реку, устроив патриотам такую жестокую "энкамисаду", что погибло семьсот человек, за счет всего семерых из его собственного отряда. Измученный, но не удрученный этими бедствиями, Людовик 21-го числа свернул свой лагерь и занял позицию ниже по реке, у Фокемона и Гюльпена, замков в герцогстве Лимбург. 3 апреля Браккамонте прибыл в Местрихт с двадцатью пятью ротами испанцев и тремя ротами кавалерии, в то время как в тот же день Мондрагон прибыл к месту боевых действий со своими шестнадцатью ротами ветеранов.

Теперь Людовику было очевидно не только то, что ему не следует брать Мейстрихт, но и то, что его возможное соединение с братом было по меньшей мере сомнительным, поскольку каждый солдат, которого можно было пощадить, казалось, был в движении, чтобы воспрепятствовать его продвижению. Конечно, он еще не был в меньшинстве, но враг увеличивался, а его собственные силы уменьшались с каждым днем. Более того, испанцы были высокодисциплинированными и опытными войсками, в то время как его собственные солдаты были наемниками, уже шумными и непокорными. 8 апреля он снова передвинул свой лагерь и направился вдоль правого берега Мааса, между этой рекой и Рейном, в направлении Нимвегена. Авилла немедленно решил последовать за ним на противоположный берег Мааса, намереваясь броситься между Людовиком и принцем Оранским и быстрым маршем дать графу сражение, прежде чем он сможет присоединиться к своему брату. 8 апреля, на раннем рассвете, Людовик покинул окрестности Местрихта, а 13-го он расположился лагерем в деревне Мук недалеко от границ Клеве. Отправив своих разведчиков, он, к своей досаде, узнал, что враг опередил его и теперь находится в пределах пушечного выстрела. 13-го Авилла построил мост из лодок, по которому он переправился через Маас со всей своей армией, так что по прибытии

графа в Мук он обнаружил врага лицом к лицу, на той же стороне реки и прямо на своем пути. Поэтому было очевидно, что на этом узком пространстве между Ваалом и Маасом, где они теперь все собрались, Людовик должен одержать победу без посторонней помощи или отказаться от своей экспедиции и оставить голландцев в отчаянии. Он был огорчен положением, в котором оказался, поскольку надеялся захватить Мейстрихт и присоединиться к своему брату в Голландии. Вместе они могли бы, по крайней мере, изгнать испанцев с этой территории, и в этом случае было бы вероятно, что значительная часть населения в различных провинциях восстала бы. Согласно нынешним аспектам, судьба страны на какое-то время, вероятно, будет зависеть от исхода битвы, которую он не планировал, и к которой он не был полностью подготовлен. И все же он был не из тех, кто впадает в уныние; и у него никогда не хватало мужества отказаться от битвы, когда ее предлагали. В этом случае было бы трудно отступить без катастроф и позора, но не менее трудно было добиться победы. Воткнутый, как клин, в самое сердце враждебной страны, он был вынужден пробиваться вперед или оставаться во власти своего врага. Более того, и это хуже всего, его войска были в состоянии мятежа из-за своего жалования. Пока он говорил им о чести, они умоляли его о деньгах. У этих наемников был обычай поднимать мятеж накануне битвы, у испанцев — после того, как она была выиграна. При первом варианте часто терялась победа, которой можно было бы добиться; при другом — после победы она оказывалась бесплодной.

Авила с большим мастерством выбрал место для битвы. На правом берегу Мааса, на узкой равнине, простиравшейся от реки до цепи холмов на расстоянии пушечного выстрела на севере, лежала маленькая деревушка Мук. Испанский генерал знал, что его противник имеет превосходство в кавалерии и что в таком сжатых темпах извлечь из этого обстоятельства большую выгоду будет невозможно.

14-го числа обе армии были выстроены в боевом порядке на рассвете, Людовик укрепил свою позицию глубокой траншеей, которая тянулась от Мука, где он разместил десять рот пехоты, которые, таким образом, опирались на деревню и реку. Следующей шла основная часть его пехоты, выстроенная в единое каре. Справа от них была его кавалерия, построенная в четыре эскадрона, насколько позволяли узкие границы поля боя. Небольшая часть из них, из-за нехватки времени, была размещена на склоне холма.

Напротив, силы дон Санчо были выстроены примерно таким же образом. Двадцать пять рот испанцев были расположены в виде четырех отрядов пикинеров и мушкетеров; их правый фланг упирался в реку. Слева от них находилась кавалерия, выстроенная Мендосой в виде полумесяца — рога украшали два небольших отряда снайперов. В первых рядах кавалерии находились конные карабинеры Шенка; позади шли испанские танцовщицы. Деревня Мук находилась между двумя армиями.

Перестрелка началась на раннем рассвете с атаки на траншею и продолжалась несколько часов, так и не приведя к общему сражению. К десяти часам граф Людовик потерял терпение. Все трубы патриотов теперь трубили вызов своим противникам, и испанцы как раз отвечали на вызов и готовились к общему наступлению, когда на поле боя прибыли сеньор де Иерж и барон Шевро. Они привели с собой подкрепление в количестве более тысячи человек и разведанные о том, что Вальдес уже в пути с еще почти пятью тысячами человек. Как и следовало ожидать, на следующее утро состоялось короткое обсуждение целесообразности отсрочки начала операции. Граф Людовик был во главе шести тысяч пехотинцев и двух тысяч кавалеристов. У

Авилы было всего четыре тысячи пехотинцев и чуть меньше тысячи всадников. Завтра это отставание должно было смениться подавляющим превосходством. Между тем, хорошо бы вспомнить наказание, которому подвергся Аремберг в Хайлигер Ли за то, что не дождался приезда Меген. Этот благоразумный совет был, однако, широко раскритикован, и никто так громко не высказывался, как Иерж и Шевро, которые принесли эти сведения. Считалось, что на данном этапе ничто не могло быть более нескромным, чем осмотрительность. Им предстояло иметь дело с осторожным и дерзким генералом. Пока они ждали подкрепления, он был вполне способен ускользнуть от них. Таким образом, он мог бы осуществить переход ручья и тот союз со своим братом, который до сих пор был так успешно предотвращен. Этот довод возобладал, и перестрелка у траншеи возобновилась с удвоенной энергией, против нее были направлены дополнительные силы. После короткой и ожесточенной борьбы она была взята, и испанцы ворвались в деревню, но вскоре были выбиты более крупным отрядом пехоты, который граф Людовик послал на помощь. В этот момент сражение приобрело всеобщий характер.

Почти вся пехота патриотов была задействована для защиты поста; почти всей испанской пехоте было приказано атаковать его. Испанцы, по обычаю, упав на колени, произнесли "Отче наш" и "Аве Мария", а затем всей массой ринулись в атаку. После короткого, но острого конфликта траншея была снова снесена, и патриоты были полностью разгромлены. После этого граф Людовик бросился со всей своей кавалерией на вражескую лошадь, которая до сих пор оставалась неподвижной. При первом ударе конные аркебузиры Шенка, составлявшие авангард, были разбиты и обратились в бегство во всех направлениях. Когда Людовик гнал их перед собой, их паника была так велика, что они не останавливались, пока неплыли или не тонули в реке; выжившие несли весть в Грейв и другие города о том, что роялисты полностью разгромлены. Однако это было очень далеко от истины. Кавалерия патриотов, в основном карабинеры, развернулась после первого выстрела и отошла, чтобы перезарядить свои ружья, но прежде чем они были готовы к новой атаке, испанские уланы и немецкие черные кавалеристы, которые все оставались стойкими, напали на них с большим духом: последовала ожесточенная, кровавая и беспорядочная битва, в ходе которой патриоты были полностью разбиты.

Граф Людовик, обнаружив, что день потерян, а его армия разбита вдребезги, собрал вокруг себя небольшой отряд солдат, среди которых были его брат, граф Генрих, и герцог Кристофер, и вместе они предприняли последнюю и отчаянную атаку. Это было последнее, что когда-либо видели о них на земле. Они погибли все вместе, в разгар боя, и больше о них никто никогда не слышал. Битва закончилась, как обычно в подобных конфликтах взаимной ненависти, ужасной бойней, и вряд ли кто-то из патриотической армии остался, чтобы рассказать о своей катастрофе. По меньшей мере четыре тысячи были убиты, включая тех, кто был убит на поле боя, тех, кто задохнулся в болотах или реке, и тех, кто был сожжен в фермерских домах, где они укрывались. Было неясно, какой из этих различных способов смерти выпал на долю графа Луи, его брата и его друга. Тайна так и не была разгадана. Вероятно, все они погибли на поле боя; но, лишенные одежды, с лицами, растоптанными лошадиными копытами, невозможно было отличить их от менее прославленных павших. Многие придерживались мнения, что они утонули в реке; другие - что они были сожжены.

[Метерен, v. 91. Бор, vii. 491, 492. Хуфд, Бентивольо, суп. Валлонский историк, время от времени цитируемый на этих страницах, более кратко описывает судьбу этих выдающихся личностей. Согласно его заявлению, лидеры протестантских сил обедали и веселились в монастыре по

соседству в Страстную пятницу, за пять дней до битвы, используя на банкете священные чаши и смешивая освященные облатки со своим вином. В наказание за это святотатство армия была полностью разгромлена, и сам дьявол улетел вместе с вождями, телом и душой.]

Ходили смутные слухи, что Людовик, истекающий кровью, но не убитый, выбрался из кучи трупов, куда его бросили, добрался до берега реки и, когда промывал свои раны, был застигнут врасплох и зарублен группой крестьян. Этой истории никто не поверил, но ни один человек не знал и не было суждено узнать правду.

Мрачный и фатальный конец этого последнего предприятия графа Людовика предвидели многие. В тот суеверный век, когда императоры и принцы ежедневно исследовали будущее с помощью алхимии, астрологии и книг судьбы, наполненных формулами, столь же серьезными и точными, как алгебраические уравнения; когда люди всех сословий, от монарха до крестьянина, безоговорочно верили в сверхъестественные предзнаменования и пророчества, не было ничего удивительного в том, что несколько поразительное явление, наблюдавшееся в небе за несколько недель до битвы при Мукерхейде, внушило многим людям трепетное чувство надвигающегося зла.

В начале февраля пятеро солдат бюргерской гвардии в Утрехте, стоя на своей ночной вахте, увидели в небе над собой изображение яростной битвы. Небо было чрезвычайно темным, за исключением того, что находилось прямо над их головами; где на пространстве, равном по протяженности длине города и ширине обычного помещения, были видны две армии в боевом порядке, наступающие друг на друга. Первый быстро приближался с северо-запада, с развевающимися знаменами, сверкающими копьями, звучащими трубами, в сопровождении тяжелой артиллерии и эскадронов кавалерии. Другой медленно продвигался вперед с юго-востока, словно из укрепленного лагеря, чтобы встретиться с нападавшими. Несколько мгновений шло ожесточенное сражение, отчетливо слышались крики сражающихся, тяжелые выстрелы из пушек, грохот мушкетной пальбы; топот метких пехотинцев, топот кавалерии. Небосвод дрожал от потрясения сражающихся воинств и был зловещ от быстрых залпов их артиллерии. После короткого ожесточенного сражения северо-западная армия была в беспорядке отброшена назад, но после передышки снова сплотилась, снова построилась в сплошную колонну и снова двинулась в наступление. Их враги, выстроившиеся, как утверждали свидетели, в квадратной, тесно сомкнутой роще копий и мушкетов, снова ожидали нападения. Воздушные когорты снова сомкнулись друг с другом, все признаки и звуки отчаянной схватки были отчетливо распознаны нетерпеливыми свидетелями. Схватка казалась недолгой. Копья юго-восточной армии, казалось, ломались, "как стебли пеньки", в то время как все их плотные колонны дружно падали под натиском врагов. Свержение было завершено, победители и побежденные исчезли, чистое голубое пространство, окруженное черными облаками, опустело, как вдруг все его пространство, где совсем недавно бушевал конфликт, было залито кровью, текущей по небу широкими багровыми потоками; и только после того, как пятеро свидетелей полностью наблюдали и размышляли над этими предзнаменованиями, видение полностью исчезло.

Отчет, данный на следующий день стражами, произвел такое сильное впечатление на серьезных магистратов Утрехта, что было проведено формальное расследование обстоятельств, показания каждого свидетеля под присягой были должным образом запротоколированы и для прояснения тайны было проведено множество консультаций с книгами прорицателей и другими

предсказаниями. Это повсеместно считалось типичным для ожидаемого сражения между графом Людовиком и испанцами. Поэтому, когда стало известно, что патриоты, двигаясь с юго-востока, достигли Мукерхейде и что их противники, переправившись через Маас у Граве, двинулись на них с северо-запада, исход сражения был признан неизбежным; призрачная битва при Утрехте была его безошибочным предвестником.

Так погиб Людовик Нассауский в расцвете своей зрелости, в разгар карьеры, уже насыщенной событиями, которых могло бы хватить на столетие обычного существования. Трудно найти в истории более откровенного и лояльного персонажа. Его жизнь была благородной; элементы героического и гениального настолько смешались в нем, что воображение созерцает его спустя три столетия почти с нежным интересом. Он не был великим человеком. Он был далек от утонченного гения или широких взглядов своего брата; но, призванный сыграть выдающуюся роль в одной из самых сложных и впечатляющих драм, когда-либо разыгрывавшихся человеком, он, тем не менее, всегда оправдывал себя с честью. Его прямая, бесстрашная и энергичная натура вызывала уважение как у друзей, так и у врагов. Как политик, солдат и дипломат, он был деловым, смелым и правдивым. Он, добившийся искренностью того, что, по мнению многих, могло быть достигнуто только обманом. Часто имея дело с самыми ловкими и вероломными принцами и государственными деятелями, он часто отстаивал свою точку зрения и никогда не опускался до лести. С того времени, когда в сопровождении своих "двенадцати учеников" он принимал самое заметное участие в переговорах с Маргаритой Пармской, на протяжении всех различных сцен революции, на протяжении всех совещаний с испанцами, итальянцами, гугенотами. Недовольный, фламандский советник или немецкие принцы, он был последовательным и непоколебимым сторонником свободы вероисповедания и конституционного права. Битва при Хайлигер-Ли и взятие Монса были его самыми заметными победами, но плоды обоих были сведены на нет последующей катастрофой. Его безрассудная храбрость была его главным недостатком. Французы обвинили его в том, что он проиграл битву при Монконтуре из-за своего нетерпения вступить в бой; однако они признали, что именно его мастерскому поведению было обязано их отступление столь успешным и даже блестящим образом. Его порицали за опрометчивость в этом последнем и роковом предприятии, но упрек этот кажется совершенно беспочвенным. Экспедиция, как уже говорилось, была организована намеренно, при полном содействии его брата, и готовилась несколько месяцев. То, что он не смог выставить в пешем строю больше сил, чем те, которые он привел в Гелдрес, было не его виной. Если бы не плавучий лед, преградивший ему проход по Маасу, он застал бы Мейстрихта врасплох; если бы не мятеж, превративший его солдат-наемников в трусов, он мог бы разбить Авилу при Мукерхейде. Поступи он так, он с триумфом присоединился бы к своему брату на острове Боммель; испанцы, вероятно, были бы изгнаны из Голландии, а Лейден избавлен от ужасов той памятной осады, которую ему вскоре пришлось выдержать. Эти результаты не были предопределены его судьбой. Провидению было угодно, чтобы он погиб в разгар своей деятельности; чтобы принц в своей смерти "лишился правой руки, которая так быстро приводила в исполнение его разнообразные планы, и верного братского сердца, которое всегда с такой готовностью откликалось на каждое его движение".

Фигурой он был ниже среднего роста, но держался воинственно и благородно. Выражение его лица было живым, манеры - откровенными и обаятельными. Все, кто знал его лично, любили его, и он был кумиром своих доблестных братьев: его мать всегда обращалась к нему как к своему нежно любимому, лелеемому ее сердцем Луи. "Ты должен поскорее прийти ко мне, - писала она в последний год его жизни, - потому что мне нужно спросить твоего совета по

многим вопросам; и я заранее благодарю тебя, ибо ты любил меня как свою мать все дни своей жизни; за что да хранит тебя Всемогущий Бог под своим святым покровительством".

Судьбой этой высокородной, искренней дамы было то, что ей приходилось плакать о своих детях чаще, чем обычно приходится матерям. Граф Адольфус уже погиб в юности на поле Хайлигер-Ли, и теперь Людовик и его младший брат Генрих, которому едва исполнилось двадцать шесть лет и чья короткая жизнь прошла в том верном служении делу свободы, которое было инстинктом его расы, оба нашли окровавленную и безвестную могилу. Граф Джон, который уже так много сделал для этого дела, к счастью, был избавлен от необходимости делать гораздо больше. Несмотря на участие в экспедиции и ожидание участия в битве, он, по настоятельной просьбе всех военачальников, ненадолго покинул армию, чтобы раздобыть в Кельне запас денег для мятежных войск: он приступил к выполнению этой миссии за два дня до сражения, в котором в противном случае он тоже был бы принесен в жертву. Юный герцог Кристофер, "оптимистичный и великий юноша", погибший на том же поле боя, был искренне оплакан любителями свободы. Его отец, курфюрст, находил утешение в Священных Писаниях и в размышлениях о том, что его сын умер на ложе чести, сражаясь за дело Божье. "Так было бы лучше", - сказал этот суровый кальвинист, чьим заветным желанием было "кальвинизировать мир", чем проводить время в праздности, "которая является подушкой дьявола".

Смутные слухи о катастрофе распространились повсюду. Вскоре стало ясно, что Людовик потерпел поражение, но долгое время ходили противоречивые сообщения о судьбе лидеров. Принц Оранский, тем временем, проводил дни в сильном беспокойстве, ежечасно ожидая вестей от своих братьев, слушая мрачные слухи, которым он отказывался верить и не мог опровергнуть, и писал письма день за днем, еще долго после того, как глаза, которые должны были читать дружеские послания, были закрыты.

Победа королевской армии при Мукерхейде оказалась сравнительно бесплодной из-за мятежа, вспыхнувшего на следующий день после битвы. Испанским войскам полагалось жалованье за три года, и неудивительно, что в этот раз вспыхнуло одно из тех периодических восстаний, которые часто так сильно ослабляли королевское дело, а королевских губернаторов приводили в такое невыносимое замешательство. Эти мятежи происходили почти регулярно и сопровождались столь же регулярным рядом явлений. Испанские войска, жившие так далеко от своей страны, но окруженные своими женщинами и постоянно увеличивающимися толпами детей, представляли собой локомотивный город со значительным населением, постоянно обосновавшийся на чужой земле. Это был город, окруженный штыковой стеной и еще больше изолированный от окружающих людей непроходимым рвом взаимной ненависти. Это был город, подчинявшийся уставу военного времени, управляемый деспотической властью, и все же время от времени проявляющий в полную силу неудержимый демократический элемент. В периоды, которые почти поддавались исчислению, военное население имело обыкновение восставать против привилегированных классов, лишать их должностей и свободы и ставить на их место командиров по их собственному выбору. Верховный губернатор, старший сержант, совет советников и различные другие должностные лица были избраны путем аккламации и всеобщего голосования. Назначенный таким образом элетто, или старший офицер, был облечен верховной властью, но ему было запрещено пользоваться ею. Он был окружен членами совета, которые следили за каждым его движением, читали всю его корреспонденцию и помогали на всех его конференциях, в то время как сами советники находились под пристальным наблюдением общественности. Однако в целом эти передвижения были

отмечены самым образцовым порядком. Анархия стала системой правления; мятежники ввели в действие строжайшие правила дисциплины; воровство, пьянство, насилие над женщинами сурово карались. Как только вспыхнул мятеж, первой целью было овладеть ближайшим городом, где элетто обычно размещалось в городском доме, а солдаты квартировали среди горожан. Ничто в виде еды или жилья не было слишком хорошим для этих мародеров. Люди, годами жившие на походном пайке, — грубые негодяи, которые держали плуг до тех пор, пока не были вынуждены обращаться с мушкетом, — теперь спали на тонком белье и требовали от дрожащих бюргеров самых изысканных яств. Они объедали землю догола, как рой саранчи. "Цыплята и куропатки, — говорит бережливый хронист Антверпена, — каплуны и фазаны, зайцы и кролики, два вида вин; — для соусов, каперсов и оливок, лимонов апельсинов, специй и сластей; пшеничный хлеб для их собак и даже вино, чтобы мыть ноги их лошадям"; — таково было угощение, которого требовали и получали мятежные войска. Они очень хотели как насладиться роскошью этого фуража, так и побудить граждан, уставших от вынужденного гостеприимства, обложиться налогом, с помощью которого можно было бы ликвидировать военные притязания.

Захваченный таким образом город оказался во власти иностранных солдат, которые отказались от всякой власти, кроме власти добровольно установленных законов. Королевские офицеры были разжалованы, возможно, убиты; в то время как те, кого выбрали на их места, имели лишь номинальный контроль. Eletto изо дня в день провозглашал с балкона городского дома новейшие правила и предписания. Если они были удовлетворительными, раздавался шум аплодисментов; если вызывали возражения, они отвергались шквалом шипения, ружейными залпами; Элетто не управлял: он был диктатором, который не мог диктовать, а мог только издавать указы. Если он был слишком честен, слишком тверд или слишком скучен для своего места, его лишали должности, а иногда и жизни. В его комнате был выбран другой, за которым часто следовал ряд других, обреченных на ту же участь. Таковы были основные характеристики тех грозных мятежей, ставших результатом небрежности и нечестности, из-за которых солдаты, участвовавшие в этих бесконечных боевых действиях, были лишены своего дорого заработанного жалованья. Расходы на войну были в лучшем случае достаточно серьезными, но если вспомнить, что из трех-четырех долларов, присланных из Испании или внесенных провинциями на содержание армии, едва ли один попал в карманы солдата, то можно представить себе ужасные расходы, которые имели место. Неудивительно, что такое обилие казнокрадства породило бунт.

Мятеж, вспыхнувший после поражения графа Людовика, был отмечен наиболее выраженным и подстрекательским из этих симптомов. Испанцам полагалось жалованье за три года, которые, только что одержав знаменательную победу, были склонны пожинать ее плоды честными средствами или силой. Не получив в ответ на свои громкие требования ничего, кроме обещаний, они все до единого взбунтовались и переправились через Маас в Граве, откуда, совершив обычные выборы, взяли курс на Антверпен. Имея такие большие силы, они решили нанести удар по столице. Слух облетел их. Шампани, брат Гранвеля и королевский губернатор города, поспешил уведомить Рекезена письмом о приближающейся опасности. Великий командующий, сопровождаемый только Вителли, немедленно отправился в Антверпен. Шампани посоветовал возвести бруствер из тюков с товарами на эспланаде, между цитаделью и городом, поскольку именно в этом месте, где соединение укреплений замка с городскими так и не было полностью завершено, можно было ожидать вторжения. Рекезен колебался. Он дрожал от конфликта с собственными солдатами. В случае успеха он мог добиться успеха,

только растоптав цвет своей армии. В случае поражения, что станет с властью короля, когда мятежные войска будут торжествовать в мятежных провинциях? Крайне озадаченный Командующий не мог придумать ничего разумного. Не зная, что делать, он ничего не предпринимал. Тем временем Шампаньи, который чувствовал себя ненавистным солдатам, отступил в Ньютаун и забаррикадировался с несколькими сторонниками в доме балтийских купцов.

26 апреля мятежные войска в полном порядке вошли в город, совершив свой вход именно в том слабом месте, где их ожидали. Насчитывая по меньшей мере три тысячи человек, они расположились лагерем на эспланаде, где Рекезенс предстал перед ними один верхом на лошади и обратился к ним с речью. Они слушали спокойно, но отвечали кратко и единодушно: "Dineros y non palabras", то есть долларами, а не речами. Рекезенс много чего обещал, но время для обещаний прошло. Одних только звонких серебряных долларов хватило бы на содержание армии, которая после трех лет кровопролития и голода наконец взяла закон в свои руки. Рекезенс удалился, чтобы проконсультироваться с Широим городским советом. У него самого не было денег, но он потребовал от города четыреста тысяч крон. Сначала в этом было отказано, но войска знали силу своего положения, поскольку эти мятежи никогда не подавлялись и редко наказывались. В этом случае Командующий побоялся применить силу, и бюргеры, после того как армия была расквартирована у них на некоторое время, с радостью заплатили бы большой выкуп, чтобы избавиться от своих отвратительных и дорогих гостей. Мятежники, предвидя, что работы могут затянуться на несколько недель, и решив продвигаться неторопливо, захватили большую площадь. Элетто со своим штатом советников был расквартирован в городском доме, в то время как солдаты распределились по домам самых богатых горожан, и никто не избежал должности, если был достаточно богат, чтобы принять такую компанию: епископ или бургомистр, маркграф или купец. Самые знаменитые кухни, естественно, пользовались наибольшим спросом, и роскошные апартаменты, роскошные блюда, изысканные вина были востребованы ежедневно. Бюргеры не посмели отказать.

Шестьсот валлонов, которые ранее были расквартированы в городе, были изгнаны, и в течение многих дней бунт имел первостепенное значение. День за днем магистратура, главы гильдий, все представители горожан собирались на Широкий Совет. Генерал-губернатор настаивал на своем требовании четырехсот тысяч крон, справедливо заявляя, что мятежники останутся в городе до тех пор, пока не наедятся и не выпьют до указанной суммы, и что все еще будут просрочены платежи, для покрытия которых город будет обязан изыскать средства. 9 мая власти сделали предложение, которое было должным образом доведено до сведения Eletto. Этот чиновник встал на подоконник городского дома и обратился к солдатам. Он сообщил им, что Великий Командующий предложил погасить задолженность за десять месяцев наличными, за пять месяцев - шелками и шерстяными тканями, а остаток - обещаниями, которые должны быть выполнены в течение нескольких дней. Условия были сочтены неудовлетворительными и встречены насмешливыми возгласами. Элетто, напротив, объявил их очень либеральными и напомнил солдатам об опасном положении, в котором они оказались, обвиненные по отношению к человеку в государственной измене, с веревкой на шее у каждого. Им стоило потратить время, чтобы принять сделанное им предложение вместе с абсолютным прощением за прошлое, которым оно сопровождалось. Что касается его самого, он умыл руки в отношении последствий, если предложение будет отклонено. Солдаты ответили тем, что сместили Элетто и выбрали другого в его комнате.

Через три дня после этого в цитадели вспыхнул мятеж — беспрецедентное событие. Повстанцы приказали коменданту Санчо д'Авиле передать ключи от крепости. Он отказался сдать их, но ценой своей жизни. Затем они удовлетворились тем, что заставили его лейтенанта покинуть цитадель и послали своего Элетто посовещаться с Великим Командующим, а также с Элетто армии. Выполнив свою миссию, он вернулся в сопровождении Чиаппина Вителли в качестве посланника генерал-губернатора. Однако не успел Элетто ступить на подъемный мост, как на него напал прапорщик испанского гарнизона Сальватьерра, который ударил его ножом в сердце и сбросил в ров. Прапорщик, который был известен в армии своей свирепой храбростью и у которого на рукавах была вышита надпись "El castigador de los Flamencos", затем бросился на старшего сержанта мятежников, разделался с ним тем же способом и точно так же сбросил его в ров. Когда эти предварительные условия были улажены, между Вителли и мятежным гарнизоном были достигнуты удовлетворительные договоренности. Прощение за прошлое и оплата на тех же условиях, что предлагались в городе, были приняты, и мятеж в цитадели был подавлен. Однако Сальватьерре было необходимо скрываться в течение длительного времени, чтобы не быть разорванным на куски разъяренными солдатами.

Тем временем наладить дела в городе было все труднее. Мятежники воздвигли на городской площади алтарь из сундуков и тюков и отслужили мессу под открытым небом, торжественно поклявшись быть верными друг другу до последнего. Сцены кутежей и веселья возобновились за счет горожан, которые снова подвергались ночным тревогам из-за неистового веселья и непрекращающихся проказ солдат. Еще до конца месяца Широкий Совет, измученный инкубом, который терзал их столько недель, согласился с требованием Реквезенса. Четыреста тысяч крон были предоставлены, великий командующий принял их в качестве ссуды и дал взамен облигации, должным образом подписанные, вместе с закладной на все королевские владения. Граждане получили документы для проформы, но они и раньше имели дело с подобными ценными бумагами и ценили их незначительно. Теперь мятежники согласились рассчитаться с генерал-губернатором при условии получения всего своего жалованья, будь то наличными или одеждой, вместе с торжественным обещанием прощения за все их акты неповиновения. Это обещание было официально принесено реквизенсами с соответствующими религиозными церемониями в соборе. Выплаты были произведены непосредственно после этого, и в тот же день в честь этого события был устроен большой банкет с участием всей массы солдат. Пир происходил на площади Меер и представлял собой сцену бешеного разгула. Солдаты, более легкомысленные, чем дети, облачились в импровизированные костюмы, скроенные из ткани, которую они наконец получили в уплату за свои страдания и свою кровь. Сукна, шелка, атлас и расшитая золотом парча, достойные гардероба королевы, были фантастическими драпировками обвешаны вокруг жилистых фигур и бронзовых лиц солдат, которые накануне были одеты в лохмотья. Веселье было быстрым и яростным; и едва закончился банкет, как каждая барабанная головка превратилась в игровой стол, вокруг которого собрались группы, жаждущие в одно мгновение пожертвовать своим дорогим купленным золотом.

Удачливым или предусмотрительным еще не удалось полностью ограбить своих товарищей, когда с реки донесся отдаленный грохот пушек. Мгновенно, одетые в свои праздничные и фантастические костюмы, солдаты, уже не бунтовавшие, были вызваны из-за пиршества и игорного стола и получили приказ идти на дамбы. Патриот адмирал Буазо, который так недавно разгромил флот Бергена на глазах у Верховного главнокомандующего, неожиданно поплыл вверх по Шельду, полный решимости уничтожить флот Антверпена, который к тому времени

ускользнул. Между фортами Лилло и Кальяо он встретился с двадцатью двумя кораблями под командованием вице-адмирала Хемстеда. После короткого и резкого боя он одержал полную победу. Четырнадцать вражеских кораблей были сожжены или потоплены вместе со всеми их экипажами, а адмирал Хемстид был взят в плен. Солдаты открыли беспорядочный ружейный огонь по Буазо с дамбы, на что он ответил из своей пушки. Расстояние между сражающимися, однако, делало это действие неважным, и патриоты отступили вниз по реке, одержав полную победу. Великий командующий был как никогда далек от того, чтобы закрепиться на море, которое, как он сообщил своему государю, было единственным средством, с помощью которого Нидерланды могли быть ослаблены.

1574 [ГЛАВА II.]

Первая осада Лейдена—Начало второй—Описание города—Подготовка к обороне—Письма Оранских—Акт амнистии, изданный Рекезенсом—Его условия—Его прием голландцами—Переписка Глипперов—Вылазки и ожесточенные бои под стенами Лейдена—Позиция принца—Его проект Великодушия народа—Разрушение дамб—Эмоции в городе и лагере осаждающих—Письмо поместий Голландии—Опасная болезнь принца—"Дикие зеландцы"—Адмирал Буазо начинает его путешествие—Кровопролитная битва на суше—Шейдинг—Занятие этой дамбы и Зеленого пути—Остановки и продвижение флотилии—Принц посещает флот—Ужасные страдания в городе—Речь Ван дер Верфа—Героизм жителей—Письма адмирала—Штурм—Наступление крепости Буазо—Ламмен—Тревожная ночь—Полуночное отступление испанцев—Адмирал въезжает в город—Благодарение в большой церкви принца в Лейдене—Прощальные слова Вальдеса—Мятеж—Основан Лейденский университет—Церемонии инаугурации хартии.

Вторжение Людовика Нассауского, как уже говорилось, привело к снятию первой осады Лейдена. Эта лига длилась с 31 октября 1573 года по 21 марта 1574 года, когда солдаты были отозваны для защиты границы. По необычайной и преступной беспечности горожане, пренебрегая советом принца, не воспользовались предоставленной им передышкой, чтобы снабдить город продовольствием и усилить гарнизон. Они, казалось, более уверенно рассчитывали на успех графа Людовика, чем он сам, ибо было весьма вероятно, что в случае его поражения осада будет немедленно возобновлена. Этот естественный результат вскоре последовал за битвой при Мукерхейде.

26 мая Вальдес снова появился перед этим местом во главе восьми тысяч валлонов и немцев, и теперь Лейдену было суждено пройти через огненное испытание. Этот город был одним из самых красивых в Нидерландах. Расположенный посреди обширных и плодородных пастбищ, которые были отвоеваны трудолюбивыми руками со дна моря; он был окружен улыбающимися деревнями, цветущими садами, плодоносящими огородами. Древний и, наконец, одряхлевший Рейн, лениво текущий к своему песчаному ложу смерти, был разделен на бесчисленные искусственные течения, которыми был полностью опутан город. Эти залитые водой улицы были затенены липами, тополями и ивами и пересекались ста сорока пятью мостами, в основном из кованого камня. Дома были элегантными, площади и улицы просторными, проветренными и чистыми, церкви и общественные здания внушительными, в то время как весь вид этого места предполагал бережливость, трудолюбие и комфорт. На искусственном возвышении, в центре города, возвышалась разрушенная башня неизвестной древности. Некоторые считали, что она

римского происхождения, в то время как другие предпочитали рассматривать ее как произведение англосаксонского хенгиста, созданное в память о его завоевании Англии.

[Гвиччардини, Описание. Холл и Зеландия. Bor, vii. 502.
Bentivoglio, viii. 151

"Putatur Engistus Britanno
Orbe redus posuisse victor," etc., etc.

согласно знаменитому стихотворению Джона Фон дер Доуза, опытного и доблестного коменданта города. Башня, которая, несомненно, является римской, в наши дни имеет почти точно такой же внешний вид, как описанный современными историками осады. Стихи коменданта демонстрируют мнение, что англосаксонские завоеватели Британии пришли из Голландии, которая была обычным явлением в шестнадцатом веке.]

Окруженный фруктовыми деревьями и поросший в центре дубами, он открывал с его полуразрушенных зубчатых стен очаровательный вид на широкое равнинное пространство, где во всех направлениях возвышались шпили соседних городов. Именно с этой господствующей высоты в течение долгих и ужасных летних дней, которые приближались, многие глаза должны были с тревогой устремляться в сторону моря, наблюдая, не начал ли океан накрывать сушу.

Вальдес, не теряя времени, закрепился во владении Маэсландслейсом, Влаардингенем и Гаагой. Пятьсот англичан под командованием полковника Эдварда Честера покинули крепость Валкенбург и бежали в направлении Лейдена. Отказанные во въезде гражданами, которые теперь не без оснований им не доверяли, они сдались Вальдесу, а затем были отправлены обратно в Англию. В течение нескольких дней Лейден был полностью обложен, не менее шестидесяти двух редутов, некоторые из которых остались не разрушенными после предыдущей осады, теперь окружали город, в то время как осаждающие уже насчитывали почти восемь тысяч человек, и их численность увеличивалась с каждым днем. С другой стороны, в городе не было войск, за исключением небольшого отряда "флибустьеров" и пяти рот бюргерской гвардии. Джон Ван дер Доус, сеньор Нордвик, джентльмен из знатной семьи, но еще более известный своей ученостью, поэтическим гением и доблестью, принял должность военного коменданта.

Главная опора города, под властью Бога, заключалась в мужественных сердцах его жителей внутри городских стен и в неослабевающей энергии Вильгельма Безмолвного снаружи. Принц, поспешивший утешить и ободрить граждан, хотя и был справедливо раздражен их небрежностью, заключающейся в том, что они не позаботились о более достаточных средствах на случай чрезвычайной ситуации, пока еще было время, теперь напомнил им, что они не собирались бороться за себя в одиночку, но что судьба их страны и будущих поколений, по всей вероятности, будет зависеть от вопроса, который будет рассматриваться. Вечная слава была бы их уделом, если бы они проявили мужество, достойное их расы и священного дела религии и свободы. Он умолял их продержаться по крайней мере три месяца, заверяя, что за это время он придумает способы их освобождения. Горожане мужественно и уверенно отреагировали на эти послания и заверили принца в своей твердой уверенности в собственной стойкости и его усилиях.

И действительно, они имели право положиться на эту спокойную и непоколебимую душу, как на адамантовую скалу. В полном одиночестве, без кого-либо рядом, с кем можно было бы посоветоваться, его правая рука была отнята смертью Людовика, у него не осталось брата, кроме неумолимого и верного Джона, и он без промедления приготовился к новой задаче, возложенной на него. Франция после поражения и смерти Людовика и оживленных интриг, последовавших за восшествием на престол Генриха III, испытывала лишь небольшую симпатию к Нидерландам. Английское правительство, избавившееся от страха перед Францией, было более холодным и надменным, чем когда-либо. Англичанин, нанятый Рекезенсом для убийства принца Оранского, был арестован в Зеландии, который нагло притворился, что он взялся выполнять ту же работу для графа Джона с полного согласия и при тайне от королевы Елизаветы. Провинции Голландия и Зеландия были стойкими и правдивыми, но неравенство в борьбе между горсткой храбрецов на этой огромной территории и могущественной Испанской империей, казалось, делало исход безнадежным.

Более того, теперь было сочтено целесообразным опубликовать амнистию, которая так долго готовилась, и на этот раз ловушка была расставлена с более щедрой наживкой. Помилование, которое было скреплено печатями 8 марта, было официально выдано Верховным главнокомандующим 6 июня. По условиям этого документа король приглашал всех своих заблудших и раскаявшихся подданных вернуться в его объятия и принять полное прощение за свои прошлые проступки при единственном условии, что они снова бросятся в лоно Матери-Церкви. Было лишь несколько исключений из амнистии, исключалось лишь небольшое число лиц, все упомянутые поименно; но хотя этих условий было достаточно, закон вызвал несколько серьезных возражений. Теперь голландцам было легче пойти к своим могилам, чем на мессу, поскольку состязание в своем развитии полностью приобрело характер религиозной войны. Вместо ограниченного числа еретиков в государстве, которое, хотя и было католическим по конституции, теперь едва ли можно было найти паписта среди местных жителей. Принять помилование тогда означало признать победу, а голландцы еще не поняли, что они побеждены. Они также были полны решимости не только быть завоеванными, но и уничтоженными, прежде чем Римская церковь будет восстановлена на их земле, полностью исключая реформатское богослужение. Они с неизменным энтузиазмом откликнулись на слова принца Оранского, высказанные после начала второй осады Лейдена: "Пока в стране остается хоть один живой человек, мы будем бороться за нашу свободу и нашу религию". Единственное условие амнистии, выражаясь фразой, предполагало то, что Испания бесплодно пыталась установить сотней сражений, а голландцы семь лет не встречались лицом к лицу со своим врагом на суше и на море, чтобы, наконец, уступить фразе.

Более того, прощение пришло не с той стороны. Злоумышленник серьезно простил своих жертв. Хотя голландцы еще не освободили свои умы от сверхъестественной теории правления и все еще испытывали привычное почтение к царственному божеству, они, естественно, считали себя возмущенными разыгранным перед ними трюком. Человек, который нарушил все свои клятвы, растоптал все их конституционные свободы, сжег и разграбил их города, конфисковал их богатства, повесил, обезглавил, сжег и похоронил заживо их невинных братьев, теперь вышел вперед не для того, чтобы умолять, а предложить прощение. Не во вретище, а в королевских одеждах; не с пеплом, а с диадемой на голове убийца появился на месте своих преступлений. Можно предположить, что даже в шестнадцатом веке нашлось бы много умов, которые возмутились бы такому богохульству. Более того, даже если бы народ Голландии был достаточно слаб, чтобы принять помилование, невозможно было поверить, что обещание будет

выполнено. Было достаточно известно, насколько велика вероятность сохранения веры у еретиков, несмотря на то, что этот акт был подкреплен папской буллой, датированной 30 апреля, в которой Григорий XIII обещал прощение тем нидерландским грешникам, которые должным образом раскаются и попросят отпущения за свои преступления, даже если они согрешили более семи раз по семь.

На мгновение принц испугался, что помилование произведет какой-то эффект на людей, измученных бесконечными страданиями, но произошедшее доказало, что он ошибался. Это было встречено со всеобщим и абсолютным презрением. Ни один мужчина не захотел воспользоваться его условиями, за исключением одного пивовара из Утрехта и сына беженца-разносчика из Лейдена. За этими исключениями, единственными записанными, Голландия осталась глуха к королевскому голосу. Город Лейден был столь же холоден к призывам к милосердию, которые Вальдес и его агенты адресовали своему населению. Некоторые голландцы, принадлежавшие к партии короля и фамиллярно называемые "глипперами", отправили из лагеря множество писем своим мятежным знакомым в город. В этих посланиях верные братья настойчиво и даже трогательно призывали жителей Лейдена к покорности и умоляли "сжалиться над их бедными старыми отцами, их дочерьми и их женами". Но лейденские бюргеры решили, что лучшее сострадание, которое они могут проявить к этим бедным старым отцам, дочерям и женам, - это уберечь их от лап испанской солдатни; поэтому они ничего не ответили Глипперсам, кроме одной строчки, которую написали на листе бумаги и отправили, как письмо, Вальдесу:

"Fistula dulce canit, volucrem cum decipit auceps."

В соответствии с советом, ранее данным принцем Оранским, граждане учитывали все виды своей провизии, включая домашний скот. К концу июня город был переведен на строгий рацион питания, причем все продукты закупались властями по справедливой цене. Взрослому мужчине полагалось полфунта мяса и полфунта хлеба, а остальным - в должной пропорции. Поскольку город был строго обложен, никакая связь, кроме почтовых голубей и нескольких быстрых и умелых гонцов, называемых прыгунами, была невозможна. Однако вылазки и ожесточенные бои были обычным делом, и любому, кто внесет в городские ворота голову испанца, предлагалась солидная награда. Награда выплачивалась много раз, но население становилось настолько возбужденным и склонным к этому, что власти сочли опасным допускать продолжение этих конфликтов. Чтобы город мало-помалу не лишился своих немногих дисциплинированных защитников, теперь под звон церковного колокола было объявлено, что в будущем ни один человек не должен покидать ворота.

У принца были свои штаб-квартиры в Делфте и Роттердаме. Между этими двумя городами находилась важная крепость под названием Польдерварт, которая обеспечивала ему контроль над аллювиальным четырехугольником, омываемым с двух сторон реками Изель и Маас. 29 июня испанцы, почувствовав его ценность, предприняли безуспешную попытку взять этот форт штурмом. Они были отбиты с потерей нескольких сотен человек, принц остался на позиции, с которой только и мог надеяться освободить Лейден. Он все еще держал в руке ключи, с помощью которых мог отпереть океанские врата и впустить воды на сушу, и он давно был убежден, что ничто не может спасти город, кроме как разрушить дамбы. Лейден не был на море, но он мог послать туда море. Лейден, хотя и не мог набрать армию, способную противостоять осаждающим войскам под командованием Вальдеса. Битва при Мукерхейде на данный момент

полностью решила вопрос о рельефе суши, но осаждающих можно было осадить океанскими волнами. Испанцы оккупировали побережье от Гааги до Влаардингена, но дамбы вдоль Мааса и Исселя находились во владении принца. Он решил, что их следует пробить, и в то же время открыть большие шлюзы в Роттердаме, Схидаме и Делфтсхафене. Ущерб полям, деревьям и растущему урожаю был бы огромным, но он чувствовал, что никакой другой путь не сможет спасти Лейден, а вместе с ним и всю Голландию от разрушения. Его ясные объяснения и страстное красноречие, наконец, преодолели всякое сопротивление. К середине июля сословия согласились с его планом, и его исполнение было немедленно начато. "Лучше затонувшая земля, чем потерянная земля", - с энтузиазмом восклицали патриоты, предавая свои плодородные поля запустению. Предприятие по возвращению их территории на сезон волнам, из которых ее так терпеливо спасали, проводилось с такой регулярностью, как если бы это было прибыльное предприятие. Была официально оформлена подписка на капитал, для чего было выпущено определенное количество облигаций с погашением в течение длительного срока. В дополнение к этому предварительному фонду сословиями было утверждено ежемесячное пособие в размере сорока пяти гульденов до завершения работ, и крупная сумма была внесена местными дамами, которые безвозмездно предоставили свою посуду, украшения и дорогую мебель для реализации проекта.

Тем временем Вальдес 30 июля сделал гражданам самые срочные и обширные предложения о помиловании, если они согласятся открыть свои ворота и принять власть короля, но его предложения были встречены с молчаливым презрением, несмотря на то, что население уже приближалось к грани голодной смерти. Хотя они еще не были полностью проинформированы об активных мерах, предпринятых принцем, они все же предпочли положиться на его энергию и свою собственную стойкость, а не на хваленые слова, которые раньше звучали у ворот Гарлема и Наардена. 3 августа принц в сопровождении Поля Байса, главы комиссии, назначенной для осуществления этого предприятия, лично отправился вдоль реки Иссель до Каппелле и наблюдал за прорывом дамб в шестнадцати местах. Ворота в Схидаме и Роттердаме были открыты, и океан начал заливать сушу. В ожидании подъема уровня воды, согласно указу принца, во всех главных городах по соседству быстро собрали провизию, и около двухсот судов различных размеров также были подготовлены в Роттердаме, Делфтсхафене и других портах.

Однако жители Лейдена уже теряли терпение, поскольку у них закончился хлеб, а заменявших его солодовых лепешек у них было совсем немного. 12 августа они получили письмо от принца, поощрявшее их к сопротивлению и заверявшее в скорой помощи, а 21-го они направили ему ответную депешу, в которой говорилось, что теперь они выполнили свое первоначальное обещание, поскольку продержались два месяца с продовольствием и еще месяц без еды. Если в ближайшее время не оказать помощь, человеческих сил больше не хватило бы; их солодового пирога хватило бы всего на четыре дня, а после того, как он закончился, не осталось ничего, кроме голода. Однако в тот же день они получили письмо, продиктованное принцем, который сейчас лежал в постели в Роттердаме с сильной лихорадкой, в котором заверялось, что все дамбы были пробиты и что вода поднималась на "Ландсхайдинге", большом внешнем барьере, отделявшем город от моря. Однако он ничего не сказал о своей собственной болезни, которая бросила бы глубокую тень на радость, вспыхнувшую теперь среди бюргеров.

Письмо было публично зачитано на рыночной площади, и, чтобы поднять настроение, бургомистр Ван дер Верф, зная чувствительность своих соотечественников к музыке, приказал городским музыкантам пройти по улицам, исполняя живые мелодии и воинственные мотивы.

Раздались также пушечные залпы, и голодающий город на короткое время принял вид праздника, к большому удивлению осаждающих, которые еще не знали об усилиях принца. Однако очень скоро, когда вода повсюду вокруг Лейдена поднялась на глубину десяти дюймов, они поняли, что находятся в опасном положении. Подвергнуться такому нападению океанских волн, которые, казалось, вот-вот покорно подчинятся приказу Вильгельма Молчаливого, было немалой опасностью. Вальдес забеспокоился и почувствовал себя неуютно из-за странного поворота событий, поскольку осаждающая армия теперь, в свою очередь, была осаждена более могущественной силой, чем человеческая. Он посоветовался с самыми опытными из своих офицеров, с деревенскими жителями, с самыми выдающимися среди глипперов и получил одобрение от их мнений относительно плана принца. Они заявили, что это совершенно бесполезно и безнадежно: глипперы хорошо знали местность и безмерно высмеивали отчаянный проект.

Даже в самом городе глухое недоверие сменилось первым ярким проблеском надежды, в то время как немногочисленные роялисты среди населения смело дразнили своих сограждан в лицо абсурдным видением облегчения, которое они так нежно приветствовали. "Поднимайтесь на башню, нищие", - раздавался частый и насмешливый крик, "Поднимайтесь на башню и скажите нам, видите ли вы, как океан набегаёт на сушу, чтобы помочь вам" — и день за днем они действительно поднимались к древней башне Хенгиста с тяжелым сердцем и тревогой в глазах, наблюдая, надеясь, молясь, боясь и, наконец, почти отчаявшись в помощи от Бога или человека. 27-го они направили в поместья удручающее письмо, в котором жаловались, что о городе забыли в его крайней нужде, и в тот же день был получен быстрый и сердечный ответ, в котором горожан заверяли, что для оказания им помощи будут приложены все человеческие усилия. "Скорее, - говорили поместья, - мы увидим, как вся наша земля и все наше имущество погибнут в волнах, чем покинем тебя, Лейден. Более того, мы прекрасно знаем, что вместе с Лейденом должна погибнуть и вся Голландия". Они извинились за то, что не писали чаще, на том основании, что все руководство мерами по оказанию им помощи было возложено на принца, который один распоряжался всеми деталями и вел всю переписку.

Лихорадка принца тем временем достигла своего апогея. Он лежал в Роттердаме, совершенно разбитый телом и с разумом, возбужденным почти до иступления постоянными и почти без посторонней помощи разработанными им планами. Облегчение не только для Лейдена, но и для всей страны, которая теперь, по-видимому, катилась в пропасть, было мечтой, которую он преследовал, ворочаясь на своем беспокойном ложе. Никогда еще болезнь не была столь несвоевременной. Его слуги были в отчаянии, поскольку было необходимо, чтобы его разум на какое-то время был избавлен от деловой суеты. Лечившие его врачи согласились относительно его расстройства только в том, что оно было результатом умственного переутомления и меланхолии и могло быть излечено только путем устранения всех тревожащих и сбивающих с толку тем из его мыслей, но всем врачам в мире не удалось бы ни на мгновение отвлечь его внимание от великого дела его страны. Лейден как бы лежала, встревоженная и отчаявшаяся, у его ног, и он не мог закрыть уши, чтобы не слышать ее крика. Поэтому, лежа на постели больного, он продолжал диктовать: слова совета и ободрения городу; адмиралу Буазо, командующему флотом, подробные указания и меры предосторожности. Ближе к концу августа в комнату его больного дошел смутный слух о том, что Лейден пал, и хотя он отказался поверить этому рассказу, все же это помутило его рассудок и усилило лихорадку. Корнелиусу Ван Миеропу, генеральному приемщику Голландии, довелось навестить его в Роттердаме, и, как ни странно, он нашел дом почти опустевшим. Проникнув без присмотра в спальню принца, он

обнаружил его лежащим совершенно одного. На вопрос, что стало со всеми его слугами, принц очень слабым голосом ответил, что отослал их всех прочь. Исходя из этого, генеральный распорядитель, по-видимому, довольно поспешно пришел к выводу, что причиной было расстройство принца и что все его слуги и друзья покинули его из трусости.

Это было очень далеко от истины. Его личный секретарь и метрдотель день и ночь дежурили у его кушетки, а лучшие врачи города находились в постоянном присутствии. По странной случайности; все они были отправлены с разными поручениями по прямому желанию своего хозяина, но никогда не возникало подозрения, что его расстройство было чумой. Только стальные нервы и непреклонный характер могли бы противостоять постоянному беспокойству и всепоглощающей усталости, которым он так долго подвергался. Его болезнь усугубилась из-за слухов о падении Лейдена, выдумки, которую Корнелиус Мироп теперь мог категорически опровергнуть. С этого часа принц начал поправляться. К концу первой недели сентября он написал письмо своему брату, заверяя его в своем выздоровлении и выражая, как обычно, спокойную уверенность в божественных указах: "Бог установит для меня, — сказал он, - все, что необходимо для моего блага и моего спасения. Он не обременит меня большими страданиями, чем может выдержать хрупкость этой натуры".

Приготовления к освобождению Лейдена, которые, несмотря на его усилия, замедлились во время его болезни, теперь энергично возобновились. 1 сентября адмирал Буазо прибыл из Зеландии с небольшим количеством судов и восемьюстами матросами-ветеранами. Эти восемьсот зеландцев были дикой и свирепой командой. Покрытые шрамами, изрубленные и даже искалеченные в непрекращающихся конфликтах, в которых прошла их жизнь; носящие полумесяцы на фуражках с надписью "Скорее турецкие, чем папистские"; известные повсюду как своей свирепостью, так и своим мореходным мастерством; внешность этих самых диких "морских попрошайек" была эксцентричной и устрашающей. Было известно, что они никогда не давали и не принимали пощады, ибо шли только на смертный бой и поклялись не щадить ни знатных, ни простых, ни короля, кайзера, ни папу римского, если те попадут в их власть.

Было собрано более двухсот судов, несущих, как правило, десять единиц пушек, от десяти до восемнадцати весел, и укомплектованных двумя с половиной сотнями ветеранов, опытных как на суше, так и на воде. Теперь за работу взялись всерьез. Расстояние от Лейдена до внешней дамбы, через руины которой уже проникал океан, составляло почти пятнадцать миль. Однако эта отвоеванная территория была защищена от моря не только этими внешними барьерами. Флотилия с легкостью добралась до Ландсхейдинга, мощной дамбы в пяти милях от Лейдена, но здесь ее продвижение было остановлено. Подступы к городу были окружены множеством мощных крепостных валов, расположенных один внутри другого, с помощью которых он защищался от своего древнего врага, океана, точно так же, как обходные пути, с помощью которых он теперь подвергался нападению со стороны своего более недавнего врага, испанца. Однако для того, чтобы флот мог плавать по суше, необходимо было прорвать эту двойную систему обороны. Между Ландсхейдингом и Лейденом было несколько дамб, не пропускавших воду; на равнине располагалось множество деревень вместе с цепью из шестидесяти двух фортов, которые полностью занимали землю. Все эти деревни и крепости удерживались ветеранами королевских войск; силы осаждающих были примерно в четыре раза сильнее тех, что шли на помощь.

Принц отдал приказ захватить Лендшайдинг, который все еще находился на высоте полутора футов над водой, несмотря ни на что. В ночь с 10 на 11 сентября это было сделано неожиданно и виртуозно. Те немногие испанцы, которые стояли на дамбе, все были перебиты или отброшены, и патриоты укрепились на ней, не потеряв ни одного человека. На рассвете испанцы увидели роковую ошибку, которую они совершили, оставив этот слабо защищенный бастион, и из двух деревень, стоявших близко к дамбе, войска теперь бросились незначительными силами, чтобы вернуть то, что они потеряли. Жаркая битва увенчалась успехом, но патриоты слишком надежно закрепились. Они полностью разгромили врага, который отступил, оставив сотни убитых на поле боя, а патриоты полностью овладели Землей Шейдинг. Это первое действие было кровавым и отчаянным. Это придавало серьезность тому, что эти люди, пришедшие помочь своим братьям, пожертвовав своим имуществом и своими жизнями, были полны решимости осуществить. Это также было отвратительным доказательством сильной ненависти, которая двигала их руками. Зеландец, сбивший испанца с ног на дамбе, опустил колени на своего истекающего кровью врага, вырвал у него из груди сердце, на мгновение вцепился в него зубами, а затем бросил собаке с восклицанием: "Оно слишком горькое". Однако испанское сердце было спасено и хранилось в течение многих лет со следами зубов солдата на нем, печальным свидетельством жестокости, порожденной этой войной за национальное существование.

После того как большая дамба была таким образом занята, не теряя времени, ее прорвали в нескольких местах, и эта работа была выполнена на глазах у противника. Флот прошел через образовавшиеся бреши, но после того, как их проход был осуществлен в полном порядке, адмирал, к своему удивлению, обнаружил, что это был не единственный вал, который нужно было снести. Те, кто утверждал, что знает местность, сообщили принцу, что, когда будет пройден лэндшайдинг, вода затопит местность до Лейдена, но "Грин-уэй", еще одна длинная дамба, протянувшаяся на три четверти мили дальше вглубь страны, теперь возвышалась по меньшей мере на фут над водой, препятствуя их дальнейшему продвижению. К счастью, из-за второй и еще более преступной небрежности испанцы оставили эту дамбу в таком же незащищенном состоянии, как и первую, адмирал Буазо быстро и дерзко овладел и этой преградой, сравнял ее с землей во многих местах и с триумфом провел свою флотилию по ее руинам. И снова, однако, его ждало разочарование. Известно, что прямо на его пути, примерно на полпути между ландсхайдингом и городом, простиралось большое озеро, называемое Пресноводным. К этому участку воды, в который он ожидал мгновенно погрузиться, его единственный путь лежал через один глубокий канал. Море, которое до сих пор несло его вперед, теперь разлилось по очень широкой поверхности и под влиянием попутного ветра стало слишком мелким для его кораблей. Один только канал был достаточно глубоким, но он вел прямо к мосту, сильно занятому противником. Более того, вражеские войска численностью до трех тысяч человек заняли оба берега канала. Смелый Буазо, тем не менее, был полон решимости добиться своего, если это возможно. Выбрав несколько своих самых сильных кораблей, самую тяжелую артиллерию и самых храбрых матросов, он сам повел авангард в отчаянной попытке пробиться к берегу. Он открыл жаркий огонь по мосту, затем превращенному в крепость, в то время как его люди вступили в рукопашный бой с чередой стрелков из войск, расположенных вдоль канала. Потеряв несколько человек и убедившись в неприступности позиции противника, он был вынужден отступить, побежденный и почти отчаявшийся.

Прошла неделя с тех пор, как была пробита большая дамба, и теперь флотилия неподвижно стояла на мелководье, пройдя менее двух миль. Ветер тоже был восточным, из-за чего море скорее опускалось, чем поднималось. Все приняло мрачный вид, когда, к счастью, 18-го числа ветер сменился на северо-западный и в течение трех дней дул сильный шторм. Вода быстро поднималась, и еще до окончания второго дня армада снова была на плаву. Теперь прибыли несколько беглецов из деревни Зутермер и сообщили адмиралу, что, сделав крюк вправо, он сможет полностью обойти мост и мер. Соответственно, они направили его к сравнительно невысокой дамбе, которая проходила между деревнями Зутермер и Бентхейзен: в каждом месте было размещено по сильному отряду испанцев, но, охваченные паникой, вместо того, чтобы предпринять вылазку для защиты барьера, они бежали вглубь к Лейдену и остановились у деревни Северная Аа. Вполне естественно, что они были поражены. Нет ничего более ужасающего для воображения, чем нарастающий океанский прилив, когда человек чувствует себя в его власти; издесь были воды, которые ежечасно углублялись и смыкались вокруг них, пожирая землю у них под ногами, в то время как по волнам плыла флотилия, управляемая решительной расой, чье мужество и свирепость были известны всему миру. Испанские солдаты, какими бы храбрыми они ни были на суше, не были моряками, и в военно-морских состязаниях, которые происходили между ними и голландцами, почти неизменно терпели поражение. Неудивительно, что в этих морских перестрелках, где дисциплина мало помогала, а привычная отвага ослабевала перед смутными опасностями, которые их окружали, иностранные войска теряли присутствие духа.

Теперь были преодолены три заграждения, одно внутри другого, и флотилия, продвигаясь вместе с наступающими волнами и неуклонно тесня врага перед собой, приближалась к осажденному городу. По мере прохождения одного круга за другим осаждающая армия оказывалась зажатой в пределах постоянно сужающегося поля боя. "Делфтский ковчег", огромное судно с непробиваемыми фальшбортами, приводимое в движение гребными колесами, приводимыми в движение рукояткой, прибыл в Зутермер, и вскоре за ним последовал весь флот. После короткой задержки, достаточной для того, чтобы позволить немногим оставшимся жителям деревни спастись бегством, Зутермер и Бентхейзен вместе с укреплениями были подожжены и брошены на произвол судьбы. Пламя осветило пустынную и залитую водой пустошь вокруг, и его видели в Лейдене, где его приветствовали как маяк надежды. Без дальнейших препятствий армада проследовала в Северную Азию; противник также отступил с этой позиции и устремился к Зутервуду, сильно укрепленной деревне, всего в миле и трех четвертях от городских стен. Теперь он был переполнен войсками, поскольку основная часть осаждающей армии постепенно была оттеснена в узкий круг фортов в непосредственной близости от Лейдена. Помимо Зутервуда, двумя пунктами, где они в основном базировались, были Ламмен и Лейдердорп, каждый в пределах трехсот метров от города. В Лейдердорпе находилась штаб-квартира Вальдеса; полковник Борджиа командовал очень сильной крепостью Ламмен.

Однако флот был задержан в Северной части Аа другим барьером, названным "Кирк-уэй". Кроме того, вода, снова распространившаяся на более широкое пространство и уменьшившаяся из-за вновь поднявшегося восточного ветра, больше не позволяла им продвигаться вперед, так что очень скоро вся армада снова оказалась на мели. Глубина воды упала до девяти дюймов, в то время как судам требовалось восемнадцать и двадцать. День за днем флот неподвижно стоял на мелководье. Оранж, поднявшийся с постели больного, как только смог стоять, теперь прибыл на борт флота. Его присутствие вызвало всеобщую радость;

его слова вселили в отчаявшуюся армию новую надежду. Он упрекнул нетерпеливых людей, которые, устав от вынужденного безделья, проявили признаки несвоевременной свирепости, и эти восемьсот безумных зеландцев, столь неистовых в своей ненависти к иностранцам, которые так долго оскверняли их землю, были послушны принцу, как дети. Он разведал всю местность и отдал приказ о немедленном разрушении Киркуэя, последнего важного барьера, отделявшего флот от Лейдена. Затем, после долгого совещания с адмиралом Буазо, он вернулся в Делфт.

Тем временем осажденный город был при последнем издыхании. Бюргеры много дней находились в состоянии неопределенности, зная, что флот выступил им на помощь, но прекрасно понимая тысячи препятствий, которые ему предстояло преодолеть. Они догадывались о его продвижении по освещению пылающих деревень; они слышали артиллерийские залпы, когда оно прибыло в Северную Азию; но с тех пор все снова было темно и уныло, надежда и страх тошнотворно чередовались, терзая каждую грудь. Они знали, что ветер дует попутный, и на рассвете каждого дня все взоры с тоской обращались к лопалям шпилей. Пока дул восточный бриз, они чувствовали, с тревогой стоя на башнях и крышах домов, что напрасно будут искать желанный океан. И все же, терпеливо ожидая этого, они буквально умирали с голоду, ибо даже страдания, пережитые в Гарлеме, не достигли той глубины и интенсивности агонии, до которой сейчас был доведен Лейден. Хлеб, солодовые лепешки, конина полностью исчезли; собаки, кошки, крысы и другие паразиты считались предметом роскоши; небольшое количество коров, которых держали как можно дольше ради их молока, все еще оставалось; но несколько коров убивали изо дня в день и распределяли в ничтожных количествах, едва достаточных для поддержания жизни голодающего населения. Изголодавшиеся несчастные ежедневно толпились вокруг развалин, где забивали этот скот, сражаясь за любой кусок, который мог упасть, и жадно лакая кровь, стекающую по мостовой; в то время как шкуры, нарезанные и сваренные, жадно пожирались. Женщины и дети весь день рыскали по канавам и навозным кучам в поисках кусочков пищи, о чем они яростно спорили с голодными собаками. Зеленые листья были сорваны с деревьев, каждая живая травинка превращена в пищу для людей, но эти средства не могли предотвратить голодную смерть. Ежедневная смертность была ужасающей: младенцы умирали от голода на материнской груди, которую голод иссушил; матери падали замертво на улицах со своими мертвыми детьми на руках. Во многих домах сторожа, совершая обход, находили целые семьи трупов, отца, мать и детей, бок о бок, ибо беспорядок, называемый чумой, естественно порожденный лишениями и голодом, теперь пришел, словно по доброте душевной, чтобы уменьшить агонию людей. В полдень мор прошелся по городу, и обреченные жители падали, как трава под его косой. От шести до восьми тысяч человек погибли только перед этим бедствием, но люди решительно выстояли — женщины и мужчины взаимно поощряли друг друга сопротивляться вторжению их иностранного врага — зла более ужасного, чем чума или голод.

Послания от Вальдеса, который видел более ясно, чем могли это сделать осажденные, неопределенность своего собственного положения, теперь ежедневно поступали в город, враг становился все более расточительным в своих клятвах, поскольку чувствовал, что океан еще может спасти жертвы из его рук. Жители в своем невежестве постепенно отказались от надежд на помощь, но они отвергли призыв сдаться. Лейден был величествен в своем отчаянии. Однако время от времени раздавался ропот по поводу непреклонности магистратов, и мертвое тело было положено у дверей бургомистра как молчаливое свидетельство его непреклонности. Группа наиболее слабонервных даже осыпала героического Адриана Ван дер Верфа угрозами и упреками, когда он проходил по улицам. Когда он достиг треугольной площади в центре города,

куда вливались многие главные улицы и на одной стороне которой стояла церковь Святого Панкратия с высокой кирпичной башней, увенчанной двумя остроконечными башенками, и двумя вековыми липами у входа, вокруг него собралась толпа. Там стоял бургомистр, высокая, изможденная, внушительная фигура, со смуглым лицом и спокойным, но властным взглядом. Он взмахнул своей широкополой фетровой шляпой, призывая к тишине, а затем воскликнул на языке, который сохранился почти дословно: "Что бы вы хотели, друзья мои?" Почему вы ропщете, что мы не нарушим наших клятв и не сдадим город испанцам? судьба более ужасная, чем те муки, которые она сейчас терпит. Говорю вам, я дал клятву удержать город, и пусть Бог даст мне силы сдержать мою клятву! Я могу умереть только один раз; от ваших рук, от рук врага или от руки Бога. Моя собственная судьба мне безразлична, не то что судьба города, вверенного моим заботам. Я знаю, что мы умрем с голоду, если вскоре не получим облегчения; но голодная смерть предпочтительнее бесчестной смерти, которая является единственной альтернативой. Ваши угрозы не трогают меня; моя жизнь в вашем распоряжении; вот мой меч, вонзите его мне в грудь и разделите мою плоть между собой. Возьми мое тело, чтобы утолить свой голод, но не жди капитуляции, пока я остаюсь жив.

Слова отважного бургомистра вселили новую отвагу в сердца тех, кто его слышал, и крик аплодисментов и вызова вырвался из голодной, но восторженной толпы. Они покинули это место, обменявшись новыми клятвами верности со своим магистратом, и снова поднялись на башню и зубчатую стену, чтобы наблюдать за приближающимся флотом. С крепостных стен они вновь бросили вызов врагу. "Вы называете нас крысоедами и собакоедами, - кричали они, - и это правда. Итак, до тех пор, пока вы слышите собачий лай или кошачье мяуканье за стенами, вы можете знать, что город держится. И когда все погибнут, кроме нас самих, будьте уверены, что каждый из нас сложит свои левые руки, сохраняя наше право защищать наших женщин, нашу свободу и нашу религию от иностранного тирана. Если Бог в своем гневe обрекает нас на гибель и отказывает нам во всякой помощи, даже тогда мы будем вечно сопротивляться твоему приходу. Когда пробьет последний час, мы собственными руками подожжем город и погибнем, мужчины, женщины и дети, вместе в огне, вместо того, чтобы допустить осквернение наших домов и попрание наших свобод". Такие слова неповиновения, ежедневно раздававшиеся с зубчатых стен, в достаточной степени информировали Вальдеса о его шансах завоевать город силой или обманом, но в то же время он чувствовал относительное облегчение от бездействия флота Буазо, который все еще лежал на мели в Северной Аа. "С таким же успехом, - насмешливо кричали испанцы горожанам, - принц Оранский может срывать звезды с неба, как и океан подвести к стенам Лейдена на помощь вам".

28 сентября в город прилетел голубь и принес письмо от адмирала Буазо. В этом донесении положение флота в Северной Аа описывалось в обнадеживающих выражениях, и жителей заверяли, что самое большее через несколько дней долгожданная помощь войдет в их ворота. Письмо было публично зачитано на рыночной площади, и от радости зазвонили колокола. Тем не менее на следующий день лопасти указывали на восток, вода, которая не только не поднималась, но продолжала опускаться, и адмирал Буазо был почти в отчаянии. Он написал принцу, что, если весенний прилив, которого теперь следует ожидать, вместе с сильным и благоприятным ветром немедленно не придет им на помощь, им будет больно предпринимать что-либо дальше и что экспедиция, по необходимости, будет прекращена. Буря пришла им на помощь. Сильный равноденственный шторм в ночь с 1 на 2 октября налетел с северо-запада, сменившись через несколько часов на целых восемь баллов, а затем задул еще сильнее с юго-запада. Воды Северного моря огромными массами обрушились на южное побережье

Голландии, а затем яростно хлынули на сушу, океан поднялся над землей и с безудержной силой захлестнул разрушенные дамбы.

В течение двадцати четырех часов на флоте в Северной Аа вместо девяти дюймов воды было более двух футов. Время не терялось. Кирк-уэй, который был прорван в соответствии с инструкциями принца, теперь был полностью переполнен, и флот отплыл в полночь, посреди шторма и темноты. Несколько сторожевых кораблей противника бросили им вызов, когда они уверенно гребли к Зутервуду. Ответом была вспышка из пушки Буазо, осветившая черную водную гладь. Произошло ожесточенное морское сражение в полночь; странное зрелище представляли собой ветви этих тихих садов, а дымовые трубы наполовину затопленных фермерских домов возвышались вокруг сражающихся судов. Соседняя деревня Зутервуд содрогнулась от залпов зеландских пушек, и испанцы, собравшиеся в этой крепости, поняли, что мятежный адмирал наконец-то на плаву и идет своим курсом. Вражеские суда вскоре были потоплены, а их экипажи выброшены в волны. Флот продолжал свой путь, проносясь по широким водам, лежавшим между Зутервудом и Цвитеном. Когда они приблизились к какой-то отмели, которая вела в грейт-мер, зеландцы бросились в море и с невероятной силой протолкнули каждое судно. На их пути по-прежнему стояли два препятствия — форты Зутервуд и Ламмен, удаленные от города на пятьсот и двести пятьдесят ярдов соответственно. Сильные редуты, оба хорошо снабженные войсками и артиллерией, они, вероятно, оказали бы жестокий прием легкой флотилии, но паника, которая до сих пор гнала их врагов перед наступающими патриотами, достигла Зутервуда. Едва флот показался в поле зрения, как рано утром испанцы высыпали из крепости и опрометью бросились влево по дороге, которая вела в западном направлении к Гааге. Их узкая тропинка быстро исчезала в волнах, и сотни людей тонули под постоянно углубляющимся и коварным наводнением. Дикие зеландцы тоже спрыгнули со своих кораблей на разрушающуюся дамбу и сбросили своих отступающих врагов в море. Они метали в них свои гарпуны с точностью, приобретенной во многих полярных погонях; они ныряли в волны в упорном преследовании, атакуя их багром и кинжалом. Число тех, кто таким образом пал от рук этих корсаров, которые не давали и не принимали пощады, никогда не подсчитывалось, но, вероятно, погибло не менее тысячи. Остальным удалось бежать в Гаагу.

Таким образом, первая крепость была захвачена, разобрана, подожжена и пройдена, и несколькими взмахами весел весь флот приблизился к Ламмену. Это последнее препятствие встало грозным и хмурым прямо поперек их пути. Кишащий солдатами и ошетинившийся артиллерией, он, казалось, бросал вызов армаде, которая либо брала его штурмом, либо проходила под ее орудиями в город. Оказалось, что предприятие, в конце концов, находилось в пределах видимости от долгожданного пристанища. Буазо бросил якорь на почтительном расстоянии и потратил остаток дня на тщательную разведку форта, который казался слишком сильным. В сочетании с Лейдердорпом, штаб-квартирой Вальдеса, расположенной в полутора милях справа и в пределах мили от города, это казалось настолько непреодолимым препятствием, что Буазо в унылом тоне написал принцу Оранскому. Он объявил о своем намерении взять форт, если это будет возможно, на следующее утро, но если придется отступать, заметил он с чем-то похожим на отчаяние, что ему ничего не останется, как ждать нового порыва ветра. Если уровень воды поднимется настолько, что они смогут сделать большой крюк, то, возможно, удастся, если тем временем Лейден не умрет с голоду и не сдастся, войти в его ворота с противоположной стороны.

Тем временем горожане обезумели от ожидания. Буазо отправил голубя, сообщив им о своем точном местонахождении, и с наступлением темноты несколько горожан сопровождали бургомистра к башне Хенгиста. - Там, - крикнул магистрат, протягивая руку к Ламмену, - там, за этим фортом, есть хлеб и мясо, и тысячи братьев. Будет ли все это разрушено испанскими пушками или нам броситься на выручку нашим друзьям?" — "Мы разнесем крепость на куски зубами и ногтями, - последовал ответ, - прежде чем у нас отнимут помощь, которой мы так долго ждали". Было решено, что вылазка в сочетании с операциями при Буазо должна быть предпринята против Ламмена с самым ранним рассветом. На место происшествия опустилась ночь, непроглядно темная ночь, полная тревоги для испанцев, для армады, для Лейдена. Странные зрелища и звуки возникали в разные моменты, сбивая с толку встревоженных часовых. Глубокой ночью было видно, как длинная вереница огней, исходящих из форта, скользнула по черной поверхности воды, и вся городская стена между Коровьими воротами и Бургундской башней рухнула с громким треском. Пораженные ужасом горожане подумали, что испанцы наконец добрались до них; испанцы вообразили, что шум указывает на отчаянную вылазку горожан. Все было расплывчатым и таинственным.

После лихорадочной ночи, наконец, наступил день, и адмирал приготовился к штурму. Внутри крепости царил гробовая тишина, которая внушала тошнотворные подозрения. Неужели город действительно был захвачен ночью; неужели резня уже началась; неужели весь этот труд и дерзость были потрачены впустую? Внезапно был замечен мужчина, бредущий по грудь в воде от Ламмена к флиту, и в то же время было видно, как одинокий мальчик машет своей фуражкой с вершины форта. После минутного сомнения счастливая тайна была разгадана. Испанцы в панике бежали в темноте. Их положение все еще позволило бы им с твердостью сорвать предприятие патриотов, но рука Божья, пославшая океан и бурю для освобождения Лейдена, также вселила ужас в ее врагов. Огни, которые видели движущимися ночью, были фонарями отступающих испанцев, и мальчик, который сейчас размахивал своим победоносным сигналом с зубчатой стены, был единственным свидетелем этого зрелища. Он был так уверен в выводе, к которому это привело его, что вызвался на рассвете отправиться туда в полном одиночестве. Магистраты, опасаясь ловушки, на мгновение заколебались, стоит ли верить правде, которая вскоре, однако, стала совершенно очевидной. Вальдес, сам бежавший из Лейдердорпа, приказал полковнику Борджиа отступить со всеми своими войсками из Ламмена. Таким образом, испанцы отступили в тот самый момент, когда чрезвычайная случайность открыла для их проникновения целую часть города. Шум рушащейся стены только вселил в них новую тревогу, поскольку они полагали, что горожане совершили вылазку в темноте, чтобы помочь надвигающемуся потоку в разрушительном деле. Теперь, когда все препятствия были устранены, флот Буазо прошел Ламмен и вошел в город утром 3 октября. Лейден был освобожден.

Набережные были заполнены голодающим населением, когда флот греб по каналам, каждый человек, который мог стоять, вышел поприветствовать хранителей города. Из каждого сосуда в толпу бросали хлеб. Бедные создания, которые в течение двух месяцев не пробовали здоровой человеческой пищи и которые буквально жили в челюстях смерти, жадно ухватились за благословенный дар, наконец-то слишком щедро дарованный. Многие умерли от удушья из-за жадности, с которой они поглощали свой хлеб; другие заболели от избытка, внезапно сменившего голод; но это были единичные случаи, повторения которых удалось предотвратить. Адмирал, сошедший на берег, был встречен магистратурой, и немедленно была выстроена торжественная процессия. Магистраты и горожане, дикие зеландцы, изможденные стражники-

бюргеры, матросы, солдаты, женщины, дети, почти все живые люди в стенах - все без промедления направились к большой церкви, во главе с дородным адмиралом Буазо. Голодающий и героический город, который был так тверд в своем сопротивлении земному царю, теперь склонился в смиренной благодарности перед Царем царей. После молитвы вся огромная паства исполнила благодарственный гимн. Тысячи голосов подхватили песню, но мало кто смог довести ее до конца, ибо всеобщие эмоции, углубленные музыкой, стали слишком полными, чтобы их можно было выразить словами. Исполнение гимна было внезапно прервано, в то время как толпа рыдала, как дети. Эта сцена искреннего пафоса закончилась; магистратура приняла необходимые меры для распределения еды и оказания помощи больным. Записка, отправленная принцу Оранскому, была получена им в два часа дня, когда он сидел в церкви в Делфте. Смысл его несколько отличался от смысла письма, которое он получил рано утром того же дня от Буазо; письма, в котором адмирал сообщал ему, что успех предприятия зависит, в конце концов, от отчаянной атаки почти неприступного форта. Легко представить радость принца, и как только проповедь была закончена, он вручил только что полученное письмо священнику для прочтения прихожанам. Таким образом, все участвовали в его радости и объединились с ним в благодарении.

На следующий день, несмотря на настоятельные просьбы своих друзей, которые беспокоились, как бы его жизнь не подверглась опасности из-за дыхания в его едва выздоравливающем состоянии воздухом города, где так много тысяч людей умирали от чумы, принц отправился в Лейден. Он, по крайней мере, никогда не сомневался в стойкости себя самого или своей страны. Поэтому теперь, когда победа была одержана, они могли самым искренним образом поздравить друг друга. "Если мы обречены на гибель, - сказал он незадолго до начала осады, - во имя Бога, пусть будет так! Во всяком случае, нам будет оказана честь сделать то, чего до нас не делала ни одна нация, а именно защитить и сохранить себя без посторонней помощи в такой маленькой стране от огромных усилий таких могущественных врагов. До тех пор, пока здешние бедняки, хотя и покинутые всем миром, держатся стойко, испанцам все равно придется потратить половину Испании деньгами и людьми, прежде чем они смогут покончить с нами".

Прекращение ужасной осады Лейдена стало для испанцев убедительным доказательством того, что они еще не покончили с голландцами. Это давало также достаточное основание полагать, что, пока они не покончат с ними, даже с последним голландцем, никогда не будет конца борьбе, в которую они были вовлечены. Для генерал-губернатора было слабым утешением то, что его войска потерпели поражение не от врага, а от океана. Враг, которому океан повиновался с такой покорностью, вполне мог бы считаться человеком непобедимым. В штаб-квартире Вальдеса в Лейдердорпе было обнаружено множество планов Лейдена и окрестностей, разбросанных в беспорядке по всей комнате. На столе лежало торопливое прощание этого генерала со сценами его поражения, написанное на латыни, достойной Хуана Варгаса: "Vale civitas, valete castelli parvi, qui relictis estis propter aquam et non per vim inimicorum!" Поспешно отступая перед наступающими повстанцами, Командующий едва нашел время для этого элегантного излияния чувств и для прощальных указаний полковнику Борджиа о том, что крепость Ламмен должна быть немедленно оставлена. Когда они были сведены к письменному виду, Вальдес сбежал так быстро, что вызвал много порицаний и еще больший скандал. Его даже обвинили в том, что голландцы подкупили его, чтобы он покинул свой пост, и эту историю многие повторяли, а немногие верили. 4 октября, на следующий день после того, как было произведено освобождение города, ветер переменялся на северо-восточный и снова поднялся шторм. Казалось, что вода, сделав теперь свое дело, была откатана обратно в океан.

Всемогущей рукой, ибо в течение нескольких дней земля снова обнажилась, и начались работы по восстановлению дамб.

После короткого перерыва Лейден восстановил свое прежнее положение. Принц по совету сословий предоставил городу в награду за его страдания ежегодную десятидневную ярмарку без взимания пошлин и налогов, и в качестве дальнейшего проявления благодарности, испытываемой народом Голландии и Зеландии за героизм граждан, было решено, что в их стенах немедленно должна быть основана академия или университет. Лейденский университет, впоследствии столь прославленный, был основан в самый мрачный период борьбы в стране.

Университет получал солидный доход, в основном от древнего аббатства Эгмонт, и был обеспечен рядом профессоров, отобранных за их гениальность, образованность и благочестие среди всех самых выдающихся ученых Нидерландов. Документ, которым было основано учебное заведение, безусловно, был шедевром тяжелой иронии, поскольку фикция о суверенитете короля все еще сохранялась, Филиппа серьезно заставили основать университет в качестве награды Лейдену за восстание против него самого. "Принимая во внимание, — говорилось в этой замечательной хартии, — что во время нынешних изнурительных войн в наших провинциях Голландия и Зеландия, всякое хорошее обучение молодежи наукам и свободным искусствам, вероятно, будет полностью забыто Принимая во внимание различия в религии - принимая во внимание, что мы склонны радовать наш город Лейден с его бюргерами из-за тяжелого бремени, которое они с такой преданностью несли во время этой войны, - мы решили, после тщательного обсуждения с нашим дорогим кузеном Вильгельмом, принцем Оранским, штатгальтером, воздвигнуть бесплатную государственную школу и университет" и т.д., и т.п., и т.п. Так гласил документ о создании этой знаменитой академии, все необходимые инструкции для правительства и полиции учреждения Филипп доверил своему "вышеупомянутому дорогому кузену Оранскому".

После того как университет был основан, обеспечен и укомплектован преподавателями, следующей зимой он был торжественно освящен, и приятно созерцать эту сцену безобидного педантизма, как бы вставленную между актами самой длинной и унылой трагедии современности. 5 февраля 1575 года город Лейден, совсем недавно ставший жертвой голода и чумы, увенчал себя цветами. В семь утра, после торжественного религиозного богослужения в церкви Святого Петра, была сформирована грандиозная процессия. Ему предшествовал военный эскорт, состоящий из бюргерского ополчения и пяти рот пехоты, расквартированных в городе. Затем появилась запряженная четверкой лошадей великолепная триумфальная колесница, на которой восседала женская фигура, облаченная в белоснежные одежды. Это было Святое Евангелие. Ее сопровождали Четыре евангелиста, которые шли пешком по обе стороны от ее колесницы. Далее следовал Джастис с мечом и весами верхом, с завязанными глазами, на единороге, в то время как эти ученые врачи, Юлиан, Папиниан, Ульпиан и Трибониан, ехали по обе стороны в сопровождении двух лакеев и четырех вооруженных людей. За ними последовала Медицина, верхом на лошади, держа в одной руке трактат об искусстве врачевания, в другой - гирлянду лекарств. Богиня врачевания ехала между четырьмя выдающимися врачами - Гиппократом, Галеном, Диоскоридом и Теофрастом, и ее сопровождали два лакея и четыре копыеносца. Последней из аллегорических фигур появилась Минерва, гарцующая в полном вооружении, с копьем наперевес и со своим щитом в виде Медузы. Аристотель и Платон, Цицерон и Вергилий, все верхом на лошадях, со слугами в старинных доспехах за спиной, окружали дочь Юпитера, в то время как городской оркестр,

исполняющий красноречивую музыку из "отбоя" и "виолы", наступал аллегории на пятки. Затем следовали носители булав и другие официальные лица, сопровождавшие оратора дня, недавно назначенных профессоров и докторов, магистратов и сановников, а также ряд граждан, обычно замыкающих шествие.

Выстроенная в таком порядке, через триумфальные арки и по тротуару, усыпанному цветами, процессия медленно двигалась вверх и вниз по разным улицам и вдоль тихих каналов города. Когда он достиг Монашеского моста, великолепно украшенная баржа "триумф" медленно поплыла вниз по ленивому Рейну. На его палубе, под балдахином, увитым лаврами и апельсинами и украшенным гобеленами, восседал Аполлон в сопровождении Девяти Муз, все в классических костюмах; у штурвала стоял Нептун со своим трезубцем. Музы исполнили несколько прекрасных сложенных произведений; Аполлон заиграл на своей лютне. Достигнув места высадки, эта депутация с Парнаса ступила на берег и остановилась в ожидании прибытия процессии. Каждого профессора по мере его продвижения торжественно обнимали и целовали Аполлон и все Девять Муз по очереди, которые, кроме того, приветствовали их прибытие декламацией изящного латинского стихотворения. Эта классическая церемония завершилась, вся процессия вместе направилась к монастырю Святой Варвары, месту, подготовленному для нового университета, где они выслушали красноречивую речь преподобного Каспара Колхаса, после чего приняли участие в великолепном банкете. Этим памятным пиром в месте, где совсем недавно царил голод, церемонии завершились.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Полумесяцы на их шапках: скорее турецкие, чем папистские
Постоянно кишачие питомники воинов-наемников
Плачет о своих детях чаще, чем обычно плачут матери

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЕТЕХТ, ГОЛЛАНДСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1566-74, Завершено

1566 год, последний мирный год

Посоветовал его величеству ежегодно давать взятку лорду Берли
Эпоха, когда терпимость была пороком
Эпоха, когда думать было преступлением
Ловите их притворство на крючок
Морские попрошайки, как называли себя эти каперы
Дело офицера сражаться, генерала побеждать
Конде и Колиньи
Конституционные правительства, действуйте при дневном свете
Потребитель заплатил бы налог, если бы он вообще был когда-либо уплачен
Полумесяцы на их шапках: скорее турецкие, чем папистские
Жестокость по отношению к монахам и папистам
Глубоко преступный в глазах всех религиозных партий
Раскольники были такими же фанатичными, как и православные
Энтузиазм не мог заменить переживания
Завидуя тем, чьи страдания уже прекратились
Постоянно пополняющиеся рассадники наемных воинов
Финансовая оппозиция тирании, как правило, единодушна

За верную службу жестокое воздаяние
Дополнительно нанял две тысячи проституток
Боже, храни короля! Это было в последний раз
Великие дела правления иногда оказываются пустяками
Великие битвы часто оставляют мир таким, каким они его застали
Волосы и борода не острижены, согласно древнему батавскому обычаю
Повешен за то, что ел мясной суп в пятницу
Добросовестно спряг свою парадигму
Он не стал казнить еретиков
Он пришел как завоеватель, а не как посредник
Святая канцелярия осудила всех жителей Нидерландов
Надежда, отложенная, внезапно сменилась отчаянием
Если бы у него было мало, он мог бы прожить на немногое
Скорее подвергнуться риску быть обвиненным в дерзости, чем в пренебрежении
Возмущен тем, что еретиков приговорили к повешению
Безумная жестокость, как во имя Зла, так и во имя Правды
Не оставлять в живых ни одного человека в городе и сжечь каждый дом
Аксиома Лютера о том, что мысли бесплатны
Тем временем во Франции разразилась вторая гражданская война
Не за новую доктрину, а за свободу совести
Не дать траве вырасти у них под ногами
Недостаточно сильны, чтобы выдержать еще много таких побед
Ольденбарневельд, впоследствии столь прославленный
Жизнь поддерживалась только молоком, которое он пил из женской груди
Единственное здоровое существование французов было в состоянии войны
Патетические предсмертные слова Анны Болейн
При условии, что во Франции не останется в живых ни одного гугенота
Подвергните пыткам всех, из кого можно что-либо вытянуть
Ни о чем не спрашивая, ни в чем не сомневаясь, ничего не боясь
День святого Варфоломея
Скептицизм, которому доставляет удовольствие переворачивать суждения веков
Наука царствования была наукой лжи,
Посланной им с почтовыми голубями
Семь испанцев были убиты, и семь тысяч повстанцев
Больных и раненых несчастных сожгли на медленном огне
Скудный запас банальностей
Так много ответственности и так мало власти
Иногда успешный, хотя и основанный на искренности,
Расточительности времени, он был экономистом по крови
Время рассуждений прошло
Теленок жирный, и его нужно зарезать
Вечное воспроизведение истории
Однако величайшим преступлением было быть богатым
Верный слуга всегда остается вечным ослом
Трагедия Дона Карлоса
Болезнь пришла как нельзя кстати

Триста женщин-бойцов
Время и я - это двое
Тирания, вечно молодая и вечно старая, постоянно воспроизводящая саму себя
Мы начинаем раздражаться
Богатство было непростительным грехом
Чаще плачет о своих детях, чем это свойственно матерям
Которые любили свое имущество больше, чем свою веру
В равной степени удивляйтесь способности человека причинять страдания и терпеть их

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ТОМ III.

Джон Лотроп Мотли

1855

1574-1576 [ГЛАВА III.]

Последние дни Совета Крови —Неофициальные и неискренние переговоры о мире—
Характеристики участников переговоров и их дипломатической переписки—Доктор Юниус—
Тайные совещания между доктором Леонином и Оранским—Стойкость принца— Изменения во
внутреннем управлении северных провинций— Великодушие и растущая власть
муниципалитетов—Зарождающаяся ревность по отношению к отвергнутому Оранскому—Его
предложение об отставке отклонено сословиями—Его возвышение до почти неограниченной
власти— Возобновление посредничества Максимилиана—Взгляды и позиции сторон —Совет
Оранского—Начало переговоров в Бреде—Предложения и контрпредложения-Ловкость
полномочных представителей с обеих сторон—Неискренняя дипломатия и
неудовлетворительные результаты—Союз двух государств Голландия и Зеландия под властью
принца Оранского—Акт, определяющий его полномочия—Шарлотта де Бурбон—Характер,
состояние и судьба Анны Саксонской—Брак Оранского с мадемуазель де Бурбон— Вызванное
этим возмущение—Ужасные пытки, которым подвергал папистов Соной в Северной
Голландии—Удуотер и Шуновен, захваченные Хьерджесом—Острова Зеландия—Планируемая
подводная экспедиция— Подробности приключения—Полный успех—Смерть Чиappaина
Вителли—Обсуждения в Голландии и Зеландии по поводу отказа от власти Филиппа—
Декларация в Делфте—Сомнения о том, какой из Великих держав следует предложить
суверенитет— Секретные международные отношения—Миссия в Англию—
Неудовлетворительные переговоры с Елизаветой—Позиция Верховного главнокомандующего—
Осада Зириекзее—Великодушие графа Джона—Отчаянный проект принца—Смерть и характер
Рекезенса.

Смутный совет, или, как его навсегда назовут в истории, Совет Крови, все еще существовал, хотя Великий командующий по прибытии в Нидерланды посоветовал своему суверену согласиться на немедленную ликвидацию столь одиозного учреждения. Филипп, приняв совет своего губернатора и своего кабинета, соответственно, уполномочил его письмом от 10 марта 1574 года предпринять этот шаг, если он по-прежнему считает это целесообразным.

Рекезенс воспользовался этим разрешением, чтобы вымогать деньги у послушной части провинций. 7 июня 1574 года в Брюсселе состоялось собрание депутатов, на котором состоялся утомительный обмен протоколами, отчетами и увещеваниями. Сословия, недовольные упразднением трибунала, который в конце концов исчерпал себя в результате собственного насилия и перестал действовать из-за отсутствия жертв, настаивали на больших уступках. Они требовали вывода испанских войск, учреждения в Испании совета нидерландцев по делам Нидерландов, восстановления на должностях в провинциях туземцев и только туземцев; ибо эти ящики с документами считали возможным в ту эпоху педантизмом восстанавливать то, что их братья из Голландии и Зеландии поддерживали мечом. Это был не тот момент, чтобы заниматься историческими рассуждениями, цитатами из Соломона или ломать голову над логикой; и все же подобными рассуждениями были заполнены кипы бумаги, и на это были заняты дни и недели. Результат был таким, как и следовало ожидать. Великий Командующий получил совсем немного денег; сословия не выполнили ни одного из своих требований; и Совет Крови остался, так сказать, подвешенным в воздухе. Она продолжала вести дела с перерывами во время правления Рекезена и, наконец, после девяти лет существования была уничтожена насильственным заключением Государственного совета в Брюсселе. Это событие, однако, относится к следующей странице нашей истории.

Судя по содержанию писем святой Альдегонды, Нуаркарм утверждал, что принц был бы готов принять его помилование практически на любых условиях. Нуаркарм к этому времени был мертв, но святая Альдегонда все еще оставалась в тюрьме, очень желая его освобождения и, как всегда, готовая оказать услуги в любых тайных переговорах. Следует помнить, что при капитуляции Мидделбурга принцем было четко оговорено, что полковник Мондрагон должен немедленно произвести освобождение Святой Альдегонды вместе с некоторыми другими заключенными или сам вернуться в заточение. Он не сделал ни того, ни другого. Патриоты все еще томились в тюрьме, некоторые из них подвергались чрезвычайно жестокому обращению, но Мондрагону, хотя принц неоднократно призывал его как офицера и джентльмена вернуться в плен, Великий командующий запретил выполнять свое обещание.

Теперь святая Альдегонда была условно-досрочно освобождена из тюрьмы и отправлена с секретной миссией к принцу и поместьям. Как и прежде, ему было проинструктировано, что два пункта следует оставить нетронутыми — власть короля и вопрос религии. Ничто не могло быть более нелепым, чем начать переговоры, из которых таким образом были тщательно исключены два важных момента. Власть короля и вопрос религии охватывали всю территорию, на которой испанцы и голландцы сражались в течение шести лет, и им было суждено сражаться еще три четверти века. И все же, хотя можно было обсудить и другие вопросы, эти два пункта следовало приберечь для более окончательного арбитражного разбирательства по поводу пороха. Результат переговоров на такой основе было легко предвидеть. Дыхание, время и бумага были потрачены впустую, и ничего не было получено. Принц заверил своего друга, как он заверял ранее подосланных к нему секретных агентов, что он сам готов покинуть страну, если, поступив таким образом, он сможет даровать ей благословение мира; но что все надежды на достижение разумного вывода из установленных предпосылок тщетны. Посланник также имел дело с поместьями и получил от них взамен подробный отчет, который был немедленно направлен королю. Стиль этого документа был смелым и резким, содержание - горьким и неудобоваримым. Это сообщило Филиппу то, что он достаточно часто слышал раньше: испанцы должны уйти, изгнанники вернуться, инквизиция должна быть упразднена, а древние привилегии восстановлены, римско-католическая религия отказаться от своего верховенства, а

реформатской религии получить разрешение на беспрепятственное существование, прежде чем он сможет назвать себя хозяином этого маленького песчаного островка в Северном море. С этим документом, который был доверен святой Альдегонде для передачи великому командующему, который должен был, прочитав его, переслать по назначению, переговорщик вернулся в свою тюрьму. Оттуда он не появлялся до тех пор, пока ход событий не освободил его 15 октября 1574 года.

Это сообщение не понравилось губернатору, и оно стало предметом новой переписки между его доверенным лицом Шампаньи и образованным и проницательным Юниусом де Джонге, представителем принца Оранского и губернатором Йира. Сообщение Де Джонжа состояло из краткой записки и длинной речи. Записка была острой и язвительной, беседа сложной и несколько педантичной. Излишне исторический и немилосердно растянутый, он был в то же время смелым, горьким и красноречивым: Было доказано, что присутствие иностранцев с начала правления Филиппа было проклятием страны. Доктор Сонниус со своей группой епископов посеял семена первого беспорядка. Принц, правящий в Нидерландах, не имел права оставаться глух к петициям своих подданных. Если бы он это сделал, голландцы сказали бы ему, как старуха сказала императору Адриану, что у властелина, у которого нет времени заботиться об интересах своих подданных, недостаточно досуга, чтобы быть государем. В то время как Голландия отказывалась склонить голову перед инквизицией, король Испании боялся грома и молнии папы римского. Голландцы с удовольствием освободили бы Филиппа от его собственного рабства, но было абсурдно, что он, который сам был рабом другого властелина, должен осуществлять неограниченный контроль над свободным народом. Именно советники Филиппа, а не голландцы, были его настоящими врагами, ибо именно они держали его в подчинении, в результате чего его власть была нейтрализована, а корона унижена.

Можно предположить, что многие длинные страницы, выдержанные в таком духе и изложенные с большой энергией, вряд ли расчистили бы путь для более официальных переговоров, которые вскоре должны были состояться, однако доктор Джуниус честно и добросовестно отражал настроения своей нации.

Ближе к концу года Великий командующий поручил доктору Эльбертусу Леонинусу, профессору Лувена, вместе с Хьюго Бонте, бывшим пенсионарием Мидделбурга, тайно провести лечение у принца. Однако он был признан не очень сговорчивым, когда комиссары затронули вопрос о его собственном помиловании и примирении с королем, и он наотрез отказался вести какие-либо дела, кроме как при содействии сословий. Более того, он возражал против использования слова "прощение" на том основании, что он никогда не делал ничего, требующего прощения его Величества. Если его посетят невзгоды, его это мало волнует; он прожил достаточно долго, сказал он, и должен умереть со славой, сожалея о беспорядках и притеснениях, которые имели место, но сознавая, что не в его силах было их исправить. Когда уполномоченные напомнили ему о власти короля, он ответил, что знает, что его Величество очень могуществен, но что есть Король еще более могущественный — даже Бог Творец, который, как он смиренно надеется, на его Стороне.

В последующем интервью с Хьюго Бонте принц заявил, что для него или его поместий практически невозможно поддерживать какие-либо официальные контакты с испанским правительством, поскольку такие контакты небезопасны. Нельзя было доверять ни безопасному поведению, ни заложникам. Администрация слишком часто нарушала доверие. Обещание,

данное герцогиней Пармской знати и впоследствии нарушенное, недавнее предательство Мондрагона, возвращение трех обмененных заключенных из Гааги, которые умерли на следующий день от яда, введенного перед их освобождением, частые покушения на его собственную жизнь — все эти постоянно повторяющиеся преступления, по мнению принца, ставили под сомнение возможность найти уполномоченных для переговоров с правительством его Величества. Все будут бояться покушения, а затем будут отречены королем и помилованы папой. После долгих разговоров в этом духе принц предупредил испанских агентов, что в конечном итоге ему, возможно, придется искать защиты у какой-нибудь иностранной державы для своих провинций. В этой связи он использовал запоминающуюся метафору, так часто повторявшуюся впоследствии, что "страна была прекрасной девушкой, у которой, конечно, не было недостатка в поклонниках, способных и желающих принять ее и защитить от всего мира". Что касается вопроса религии, он сказал, что готов предоставить его решению генерального штаба; но сомневается, что что-либо, кроме полной свободы вероисповедания, когда-либо удовлетворит людей.

Впоследствии были проведены другие совещания между принцем и доктором Леонином с аналогичным результатом, причем все попытки заставить его отказаться от своей позиции по вопросу религии или принять помилование на любых условиях, кроме вывода иностранных войск, созыва генерального штаба и полной свободы вероисповедания, оказались бесплодными. Даже если бы он сам был готов уступить в религиозном вопросе, он заметил, что было бы напрасно надеяться на хоть малейшую уступку в этом вопросе со стороны сословий или народа. Впоследствии Леонин был допущен на секретное совещание с представителями голландских сословий, где его заявления были твердо встречены теми же аргументами, что и те, которые уже использовались принцем.

Эти разбирательства со стороны Святой Альдегонды, Шампани, Юниуса и Эльберта Леонинуса продолжались все лето и осень 1574 года и были прекращены только в январе следующего года.

В течение этого года также были предприняты изменения, быстро ставшие необходимыми во внутреннем управлении провинциями. До сих пор принц осуществлял свою власть под удобной фикцией королевской власти, систематически руководя восстанием от имени его Величества и в качестве штатгальтера его Величества. Благодаря этому процессу в его руках оказалась огромная власть; на самом деле, не что иное, как высшие исполнительные и законодательные функции страны; в то время как с тех пор, как восстание стало, так сказать, постоянным, широкие, но аномальные функции были дополнительно возложены на него сословиями и общим голосом народа.

Обе провинции, даже лишенные Гарлема и Амстердама, теперь собирали двести десять тысяч флоринов ежемесячно, тогда как Алва никогда не мог извлекать из Голландии более двухсот семидесяти одной тысячи флоринов ежегодно. Они платили все, а не десятую часть. Вследствие такой щедрости города незаметно приобрели большее влияние в правительстве. Грядущее противостояние между центробежным аристократическим принципом, представленным этими корпорациями, и центральной народной властью штатгальтера было уже предвещено, но поначалу сословия находились в совершенной гармонии с князем. Они даже требовали от него большей власти, чем он желал, и отказывались от функций, которые он хотел, чтобы они выполняли. 7 сентября 1573 года генеральный совет официально предложил

возложить на него регулярную и неограниченную диктатуру, но в течение года, прошедшего с того времени, города начали ощущать свое возрастающее значение. Более того, став более амбициозными, они стали менее либеральными.

Принц, недовольный поведением городов, вынес весь вопрос на рассмотрение собрания сословий Голландии 20 октября 1574 года. Он заявил о неудобствах, вызванных аномальным состоянием правительства. Он жаловался, что простые люди часто впадали в ошибку, полагая, что деньги, собранные на общественные цели, были собраны только в его пользу, и что поэтому они были менее склонны вносить свой вклад в уплату налогов. В качестве единственного средства от этого зла он подал в отставку со всеми полномочиями, которыми был облечен, чтобы сословия могли тогда взять на себя управление, которое они могли осуществлять без конфликтов и контроля. Что касается его самого, то он никогда не стремился к власти, кроме как как к средству быть полезным своей стране, и он подал в отставку не из нежелания поддерживать общее дело, а из искреннего желания спасти его от споров между его друзьями. Сейчас он был готов, как всегда, пролить последнюю каплю своей крови, чтобы сохранить свободу страны.

Этот простой язык произвел мгновенный эффект. Сословия знали, что имеют дело с человеком, чья жизнь руководствовалась высокими принципами, и они чувствовали, что им грозит опасность потерять его из-за их собственного эгоизма и низких амбиций. Они были смущены, потому что им не хотелось ни отказываться от власти, которой они начали наслаждаться, ни принимать отставку человека, который был незаменим. Они считали, что отказаться от Вильгельма Оранского в то время означало навсегда принять испанское иго. На собрании, состоявшемся в Делфте 12 ноября 1574 года, они соответственно попросили его "продолжать свое благословенное правление с учрежденным при нем советом", и с этой целью они официально предложили ему, "от имени губернатора или регента", абсолютную власть и суверенное командование. В частности, они передали ему полный контроль над всеми военными кораблями, до сих пор принадлежавшими разным городам, вместе с правом распоряжаться всеми призами и всеми денежными средствами, собранными для поддержки флотов. Они дали ему также неограниченную власть над доменами; они согласились, что все магистратуры, отряды ополчения, гильдии и общины должны принести торжественную клятву вносить налоги и принимать гарнизоны, в точности как должен предписывать князь со своим советом; но они поставили условием, что сословия должны созываться и консультироваться по запросам, предписаниям и по всем изменениям в руководящем совете. Было также предусмотрено, что судьи верховного суда и казначейства, а также другие высшие должностные лица должны назначаться сословиями и с их согласия.

Принц выразил готовность принять правительство на этих условиях. Однако он потребовал ежемесячного пособия в размере сорока пяти тысяч флоринов на армейские расходы и другие текущие расходы. Здесь, однако, сословия отказались дать свое согласие. Руководствуясь меркантильным духом, недостойным случая и человека, с которым они имели дело, они попытались торговаться там, где им следовало бы с готовностью подчиниться, и попытались снизить разумное требование принца до тридцати тысяч флоринов. Принц, который так щедро вложил свое состояние в общее дело, который вместе со своими братьями, особенно щедрым Джоном Нассауским, вложил все, что они могли собрать, путем закладных, продажи драгоценностей и мебели, а также обширных займов, подвергая себя постоянному затруднению и почти нищете, чувствовал себя оскорбленным ничтожеством такого поведения. Он выразил

свое возмущение и в самых резких выражениях осудил скупость сословий и заявил, что предпочел бы навсегда покинуть страну, сохранив собственную честь, чем принять правительство на таких позорных условиях. Сословия, встревоженные его горячностью и пораженные ее справедливостью, немедленно и без дальнейших раздумий согласились на его требование. Они выдавали сорок пять тысяч флоринов ежемесячно, и принц принял на себя управление, преобразованное таким образом.

Осенью и в начале зимы 1574 года император Максимилиан активно прилагал усилия, чтобы добиться умиротворения Нидерландов. Он, безусловно, был искренен, и на то была веская причина. "Император утверждает, - сказал Сен-Гоар, французский посол в Мадриде, - что, если не будет заключен мир с Нищими, Империя отойдет от австрийского дома, и что таково решение курфюрстов". С другой стороны, если Филипп и не устал от войны, то, во всяком случае, его средства для ее продолжения таяли с каждым днем. Рекесенс не смог собрать денег в Нидерландах; его секретарь написал в Испанию, что казначейство находится при последнем издыхании, а мадридский кабинет в растерянности и почти неспособен изыскать способы и средства. Партия мира одерживала верх; к жестокой политике Алвы относились со все возрастающим неодобрением. "Здесь люди, - писал Сен-Гоард из Мадрида, - в полном отчаянии, несмотря на все усилия, которые они прилагают, чтобы придать этому делу хорошую мину. Они искренне желают лечить, не теряя своего характера". Тем не менее, казалось невозможным, чтобы Филипп согнул шею. Только надежда носить императорскую корону сделала возможным его фанатизм. По отношению к менее могущественным влияниям он был непреклонен; и даже теперь, с оскудевшей казной и после семи лет безуспешной войны, его цель была не менее твердой, чем вначале. "Голландцы требуют свободы совести, - сказал Сен-Гоар, - на что король никогда не согласится, или я сильно ошибаюсь".

Что касается Оранжа, то он искренне выступал за мир — но не за позорный мир, при котором следовало бы отказаться от всех целей войны. Он был далек от оптимизма в этом вопросе, поскольку слишком точно угадывал знамения времени и характер Филиппа, чтобы больше верить в успех настоящего, чем в прошлые усилия Максимилиана. Он был доволен тем, что его шурин, граф Шварцбург, был выбран в качестве агента императора в этом деле, но выразил сомнение в том, что из предложенных переговоров выйдет много хорошего. Вспоминая множество ловушек, которые в прошлом расставляли Филипп и его отец, он опасался, что нынешняя сделка также может оказаться ловушкой. "Мы не забыли слова "ewig" и "einig" в договоре с ландграфом Филиппом, - писал он. - в то же время мы просим заверить его Императорское Величество, что мы не желаем ничего, кроме доброго мира, стремящегося к славе Божьей, служению королю Испании и процветанию его подданных".

Таким языком он обращался к своему брату в письме, которое предназначалось для показа императору. В другом, написанном в тот же день, он объяснился с большей ясностью и с большей энергией выразил свое недоверие. По его словам, папистов не осталось, за исключением нескольких священнослужителей; настолько увеличилось число реформаторов по исключительной милости Божьей. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы предположить, что может быть принята мера, обрекающая всех, кто не был католиком, на изгнание. Никто не сменил бы свою религию, и никто не согласился бы добровольно навсегда покинуть свои дома, друзей и имущество. "Такой мир, - сказал он, - был бы поистине жалким".

Таковы были настроения стороны, которая сейчас собиралась вести переговоры. Посредник стремился к урегулированию, потому что этого требовали интересы императорского дома. Король Испании желал мира, но не желал уступать ни на волос. Принц Оранский в равной степени стремился положить конец войне, но был полон решимости не отказываться от целей, ради которых она была предпринята. Следовательно, благоприятный результат казался едва ли возможным. Целый народ требовал свободы оставаться дома и исповедовать протестантскую религию, в то время как их король заявлял о праве изгнать их навсегда или сжечь, если они останутся. Стороны казались слишком далекими друг от друга, чтобы их можно было объединить с помощью самого гибкого компромисса. Принц обратился с серьезным призывом к ассамблее Голландии, заседавшей в то время в Дорте, напомнив им, что, хотя мир желателен, он может быть опаснее войны, и поэтому умоляя их не заключать никаких договоров, которые были бы несовместимы с привилегиями страны и их долгом перед Богом.

Теперь было решено, что все голоса ассамблеи должны состоять из пяти: один за знать и крупные города Голландии, один за поместья Зеландии, один за небольшие города Голландии, один за города Боммель и Бюрен и пятый за Вильгельма Оранского. Таким образом, принц фактически удерживал в своих руках три голоса: свой собственный, голоса маленьких городов, которые только благодаря его средствам были допущены в ассамблею, и, в-третьих, голос Бюрена, столицы графства его сына. Таким образом, он оказывал контролирующее влияние на предстоящие обсуждения. Все десять уполномоченных, назначенных сословиями для мирных переговоров, были его друзьями. Среди них были святая Альдегонда, Поль Бюи, Шарль Буазо и доктор Джуниус. Полномочными представителями испанского правительства были Леонин, сеньор де Рассингем, Корнелиус Суис и Арнольд Сасбу.

Судебное разбирательство было открыто в Бреде 3 марта 1575 года. Королевские уполномоченные проявили инициативу, попросив проинформировать их о том, какие жалобы должны были подать сословия, и предложив устранить, по возможности, все жалобы, от которых они могли страдать. Уполномоченные штатов ответили, что, во-первых, они ничего не желают, кроме ответа на петицию, которую они уже представили королю. Это был документ, переданный в руки Святой Альдегонды во время неофициальных переговоров предыдущего года. Соответственно, был дан ответ, но изложенный таким расплывчатым и общим языком, что он был совершенно бессмысленным. Затем сословия потребовали категорического ответа на два главных требования петиции, а именно: вывода иностранных войск и созыва генеральных штатов. Их спросили, что они понимают под иностранцами и ассамблеей генеральных штатов. Они ответили, что под иностранцами они подразумевают тех, кто не является коренным населением, и особенно испанцев. Под генеральным советом они подразумевали тот же орган, перед которым в 1555 году Карл передал свой суверенитет Филиппу. Королевские уполномоченные дали крайне неудовлетворительный ответ, завершив его просьбой о том, чтобы все города, крепости и замки, находившиеся в то время во власти поместий, вместе со всей их артиллерией и военными судами были переданы королю. Также было четко заявлено, что римско-католическое богослужение должно быть немедленно восстановлено исключительно на всей территории Нидерландов; приверженцы реформатской религии получают разрешение, только на это время, обменять свое имущество на наличные деньги в течение определенного времени и покинуть страну.

Orange и the estates дали ответ 21 марта. По их словам, требование вывода испанских войск нельзя назвать трудным, поскольку оно было предоставлено в 1559 году по менее веским

причинам. Поместья действительно сами использовали иностранцев, но этим иностранцам никогда не разрешалось участвовать в управлении государством. Что касается ассамблеи генеральных штатов, то этот орган всегда пользовался правом совещаться с Сувереном о состоянии страны и об общих мерах государственного управления. Теперь считалось необходимым вызвать их только для того, чтобы они могли дать свое согласие на "просьбы" короля. Что касается сдачи городов и цитаделей, артиллерии и кораблей, то было высказано предложение, напоминающее то, с которым волки обращаются к овцам в басне, — что собаки должны быть сданы в качестве предварительного условия к прочному миру. Было неразумно требовать от голландцев отказаться от своей религии или своей страны. Упрек в ереси был несправедлив, ибо они все еще придерживались Католической Апостольской церкви, желая только очистить ее от ее злоупотреблений. Более того, изгнать целое население было, конечно, более жестоко, чем уволить три или четыре тысячи испанцев, которые в течение долгих семи лет ели досыта за счет провинций. Изгнанники не могли бы распоряжаться своим имуществом, поскольку все, согласно предлагаемой мере, были бы продавцами, в то время как покупателей не было бы.

Королевские полномочные представители, отвечая на это сообщение 1 апреля, выразили готовность, чтобы испанские солдаты ушли, если штаты согласятся распустить свои собственные иностранные войска. Они также выступали за созыв генеральных штатов, но не могли допустить никаких изменений в религии страны. Его Величество поклялся поддерживать истинное богослужение в момент принятия суверенитета. Однако несогласным может быть предоставлен шестимесячный срок для того, чтобы покинуть землю, и восемь или десять летна продажу своей собственности. После того как все еретики ушли, его величество не сомневался, что торговля и мануфактуры снова будут процветать вместе со старой религией. Что касается испанской инквизиции, то у нее не было и никогда не было намерения создавать ее в Нидерландах.

Несомненно, в этом документе было что-то фальшивое. Похоже, в нем содержались значительные уступки. Принц и поместья потребовали ухода испанцев. Теперь было обещано, что они должны уйти. Они потребовали созыва генеральных штатов. Теперь было обещано, что они должны собраться. Они осудили инквизицию. Теперь утверждалось, что испанской инквизиции не суждено было быть учрежденной.

Тем не менее уполномоченные принца не были обмануты подобными уловками. Не было равенства между случаями с испанскими солдатами и войсками, находившимися на службе у поместий. Созывать генеральные штаты было бы бесполезно, если бы им было запрещено решать стоящий перед ними великий вопрос. Что касается испанской инквизиции, то мало имело значения, называлась ли бойня испанской или фламандской, или просто Советом Крови. Однако уполномоченным штатов было необходимо очень тщательно обдумать свой ответ, поскольку королевские полномочные представители опирались на благовидные основания. Недостаточно было чувствовать, что королевское правительство заигрывает с ними; точно так же государственным агентам было необходимо донести этот факт до народа.

В обсуждении возникла пауза. Тем временем граф Шварцбург, неохотно соглашаясь с убеждением, что религиозный вопрос является непреодолимым препятствием на пути к миру, уехал из провинции в Германию. Последние предложения правительственных уполномоченных обсуждались в советах различных городов, так что ответ принца и сословий был отложен до 1

июня. В этом сообщении они признали, что предложение восстановить древние привилегии имело приятное звучание; но выразили сожаление по поводу того, что, если все население будет изгнано, лишь немногие смогут извлечь выгоду из восстановления. Если бы король положил конец религиозным преследованиям, он нашел бы в провинциях столько же преданности, сколько нашли его предки. По их словам, не может быть и речи о том, чтобы штаты разоружились и сдали свои опорные пункты до того, как испанские солдаты уйдут в отставку и до того, как будет установлен мир. Это было их желание оставить вопрос о религии, вместе со всеми другими спорными вопросами, на усмотрение ассамблеи. Если бы тем временем было возможно разработать какой-либо эффективный метод сдерживания военных действий, он был бы с радостью принят.

8 июля королевские уполномоченные запросили, какие гарантии готовы предоставить штаты в отношении выполнения решения генеральной ассамблеи, каким бы оно ни было. В ответ на это требование последовало другое, в котором королевских агентов допрашивали относительно их собственных гарантий. После этого было заявлено, что его Величество даст свое слово и подпишет руководство, а также слово и подпись Императора в придачу. В обмен на эти обещания принц и поместья должны были дать свои собственные клятвы и печати, а также несколько заложников. Помимо этого, им было предложено сдать города Брилл и Энкхейзен, Флашинг и Арнемейд. Несоответствие таких гарантий было смехотворным. Королевское слово, даже подкрепленное императорским обещанием и подтвержденное автографами Филиппа и Максимилиана, по мнению нидерландцев, не было настолько надежной гарантией, чтобы перевесить четыре города Голландии и Зеландии со всем их населением и богатством. Давать дополнительные обязательства и заложников с одной стороны, в то время как корольничего не предлагал, означало придавать королевскому слову преимущество над словом принца и поместьями, которое никто не был склонен признавать. Более того, было очень убедительно заявлено, что сдача городов означала бы передачу в качестве обеспечения контракта некоторых из основных договаривающихся сторон.

На этом переговоры были завершены. Полномочные представители провинций откланялись, опубликовав документ от 13 июля 1575 года, в котором кратко излагались основные события конференции. Они выразили свое глубокое сожаление по поводу того, что его Величество так решительно настаивал на изгнании реформаторов, поскольку было несправедливо оставлять провинции в исключительном пользовании небольшого числа католиков. Они сетовали на то, что сделанное предложение передать религиозный вопрос сословиям не было ни лояльно принято, ни откровенно отклонено. Следовательно, они пришли к выводу, что целью королевского правительства было позабавить штаты, в то время как таким образом было получено преимущество для превращения страны в рабство более жалкое, чем любое из когда-либо существовавших. С другой стороны, королевские уполномоченные столь же торжественно заявили, что вся ответственность за провал переговоров лежит на сословиях.

В восставших провинциях существовало общее мнение, что правительство с самого начала было неискренним и не ожидало и не желало заключения мира. Вполне вероятно, однако, что Филипп был искренен; насколько это можно было назвать искренностью - быть готовым заключить мир, если провинции откажутся от главных целей войны. С его оскудевшей казной и разорением, угрожающим всей его империи, если эта смертельная битва продлится еще много лет, у него не могло быть мотива для дальнейшего кровопролития, при условии, что все еретики согласятся покинуть страну. Однако, как обычно, он оставил своих агентов в неведении

относительно своих истинных намерений. Даже Рекезенс сомневался в тайных целях короля так же сильно, как Маргарита Пармская в прежние времена.

[Сравните замечания Груна против Принста., Архивы и др., v. 259-262; Бор, viii. 606, 615; Метерен, v. 100; Хоофд, g. 410. —Граф Джон Нассауский с самого начала был недоверчив и презрителен. Вопреки лояльности своего брата и прямым намерениям сословий, он чувствовал, что вся сила политической системы Макиавелли будет пущена в ход с большим эффектом. Он чувствовал, что целью королевской свиты было тянуть время, сбивать с толку и вводить в заблуждение. Он не верил, что они способны признать истинный предмет спора, но опасался, как бы они не затуманили суждения простых и благонамеренных людей, с которыми им приходилось иметь дело. Намекая на постоянные попытки отравить себя и своего брата, он сравнивает мнимые переговоры с венецианскими наркотиками, от которых были разрушены зрение, слух, осязание и интеллект. Под этим пагубным влиянием несчастные люди не замечали огня, горящего вокруг них, но съезживались при шорохе листа. Не понимая тогда направленности своих собственных действий, они "подставляли свои спины розге и приносили хворост для своей собственной погребальной кучи". - Архивы и т. Д., ст. 131-137.]

Более того, Великий Командующий и правительство, в конце концов, совершили большую ошибку в своей дипломатии. Поместья Брабанта, хотя и сильно желали вывода испанских войск, были в равной степени непреклонны в поддержании католической религии, и многие южные провинции разделяли те же чувства. Таким образом, если бы губернатор поверил комиссарам штатов на слово и оставил решение религиозного вопроса на усмотрение генеральной ассамблеи, он, возможно, добился бы голосования в свою пользу. В этом случае принц Оранский и его партия наверняка оказались бы в очень неловком положении.

Внутреннее управление восставших провинций оставалось на той основе, которая, как мы видели, была установлена осенью 1574 года, но в течение этого лета (1575 г.), однако, был заложен фундамент союза Голландии и Зеландии под властью Оранского. Эгоистический принцип муниципальной аристократии, который имел тенденцию разделять эти различные группы городов, теперь был подавлен энергией князя и твердой решимостью народа.

В апреле 1575 года были предложены некоторые статьи союза между Голландией и Зеландией, и шесть уполномоченных были назначены для разработки постановления для правительства двух провинций. Это постановление было принято генеральной ассамблеей обеих стран. Оно состояло из двадцати статей. В нем говорилось, что во время войны принц как суверен должен обладать абсолютной властью во всех вопросах, касающихся обороны страны. Он должен был назначать военных офицеров, высших и низших, создавать и выводить гарнизоны, наказывать нарушителей законов войны. Он должен был регулировать расходование всех денег, за которые голосовали сословия. Он должен был поддерживать закон от имени короля как граф Голландии и назначать всех судебных чиновников по представлению сословий. Он должен был в обычное время назначать и продлевать полномочия городских магистратов в соответствии с их конституциями. Он должен был защищать исповедание евангелической реформатской религии и подавлять исповедание римской религии, не допуская, однако, чтобы кто-либо копался в вероучении какого-либо человека. Совещательный и исполнительный совет, с помощью которого ревнивые корпорации намеревались помешать его правительству, существовал не более чем номинально.

После согласования устава союза князь, желая беспрепятственного выражения национальной воли, пожелал, чтобы постановление было представлено народу на его первичных собраниях. Сословия, однако, выступили против этой демократической процедуры. Они заявили, что было принято консультироваться; после городских магистратур по вопросам управления консультировались только капитаны компаний и деканы гильдий. Принц, уступив по этому вопросу, соответственно, только капитаны компаний и деканы гильдий объединились с правлениями аристократии в ратификации документа, которым была установлена его власть над двумя соединенными провинциями. 4 июня был торжественно заключен этот первый союз.

11 июля принц официально принял правительство. Однако он внес существенное изменение в очень важный пункт указа. Вместо слов "римская религия" он настаивал на том, чтобы в статье, которой ему предписывалось запретить исповедование такой религии, были заменены слова "религия, расходящаяся с Евангелием". Это изменение осудило фанатизм, который уже вырос из успешного сопротивления фанатизму, и оставило открытой дверь для всеобщей религиозной терпимости.

В начале этого года принц отправил святую Альдегонду с частной миссией к курфюрсту Палатинскому. Во время нескольких своих визитов к этому властителю он видел в Гейдельберге принцессу Шарлотту Бурбонскую. Эта дама была дочерью герцога де Монпансье, самого ревностного из католических принцев Франции, и того, кто на конференции в Байонне был наиболее возмущен нерешительностью вдовствующей королевы искренне присоединиться к планам Альвы и Филиппа по истреблению гугенотов. Его дочь, женщина красоты, ума и добродетели, вынужденная до наступления канонического возраста принять религиозные обеты, была помещена в монастырь Джолиаррс, настоятельницей которого она стала. Всегда втайне склонявшаяся к реформатской религии, она тайно сбежала из своего монастыря в ужасном 1572 году и нашла убежище при дворе курфюрста Палатинского, после чего ее отец отказался получать ее письма, вносить хоть фартинг на ее содержание или даже подтвердить ее права на него одной строчкой или выражением любви.

При таких обстоятельствах принцесса-изгой, достигшая зрелости, могла считаться хозяйкой самой себе, и она не была ни морально, ни юридически обязана, когда великий поборник Реформации добивался ее руки, спрашивать согласия родителей, которые ненавидели ее религию и отрицали ее существование. Законность развода с Анной Саксонской была урегулирована полным выражением церковной власти, которую она больше всего уважала;

[Acte de, cinq Ministres du St. Evangile par lequel ils declarent le mariage du Prince d'Orange etre legitime.— Архивы и др., т. 216- 226.]

факты, на которых был основан развод, были доказаны вне всяких сомнений.

По правде говоря, ничто не могло быть более плачевным по своим результатам, чем знаменитый саксонский брак, подготовка к которому вызвала у Филиппа столько размышлений и столько дипломатической переписки со стороны высокопоставленных лиц Германии, Нидерландов и Испании. Конечно, не имело большого значения, к какой церкви принадлежала несчастная принцесса, и нужно быть слегка сведущим в истории или в человеческой природе, чтобы представить, что это бракосочетание оказало какое-либо влияние на религиозные или политические чувства Оранжа. Принцесса обладала бурным, плохо управляемым характером; с самого начала она была почти сумасшедшей. Неприязнь, сменившаяся ее фантастической

привязанностью к принцу, а также ее общая эксцентричность вскоре стали предметом разговоров всего брюссельского двора. Она проводила неделю за неделей, не выходя из своей комнаты, днем и ночью держа ставни закрытыми и свечи горящими. Она яростно ссорилась с графиней Эгмонт за первенство, так что нелепые препирательства двух дам в прихожих и дверных проемах были темой и развлечением всего общества. Ее дерзость не только наедине, но и публично по отношению к мужу стала невыносимой: "Я не мог поступить иначе, как переносить это с грустью и терпением, - сказал принц с большим великодушием, - надеясь, что с возрастом наступит улучшение". Тем не менее, однажды, на званом ужине, она употребила такие выражения в присутствии графа Хорна и многих других дворян, "что все удивлялись, как он мог выносить оскорбительные выражения, которые она применяла к нему".

Когда над ним сгустились тучи, когда он стал изгнанником и скитальцем, ее упреки и жестокость усилились. Пожертвование их богатством, закладные и распродажа, которые он осуществил из своих поместий, посуды, драгоценностей и мебели, чтобы собрать деньги для борющейся страны, вызвали у нее горькое негодование. Постепенно она отдалилась от него и, наконец, совсем оставила. Ее нрав стал вспыльчивым до свирепости. Она била своих слуг руками и дубинками; она угрожала жизни себе, своим слугам, графу Джону Нассаускому ножами и кинжалами и предавалась обычным сквернословиям и богохульству, осыпая всех вокруг страшными проклятиями. Ее первоначальная склонность к неводержанности настолько возросла, что она часто не могла стоять на ногах. Бутылка вина, вмещавшая более кварты, утром и еще одна вечером, вместе с фунтом сахара, были ее обычным рационом. Она посылала Алве письма с жалобами на то, что ее муж разорился "в своей никчемной нищенской войне", и умоляла герцога снабдить ее небольшим количеством наличных денег и средствами для получения ее приданого.

Незаконная связь с неким Джоном Рубенсом, изгнанным магистратом Антверпена и отцом знаменитой художницы,полнила список ее проступков и оправдала брак принца с Шарлоттой де Бурбон. Поэтому курфюрст Саксонии и ландграф Вильгельм решили забрать ее из-под опеки Нассау. Это произошло с бесконечными трудностями в конце 1575 года. Уже в 1572 году Август предложил ландграфу, чтобы она содержалась в одиночной камере и чтобы священник ежедневно читал ей проповеди через решетчатое отверстие, через которое должна была поступать ее пища. Ландграф выразил протест по поводу столь бесчеловечного предложения, которое, однако, было приведено в исполнение. Несчастливая принцесса, теперь уже совершенно сумасшедшая, была заключена во дворце выборщиков, в камеру, окна которой были замурованы, а в верхней части двери была проделана небольшая решетка. Через эту калитку поступала ее еда, а также слова святого человека, назначенного ежедневно проповедовать в ее назидание.

Два года она терпела это ужасное наказание и умерла сумасшедшей 18 декабря 1577 года. На следующий день ее похоронили в усыпальнице выборщиков в Мейсене; помпезная процессия "школьников, духовенства, магистратов, знати и горожан" проводила ее к тому покою, которого ее больше не могли лишить ни жестокость человека, ни ее собственный буйный темперамент.

[Безусловно, нельзя считать нарушением неприкосновенности архивов эти тонкие намеки на историю, основные черты которой уже были опубликованы не только М. Гроаном в Принстерером и Бахайзенем в Голландии, но и саксонским профессором Боттигером в

Германии. Невозможно понять характер и карьеру Оранжа, а также его отношения с Германией без полного представления о саксонском браке. Однако выдержки из "геомантических писем" курфюрста Августа, приведенные в Боттигере (Hist. Taschenb. 1836, стр. 169-173) с их яростными нападениями на принца и Шарлотту Бурбонскую кажутся нам слишком непристойными, чтобы быть допущенными даже в примечании к этим страницам и на иностранном языке.]

Таким образом, что касается характера мадемуазель де Бурбон и законности ее будущего потомства, она получила достаточные гарантии. Что касается остального, принц в простом письме сообщил ей, что он уже пережил свой расцвет, достигнув сорока двух лет, и что его состояние обременено не только выплатами за своих детей от предыдущих браков, но и долгами, полученными во имя своей угнетенной страны. Съезд врачей и епископов Франции, созванный герцогом де Монпансье, впоследствии подтвердил мнение о том, что монастырские обеты принцессы Шарлотты не соответствовали ни законам Франции, ни канонам Тридентского собора. Святая Альдегунда проводила ее в Брилл, где она была принята своим женихом, с которым она соединилась 12 июня. Свадебный фестиваль прошел в Дорте с большим весельем и праздничным оформлением, "но без танцев".

В этой связи, без сомнения, принц руководствовался только своими склонностями. В высшей степени домашний по своим привычкам, он нуждался в дружеском общении дома, чтобы отвлечься от изматывающих дел, из которых состояла его жизнь за границей. В течение многих лет он никогда не получал удовольствия от светской беседы, за исключением длительных промежутков времени, с мужчиной или женщиной; поэтому было естественно, что он заключил этот брак. Столь же естественно было и то, что он нажил себе много врагов таким невежливым браком. Курфюрст Палатинский, который был опекуном невесты, решительно не одобрял этого, хотя его подозревали в том, что он одобряет этот союз. Ландграф Гессенский на какое-то время пришел в ярость; курфюрст Саксонский буквально обезумел от ярости. Через несколько недель во Франкфурте должен был состояться Имперский сейм, где было совершенно очевидно, что разгневанный и влиятельный курфюрст появится, переполненный гневом и преисполненный решимости отомстить делу Нидерландской реформации за нанесенный ему лично ущерб. Даже мудрый, внимательный, любящий брат, Джон Нассауский, считал этот брак актом безумия. Он сделал все, что мог, аргументами и мольбами, чтобы отговорить принца от его завершения; хотя впоследствии он добровольно признался, что принцесса Шарлотта была глубоко оклеветана и была бесценным сокровищем для его брата. Французское правительство воспользовалось этим обстоятельством, чтобы оправдать себя еще большим отчуждением от дела принца, чем оно проявлялось до сих пор, но это было скорее притворством, чем реальностью.

Однако не в природе вещей было так легко унять негодование саксов и гессенцев. Ландграф был чрезвычайно вспыльчив. "Поистине, я не могу себе представить, - писал он курфюрсту Саксонии, - что этот мудрец Альдегонда и все остальные, кто помогал и подстрекательствовал, взялись за это дело. Между прочим, следует опасаться, что, учитывая, что она француженка, монахиня, и притом монахиня-беглянка, о целомудрии которой много говорилось, принц попал из огня да в полымя. *Формам Си: не следует предполагать, что его очаровала ее красота, поскольку, без сомнения, он должен быть скорее напуган, чем восхищен, когда смотрит на нее. Si spem prolis, у принца определенно уже слишком много наследников, и ему следовало бы пожелать, чтобы у него не было ни жены, ни детей. Si amicitiam, не следует предполагать, что, пока ее отец выражается в таких угрожающих выражениях по отношению к ней, с его стороны*

будет много сердечности и дружбы. Тогда пусть они позаботятся об этом, иначе с ними будет не лучше, чем с адмиралом на его свадьбе в Париже, ибо эти джентльмены вряд ли смогут простить такие оскорбления, *sine mercurio et arsenico sublimato*.

Курфюрст Саксонский был вне себя от гнева и почти смешон в горячности своего выражения. Граф Джон непрестанно призывал своего брата уважать чувствительность этих важных личностей и помнить, сколько добра и сколько зла они могли совершить по отношению к нему самому и к великому делу протестантской религии. Он также напомнил ему, что развод не считался и не будет считаться непреодолимым с точки зрения формы, и что из всего этого процесса, вероятно, вырастет большой дискомфорт и ущерб для него самого и его семьи. Принц, однако, был непоколебим в своем решении, и по всему тону его переписки и поведению было очевидно, что его брак был продиктован скорее склонностью, чем политикой. "Я могу заверить тебя, брат мой, - писал он графу Джону, - что мой характер всегда был склонен к этому — не обращать внимания ни на слова, ни на угрозы в любом деле, где я могу действовать с чистой совестью и не причиняя вреда моему ближнему. Воистину, если бы я прислушивался к угрозам принцев, я бы никогда не ввязался в такое количество опасных дел вопреки воле короля, моего повелителя, в прошлые времена, и даже советам многих моих родственников и друзей".

Злые последствия, которые были предвидены, не замедлили проявиться. На Франкфуртском сейме много обсуждался вопрос о женитьбе принца, и было даже предложение официально объявить кальвинистов в Германии лишенными преимуществ Пассауского мира. Эрцгерцог Рудольф вскоре после этого был избран королем Рима и Богемии, хотя до сих пор, в соответствии с политикой принца Оранского и в ожидании пользы для дела Реформации в Германии и Нидерландах, существовала сильная склонность возлагать надежды на Генриха Третьего и возбуждать опасения Максимилиана.

В то время как эти важные дела, государственные и частные, происходили на юге Голландии и в Германии, очень гнусная сделка опозорила дело патриотической партии в северной части страны. Дидрих Соной, губернатор этой части Голландии, человек большой храбрости, но крайне свирепого характера, раскрыл обширный заговор среди некоторых жителей с целью оказания помощи приближающемуся испанскому вторжению. Согласно сообщению, которое он получил или делал вид, что получил, были задействованы группы лупоглазых, чтобы поджигать деревни и поселки во всех направлениях, устанавливать маяки и подавать серию сигналов, с помощью которых экспедиции, которые должны были быть организованы, должны были способствовать достижению их целей. Губернатор, полный решимости показать, что герцог Алва не может быть ни более быстрым, ни более ужасным, чем он сам, импровизировал, опираясь на собственную власть, трибунал в подражание печально известному Совету Крови. К счастью для характера страны, Соной не был голландцем, и юрисдикция этого недавно созданного суда не выходила за очень узкие рамки. Однако восемь бродяг были арестованы и обречены на самые ужасные пытки, чтобы добиться от них признаний, изобличающих лиц, занимающих более высокое положение в стране, чем они сами. Семеро, после нескольких оборотов шкива и винта, сознались во всем, в чем от них ожидали признаний, и обвинили всех, кого от них требовали обвинить. Восьмой был более тверд и отказался свидетельствовать о виновности некоторых уважаемых домовладельцев, имен которых он, возможно, никогда не слышал и против которых не было ни тени улик. Однако ему сократили на три с половиной часа жестокой пытки время признания в полном соответствии с их приказом, так что таким образом

были получены обвинения и доказательства против некоторых влиятельных джентльменов провинции, единственным преступлением которых была тайная приверженность католической вере.

Восемь негодяев, которых обещания безоговорочного прощения, с одной стороны, и жестокие пытки - с другой, побудили дать это лжесвидетельство, были приговорены к сожжению заживо, и по пути к костру все они отказались от показаний, которые были вырваны у них только на дыбе. Тем не менее, лица, которые были обозначены таким образом, были арестованы. Обвиненные в подготовке всеобщего пожара деревень и фермерских домов в связи с вторжением Йоргеса и других папистских генералов, они с негодованием заявили о своей невинности; но двое из них, некий Копп Корнелисзун и его сын Наннинг Коппезун, были выбраны для того, чтобы подвергнуться самым жестоким пыткам, которые когда-либо практиковались в Нидерландах. Соной, к своему вечному стыду, был склонен доказать, что человеческая изобретательность в причинении человеческих страданий не была исчерпана в палатах Совета Крови, поскольку должно было быть показано, что Реформаторы были способны преподать урок этой дьявольской науки даже инквизиторам. Коппа, человека преклонных лет, пытали в течение целого дня. На следующее утро его снова подвели к дыбе, но старик был слишком слаб, чтобы вынести все мучения, которые уготовили ему его мучители. Едва его положили на ложе пыток, как он спокойно скончался, к великому негодованию трибунала. "Дьявол свернул ему шею и унес в ад", - свирепо кричали они. "Тем не менее, это не помешает ему быть повешенным и четвертованным". Этот указ обессильной мести был приведен в исполнение. Однако сын Коппа, Наннинг Коппезун, был мужчиной в полном расцвете сил. Он стойко перенес серию невероятных пыток, после которых, когда его тело было опалено с головы до пят, а с ног почти полностью содрали кожу, его оставили на шесть недель ползать по своей темнице на коленях. Затем его привели обратно в комнату пыток и снова растянули на дыбе, в то время как большой глиняный сосуд, сделанный специально для этой цели, был поставлен перевернутым на его обнаженное тело. Под это укрытие было заведено несколько крыс, и на сосуд были насыпаны горячие угли, пока крысы, разъяренные жаром, не вгрызлись в самые внутренности жертвы, отчаянно пытаясь спастись.

[Бор (viii. 628) добросовестно приводит схемы механизмов, с помощью которых была совершена эта дьявольская жестокость. Крыс послал сам губернатор. — Смотрите Письмо уполномоченных Соною, апуд Бор, viii. 640, 641. Все письмо - замечательный памятник варварства. Невероятные пытки, которым подверглись бедняги, подробно описаны в деловой манере, как будто сделки были вполне регулярными и похвальными, Комиссары завершают благочестивыми пожеланиями благополучия губернатору: "Благородный, мудрый, добродетельный и очень сдержанный сэр, - говорят они, - мы хотели проинформировать вас об этом, и теперь мы молимся, чтобы Всемогущий Бог пощадил вас в счастливом, здоровом и продолжительном правительстве" — Однако будет видно, что мудрый, добродетельный и очень сдержанный губернатор, который таким образом вызвал у своих сограждан кишечные расстройства. быть загрызенным крысами, ему не позволили долго оставаться в его "счастливом и здоровом правительстве"]

Дыры, сделанные таким образом в его кровоточащей плоти, были заполнены раскаленными углями. Впоследствии он был подвергнут другим пыткам, слишком отвратительным, чтобы их описывать; и только после того, как он перенес все эти мучения с силой духа, которая казалась сверхъестественной, наконец выяснилось, что он человек. Обожженный, искусанный, с

вывихами во всех суставах, лишенный сна, голодающий, умирающий от жажды, он, наконец, был принужден к ложному признанию обещанием абсолютного прощения. Он признался во всем, что было предъявлено ему в качестве обвинения, признавшись в ряде предполагаемых поджогов и поджогов маяков, о которых он никогда не мечтал, и признался в сговоре с другими отчаявшимися папистами, еще более опасными, чем он сам.

Несмотря на обещания помилования, Наньнин был затем приговорен к смертной казни. Приговор гласил, что его сердце должно быть вырвано из его живой груди и брошено ему в лицо, после чего его голова должна была быть отрублена и выставлена на церковном шпилье его родной деревни. Затем его тело должно было быть разрезано на четыре части, а четверть развешана на разных башнях города Алкмар, ибо именно этот город, недавно столь знаменитый своим героическим сопротивлением испанской армии, теперь был запятнан всей этой хладнокровной жестокостью. Когда его привели к казни, жертва с негодованием отказалась от признаний, вырванных у нее физической слабостью, и оправдала лиц, которых он ложно обвинил. Некий священнослужитель по имени Юриан Эпесзун попытался громкими молитвами заглушить свой голос, чтобы люди не поднялись в негодовании, и умирающий узник на последнем издыхании торжественно призвал этого недостойного пастыря Христова встретиться с ним в течение трех дней перед Божьим судилищем. Это замечательный и достоверный факт, что вызванный таким образом священник в задумчивости вернулся домой с места казни, немедленно заболел и умер в назначенный день.

Несмотря на это торжественное отречение, обвиняемые были арестованы и, в свою очередь, подвергнуты пыткам, но теперь дело дошло до ушей Оранжа. Его безапелляционные приказы, вызванные всеобщим волнением по соседству, наконец остановили ход беспорядков, и обвиняемые были заключены в тюрьму, где они оставались до освобождения в результате Умиротворения Гента. После их освобождения они начали судебное разбирательство против Соноя с целью доказать свою невиновность и привлечь бесчеловечного функционера к ответственности. Однако процесс затянулся и в конце концов был прекращен, поскольку могущественный губернатор оказал такие выдающиеся услуги делу свободы, что было сочтено неразумным доводить его до крайности. То, что эти ужасные преступления не были предотвращены, не является обвинением личности принца. Для него было невозможно быть вездесущим. Также несправедливо считать пытки и смерть, которым таким образом были подвергнуты невинные люди, несмываемым пятном на деле свободы. Это были преступления человека, который когда-то был полезен, но который, подобно графу Де ла Марку, теперь запятнал свои руки кровью невинных. Новый трибунал так и не прижился и был упразднен, как только стали известны ужасы его инициации.

19 июля Аудуотер, совершенно неподготовленный к такому событию, был осажден Хьерджем, но гарнизон и население, хотя и были слабы, проявили храбрость. Город сопротивлялся восемнадцать дней, и 7 августа был взят штурмом, после чего в полной мере проявились обычные ужасы, после чего гарнизон был предан мечу, а положение горожан стало немногим лучше. Мужчин, женщин и детей хладнокровно убивали или вынуждали выкупать свои жизни большими суммами, в то время как матроны и служанки продавались с аукциона солдатам по два-три доллара за штуку. Почти каждый дом в городе был сожжен дотла, и после того, как разыгрались эти ужасные, но очень обычные сцены, армия Йергеса направилась к Шунховену. Этот город, не защищаясь, добился приемлемых условий капитуляции и сдался 24 августа.

Верховный главнокомандующий все еще не оставил надежды на военно-морскую помощь из Испании, несмотря на внезапное прекращение последней организованной экспедиции. Было, однако, необходимо восстановить плацдарм на побережье, прежде чем наступление извне могло быть встречено при надлежащем содействии сухопутных войск; и поэтому он больше всего стремился осуществить отвоевание какой-нибудь части Зеландии. Остров Толен все еще был испанским, и так было со времен достопамятной экспедиции Мондрагона в Южный Бевеланд. Из этой внутренней части архипелага губернатор теперь решил предпринять экспедицию против внешней и более важной территории. Тремя главными островами были Толен, Дуйвеланд и Схувен. Толен был первым, отделившимся от континента. Аккуратным и отделенным от него заливом шириной в две лиги был Дуйвланд, или Остров Голубей. За ним, разделенный более узкой полосой, находился Шувен, выходящий прямо на океан, укрепленный своей сильной столицей Зиериекзее и содержащий другие деревни меньшего значения.

Рекезенс долго обдумывал способы завладеть этим важным островом. Он приказал построить многочисленную армаду лодок и легких судов различных размеров и теперь прибыл в Толью, чтобы организовать экспедицию. Поначалу его перспективы были не из приятных, поскольку заливы и устья рек кишели новозеландскими судами, экипажи которых славились своим мастерством и дерзостью. Однако предатели из самой Зеландии теперь выступили вперед, чтобы научить испанского командующего, как нанести удар в самое сердце их собственной страны. Эти беженцы объяснили Рекезенсу, что узкая равнина простирается под водой от Филипсленда, небольшого и необитаемого островка, расположенного недалеко от Толена, до берега Дуйвеланда. На этом затопленном участке суши вода во время отлива была достаточно мелкой, чтобы перейти ее вброд, и поэтому решительный отряд мог под покровом ночи совершить опасный переход. Прибыв в Дуйвеланд, они могли бы легче пересечь промежуточный ручей до Шоувена, который был не таким глубоким и лишь наполовину таким широким, так что отряд, таким образом, посланный через эти опасные отмели, мог бы овладеть Дуйвеландом и осадить Зиерикзи, оказавшись в самых зубах у новозеландского флота, который не смог бы подплыть достаточно близко, чтобы перехватить их проход.

Командир решил, что предприятие должно быть предпринято. Это не было новшеством, потому что Мондрагон, как мы видели, уже блестяще провел очень похожую экспедицию. Настоящее, однако, представляло собой гораздо более смелый план. Другим подвигом, хотя и достаточно рискованным, и полностью успешным, была победа, одержанная только над морем. Это было неожиданностью и произошло без какого-либо противодействия со стороны врагов-людей. Однако здесь им предстояло иметь дело не только с океаном и тьмой, но и с бдительным и решительным врагом. Зеландцы знали, что задумано это предприятие, и их корабли стояли в прилежащих водах в значительном количестве. Тем не менее, решимость Великого командующего была с энтузиазмом встречена его войсками. Убедившись на личном опыте, что это предприятие возможно и что, следовательно, его храбрые солдаты смогут его осуществить, он решил, что слава об этом достижении должна быть справедливо разделена, как и прежде, между различными нациями, служившими королю.

Завершив свои приготовления, Рекесенс прибыл в Толен, где на randevу были собраны три тысячи пехотинцев, частично испанцев, частично немцев, частично валлонов. Кроме того, экспедицию должен был сопровождать отборный отряд из двухсот саперов и минеров, чтобы, не теряя времени, укрепиться, как только они овладеют Схувеном. Более того, четыреста кавалеристов были размещены в городе Толен, в то время как небольшой флот, подготовленный

в Антверпене, находился недалеко от этого города, готовый сотрудничать с сухопутными войсками, как только они завершат свое предприятие. Теперь Великий командующий разделил все силы на две части: одна половина должна была остаться в лодках под командованием Мондрагона; другая половина в сопровождении двухсот пионеров должна была перейти вброд море из Филиппсленда в Дуйвеланд и Схоувен. Каждый солдат этого отряда был обеспечен парой обуви, двумя фунтами пороха и пайками на три дня в брезентовом мешке, подвешенном к его шее. Руководителем этой экспедиции был дон Осорио д'Уллоа, офицер, отличавшийся своим опытом и храбростью.

В ночь, выбранную для этого предприятия, то есть 27 сентября, луна находилась в четвертой четверти от реду и взошла незадолго до двенадцати. Между четырьмя и пятью часами утра был отлив. В назначенный полночный час Великий командующий переправился на Филиппсленд и, стоя на берегу, наблюдал за выступлением маленькой армии. Он обратился к ним с короткой речью, в которой умело затронул аккорды испанского рыцарства и национальной любви к славе, и ему ответили громкими и восторженными возгласами. Затем дон Осорио д'Уллоа разделся и нырнул в море сразу же после гидов. За ним последовали испанцы, за которыми последовали немцы, а затем валлоны. Следующими шли двести саперов и минеров, а дон Габриэль Перальта со своей испанской ротой замыкал тыл. Это была бурная ночь. Непрекращающиеся молнии попеременно высвечивали и затемняли ход полуночного марша по черным водам, пока встревоженный Командир наблюдал за экспедицией с берега, но солдат быстро поглотил мрак. Продвигаясь осторожно, по двое, отважные искатели приключений вскоре оказались почти по шею в волнах, в то время как затопленный берег, вдоль которого они шли, был таким узким, что неверный шаг вправо или влево был фатальным. Несчастные люди неоднократно погружались, чтобы больше не подняться. Тем временем, когда слабый свет убывающей луны время от времени пробивался сквозь грозовые тучи, солдаты могли ясно различить ряды новозеландских судов, через которые им предстояло пройти и которые стояли на якоре так близко к отмели, как только позволяла вода. Некоторые из них безрассудно высадились на берег в своем стремлении помешать проходу войск, и артиллерия с более крупных судов не переставала стрелять. Отовсюду непрерывно раздавались ружейные залпы, но порывистые молнии затрудняли прицеливание, а огонь был сравнительно безвреден, в то время как испанцы были, кроме того, защищены, что касается значительной части их тел, водой, в которую они были погружены.

Время от времени они останавливались, чтобы перевести дух, или вступали в ожесточенные стычки с ближайшими противниками. Стоя по грудь в волнах и через определенные промежутки времени окруженные полной темнотой, они все же были в состоянии время от времени давать хорошо прицельный залп по рядам противника. Однако зelandцы атаковали их не только огнестрельным оружием. Одних они пронзали своими смертоносными гарпунами; других они стаскивали с тропы лодочными крюками; третьим они выбивали мозги тяжелыми цепями. Много было смертельных поединков, которые велись таким образом во тьме и, так сказать, на дне морском; много было дерзких поступков, которые не мог заметить ни один глаз, кроме тех, кем они были совершены. Тем не менее, несмотря на все препятствия и потери, испанцы неуклонно продвигались вперед. Если другое оружие оказывалось менее доступным, к нему присоединялись свирепые насмешки и оскорбления их часто невидимых врагов, которые поносили их как водяных собак, приносящих пользу хозяину, который их презирал; как наемников, которые меняли свою кровь на золото и использовались тиранами для самых низменных целей. Если бы, уязвленные этими насмешливыми голосами, они повернулись в

темноте, чтобы наказать своих невидимых мучителей, они были бы наверняка растоптаны своими товарищами и сброшены со своей узкой тропинки в морские глубины. Так погибло много людей.

Ночь продолжалась, а искатели приключений все еще сражались мужественно, но очень медленно, и вскоре после рассвета основные силы испанцев, немцев и валлонов достигли противоположного берега, понеся значительные потери, но в полном порядке. Первопроходцам повезло меньше. Волна захлестнула их прежде, чем они смогли пройти, и унесла почти всех. Арьергард под командованием Перальты, не застигнутый, подобно пионерам, в середине перехода приливом, но предотвращенный, пока не стало слишком поздно, продвижением далеко за пределы берега, от которого они отошли, к счастью, смог вернуться по своим следам.

Дон Осорио, возглавлявший отряд удачливых авантюристов, теперь высадился на Дувеланде. Отдохнув лишь на мгновение после этого беспримерного перехода по воде, длившегося более шести часов, они слегка освежились, помолились Деве Марии и святому Иакову, а затем приготовились встретить своих новых врагов на суше. Десять рот французских, шотландских и английских вспомогательных войск находились в Дуйвеланде под командованием Чарльза Ван Буазо. Странно рассказывать, что по необъяснимой случайности или в результате государственной измены этот генерал был убит своими собственными солдатами в тот момент, когда королевские войска высадились. Паника, вызванная этим событием, усилилась, поскольку враг внезапно поднялся, так сказать, из глубин океана, чтобы напасть на них. Они увеличили численность нападавших и в ужасе разбежались во все направления. Одни поплыли к новозеландским судам, стоявшим по соседству; другие укрылись в фортах, построенных на острове; но они вскоре были захвачены испанцами, и завоевание Дувеланда было осуществлено.

Предприятие еще не было завершено, но оставшаяся часть была менее трудной и далеко не такой опасной, поскольку ручей, отделявший Дуйвеланд от Шоувена, был намного уже устья, которое они только что пересекли. Он был меньше лиги в ширину, но так зарос камышом и шиповником, что, хотя переходить его вброд было трудно, он был непригоден для судоходства любых судов. Эта часть экспедиции была выполнена с такой же решительностью, так что после нескольких часов задержки солдаты оказались на столь желанном острове Шувен. Пять рот войск штатов, выставленных для противодействия их высадке, самым трусливым образом бежали при первых залпах испанских мушкетов и укрылись в городе Зирикци, который вскоре после этого был осажден.

Войска были высажены в Дуйвеланде с армады, которая направлялась к месту боевых действий, после того, как по сигналу была получена информация о том, что экспедиция по воде прошла успешно. Броуэрсхафен, расположенный на северной стороне Схоувена, был немедленно взят, но Бомменед сопротивлялся до 25 октября, когда он, наконец, был взят штурмом и предан огню и мечу. Из всего населения и гарнизона в живых не осталось и двадцати человек. Затем Зирикци был взят в осаду, и полковник Мондрагон был оставлен руководить операциями. Рекезенс сам прибыл в Шувен, чтобы дать указания относительно этого важного предприятия.

Чиापин Вителли также прибыл туда в середине зимы и получил такую серьезную травму, упав со своих носилок во время экскурсии по острову, что умер на борту корабля по возвращении в Антверпен. Этот офицер не раз снискивал себе лавры, его поведение в важном сражении под Монсом, в котором были разбиты силы гугенотов под командованием Генлиса, было особенно

похвальным. Он происходил из знатной умбрийской семьи и провел свою жизнь в лагерях, и мало кто из генералов, сопровождавших Алву в Нидерланды, был более известен или более одиозен для местных жителей. Он в равной степени отличался храбростью, жестокостью и дородностью. Последняя черта была настолько примечательной, что его внешность казалась почти чудовищной. Его выпирающий живот всегда поддерживался повязкой, подвешенной к шее, но, несмотря на это огромное препятствие, он лично участвовал в боевых действиях и оказал больше услуг не только как командир, но и как младший офицер, чем многие более молодые и легкие люди.

Осада Зирикци затянулась до июня следующего года, город стойко держался. Нехватка средств привела к тому, что операции проводились вяло, но та же причина помешала принцу добиться их облегчения. Таким образом, экспедиция из Филиппсленда, самый блестящий военный подвиг за всю войну, увенчалась важными результатами. Сообщение между Вальхереном и остальной Зеландией было прервано; провинция разделена надвое; плацдарм на берегу океана; по крайней мере, на короткий промежуток времени, захвачен Испанией. Принц был невыразимо огорчен этими обстоятельствами и чувствовал, что настал момент, когда нужно было использовать все благородные средства для получения иностранной помощи. Голландцы и зеландцы до сих пор сражались в одиночку за свободу, и сражались хорошо, но бедность быстро сделала их неспособными дольше выдерживать неравный конфликт. Предложения людей, которым штаты должны были выплачивать заработную плату, были отклонены как хуже, чем бесплодные. Генрих Наваррский, который, возможно, считал возможным приобрести суверенитет над провинциями за счет столь ничтожной выгоды, был готов послать две или три тысячи человек, но не за свой счет. Это предложение было почтительно отклонено.

Принц и его маленькая страна остались совсем одни. "Даже если мы не только увидим, что весь мир покинул нас, но и что весь мир настроен против нас, - сказал он, - мы не должны прекращать защищаться до последнего человека. Зная справедливость нашего дела, мы полагаемся всецело на милость Божию". Однако он решил еще раз обратиться к сильным мира сего, желая проверить истинность своего знаменитого наблюдения о том, что "не будет недостатка в женихах для невесты, которую он должен был подарить". Короче говоря, необходимо было прямо взглянуть в лицо важному вопросу о формальном отречении от Филиппа.

До сих пор фикция верности сохранялась, и даже враги принца признавали, что она сохранялась без каких-либо предательских намерений. Однако пришло время, когда было необходимо отказаться от верности, при условии, что можно было найти другого, достаточно сильного и откровенного, чтобы принять власть, которой лишился Филипп. Вопрос, естественно, стоял между Францией и Англией, если только провинции не могли добиться своего повторного включения в состав Германской империи. Уже в июне принц официально представил штатам предложение, "не следует ли им вести переговоры с Империей по вопросу их приема с сохранением их собственных конституций", но было понятно, что этот план не будет выполнен, если защиту Империи можно будет получить на более легких условиях.

В то время из этого предложения ничего не вышло. В начале следующего месяца дворяне и депутаты Южной Голландии проголосовали за то, "что их долгом было отказаться от короля как от тирана, который стремился угнетать и уничтожать своих подданных; и что им следовало искать другого защитника". Это было в то время, когда переговоры по Бреде все еще

продолжались, но когда их неизбежный результат был очень заметен. Все еще чувствовалось нежелание делать последний и решающий шаг в восстании, так что видимость лояльности все еще сохранялась; эти древние ножны, в которые меч еще мог однажды быть вложен. Предложение не было принято на сейме. Комитет из девяти человек был просто назначен для обсуждения с принцем "способов получения иностранной помощи без признания иностранной власти или разрыва их связей с его Величеством". Однако несколько месяцев спустя принц созвал представителей сословий для обсуждения этого важного вопроса в Роттердаме. Затем, 1 октября, он официально предложил либо заключить соглашение с их врагом, и чем скорее, тем лучше, либо раз и навсегда полностью отделиться от короля Испании и сменить своего суверена, чтобы с помощью и под защитой другого христианского монарха защитить провинции от их врагов. Более того, Оранж выразил мнение, что в столь важном вопросе им всем решительно необходимо прислушаться к мнению городских властей. Депутаты от различных муниципалитетов согласились с уместностью этого предложения и решили проконсультироваться со своими избирателями, в то время как депутаты от знати также пожелали проконсультироваться со всем своим корпусом. После перерыва в несколько дней сейм снова собрался в Делфте, и тогда знать и города единогласно постановили, "что они оставят короля и обратятся за иностранной помощью, предоставив выбор принцу, который в отношении правительства должен был учитывать мнение сословий".

Таким образом, был сделан великий шаг, благодаря которому две маленькие провинции объявили себя независимыми от своего древнего хозяина. Этой декларации, хотя и принятой в разгар сомнений и тьмы, не суждено было быть отмененной, и зародыш нового и могущественного содружества был посажен. Однако эти отцы-республиканцы так мало предвидели грядущую республику, что решение отречься от одного короля сочеталось с предложением обратиться за властью к другому. Никто и представить себе не мог, что эти две стройные колонны, которые были всем, что еще было возведено в будущем величественном перистиле, окажутся достаточно прочными, чтобы стоять самостоятельно. Теперь возник вопрос, к какой иностранной державе следует обратиться. Но мало надежды можно было питать к Германии, государству, которое существовало только номинально, а Франция все еще находилась в состоянии религиозной и внутренней розни. Мятежная позиция, которую поддерживал герцог Алансонский, казалось, делала трудным и опасным вступление в переговоры со страной, где гражданские войны приняли настолько сложный характер, что лояльный и полезный союз вряд ли мог быть заключен с какой-либо партией. Королева Англии, с другой стороны, боялась гнева Филиппа, из-за которого ее постоянные опасности со стороны Шотландии усугубились бы, в то время как она в равной степени опасалась расширения французской власти в Нидерландах, из-за чего ее сосед приобрел бы подавляющую власть. Ей также было стыдно открыто бросать провинции на произвол судьбы, поскольку предполагалось, что ее королевство является оплотом протестантской религии. Боялся оскорбить Филиппа, боялся отклонить иск Нидерландов, боялся уступить Франции то, что было открыто для английской королевы. То, что в политическом и личном плане она любила больше всего, — бесплодное кокетство. Это принц Оранский предвидел; и хотя он не был расположен оставлять камня на камне в своих попытках найти помощь для своей страны, в целом он скорее склонялся в пользу Франции. Однако он лучше, чем кто-либо другой, знал, как мало оснований для оптимистичных ожиданий ни из того, ни из другого источника.

Было решено от имени его высочества и поместий сначала направить миссию в Англию, но в этом году с этой державой уже велись переговоры неприятного характера. По просьбе

испанского посланника королева Елизавета официально запретила въезд в свои владения передовым нидерландским повстанцам численностью около пятидесяти человек, включая принца Оранского, графов Берга и Кулембурга, а также Сент-Альдегонду, Буазо, Юниуса и других. Вследствие этого принц отправил Альдегонду и Юниуса с секретной миссией во Францию, а королева, ревнивая и встревоженная, тайно отправила Дэниела Роджерса к принцу. В то же время она отправила посланника к главнокомандующему с рекомендациями, примирительными мерами и обещанием направить специальную миссию в Испанию с предложением своего посредничества, но те, кто пользовался наибольшим доверием испанского правительства в Брюсселе, подозревали, что в этих действиях было много обмана. После того как между герцогом Алансонским и его братом было заключено перемирие на шесть месяцев, предполагалось, что союз между Францией и Англией, а возможно, и между Алансоном и Елизаветой, обсуждался и что королевство Нидерландов должно было стать свадебным подарком невесты своему мужу. Эти фантазии приобрели дополнительную окраску из-за того факта, что, в то время как королева выражала самые дружеские намерения по отношению к Испании и величайшую ревность к Франции, английские резиденты в Антверпене и других городах Нидерландов получили частные инструкции как можно быстрее распродать свою собственность и удалиться из страны. В целом, было мало шансов ни на окончательный ответ, ни на существенную помощь со стороны королевы.

Посланниками в Англию были адвокат Буис и доктор Фрэнсис Мальзон, выдвинутые сословиями, и святая Альдегонда, глава миссии, назначенная принцем. Они прибыли в Англию во время рождественского прилива. Представив королеве результаты переговоров в Бреде, они заявили, что принц и поместья, отчаявшись заключить надежный мир, обратились к ней как к честной защитнице Веры и принцессе, происходящей из голландской крови. Хотелось надеяться, что этот намек на смешанные браки Эдуарда III. Англии с Филиппой, дочерью графа Вильгельма III. Эно и Голландии не будет напрасным. Кроме того, они предложили ее Величеству, в случае, если она пожелает оказать решительную помощь штатам, суверенитет над Голландией и Зеландией на определенных условиях.

Королева милостиво выслушала послов и назначила уполномоченных для обсуждения с ними этого вопроса. Тем временем Рекезенс отправил Шампани в Англию, чтобы противодействовать этому посольству сословий и просить королеву не обращать внимания на мольбы мятежников, не вступать с ними в переговоры и немедленно изгнать их из своего королевства.

Королева серьезно заверила Шампани, "что послы были не мятежниками, а верными подданными его Величества". В таком заявлении, безусловно, была некоторая наглость, учитывая торжественное предложение, которое только что было сделано посланниками. Если бы отречение от верности Филиппу и предложение суверенитета Елизавете не представляло собой мятеж, было бы трудно определить или обнаружить мятеж где бы то ни было. Однако это заявление было таким же честным, как и дипломатическая гримаса, с которой Шампани напомнил Елизавете о древней и нерушимой дружбе, которая всегда существовала между ней и его католическим величеством. Попытка Филиппа добиться ее свержения и убийства всего несколько лет назад, без сомнения, считалась слишком незначительным обстоятельством, чтобы хоть на мгновение прервать эти гармоничные отношения. Переговоры ни с одной из сторон ни к чему не привели. Королева по своему обыкновению кокетничала. Она не могла принять предложение о владениях; она не могла сказать им "нет". Она не хотела оскорблять

Филиппа; она не бросила бы провинции; следовательно, она вела бы переговоры — таким образом, было бесконечно много дипломатических махинаций, но результатом было как отказ от провинций, так и оскорбление Филиппа.

В первом ответе, данном ее уполномоченными посланникам штатов, было заявлено, "что ее Величество считает слишком дорогостоящим брать на себя защиту обеих провинций". Она была готова защищать их номинально, но на самом деле она должна была предоставить преимущество исключительно Вальхерену. Оборона Голландии должна поддерживаться за счет принца и поместий.

Это, конечно, не было щедростью, и посланники настаивали на более широких и либеральных условиях. Королева, однако, отказалась, взяв на себя обязательства выйти за рамки этого скупого и неприемлемого предложения. Штаты не были готовы обменять суверенитет над своей страной на столь ничтожную уступку. Королева заявила, что не в состоянии идти дальше, по крайней мере, до консультаций с парламентом. Уполномоченные ждали созыва парламента. Затем она отказалась выносить этот вопрос на рассмотрение этого органа и запретила голландцам предпринимать какие-либо шаги с этой целью. Было очевидно, что она была расположена шутить с провинциями и не имела ни малейшего представления о том, что столкнется с открытой враждебностью Филиппа. Соответственно, посланники попросили свои паспорта. Они были предоставлены в апреле 1576 года с заверением ее Величества, что "она больше подумает о сделанном ей предложении после того, как сделает все, что в ее силах, для достижения соглашения между провинциями и Филиппом".

После результатов переговоров Бреды трудно представить, какой метод она, вероятно, изобрела для достижения такой цели. Король был не более расположен, чем прошлым летом, предоставить свободу вероисповедания, а голландцы не были более готовы, чем раньше, отречься ни от своей веры, ни от своего отечества. Расставаясь, послы предприняли энергичные попытки договориться о займе, но бережливая королева сочла это предложение совершенно неприемлемым. Она предоставила им свободу приобретать оружие и боеприпасы и набирать несколько солдат на их собственные деньги, и, соответственно, это было сделано в ограниченном объеме. Поскольку в тот воинственный век было нетрудно нанять солдат или купить порох где угодно, при условии наличия денег, у штатов вряд ли были основания считать себя глубоко обязанными за эту уступку. И все же это был общий результат посольства. Было произнесено множество прекрасных слов, которые могли иметь значение, а могли и не иметь, в зависимости от поворотов, которые принимали предстоящие события. Помимо этих дешевых и пустых любезностей, они получили разрешение защищать Голландию за свой счет; с привилегией передать ее суверенитет, если им захочется, королеве Елизавете - и это было все.

19 апреля посланники вернулись в свою страну и представили сословиям скудные результаты своих переговоров. Очень скоро после этого, по неофициальному предложению Генриха III. и королева-мать, чтобы можно было ожидать более благоприятного результата, если бы герцогу Алансонскому были поданы те же заявления, которые были столь неудовлетворительно приняты Елизаветой, назначили во Францию уполномоченных. Однако на том этапе оказалось невозможным продолжить переговоры из-за проблем, вызванных позицией герцога. Провинции по-прежнему, как и с самого начала, были совершенно одиноки.

Рекезенс был более чем когда-либо стеснен в средствах, время от времени с возрастающим трудом выжимая незначительные субсидии из сопротивляющихся поместий Брабанта,

Фландрии и других послушных провинций. Когда он все еще находился в Дуивеланде, генеральный управляющий поместьями направил ему длинный протест против неподобающего поведения солдат в ответ на его требование о припасах. "О, эти поместья! эти поместья! - воскликнул великий командор, получив такие яростные упреки вместо своих денег. - да избавит меня Господь от этих поместий!" Тем временем важная осада Зирикци продолжалась, и было очевидно, что город должен пасть. В распоряжении принца не было денег. Граф Джон, который был серьезно смущен из-за больших денежных обязательств, которые он вместе с остальными членами своей семьи взял на себя в интересах поместий, недавно обратился к принцу с просьбой повлиять на него, чтобы добиться для него помощи. Он прислал отчет о значительных успехах, достигнутых им самим и его братьями в виде денег, посуды, мебели и различных поощрений, частичное возмещение которых было почти необходимо, чтобы избавить его от серьезных трудностей. Принц, однако, не смог оказать ему никакой помощи и был вынужден еще раз умолять его проявить великодушие и самоотречение, в которых страна никогда не испытывала недостатка ни в нем, ни в его родственниках. Апелляция не была напрасной, но граф, очевидно, был не в состоянии в тот момент предпринять что-либо еще, чтобы облегчить финансовое положение штатов. Казначейство было подорвано.

[Взносы Голландии и Зеландии на военные расходы составляли сто пятьдесят тысяч флоринов ежемесячно. Жалованье капитана составляло восемьдесят флоринов в месяц; жалованье лейтенанта - сорок; жалованье капрала - пятнадцать; жалованье барабанщика, флейтиста или священника - двенадцать; жалованье простого солдата - семь с половиной. Капитан также имел ежемесячно сто пятьдесят флоринов для распределения среди наиболее отличившихся в своей роте. Каждый солдат также был обеспечен едой, постельными принадлежностями, огнем, освещением и мытьем.— Журнал "Реном де Франс", том ii. с. 46,]

Голландия и Зеландия были разделены надвое оккупацией Шувена и приближающимся падением его столицы. Германия, Англия, Франция - все отказались протянуть руку для спасения героических, но изнуренных маленьких провинций. Именно в этот момент отчаянное, но возвышенное решение овладело разумом принца. Казалось, оставался только один способ навсегда изгнать испанцев из Голландии и Зеландии и спасти жителей от неминуемого разорения. Принц долго размышлял над этим планом, и, казалось, пробил час для его осуществления. Его проект состоял в том, чтобы собрать все суда любого описания, которые можно было достать по всей территории Нидерландов. Все население двух провинций, мужчины, женщины и дети, вместе со всем движимым имуществом страны, должны были затем погрузиться на борт этого многочисленного флота и отправиться на поиски нового дома за морями. Затем ветряные мельницы должны были быть сожжены, дамбы пробиты, шлюзы открыты во всех направлениях, и страна навсегда была возвращена океану, из которого она возникла.

Трудно сказать, было бы ли это решение, если бы Провидение допустило его выполнение, в целом лучше или хуже для человечества и цивилизации. Корабли, которые доставили бы героического принца и его богатства, могли бы отправиться в направлении недавно открытого Западного полушария. Религиозная колония, насажденная коммерческой и свободолюбивой расой на девственной почве и управляемая руками патрициев, но самоотверженных, могла бы на полвека опередить колонию, которую родственной расе, движимой сходными мотивами и в чем-то сходных обстоятельствах суждено было основать на суровых берегах Новой Англии. Если бы они направили свой курс на теплые и благоухающие острова Востока, среди этих

плодородных регионов могло бы возникнуть независимое христианское содружество, превосходящее по значимости любую последующую колонию Голландии, с самого своего рождения стесненную абсолютным подчинением далекой метрополии.

Неожиданная смерть Рекезенса внезапно развеяла эти планы. Осада Зирикци занимала большую часть внимания губернатора, но недавно он написал своему государю, что теперь ее ослабление несомненно. Он добавил настоятельную просьбу о выделении денег, имея достаточный запас которых, он заверил Филиппа, что сможет немедленно довести войну до конца. Ожидая этих поставок, он, вопреки всем законам и разумным доводам, предпринял безуспешную попытку захватить пост Эмбден в Германии. Примерно в то же время среди его войск в Гарлеме вспыхнул мятеж, и он снабдил горожан оружием для самообороны, дав бесплатное разрешение использовать его против повстанческих войск. Таким образом, мятеж был подавлен, но был создан опасный прецедент. Беспокойство по поводу этого восстания, как предполагается, ускорило смерть Великого Командующего. 1-го числа его охватила сильная лихорадка, оборвавшая его существование 5 марта, на пятьдесят первом году его жизни.

Нет необходимости подробно останавливаться на его карьере, основные эпизоды которой были достаточно описаны. Рекезенс был человеком высокого положения по рождению и должности, носов совершенно заурядным персонажем. Его таланты как для войны, так и для гражданских занятий были не выше посредственности. Его друзья спорили, был ли он более великим на поле боя или в совете, но несомненно, что он не был велик ни в том, ни в другом. Его фанатизм был равен фанатизму Алвы, но соперничать с герцогом в жестокости было невозможно. Более того, положение в стране после семи лет пыток при его предшественнике затруднило ему на момент прибытия имитировать суровость, которая сделала имя Альвы печально известным. Совет Крови сохранялся на протяжении всего его правления, но его оккупация прекратилась из-за нехватки пищи для его свирепости. Послушные провинции были очищены от протестантов; хотя они и пострадали от конфискации, они не представляли собой поля для дальнейшего вымогательства. Из Голландии и Зеландии, где католицизм был почти исключен, король Испании также был почти исключен. Совет Крови, который, если бы был создан в этой стране, казнил бы каждое живое существо из ее населения, мог только издали наблюдать за теми, кто стал бы его жертвами. Рекезенс ранее отличился на двух полях сражений: резня в Гранаде и резня в Лепанто. В обоих случаях он был военным наставником дона Джона Австрийского, который вскоре должен был сменить его в правительстве Нидерландов. Императорскому бастарду было присвоено первенство, но считалось, что Великий Командующий имел право на более чем равную долю славы.

Мы видели, какую дополнительную репутацию приобрели реквезены в провинциях. Экспедиция против Дуйвеланда и Схоувена была, в целом, самым блестящим военным подвигом за время войны, и ее успех отражает неувядающий блеск стойкости и дисциплины испанских, немецких и валлонских солдат. Как акт личной отваги в плохом деле, ему редко кто мог сравниться. Однако вряд ли можно сказать, что Великий Командующий имел право на какую-либо большую похвалу за успех экспедиции. План был разработан новозеландскими предателями. Он был приведен в исполнение благодаря преданности испанских, валлонских и немецких войск; в то время как Рекезенс был лишь зрителем сделки. Его внезапная смерть на мгновение остановила отлив в делах Нидерландов, который быстро оставлял страну голой и опустошенной, и за ним последовала череда непредвиденных сделок, описать которые сейчас наш долг.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Как сказала старуха императору Адриану
Прекрасная девица, у которой, конечно же, не было недостатка в поклонниках
Дыхание, время и бумага были потрачены впустую, и ничего не выиграно
Не обращайтесь внимания ни на слова, ни на угрозы в любом вопросе
Отличался храбростью, жестокостью и дородностью
Ему никогда не нравилось общаться в обществе, за исключением длительных перерывов
Человеческая изобретательность в причинении человеческих страданий
Мир был желателен, но он мог быть опаснее войны
Предложение, сделанное волками овцам, в басне
Осуждало фанатизм, который уже вырос
Реформаторы были способны преподать урок даже инквизиторам
Результатом стало как оставление провинций, так и оскорбление Филиппа
Подавление отправления римской религии
Более убедительный арбитраж по поводу пороха

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 25.

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотхоп Мотли , 1855

ГЛАВА IV.

Принятие дел государственным советом в Брюсселе—Колебания в Мадриде—Иоахим Хоппер—
Маль-администрация—Бдительность Оранжевых—Провинции сближаются—Неравенство
конфликта—Физическое состояние Голландии—Новый акт о союзе между Голландией и
Зеландией—Власть принца определена и расширена—Охарактеризовано государственное
устройство провинции—Великодушные чувства принца—Его дух терпимости—Письма короля—
Отношение великих держав к Нидерландам—Переписка и политика Елизаветы—Тайные
переговоры с Францией и Алансоном—Запутанный и угрожающий аспект Германии—
Ответственная и трудоемкая позиция Оранжевых—Попытка освободить Зирикци—Смерть
адмирала Буазо—Капитуляция города на почетных условиях—Мятеж испанских войск в
Схувене—Общие причины недовольства—Тревожный рост мятежа—Полки мятежников входят в
Брабант—Бесплодные попытки их усмирить—Они овладевают Алостом—Эдикты
государственного совета, осуждающие их—Сильное волнение в Брюсселе и Антверпене—
Письма от Филиппа, привезенные маркизом Гавром—Продолжающееся промедление короля—
Пагубное подтверждение принятой королевской власти государственным советом—
Объединенное и всеобщее сопротивление иностранному военному гнету—Немецкие войска и
гарнизон Антверпена под командованием Авилы присоединяются к восстанию—Письмо
Вердуго—Приближается кризис—Жером де Рода в цитадели—Всеобщий мятеж.

Смерть Рекезенса, несмотря на его четырехдневную болезнь, наступила так внезапно, что у
него не было времени назначить своего преемника. Если бы он воспользовался этой
привилегией, которую давал ему его патент, предполагалось, что он назначил бы графа

Мансфельда исполнять функции генерал-губернатора до тех пор, пока король не примет иного решения.

В отсутствие какого-либо определенного соглашения Государственный совет, согласно праву, на которое этот орган претендовал из обычая, взял бразды правления в свои руки. Из старого состава правления не осталось никого, кроме герцога Эршо, графа Берлаймона и Виглена. Однако вскоре к ним королевским дипломом были добавлены испанец Жером де Рода и нидерландцы Ассонлевиель, барон Рассенгхем и Арнольд Сасбу. Таким образом, все члены, за исключением одного, того, что теперь стало исполнительным органом, были уроженцами страны. Соответственно, на Рода его коллеги смотрели косо. Виглиус рассматривал его как человека, желавшего повторить роль, которую Хуан Варгас сыграл в Совете Крови, в то время как другие члены, хотя и были убежденными католиками, все были настроены отстаивать притязания нидерландской знати на долю в правительстве Нидерландов.

Таким образом, какое-то время передача власти, казалось, проходила гладко. Государственный совет осуществлял управление страной. Питеру Эрнесту Мансфельду было доверено верховное военное командование, включая правительство Брюсселя; и испанские военачальники, хотя и были недовольны тем, что такой чести удостоивается кто угодно, кроме испанца, на некоторое время затихли. Когда новость достигла Мадрида, Филипп был крайне смущен. Смерть Рекесенса вызвала его негодование. Он был зол на него не за смерть, а за то, что он умер в столь неподходящий момент. Он еще не принял окончательного решения ни о своем преемнике, ни о политике, которую будет проводить его преемник. На вакантный пост претендовало несколько кандидатов; в кабинете министров существовали различные мнения относительно того, какую линию поведения следует избрать. Не имея возможности немедленно принять решение в связи с этим неожиданным происшествием, Филип как бы погрузился в долгую задумчивость, более неподходящей, чем эта. Когда страна находилась в состоянии революции и раздражения, транс, который теперь, казалось, охватил правительство, должен был привести к смертельным последствиям. Стационарной политике, к которой привела смерть Рекесенса, было позволено продолжаться бесконечно, и почти впервые в своей жизни с Иоахимом Хоппером действительно консультировались по поводу дел того департамента, которым он воображал себя и, как обычно предполагали другие, руководил в Мадриде. Креатура Виглиуса, обладавший всем подобострастием, но лишенный проницательности своего покровителя, он долгое время занимал пост начальника нидерландского бюро, находясь в глубоком неведении о делах, которые велись в его ведомстве. Он был тайным советником, к советам которого никогда не прислушивались, доверенным слугой, которому король доверял только на том основании, что ни один человек не мог раскрыть тайны, которых он не знал. Такое поведение короля показывало, что он точно оценил этого человека, поскольку Хоппер вряд ли подходил для должности главного клерка. Он не мог ясно писать ни на одном языке, потому что не был способен к всесторонне развитой мысли ни по одному предмету. Можно предположить, что, следовательно, по столь внезапно предложенному случаю не было бы выработано ничего, кроме провальной политики. - Этот бедный мастер Хоппер - набожный человек, - сказал Гранвель, - но он больше подходит для платонических изысканий, чем для государственных дел.

Доказательством его некомпетентности было то, что теперь, когда к нему действительно обратились за советом в чрезвычайной ситуации, он рекомендовал продлить временный контракт. Конечно, ничего хуже придумать было нельзя. Гранвель рекомендовал переназначить герцогиню Маргарет. Другие предлагали герцога Эрика Брауншвейгского или эрцгерцога

австрийского дома; хотя мнение большинства влиятельных советников было в пользу дона Иоанна Австрийского. Во всяком случае, в интересах Филиппа и его деспотизма ничто не могло быть более пагубным, чем промедление. При том положении дел, которое тогда существовало, самый худший или слабейший губернатор был бы лучше, чем вообще никакого. Оставить вакантное место означало сыграть прямо на руку "Оранжевым", ибо было невозможно, чтобы столь искусный противник сразу не заметил промаха и не извлек из него максимальную выгоду. Странно, что Филипп не видел опасности бездействия в такой критический момент. Конечно, лень никогда не была его пороком, но в данном случае нерешительность сделала свое дело. Сам того не желая, деспот помогал усилиям освободителя. Виглий видел положение вещей со своей обычной проницательностью и удивлялся слепоте Хоппера и Филипа. На последнем издыхании жизни, которую ни ученость, ни накопление мирских благ не могли избавить от присущей ей низости, проницательный, но не почтенный старик увидел, что с каждым днем расширяется пропасть, в которой религия и деспотизм, которые он любил, вскоре могут быть безнадежно поглощены. "Принц Оранский и его Нищие не спят, - воскликнул он почти с тоской, - и не успокоятся до тех пор, пока не воспользуются этим междуцарствием, чтобы причинить нам какую-нибудь огромную обиду". Конечно, принц Оранский не спал ни по поводу этого, ни по поводу какого-либо другого великого события в своей жизни. На своем собственном энергичном языке, которым пользовался, чтобы подбодрить своих друзей в разных частях страны, он ухватился за быстрый повод. Он возобновил переписку со многими видными джентльменами в Брюсселе и других местах Нидерландов; влиятельными людьми, которые теперь впервые проявили склонность встать на сторону своей страны против ее тиранов. До сих пор земля была разделена на две очень неравные части. Голландия и Зеландия были преданы принцу; все их население, едва ли за отдельным исключением, обратилось в реформатскую религию. Остальные пятнадцать провинций были в целом лояльны королю, в то время как старая религия в последние годы снова так быстро пустила корни, что, возможно, часть их населения можно было бы считать католической. В то же время царство террора при Альве, более бледная, но не менее отчетливая тирания Рекезенса и невыносимые бесчинства иностранной солдатни, с помощью которой поддерживалось правительство иностранцев, в конце концов свели с ума всех жителей семнадцати провинций. Таким образом, несмотря на фатальную разницу в религиозных взглядах, все они были втянуты в более тесные отношения друг с другом; восстановление своих древних привилегий и изгнание ненавистных иностранцев со своей земли были общими для всех целями. Провинции были объединены одной великой ненавистью и одной великой надеждой.

Голландцы и зеландцы под руководством своего героического лидера почти выполнили обе задачи, что касалось этих маленьких провинций. Однако никогда еще соревнование не казалось более безнадежным в самом начале. Бросьте взгляд на карту. Посмотрите на Голландию — не на Республику с ее родственными провинциями за Зюйдер—Зее, а только на Голландию с Зеландским архипелагом. Посмотрите на этот узкий язычок наполовину затопленной земли. Кто бы мог предположить, что на этой узкой песчаной отмели, протяженностью сто двадцать миль и шириной от четырех до сорока миль, один человек, опираясь на поддержку населения горстки городов, сможет девять лет сражаться с повелителем двух миров, "Владыкой Азии, Африки и Америки" — деспотом прекраснейших королевств Европы — и наконец победить его. Уильям даже не был полным хозяином той узкой отмели, где держались выжившие после великого национального кораблекрушения. Северная и Южная Голландия были разделены надвое потерей Гарлема, в то время как враг овладел

естественной столицей маленькой страны Амстердамом. Принц подтвердил, что дело больше пострадало от нелояльности Амстердама, чем от всех усилий врага.

Более того, страна находилась в самом запустелом состоянии. Это был почти буквально тонущий корабль. Разрушение бастионов со стороны океана было настолько масштабным вследствие добровольных затоплений, которые были описаны на предыдущих страницах, и по причине общего пренебрежения к более важным занятиям, что теперь для сохранения физического существования страны были необходимы огромные затраты как труда, так и денег. Труд и деньги, несмотря на тяжелое и нищенствующее положение нации, были, однако, пожертвованы безвозмездно; снова был продемонстрирован замечательный пример энергии и терпеливого героизма. Дамбы, которые были сметены во всех направлениях, были обновлены за огромные деньги. Более того, в ходе недавних событий страна практически лишилась своего скота, и было необходимо принять закон, запрещающий на значительный период забой любых животных, "быков, коров, телят, овец или домашней птицы". К сожалению, невозможно было законодательно предотвратить то истребление человеческого населения, которое было предписано Филиппом и папой Римским.

Таково было физическое и моральное состояние провинций Голландия и Зеландия. Политическое устройство обеих провинций приобрело в эту эпоху несколько иной вид. Союз между двумя государствами, заключенный в июне 1575 года, требовал улучшения. Отправление правосудия, коллизии законов и, в частности, распределение денежных средств и войск в справедливых пропорциях не были урегулированы абсолютно гладко. Сословия двух провинций, собравшиеся на конгресс в Делфте, заключили, таким образом, новый акт об объединении, который был должным образом подписан 25 апреля 1576 года. Эти сословия, состоявшие из рыцарей и дворян Голландии, а также депутатов от городов и графств Голландии и Зеландии, были должным образом созваны принцем Оранским. Они настолько справедливо включали в себя все политические способности и обеспечивали настолько обильное представление национальной воли, насколько можно было ожидать, поскольку на каждой странице его истории очевидно, что принц во всех случаях предпочитал направлять свою политику на одобрение и утверждение такой значительной части народа, какую любой человек в те дни считал способным или желающим выполнять политические функции.

Новый союз состоял из восемнадцати статей. Было установлено, что депутаты от всех сословий должны собираться по вызову принца Оранского или иным образом под страхом штрафа и с риском принятия обязательных для них мер остальной частью Конгресса. Вновь возникающие судебные дела должны были передаваться на рассмотрение принцу. Были гарантированы свободные сношения и торговля через соединенные провинции. Конфедераты должны были взаимно помогать друг другу в предотвращении любой несправедливости или насилия, даже по отношению к врагу. Договаривающиеся государства взаимно обещали власть закона и чистое отправление правосудия. Общие расходы должны были распределяться между различными провинциями, "как если бы все они были включены в республику одного города". Девять уполномоченных, назначаемых князем по представлению сословий, должны были заседать постоянно в качестве его советников, а также ассессоров и сборщиков налогов. Срок полномочий профсоюза составлял от шести месяцев до полугода с уведомлением за шесть недель.

Составители этого договора, определив таким образом общие контуры конфедерации, заявили, что сформированное таким образом правительство должно быть подчинено единому главе. Соответственно, они наделили принца верховной властью, определив его полномочия в восемнадцати статьях. Он был объявлен главнокомандующим на суше и на море. Он должен был назначать всех офицеров, от генералов до младших, и платить им по своему усмотрению. Вся защита страны была возложена на него. Он должен был посылать гарнизоны или войска в каждый город и деревню по своему усмотрению, без совета или согласия сословий, магистратов городов или каких-либо других лиц вообще. Он должен был от имени короля как граф Голландии и Зеландии добиться отправления правосудия верховным судом. В том же качестве он должен был обеспечивать вакансии на всех важных политических и судебных должностях, выбирая, по совету сословий, по одному офицеру на каждую вакантную должность из трех кандидатов, выдвинутых ему этим органом. Он должен был назначать и возобновлять в обычное время должности магистратов в городах в соответствии с древними конституциями. Он должен был вносить изменения в эти советы, при необходимости, в необычное время, с согласия большинства тех, кто представлял великий совет и корпус упомянутых городов. Он должен был поддерживать авторитет и превосходство всех гражданских чиновников и препятствовать тому, чтобы губернаторы и военные офицеры принимали какое-либо участие в политических или судебных делах. Что касается религии, то он должен был поддерживать практику Реформированной евангелической религии и заставить прекратить исповедание всех других религий, противоречащих Евангелию. Однако Он не должен был допускать, чтобы инквизиция вторгалась в веру или совесть какого-либо человека, или чтобы какой-либо человек по причине этого страдал от неприятностей, увечий или помех.

Заклученная таким образом лига представляла собой конфедерацию группы фактически независимых маленьких республик. Каждый муниципалитет был, так сказать, маленьким сувереном, посылающим посланников на конгресс для голосования и подписания в качестве полномочных представителей. Таким образом, голосование в каждом городе было неделимым, и практически не имело значения, был ли там один депутат или несколько. Дворяне представляли не только свой собственный орден, но и должны были действовать от имени сельского населения. В целом, существовало достаточно справедливое представительство всей нации. Народ был хорошо и достойно представлен в правительстве каждого города, а следовательно, в равной степени и в собрании сословий. Лишь позднее корпорации, вследствие исчезновения народного элемента и узурпации права на самоизбрание, окончательно превратились в вымышленных персонажей, которые никогда не умирали и которые никогда не были по-настоящему живыми.

В эту эпоху провинциальные свободы, насколько они могли защититься от испанского деспотизма, были практичными и существенными. Правительство было представительным, в котором все те, кто имел к этому склонность, в той или иной степени обладали правом голоса. Хотя различные члены конфедерации были локально и практически республиками или самоуправляемыми небольшими государствами, общее правительство, которое они установили, было по форме монархическим. Полномочия, предоставленные Оранскому, делали его временным сувереном, поскольку, пока власть испанского монарха оставалась приостановленной, принц был наделен не только всей исполнительной властью и полномочиями по назначению, но даже очень значительной долей в законодательных функциях государства.

Вся система была скорее практической, чем теоретической, без какого-либо точного распределения политических полномочий. В живых, энергичных сообществах, где кровь политического организма циркулирует быстро, существует неизбежная тенденция различных органов сочувствовать и смешиваться более тесно, чем это допускала бы априорная философия. Обычно более желательно, чем практически возможно, сохранять полную независимость исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти друг от друга.

Конечно, принц Оранский в тот момент не предавался размышлениям о природе и происхождении правительства. Конгресс в Делфте только что наделил его почти королевской властью. В его руках были полномочия в области войны и мира, совместный контроль над магистратурами и судами правосудия, абсолютное превосходство над армией и флотами. Это правда, что эти атрибуты были присвоены ему временно, но только от него самого зависело сделать суверенитет личным и постоянным. Однако он был настолько поглощен своей работой, что даже не заметил диадемы, которую отложил в сторону. Для него не имело значения, называли ли его штатгальтером или стражем, принцем или королем. Он был отцом своей страны и ее защитником. Люди, от высших до низших, называли его "отец Уильям", и этого титула ему было достаточно. Вопрос для него заключался не в том, как люди должны называть его, а в том, как ему лучше всего выполнить свою задачу.

Его так мало вдохновляло чувство самовозвышения, что он с тревогой искал подходящего человека — сильного, мудрого и достаточно волевого — для осуществления суверенитета, который был возложен на него, но который он желал обменять на возросшую власть, чтобы быть активно полезным своей стране. Изгнать иностранного угнетателя, задушить инквизицию, сохранить древние свободы нации - здесь было достаточно работы для его собственных рук. Вульгарная мысль о том, чтобы построить трон на несчастьях своей страны, похоже, не приходила ему в голову. Однако в одном вопросе принц был категоричен. У него не было бы преследований за противоположное вероисповедание. Его попросили подавить католическую религию в терминах. Как мы видели, он заменил это выражение словами "религия, расходящаяся с Евангелием". Он решительно выступал против любого вмешательства в совесть людей или выяснения их мыслей. Повергая испанскую инквизицию в прах, он не хотел, чтобы на ее месте была создана кальвинистская инквизиция. Искренне обратившись в реформатскую религию, но ненавидя и осуждая только то, что было испорчено в древней Церкви, он не стал бы огнем и мечом заставлять людей идти на небеса его собственным путем. Плата за размышление должна быть бесплатной. Ни монах, ни священник не должны сжигать, топить или вешать своих ближних, если доводы или увещевания не смогли избавить их от заблуждения. В тот век подняться на такую высоту было немалой добродетелью. Мы знаем, что сделали кальвинисты, цвинглианцы, лютеране в Нидерландах, Германии, Швейцарии и почти столетие спустя в Новой Англии. Поэтому мы относимся к этому большому и истинно католическому уму с возросшим почтением. Его терпимость не была безразличной. Никто не может прочесть его личные сочинения или основательно познакомиться с его внутренней жизнью, не признав в нем глубоко религиозного человека. У него была непоколебимая вера в Бога. Он также верил в человека и любил своих братьев. Неудивительно, что в тот век религиозного фанатизма он подвергался нападкам с обеих сторон. В то время как папа отлучил его от церкви как еретика, а король назначил награду за его голову как мятежника, фанатики новой религии осудили его как безбожника. Петер Датенус, лишенный сана монах из Паперингена, прокричал со своей кафедры, что "принца Оранского не волнуют ни Бог, ни религия".

Смерть Рекесенса открыла первую лазейку, с помощью которой бдительный принц мог надеяться нанести рану жизненно важной части испанской власти в Нидерландах. Вялость Филиппа и назойливые советы скучного Попрыгунчика неожиданно расширили проход. 24 марта его Величество направил генеральным штатам, провинциальным управлениям и судам письма, в которых инструктировал их, что до дальнейших распоряжений все они должны подчиняться Государственному совету. Король был уверен, что все сделают все возможное, чтобы помочь этому органу в обеспечении святой католической веры и безоговорочного повиновения страны своему суверену. Тем временем он займется выбором нового генерал-губернатора, который должен принадлежать к его семье и крови. За этим неопределенным и опасным положением вещей с болезненным интересом наблюдали в соседних странах.

Судьба всех наций была в той или иной степени вовлечена в развитие великого религиозного состязания, которое сейчас ведется в Нидерландах. Англия и Франция с большой ревностью следили за действиями друг друга в направлении провинций. Королева-протестантка была естественным союзником борющихся реформаторов, но ее деспотические чувства не позволяли разжигать восстание против помазанника Господня. Бережливая королева с тревогой смотрела на перспективу больших субсидий, которые, несомненно, от нее потребуют. Ревнивая королева могла так же плохо переносить присутствие французов в Нидерландах, как и испанцев, которых они должны были изгнать. Поэтому она, как обычно, поставила в неловкое положение действия принца, прибегнув к банальному политическому кокетству. Она написала ему 18 марта, вскоре после известия о смерти Великого командующего, сообщив, что пока не может принять сделанное ей предложение взять провинции Голландия и Зеландия под свою надежную опеку, принять на себя, как графиня, суверенитет над ними и защищать жителей от предполагаемой тирании короля Испании. Она не хотела этого делать до тех пор, пока не приложит все усилия, чтобы примирить их с этим сувереном. Перед смертью Рекесенса она намеревалась отправить к нему посланника с предложением перемирия с целью переговоров. Этой цели она до сих пор придерживалась. Ей следует направить уполномоченных в Государственный совет и к новому губернатору, когда он прибудет. Ей также следует направить специального посланника к королю Испании. Она не сомневалась, что король последует ее совету, услышав, как она говорит таким прямолинейным языком. Тем временем она надеялась, что они не будут вести переговоры ни с какими другими державами.

Это было не очень удовлетворительно. Королева отвергла предложения, сделанные самой себе, но попросила, чтобы они ни в коем случае не были сделаны ее соперницам. Выраженное намерение смягчить сердце Филиппа использованием прямолинейных выражений казалось всего лишь жалким сарказмом. Вряд ли стоило долго ждать столь невероятного результата. Вот и все для Англии на том этапе. Не враждебной, конечно; но чрезмерно осторожной, неблагодарной, дразнящей и сбивающей с толку была политика королевы-девственницы. Что касается Франции, то события там, казалось, благоприятствовали надеждам Оранжевых. 14 мая в Париже был подписан "Мир Месье", договор, благодаря которому гугеноты добились столь обширного, но столь недолговечного триумфа. Все было признано, но ничего не было обеспечено. Права на отправление культа, право занимать должности, политические и гражданские, религиозные права были восстановлены, но не гарантированы. Тогда казалось маловероятным, что король мог быть серьезен, даже если Валуа из династии Медичи мог когда-либо вести себя иначе, чем вероломно. Таким образом, было почти очевидно, что реакция произойдет; но нам, спустя три столетия после события, легче отметить точный момент реакции, чем самому дальновидному современнику предсказать, как скоро это произойдет. Тем

временем принцу было велено пользоваться этим солнечным светом, пока он еще светит. Уже тогда, как только между Голландией и Зеландией была заключена уния от 25 апреля, он вынудил сословия начать переговоры с Францией. Провинции, хотя и желали передать ему верховную власть, не были склонны отказываться от своей старой верности своему королю, чтобы предоставить ее в распоряжение иностранца. Тем не менее, по неоднократным требованиям Оранского сословия приняли решение приступить к смене хозяина и с этой целью вести переговоры с королем Франции, его братом или любым другим иностранным властителем, который хотел бы получить эти провинции Голландия и Зеландия под свое правительство и защиту. Соответственно, были начаты переговоры с герцогом Анжуйским, дилетантским лидером гугенотов на том знаменательном этапе. Жаль, что среди помазанников земли нельзя было найти лучшего защитника, чем лживый, непостоянный, глупый алансонец, чья карьера, вызывающая всеобщее презрение, нигде не была столь плачевной, как в Нидерландах. Согласно четырнадцатой статье Парижского мирного договора, принц был восстановлен и обеспечен в своем княжестве Оранском и других своих владениях во Франции. Наилучшие чувства, на какое-то время, проявлялись между французским двором и Реформацией.

Вот и все для Англии и Франции. Что касается Германии, перспективы Нидерландов были не слишком обнадеживающими. Реформаторский дух ослабел по разным причинам. Своекорыстные мотивы многих протестантских князей вызывали отвращение у знати. Была ли в этом цель кровавых религиозных войн - дать возможность нескольким властителям обогатиться, конфисковав обширные земли и накопленные сокровища Церкви? Неужели вероучение Лютера было принято только для таких недостойных целей? Эти подозрения охладили пыл тысяч людей, особенно среди знати страны. Более того, разногласия между самими реформаторами нарастали с каждым днем и становились все более пагубными. Ни народ, ни его лидеры не могли усвоить этого, требовалась не новая доктрина, а мудрое терпимое отношение ко всем христианским доктринам. В новых доктринах недостатка не было. Лютеране, кальвинисты, флакцианисты, майористы, адиафористы, брантианисты, вездесущие - все они толпились и боролись друг с другом. В этом было бы мало вреда, если бы реформаторы знали, что означает реформация. Но они не могли изобрести или вообразить терпимость. Все претендовали на привилегию преследования. Среди великих людей страны были проникательные и честные люди, но их было очень мало. Мудрый Вильгельм Гессенский из всех сил старался добиться согласия между враждующими сектами; граф Иоанн Нассауский, хотя и был страстным кальвинистом, делал не меньше; в то время как курфюрст Саксонии, с другой стороны, бушевал и ревел, как башанский бык, был за то, чтобы принести интересы миллионов в жертву своей личной злобе. Проклято было бы его племя, если бы он простил принца. Он сделал все, что мог, на Ратисбонском сейме, чтобы исключить всех кальвинистов из участия в религиозном мире Германии, и он удвоил свои усилия, чтобы предотвратить распространение каких-либо льгот на кальвинистов Нидерландов. Эти определения оставались постоянными и интенсивными.

В целом политический облик Германии был столь же угрожающим, сколь и облик Франции, которая какое-то время казалась благоприятной для планов оранских. Ссоры князей и ежедневно расширяющийся раскол между лютеранами и кальвинистами, казалось, не сулили ничего хорошего делу религиозной свободы. Властители были озадачены и пребывали в разногласиях, знать - вялой и недовольной. Среди народа, хотя и разделенного на враждебные группировки, было больше жизни. Здесь, по крайней мере, были сердечность любви и

ненависти, восторженная убежденность, серьезность и возбуждение. "Истинная религия, - писал граф Джон, - ежедневно распространяется среди простых людей. Среди сильных мира сего, считающих себя высокоучеными и сидящих в розах, оно растет, увы, мало. То тут, то там можно встретить одного-двух Никодимусов, но дела здесь вряд ли пойдут лучше, чем во Франции или Нидерландах".

Таким образом, обстояли дела в соседних странах. Перспектива была мрачной в Германии, более обнадеживающей во Франции, сомнительной или того хуже - в Англии. Больше работы, больше тревог, больше отчаянной борьбы, чем когда-либо, легло на плечи принца. Секретарь Брунинк писал, что его прославленный шеф был довольно здоров, но так загружен делами, печалью и изнурительными переживаниями, что с утра до ночи у него едва хватало времени вздохнуть. Помимо его обширной переписки с государственными органами, работой которых он обычно руководил; с различными сословиями провинций, которые он постепенно формировал в организованное и всеобщее сопротивление испанской власти; с государственными посланниками и с тайными агентами при иностранных кабинетах, все из которых получали инструкции только от него; с выдающимися и влиятельными людьми, которых он красноречиво убеждал отказаться от враждебной позиции по отношению к своему отечеству и помогать ему в великой работе, которую он выполнял; помимо этих многочисленных занятий, весной 1576 года он активно и с тревогой занимался попыткой освободить город Зирикзе.

Это важное место, столица Шувена и ключ к половине Зеландии, оставалось под пристальным вниманием со времен памятной экспедиции в Дуйвеланд. Принц проводил большую часть своего времени по соседству в течение мая, чтобы лично позаботиться о предполагаемой помощи и вести ежедневную переписку с осажденным гарнизоном. Наконец, 25 мая была предпринята энергичная попытка перебросить помощь морем. Командовал экспедицией храбрый адмирал Буазо, герой памятного освобождения Лейдена. Мондрагон окружил мелководную гавань корпусами кораблей и цепями, а также рыхлой затопленной дамбой из свай и мусора. Буазо с присущей ему дерзостью повел свой корабль "Красный лев" против этого препятствия, но прорваться сквозь него не удалось. Его судно, самое большое из ступней, запуталось: в то же время осаждающие атаковали его издалека. Прилив отступил, и его корабль сел на мель, в то время как другие суда были отброшены врагом. Приближалась ночь, а осуществить задуманное не было никакой возможности. Его корабль безнадежно сел на мель. С утренним солнцем его пленение было неизбежным. Вместо того чтобы попасть в руки своего врага, он прыгнул в море; за ним последовали триста его товарищей, некоторым из которых посчастливилось спастись бегством. Доблестный адмирал долго плыл, опираясь на сломанный рангоут. Прежде чем удалось оказать помощь, наступили ночь и темнота, и он погиб. Так умер Луи Буазо, один из самых предприимчивых первых борцов за свободу Нидерландов - один из самых храбрых предшественников этой расы героев, командиров военно-морского флота Голландии. Принц глубоко сожалел о своей потере, как о потере "доблестного джентльмена, преданного общему делу". Его брат, Шарль Буазо, как вы помните, погиб в результате предательства при первой высадке испанских войск, после их опасного перехода из Дувеланда.—Таким образом, оба брата отдали свои жизни за свою страну, за этот ее внешний барьер и в час крайней нужды. Падение осажденного города больше нельзя было откладывать. Испанцы должны были, наконец, получить награду за ту романтическую доблесть, которая привела их по дну моря, чтобы напасть на город. Однако с момента этого достижения прошло почти девять месяцев; а Великий Командующий, по приказу которого оно было предпринято, уже четыре месяца был в могиле. Ему не было позволено увидеть ни долго откладываемого

успеха, сопутствовавшего предприятию, ни череды катастроф и преступлений, которые должны были отметить его как самый роковой успех.

21 июня 1576 года Зирикци, проинструктированный принцем Оранским принять почетные условия, если их предложат, согласился сдаться. Мондрагон, чьи солдаты страдали и были готовы поднять мятеж, был слишком счастлив, чтобы согласиться на почетную капитуляцию. Гарнизону было разрешено выходить со своим оружием и личным багажом. Гражданам было разрешено сохранить или возобновить свои привилегии и хартии за плату в размере двухсот тысяч гульденов. О разграблении и сожжении в данном случае, к счастью, речи не шло; но первая половина компенсации должна была быть выплачена наличными. В бедном маленьком городке было очень мало денег, но магистраты назначили монетных мастеров, которые сразу же заняли свои места в Отель-де-Виль. Горожане приносили свои ложки и серебряные блюда, одно за другим, которые переплавлялись и чеканились в доллары и полудоллары, пока оплата не была удовлетворительно скорректирована. Так пал Зирикци, к глубокому сожалению принца. "Если бы мы получили хоть малейшую помощь в мире с какой-либо стороны, - писал он, - бедный город никогда бы не пал. Я ничего не мог добиться ни от Франции, ни от Англии, несмотря на все мои усилия. Тем не менее, мы не теряем мужества, но надеемся, что, хотя мы и покинуты всем миром, Господь Бог прострет над нами Свою десницу".

Врагам не суждено было продвинуться дальше. Теперь от их собственной руки последовал удар, который должен был изгнать их с земли, которую они так долго загрязняли. Как только был взят Зирикци, вспыхнул мятеж среди нескольких рот испанцев и валлонов, принадлежавших к армии в Шувене. Большое количество наиболее влиятельных офицеров отправилось в Брюссель, чтобы, по возможности, договориться о выплате жалованья войскам. В их отсутствие было больше простора для аргументов ведущих мятежников; аргументы, несомненно, не были полностью лишены справедливости или логической точности. Если когда-либо рабочие были достойны того, чтобы их нанимали, то, безусловно, это были испанские солдаты. Разве они не выполняли дьявольскую работу в течение девяти лет? Могли ли Филипп или Алва найти в большом мире людей, которые исполняли бы их указы с большей решительностью, с большим сочувствующим рвением? Какое препятствие когда-либо заставляло их останавливаться на пути исполнения долга? Какой стихии они не поборолись? Разве не сражались они в недрах земли, под морскими глубинами, в пылающих городах и на ледяных полях? Где была работа, которая была слишком мрачной и кровавой для их исполнения? Разве они не убивали безоружных людей горожанами по приказу? Разве они не ели плоть и не пили кровь из сердец своих врагов? Разве они не запятнали дом Божий массовой резней? Какой алтарь и какой очаг они не осквернили? Какая усталость, какая опасность, какое преступление когда-либо останавливали их хоть на мгновение? И за все это послушание, труд и кровопролитие разве им не платили даже такое жалованье, какое получал самый обыкновенный клоун, который только разрывал землю у себя дома? Верил ли Филипп, что несколько тысяч испанцев приведут в исполнение его смертный приговор трем миллионам нидерландцев и в конце концов будут лишены жалованья?

Напрасно были обращены аргументы и упреки к солдатам, страдавшим от нужды и обезумевшим от несправедливости. Они решили взять свое дело в свои руки, как часто делали раньше. К 15 июля мятеж на острове Схоувен стал всеобщим. Раздавались щедрые обещания, как вознаграждения, так и помилования; зывали к их старому чувству чести и лояльности; но с них было достаточно обещаний, чести и работы. Чего они хотели сейчас, так это обуви и курток, хлеба и мяса и денег. Деньги они получают, и это немедленно. Король Испании был их

должником. Нидерланды принадлежали королю Испании. Следовательно, они будут взимать с Нидерландов налоги для выплаты своего долга. Конечно, это был логичный вывод. Они по опыту знали, что этот процесс до сих пор вызывал большее негодование в умах нидерландского народа, чем в умах их хозяина. Более того, на данном этапе их мало заботило недовольство своего государя, и совсем не заботило недовольство нидерландцев. Таким образом, к середине июля мятежники, теперь полностью вышедшие из-под контроля, держали своих офицеров взаперти в их квартирах в Зирикци. Они даже окружили дом Мондрагона, который так часто приводил их к победе, призывая его с угрозами и насмешками снабдить их деньгами. Ветеран, доведенный до ярости их неповиновением и насмешками, выскочил из своего дома в самую гущу толпы. Обнажая перед ними свою грудь, он яростно призывал их к крайнему насилию и вызывал на себя его. Он с горечью сказал им, что он не скупердьяй и что кровь его жизни в их распоряжении. Его богатство, если бы оно у него было, в равной степени принадлежало бы и им. Пристыженные временным уважением, но не отвергнутые желчью своего вождя, они предоставили его самому себе. Вскоре после этого, очистив остров Схоувен от всего, что можно было употребить в пищу, мятежники хлынули из Зеландии в Брабант, пожирая на ходу.

Их целью было задержаться на некоторое время поблизости от столицы и либо заставить Государственный совет выплатить им давние долги, либо захватить и разграбить самый богатый город, до которого они могли дотянуться. Компактная, дисциплинированная масса металась туда-сюда, не зная цели, но с той же военной точностью движений, которая всегда отличала эти замечательные мятежи. Она с каждым днем набирала силу. Жители Брюсселя с ужасом взирали на это эксцентричное и угрожающее явление. Они знали, что грабеж, убийство и все худшее зло, которое человек может причинить своим собратьям, таились в нем и скоро обрушатся. И все же, даже учитывая весь их прошлый опыт, разве они не предвидели глубину горя, которое действительно надвигалось? Мятежники уволили тех из своих офицеров, кого не смогли принудить к повиновению, и, как обычно, выбрали свои элетто. Многие разрозненные отряды присоединились к ним, когда они сновали туда-сюда. Они прибыли в Херенталь, где их встретил граф Мансфельд, уполномоченный Государственным советом вести с ними переговоры, апеллировать к ним, прощать их, предлагать им все, кроме денег. Можно предположить, что успех главнокомандующего был не лучше, чем у Мондрагона и его подчиненных. Они подняли его на смех, когда он напомнил им, как их поведение бросает тень на славу, которую они приобрели за девять лет героизма. Они отвечали со своим прежним цинизмом, что славу нельзя положить ни в карман, ни в желудок. Она им была ни к чему; у них ее было более чем достаточно. Дайте им денег или отдайте им Город - таковы были их последние условия.

С печалью и предзнаменованием Мансфельд удалился, чтобы снова проконсультироваться с Государственным советом. Затем мятежники устроили демонстрацию в Мехлине, но этот город, к счастью, усилил свой гарнизон, и им позволили уйти. Затем они некоторое время находились за стенами Брюсселя. В Гримсберге, где они ненадолго остановились, они провели переговоры с капитаном Монтесдокой, которого приняли добрыми словами и благовидными предложениями. Он вернулся в Брюссель с благоприятными новостями, и мятежники устремились в Аше. Туда снова послали Монтесдоку в надежде, что он сможет примирить их, но они прогнали его с насмешками и угрозами, обнаружив, что он не привез ни денег, ни закладной на густонаселенный город. На следующий день, после пары маневров в другом направлении, они внезапно напали на Алост во Фландрии. Здесь они, наконец, сделали свой выбор, и город был взят штурмом. Все жители, выступавшие против них, были перебиты, и мятеж, наконец

установившийся в столице, смог вести переговоры с Государственным советом на равных условиях. Теперь это были от двух до трех тысяч сильных, дисциплинированных, опытных солдат, размещенных в сильном и богатом городе. Сто приходов принадлежали к юрисдикции Алоста, и все они были немедленно обложены контрибуциями.

Волнение в Брюсселе было теперь сильным. Тревога уступила место ярости, и все население поднялось с оружием в руках, чтобы защитить столицу, которая, как считалось, находилась в неминуемой опасности. Это стихийное мужество бюргеров предотвратило катастрофу, которая была уготована городу-побратиму. Между тем возмущение и ужас, вызванные мятежом, были настолько всеобщими, что Государственный совет не выдержал давления. Даже женщины и дети ежедневно требовали на улицах, чтобы солдаты-повстанцы были объявлены вне закона. Соответственно, 26 июля король Испании был вынужден объявить своих испанцев предателями и убийцами. Всем мужчинам было предписано убить одного или всех из них, где бы они ни были найдены; отказывать им в хлебе, воде и огне и собираться при звуке колокола в каждом городе; всякий раз, когда магистраты отдадут приказ о нападении на них. 2 августа был издан еще более строгий эдикт; и этих степеней ожидали с таким нетерпением, что они были опубликованы по всей Фландрии и Брабанту почти сразу после их издания. До сих пор ведущие офицеры испанской армии держались в стороне от повстанцев и неодобрительно смотрели на их действия. Испанский член Государственного совета Жером де Рода без возражений присоединился к этому указу. Однако по мере того, как мятеж набирал силу снаружи, возмущение в столице росло с каждым днем. Граждане Брюсселя, все до единого, взялись за оружие. Ни один человек не мог войти или выйти без их разрешения. К находившимся в городе испанцам, будь то солдаты или торговцы, относились с подозрением и отвращением. Ведущие испанские офицеры, Ромеро, Монтесдока, Вердуго и другие, пытавшиеся подавить мятеж, были изгнаны угрозами и проклятиями, а их солдаты бросили им вызов и размахивали мечами у них прямо перед носом. С другой стороны, голландцы относились к ним недоброжелательно. Самые видные испанские личности в Брюсселе содержались в состоянии полузаточения. Считалось, что Ромеро, Рода и Вердуго в глубине души поддерживают дело своих мятежных войск, а бюргеры Брабанта привыкли считать, что вся королевская армия находится в состоянии мятежа. Полагая, что Государственный совет бессилен защитить их от надвигающейся бури, они относились к этому телу без особого уважения, сохраняя его, так сказать, в неприкосновенности, в то время как испанцы боялись выходить на улицы Брюсселя из страха быть убитыми. Слуга Розгов, осмелившийся защищать характер и поведение своего господина перед множеством возбужденных горожан, был убит на месте.

В Антверпене Шампани, брат Гранвеля и губернатор города, был склонен поддерживать дружеские отношения с принцем Оранским. Шампани ненавидел испанцев, и эта ненависть, казалось, установила достаточную симпатию между ним и либеральной партией, чтобы оправдать доверие к нему. Принц имел с ним дело, но относился к нему настороженно. Пятнадцать рот немецких войск под командованием полковника Альтаемста были заподозрены в сильном желании присоединиться к мятежу. Они были отозваны из Антверпена, и в их комнату прибыл граф Уберштейн со своим полком, который поклялся не пропускать за ворота ни одного подозрительного человека и во всем повиноваться приказам Шампани. Однако в цитадели ситуация была очень угрожающей. Губернатор Санчо д'Авила, хотя и не присоединился открыто к восстанию, с насмешкой отнесся к эдикту о запрете мятежных солдат. Он отказался опубликовать декрет, который объявил позорным и который, по его мнению, был вымоган у бессильного и дрожащего совета. Даже Шампани не желал и не осмеливался опубликовать этот

указ в черте города. Предполагаемыми причинами были его опасения вызвать раздражение и тревогу иностранных купцов, положение которых в тот момент было столь критическим, а дружба столь важной. С другой стороны, она была громко и радостно опубликована в большинстве других городов Фландрии и Брабанта. В Брюсселе было две партии: одна считала указ слишком дерзким, чтобы его Величество мог его помиловать; другая требовала его немедленного исполнения. Гораздо большая и влиятельная часть населения одобряла эту меру и желала, чтобы приговор о объявлении вне закона и уничтожении был распространен сразу на всех испанцев и других иностранцев, находящихся на службе у короля. Казалось неблагоприятным ждать, пока все полки официально примут мятеж и сосредоточатся в едином корпусе.

В этот момент, в последний день июля, маркиз Гаврский, брат герцога Эршо, прибыл из Испании. Король обвинил его в примирительных, но ничего не значащих фразах в адрес сословий. Случай был не из приятных. Никогда еще не было времени, когда прямые и энергичные действия были более необходимы. Вероятно, тогда король желал, как никогда раньше, уладить ссору со своими провинциями. Он был утомлен политикой, которую проводил Алва и за которую в тот период пытался выставить герцога ответственным. Бесплодное милосердие, на которое был направлен Великий Командующий, обмануло лишь немногих людей и принесло лишь незначительные результаты. Возможно, в этот момент король действительно был склонен проявить милосердие, то есть он был готов простить свой народ за то, что тот боролся за свои права, при условии, что теперь они будут готовы отказаться от них навсегда. Таким образом, католическая религия и его собственный авторитет были исключительно и нерушимо защищены, он был готов получить в свое распоряжение непокорные провинции. Однако для достижения этой цели у него все еще не было более удачной идеи, чем воспользоваться советом Хоппера. Успокаивающая прокрастинация была болеутоляющим средством, выбранным для лечения горьких мук политического тела, — смутным выражением королевской благосклонности, кровоостанавливающим средством, которое применялось к его смертельным ранам. Период колебаний был направлен на то, чтобы перебросить мост через пропасть между провинциями и их далекой метрополией. "Маркиз Гаврский был послан, - сказал король, - чтобы он мог прямо засвидетельствовать вам о наших добрых намерениях и о нашем желании, с Божьей милостью, добиться умиротворения". Увы, было хорошо известно, откуда были взяты эти мостовые из благих намерений и куда они приведут. Они не были материалом для существенного пути к примирению. "Его величество, - сказал маркиз, представляя свой доклад Государственному совету, - уже давно обдумывает все, что необходимо для мира в стране. Его Величество, как очень милостивый и щедрый принц, всегда был склонен, в прошлые времена, обращаться с этими своими подданными самыми лучшими и ласковыми способами". Поскольку, однако, имелось место для мнения, что столь щедрый принц мог бы найти более приятные средства, чем все эти размышления, чем сжигать и вешать на виселицу своих подданных тысячами, было сочтено уместным намекнуть, что его приказы до сих пор понимались неправильно. Алва и Рекесенс были неверными агентами, которые не знали своего дела, но в будущем все должно было исправиться. "Поскольку добрая воля и намерения его Величества никоим образом не были соблюдены, - продолжал посланник, - его Величество решил направить советника Хоппера, хранителя личной печати, и меня, до настоящего времени, для исполнения решений его Величества". Два таких персонажа, как бедный, трудолюбивый, сбитый с толку попрыгунчик со стажем и взбалмошный, болтливый Гавр, которого презирал даже Рекесенс и которого дон Джон, вскоре после этого рекомендуя

его на пост государственного советника, охарактеризовал Филиппу как "очень большого негодяя", вряд ли смогли бы, даже получив королевские полномочия, свести на нет работу двух предыдущих администраций. Более того, советник Хоппер, по дальнейшим размышлениям, вообще не был отправлен в Нидерланды.

Однако письма короля, адресованные поместьям Брабанта, Государственному совету и другим государственным органам, а также отчет маркиза заверили провинции в том, что в Мадриде готовятся эффективные средства правовой защиты. Людям оставалось только терпеливо ждать, пока они придут. Общественность и раньше слышала об этих средствах, изготовленных по королевским рецептам в Испании, и вряд ли приняла бы их как панацею от своих нынешних сложных расстройств. По правде говоря, никогда еще общепринятая банальность не применялась так не по сезону. В самом центре страны пылал всеобщий военный мятеж. Здесь сильная расовая ненависть, которая в течение многих лет терзала сердце страны, наконец вырвалась наружу в самом зловещем проявлении. Здесь собралось почти все коренное население каждой провинции, от знатных сеньоров до плебеев, от католических прелатов до ремесленников-анабаптистов, одинаково возмущенных бесчинствами шести тысяч иностранных разбойников и объединенных общей ненавистью в братскую шайку. Государственный совет был слишком слаб, чтобы пользоваться властью, которую он присвоил, он дрожал между гневом своего монарха, грозными криками брюссельских бюргеров и дикими угрозами мятежной армии; и фактически находился в плену в столице, которой он должен был управлять.

Безусловно, утверждение Совета в его полномочиях на неопределенный, пусть и краткий период, было самым неудачным шагом на данном этапе. В провинциях существовало две партии, но одна была гораздо более могущественной с точки зрения испанской солдатчины. Подавляющее большинство высказалось за объявление вне закона всей армии, и было сочтено желательным улучшить эту возможность, полностью избавившись от них. Если бы люди могли восстать массово, то теперь, когда королевское правительство бездействовало и, так сказать, находилось в руках нации, инкуб мог бы быть отброшен навсегда. Если кто-то из испанских офицеров и был искренен в своих усилиях пресечь мятеж, в его искренность никто не поверил. Если какой-либо из иностранных королевских полков, казалось, колебался присоединиться к команде Алоста, то это колебание считалось временным. Тем временем важные немецкие полки Фуггера, Фронсбергера и Полвиллера со своими полковниками и другими офицерами открыто присоединились к восстанию, в то время как не было никаких сомнений в чувствах Санчо д'Авилы и войск под его командованием. Таким образом, существовало два крупных места сбора мятежников, и самая важная крепость страны, ключ, отпиривший богатейший город в мире, оказалась в руках мятежников. Торговая столица Европы, до краев наполненная накопленными сокровищами и товарами всех стран, лежала у ног этой отчаянной банды разбойников. Ужасный результат был достигнут, но слишком рано, чтобы проявиться.

Тем временем в Брюсселе несколько испанцев дрожали за свои жизни. Нескольким запертым там офицерам грозила неминуемая опасность. "Поскольку дьявол не перестает делать свое дело, - писал полковник Вердуго, - он вбил в головы брабантцев мысль взбунтоваться, воспользовавшись в качестве предлога мятежом испанцев. Брюссельцы так хорошо обращались со своим оружием против тех, кто был направлен туда для их защиты, что начали убивать испанцев, угрожая также Государственному совету. Такова их наглость, что они заботятся об этих великих лордах не больше, чем о стольких негодях". Автор, укрывшийся

вместе с Жеромом де Рода и другими испанцами, или "испаноязычными" лицами, в цитадели Антверпена, приступил к описанию приготовлений, которые происходили в Брюсселе, и контрмер, которые предпринимались в Антверпене. "Штаты, - писал он, - набирают войска, заявляя, что это делается для подавления мятежа; но я уверяю вас, это делается для того, чтобы нападать на армию без разбора. Чтобы предотвратить такое злодейское предприятие, войска всех наций собираются здесь, чтобы двинуться прямо на Брюссель и там привести в исполнение все, что прикажут милорды из Государственного совета". События явно приближались к кризису — взрыв в скором времени был неизбежен. "Я хотел бы, чтобы у меня были здесь мои лошади, - продолжал полковник, - и должен просить вас прислать их. Я вижу черную тучу, нависшую над нашими головами. Я боюсь, что брабантин будет так играть в зверей, что вцепится в горло всем солдатам".

Жерому де Роду посчастливилось сбежать из Брюсселя, и теперь он утверждал, что является единственным губернатором Нидерландов, как единственный оставшийся представитель Государственного совета. Его коллеги были в безопасности в столице. Их авторитет был высмеян. Хотя на самом деле они еще не были заключены в тюрьму, на самом деле они были связаны по рукам и ногам и вынуждены подчиняться приказам либо брабантских поместий, либо брюссельских бюргеров. Поэтому не было ничего нелогичного в том, что Рода под сенью антверпенской цитадели выставил свою персону как все, что осталось от оскорбленного величия Испании. До прибытия нового губернатора, дона Хуана, о назначении которого король уже сообщил правительству и которого можно было ожидать в Нидерландах до конца осени, единственный советник утверждал, что олицетворяет весь Совет. Он приказал отчеканить новую печать — процедура, которую провинциальные власти совершенно необоснованно обвинили в подделке— и немедленно начал громко рассылать прокламации и контрпрокламации от имени короля и под королевской печатью. Трудно усмотреть какое-либо техническое преступление или ошибку в таком ходе. От него, испанца и представителя его Величества, вряд ли можно было ожидать иного взгляда на свой долг. Во всяком случае, оказавшись перед необходимостью выбирать между мятежными голландцами и мятежными испанцами, он не заставил себя долго ждать.

К началу сентября мятеж стал всеобщим. Вся испанская армия, от генерала до пионера, объединилась. Наиболее важные немецкие войска перешли на их сторону. Санчо д'Авила удержал цитадель Антверпена, поклявшись отомстить и открыто общаясь с солдатами в Алосте. Государственный совет упрекнул его в нелояльности. В ответ он сослался на свои долгие годы службы и упрекнул их в том, что они оказали влияние на власть, которую их заключение сделало смехотворной. Испанцы прочно обосновались. Различные цитадели, построенные Карлом и Филиппом для обуздания страны, теперь эффективно выполняли свою работу. С замками Антверпена, Валансьена, Гента, Утрехта, Кулембурга, Виане, Алоста в руках шести тысяч испанских ветеранов страна казалась скованной во всех отношениях. Нога иностранца наступила ему на шею. Брюссель был едва ли не единственным значительным городом за пределами Голландии и Зеландии, который хотя бы временно был в безопасности. Важный город Маэстрихт удерживался испанским гарнизоном, в то время как другие столицы и вокзалы находились во власти валлонских и немецких мятежников. Грабежи, совершавшиеся в деревнях, на открытой местности и в городах, были непрекращающимися — испанцы относились к каждому голландцу как к своему врагу. Джентльмен и крестьянин, протестант и католик, священник и мирянин - все подвергались грабежу, жестокому обращению, оскорблению. Возмущение с каждым днем становилось все более общим и интенсивным.

Происходили частые стычки между солдатами и разрозненными бандами крестьян, горожан и студентов; конфликты, в которых испанцы неизменно одерживали победу. Что могли сделать такие полуоружные и совершенно необученные партизаны против самых храбрых и опытных войск во всем мире? Такие результаты только усилили общее раздражение, в то время как они внушили всему народу необходимость каких-то больших и всеобщих усилий, чтобы сбросить инкуба.

1576-1577 [ГЛАВА V.]

Религиозные и политические симпатии и антипатии в семнадцати провинциях—Единодушная ненависть к иностранным солдатам—Использование мятежа принцем—Его переписка—Необходимость объединения усилилась—Конгресс почти всех провинций собирается в Генте—Стычки между иностранными войсками и партизанскими отрядами—Резня в Тиснаке—Подозрения в отношении Государственного совета—Арест Государственного совета—Осада цитадели Гента—Помощь, посланная Оранским—Потерянный и восстановленный Маэстрихт—Богатое и опасное положение Антверпена—Приготовления мятежников под тайным руководством Авила—Глупость Оберштейна—Двуличие дон Санчо—Подкрепления валлонов под командованием Гавра, Эгмонта и других, отправленные для ожидаемого штурма Антверпена—Приготовления губернатора Шампани к мятежу—Неподчинение, неспособность и халатность всех, кроме него—Сосредоточение всех мятежников из разных точек в цитадели—Атака—паника—бегство—резня—пожар—разграбление—и другие подробности "Испанской ярости"—Статистика убийств и грабежей—Оранжевая грамота генеральным штатам—Сдача цитадели Гента—Завершение "Гентского умиротворения"—Охарактеризованный договор—Формы ратификации—Падение Зирикци и восстановление Зеландии.

Тем временем принц Оранский сидел в Мидделбурге, наблюдая за бурей. Позиция Голландии и Зеландии по отношению к другим пятнадцати провинциям была четко охарактеризована. По некоторым пунктам существовало абсолютное сочувствие, в то время как по другим существовали серьезные и почти фатальные различия. Задачей принца было углубить сочувствие, сгладить разницу.

В Голландии и Зеландии существовала теплая и почти всеобщая приверженность реформированной религии, страстная приверженность древним политическим свободам. Принц, хотя и сам был убежденным кальвинистом, делал все, что было в его силах, чтобы сдержать растущий дух нетерпимости к старой религии, не упускал ни одной возможности укрепить привязанность народа к своим либеральным институтам.

С другой стороны, в большинстве других провинций католическая религия восстанавливала свое господство. Даже в 1574 году сословия, собравшиеся в Брюсселе, заявили Рекезенсу, "что они скорее умрут своей смертью, чем увидят какие-либо изменения в своей религии". Это чувство скорее усилилось, чем уменьшилось. Хотя к новой вере была привязана сильная партия, возможно, существовала более крупная и, безусловно, более влиятельная организация, которая относилась к древней Церкви с абсолютной преданностью. Отчасти из-за преследований, которые с течением лет изгнали с родины так много тысяч семей, отчасти из-за принуждения, которое было более жестким в непосредственном присутствии представителя короны, отчасти из-за более сильного проникновения кельтского элемента, который с самых ранних веков всегда был так жив для более чувственных и великолепных проявлений принципа

благочестия, — из-за этих и многих других причин старая религия, несмотря на все бесчинства, которые совершались от ее имени, все еще насчитывала множество ревностных приверженцев в пятнадцати провинциях. На покушения на его святость смотрели с завистью. Считалось, и не без оснований, что у реформаторов было намерение уничтожить его с корнем. Предполагалось, что для его искоренения будет задействован тот же механизм преследования, если противоположная партия добьется превосходства, который паписты так долго использовали против обращенных в новую религию.

Что касается политических убеждений, то пятнадцать провинций гораздо меньше отличались от своих двух сестер. Была сильная привязанность к своим старым конституциям; общая склонность использовать нынешний кризис для их восстановления. В то же время не было общего убеждения, как в Голландии и Зеландии, что сохранение этих свобод несовместимо с сохранением власти Филиппа. Более того, существовала сильная аристократическая фракция, которая ни в коем случае не была расположена придерживаться либерального взгляда на правительство в целом и с опаской относилась к одновременному распространению еретических представлений как в церкви, так и в государстве. Тем не менее, в целом, элементы правящей конституционной партии существовали во всех пятнадцати провинциях, однако великими узами симпатии между всеми семнадцатью была их общая ненависть к иностранным солдатам. На этой глубоко укоренившейся, непоколебимой точке опоры древней национальной ненависти внезапный мятеж всей испанской армии послужил рычагом неисчислимой силы. Принц принял это как дар Божий. Вооруженный таким образом, он поставил перед собой задачу свергнуть массовый гнет, под которым так долго подавлялись старые свободы страны. Для достижения этой цели ловкость была столь же необходима, как и мужество. Изгнание иностранных солдат, объединение семнадцати провинций, представительная конституция генеральных штатов в соответствии со старыми хартиями под руководством наследственного вождя, широкая религиозная терпимость, подавление всякого вмешательства в совесть людей — вот великие цели, которым принц теперь посвятил себя с удвоенной энергией.

Чтобы создать общую организацию и всеобщий союз, требовалась большая деликатность в обращении. Чувства крайнего католицизма и монархизма не должны были внезапно превратиться в оппозицию. Поэтому принц во всех своих обращениях и документах старательно отрицал какие-либо намерения нарушить устоявшуюся религию или внести какие-либо необдуманные политические изменения. "Пусть никто не думает, — сказал он властям Брабанта, — что мы хотим добиться какой-либо перемены в религии вопреки воле сословий. Пусть никто не заподозрит, что мы способны ущемлять права любого человека. Мы уже давно взяли за оружие, чтобы отстаивать законную и конституционную свободу, основанную на законе. Не дай Бог, чтобы мы сейчас попытались ввести новшества, которыми будет осквернен лик свободы".

В кратком и очень пылком письме графу Лалену, католику и лоялисту, но другу своей страны и яркому ненавистнику иностранного гнета, он таким образом взывал к его чувству рыцарства и справедливости: "Хотя благородный дом, из которого вы происходите, — сказал он, — и добродетель и мужество ваших предков всегда внушали мне уверенность в том, что вы пойдете по их стопам, все же я рад получить доказательства того, что мои предчувствия были верны. Поэтому я не могу не умолять вас сохранять такое же высокое сердце и завершить то, что вы так достойно начали. Пусть вас не вводят в заблуждение фальшивые маски, притворные лица и заимствованные титулы, которые люди присваивают себе ради собственной выгоды, убеждая других, что служба короля заключается в уничтожении его подданных".

Стараясь таким образом не оскорблять ничьих религиозных убеждений, не поколебать ничью лояльность, он умело использовал всеобщее возмущение зверствами мятежной армии. Этот аккорд он взял смело, мощно, страстно, потому что был уверен в глубине и силе его вибраций. В своем обращении к поместьям Гелдерланда он использовал энергичные выражения, разжигая и направляя к практической цели справедливый гнев, который ощущался в этой, как и в любой другой провинции. "Я пишу, чтобы предупредить вас, - сказал он, - воспользоваться представившейся возможностью. Сбросьте со своих шей ярмо безбожной испанской тирании, немедленно присоединяйтесь к любящим отечество, к защитникам свободы. Следуя примеру ваших и наших предков, восстановите для страны ее древние законы, традиции и привилегии. Не позволяйте больше, к вашему и нашему стыду, банде испанских землевладельцев и других иностранцев вместе с тремя или четырьмя своекорыстными врагами своей собственной земли наступать нам на шею. Не позволяйте им больше, в самом разгуле тирании, гонять нас, как стадо крупного рогатого скота, как банду хорошо прирученных рабов".

Таким образом, день за днем, в почти бесчисленных обращениях к государственным органам и частным лицам, он использовал кризис, чтобы подлить масла в огонь. В то же время, раздувая таким образом всеобщее возмущение, у него хватило ловкости указать на то, что люди уже взяли на себя обязательства. Он объяснил им, что эдикт, которым они объявили ветеранов его Величества вне закона и обрекли их на неизбирательное истребление, которого заслуживали такие разбойники, вероятно, окажется непростительным преступлением в глазах величества. Короче говоря, они вошли в поток. Если они не хотят быть сброшенными с обрыва, они должны мужественно бороться с безумными волнами гражданской войны, в которые они погрузились. "Я умоляю вас со всей любовью, - обратился он к штатам Брабанта, - подумать об опасности, которой вы себя подвергли. Вам приходится иметь дело с самой гордой и властолюбивой расой в мире. За эти качества их ненавидят все другие нации. Они ненавистны даже самим себе. Это раса, которая стремится к господству, куда бы она ни пришла. В частности, она заявляет о своем намерении сокрушить и тиранить вас, моих хозяев, и всю землю. Они уже победили вас, как они хвастаются, ибо преступление против их величества отдало вас в их руки. Я говорю вам, что ваш последний поступок, которым вы объявили эту армию мятежниками, является решающим. Вы вооружили и возбудили против них весь народ, даже крестьян и крестьянских детей, и полученные таким образом оскорбления и обиды, какими бы заслуженными и горячо отомщенными они ни были, все записаны на ваш счет. Поэтому вам необходимо сейчас решить, быть ли вам полностью разоренными, себе и своим детям, или твердо продолжать дело, которое вы смело начали, и скорее умереть сотней тысяч смертей, чем заключить с ними договор, который может закончиться только вашей гибелью. Будьте уверены, что примененная к вам мера приведет к позору и разрушению. Пусть ваши лидеры не ожидают почетных эшафотов графов Эгмонта и Горна. Столб для порки, а затем виселица - вот их верная участь".

Неоднократно пытаясь этим и подобными словами убедить своих соотечественников в серьезности положения, он побуждал их искать выход в смелости и единстве. Он ознакомил их со своей теорией, согласно которой законное, историческое управление провинциями принадлежало генеральным штатам, конгрессу дворянства, духовенства и общин, назначаемых от каждой из семнадцати провинций. Он не без оснований утверждал, что правительство Нидерландов является представительным конституционным правительством, находящимся под наследственной властью короля. Чтобы восстановить эту конституцию, возвысить эти погрязшие права, он самым наглядным образом указал им на необходимость союза: "Невозможно, - сказал он, - чтобы колесница двигалась равномерно, если ее колеса имеют

неодинаковую пропорцию; и поэтому конфедерация должна развалиться на части, если не будет равного обязательства для всех стремиться к общей цели". Союз, тесный, братский, такой, каким стали провинции общего происхождения со схожими законами, единственный мог спасти их от их участи. Союз против общего тирана для спасения общего отечества. Союз, при котором следует терпимо относиться к различиям во мнениях, чтобы миллион сердец бились ради общей цели, миллион рук неукротимо трудились над общим спасением. "Вряд ли есть необходимость, - сказал он, - использовать много слов, рекомендуя объединение. Разобщенность была причиной всех наших бед. Нет ни лекарства, ни надежды, кроме как в узах дружбы. Пусть все частные разногласия будут оставлены на усмотрение генеральных штатов, чтобы с единым сердцем и единой волей мы могли добиваться освобождения отечества от тирании иностранцев".

Первым шагом к основательному объединению всех провинций было установление более тесных связей между ныне изолированными штатами Голландия и Зеландия, с одной стороны, и их пятнадцатью сестрами - с другой. Принц заявлял о готовности тех государств, которые он, можно сказать, представлял в своем единоличном лице, как можно теснее связать узами братства. Для него было почти излишним обещать свое собственное готовое сотрудничество. "Нам ничего не остается, - сказал он, - кроме как отбросить всякую зависть и недоверие. Давайте с твердой решимостью и общим согласием освободим эти земли от чужеземцев. Рука об руку давайте добьемся справедливого и всеобщего мира. Что касается меня самого, я представляю вам с большой любовью свою персону и все, чем я обладаю, заверяя вас, что я буду считать все свои труды и боль в минувшие времена напрасными, если Бог сейчас дарует мне благодать увидеть желанный конец. Я абсолютно уверен в том, что эта цель будет достигнута, если вы будете твердо придерживаться своей решимости и примете близко к сердцу средства, которые Бог предлагает вам".

Таковы были содержание и мотивы документов, которые он распространил во время этого кризиса. Они были адресованы сословиям почти каждой провинции. К этим органам была обращена настоятельная просьба назначить депутатов на всеобщий конгресс, на котором можно было бы заключить тесный и формальный союз Голландии и Зеландии с другими провинциями. Обеспечив принятие этой важной меры, можно было бы в то же время предпринять общие усилия по изгнанию испанца с территории страны. После этого оставшиеся вопросы могли бы быть решены ассамблеей генеральных штатов. Его красноречие и энергия не остались без эффекта. В течение осени от большого числа провинций были назначены депутаты для совещания с представителями Голландии и Зеландии на всеобщем конгрессе. Местом проведения обсуждений был назначен город Гент. Здесь к середине октября уже собралось большое количество делегатов.

События стремительно накатывали со всех сторон и накапливались до кризиса. Конгресс — мятежный конгресс, как мог бы счесть это король, — собирался в Генте; испанская армия, изгнанная, незаконная и ужасная, изо дня в день укреплялась для каких-то темных и таинственных свершений; от Испании ожидали, что дон Иоанн Австрийский, побочный брат короля, примет правительство, которое Государственный совет был слишком робок, чтобы управлять им, и слишком лоялен, чтобы сложить с себя, а тем временем все население Нидерландов, почти без исключения, было склонно решить великий вопрос об иностранной армии, прежде чем хаос, царивший тогда, будет заменен новым правительством. более определенный авторитет. Повсюду люди всех рангов и занятий — городские ремесленники,

крестьяне на полях — бросали свои повседневные занятия, чтобы шить меховые шлемы, обращаться с мушкетами и осваивать военное ремесло. Стычки, иногда жестокие и кровопролитные, происходили почти ежедневно. В этом испанцы неизменно добивались успеха, ибо, что бы ни говорили об их жестокости и распущенности, нельзя оспаривать, что их доблесть была достойна их славы. Романтическая доблесть, непоколебимая сила духа, непревзойденное мастерство всегда отличали их. Чего могли добиться полурукие ремесленники на открытой равнине против таких опытных противников? При Тиснаке, между Лувеном и Тирлемоном, была предпринята попытка сражения большой разношерстной массой студентов, крестьян и бюргеров во главе с сельскими сквайрами. Вскоре это превратилось в кровавую бойню, в которой все жертвы были на одной стороне. Небольшое количество ветеранов во главе с Варгасом, Мендосой, Тассисом и другими рыцарскими командирами разгромили недисциплинированные тысячи одним ударом. Грубые ополченцы побросали оружие и в панике разбежались во все стороны при первом же виде своего ужасного врага. Погибли два испанца и две тысячи нидерландцев. Вполне естественно, что эти непревзойденные воины презирали таких легко убиваемых жертв. Один взмах железного цепы - и мякина разлетелась по всем четырем ветрам; один взмах дисциплинированной косы - и бесчисленные акры были в одно мгновение скошены. Тем не менее, несмотря на постоянные поражения, голландцы не были покорены. Голландия и Зеландия преподали врагу урок, который он не забыл, и хотя на открытых полях и против менее энергичного населения более центральных провинций его победы были легче, все же было очевидно, что дух сопротивления иностранному гнету крепчал с каждым днем, несмотря на ежедневные поражения.

Между тем, пока эти беспорядочные, но смертельные бои продолжались ежедневно, масса населения смотрела на Государственный совет с подозрением. Считалось, что этот орган, в котором временно находились правительственные полномочия, желал установить отношения с мятежной армией. Его подозревали в коварном провоцировании эксцессов, которые он, казалось, осуждал. Предполагалось, что он тайно интриговал с теми, кого его собственные указы объявили вне закона. С его симпатиями считались испанцы. Испанская армия открыто хвасталась, что вскоре они спустятся со своих укреплений на Брюссель и предадут город мечу. Дрожащее чувство надвигающегося зла охватило население, но никто не мог сказать, где удар будет нанесен первым. Естественно, что столица считалась подверженной неминуемой опасности. В то же время, в то время как каждый человек, у которого были руки, был готов взять оружие для защиты города, Совет казался парализованным. В столице было недостаточно гарнизонов, но войска для ее защиты не привлекались. Государственные советники явно не позаботились о защите, и предполагалось, что они тайно содействовали нападению. Поэтому считалось важным разоружить или, по крайней мере, взять под контроль это тело, которое было бессильно для защиты и казалось могущественным только для нанесения вреда. Можно было сделать это настолько презренным, насколько считалось злонамеренным.

Таким образом, неожиданный удар был нанесен по Совету на полном заседании. 5 сентября сеньор де Эз, молодой джентльмен смелого, но неуравновешенного характера, состоявший в то время в тесных, но тайных отношениях с принцем Оранским, предстал перед дверями дворца. При нем присутствовало около пятисот солдат под непосредственным командованием сеньора де Глимса, судебного пристава валлонского Брабанта. От имени брабантских поместий он потребовал допуска в Государственный совет, но получил отказ. Двери были закрыты на засов. Без дальнейших церемоний солдаты достали железные прутья, привезенные с собой специально для этой цели, сорвали все ворота с петель, вошли в зал заседаний и по приказу

своего командира наложили руки на советников и взяли всех до единого в плен. Герцог Эршотский, председатель Совета, который в то время был в тесном союзе с принцем, не присутствовал на заседании, но лежал дома, предупрежденный о случившемся, прикованный к своему ложу из-за болезни, придуманной специально для этого случая. Виглий, который редко участвовал в заседаниях совета, будучи уже поражен хронической болезнью, от которой ему вскоре предстояло умереть, также избежал участи своих коллег-сенаторов. Остальных увели в изолятор. Берлаймонт и Мансфельд были заключены в Брудгюис, где прошли последние смертные часы Эгмонта и Хорна. Других держали под строгой охраной в их собственных домах. Через несколько недель большинство из них были освобождены. Советник Дель Рио, однако, был оставлен в заключении и отправлен в Голландию, где принц Оранский подвергся суровому допросу, касающемуся его прошлой карьеры, особенно деятельности знаменитого Совета Крови. Остальные были освобождены и даже получили разрешение вернуться к своим обязанностям, но их достоинство было утрачено, их авторитет уничтожен. Отныне некоторое время править должны были штаты Брабант и Брюссельское сообщество, поскольку именно от их имени был нанесен дерзкий удар по Совету. Однако все отдельные лица и организации, хотя и не были недовольны результатом, громогласно отказались от ответственности за содеянное. Люди были потрясены дерзостью этой сделки и опасались мести короля: аббат Ван Перч, один из тайных зачинщиков этого акта, фактически умер от беспокойства за его возможные последствия. В этом деле была какая-то тайна. Те, от имени кого это было совершено, отрицали, что давали какие-либо полномочия исполнителям. Мужчины спрашивали друг друга, какая невидимая сила была задействована, какая тайная пружина была искусно задействована. Однако почти нет сомнений в том, что скрытая, но умелая рука, направившая удар, была той же самой, которая так долго направляла судьбу Нидерландов.

Было решено, что конгресс будет проводить свои заседания в Генте, хотя цитадель, господствующая над этим городом, удерживалась испанцами. Гарнизон был не очень сильным, и Мондрагон, его командир, отсутствовал в Зеландии, но жена ветерана умело заменила его и побудила стройный отряд героически держаться под командованием его лейтенанта Авилоса Мальдонадо. Мятежников, одержавших победу при Тиснаке, настойчиво просили прийти на помощь этой цитадели. Они отказались и вернулись в Аlost. Тем временем штаты горячо настаивали на осаде. Однако, поскольку войск не хватало, принцу Оранскому было официально подано прошение о помощи. Граф Ролькс, губернатор Фландрии, поручил сеньору д'Осси, брату графа Боссю, который, чтобы добиться освобождения этого давно находящегося в заключении выдающегося дворянина, собирался посетить принца в Зеландии, обратиться с просьбой о выделении вспомогательных сил. Однако было оговорено, что следует проявлять осторожность, чтобы не нанести какой-либо ущерб римско-католической религии или власти короля. Принц с готовностью откликнулся на просьбу и согласился выполнить условия, только на которых она могла быть принята. Он пообещал прислать двадцать восемь рот. В своем письме, объявляющем об этом соглашении, он уведомил, что его войска получают строгий приказ не причинять вреда личности или имуществу католиков или протестантов, священнослужителей или мирян и не чинить препятствий римской религии или королевскому достоинству. Однако он добавил, что не будет ничего плохого, если его солдатам разрешат совершать свои собственные религиозные обряды и петь протестантские гимны в их собственных помещениях. Более того, он потребовал город Слейс в качестве обеспечения расходов и хлопот. Однако едва первый отряд войск под командованием полковника Вандера Тимпела был в пути, как среди католической партии возникла тревога по поводу этого практического союза с мятежным

принцем. Посланник по имени Оттинген был отправлен в Зеландию с письмом из поместий Эно, Брабант и Фландрия, в котором отменялась просьба о вводе войск и содержался категорический протест по поводу религии и лояльности. Оранж считал такое отступление ничтожным, но сдержал свой гнев. Он ответил на письмо в либеральных выражениях, поскольку был полон решимости не допустить, чтобы по его вине великое дело оказалось под угрозой. Он заверил сословия относительно вероятного поведения своих войск. Более того, они уже были допущены в город, пока продолжалась переписка. Вопрос о пении псалмов был наконец улажен к удовлетворению обеих сторон, и было решено, что принцу в качестве гарантии следует передать Нивпорт, а не Слейс.

Теперь осада цитадели была усилена, и заседания конгресса начались под непрекращающийся грохот пушек. В то время как атака на важный замок Гент, таким образом, продолжалась, жители Местрихта предприняли смелые усилия, чтобы вырвать свой город из рук испанцев. Немецкий гарнизон был захвачен бюргерами, объединенные силы выступили против испанских войск и выбили их из города, командующий Монтесдока был арестован и заключен в тюрьму, но триумф был лишь временным. Дон Франсис д'Айала, лейтенант Монтесдоки, с несколькими ротами занял позицию в Вике, деревне на противоположном берегу Мааса, соединенной с городом массивным каменным мостом. С этого момента он отправил информацию другим командирам по соседству. Вскоре прибыл дон Фердинанд де Толедо с несколькими сотнями солдат из Далема. Испанцы, стремясь стереть позор со своего оружия, громко требовали, чтобы их отвели обратно в город. Однако верх моста, по которому они должны были проехать, был защищен сильной батареей, и было видно, как горожане собирались в большом количестве, чтобы защитить свои очаги от врага, которого они когда-то изгнали. Продвижение по мосту казалось неминуемой гибелью для небольшого отряда. Даже храбрость испанцев отступила перед таким отчаянным предприятием, но беспринципная свирепость помогла там, где мужество было ошибкой. Среди населения Вика было мало сражающихся мужчин, но было много женщин. Каждому солдату было приказано схватить женщину и, поставив ее перед своим телом, перейти мост. Колонна, укрепленная, к стыду испанского рыцарства, женскими грудями, в полном порядке двинулась к батарее. Солдаты уверенно целились из своих мушкетов поверх плеч или под мышками женщин, которых они таким образом держали перед собой. С другой стороны, горожане не осмеливались стрелять из пушек в своих собственных горожанок, среди которых многие узнавали матерей, сестер или жен. Батарея вскоре была взята, и в то же время Алонзий Варгас, который осуществил свой вход со стороны суши, подожгв брюссельские ворота, теперь вошел в город во главе отряда кавалерии. Мейстрихт был восстановлен, и беспорядочная резня мгновенно отомстила за его временную потерю. Грабежи, поножовщина, утопления, поджоги, насилия были настолько ужасны, что, по словам современного историка, "бюргеры, избежавшие боя, имели основания считать себя менее удачливыми, чем те, кто погиб с оружием в руках".

Такова была судьба Мейстрихта 20 октября. Инстинктивно чувствовалось, что это предвестие новых бедствий. Смутные, бессвязные, но широко распространенные слухи уже давно указывали на Антверпен и его опасное положение. Испанцы, обманутые в своих взглядах на Брюссель, недавно заявили о намерении отомстить в торговой столице. Они ждали достаточно долго и накопили достаточно сил. Такой незначительный город, как Аlost, больше не мог удовлетворять их алчность, но в Антверпене было достаточно золота для сбора. Были основания для страхов жителей, для алчного стремления их врага. Вероятно, ни один город христианского мира не мог в то время соперничать с Антверпеном в богатстве и великолепии. Его торговцы

жили с царственной помпой и роскошью. В его многочисленных массивных складах хранились сокровища любого региона. Все еще оставаясь главным центром мировых перевозок, столица Брабантины была центром той коммерческой системы, которая вскоре должна была быть вытеснена более широкой международной жизнью. Посреди страданий, которые так долго обрушивались на Нидерланды, величественный и эгоистичный город, казалось, пустил более крепкие корни и расцвел свежее, чем когда-либо. Неудивительно, что его дворцы и склады, сверкающие великолепием и ломящиеся от сокровищ, пробудили алчность у безрассудных и изголодавшихся солдат. Разве горстка воинов их собственной расы не грабила золотые Индии? Разве их немногочисленные отцы, сильные мужеством и дисциплиной, не упивались грабежом нового мира? Здесь были Индии в одном городе. Здесь были золото и серебро, жемчуга и бриллианты, готовые и переносимые; драгоценные плоды, спелые, падающие с ветки. Можно ли было допустить, чтобы низменные тихоокеанские бюргеры монополизировали сокровище, которым могла бы обогатиться группа героев?

Ощущение надвигающегося зла распространилось по атмосфере. Воздух, казалось, был зловещим из-за надвигающейся бури, поскольку ситуация была особенно ужасной. Самый богатый город христианского мира находился во власти сильнейшей крепости в мире; замка, который был построен для обуздания, а не для защиты города. Теперь на нем жила банда разбойников, объявленных правительством вне закона, строгих в дисциплине, разъяренных нищетой, безрассудных по привычке, отчаявшихся в обстоятельствах — команда, которая не боялась ни Бога, ни человека, ни дьявола. Трепещущая добыча лежала, ежечасно ожидая нападения своего обученного и безжалостного врага, ибо мятежные солдаты теперь были в состоянии строгой дисциплины. Санчо д'Авила, кастелян цитадели, был признан главнокомандующим всего мятежа, поскольку армия и мятеж теперь были единым целым. Банда, окопавшаяся в Алосте, была в наилучшем из возможных взаимопониманий со своими братьями в цитадели и без колебаний приняла распоряжения своего начальника. На берегу Шельда, напротив Антверпена, по приказу дон Санчо было возведено укрепление, которое удерживал Хулиан Ромеро. Лир, Бреда, а также Аlost также были готовы перебросить свои подкрепления в цитадель по первому сигналу. По сигналу своего вождя объединенные отряды могли единым порывом покинуть свой неприступный замок.

Город громко взывал о помощи, поскольку стало очевидно, что нападения можно ожидать с минуты на минуту. Тем временем попытка дон Санчо д'Авилы вмешаться в работу немецких войск, дислоцированных внутри стен, была более чем частично успешной. Этими войсками командовали полковник Ван Энде и граф Оберштейн. Ван Энде, коварный предатель своей страны, не желал ничего лучшего, кроме как присоединиться к мятежу по столь многообещающему поводу, и его солдаты разделяли его чувства. Оберштейн, храбрый, но неуклюжий немец, был заманен в сети предательства ловкостью испанца и бесстыдством его товарища. Ночью 29 октября, наполовину сбитый с толку и полупьяный, он подписал договор с Санчо д'Авилата и тремя полковниками — Фуггером, Фрондсбергером и Полвиллером. Этим злополучным документом, который, разумеется, подписал и Ван Энде, было решено, что антверпенские бюргеры должны быть немедленно разоружены; что их оружие должно быть отправлено в цитадель; что Оберштейн должен оставить город в распоряжении Санчо д'Авилы; что он должен отказать во входе всем войскам, которые могут быть посланы в город, за исключением командования дон Санчо, и что он должен отказаться выполнять любые приказы, которые он может получить от лиц, называющих себя государственным советом, генеральными штатами или поместьями Брабанта. Более того, этот договор был подписан

доном Херонимо де Родсом, обосновавшимся тогда в цитадели и утверждавшим, что он представляет исключительно правительство его Величества.

Едва это соглашение было заключено, как граф увидел ловушку, в которую он попал. Сам того не желая, он отдал город на милость врага, но единственным средством, которое пришло ему в голову, было внутреннее решение не выполнять своих обещаний. Бюргерам было позволено сохранить свое оружие, в то время как, с другой стороны, дон Санчо, не теряя времени, отправил послания в Аlost, Льер, Бреду и даже в Мейстрихт, чтобы собрать как можно больше сил с целью немедленного разрыва мирного договора, который он только что заключил. Никогда еще не было такого торжественного документа, к которому все его подписавшие относились бы с таким совершенным недобросовестием, как соглашение от 29 октября.

Три дня спустя большие силы валлонов и немцев были отправлены из Брюсселя на помощь Антверпену. Командование этими войсками было поручено маркизу Гаврскому, брат которого, герцог Эршо, был недавно назначен главным суперинтендантом по военным делам депутатами, собравшимися в Генте. Различные обязанности, подразумевавшиеся под этим довольно расплывчатым наименованием, не позволяли герцогу лично руководить экспедицией, и на этот пост был соответственно назначен его младший брат, еще более некомпетентный и незначительный персонаж. С ним было связано несколько молодых людей высокого ранга, но с прискорбно низкими способностями. Главным среди них был Филипп, граф Эгмонтский, юноша, унаследовавший мало качеств своего знаменитого отца, за исключением личной храбрости и любви к самоутверждению. По характеру и общим талантам он был ниже посредственности. Рядом с ними были безрассудный, но неуравновешенный Де Хез, совершивший государственный переворот против Государственного совета, Де Берселен, Де Капре, Д'Ойнджи и другие, все они смутно желали добиться отличия в те беспокойные времена, но лишь немногие из них имели какие—либо политические или религиозные убеждения, и никто из них не обладал достаточным опытом или влиянием, чтобы оказаться полезными - в надвигающийся кризис.

Утром в пятницу, 2 ноября, войска появились под стенами Антверпена. Они состояли из двадцати трех рот пехоты и четырнадцати рот кавалерии, что составляло пять тысяч пеших и тысячу двести всадников. Почти все они были валлонами, солдатами, уже повидавшими немало действительной службы, но, к сожалению, принадлежавшими к расе действительно воинственной и вспыльчивой, но от стойкости которой в те дни можно было зависеть не намного больше, чем в эпоху Цивилизации. Шампани, брат Гранвеля, был губернатором города. Он был искренним католиком, но еще более искренним ненавидел испанцев. Он видел в мятеже средство добиться их изгнания и уже предложил принцу Оранскому свое горячее сотрудничество в достижении этого результата. В других вопросах между Вильгельмом Молчаливым и братом кардинала могло быть лишь небольшое сочувствие, но общая ненависть объединила их, по крайней мере на время, ради общей цели.

Когда войска впервые появились перед стенами, Шампани не пожелал их впустить. Полоумный Оберштейн признался ему в огромной ошибке, которую он допустил в своем "полуночном договоре", и в то же время простодушно признался в своем намерении пустить его коту под хвост. Враг вырвал из его тупости или пьянства обещание, которое его зрелый и трезвый рассудок не мог считать обязательным. Излишне говорить, что Шампани упрекнул его за подписание и поаплодировал ему за нарушение договора. В то же время его пагубные

последствия уже были заметны по разногласиям, которые существовали среди немецких войск. Там, где все было подделано и где командиры подавали пример неверности, было бы странно, если бы все держались твердо. Однако в целом Оберштейн считал, что может отвечать за свои собственные войска: на дивизию Ван Энде, хотя хитрый полковник и скрывал свои истинные намерения, полагались очень мало. Таким образом, за стенами царило смятение. Среди тех, кого бюргерам было велено считать своими защитниками, вероятно, было много таких, кто был готов присоединиться к своим смертельным врагам при малейшем предупреждении. В этих обстоятельствах Шампани колебался, впускать ли эти свежие войска из Брюсселя. Он опасался, что немцы, которые знали, что сомневаются в себе, могут посчитать себя обреченными. Он трепетал, опасаясь, что внутри стен произойдет неудержимая вспышка, которая сделает неизбежным немедленное разрушение города испанцами извне. Более того, он счел более желательным, чтобы эти вспомогательные силы были размещены в разных точках снаружи, чтобы перехватить проход многочисленных отрядов испанцев и других мятежников, которые с разных сторон вскоре должны были направиться к цитадели. Гавр, однако, был так категоричен, а бюргеры так назойливы, что Шампани был вынужден уступить своему сопротивлению не прошло и двадцати четырех часов. Не желая брать на себя ответственность за дальнейший отказ, он пропустил войска через Бюргерхаутские ворота в субботу, 3 ноября, в десять часов утра.

Маркиз Гаврский, как главнокомандующий, созвал военный совет. Оно собралось в покоях графа Оберштейна и сначала проконсультировалось по поводу пачки перехваченных писем, которые Гавр привез с собой. Они представляли собой переписку Санчо д'Авилы с главарями мятежа в Алосте и многих других местах. Все письма были датированы заключением договора доном Санчо с Оберштейном и содержали договоренности о немедленном сосредоточении всех имеющихся испанских сил в цитадели.

Предательство было настолько очевидным, что Оберштейн счел излишним упрекать себя за собственное предательство. Однако было очевидно, что нападения следовало ожидать немедленно. Что оставалось делать? Все офицеры советовали немедленно возвести бастион со стороны города, обращенной к замку, но там не было ни шахтеров, ни инженеров. Шампани, однако, порекомендовал умелого и опытного инженера для руководства работами в городе и пообещал, что достаточное количество бюргеров будут работать добровольцами в качестве шахтеров. Менее чем за час десять или двенадцать тысяч человек, включая множество женщин всех рангов, приступили к работе на линиях, обозначенных инженером. Вскоре началось быстрое строительство рва и насыпи, протянувшейся от ворот бегинок до улицы аббатства Святого Михаила. Тем временем вновь прибывшие войска с военной наглостью потребовали привилегии разместиться в лучших домах, которые они смогли найти. Они уже начали оскорблять и раздражать граждан, которых их послали защищать; и им не суждено было своим последующим поведением перед лицом врага искупить жестокость, с которой они обращались со своими друзьями. Шампани, однако, был не расположен мириться с их распушенностью. Их послали защищать город и дома Антверпена от вторжения. Они не должны были устраиваться у каждого очага по прибытии. Для них было достаточно работы на свежем воздухе, и они должны были выполнять эту работу немедленно. Он приказал им разбить лагерь на улицах и с мечом в руке перелетал от дома к дому, изгоняя незваных гостей с неминуемой опасностью для своей жизни. Тем временем несколько итальянских и испанских купцов бежали из города и укрылись в замке. Валлонские солдаты были за то, чтобы немедленно разграбить их дома, как если бы

грабеж был целью, ради которой их послали в Антверпен. Прошло несколько часов, прежде чем Шампани, приложив всю свою энергию, смог подавить эти беспорядки.

В течение дня Оберштейн получил письмо от доны Сандры д'Авила, в котором она торжественно призывала его выполнить свой договор от 29 октября. Немецкие полковники из цитадели накануне днем провели личную беседу с Оберштейном под стенами, которая едва не закончилась дракой, и им пришлось спастись бегством от гнева солдат графа, разъяренных обманом, с помощью которого их предводитель едва не попал в ловушку. На этот смехотворно торжественный призыв сохранить договор, который уже был разорван в клочья обеими сторонами, Оберштейн ответил вызовом и презрением. Ответом была немедленная канонада с батарей цитадели, что сделало положение тех, кто возводил валы, чрезвычайно опасным. Стена была укреплена тюками с товарами, бочками с землей, перевернутыми повозками и подобными громоздкими предметами, наспех сложенными вместе. В некоторых местах его высота достигала шестнадцати футов, в других - менее шести. Ночь наступила еще до того, как укрепление было почти завершено. К сожалению, был яркий лунный свет. Пушки из крепости продолжали стрелять по недостроенным сооружениям. Валлоны, а в конце концов и горожане, боялись поднять головы над своим хрупким бастионом. Сенаторы, которых Шампани поручил следить за ходом предприятия, обнаружив, что люди так плохо себя чувствуют, покинули свои посты. Они пообещали себе, что в самый темный час следующей ночи работа должна быть полностью завершена. Увы! всем часам наступающей ночи было суждено быть достаточно темными, но в них не предстояло выполнять никакой оборонительной работы. Казалось, что только на Шампани были возложены труд и вся ответственность. Он хорошо исполнял свой долг, но он был всего лишь одним человеком. Один, с сердцем, полным тревоги, он бродил взад и вперед всю ночь. Собственными руками, с помощью всего нескольких горожан и собственных слуг, он установил все пушки, которыми они были снабжены, на "Площадке для фехтования" в таком месте, откуда батарея могла быть видна на замок. К сожалению, войска из Брюсселя не привезли с собой артиллерию, а средства защиты от сильнейшей крепости в Европе были действительно скудными. Вал остался очень слабым во многих жизненно важных точках. Единственный перевернутый фургон был поставлен поперек въезда на важную улицу Бегинов. Эта небрежность дорого обошлась городу. На рассвете в покоях Оберштейна состоялся совет. Почти всеми указаниями Шампани пренебрегли. Он пожелал, чтобы сильные отряды были размещены ночью в различных безопасных местах на окраинах города, поскольку войска, которые, как ожидалось, небольшими группами придут в цитадель из разных частей, могли таким образом оказаться отрезанными, не достигнув места назначения. Даже разведчики не были размещены в достаточном количестве, чтобы получить информацию о том, что происходило снаружи. В то богатое событиями утро над городом висел густой туман. Сквозь его почти непроницаемую завесу были видны телалюдей, въезжающих в замок, отчетливо слышался топот кавалерии, а войска Ромеро, Варгаса, Оливейры и Вальдеса уже прибыли из Льера, Бреды, Местрихта и из фортов на Шельде.

Все имеющиеся в городе силы были собраны без промедления. Гавр заявил, что его пост должен защищать рубежи напротив цитадели, места ответственности и чести. Здесь был расквартирован весь корпус валлонов вместе с несколькими ротами немцев. Валы, как уже говорилось, были далеко не неприступны, но оставалось надеяться, что этот живой вал из шести тысяч человек, стоящих на своей собственной земле, перед очагами и алтарями своих соотечественников, окажется достаточным бастионом даже против испанской ярости. К несчастью, живой барьер оказался более хрупким, чем немощный бруствер, сооруженный

руками горожан и женщин. Шесть тысяч человек были расположены вдоль противоположной от крепости стороны города. Основная часть немецких войск была дислоцирована в разных точках на более центральных улицах и площадях. Кавалерия была размещена на противоположной стороне города, вдоль Конного рынка, напротив "Нового города". Звезды еще горели на небе, когда Шампани сел верхом и поехал по улицам, призывая бюргеров вооружаться и собираться в разных точках. Основными местами встреч были Скотный рынок и Биржа. Он проехал вдоль рядов валлонских полков, беседуя с офицерами, Эгмонтом, Де Хезе и другими, подбадривая солдат, и снова отправился на площадку для фехтования, где собственноручно навел пушки и приказал произвести первый выстрел по крепости. Оттуда он доехал до конца улицы Бегинов, где спешил и вышел на край эспланады, простиравшейся между городом и замком. На этом поле боя уже тогда шел бой между бандой бюргеров и разведывательным отрядом из цитадели. Шампани с удовлетворением увидел, что антверпенцы одержали победу. Они хорошо сражались со своим дисциплинированным противником, которого в конце концов отбросили в цитадель. Однако его опытный глаз увидел, что отступление было лишь сигналом к общему натиску, который вскоре должен был последовать; и он вернулся в город, чтобы отдать последние распоряжения.

В десять часов был замечен движущийся лес, приближающийся к цитадели с юго-запада. Весь отряд мятежников из Алоста, в шлемах с зелеными ветвями, прибыл под командованием своего элетто Наваррете. Почти три тысячи человек ворвались в замок, совершив с трех часов ночи двадцатичетырехмильный переход. Их приняли с распростертыми объятиями. Санчо д'Авила приказал подать им еду и прохладительные напитки, но они отказались от всего, кроме глотка вина. Они сказали, что пообедают в Раю или поужинают в Антверпене. Обнаружив, что его союзники настроены подобным образом, дон Санчо не стал возражать против их юмора. С раннего утра его собственные ветераны с нетерпением ожидали его сигнала "готовиться к старту". Войска Ромеро, Варгаса, Вальдеса были не менее нетерпеливы. Примерно за час до полудня почти каждый живой человек в цитадели был собран для атаки, едва ли осталось достаточно людей, чтобы охранять ворота. Пять тысяч опытных пехотинцев, помимо шестисот вооруженных до зубов кавалеристов, совершили вылазку из ворот цитадели Альвы. В контрэскарпе они упали на колени, чтобы призвать, согласно обычаю, благословение Божье на дьявольское дело, которое они собирались совершить. Блетто нес знамя, на одной стороне которого был изображен распятый Спаситель, а на другой - Дева Мария. Образ Того, кто сказал: "Любите врагов ваших", и кроткое лицо Мадонны должны были улыбаться с небес поступкам, которые могли бы вызвать содрогание в глубинах ада. Закончив свои краткие молитвы, они двинулись вперед, к городу. Три тысячи испанцев под командованием своего элетто должны были войти по улице Святого Михаила; немцы и остальная часть испанской пехоты под командованием Ромеро - по улице Святого Георгия. Шампани увидел их приближение и произнес последние слова ободрения в адрес валлонов. В следующее мгновение плотная масса ударила в барьер, как молния, выпущенная из облака. Борьбы почти не было. Валлоны, не дожидаясь, пока они посмотрят в лицо своему врагу, оставили посты, на которые они сами претендовали. Испанцы проломились сквозь фальшборт, как будто это была стеклянная стена. Элетто первым взобрался на крепостной вал; в следующее мгновение он был застрелен, в то время как его последователи, не дрогнув, перепрыгнули через его тело и высыпали на улицы. Роковой разрыв, вызванный робостью и неосторожностью, впустил разрушительную волну. Шампани, видя, что все враги перешли заграждение, перепрыгнул через садовую ограду, прошел через дом в узкий переулок, а оттуда к ближайшей станции немецких войск. Поспешно

собрав небольшой отряд, он лично повел их на выручку. Немцы хорошо сражались, хорошо умирали, но они не смогли возродить мужество валлонов, и теперь все они были в полном отступлении, преследуемые свирепыми испанцами. Напрасно Шампаньи бушевал среди них; напрасно он старался сплотить их разрозненные ряды. Он собственноручно выхватил знамя у отступающего прапорщика и призвал ближайших солдат выступить против врага. Это было сделано для того, чтобы заставить летящие облака остановиться перед бурей. Разорванные, сломленные, бесцельные, рассеянные войска кружились по улицам перед преследующим их гневом. Шампаньи, еще не отчаявшийся, скакал галопом туда-сюда, повсюду призывая бюргеров подняться на защиту своих домов, и призыв его был не напрасен. Они выходили из каждого места встречи, из каждого переулочка, из каждого дома. Они сражались, как сражаются мужчины, защищая свои очаги и алтари, но что могла дать индивидуальная преданность против сплоченной, дисциплинированной, не знающей сопротивления массы их врагов? Порядок обороны был нарушен, не было ни системы, ни концерта, ни места сбора, ни авторитета. Как только стало известно, что испанцы перешли крепостной вал, что шесть тысяч его защитников полностью отступили, паника в городе была неизбежна.

Как только они вступили в бой, испанские войска разделились; согласно предварительной договоренности, на две дивизии: одна половина двинулась вверх по длинной улице Святого Михаила, другая прорывалась через улицу Святого Жориса. "Santiago, Santiago! Испания, Испания! "сангре", "карне", "фуэго", "Сакко"! Святой Иаков, Испания, кровь, плоть, огонь, мешок!! — таковы были отвратительные крики, которые разносились по всем кварталам города по мере приближения дикой орды. Маркиз Гавр разместил ван Энде со своими немецкими войсками для защиты ворот Сен-Жорис, но как только появились испанцы под командованием Варгаса, он немедленно дезертировал к ним со всеми своими силами. Объединившись с испанской кавалерией, эти вероломные защитники Антверпена бросились в погоню за теми, кто был всего лишь малодушен. Таким образом, бюргеры увидели, что на них напали многие из их друзей, и еще больше их покинуло. Кому они могли доверять? Тем не менее, немцы Оберштайна были храбры и преданны, сопротивляясь до последнего и убивая каждого человека в своей упряжке. Волна сражения разливалась туда-сюда, по каждой улице и узкому переулочку. Он лился вдоль великолепной площади Мира, где шло упорное состязание. Перед знаменитой Биржей, где в мирные часы ежедневно собирались пять тысяч торговцев, чтобы уладить коммерческие дела христианского мира, произошел решительный митинг, жестокая резня. Горожане и верующие немцы на этом обширном пространстве выстояли против своих преследователей. Мозаичный мраморный тротуар, изящные, похожие на монастырские аркады аркады были красными от крови. Плохо вооруженные бюргеры встречали своих врагов в полном вооружении, но они могли умереть только за свои дома. Резня в этот момент была огромной, сопротивление наконец было преодолено.

Тем временем испанская кавалерия прокладывала себе путь через город. На стороне, наиболее удаленной от замка; вдоль Конного рынка, напротив Нового города, были расставлены драгуны штатов и легкая кавалерия Беверена, и летящие массы преследователей наконец прорвались сквозь это внешнее кольцо. Шампаньи был уже там. Он попытался, как свою последнюю надежду, сплотить кавалерию для последнего боя, но усилия оказались безрезультатными. Охваченные паникой, они попытались выбежать из города через ворота Икера. Она была заперта; затем они повернулись и побежали к Красным воротам, где их лицом к лицу встретил

дон Педро Тассис, который атаковал их со своими драгунами. Отступление казалось безнадежным. Было замечено, как всадник в полном доспехе, с копьем наперевес, спрыгнул с парапета внешней стены в ров внизу, откуда, все еще сидя на коне, спасся бегством. Мало кому так повезло. Сбитая с толку толпа беглецов и завоевателей, испанцев, валлонов, немцев, бюргеров, боровшихся, кричавших, бивших, проклинавших, умирающих, раскачивалась туда-сюда, как штормовое море. Вдоль просторного Конного рынка беглецы бежали по направлению к набережным. Многие пали от мечей испанцев, многие были насмерть затоптаны копытами лошадей, еще большее множество людей было загнано в Щель. Шампани, который даже в последний момент считал возможным закрепиться в Новом городе и укрепить ганзейский дворец, увидел себя покинутым. Проявив великую отвагу и присутствие духа, он совершил побег к флоту принца Оранского на реке. Маркиз Гаврский, о чьих доблестных деяниях в тот знаменательный день не было известно, добился такого же успеха. Незадачливый оберштейн, пытаясь прыгнуть в лодку, оступился и, придавленный тяжестью своих доспехов, утонул.

Тем временем, хотя короткий ноябрьский день быстро клонился к закату, в глубине города все еще бушевал бой. Различные конфликтные течения, прокладываявшие свой отдельный путь по многим улицам, наконец смешались на Гран-Плас. Вокруг этой неправильной, не очень просторной площади стоял великолепный Отель де Вилль и высокие, многоэтажные, с фантастическими остроконечными крышами, богато украшенные дворцы гильдий. Здесь происходила долгая борьба. На какое-то время она была прекращена кавалерией Варгаса, который, прибыв по улицам Сен-Жориса в сопровождении предателя Ван Энде, решительно ринулся в рукопашную схватку. Массы были разбиты, но множество вооруженных людей нашли убежище в зданиях, и каждый дом превратился в крепость. Из каждого окна и с балконов на площадь лился жаркий огонь, когда зажатые в углу бюргеры наконец-то оказались в страхе. Было трудно взять дома штурмом, но вскоре они были подожжены. Большое количество маркитантов и прочей челяди сопровождало испанцев из цитадели, неся факелы и материалы для растопки специально для поджога города. Теперь эти средства были применены с большой ловкостью, и через короткий промежуток времени ратуша и другие здания на площади были объаты пламенем. Пожар распространялся с быстротой, охватывая дом за домом, улицу за улицей. Почти тысяча зданий в самом великолепном и богатом квартале города вскоре были охвачены пламенем, и вместе с ними сгорело множество людей. В ратуше многие погибли, в то время как другие выпрыгивали из окон, чтобы возобновить сражение внизу. Множество извилистых улочек, которые вели вниз по небольшому спуску от задней части городского дома к набережным, представляли собой одно огромное пожарище. С другой стороны, великолепный собор, отделенный от Гран-Плас единственным рядом зданий, был освещен, но не охвачен пламенем. Высокий шпиль отбрасывал гигантскую тень на последнюю отчаянную битву. На улице, называемой Канал о Сукре, сразу за городским домом, шла ожесточенная борьба, ужасная резня. Толпа бюргеров, суровые магистраты и те немецкие солдаты, которые остались в живых, все еще противостояли свирепым испанцам. Там, среди пылающего запустения, Госвин Веррейк, героический маркграф города, сражался с энергией ненависти и отчаяния. Бургомистр Ван дер Мир лежал мертвый у его ног; сенаторы, солдаты, горожане быстро падали вокруг него, и, наконец, он опустился на груды убитых. С его приходом эффективное сопротивление прекратилось. Оставшиеся бойцы были перебиты или их медленно оттесняли вниз, чтобы они погибли на Поле боя. Женщины, дети, старики были убиты в бесчисленных количествах, и все же, несмотря на весь этот хаос, прямо над головами борющейся толпы, подвешенный в воздухе над шумом и дымом конфликта, с колокольни собора каждые

полчетверти каждого часа, словно в мягкой насмешке, раздавался нежный и мелодичный перезвон.

Никогда еще не было более чудовищной резни, даже в кровавой истории Нидерландов. Было подсчитано, что в течение этого и двух последующих дней было убито не менее восьми тысяч человек. Испанцы, казалось, отбросили даже представление о человечности. Ад, казалось, очистился от своих исчадий ада. Ночь опустилась на сцену еще до того, как солдаты стали хозяевами города; но худшие ужасы начались после окончания состязания. Эта армия разбойников пришла туда с определенной, практической целью, ибо ими двигали не жажда крови, не похоть, не месть, а алчность, жажда золота. Ради золота они прошли через всю эту кровь и огонь. Никогда еще у людей не было такой простоты намерений, такой прямоты в их исполнении. Наконец-то они завоевали свою Индию; все ее золотые прииски лежали перед ними, и каждый меч должен был открыть шахту. Беспорядки и изнасилования можно было отложить; даже убийство, хотя и пришедшееся им по вкусу, было лишь вспомогательным занятием в их бизнесе. Они пришли завладеть богатствами города и преданно выполнили свою задачу. За золото младенцы лишались жизни на руках у своих матерей; за золото родителей пытали в присутствии их детей; за золото невест забивали до смерти плетью на глазах у их мужей. Везде, где возникало подозрение о сокровищах, использовались все средства, которые могла предложить изобретательность, обостренная жадностью, чтобы вымогать их у владельцев. Пожар, распространившийся более широко и быстрее, чем хотелось бы, по самому богатому кварталу города, к сожалению, поглотил огромное количество имущества. Таким образом было поглощено по меньшей мере шесть миллионов человек; разрушение, от которого никто не выиграл. Однако многое еще оставалось. Прочные сундуки торговцев, золото, серебро и драгоценные украшения, бархат, атлас, парча, кружева и подобная хорошо концентрированная и портативная добыча были быстро присвоены. До сих пор все было просто, но в частных домах это было сложнее. Наличные деньги, тарелки и другие ценности частных лиц было не так легко обнаружить. Поэтому были немедленно применены пытки, чтобы обнаружить спрятанные сокровища. После того, как все было отдано, если сумма казалась слишком маленькой, владельцы подвергались жестокому наказанию за свою бедность или предполагаемое притворство. Знатная дама по имени Фабри вместе со своей престарелой матерью и другими женщинами семьи укрылась в подвале своего особняка. Когда день подходил к концу, вошла банда грабителей, которые, обыскав дом, спустились в подвал. Обнаружив, что дверь заперта, они взломали ее с помощью пороха. Мать, которая была ближе всех ко входу, упала замертво на пороге. Переступив через ее изуродованное тело, разбойники набросились на ее дочь, громко требуя отдать имущество, которое, по их мнению, было спрятано. Они также настаивали на том, чтобы им сообщили, где укрылся хозяин дома. Заявления о незнании спрятанных сокровищ или местонахождения ее мужа, который, насколько ей было известно, лежал мертвым на улице, были бесполезны. Чтобы сделать ее более общительной, они повесили ее на балке в подвале, а через несколько мгновений зарубили еще до того, как жизнь угасла. По-прежнему не получив удовлетворительного ответа, когда удовлетворительный ответ был невозможен, они снова повесили ее. И снова, после еще одного короткого перерыва, они вторично освободили ее и провели новый допрос. Это варварство они повторяли несколько раз, пока не убедились, что от этого ничего не выиграешь, в то время как, с другой стороны, они теряли много драгоценного времени. Надеясь добиться большего успеха в другом месте, они оставили ее висеть в последний раз и отправились в более свежие поля. Как ни странно, человек, подвергнутый таким ужасным пыткам, выжил. Служанка

в ее семье, вышедшая замуж за испанского солдата, по счастливой случайности вошла в дом вовремя, чтобы спасти свою погибающую хозяйку. Она была возвращена к существованию, но так и не обрела разума. Ее мозг был безнадежно поврежден, и остаток своей жизни она провела, бродя по дому или вяло копаясь в саду в поисках зарытых сокровищ, которые ее так настойчиво просили раскрыть.

Свадебный пир был грубо прерван. Две молодые особы, соседи из богатых семей, были давно помолвлены, и день свадьбы был назначен на воскресенье, роковое 4 ноября. Гости были в сборе, церемония завершена, свадебный банкет в разгаре, когда ужасные крики на улицах возвестили, что испанцы вырвались на свободу. Тянулся час за часом трепетного ожидания. Наконец грохот у ворот возвестил о прибытии банды разбойников. Предшествоваемые своим капитаном, большое количество солдат ворвались в дом, обыскивая каждую комнату, семья и друзья не оказывали сопротивления, их было слишком мало и они были бессильны справиться с этой бандой хорошо вооруженных головорезов. Сундуки для посуды, платяные шкафы, письменные столы, шкатулки с драгоценностями предлагались бесплатно, охотно принимались, но считались недостаточными, и чтобы заставить несчастных обставить больше, чем у них было, применялись обычные жестокости. Солдаты начали с того, что нанесли жениху смертельный удар. Невеста с криком упала в объятия своей матери, откуда ее вырвали убийцы, которые немедленно предали мать смерти, и затем последовала беспорядочная резня, за которой последовали бесплодные попытки угрозами и пытками заполучить несуществующее сокровище. Невесту, отличавшуюся поразительной красотой, увели в цитадель. Взмешенный этим последним оскорблением, отец, который был единственным мужчиной из всей компании, оставшимся в живых, бросился на испанцев. Вырвав меч у одного из матросов, старик расправился с ним так яростно, что уложил к своим ногам мертвым не одного врага, но нет нужды добавлять, что вскоре он был убит. Тем временем, пока группа завершала разграбление особняка, невесту оставили в одинокой квартире крепости. Не тратя времени на бесплодные стенания, она решила покончить с жизнью, которую несколько часов сделали такой безрадостной. Ей почти удалось повеситься на массивной золотой цепи, которую она носила, когда в квартиру вошел ее похититель. Воспламененный не похотью, а алчностью, возбужденный не ее прелестями, а ее драгоценностями; он спас ее из опасного положения. Затем он завладел ее цепочкой и другими безделушками, которыми было украшено ее подвенечное платье, и заставил ее полностью раздеться. Затем ее били розгами до тех пор, пока ее прекрасное тело не залилось кровью, и, наконец, одну, обнаженную, почти безумную, отправили обратно в город. Здесь несчастное создание бродило взад и вперед по пылающим улицам, среди куч мертвых и умирающих, пока, наконец, банда солдат не положила конец ее страданиям.

Таковы несколько случайно сохранившихся в деталях отдельных примеров общих ужасов, учиненных в этом случае. Бесчисленное множество других кануло в лету. Утром 5 ноября Антверпен представлял собой ужасающее зрелище. Великолепный мраморный таунхаус, прославленный как "чудо света" даже в ту эпоху и в той стране, в которой муниципальные дворцы расточали столько великолепия, представлял собой почерневшие руины — разрушено все, кроме стен, а его архивы, счета и другое ценное содержимое погибли. Более великолепная часть города была уничтожена; по меньшей мере пятьсот дворцов, в основном из мрамора или кованого камня, представляли собой тлеющую массу разрушений. Тела погибших в этой резне были повсюду, в наибольшем изобилии вокруг площади Мира, среди готических колонн Биржи и на улицах возле городского дома. Немецкие солдаты лежали в своих доспехах, у некоторых

головы были сожжены отдельно от тел, у некоторых ноги и руки были сожжены пламенем, сквозь которое они сражались. Маркграф Госвин Веррейк, бургомистр Ван дер Мир, магистраты Ланселот Ван Урселен, Николас Ван Букхольт и другие видные граждане лежали среди груды убитых менее выдающихся людей. Они оставались непогребенными до тех пор, пока Рода не вынудила надсмотрщиков за бедняками, к которым у живых тогда были более настоятельные претензии, чем к мертвым, похоронить их из фонда для бедных. Убийцы были слишком бережливы, чтобы оплачивать похороны своих жертв. Церемония не была проведена в спешке, поскольку количество трупов еще не было завершено. Еще два дня в городе продолжался хаос. Из всех преступлений, которые могут совершить люди, будь то из преднамеренного расчета или в порыве страсти, едва ли одно было опущено, поскольку беспорядки, азартные игры, изнасилования, которые были отложены до более строгих требований к грабежам и убийствам, теперь быстро добавились к сумме зверств. История неизгладимо записала этот рассказ на своих бронзовых скрижалях; он может быть скорректирован только на вышестоящем суде.

Из всех деяний тьмы, которые когда-либо совершались в Нидерландах, это было наихудшее. Оно называлось "Испанская фурия", и под этим ужасным названием оно было известно с незапамятных времен. Город, который раньше был миром богатства и великолепия, превратился в склеп, и с этого часа его коммерческое процветание пошло прахом. Другие причины безмолвно окружали это еще зеленое и цветущее дерево, но испанская ярость была огнем, который превратил его в пепел. На улицах было обнаружено три тысячи трупов, еще столько же, по оценкам, погибло в Шельде, и почти такое же количество было сожжено или уничтожено другими способами. Восемь тысяч человек, несомненно, были казнены. В результате пожара было уничтожено имущества на шесть миллионов долларов, и по меньшей мере еще столько же досталось испанцам. В этом чудовищном ограблении не уважался ни один класс людей. Иностранные купцы, жившие с явного разрешения и под защитой испанского монарха, подвергались разграблению с такой же скромностью, как и фламандцы. Священнослужители Римской церкви были вынуждены раздавать свое богатство так же свободно, как кальвинисты. Богатых заставляли отдавать все свое богатство, а бедных - все, что можно было выжать из их бедности. Ни нищие, ни преступники не были в безопасности. Капитан Каспар Ортис совершил блестящую спекуляцию, завладев Штейном, или городской тюрьмой, откуда он выкупил всех заключенных, которые смогли найти средства заплатить за свою свободу. Грабители, убийцы, даже анабаптисты, таким образом, снова оказались на свободе. Редко такой маленькой банде удавалось добыть за три дня грабежа такое большое состояние. Четыре или пять миллионов, разделенных между пятью тысячами солдат, восполнили длительные просрочки, и испанцы имели основания поздравить себя с тем, что таким образом взяли обязанность по выплате долга в свои руки. Это правда, что плата за беззаконие была несколько неравномерно распределена, несколько безрассудно растрочена впустую. Было известно, что рядовой солдат за один день проиграл десять тысяч крон в азартной игре на бирже, поскольку солдаты, имея, таким образом, приличные средства, возжелали подражать презируемым и разграбленным торговцам и ежедневно прибегали к Обмену, как люди, привыкшие к интрижкам. Дорого купленное золото, таким образом, было легко растрчено многими, в то время как другие, более благоразумные, переплавляли свою долю в рукояти мечей, в ножны и даже в целые доспехи, которые из предосторожности затемнялись, чтобы казаться полностью сделанными из железа. Парча, кружева и драгоценности антверпенских купцов были превращены в кольчуги для их разрушителей. Ювелиры, однако, таким образом получили возможность перехитрить своих

грабителей и изготовили золотые доспехи, для изготовления которых они были вынуждены использовать гораздо больше сплава, чем предполагали их наниматели. Таким образом, часть захваченной добычи была тайно выкуплена.

В этой испанской ярости в Антверпене было убито гораздо больше людей, чем при Варфоломее в Париже. Сейчас исчезло почти столько же живых людей, сколько было разрушено статуй во время памятного разрушения образов в Антверпене десять лет назад - события, которое вызвало такой трепет ужаса в сердце католического христианского мира. И все же нидерландцев и протестантов Европы можно простить, если они отнесутся к этой резне своих братьев с таким же отвращением, с каким относились к этой ярости против колодок и камней. По крайней мере, разрушителями имиджа двигала идея, и их руки не были запятнаны ни кровью, ни грабежом. Возможно, испанцы были такими. управляемые в равной степени религиозным фанатизмом. — Разве они не могли верить, что хорошо заслуживают своей Матери-Церкви, когда таким образом освобождали неверных от их богатств, а землю - от неверных? Разве папа и его кардиналы не отправились в церковь торжественной процессией, чтобы возблагодарить Бога за парижскую резню? Разве не гремели пушки и не горели маяки в ознаменование этого знаменательного события? Почему бы антверпенским палачам не претендовать на такую же похвалу? Даже если в своем бреде они перепутали друга с врагом, католика с кальвинистом, а церковную собственность с мирской, разве они не могли указать на равное количество мертвых тел и на невероятно большое количество награбленного?

Удивительно, но в те насыщенные событиями дни было убито очень мало испанцев. Двести убитых - это самое большое заявленное число. Расхождение кажется чудовищным, но оно едва ли больше, чем часто существовало между потерями, нанесенными и понесенными испанцами в таких боях. Их доблесть была равна их свирепости, и этого было достаточно, чтобы казаться наделенными нечеловеческими способностями. Если вспомнить также, что бюргеры были недостаточно вооружены, что многие из их защитников обратились против них, что многие тысячи обратились в бегство в первые мгновения столкновения — и если должным образом учесть эффект внезапной и ужасной паники, разница в количестве убитых с обеих сторон не покажется такой уж удивительной.

Несколько выдающихся офицеров были взяты живыми и доставлены в замок. Среди них были сеньор де Капре и молодой граф Эгмонт. Советник Жером де Рода развалился в кресле на открытой галерее, когда эти два джентльмена предстали перед ним, и Капресу хватило низости низко поклониться человеку, который утверждал, что представляет все правительство его Величества. Достойный преемник Варгаса ответил на приветствие своего пленника "пинком в живот", добавив с жестокостью, которой мог бы позавидовать его прототип: "Ах, путо традидор, сукин сын, предатель, не позволяй мне принимать приветствия от таких, как ты". Юный Эгмонт, храбро сражавшийся во главе трусливых отрядов, был взят в плен Джулианом Ромеро, который девять лет назад стоял на эшафоте своего отца, взирал на эту жестокую сцену с высокомерным негодованием. Такое поведение произвело на Рода большее впечатление, чем гибкость Капресов. - Я сочувствую вашему несчастью, граф, - сказал советник, однако не вставая со стула. - такова участь тех, кто поднимает оружие против своего короля. Это было неудачное начало карьеры Филиппа Эгмонта, которой было суждено стать бесславной, колеблющейся, низменной и не раз приносившей несчастье.

По стране пробежала дрожь, когда распространилась весть об ужасном преступлении, но это была дрожь негодования, а не страха. Переговоры в Генте между представителями принца и Голландии и Зеландии с депутатами других провинций уже проходили в благоприятном русле, и влияние этого события на их советы было скорее ускоряющим, чем ужасающим. Было перехвачено письмо Жерома де Рода королю, в котором содержался отчет об этой сделке. В этом документе сенатор дал самую теплую оценку Санчо д'Авиле, Хулиану Ромеро, Алонсо де Варгасу, Фрэнсису Вердуго, а также немецким полковникам Фуггеру, Фрондсбергеру, Полвиллеру и другим, которые больше всего проявили себя в этой резне. "Я желаю вашему величеству много хорошего в этой победе, - заключил советник, - она очень велика, и ущерб, нанесенный городу, огромен". Этот циничный взгляд не был рассчитан на то, чтобы произвести успокаивающий эффект на раздраженные умы людей. С другой стороны, сословия Брабанта обратились с красноречивым призывом к генеральным штатам, перечисляя свои ошибки и призывая к немедленным действиям. "Общеизвестно, - говорили протестующие, - что Антверпен только вчера был первым и главным украшением всей Европы; убежищем всех наций мира; источником и притоком несметных сокровищ; кормилицей всех искусств и промышленности; защитницей римско-католической религии; хранительницей науки и добродетели; и, помимо всего этого, более чем верной и послушной своему суверенному принцу и повелителю. Теперь город превратился в мрачную пещеру, наполненную грабителями и убийцами, врагами Бога, короля и всех добрых подданных". Затем они перешли к рассказу о резне, память о которой будет отвратительной до тех пор, пока существует мир, и завершили настоятельным призывом о возмещении ущерба. Они, в частности, предложили немедленно принять указ, запрещающий отчуждение собственности и вывоз товаров в любой форме из Антверпена, а также предоставить владельцам право на немедленное возвращение их украденного имущества, когда и где бы оно ни было найдено. В соответствии с этими инструкциями был издан, но несколько запоздало, эдикт в надежде смягчить некоторые из пагубных последствий, которыми сопровождалась "Антверпенская ярость".

Примерно в то же время принц Оранский обратился с примечательным письмом к генеральным штатам, собравшимся тогда в Генте, призывая их ускорить заключение договора. Известие о резне, которое послужило дополнительной и наиболее яркой иллюстрацией правдивости его письма, тогда еще не дошло до него в Мидделбурге, но серьезность его взглядов, высказанных в связи с этим последним темным делом, произвела мощный и неизгладимый эффект. Письмо было шедевром, потому что в его положении было необходимо воспламенить, не вызывая тревоги; стимулировать чувства, которые были в унисон, не шокируя те, которые, будучи возбужденными, могли бы оказаться диссонирующими. Вовне; поэтому, коснувшись религиозного вопроса, он остановился на необходимости единства, твердости и осторожности. Если так много было сделано Голландией и Зеландией, то на что еще можно надеяться, когда все провинции объединятся? "Главный цвет испанской армии пал, - сказал он, - так и не сумев отвоевать ни одной из этих провинций у тех, кого они в насмешку называют бедняками-попрошайками; но что такое эта горстка городов по сравнению со всеми провинциями, которые могли бы присоединиться к нам в борьбе?" Он предупредил штаты о необходимости выступить сильным и сплоченным фронтом; король всегда считал движение в Нидерландах простым заговором отдельных лиц. "Король сам сказал мне в 1559 году, - сказал Оранж, - что если бы у поместий не было столбов, на которые можно было бы опереться, они не разговаривали бы так громко". Поэтому было "необходимо показать, что прелаты, аббаты, монахи, сеньоры, джентльмены, бюргеры и крестьяне, короче говоря, весь народ теперь взывал в один голос и

желал с единой волей. Такой демонстрации король не посмел бы противостоять сам. Сохраняя таким образом твердый и единый фронт, устраняя все незначительные разногласия, они, более того, вселяли бы уверенность в своих друзей и иностранных принцев. Принцы Германии, лорды и дворяне Франции, королева Англии, хотя и сочувствовали несчастьям нидерландцев, были неспособны эффективно помочь им, пока их разобщенность мешала им помочь самим себе; до тех пор, пока даже их призыв к оружию казался просто сбором щитов, эмоцией населения, которая, подобно морской волне, поднимается и снова опускается, как только поднимается".

Призывая таким образом к единству и твердости, он также прилагал огромные усилия, чтобы внушить необходимость осторожности. Они имели дело с коварным врагом. Перехваченные письма уже доказали, что старое притворство все еще использовалось; что, пока дон Иоанн Австрийский был в пути, нидерландцев нужно было усыпить доверием глумливых речей. Король снабдил Рода секретной программой инструкций для руководства новым губернатором, а дону Санчо д'Авиле за его поддержку мятежников Алоста аплодировали в эхо в Испании. Разве эти аплодисменты не были частым указанием на политику, которую должен был проводить Дон Джон, и в тысячу раз более значимым, чем бессмысленные фразы бесплодного добродушия, которыми могли быть напичканы публичные документы? - Старые уловки снова пускаются в ход, - сказал принц. - Поэтому необходимо выяснить, кто ваши настоящие друзья, сорвать раскрашенные маски с тех, кто под предлогом того, что не смеет вызвать неудовольствие короля, пытается плавать между двух вод. Необходимо иметь пробный камень; подписать декларацию таким образом, чтобы вы знали, кому доверять, а кого подозревать".

Резня в Антверпене и красноречие принца произвели самое оживляющее действие на Конгресс в Генте. Их переговоры проходили чинно и серьезно, в разгар канонады цитадели, и крепость пала в тот же день, когда был заключен мирный договор.

Этот важный инструмент, с помощью которого жертвы и усилия принца были вознаграждены, по крайней мере, на короткое время, состоял из двадцати пяти предметов. Принц Оранский, с поместьями Голландии и Зеландии, с одной стороны, и провинциями, подписавшими или планирующими впоследствии подписать договор, с другой, согласились, что следует взаимно простить и забыть прошлое. Они поклялись в тесной и верной дружбе на будущее. Они дали взаимное обещание без промедления изгнать испанцев из Нидерландов. Как только это великое дело будет совершено, должны были быть созваны генеральные штаты на основе того собрания, перед которым состоялось отречение императора. Этим конгрессом должны быть урегулированы дела религии в Голландии и Зеландии, а также сдача крепостей и других мест, принадлежащих его Величеству. Должна была быть обеспечена полная свобода общения и торговли между гражданами одной стороны и другой. Однако для жителей Голландии и Зеландии не должно быть законным предпринимать какие-либо попытки за пределами их собственной территории против римско-католической религии, а также причинять кому-либо вред или раздражать кого-либо делом или словом. Действие всех плакатов и эдиктов на тему ереси, а также уголовных постановлений герцога Альвы, было приостановлено до тех пор, пока генеральные штаты не примут иного решения. Принц должен был оставаться лейтенантом, адмиралом и генералом его Величества в Голландии, Зеландии и связанных с ними местах до тех пор, пока генеральные штаты не примут иного решения; после ухода испанцев. Города и поселки, включенные в состав комиссии принца, но еще не признающие его власть, должны получить от него удовлетворение в отношении религии и других вопросов, прежде чем присоединиться к союзу. Все заключенные, и особенно граф де Боссю, должны быть

освобождены без выкупа. Все поместья и другая собственность, которые еще не были отчуждены, должны быть восстановлены, все конфискации с 1566 года объявлены недействительными. Графиня Палатинская, вдова Бредероде, и граф де Бюрен, сын принца Оранского, были прямо названы в этом положении. Прелаты и церковные деятели, имеющие собственность в Голландии и Зеландии, должны быть восстановлены, если это возможно; но в случае отчуждения, что, вероятно, имеет место в целом, должна быть разумная компенсация. Генеральные штаты должны были решить, должны ли провинции погасить долги, понесенные принцем Оранским в ходе его двух кампаний. Провинции и города не должны пользоваться преимуществами этого союза до тех пор, пока они не подпишут договор, но им должно быть разрешено подписать его, когда они захотят.

Этот памятный документ был подписан в Генте 8 ноября Святой Альдегондой вместе с восемью другими комиссарами, назначенными принцем Оранским и поместьями Голландии, с одной стороны, и Эльбертом Леонином и другими депутатами, назначенными от Брабанта, Фландрии, Артуа, Эно, Валансьена, Лилля, Дуэ, Орши, Намюра, Турне, Утрехта и Мехлина, с другой стороны.

Это соглашение было шедевром дипломатии со стороны принца, поскольку оно было настолько эффективным средством обеспечения безопасности реформированной религии, насколько можно было ожидать при данных обстоятельствах. Учитывая перемены, произошедшие за последние годы в пятнадцати провинциях, было очень важно, чтобы они согласились на какой-либо договор со своими двумя сестрами-еретичками. Гораздо важнее было то, что Умиротворение признало новую религию устоявшимся вероучением Голландии и Зеландии, в то же время печально известные эдикты Карла были формально отменены. В пятнадцати католических провинциях не должно было быть запрета на частное реформатское богослужение, и естественно было ожидать, что со временем и прибытием изгнанных религиозных деятелей будет занята более твердая позиция в пользу Реформации. Тем временем новая религия была официально установлена в двух провинциях и тайно принята в остальных пятнадцати; инквизиция была навсегда упразднена, и все силы нации были мобилизованы для изгнания иностранной армии со своей земли. Это была работа Вильгельма Молчаливого, и великий принц, таким образом, увидел, что многолетний труд увенчался, по крайней мере, кратковременным успехом. Его удовлетворение было очень велико, когда за много дней до обмена подписями ему было объявлено, что договор заключен. Он желал, чтобы Умиротворение было передано на утверждение не только муниципальным властям, но и самому народу. Во всех серьезных чрезвычайных ситуациях человек, который по всему своему характеру меньше всего походил на демагога ни древности, ни современности, стремился к новому выражению народной воли. Однако в данном случае требование одобрения было излишним. Вся страна думала его мыслями и говорила его словами, и Успокоение, как только оно было опубликовано, было встречено криками радости. Провозглашенный на рыночной площади каждого города и деревни, он был утвержден не голосованием, а благодарственными гимнами, триумфальной музыкой, грохотом пушек и сиянием маяков по всем Нидерландам. Еще одно событие добавило радости этому событию. Страна, завоеванная испанцами на севере так недавно и благодаря их поразительной смелости, была возвращена почти одновременно с заключением Гентского мирного договора. Это было естественным следствием великого мятежа. Войска полностью покинули Мондрагон, и этому офицеру пришлось покинуть Зирикци,

город, который был завоеван с такой отвагой. Вначале ноября столица, а вместе с ней и весь остров Шувен вместе с остальной Зеландией, за исключением Толена, были возвращены графом Гогенло, генерал-лейтенантом принца Оранского, действовавшим в соответствии с его инструкциями.

Таким образом, в этот конкретный момент времени было сосредоточено много великих событий. В тот самый момент, когда Зеландия была освобождена, Антверпен разорен, а лига всех Нидерландов против испанцев завершилась. Теперь стало известно, что в тот же момент произошло еще одно и самое важное событие. За день до Антверпенской резни, за четыре дня до опубликования Гентского мирного договора, иностранный всадник в сопровождении мавританского раба и шести вооруженных людей въехал верхом на улицы Люксембурга. Кавалером был дон Оттавио Гонзага, брат принца Мельфи. Мавританский раб был доном Джоном Австрийским, сыном императора, завоевателем Гранады, героем Лепанто. Новый генерал-губернатор пересек Испанию и Францию, переодевшись, с большой быстротой и в романтической манере, свойственной его характеру. Наконец-то он стоял на пороге Нидерландов, но, несмотря на всю свою скорость, опоздал на несколько дней.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Общая ненависть объединила их, по крайней мере на время,

Что привело к роковому успеху

Все претендовали на привилегию преследования

Благословение Божье на работу дьявола

С каждым днем расширяющийся раскол между лютеранами и кальвинистами

Смерть в столь неподходящий момент

Восемь тысяч человек были убиты

Все было признано, но ничего не было гарантировано

Фанатики новой религии объявили его безбожником

Славу нельзя было вложить ни в карман, ни в желудок

Он не допустил бы, чтобы на его месте была учреждена кальвинистская инквизиция

У него не было бы преследований за противоположное вероучение

По характеру и общим талантам он был ниже посредственности

Нерешительность сделала дело лени

Намекнуть, что его приказы до сих пор понимались неправильно

Король назначил награду за его голову как мятежника

Ни один человек не мог раскрыть тайны, которых он не знал

Человек высокого ранга, но прискорбно низких способностей

Папа отлучил его от церкви как еретика

Предотвращение зла или насилия даже по отношению к врагу

Они не могли изобрести или представить себе терпимость

Бессмысленные фразы бесплодного добродушия

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 26

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ЧАСТЬ V.

ДОН ИОАНН АВСТРИЙСКИЙ, 1576-1577 [ГЛАВА I.]

Рождение и происхождение дона Джона—Барбара Бломберг—Раннее образование и признание Филиппом—Блестящая военная карьера—Кампания против мавров—Битва при Лепанто—Экстравагантные амбиции—Тайное и быстрое путешествие нового губернатора в Нидерланды—Контраст между доном Джоном и Вильгельмом Оранским—Секретные инструкции Филиппа и личные цели губернатора—Осторожная политика и переписка принца—Охарактеризованы предварительные переговоры с доном Джоном в Люксембурге—Брюссельский союз—Возобновление переговоров с губернатором в Хюи—Проанализированы и охарактеризованы дискуссии—Влияние нового императора Рудольфа II. и о его посланниках—Маршский мирный договор о голоде, или Бессрочный эдикт, подписанный—Замечания по поводу этой сделки—Взгляды и усилия Оранского, выступающего против мирного договора—Его письмо от имени Голландии и Зеландии Генеральным штатам—Беспокойство королевского правительства о том, чтобы одержать верх над принцем—Секретная миссия Леонина—Его инструкции от дона Джона—Бесплодные попытки подкупить принца—Секретная переписка между доном Джоном и Оранским—Дон Джон в Лувене—Его попытки втереться в доверие к нидерландцам—Его зарождающаяся популярность—Отъезд королевского правительства Испанские войска—герцог Эршо назначен губернатором цитадели Антверпена — Его неискренний характер.

Дону Джону Австрийскому шел сейчас тридцать второй год, он родился в Ратисбоне 24 февраля 1545 года. Его отцом был Карл Пятый, император Германии, король Испании, владыка Азии, Африки и Америки; его матерью была Барбара Бломберг, прачка из Ратисбона. Первоначально представленная императору для того, чтобы своим пением развеять его меланхолию, она вскоре исчерпала все, что было гармоничного в ее натуре, ибо никогда в своей загробной жизни не была более неудобным, неуправляемым персонажем, чем Барбара. Выйдя замуж за некоего Пирамуса Кегелла, который был назначен военным комиссаром в Нидерландах, она осталась вдовой в начале правления Алвы. Находясь под особым присмотром герцога, она стала мучением в жизни этого воина. Ужасный губернатор, который мог почти сокрушить сердце трехмиллионной нации, не смог обуздать этого единственного термаганта. Филипп категорически запретил ей снова выходить замуж, но Альва сообщил ему, что она окружена поклонниками. Филипп настаивал, чтобы она ушла в монастырь, но Алва, который с большим трудом тихонько устроил ее в Генте, заверил своего хозяина, что она снова вырвется на свободу при одном только намеке на монастырь. Филипп хотел, чтобы она поехала в Испанию, сообщив ей, что дон Джон подавлен жизнью, которую вела его мать, но она сообщила губернатору, что ее разрежут на куски, прежде чем она отправится в Испанию. Она не возражала против встречи с сыном, но она слишком хорошо знала, как обращаются с женщинами в этой стране. Герцог самым трогательным образом жаловался его величеству на жизнь, которую они все вели с бывшей любовницей императора. Он часто замечал, что никогда еще у женщины не было такой ужасной головы. Она была упрямой, безрассудной, отвратительно экстравагантной. В Генте ей предоставили прекрасное заведение: "с дуэньей, шестью другими женщинами, мажордомом, двумя пажами, одним капелланом, раздавалкой и четырьмя слугами", и это казалось достаточно либеральным укладом жизни для вдовы комиссара. Более того, были выделены весьма значительные средства на образование ее единственного законного сына Конрада, второй из которых погиб в результате несчастного случая в день смерти своего отца. Пока дон

Иоанн Австрийский стягивал лавры в Гранаде, его сводный брат Пирам младший бесславно утонул в водоеме в Генте.

Расходы Барбары были непомерными, ее образ жизни скандальным. Послать ей деньги, по словам Алвы, значило выбросить их в море. За два дня она потратила бы на разгул и пиршества любые суммы, которые король пожелал бы выделить. Герцог, который больше ничего на свете не боялся, испытывал смертельный страх перед вдовой Кегелл. "Поистине, ужасное животное - необузданная женщина", - писал госсекретарь Гайас из Мадрида в конце правления Алвы, ибо, несмотря на все попытки соблазнить, запугать и похитить ее из Нидерландов, там она оставалась, несмотря на все превратности судьбы, вплоть до прибытия дона Джона. Его уговорами или приказаниями она, в конце концов, была вынуждена согласиться на изгнание до конца своих дней в Испании, но отомстила, заявив о себе. что он совершенно ошибался, считая себя сыном императора; пункт, по которому ее авторитет, безусловно, можно было считать неоспоримым. Таким образом, вокруг дона Джона была двойная тайна. С одной стороны, он мог быть потомком августейших родителей; возможно, он происходил из самых неблагородных кровей. В лучшем случае, уроженец Низов, он не был уверен, искать ли автора своего появления в залах "Цезари" или в кабинках ратисбонских механиков.

[Cabrera, xii. 1009. Ходили абсурдные слухи , что Барбара Бломберг была нанята только для того, чтобы изобразить мать дона Джона. Она умерла в поместье под названием Арронхо-де-Молинос, в четырех лигах от Мадрид, через несколько лет после смерти дона Джона.]

Какова бы ни была суть тайны, несомненно, что ей было позволено окутать всю раннюю жизнь Дона Джона. Император, который, конечно, никогда не сомневался в своей ответственности за существование младенца, приказал немедленно перевезти его в Испанию, где он был передан Луису Кихаде из императорского дома, который воспитывал его в большом уединении на Вилле-Гарсия. Магдалина Уллоа, жена Кихады, наблюдала за его младенчеством с материнской и великодушной заботой, поскольку крайняя забота ее мужа о благополучии младенца убедила ее, что он был его отцом. Однажды, когда их дом был объят пламенем, Кихада спас младенца раньше, чем спас свою жену, "хотя Магдалина знала, что она ему дороже зеницы ока". С тех пор она изменила свое мнение и считала, что таинственный ребенок благородного происхождения. Мальчик вырос красивым, грациозным и проворным, лидером среди всех своих товарищей во всех видах спорта. По всей стране не было никого, кто умел бы метать дротик, ломать пику или скакать на ринге так, как маленький Хуан Кихада. В укрощении неуправляемых лошадей он прославился своей смелостью и мастерством. Эти достижения, однако, скорее всего, не принесли бы ему большого преимущества в церковной профессии, к которой он был предназначен своим отцом-императором. Смерть Карла произошла до того, как были начаты занятия духовенством, и Филипп, которому эта тайна была доверена в конце жизни императора, продлил возникшую таким образом задержку. Хуану уже шел четырнадцатый год, когда однажды его предполагаемый отец Кихада пригласил его прокатиться в Вальядолид, чтобы посмотреть королевскую охоту. У дверей стояли две лошади — скакун в великолепной попоне и обычный наемный экипаж. Мальчик, естественно, сел на более смирного скакуна, и они отправились в горы Торо, но, услышав звуки рогов приближающихся охотников, Кихада внезапно остановился и предложил своему юному спутнику поменяться с ним лошадьми. Когда это было сделано, он схватил руку изумленного мальчика и, почтительно поцеловав ее,

воскликнул: "Его Величество, который уже приближается, сообщит вашему высочеству о значении моего поведения". Они проехали совсем небольшое расстояние, прежде чем наткнулись на королевский охотничий отряд, когда и Кихада, и юный Хуанспешили и преклонили колена перед своим монархом. Филипп, приказав мальчику встать, спросил его, знает ли он имя своего отца. Хуан со вздохом ответил, что в этот момент он потерял единственного отца, которого знал, потому что Кихада только что отрекся от него. "У вас такой же отец, как и у меня, - воскликнул король. - Император Карл был августейшим родителем нас обоих". Затем, нежно обняв его, он приказал ему снова сесть на лошадь, и все вместе вернулись в Вальядолид, причем Филипп заметил с сентиментальностью, которая кажется в высшей степени апокрифической, что он никогда раньше не приносил домой такой ценной дичи с охоты.

Это театральное признание императорского происхождения было одним из многих романтических эпизодов живописной карьеры Дона Джона, поскольку его жизни так и не суждено было познать обыденность. Теперь он начал свое образование вместе с двумя своими племянниками, сыном герцогини Маргарет и доном Карлосом, королевским принцем Испании. Все они были одного возраста, но превосходство дона Джона вскоре было признано. Было нетрудно превзойти хромого, злобного Карлоса ни в физической грации, ни в интеллектуальных достижениях; но грациозный, обходительный и рыцарственный Александр, которому впоследствии суждено было стать столь широкой знаменитостью, был более грозным соперником, и все же даже признанный панегирист семьи Фарнезе превозносит сына Барбары Бломберг над внуком Маргарет Ван Геест.

Все еще обреченный на священническую профессию, дон Джон в возрасте восемнадцати лет, чтобы не подчиняться приказам Филиппа, сбежал в Барселону. Он намеревался присоединиться к мальтийской экспедиции. Безапелляционно отозванный Филиппом, он на короткое время оказался в опале, но впоследствии примирился с монархом, разоблачив некоторые коварные замыслы дона Карлоса. Между королевским принцем и императорским бастардом всегда существовала глубокая вражда, и инфант однажды приветствовал его самым энергичным и оскорбительным прозвищем, какое только могло предполагать его незаконнорожденное происхождение. "Низкого происхождения или нет, - возразил дон Джон, - во всяком случае, у меня был лучший отец, чем твой". Эти слова, вероятно, были донесены до Филиппа и, несомненно, терзали его грудь, но на поверхности ничего не проявилось, и юноша быстро завоевал популярность. На двадцать третьем году жизни он был назначен командовать знаменитой кампанией против мятежных мавров Гранады. Здесь он пожал свои первые лавры и приобрел большую военную известность. Трудно быть ослепленным такой славой. Он начал свои действия с изгнания почти всех мавританских жителей Гранады, прикованных к постели мужчин, женщин и детей, вместе взятых, и жестокость, с которой они были подвергнуты, страдания, терпеливо перенесенные в ходе этой памятной депортации, были огромны. Но мало кто из многих тысяч изгнанников пережил ужасный поход, те, кому посчастливилось это сделать, были проданы в рабство своими похитителями. Еще несколько мавров держались в своих горных твердынях, и два года продолжалось восстание этой горстки против могущества Испании. Если бы их послы в Порте преуспели в своих переговорах, трон Филиппа, возможно, пошатнулся бы; но Селим ненавидел Венецианскую республику так же сильно, как любил кипрское вино. В то время как мавры выпускали последний вздох в Гранаде и Ронде, турки вырвали остров Венус из рук надменной республики, Файнагоста пал; тысячи венецианцев были перерезаны со свирепостью, с которой не могли сравниться даже христиане; со

знаменитого генерала Брагадино содрали кожу; сделали чучело и отправили его подвешенным на рее фрегата; в Константинополь в подарок Повелителю Правоверных; и заложили Екатерину Корнаро, за исключением незаконнорожденных детей ее мужа. , таким образом, был определенно отменен. Обладая такими практическими удовольствиями, Селим был равнодушен к великолепному, но призрачному видению западного халифата — и все же восстание мавров было прекращено герцогом Аркос только после ухода дона Джона.

Война, которой султан избежал на Западе, пришла за ним на Восток. Чтобы поднять Распятие против Полумесяца, стоявшего во главе могущественного, но враждующего союза между Венецией, Испанией и Римом, дон Джон прибыл в Неаполь. Он привел с собой более ста кораблей и двадцать три тысячи человек, как испанский контингент: — В течение трех месяцев вражеские флоты крейсировали в одних и тех же водах без единого столкновения; еще три месяца были потрачены впустую в бесплодных маневрах. Ни мусульманин, ни христианин не были склонны к конфликту: турок опасался последствий поражения, в результате которого уже достигнутые успехи могли быть утрачены; союзники были в ужасе от возможности собственного триумфа. Тем не менее, османы, наконец, маневрировали в заливе Лепанто, христиане маневрировали к его устью, поскольку враг снова выходил вперед. Конфликт, таким образом, стал неизбежным, и турок, и христианин одинаково рвались в бой, одинаково были уверены в победе. Шестьсот боевых кораблей встретились лицом к лицу. Редко в истории можно было увидеть столь великолепную сцену боевых действий. Октябрьское солнце позолотило тысячи красот ионического пейзажа. Афины и Коринф были позади сражающихся, вдалеке возвышались горы Македонии Александра; скала Сафо и высоты Аксиума были перед их глазами. С того дня, когда мир был потерян и завоеван под этим знаменитым мысом, на волнах не велось такой битвы, как та, что сейчас приближается. Благородный молодой командир отправил энергичные послания своим товарищам-вождям, и теперь, когда уклониться от встречи было уже невозможно, боевой пыл союзников разгорелся. Венецианский верховный адмирал ответил словами энтузиазма. Колонна, лейтенант лиги, ответил своему начальнику на языке святого Петра: "Хотя я умру, все же я не отрекусь от тебя".

Флот был разделен на три дивизии. Османы, не построенные в форме полумесяца, как обычно, имели такую же тройную диспозицию. Барбариго и другие венецианцы командовали слева, Джон Эндрю Дория справа, в то время как сам дон Джон и Колонна были в центре с распятием в руке, верховный адмирал переходил на веслах от корабля к кораблю, увещевая генералов и солдат проявить себя достойными дела, которое, по его убеждению, было святым. Воодушевленные его красноречием и видом врага, его слушатели ответили ему восторженными криками, в то время как дон Джон вернулся на свой корабль, преклонил колени на шканцах и вознес молитву. Затем он приказал трубам трубить о штурме, приказал своему парусному мастеру посадить его рядом с турецким адмиралом, и битва началась. Венецианцы, подвергшиеся нападению первыми, после упорного боя уничтожали корабль за кораблем своих противников, но Барлиариго пал мертвым еще до захода солнца со стрелой в голове. Тем временем действие, сразу после первого натиска, приобрело всеобщий характер. С полудня до вечера бушевало сражение, с такой резней, которая редко регистрировалась в истории. Собственный корабль дона Джона стоял рей за реем рядом с турецким адмиралом и, кроме того, подвергался обстрелу семи больших судов. Это был день, когда требовалась личная отвага, а не искусная тактика, и имперский бастард показал, из какого металла он сделан. Корабль турецкого адмирала был уничтожен, его голова торчала с палубы "Дона Джона" на

пике, и трофей стал сигналом ко всеобщей панике и полной победе. К закату битва была выиграна.

Из почти трехсот турецких галер, но пятидесяти удалось спастись бегством. Было убито от двадцати пяти до тридцати тысяч турок и, возможно, десять тысяч христиан. Рабы-галеристы с обеих сторон сражались хорошо, и единственным благотворным результатом победы стало освобождение нескольких тысяч христианских пленников. Это правда, что их свобода была куплена жизнями почти равного числа христианских солдат и обращением в рабство почти столько же мусульман, должным образом распределенных между христианами-победителями. Этому великолепному триумфу способствовали многие причины. Турецкие корабли, уступавшие по численности, были также хуже укомплектованы экипажами, чем у их противников; и их люди были хуже вооружены. Каждая пуля христиан отражалась от муслиновых тюбанов и расшитых туник, в то время как стрелы мусульман безвредно падали на шлемы и корсеты их врагов. Турки тоже совершили роковую ошибку, сражаясь на подветренном берегу. Не имея выхода в море и будучи отброшенными при первом натиске, многие галеры были разбиты о скалы и уничтожены вместе со всеми их экипажами.

[Кабрера говорит, что тридцать тысяч турок были убиты, десять тысяч взяты в плен, десять тысяч христиан убиты и пятнадцать тысяч христианских пленников освобождены, ix. 693. По оценкам Де Ту, двадцать пять тысяч убитых турок, три тысячи пленных и десять тысяч убитых христиан, vi. 247. Брантом называет число убитых турок равным тридцати тысячам, не считая тех, кто утонул или умер впоследствии от ран; шесть тысяч пленных, двенадцать тысяч освобожденных христиан и десять тысяч убитых христиан. Хуфд, vi. 214, приводит цифры в двадцать пять тысяч убитых турок и десять тысяч христиан. Бор, ст. 354, дает точную оценку, опираясь на авторитет Пьетро Контарено, указывая число убитых христиан в семь тысяч шестьсот пятьдесят, турок в двадцать пять тысяч сто пятьдесят, турецких пленных в три тысячи восемьсот сорок шесть и освобожденных христиан в двенадцать тысяч; приводя число уничтоженных турецких кораблей в восемьдесят, захваченных в плен в пятьдесят. Согласно "Отчету cierta y verdadera" (который был составлен через несколько дней после событий), число убитых турок составляло тридцать тысяч и более, не считая множества пленных, число убитых христиан составляло семь тысяч, освобожденных христианских рабов - двенадцать тысяч, захваченных или уничтоженных османских кораблей - двести тридцать. Documentos Ineditos, iii. 249. Филипп издал специальный приказ, запрещающий требовать выкупа даже за пленных офицеров. Турецкие рабы были разделены между победителями в пропорции: половина досталась Филиппу, а половина - Папе Римскому и Венеции. Другая добыча распределялась по тому же принципу. Из доли папы дон Джон получил в подарок сто семьдесят четыре раба (Documentos Ineditos, iii. 229). Александр Пармский получил тридцать рабов; Реквезенс - тридцать. К каждому генералу пехоты было приставлено по шесть рабов; к каждому полковнику - по четыре; к капитану каждого корабля - по одному. Количество "рабов в цепях" (esclavos de cadena), выделенных Филиппу, составляло тридцать шесть сотен (Documentoa Ineditos, 257). Таким образом, по меньшей мере семь тысяч двести турецких рабов были разделены между христианами. Это количество несчастных, которым не посчастливилось умереть вместе со своими двадцатью пятью тысячами товарищей, должно быть противопоставлено двенадцати тысячам освобожденных рабов-христиан в общем расчете с Человечеством.]

Но какова бы ни была причина победы, ее следствием стало распространение имени и славы дона Джона Австрийского по всему миру. Альва с энтузиазмом поздравил его, назвав эту победу

самой блестящей, когда-либо достигнутой христианами, а дон Джона величайшим полководцем со времен смерти Юлия Цезаря. В то же время, саркастически отозвавшись о возведении Эскориала, он посоветовал Филиппу развить этот новый успех каким-нибудь более практичным способом, чем строительство дома Господня и гробницы для умерших. "Если, - сказал герцог, - вследствие этого триумфа завоевания Испании будут расширены, тогда Херувимы и Серафимы действительно будут петь славу Богу". Курьер, посланный в Испанию, принес славную весть вместе со священным штандартом Пророка, святая святых, на котором двадцать восемь тысяч девятьсот раз было начертано имя Аллаха, которое всегда хранилось в Мекке во время мира и никогда прежде со времени завоевания Константинополя не терялось в битве. Король был на вечерне в Эскориале. Войдя в священные пределы, запыхавшийся, перепачканный путешествием, взволнованный, гонец обнаружил, что Филипп воспринял чудесную весть бесстрастно, как мрамор. Ни один мускул на королевском лице не дрогнул, ни один слог не сорвался с королевских губ, за исключением краткого приказа духовенству продолжать прерванную вечерню. Когда служба была методично завершена, король сообщил о полученных сведениях и потребовал *Te Deum*.

Молодой главнокомандующий получил больше, чем свою полную чашу славы. Без сомнения, он сражался с блестящим мужеством, но в столь близком и кровопролитном конфликте доблесть ни одного отдельного человека не могла решить исход, и результат был обусловлен общей решимостью всех. Если бы дон Джон остался в Неаполе, проблема легко могла бы решиться так же. Барбариго, скрепивший победу своей кровью; Колонна, отпраздновавший торжественный триумф по возвращении в Рим; Парма, Дория, Джустиниани, Венъери - каждый из них мог бы с таким же успехом претендовать на монополию на славу, если бы папа, по просьбе Филиппа, не вручил жезл командования дону Джону. Ничтожный результат состязания так же печально известен, как и победа. В то время как Константинополь дрожал от дурных предчувствий, генералы-соперники уже враждовали. Если бы христианский флот двинулся вперед, все до единой души бежали бы из столицы, но Провидение распорядилось иначе, и дон Джон поплыл на запад со своими кораблями. Он высадился на Берберийском побережье, захватил Тунис, разрушил Бизерту и привез короля Амидаса и двух его сыновей пленными в Италию. Филипп приказал разобрать укрепления Туниса, в ответ он основательно отремонтировал их и разместил в цитадели сильный гарнизон. Опыренный своей славой, молодой авантюрист уже требовал короны, и папа был склонен провозгласить его королем Туниса, ибо Королева Ливийских морей должна была стать столицей его империи, новым Карфагеном, о котором он уже мечтал.

Филипп считал, что пришло время вмешаться, поскольку чувствовал, что его собственная корона может оказаться ненадежной из-за такого беспокойного и амбициозного духа, потакающего возможным и невозможным химерам. Он сместил Джона де Сото, который был главным советником дон Джона и эмиссаром папы римского, и заменил его знаменитым и неудачливым Эсковедо. Новый секретарь, однако, столь же искренне, но тайно участвовал во всех этих романтических планах. Разочаровавшись в Империи, которую он представлял себе на краю африканской пустыни, борец за Крест обратился к холодным островам северных морей. Там вздыхала в плену прекрасная Мария Шотландская, жертва еретички Елизаветы. Его восприимчивость к чарам красоты — черта столь же известная, как и его храбрость, — была возбуждена, его рыцарство пробудилось. Что может быть более священным триумфом для победителя сарацин, чем покорение этих северных неверных? Он свергнет с престола гордую Елизавету; он освободит и женится на королеве Шотландии, и они вместе будут править двумя

объединенными королевствами. Все, что папа мог сделать буллами и благословениями, письмами об отлучении от церкви и патентами на инвестицию, он делал от всего сердца. Дон Джон был волен стать королем Англии и Шотландии, как только ему заблагорассудится; все, что ему оставалось сделать, это завоевать королевства.

Тем временем, пока эти планы проносились в его голове и все еще держались в относительном секрете папой римским, Эсковедо и им самим, до него из Италии дошла весть, что он назначен генерал-губернатором Нидерландов. Ничто не могло быть более подходящим. В провинциях находились десять тысяч испанцев-ветеранов, готовых к приключениям, закаленных годами войн, жадных до золота, дерзких почти за гранью человечности, - именно те инструменты, которые он использовал для осуществления своего плана. В Нидерландах настали критические времена, это правда; и все же он скоро усмирит эти ничтожные смуты, а затем устремится к своей добыче. Однако события развивались с такой лихорадочной быстротой, что он мог опоздать со своим приключением. Много дней было потеряно на необходимое путешествие из Италии в Испанию, чтобы получить последние инструкции короля. Новости из провинций становились все более и более угрожающими. Со свойственными его темпераменту порывистостью и романтичностью он выбрал своего близкого друга Оттавио Гонзагу, шестерых латников и ловкого и опытного швейцарского курьера, знавшего каждую дорогу Франции. Пересечение королевства в тот конкретный момент было нелегким приключением для католического генерал-губернатора Нидерландов. Окрасив свои светлые локоны и светлое лицо в цвет лица мавра, он отправился в путь, переодевшись слугой Гонзаги. Прибыв в Париж после быстрого путешествия, он остановился в гостинице напротив резиденции испанского посла дона Диего де Кунига. С наступлением темноты у него состоялась тайная беседа с этим чиновником, и, узнав, среди прочего, что в тот вечер в Лувре состоится большой бал, он решил отправиться туда переодетым. Там, несмотря на спешку, у него было время увидеть "это чудо красоты", прекрасную и хрупкую Маргариту Валуа, королеву Наварры, и отчаянно влюбиться в нее. Ее последующий визит к своему юному поклоннику в Намюр, который будет описан на одной из будущих страниц этой истории, должен был ознаменовать последний поворотный момент в его живописной карьере. По пути в Нидерланды он быстро переговорил с герцогом де Гизом, чтобы обсудить его планы по освобождению и женитьбе на родственнице этого дворянина, шотландской королеве; и 3 ноября он прибыл в Люксембург.

Молодой завоеватель Лепанто, его мозг был полон планов, сердце - надежд, стоял на пороге Нидерландов, у входа в то, что он считал самой блестящей главой своей жизни — планы, упования и видения, — обреченный быстро поблекнуть перед холодной реальностью, с которой ему предстояло столкнуться. Сбросив маскировку после прибытия в Люксембург, юный паладин предстал перед судом. Его внешность была такой же романтической, как его происхождение и подвиги. Каждый современный хронист, француз, испанец, итальянец, фламандец, римлянин, подробно останавливался на его личной красоте и необычайном очаровании его манер. Симметричные черты лица, очень живые голубые глаза и копна ярких вьющихся волос сочетались с человеком ненамного выше среднего роста, но идеально пропорционального телосложения. Из-за природной особенности его головы волосы спадали с висков назад, и он приобрел привычку откидывать их со лба. Этот обычай вошел в моду среди множества придворных, которые были слишком счастливы посмотреть на себя в такое блестящее зеркало. Как Карл Пятый, отправляясь в Италию, чтобы принять железную корону, приказал коротко подстричь волосы в качестве средства от головных болей, которыми в ту знаменательную эпоху он страдал, вводя тем самым в чрезвычайную моду коротко выбритые затылки; так и копна

волос, зачесанных назад от висков в стиле, которому было присвоено имя Иоанна Австрийского, стала преобладающей модой везде, где появлялся любимый сын императора.

Таков был последний крестоносец, которого знали рыцарские анналы; человек, который унизил полумесяц так, как его не унижали со времен Танкредов, Болдуинов, Плантагенетов — и все же, в конце концов, чем был этот блестящий авантюрист по сравнению со спокойным христианским защитником, с которым ему предстояло встретиться лицом к лицу? Контраст был разительным между реальным и романтическим героем. Дон Джон стремился к славе и достиг ее благодаря победам, которыми гремел мир; Уильям медленно продвигался к освобождению страны путем серии поражений. Он сформировал содружество и объединил сердца с таким же презрением к опасности, какое Дон Джон проявлял в сценах угона рабов и резни. Среди кровавых полей и паутины извилистых интриг храбрый и хитрый сын Императора преследовал только свои собственные цели. Безвкусовые планы личных амбиций, победы ради собственной выгоды, невозможные короны для собственного ношения — вот мотивы, которые двигали им, и награды, к которым он стремился. Его существование было лихорадочным, порывистым и страстным. "Спокойный среди бушующих волн", согласно своему любимому приему, отец своей страны отмахнулся от диадемы, которая для него не имела ни очарования, ни значения. Их характеры были такими же контрастными, как и их личности. Кудрявый любимец рыцарства в свои тридцать один год казался юношей. Худощавый, в простой одежде, с добродушным, но изможденным выражением лица, с висками, обнаженными от беспокойства не меньше, чем из-за шлема, серьезный, почти набожный, по его собственным словам, "Кальвус и кальвинисты", Вильгельм Оранский был стариком сорока трех лет.

Возможно, со стороны дон Джона, когда он прибыл в Люксембург, было столько же доброй воли, сколько можно было ожидать от человека, вышедшего непосредственно из кабинета Филиппа. Король тайно поручил ему примирить провинции, но ни в чем не уступать, поскольку губернатор был всего лишь новым воплощением безумного парадокса, заключавшегося в том, что великодушные и система Карла Пятого были единым целым. Ему было поручено восстановить правительство в том виде, в каком оно было в имперскую эпоху. Семнадцать провинций, в двух из которых все население было инакомыслящим, во всех из которых принцип взаимной терпимости только что был принят католиками и протестантами, теперь должны были быть возвращены к условиям, согласно которым все протестанты были обезглавлены, сожжены или похоронены заживо. Чтобы инквизиция, абсолютная власть монарха и исключительное богослужение Римской церкви были сохранены в неприкосновенности, король заявил, что желает "погасить огонь восстания и спасти народ от последнего отчаяния". За этими небольшими исключениями Филипп был готов проявить великодушие. "На большее, — сказал он, — нельзя и не следует соглашаться". К этим кратким, но содержательным инструкциям был добавлен небольшой совет, личный по своему характеру, но очень характерный для писателя. Дону Джону было рекомендовано очень заботиться о своей душе, а также быть очень осторожным в управлении своими любовными похождениями.

Получив такой совет и тайное руководство, новый капитан-генерал был отправлен в несчастные Нидерланды. Однако эта позиция неизбежно была ложной. Человек, прославившийся военными подвигами и печально известный своим честолубием, вряд ли мог внушать глубокое доверие к миролюбивым настроениям правительства. Крестоносец Гранады и Лепанто, защитник древней Церкви, вряд ли мог понравиться суровым зеландцам, которые скорее позволили изрубить себя на куски, чем произнесли "Отче наш", и которые в Лейдене носили

полумесяцы на своих шапках, чтобы доказать свою более глубокую враждебность к папе, чем к туркам. Императорский бастард пользовался бы лишь большим уважением из-за своей отцовской крови в стране, где незаконнорождение рассматривалось более неблагоприятно, чем в большинстве других стран, и где брабантский эдикт, недавно изданный от имени короля, лишил всех политических или гражданских чиновников, не рожденных в законном браке, их должностей. Тем не менее, перед своим отъездом он получил инструкции добиться умиротворения, если это возможно, всегда сохраняя, однако, абсолютную власть короны и исключительное исповедание католической религии. То, как сделать два важных пункта его инструкций полностью приемлемыми, было предоставлено времени и случайности. Существовало смутное представление, что благодаря славе нового губернатора, обворожительным манерам и императорскому происхождению он может добиться результата, которого не смогли добиться ни обман, ни сила — ни искусство Гранвелля, ни жестокость Алвы, ни распущенность солдат-пиратов. Что касается самого дона Джона, то у него не было никаких определенных планов относительно голландцев, но были свои собственные очень смелые проекты, и осуществление этих туманных видений было его главным занятием по прибытии в провинцию. Тем временем он был склонен урегулировать нидерландское затруднение каким-нибудь эффективным, бесцеремонным способом, который не доставил бы ему особых хлопот и не нанес бы ущерба делу папства или абсолютизма. К несчастью для этих быстрых договоренностей, Вильгельм Оранский находился в Зеландии, и в Генте только что был подписан Мирный договор.

Естественно, принц встретил прибытие дона Джона без особого удовлетворения. Отныне его хитроумным комбинациям будут препятствовать, если не полностью сорваны. Это он предвидел. Он знал, что не может быть намерения заключать какие-либо соглашения, в которые можно было бы включить Голландию и Зеландию. Он был уверен, что ни о каком признании реформированной религии сейчас, как никогда, не может быть и речи. Он не сомневался, что есть много католических магнатов, колеблющихся политиков, претендентов на королевскую милость, которые вскоре будут готовы покинуть дело, которое так недавно стало всеобщим делом, и которые вскоре будут подрывать дело своих собственных рук. Умиротворение Гента никогда не будет поддерживаться по букве и духу наместником Филиппа; ибо, как бы ни комментировался или извращался его смысл, международный договор, хотя и признавал католицизм государственной религией, в определенной степени допускал свободу совести. Был сделан огромный шаг вперед, отменены эдикты и запрещены преследования. Если бы этот шаг был повторен, новая религия была бы обречена, а свободы Голландии и Зеландии уничтожены. "Если они заключат соглашение с доном Джоном, бежать придется нам, представителям этой религии, - писал принц своему брату, - поскольку они намерены не допустить, чтобы ни один человек этой веры имел постоянное место жительства в Нидерландах". Поэтому Вильгельм Молчаливый ждал своего противника со спокойной решимостью противодействовать политике молодого губернатора и сокрушить ее. Если бы дон Джон был допущен к секретности, миру в Голландии и Зеландии пришел конец. Поэтому было необходимо бороться с ним как открыто, так и тайно - громкими протестами и невидимыми уловками. Какие шансы были у порывистого и нетерпеливого молодого героя в такой встрече с выдающимся государственным деятелем того времени? Он прибыл сюда со всей самоуверенностью завоевателя; он не знал, что им будут играть, как на дудочке, - поймают в сети, расставленные его собственными руками, будут бороться вслепую, бессильно бушевать, бесславно погибнут.

Принц, не теряя времени, предостерег генеральные штаты относительно курса, которого теперь следовало придерживаться. Он придерживался мнения, что от их поведения в ходе этого кризиса зависела будущая судьба Нидерландов. "Если мы поймем, как должным образом использовать приезд нового губернатора, - сказал он, - это может оказаться для нас очень выгодным; если нет, это будет началом нашего полного разорения". Дух всех его сообщений заключался в том, чтобы вызвать недоверие, которое он искренне испытывал и которое, конечно, не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть; убедить своих соотечественников в важности улучшения нынешнего положения путем расширения, а не угрожающего ограничения их свобод, и со всей своей энергией настаивать на необходимости прочного союза. Он заверил сословия, что дон Джон был отправлен таким простым способом в деревню, потому что король и кабинет министров начали отчаиваться добиться своего силой. В то же время он предупредил их, что сила, несомненно, будет заменена мошенничеством. Он выразил свою убежденность в том, что как только дон Джон достигнет господства, для обеспечения которого он был послан, мягкость, которая сейчас улыбалась на поверхности, уступит место более смертоносным целям, которые скрывались под ней. Он зашел так далеко, что недвусмысленно порекомендовал арестовать самого дона Джона. Сделав это, можно было бы избежать большого кровопролития, ибо уважение короля к сыну императора было таково, что их требования были бы скорее удовлетворены, чем его свобода оказалась бы под постоянной угрозой. В очень ярком и подробном письме, которое он направил из Мидделбурга генеральному управлению, он настаивал на целесообразности воспользоваться нынешней возможностью, чтобы обеспечить и расширить их свободы, и призывал их широко отстаивать принцип, согласно которому истинным историческим государственным устройством Нидерландов было представительное конституционное правительство. Дон Джон, прибыв в Люксембург, потребовал заложников для своей собственной безопасности, мера, которая не могла не поразить самого спокойного зрителя как нарушение всех прав провинции. "Он просит вас разоружиться, - продолжал Вильгельм Оранский. - он предлагает вам предоставить заложников, но было время, когда хозяин страны предстал безоружным и непокрытым перед генеральным советом и поклялся поддерживать конституции, прежде чем его собственный суверенитет будет признан".

Он повторил свои подозрения относительно честных намерений правительства и попытался как можно более убедительно вселить такое же недоверие в умы тех, к кому он обращался.

"Антверпен, - сказал он, - некогда могущественный и цветущий, а ныне самый заброшенный город христианского мира, пострадал из-за того, что она осмелилась не допустить королевские войска. Вы можете быть уверены, что вам всем отведено место на одном банкете. Мы можем забыть прошлое, но принцы никогда не забывают, когда в их руках оказывается средство мести. Природа учит их достигать цели обманом, когда насилие им не поможет. Как маленькие дети, они свистят птицам, которых хотят поймать. Обещаний и притворств у них будет предостаточно".

Он настоятельно призвал их ни в коем случае не начинать никаких переговоров с губернатором, кроме как на основе немедленного ухода солдат. "Не заключайте с ним никаких соглашений, если только испанские и другие иностранные войска не будут отосланы заранее; тем временем остерегайтесь распускать свои собственные войска, ибо это означало бы вложить ему в руки нож, которым он заодно перережет себе горло". Затем он приступил к наброскам плана переговоров, который он мог бы порекомендовать. План, безусловно, был достаточно смелым, и он вряд ли мог бы вызвать удивление, если бы Дон Джон немедленно не принял его в качестве основы соглашения. "Помните, что это не игра, - сказал принц, - и что вы должны выбирать между двумя: либо полное разорение, либо мужественная самооборона. Дон Джон должен

отдать приказ о немедленном уходе испанцев. Все наши привилегии должны быть пересмотрены, и требуется присяга для их сохранения. Сословия должны назначить новые государственные и финансовые советы. Генеральная ассамблея должна иметь право собираться дважды или трижды в год, и, более того, так часто, как они пожелают. Генеральные штаты должны управлять и регулировать все дела. Цитадели должны быть разрушены повсюду. Никакие войска не должны быть набраны или созданы гарнизоны без согласия сословий".

Во всех документах, будь то публичные меморандумы или частные письма, которые поступали в этот период из рук принца, он предполагал, как само собой разумеющееся, что при любом соглашении с новым губернатором умиротворение Гента должно быть сохранено. Это тоже было решимостью почти каждого человека в стране. Вскоре после своего прибытия в Люксембург дон Джон отправил гонцов в генеральные штаты, уведомив их о своем прибытии. Всерьез переговоры начались только в конце ноября. Затем провост Фонк, со стороны губернатора, сообщил им о намерении дона Джона войти в Намюр в сопровождении пятидесяти кавалеристов. В разрешении, однако, было решительно отказано, и бюргерам Намюра было запрещено приносить клятвы верности до тех пор, пока губернатор не выполнит предварительные требования сословий. Чтобы категорически изложить эти требования, в Люксембург прибыла депутация генерального штаба. Дон Джон любезно принял этих джентльменов, но их собственное поведение не было примирительным. Неприязнь к испанскому правительству, нелояльность к монарху, с братом и представителем которого они имели дело, сквозили во всех их речах. С другой стороны, пылкий нрав дона Джона никогда не замедлял обижаться. Один из депутатов с большим хладнокровием предложил губернатору принять управление государством от своего имени и отказаться от власти Филиппа. Если бы патриотически настроенный джентльмен захотел это сделать, он поклялся, что провинции немедленно признали бы его сувереном и поддержали бы его правительство. Дон Джон, взбешенный оскорблением его собственной лояльности, которое подразумевало это предложение, выхватил кинжал и бросился на обидчика. Депутат, вероятно, поплатился бы жизнью за свою дерзость, если бы не было достаточно посторонних, чтобы предотвратить катастрофу. Эта сцена была неудовлетворительной прелюдией к началу переговоров.

6 декабря депутаты представили губернатору Люксембурга документ, содержащий их требования, составленные из восьми статей, и их уступки - из десяти. Штаты настаивали на немедленном выводе войск при том понимании, что они никогда не вернутся, но без запрета на их отправление морем; они требовали немедленного освобождения всех заключенных; они настаивали на сохранении Гентского мирного договора, поскольку в нем не было ничего, что не способствовало бы распространению католической религии; они требовали акта амнистии; они требовали созыва генеральных штатов на основе того собрания, перед которым состоялось отречение Карла Пятого; они требовали от дона Джона клятвы соблюдать все уставы и обычаи страны .

Если эти условия будут соблюдены, депутаты согласились со стороны сословий, что он должен быть признан губернатором и что католическая религия и авторитет его Величества должны быть сохранены. Они согласились с тем, что все иностранные лиги должны быть упразднены, их собственные иностранные солдаты распущены, а почетный караул из коренных нидерландцев, какими его Величество был доволен при своем "Въезде в Блайт", обеспечен. Кроме того, было предложено перемирие на пятнадцать дней для переговоров.

Дон Джон ответил на эти предложения, добавив краткий комментарий в качестве апостиля к каждой из восемнадцати статей подряд. Он отошлет войска, но, в то же время, штаты должны распустить свои собственные. Он отказался от обязательства не отзываться своих иностранных солдат, если необходимость потребует их службы. Что касается Гентского умиротворения, он заявил, что готов к всеобщим мирным переговорам при условии, что верховенство католической церкви и авторитет его Величества будут должным образом обеспечены. Он примет решение о каком-нибудь акте амнистии после надлежащей консультации с Государственным советом. Он был согласен на созыв генеральной ассамблеи штатов при условии, что ему будут предоставлены достаточные гарантии того, что там не будет совершено ничего, наносящего ущерб католической религии и суверенитету короля. Что касается их привилегий, то он будет править так, как это делалось во времена его императорского отца. Он выразил свое удовлетворение большинством обещаний, данных поместьями, особенно их выражением в пользу Церкви и власти его Величества; двух важнейших пунктов, ради обеспечения которых он прибыл туда без присмотра, с риском для жизни, но он принял их предложение о телохранителях, которыми должны были быть заменены его наемники, с очень малой благодарностью. Он сказал, что собирается продвинуться до Голодного Марша и должен взять с собой такую сильную охрану, какую сочтет необходимой, и состоящую из тех войск, которые у него есть под рукой. Из этого первого интервью не вышло ничего решающего. Стороны приняли меры по удовлетворению своих взаимных претензий, и через несколько дней, огораживаясь апостильями, ответами и репликами на реплики, они расстались, их язвительность скорее разгорелась, чем утихла.

Вывод войск и Гентский мирный договор были жизненно важными моментами переговоров. Первоначально поместья были довольны тем, что войска должны были отправиться морем. Однако их подозрения были вызваны упорством, с которым дон Джон придерживался этого способа удаления. Хотя они и не подозревали о таинственном вторжении в Англию, проекте, который был настоящей причиной, по которой губернатор возражал против их отъезда по суше, все же вскоре им стало известно, что он тайно вмешивался в работу войск на каждом этапе. Результатом этих секретных переговоров с высшими офицерами армии было общее выражение их нежелания из-за позднего сезона, трудного и опасного состояния дорог и горных перевалов, чумы в Италии и других причин предпринимать столь долгое путешествие по суше. С другой стороны, штаты, видя беспокойство и двуличие дон Джона в этом конкретном вопросе, пришли к решению помешать ему во что бы то ни стало и настояли на сухопутном путешествии. По их словам, потребуется слишком много времени, слишком много денег, слишком много кораблей, чтобы переправить такие большие силы морем, а тем временем необходимо будет разрешить им жить еще неопределенный период за счет поместий.

Что касается Гентского умиротворения, сословия в течение декабря добились: выраженного мнения одиннадцати профессоров теологии и докторов юриспруденции из Лувена о том, что в договоре не содержалось ничего, что противоречило бы верховенству католической религии. Различные епископы, дьяконы, настоятели и пасторы Нидерландов приняли аналогичное решение. Тщательно продуманный документ, составленный Государственным советом по просьбе генеральных штатов, провозглашал, что в Умиротворении нет ничего, унижающего высшую власть его Величества. Укрепленные таким образом; с мнениями, которые, следует признать, были сформулированы скорее догматически, чем аргументированно, и которые было

бы трудно логически отстаивать, штаты с уверенностью ожидали окончательного принятия доном Джоном предложенных условий. Тем временем, пока в переговорах все еще была неопределенная пауза, была предпринята замечательная мера, способствовавшая эффективности Гентского умиротворения.

В начале января 1577 года был образован знаменитый "Брюссельский союз". Первоначально это важное соглашение было подписано восемью видными деятелями, в том числе настоятелем монастыря Святой Гертруды, графами Лаленом и Боссю, а также сеньором де Шампаньи. Его цель состояла в том, чтобы побудить подписавших его сторонников добиваться немедленного изгнания испанцев и исполнения Гентского мирного соглашения, поддерживать католическую религию и власть короля, а также защищать отечество и все его конституции. Его мотивом было обобщение позиции, закрепленной в Гентском договоре. Новый акт должен был быть подписан не только несколькими специальными депутатами, как это было на дипломатическом съезде, но всеми ведущими лицами всех провинций, чтобы продемонстрировать дону Джону такую объединенную силу, что он оказался бы вынужден подчиниться требованиям сословий. Содержание, мотив и последствия были такими, как было предложено и предвидено. Соглашение об изгнании испанцев в соответствии с указанными католическими и лояльными проявлениями переходило из рук в руки по всем провинциям. Вскоре он получил подпись и поддержку всей респектабельности, богатства и интеллекта всей страны. Знать, духовенство, горожане поспешили присоединиться к нему. Генеральные штаты разослали его в торжественной резолюции по всем провинциям, чтобы каждый человек был вынужден встать либо на сторону отечества, либо на сторону деспотизма. Было заказано раздобыть в каждой провинции по две копии подписей, одна из которых должна была быть сдана на хранение в архивы, а другая направлена в Брюссель. За короткое время каждая провинция, за единственным исключением Люксембурга, снабдила документ подписями. Это был большой шаг вперед. Гентское перемирие, которое носило характер договора между принцем и землями Голландии и Зеландии, с одной стороны, и определенным количеством провинций - с другой, было подписано только посланниками договаривающихся сторон. Несмотря на заслуженное и всеобщее одобрение, он не имел авторитета популярного документа. Однако именно такой характер старательно придавался "Брюссельскому союзу". Люди, разделенные в соответствии с различными ступенями своей социальной иерархии, были торжественно созваны на совет и намеренно зафиксировали свое осуждение. Их свобода действий не была ограничена, и вряд ли существовали разногласия относительно необходимости этой меры.

Стремительная революция во Фрисландии, Гронингене и зависимых странах недавно вернула эту важную страну национальной партии. Португалец Де Билли был лишен полномочий королевского штатгальтера, а брат графа Хогстраатена, барон де Вилль, впоследствии ставший графом Реннебергом, печально известным своей изменой делу свободы, был назначен сословиями в его кабинет. Во всем этом округе "Брюссельский союз" был охотно подписан людьми всех степеней. Голландия и Зеландия, не в меньшей степени, чем католические провинции юга, охотно приняли компромисс, который был таким образом достигнут и который считался не только дополнительной гарантией безопасности в прошлом, не только опорой для поддержания Гентского умиротворения, но и верным предвестником более тесного союза в будущем. Брюссельский союз стал, по сути, ступенькой к "Утрехтскому союзу", который сам по себе стал краеугольным камнем республики, которой суждено просуществовать более двух столетий. С другой стороны, этот ранний союз contained в себе семя собственного разрушения. Однако неудивительно, что решительное заявление в пользу католической религии

содержалось в документе, предназначенном для распространения по всем провинциям. Цель состояла в том, чтобы объединить как можно более крупные силы и устроить перед глазами генерал-губернатора настолько яркую демонстрацию, насколько это было практически возможно при данных обстоятельствах. Непосредственная цель была достигнута, временный союз был заключен, но было невозможно, чтобы произошла постоянная кристаллизация там, где был допущен такой сильный растворитель, как католическая оговорка. Таким образом, в дальнейшем союз распался именно из-за этого фатального недостатка. Следующим объединением было то, которое окончательно разделило провинции на протестантские и католические, на самоуправляющиеся республики и зависимости далекого деспотизма. Однако непосредственным результатом "Брюссельского союза" стало объединение всех любителей отечества и ненавистников иностранной тирании по одному жизненно важному вопросу — изгнанию чужеземцев со своей земли. Нога испанского солдата больше не должна осквернять их землю. Все люди были вынуждены заявить о себе смело и недвусмысленно, чтобы патриоты могли стоять плечом к плечу, а предатели были подвергнуты позору. Эта мера находилась в строгом соответствии с советами, неоднократно дававшимися принцем Оранским, и была почти буквальным выполнением Компромисса, который он наметил перед прибытием дона Джона.

Вскоре переговоры с новым губернатором были возобновлены, и сцена перенеслась из Люксембурга в Хай. Сюда прибыла свежая депутация от генеральных штатов — среди них было много подписантов Брюссельского союза — и была принята доном Джоном с величественной вежливостью: они, однако, прибыли, преисполненные решимости вести дело высокой и твердой рукой, будучи больше не расположены ни сносить его властное поведение, ни терпеть его медлительную политику. Поэтому неудивительно, что вежливость вскоре сменилась горечью, и эти нападки и взаимные обвинения заняли место достойных, но пустых формальностей, которыми были характеризованы беседы в Люксембурге.

Послы, особенно Свевегем и Шампани, не скрывали своих чувств по отношению к испанским солдатам и испанской нации и пользовались свободой тона и выражений, которые раздражительный солдат не привык слышать. С самого начала он жаловался, что голландцы кажутся новорожденными — что вместо того, чтобы преклонить колено, они, казалось, были готовы взяться за скипетр. Дерзость сменилась уступчивостью, и бывший раб теперь применил цепь и кнут к своему хозяину. При таком обострении настроения в начале переговоров их продвижение по необходимости было бурным и медленным.

Теперь послы обратились к губернатору с тремя краткими вопросами. Был ли он удовлетворен тем, что Гентское соглашение об умиротворении не содержало ничего противоречащего римской религии и королевской власти? Если да, был ли он готов одобрить этот договор во всех его статьях? Был ли он готов немедленно распустить свои войска по суше, поскольку морское путешествие вызывало слишком много возражений?

Дон Джон ответил на эти три вопроса — которые, на самом деле, были всего лишь тремя формами одного вопроса — в один и тот же день, 24 января. Его ответ был настолько же сложным, насколько простым было требование. Он состоял из предложения из шести статей и требования из двадцати одной, включающего все двадцать семь статей. По существу, он предложил распустить иностранные войска — осуществить общее умиротворение Нидерландов — управлять на основе администрации времен правления его отца—императора -

организовать дела в генеральной ассамблее и в отношении нее так, как король сочтет нужным — простить и забыть прошлые обиды — и освободить всех заключенных. С другой стороны, он потребовал, чтобы поместья заплатили войскам перед их отбытием и предоставили корабли, достаточные для их транспортировки, поскольку испанцы предпочли не отправляться по суше, и, как депутаты, в Люксембурге согласились на их переброску морем. Более того, он потребовал, чтобы штаты распустили свои собственные войска. Ему требовались церковные власти, чтобы доказать, что Гентское умиротворение не наносит ущерба католической религии; юридические полномочия, подтверждающие, что оно не наносит ущерба верховенству его Величества; и клятва генеральных штатов нерушимо отстаивать оба пункта и обеспечивать их поддержание в Голландии и Зеландии. Он заявил о праве использовать при себе солдат и гражданских чиновников любой страны по своему выбору и потребовал от штатов обещания помешать принцу Оранскому насильно или обманным путем выселить своего сына, графа ван Бюрена, из его дома в Испании.

Депутаты, естественно, были возмущены этим тщательно продуманным пустяком. На самом деле они задали ему только один вопрос, и тот простой — сохранит ли он Гентский мирный договор? Здесь было двадцать семь статей в качестве ответа, и все же ни одного ответа на этот вопрос. Они не спали всю ночь, готовя жестокий протокол, которым претензии губернатора должны были быть полностью опровергнуты. Ранним утром они явились к его высочеству, вручили документ и в то же время прямо, из уст в уста спросили его, намерен он соблюдать договор или нет. Загнанный таким образом в угол в присутствии депутатов, членов Государственного совета, прибывших из Брюсселя, и посланников, которых император недавно направил для участия в этих обсуждениях, губернатор ответил "Нет". Он не хотел и не мог поддерживать этот договор, потому что испанские войска были в этом документе объявлены мятежниками, потому что он не согласился бы на освобождение графа Ван Бюрена — и по ряду других причин, которые тогда не были указаны. После этого завязался ожесточенный спор, и весь день продолжалась перепалка, но результата достигнуто не было. В десять часов вечера депутаты, ранее удалившиеся на короткий перерыв, вернулись с протестом, что они не несут ответственности за прекращение разбирательства и что они умывают руки от кровопролития, которое может последовать за разрывом. Прочитав этот документ, дон Джон пришел в ярость. Он яростно осудил депутатов как предателей. Он клялся, что люди, которые приходили к нему подготовленными таким образом с готовыми протестами в карманах, были мятежниками с самого начала и никогда не намеревались с ним договариваться. Его язык и жесты выражали безграничную ярость. Он сказал, что устал от их обычаев. Им лучше позаботиться о себе, потому что король никогда не оставит их восстание безнаказанным. Он был готов немедленно обнажить меч — не свой, а его Величества, и они могли быть уверены, что война, которую они таким образом провоцировали, будет самой ожесточенной из когда-либо ведущихся. Были произнесены и другие оскорбительные выражения в этом роде, но они не были услышаны с покорностью ягненка. Прошел тот день, когда депутаты генеральных штатов имели обыкновение трепетать перед гневом заместителей королевской власти. Пламенные слова дона Джона были не маслом в мутной воде, а спичкой в мине. Страсти депутатов, в свою очередь, разгорелись, и от горячих слов у них чуть не дошло до жесткой драки. Один из депутатов ответил с такой смелостью и горячностью, что губернатор, схватив тяжелый серебряный колокольчик, стоявший на столе, собирался швырнуть его в голову обидчику, когда энергичное и предусмотрительное вмешательство императорских посланников предотвратило непристойную катастрофу.

День, потраченный таким образом впустую, подошел к концу, и помощники шерифа покинули присутствие дон Джона в таком же раздражении, как и его собственное. Поэтому они были несколько удивлены, когда после полуночи их разбудил в постелях некий отец Тригозо, который пришел к ним с примирительным посланием от губернатора. Пока они все еще терли глаза ото сна и изумления, в комнату вошли герцог Эршо, епископ Льежский и несколько государственных советников. Эти лица принесли известие о том, что дон Джон наконец согласился поддерживать умиротворение Гента, как явствует из записки, написанной его собственной рукой, которая затем была доставлена. Заметка была с нетерпением прочитана, но, к сожалению, не оправдала тех ожиданий, которые были вызваны. "Я согласен, - сказал дон Джон, - одобрить мир, заключенный между штатами и принцем Оранским, при условии, что ничто в нем не может показаться наносящим ущерб авторитету его Величества и верховенству католической религии, а также с оговоркой по пунктам, упомянутым в моем последнем сообщении".

Мужчины, которые легли спать в состоянии сильного негодования, вряд ли проснулись бы в гораздо лучшем расположении духа, внезапно проснувшись во время своего первого сна, чтобы выслушать подобное сообщение. Это казалось еще одним пустяком. Депутаты представили удовлетворительные мнения богословов и юристов относительно двух указанных пунктов, которые касались Гентского договора. Поэтому было естественно, что это туманное условие, касающееся их, решение которого касалось только груди губернатора, было немедленно отвергнуто и что посланники вернулись к своему тревожному сну в еще более дурном расположении духа.

На следующее утро, когда посланники, обутые в сапоги и прищипоренные, были на месте отъезда в Брюссель, им принесли еще одно сообщение от дон Джона. На этот раз формулировка губернатора, казалось, больше соответствовала цели. "Я согласен, — сказал он, - поддерживать мир, заключенный между штатами и принцем Оранским, при условии получения от церковных властей и Лувенского университета удовлетворительных заверений в том, что указанный договор не содержит ничего порочающего католическую религию, - и аналогичных заверений от Государственного совета, епископа Льежского и императорских посланников, что этот договор никоим образом не наносит ущерба власти его Величества". Казалось, наконец-то появилось что-то определенное. Эти условия можно было выполнить. Фактически, они уже были выполнены. Требуемые гарантии по двум пунктам уже были получены, о чем хорошо знали депутаты и дон Джон. Таким образом, умиротворение Гента было фактически признано. Депутаты, соответственно, явились к губернатору, и беседа была дружеской. Однако они тщетно пытались получить его согласие на отправку войск по суше — единственный спорный вопрос, который тогда оставался. Дон Джон, все еще цеплявшийся за свой тайный план, с которым был так тесно связан морской поход войск, отказался уступить. Напротив, он упрекнул послов в их настойчивости предъявлять новые требования, подобно тому как он признал Гентский мирный договор, под свою полную ответственность и без каких-либо инструкций. Мысленно решив, что этот пункт все же следует выжать из губернатора, но не подозревая о его тайных мотивах столь яростного сопротивления, депутаты дружески попрощались с губернатором, пообещав благоприятный отчет о ходе разбирательства, как только они прибудут в Брюссель.

Дон Джон, уступив так много, вскоре был вынужден уступить все. Император Рудольф недавно наследовал своему отцу Максимилиану. Покойный монарх, чьи взгляды на великую тему

религиозной терпимости во многом совпадали с чувствами принца Оранского, в целом, несмотря на узы родства и политические соображения, неизменно поддерживал Нидерланды, насколько это было возможно словами и протестами, при дворе Филиппа. Активное сотрудничество; практической помощи он, конечно, не оказывал. Он, несомненно, был слишком склонен осознать невозможность оказать помощь штатам, не оскорбив короля, — усилие, которое, говоря простым языком Ганса Дженица, было "подобно желанию вымыть кожу, не будучи мокрой". Он даже воздвиг много препятствий свободным действиям принца, как было видно из хода этой истории, но, тем не менее, дело Нидерландов, религии и человечества многое потеряло из-за его смерти. Его старший сын и преемник, Рудольф второй, был ревностным католиком, чьи отношения с изгнанным принцем и реформированным населением вряд ли могли долго оставаться удовлетворительными. Новый император, однако, щедро принял тайных посланцев Оранского и действительно желал добиться умиротворения провинций. Его посланники участвовали во всех недавних переговорах между поместьями и доном Джоном, и их энергичные увещевания устранили на данном этапе последнее возражение со стороны генерал-губернатора. С тайным вздохом он отложил озарившую его дорогую и таинственную надежду на Нидерланды и согласился на отправку войск по суше.

Таким образом, все препятствия были устранены, и достопамятный договор, названный Бессрочным эдиктом, был подписан в Марше во время голода 12-го и в Брюсселе 17 февраля 1577 года. Этот документ, изданный от имени короля, содержал девятнадцать статей. Он одобрил и ратифицировал Гентский мир, принимая во внимание, что прелаты и духовенство вместе с докторами юриспруденции из Лувена решили, что ничто в этом договоре не противоречит ни верховенству католической церкви, ни авторитету короля, а, напротив, что он продвигает интересы обеих сторон. В нем обещалось, что солдаты должны отбыть "свободно, откровенно и без промедления; по суше, чтобы никогда не возвращаться, кроме как в случае иностранной войны" — испанцы должны были выступить в течение сорока дней, немцы и другие — как только генеральные штаты примут меры по их оплате. Было решено, что все заключенные с обеих сторон должны быть освобождены, за исключением графа Ван Бюрена, который должен был быть освобожден, как только будут созваны генеральные штаты, принц Оранский должен был выполнить резолюции, которые должны были быть приняты этой ассамблеей. В нем обещалось сохранение всех привилегий, хартий и конституций Нидерландов. Он требовал от всех штатов присяги поддерживать католическую религию. В нем было зафиксировано их согласие распустить свои войска. Было решено, что дон Джон будет принят в качестве генерал-губернатора немедленно после ухода испанцев, итальянцев и бургундцев из провинций.

Таковы были основные положения этого знаменитого договора, который был подтвержден Филиппом несколько недель спустя в письме, адресованном штатам Брабанта, и эдиктом, изданным в Мадриде. Будет видно, что дон Джон согласился на все требования посланников штатов в начале их переговоров. Они потребовали вывода войск либо по суше, либо по морю. Он долго сопротивлялся этому требованию, но, наконец, согласился отправить их морем. Тогда на их отправлении по суше настояли. На это он опять-таки с большой неохотой согласился. Ратифицировать Гентский мирный договор он категорически отказался. Он прибыл в провинцию в момент его заключения и, конечно, не имел никаких инструкций по этому поводу. Тем не менее, постепенно отступая, он согласился, с некоторыми оговорками, принять этот договор. Эти оговорки, касающиеся важнейших вопросов католического и королевского превосходства, он настаивал на том, чтобы подчинять исключительно своему собственному суждению. И снова его решение было отклонено. С большой неохотой он согласился принять

вместо своих собственных добросовестных убеждений догмы Государственного совета и лувенских врачей. Не видя очень ясно, каким образом договор, отменивший эдикты Карла Пятого и ордонансы Альвы, который передал религиозный вопрос в Голландии и Зеландии из— под юрисдикции короля в ведение генеральных штатов, который привел к прекращению преследований, установил веротерпимость и, более того, утвердил главного мятежника и еретика всех Нидерландов в правительстве двух мятежных и еретических провинций в качестве штатгальтера короля, не видя очень ясно, как такой договор был "выгоден, а не наносил ущерба королевскому абсолютизму и исключительному католицизму", он, естественно, сначала колебался.

Таким образом, губернатор привел в замешательство принца Оранского не твердостью своего сопротивления, а масштабом своих уступок. Комбинации Вильгельма Молчаливого на мгновение сбились с толку. Если бы принц ожидал такой щедрости, он поставил бы свои требования на более высокую основу, поскольку маловероятно, что он предполагал или желал умиротворения. Герцог Эршо и епископ Льежский тщетно пытались убедить своих наместников в Марке-ан-Фомин подписать соглашение от 27 января, на котором был основан Бессрочный эдикт. Они отказались сделать это, не посоветовавшись с принцем и поместьями. Тем временем другие уполномоченные быстро продвинули дело вперед. Штаты послали депутацию к принцу, чтобы узнать его мнение, и подписали соглашение до того, как стало возможным получить его ответ. Это означало, что они обошлись с ним не слишком вежливо, если не сказать абсолютно недобросовестно. Принц был разочарован и возмущен. По правде говоря, как явствовало из всех его высказываний и писем, он не доверял дону Джону. Он считал его законченным лицемером и таким же смертельным врагом Нидерландов, как герцог Алва или сам Филипп. Он внимательно изучил двадцать пять перехваченных писем от короля, губернатора, Жерома де Рода и других, недавно переданных ему в руки герцогом Эршо, и обнаружил многое, подтверждающее предыдущие и вызывающее новые подозрения. Всего за несколько дней до подписания договора он также перехватил другие письма от влиятельных лиц, Алонсо де Варгаса и других, раскрывающие обширные планы по овладению сильными местами в стране, а затем привести страну к абсолютному подчинению. Таким образом, он заверил сословия, что преднамеренным намерением правительства на протяжении всех переговоров было ввести в заблуждение, каким бы ни был публичный язык дона Джона и его агентов. Поэтому он умолял их "сжалиться над бедной страной" и спасти людей от попадания в расставленную для них ловушку. От начала до конца он выражал глубокое и мудрое недоверие и обосновывал его многочисленными доказательствами. Поэтому он был не без оснований раздражен поспешностью, с которой штаты заключили соглашение с доном Джоном, — стремительностью, с которой, как он впоследствии выразился, "они бросились на копье этого кровожадного сердца". Он верил, что все было подписано и приведено к Присяге губернатором, с мысленной оговоркой, что такие соглашения действительны только до тех пор, пока он не расскажет в том, что заключил их. Он сомневался в добросовестности и стабильности великих сеньоров. Он никогда не испытывал доверия к профессии срочника Эршота и не доверял даже храброму Шампани, несмотря на его заслуги при разграблении Антверпена. Он был особенно возмущен тем, что были приняты меры не для разрушения, а для восстановления для его Величества этих ненавистных цитаделей, гнезд тирании, из-за которых процветающие города страны находились в постоянном беспокойстве. Будь то в руках короля, знати или магистратов, они были ему одинаково ненавистны, и он уже давно решил, что их следует стереть с лица земли. Короче говоря, он считал, что сословия сунули свои головы в пасть льву, и предвидел

самые мрачные последствия только что заключенного договора. Он считал, выражаясь его собственным языком, "что единственная разница между доном Джоном и Альвой или Рекесенсом заключалась в том, что он был моложе и глупее своих предшественников, менее способен скрывать свою злобу, более нетерпелив, готов обогреть руки кровью".

Усмиряя Гент, принц получил награду за труды своей жизни. Он объединил множество провинций узами общей истории, языка и обычаев в лигу против иностранной тирании. Он присоединил Голландию и Зеландию к их братским провинциям общей любовью к их древним свободам, общей ненавистью к испанской солдатне. Он изгнал злого демона религиозного фанатизма, которым так много лет владел политический орган; ибо Гентский мирный договор, широко истолкованный, открыл дверь ко всеобщей терпимости. В Бессрочном эдикте принц увидел, что его работа была сведена на нет. Голландия и Зеландия снова оказались отрезанными от остальных пятнадцати провинций, и вскоре на этой маленькой территории разразилась война. Статью, предусматривающую сохранение Гентского мирного договора, он считал пустой болтовней; торжественные заседания Государственного совета и квиддичи из Лувена, вероятно, окажутся лишь слабыми оплотами против возвращающейся волны тирании. Либо это было негласно сделано для того, чтобы терпимо относиться к реформированной религии, либо для того, чтобы выследить ее. Утверждать, что Гентский мирный договор, истолкованный лояльно, укрепил церковный или королевский деспотизм, значило утверждать, что маньяк в оковах более опасен, чем вооруженный мечом; это значило быть слепым к разнице между частным собранием и общественным эшафотом. Бессрочный эдикт, хотя и претендующий на поддержание договора, неизбежно разрушил бы его одним ударом, в то время как за короткий промежуток времени покоя тирания обновила бы свою молодость подобно орлам. Возможно ли было тогда, чтобы Вильгельм Оранский поддерживал Бессрочный Эдикт, компромисс с Доном Джоном? Десять тысяч призраков с Гарлемского озера, с охваченных голодом и чумой улиц Лейдена, из дымящихся руин Антверпена поднялись, чтобы предостеречь его от подобной композиции с деспотизмом, столь же утонченным, сколь и безжалостным.

Следовательно, не в правилах Вильгельма Оранского, подозревавшего дона Джона, ненавидевшего Филиппа, сомневавшегося в нидерландской знати, доверявшего только массе граждан, поддерживать Бессрочный эдикт. Он не был более удовлетворен тем, что штаты заключили соглашение без его санкции и вопреки его прямому совету. Он отказался опубликовать или признать этот договор в Голландии и Зеландии. За несколько недель до этого он в частном порядке поставил перед штатами Голландия и Зеландия ряд вопросов, чтобы испытать их характер, спросив их, в частности, готовы ли они развязать новую кровопролитную войну во имя своей религии, даже несмотря на то, что их другие привилегии должны быть признаны новым правительством, и последовали долгие и серьезные дебаты удовлетворительного характера, хотя положительного решения по этому вопросу принято не было.

Как только Бессрочный эдикт был подписан, генеральные штаты послали к принцу запрос о его мнении и требовали его санкции. Оранж от имени Голландии и Зеландии немедленно дал подробный ответ, сделав серьезные исключения из всего содержания Указа. Он жаловался, что конституция страны была нарушена, потому что была нарушена древняя привилегия генеральных штатов собираться по своему усмотрению, и потому что законы каждой провинции были сведены на нет продолжающимся тюремным заключением графа Ван Бюрена, который не

совершил никакого преступления и чье содержание под стражей доказало, что ни один человек, что бы ему ни было обещано, не может рассчитывать на безопасность жизни или свободы. Настаивалось, что ратификация Гентского договора никоим образом не была четкой и категоричной, а была поставлена в зависимость от множества лживых уверток. Он яростно критиковал положение Эдикта о том, что штаты должны выплачивать жалование солдатам, которых они только что объявили негодяями и мятежниками и от рук которых они понесли такие чудовищные увечья. Он осудил трусость, которая могла позволить этой банде наемников уйти с таким количеством драгоценностей, товаров и посуды, ставших результатом их грабежей. Однако он выразил готовность подписать эдикт от имени двух провинций при условии, что генеральные штаты заранее торжественно согласятся, в случае, если отъезд испанцев не состоится в оговоренный срок, воздержаться от всякого признания дон Джона или связи с ним и сами осуществить вывод войск силой оружия.

Таков был первый и торжественный манифест принца в ответ на Бессрочный Эдикт; штаты Голландия и Зеландия объединяли сердца и руки во всем, что он думал, писал и говорил. Его личные чувства находились в строгом соответствии с публично зафиксированными таким образом мнениями. "Какую бы видимость обратного дон Джон ни делал, - писал принц своему брату, - в его намерения ни в коем случае не входит поддержание мира и еще меньше - заставить испанцев уйти, с которыми он поддерживает самую строгую переписку, какую только возможно".

С другой стороны, губернатор больше всего стремился умиротворить принца. Он изо всех сил старался завоевать дружбу человека, без которого, как он знал, все попытки вернуть Голландию и Зеландию и восстановить королевскую и церковную тиранию были бы безнадежны. "Это лоцман, - писал дон Джон Филиппу, - который ведет барк. Он один может уничтожить или спасти его. Величайшие препятствия были бы устранены, если бы его удалось заполучить". Он предложил, и Филипп одобрил это предложение, чтобы граф Ван Бюрен был облечен достоинствами своего отца при условии, что принц сам уедет в Германию. Однако вскоре стало очевидно, что такое предложение не встретит особого одобрения, поскольку должность отца своей страны и защитника ее свобод передаче не подлежит.

Находясь в Лувене, куда он отправился после опубликования Бессрочного эдикта, дон Джон посоветовался с герцогом Эршо, и они решили, что было бы неплохо послать доктора Леонинуса с частной миссией к принцу. Таким образом, перед своим отъездом с этим поручением ученый посланник имел обстоятельную беседу с губернатором. Ему было поручено представить принцу опасности, которым подвергся дон Джон, приехав из Испании для умиротворения Нидерландов. Леонину было поручено дать гарантии, что только что заключенный договор должен быть соблюден, что испанцы должны уйти, что все другие обещания должны быть нерушимо выполнены и что губернатор поднимет оружие против всех, кто воспротивится выполнению его обязательств. Он должен был заявить, что дон Джон в доказательство своей собственной верности отдал себя во власть штатов. Он должен был сообщить принцу, что теперь ему предоставляется возможность оказать короне услугу, в награду за которую он получит не только прощение своих проступков, но и благосклонность монарха и все почести, каких только можно пожелать; что, поступая таким образом, он обеспечит будущее процветание своей семьи; что дон Джон будет его хорошим другом и, как таковой, сделает для него больше, чем он может себе представить. Посланник также должен был внушить принцу, что, если он будет упорствовать в своем сопротивлении, все будет против него, и разорение его дома

неизбежно. Он должен был возразить, что дон Иоанн пришел лишь для того, чтобы простить и забыть, восстановить старое правительство и бывшее процветание, так что, если ради этих целей принц взялся за оружие, теперь его долг - сложить его и сделать все возможное для поддержания мира и католической религии. Наконец, посланник должен был намекнуть, что, если он решит написать дону Джону, он может быть уверен, что получит удовлетворительный ответ. В этих мирных инструкциях и дружеских выражениях Дон Джон был искренен. "Имя вашего величества, - прямо сказал он, отчитываясь перед королем об этой миссии, - вызывает в Нидерландах такое же отвращение и презрение, как имя принца Оранского, которого любят и боятся. Я веду с ним переговоры и обеспечиваю ему всяческую безопасность, ибо вижу, что установление мира, а также поддержание католической религии и повиновение вашему величеству зависят теперь от него. Дело дошло до того, что необходимо превратить необходимость в добродетель. Если он прислушается к моим предложениям, то только на очень выгодных условиях, но им придется подчиниться, чтобы не потерять все".

Дон Джон был серьезен; к сожалению, он не знал, что принц тоже был серьезен. У крестоносца, потопившего тридцать тысяч пайнимов одним ударом и мечтавшего о королеве Шотландии и английском троне, в голове не было места для образа патриота. Королевские милости, семейное процветание, высокие должности, ордена, выгодные условия - вот те приманки, с помощью которых губернатор ловил Вильгельма Оранского. Он не понимал, что привязанность к полузатопленной земле и к презираемой религии может встать на пути к этим выгодным условиям и этому блестящему будущему. Он и представить себе не мог, что мятежник, однажды уверенный не только в помиловании, но и в продвижении по службе, может без колебаний отказаться от предложенной таким дружелюбным образом королевской руки. Дон Джон не совсем точно оценил своего великого противника.

Результатам последовательных миссий, которые он отправлял принцу, было суждено просветить его. В ходе первого разговора между Леонином и принцем в Мидделбурге посланник настаивал на том, что дон Иоанн вступил в Нидерланды без войск, что он отдал себя во власть герцога Эршо, что с тех пор он прибыл в Лувен без какой-либо безопасности, кроме обещания горожан и студентов; и что все это доказывает искренность его намерений. Он умолял принца не упускать столь благоприятную возможность оградить свой дом от любых неблагоприятных случайностей, говорил с ним о Мариусе, Сулле, Юлии Цезаре и других зачинщиках гражданских войн, а уходя на день, просил его серьезно подумать над тем, что он таким образом предложил, и молиться, чтобы Бог вдохновил его на благие решения.

На следующий день Уильям сообщил посланнику, что, помолившись Богу о помощи, он более чем когда-либо убежден в своем долге изложить все дело штатам, слугой которых он был. Он добавил, что не может забыть ни гибель Эгмонта и Хорна, ни то, каким образом было выполнено обещание, данное дворянам конфедерации герцогиней Пармской, ни поведение французского монарха по отношению к адмиралу Колиньи. Он рассказал об информации, которую он получил отовсюду, из Испании, Франции и Италии, о том, что было решено объявить войну ему и государствам Голландия и Зеландия. Он добавил, что они принимают соответствующие меры и что им хорошо известно, что папский нунций прибыл в Нидерланды, чтобы плести интриги против них. Вечером принц пожаловался, что поместья так поспешно заключили свое соглашение с доном Джоном. Он упомянул несколько статей договора, которые были рассчитаны на то, чтобы вызвать недоверие; особо остановившись на обязательстве, принятом сословиями для поддержания католической религии. Эту статью он объявил прямо

противоречащей Гентскому мирному договору, согласно которому этот пункт был оставлен на усмотрение будущего собрания генеральных штатов. Леонин попытался, насколько мог, оспорить эти позиции. В их последней беседе принц настаивал на своем намерении передать весь вопрос на рассмотрение штатов Голландия и Зеландия. Не сделать этого, сказал он, значило бы, с одной стороны, обречь себя на гибель, а с другой - вызвать негодование тех, кто мог бы заподозрить его в предательстве. Посланник просил сообщить, можно ли надеяться на какое-либо соглашение в будущем. Оранж ответил, что он ничего подобного не ожидал, но посоветовал доктору Леонинусу присутствовать в Дорте, когда соберутся представители поместий.

Несмотря на неблагоприятный результат этой миссии, дон Джон еще не отчаялся сломить упрямый характер принца. Он надеялся, что, если удастся организовать личную беседу между ними, он сможет устранить многие причины для подозрений у своего противника. "В такие времена, - писал губернатор Филипу, - мы не можем проводить выборы, и я не вижу никакого средства сохранить государство от разрушения, кроме как привлечь на свою сторону этого человека, который имеет такое большое влияние на нацию". По правде говоря, вся игра была в руках принца. Едва ли в Голландии и Зеландии было хоть одно живое существо, которое не желало бы подчиняться его решению в любой чрезвычайной ситуации. Во всех остальных провинциях народные массы смотрели на него с абсолютным доверием, духовенство и видная знать уважали и боялись его, даже когда они тайно пытались помешать его планам. Обладая диктаторской властью в двух провинциях, огромным влиянием в остальных пятнадцати, для него не могло быть ничего проще, чем предать свою страну. Время было исключительно благоприятным. Мстительный король чуть ли не на коленях стоял перед разоблаченным мятежником. Предлагалось все: прощение, продвижение по службе, власть. Открывалась неопределенная перспектива. "Вы не можете себе представить, - сказал дон Джон, - как много я могу для вас сделать". Губернатор был чрезвычайно озабочен приобретением единственного врага, которого опасался Филипп. Принц лично ничего не выигрывал от продолжения состязания. Запрет, объявление вне закона, деградация, денежное разорение, покушения, мученическая смерть — это были единственные гердоны, которых он мог ожидать. Ему было что терять: но вчера обремененный достоинствами, окруженный помпой и роскошью, со многими детьми, унаследовавшими его мирские блага, разве не мог он вернуть все; и даже больше, чем все, сегодня? Какую услугу он мог оказать взамен? Суший пустяк. Ему оставалось только отказаться от убеждений всей жизни и предать миллион или два сердец, которые доверяли ему.

Что касается обещаний, данных губернатором мягко управлять страной, принц не мог поступить иначе, как одобрить это намерение, даже не доверяя его выполнению. В своем ответе на два письма дона Джона он поблагодарил его Высочество, как ему показалось, с серьезной иронией, за великодушную вежливость и знак уважения, которые тот оказал ему, так гуманно и заботливо пригласив его к спокойной жизни, в которой, по словам его Высочества, заключалось совершенство счастья в этом смертном существовании, и пообещав ему столь щедрое расположение и милость. Однако он со всей серьезностью заявил, что обещания относительно умиротворения бедного нидерландского народа были гораздо важнее. По его словам, он всегда ставил благосостояние и безопасность общества превыше своих собственных; "он всегда ставил под удар свои особые интересы, даже если он все еще был полон решимости делать это до тех пор, пока будет продолжаться жизнь".

Так Вильгельм Оранский получил частные авансы, сделанные правительством по отношению к себе. Тем временем дон Иоанн Австрийский прибыл в Лувен. До тех пор, пока не будут выполнены предварительные условия Бессрочного эдикта и испанские войска не будут выведены из страны, он не должен был быть принят в качестве генерал-губернатора, но ему казалось неприличным дольше оставаться на пороге провинций. Поэтому он двинулся в глубь страны, полагаясь без войск на преданность народа и демонстрируя рыцарскую самоуверенность, которой сам был далек от чувства. Вскоре его окружили придворные, временщики, благородные соискатели должностей. Они, которые оставались невидимыми до тех пор, пока исход запутанных переговоров казался сомнительным, теперь стали подобострастными и неизбежными, как его тень. Один великий сеньор хотел получить полк, другой - правительство, третий - ключ камергера; все хотели титулов, лент, должностей, ливреи, жалованья. Дон Джон раздавал услуги и обещания с огромной щедростью. Цель, с которой Филипп послал его в Нидерланды, чтобы он мог умиротворить сердца их жителей личным расположением, которое он унаследовал от своего отца-императора, казалась вполне осуществимой, поскольку он стремился заслужить не только продажные аплодисменты титулованных подхалимов, но и весело и фамильярно общался со всеми классами граждан. Повсюду его красивое лицо и обаятельные манеры производили свой естественный эффект. Он обедал с магистратами в городском доме, удостаивал своим присутствием общие банкеты бюргеров и был поочередно приветлив и полон достоинства, остроумен, обаятелен и повелителен. В Лувене пять военных гильдий устроили торжественный праздник. Обычные приглашения были разосланы другим обществам и всем боевым братствам по всей стране. Веселые и безвкусные шествия, роскошные банкеты, военные состязания быстро сменяли друг друга. В день великого испытания мастерства, согласно обычаю, были приглашены все высшие чиновники страны, и губернатору было милостиво угодно почтить это торжество своим присутствием. Велика была радость толпы, когда дон Джон, следуя обычаю императорских и княжеских особ в прежние дни, записался с арбалетом в руке в число участников соревнований. Еще большим был энтузиазм, когда завоеватель Лепанто сбил птицу и был провозглашен королем года среди бурного веселья толпы. Согласно обычаю, капитаны гильдии повесили золотую папайю на шею его высочества и, выстроившись в процессию, последовали за ним в большую церковь. Оттуда, после обычных религиозных обрядов, толпа проследовала на пир, где в обильных возлияниях было провозглашено здоровье нового короля арбалетчиков. Долгим и шумным было веселье этого праздника посвящения, за которым последовало множество праздников в те короткие, но безмятежные дни, ибо добродушные голландцы уже верили в благословенное наступление мира. Им неснилось, что война, которая в течение десяти пылающих лет пожирала костяк их содружества, была всего лишь в зачаточном состоянии и что ни им, ни их детям не суждено было увидеть ее окончания.

Однако на данный момент в Лувене царило веселье. Губернатор своим обаятельным поведением пробудил множество воспоминаний о некогда популярном императоре. Он выразил безграничную привязанность к содружеству и полную уверенность в лояльности жителей. Он пообещал сохранить их свободы и восстановить их процветание. Более того, он только что сразил наповал с мастерством, которому мог бы позавидовать его императорский отец, и председательствовал на бюргерских банкетах с изяществом, с которым Карл вряд ли мог сравниться. Его личные качества на данный момент были возведены в ранг добродетелей. "Красота и живость его глаз были таковы, - говорит его тайный советник Тассис, - что одним взглядом он покорял сердца всех", и, тем не менее, обреченная жертва втайне чувствовала себя

объектом внимания стрелка, у которого не было времени на раскрашенных соек-попугаев, но который редко промахивался. "Вся страна предана принцу и почти каждый из ее жителей", - таковы были его тайные слова, обращенные к своему царственному брату в самый момент буйных манифестаций, предшествовавших его собственному приезду в Брюссель.

Пока губернатор все еще находился в Лувене, его секретарь Эсковедо был занят организацией отъезда испанцев, поскольку, несмотря на свое первоначальное нежелание и подозрения Оранского, дон Джон искренне намеревался сдержать свое обещание. Он даже выделил двадцать семь тысяч флоринов на расходы по их вывозу, но собрать всю сумму, необходимую для перевозки и погашения задолженности, было делом трудным. Поместья не спешили предоставлять сто пятьдесят тысяч флоринов, которые они обязались предоставить. Более того, кредит короля был на очень низком уровне. Его предыдущие облигации не были должным образом погашены, и даже были случаи отказа королевской власти, что ни в коей мере не облегчало задачу финансиста по предоставлению требуемых новых займов. Эсковедо был очень резок в своих высказываниях по этому поводу, и как дон Джон, так и он сам настаивали на пунктуальности во всех будущих платежах. Они умоляли, чтобы векселя, выписанные на имя Филиппа на ломбардских банкиров и дисконтированные с высокой процентной ставкой антверпенскими фуггерами, были должным образом обеспечены по наступлении срока погашения. "Я убедительно прошу, - сказал Эсковедо, - чтобы ваше величество во всяком случае позаботились об оплате этих счетов", - добавив с забавной простотой: "Это будет средством восстановления кредита вашего величества, а что касается моего собственного; я не хочу терять его, каким бы незначительным он ни был". Дон Джон был еще более заботлив. "Ради всего Святого, сир, - писал он, - не будьте сейчас преступником. Вы должны подумать о необходимости восстановления вашего кредита. Если этому будет нанесен сейчас последний удар, все покинут ваше величество, и солдаты тоже будут доведены до отчаяния".

Благодаря большому усердию со стороны Эсковедо и уверенности в его характере необходимые средства были собраны в течение нескольких недель. Однако среди офицеров возникли разногласия по поводу права командовать армией на обратном пути. Дон Алонсо де Варгас, как начальник кавалерии, был назначен на этот пост губернатором, но Вальдес, Ромеро и другие ветераны с возмущением отказались служить под началом того, кого они объявили своим младшим офицером. Было много споров и изжоги, и была предпринята попытка скомпрометировать дело назначением графа Мансфельда главнокомандующим. Это, однако, только подлило масла в огонь. Все были недовольны превосходством, оказанным иностранцу, а Алонсо де Варгас, особенно оскорбленный, в самых дерзких выражениях обратился к губернатору. Тем не менее договоренность была сохранена, и войска, наконец, покинули страну в последних числах апреля. Огромное скопление горожан стало свидетелями их отъезда и едва могло поверить своим глазам, когда они увидели, как наконец-то откатывается этот инкуб, который столько лет сокрушал землю. Их радость, хотя и экстравагантная, была, однако, ограничена размышлениями о том, что десять тысяч немцев все еще оставались в провинциях, прикрепленных к королевской службе, и что все еще существовала вероятность того, что уход испанцев был уловкой. По правде говоря, Эсковедо, хотя и поддержал приказ дона Иоанна о выводе этих войск, не постеснялся выразить королю свое сожаление и свои сомнения относительно результата. Он всегда надеялся, что в положении дел во Франции можно будет найти предлог для удержания войск вблизи этой границы. Он заверил короля, что очень сомневается относительно того, какой оборот могут принять дела после ухода солдат, видя великую непокорность, которую даже их присутствия было недостаточно, чтобы полностью

обуздать. Он надеялся, что они останутся по соседству, готовые захватить острова при первой возможности. "Со своей стороны, - писал он, - меня не волнует оккупация территорий во внутренних районах страны, но острова должны быть защищены. Осуществить это, - продолжал он, лживо намекая на тайные планы дона Джона, - по моему мнению, труднее, чем осуществить этот план против Англии. Если бы было достигнуто одно, то с другим было бы достаточно легко справиться и потребовались бы лишь умеренные средства. Пусть ваше величество не думает, что я говорю это как одобрение плана дона Джона, ибо я полностью оставляю это в прошлом".

Несмотря на эти подозрения со стороны народа, на это нежелание со стороны тогдашнего правительства, войска с готовностью продолжили свой марш и не останавливались, пока не достигли Ломбардии. Дон Джон неоднократно писал королю, горячо призывая его всесторонне рассмотреть претензии этих ветеранов и их выдающихся офицеров, Ромеро, Авилы, Вальдеса, Монтесдокки, Вердуго, Мондрагона и других. Они отбыли в очень дурном расположении духа, не получив никакого вознаграждения за свою долгую и усердную службу. Конечно, если непоколебимая выносливость, отчаянная доблесть и присущая им жестокость могли искупить в глазах монарха мятеж, который в конце концов вынудил их уйти, то эти рабочие были достойны того, чтобы их наняли. Дон Джон успокоил их, заверив, что они получат соответствующее вознаграждение по прибытии в Ломбардию, и самым решительным образом потребовал полного удовлетворения их требований и своих обещаний. Хотя дон Алонсо де Варгас оскорбил его, как он выразился, "с размахом", все же он поспешил заступиться за него перед королем в самых нежных выражениях. "Его нетерпение меня не удивило, - сказал губернатор, - хотя я сожалею, что он был оскорблен, хотя я его очень люблю и уважаю. Он прослужил много лет с большим отличием, и я могу подтвердить, что его чистота и религиозность - это нечто экстраординарное".

Первой сценой вывода войск была эвакуация цитадели Антверпена, и было решено, что командование этой важнейшей крепостью должно быть возложено на герцога Эршота. Его притязания как главнокомандующего, находящегося под властью Государственного совета, и как главы католической знати вряд ли можно было игнорировать, и все же он был человеком, которому ни одна из сторон не доверяла. Им слишком явно руководили корыстные мотивы. Высокомерный там, где он чувствовал себя в безопасности, или сомневающийся в позиции другого, он мог быть податливым и пресмыкающимся, когда отношения менялись. Он отказался от встречи с Вильгельмом Оранским до консультации с доном Джоном и попросил о ней впоследствии, когда обнаружил, что необходимо приложить все усилия, чтобы умиротворить принца. В феврале он был дерзок с самим генерал-губернатором и почтителен в марте. Он узурпировал первое место в церкви еще до того, как дон Джон был признан губернатором, и был первым, кто вышел приветствовать его после того, как все было улажено. Он устроил сцену добродетельного негодования в Государственном совете, потому что его обвинили в стремлении занять место, но приложил все усилия, чтобы добиться должности самого высокого достоинства, которую только мог даровать губернатор. Каковы бы ни были его заслуги, несомненно, что он не внушал доверия ни приверженцам короля, ни принцу; в то время как он по очереди проявлял самое теплое уважение как к той, так и к другой стороне. Испанцы и патриоты, протестанты и католики в один и тот же момент заподозрили этого человека и всегда придавали его поведению значение, обратное очевидному. Таков часто приговор, вынесенный тем, кто ловит рыбу в мутной воде только для того, чтобы наполнить свои собственные сети.

Однако герцог был назначен комендантом цитадели. Санчо д'Авила, бывший констебль, с кастильским высокомерием отказался уступить это место своему преемнику, но поручил провести эту церемонию своему лейтенанту Мартину д'Ойо. Эсковедо, стоя на подъемном мосту вместе с Эршотом, принес присягу: "Я, Филипп, герцог Эршотский, - сказал новый констебль, - торжественно клянусь удерживать этот замок для короля и ни для кого другого". На что Эсковедо добавил: "Да поможет тебе Бог со всеми его ангелами, если ты сдержишь свою клятву; если нет, пусть дьявол унесет тебя прочь, тело и душу". Немногочисленные свидетели воскликнули "Аминь"; и после этой поспешной церемонии ключи были вручены, пленники - Эгмонт, Капре, Гоиньи и другие - освобождены, а испанцам приказано выступить вперед.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Действительно, ужасное животное - необузданная женщина

Соглашения действовали только до тех пор, пока он не раскается

Все протестанты были обезглавлены, сожжены или похоронены заживо

Пришли к своему концу обманом, когда насилие им не помогло

Привязанность к полузатоленной земле и презираемой религии

Барбара Бломберг, прачка из Ратисбона

Верил в благословенное наступление мира

Сопровождал освобождение страны серией поражений

Дон Джон Австрийский

Дон Джон был волен стать королем Англии и Шотландии

Свирепостью, которую не смогли бы превзойти даже христиане

Счастлив видеть себя в таком блестящем зеркале

Его личная привлекательность на данный момент перешла в разряд добродетелей

Необходимо превратить необходимость в добродетель

Половину Филиппу, а половину Папе и Венеции (рабам)

Совершенно ошибочно: полагая себя ребенком императора, он проявляет

Сентиментальность, которая кажется в высшей степени апокрифической

Она слишком хорошо знала, как обращаются с женщинами в этой стране

Те, кто ловит рыбу в мутной воде только для того, чтобы наполнить свои сети

В Лейдене они носили полумесяцы на своих фуражках

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 27

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли, 1855-1577 [ГЛАВА II.]

Триумфальный въезд дона Иоанна в Брюссель—Обратная сторона картины—Анализ секретной переписки дона Иоанна и Эсковедо с Антонио Пересом—Заговоры против свободы губернатора—Его унылые высказывания и мрачные ожидания—Рекомендация суровых мер—Позиция и принципы Оранжа и его семьи—Его личные взгляды на вопрос о мире и войне—Его терпимость к католикам и анабаптистам, осуждаемая его друзьями—Смерть Виглиуса—Новая миссия губернатора Оранжу—Подробности конференций в Гертруденберге—Характер и результаты этих переговоров—Документы обмен посланниками с Оранскими—Питер Панис

казнен за ересь—Три партии в Нидерландах— Притворство дона Иоанна —Его страх быть схваченным.

Как уже говорилось, солдаты окончательно покинули страну в конце апреля, после чего дон Джон совершил свой триумфальный въезд в Брюссель 1 мая. Давно уже майский день не радовал сердца жителей Брабанта таким праздничным образом. Такого праздничного великолепия в Нидерландах не видели уже много лет. Торжественная процессия бюргеров, которой предшествовало шеститысячное войско и которую сопровождали вольные роты лучников и мушкетеров в их живописных костюмах, сопровождала молодого принца по улицам столицы. Дон Иоанн, закутанный в длинный зеленый плащ, ехал верхом между епископом Льежским и папским нунцием. Он проезжал под бесчисленными триумфальными арками. Перед ним развевались знамена, на которых были изображены битва при Лепанто и другие поразительные сцены из его жизни. Менестрели пели стихи, поэты декламировали оды, клубы риторики разыгрывали фантастические драмы в его честь, пока он ехал верхом. Юные девственницы увенчали его лаврами. Бесчисленные прекрасные женщины толпились у каждого окна, на крыше и балконе, их яркие одежды развевались над ним, как летние облака. "Мягко из этих прекрасных облаков, - говорит доблестный хронист, - пролился нежный цветочный дождь". К его ногам были рассыпаны гирлянды, увенчанное лаврами победы чело было украшено. Тот же традиционный энтузиазм и декорации, которые характеризовали праздничные шествия тысячи обычных героев, были успешно воспроизведены. Церемония началась с посещения церкви и закончилась банкетом, день был благоприятный, население довольное, и после блестящего празднества дон Иоанн Австрийский увидел себя генерал-губернатором провинций.

Три дня спустя в Городском доме были произнесены обычные клятвы, которые следовало соблюдать с обычной добросовестностью, и на краткий миг все, казалось, улыбались и были безмятежны.

На картинке была обратная сторона. По правде говоря, ни один язык не может описать ненависть, которую Дон Джон питал к Нидерландам и всем их жителям. Он приехал в страну только как ступенька к английскому трону, и в своих частных письмах никогда не говорил о провинциях или народе иначе, как с отвращением. Он находился в "Вавилоне отвращения", в "Аду", окруженный "пьяницами", "бурдюками с вином", "негодьями" и тому подобным. С момента своего прибытия он напрягал все силы, чтобы удержать испанские войска и отослать их морем, когда удерживать их будет уже невозможно. Эсковедо разделял эти чувства и полностью разделял планы своего начальника. Заговор, тайное предприятие, стало главной причиной появления дона Джона в неблагоприятном климате Фландрии. Поэтому, по его мнению, было чрезвычайно важно как можно скорее приступить к выполнению этого важного дела. Соответственно, он вступил в переписку с Антонио Пересом, самым доверенным государственным секретарем короля в тот период. То, что губернатор не замыслил государственной измены, достаточно очевидно из контекста его писем: в то же время, с широтой своего характера, когда он имел дело с человеком, которого считал близким и надежным другом, он иногда употреблял выражения, которые могли показаться двусмысленными. В еще большей степени это касалось бедняги Эсковедо. Преданный своему хозяину и безоговорочно полагающийся на честь Переса, он позволял себе высказывания, которые могли быть искажены до еще более подозрительной формы, когда дьявольское искусство Переса и всеобщее недоверие к Филиппу неуклонно приводили к этой цели. Ибо

Перес — в целом, самый смелый, закоренелый и беспринципный злодей в этой бездне двуличия, при испанском дворе, — был в тот момент вовлечен вместе с Филиппом в заговор с целью вытянуть из дона Джона и Эсковедо посредством этой переписки доказательства государственной измены, которые желали найти и король, и министр. Письма из Испании были написаны с этой целью, письма из Фландрии были истолкованы именно с этой целью. Каждое конфиденциальное письмо, полученное Пересом, немедленно передавалось им королю, каждое письмо, написанное коварным демоном, было наполнено намеками на опасность того, что король узнает о существовании переписки, и обещаниями соблюдать строжайшую секретность с его стороны, а затем немедленно попадало в руки Филиппа для получения его комментариев и критических замечаний, прежде чем быть скопированным и отправленным в Нидерланды. Министр вел смелую, кроважскую и предательскую игру, и вел ее виртуозно. Эсковедо заманили на верную гибель, дон Джон заставили растревожить его сердце, а Филипп — обманутый больше всех — был предан в том, что он считал своими чувствами, и превратился в простое орудие человека, такого же лживого, как он сам, и бесконечно более совершенного.

Почти сразу после прибытия дона Джона в Нидерланды он начал выражать величайшее нетерпение по поводу Эсковедо, который не смог сопровождать своего хозяина в его путешествии, но без чьей помощи губернатор не смог бы осуществить ни одно из своих начинаний. "Будучи человеком, а не ангелом, я не могу делать все, что должен, - сказал он Пересу, - без единого человека, которому я могу довериться". Он возразил, что не может сделать больше того, что делал тогда. Он ложился спать в двенадцать и вставал в семь, не имея в течение дня ни часа, чтобы регулярно принимать пищу; вследствие всего этого у него уже было три лихорадки. Он погрузился в мир недоверия. Каждый человек подозревал его, и он сам не доверял ни одному человеку во всем этом Вавилоне отращения. Он заметил Пересу, что тот волен показывать свои письма королю или зачитывать их в Совете, поскольку намерен всегда говорить правду во всем, что ему предстоит написать. Он был уверен, что Перес сделает все к лучшему; и есть что-то трогательное в этих выражениях честных намерений по отношению к Филиппу и великодушного доверия к Пересу, в то время как эти двое таким образом искусно пытались склонить его к порочащим разоблачениям. У нидерландцев, конечно, было мало причин любить или доверять своему новому губернатору, который очень искренне ненавидел и подозревал их, но у Филиппа было мало причин жаловаться на своего брата. "Сообщите мне, читают ли мои письма в Совете и что о них говорит его Величество, - писал он, - и, прежде всего, пришлите денег. Я доведен до отчаяния тем, что оказался продан этим людям, будучи совершенно необеспеченным и зная, как медленно ведутся все дела в Испании".

Он сообщил королю, что в Нидерландах есть только один человек и что его зовут принц Оранский. Ему все было сообщено, с ним обо всем велись переговоры, высказанным им мнениям беспрекословно следовали. Губернатор живо описал опасения, с которыми он отдал себя во власть штатов, отправившись в Лувен, и нежелание, с которым он согласился отослать войска. После этой уступки он пожаловался, что наглость штатов возросла. "Они думают, что могут делать и отменять все, что им заблагорассудится, теперь, когда я в их власти", - написал он Филиппу. "Тем не менее, я делаю то, что ты приказываешь, не обращая внимания на то, что я продан и что мне грозит большая опасность потерять свою свободу, потеря, которой я боюсь больше всего на свете, ибо я хочу оставаться оправданным перед Богом и людьми". Однако он не выразил никаких надежд относительно результата. Неуважение и грубость не могли зайти дальше, чем они уже зашли, в то время как принц Оранский, фактический губернатор страны,

считал, что его собственное сохранение зависит от сохранения вещей такими, какими они были тогда. Поэтому дон Джон настойчиво советовал королю готовиться к "грубой и ужасной войне", которой нельзя было избежать, разве что чудом, и которая не должна была застать его в таком неподготовленном состоянии. Он возразил, что невозможно преувеличить смелость, которую испытывали люди, видя его таким беззащитным. "Они публично заявляют, - продолжал он, - что вашего Величества не следует опасаться, поскольку вы не способны вести войну и израсходовали все ресурсы. Одна из величайших травм, когда-либо нанесенных нам, была нанесена маркизом Гавром, который после своего возвращения из Испании повсюду публиковал информацию о бедности королевской казны. Это придало им смелости восстать, ибо они верят, что, каким бы ни было их настроение, нет сил наказать их. Они видят доказательство правильности своих рассуждений в отсутствии новых сборов и в больших просрочках из-за старых войск".

Он возразил, что хотел бы, по крайней мере, быть равным врагу, не требуя, как обычно делали другие, удвоения численности вражеских войск. Он бросил взгляд на внешние осложнения Нидерландов, сказав Филиппу, что поместья заинтригованы как с Францией, так и с Англией. Английский посланник выразил большое беспокойство по поводу возможного ухода испанских войск из Нидерландов морем, связав это с вероятной попыткой освободить королеву Шотландии. Дон Джон, приехавший в провинцию только с какой-либо другой целью и чья душа была полна этого романтического плана, конечно, решительно отрицал и высмеивал эту идею. "Подобные представления, - сказал он посланнику, - были поводом для смеха. Если войска были выведены из страны, то это было сделано для усиления сил его Величества в Леванте ". Мистер Роджерс, очень утешенный, выразил теплую дружбу, которую Елизавета питала как к его Величеству, так и к представителю его Величества; протесты, которые вряд ли могли показаться очень искренними после серии покушений на жизнь королевы, предпринятых так недавно его Величеством и бывшим представителем его Величества. Тем не менее дон Джон ответил с большой сердечностью, попросил прислать портрет Елизаветы и выразил намерение, если дела пойдут так, как он надеется, тайно отправиться в Англию с целью поцеловать ее королевскую руку. Дон Джон далее сообщил королю, опираясь на полномочия посланника, что Елизавета отказала в помощи поместьям, заявив, что если она пошевелится, то окажет помощь Филиппу, особенно если в это дело вмешается Франция. Что касается Франции, губернатор посоветовал Филиппу возлагать надежды на алансонскую свадьбу с Инфантой, но ни в коем случае не выполнять это обещание, поскольку герцог, "помимо того, что был щитом еретиков, был бессовестно пристрастен к печально известным порокам".

Месяц спустя Эсковедо мрачно описал крушение надежд дона Джона и своих собственных. "Вы знаете, - писал он Пересу, — что трон - кресло с балдахином — это наше намерение и наш аппетит, а все остальное ни на что не годится. Потерпев неудачу в нашем плане, мы в отчаянии и подобны безумцам. Теперь все - усталость и смерть ". Выразившись таким унылым тоном, он продолжил несколько дней спустя в том же мрачном тоне: "Я готов повеситься, - сказал он, - и я бы уже сделал это, если бы не хотел оставаться палачом для тех, кто причинил нам столько вреда. Ах, сеньор Антонио Перес! - добавил он. - какое ужасное упорство проявили эти дьяволы, заставив нас отказаться от нашего заговора. Кажется, как будто разверзся Ад и послал толпы демонов, чтобы воспротивиться нашим планам ". После этих энергичных восклицаний он сообщил своему другу, что английский посланник и поместья, управляемые принцем Оранским, в чьей власти находились столь желанные корабли, воспрепятствовали отправке войск морем. "Эти дьяволы жалуются на дороговизну, - сказал он, - но мы охотно согласились бы на это, если

бы только могли заполучить корабли". Затем он описал дона Джона как настолько подавленного своим разочарованием, что он ни на что не годен, и очень желающего как можно скорее покинуть Нидерланды. У него не было никакого желания распоряжаться этими бурдюками. Любой, кто правил провинциями, был обязан делать в точности то, что они ему приказывали. Такое правление было не по вкусу дону Джону. Вне всякого сравнения, женщина соответствовала бы этой цели лучше, чем любой мужчина, и Эсковедо соответственно предложил вдовствующую императрицу, или мадам де Парма, или даже мадам де Лоррен. Далее он рекомендовал, чтобы испанские войска, вынужденные таким образом покинуть Нидерланды по суше, были использованы против еретиков во Франции. Это было бы смягчением позора их изгнания. "В истории можно было бы прочесть, - продолжал секретарь, - что войска отправились во Францию, чтобы оказать помощь в великой религиозной нужде; в то же время они будут под рукой, чтобы при необходимости наказать этих пьяниц. Иметь войска во Франции почти так же хорошо, как держать их здесь". Он попросил прощения, если говорил бессвязно. Неудивительно, что он так поступил, ведь его рассудок был помрачен полученным ударом. Что касается дона Джона, то он умирал от желания покинуть страну, и хотя силы были невелики для такого великого полководца, все же было бы хорошо, если бы он лично повел эти войска во Францию. "Это хорошо бы вошло в историю, - сказал бедняга Эсковедо, который всегда думал о потомках, даже не мечтая, что его собственным частным письмам будет суждено спустя три столетия прокомментировать и серьезно исследовать. - Хорошо бы вошло в историю, что дон Джон отправился восстанавливать французское королевство и искоренять еретиков с шестью тысячами пехотинцев и двумя тысячами всадников. К тому же это лучшее занятие, чем управлять такими мерзкими созданиями, как эти.

Однако, если все их планы провалятся, Секретарь предложил своему другу Антонио встретиться с ними и сделать из них придворных. Он предположил, что в Испании могла бы быть сформирована сильная администрация во главе с доном Джоном, маркизом де Лос Велесом и герцогом Сесским. "С такими вождями, а также с Энтони и Джоном — [то есть Джоном из Эсковедо и Энтони Пересом.] — в качестве помощников", он придерживался мнения, что можно было бы проделать много хорошей работы и что дон Джон мог бы стать "помощником на старости лет его Величества". Он самым настоятельным образом умолял Переса заручиться согласием Филиппа на то, чтобы его брат покинул провинцию. "В противном случае, - сказал он, - мы станем свидетелями гибели друга, которого мы так сильно любим! Он серьезно заболеет, и если так, то спокойной ему ночи! Его тело слишком хрупкое". Эсковедо возразил, что предпочел бы умереть сам. "В связи с катастрофой, вызванной смертью дона Джона, - продолжил он, - прощайте двор, прощайте мир!" Он немедленно похоронил бы себя среди гор Сан-Себастьяна, "предпочитая жить среди диких животных, чем среди придворных". Соответственно, Эсковедо, движимый, конечно, не самыми бескорыстными мотивами, но с такой же теплой дружбой к своему господину, какую обычно внушают принцы, продолжал убеждать Переса в необходимости помочь человеку, который был в состоянии помочь им. Первым шагом было вывезти его из Нидерландов. Об этом он думал постоянно, днем и ночью. Поскольку вряд ли было бы желательно, чтобы он ехал один, казалось уместным, чтобы Эсковедо под каким-нибудь предлогом сначала отправили в Испанию. Такой предлог было бы легко найти, потому что, поскольку дон Джон принял правительство, "ему было бы необходимо выполнять все, что ему приказывали негодяи". После этих подробных заявлений секретарь предупредил своего корреспондента о необходимости сохранения тайны, добавив, что он особенно опасается "всех придворных дам, больших и малых, но что он во всем полностью доверяет Пересу".

Почти в то же время Дон Джон написал Пересу в том же тоне. "Ах, сеньор Антонио, - воскликнул он, - как несомненны мой позор и мое несчастье. Наше предприятие погибло после стольких трудов и такого умелого управления". Он должен был начать работу с теми самыми испанскими солдатами, которых теперь предстояло отправить по суше, и ему ничего не оставалось, как отпустить их или пойти на открытый разрыв со штатами. - Последнее в равной степени запрещали его совесть, его долг и время. Поэтому он был вынужден смириться с крушением своих планов и "не мог думать ни о чем, кроме как стать отшельником - состояние, при котором труды человека, будучи духовными, могли быть не совсем напрасными". Он сказал, что был настолько подавлен этим ударом, что постоянно думал о жизни отшельника. То, что он вел, стало невыносимым. Он не подходил для народа Нидерландов, а они - для него. Вместо того чтобы оставаться дольше, чем было необходимо для назначения его преемника, не было такого решения, которое он не мог бы принять, даже для того, чтобы бросить все и прийти к ним, когда они меньше всего этого ожидали, хотя впоследствии его ожидало кровавое наказание. Он тоже предложил императрицу, обладавшую всеми качествами, которых не хватало ему самому, или мадам де Парма, или мадам де Лоррен, поскольку каждая из них больше подходила для управления провинциями, чем он притворялся. "Люди, - прямо сказал он, - начинают испытывать ко мне отвращение, а я уже испытываю к ним отвращение". Он умолял Переса вывезти его из страны честным путем или нечестным, "per fas aut per nefas". Его друзья должны были бы добиться его освобождения, если бы они хотели спасти его от греха непослушания и даже бесчестия. Он выразил самую безграничную уверенность в чести своего корреспондента, добавив, что, если ничто другое не может обеспечить его освобождение, письмо может быть показано королю. В общем, губернатор всегда желал, чтобы Перес внес в письма для его Величества те изменения, которые он считал целесообразными, изменяя или смягчая все, что казалось грубым или резким, при условии, что всегда учитывался главный момент — получение его отзыва. В этом, яростно заявил губернатор, на карту поставлены моя жизнь, моя честь и моя душа; что касается первых двух, я, безусловно, лишусь их обоих, и, в моем отчаянном положении, я рискую потерять последнее.

С другой стороны, Перес не скупился на заверения в дружбе как с доном Джоном, так и с Эсковедо; во всех своих письмах он подробно описывал трудности обращения к королю по поводу возвращения его брата, но время от времени сообщал, что был сделан случайный намек, который не мог остаться без эффекта. Однако все эти письма были представлены Филиппу на утверждение перед отправкой, и весь этот предмет тщательно и постоянно обсуждался между ними, о чем Перес делал вид, что едва осмеливается произнести хоть слово в адрес его Величества. По его словам, он сделал все, что мог, зачитывая королю, во время приступа подагры, по частям официальные депеши из Нидерландов, чтобы намекнуть на те аргументы, которыми пользовались губернатор и Эсковедо, которые могли показаться приемлемыми, но вскоре стало очевидно, что на ум короля это не произвело никакого впечатления. Поэтому Перес не стал настаивать на этом, "потому что, - сказал он, - если король заподозрит, что у нас есть какая-то другая цель, кроме его интересов, мы все пропали бы". Дон Джон и все его друзья должны приложить все усилия, чтобы заручиться полным доверием его Величества, поскольку таким образом они могли бы добиться большего прогресса в осуществлении своих тайных планов, чем в результате действий, о которых губернатор писал "с такой яростью и тревогой в сердце". Поэтому Перес самым серьезным образом предостерег своего корреспондента от опасности "нанести удар, не попав в цель", и попытался убедить его, что в его наилучших интересах ему следует продлить свое пребывание в провинции на более

длительный период. Он сообщил дону Джону, что его разочарование по поводу английского плана вызвало самое горячее сочувствие короля, который пожелал своему брату успеха. "Я продал ему за самую высокую цену, какую только мог, - сказал Перес, - великодушные, с которым ваше высочество пожертвовали в тот раз частным предметом ради его служения".

Министр придерживался той же формулировки, когда писал Эсковедо в еще более интимном и экспансивном стиле. "Мы должны на расстоянии тысячи миль избегать возможности того, что король подумает, будто на нас влияют личные мотивы, - заметил он, - ибо мы знаем короля и деликатность этих вопросов. Единственный способ завоевать расположение этого человека - тщательно приспосабливаться к его вкусам и делать вид, что мы заняты исключительно его интересами ". Письмо, как и все остальные, переданные "указанному человеку" перед отправкой, было подчеркнуто им в этом абзаце и снабжено следующим примечанием: "но вы должны подробнее остановиться на отмеченном мною отрывке — скажите больше, даже если вам придется скопировать письмо, чтобы мы могли понять характер ответа".

В другом письме Эсковедо Перес подробно остановился на неприличии и невозможности отъезда донна Джона из Нидерландов в то время. Король был настолько решителен в этом вопросе, что, по его словам, не могло быть и речи о том, чтобы предлагать этот вопрос.

"Поступая так, мы бы только потеряли всякое доверие к нему в других вещах. Вы знаете, какой это ужасный человек; если он хоть раз заподозрит, что мы преследуем какую-то личную цель, мы совершенно промахнемся ". Особенно секретаршу ознакомили с огромной ошибкой, которую совершит дон Джон, покинув свой пост.

Перес, по его словам, "рискнул лезть в воду" по этому поводу, тепло похвалив губернатора перед его Величеством. Король ответил сердечным панегириком, добавив, что самое большое утешение в том, что у него есть такой брат, - это то, что он может быть там, где не может быть его Величество. Следовательно, о том, чтобы дон Джон покинул провинцию, не могло быть и речи. Перес настаивал, что в общении с королем необходим величайший такт. Если он хоть раз "заподозрит, что у нас есть какая-то личная цель, мы пропали, и никакой Демосфен или Цицерон впоследствии не смогли бы повлиять на него". Перес умолял, чтобы его горячая привязанность к дону Джону была представлена в самых ярких красках этой высокопоставленной особе, которую следовало заверить, что будут приложены все усилия, чтобы поставить его во главе дел в Испании, согласно предложению Эсковедо. "Однако не стоит, - продолжал он, - показывать нашему мужчине, что мы этого желаем, потому что тогда мы никогда не добьемся успеха. Единственный способ завоевать его - это заставить его поверить, что все идет так, как он желает, а не так, как, возможно, желает его Высочество, и что ни у кого из нас нет другой воли, кроме воли короля. К этому отрывку "ужасный человек" сделал краткое примечание: "Этот абзац написан превосходно, - сказал он, добавив с характерной тавтологией, - и то, что вы в нем говорите, тоже превосходно".

- Поэтому, - продолжал священник, - боже упаси, сеньор Эсковедо, чтобы вы пришли сюда сейчас, ибо мы все погибли бы. Что касается английского вопроса, я уверяю вас, что его Величество был чрезвычайно озабочен тем, чтобы план увенчался успехом, либо через Папу Римского, либо иным образом. Это наводит меня на мысль, - добавил Перес, - сказать "тело Божье"! Сеньор Эсковедо! как, черт возьми, вам удалось отправить курьера в Рим с сообщением об английском заговоре, не предупредив меня? Затем он продолжил утверждать, что папский нунций в Испании был сильно обеспокоен этим вопросом и послал за ним. "Я

пошел, - сказал Перес, - и после того, как он закрыл дверь и посмотрел в замочную скважину, чтобы убедиться, что подслушивающих нет, он сообщил мне, что получил от Папы сведения о требованиях, предъявленных доном Джоном его Святейшеству в отношении булл, протоколов и денег для оказания ему помощи в его английском плане, и что в результате ему уже отправлено восемьдесят тысяч дукатов". Перес добавил, что нунцию очень хотелось бы знать, как наилучшим образом сообщить об этом королю без ущерба для его Высочества. Он дал ему необходимый совет, продолжал он, и впоследствии сам сказал королю, что, без сомнения, дон Джон написал его величеству письма, в которых сообщал об этих переговорах в Риме, но, вероятно, депеши были забыты. Таким образом, создавая видимость того, что он уладил этот вопрос с королем, Перес завершил свое выступление практическим предложением большой важности, а именно необходимостью как можно скорее организовать убийство принца Оранского. "Пусть вы никогда не упускаете из виду, - сказал он, - что необходимо найти подходящий случай для того, чтобы доесть Оранж, поскольку, помимо услуги, которая таким образом будет оказана нашему хозяину и штатам, это будет чего-то стоить и для нас самих".

Нет необходимости извиняться за то, что я предлагаю читателю несколько обширный анализ этой секретной переписки. Если и есть какая-то ценность в примерах из истории, то, конечно, немногие хроники могут дать более поучительную мораль. Вот деспотичный король и его доверенный министр, склонившие друг к другу головы в одном кабинете; вице-король важнейших провинций королевства со своим секретарем глубоко совещаются в другом кабинете не о том, как продвигать великие интересы, моральные или материальные, народа, которым Бог позволил им править, но о наилучших средствах организации заговоров против трона и жизни соседнего государя при попустительстве и субсидиях папы Римского. В этом плане, и только в этом, высшие заговорщики согласны. Во всех других отношениях сцена характеризуется взаимной подозрительностью и глубоким обманом. Губернатор преисполнен невыразимого отвращения ко всей нации "пьяниц и бурдюков с вином", которые в этот самый момент усыпают цветами его путь и оглушают его приветственными криками; король, выражая безграничное доверие вице-королю, делает все возможное с помощью самого тонкого интригана в мире, чтобы вынудить его признаться в изменнических планах, а министр заполняет пачки бумаги заверениями в любви к губернатору и секретарю, насмешками над характером короля, а также обвинениями в измене. и с инструкциями относительно наилучшего способа обмануть его, а затем передать депеши его Величеству для исправления и расширения. Для полноты картины видно, как монарх и его министр убеждают в необходимости убийства выдающегося человека эпохи того самого обманщика, который в течение года сам должен был быть убит той же парой; в то время как главный заговорщик, управляющий всеми этими сложными проектами, в равной степени лжет королю, губернатору и секретарю и вовлекает всех остальных на эти слепые и извилистые пути для достижения своих собственных тайных и самых низменных целей.

В ответ на письма Переса дон Джон постоянно выражал удовлетворение и утешение, которые он получал от них в разгар своих неприятностей. "Он был очень безутешен, - сказал он, - оказавшись в этом аду и вынужденный оставаться в нем" теперь, когда английский заговорпровалился, но, тем не менее, он наберется терпения и будет ждать более благоприятного стечения обстоятельств.

Однако Эсковедо выразил мнение, несмотря на все предложения Переса, что присутствие дона Джона в провинциях стало совершенно излишним. "Старуха с прялкой, - предположил секретарь, - была бы более уместна, потому что, будь воля штатов, ничего не оставалось бы делать, кроме как подписывать все, что они прикажут". Если бы началась война, его высочество, конечно, не покинул бы свой пост, даже если бы ему разрешили это сделать; но в противном случае длительное пребывание здесь ничего не дало бы. Что касается плана убийства принца Оранского, Эсковедо молился, чтобы Перес поверил, что он не способен на небрежность в этом вопросе. "Вы знаете, что вкус Апельсина очень близок моему сердцу", - писал бедняга человеку, с которым ему самому так скоро предстояло покончить. "Вы можете поверить, что я никогда не забывал об этом и никогда не забуду, пока это не будет сделано. Однако для достижения этой цели необходимо много, и очень искусно. Трудно найти подходящего человека для выполнения задачи, сопряженной с такой хорошо известной опасностью. Тем не менее, я не отвлекусь от этой темы до тех пор, пока такой человек не будет найден и дело не будет сделано".

Месяц спустя Эсковедо написал, что собирается посетить Испанию. Он жаловался, что в преклонном возрасте ему требуется отдых, но что Перес может судить, сколько отдыха он может получить при таком положении дел. К сожалению, когда он писал, он не знал, как скоро его корреспондентка должна была подарить ему долгий отдых. Он также сказал, что удовольствие от посещения его дома уравнивалось необходимостью возвращения в Нидерланды; но он не знал, что Перес избавит его от этих хлопот и отправит в гораздо более длительное путешествие.

Генерал-губернатор, по правде говоря, не внушал доверия народной партии или ее лидеру и ни в малейшей степени не полагался на них. Находясь в Лувене, он жаловался, что был составлен заговор против его жизни и свободы. Два французских джентльмена, Бонниве и Беллангревиль, были арестованы по подозрению в заговоре с целью обезопасить его личность и переправить пленным в Рошель. Из последовавшего допроса ничего не вышло; пленники были освобождены, и генеральные штаты послали извинения герцогу Алансонскому как за оскорбление, нанесенное двум его слугам, так и за подозрение, которое было брошено на него самого, однако дон Джон не был удовлетворен. Он настойчиво утверждал о существовании заговора и не скрывал своего убеждения в том, что принц Оранский был знаком с этим соглашением. Как можно предположить, в ходе расследования не было обнаружено ничего, что могло бы обвинить этого проницательного политика. Принц действительно тайно рекомендовал взять губернатора под стражу по его первому прибытию, но не с целью убийства или нанесения телесных повреждений, а для того, чтобы вымогать у Филиппа лучшие условия из-за привязанности или уважения, которые он, как можно было предположить, питал к своему брату. Следует помнить, что также предпринимались безуспешные попытки захватить герцога Алва и командующего Рекесенса. Такие достижения соответствовали духу эпохи, и хотя сомнительно, существовал ли какой-либо хорошо спланированный заговор против свободы губернатора, несомненно, что сам он не испытывал никаких сомнений на этот счет. В дополнение к этим реальным или предполагаемым замыслам, в уме дона Джона постоянно присутствовало сознание того, что энтузиазм, приветствовавший его присутствие, был пустым, что он не испытывал никакой реальной привязанности к его личности, что его судьба завела его в ложное положение, что сердца людей были прикованы к другим, и что ему никогда не завоевать их одному. Инстинктивно он, казалось, чувствовал множество невидимых нитей, сплетающихся вокруг него в ловушку, и мужественное сердце и безграничная сила с тревогой осознали

действие, в котором им предстояло оставаться пленниками до тех пор, пока жизнь не иссякнет окончательно.

Всеобщая привязанность к мятежному принцу и безнадежная преданность народа самому смертоносному из грехов - свободе совести - были одинаково неоспоримы. "Они намерены оставаться свободными, сир, - писал Эсковедо Филиппу, - и жить так, как им заблагорассудится. С этой целью они хотели бы, чтобы турок стал хозяином страны. Однако по дороге, по которой они едут, это будет принц Оранский, что практически одно и то же ". Однако в то же время была выражена надежда, что из этой свободы совести можно что-то сделать. Не все были в равной степени погрязли в этом ужасном суеверии, и те, кто все еще был верен Церкви и королю, могли быть настроены против своих одурманенных собратьев. Таким образом, свобода совести могла быть обращена в ответ. В то время как две великие партии "хватали друг друга за уши и вырывали друг у друга волосы, возможно, все можно было бы свести к минимуму вместе". Тем не менее, его Величество был предупрежден, что следует ожидать худшего и полагать, что спасти страну можно только огнем и кровью. Положение губернатора было болезненным и запутанным. "Дону Джону, - сказал Эсковедо, - тридцать лет. Я ничего не обещаю вашему величеству, за исключением того, что, если он окажется без необходимой помощи, он уйдет сам, когда ваше величество меньше всего будет думать об этом ".

Ничто не могло быть более печальным, чем тон писем губернатора. Он считал, что его не любят, даже несмотря на дружеские демонстрации. Он чувствовал себя вынужденным использовать умеренные советы, хотя считал, что умеренность бесполезна. Он был прикован к своему посту, хотя этот пост, по его мнению, с большей пользой мог бы занять другой. Он по-прежнему старался завоевать расположение людей, хотя и считал их безнадежно отчужденными. Если терпение могло излечить страну от болезни, он считал себя способным применить это средство, хотя лекарство до сих пор приносило мало пользы и хотя у него не было особых надежд относительно его будущих эффектов. "Однако пока, - сказал он, - я подобен вопиющему в пустыне". Он воспользовался случаем, чтобы в очень резких выражениях убедить его Величество в необходимости денег. Секретные агенты, шпионы и шпионы за шпионами были необходимы как никогда и были очень дорогостоящей частью правительственного механизма. Никогда еще деньги не были так нужны. Ничто не могло быть важнее, чем добросовестно выполнять финансовые предложения Эсковедо, и поэтому дон Джон снова и снова призывал его Величество не позорить их проекты. "Деньги - это каша, - сказал он, - с помощью которой мы должны вылечить этого больного человека", и поэтому он молился всем тем, кто желал ему добра, о том, чтобы его Величество не подвел его в этом важном деле. Однако, несмотря на энергичность его усилий и серьезность его намерений, он дал его Величеству лишь слабую надежду на какие-либо ценные плоды только что заключенного перемирия. Он видел, как принц Оранский укреплялся "с великой яростью" в Голландии и Зеландии; он знал, что принца поддерживала королева Англии, которая, несмотря на свои обещания Филиппу и ему самому, предложила свою поддержку мятежникам в случае, если предложенные условия мира будут отвергнуты в Голландии, и он чувствовал, что "почти весь народ был предан принцу".

Дон Джон тоже все больше и больше убеждался, что готовится заговор против его свободы. Сторонников одной партии было так много, а сторонников другой - так мало, что, если бы он однажды был по-настоящему "связан", он утверждал, что ни один человек среди верующих не осмелился бы сдвинуться с места ни на дюйм. Поэтому он сообщил его величеству, что тайно обдумывает отступление в какое-нибудь безопасное место, совершенно справедливо рассудив,

что, если бы он все еще был сам себе хозяин, он смог бы оказывать большее влияние на тех, кто все еще был настроен благожелательно, чем если бы он позволил взять себя в плен. Подавляемая уверенность в том, что он ничего не сможет добиться, кроме как с помощью своего меча, пронзила все его более благоразумные размышления. Он утверждал, что, в конце концов, для тела нет другого средства, кроме как сразу отрезать пораженные части, и поэтому он умолял его Величество предоставить средства для проведения операции красиво. Общие выражения, которые он ранее употреблял в пользу бульонов и мягкого лечения, вряд ли соответствовали рекомендованной таким образом тяжелой ампутации. По правде говоря, между яростью его наклонностей и кандалами, которые были на него наложены, шла постоянная борьба. Он уже чувствовал себя совершенно не в своей тарелке, и хотя ему не хотелось покидать свой пост до тех пор, пока он казался опасным, он больше всего хотел, чтобы король даровал ему отставку, как только его присутствие больше не будет требоваться повелительно. Он был уверен, что народ никогда не поверит в прощение его Величества, пока человек, в отношении которого они питали столько подозрений, не будет устранен; ибо они видели в нем только "молнию гнева его Величества". Оранж и Англия подтвердили их подозрения и поддержали их злобу. Если бы его вынудили против его воли остаться, он предупредил, что может совершить нечто такое, что вызвало бы всеобщее удивление.

Тем временем человек, в руках которого действительно находился вопрос войны и мира, сидел в Мидделбурге, наблюдая за глубоким течением событий, которое медленно приближалось к пропасти. Все население Голландии и Зеландии ухватилось за его слова. Приближаясь к владениям Вильгельма Безмолвного, Дон Джон почувствовал, что попал в заколдованный круг, где талисман его собственного прославленного имени утратил свою силу, где его доблесть была парализована, а его меч безвозвратно заржавел в ножнах. "Здесь люди, - писал он, - очарованы принцем Оранским. Они любят его, они боятся его и хотят видеть своим господином. Они информируют его обо всем и не принимают никаких решений, не посоветовавшись с ним".

В то время как Уильям таким образом направлял и воодушевлял своим духом всю нацию, его ближайшие друзья все больше и больше беспокоились об опасностях, которым он подвергался. Его мать, которая уже видела, как ее младший сын Генрих, ее Адольф, ее рыцарский Людовик были похоронены в окровавленных могилах за дело совести, больше всего заботилась о благополучии своего "возлюбленного господина и сына", принца Оранского. Тем не менее, пылкая пожилая дама была еще больше встревожена возможностью установления мира, при котором религиозная свобода, ради которой было пролито столько дорогой крови, будет недостаточно обеспечена. "Мое сердце жаждет определенных вестей от милорда, - писала она Уильяму, - ибо, как мне кажется, наступивший мир окажется всего лишь угнетением души и совести. Я верю, что нежно любимый господь и сын моего сердца получит поддержку Божественной благодати в том, чтобы ничего не предпринимать против Бога и спасения своей собственной души. "Лучше потерять временное, чем вечное". Так писала мать Уильяма, и мы можем почувствовать сочувственный трепет, который пробудили в его груди такие нежные и возвышенные слова. Его сын, злополучный Филипп, вот уже десять лет вынужденный проживать в Испании, еще не отучился от привязанности к своему благородному родителю, но при каждом удобном случае посылал ему нежные послания, хотя менее похвальное доказательство своей сыновней привязанности он недавно предоставил за счет незадачливого капитана своей испанской гвардии. Этот офицер, посмеявшийся в его присутствии неуважительно отозваться о его отце, был внезапно схвачен разъяренным молодым графом за талию, выброшен из окна и убит насмерть на месте. После такого проявления его естественных чувств испанское правительство сочло

необходимо прибегнуть к более тонким средствам, чтобы укротить столь буйный дух. К сожалению, они оказались успешными.

Граф Джон Нассауский тоже испытывал острую нехватку денег. По меньшей мере шестьсот тысяч флоринов были предоставлены им самим и братьями на помощь делу освобождения Нидерландов. Людовик и он сам без колебаний и немедленно превратили в этот священный фонд сто тысяч крон, подаренных им королем Франции для личного пользования, поскольку не только принц Оранский посвятил свое богатство и свою жизнь делу, но и члены его семьи, менее непосредственно заинтересованные в стране, таким образом предоставили то, что вполне можно назвать огромной субсидией, совершенно несоразмерной их средствам. Они не только отдали всю наличность, какой могли располагать, заложив свои земли и арендную плату, свою посуду и мебель, но, по словам самого графа Джона, "они сняли цепи и драгоценности с шей своих жен, своих детей и своей матери и продавали их повсюду, как если бы сами были торговцами". И все же, даже сейчас, согнувшись под тяжестью этого огромного долга, граф Джон не просил о немедленном погашении. Он написал принцу только для того, чтобы выразить свое крайнее смущение и потребовать каких-либо обязательств или признания от городов Голландии и Зеландии, откуда до сих пор не поступало никаких выражений благодарности.

Принц утешал и заверял, как мог, свою мать, сына, жену и брата, даже в тот самый момент, когда он утешал свой народ. В это же время он также принял второе и более торжественное посольство от дона Джона. Как только губернатор принес присягу в Брюсселе и был признан представителем его Величества, он поспешил предпринять еще одну попытку умиротворить принца. Дон Хуан видел перед собой только великого сеньора высокого происхождения и безграничного влияния, поставившего себя перед короной в ложное положение, из которого он еще мог быть спасен; ибо пожертвовать прихотями преходящего религиозного фанатизма, который на мгновение овладел таким ясным умом, было бы, по его мнению, пустяковой задачей для такого опытного политика, как принц. Вильгельм Оранский, с другой стороны, смотрел на своего молодого противника как на самое блестящее воплощение грязного духа преследования, которое когда-либо видели.

Необходимо будет проследить, несколько более подробно, чем это обычно желательно, за обменом разговорами, письмами и протоколами, из которых состояло краткое, но важное управление Дона Джона; ибо именно в таких проявлениях действительно протекала великая битва. Дон Джон имел в виду мир, мудрый Уильям имел в виду войну, поскольку он знал, что другого выхода не было. Мир, в действительности, был войной в ее худшей форме. Мир развязал бы каждый священнический язык и обнажил бы каждый рыцарский меч в пятнадцати провинциях против маленькой Голландии и Зеландии. Он смог связать все провинции воедино наспех выкованной цепью Гентского мирного договора и сделал все, что мог, чтобы укрепить этот союз на основе принципа взаимного религиозного уважения. К приезду дона Джона эта работа была приостановлена. Однако принцу не удалось полностью внедрить свои собственные идеи по вопросу терпимости в сердца своих ближайших соратников. Он не мог надеяться внушить своим смертельным врагам более глубокое сочувствие. Разве он сам не был объектом порицания среди реформаторов из-за своей снисходительности к католикам? Более того, разве его ближайший советник, совершенная святая Альдегонда, не была в отчаянии из-за того, что принц отказался лишить голландских анабаптистов прав гражданства? В тот самый момент, когда Вильгельм напрягал все свои нервы, чтобы объединить враждующие секты и склонить

сердца людей ксистеме, при которой их совесть должна была быть открыта только Богу, — в тот самый момент, когда для самого существования отечества было наиболее необходимо, чтобы католики и протестанты смешали свои социальные и политические отношения, для него было поистине горьким разочарованием видеть, что мудрые государственные деятели его собственного вероисповедания неспособны возвыситься до идеи терпимости. "Дело анабаптистов, - писала святая Альдегонда, - возобновилось. Принц возражает против исключения их из гражданства. Он резко ответил мне, что их согласие равносильно нашей клятве, и что нам не следует настаивать на этом вопросе, если мы не хотим признаться, что паписты справедливо принуждали нас к богослужению, которое было противно нашей совести". Кажется маловероятным, что эта фраза, содержащая столь возвышенную дань уважения характеру принца, была воспринята как горькое порицание, да к тому же со стороны просвещенного и образованного протестанта. "Короче говоря, - продолжала святая Альдегонда с возрастающей досадой, - я не вижу, как мы можем осуществить наше желание в этом вопросе. Принц высказывал мне упреки в том, что наше духовенство стремится овладеть совестью. Недавно он похвалил высказывание монаха, который не так давно был здесь, о том, что наш котелок не так часто отправлялся на огонь, как у наших противников, но что, когда придет время, он будет достаточно черным. Короче говоря, принц опасается, что через несколько столетий клерикальная тирания с обеих сторон будет стоять в этом отношении на одном уровне".

В начале мая доктор Леонинус и Каспар Шец, сеньор де Гроббендонок, были отправлены с миссией генеральных штатов к принцу Оранскому. Пока их переговоры все еще продолжались, в Мидделбург прибыли четыре специальных посланника от дона Иоанна. К этой комиссии неофициально присоединился Леонин, сменивший Виглия на общем посту. Виль был мертв. Со времени достопамятного ареста Государственного совета он не появлялся на сцене общественных дел. Домашний арест, к которому его принудил революционный комитет, был продлен высшей властью на неопределенный срок, и после продолжительной болезни он бесшумно исчез со сцены. Было немного более сведущих докторов обоих законов, чем он. Было немного более ловких политиков, рассматриваемых с его точки зрения. Его каламбуром было "Vita mortalium vigilia", и он действовал соответственно, но с узкой интерпретацией. Его жизнь действительно была бдением, но следует признать, что бдения эти были ради Виглия.

[Бор, х. 812. Метерен, vi. 120. — Другим его девизом было: "Хороший юрист, лучше Христа"; то есть хороший юрист - плохой христианин.— К сожалению, его собственный персонаж не смог удовлетворительно передать ложь устройству.]

Пострадавший от непогоды "Палинур", как он любил себя называть, вел свое плавание так осторожно, что спас весь свой груз; и в конце концов погиб в порту, в то время как другие, плывшие не по его компасу, все еще были раскачаны бурей.

Агентами дона Джона были герцог Эршо, сеньор де Иержес, сеньор де Виллерваль и доктор Миткерке в сопровождении доктора Эндрю Гейла, одного из имперских уполномоченных. К депутации были добавлены два посланника генеральных штатов, Леонин и Шец, присутствовавшие в Гертруденберге. Состоялась важная конференция, подробности которой сохранились довольно скудно. Принц Оранский, сопровождаемый Святой Альдегондой и четырьмя другими членами совета, встретился с семью чемпионами из Брюсселя в долгих дебатах, которые больше походили на поединок с оружием в руках или испытание мастерства,

чем на дружескую беседу с перспективой мирного исхода; ибо следует помнить, что принц Оранский не имел в виду мира. Он задумал умиротворение Гента как объединение других провинций с Голландией и Зеландией против Филиппа. Он не намеревался превращать это в союз других провинций с Филиппом против Голландии и Зеландии.

Первым заговорил Миткерке. Он сказал, что губернатор отправил их принцу, чтобы выразить свои добрые намерения, продемонстрировать верность, с которой до сих пор выполнялись его обещания, и умолять принца вместе с провинциями Голландия и Зеландия объединиться со своими братскими провинциями в общей верности его Величеству. Его Высочество также предложил проконсультироваться с ними относительно надлежащего метода созыва генеральных штатов. Как только Миткерке закончил свои наблюдения, принц потребовал, чтобы пункты и статьи были переданы ему в письменном виде. Это было именно то, что посланники предпочли опустить. Было легче и гораздо приятнее распространяться на общем поле полемики, чем оставаться привязанным к отдельным пунктам. Именно на этих запутанных конференциях, где ни одна из сторон не была полностью искренна, изменчивое слово считалось предпочтительнее постоянной буквы. В ходе этих неустойчивых переговоров было прослежено уже так много неясных линий, что при необходимости несколько дополнительных записей были бы стерты так же быстро, как и остальные.

Члены комиссии, пошептавшись друг другу на ухо в течение нескольких минут, отказались изложить что-либо письменно. Протоколы, по их словам, только порождают путаницу.

"Нет, нет", - сказал тот. Принц в ответ: "У нас не будет ничего, кроме черного и белого. В противном случае с обеих сторон будут высказаны вещи, которые впоследствии будут истолкованы по-разному. Более того, будет отрицаться, что какие-то важные моменты вообще обсуждались. Мы знаем это по опыту. Посмотрите на торжественный Гентский мирный договор, который вы пытались сделать бесплодным под предлогом того, что некоторые пункты, передаваемые из уст в уста и не изложенные конкретно в письменной форме, имели смысл, отличный от очевидного. Правительства, предоставленные королевской комиссией, например; какой пункт может быть более ясным? Тем не менее, вы искали умолчания и придирки, чтобы затемнить намерения договаривающихся сторон. Вы отрицаете мою власть над Утрехтом, потому что это прямо не упомянуто в Гентском договоре".

"Но, - сказал один из послов, прерывая его на этом этапе, - ни Государственный совет, ни суд Мехлина не считают Утрехт принадлежащим правительству вашего превосходительства".

"Ни Государственный совет, - ответил принц, - ни Суд Мехлина не имеют к этому никакого отношения. Это входит в мои обязанности, и весь мир это знает". Он добавил, что вместо того, чтобы приводить дела в замешательство из-за того, что их сводят к письменной форме, он, напротив, придерживается мнения, что только таким образом их можно внести в них полную ясность.

Леонин добродушно ответил, что на этот счет не должно возникнуть никаких трудностей и что следует обмениваться записями. Тем временем, однако, он выразил надежду, что принц окажет им честь и предоставит некоторую предварительную информацию относительно пунктов, по которым он чувствовал себя ущемленным, а также об обязательствах, которые он и штаты были склонны требовать.

- И какие у нас есть основания надеяться, - воскликнул принц, - что ваши обещания, если они будут даны, будут выполнены? То, что было так торжественно обещано в Генте и подтверждено доном Джоном и его Величеством, не было выполнено".

"На что конкретно вы жалуетесь?" - спросил Шец. "В чем было нарушено Перемирие?"

После этого принц разразился потоком брани. Он рассказал им о своем сыне, находящемся в далеком плену, о том, что его собственная собственность в Бреде была конфискована, о тысячах конфискованных поместий, о гарнизонах немецких наемников, об уничтожении древних конституций, о печально известных эдиктах, номинально приостановленных, но фактически действующих в полную силу. Он горько жаловался на то, что цитадели, эти гнезда и логова тирании, еще не снесены. "Вы обвиняете меня в недоверии, - воскликнул он, - но в то время как замки Антверпена, Гента, Намюра и многих других стоят, вы сами показываете, насколько вы совершенно не уверены в каком-либо постоянном и мирном устройстве".

"И что же, - вкрадчиво спросил депутат, - касается вас больше всего? Чего ваше превосходительство желает больше всего?" Какими средствами правительство сможет полностью обеспечить вам удовлетворение?"

"Я желаю, - просто ответил он, - полного выполнения Гентского соглашения об умиротворении. Если вы заботитесь об общем благосостоянии страны, то это хорошо, и я благодарю вас. Если нет, то бесполезно делать предложения, поскольку я забочусь о выгоде моей страны, а не о своей собственной".

После этого принц просто повторил свое требование о выполнении Гентского договора; добавив, что после того, как будут собраны генеральные штаты, настанет время предложить необходимые статьи для обеспечения взаимной безопасности.

Вслед за этим доктор Леонинус заметил, что ассамблея генеральных штатов вряд ли может оставаться без опасности. Он намекал на огромное количество людей, которые таким образом будут созваны, на огромное несоответствие настроений, которое таким образом проявится. Многие мужчины не будут присутствовать ни осмотрительными, ни опытными. Поэтому он несколько хладнокровно предположил, что, возможно, было бы лучше вообще отказаться от проведения какой-либо генеральной ассамблеи. Дружеское совещание ради разрешения сомнительных вопросов сделало бы созыв излишним и спасло бы страну от опасностей, которыми был бы сопряжен этот шаг. В заключение Доктор сослался на недавние ассамблеи Франции, единственным результатом которых стали новые разногласия. Таким образом, оказалось, что предложение со стороны дона Джона означало нечто совершенно отличное от его очевидного значения. Посоветоваться с принцем относительно надлежащего метода объединения поместий на самом деле означало посоветоваться с ним относительно наилучших средств предотвращения любого подобного собрания. Здесь, безусловно, была веская причина для предпочтения, выраженного депутатами, дружеским обсуждениям, а не формальным протоколам. Возможно, в письменном документе будет не так-то просто сделать так, чтобы сборка и предотвращение сборки отображались в точности одинаково.

Принц ответил, что существует большая разница между состоянием Франции и Нидерландов. Здесь была одна воля и одно намерение. Там было много фракций, много пристрастий, много семейных интриг. Поскольку в Гентском договоре было оговорено, что определенные пункты должны быть временно сохранены, а другие урегулированы путем скорейшего созыва

генеральных штатов, самым простым решением было сохранить временные пункты и немедленно созвать генеральные штаты. Это, безусловно, было кратко и логично. Однако сомнительно, действительно ли он так беспокоился за генеральную ассамблею, как это казалось. Обе партии фехтовали друг с другом, без какого-либо реального намерения отстаивать свои позиции, поскольку ни одна из них нежелала созыва, в то время как обе изображали нетерпение к этому событию. Разговор продолжался.

"По крайней мере, - сказал посланник, - вы можете заранее сказать, в чем вы огорчены и что вы можете предложить".

"Мы ни в чем не виноваты, и нам нечего предложить, - ответил принц, - до тех пор, пока вы поддерживаете Перемирие. Мы не требуем никаких других обязательств и готовы впоследствии передать все на рассмотрение ассамблеи".

"Но, - спросил Шец, - какие гарантии вы предлагаете нам в том, что сами будете поддерживать Перемирие?"

"Мы не обязаны давать гарантий", - ответил принц. "Умиротворение само по себе является гарантией. Это временное соглашение, которое будет поддерживаться обеими сторонами до принятия решения ассамблеей. Следовательно, перемирие должно быть сохранено или дезавуировано. Выбирайте между двумя вариантами. Только, если вы все еще намерены признавать это, вы должны сохранить его статьи. Мы намерены это сделать, и если до настоящего времени у вас есть какие-либо жалобы на наше поведение, а мы надеемся, что у вас их нет, мы готовы предоставить вам удовлетворение".

"Короче говоря, - сказал посланник, - вы имеете в виду, что после того, как мы передадим в ваши руки правительство Утрехта, Амстердама и других мест, вы должны отказать нам в каких-либо обещаниях с вашей стороны поддерживать Мир".

"Но, - возразил принц, - если мы уже достигли Умиротворения, чего еще вы хотите?"

"Таким образом, - воскликнули остальные, - получив все, что вы просите, и укрепившись таким образом больше, чем вы когда-либо укреплялись прежде, вы пойдете войной на нас".

- Войны? - воскликнул принц. - Чего ты боишься? Мы всего лишь горстка людей, червяк по сравнению с королем Испании. Более того, вас пятнадцать провинций против двух. Чего вам бояться?"

"Ах, - сказал Миткерке, - мы видели, на что вы были способны, когда были хозяевами моря. Неставляйте себя такими ничтожествами".

"Но, - сказал принц, - Умиротворение Гента предусматривает все это. Ваши депутаты были полностью удовлетворены гарантиями, которые оно предоставило. Что касается войны с вами, то это вещь без основания или видимости вероятности. Если бы вы тогда верили, что вам есть чего бояться, вы, мир, не забыли бы потребовать достаточных обещаний. Напротив, вы видели, как грубо мы тогда обошлись с вами, честно опозорив страну, еще до того, как был заключен мир. Что касается нас самих, то, хотя мы чувствовали себя вправе требовать гарантий, мы бы не стали этого делать, поскольку вели с вами переговоры на условиях доверия. Мы

недвусмысленно заявили, что если бы имели дело с королем, то потребовали бы более строгих обязательств. Что касается того, чтобы требовать их от нас в данный момент, то это нонсенс. У нас нет ни средств напасть на вас, ни мы не считаем это целесообразным".

"По правде говоря, - ответил Шец, - мы действительно уверены, что вы не станете воевать с нами. Однако, с другой стороны, мы видим, что вы ежедневно распространяете свою религию, вместо того чтобы ограничивать ее рамками своих провинций. Какие гарантии вы даете нам в том, что после того, как все ваши требования будут удовлетворены, вы не внесете никаких новшеств в религию?"

"Гарантия, которую мы даем вам, - ответил принц, - заключается в том, что мы действительно добьемся Умиротворения".

"Но, - настаивал Шец, - честно ли вы обещаете подчиняться всему, что установят генеральные штаты, как в этом вопросе религиозных обрядов в Голландии и Зеландии, так и во всех других?"

Это был точный удар. Принц некоторое время парировал его. В своих тайных мыслях он не ожидал и не желал, чтобы генеральные штаты, торжественно созванные генерал-губернатором на основании достопамятного собрания, перед которым была проведена великая церемония императорского отречения, когда-либо провели свое заседание, и хотя он не ожидал, что такое собрание запретит реформатское богослужение в Голландии и Зеландии, если оно состоится, он не собирался подчиняться ему, даже если бы оно было сделано.

"Я не могу сказать, - соответственно сказал он в ответ на последний вопрос, - потому что вы сами уже нарушили Перемирие, заключив соглашение с доном Джоном без нашего согласия и уже приняв его в качестве губернатора".

"То есть вы не имеете в виду, - ответил Шец, - согласиться с решением штатов?"

- Я этого не говорю, - возразил принц, продолжая парировать. - Возможно, мы могли бы принять это; возможно, мы могли бы и не принять. Мы больше не пользуемся всеми нашими правами, какими были во время нашей первой подачи в Генте".

"Но мы сделаем тебя целым", - сказал Шец.

"Этого ты не можешь сделать, - ответил принц, - потому что ты разрушил весь Мир вдребезги. Поэтому нам нечего ожидать от штатов, кроме немедленного осуждения.

- Значит, вы не имеете в виду, - повторил Шец, - подчиняться сословиям, касающимся отправления религиозных обрядов?

"Нет, не хотим!" - ответил принц, наконец загнанный в угол и в свою очередь наносящий удар. "Конечно, не хотим. По правде говоря, мы видим, что вы намерены нас уничтожить, а мы не хотим, чтобы нас уничтожали".

- Ого! - воскликнул герцог Эршотский. - никто этого не желает.

"В самом деле, но ты знаешь", - сказал принц. "Мы подчинились вам по доброй воле, и теперь вы хотите заставить нас и весь мир придерживаться исключительно католической религии. Этого нельзя сделать иначе, как уничтожив нас".

Затем последовала долгая, ученая, яростная дискуссия на отвлеченные темы между святой Альдегондой, Леонином и доктором Гейлом, во время которой принц, удовлетворившись результатом совещания, удалился из комнаты. Впоследствии у него состоялось частное совещание с Щецем и Леонином, на котором он упрекнул их в склонности превратить свое отечество в рабство. Он также воспользовался случаем, чтобы заметить Иергее, что долг - удовлетворять народ; что все, что может быть сделано для них, долговечно, в то время как воля королей гибнет. Он сказал герцогу Эрсхотскому, что, если Утрехт не будет восстановлен, он возьмет его силой. Он предупредил герцога, что доверять королю - значит рисковать головой. Он, по крайней мере, никогда не стал бы доверять ему, поскольку его слишком часто обманывали. Король лелеял максимум "еретик не имеет права служить"; что касается его самого, то он был "кальбо и кальбаниста" и собирался умереть таким образом.

Вскоре после этого состоялся официальный обмен документами. Однако состоявшийся таким образом разговор между различными сторонами показывает точное положение дел. Намерения ни реформаторов, ни роялистов не изменились. Филипп и его представители по-прежнему боролись за два пункта и восхваляли умеренность за то, что их требования были столь немногочисленны. Они были готовы уступить всему, кроме неограниченной власти короля и исключительного сохранения католической религии. Принц Оранский, со своей стороны, также выдвинул два требования — к древним конституциям страны и свободе вероисповедания. Было достаточно очевидно, что конкурс на самом деле был таким же, каким он был всегда. Не было сделано ни малейшего приближения к примирению абсолютизма с национальной свободой, преследований с веротерпимостью. Умиротворение Гента было шагом вперед. Этот Договор открыл дверь к гражданской и религиозной свободе, но это было соглашение между провинциями, а не договор между народом и монархом. Брюссельские казуисты и лиценциаты Лувена, безусловно, догматически объявили его ортодоксальным и подтвердили королевским эдиктом. Однако полагать, что его католическое величество верит в предложенные догмы, было таким же абсурдом, как верить в сами догмы. Если Гентское умиротворение действительно не нарушило королевской и римской непогрешимости, то усилия Оранского и ликование реформаторов действительно были напрасными.

Соответственно, посланники, следуя своим инструкциям, сделали официальное заявление принцу Оранскому и штатам Голландия и Зеландия от имени дона Джона. Они ссылались на уход испанцев, как будто это само по себе выполняло все обязанности и подтверждало все претензии. Поэтому они потребовали немедленной публикации в Голландии и Зеландии Бессрочного эдикта. Они настаивали на немедленном прекращении всех враждебных попыток подчинить Амстердам юрисдикции Оранжа; требовали, чтобы принц отказался от своих притязаний на Утрехт, и осуждали усилия, предпринимаемые им и его сторонниками по распространению своих еретических доктрин в других провинциях. В заключение они отметили, что общий вопрос о религии не подлежит рассмотрению, поскольку в соответствии с Гентским договором он оставлен на рассмотрение генеральных штатов.

В ответе, доставленном на следующий день принцем Оранским и депутатами, утверждалось, что Бессрочный эдикт сильно отличается от Замирения Гента, которое он якобы соблюдал; что обещания воздерживаться от любых нарушений древних конституций не были выполнены; что немецкие войска не были распущены, что собственность принца в Нидерландах и Бургундии не была восстановлена, что его сын содержался в плену, что правительство Утрехта было отнято у него, что уставы и конституция страны, вместо того чтобы быть расширенными, были отменены.

был заключен контракт, и что губернатор претендовал на право созывать генеральные штаты по своему усмотрению, в нарушение древнего права собираться по своему усмотрению. Далее в документе жаловались на то, что приверженцам реформатской религии не разрешалось свободно посещать различные провинции в соответствии с условиями Гента; что дон Джон, несмотря на все эти недостатки, был признан генерал-губернатором без согласия принца; что он был окружен свитой испанцев, итальянцев и других иностранцев - Гонзага, Эсковедо и им подобных — а также нидерландцами—ренегатами, такими как Тассис, которые оказали на него чрезмерное влияние против страны и народа и которые "вернули ему власть". дверь постоянно оставалась открытой "для впуска неисчислимых зол. Наконец, утверждалось, что посредством этого последнего акта объединения была введена новая форма инквизиции, которая была гораздо более жестокой, чем старая система; поскольку испанская инквизиция не собирала информацию против людей, за исключением подозрений, тогда как согласно новому процессу весь мир будет проверен на предмет их совести и религии под предлогом сохранения союза.

Таков был результат этой второй миссии генерал-губернатора к принцу Оранскому. Другой дон Джон так и не отправил. Мечи теперь находились поровну между противниками, и ножны вскоре должны были быть выброшены. Несколько недель спустя губернатор написал Филиппу, что нет ничего в мире, что Вильгельм Оранский ненавидел бы так сильно, как его величество; добавив, с кастильским преувеличением, что если бы принц мог выпить королевской крови, он сделал бы это с большим удовольствием.

У дона Джона, сидевшего таким образом в седле, появилась минутка досуга, чтобы оглядеться вокруг. Это длилось всего лишь мгновение, поскольку он мало верил в ход событий, но один из его первых поступков после прихода к власти послужил доказательством принятой им интерпретации Гентского перемирия. Был издан эдикт, адресованный всем епископам, "наставникам еретиков" и провинциальным советам, предписывающий строгое соблюдение Тридентских канонов и других церковных указов. Эти власти были немедленно призваны проявлять повышенное внимание к стадам, находящимся под их опекой, "и защищать их от хищных волков, которые пытались их сожрать".

Эта мера принесла мгновенные плоды. Несчастный портной из Мехлина, Питер Пенис по имени, честный человек, но еретик, был арестован по обвинению в том, что проповедовал или увещевал на собрании в этом городе. Он признался, что присутствовал на собрании, но отрицал, что проповедовал. Затем от него потребовали изобличить других присутствовавших и мужчин, которые действительно совершали богослужение. Он отказался и был приговорен к смертной казни. Принц Оранский, пока шел процесс, написал серьезное письмо совету Мехлина, умоляя их не разжигать сейчас огонь религиозных преследований. Его мольбы были напрасны. Бедный портной был обезглавлен в Мехлине 15 июня, Завоеватель Лепанто присутствовал при казни и придавал этой сцене величия. Таким образом, в тот момент, когда Вильгельм Оранский защищал анабаптистов Мидделбурга в их правах гражданства, даже когда они отказывались от своих обязательств, сын императора обмакивал руки в кровь бедняги, который не причинил никакого вреда, кроме как выслушал молитву, не осуждая проповедника. Самые близкие друзья принца были оскорблены его щедростью. Императорская тень отца дона Джона могла бы подняться, чтобы одобрить сына, который так покорно возродил его кровавые эдикты и его безжалостную политику.

Теперь фактически существовали три партии: дворяне, ненавидевшие испанцев, но склонные держаться в стороне от народа; приверженцы дона Джона, обычно называемые "йоханистами"; и сторонники принца Оранского — ибо Вильгельм Молчаливый всегда чувствовал необходимость опираться в поисках поддержки на что-то более существенное, чем придворная партия, тростинка, колеблемая ветром, и терпящая неудачу всегда, когда на нее больше всего полагались. Его усилия были постоянными по возвышению среднего класса, созданию сильной третьей партии, которая должна была объединить большую часть значительного богатства и интеллекта страны, постоянно черпая силу из народа и национального энтузиазма — партии, которая должна была включать в себя почти весь политический потенциал страны; и его усилия увенчались успехом. Несомненно, губернатор и его секретарь были правы, когда говорили, что народ Нидерландов был склонен принять турка так же легко, как испанца своего господина, и что на самом деле их сердца были преданы принцу Оранскому.

Что касается вельмож, то они были в основном из тех, кто, по выражению принца, "стремился плавать между двух вод". Было лишь несколько непоколебимых сторонников испанского правления, таких как семьи Берлаймонт и Тассис. Остальные ежедневно менялись с попутным ветром. Эршо, великий вождь католической партии, был всего лишь пресмыкающимся придворным, лживым и заискивающим как перед доном Джоном, так и перед принцем. Он стремился сыграть ведущую роль в великую эпоху; он отличился только тем, что ухаживал за всеми партиями и предавал их, и был всеми отвергнут. Его сын и брат вряд ли были более респектабельными. Принц знал, как мало можно полагаться на таких союзников, даже несмотря на то, что они подписали Гентское перемирие и поклялись в нем. Он также понимал, как мало в намерения губернатора входило быть связанным этим знаменитым Договором. Испанские войска действительно были распущены, но на службе короля все еще оставалось от десяти до пятнадцати тысяч немецких наемников; они были расквартированы в различных важных местах и прочно удерживали цитадели. Великие ключи от страны все еще находились в руках испанцев. Эршо, действительно, управлял замком Антверпен вместо Санчо д'Авилы, но насколько более дружелюбным мог быть Эршо, чем Авила, когда интересы побудили его поддержать дона Джона в борьбе с принцем?

Тем временем поместья, согласно своему контракту, напрягали все силы, чтобы собрать необходимую сумму для выплаты жалованья немецким войскам. Были сделаны справедливые предложения, по которым солдаты должны были получить определенную долю причитающейся им задолженности в виде товаров, а остальную часть наличными. Соглашение было отклонено по тайному указанию дона Джона. В то время как губернатор изображал искреннее желание помочь сословиям в их усилиях освободиться от оставшейся части этого бремени, он тайно вмешивался в дела ведущих немецких офицеров, чтобы помешать им принять какие-либо предложенные условия. Он убедил этих военачальников в существовании заговора, в результате которого они будут лишены не только жалованья, но и жизни. Он предупредил их, чтобы они не прислушивались ни к каким обещаниям и не принимали никаких условий. Убедив их, что он, и только он, был их другом, он разработал секретные планы, с помощью которых они должны были помочь ему захватить крепости страны в еще более безопасное владение, поскольку он был не более склонен доверять Эршотам и Гаврам, чем сам принц.

Губернатор жил в значительной опасности и еще больше боялся поимки, если не убийства. Его воображение, возбужденное бесконечными рассказами о засадах и наполовину раскрытых заговорах, видело вооруженных солдат за каждым кустом; ловушки на каждой улице. Разве

грозный Альва не был почти взят в плен? Разве Людовик Нассауский едва не заманил Великого Командующего в ловушку? Без сомнения, принц Оранский желал совершить подвиг, благодаря которому он занял бы в отношении Филиппа выгодное положение, которое король получил, захватив графа Ван Бюрена, и дон Джон не нуждался в предупреждениях, исходящих из источников, далеко не малоизвестных. В мае виконт Де Ганд пробрался к его постели глубокой ночью и, разбудив его ото сна, с большой торжественностью заверил его, что его жизнь не стоит и ломаного гроша, если он останется в Брюсселе. Он сказал, что ему было известно о заговоре, в результате которого его свобода и его жизнь оказались под угрозой, и заверил его, что его единственная безопасность - в немедленном бегстве.

Губернатор бежал в Мехлин, где вскоре те же предупреждения были возобновлены, поскольку торжественного принесения в жертву Питера Паниса, бедного портного-проповедника из этого города, было недостаточно, чтобы вселить ужас в сердца всех нидерландцев. Однажды, ближе к концу июня, герцог Эршо, выезжая верхом с доном Джоном, подробно рассказал ему о заговорах, старых и новых, существование которых он обнаружил или выдумал, и показал копию секретного письма, написанного принцем Оранским в поместья, в котором он рекомендовал насильственный захват его высочества. Это правда, что герцог в тот период и долгое время после был в условиях самой "братской дружбы" с принцем и имел привычку подписываться "своим очень любящим братом и сердечным другом, готовым служить ему", но это не помешало ему выполнить то, что он считал своим долгом, тайно разоблачая его планы, также верно, что он в то же время предоставлял принцу частную информацию о правительстве и отправлял ему перехваченные письма от его врагов, таким образом, облегчая свою совесть с обеих сторон и подгоняя его паруса под любой ветер, который только мог ему подойти. может взорваться. Однако теперь герцог напомнил его высочеству о невежестве, с которым с ним обошлись в Брюсселе, о дерзких угрозах, с которыми горожане преследовали его слуг и секретарей даже до самых дверей его дворца. Он заверил его, что то же самое чувство существует и в Мехлине, и что ни он сам, ни его семья там не в большей безопасности, чем в столице, где полностью организован заговор для обеспечения безопасности его личности. Заговорщиков, по его словам, открыто поддерживала крупная политическая партия, называвшая себя антиоханистами и одевавшаяся в символические костюмы, как это делали недовольные во времена кардинала Гранвелле. Он заверил губернатора, что почти все члены генеральных штатов были замешаны в этих махинациях. "И что же тогда получается из их обещаний?" - спросил Дон Джон. - Это за их обещания! - воскликнул герцог, щелкнув пальцами. - Теперь ни один человек в стране не чувствует себя связанным обязательствами. Губернатор потребовал, чтобы штаты таким образом стремились лишиться его свободы. Герцог сообщил ему, что это было сделано для того, чтобы держать его в плену до тех пор, пока они не заставят его подписать все бумаги, которые они захотят ему предоставить. Подобные вещи делались в Нидерландах в прежние времена, заметил герцог, продолжая повествование о том, как предшественник его высочества и принц страны, после того как его заставили подписать бесчисленные документы, был в заключение выброшен из окон своего собственного дворца со всей своей свитой, чтобы погибнуть от копий мятежной толпы внизу. Губернатор возразил, что сыну Карла Пятого и представителю его католического величества не подобает слышать подобные намеки во второй раз. После возвращения он несколько дней размышлял над тем, что ему сказали, а затем закрыл свое заведение в Мехлине, распродав лишнюю мебель и даже вино из своих погребов. Таким образом, показав, что его отсутствие как в Брюсселе, так и в

Мехлине будет длительным, он снова воспользовался непредвиденным обстоятельством, чтобы сменить место жительства.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Хороший юрист - плохой христианин

Хвалил умеренность за то, что их требований было так мало

Запутанные конференции, на которых ни одна из сторон не была полностью искренна

Обычные клятвы, которые следует соблюдать с обычной добросовестностью

Самый смертоносный из грехов - свобода совести

Я забочусь о выгоде своей страны, а не о своей собственной

Не нарушил королевской и римской непогрешимости

Ни один из них не желал созыва, хотя оба изображали нетерпение

Наш котелок не так часто отправлялся на огонь

Мир, на самом деле, был войной в ее худшей форме

Те, кто "стремился плавать между двух вод"

Изменчивое слово считалось предпочтительнее постоянной буквы

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 28

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА III.

Город Намюр—Маргарита Валуа—Ее интриги в Эно в пользу Алансона—Ее прием доном Джоном в Намюре—Празднества в ее честь—Захват доном Джоном цитадели Намюра—План захвата Антверпена—Письмо о поместьях Филиппу, отправленное Эсковедо—Состояние и судьба Эсковедо в Мадриде—Ремонт дамб—Визит принца в Голландию—Его письмо генеральному управлению по поводу цитадели Намюра—Его визит в Утрехт—Переписка и уполномоченные между доном Джоном и сословия—Язвительный и страстный характер этих бесед—Попытка Треслонга атаковать цитадель Антверпена, сорванная Де Бирсом—Удачная паника немецких наемников—Антверпен эвакуирован иностранными войсками—Возобновленная переписка—Смелость требований губернатора—Перехваченные письма Эсковедо и других—Частные планы дона Джона, непонятые сословиями—Его письмо вдовствующей императрице—Дополнительная переписка с сословиями—Болезненная и ложная позиция губернатора—Частичное разрушение цитадели Антверпена и других крепостей Статуей патриотов Альвы—Письмо генерального штаба за короля.

В Нидерландах было немного городов, более живописных по своему положению, более опрятно построенных и более роскошных по внешнему виду, чем маленький городок Намюр.

Расположенный у слияния Сомбре с Маасом и перекинувший через каждую реку мост прочной, но изящной конструкции, он лежал на лоне самой плодородной долины. За границей равнина в форме полумесяца, окаймленная быстрым Маасом и окруженная пологими холмами, возделанными до самых гребней, или крутыми известняковыми обрывами, увенчанными зеленью, была разделена многочисленными живыми изгородями и повсюду усеяна кукурузными полями, виноградниками и цветочными садами. Многие глаза с восторгом

смотрели на эту хорошо известную и самую прекрасную долину, и много потоков крови смешалось с этими сверкающими водами с той давно похороненной и самой кровавой эпохи, которая составляет нашу тему; и все так же безмятежна долина, как всегда, ярко, как всегда, течет ручей. Даже сейчас, как и в то ушедшее, но никогда не забываемое время, маленький городок приютился на перекрестке двух рек; по-прежнему прямо над его головой, кажется, висит в воздухе массивная и хмурая крепость, похожая на гигантский шлем - в художественной литературе, как будто готовый сокрушить карликовый городок внизу.

Именно эта знаменитая цитадель, венчающая крутой обрыв в пятистах футах над руслом реки и расположенная недалеко от границы с Францией, придавала городу такое значение и привлекла внимание донна Джона в этот час его замешательства. Неожиданный визит известной особы дал ему желанный предлог. Прекрасная Маргарита Валуа, королева Наварры, направлялась в термы Спа, чтобы испытать воды. Здоровье ее было столь же безупречно, как и красота, но она бежала от мужа, которого ненавидела, чтобы отстаивать интересы брата, которого любила более чем сестринской нежностью, поскольку никчемный герцог Алансонский был одним из многочисленных конкурентов правительства Нидерландов; переписка между ним и его братом с Оранским и его агентами все еще продолжалась. Однако за пустым перемирием с гугенотами во Франции снова последовала война. Генрих Валуа уже начал боевые действия в Гаскони против Генриха Наваррского, которого он ненавидел почти так же горячо, как это могла сделать сама Маргарита, а герцог Алансонский осаждал Иссуйар. Тем временем прекрасная королева пришла, чтобы соединить золотую нить своих женских интриг с темным сплетением судеб Нидерландов.

Немногие духи были более утонченными, немногие лица - такими роковыми, как у нее. Истинное дитя матери-Медичи, достойной сестры Карла, Генриха и Франциска — принцев, навсегда прославившихся в анналах Франции, — она обладала большей красотой и остроумием, чем Мария Шотландская, большей образованностью и достижениями, чем Елизавета Английская. В сиянии ее красоты, согласно высокопарному выражению ее самого решительного поклонника, расплавились крылья всех соперниц. Небеса требовалось поднять выше, а землю сделать шире, прежде чем можно было дать полный размах ее собственному величественному полету. Далее нам сообщают, что она была Минервой красноречия, что она сочиняла несравненные стихи, которые очень изысканно исполняла под звуки своей лютни, и что ее фамильярные письма были настолько гениальны, что "бедный Цицерон" был для нее всего лишь дураком в той же области сочинительства. Веками мир содрогался от мрачной трагедии ее бракосочетания. Было ли странным, что ненависть, кровосмешение, убийство сопровождали столь отвратительно обставленную свадьбу?

Дон Джон, когда в своем мавританском облике созерцал ее совершенства, почувствовал опасность стать настоящим рабом, которого он изображал — "Ее красота скорее божественна, чем человеческая, - восклицал он, - но она больше подходит для того, чтобы губить человеческие души, чем благословлять их"; и теперь чародейка была на пути к его владениям. Ее дорога вела через Намюр в Льеж, и галантность требовала, чтобы он встретил ее, когда она будет проезжать мимо. Сопровождаемый группой избранных джентльменов и несколькими всадниками из своей личной охраны, губернатор прибыл в Намюр.

Тем временем королева пересекла границу и была любезно принята в Камбре. Епископ - из лояльного дома Берлаймонт - был стойким сторонником короля и, хотя и был фламандцем, был

испанцем до мозга костей. На нем впервые попробовали уговоры прекрасной королевы, но они оказались бессильными. Прелат устроил ей великолепный бал, но устоял перед ее уговорами. Он удалился с появлением кондитерских изделий, но остался губернатор цитадели, сеньор д'Инши, с которым Маргарет добилась большого успеха. Она нашла его искренним ненавистником Испании, сторонником Франции и очень нетерпимым к власти епископа. Он получил разрешение сопровождать королевскую гостью на нескольких этапах ее путешествия и вернулся в Камбре, ее добровольным рабом; в будущем замок принадлежал не королю и не епископу, а только брату Маргариты, Алансону. В Монсе она была с большой помпой принята графом Лаленом, который был губернатором Эно, в то время как графиня управляла им. Неделя празднеств ознаменовала приход королевы, в течение которой сердца как Лалена, так и его жены были полностью покорены. Они согласились, что Фландрия слишком долго была отделена от родительской Франции, которой она по праву принадлежала. Граф был убежденным католиком, но он ненавидел Испанию. Он был родственником Эгмонта и стремился отомстить за его смерть, но он не любил народ и ревновал к Оранж. Более того, его жена была полностью очарована дизайном. Королева. Между двумя прекрасными дамами возникла настолько теплая дружба, что стало необходимым присоединение Фландрии и Эно к Франции. Граф обещал поставить все свое правительство на службу Алансону и рекомендовал предпринять попытку привлечь на свою сторону неподкупного губернатора Камбре. Маргарет не сообщила ему, что уже обвела этого функционера вокруг пальца, но она призвала Лалена и его жену, если возможно, отвратить его от верности.

Затем граф со свитой всадников сопровождал ее по направлению к Намюру, но обернулся, когда вдали послышался топот приближающейся кавалькады дон Джона, поскольку Лалейн в этот момент не хотелось оказаться лицом к лицу с губернатором. Дон Джон постоял с минуту, ожидая прибытия королевы. Ему и во сне не снились ее политические интриги, и он не видел в прекрасном облике приближающегося к нему еще одного смертельного врага. Маргарита путешествовала в великолепных паланкинах с позолоченными колоннами, обтянутых алым бархатом и полностью закрытых стеклом, за которыми следовали паланкины принцессы де ла Рош-сюр-Йон и мадам де Турнон. За ними следовали десять знатных дам верхом на лошадях и шесть колесниц, заполненных служанками. Они, вместе с охраной и другими слугами, составляли свиту. Встретив носилки королевы, дон Джон соскочил с коня и поприветствовал ее. Королева ответила на его приветствие на французский манер, подставив щеку для его объятий, оказав такую же милость герцогу Эршотскому и маркизу Гаврскому. Затем кавалеры снова сели в седла и сопровождали королеву в Намюр, дон Джон ехал рядом с носилками и всю дорогу разговаривал с ней. Был поздний вечер, когда процессия прибыла в город. Улицы, однако, были ярко освещены; дома и магазины, хотя было около полуночи, были залиты ярким светом. Дон Джон, полагая, что никакое внимание не может быть настолько приемлемым в этот час, чтобы обеспечить покой его гостье, сразу же проводил королеву в приготовленные для нее покои. Маргарет была поражена великолепием покоев, в которые ее провели. Просторный и величественный зал, великолепно обставленный, переходил в ряд покоев и кабинетов, достойных по своему назначению королевского дворца. Шатер и покрывала, приготовленные для королевы, были искусно вышиты рукоделием со сценами, изображающими битву при Лепанто. Большой зал был увешан великолепными гобеленами из атласа и бархата, украшенными колоннами рельефной серебряной работы и множеством фигур в старинных костюмах с такой же массивной вышивкой. Остальная мебель также была сделана из атласа, бархата, золотой ткани и парчи. Королева была ослеплена таким великолепием, и один из

придворных не мог не выразить удивления великолепием покоев и убранства, которые, как он заметил герцогу Эршотскому, казались более подходящими для дворца могущественного монарха, чем для апартаментов молодого принца-холостяка. Герцог ответил, объяснив, что дорогая вышивка, которую они увидели, была результатом не экстравагантности, а доблести и великодушия. После битвы при Лепанто дон Джон вернул двух сыновей, взятых в плен могущественным турецким пашой. Отец в знак благодарности прислал этот великолепный гобелен в подарок завоевателю, и дон Джон получил его в Милане; в этом городе, знаменитом вкусом своих обойщиков, он был переделан в мебель.

На следующее утро была отслужена грандиозная месса с военной музыкой, за которой последовал роскошный банкет в большом зале. Дон Джон и королева сидели за столом в трех футах от остальных, и Оттавио Гонзага, стоя на коленях, подавал им вино. За банкетом последовал, как обычно, бал, празднества продолжались до поздней ночи, и дон Джон ни на минуту не расставался со своей прекрасной гостьей. На следующий день после полудня на острове посреди реки был устроен праздник. Труппа отправилась по Маасу на флотилии ярко разукрашенных судов, многие из которых были заполнены музыкантами. Маргарет полулежала в своей позолоченной барке под богато расшитым балдахином. Более прекрасная и лживая царица, чем "Египет", околдовала знаменитого юношу, который не восторжествовал, а потерял мир под высотами Акциума. Гуляки высадились на остров, где в просторной беседке, увитой плющом, и под нависшими вязами уже был накрыт пир. Танец на лужайке затянулся до позднего часа, и летние звезды уже давно показались на небе, когда компания вернулась на свои баржи.

Дон Джон, более чем когда-либо очарованный невестой Святого Варфоломея, не знал, что единственной целью ее визита в его владения было развратить его слуг и подорвать его авторитет. Его собственной целью, однако, было не столько ухаживать за королевой, сколько использовать ее присутствие для прикрытия своих собственных замыслов. К осуществлению этой цели он приступил незамедлительно. На следующее утро королева продолжила свое путешествие по реке в Льеж, и едва она скрылась из виду принца, как он вскочил на коня и в сопровождении нескольких верных слуг галопом выехал из ворот и пересек мост, ведущий к цитадели. Он уже отправил верного Берлаймона с его четырьмя не менее верными сыновьями, сеньорами де Меген, Флойоном, Иержесом и Голтеппене в эту крепость. Эти джентльмены сообщили кастеляну, что губернатор собирается отправиться на охоту и что было бы уместно предложить ему гостеприимство замка, когда он будет проезжать мимо по пути. Значительное количество вооруженных людей скрывалось в лесах и чащобах по соседству. Сеньор де Фроймон, ничего не подозревая, согласился с уместностью предложения, сделанного Берлаймонами. Тем временем, протрубив в рог, дон Джон появился у ворот замка. Он вошел в крепость вместе с кастеляном, в то время как один из джентльменов наблюдал снаружи, как солдаты, попавшие в засаду, с трудом взбирались по обрыву. Когда все было готово, джентльмен вернулся в холл и подал знак дону Джону, сидевшему за завтраком с констеблем. Губернатор вскочил из-за стола и обнажил шпагу; Берлаймон и четверо его сыновей выхватили пистолеты, и в то же мгновение вошли солдаты. Дон Джон, воскликнув, что это был первый день его правления, приказал кастеляну сдаться. Де Фроймон, застигнутый врасплох и едва ли понимавший это драматическое нападение на цитадель со стороны ее собственного законного губернатора, без особого труда подчинился. Затем его выставили за дверь вместе с его гарнизоном, в основном немощными стариками и инвалидами. Вновь прибывшие солдаты заняли свои места по приказу губернатора, и крепость Намюр стала его собственностью.

Не было никаких сомнений в том, что представитель Филиппа имел полное право овладеть любой крепостью в пределах своего правительства; столь же мало могло быть и того, что внезапная хитрость, с помощью которой он таким образом овладел этой цитаделью, оказалась бы оскорбительной для сословий, в то время как королю она вряд ли понравилась; и все же нет уверенности, что он смог бы достичь своей цели каким-либо другим способом. Более того, это достижение было одним из запланированной серии мероприятий, с помощью которых он намеревался восстановить свой ослабевающий авторитет. Он устал лицемерить и был убежден, что голландцы ненавидят и его, и его монарха. Мир был невозможен — война была ему запрещена. Сведенный принцем Оранским почти к нулю, ему пришлось время проявить твердость, и в этой неприступной крепости его позиция, по крайней мере, была хорошей. Много месяцев назад принц Оранский выразил свое страстное желание, чтобы этот самый важный город и цитадель были защищены - для поместий. "Вы знаете, - писал он Боссю в декабре, - какое зло и смятение причинит напотеря города и крепости Намюр. Позвольте мне умолять вас принять все возможные меры для их сохранения ". Тем не менее, их сохранение было поручено слабоумному старому констеблю, возглавлявшему горстку калек.

Мы знаем, как сильно князь стремился не только обезопасить, но и разрушить эти цитадели, "гнезда тирании", которые были построены деспотами для сокрушения, а не для защиты городов, лежащих у их ног. Этими предосторожностями пренебрегли, и последствия сказывались сами собой, ибо замок Намюр был не единственным, в котором дон Джон чувствовал себя в безопасности. Хотя герцог Эршот казался его покорным слугой, губернатор не доверял ему и пожелал увидеть цитадель Антверпена в более надежном состоянии. Поэтому он отстранил не только герцога, но и его сына, принца Шимайского, коменданта замка в отсутствие отца, с этого важного поста и настоял на том, чтобы они сопровождали его в Намюр. Такой галантный придворный, как Эршо, вряд ли мог отказаться засвидетельствовать свое почтение такой прославленной принцессе, как Маргарита Валуа, в то время как во время отсутствия герцога и принца ключи от цитадели Антверпена были по приказу дона Джона переданы на хранение сеньору де Трелонгу, беспринципному и преданному роялисту. Прославленному полковнику Ван Энде, об участии которого во главе своей немецкой кавалерии в ужасном разграблении этого города, который ему было приказано защищать, уже рассказывалось, было приказано вернуться в Антверпен. Он должен был открыто явиться к городским властям, но генерал-губернатор тайно приказал ему действовать в сотрудничестве с полковниками Фуггером, Фрондсбергером и Полвиллером, которые командовали войсками, уже дислоцированными в городе. Эти выдающиеся офицеры все лето вели тайную переписку с доном Джоном, поскольку они были инструментами, с помощью которых он намеревался смелым ударом восстановить свой почти утраченный авторитет. Хотя казалось, что он поддерживает усилия генеральных штатов по подкупу и роспуску этих наемников, на самом деле ничто не было дальше от его мыслей; и теперь пришло время, когда его тайные планы должны были быть приведены в исполнение в соответствии с соглашением между ним и немецкими полковниками. Соответственно, он написал им, чтобы они больше не откладывали свершение дела — этим делом был захват цитадели Антверпена, поскольку он уже успешно овладел цитаделью Намюра. Герцог Эрсхот, его брат и сын были в его власти и ничего не могли сделать, чтобы воспрепятствовать сотрудничеству полковников в городе с Треслонгом в замке; так что губернатор, таким образом, мог, спокойно положив голову на "подушку антверпенской цитадели", согласно укоризненному выражению, впоследствии использованному сословиями, ожидать развития событий.

Однако течению его полной приключений карьеры не суждено было протекать столь гладко. Верно, что сословия еще не совсем утратили доверие к его репутации; но захват Намюра и покушение на Антверпен, а также содержание перехваченных писем, написанных им самим и Эсковедо Филиппу, Пересу, императрице, полковникам Фрондсбергеру и Фуггеру, вскоре должны были открыть им глаза. Тем временем, почти как раз в тот момент, когда дон Джон осуществлял свое предприятие против Намюра, Эсковедо с любовью распрощался с поместьями в Брюсселе, поскольку, как уже упоминалось, было сочтено необходимым, как для явных интересов, так и для тайных проектов донна Джона, чтобы секретарь совершил визит в Испанию. По приказу генерал-губернатора он предложил взять на себя ответственность за любые сообщения для его Величества, которые поместья могли бы быть расположены доверить ему, и они соответственно направили королю длинное послание, в котором они подробно выразили свое негодование и свою скорбь. Они протестовали перед королем по поводу продолжающегося присутствия немецких наемников, чьи ножи постоянно были приставлены к их горлу, чьи грабежи и наглость приводили к обнищанию и мучениям народа. Они напомнили ему об огромных суммах, которые провинции вносили в прошлом на поддержку правительства, и теперь просили помощи от его щедрот. Они напомнили ему о печальном зрелище Антверпена, еще недавно "кормилицы Европы, прекраснейшего цветка в королевской гирлянде, передового и благороднейшего города земли, ныне совершенно заброшенного", и с дополнительными инструкциями Эсковедо, чтобы он не упускал случая в своих устных сообщениях представить пагубные последствия курса, которого до сих пор придерживались губернаторы его Величества в Нидерландах, они отпустили его с добрыми пожеланиями и с "кронами для сопровождения" в его кошельке на сумму двух тысяч годовых доходов. Его секретная переписка была перехвачена и предана огласке через несколько недель после его отъезда в ту ужасную Испанию, откуда возвращалось так мало путешественников.

На мгновение мы следуем за ним туда. Предваряя одним словом о причинах и завершении этого знаменитого убийства, которое было отложено до следующего года, несчастный Эсковедо может быть удален с этих страниц. Было замечено, как искусно Антонио Перес, государственный секретарь, любовник принцессы Эболи и правящий советник во времена правления Филиппа, внушил королю самые экстравагантные подозрения относительно планов донна Джона и его доверенного секретаря. Он представил это как их твердое и тайное намерение, после того как дон Джон окончательно утвердится на английском троне, напасть на самого Филиппа в Испании и лишить его короны, причем Эсковедо был представлен как главный зачинщик и контролер этого поразительного заговора, который могли создать только сумасшедшие и которого, вероятно, никогда не существовало.

Никаких доказательств существования дикого дизайна представлено не было. Формулировка, в которой Перес обвинил Эсковедо перед его отъездом во Фландрию — что дон Джон и он сам намеревались укрепить скалу Могио, с помощью которой и с помощью командования городом Сантандером они могли бы стать хозяевами Испании после того, как завладеют Англией, - слишком абсурдна, чтобы быть произнесенной человеком с такими способностями, как у Эсковедо. Конечно, если бы Пересу был предоставлен хотя бы клочок письма из рук донна Джона или Эсковедо, который можно было бы под пытками получить в качестве доказательства по этому пункту, он был бы получен и сделал бы такие вымышленные слухи излишними. Перес при попустительстве Филиппа систематически вел переписку с доном Джоном и Эсковедо, чтобы получить какие-либо доказательства вменяемой схемы. "Это был единственный способ, - сказал Перес Филиппу, - заставить их обнажить грудь для меча". — "Я совершенно того же мнения, -

ответил Филипп Пересу, - "ибо, согласно моей теологии, вы не выполнили бы свой долг ни перед Богом, ни перед миром, если бы не поступали так, как поступаете сейчас". И все же превосходная пара заговорщиков в Мадриде не смогла выжать никаких изобличающих доказательств из уст предполагаемых заговорщиков во Фландрии, за исключением того, что дон Джон после прибытия Эсковедо в Мадрид часто и нетерпеливо писал, требуя, чтобы его отправили обратно вместе с деньгами, за которыми он ездил в Испанию. "Деньги, еще денег и Эсковедо", - написал губернатор, и Филипп был вполне готов воспринять это самое естественное восклицание как свидетельство замыслов своего брата против его короны. Из этих обрывков и лоскутков — заговора против Англии, папской буллы, выраженного доном Джоном желания выступить во Францию в качестве простого авантюриста с несколькими тысячами человек за спиной — Перес, по его собственному заявлению, составил протокол, впоследствии официально одобренный Филиппом, который заканчивался необходимостью немедленно, но конфиденциально, лишить Эсковедо жизни с помощью яда. Маркиз де Лос Велос, которому мемориал был представлен за советом, утверждал, что если бы облатка со смертного одра была у него во рту, он должен был проголосовать за смерть преступника. Филипп уже пришел к такому же выводу; Перес с радостью взялся за это дело, получив карт-бланш от короля, и таким образом несчастный секретарь был обречен. Сразу же после прибытия Эсковедо в Мадрид он обратился с письмом к королю. Филип положил его среди других депеш со следующей пометкой: "Прибыл "авангардный курьер" — необходимо очень спешить и отправить его до того, как он убьет нас".

Король, искусно настроенный таким образом против своего брата и его несчастного секретаря, стал требовать крови Эсковедо. В то же время этот персонаж, вскоре после своего возвращения в Испанию, был потрясен открытием любви Переса с принцессой Эболи. Он считал своим долгом, как по отношению к покойному принцу, так и к живому королю, протестовать против этого вероломства. Он пригрозил донести королю, который, казалось, был единственным человеком при дворе, не осведомленным об этом деле, о двойной измене его любовницы и министра. Перес и Анна из Эболи, разъяренные наглостью Эсковедо и обеспокоенные тем, как бы он не привел в исполнение свою угрозу, решили избавиться от столь назойливого человека. Гнев Филиппа против дона Джона был, соответственно, обращен вспять, и Перес получил секретный приказ короля организовать убийство Эсковедо. Таким образом, воображаемый заговор дона Джона против короны Филиппа был предлогом, страхи и ярость Эболи и ее любовника были существенной причиной для предполагаемого преступления.

Детали убийства были организованы и исполнены Пересом, но справедливости ради следует признать, что Филипп действовал с гораздо меньшей тщательностью, чем его собственные действия в той же области. Многие люди были посвящены в заговор. Было много грубых ошибок, в Мадриде разгорелся большой общественный скандал, и ни у кого никогда не возникало обоснованных сомнений относительно подстрекателей и реальных исполнителей преступления. Две попытки отравить Эсковедо были предприняты Пересом за его собственным столом с помощью Антонио Энрикеса, доверенного слуги или пажа. Обе оказались безуспешными. Третий был таким же, но возникли подозрения. В результате рабыня из дома Эсковедо была арестована и немедленно повешена на городской площади за мнимую попытку убийства своего хозяина. Несколько дней спустя (31 марта 1578 года) это дело было совершено с наступлением темноты на улицах Мадрида шестью заговорщиками. Они состояли из мажордома Переса, пажа в его доме, брата пажа из провинции, бывшего поваренка с королевских кухонь по имени Хуан Рубио, который был неудачливым агентом в схеме

отравления, вместе с двумя профессиональными браво, нанятыми специально для этого случая. Именно Инсаусти, один из этой последней упомянутой пары, прикончил Эсковедо одним ударом ножа, остальные помогали и подстрекали или дежурили по соседству.

Убийцам удалось скрыться, и они доложили о случившемся Пересу, который для приличия находился с визитом в стране. Подозрение вскоре пало на настоящих преступников, которые были вне досягаемости правосудия; кроме того, о мотивах, побудивших к убийствам, многие ничего не знали, за исключением самого убийцы. Филипп приказал совершить это убийство, но он был глубоко введен в заблуждение относительно причин его совершения. Он был одурачен более хитрым злодеем, чем он сам, и думал, что приносит в жертву заговорщика против своей короны, в то время как на самом деле всего лишь раздавил бедное создание, которое слишком заботилось о том, что он считал честью своего хозяина.

Убийцы были, конечно, защищены от судебного преследования и должным образом вознаграждены. Мигель Боске, деревенский парень, получил сто крон золотом, заплаченных клерком Переса. Меса, один из браво, был награжден золотой цепью, пятьюдесятью дублонами по восемь штук и серебряным кубком, а также получил из рук самой принцессы Эболи сертификат заместителя управляющего ее поместьями. Второй браво, Инсаусти, совершивший это дело, паж Энрикес и поваренок - все они были назначены прапорщиками в армию его Величества и, кроме того, получили двадцать золотых крон ежегодной пенсии. Их приказы были подписаны Филиппом 19 апреля 1578 года. Такова была плата за убийство в тот день в Испании: золотые цепи, серебряные кубки, дублоны, ежегодные выплаты и офицерские чины! Наградой за верность, как в случае с беднягой Эсковедо, чаще всего был стилет. Удивительно ли, что убийство было более распространенным явлением, чем верность?

К последующей карьере Антонио Переса — его знаменитому процессу, его изгнанию, его интригам, его намекам, его долгому изгнанию и его жалкой смерти - эта история не имеет никакого отношения. Мы возвращаемся к нашему краткому отступлению.

Прежде чем рассказать о заговоре против цитадели Антверпена, необходимо на мгновение вернуться к принцу Оранскому. В деяниях и письменных словах этого одного человека заключена почти вся история Реформации в Нидерландах - почти весь прогресс молодой Республики. Остальное, в течение этого периода, состоит из заговоров и контрзаговоров, взаимных пререканий и взаимных обвинений дона Джона и поместий.

В течение короткой передышки, которая теперь им была предоставлена, жители Голландии и Зеландии занимались масштабным ремонтом своей обширной системы дамб. Эти барьеры, которые защищали их страну от океана, но которые они разрушили собственными руками, чтобы уберечься от тирании, теперь были тщательно восстановлены за большие деньги, принц повсюду поощрял людей своим присутствием, направлял их своим опытом, вдохновляя их своей энергией. Выполненная задача была грандиозной и достойной, по словам современника, вечной памяти.

После этого по многочисленным просьбам принц совершил турне по маленьким провинциям, почтив каждый город кратким визитом. Спонтанное почтение, исходившее от каждого сердца, было трогательным и простым. Не было ни триумфальных арок, ни военной музыки, ни знамен, ни театрального шествия - ничего, кроме хорового гимна тысяч благодарных сердец. "Отец

Уильям пришел! Отец Уильям приехал!" - кричали друг другу мужчины, женщины и дети, когда становилось известно о его прибытии в город или деревню. Он был патриархом, навещающим своих детей, а не завоевателем или вульгарным властелином, выставляющим себя напоказ своим поклонникам. Счастливы были те, кто слышал его голос, счастливее те, кто прикасался к его рукам, ибо его слова были полны нежности, его рука была предложена всем. Не было никого настолько смиренного, чтобы ему запретили приближаться к нему, никого настолько невежественного, чтобы не знать о его деяниях. Все знали, что для того, чтобы сражаться за их правое дело, он опустил с княжеского положения, с роскошной непринужденности до положения объявленного вне закона и почти нищего изгоя. Ради них он разорил себя и свою семью, заложил свои поместья, лишил себя драгоценностей, мебели, почти еды и одежды. Благодаря его усилиям испанцы были изгнаны со своей маленькой территории, инквизиция разгромлена в пределах их границ, почти все родственные провинции еще вчера объединились ради общего дела.

Несмотря на поздравляющие толпы, которые толпились у его подножия, он находил время руководить работой генеральных штатов, которые по-прежнему больше, чем когда-либо, рассчитывали на его руководство, поскольку их отношения с доном Джоном становились все более сложными и неудовлетворительными. В письме, адресованном им 20 июня из Гарлема, он самым красноречивым образом предостерег их держаться Гентского соглашения об умиротворении, как якоря во время шторма. Он заверил их, что если это будет вырвано у них, то их гибель неизбежна. Он напомнил им, что до сих пор у них была лишь тень, а не суть Договора; что у них отняли то, что должно было стать его главным плодом, — союз между ними. Он и его братья своим трудом, своим богатством и своей кровью проложили мост, по которому страна шагнула к Умиротворению Гента. Нация должна была сохранить то, что было с таким трудом завоевано; и все же он объявил им, что правительство действует недобросовестно, что ведутся тайные приготовления к уничтожению власти штатов, к восстановлению эдиктов, к выдвижению чужаков на высокие посты и к повторному возведению эшафота и всей машины преследований.

Вследствие захвата замка Намюр и обвинений, выдвинутых доном Джоном против Оранского, чтобы оправдать этот акт, принц уже отправил Таффина и Сент-Альдегонду в генеральные штаты с поручением заявить о своих чувствах по этому поводу. Более того, он направил в тот же орган письмо, полное искреннего и простого красноречия. "Сеньор дон Джон, - сказал он, - обвинил меня в нарушении мира и в поощрении покушений на его жизнь, а также в попытке убедить вас присоединиться к нему в объявлении войны мне, а также Голландии и Зеландии; но я искренне прошу вас помнить о наших взаимных и торжественных обязательствах соблюдать Гентский мирный договор". Поэтому он умолял штаты остерегаться уловок, используемых для того, чтобы свратить их с единственного пути, ведущего к спокойствию их общей страны, ее истинному великолепию и процветанию. "Я верю, что ни один из вас, - продолжал он, - не сможет усомниться во мне, если он тщательно взвесит все мои действия и внимательно рассмотрит курс, которого я придерживаюсь и всегда придерживался. Пусть все они столкнутся с поведением дона Джона, и любой человек поймет, что все мои представления о счастье, как для моей страны, так и для меня самого, подразумевают мирное пользование союзом в сочетании с законным восстановлением наших свобод, к которому стремятся все добрые патриоты и к которому всегда стремились все мои планы. Поскольку все величие дона Джона, напротив, заключается в войне, поскольку нет ничего, что он так сильно ненавидит, как покой, поскольку он предоставил достаточно доказательств этих наклонностей во всех своих планах и

предприятиях, как до, так и после Марке—ан-Фомине, как внутри страны, так и за ее пределами, поскольку наиболее очевидно, что его целью является и всегда было поссорить нас с нашими соседями Англией и Шотландией в новых разногласиях, поскольку каждому из вас должно быть очевидно, что его надуманные обвинения против меня - всего лишь цвета и тени приукрашивать и прикрывать свое собственное стремление к войне, свою жажду мести и свою ненависть не только ко мне, но и к вам самим, и поскольку, по словам Эсковедо, он полон решимости наказать некоторых из нас с помощью остальных и возбудить зависть одной части страны против другой - поэтому, джентльмены, я самым искренним образом призываю вас основывать свое решение по этим вопросам не на словах, а на действиях. Внимательно изучите мое поведение в пунктах, по которым выдвигаются обвинения; внимательно выслушайте то, что мои посланники сообщат вам от моего имени; и затем, сравнив это со всеми действиями сеньора дона Джона, вы сможете принять решение, достойное занимаемого вами ранга и соответствующее вашим обязательствам перед всем народом, избранными вождами и защитниками которого вы были Богом и людьми. Отбросьте все соображения, которые могут затуманить ваш ясный взор; поддерживайте с великодушием и по-мужски безопасность самих себя, ваших жен, ваших детей, ваших поместий, ваших свобод; смотрите, чтобы этот бедный народ, чьи взоры устремлены на вас, не погиб; оберегайте их от алчности тех, кто хотел бы возвыситься за ваш счет; оберегайте их от ярма жалкого рабства; пусть не все наше потомство сокрушается о том, что из-за нашего малодушия они потеряли свободы, которые наши предки завоевали для них и завещали нам. Им так же, как и нам, и что они были поработочены гордой тиранией чужаков.

"Надеясь, - сказал принц в заключение, - что вы проявите доверие и внимание к моим посланцам, я добавлю лишь выражение моей искренней решимости постоянно служить вам и на благо всего народа, не щадя ни средств, находящихся в моей власти, ни самой моей жизни".

Бдительный принц действительно не замедлил воспользоваться ложным ходом губернатора. В то время как на самом деле дон Джон намеревался заключить мир, если это было возможно, он бросил вызов; делая вид, что действует открыто и мужественно, как воин и сын императора, он ввязался в мелкие уловки и прозрачные интриги, в результате чего не приобрел ничего, кроме репутации заговорщика, слову которого нельзя доверять. Святая Альдегонда выразила надежду, что захват замка Намюр откроет глаза людям, и, конечно же, принц сделал все возможное, чтобы обострить их зрение.

Находясь в Северной Голландии, Вильгельм Оранский получил срочное приглашение от магистратуры и общины Утрехта посетить этот город. Его власть, принадлежащая ему в соответствии с его давним поручением, еще не была признана в этой провинции, но не было никаких сомнений в том, что предполагаемый съезд "сатисфакции" вскоре должен был состояться, поскольку его друзья там были многочисленными и влиятельными. Его принцесса Шарлотта де Бурбон, сопровождавшая его в поездке, трепетала при мысли об опасности, которой подвергнет себя ее муж, столь смело вторгнувшись на территорию, которая могла быть полна его врагов, но принц решил положиться на лояльность провинции, которая, как он надеялся, вскоре станет его собственностью. С тревожными предчувствиями принцесса последовала за своим мужем в древний епископальный город. Когда они въезжали в его ворота, где его ожидала огромная толпа, в окно кареты влетела пуля и поразила принца в грудь. Перепуганная дама обвила руками его шею, крича, что их предали, но принц, поняв, что предполагаемый выстрел был всего лишь зарядом из одной из пушек, которые все еще ревели,

приветствуя его, вскоре сумел успокоить ее страхи. Карета скромно проехала по улицам, сопровождаемая громкими приветствиями толпы, ибо все население вышло оказать ему честь. Женщины и дети столпились на каждой крыше и балконе, но печальный инцидент снова омрачил спокойствие этого мероприятия. Дочь аптекаря, маленькая девочка десяти лет, нетерпеливо свесившаяся с высокого балкона, потеряла равновесие и упала на землю прямо перед лошадьми кареты принца. Она разбилась насмерть при падении. Процессия остановилась; принц вышел, поднял маленькое тельце на руки и передал его с нежными словами и взглядами утешения несчастным родителям. Казалось, этот день был отмечен дурными предзнаменованиями, которым, к счастью, суждено было оказаться ошибочными. Граждане Утрехта стали более чем когда-либо склонны признать власть принца, которого они почитали и которого уже считали своим естественным вождем. Они развлекали его банкетами и празднествами во время его короткого визита, и перед его отъездом было ясно, что заключение договора об "Удовлетворении" не заставит себя долго ждать. Соответственно, он был составлен осенью того же года на основе того, что было принято Гарлемом и Амстердамом, — основы, достаточно широкой, чтобы поддерживать обе религии, при номинальном превосходстве древней Церкви.

Тем временем между доном Джоном и посланниками штатов велась большая бесплодная переписка; обе стороны посылали друг другу письма, полные горечи и взаимных обвинений. Как только губернатор вступил во владение замком Намюр, он отправил сеньора де Рассингема в генеральные штаты. Этот джентльмен имел при себе копии двух анонимных писем, полученных доном Джоном 19 и 21 июля 1577 года, в которых раскрывался заговор против его жизни и свободы. Губернатор полагал, что граф Лален, тайно пригласивший его на конференцию, устроил ему засаду. Было известно, что в стране полно распущенных солдат, и губернатор уверенно заявлял, что множество головорезов подстерегают его в каждой деревенской забегаловке Эно и Фландрии. Он призвал штаты разыскать этих заговорщиков и понести заслуженное наказание их наиболее виновным руководителям; он потребовал, чтобы солдаты, а также граждане были разоружены в Брюсселе и по всему Брабанту, и он оправдал свой захват Намюра общим основанием, что его жизнь больше не была в безопасности, кроме как в крепости.

В ответ на письмо губернатора, датированное 24 июля, штаты направили Мароля, архидьякона Ипрского, и сеньора де Брессе в Намюр со специальной миссией разобраться во всем, что касалось этих жалоб. Эти джентльмены, заявляя о величайшей преданности делу власти его Величества и католической религии, выразили сомнения относительно существования предполагаемого заговора. Они потребовали, чтобы дон Джон осудил виновных, если таковые были известны, чтобы можно было немедленно понести надлежащее наказание. Последовавший разговор, безусловно, не принес удовлетворения. Губернатор использовал высокопарные и несколько угрожающие выражения, заверяя Маролля, что в данный момент он владеет не только Намюром, но и цитаделью Антверпена; и депутаты соответственно отбыли, почти ничего не добившись своим путешествием. Едва они повернулись к нам спиной, как дон Джон, со своей стороны, немедленно назначил другую комиссию, состоящую из Рассингема и Гроббендонка, для поездки из Намюра в Брюссель. Эти посланцы привезли длинное письмо с жалобами, к которому был приложен короткий список требований. В письме повторялись его жалобы на заговоры и заверения в искренности. Оно было полно порицания принцу Оранскому; клеймил позором его интриги по завладению Амстердамом без надлежащего "Удовлетворения" и Утрехтом, на который он вообще не имел никаких прав. В нем утверждалось,

что голландцы и зеландцы были склонны к полному уничтожению католической религии и что они публично заявили о своем намерении отказаться от повиновения генеральной ассамблее, если она примет постановление о сохранении только древнего культа. Его главное требование состояло в том, чтобы штаты прислали ему список лиц, имеющих право быть членами генеральной ассамблеи, чтобы он мог посмотреть, нет ли среди них лиц, которых он мог бы отвергнуть. Далее он потребовал, чтобы, если принц Оранский немедленно не выполнит Гентский мирный договор, штаты прекратили поддерживать с ним какие-либо сношения. Он также призвал штаты немедленно предоставить ему подходящую охрану.

На эти требования и жалобы сословия ответили рядом постановлений. Они, как обычно, заявили о своей привязанности к его величеству и католической вере и охотно предоставили пешую охрану из трехсот лучников. Они, однако, решительно отрицали право губернатора вносить исключения из своих списков депутатов, потому что с незапамятных времен эти представители избирались духовенством, знатью, городами и местечками. Имена могли меняться ежедневно, и среди них не было ни одного подозрительного, но это был вопрос, который губернатора не касался. Они пообещали, что должны быть приложены все усилия для обеспечения выполнения договора принцем Оранским. Однако они умоляли дону Иоанна покинуть цитадель Намюр и дали ему понять, что его тайные действия были раскрыты: недавно в окрестностях Бурдо была перехвачена большая пачка писем, отправленных принцу Оранскому. Среди них были некоторые депеши дона Джона и Эсковедо его величеству и Антонио Пересу, о которых уже упоминалось.

Граф Боссю, Де Бресс и Миткерке были посланниками, посланными передать эти резолюции в Намюр. У них состоялся долгий и горький разговор с доном Джоном, который еще яростнее, чем когда-либо, жаловался на заговоры против него лично и на интриги Оранского. Он настаивал на том, что этот архипредатель сеял семена своих отвратительных доктрин, транслируемых по Нидерландам; что земля стонет от ежедневного созревания урожая восстаний и ереси. Настало время, кричал он, штатам отказаться от принца и сплотиться вокруг своего короля. Терпение лопнуло. Он сам сделал все, и даже больше, чем можно было требовать. Он добросовестно выполнил Гентское соглашение об умиротворении, но его поведение не вызвало ни благодарности, ни доверия.

Депутаты ответили, что для надлежащего выполнения Гентского договора необходимо, чтобы он распустил германские войска, созвал генеральные штаты и выполнил их резолюции. До тех пор, пока эти вещи, ныне отмененные, не были выполнены, он не имел права ссылаться на свое добросовестное выполнение условий Умиротворения. После долгих бесед, в ходе которых повторялись те же жалобы, выдвигались те же заявления, которые опровергались, выдвигались те же требования, от которых уклонялись, и обменивались теми же угрозами, что и в прежних случаях, депутаты вернулись в Брюссель.

Сразу после их отъезда дон Джон узнал о результатах своего проекта строительства Антверпенского замка. Следует помнить, что он отозвал Эршота под предлогом того, что ему потребовалась его компания во время визита к королеве Маргарите, и что он заменил Треслонга, своего собственного беспринципного сторонника, в правительстве цитадели. Однако временный командир вскоре обнаружил, что предпринял больше, чем мог выполнить. Войскам под командованием Ван Энде было отказано во входе в город, хотя генерал-губернатор запросил разрешение разместить их там. Власти были уверены, что войска необходимы для

защиты их города, но магистраты узнали, хотя и слишком недавно, о характере защиты, которую Ван Энде со своими наемниками сможет обеспечить. Отряд войск штатов под командованием Де Йерса, племянника Шампани, столкнулся с полком Ван Энде и обратил его в бегство со значительными потерями. В то же время офицер гарнизона самой цитадели, капитан Де Бур, предпринял тайный перевод крепости в собственность поместий. Его операции были секретными и быстрыми. Сеньор де Лидекерке сменил Шампани в правительстве города. Это назначение было произведено при содействии Греффье Мартини, горячего сторонника оранжевого. Было известно, что новый губернатор был большим другом принца и, как полагали, в глубине души был новообращенным в реформатскую религию. С помощью Мартини и Лидекерке Де Бур организовал свой заговор. Он был снабжен крупной суммой денег, которую ведущие торговые дома города с готовностью тайно передали ему. Эти средства были успешно вложены в приобретение контроля над гарнизоном, единственнойкомпанией, удерживающей Треслонг. Остальные, как сообщил сам этот офицер дону Джону, были готовы в любой момент "вцепиться ему в горло".

1 августа, в день, согласованный с губернатором и Греффье, его фактически схватили за горло. Произошло лишь короткое сражение, исход которого в городе случайно стал сомнительным. Шляпа Де Бура с белым плюмажем была сорвана с его головы во время борьбы и упала в яму. Выплыв в реку, он был опознан разведчиками, посланными наиболее заинтересованными лицами, и информация была быстро доведена до Лидекерке, который прятался в доме Мартини, ожидая результата. Их смятение было велико, но Мартини, обладавший большим доверием, чем губернатор, предпринял вылазку, чтобы узнать всю правду. Едва он вышел на улицу, как услышал приветственные крики: "Замок в руках нищих! замок в руках нищих!" - кричали сотни голосов. Вскоре он встретил лейтенанта, идущего прямо из крепости, который рассказал ему обо всем случившемся. Узнав, что де Бур одержал полную победу и что Треслонг взят в плен, Мартини поспешил с важными сведениями в свой собственный дом, где скрывался Лидекерке. Теперь этот чиновник отправился в цитадель, куда были немедленно вызваны магистраты, видные горожане и крупнейшие торговцы. Замок был взят, но город уже дрожал от страха, что немецкие наемники, расквартированные в его стенах, поднимут негодование или панику и повторят ужасную трагедию "Антверпенской ярости".

По правде говоря, опасность такой катастрофы, казалось, существовала. Тайная переписка дона Джона с полковниками уже была обнаружена, и было видно, с какой теплотой он внушал людям, с которыми имел дело, "что жребий брошен", и что все их искусство было необходимо, чтобы все получилось успешно. Замок был захвачен, но что станет с городом? Краткое и энергичное обсуждение закончилось немедленным предложением трехсот тысяч крон со стороны ведущих торговцев. Эти деньги должны были быть использованы для дружеского удовлетворения, по возможности, немецких солдат, которые тем временем действительно взялись за оружие и были собраны на площади Меер. Чувствуя себя в опасности, однако в этой местности их полковники привели их в новый город. Здесь, забаррикадившись лафетами, тюками и ящиками, они ожидали, вместо того чтобы инициировать события, которые мог принести этот день. Вскоре из замка прибыла депутация с белым флагом, и командиры солдат назначили уполномоченных. Было предложено погасить задолженность по заработной плате, по крайней мере, в очень большой сумме, при условии, что войска немедленно и навсегда покинут город. За гвоздь предлагалось сто пятьдесят тысяч крон. Торговцы стояли на мосту, ведущем из старого города в новый, на виду у солдат. Они держали в руках кошельки, наполненные сверкающим золотом. Солдаты были в восторге от этой возможности и

покаялись, что сохраняют жизни своих офицеров, если заманчивое и неожиданное предложение будет отклонено. Тем не менее уполномоченные ходили взад и вперед, постоянно находя что-то, что можно было бы изменить или устроить. По правде говоря, торговцы согласились предоставить, в случае необходимости, триста тысяч коричневых; но бережливые участники переговоров были склонны, если дипломатия могла это сделать, сохранить хотя бы часть этой суммы. День начал клониться к закату, прежде чем сделка была завершена, когда внезапно вдалеке показались паруса, и вскоре большая флотилия военных кораблей с развевающимися при благоприятном бризе знаменами поплыла вверх по Шельду. Это была эскадра кораблей принца под командованием адмирала Холтейна. Его послали против Толена, но, получив секретные сведения, он со счастливой дерзостью воспользовался возможностью нанести удар по делу, которому он так верно служил. Один-два выстрела, сделанные с судов среди баррикад, возымели оживляющий эффект. Внезапная и поразительная паника охватила солдат. "Нищие идут! нищие идут!" - кричали они в смятении, ибо деяния океанских нищих не стали менее ужасающими со времен памятной осады Лейдена. Торговцы все еще стояли на мосту со своими кошельками в руках. Посланцы из замка все еще размахивали белыми флагами. Было слишком поздно. Ужас, внушенный дикими зеландцами, пересилил надежду на заработную плату, погасил всякую веру в дружбу горожан. Наемники, поддавшись сильному пароксизму страха, разбежались туда-сюда, тяжело дыша, сгибаясь пополам, крадучись, как волки перед гончими. Их бегство было нелепым. Не задерживаясь, чтобы принять деньги, которые на самом деле предлагали торговцы, не собирая свое имущество, во многих случаях даже выбрасывая оружие, они бежали, беспорядочно, кто ныряя в Шейд, кто скользя по дамбам, кто бросаясь через открытые поля. Часть из них под командованием полковника Фуггера впоследствии заперлась в Берген-оп-Зом, где они сразу же были осаждены Шампани, и вскоре были рады пойти на компромисс, выдав своего полковника и сложив оружие. Остальные отступили в Бреду, где продержались два месяца и в конце концов были побеждены с помощью хитроумной стратегии оранжевых. Капитан, о котором было известно, что он состоял на службе у дона Джона, был арестован по пути в Бреду. За его поясом было найдено тщательно зашитое письмо толщиной в палец, написанное шифром и запечатанное печатью генерал-губернатора. Полковника Фрондсбергера, командовавшего в Бреду, в этом послании настойчиво просили продержаться еще два месяца, в течение которых было обещано определенное облегчение. Вместо этого письма, расшифрованного с большим трудом, было заменено новое, которое знаменитый печатник Уильям Сильвиус из Антверпена изготовил с большой ловкостью, добавив подпись и печать дона Джона. В этом поддельном послании полковнику предписывалось сделать для себя все, что в его силах, по той причине, что дон Джон сам был осажден и не мог оказать ему помощи. Тот же капитан, который привез настоящее письмо, был подкуплен за доставку поддельного. Эту задачу он добросовестно выполнил, кроме того, распространив вымышленную информацию с таким рвением по городу, что войска восстали против своего предводителя и сдали его вместе с городом и своим собственным оружием под опеку поместий. Таков был результат попытки дона Иоанна захватить цитадель Антверпена. Мало того, что крепость была передана поместьям, но и сам город, впервые за двенадцать лет, был освобожден от иностранных солдат.

Гнев и разочарование генерал-губернатора были чрезмерны. Он похвастался Мароллесу на день раньше, чем следовало. Приз, который, как он думал, уже был у него в руках, ускользнул у него из пальцев, в то время как к его двери был предъявлен бесконечный список требований, о которых он и не мечтал и которые, вероятно, сделали бы его банкротом. На данный момент

победа казалась предрешенной штатам, а не ему самому. "Кости" пошли против него, несмотря на его старания заряжать и бросать. Тем не менее, он еще не отчаялся отомстить. "Эти мятежники, - писал он вдовствующей императрице, своей сестре, - думают, что теперь им улыбается удача, а мне все грозит крахом. Негодяи становятся достаточно гордыми и забывают, что их наказание в одно прекрасное утро все же наступит".

7 августа он направил еще одно длинное письмо сословиям. Этот документ, как обычно, сопровождался определенными требованиями, категорически изложенными в двадцати трех статьях. Сословия сочли его условия жесткими и странными, поскольку, по их мнению, хозяевами положения были они сами, а не губернатор. Тем не менее, он, казалось, был склонен вести себя так, как будто он завоевал, а не упустил цитадель Антверпена; как будто войска, с которыми он воевал, были собраны в полевых условиях, а не заперты в отдаленных городах и уже находятся во власти государств-участников. Губернатор потребовал, чтобы все силы страны были переданы под его непосредственный контроль; чтобы граф Боссю или какое-либо другое лицо, выдвинутое им самим, было назначено в правительство Фрисландии; чтобы жители Брабанта и Фландрии немедленно приступили к охоте, поимке и наказанию всех бродячих еретиков и проповедников. Он требовал, в частности, чтобы Святой Альдегонде и Терону, этим самым озорным мятежникам, было запрещено появляться в любом городе Нидерландов. Он настаивал на том, чтобы брюссельская община сложила оружие и возобновила свои обычные ремесла. Он потребовал, чтобы принца Оранского заставили выполнить Гентский мирный договор; подавить исповедание реформатской религии в Гарлеме, Шунховене и других местах; отозвать свои вооруженные суда с их угрожающих стоянок и вернуть Ньюпора, несправедливо им задержанного. Если принц будет упорствовать в своем упрямстве, дон Джон призовет их ополчиться против него и поддержать своего законного губернатора. Более того, он потребовал немедленной реституции антверпенской цитадели и освобождения Треслонга из тюрьмы.

Хотя, с точки зрения Испании, такие требования могли показаться разумными, было также естественно, что их дерзость вызвала удивление сословий. То, что человек, который так открыто нарушил Гентский мирный договор, должен упрекать принца за его бездействие, что человек, который вмешивался в дела немецких наемников до тех пор, пока они не устроили очередную ярость в Антверпене, теперь должен претендовать на командование ими и всеми другими войсками, что человек, который пытался захватить Антверпенскую крепость с помощью подлой уловки, теперь хладнокровно требует ее восстановления, казалось им верхом наглости. Сбитый с толку заговорщик смело потребовал награду, которая должна была вознаградить за успешное вероломство. В тот самый момент, когда письма Эсковедо и переписка с немецкими полковниками были положены им на глаза, было немного чересчур, чтобы двуручный ублюдок двуручного императора прочитал им лекцию об искренности. Было ясно, что сбитый с толку и перехитренный воин в конце концов поставил себя в очень ложное положение. Принц Оранский, со своей обычной ловкостью, максимально использовал ложные ходы своего противника. Дон Джон преуспел только в том, что вырыл ловушку для себя. Его уловки против Намюра и Антверпена не принесли ему никаких плодов, за исключением репутации беспринципного и искусного интригана, которую теперь полностью удалось создать его противнику. Эта репутация была усилена обнаружением перехваченных писем, а также изобретательностью и рвением, с которыми они были обращены против него принцем, святой Альдегондой и всей антикатолической партией. Истинного ключа к его нежеланию отправлять войска по суше штаты так и не получили. Они и не подозревали о его романтических замыслах в

отношении Англии, и поэтому им было простительно приписывать его планам еще более глубокое вероломство.

Даже если бы его отправили в Нидерланды в полном расцвете сил, он не смог бы соперничать в политических комбинациях со своими могущественными противниками. Обманутый и скомованный, подозреваемый своим хозяином, сбитый с толку, сбитый с толку, раздраженный своим противником, что он мог сделать, кроме как бросаться от одной трудности к другой и колебаться между экстравагантной угрозой и унылой уступкой, пока его надежды и жизнь не были растратчены впустую. Его инструкции поступали от Филиппа через Переса, и этот самый отъявленный лицемер, как мы видели, систематически обманывал губернатора с целью вывести изменнические факты, поскольку Филипп хотел, если возможно, получить доказательства тайных замыслов дона Джона против его собственной короны. Таким образом, каждое письмо из Испании было наполнено ложной информацией и лживыми убеждениями. Без сомнения, губернатор считал себя вправе носить корону и намеревался завоевать ее, если не в Африке, то в Англии или где бы судьба ни была к нему благосклонна. Он был сделан из того материала, из которого были сделаны крестоносцы и основатели династий в несколько более раннюю эпоху. Кто мог бы завоевать гроб Господень или вырвать корону у ее законного владельца, будь то в Италии, Московии, на Востоке или в британской Ультима Туле, более храбро, чем этот имперский бастард, этот доблестный и романтический авантюрист? К сожалению, он опоздал на несколько столетий. Дни, когда основывались династии и европейские троны захватывались несколькими иностранными флибустьерами, прошли и еще не вернулись. Он прибыл в Нидерланды, желая сгладить трудности и сделать мирное прекращение этого восстания ступенькой к своему английскому трону. Он был обречен на глубокое разочарование, разбитое сердце и преждевременную могилу вместо блестящих безделушек, за которыми он гнался. Он уже обнаружил, что жестоко обманулся в своих надеждах. Упрямые голландцы не полюбили бы его, несмотря на проявленные им добрые пожелания. Они не полюбили бы даже короля Испании, несмотря на благословения, которые, как было объявлено, осыпал на них его Величество. Напротив, они упорно растрачивали свою извращенную привязанность на чумазого принца Оранского. Этот еретик вел их к гибели, ибо он указывал им путь к свободе, и ничто, в глазах Губернатора, не могло быть более прискорбным, чем видеть, как невинные люди отправляются в такое путешествие. "По правде говоря, - с горечью писал он в своем памятном письме своей сестре императрице, - они не желают признавать ни Бога, ни короля. Они претендуют на свободу во всем: так что очень жаль видеть, как у них идут дела; видеть наглость и неуважение, с которыми они отплачивают его Величеству за милости, которые он им оказал, и мне за труды, унижения и опасности, которым я подвергся ради них".

Действительно, по мнению губернатора, ничто не могло превзойти наглость нидерландцев, кроме их неблагодарности. Это был змеиный зуб, который постоянно ранил короля Клемента и его возмущенного брата. Казалось таким горьким сталкиваться с неблагодарностью после семи лет Алвы и трех лет Рекезенса; после трудов Совета Крови, резни в Наардене, Зютфене и Гарлеме, осады Лейдена и Ярости Антверпена. "Мало пользы было, - сказал губернатор своей сестре, - или похоже на то, что было от всего того хорошего, что мы сделали этим плохим людям. Короче говоря, они любят и повинуются во всем самому извращенному и еретическому тирану и мятежнику во всем мире, которым является этот проклятый принц Оранский, в то время как, напротив, без страха Божьего или стыда перед людьми они ненавидят и бесчестят имя и заповеди своего естественного суверена". Поэтому с духом сомнения и почти с разбитым

сердцем воин заперся в замке Намюр, чтобы дожидаться развития событий и вырваться из ловушек своих врагов. "Бог свидетель, как сильно я желаю избежать крайностей, - сказал он, - но я не знаю, что делать с людьми, которые проявляют себя такими непокорными".

Так трогательно оплакивал дон Джон свою судьбу. Нация отвернулась от Бога, от Филиппа, от самого себя; но он все еще сидел в своем замке, полный решимости спасти их от разрушения, а свои собственные руки - от кровопролития, если такое еще было возможно. И он не был полностью покинут, ибо среди неверных немногие все еще оставались верными. Хотя народ был в открытом бунте, все еще оставалась горстка знати, решившей выполнить свой долг по отношению к своему Богу и Королю. "Этот маленький отряд, - сказал губернатор, - сопровождал меня сюда, как джентльмены и кавалеры чести". Храбрый Берлаймон и его четверо сыновей были верны ему до последнего, но другие из этого ограниченного числа джентльменов и кавалеров чести уже покидали его. Как только стал известен результат операции против цитадели Антверпена и над королевским делом сгустилась самая мрачная буря, Эршо и Гавр первыми расправили крылья и улетели в поисках более благоприятной атмосферы. В сентябре герцог снова был таким, каким он всегда себя называл, за некоторым важным исключением — "любящим братом и сердечным другом принца Оранского".

На письмо, адресованное доном Джоном в штаты 7 августа, еще не было ответа. Вскоре после этого, почувствовав себя более осознанным в своем положении и, возможно, менее охваченным негодованием, он направил им еще одно сообщение 13 числа того же месяца. В этом послании он выразил крайнее стремление к миру и сердечное желание освободиться, если это возможно, от своего самого тягостного положения. Он заявил перед Богом и людьми, что его намерения были самыми честными и что он ненавидит войну больше всего на свете. Он утверждал, что, если его персона была им так отвратительна, как казалось, он был готов покинуть страну, как только король назначит его преемника. Он напомнил им, что вопрос о мире или войне лежит не на нем, а на них; и что мир объявит виновными тех, на ком лежит ответственность. В заключение он сделал замечание, которое по своей скромности показалось достаточно ироничным, что, если они полностью закончили чтение депеш из Мадрида на его адрес, которые они перехватили, он должен быть благодарен за возможность прочитать их самому. Поэтому он выразил надежду, что они будут направлены в Намюр.

На второй день на это письмо был дан довольно подробный ответ. Штаты сделали свои обычные заявления о привязанности к его Величеству, о своей верности католической церкви, о своей решимости соблюдать как Гентский мирный договор, так и Бессрочный эдикт. Они отрицали всякую ответственность за нынешнее катастрофическое состояние отношений между ними и правительством, распустив почти все свои собственные войска, в то время как губернатор усиливал свои силы вплоть до периода своего отступления в Намюр. Он действительно заявлял о дружбе и искреннем желании мира, но перехваченные письма Эсковедо и его собственные раскрыли им коварные планы, к которым он прислушивался, и интриги, которые он проводил. Они оставили на его совести вопрос о том, могли ли они разумно полагать после прочтения этих документов, что он намеревался сохранить Гентский или любой другой международный договор; и не были ли они оправданы в своем обращении к естественному праву на самооборону.

Дон Джон уже полностью осознавал совершенную им отчаянную ошибку. Захватив Намюр и попытавшись захватить Антверпен, он бросил вызов. Желая мира, он в панике ярости и

беспокойства объявил и разыграл войну. Мост за его спиной был разрушен, корабли сожжены, разверзлась пропасть, возвращение к миру стало почти невозможным. И все же больно наблюдать почти страстное стремление, которое временами, казалось, овладевало им, уладить ссору, наряду с его абсолютной неспособностью оценить свое положение. Принц торжествовал; губернатор попал в ловушку. Более того, это была ловушка, в которую он не только попал добровольно, но и сам подстроил ее; он сыграл на руку принцу и был в бешенстве, видя, что его противник спокойно выигрывает игру. Было почти грустно наблюдать за переходом его тона от надменного негодования к мрачной уступчивости. В подробном письме, которое он адресовал "отдельным штатам, епископам, советникам и городам Нидерландов", он заявлял о невинности своих намерений и горько жаловался на клевету, распространяемую с целью его дискредитации принцем Оранским. Он отрицал какое-либо намерение отозвать распущенные им войска, за исключением случая абсолютной необходимости: он подтвердил, что его Величество искренне желает мира. Он утверждал, что страна была либо против короля, либо против католической религии, либо против него самого, либо против всех трех вместе взятых. Он с горечью спросил, какие еще уступки требуются. Разве он не выполнил все, что когда-либо обещал? Разве он не уволил испанцев, не передал замки в руки туземцев, не восстановил привилегии, не смирился с оскорблениями и непристойностями? Тем не менее, несмотря на все произошедшее, он заявил о своей готовности уйти в отставку, если удастся назначить другого принца или принцессу крови, более приемлемых для них. За письмом штатам последовало предложение о прекращении военных действий и назначении комиссии для разработки средств добросовестного выполнения Гентского договора. Это предложение было возобновлено несколько дней спустя вместе с предложением об обмене заложниками.

Для поместий не составило труда ответить на письма губернатора. Действительно, в этом печальном споре не было недостатка в аргументах ни с одной из сторон. Удручающе созерцать бесконечный обмен протоколами, декларациями, требованиями, апостилиями, копиями и репликами на реплики, которые составляли суть администрации дона Джона. Никогда еще рыцарский поступок крестоносца не был так неуместен. В то время Филиппу требовался не солдат, а писец. Вместо знаменитого меча Лепанто "варварское перо" Хопперуса гораздо больше подходило для требуемой работы. Каракули Иоахима на военной галере, в паре с турецким капитан-пачей, вряд ли могли чувствовать себя менее непринужденно, чем этот блестящий воин, обреченный таким образом на каракули и лицемерие. Переходя от уступки к уступке, он обнаружил, что штаты с каждым днем проявляют все больше недоверия и совершают все более глубокие посягательства. Более того, его поступки до того момента, когда он, казалось, захотел вернуться по своим следам, безусловно, были, по меньшей мере, двусмысленными. Поэтому для истейтс было естественно в ответ на вопросы в его письме заметить, что он действительно прогнал испанцев, но вмешался в дела немцев и удержал их; что он действительно передал цитадели в руки туземцев, но что он изо всех сил пытался снова отобрать их; что он действительно заявлял о стремлении к миру, но что его перехваченные письма доказывают его подготовку к войне. Уже ходили слухи о том, что испанские войска небольшими отрядами возвращаются из Франции. Уже было известно, что губернатор набирает новых наемников на место тех, кого он безуспешно пытался привлечь под свои знамена. Фактически, уже 26 июля маркиз д'Айямонте в Милане и дон Хуан де Идиакес в Генуе получили письма от дона Иоанна Австрийского, в которых говорилось, что, поскольку провинции нарушили свои обязательства, он больше не будет удерживаться самостоятельно, и выражалось его желание, чтобы ветеранские войска, которые совсем недавно были выведены

из Фландрии, немедленно вернулись. Вскоре после этого Александр Фарнезе, принц Пармский, получил инструкции от короля руководить этими передвижениями и передать помощь своего собственного, уже выдающегося военного гения своему дяде в Нидерландах.

С другой стороны, штаты с каждым днем все острее ощущали свою силу. Руководствуясь, как обычно, Orange, они уже приняли тон в своей переписке, который, должно быть, часто казался губернатору нелояльным, а иногда и откровенно оскорбительным. Они даже ответили на его намеки об отставке в пользу какого-нибудь другого принца крови, выразив надежду, что его преемник, если он вообще является членом королевского дома, будет, по крайней мере, законным. Это был серьезный выпад в адрес надменного вождя, чей имперский вид редко выдавал какое-либо внимание к Барбаре Бломберг и зловещему изгибу на его щите. С помощью брабантской прямоты ему дали понять, что брачной церемонии в Нидерландах придается большее значение, чем он, казалось, представлял. Категорические требования, выдвинутые сословиями, казались еще более неудобоваримыми, чем подобные сопутствующие оскорбления, поскольку теперь они официально подтвердили взгляды Оранжа на конституционное управление провинциями. В своем письме от 26 августа они выразили готовность, несмотря на прошлые проступки губернатора, снова оказать ему свое доверие; но в то же время они перечислили условия, которые при его образовании и взглядах вряд ли могли показаться ему приемлемыми. Они требовали от него распустить всех солдат, находящихся у него на службе, немедленно выслать немцев из страны, отстранить от должностей всех иностранцев, как гражданских, так и военных, и отказаться от своего тайного союза с герцогом де Гизом. Они настаивали на том, что отныне он должен управлять страной только по совету и с согласия Государственного совета, что он должен исполнять то, что должно быть предписано там большинством голосов, что ни меры, ни депеши не должны быть обязательными или аутентичными, если они не составлены на этом совете. Это, безусловно, были взгляды на управление, которые, даже если и соответствовали здравому историческому взгляду на конституции Нидерландов, вряд ли соответствовали инструкциям его монарха, его собственному мнению или практике правления Алвы и Рекесенса, но страна все еще находилась в состоянии революции, и партия принца одерживала верх.

Это было решение этого великого государственного деятеля, согласно тому, что он считал законной практикой правительства, вернуть управление Государственному совету, исполнительный орган которого по праву должен был назначаться генеральными штатами. В генеральных штатах, как и в штатах в частности, постоянно заботились об укреплении наиболее популярного элемента, "сообщества" каждого города, совокупности, то есть представителей его гильдий и признанных бюргеров. Такова была, по мнению принца, истинная теория правления — республиканского во всем, кроме формы, — находящегося под наследственной защитой, а не под деспотической властью семьи, права которой теперь были почти утрачены. То, что эти взгляды были таким образом официально объявлены не только в Голландии и Зеландии, но и депутатами генеральных штатов, было большим шагом вперед, хотя такая доктрина гордому желудку дона Джона казалась достаточно отталкивающей. Не менее важным был холодный намек, с которым газета заканчивала, что, если он выполнит свою угрозу об отставке, страна стойко перенесет его потерю, в сочетании с заявлением о том, что до назначения его преемника Государственный совет будет считать себя временно исполняющим обязанности правительства. Тем временем губернатору было предложено не клеветать на поместья иностранных правительств, как он совсем недавно сделал в своем перехваченном письме вдовствующей императрице.

Получив это письмо, "Дон Джон, - говорит верный старый хронист, - обнаружил, что журавли пригласили лягушку на обед". По правде говоря, прославленный солдат никогда не добивался особого успеха в своих попытках, за которые его враги ставили ему в заслугу, отделать шкуру льва от шкуры лисы. Теперь он чувствовал, что его разоблачили и перехитрили, хотя и не подозревал о каком-либо очень темном умысле. Он ответил на письмо штатов длинным сообщением, датированным замком Намюр 28 августа. В стиле он был сравнительно сдержан, но оправдание, которое он пытался найти своему прошлому поведению, было не очень удачным. Он обратил внимание на три различных пункта, которые легли в основу выдвинутых против него обвинений, а именно на перехваченные письма, интриги с немецкими полковниками и захват Намюра. Он не отрицал авторства писем, но удовлетворился ссылкой на их дату, как будто их приоритетность перед его назначением на пост губернатора служила достаточным оправданием недобросовестности, о которой свидетельствовали письма. Что касается депеш Эсковедо, то он отрицал ответственность за какие-либо заявления или мнения, которые они могли содержать. Однако, поскольку секретарь был известен как его самый близкий друг, эта попытка скрыть его собственное соучастие была сочтена необразительной и некрасивой. Что касается переписки с полковниками, то его защита была едва ли более успешной и основывалась на общих обвинениях принца Оранского. Поскольку этот персонаж был взволнованным и беспокойным, губернатор настаивал на невозможности, чтобы он сам оставался спокойным. Не в его власти было привести в исполнение договор и эдикт перед лицом заведомого упущения со стороны его противника привести в исполнение одно или опубликовать другое. Сложить оружие, пока принц и его приверженцы вооружались, не соответствовало ни его достоинству, ни его безопасности. Он должен был бы поставить себя "в очень глупое положение", если бы позволил вооруженному диктовать себе, что он безоружен. В свою защиту по третьему пункту, о захвате замка Намюр, он рассказал о различных обстоятельствах, с которыми читатель уже знаком. Он особо подчеркнул драматическую манеру, с которой виконт Де Ганд глубокой ночью задернул шторы; он подробно рассказал о зловещем предупреждении, которое он также получил от герцога Эршо в Брюсселе, и закончил подробным отчетом о засаде, которую, как он полагал, устроил для него граф Де Лален. Письмо заканчивалось надеждой на урегулирование трудностей, которые губернатор пока не признал непреодолимыми, и просьбой о проведении официальной конференции, сопровождаемой обменом заложниками.

Пока шла эта переписка между Намюром и Брюсселем, в Антверпене произошло событие, которое доставило большое удовлетворение Orange. Ярость Испании и недавняя неудачная попытка донна Иоанна овладеть знаменитой цитаделью побудили власти последовать совету, который принц так часто давал напрасно, и крепость Антверпен была в конце концов стерта с лица земли со стороны, обращенной к городу.— Правильнее было бы сказать, что не власти, а сам город наконец поднялся и сбросил с себя седло, которым его так долго терзали. Более десяти тысяч человек постоянно находились на работе утром, в полдень и ночью, пока снос не был завершен. Серьезные магистраты, знатные люди, прекрасные дамы, горожане и их жены, нищие и их дети - все работали вместе, как один. Всем не терпелось приложить руку к уничтожению гнезда, в котором вынашивалось столько убийств, откуда разлетелось столько опустошения. Работа была не долгой для столь усердных рабочих, и вскоре крепость была заложена в том квартале, где она могла нанести вред жителям. По ходу работ старая статуя Альвы была обнаружена в забытом склепе, где она пролежала с тех пор, как была сброшена по приказу Рекезенса. Посреди разрушения крепости гигантский призрак ее основателя,

казалось, внезапно выступил из мрака, но это явление подлило масла в огонь народного гнева. К образу проклятого Правителя были прикованы с такой яростью, как будто бронзовое изваяние могло чувствовать их удары или понимать их гнев. Его вынесли из его темного укрытия на дневной свет. Тысячи рук были готовы протащить его по улицам для всеобщего осмотра и возмущения. Тысяча кувалд были готовы разбить его вдребезги, по крайней мере, с той малой долей удовлетворения, с каким те, кто держал их в руках, нанесли бы такие же удары по голове самого тирана. Вскоре он превратился в бесформенную массу. Небольшие порции уносили и сохраняли в семьях на протяжении поколений как семейные реликвии ненависти. Основная масса была снова расплавлена и путем самой естественной метаморфозы вновь превращена в пушку, из которой она первоначально вылетела.

Разрушение антверпенской цитадели послужило примером, которому последовали в других местах; в частности, Гентский замок был немедленно сровнен с землей на фоне демонстраций всеобщего энтузиазма. Тем временем переписка между доном Джоном и поместьями в Брюсселе тянулась медленно, и в то же время два тщательно продуманных письма были адресованы королю 24 августа и 8 сентября генеральным управлением Нидерландов. Эти документы, которые были длинными и содержательными, дали яркое представление о прошлых пороках и о нынешних осложнениях беспорядков, в условиях которых переживало содружество. Они, как обычно, просили королевского средства правовой защиты и выражали свои сомнения в возможности какого-либо искреннего примирения до тех пор, пока нынешний губернатор, двуличие и наглость которого они представляли в очень ярком свете, будет оставаться на своем посту. Однако, если его Величество предпочтет оставить дону Джона в правительстве, они выразили свою готовность, принимая во внимание его природные достоинства, извлечь максимум пользы из этого дела. Однако, если отчуждение между ними и губернатором покажется непоправимым, они будут умолять назначить на его место другого законного принца крови.

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА:

Страна перенесет его потерю с мужеством
Ее смирение казалось достаточно ироничным
Не на словах, а на действиях
Совершенство наглости
Удивительно ли, что убийство встречается чаще, чем верность?

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 29

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА IV.

Приглашение Оранского посетить Брюссель—Его переписка по этому поводу с генеральным прокурором —Триумфальное путешествие принца в столицу—Прекращение им переговоров с доном Джоном —Новые и строгие требования, предъявленные губернатору —Его возмущение —Открытый разрыв—Интрига нидерландских вельмож с эрцгерцогом Матиасом—Политика Оранского—Позиция королевы Елизаветы—Бегство Матиаса из Вены—Беспокойство

Елизаветы—Ловкость принца—Награда—Избрание Оранского в это звание—Его жалобы на знатных людей—Эршот, губернатор Оранского королевства. Фландрия—В Генте назревает буря—Рыхове и пропитывание кровью—Член совета Гессельс-Высокомерие аристократической партии Фландрии—Секретное интервью Рыхова Оранскому—Вспышка в Генте—Арест Эршота, Гессельса и других представителей реакционной партии—Герцог освобожден по требованию Оранского—Визит принца в Гент—Риторические демонстрации—Характеристика нового Брюссельского союза—Договор с Англией—Статьи, согласно которым Матиас номинально назначен генерал—губернатором—Его инаугурация в Брюсселе—Блестящие и фантастические церемонии—Письмо послание дона Джона императору—Его гнев на Англию—Сбор армии—Прибытие Александра Фарнезе—Неразумное распределение должностей в армии Штатов—Армия Штатов отступает к Гемблуру, за которым следует Дон Джон—Грандиозное поражение патриотов—Поразительная разница в соответствующих потерях двух армий.

Пока решались эти вопросы, генеральные штаты предприняли важный шаг. Принц Оранский был официально и срочно приглашен прибыть в Брюссель, чтобы помочь им своим советом и присутствием. Осужденный предатель не появлялся в столице одиннадцать лет. Мы рассказали об обстоятельствах его отъезда, когда приближающиеся трубы армии Альвы были почти слышны вдалеке. Было описано его запоминающееся и предостерегающее интервью с Эгмонтом. С того периода, хотя его дух всегда проявлялся в столице как реальное присутствие; хотя он был магнитом, к которому невольно тянулись штаты на протяжении всех их колебаний, все же он всегда был невидим. Он был вызван Советом Крови, чтобы предстать перед судом, и был приговорен к смерти заочно. Он ответил на призыв неповиновением, а на осуждение - двумя кампаниями, внешне неудачными, но на самом деле подорвавшими власть государя.

С тех пор представитель королевской семьи подал в суд на осужденного предателя с просьбой о прощении. Надменный брат Филиппа чуть не упал на колени, чтобы принц назвал свои условия и принял протянутую руку его величества.

Принц отказался, но не из упрямства, а из недоверия. Он отверг мольбы, как пренебрег проскрипцией короля. Между разрушителем и защитником народа не могло быть дружбы. Если бы принц желал только отмены своего смертного приговора и бесконечного возвышения своей семьи, мы видели, насколько полно он держал бы эти вопросы в своей власти. Никогда еще объявленному вне закона патриоту не было так легко, правдоподобно и заманчиво повернуться спиной к почти загубленному делу. Мы видели, как его храбрый и утонченный батавский прототип Цивилис расправился с представителем римского деспотизма. От возможной или невозможной Нидерландской республики первого века нашей эры неохотно отказались, но современный Цивилис справедливо больше доверял своему народу.

И теперь сцена снова изменилась. Сын императора, брат короля, был фактически осажден; объявленный вне закона мятежник пришел к победе после долгой серии поражений. Нация повсюду признавала его хозяином и была в нескрываемом бунте против помазанного государя. Знатные люди, ненавидевшие Филиппа, с одной стороны, и реформатскую религию - с другой, были вынуждены, повинаясь диктату народа, к которому они испытывали мало симпатии, признать власть кальвинистского князя, которому они глубоко завидовали. Даже мимолетный и неспособный Эршо был вынужден имитировать приверженность; даже храбрый Шампани, искренний ненавистник испанцев, но самый преданный католик, "самый влиятельный человек в

то время в Брюсселе", как писал Берли посол Уилсон, стал "брабантизированным", как выразился его брат Гранвель, и был одним из уполномоченных, пригласивших великого мятежника в Брюссель. Другими посланниками были настоятель монастыря Святой Гертруды, доктор Леонин и сеньор де Лизвельт. Эти джентльмены, прибыв в Гертруйденберг, преподнесли принцу краткий, но очень важный мемориал. В этом документе они информировали его, что генеральные штаты, зная, насколько эффективным будет его присутствие, по причине его исключительной осмотрительности, опыта и любви к благополучию и покою страны, единодушно объединились в мольбе, чтобы он немедленно отправился в город Брюссель, чтобы там посоветоваться с ними относительно нужд страны; но, поскольку основная клевета, использованная их противниками, заключалась в том, что все провинции и ведущие лица намеревались сменить как государя, так и религию, по наущению его Превосходительства, было желательно, чтобы он немедленно отправился в Брюссель. опровергайте подобные вымыслы. Поэтому они очень серьезно просили принца продемонстрировать обратное, чтобы всем стало ясно, что его Превосходительство вместе с поместьями Голландии и Зеландии намереваются верно выполнить то, что они обещали. Поэтому они молились, чтобы принц, разрешив исповедовать римско-католическую религию в тех местах, которые недавно приняли его власть, также разрешил исповедовать ее в Голландии и Зеландии. Далее они просили, чтобы он пообещал новым и аутентичным актом, что провинции Голландия и Зеландия не допустят, чтобы указанное отправление было подвергнуто сомнению, или чтобы в других провинциях Нидерландов было введено какое-либо новое богослужение.

Это письмо можно было бы рассматривать почти как ловушку, расставленную католической знатью. Конечно, Гентское умиротворение запрещало реформированную религию по форме и, столь же несомненно, подмигивало ее осуществлению на самом деле. Доказательством было то, что новое богослужение распространялось повсюду, что изгнанники по соображениям совести возвращались толпами и что на синоде реформатских церквей, недавно состоявшемся в Дорте, публично присутствовали служители и дьяконы многочисленных раскольнических церквей, основанных в самых разных местах по всем провинциям. Давление эдиктов, ужас перед отменой инквизиции, попорченная религия возникли из земли более свежими, чем когда-либо.

Принц вряд ли попал бы в ловушку, если ловушка действительно была задумана. Он ответил послам лояльно, но с явными оговорками. Он даже не принял приглашение, за исключением условия, что его визит в Брюссель должен быть прямо санкционирован Голландией и Зеландией. Несмотря на его желание еще раз увидеть свою дорогую страну и насладиться хорошей компанией своих лучших друзей и братьев, он считал своим долгом заранее связаться со штатами этих двух провинций, между которыми и им самим были такие тесные и взаимные обязательства, такая испытанная и верная привязанность. Поэтому он просил передать этот вопрос ассамблее упомянутых провинций, которая должна была состояться в Гауде, где, фактически, разрешение на его поездку было получено, не без значительных трудностей, несколько дней спустя.

Что касается более сложных просьб, адресованных ему в меморандуме, то он в целом заявил о своем намерении выполнить Гентский мирный договор. Он заметил, однако, что вопрос о разрешении отправления римско-католической религии в Голландии и Зеландии касался главным образом поместий этих провинций, которые не соглашались на какие-либо нововведения в этом вопросе, по крайней мере, до созыва генеральных штатов. Поэтому он

предположил, что он не может и не должен допускать никаких нововведений без ведома и согласия этих сословий. Что касается обещания подлинным актом, что ни он, ни две провинции не допустят, чтобы отправление католической религии каким-либо образом подвергалось сомнению в остальной части Нидерландов, принц выразил удовлетворение обещанием, что, согласно упомянутому Гентскому соглашению об умиротворении, они не потерпят никаких попыток посягательства на общественный покой или католическое богослужение. Он добавил, что, поскольку у него не было намерения узурпировать какое-либо превосходство над генеральными штатами, собравшимися в Брюсселе, он был доволен тем, что предоставил урегулирование этого вопроса их свободной воле и мудрости, взяв на себя обязательство не предлагать и не допускать каких-либо препятствий для их деятельности.

Говорят, что этим ответом депутаты были очень довольны. Если так, то следует признать, что они были благодарны за небольшие услуги. Они просили ввести католическую религию в Голландии и Зеландии. Принц просто направил их в поместья этих провинций. Они попросили его гарантировать, что исповедание реформированной религии не будет "обеспечиваться" в остальной части страны. Он просто пообещал, что католическому богослужению не будут препятствовать. Разница между условиями запроса и ответа была достаточно большой.

Поместья Голландии и Зеландии с трудом дали согласие на его поездку, и его жена со многими слезами и тревожными предчувствиями наблюдала, как он отбывает в столицу, где пали головы его храбрых и могущественных друзей и где все еще скрывалось так много его смертельных врагов. Во время его отсутствия во всех церквях Голландии и Зеландии ежедневно возносились молитвы о его безопасности по распоряжению властей поместий.

Он прибыл в Антверпен 17 сентября и был принят с необычайным энтузиазмом. Принц, отправившийся в путь один, даже без телохранителей, держал за щитом все население великого города. Здесь он провел пять дней, со многими вздохами наблюдая за печальными переменами, произошедшими за долгое время его отсутствия. Недавние следы ужасной "Ярости", почерневшие стены Hotel de Ville, поверженные руины мраморных улиц, которые он знал как самые величественные в Европе, вряд ли могли быть искуплены в его глазах даже более приятным зрелищем разобранной крепости.

23 сентября при огромном стечении горожан он отправился по новому каналу, ведущему в Брюссель, где его и его свиту ждали три баржи. В одном был устроен пир; во втором, украшенном эмблемами и задрапированном знаменами семнадцати провинций, он должен был совершить краткое путешествие; в то время как третье было заполнено неизбежными обществами риториков со всеми чудесами их драматической и пластической изобретательности. Редко когда раньше можно было увидеть такое сочетание пороков и добродетелей, сокрушенных драконов, победоносных архангелов, разорванных оков и возрождающихся национальностей в пределах одной лодки по каналу. Однако привязанность была искренней, а дух благородным, хотя вкус, руководивший этими увещеваниями, возможно, был несколько педантичным.

За несколько миль до ворот Брюсселя принца встретила процессия, состоящая почти из половины жителей города, и в таком сопровождении он въехал в столицу днем 23 сентября. Это был самый гордый день в его жизни. Представители всех провинций, поддерживаемые неоспоримым рвением объединенного нидерландского народа, приветствовали "отца Уильяма". Сбитые с толку, не согласные, ненавидящие, боящиеся, сомневающиеся, они ничему

не могли верить, ничего не уважали, ничего не любили, кроме "спокойного" принца. Его присутствие в тот момент в Брюсселе было триумфом народа и религиозной терпимости. Он намеревался воспользоваться кризисом для расширения и обеспечения прав народа и установить верховенство генеральных штатов под номинальным суверенитетом какого-нибудь князя, которого еще предстояло выбрать, в то время как исполнительным органом должен был быть государственный совет, назначаемый генеральными штатами. Судя по всему, он еще не определился с будущим защитником, но решил, что это не должен быть ни он сам, ни Филипп Испанский. Преступник прибыл в Брюссель, готовый, наконец, растоптать суверенитет, который сам себя лишил. Насколько он мог сделать какой-либо выбор в своей душе, его выбор склонился к несчастному герцогу Анжуйскому; принцу, которого он так и не узнал так, как его знали потомки, но которого он, по крайней мере, научился презирать. До сих пор никчемный и ничтожный интриган все еще носил героическую маску, вводя в заблуждение даже таких дальновидных политиков, как Святая Альдегонда и принц.

Первым действием Уильяма было положить конец уже начавшимся переговорам с доном Джоном. Он предполагал, что они приведут к войне, потому что мир был невозможен, за исключением мира, в обмен на который была бы обменена гражданская и религиозная свобода, поскольку, по его мнению, было бы напрасно ожидать от испанского губернатора соблюдения Гентского перемирия, какие бы обещания ни были вымоганы у его сторонников. Депутация от имени штатов уже была отправлена со свежими предложениями к дону Джону в Намюр. Посланниками были Каспар Шец и епископ Брюгге. Они почти пришли к дружескому соглашению с губернатором, условия которого были направлены в генеральные штаты для утверждения в самый момент прибытия принца в Брюссель. Оранжевые с большой поспешностью предотвратили ратификацию этих условий, за принятие которых сословия на самом деле уже проголосовали. К тем, которые первоначально были представлены дону Джону, были добавлены новые статьи. Теперь было оговорено, что Гентский мирный договор и Бессрочный эдикт должны быть сохранены. От губернатора потребовали немедленно покинуть замок Намюр и распустить немецкие войска. Он должен был сдать другие цитадели и укрепления и распустить всех солдат, находившихся у него на службе. Он должен был приказывать губернаторам каждой провинции запретить въезд всех иностранных рекрутов. Он должен был немедленно освободить пленников, вернуть конфискованное имущество и восстановить в должности уволенных офицеров, оставив детали таких восстановлений совету Мехлина и другим провинциальным судам. Он должен был добиться, чтобы граф Ван Бюрен был освобожден в течение двух месяцев. Сам он, ожидая назначения своего преемника, должен был переехать в свою резиденцию в Люксембурге, и, находясь там, он должен был полностью руководствоваться решением Государственного совета, выраженным большинством его членов. Более того, и это было не последнее из этих резких требований, королева Англии — та, кто была тайным союзником Оранского и чью корону губернатор втайне намеревался присвоить, — должна была быть включена в договор.

Едва ли можно было удивляться тому, что дон Джон, получив эти дерзкие предложения в тот самый момент, когда он услышал о триумфальном въезде принца в Брюссель, преисполнился ярости и унижения. Никогда еще неверные не подвергали защитника Креста такому нападению. Гентский договор, согласно оранжевой интерпретации, то есть узаконению ереси, должен был стать законом страны. Его Величество должен был сдать знамена и пушки своим взбунтовавшимся подданным. Королевская власть должна была быть заменена властью Государственного совета, назначаемого генеральными штатами под диктовку принца. Сам

генерал-губернатор, брат его католического величества, должен был спокойно сидеть, скрестив руки на груди, в Люксембурге, в то время как главный еретик и мятежник безраздельно правил в Брюсселе. Было бы чудесно ожидать, что солдат-холерик удовлетворится тем, что он не мог не считать бесчестной капитуляцией. Эта договоренность казалась ему примерно такой же разумной, как было бы пригласить султана Селима в Эскориал и отправить Филиппа проживать в Байонну. Он не мог не рассматривать все это предложение как наглое объявление войны. Он был прав. Это было объявление войны; настолько, насколько если бы его провозгласил трамп из herald. Как мог дон Джон отказаться от столь высокомерно предложенного боевого пари?

Гладкий Шец, лорд Гроббендонка, и его коллега по епископальной церкви тщетно пытались утихомирить гнев губернатора, который теперь выплеснулся наружу вопреки всем соображениям.

Они безуспешно пытались смягчить присутствие Оранжа и обстоятельства его приема, поскольку было маловероятно, что их красноречие заставит губернатора взглянуть на ситуацию их глазами. Было оговорено, что военные действия будут приостановлены на три дня, и дон Джон был крайне возмущен тем, что поместья больше не будут заключать перемирие. Однако отказ был достаточно разумным с их стороны, поскольку они знали, что к нему постоянно возвращаются испанские и итальянские ветераны и что он с каждым днем укрепляет свои позиции. Посланники вернулись в Брюссель, чтобы рассказать о гневе губернатора, который они не могли назвать противоестественным, и помочь в подготовке к войне, которая теперь считалась неизбежной. Дон Иоанн, оставив сильный гарнизон в цитадели Намюра, откуда он отправил последнее сообщение генеральному управлению, датированное 2 октября, удалился в Люксембург. В этом письме, не выражая прямого вызова, он недвусмысленно признал враждебность, которая была навязана ему, и ответил на их пустые заявления о приверженности католической религии и авторитету его Величества, осудив их очевидные намерения попать и то, и другое. Короче говоря, он дал им понять, что понимает их намерения и хотел, чтобы они поняли его собственные.

Таким образом, ссора была доведена до конца, и дон Джон с мрачным самодовольством увидел, что перо наконец-то будет заменено шпагой. Теперь была опубликована замечательная брошюра на семи разных языках: латыни, французском, фламандском, немецком, итальянском, испанском и английском, содержащая краткий отчет о разбирательстве между губернатором и поместьями, а также копии перехваченных писем дона Джона и Эсковедо королю, Пересу, немецким полковникам и императрице. Этот труд, составленный и опубликованный по приказу генерального штаба, был разослан с сопроводительным обращением каждому властителю христианского мира. Вскоре за этим последовало встречное заявление, подготовленное по приказу дона Джона и содержащее его отчет по тем же вопросам с его взаимными обвинениями в отношении поведения поместий.

Тем временем третья сторона сделала еще один важный ход в этой сложной игре. Католическая знать, завидовавшая растущему влиянию Оранского и возмущенная растущей властью народа, начала секретные переговоры с эрцгерцогом Матиасом, тогда мягким двадцатилетним юношей, братом правящего императора Рудольфа. После того, как этот вопрос некоторое время обсуждался в тайне, ближе к концу сентября было решено отправить гонца в Вену с частным приглашением молодого принца в Брюссель, но, к большому удивлению этой знати, выяснилось, что около пятнадцати или шестнадцати вельмож страны, среди которых Эршо,

Гавр, Шампани, Де Вилль, Лален, Де Хез и другие, уже проявили инициативу в этом вопросе. 26 августа сеньор де Мальстид, согласно их договоренности, отправился в Вену. Нет сомнений, что этот шаг был вызван ревностью по отношению к Orange, но в то же время несомненно, что несколько руководителей предприятия все еще были его друзьями. Некоторые, как Шампани и Де Хезе, были искренни в этом; другие, как Эршо, Хаврд и Де Вилль, всегда в душе предатели национального дела, преданные только собственному продвижению, все еще были, по-видимому, в наилучших отношениях с ним. Более того, несомненно, что он был осведомлен об этом плане, по крайней мере, до прибытия эрцгерцога в Нидерланды, поскольку маркиз Гавр, направлявшийся в Англию в качестве специального посланника от поместий, имел с ним совещание в Гертруйденберге. Это было в середине сентября, перед его отъездом в Брюссель. Естественно, поначалу это предложение показалось совсем не приятным, но впоследствии маркиз утверждал, что наконец-то убедил принца взглянуть на него более благосклонно. Тем не менее, этот шаг был предпринят до проведения консультаций; и это был не первый случай, когда к Orange обращались за советом относительно принятия той или иной меры после того, как эта мера была принята.

Какими бы ни были его первоначальные чувства по этому поводу, однако, он всегда был менее склонен жаловаться на необратимые события, чем быстро согласовывал их со своими собственными комбинациями, и вскоре обнаружилось, что новый камень преткновения, который его противники поставили на его пути, можно было превратить в дополнительную ступеньку к его цели. Между тем тайное приглашение эрцгерцогу было расценено народом и иностранными зрителями как заговор, задуманный его врагами. Дэвисон, посланник королевы Елизаветы, находился тогда в Брюсселе и сообщил своей королевской любовнице, чьи чувства и симпатии были однозначно в пользу Оранского, об интригах против принца. Усилия Англии, естественно, были направлены на противодействие планам всех, кто вмешивался в его политику, особенно королевы, с присущей ей проницательностью предвидевшей вероятную склонность католической знати к протекторату Алансона. Она не была уверена в точных планах Оранжа, и не было лучшего способа отвлечь ее от бесплодного кокетства к серьезным занятиям, чем возбудить в ней ревность к французскому влиянию в провинциях. В этот момент она проявила к принцу самую теплую дружбу.

Она передала его жене дорогие подарки; среди прочего, украшение, частью которого была скульптурная ящерица. Принцесса в изящном письме своему мужу, желая, чтобы ее благодарность была передана ее английскому величеству, приняла подарок как значимый. "Это легендарная способность ящерицы (сказала она) пробуждать спящих, которых змея собирается ужалить. Ты - ящерица, а Нидерланды — спящие, - молись Небу, чтобы они избежали укуса змеи". Следовательно, принц был хорошо осведомлен о заговорах, которые плелись против него. Он мало верил в великую знать, которой доверял "как гадюке клыкастой", и полагался только на общины, на массу бюргеров. Они заслуживали его доверия и ревниво следили за его безопасностью. Однажды, когда он допоздна был занят в Государственном совете, горожане подняли такую тревогу, что многие из них спонтанно вооружились и направились во дворец. Принц, узнав об этом обстоятельстве, распахнул окно и обратился к ним, поблагодарив за дружбу и заверив в своей безопасности. Однако они не удовлетворились тем, что оставили его в покое, и оставались внизу под охраной до окончания сеанса, после чего с искренним уважением сопровождали его в его собственный отель.

Тайный посланник прибыл в Вену и возбудил честолюбие юного Матиаса. Следует признать, что предложение вряд ли могло быть очень заманчивым, и нас удивляет, что эрцгерцог счел это приключение стоящим того, чтобы его искать. Самая необычная должность в Нидерландах была предложена ему узкой и безответственной группой нидерландцев. Перед ним открывалась тройная перспектива: безнадежная интрига против первого политика Европы, смертельная схватка с самым известным завоевателем эпохи, смертельная вражда с самым могущественным и мстительным монархом в мире. В это тройственное предприятие он собирался пуститься без каких-либо достаточных ресурсов, поскольку эрцгерцог не обладал ни опытом, ни властью, ни богатством. Следовательно, он не придавал сил делу, которое само по себе было слабым. Он не мог надеяться ни на какую защиту и не внушал никакого доверия. Тем не менее, у него были смелость, уступчивость и склонность к политическим авантюрам. Видения о том, как сбитый с толку Филипп отдает руку своей дочери с Нидерландами в качестве ее приданого предприимчивому юноше, который на данном этапе должен преуспеть в свержении испанской власти в этой стране, были вызваны теми, кто организовал заговор, и он был достаточно слаб, чтобы счесть подобные нелепости правдоподобными и немедленно отправиться во владение этим воздушным замком.

Вечером 3 октября 1577 года он удалился отдыхать в восемь часов, притворившись крайне сонным. Дождавшись, пока его брат Максимилиан, который спал на другой кровати в той же комнате, уснет, он выскользнул из своей кушетки и вышел из комнаты в ночной рубашке, даже не надев тапочки. Вскоре после этого товарищи по побегу снабдили его личиной слуги, в которой, с почерневшим лицом, он к полуночи сбежал из Вены, но сомнительно, чтобы Рудольф был так же неосведомлен об этом плане, как притворялся.

(По мнению Лангве, император притворялся, что не знал о заговоре в его начале, что впоследствии он проявил первоначальное попустительство и что он был одинаково неискренен в обоих случаях.)

Эрцгерцог прибыл в Кельн в сопровождении всего двух джентльменов и нескольких слуг. Губернатор был вне себя от ярости; королева Англии была возмущена; только принц, против которого главным образом была направлена эта мера, сохранял свое обычное спокойствие.

Секретарь Уолсингем, как только новость достигла Англии, послал за Миткерком, коллегой маркиза Гавра по миссии из поместий. Он сообщил этому чиновнику о большом замешательстве и возбуждении, которые, согласно информации, полученной от английского резидента Дэвисона, в то время царили в Брюсселе в связи с приближением эрцгерцога. Некоторые, по его словам, были за то, чтобы принять его в одном месте, некоторые - в другом; другие были за то, чтобы вообще запретить ему въезд. Раньше все было достаточно сложно и без этой дополнительной причины для путаницы. Дон Джон ежедневно укреплял свои силы благодаря тайному агентству герцога Гиза и его партии. Его воинственный гений был хорошо известен, как и опыт солдат, которые быстро сплотились под его знаменами. С другой стороны, герцог Алансонский прибыл в Ла-Фер и тоже собирал войска, в то время как противостоять этой толпе соперничающих врагов, справиться с этим сонмом надвигающихся бедствий мог только один человек в Нидерландах. Только на принца Оранского могли положиться растерянные государства. Только на его благоразумие и доблесть королева могла смотреть с надеждой. Поэтому секретарь проинформировал посланника о том, что ее Величество сочла бы себя вынужденной отказаться от всякой помощи со стороны штатов, если бы принц Оранский был

лишен своего руководства; ибо только на это руководство она полагалась для достижения успешного результата. Она была совершенно не готова идти на неопределенный риск при невозможности получить прибыль.

Миткерке ответил секретарю, заметив, что на данном этапе высшая знать страны была единодушна в желании назначить нового генерал-губернатора. Они думали, что Матиас, имея сильный Государственный совет, состоящий из коренных нидерландцев, который мог бы контролировать его, вероятно, окажется подходящим кандидатом на этот пост. У них были основания полагать, что после того, как он будет принят, император примирится с этой мерой и что его заступничество заставит короля Испании также согласиться. Более того, он упомянул о совещании между маркизом Гавром и Оранским в Гертруденберге и процитировал мнение принца о том, что было бы неразумно после получения приглашения оскорблять эрцгерцога и весь его императорский дом, подвергая его унижающему достоинство избиению по прибытии. Был неизбежно, сказал посланник, что на больших собраниях должны существовать разногласия, но, согласно информации, которую он недавно получил от маркиза Гавра, находившегося тогда в Брюсселе, дела уже снова наладились. По завершении конференции Уолсингем решительно повторил, что единственным условием, при котором королева продолжит оказывать помощь Нидерландам, является немедленное назначение принца генерал-лейтенантом эрцгерцога.

Непосредственным результатом этого движения было то, что Матиас был принят в Антверпене Оранским во главе двухтысячной кавалерии при огромном стечении жителей. Если бы принц избрал противоположный курс, эрцгерцог, возможно, был бы вынужден вернуться, что было бы несколько нелепо, в Вену; но в то же время гнев императора и всей Германии возник бы против Оранского и дела, которому он служил. Если бы принц, напротив, сам покинул поле и вернулся в Голландию, он оставил бы игру в руках своих противников. С тех пор как он совершил то, что его брат Джон называл "опасным путешествием через виселицу" в Брюссель, его влияние достигало кульминации с каждым днем, и зависть знати росла так же быстро. Если бы он сейчас позволил выгнать себя со своего поста, он бы в точности выполнил их задачу. Оставаясь, он противодействовал их планам.

Полностью отдав Матиаса в свое распоряжение, он получил на одну фигуру больше в большой игре, которую вел против своего противника в Эскориале. Ловко используя события по мере их возникновения, он создал те самые волны, которые должны были потопить его, победоносно продвигая его великое дело вперед.

Первым результатом приглашения Матиаса стало избрание Оранжа губернатором Брабанта. Этот пост обладал большим историческим достоинством, но несколько аномальным по своим функциям. Провинция Брабант, не имевшая специального губернатора, обычно находилась под непосредственным руководством генерал-губернатора. Поскольку резиденцией этого чиновника была столица Брабанта, с момента восшествия на престол бургундского дома никаких неудобств от этого не ощущалось. В настоящее время, однако, положение дел было настолько необычным — правительственное кресло пустовало, хотя и не было освобождено навсегда, — что была предоставлена особая возможность для дарования принцу как почестей, так и власти. Рувард не был в точности диктатором, хотя его власть была универсальной. Он не был в точности ни протектором, ни губернатором, ни штатгальтером. Его функции были

неограниченны во времени — следовательно, превосходили функции древнего диктатора; обычно они возлагались на естественного наследника суверенитета — следовательно, были более высокими, чем у обычных штатгальтеров. Лица, ранее занимавшие государственные должности в Нидерландах, обычно впоследствии правили самостоятельно. Герцог Альберт из баварской линии, например, был наместником Эно и Голландии в течение тридцати лет, пока его брат был невменяем, а после смерти герцога Вильгельма унаследовал его титул. Филипп Бургундский провозгласил себя королем Брабанта в 1425 году, а вскоре после этого лишил Жаклин всех ее титулов и присвоил их себе. В одном случае правящим принцем стал регент, во втором - узурпатор. Таким образом, движение ревнивой знати против принца имело своим первым результатом его немедленное назначение на должность, главной характеристикой которой было то, что она вела к суверенитету.

Таким образом, выборы были завершены. "Члены", или сословия Брюсселя, вместе с деканами, гильдиями и другими видными гражданами Антверпена обратились к штатам Брабант с просьбой назначить Вильгельма Оранского губернатором, и после долгого обсуждения эта мера была принята. Затем ему была торжественно предложена непрошенная честь. Он отказался, и только после неоднократных и настойчивых просьб был вынужден принять эту должность. Затем дело было передано на рассмотрение генеральных штатов, которые после некоторых возражений подтвердили это звание с условием, что оно может быть заменено назначением генерал-губернатора. 22 октября он был окончательно утвержден в должности Руварда, к безграничному удовлетворению людей, которые отметили это событие торжественным праздником в Антверпене, Брюсселе и других городах. Его друзья, вдохновленные интригами его врагов, таким образом, возвысили принца до почти неограниченной власти; в то время как решительное выражение в пользу его правительства было получено от самого важного союзника Нидерландов - Англии. Вскоре ему оставалось только принять на себя управление Фландрией, поскольку он был избран штатгальтером не один раз, а много раз четырьмя сословиями этой важной провинции и столь же постоянно отказывался от этого сана. С преданными ему Голландией и Зеландией, формально находящимися под его правительством Брабантом и Фландрией, столицей Нидерландов, расточающей ему свидетельства любви, и массой людей, почти боготворящих его, принцу было бы нетрудно вести столь же эгоистичную игру, сколь она до сих пор была близкой и искусной. Он мог бы доказать знатным сеньорам, что их подозрения были справедливы, приняв корону, которую они интриговали, чтобы сорвать с его чела. Конечно, знать заслужила свое поражение. Они делали все возможное, чтобы обойти Оранжевых всеми способами и во все времена. Они ухаживали за властью, когда она была наиболее могущественной, и стремились плыть на волне популярности, когда она поднималась. Он отомстил за их вероломство только тем, что служил своей стране более верно, чем когда-либо, но было естественно, что он был возмущен поведением этих джентльменов, "детей из хороших семей", (по его собственным словам) "потомков достойных предков", отцов которых он, по крайней мере, всегда любил и почитал.

- Они служат герцогу Алва и главнокомандующему, как негодяи, - воскликнул он. - Они воюют со мной не на жизнь, а на смерть. После этого они ведут переговоры со мной, они примиряются со мной, они заклятые враги испанца. Прибывает дон Джон, и они следуют за ним; они плетут интриги, чтобы погубить меня. Дон Джон терпит неудачу в своем предприятии по захвату антверпенской цитадели; они немедленно покидают его и обращаются ко мне. Как только я приезжаю, они, вопреки своей клятве и без предварительной связи со штатами или со мной,

обращаются к эрцгерцогу Матиасу. Неужели морские волны более непостоянны, Эврип более ненадежен, чем советы таких людей?"

В то время как эти события происходили в Брюсселе и Антверпене, в Генте разыгрывалась сцена иного характера. Герцог Эршо недавно был назначен Государственным советом в правительство Фландрии, но этот выбор был крайне неприятен большому числу жителей. Хотя после поражения партии дона Джона в Антверпене Эршо снова стал "любящим братом" Оранского, все же он был известен как глава заговора, который привез Матиаса из Вены. Более того, Фландрия кишела обращенными в реформатскую религию, и строгий католицизм герцога был хорошо известен. Поэтому народ, ненавидевший папу и боготворивший принца, был взбешен назначением нового губернатора, но благодаря щедрым обещаниям относительно немедленного восстановления привилегий и хартий, которые долгое время бездействовали, друзьям Эршота удалось подготовить почву для его вступления в должность.

20 октября в сопровождении двадцати трех рот пехоты и трехсот всадников он прибыл в Гент. Это знаменитое место по-прежнему оставалось одним из самых могущественных и беспокойных городов Европы. Хотя значение этого города уменьшилось после коммерческого упадка, который был неизбежным результатом кровавого правления Филиппа, оно все еще кишело энергичным и опасным населением и не забыло тех дней, когда железный язык Роланда мог призвать восемьдесят тысяч бойцов под знамена города. Даже сейчас двадцать тысяч были тайно обещаны восстать по приказу некоторых вождей, проживающих среди них; благородных по происхождению, горячо приверженных реформированной религии и преданных оранжевому цвету. Эти джентльмены прекрасно понимали, что должна была быть предпринята реакция в пользу дона Джона и католицизма при посредничестве недавно назначенного губернатора Фландрии. Эршоту не доверяли и не уважали ни одну из сторон. Единственная разница в оценках, сложившихся о нем, заключалась в том, что одни считали его глубоким и опасным предателем; другие - что он был скорее глуп, чем злонамерен, и с большей вероятностью погубил бы благое дело, чем продвигал интересы дурного. Лидеры народной партии в Генте считали его опасным. Они были уверены, что это был глубоко скрытый замысел католической знати, который был сорван, как и те цели, с которыми они привезли Матиаса из Вены, и как бы они ни были взбешены тем, что единственным результатом этого движения было установление власти Оранжевых на более прочной основе — создание противоположного влияния в Генте. Фландрия, находившаяся во владении католиков, должна была взвесить Брабант с его недавними тенденциями к веротерпимости. Эршо должен был противодействовать планам Оранских. Матиас должен был быть выведен из-под влияния великого еретика и все же вынужден был играть роль, отведенную ему теми, кто вывел его на сцену. Большая часть, без сомнения, предложенных здесь схем была вызвана волнением, но актеры вряд ли были равны той драме, которую они разыгрывали. Интрига, однако, была немедленно сорвана рукой Оранжа, действовавшей, как это часто бывало, из-за тучи.

Из всех вождей, имевших влияние на жителей Гента, наиболее заметными были два молодых дворянина по имени Рыхове и Имбизе. Оба имели древнее происхождение и разбитые состояния, оба были страстно привязаны к принцу, оба были проникнуты лютой ненавистью ко всему католическому или испанскому. Они продвинулись по пути реформ дальше, чем многие в то время, и их даже можно было бы назвать демократическими в их понятиях. Их головы были полны видений Греции и Рима; восхваление республик постоянно звучало у них на устах; и они признавались своим близким соратникам, что уже возможно создать из семнадцати

Нидерландов содружество, подобное Швейцарскому кантону. Одни считали их мечтателями, другие - головорезами. Мало кто был уверен в их способностях или их чистоте; но Оранж, знавший человечество, распознал в них полезные инструменты для любого опасного предприятия. Им нравились хитрости и внезапные ратные подвиги. Дерзкие и жестокие по темпераменту, они всегда были счастливы стать частью опустошения, которое порождает народные волнения.

Сразу после прибытия герцога Эршота в Гент состоялось несколько возбужденных собраний представителей четырех поместий Фландрии. Его приходу предшествовали обширные обещания, но вскоре стало очевидно, что их выполнение будет отложено на неопределенный срок. 27 октября состоялось бурное заседание, на котором присутствовало много духовенства и знати и сравнительно мало представителей третьего сословия. Были произнесены очень яростные речи и открыто высказаны угрозы, что привилегии, о которых было поднято столько шума, будут скорее урезаны, чем расширены при новой администрации. На том же заседании комиссия Эршота была официально представлена Шампани и Свевегемом, уполномоченными Государственным советом с этой целью. Шампаньи находился в несколько необычном положении. В умах людей было много сомнений относительно него. Недавно он казался другом Оранжа, но, несомненно, был братом Гранвеля. Его великолепные, но бесплодные заслуги во время Антверпенской ярости не были забыты, но он был известен как убежденный католик. Он ненавидел испанцев, но не был сторонником народной свободы. Возможно, его чувства к Оранжу были заподозрены несправедливо. Во всяком случае, через два или три дня после событий, которые сейчас занимают наше внимание, он написал ему частное письмо, в котором заверил его в своей привязанности. Ссылаясь на жалобы принца на то, что его не откомандировали, как следовало бы, он сказал, более того, что он может торжественно поклясться, что никогда не видел ни одного человека, который не восхищался бы принцем и который не был бы нежно предан ему не только из-за публичной профессии, но и из-за личных чувств.

Не было никаких сомнений относительно мнения остальной части аристократической партии, начавшей тогда свои маневры в Генте. Их чувства были высказаны с достаточной отчетливостью на этом замечательном заседании.

Хесселс, старый член совета по крови, в то время проживал в Генте, где выполнял высокие правительственные функции. Именно он, как следует помнить, обычно засыпал на том ужасном заседании совета и мог проснуться только для того, чтобы прокричать "ad patibulum", в то время как другие убийцы находили свою работу менее наркотической. В настоящее время было перехвачено письмо Гессельса графу де Ре, покойному королевскому губернатору Фландрии. Возможно, это было выдуманно, но подлинное или вымышленное, оно было широко распространено среди народных лидеров и доказало, что мадам де Хессель была истинной пророком. Это ускорило революцию во Фландрии и вскоре после этого стоило члену совета жизни. "Мы уже передали многих известных магистратов Фландрии помощнику его высочества дона Джона", - писал Хессельс. "Мы надеемся, что после того, как герцог Эршот станет губернатором, мы полностью осуществим намерения его Величества и планы его Высочества. Мы также будем знать, как обойти скандального еретика со всеми его приверженцами и последовательницами".

Конечно, если это письмо было правдой, друзьям "скандального еретика" давно пора было подумать о себе. Если это была подделка, что весьма вероятно, то она была изобретательно придумана и соответствовала истине. Революционная партия, находившаяся в незначительном меньшинстве в собрании, получила от своих лидеров совет склониться перед бурей. Они так и сделали, и буйство реакционной партии стало громче по мере того, как они отмечали очевидное замешательство своих врагов. Они открыто заявляли, что люди, требующие привилегий, не должны получать ничего, кроме недоуздков. Похороненные хартии никогда не должны были быть воскрешены; но дух умершего императора, который когда-то накинул веревку на шею наглых жителей Гента, все еще жил в духе его сына. Недостатка в доносах не было. Дон Джон и герцог Эршот вскоре приведут буйных бюргеров в чувство, и тогда возобновившимся шумихам по поводу заплесневелых пергаментов будет положен конец. Подобные угрозы втайне вызвали в собрании сильное возмущение. Без дверей подземное пламя быстро распространялось, но в ту ночь беспорядков не произошло. Еще до окончания заседания Рыгов покинул город, притворившись, что едет в Турне. Однако, едва выехав за ворота, он повернул лошадь в противоположную сторону и поспешно поскакал в Антверпен. Там у него состоялось совещание с Вильгельмом Оранским, и он в ярких красках расписал тревожное положение дел. "И что вы намерены предпринять в этом вопросе?" - довольно сухо спросил принц. Рыхов был несколько смущен. Оножидал сильного взрыва, так как хорошо знал спокойного человека, к которому обращался. "Я не знаю лучшего совета, - ответил он наконец, - чем взять герцога вместе с его епископами, советниками, лордами и всем их сборищем за горло и вышвырнуть их всех вместе".

- Однако довольно отчаянное предприятие? - спросил принц небрежно, но вопросительно.

"Я не знаю другого средства, - ответил Рыгов. - Я предпочел бы попытаться, полагаясь только на Бога, и умереть как мужчина, если понадобится, чем жить в вечном рабстве. Как древний римлянин, - продолжал молодой республиканский аристократ в несколько напыщенном тоне, - я готов поставить на кон свою жизнь, когда на карту поставлено благополучие моего отечества".

- Смелые слова! - сказал князь, серьезно глядя на Рыжова. - но на какие силы вы полагаетесь в вашем предприятии?

"Если я не смогу получить помощи от вашего превосходительства, - последовал ответ, - я брошусь на растерзание горожанам. Я могу пробудить их во имя их древних свобод, которые должны быть восстановлены сейчас или никогда".

Принц, полагая, вероятно, что план, если он вообще существовал, был всего лишь безумным, не испытывал особого желания компрометировать себя с молодым заговорщиком. Он сказал ему, что сейчас ничего не может сделать, и, сказав, что ему нужно по крайней мере выспаться, отпустил его на ночь. На следующее утро, на рассвете, Рыхов снова был с ним наедине. Принц спросил своего сторонника-сангвиника, по-прежнему ли он полон решимости осуществить свой проект, не имея более определенной поддержки, чем он указал? Рыгов в ответ заверил его, что он намеревался это сделать; или умереть при попытке. Князь пожал плечами и вскоре после этого, казалось, погрузился в задумчивость. Рыхов продолжал говорить, но вскоре стало очевидно, что его высочество его не слушает, и поэтому он несколько резко отклонялся. Однако едва он вышел из дома, как принц отправил святую Альдегонду на его поиски. Этот джентльмен, направляясь в свою гостиницу, направился прямо в квартиру Рыхова и завел разговор с человеком, которого он там застал, но, к своему удивлению, вскоре обнаружил, каким бы опытным политиком он ни был, что допустил вопиющую ошибку. Он открыл опасную тайну

совершенно незнакомому человеку, и Рыхов, войдя в квартиру несколько минут спустя, был, естественно, удивлен, обнаружив главного советника принца в оживленной беседе о заговоре с Ван Роойеном, бургомистром Денремонта. Фламандский дворянин, однако, всегда проворный в чрезвычайных ситуациях, обнажил свою рапиру и заверил изумленного бургомистра, что либо немедленно лишится жизни, либо поклянется никогда ни словом не обмолвиться о том, что он слышал. Этот чиновник, который не нуждался ни в доверии молодого дворянина, ни в том, чтобы удостоиться чести пройти через тело в результате его получения, был несколько ошеломлен быстротой, с которой эти джентльмены вершили дела. Он охотно дал требуемое обещание, и ему разрешили удалиться.

Результатом совещания между Святой Альдегондой и Рыговым было убеждение молодого сторонника в том, что принц не станет открыто поддерживать его проект и не будет крайне раздосадован, если он окажется успешным. Короче говоря, в то время как, как и в случае с арестом Государственного совета, подчиненным было предоставлено выступать главными участниками сделок, лицам, наиболее близким к Вильгельму Оранскому, было позволено составлять удовлетворительные мнения относительно его желаний и служить инструментами в достижении его целей. "Да здравствует винс!" - ободряюще крикнул Сент-Альдегонда Рыгову, пожимая ему руку на прощание. Заговорщик немедленно сел на коня и ускакал в сторону Гента. За время его отсутствия в этом городе произошло много беспорядков, но решительной вспышки не было. Имбизе пристал к герцогу Эршотскому на улице и спросил, когда и как он намерен провозгласить восстановление древних хартий. Надменный герцог попытался отделаться от своего назойливого собеседника, в то время как Имбиз настаивал со все возрастающей дерзостью, пока Эршо наконец не вышел из себя: "Хартии, хартии!" он закричал в ярости: "Вы скоро узнаете, вы, кто таким образом требует хартий, что у нас все еще есть старое средство заставить вас замолчать, с веревкой на горле. Вот что я тебе скажу : принц Оранский когда—нибудь так сильно преследовал тебя."

Жестокость нового губернатора вызвала гнев Имбизе. Он резко вырвался от него и бросился на встречу со своими сообщниками, каждый из которых был готов на отчаянное предприятие. В разных местах были замечены группы возбужденных людей, которые что-то кричали. Время от времени было слышно, как гремит барабан. Тем не менее, нарастающее волнение, казалось, снова улеглось спустя сезон, отчасти благодаря усилиям магистратов, отчасти из-за отсутствия Рыхова. В четыре часа пополудни этот джентльмен въехал в город и, поехав прямо в штаб-квартиру заговорщиков, пришел в ярость, услышав, что работе, начатой так храбро, дали остыть. "Настало время, - воскликнул он, - проявить бдительность. Если мы сейчас уснем, то к утру будем мертвы в своих постелях. Лучше раздуть огонь, который начал разгораться в сердцах людей. Лучше собирать плоды, пока они созрели. Давайте идти вперед, каждый со своими последователями, и я обещаю сам указывать путь. Давайте затопим старый корабль рабства; давайте раз и навсегда отправим испанскую инквизицию в ад, откуда она взялась!"

"Там раздался мужской голос!" - воскликнул фламандский капитан Мигем, один из главных заговорщиков. - "Веди меня, Рыгов, я клянусь следовать за тобой так далеко, как только позволят наши ноги". Ободренный таким образом, Рыгов метался по городу, повсюду призывая людей восстать. Восстали почти все до единого. Вооружившись и собравшись в разных местах, согласно предварительной договоренности, после наступления темноты огромное количество людей собралось по звонку колокола на городской площади, откуда под командованием Рыхова они направились к резиденции Эршо в Сен-Бавоне. Стражники, увидев

приближающуюся разъяренную толпу, размахивающую копьями и факелами, едва успели закрыть ворота, как народ громко потребовал впустить и доставить к ним губернатора. Оба требования были отклонены. "Давайте сожжем птиц в их гнездах", - без колебаний воскликнул Рыгов. По его приказу были доставлены смола, легкие дрова и другие горючие материалы, и через несколько мгновений дворец был бы объят пламенем, если бы Эршот, видя, что повстанцы настроены серьезно, не капитулировал. Как только ворота были открыты, передовые части толпы бросились на него и разорвали бы на куски, если бы Рыгов решительно не вмешался и дважды не защитил жизнь губернатора, рискуя своей собственной. Затем герцог был взят в плен и под усиленной охраной доставлен, все еще в ночной рубашке и босиком, в особняк Рыхово. Все остальные ведущие члены католической партии были схвачены, аресты продолжались до позднего часа ночи. Рассингем, Свевегем, Фиш, Де ла Порта и другие видные члены фламандских сословий или совета были взяты под стражу, но Шампаньи позволили совершить побег. Епископам Брюгге и Ипра повезло меньше. Член совета по крови Хесселс, чье письмо - подлинное или подделанное — сыграло столь важную роль в ускорении этой вспышки, тщательно охранялся, и для него и для сенатора Фиша личные последствия работы той ночи были очень трагичными.

Так дерзко, успешно и до сих пор без кровопролития началась антикатолическая революция во Фландрии. Это событие было первым в длинной и наиболее знаковой серии. Дело было сделано. Было создано временное правительство, во главе которого был поставлен Рыгов, которому были принесены присяги на верность, в зависимости от будущих договоренностей генеральных штатов и Оранского: 9 ноября дворяне, нотабли и община Гента опубликовали обращение, в котором они подробно защищали совершенную революцию и имевшие место аресты; в то время как католическая партия во главе с Эршотом была объявлена тайно вступившей в сговор с доном Джоном, чтобы вернуть испанские войска, свергнуть принца Оранского, лишить его власти. протекторат Брабанта, чтобы свести на нет Гентский мирный договор и подавить реформатскую религию.

Эффект этого внезапного подъема народной партии был ошеломляющим по всем Нидерландам. В то же время смелость таких крайних мер вряд ли могла быть одобрена какой-либо значительной партией в генеральных штатах. Шампаньи написал принцу Оранскому, что, даже если письмо Гессельса было подлинным, оно ничего не доказывает против Эршо, и он настаивал на необходимости немедленного пресечения подобных сцен распущенности с помощью влияния тех, кто мог управлять страстями толпы. В противном случае, он утверждал, что все законные формы правосудия исчезнут и что будет легко натравить ищеек на любую дичь, какой бы она ни была. Святая Альдегонда написала принцу, что было бы важным, но очень трудным делом оправдать гентскую сделку, поскольку почти не было сомнений в том, что письмо Гесселя было подделкой. Следовательно, без сомнения, хорошо, что князь не принял решительного участия в заговоре Рыхова и, таким образом, лишил себя права вмешиваться впоследствии, согласно тому, что казалось требованиями справедливости и разумной политики.

Теперь он послал Аренда Ван Дорпа в Гент, чтобы тот сделал замечание руководителям восстания по поводу жестокости их мер и потребовал освобождения заключенных — просьба, которая была удовлетворена только в случае Эршота. Этот дворянин был освобожден 14 ноября при условии, что он торжественно поклянется забыть и простить обращение, которому он подвергся, но другие заключенные оставались под стражей гораздо дольше. Несколько недель

спустя принц Оранский посетил Гент по настоятельной просьбе четырех владений Фландрии, и была выражена надежда, что его присутствие будет способствовать восстановлению спокойствия.

Этот визит, естественно, был отмечен блестящей демонстрацией "риторических" зрелищ и живых картин, ибо ничто не могло сравниться со страстью нидерландцев того столетия к апологетам и шарадам. В аллегии они находили вездесущего утешителя в своих глубочайших скорбях. Принца сопровождали от городских ворот до церкви Иакова среди сверкания бочек со смолой и факелов, хотя был полдень, где эта суверенная гильдия риториков устроила великолепную выставку "Иисус с цветком бальзама". Драма называлась "Иуда Маккавей" в честь принца. В центре сцены стоял еврейский патриот в полном вооружении, символизируя выдающегося гостя, сражающегося за свою страну. На нем присутствовали представители трех сословий страны, гениально олицетворенных одним человеком, который носил бархатную шляпу дворянина, сутану священника и бриджи бюргера. Справа и слева были выстроены группы аллегорических персонажей; Мужество, Патриотизм, Свобода, Милосердие, Трудолюбие и другие достойные уважения качества, с одной стороны, уравновешивались Убийствами, Грабежами, Изменой и остальным сестринством Преступности - с другой. Инквизиция была представлена в виде тощей и голодной ведьмы. "Гентское умиротворение" было одето в крамуазый атлас, на голове вместо тюрбана красовался город, а к завязкам ее фартука были привязаны католицизм и протестантизм, связанные в любовных объятиях цепью из семнадцати звеньев, которую она ковала на наковальне. Под наковальней лежал человек в полной упряжке, занятый поеданием своего сердца; это был Диссонанс. Перед сценой стояли История и Риторика, одетые как "торжествующие девы в белых одеждах", каждая с лавровым венком и горящим факелом. Эти персонажи, вступив между собой в рифмованный диалог, полный замечательных острот и колкостей, обратились к принцу Оранскому и Маккавею, одному за другим, в огромном количестве весьма отвратительных стихов.

После долгой смены сцен и групп, а также огромного количества фламандской поэзии "Гентский мир" выступил вперед, ведя в одной руке льва, а в другой держа сердце из чистого золота. Сердце, на котором было начертано Sinceritas, затем было преподнесено настоящему принцу, когда он сидел, "отдыхая после спектакля" и, возможно, слегка зевая, подарок сопровождался еще одним потрясающим потоком хвалебных стихов. После этого Вильгельму Оранскому было разрешено проследовать в отведенные для него покои, но магистраты и знатные люди встретили его на пороге, и пенсионарий произнес перед ним длинную речь. Даже после того, как принц получил приличное жилье, он не избежал острых ощущений аллегии; ибо, когда он сидел за ужином, освежая свое измученное тело после стольких персонификаций и метафор, появился символический персонаж, одетый как представитель городской корпорации, и излил на него длинную и особенно скучную героическую поэму. К счастью, этот эпизод завершил дневные хлопоты.

7 декабря 1577 года генеральные штаты официально заявили, что дон Джон больше не является штатгальтером, губернатором или генерал-капитаном, а нарушает мир, который он поклялся поддерживать, и является врагом отечества. Все уроженцы страны, оказавшие ему благосклонность или помощь, были объявлены мятежниками и предателями; и отдельным указом, изданным в тот же день, было предписано немедленно провести инвентаризацию имущества таких лиц.

Таким образом, война, которая на короткий период была приостановлена во время ожесточенных, мучительных и безнадежных переговоров, последовавших за прибытием дона Джона, должна была снова разразиться. К этому моменту велась вся политика Оранжевых, как всегда верных пословице, с помощью которой он прервал конференции в Бреде: "эта война предпочтительнее сомнительного мира". Однако даже если его политика указывала на войну как на необходимое предвестие прочного мира с Испанией, его усилия уже продвинули дело внутреннего религиозного согласия в самих провинциях. 10 декабря в Брюсселе был подписан новый акт о единении, которым представители Римской Церкви и те, кто отошел от этого общения, обязывались уважать и защищать друг друга с взаимными гарантиями от всех врагов, какими бы они ни были. Это был шаг за пределы Гентского умиротворения, причем в том же направлении. Первый договор молчаливо вводил веротерпимость, подавляя право на преследование, но новый союз поставил реформированную религию на один уровень со старой. Это было результатом усилий принца; и, по правде говоря, у этих приверженцев веры, которая так долго была под запретом, не было недостатка в желании воспользоваться его присутствием. Из темных переулков, глухих зарослей, подземных собраний, где раскольники так долго дрожали за свои жизни, угнетенные теперь вышли на дневной свет. Они открыто предавались тем формам поклонения, к которым преследования относились с таким жесвященным ужасом, какой могли внушать бадауэн или герцинские мистерии кельтских эпох, и они смело поклонялись общему Богу католиков и пуритан, выражаясь словами, наиболее созвучными их вкусам, не страшась виселицы как неизбежного результата своей дерзости.

По правде говоря, пришло время объединить сердца северян и южан, кельтов и германцев, протестантов и католиков, или же смириться с их вечным разводом. Если бы национальное чувство, дело общего отечества, могло теперь преодолеть привязанность к определенной форме богослужения, если бы общая опасность и общая судьба могли теперь преподать великий урок взаимной терпимости, возможно, еще было бы возможно создать единую Голландию и навсегда бросить вызов могуществу Испании. После Брюссельской унии в январе 1577 года внутренняя раковая опухоль религиозной розни снова начала разъедать политическое тело. Умиротворение Гента открыло дверь для религиозной терпимости. Она не открылась, но осталась открытой. Брюссельский союз снова закрыл дверь. Вопреки надеждам принца Оранского и патриотов, последовавших по его стопам, санкция, данная римской религии, побудила католиков к новому высокомерию и новым преследованиям. В течение нескольких месяцев единственными плодами нового союза, на которые возлагалось так много надежд, были тюремные заключения, конфискации, ссылки, казни. Бессрочный эдикт, согласно которому пятнадцать провинций объединились в признании дона Иоанна, в то время как протестантские цитадели Голландия и Зеландия оказались в состоянии изоляции из-за мудрого недоверия Оранского, расширил пропасть между католиками и протестантами. Последующее поведение дона Джона подтвердило подозрения и продемонстрировало проницательность принца. Захват Намюра и открытая враждебность, о которой говорил губернатор, еще раз объединили провинции. Подавленное национальное пламя вспыхнуло снова. Католик и протестант, фламандец и голландец инстинктивно приблизились друг к другу и почувствовали необходимость еще раз встать плечом к плечу в защиту своих общих прав. Принц Оранский был вызван единодушным криком всей страны. Он прибыл в Брюссель. Его первым шагом, как уже говорилось, было прекращение переговоров, которые уже были одобрены голосами генеральных штатов. Мера была пересмотрена под предлогом внесения определенных поправок. Эти поправки были условиями безоговорочной капитуляции,

предложенными для подписания доном Джоном 25 сентября, — условиями, которые могли вызвать из его уст только слова неповиновения.

Таким образом, цель принца была достигнута. Предательский мир, который привел бы к разрушению, был предотвращен, но новое препятствие для развития его широких и энергичных планов возникло в результате интриги, которая привела эрцгерцога из Вены. Заговоры тайных врагов Оранжа снова были пресечены с той же ловкостью, с какой были вынуждены уступить его явные противники. Матиас стал выразителем новой политики, знаменосцем нового союза, который принцу теперь удалось установить; ибо его следующим шагом было немедленно убедить провинции, которые таким образом объединились, бросив вызов общему врагу, в необходимости объединения в постоянный союз. Одна провинция уже была потеряна после падения Намюра. Узлы постоянного союза для остальных шестнадцати могли быть построены только на одном материале — религиозной терпимости, и на мгновение гению Оранжа, всегда столь далеко выходившему за рамки своего возраста, удалось поднять массу своих соотечественников на высоту, на которой он так долго стоял в одиночестве.

"Новый или более близкий брюссельский союз" был подписан 10 декабря, через одиннадцать месяцев после образования первого союза. Это была третья и, к сожалению, последняя конфедерация всех Нидерландов. Оригинальные записи утеряны, но известно, что эта мера была единогласно принята генеральным советом сразу после ее представления. Ведущие католические дворяне были с армией, но депутация, отправленная в лагерь, вернулась с их подписями и сердечным одобрением; с подписями и одобрением таких убежденных католиков, как Лалены, Мелуны, Эгмонты и Ла Мотты. Если такие люди могли объединиться ради отечества в акте религиозной терпимости, то какие возвышенные надежды на будущее не имел права возлагать Государь; ибо только Князь совершил эту победу разума над страстями. Как памятник не только его гению, но и возвышенным устремлениям целого народа в эпоху нетерпимости, "Брюссельский союз" заслуживает особого места в истории человеческого прогресса. К сожалению, ему было суждено просуществовать недолго. Битва при Гемблуре стала для него смертельным ударом, и не прошло и месяца, как союз, построенный таким образом, на который возлагались такие надежды, был разрушен навсегда. Нидерландский народ больше никогда не был объединен. Благодаря Утрехтскому союзу семь государств впоследствии сохранили свое существование и смогли построить могущественную республику. Остальным было суждено веками оставаться в положении провинций при отдаленной метрополии, быть перемещенными как запасные гири на политических весах и только в наш век войти в почетный ранг независимых конституционных государств.

Более того, принц укрепил себя для предстоящей борьбы союзом с Англией. Бережливая, но политичная королева, опасаясь последствий тайных действий Алансонацев, которых Оранский, как она подозревала, все еще держал в резерве, чтобы в случае необходимости использовать против Матиаса и Дона Джона, наконец согласилась на союзнический договор и субсидии. 7 января 1578 года маркиз Гавр, посланник от поместий, заключил в Лондоне соглашение, по которому королева должна была предоставить им свой кредит — другими словами, одобрить их обязательства на сумму в сто тысяч фунтов стерлингов. Деньги должны были быть собраны везде, где штаты могли бы договориться о счетах, и ее обязательства должны были прекратиться в течение года. Она также должна была быть обеспечена залогами от определенных городов Нидерландов. Эта сумма, конечно, не была колоссальной, хотя условия были достаточно щадящими. В то же время было положено начало и установлен принцип

субсидирования. Королева, кроме того, согласилась направить в провинции пять тысяч пехотинцев и тысячу кавалеристов под командованием офицера высокого ранга, который должен был иметь место и голосовать в Государственном совете Нидерландов. Этим войскам должны были платить провинции, но их предоставляла королева. Сословия не должны были заключать никаких договоров без ее ведома и предпринимать никаких важных действий без ее согласия. В случае, если бы она сама подверглась нападению какой-либо иностранной державы, провинции должны были оказать ей помощь в той же степени, в какой помощь сейчас оказывается им самим; а в случае морской войны - флотом по меньшей мере из сорока кораблей. Уже было условлено, что назначение принца Оранского генерал-лейтенантом Матиаса было "непременным условием" любого договора о помощи с Англией. Вскоре после заключения этого соглашения сэр Томас Уилкс был отправлен со специальной миссией в Испанию, а мистер Лейтон был отправлен для частной беседы с доном Джоном. Однако было маловероятно, что дипломатическое мастерство кого-либо из них сделало бы это новое соглашение приемлемым для Филиппа или его губернатора.

В течение нескольких дней после подписания этого важного договора принцу, наконец, полностью удалось обуздать противоречивые страсти в генеральных штатах и до известной степени примирить их друг с другом. Более тесный союз был принят, и теперь тридцать статей, которые были подготовлены под его руководством и уже 17 декабря были приняты Матиасом, были установлены в качестве основных условий, согласно которым эрцгерцог должен был быть принят в качестве генерал-губернатора. Никакой власти не было предоставлено молодому человеку, который зашел так далеко с пылкими и честолюбивыми взглядами. Поскольку принц не просил и не желал визита, который, напротив, был результатом враждебных махинаций, эрцгерцог вряд ли мог жаловаться на то, что предоставленная ему власть была лишь призрачной и что его присутствие оказалось излишним. Неудивительно, что простые люди дали ему имя Греффье, или регистрационный клерк принца, поскольку его функции почти ограничивались подписанием актов, которые скреплялись подписью Оранского. Согласно положениям английской королевы и взглядам всей народной партии, принц оставался губернатором Брабанта, несмотря на назначение номинального генерал-губернатора, который должен был заменить его собственные обязанности.

Статьи, которые были заложены в качестве основы для принятия эрцгерцога, составили обширную представительную конституцию, по которой все законодательные и многие исполнительные полномочия правительства были переданы генеральным штатам или избираемому ими совету. Чтобы не оставаться в положении народа, таким образом оставшегося без главы, штаты заявили о своей готовности принять Матиаса в качестве генерал-губернатора при условии последующего одобрения короля и на общей основе Гентского договора. Более того, эрцгерцог должен был принести присягу на верность королю и генеральным штатам одновременно. Он должен был управлять страной по совету государственного совета, члены которого должны были назначаться генеральными штатами и "должны были быть коренными нидерландцами, истинными патриотами, не честолюбивыми и не жадными". По всем вопросам, обсуждавшимся в государственном совете, решение принималось большинством голосов. Генерал-губернатор и его Государственный совет не должны принимать никаких решений, касающихся общих дел нации, таких как просьбы, займы, мирные договоры или объявления войны, союзы или конфедерации с иностранными государствами, без согласия генеральных штатов. Он не должен был издавать никаких указов или ордонансов и вводить никаких законов без согласия того же органа, должным образом

собранного и представляющего каждую отдельную провинцию. Большинство членов было объявлено необходимым для кворума совета. Все акты и депеши должны были составляться членом правления. Генеральные штаты должны были собираться, когда, где и так часто, и оставаться на заседаниях столько, сколько они сочтут целесообразным. По просьбе какой-либо отдельной провинции, касающейся вопросов, по которым общепринято проведение общего собрания, другие штаты должны быть обязаны собираться, не дожидаясь указаний от генерал-губернатора. Сословия каждой отдельной провинции должны были собираться по своему усмотрению. Губернатор и совет по рекомендации генеральных штатов должны были назначать всех главных военных чинов. Войска должны были быть зачислены и гарнизоны созданы штатами и с их согласия. Губернаторы провинций должны были назначаться генерал-губернатором по рекомендации его совета и с согласия заинтересованных сословий провинции. Все военные дела должны были вестись во время войны губернатором по рекомендации его совета, в то время как сословия должны были иметь абсолютный контроль над сбором и расходованием общих средств страны.

Из этого краткого изложения достаточно ясно, что полномочия, таким образом предоставленные только Матиасу, были абсолютно нулевыми, в то время как те, которые он мог осуществлять совместно с государственным советом, были ненамного более обширными. Фактическая сила правительства — законодательной, исполнительной и административной — была сосредоточена в генеральной ассамблее, в то время как королю не было оставлено никакой власти, за исключением номинального права одобрять эти революционные действия, согласно заявлению в преамбуле. Такая оговорка в пользу его Величества казалась излишним сарказмом. Кроме того, было решено, что принц Оранский должен быть назначен генерал-лейтенантом Матиаса и оставаться на своем посту в Руварде. Эта конституция, составленная под руководством принца, была принята Матиасом еще в Антверпене, и 18 января 1578 года состоялась церемония его вступления в должность.

Это было третье триумфальное шествие, свидетелем которого Брюссель стал за девять месяцев. Это было также самое блестящее из всех, ибо бюргеры, словно желая загладить вину перед эрцгерцогом за фактическое ничтожество, до которого он был низведен, казалось, решили вознести его на седьмое небо аллегории. В риторических гильдиях он считался самым блестящим созвездием добродетелей, которое когда-либо сияло над фламандским горизонтом. Блестящая кавалькада, возглавляемая Оранским, сопровождаемая графом Джоном Нассауским, принцем де Шиме и другими знатными людьми, встретила его в Вильворде и проводила до городских ворот. На открытом поле, за городом, граф Боссю устроил смотр войск, завершившийся бутафорским боем, который, по словам современника-классика, казался таким же "кровавым поединком, как между афинским герцогом Мильтиадом и царем Дарием на равнинах Аттики". Процессия вошла в Лувенские ворота через великолепную триумфальную арку, заполненную оркестром невидимых музыкантов. "Я полагаю, что Орфей никогда так мелодично не играл на своей арфе, - говорит тот же авторитет, - ни Аполлон на своей лире, ни Пан на своей лютне, как тогда исполнял "Сити Уэйтс"". Войдя в ворота, Матиас был сразу же передан в руки мифологии, бюргеры и риторы завладели своим прославленным пленником и были полны решимости превзойти самих себя в проявлениях радушия. Представители "девяти наций" Брюсселя встретили его на Риттер-стрит в сопровождении великолепной свиты. Хотя был полдень, все несли горящие факелы. Хотя стоял январь, улицы были усыпаны цветами. Дома были украшены гирляндами и завешаны блестящими шелками и бархатом. Улицы были запружены зрителями и загромождены триумфальными арками. На Гранд-Плас, которая всегда

была центральной сценой Брюсселя, будь то комедии, турниры или казни, были сосредоточены основные драматические эффекты. Великолепный фасад Hotel de Ville был увешан шарфами и знаменами; его окна и балконы, так же как и окна живописных домов, образовавших площадь, были заполнены ярко одетыми женщинами. На территории этого места было возведено двадцать четыре театра, где множество великолепных живых картин было представлено самыми красивыми молодыми женщинами, которых только можно было найти в городе. Все были одеты в парчу, расшитую золотом ткань. Сюжеты живых картин были, конечно, самыми классическими, ибо голландцы были ничем иным, как аллегорией; тем не менее, как зрелища, устраиваемые бюргерами и ремесленниками для развлечения своих сограждан, они, несомненно, свидетельствовали о значительной культуре людей, которые могли таким образом развлекаться. Все группы были артистично организованы. В одном из театров стояла Юнона со своим павлином, представляя Матиасу город Брюссель, который она держала в руке в прекрасной форме. В другой раз Кибела дала ему ключи, Разум - уздечку, Геба - корзину цветов, Мудрость - зеркало и две книги законов, Трудолюбие - пару шпор; в то время как Постоянство, Великодушие, Благоразумие и другие добродетели снабдили его шлемом, панцирем, копьем и щитом. На других театрах Беллона подарила ему нескольких латников, связанных в узел; Слава подарила ему свою трубу, а Слава - свою корону. На одной сцене Квинт Курций верхом на коне был замечен падающим в зияющую пропасть; на шести других был показан Сципион Африканский в том виде, в каком он появлялся в самые живописные моменты своей карьеры. Безбородый эрцгерцог так ничего и не добился, если не считать своего ночного побега из Вены в ночной рубашке; но честные фламандцы предпочли рассматривать его как перевоплощение этих двух выдающихся римлян. Увлеченные собственной ученостью, они уже смотрели на него как на миф; и таким ему действительно было суждено оставаться на протяжении всей своей карьеры в Нидерландах. Осмотрев все эти чудеса, Матиаса снова повели на холм к герцогскому дворцу, где, выслушав речи и оды до изнеможения, ему наконец разрешили поужинать и лечь спать.

Тем временем горожане пировали на улицах. Повсюду пылали костры, на которых люди жарили "гусей, свиней, каплунов, куропаток и цыплят", в то время как со всех сторон раздавались самые веселые свистки и танцы. Внезапно в воздухе был замечен летящий огненный дракон. Некоторое время он парил над головами веселящейся толпы на Гран-Плас, а затем взорвался с оглушительным взрывом, разбрасывая во все стороны ракеты и другие фейерверки. Это представление, затем новое, так напугало людей, что все они бросились наутек, "как будто на них напала тысяча солдат", в большом замешательстве натыкаясь друг на друга и так расходясь по своим домам.

На следующий день Матиас принес присягу в качестве генерал-губернатора в поддержку новой конституции, в то время как принц Оранский был приведен к присяге в качестве генерал-лейтенанта и губернатора Брабанта. На следующий день генеральные штаты устроили для них великолепный банкет на большом балу в Отель де Вилль, и, когда скатерть была снята, Риторика продемонстрировала свою последнюю и самую остроумную демонстрацию в лице знаменитой гильдии "Мэри с цветочной гирляндой".

Два человека — один в костюме респектабельного бюргера, другой в мантии и повязках священнослужителя - появились на сцене, напротив мест их Высочеств, и произнесли длинный диалог в рифму. Один из выступавших обрадовался названию "Желающее сердце", другой был назван "Общее утешение". Здравый смысл, возможно, был более уместен, но, похоже, не играл

никакой роли в пьесе. Желаящее Сердце, будучи любознательным человеком, задал ряд озадачивающих вопросов, мифологических по своей природе, которые казались классическими головоломками, относящимися, главным образом, к деяниям Венеры, Нептуна, Юноны и других божеств. Казалось, они не имели никакого отношения ни к Матиасу, ни к рассматриваемому делу, но "Общее утешение" знало лучше. Этот священнослужитель, соответственно, в изрядном количестве рифм сообщил своему отчаявшемуся коллеге, что все закончится хорошо; что Юпитер, Диана, Венера и все остальные исполнят свой долг и что Бельгика будет избавлена от всех своих бед с появлением определенного человека. После чего Желаящее Сердце воскликнуло:

О, обычное утешение, кто он?
Его имя и из какой семьи?

На что Комфорт ответил упоминанием эрцгерцога в поэтической и весьма комплиментарной форме с красивыми намеками на неизбежных Квинта Курция и Сципиона Африканского. Заключительные слова речи не были произнесены, но были восприняты как сигнал к великолепной шараде; многострадальный Сципион снова появляется в компании Александра и Ганнибала; группа, олицетворяющая будущее правительство Матиаса. После того, как каждый из этих героических личностей произнес сотню строк или около того, пьеса была прекращена, и Риторика ушла. Компания оставалась за столом во время этого долгого представления, и теперь был подан десерт, состоящий из "роскошного банкета из кондитерских изделий, мармелада и всевозможных деликатесов в сахаре".

Тем временем Дон Джон сидел раздраженный и почти обезумевший от ярости на Намюра. Конечно, у него было достаточно причин выходить из себя. Никогда со времен Максимилиана брату короля мятежники не доставались так сильно. Крест был повержен в прах, королевская власть открыто осмеяна, представитель его Величества заключен в крепость, в то время как "проклятый принц Оранский" безраздельно правил в Брюсселе, а его личным секретарем был императорский эрцгерцог.

Губернатор направил императору длинное, частное и самое горькое письмо, чтобы оправдаться во мнении этого властителя и дать ему определенные намеки относительно того, чего ожидали от императорского двора Филипп и он сам. Он выразил уверенность, что имперские уполномоченные окажут определенное влияние на установление мира в Нидерландах, и заявил о своем собственном сильном желании добиться такого результата при условии, что два важнейших аспекта католической религии и авторитет его Величества будут сохранены в неприкосновенности. "В надежде, что эти статьи будут соблюдены, - сказал он, - я освободил города и важные пункты от их гарнизонов, когда я мог бы легко удержать солдат, а вместе с солдатами и места, против всего мира, вместо того, чтобы вверить их заботам людей, которые в этот час держат в руках оружие против своего законного правителя". Он яростно заявлял, что во всем своем поведении с момента прибытия в провинцию он руководствовался исключительно интересами Филиппа, целью, к которой он должен неуклонно стремиться до конца. Он также настаивал на том, что император, принадлежащий к тому же дому, что и Филипп, и поэтому более всех других обязанный поддерживать его ссору, поступил бы правильно, поддержав его дело со всей возможной теплотой. "Забычивость вассалов, - сказал дон Джон, - о повиновении своему суверену настолько опасна, что все князья и властители, даже те, кто в данный момент

свободен от неприятностей, должны помочь в приготовлении лекарства, чтобы их подданным также не пришлось в голову поступить подобным образом, поскольку свобода - это заразная болезнь, которая продолжает поражать одного соседа за другим, если лекарство не будет применено своевременно". По его словам, это было отчаянное положение вещей для монархов, когда подданные, получив такие уступки, каких добились голландцы, тем не менее так мало любили его и повиновались ему. Они показали, но слишком ясно, что причины, на которые они ссылались, были всего лишь предложениями для осуществления давно задуманных планов ниспровергнуть древнюю конституцию страны и жить с тех пор в условиях необузданной свободы. Было совершено так много непристойных поступков, наносящих ущерб религии и величию его Величества, что губернатор заявил о своей решимости не поддерживать дальнейших сношений с провинциями без новых распоряжений на этот счет. Он умолял императора не обращать внимания на то, что говорят штаты, а наблюдать за тем, что они делают. Он заверил его, что нет ничего более бессмысленного, чем сообщения о том, что Филипп и его генерал-губернатор в Нидерландах вели переговоры с Францией с целью отторжения провинций от австрийской короны. Филипп, будучи главой семьи и сувереном Нидерландов, не мог совершить абсурдную передачу своей собственной собственности другим людям, и дон Джон не захотел бы быть инструментом в столь глупой сделке. Поэтому губернатор умолял императора считать подобные басни выдумкой недовольных и предателей, в которых не было недостатка при его дворе, и помнить, что нет ничего более необходимого для сохранения величия его семьи, чем поддерживать наилучшие отношения со всеми ее членами. "Таким образом, - сказал он с абсурдной наигранной откровенностью, - хотя я несколько не сомневаюсь в том, что экспедиция эрцгерцога Матиаса была предпринята с наилучшими намерениями, тем не менее многие придерживаются мнения, что о ней лучше было бы вообще умолчать. Если эрцгерцог, - продолжал он с едва скрываемой иронией, - желает взять на себя управление делами его Величества, было бы предпочтительнее заниматься этимобычным образом. Ваше величество совершили бы похвальный поступок, отозвав его отсюда, согласно данному мне вашему Величеству обещанию на этот счет". В заключение дон Джон пожаловался, что на его пути возникли трудности с набором войск в Империи, в то время как повстанцам были предоставлены все возможности. Поэтому он настоятельно настаивал на том, что столь неестественное и несправедливое положение дел должно быть исправлено.

В глубине души Дон Джон не сожалел о том, что кризис наконец наступил. Его цепь была разорвана. Его гнев взорвался во время его первой беседы с Лейтоном, английским посланником, которого королева Елизавета направила, чтобы успокоить, по возможности, его неизбежный гнев по поводу ее недавнего договора со штатами. Он сказал, что ничего не знает ни об Англии, ни о Франции, ни об императоре. Его католическое величество поручил ему сейчас начать войну с этими мятежными провинциями. Он сделает это от всего сердца. Что касается императора, то он спустит с него цепи турок за его вероломство. Что касается бюргеров Брюсселя, то они скоро почувствуют его месть.

Было совершенно очевидно, что это не пустые угрозы. Война снова разразилась в этих обреченных провинциях. Небольшая, но хорошо оснащенная армия быстро собиралась под знаменами дона Иоанна в Люксембурге, Питер Эрнест Мансфельд привел много хорошо обученных войск из Франции, а принц Александр Пармский прибыл с несколькими отборными и опытными полками из Италии и Испании. Старый школьный товарищ, товарищ по играм и соратник дона Джона, по прибытии был потрясен, увидев истощенное телосложение и измученные заботами черты своего дяди. Сын Карла Пятого, герой Лепанто, казалось, даже

утратил присущий ему вид величия, ибо мелкие оскорбления, вечные обиды, казалось, оставили свои убогие следы на его лице. Тем не менее, крестоносец снова ожил, услышав звуки военных приготовлений, которые теперь раздавались по всей стране.

25 января он опубликовал воззвание, составленное на трех языках— французском, немецком и фламандском. В этом документе он заявил, что прибыл не для того, чтобы поработить провинции, а для того, чтобы защитить их. В то же время он намеревался восстановить власть его Величества и попорченную религию Рима. Он призвал всех граждан и всех солдат по всей провинции встать под его знамена, предлагая им прощение за их прошлые проступки и защиту от еретиков и мятежников. Это заявление было естественным следствием обмена вызовами, который уже имел место, и было очевидно также, что за гневным манифестом вскоре последуют энергичные удары. Армия дона Джона уже насчитывала более двадцати тысяч закаленных и дисциплинированных ветеранов. Он сам был самым прославленным вождем в Европе. Его окружали лейтенанты с самой блестящей репутацией. Александр Пармский, с отличием сражавшийся при Лепанто, уже был признан обладателем выдающегося военного гения, который вскоре сделал его первым солдатом своего времени, в то время как Мансфельд, Мондрагон, Мендоса и другие выдающиеся офицеры, которые уже снискали такую славу в Нидерландах, теперь вернулись на арену своих прежних достижений.

С другой стороны, военные дела государств находились в замешательстве. Были собраны войска, почти равные по численности королевской армии, но главные должности в результате ошибочной политики были возложены на крупную знать. Ревность Оранжа, которую питал весь их орден, уже была болезненно очевидна. Несмотря на огромную популярность, которая сделала его назначение генерал-лейтенантом неизбежным, ему было нелегко всегда отстаивать свою власть над придирчивыми и соперничающими магнатами. У него было все желание примирить чувства людей, которых он в глубине души не мог уважать, и в удовлетворении их честолюбия он зашел настолько далеко, насколько это соответствовало его собственному достоинству; возможно, дальше, чем это соответствовало национальным интересам. Он все еще был готов доверять Лалейн, в чьей доброй привязанности к стране он был уверен. Ре даже хотел отказаться от звания генерал-лейтенанта, чтобы не давать этому дворянину ни малейшего повода думать, "что он нанесет ему или любому другому джентльмену из армии ущерб в каком-либо отдельном вопросе в мире". Это великодушие не было оплачено соответствующим доверием. Мы уже видели, что Лален тайно поддерживал интересы Анжу с тех пор, как его жена и он сам отдали свои сердца Маргарите Наваррской; тем не менее, граф был главнокомандующим пехотой в сформированной тогда армии штатов. Роберт Мелун, виконт де Ганд, был командующим кавалерией, но недавно он был частным посланником дона Джона при английской королеве. Оба этих джентльмена вместе с Пардье Де ла Моттом, генералом артиллерии, добровольно отсутствовали в войсках под предлогом празднования свадьбы сеньора Де Берсея с племянницей и наследницей несчастного маркиза Бергена. Могло показаться, что призрак этого злополучного дворянина восстал на свадебном пиру своей наследницы, чтобы предупредить предателей о сигнальной кровавой резне, к которой вскоре должно было привести их предательство. Филипп Эгмонт, старший сын знаменитого Ламорала, был в армии, как и сеньор де Эз, герой ареста Государственного совета и нестабильного Гавра. Но от таких лидеров мало что можно было ожидать. Действительно, дела штатов продолжали находиться в таком же запутанном состоянии, как то, которое честный Джон Нассауский описал несколькими неделями ранее. "Патриотов было очень мало, — сказал он, — но священников было много, и не было недостатка в неопытных парнях - одни искали отличия, другие - славы".

Обе армии были собраны в последних числах января. Папа римский издал буллу в пользу дона Иоанна, в точности подобную тем, которые ранее использовались в крестовых походах против сарацин. Ему было дано право взимать взносы с церковной собственности, в то время как полное отпущение грехов за все преступления, совершенные в течение всей жизни, в час смерти было провозглашено тем, кто теперь должен встать под знамя Креста. По крайней мере, ничего не скрывалось. Зеландцам с полумесяцами поверили на слово, и вся нация Нидерландов была официально запрещена как неверующие. Войска дона Джона были собраны в Марке в Люксембурге; войска штатов - на равнине в нескольких милях от Намюра. Обе армии были почти равны по численности, составляя почти по двадцать тысяч человек в каждой, включая силы в две тысячи кавалеристов с каждой стороны. Первоначальным намерением патриотов было атаковать дона Джона в Намюре. Узнав, однако, что он намеревался сам выступить вперед, чтобы дать сражение, они решили отступить к Гемблуру, который находился в девяти милях от этого города. Соответственно, в последний день января они перед рассветом свернули свой лагерь в Сен-Мартинусе и двинулись в сторону Жамблура. Главным командиром был Де Гоиньи, старый солдат Карла Пятого, который также сражался при Сен-Кентене. Армия штатов состояла из трех дивизий. Авангард состоял из пехотных полков Де Хезе и Монтиньи, прикрываемых с флангов корпусом легкой кавалерии. Центром, состоявшим из валлонского и немецкого полков, с несколькими ротами французов и тринадцатью ротами шотландцев и англичан под командованием полковника Бальфура, командовали два самых выдающихся офицера, Боссю и Шампани. Арьергард, который, конечно же, был ответственным и почетным постом, состоял из всей тяжелой кавалерии, которой командовали Филипп Эгмонт и Люми де ла Марк. Маркиз Гавр и главнокомандующий Гоиньи разъезжали взад и вперед по мере продвижения армии, каждого сопровождал его штаб. Войска дона Иоанна выступили из-под Намюрас самым ранним рассветом и двинулись в погоню за отступающим противником. Впереди шла почти вся кавалерия - карабинеры, уланы и тяжелые драгуны. Центр, выстроенный в два каре, состоял в основном из испанской пехоты с меньшим количеством немцев. В арьергарде шли валлоны, тоже маршировавшие каре и охранявшие обоз и боеприпасы. Чарльз Мансфельд остался позади с резервными силами, расположенными на Маасе; Оттавио Гонзага командовал впереди, Эрнест Мансфельд замыкал тыл; в центре ехал сам дон Джон в сопровождении принца Пармского. Над его головой развевалось знамя с изображением распятия и памятной надписью "In hoc signo vici Turcos, in hoc Haereticos vincam".

Вперед были высланы небольшие отряды кавалерии под командованием Оливеры и Акосты, чтобы прочесать дороги и леса и разрушить все засады, которые могли быть подготовлены. От нескольких отставших, взятых в плен этими офицерами, были известны планы отступающих генералов. Зимний день был не за горами, когда вдалеке показались тыловые колонны армии штатов. Дон Джон, отобрав около шестисот кавалеристов, отборных людей, с тысячей пехотинцев, разделил все это на два отряда, которыми он отдал командование Гонзаге и знаменитому старому Кристоферу Мондрагону. Эти офицеры получили приказ держаться в тылу противника, преследовать его и наносить ему весь возможный ущерб, соответствующий возможности избежать генерального сражения, до тех пор, пока не придут основные силы под командованием Пармы и Дона Джона. Сначала приказы выполнялись неукоснительно. Однако по мере того, как перестрелка становилась все жарче, Гоазага заметил, что энергичный кавалерийский офицер по имени Перотти уже продвинулся с горсткой людей гораздо дальше в пределах досягаемости враждебных сил, чем это было сочтено целесообразным. Он поспешно послал отозвать чересчур нетерпеливого вождя. Приказ, отданный тоном скорее

повелительным, чем приятным, был наотрез нарушен. "Передайте Оттавио Гонзаге, - сказал Перотти, - что я еще никогда не поворачивался спиной к врагу и не начну сейчас. Более того, если бы я когда-либо был так сильно склонен к этому, отступление было бы невозможно". Отступающая армия в это время продвигалась по краю глубокого оврага, заполненного тиной и водой, такого же широкого и опасного, как река. В разгар перестрелки Александр Пармский прискакал на разведку. Он сразу увидел, что колонны противника двигались нетвердым маршем, чтобы не попасть в этот ручей. Он заметил размахивание их копьями, общее замешательство в их рядах и поспешил воспользоваться удачным моментом. Указав окружающим его офицерам на открывшуюся таким образом возможность напасть на отступающую армию врасплох с фланга, он с большой быстротой собрал передовые роты кавалерии, уже отделенные от основных сил. Вскочив на свежую и сильную лошадь, которую Камилло Монте держал для него наготове, он объявил о своем намерении проскочить опасный овраг и нанести удар там, где этого меньше всего ожидали. "Скажите дону Джону Австрийскому, - крикнул он офицеру, которого отправил обратно к главнокомандующему, - что Александр Пармский бросился в пропасть, чтобы погибнуть там или снова выйти победителем".

Внезапная мысль осуществилась с молниеносной быстротой. В одно мгновение отважный всадник уже пробирался через опасное болото; в другое - его мощный конь перенес его через него. Остановившись на несколько минут, передохнув с копьем, пока его войска также не форсировали свой переход, незамеченными вышли на ровную местность и как следует отдышали своих лошадей, он выстроил свой небольшой отряд в компактную колонну. Затем, сказав несколько ободряющих слов, он бросил их во врага. Сильный и совершенно неожиданный удар оказался даже более успешным, чем ожидал принц. Вражеская кавалерия дрогнула и впала в безнадежное замешательство, Эгмонт тщетно пытался сплотить их к сопротивлению. Это название утратило свою магию. Гоиньи также безуспешно пытался восстановить порядок в охваченных паникой рядах. Внезапная концепция Пармы, осуществленная столь же внезапно и столь блестящим образом, оказалась решающей. Атакованная с фланга и тыла в один и тот же момент, и уже во временном замешательстве, кавалерия противника повернулась спиной и обратилась в бегство. Центр армии штатов, оставшийся таким образом незащищенным, теперь подвергся ожесточенной атаке со стороны Пармы. Более того, он уже был приведен в беспорядок отступлением своей собственной конницы, когда они прорвались сквозь них в быстрой и позорной панике. Вся армия разом рассыпалась на куски, и тревога была так велика, что у побежденных войск едва хватило мужества обратиться в бегство. Они были совершенно неспособны к бою. Беглецы не нанесли ни одного удара. Едва ли хоть один человек в рядах испанцев был ранен; в то время как в течение полутора часов все силы противника были уничтожены. Невозможно с точностью назвать точное число убитых. В некоторых источниках говорилось о десяти тысячах убитых или взятых в плен, при этом королевская сторона абсолютно не понесла потерь. Более того, эта резня была учинена не армией под командованием дона Джона, а столь малой ее частью, что некоторые историки даже подсчитали, что общее число роялистов, участвовавших в начале сражения, составляло шестьсот человек, а впоследствии увеличилось до тысячи двухсот. По этим подсчетам, каждый сражавшийся испанец должен был собственноручно убить десять врагов, и это в течение полутора часов! Другие историки более благоразумно опускают точную статистику резни и допускают, что в рядах испанцев было убито очень мало — самое большее десять или одиннадцать человек. Это, однако, самое большее, на что претендуют даже

нидерландские историки, и, во всяком случае, несомненно, что армия всего государства была уничтожена.

Редко горстка кавалеристов совершала более блестящий подвиг. Выдающемуся Александру Пармскому, который благодаря случайному стечению обстоятельств добился столь поразительной и полной победы, принадлежала вся заслуга того дня, ибо его острый глаз уловил мимолетную слабость противника и обратил ее в ужасное русло с быстротой, присущей только гению. Целая армия была разгромлена. Все, что принадлежало врагу, попало в руки испанцев. Тридцать четыре штандарта, множество полевых орудий, много лагерного снаряжения и боеприпасов, не считая примерно семи или восьми тысяч трупов и шестисот живых пленников, были добычей того зимнего дня. Некоторые из пленников вскоре после этого были сброшены с моста в Намюре и утоплены, как собаки, в Маасе, в то время как все остальные были повешены, и ни один из них не остался в живых. Милосердие дона Джона не превосходило милосердия его кровожадных предшественников.

И таким образом было добавлено еще одно доказательство — если доказательства испанской доблести все еще были необходимы. Нидерландцам можно простить, если их враги казались им сверхъестественными и почти неуязвимыми. Как еще можно объяснить эти огромные успехи? Как еще могли тысячи пасть от испанских мечей, в то время как едва ли хоть один труп испанца свидетельствовал об эффективном сопротивлении? При Еммингене Алва потерял семь солдат и семь тысяч убитыми; в Антверпенской ярости пало самое большее двести испанцев, в то время как восемь тысяч бюргеров и государственных войск были вырезаны; и теперь при Жамблуре шесть, семь, восемь, десять — Бог знает, сколько — тысяч были истреблены, и едва ли был убит хоть один испанец! Несомненно, первой причиной такого результата было превосходство испанских солдат. Они были самыми смелыми, дисциплинированными и опытными в мире. Их дерзость, расторопность и свирепость делали их почти непобедимыми. В этой конкретной операции по меньшей мере половина армии Дона Джона состояла из испанских или испано-итальянских ветеранов. Более того, ими командовали самые прославленные капитаны того времени — сам Дон Джон и Александр Пармский, которых поддерживали такие ветераны, как Мондрагон, герой достопамятных подводных экспедиций; Мендоса, опытный кавалерийский офицер, дипломат и историк; и Мансфельд, о котором Дон Джон лично написал королю, что у его Величества нет другого такого выдающегося офицера во всех Нидерландах. Такие офицеры, как эти, помимо Гонзаги, Камилло Монте, Муцио Пагано, стоявшие во главе тех войск, которые сражались в тот день под знаменем Креста, могли бы многое рассказать об этой последней и самой грандиозной победе инквизиции. С другой стороны, хотя Боссю и Шампаньи служили в армии штатов, вряд ли их сердца были связаны с этим делом. Оба долгое время были верноподданными и снискали много лавров в борьбе с повстанцами, в то время как Шампаньи все еще был убежденным папистом и мучительно колебался между своей ненавистью к ереси и к Испании. Эгмонт и Де Хезе были грубыми, неопытными парнями, в которых гений пришел не для того, чтобы заменить опыт. Командующий, Де Гуан, был ветераном, но ветераном, который так и не снискал большой славы, а начальники кавалерии, пехоты и артиллерии отсутствовали на брюссельской свадьбе. Известие об этой дополнительной резне, учиненной над нацией, за которую Берген и Монтиньи отдали свои жизни, стало свадебным благословением для наследницы Бергена; ибо именно главным гостям на свадьбе в тот раз было справедливо приписано несчастье. Рядовой состав армии штатов состоял в основном из наемников, преобладающим мотивом которых была надежда на добычу; главнокомандующие

отсутствовали; в то время как те офицеры, которые были с войсками, не были ни искренне дружелюбны к своему собственному флагу, ни достаточно опытны, чтобы заставить уважать его.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Абсурдная демонстрация искренности
Всегда менее склонен жаловаться на необратимые события
Вообразил и совершил дело истины
Иуда Маккавей
Не честлюбивый и не жадный
Излишний сарказм

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 30

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА V.

Города, взятые доном Джоном—Гнев, возбужденный против аристократической партии недавним поражением—Покушения на Амстердам—"Сатисфакция" Амстердама и ее последствия—Де Селль отправил королевские письма из Испании—Условия, предложенные Филиппом—Провозглашение дона Джонама— Переписка между де Селлем и Генеральными штатами—Между королем и генерал—губернатором—Новые силы, собранные Штатами—Св. Альдегонда на сейме—Муниципальная революция в Амстердаме—Письмо принца по поводу анабаптистов Мидделбурга— Бездействие двух армий—Бездействие при Рейнеманте—Иоанн Казимир—Порочная политика королевы Елизаветы—Алансон в Нидерландах—Портрет герцога—Позиция Оранского по отношению к нему—Общепризнанная и предполагаемая политика французского двора—Гнев Елизаветы—Условия, согласованные между Алансоном и Сословиями—Возобновленные переговоры с доном Джоном—Предложенные ему суровые условия—Беседа английских посланников с французским королем. Губернатор—Разочарование попытками дона Иоанна—Оранского установить религиозный мир—Его изоляция в чувствах—Партия недовольных—граф Джон, губернатор Гелдерланда — Предложенная форма религиозного мира—Прокламация Оранского по этому поводу в Антверпене—Петиция в пользу Римской церкви, представленная Шампаньи и другими католическими дворянами Генеральным штатам—Последовавший за этим переполох в Брюсселе—Шампаньи и другие заключены в тюрьму—Лень и нищета двух армий—Болезнь и меланхолия дона Иоанна—Его письма Дориа, Мендосе и остальным католическим дворянам. Король—Смерть дона Джона—Подозрения в отравлении—Помпезные похороны— Переправка его тела в Испанию—Заключительные замечания о его характере.

Подтвердив таким образом свою воинскую славу и поразительное превосходство испанского оружия, дон Иоанн вслед за своей победой быстро сдал многие второстепенные города: Лувен, Жюдуань, Тирлемон, Эршо, Бовинь, Сихем, Нивель, Ро, Суаньи, Бинш, Бомон, Валькур, Твийобеж и Шиме, которые либо покорились своему завоевателю, либо были взяты после

непродолжительных осад. Обычные зверства были совершены по отношению к несчастным жителям городов, где предпринимались попытки сопротивления. Комендант Сихема был повешен из собственного окна вместе с несколькими старшими бюргерами и офицерами, в то время как гарнизон был предан мечу, а тела выброшены в реку Денвер. Единственное преступление, совершенное этими несчастными, состояло в том, что они отважились нанести один-два удара в защиту очагов, которые их нанимали защищать.

С другой стороны, в Брюсселе эти события вызвали не столько ужас, сколько безграничную ярость против аристократической партии, поскольку поражение Жамблур было справедливо приписано интригам и неспособности католических магнатов. С трудом Оранж, переходя ночью от дома к дому, с улицы на улицу, сумел утихомирить негодование народа и помешать ему массово устремиться к резиденции знати, чтобы без промедления отомстить предателям. Все смотрели на принца как на своего единственного спасителя, и Матиас не тратил впустую ни мысли, ни слова. В собрании не прозвучало ни единого голоса в защиту тайных действий католической партии или против мер, которые мог предложить принц. Ужасное бедствие показало необходимость объединения. Все стороны сердечно присоединились к необходимым шагам по переводу столицы в состояние полной обороны и немедленному сбору новых войск для замены только что уничтоженной армии. Победитель ничего не выиграл от своей победы по сравнению с прибылью, полученной государствами благодаря их общему несчастью. Не все города, недавно перешедшие в руки дона Джона, были сравнимы по значимости с городом Амстердамом, который теперь, благодаря весьма своевременному решению, предоставил национальной партии богатую компенсацию за катастрофу при Жамблуре.

Со времени заключения Гентского мира самым серьезным желанием принца, а также Голландии и Зеландии было вернуть себе этот важнейший город. Это желание, естественно, разделял каждый истинный патриот в генеральных штатах. Однако было чрезвычайно трудно договориться об условиях "Удовлетворения". Каждая новая попытка мирного компромисса разбивалась о упрямый фанатизм ведущих гражданских властей. Они не согласились бы принять власть Оранжа иначе, как, по выражению святого Альдегонды, на условиях, которые позволили бы им "управлять своим губернатором". Влияние монахов, которые в большом количестве проживали в городе, имагистратов, которые все были убежденными католиками, до сих пор было достаточным, чтобы перевесить усилия, прилагаемые большими массами приверженцев реформатской религии, составляющих основную часть населения. Однако было невозможно позволить Амстердаму оставаться в таком изолированном и враждебном отношении к остальной Голландии. Принц, пообещав не применять никакого принуждения и преданно придерживаясь своего обещания, лишь с большим трудом сдержал насилие голландцев и зеландцев, которые были полны решимости честными или подлыми средствами вернуть столице ее естественное место в пределах своего штатгальтерства. Он был вынужден по разным поводам, в частности 21 октября предыдущего года, обратиться с самым решительным и безапелляционным письмом к властям Голландии и Зеландии, запрещающим применение враждебных мер против Амстердама. Его приказам подчинялись неохотно, частично и лишь временно. Штаты отказались от своего плана уничтожения города голодом, но от этого они не стали меньше поощрять тайные и неофициальные экспедиции, которые ежедневно предпринимались для осуществления внезапной аннексии.

В конце ноября полковник Хеллинг совместно с губернатором Соном предприняли отчаянную попытку захватить город врасплох. Силы, которые авантюрист собрал для этой цели, были

недостаточны, и его планы были неумело составлены. Сам он был убит на улице в самом начале сражения; после чего, выражаясь причудливым языком современного хрониста, "сердца его солдат упали в пятки", и они покинули город с гораздо большей поспешностью, чем вошли в него. Принц был возмущен этими насильственными мерами, которые скорее замедлили, чем продвинули желаемое завершение. В то же время это было зло огромного масштаба — такое аномальное состояние его столицы. Муниципальные и клерикальные заговорщики согласовывали в его стенах бесконечные планы, и, как известно, дон Джон в разное время обдумывал различные попытки нанести ответный удар по провинциям Голландия и Зеландия в наиболее уязвимом и жизненно важном месте. "Сатисфакция", принятая Утрехтом осенью 1577 года, однако, проложила путь к восстановлению Амстердама; так что 8 февраля 1578 года некоторым депутатам от Утрехта удалось, наконец, договориться об условиях, которые были приняты городом-побратимом. Основой договора, как обычно, было номинальное превосходство католической религии при терпимости к реформатскому богослужению. Необходимым результатом было бы, как в Гарлеме, Утрехте и других местах, установление новой религии на основе полного равенства со старой. Было решено, что ни одна община не должна была нарушать их религиозные обряды в отведенных им местах. Представители реформатской веры должны были совершать свои богослужения вне стен. Однако они должны были пользоваться правом хоронить своих умерших на этих территориях, и удивительно, какое большое значение придавалось в те дни обычаю, против которого восстают общепринятые чувства современности. "Хоронить наших умерших в пределах наших собственных городов - это право, в котором собаке вряд ли можно отказать", - сказал принц Оранский; и, соответственно, это право было полностью обеспечено новым Решением Амстердама. Однако было оговорено, что похороны должны быть скромными, и на них должно присутствовать не более двадцати четырех человек одновременно. Международный договор был встречен с безграничной радостью в Голландии и Зеландии, в то время как бесчисленные благословения были обращены к "благословенным миротворцам", когда депутаты от Утрехта шли по улицам Амстердама. Нет сомнения, что триумф, достигнутый таким образом национальной партией, значительно уравнивал победу генерал-губернатора при Жамблуре.

Тем временем из Испании прибыл сеньор де Селль, брат покойного Нуаркарма. Он был специальным отправителем письма короля генеральным штатам, написанного в ответ на их сообщения от 24 августа и 8 сентября предыдущего года. Тон королевского послания был очень ласковым, содержание таким, что полностью оправдывало всю политику оранских. Было очевидно, что проникательный и непоколебимый государственный деятель поступил правильно, отказавшись поддаваться на уговоры направо или налево из-за показного языка предыдущих писем Филиппа или очевидной откровенности дона Джона. Без сомнения, губернатор был искренен в своем желании мира, но принц очень хорошо знал о своей неспособности даровать это благословение. Принц знал — то, чего, казалось, никто другой в ту эпоху не понимал в полной мере, — что смертельная схватка между инквизицией и Реформацией уже вовсю разгорелась. Великая битва между божественным разумом и божественным правом, от которой зависели интересы нерожденных поколений, должна была разыграться на глазах всего христианского мира на равнине Нидерландов.

Оранж был готов сложить оружие, если бы мог получить гарантии для реформированного вероисповедания. У него не было желания уничтожать древнюю религию, но он намеревался также защитить новую от истребления. Он чувствовал, что такая безопасность никогда не будет предоставлена, и поэтому решительно отказался прислушаться к мнению дона Джона,

поскольку был уверен, что мир с ним невозможен. Письма, которые теперь представил Де Селль, полностью подтвердили его позицию. Король ни словом не обмолвился о назначении нового генерал-губернатора, но смело настаивал на необходимости сохранения двух кардинальных принципов - своего королевского превосходства и католической религии на основе, принятой его отцом, императором Карлом Пятым.

В этом заключалась вся суть его послания: верховенство королевской власти и папства, как во времена Карла Пятого. Эти каббалистические слова были дважды повторены в кратком письме к сословиям. Они были повторены пять раз в инструкциях, данных его Величеством Де Селлю. Письмо и инструкции действительно не содержали ничего другого. Для излечения политического организма, измученного лихорадкой и конвульсиями десяти ужасных лет, были предложены два простых средства, которые пациент вряд ли мог быть настолько неразумным, чтобы отвергнуть, — неограниченный деспотизм и религиозные преследования. Все дело заключалось в ореховой скорлупе, но именно в ореховой скорлупе были заключены пылающие эдикты Карла Пятого с их эшафотами, виселицами, дыбами и погребальными кучами. Принц и генеральные штаты отвергли такие мирные попытки и предпочли приготовиться к бою.

Чтобы не было никакой ошибки в этом вопросе, дон Джон сразу же после получения письма издал прокламацию о приведении в исполнение приказа короля. Он упомянул об этом как о признанном факте, что генеральные штаты давным-давно поклялись поддерживать два аспекта королевского и католического превосходства, в соответствии с практикой времен императора Карла. Штаты немедленно опубликовали возмущенный ответ, подтверждая неоспоримую истину, что они поклялись поддерживать Гентское перемирие, и объявляя утверждение дона Джона позорной ложью. По их словам, это было оскорблением здравого смысла, что Гентский договор можно было использовать под пытками, чтобы добиться санкции плакатов и инквизиции - зла, которое этот священный инструмент был специально призван сокрушить.

Затем его величеству было официально адресовано письмо от имени эрцгерцога Матиаса и поместий с требованием отозвать дона Джона и поддержать Гентский мир. Де Селлер в ответ прислал краткий документ с осуждением, приложив записку от дона Джона, которая, по признанию посланника, могла показаться несколько резкой по своим выражениям. Письмо действительно содержало достаточно яростный и безапелляционный призыв к штатам подчиниться приказам короля в отношении системы Карла Пятого в соответствии с их предыдущим соглашением, а также резкое заявление о недовольстве губернатора тем, что они осмелились обратиться за помощью к иностранным принцам. 18 февраля поступило предложение от Де Селлера, что принц Оранский должен передать себя в руки дона Джона, в то время как принц Пармский, один и без оружия, предстанет перед ассамблеей для переговоров с ними по этим вопросам. В ответе, возвращенном генеральными штатами на это абсурдное предложение, выражалось их сожаление по поводу того, что сын герцогини Маргариты примкнул к врагу Нидерландов, жаловались на буллу, которой папа призвал к войне против них, как если бы они были сарацинами, повторили свой самый неопровержимый аргумент - что Гентское умиротворение установило систему, прямо противоположную той, которая существовала при Карле Пятом, — и подтвердили свою решимость никогда больше не подчиняться испанским армиям, палачам, эдиктам или инквизиции и никогда больше не возвращаться к принципам императора и из Альвы. За этой дипломатической перепиской последовала словесная война и выпуск памфлетов, некоторые из которых были очень подстрекательскими и очень красноречивыми. Тем временем подготовка к активным военным

действиям продолжалась ежедневно. Принц Оранский через своих посланников в Англии договорился о выделении субсидий на предстоящую кампанию и о выделении войск, которые должны были быть введены в Нидерланды под командованием герцога Казимира Пфальцского. Он разослал уполномоченных по провинциям для сбора согласованных соответствующих взносов, помимо чрезвычайной квоты в четыреста тысяч гульденов ежемесячно. Он также договорился о займе в сто двадцать тысяч гульденов у граждан Антверпена. По его указанию было введено множество новых налогов, как на доход, так и на потребление. Однако по его совету и с согласия генеральных штатов провинции Голландия и Зеландия не несли общего бремени с другими провинциями, но по своей собственной воле вносили взносы, превышающие суммы, на которые им было бы начислено. Генеральные штаты попросили мистера Лейтона, который собирался вернуться после своей безуспешной миссии от Елизаветы к дону Джону, передать ее Величеству достоверный отчет о недавней переписке, и особенно о языке, которым пользовался генерал-губернатор. Его также настоятельно призвали использовать свое влияние на королеву, чтобы ее обещания о помощи могли быть быстро выполнены.

Войска были быстро набраны, и снова, в результате той же честной, но ошибочной политики, главные должности были возложены на знатных людей — Эршо, Шампани, Боссю, Эгмонта, Лалена, виконта Гентского, барона де Вилля и многих других, большинству из которых пришлось покинуть дело в час нужды. С другой стороны, дон Джон продолжал свои военные приготовления в широком масштабе. Король недавно выделил ему один миллион девятьсот тысяч долларов и пообещал ежемесячно выделять ему еще двести тысяч. На эти средства, по подсчетам его Величества, можно было бы собрать армию численностью в тридцать тысяч пехотинцев, шестнадцать тысяч кавалеристов и тридцать артиллерийских орудий. Было обещано, что в случае необходимости в дополнительных переводах они будут получены.

Это стало результатом многочисленных серьезных возражений губернатора по поводу медлительной политики короля. Устав от постоянных приказов "выдуть горячее и холодное одним и тем же дыханием", он настоял на том, чтобы его Величество выбрал горячее или холодное и предоставил ему средства для осуществления этого выбора. Что касается дона Джона, то он заверил своего брата, что самые горячие блюда пришлись ему по вкусу и наиболее соответствовали случаю. Только огонь и меч могли спасти королевскую власть, поскольку все провинции "предались, телом и душой, величайшему еретiku и тирану, вассалом которого когда-либо был принц". Непрестанными были жалобы и мольбы капитан-генерала, вызванные апатией или нерешительностью Филиппа. Монарха можно было разбудить, только убедив его, что Нидерланды на самом деле принадлежат Оранжу. "Они принадлежат ему, и никому другому", - печально сказал губернатор. Соответственно, король отправил обратно Де Билли, посланника дона Джона, с решительными предписаниями использовать силу и энергию для немедленного подавления восстания и с намеком на то, что отныне можно будет рассчитывать на более регулярные средства, поскольку в июле ожидался приход индийского флота. Филипп также посоветовал своему брату потратить часть своих денег на покупку губернаторов и главных лиц, которые контролировали города и другие укрепленные пункты, принадлежащие штатам.

Тем временем дон Джон огласил манифест, недавно подготовленный в Мадриде, которым сословиям, как общим, так и частным, предписывалось немедленно разойтись и запрещалось собираться снова, за исключением особых случаев. Все полномочия, гражданские или военные, предоставленные властью штатов, были, кроме того, аннулированы вместе с общим

запретом на любой акт повиновения таким должностным лицам и на участие в любых сборах, которые могли взиматься их властью. Такие раскаты грома теперь были сравнительно безвредны, поскольку штаты взяли свой курс и были усердно заняты, как внутри страны, так и за рубежом, вооружением для участия в конфликте. Святой Альдегонде было поручено присутствовать на императорском сейме, затем на заседании в Вормсе, где он произнес речь, которая была очень известна в свое время как сочинение, но вряд ли можно сказать, что она произвела большой практический эффект. В Германии бушевало течение, направленное против реформатской религии и дела Нидерландов, аугсбургские конфессионисты проявляли едва ли больше симпатий к голландским кальвинистам, чем к испанским папистам.

Посланцы от дона Иоанна также присутствовали на сейме и попросили святую Альдегонду предоставить им копию его речи. Он отказался это сделать. Находясь в Германии, Святой Альдегонде Иоанн Казимир сообщил, что шведскому герцогу Карлу было предложено предоставить определенные военные корабли для планируемой операции против Амстердама. Герцог сам сообщил об этом заговоре принцу Палатинскому. Поэтому было естественно, что святой Альдегонд немедленно отправил разведданные своим друзьям в Нидерландах, предупредив их об опасностях, которых все еще следует опасаться из-за махинаций католических агентов и функционеров в Амстердаме; ибо, хотя Реформация быстро прогрессировала в этом важном городе с момента вынесения Сатисфакции, магистратура все же оставалась католической.

Уильям Бардес, сын бывшего верховного шерифа, горячий сторонник Оранжа и "религии", уже решил свергнуть эту магистратуру и изгнать монахов, наводнивших город. Недавняя информация, отправленная святой Альдегондой, подтвердила его намерение. Между папистскими функционерами и представителями реформатской религии было много споров по поводу формирования бюргерской гвардии. Кальвинисты не могли чувствовать себя в безопасности ни за свою собственную жизнь, ни за покой Голландского содружества, если бы им самим не было позволено полноценно участвовать в управлении этими важными группами. Более того, они были недовольны распределением церковных дворов между членами их общины. Эти причины раздора поддерживали общее раздражение среди большинства жителей, и теперь Бардес использовал их в качестве предлога для осуществления своего замысла. Он знал, что город созрел для свержения магистрата, и договорился с губернатором Соном о выделении достаточного количества испытанных солдат, которые должны были быть спрятаны в домах конфедератов. Большое количество граждан также были готовы явиться по его приказу с оружием в руках.

24 мая он написал Соною, умоляя его держать себя в руках, поскольку в городе все было подготовлено. В то же время он попросил губернатора немедленно прислать ему "морион и защитный щит", поскольку намеревался честно довести дело до конца. Соной ободряюще ответил и прислал ему доспехи, как было указано. 28 мая Бардес с четырьмя сообщниками отправился в зал заседаний совета, чтобы выразить сенату протест по поводу жалоб, которые так часто обсуждались. Примерно в полдень один из союзников, покинув зал заседаний совета, вышел на минутку на балкон, выйдя на городскую площадь. Постояв там мгновение, он серьезно снял шляпу, а затем так же серьезно водрузил ее на голову. Это был заранее подготовленный сигнал. В следующее мгновение было видно, как матрос бросился через площадь, размахивая флагом обеими руками. "Все вы, кто любит принца Оранского, мужайтесь и следуйте за мной!" - крикнул он. В одно мгновение площадь ожила. Солдаты и вооруженные

горожане внезапно выскочили вперед, словно из недр земли. Бардес повел сильный отряд прямо в зал заседаний совета и арестовал всех до единого изумленных магистратов. В то же время его сообщники прочесали город и взяли под стражу всех монахов в городе. Затем монахов и сенаторов торжественно провели к причалу, где их ожидало судно. "На виселицу с ними — на виселицу с ними!" - кричала толпа, когда они проходили мимо. "На виселицу, куда они привели многих хороших парней раньше времени!" Таковы были открыто выраженные желания их сограждан, когда эти сановники и святые мужи шли к тому, что они считали своей судьбой. Хотя те, кто их охранял, относились к ним с уважением, они были полны трепета, поскольку считали проклятия населения предвестниками своей участи. Войдя на судно, они убедились, что виселица была заменена смертью в воде. Бедный старый Генрих Диркзун, бывший бургомистр, трогательно отверг пару чистых рубашек, которые его заботливая жена прислала ему через горничную. "Заберите их, заберите их обратно домой", - сказал печальный бургомистр.; "Мне больше никогда в этом мире не понадобятся чистые рубашки". Он не сомневался, что его похитители намеревались затопить судно, как только оно немного выйдет в море, и таким образом предоставить их их судьбе. Однако такого трагического конца не предвиделось, и, фактически, никогда еще полная муниципальная революция не совершалась в такой добродушной и шутиливой манере. Католические магистраты и монахи отделались испугом. Их просто выгнали из города и запретили, ради их жизни, когда-либо возвращаться обратно. После того, как судно отошло на небольшое расстояние от города, все они были высажены на берег на плотине и, таким образом, остались невредимыми на открытой местности.

Вскоре была назначена новая коллегия магистратов, одним из членов которой был толстый Уильям Бардес; оркестры были реорганизованы, а церкви открыты для реформатского богослужения — за исключением, поначалу, католиков. Это, безусловно, противоречило Гентскому договору и недавнему Удовлетворению; это также в высшей степени противоречило мнению Orange. Соответственно, через короткое время католикам снова был разрешен доступ в церкви, но теперь в столице Голландии роли поменялись навсегда, и Реформация стала установленным фактом во всей этой маленькой провинции.

Аналогичные события, произошедшие на следующий день в Гарлеме и сопровождавшиеся некоторым кровопролитием, за которое, однако, виновный был наказан смертью, открыли большую церковь этого города для реформатских конгрегаций и на время закрыли ее для католиков.

Таким образом, дело новой религии восторжествовало в Голландии и Зеландии, в то время как в других провинциях оно продвигалось быстрыми шагами. Публичные проповеди были повседневным явлением повсюду. В одно воскресенье пятнадцать разных служителей реформатской религии проповедовали в разных местах Антверпена. "Вы думаете, это можно отменить?" - сказал Оранж протестующему бургомистру этого города. "Вы должны подавить это, - сказал чиновник, - я предоставляю вашему высочеству полную власть сделать это". "И вы думаете, - ответил принц, - что я могу сделать в этот последний момент то, чего герцог Алва не смог сделать при всей полноте своей власти?" В то же время принц Оранский был более чем когда-либо расположен упрекнуть свою собственную Церковь в том, что она, в свою очередь, подвергалась преследованиям. Он снова возвысил свой повелительный голос от имени анабаптистов Мидделбурга. Он напомнил магистратам этого города, что эти мирные бюргеры всегда были готовы внести свой вклад во все общие тяготы, что их слово было так же крепко, как

и присяга, и что что касается военной службы, то, хотя их принципы запрещали им носить оружие, они всегда были готовы предоставить замену и оплатить ее. "Поэтому мы заявляем вам, - сказал он, - что вы не имеете права тревожить чью-либо совесть до тех пор, пока не будет сделано ничего, что могло бы причинить личный вред или общественный скандал. Поэтому мы недвусмысленно предписываем вам воздерживаться от приставания к этим баптистам, от создания препятствий их ремеслу и повседневной торговле, которыми они могут зарабатывать на хлеб своим женам и детям, и отныне разрешать им открывать свои лавки и выполнять свою работу в соответствии с обычаем прежних дней. Поэтому остерегайтесь неповиновения и сопротивления постановлению, которое мы сейчас устанавливаем".

Тем временем армии с обеих сторон были собраны и двигались навстречу друг другу. Дон Джон стоял во главе почти тридцатитысячного войска, включая значительную часть испанских и итальянских ветеранов. Армия штатов едва насчитывала восемнадцать тысяч пехотинцев и две тысячи кавалеристов под командованием знаменитого Франсуа де ла Нона по фамилии Бра де Фер, который недавно был назначен маршалом де Кэмп, а при графе Боссю - главнокомандующим. Место сбора провинциальных войск находилось на равнинах между Херенталсом и Лиром. В этот момент они ожидали подкрепления со стороны герцога Казимира, который с начала лета находился в стране Зютфен, но все еще оставался там бесславным и бездействующим, пока не смог бы получить необходимый аванс своим войскам. Дон Джон был полон решимости, если возможно, разгромить армию штатов до того, как герцог Казимир со своими двенадцатью тысячами немцев вступит в бой с Боссю. Поэтому губернатор переправился через Демер близ Эершота в конце июля и день за днем давал противнику бой. Результатом стала серия нерешительных стычек, в последней из которых, близ Рейнеманта, в первый день августа, роялисты потерпели поражение и были вынуждены отступить после почти восьмичасовых беспорядочных боев, оставив на поле боя тысячу убитых. На следующее утро Боссю решительно отверг их предложение "удвоить ставку или квити", поскольку, находясь в безопасности на своих укреплениях, в тот момент нельзя было допустить, чтобы у них возникли шансы вступить в генеральное сражение. За это он был сурово обвинен более жестокими представителями национальной партии.

Его патриотизм, имевший столь недавнее происхождение, вызывал серьезные подозрения; и предполагалось, что только его смерть, наступившая вскоре после этого, помешала ему покинуть штаты, чтобы снова сражаться под знаменами Испании. Эти подозрения, вероятно, были несправедливы. Правдивость характера Боссю была столь же общепризнанна, как и его выдающаяся храбрость. Если бы он отказался в этом случае от генерального сражения, те, кто размышлял об обычных для патриотов результатах подобных сражений, могли бы, возможно, признать, что одной катастрофой было предотвращено больше. Дон Джон, сочтя невозможным достичь своей цели и одержать еще одну победу Гемблур, снова отступил в окрестности Намюра.

Вооруженные силы штатов оставались в ожидании давно обещанной помощи Джона Казимира. Однако только 26 августа герцог повел свои двенадцать тысяч человек в окрестности Мехлина, где стоял лагерь Боссю. Этот молодой принц не обладал ни способностями, ни великодушием, необходимыми для героической роли, которую он намеревался сыграть в нидерландской драме. Он был вдохновлен смутной идеей личного возвеличивания, хотя в то же время проявлял величайшее почтение к Вильгельму Оранскому. Он выразил надежду, что они с принцем "будут всего лишь двумя головами под одной шляпой", но ему не мешало бы спросить себя, сильно ли

обогащает молчаливого государственного деятеля его собственный вклад в это партнерство умов. Сам Оранж относился к нему с почтительным презрением и рассматривал его вмешательство в дела Нидерландов лишь как дополнительный элемент озорства. Однако правая рука герцога, Питер Пьюттерих, "конный врач", как называл его сэр Филип Сидней, одинаково искусный как с мечом, так и с пером, преуспел во время миссии в Англии в завоевании благосклонности королевы к своему хозяину. Таким образом, Казимиру было поручено командование сборами и основное расходование субсидий, которые она предоставила в распоряжение штатов. На Казимира она полагалась как на противовес герцогу Алансонскому, который, как ей было известно, уже въехал в провинцию по тайному наущению большой фракции знати. Она, как всегда, была уверена в Оранже, но воображала, что укрепляет его дело, предоставляя ему такого лейтенанта. Ближайшие друзья Казимира мало уважали его способности. Его тесть, Август Саксонский, не одобрил его экспедицию. Ландграф Вильгельм, к которому он обратился за советом, ответил в своей необычной манере, что одному другу всегда трудно давать советы другому в трех вопросах, а именно— жениться, отправиться в море и на войну; но, тем не менее, вопреки древней пословице, он возьмет на себя ответственность предостеречь Казимира от погружения в то, что он с удовольствием называл "запутанным хаосом" политики Нидерландов". Однако герцог не испытывал ни малейшего желания следовать совету, которого он просил. Его задел сарказм, однажды высказанный Альвой по поводу того, что германские правители носили на своих щитах множество львов, драконов, орлов и грифонов, но что эти свирепые животные не были склонны кусаться или царапаться. Поэтому он был настроен раз и навсегда показать, что зубы и когти немецких принцев все еще могут быть опасны. К сожалению, ему было суждено внести новый элемент замешательства в этот хаос и представить скорее доказательство, чем опровержение правильности насмешки Альвы.

Это был герой, который теперь был по уши втянут в запутанные дела голландцев, и именно Елизавета Английская, более чем когда-либо встревоженная замыслами Алансонацев, выдвинула вперед этого протестантского защитника, несмотря на нежелание Оранского.

Королева была права в своем беспокойстве по поводу французского принца. Католическая знать, полагаясь на сильные чувства, все еще распространенные по всей Валлонии против реформатской религии, и более чем когда-либо воспламененная своим отвращением к Оранскому, чей гений так полностью отодвинул их в тень, уже сблизилась с герцогом. Те же самые факторы повлияли на появление "Алансона", который ранее использовался для того, чтобы привезти Маттиаса из Вены. Теперь, когда эрцгерцог, который должен был стать соперником, стал иждивенцем Вильгельма, они обратили свое внимание на сына Екатерины Медичи, поскольку сам Оранский всегда держал герцога в резерве, как инструмент преодоления политического кокетства Елизаветы. Эта великая принцесса никогда не проявляла меньшего величия, чем в своей более ранней и самой мучительной связи с Нидерландами. Привлекая их в течение многих лет своим ярким, но изменчивым лицом, она все еще холодно смотрела вниз, на пустынное море, по которому они дрейфовали. Она много обещала; ее выступление было ничем. Ее ревность к французскому влиянию, наконец, была обращена в свою пользу; из-за ее страхов были получены субсидии и поборы. Ее министры и видные советники, как один, выступали за открытую и щедрую поддержку провинций. Уолсингем, Берли, Ноллис, Дэвидсон, Сидни, Лестер, Флитвуд, Уилсон - все желали, чтобы она искренне поддержала их дело. Смелая политика, которую они считали единственно разумной в данном случае; однако королева сочла разумным отправить послов как к Филиппу, так и к дону Джону, как будто после того, что они знали о ее тайных действиях, подобные миссии могли привести к

какой-либо полезной цели. Поэтому, по мнению честных и бесстрашных государственных деятелей Англии, лучше сразу бросить перчатку в защиту угнетенных, чем топтаться на месте до тех пор, пока страшный соперник не пересечет границу. Французские Нидерланды они считали еще более опасными, чем испанские, и Елизавета разделяла их чувства, хотя и была неспособна к их стремительности. Со своей порочностью, которая была главным пятном на ее характере, она была довольна тем, что герцог по-прежнему висел на волоске от ее руки, даже когда она интриговала против его политических надежд. Она с нескрываемым восторгом выслушала его предложение любви, в то время как сама тайно разрушала его честлюбивые планы.

Тем временем Алансон прибыл в Монс, и мы уже видели женскую ловкость, с которой его сестра Наваррская подготовила его появление. Не напрасно она уговаривала коменданта цитадели Камбре; не напрасно она пленила сердца Лалена и его графини, таким образом обеспечив герцогу важную провинцию Эно. Дон Джон действительно мог бы заскрежетать зубами от ярости, увидев результат всех этих пиршеств и лести, игры на дудочке и танцев в Намюре.

Франциск, герцог Алансонский, а после восшествия на французский престол его брата Генриха — герцог Анжуйский, в целом, был самой презренной личностью, когда-либо въезжавшей в Нидерланды. Его предыдущая карьера на родине была настолько вопиющей фальшивкой, что он утратил уважение каждого честного человека в Европе, католика или лютеране, гугенота или мятежника. Миру давно известен его характер. История навсегда сохранит его в качестве примера, чтобы показать человечеству количество зла, которое может быть совершено принцем, свирепым без мужества, амбициозным без таланта и фанатичным без мнений. Сам неспособный к религиозным убеждениям, он попеременно стремился стать командующим фанатиками-католиками и фанатиками-гугенотами, но своим колеблющимся курсом ничего не приобрел, кроме полного презрения ко всем партиям и к обеим религиям. Напуганный со стороны адъютанта Наварры и Конде угрожающим поведением "лиги", опасаясь лишиться права наследования престола, если не заключит мир с двором, он недавно занял свое место среди католических военачальников. Для него не было ничего проще, чем бесстыдно вернуться на вечеринку, которую он бесстыдно покинул, за исключением, возможно, того, чтобы снова предать ее, если его интерес побудит его сделать это завтра. После заключения мира 1576 года стало очевидно, что протестанты не могут рассчитывать на его дружбу, и вскоре после этого он был поставлен во главе армии, осаждавшей гугенотов Иссуара. Он стремился искупить вину за то, что командовал войсками новой религии, варварством, с которым теперь преследовал ее приверженцев. Когда Иссуар попал в его руки, несчастный город не был избавлен от страданий, которые могут быть причинены жестокой и обезумевшей солдатней. Его мужчины были убиты, его женщины оскорблены; его имущество разграблено с тщательностью, которая соперничала с голландской практикой Алвы, или Фредерика Толедо, или Джулиана Ромеро. Город был разграблен и сожжен дотла разъяренными католиками под командованием Фрэнсиса Алансона — почти в тот самый момент, когда его прекрасная сестра Маргарет готовила почву в Нидерландах для новой измены, которую он уже замыслил по отношению к католическому делу. Бержерак-ский мирный договор, подписанный осенью 1577 года, снова вернул Франции видимость спокойствия и снова предоставил Алансону возможность изменить свою политику и то, что он называл своей религией. Пропитанный кровью протестантов Иссуара, он теперь мог на досуге возобновить свои интрижки с королевой протестантской Англии и возобновить переписку с великим вождем реформации в Нидерландах.

Возможно, это упрек проницательности Оранжа в том, что он мог терпеть этого озорного и никчемного "сына Франции" даже по тем серьезным причинам, которые повлияли на него. Тем не менее следует помнить, что он намеревался держать его в резерве только для того, чтобы возбудить ревность и укрепить дружбу английской королевы. Те, кто видит что-то извилистое в такой политике, должны остерегаться судить об интригующем возрасте Филиппа и Екатерины Медичи по более высоким стандартам более поздних и, возможно, более откровенных времен. Для человека с такими ресурсами, как у Вильгельма Молчаливого, было бы ребячеством позволить интригам всех дворов и кабинетов министров Европы перехитрить себя. Более того, следует помнить, что если он один мог провести себя и свою страну через запутанный лабиринт, в который они были вовлечены, то только потому, что он держал в руках ключ к честной цели. Его положение по отношению к герцогу Алансонскому теперь стало достаточно сложным, поскольку тигр, которого он вел на цепи, был тайно спущен с поводка теми, кто замыслил зло. Осенью прошлого года аристократическая и католическая партия в генеральных штатах вступила в сношения с принцем, от которого они надеялись получить компенсацию за свое предыдущее поражение.

В конце концов пагубные последствия кокетства Елизаветы слишком явно проявились, и Алансон теперь закрепился в Нидерландах. Подстегнутый интригами партии, которая всегда была открыто или тайно враждебна Оранжевым, его приход больше нельзя было откладывать. Принцу оставалось только стать его хозяином, поскольку он уже покорила каждого предыдущего соперника. Этому он добился со своей обычной ловкостью. Вскоре даже такому тупому и низменному человеку, как герцог, стало очевидно, что для него лучше всего продолжать поддерживать столь сильную дружбу. Ему ничего не стоило пригнуться, но события были фатальными, чтобы позже доказать, что существуют натуры слишком злобные, чтобы им можно было доверять или их можно было приручить. Однако в настоящее время Алансон проявлял к принцу самые дружеские чувства. По настоянию столь пылкой и значительной фракции герцогу больше нельзя было отказывать в этом предприятии, и если он не мог добиться своего вступления честным путем, то был полон решимости сделать это силой. — Он настаивал бы на своей помощи, если бы она была отклонена. Он сделал бы все возможное, чтобы расчленил провинции, если бы только часть из них приняла предложенную им дружбу. В этих обстоятельствах, поскольку принц больше не мог исключать его из страны, стало необходимо принять его дружбу и держать его под контролем. Герцог официально предложил свою помощь генеральным штатам сразу после поражения при Жамблуре и в начале июля появился в Монсе. Поэтому он отправил своих посланников, Де Прюно и Рошфора, разобраться с Генеральными штатами и с Оранским, в то время как сам относился к Матиасу с презрением и заявил, что не намерен вести с ним переговоры. Эрцгерцог разрыдался, когда ему сообщили об этом пренебрежении, и слабо выразил пожелание, чтобы в Германии была найдена помощь, которая сделала бы этот союз с Францией ненужным. Это было не первое и не последнее унижение, которому предстояло подвергнуться будущему императору. К принцу обратились с исключительным почтением; Де Прюно возразил, что желает только трех вещей — славы своего господина, славы Божьей и славы Вильгельма Оранского.

Естественно, предполагалось, что французский король был посвящен в планы своего брата, поскольку считалось нелепым предполагать, что собственные войска Генриха могут быть возглавлены его собственным братом в этой иностранной экспедиции без его попустительства. В то же время в частных письмах, написанных им в ту эпоху, выражалось неодобрение планов Алансона и зависть к его возвышению. Возможно, было трудно определить точные взгляды

монарха, который был слишком слаб, чтобы формировать мнения самостоятельно, и слишком ложен, чтобы поддерживать те, которые ему внушали другие. С матерью-медичкой все было по-другому, и считалось, что именно она стоит за этой интригой. Существовало даже смутное представление о том, что сам испанский монарх может быть причастен к заговору и что на карту может быть поставлен возможный брак между Алансоном и инфантой. Однако, по правде говоря, Филипп чувствовал себя возмущенным всем происходящим. Он решительно отказался принять оправдания, предложенные французским двором, или усомниться в соучастии вдовствующей королевы, которая, как было хорошо известно, управляла всеми своими сыновьями. Она, конечно, сочла уместным прочитать посланцам генеральных штатов лекцию о неприличии подданных, противящихся приказам своего законного государя, но подобные уловки были сочтены слишком очевидными, чтобы ввести в заблуждение. Гранвель отверг предположение о том, что она ничего не знала о плане Анжу или была против его успеха. Что касается Вильгельма Гессенского, то, хотя он больше, чем когда-либо, сожалел о неудачном погружении Казимира в "смутный хаос", он без колебаний выразил свое убеждение, что вторжение в Алансон было шедевром Екатерины. По правде говоря, всю ответственность за сделку он разделил между вдовой и кометой, которая как раз в то время висела над миром, наполняя душу превосходного ландграфа мрачными предчувствиями.

Королева Англии была крайне разгневана фактическим вторжением, которого она так долго боялась. Она громко обличала опасность и бесчестие, которые постигнут провинции в результате этого французского союза. Она пригрозила не только отречься от их дела, но даже поднять оружие против содружества, которое осмелилось признать Алансон своим хозяином. Первоначально она согласилась предоставить сто тысяч фунтов стерлингов в виде займа. Впоследствии эта помощь была заменена рекрутингом в три тысячи пехотинцев и две тысячи всадников, которые должны были быть присоединены к войскам Яна Казимира и переданы под его командование. Было оговорено; также, что палатин должен иметь звание и жалованье английского главнокомандующего и считаться лейтенантом королевы. Деньги были предоставлены, и войска зачислены. Так много уже было даровано, и его нельзя было вспомнить, но было маловероятно, что в ее нынешнем настроении королева будет вынуждена усилить свои милости.

Принц, руководствуясь необходимостью данного дела, определил условия и титул, под которыми Алансон должен быть принят. 13 августа посланник герцога заключил конвенцию из двадцати трех статей, которые впоследствии были подписаны самим герцогом в Монсе двадцатого числа того же месяца. Суть этого соглашения заключалась в том, что Алансон должен был оказать помощь провинциям против невыносимой тирании испанцев и неоправданного военного вторжения дона Джона. Более того, он должен был вывести на поле боя десять тысяч пехотинцев и две тысячи всадников на три месяца. По истечении этого срока его силы могли сократиться до трех тысяч пехотинцев и пятисот всадников. Штаты должны были присвоить ему титул "Защитника свободы Нидерландов от тирании испанцев и их приверженцев". Он не должен был предпринимать никаких военных действий против королевы Елизаветы. Штаты должны были помогать ему, когда бы это ни стало необходимым, с той же силой, с какой он сейчас помогал им. Он должен был безропотно подчиняться гражданскому правительству страны во всем, что касалось ее внутреннего устройства. Он не должен был заключать никаких специальных контрактов или договоров с какими-либо городами или провинциями Нидерландов. Если генеральные штаты признают другого принца сувереном, герцогу должно быть отдано предпочтение перед всеми остальными на условиях, которые

впоследствии будут оговорены. Все города, которые могли быть завоеваны на территории соединенных провинций, должны были принадлежать штатам. Места за пределами этой территории, которые должны были добровольно сдаться, должны были быть распределены поровну между герцогом и штатами. Герцог не должен был вводить в провинции никаких иностранных войск, кроме французских. Был зарезервирован август, в течение которого штаты должны были, по возможности, записать композицию с Доном Джоном.

Эти статьи, безусловно, были составлены со знанием дела. Громкий, но бесплодный титул, который тешил тщеславие герцога и ничего не значил, был ему дарован, и в то же время ему было запрещено совершать завоевания или заключать контракты и он был обязан подчиняться гражданскому правительству страны: короче говоря, он должен был во всем повиноваться принцу Оранскому — и таким образом был нейтрализован еще один заговор врагов принца. Таким образом, по крайней мере на данный момент, было определено положение Анжу.

Поскольку август, в течение которого было решено, что переговоры с генерал-губернатором должны оставаться открытыми, уже наполовину истек, некоторые статьи, разработанные генеральными штатами, были немедленно представлены дону Джону. Лорд Кобэм и сэр Фрэнсис Уолсингем находились в то время в Нидерландах, будучи посланы Елизаветой Петровной с целью, по возможности, примирить поместья с губернатором. Они также объяснили — насколько это было возможно — помощь, которую английское правительство оказало повстанцам, на том основании, что вторжение Франции нельзя было предотвратить никаким другим способом. Это несколько неубедительное извинение было скорее обойдено молчанием, чем принято доном Джоном. В той же беседе посланники предприняли столь же безуспешную попытку убедить губернатора принять условия, предложенные штатами. Дальнейшее предложение с их стороны о "Временном режиме" по плану, предпринятому Карлом Пятым в Германии до заключения Пассауского мира, встретило не больше благосклонности, чем оно того заслуживало, поскольку, конечно, это название — которое стало настолько одиозным в Германии, что простые люди в насмешку называли кошек и собак "Временным режимом" — вряд ли было сильным словом, которое можно было бы использовать в тот момент в Нидерландах. Затем они выразили свое намерение удалиться в Англию, сильно опечаленные результатом своей миссии. Губернатор ответил, что они могут поступать, как им заблагорассудится, но что он, по крайней мере, сделал все, что в его силах, чтобы установить мир, и что король был столь же миролюбив в своих намерениях. Затем он спросил посланников, что они сами думают о предложенных условиях. "Действительно, они слишком суровы, ваше высочество, - ответил Уолсингем, - но только с помощью чистой угрозы мы вымогали их у штатов, какими бы неблагоприятными они ни казались".

"Тогда вы можете сказать им, - ответил губернатор, - чтобы они держали свои предложения при себе. Такие условия вряд ли помогут в любых переговорах со мной".

Послы пожали плечами.

- Каково ваше собственное мнение обо всем этом деле? - продолжал Дон Джон.
- Возможно, ваш совет поможет мне прийти к лучшему заключению.

Послы продолжали хранить молчание и задумчивость.

"Мы можем ответить только тем, - сказал наконец Уолсингем, - что подражаем врачу, который не стал бы прописывать лекарство, пока не был бы совершенно уверен, что пациент готов его проглотить. Нет смысла тратить впустую советы или наркотики".

Ответ не был удовлетворительным, но посланники убедили себя, что меч - единственный хирургический инструмент, который, вероятно, найдет применение на данном этапе. Дон Джон в туманных выражениях сослался на свои миролюбивые наклонности, но возразил, что с таким необузданным народом, как голландцы, не принято обращаться. Вскоре после этого послы отклонялись. После этой конференции, которая состоялась 24 августа 1578 года, Уолсингем и Кобхэм направили письмо генеральным штатам, в котором выражали сожаление по поводу лицемерного и медлительного поведения губернатора и просили не вменять им в вину неспособность добиться умиротворения. Затем они вернулись в Англию.

Императорский посланник граф Шварцбург, по настоятельной просьбе которого была предпринята эта новая попытка сочинения, очень желал, чтобы губернатор принял статьи. Они действительно легли в основу либерального, конституционного, представительного правительства, при котором испанский монарх должен был сохранять лишь строго ограниченный суверенитет. Предложенная конвенция требовала, чтобы дон Джон со всеми своими войсками и приверженцами немедленно покинул страну, сдав все крепости и города, находящиеся в его владении. Он предусматривал, что эрцгерцог Матиас должен оставаться генерал-губернатором на тех условиях, на которых он был первоначально принят. Он оставлял вопрос о религиозном поклонении на усмотрение генеральных штатов. Он предусматривал освобождение всех заключенных, возвращение всех ссыльных, восстановление всего конфискованного имущества. В нем оговаривалось, что после смерти или отъезда Матиаса его Величество не должен был назначать генерал-губернатора без согласия генеральных штатов.

Когда граф Шварцбург обратился к губернатору с этими удивительными предложениями, которые Уолсингем вполне мог бы назвать несколько жесткими, он обнаружил, что губернатор менее склонен взрываться гневом, чем на предыдущих совещаниях. Дух пылкого молодого солдата уже был сломлен как слабым здоровьем, которое быстро подтачивало его организм, так и беспомощным состоянием, в котором он находился во время борьбы с великим восстанием. У него были солдаты, но не было денег, чтобы заплатить им вдобавок; у него не было средств поддерживать то верховенство короны и церкви, поддерживать которое ему было так энергично поручено; и он смертельно устал от громоподобных эдиктов, которые у него не было власти приводить в исполнение. Он неоднократно ходатайствовал о своем отзыве и с каждым днем становился все более нетерпеливым из-за того, что его увольнение не последовало. Более того, ужасные новости об убийстве Эсковедо вызвали у него отвращение к душе. Этот поступок пролил внезапный свет на бездну темного двуличия, в которой была подвешена его собственная судьба. Его самый близкий и доверенный друг был убит по королевскому приказу, в то время как сам он был брошен Филиппом, подвергнут оскорблению, лишен защиты. Денег так и не поступило, несмотря на постоянные приставания и вечные обещания. Ему было послано множество слов; он жаловался, как будто владел искусством извлекать из них золото или как будто войну можно вести одними словами.

Находясь в столь подавленном настроении, он отказался вступать в какие-либо споры относительно новых положений, которые, однако, он охарактеризовал как в высшей степени несправедливые. Он лишь заявил, что его Величество решил передать нидерландские дела на

рассмотрение императора; что герцог де Терра Нова вскоре будет уполномочен рассматривать этот вопрос при императорском дворе; и что тем временем он сам с большим нетерпением ожидает своего отзыва.

В июне в Дорте состоялся синод реформатских церквей. Там они изложили платформу своих принципов церковного управления в ста одной статье. В том же месяце ведущие члены Реформатской церкви составили умело аргументированное обращение к Матиасу и Государственному совету по вопросу об общем религиозном мире в провинциях.

Вильгельм Оранский сделал все возможное, чтобы воспользоваться этой возможностью. Он набросал систему временной терпимости, которую, по его приказу, подписал эрцгерцог Матиас и которая, по крайней мере на время, должна была установить свободу вероисповедания. Храбрый, спокойный, одинокий человек все еще прокладывал свой путь через бушующие волны, проливая столько света, сколько могла дать одна ясная человеческая душа; и все же тусклый фонарь, так далеко продвинувшийся вперед, был поглощен туманом, прежде чем те, кто плыл вслед за ним, смогли проложить свой курс по его примеру. Никто не понимал его. Даже его ближайшие друзья не понимали его взглядов и не видели, что он стремился установить не свободу кальвинизма, а свободу совести. Святой Альдегонд жаловался, что принц не будет преследовать анабаптистов, Питер Датенус осудил его как атеиста, в то время как даже граф Джон, единственный оставшийся из его доблестных и великодушных братьев, выступал против религиозного мира - за исключением тех случаев, когда преимущество было на стороне новой религии. Там, где католики были окончательно подавлены, как в Голландии и Зеландии, честный Джон видел причину для того, чтобы позволить им снова подняться. С другой стороны, в папских провинциях он выступал за религиозный мир. В этом фанатичном духе за ним последовало слишком много реформаторов, в то время как валлоны, со своей стороны, уже объединились в более южных провинциях под названием "Недовольные". Заклейменные кальвинистами как "Джеки-патерностеры", они с каждым днем сближали свой союз с Алансоном и ослабляли узы, объединявшие их с их протестантскими братьями. Граф Джон в конце концов стал постоянным чиновником в Нидерландах. По настоятельным просьбам лидеров и великого множества реформаторов, он долгое время не желал покидать свой дом и пренебрегать частными делами, которые его преданность делу Нидерландов привела в большое замешательство. Ландграф, к которому он обратился за советом, настоятельно советовал ему не "совать пальцы в олла подрида". Будущее провинций было, по его мнению, настолько полно бедствий, что прошлое со всеми его ужасами при Альве и Рекезенсе было лишь "прелюдией" к тому, что должно было последовать. Главной причиной этих отчаянных взглядов, как обычно, была комета; это озорное светило все еще продолжало бросать зловещий отблеск поперек пути ландграфа. Несмотря на эти грозные предупреждения принца Реформации, несмотря на "олла подрида" и "комету", граф Джон, тем не менее, принял должность губернатора Гелдерланда, на которую он был избран сословиями этой провинции 11 марта. Этот важный оплот Голландии, Зеландии и Утрехта, содной стороны, и Гронингена и Фрисландии — с другой, короче говоря, главная опора зарождающейся республики, был теперь в руках тех, кто будет защищать его до последнего.

Как только в генеральных штатах началась дискуссия по поводу петиций Dort, Orange потребовала, чтобы каждый член, сформировавший свое мнение, выразил его полностью и откровенно. Все желали, однако, руководствоваться чувствами принца. Ни один человек не произнес ни слова, кроме как для того, чтобы спросить мнения своего лидера и заранее

выразить приверженность тому курсу, который может подсказать его мудрость. Результатом стал запланированный съезд, проект религиозного мира, который, если бы был окончательно установлен, залечил бы многие раны и предотвратил бы много бедствий. Однако в то время ему не суждено было быть принятым штатами различных провинций, где он был вынесен на обсуждение; и было внесено несколько изменений, как по форме, так и по существу, прежде чем система была принята вообще. Тем временем для важного города Антверпена, где снова вот-вот должны были вспыхнуть религиозные распри, принц предпочел временное соглашение, которое он немедленно привел в исполнение. Прокламацией от имени эрцгерцога Матиаса и Государственного совета было выделено пять специальных мест в городе, где члены "мнимой реформатской религии" должны были иметь свободу совершать свои религиозные обряды с проповедью, пением и таинствами. Кладбища приходских церквей должны были быть открыты для погребения умерших, но похороны не должны были сопровождаться увещеваниями или какими-либо публичными демонстрациями, которые могли бы вызвать беспорядки. Приверженцам одной религии было запрещено нарушать, оскорблять или каким-либо образом вмешиваться в торжественные мероприятия другой. Все должны были воздерживаться от взаимных насмешек — с помощью картин, баллад, книг или иным образом — и от любого ущерба церковной собственности. Каждому человеку, независимо от вероисповедания, должен был быть разрешен вход в церкви любой религии, и, находясь там, все должны были соблюдать церковные предписания со скромностью и уважением. Приверженцы новой религии должны были принести клятву повиновения властям и воздерживаться от вмешательства в светское управление делами. Проповедникам обеих религий было запрещено проповедовать на открытом воздухе или использовать выражения, склонные к подстрекательству к мятежу. Все они должны были взять на себя обязательство помогать магистратам в подавлении беспорядков и в поддержании гражданского правительства.

Этот пример религиозного мира вкупе с активной перепиской, завязавшейся таким образом с различными государственными собраниями, возбудили зависть католических лидеров и населения Валлонии. Шампани, который, несмотря на свои замечательные качества и блестящие заслуги, все еще не мог встать на одну платформу терпимости с Оранским, теперь предпринял решительное движение против политики принца. Католик до мозга костей, он составил петицию, самым решительным образом протестуя против проекта о религиозном мире, который тогда распространялся по провинциям. Под этой петицией он собрал множество подписей среди наиболее ревностных католических дворян. Де Хезе, Де Глимс и другие люди того же склада были достаточно готовы последовать примеру столь выдающегося вождя. Протест был адресован эрцгерцогу, принцу Оранскому, Государственному совету и Генеральным штатам и содержал призыв ко всем им выполнить свои торжественные обещания не допустить раскола в древней Церкви. Если исповедание новой религии будет разрешено, заявители настаивали на том, что безбожная распущенность Нидерландов вызовет презрение всех народов и властителей. В заключение они предположили, что все главные города Франции — и в частности город Париж — держались подальше от исповедания новой религии, и результатом этого были покой и процветание.

Это прошение было с большой торжественностью доставлено Шампаньи в сопровождении многих его сообщников в Отель-де-Вилль и представлено магистрату Брюсселя. Этим чиновникам было предложено немедленно доставить его эрцгерцогу и Совету. Магистраты возразили. Последовала дискуссия, которая становилась все жарче и жарче по мере ее продолжения. Младшая знать позволяла себе оскорбительные выражения, чего не потерпели

гражданские сановники. Заседание было распущено, и магистраты, по-прежнему сопровождаемые просителями, вышли на улицу. Конфедераты, более распаленные, чем когда-либо, продолжали кричать и угрожать. Вскоре на площади собралась толпа. Гражданам, естественно, было любопытно узнать, почему их сенаторы подверглись таким угрозам и оскорблениям со стороны группы наглых молодых католических дворян. Стоявший во главе их старый политик, который, несмотря на многие заслуги, не считался другом нации, внушал им недоверие. Узнав о представлении петиции, толпа громко потребовала, чтобы документ был зачитан. Это было немедленно сделано. Общий ход возражений был каким угодно, только не приемлемым, но упоминание Парижа в конце вызвало бурю негодования. "Париж! Париж! Святой Варфоломей! Святой Варфоломей! У нас в Брюсселе тоже будут парижские свадьбы?" толпа, как это часто бывает, взывала, извлекая из только что прочитанной публичной лекции лишь одну идею, да и то неверную. "Неужели у нас будет парижская резня, парижская кровавая баня здесь, в столице Нидерландов? Боже упаси! Боже упаси! Долой заговорщиков! Долой папистов!"

Воспаленному воображению населения было легко представить, что в Брюсселе был организован праздник Святого Варфоломея и что Шампани, стоявший перед ними, был его создателем и распорядителем. Неблагодарные голландцы забыли о героизме, с которым старый солдат всего два года назад организовал оборону Антверпена от "испанской ярости". Они слышали только о подстрекательствах его врагов; они помнили только, что он был братом ненавистного Гранвеля; они верили только в то, что существовал заговор, в результате которого каким-то совершенно непостижимым образом все они должны были немедленно перерезать друг другу глотки и выбросить друг друга из окон, как это было сделано полдюжины лет назад в Париже. Таково было злонамеренное намерение, приписываемое петиции, которую Шампани и его друзья имели столько же прав предложить — какими бы узкими и ошибочными ни считались их мнения в настоящее время, — сколько имел дортский синод высказать свои возражения. Никогда еще не было более злобного или более глупого извращения простой и не очень тревожной фразы. Никакого намека на Святой Варфоломей сделано не было, но предполагалось, что все его ужасы были скрыты в предложении, которое относилось к Парижу. Дворяне были арестованы на месте и поспешно отправлены в тюрьму, за исключением Шампани, который сначала совершил побег и несколько дней скрывался. Однако в конце концов его вытащили из укрытия и доставили в Гент. Там его бросили в строгое заключение, и с ним во всех отношениях обращались как с сообщником Эршота и других дворян, арестованных во время революции в Рыгове. Конечно, такое поведение по отношению к храброму и щедрому джентльмену было плохо рассчитано на то, чтобы усилить всеобщую симпатию к делу или заслужить одобрение Orange. Однако существовало сильное предубеждение против Champagny. Его брат Гранвель никогда не был забыт нидерландцами и по-прежнему считался их самым неутомимым врагом, в то время как Шампани считался в тесном союзе с кардиналом. В этих взглядах люди были совершенно неправы.

Пока эти события происходили в Брюсселе и Антверпене, две армии штатов и Дона Джона лениво наблюдали друг за другом. Сухожилия войны были перерезаны обеими сторонами. Обе стороны были стеснены самой крайней нищетой. Войска под командованием Боссю и Казимира в лагере в Мехлине уже были недовольны из-за нехватки жалованья. Сто тысяч фунтов Елизаветы уже были потрачены, и было маловероятно, что оскорбленная королева в ближайшее время предоставит еще одну субсидию. Штаты с трудом могли добиться чего-либо подобного установленным квотам от различных провинций. Герцог Алансонский все еще

находился в Монсе, откуда он издал яростное объявление войны дону Иоанну — манифест, за которым, однако, не последовало очень энергичных демонстраций. Сам дон Джон находился в своем укрепленном лагере в Буже, в лиге от Намюра, но здесь царила душевная и физическая лихорадка. Он был, так сказать, осажден. Он остался совершенно без средств, в то время как его царственный брат упрямо отказывался выполнить его серьезные требования об отзыве и холодно игнорировал его настойчивые просьбы о денежной помощи.

Вынужденный вести войну против вооруженного восстания с таким количеством золота, какое можно было добыть только из верных мечей; уязвленный в самое сердце подозрительностью, объектом которой он чувствовал себя дома, и ненавистью, с которой к нему относились в провинциях; оскорбленный в своих сокровенных чувствах убийством Эсковедо; сбитый с толку, перехитренный, низведенный до политического ничтожества виртуозной тактикой "гнусного еретика из еретиков", которому он первоначально предложил свое покровительство и королевское прощение, пылкий солдат стал объектом всеобщего внимания. возбуждают нежность даже у религиозных и политических оппонентов. Утомленный суматохой лагерей без сражений и кабинетов без совета, он вздыхал о покое, даже если его можно было найти только в монастыре или могиле. "Я рад видеть из вашего письма, - трогательно писал он Джону Эндрю Дориа в Геную, - что ваша жизнь течет с таким спокойствием, в то время как мир вокруг меня так бурно взволнован. Я считаю, вам очень повезло, что вы проводите остаток своих дней для Бога и для себя; что вы не вынуждены постоянно ставить себя на весы мировых событий или ежедневно рисковать собой в его опасных играх ". Он рассказал своему другу о своем собственном тяжелом положении, окруженный бесчисленными врагами, без средств продержаться более трех месяцев и отрезанный от всякой помощи со стороны правительства, которое не могло понять, что если упустить нынешний шанс, то все будет потеряно. Он заявил, что для него невозможно сражаться в том положении, в котором он оказался, поскольку он находился в полумиле от точки, которую он всегда считал своим последним убежищем. Он заявил также, что французы укрепляются в Эно, под Алансоном, и что король Франции готов прорваться через Бургундию, если его брат прочно закрепится в провинциях. "Я снова и снова умолял его Величество, - продолжал он, - прислать мне его приказы; если они поступят, они будут исполнены, если только не придут слишком поздно. Они отрубили нам руки, и теперь нам ничего не остается, как тоже подставить свои головы под топор. Мне неприятно беспокоить вас своими горестями, но я рассчитываю на ваше сочувствие как человека и друга. Я надеюсь, что вы будете вспоминать меня в своих молитвах, ибо вы можете доверять мне там, где в прежние дни я никогда не мог доверять себе".

Умиравший крестоносец написал еще одно письмо в том же скорбном тоне другому близкому другу, дону Педро Мендосе, испанскому посланнику в Генуе. Оно было отправлено в тот же день из его лагеря близ Намюра и повторяло заявление о том, что король Франции готов вторгнуться в Нидерланды, как только Алансонец подготовит брешь. - Его величество, - продолжал дон Джон, - ни на что не решается; по крайней мере, я остаюсь в неведении относительно его намерений. Наша жизнь здесь распределена по минутам. Я громко кричу, но мне от этого мало пользы. Из-за нашей небрежности дела скоро будут решены именно так, как дьявол пожелал бы им лучше всего. Совершенно очевидно, что мы оставлены здесь томиться до нашего последнего вздоха. Бог направляет всех нас так, как Он считает нужным; в Его руках все".

Четыре дня спустя он написал королю, сообщив, что был прикован к своей комнате из-за лихорадки, которая уже настолько ослабила его, как если бы он проболел месяц. "Уверю ваше

величество, - сказал он, - что работы здесь достаточно, чтобы разрушить любую конституцию и любую жизнь". Он напомнил Филиппу, как часто тот предупреждал его о коварных действиях французов. Эти пророчества теперь стали фактами. Французы вторглись в страну, в то время как некоторые жители были напуганы, другие недовольны. Дон Джон заявил, что оказался перед дилеммой. С его небольшими силами, которых едва хватало для того, чтобы атаковать врага непосредственно перед собой и защищать места, которые требовали охраны, для него было невозможно оставить свои позиции, чтобы атаковать врага в Бургундии. Если он оставался неподвижным, перекрывались коммуникации, по которым к нему поступали деньги и припасы. "Таким образом, я остаюсь, - сказал он, - сбитый с толку, больше жизни желающий какого-нибудь решения со стороны вашего Величества, о чем я так много раз умолял". Он самым решительным образом убеждал короля прислать ему инструкции относительно дальнейшего курса, добавляя, что ему до глубины души обидно, что они так долго откладываются. Он просил сообщить, должен ли он атаковать врага в Бургундии, должен ли он ждать там помощи от его величества или же ему предстоит сражаться, и если да, то с кем из своих врагов; короче говоря, что он должен делать; потому что, проигрывая или побеждая, он намеревался подчиниться воле его Величества. По его словам, ему было глубоко больно оттого, что король опозорил и бросил его, хотя он служил ему и как брат, и как мужчина, с любовью, верой и сердечностью. "Наши жизни, - сказал он, - поставлены на карту в этой игре, и все, чего мы хотим, - это проиграть их с честью". Он умолял короля направить специального посланника во Францию с увещеваниями по поводу Алансона, а другого - к папе римскому с просьбой об отлучении герцога от церкви. Он возразил, что скорее отдаст свою кровь, чем вызовет столько раздражения у короля, но что он считает своим долгом сказать чистую правду. Чума опустошала его маленькую армию. Тысяча двести человек сейчас находились в больнице, не считая тех, за кем ухаживали в частных домах, и у него не было ни средств, ни денег, чтобы исправить это зло. Более того, неприятель, видя, что ему не противостоят в открытом поле, перекрыл проход в Льеж по Маасу и продвинулся к Нивелю и Шиме ради сообщения с Францией по той же реке.

Через десять дней после того, как были написаны эти патетические отрывки, автор был мертв. После убийства Эсковедо всепоглощающая меланхолия овладела его духом, а в сентябре пришла жгучая лихорадка, подорвавшая его физические силы. Дом, где он лежал, был лачугой, единственная комната в которой долгое время использовалась как голубятня. Этот убогий чердак был очищен, насколько это было возможно, от грязи и увешан гобеленами с гербами. В этой голубятне герою Лепанто было суждено умереть. В последние несколько дней своей болезни он бредил. Ворочаясь на своем неудобном ложе, он снова выстраивал в воображении комбинации великих сражений, снова выкрикивал свои приказы мчащимся эскадрильям и с горящими глазами слушал победный рев трубы. Однако разум вернулся к нему перед смертным часом и предоставил ему возможность принять меры, которые были необходимы в силу его состояния. Он назначил своего племянника Александра Пармского, который усердно наблюдал за его смертным одром, временным преемником на посту командующего армией и в других своих должностях, хладнокровно принял последние причастия и спокойно испустил дух в первый день октября, месяц, который после битвы при Лепанто он всегда считал праздничным и удачливым.

Его смерть неизбежно вызвала подозрения в отравлении. Эти подозрения так и не были опровергнуты и так и не были доказаны. Два англичанина, Рэтклифф и Грей по имени, были арестованы и казнены по обвинению в том, что они были наняты секретарем Уолсингемом для убийства губернатора. Обвинение, несомненно, было позорной ложью; но если бы Филипп,

которого подозревали в том, что он настоящий преступник, действительно причастен к смерти своего брата, тем не менее было бы не менее вероятно, что одна или две невинные жертвы были бы казнены для сохранения видимости. Теперь, когда время приоткрыло нам многие тайны, теперь, когда мы узнали из уст самого Филиппа и его сообщников, каким именно образом были казнены Монтиньи и Эсковедо, мир вряд ли будет очень милосерден к другим обвинениям. Высказывались серьезные подозрения, что дон Джон был убит по приказу Филиппа, но этот факт так и не был доказан.

Предполагалось, что тело, вскрытое для возможного бальзамирования, содержало следы яда. Сердце было сухим, другие внутренние органы также были настолько иссушены, что крошились при прикосновении, а общий цвет внутренностей был черновато-коричневым, как будто их опалили. В качестве вероятных преступников были упомянуты различные личности; были названы различные мотивы совершения преступления. Тем не менее, следует признать, что для его смерти существовали неоспоримые причины, достаточные для того, чтобы сделать поиски более загадочных сравнительно излишними. В его лагере свирепствовал беспорядок под названием "чума", который за несколько дней унес жизни тысячи его солдат, в то время как его душевные страдания были достаточно острыми, чтобы превратить его сердце в пепел. Разочарованный, измученный друзьями и врагами, заподозренный, оскорбленный, сломленный духом, он не был странным, что оказался легкой жертвой пагубного беспорядка, перед которым ежедневно падали многие более сильные люди.

На третий день после его кончины были совершены погребальные обряды. Возник спор между испанцами, немцами и нидерландцами в армии, каждый из которых претендовал на первенство в церемонии из-за превосходства в национальной принадлежности к прославленному покойному. По правде говоря, все они были одинаково близки к нему, по разным причинам, и было условлено, что все поровну примут участие в похоронах. Выпотрошенный и забальзамированный труп был положен на парадное ложе. Герой был облачен в полные доспехи; у его ног лежали шлем с мечом и стальные перчатки, на голове - диадема, сверкающая драгоценными камнями, на шее - украшенная драгоценными камнями цепь и эмблема Золотого руна, а на руках - надушенные перчатки. Одетый таким образом по-королевски и по-военному, он был положен на носилки и вынесен из дома, где он умер, джентльменами из его опочивальни. От них его приняли полковники полков, расквартированных рядом с его квартирой. Эти вожди, сопровождаемые своими солдатами с перевернутым оружием и заминированными барабанами, сопроводили тело на следующую станцию, где его приняли командиры других национальных полков, чтобы снова передать командирам третьего. Таким образом, солдаты трех наций последовательно доставили его к воротам Намюра, где оно было принято гражданскими властями. Затем носильщики покрова, старый Питер Эрнест Мансфельд, Оттавио Гонзага, маркиз де Вилья Франка и граф де Ре, отнесли его в церковь, где он хранился до получения королевского приказа из Испании. Сердце героя было навсегда погребено под мостовой маленькой церкви, и монументальная надпись, подготовленная Александром Фарнезе, до сих пор указывает на место, где это львиное сердце обратилось в прах.

Предсмертной просьбой дона Джона к Филиппу было похоронить его останки в Эскориале рядом с его отцом-императором, и, когда молитва была удовлетворена, в надлежащее время поступил королевский приказ о транспортировке тела в Испанию. Было запрошено и дано разрешение на проход небольшого количества испанских войск через Францию. Бережливый

король, однако, ни словом не обмолвился о том, что этим солдатам предстояло унести с собой бранные останки героя Лепанто, поскольку он был склонен сэкономить на расходах, связанных с общественной транспортировкой тела и обменом напыщенными любезностями с властями каждого города во время долгого путешествия. Труп был соответственно разделен на три части и упакован в три отдельных мешка; и таким образом, разные части, для экономии веса, были подвешены к лукам седел разных солдат, тело победителя было перевезено к месту его отдаленного упокоения.

"Expende Hannibalem: quot libras in duce summo
Invenies?".

Таким непочтительным, почти кощунственным образом разрозненные останки великого воина были поспешно перевезены через Францию; Францию, которую романтический сарацинский раб пересек всего два коротких года назад, исполненный больших надежд и преследующий экстравагантные видения. Историками-классиками было зафиксировано, что различные фрагменты после их прибытия в Испанию были соединены заново и скреплены проволокой; что затем тело было набито, облачено в великолепные одеяния, поставлено на ноги и поддерживалось боевым посохом, и что таким образом подготовленные к королевской встрече бранные останки донна Джона были представлены его Католическому Величеству. Говорят, Филипп проявил волнение при виде отвратительного призрака — ибо отвратительным и призрачным, несмотря на драгоценности, бальзамы и парчу, должно быть, было это непогребенное тело, имитирующее жизнь в позе и облачении, но стоящее там только для того, чтобы утвердить свою привилегию спускаться в гробницу. Требование было удовлетворено, и дон Иоанн Австрийский наконец обрел покой рядом со своим императорским отцом.

Достаточная оценка его характера была очевидна по ходу повествования. Умерев, не дожив до тридцати трех лет, он вызывает жалость и восхищение почти в той же степени, что и порицание. Его военная карьера была блистательной. Командуя в двадцать три года мавританскими войнами, а в двадцать шесть — турецкими кампаниями, он добился несравненной славы еще до того, как вышел из ранней юности; но его солнцу было суждено зайти в полдень. Он не обрел ни великолепия, ни власти в Нидерландах, где был покинут своим королем и раздавлен выдающимся гением принца Оранского. Хотя он доказал свое боевое мастерство при Гемблуре, победа оказалась бесплодной. Это была всего лишь одинокая веточка тигра из его джунглей, и после этого поразительного конфликта его жизнь закончилась во тьме и неизвестности. Обладая военным гением высокого порядка, с необычайной личной храбростью, он был последним из паладинов и крестоносцев. Его достижения также были значительными, и он бегло говорил по-итальянски, по-немецки, по-французски и по-испански. Его красота была замечательной; его личное обаяние признавалось обоими полами; но как командир людей, за исключением поля битвы, он не обладал большим гением. Его честолюбие было честолюбием странствующего рыцаря, авантюриста, нормандского пирата; это было личное и безвкусное честолюбие. Смутные и противоречивые мечты о коронах, о королевских браках, о импровизированных династиях всегда витали перед ним; но он сам всегда был героем своего собственного романа. Он искал трон в Африке или в Британии; он мечтал жениться на Марии Шотландской за счет Елизаветы, и даже считалось, что он тайно добивался руки самой великой английской королевы. Таким образом, каким бы крестоносцем и фанатиком он ни был, он был готов примириться с ересью, если ересь могла обеспечить ему трон.

Излишне утверждать, что по умственным способностям он не мог сравниться с Вильгельмом Оранским; но даже если бы это было так, моральный стандарт, которым каждый оценивал себя, ставил Завоевателя намного ниже Отца народа. Следует признать, что дону Джону принадлежит лишь небольшая заслуга в его политических достижениях в Нидерландах. Он был неспособен понять, что великое противостояние между Реформацией и инквизицией никогда не могло быть улажено мирным путем в этих провинциях и что характер Вильгельма Оранского нельзя было ни смягчить королевскими улыбками, ни извратить апелляциями к низменным интересам. Возможно, для него, с его образованием и темпераментом, было бы невозможно принять то, что кажется нам правильным делом, но, по крайней мере, в его силах было бы прочесть характер своего противника и оценить свое собственное положение с некоторой точностью. Его можно простить за то, что он не преуспел в примирении враждующих партий, когда его единственным планом достижения такой цели было истребление наиболее значительной фракции; но хотя нельзя было ожидать, что он посмотрит на провинции глазами Вильгельма Молчаливого, он мог бы понять, что вождя Нидерландов нельзя ни купить, ни уговорить. Единственная система, с помощью которой две религии могли жить вместе в мире, была открыта принцем; но веротерпимость в глазах католиков и многих протестантов все еще считалась самой смертоносной ересью из всех.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Одному другу трудно давать советы другому в трех вопросах
Установить не свободу кальвинизма, а свободу совести

Налоги на доход и потребление

Веротерпимость считалась самой смертоносной ересью из всех

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 31

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ЧАСТЬ VI.

АЛЕКСАНДР ПАРМСКИЙ 1578-1584.

ГЛАВА I.

Рождения, образование, брак, и молодой герой Александра Фарнезе—его частная приключения—подвиги при Лепанто, и в Gemblours—он сменил правительство—внешний вид и характеристики—аспект дела,—внутренние раздоры—Анжу в Монсе—Яна Казимира интриг в Гент—Анжу расформировывает его солдат—Нидерланды разоренной различных иностранных войск—анархия и разброд в Гент—Imbize и Ryhove—судьба Hessels и Visch—новый умиротворение, составленный оранжевый—представлений королевы Елизаветы—протест в Брюсселе беспорядки и изображения-нарушение в Гент—Недовольство оранжевый—умолял его присутствие в Гент, где он устанавливает религиозный мир—болезненная ситуация Иоанна Казимира —резкие упреки Елизаветы—он берет его ухода—его войска применяют Фарнезе, кто

позволяет им покинуть страну—Анжу отправления и манифест—Элизабет букв в Генеральные штаты в отношении него—бесплатный адресов поместья герцога—смерть боссу—клеветнические измышления против оранжево—продажность недовольных вельмож—Ла Мотт измене—интриги Приора ренты—Санкт-Aldegonde в Аррас—до Санкт-Вааст все старания оппозиции духовенства в валлонской провинции налогообложения генерал-губернаторства—трехстороннего конкурса—Муниципальная революция в Аррасе, возглавляемая Gosson, а другие—контрреволюция-быстрый суд и казнь—"примирение" недовольного вожди— тайный договор Маунт-Сент-Элуа: пакости, сделанные до ренты—его обвинения против примирить лордов—месть, принятые по ним—встречное движение и либеральная партия—Союз Утрехта— в законе проанализированы и охарактеризованы.

Теперь пятый губернатор занимал место, которое последовательно освобождали Маргарита Пармская, Альва, Великий командор и дон Джон Австрийский. Из всех выдающихся личностей, которым Филипп доверил бразды правления этим самым трудным и опасным управлением, человек, которому теперь предстояло править, был, безусловно, самым способным и лучше всего подходил для своего поста. Если бы существовал живой возникший, достаточно умелый, чтобы управлять колесами государства, которые сейчас более головокружительно, чем когда—либо, вращаются в "запутанном хаосе", Александр Фарнезе был бы возникшим, который должен был направлять, - его рука была единственной, кто мог управлять.

Сейчас ему шел тридцать третий год — его дядя Дон Джон, двоюродный брат Дон Карлос и он сам родились с разницей в несколько месяцев друг от друга. Его отцом был Оттавио Фарнезе, верный наместник Карла Пятого и внук папы Павла Третьего; его матерью была Маргарита Пармская, первая регентша Нидерландов после ухода Филиппа из провинций. Он был одним из близнецов, благословивших воссоединение Маргарет и ее юного мужа, и единственным, кто выжил. Его прадед Павел, чье светское имя Александр он получил, возложил руку на головку новорожденного младенца и предсказал, что он вырастет и станет могучим воином. Мальчику, казалось, с самых ранних лет было суждено подтвердить предсказание. Хотя он был достаточно способным в учебе, он с нетерпением отвернулся от своих литературных наставников и занялся военными упражнениями и самыми тяжелыми видами спорта. Шум оружия окружал его колыбель. Трофеи Оттавио, победоносно вернувшегося из-за Альп, ослепляли его с детства, и, когда ему было всего шесть лет, он стал свидетелем осады своей родной Пармы и ее энергичной защиты своим воинственным отцом. Когда Филипп был в Нидерландах — сразу после отречения императора — он получил мальчика от своих родителей в качестве заложника в знак их дружбы. Хотя Александру было всего одиннадцать лет, он искренне умолял разрешить ему служить волонтером в памятный день Святого Кантена и горько плакал, когда изумленный монарх отклонил его просьбу. Его образование было завершено в Алькале и Мадриде под непосредственным наблюдением его царственного дяди и в обществе инфанта Карлоса и блистательного дона Джона. Императорский бастард был единственным, кто мог превзойти или даже сравняться с итальянским принцем во всех воинских и мужественных подвигах. Оба были одинаково преданы охоте и турниру; оба с нетерпением ждали того времени, когда утомительная рутина монашеского педантизма и фиктивные бои, составлявшие их основное развлечение, сменятся настоящими радостями войны. В возрасте двадцати лет он был обручен с Марией Португальской, дочерью принца Эдуарда, внуки короля Эммануила, и его бракосочетание с этой несравненной принцессой было, как мы видели, вскоре с большой помпой отпраздновано в Брюсселе. Сыновья и дочери родились у него в свое время, во время его последующего проживания в Парме. Здесь, однако, пылкий и нетерпеливый дух будущего

прославленного полководца был обречен на некоторое время проявлять беспокойство в условиях сдержанности и угасать в неприятном покое. Его отец, все еще в расцвете сил управлявший фамильными герцогствами Парма и Пьяченца, Александр не имел никаких занятий в тот короткий мирный период, который тогда существовал. Воинственный дух, тосковавший по широкой и возвышенной сфере действия, в которой только и могла быть должным образом проявлена его энергия, теперь искал наслаждения в занятиях дуэлянта и гладиатора. Каждую ночь наследный принц страны прогуливался по улицам своей столицы, переодетый, хорошо вооруженный, один или с единственным доверенным лицом. Каждый случайный воинственный пассажир, которого он встречал на полуночных улицах, был вынужден стоять и меряться мечами с неизвестным, почти невидимым, но самым грозным врагом, и многие единоборства доставляли ему такое удовольствие, пока сохранялось его инкогнито. В особенности у него было обыкновение искать и бросать вызов каждому джентльмену, чье мастерство или храбрость когда-либо удостоивались похвалы в его присутствии: наконец, однажды ему посчастливилось встретиться с неким графом Торелли, чья репутация фехтовальщика и дуэлянта была хорошо известна в Парме. Клинки соединились, и в темноте уже разгорелся ожесточенный бой, когда факел случайного пассажира полоснул Александра по лицу. Торелли, так внезапно узнав своего противника, опустил меч и взмолился о прощении, ибо хитрый итальянец был слишком проницателен, чтобы не понимать, что даже если смерть ни одного из бойцов не станет результатом схватки, его собственная позиция в любом случае была ложной. Победа обеспечила бы ему ненависть, победила бы презрение его будущего государя. Неудовлетворительный исход и последующая дурная слава этой встречи положили конец этим полуночным радостям Александра, и на какое-то время он почувствовал себя обязанным принять более миролюбивые привычки и утешаться обществом этого "феникса Португалии", который так долго сидел в задумчивости у своего домашнего очага.

Наконец была сформирована священная лига, провозглашен новый и последний крестовый поход, его дядя и закадычный друг назначен командующим объединенными войсками Рима, Испании и Венеции. Его больше нельзя было сдерживать. Пренебрегая мольбами своей матери и супруги, он выпросил разрешение у Филиппа и улетел в Левант, где шла война. Дон Джон принял его с расprostертыми объятиями как раз перед знаменитой битвой при Лепанто и предоставил ему отличную позицию в самом начале сражения, с командованием несколькими генуэзскими галерами. Подвиги Александра в тот насыщенный событиями день казались подвигами сказочного героя романа. Он поставил свою галеру рядом с кораблем-сокровищницей турецкого флота, судном, из-за его важности, с двойным экипажем и вооружением. Раздраженный тем, что Полумесяц не был опущен, после нескольких бортовых залпов он в одиночку бросился на врага, размахивая огромным двуручным мечом — своим обычным оружием - и прорубая проход направо и налево во вражеских рядах для воинов, которые запоздало последовали по стопам своего неистового вождя. Мустафа бей, казначей и командир корабля, пал от его меча, как и многие другие, которых он почти не видел и не считал. Вскоре галера стала его собственностью, так же как и другая, пришедшая на помощь кораблю с сокровищами только для того, чтобы разделить его поражение. Добыча, которую захватила команда Александра, была огромной, отдельные солдаты получили по две и три тысячи дукатов каждый. Дон Джон принял своего племянника после битвы с похвалами, не лишенными, однако, порицания. Один только успешный результат оправдывал такое безумное и отчаянное поведение, ибо, по словам главнокомандующего, если бы он был убит или побежден, мало кто аплодировал бы его безрассудству. Александр весело ответил, заверив своего дядю, что его

поддерживала более чем смертная уверенность, а молитвы, которые его святая жена непрестанно возносила за него с тех пор, как он отправился на войну, были достаточной поддержкой и щитом в еще большей опасности, чем та, с которой он до сих пор сталкивался.

Это была первая кампания Александра, и ему не было позволено пожинать еще какую-либо славу в течение нескольких последующих лет. В конце концов Филипп был склонен отправить и свою мать, и себя в Нидерланды, сняв дону Джона с дыбы, где он подвергался таким медленным пыткам. Заступничество Гранвеля перед герцогиней оказалось бесплодным, но Александр был полон желания отправиться туда, где проходили удары, и он с радостью возглавил подкрепление, которое было отправлено дону Джону в конце 1577 года. Он прибыл в Люксембург 18 декабря того же года как раз вовремя, как мы видели, чтобы принять участие и, фактически, возглавить знаменательную победу Гемблур. Он был поражен роковой переменой, которую разочарование и тревога произвели на красивых и надменных чертах его прославленного родственника. С тех пор он закрыл глаза в лагере и установил мраморную табличку над своим сердцем в маленькой церкви. Теперь он правил вместо него.

Его внешность соответствовала его характеру. У него была голова гладиатора, круглая; компактная, воинственная, с чем-то настороженным и змееподобным в движениях. Черные, коротко подстриженные волосы стояли дыбом. Лоб был высокий и узкий. Черты лица были красивыми, нос с правильной горбинкой, широко раскрытые темные пронзительные глаза, но в их выражении было что-то опасное и злое. Это был привычный взгляд искоса, как у человека, стремящегося парировать или нанести смертельный удар — взгляд фехтовальщика и профессионального бойца. Нижняя часть лица была скрыта густой бородой; рот и подбородок были совершенно незаметны. Он был среднего роста, хорошо сложен и грациозен, с царственными манерами, в роскошной и величественной одежде. Высокий воротник из остроконечных кружев, значок с изображением Золотого руна, миланские доспехи с золотой инкрустацией сразу выдавали в нем человека высокого звания. На поле боя он обладал редким даром вдохновлять своих солдат собственной безудержной и рыцарской отвагой. Он всегда был первым в самых опасных и отчаянных предприятиях и, подобно своему дяде и деду-императору, хорошо знал, как вознаградить преданность своих самых преданных последователей кинжалом, пером, лентой, драгоценным камнем, собственноручно снятым со своего наряда.

Его военные способности — теперь он впервые был широко задействован — несомненно, превосходили способности дона Джона, чье имя было окружено таким великолепием во всемирно известной битве при Лепанто. Более того, он обладал гораздо большей властью для управления людьми, будь то в лагере или кабинете министров. Менее привлекательный и обаятельный, он был более властным, чем его родственник. Благопристойный и уравновешенный, он проявлял страсть только перед врагом, но редко позволял неуважительному взгляду или слову избежать снисхождения и преднамеренного наказания. Он не был интриганом или мечтателем. Он не был странствующим рыцарем. Он не пересек бы моря и горы, чтобы спасти плененную королеву, и не стремился бы возложить ее корону на свою голову в награду за свой героизм. У него был цельный и сосредоточенный характер. Он точно знал, какая работа требовалась Филипу, и чувствовал себя именно тем мастером, которого так долго искали. Хладнокровный, пронзительный, бесстрашный, коварный, он соединял в себе беспринципную дерзость кондотьера с коварным терпением иезуита. Он мог незамеченным петлять по неожиданным тропинкам, мог напасть внезапно, смертельно ужалить. Он приехал готовым не только разгромить голландцев в открытом поле, но и справиться с ними визвилистой

политике; перехитрить их и измотать в игре, жертвой которой стал его нетерпеливый предшественник. Он обладал искусством и терпением — как показало время — не только для того, чтобы подорвать их самые неприступные города, но и для того, чтобы проникнуть глубже в интриги их самых искушенных политиков. Обойти сразу и их переговорщиков, и их людей с оружием было его назначенной задачей. Если бы не мужество, бдительность и превосходный интеллект одного-единственного противника, все Нидерланды разделили бы судьбу, уготованную более южной части. Если бы жизнь Вильгельма Оранского продлилась, возможно, злой гений Нидерландов все еще был бы изгнан на всей территории страны. Что касается религии, Александр Фарнезе, конечно, был строгим католиком, считая всех отколовшихся от католицизма всего лишь языческими собаками. Не то чтобы он особо утруждал себя священными вопросами — ибо при жизни своей жены он бесцеремонно взвалил все бремя своего личного спасения на ее праведные плечи. Теперь она улетела в более высокие сферы, но Александр, возможно, был готов положиться на ее постоянное заступничество за него. Жизнь браво в мирное время — преднамеренный проект во время войны по уничтожению целых городов, полных невинных людей, у которых представления о поклонении образам и церковных церемониях отличались от тех, что были в Риме, — вовсе не казались ему несовместимыми с заповедями Иисуса. Вешание, утопление, сожжение и мясорубка еретиков были законными выводами из его теологии. Он не был ни казуистом, ни претендентом на святость, но в те дни каждый человек был набожен, и Александр с искренним ужасом взирал на нечестие еретиков, которых он преследовал и убивал. Он регулярно посещал мессу — зимним утром при свете факелов — и с таким же успехом отказался бы от ежедневного тенниса, как и от религиозных упражнений. Вероучением его касты был католицизм. Это была религия принцев и джентльменов высокого положения. Что касается лютеранства, цвинглизма, кальвинизма и подобных систем, то они были всего лишь фантастическими обрядами ткачей, пивоваров и им подобных — неблагородного стада, чья самонадеянность называть себя христианами, отвергая папу Римского, требовала их немедленного истребления. Его личные привычки были чрезвычайно умеренными. Он привык говорить, что ест только для поддержания жизни; и он редко заканчивал обед, не встав три или четыре раза из-за стола, чтобы заняться каким-нибудь общественным делом, которое, по его мнению, не следовало откладывать.

Его прежние связи в Нидерландах были ему полезны, и он знал, как немедленно использовать их. Знатные вельможи, которыми неизменно двигала зависть к принцу Оранскому, которые потерпели неудачу в своей интриге с Матиасом, чьи наполовину осуществленные замыслы в отношении Анжу были уже пресечены в зародыше, теперь оказались в особом положении, чтобы прислушаться к коварному языку Александра Фарнезе. Монтины, Ла Мотты, Меланы, Эгмонты, Эршоты, Гавры, обманутые вдвойне во всех своих мелких интригах и низменных амбициях, были готовы принести свою страну в жертву человеку, которого они ненавидели, и древней религии, которую, как им казалось, они любили. Недовольные, опустошавшие землю Эно и угрожавшие Генту, "жаки-патерностеры", которые только и ждали благоприятной возможности и выгодной сделки, чтобы заключить мир с Испанией, были теми самыми инструментами, которые Парма больше всего желал использовать на этом начальном этапе своей карьеры. Положение дел было для него гораздо более благоприятным, чем для Дона Джона, когда он впервые пришел к власти. В целом, перспектива успеха казалась радужной. Казалось вполне возможным, что в силах Пармы будет, наконец, подавить это хроническое восстание и восстановить абсолютное господство Церкви и короля. Обязательства, данные Гентским договором, были нарушены, в то время как в брюссельских союзах, которые пришли

на смену, фатальное религиозное дело превратило орудие мира в меч. "Религиозный мир", провозглашенный в Антверпене, вряд ли где-либо нашел поддержку. Когда провинциям на мгновение показалось, что они одержали верх над своим врагом, они яростно набросились друг на друга, и костры религиозной розни, которые были потушены общими усилиями целого народа, дрожащего за уничтожение своего отечества, теперь вновь разгорелись от тысячи головней, вырванных из священного домашнего очага. Отцы и дети, братья и сестры, мужья и жены начинали пререкаться и были готовы к преследованиям. Католики и протестанты, во время кратковременного ослабления давления, забыли о своем добровольном и благословеннейшем Умиротворении, чтобы возобновить свои междоусобицы. Изгнанные реформаторы, которые толпами хлынули обратно при известии о мире и доброй воле для всех людей, были горько разочарованы. В провинциях Валлонии они подвергались преследованиям недовольных, во фризских регионах - все еще сильному принуждению королевских штатгальтеров.

Преследование породило ответное преследование. Город Гент стал центром системы восстаний, в результате которых были попорчены все законы Божьи и человеческие под предлогом установления большей свободы в гражданских и религиозных вопросах. Именно в Генте произошли первые сцены в администрации Пармы. Двое из знатных женихов на невесте из Нидерландов все еще ревниво смотрели друг на друга. Анжу находился в Монсе, которым он тайно, но безуспешно пытался овладеть в своих собственных целях. Джон Казимир находился в Генте, разжигая восстание, которым у него не было ни умения руководить, ни разума, чтобы понять. Поговаривали о том, чтобы сделать его графом Фландрии, и его ничтожное честолюбие было ослеплено блестящей наградой. Анжу, который сам намеревался стать графом Фландрии, а также герцогом или графом всех остальных Нидерландов, был крайне возмущен этим сообщением, которое он предпочел считать правдивым. Он написал в поместья, чтобы выразить свое возмущение. Он написал в Гент, чтобы предложить свое посредничество между бюргерами и недовольными. Казимир хотел денег для своих войск. Он получил щедрый запас, но хотел большего. Тем временем наемники распространялись за свой счет по южным провинциям, поедая каждый зеленый лист, грабя и мародерствуя там, где грабеж и мародерство стали происходить так часто, что почти ничего не оставалось для грабежа. Так поступали солдаты на открытой местности, в то время как их хозяин в Генте был погружен в сложные интриги, плевавшиеся в этом несчастном городе самыми злобными демагогами, которые когда-либо оскверняли святое дело. Кардинал Гранвель, его враг, Вильгельм Гессенский, его друг и родственник, хорошо понимал характер Иоанна Казимира. Грабеж и мародерство были его достижениями, вносить еще больший хаос было его уделом. Анжу, недовольный временной милостью, оказанной сопернику, которого он притворно презирал, в раздражении распустил свои войска и приготовился отступить во Францию. Несколько тысяч из этих наемников немедленно перешли на службу к мятежникам при Монтины, пополнив таким образом ряды самых смертоносных врагов этой земли, над которой Анжу присвоил себе титул протектора. Армия штатов, тем временем, быстро распадалась. Едва ли осталось достаточно людей, чтобы провести демонстрацию в полевых условиях или должным образом разместить гарнизоны в более важных городах. Несчастные провинции, раздираемые гражданскими и религиозными распрями, были наводнены ордами неоплачиваемых солдат всех наций, вероисповеданий и языков - испанцев, итальянцев, бургундцев, валлонов, немцев, шотландцев и англичан; одни пришли нападать, другие защищать, но все они ничего не добились и ни в чем не соглашались, кроме жестокого обращения с беззащитными крестьянами и жителями

небольших городков. Современные хроники полны душераздирающих домашних трагедий, действующими лицами которых всегда являются дерзкие иностранные солдаты и их отчаявшиеся жертвы.

Гент энергичный, богатый, могущественный, страстный, неуправляемый Гент — теперь был средоточием раздора, центром, откуда исходили не свет и тепло разумной свободы, а пламя убийственной распущенности и дикой анархии. Второму городу Нидерландов, одному из самых богатых и могущественных городов христианского мира, так часто выпадала судьба переступить границы разума и умеренности в своей преданности свободе, так часто подвергаться позорному наказанию со стороны власти, которую его собственные эксцессы сделали еще более могущественной, что его название уже стало нарицательным. Теперь, самым фатальным и навсегда, было неправильное понимание своего истинного положения. Принц Оранский, великий архитектор судьбы своей страны, сделал бы его краеугольным камнем арки, над возведением которой он трудился. Если бы ему позволили усовершенствовать свой план, это сооружение могло бы простоять века, став вечным оплотом против тирании и зла. Временная и тонкая рама, с помощью которой великий художник поддерживал свою арку, будучи еще незаконченной, была сорвана грубыми и непристойными руками; краеугольный камень погрузился в бездну, чтобы быть потерянным навсегда, а великое произведение Оранжа осталось фрагментом с момента его создания. Действия демагогов, консервативное отвращение к распущенности, зависть соперничающих дворян, продажность военачальников ежедневно бросали новые камни преткновения на его героический путь. Не прошло и шести месяцев после прихода Фарнезе к власти, как этот смелый и хитрый вождь схватился за обоюдоострый меч религиозной розни так же крепко, как он схватился за свое знаменитое клеймо, когда взошел на борт галеры Муатафа-бея, и Нидерланды были разделены надвое, чтобы никогда больше не воссоединиться. Отдельному договору о валлонских провинциях вскоре было суждено отделить кельтские и романские элементы от батавской и фризской части нации, которые, будучи полностью сплавлены во всех своих частях, образовали бы такое замечательное сочетание огня и выносливости, какое когда-либо видела история.

Тем временем на улицах Гента, где когда-то топот рабочих, идущих на работу и с работы, был подобен движению могучей армии, росла трава и пасся скот. Подавляющее большинство бюргеров исповедовали реформатскую религию и были настроены оказать эффективное сопротивление недовольным, возглавляемым недовольной знатью. Город, считавший себя естественным главой всей южной страны, был возмущен тем, что валлонские провинции осмелились восстановить то господство романизма, которое было так эффективно подавлено, и допустить возможность дружеских отношений с сувереном, от которого фактически отреклись. Однако в Генте было две партии. Обе возглавлялись людьми замкнутыми и опасными. Имбиз, худший из двух демагогов, был непостоянен, жесток, труслив и вероломен, но обладал красноречием и талантом интригана. Рыхов был более смелым негодяем — гневным, ожесточенным и беспринципным. Имбизе в то время был против Оранжа, ему не нравилась его умеренность и он дрожал от его твердости. Рыхов считал себя другом князя. Мы видели, что он консультировался с ним перед своим памятным нападением на Эрсхот осенью предыдущего года, и мы знаем результат этого совещания.

Принц с легким притворством, которое принадлежало не столько его характеру, сколько его политической теории и которого, возможно, не следовало избегать в тот век интриг любому человеку, желающему управлять своими ближними, будь то во благо или во зло, подмигнул

проекту, который он не одобрил бы открыто. Однако он не был до конца знаком с отчаянным характером этого человека, поскольку с презрением отнесся бы к столь подлому инструменту, как впоследствии доказал Рыгов. Жестокость этого персонажа по случаю ареста Эршота и его коллег была мелочью по сравнению с поступком, которым он теперь опозорил дело свободы. Ему было приказано выехать из Гента, чтобы противостоять отряду недовольных, который собирался в окрестностях Куртрэ; но он поклялся, что не выйдет за ворота до тех пор, пока двое из джентльменов, которых он арестовал двадцать восьмого октября прошлого года и которые все еще оставались в плену, все еще живы. Этими двумя заключенными были бывший прокурор Виш и член кровавого совета Хессельс. Гессельс, по-видимому, открыто заявлял о своей вечной враждебности к Рыгову из-за увечья, полученного от его рук, и поклялся "своей седой бородой", что негодяя все же повесят за это безобразие. Рыгов, не чувствуя себя в безопасности при том положении дел, которое тогда существовало, и зная, что он не может доверять ни Имбизе, который раньше был его другом, ни заключенным дворянам, которые всегда были его непримиримыми врагами, решил обезопасить себя по крайней мере в одном квартале, прежде чем выступить против недовольных. Соответственно, Гессельс и Виш, когда они сидели вместе в своей тюрьме за шахматами 4 октября 1578 года, были внезапно вызваны из дома и сели в экипаж, стоявший у дверей. Отряд вооруженных людей принес приказ, и они были достаточно сильны, чтобы привести его в исполнение. Пленники повиновались, и вскоре карета медленно покатила по улицам, выехала из ворот Кортрей и проехала небольшое расстояние по дороге в направлении этого города.

Через несколько минут был сделан привал. Затем Рыгов появился в окне кареты и объявил изумленным пленным, что они немедленно будут повешены на дереве, стоявшем у дороги. Он продолжал насмехаться над престарелым Гесселем, угрожая ему самому и клянясь "своей седой бородой". - До такой седой бороды ты сам никогда не доживешь, негодяй! - воскликнул Хессельс, скорее в ярости, чем в ужасе от внезапности своей участи. "Вот ты лжешь, лжепредатель!" - прорычал в ответ Рыгов и, чтобы доказать свою ложь, тут же вырвал клочок бороды старика и прикрепил его к своей фуражке, как перо. Его действиям подражали несколько его товарищей, которые отрезали себе пряди из той же седой бороды и украсили себя так же, как это делал их предводитель. Когда эта предварительная церемония была завершена, двое престарелых заключенных были немедленно повешены на дереве без малейшего намека на суд или даже приговор.

Таков был конец знаменитого члена совета, который имел обыкновение кричать во сне "ad ratibulum". Было жестоко, что прекрасное лицо гражданской свободы, проявившее себя после многих лет полного затмения, было оскорблено такими кровавыми деяниями со стороны ее приверженцев. Печально, что преступления таких людей, как Имбизе и Рыгов, обошлись делу религиозной и политической свободы дороже, чем стоили жизни двадцати тысяч таких негодяев. Если бы не влияние подобных демагогов, противодействующих благородным усилиям и чистой жизни Orange, разделение между двумя частями Нидерландов, возможно, никогда бы не произошло. Однако у принца не было достаточной власти, а у зарождающейся речи посполитой - достаточной последовательности, чтобы подавить дезорганизующую тенденцию фанатичного романизма, с одной стороны, и карательной и жестокой охлократии - с другой.

Такие события, когда ненависть между валлонами и жителями Гендера с каждым днем становилась все более острой, сделали крайне важным заключение какого-либо соглашения, если это возможно. В стране недовольные, под предлогом защиты католического духовенства,

ежедневно оскорбляли и грабили народ, в то время как в Генте духовенство подвергалось жестокому обращению, монастыри разграблялись под предлогом сохранения свободы. В этой чрезвычайной ситуации глаза всех честных людей, естественно, обратились к Оранжевому цвету.

Депутаты ездили туда-сюда между Антверпеном и Гентом, принц изложил три пункта как необходимые для любого соглашения— во-первых, католическому духовенству должно быть разрешено свободное пользование своей собственностью; во-вторых, им не следует мешать отправлять религиозные обряды; в-третьих, джентльмены, содержащиеся в тюрьме с памятного двадцать восьмого октября, должны быть освобождены. Если бы эти пункты были удовлетворены, эрцгерцог Матиас, генеральные штаты и принц Оранский согласились бы прогнать валлонскую армию и защитить Гент от любого ущерба. Два первых пункта были удовлетворены при условии, что должны быть установлены достаточные гарантии безопасности реформированной религии. Третье предложение было отклонено, но было решено, что заключенные Шампани, Свевегем и остальные, которые, как можно предположить, после ужасной судьбы Гессельса и Виска были достаточно озабочены собственной судьбой, должны предстать перед законным судом и тем временем быть защищены от произвола.

3 ноября 1578 года в Антверпене был подписан официальный акт о принятии этих условий. В то же время в Генте раздался ропот, экстравагантная часть либеральной партии заявила, что у них не было намерения устанавливать "религиозный мир", когда они согласились не притеснять католиков. 11 ноября принц Оранский отправил гонцов в Гент от имени эрцгерцога и генеральных штатов, призывая власти к добросовестному исполнению акта о принятии. В тот же день английский посланник Дэвидсон сделал энергичное представление тем же судьям, заявив, что поведение жителей Гентера вызывает сожаление во всем мире, и предоставив доказательство того, что их целью было продлить, а не подавить гражданскую войну, которая так долго бушевала. Такое разбирательство, по его словам, вызывает сомнения в том, что они готовы подчиняться какому-либо закону или какой-либо магистратуре. Поскольку, однако, можно предположить, что присутствие Джона Казимира в Генте в тот момент было санкционировано королевой Елизаветой — поскольку было известно, что он получил от нее субсидию, — посланник воспользовался случаем, чтобы заявить, что ее Величество полностью дезавуирует его действия. Далее он заметил, что, по мнению ее Величества, все еще возможно поддерживать мир, следуя советам принца Оранского и генеральных штатов. Это, однако, могло быть сделано только путем установления трех пунктов, которые он изложил. Ее Величество также предупредила жителей Гентера, что их поведение вскоре вынудит ее полностью отказаться от дела страны, и, в заключение, она со свойственной ей бережливостью попросила, чтобы ей немедленно предоставили городской залог на сорок пять тысяч фунтов стерлингов.

Через два дня из Брюсселя прибыли послы, чтобы, в свою очередь, выразить протест городу-побратиму и, по возможности, спасти ее от охватившего ее безумия. Они напомнили магистратам о частых и мудрых советах принца Оранского. Он заявил, что не знает никаких средств предотвратить надвигающееся опустошение отечества, кроме объединения всех провинций и повиновения общему правительству. Теперь он чувствовал, что на карту поставлены его собственная репутация и честь его дома, ибо из-за должности, которую он теперь занимал, на него постоянно клеветали как на виновника всех преступлений, совершенных в Генте. В ответ на эту клевету он заявил о своем намерении опубликовать свое

оправдание. Сославшись таким образом на мнение принца, послы умоляли магистратов принять предложенный им религиозный мир и освободить пленников, как он того требовал. Со своей стороны, они заявили, что жители Брюсселя никогда не покинут его, ибо, кроме Бога, не было никого, кто так полно понимал бы их причину или кто мог бы так разумно указать средство правовой защиты.

Так рассуждали посланники генеральных штатов и Брюсселя, но пока они рассуждали, в Генте произошло новое волнение. Народ был распален демагогами и безумными воплями Питера Датена, лишенного сана монаха из Паперингена, который был слугой и министром как папы римского, так и Оранского, и который теперь ненавидел обоих с одинаковым пылом. Население, находясь под этим влиянием, в гневе обрушилось на католиков, разбило вдребезги все их изображения, уничтожило все их алтарные изображения, отняло у них много ценного имущества и выгнало всех самих папистов из города. Бунт был настолько яростным, что, по словам хрониста, казалось, будто все жители сошли с ума. Барабаны забили тревогу, магистраты выступили с увещеваниями, но никакие приказы не были услышаны до тех пор, пока разрушительная работа не была завершена, когда беспорядки, наконец, прекратились сами по себе.

Ситуация казалась более угрожающей, чем когда-либо. Ничто так не возмущало принца Оранского, как такое бессмысленное иконобожие. Фактически, в свое время он добился от властей Гента принятия закона, согласно которому это преступление каралось смертной казнью. Он придерживался мнения Лютера, что идолопоклонство должно быть искоренено из сердца, и что тогда идолы в церквях падут сами собой. Он также разделял мнение ландграфа Вильгельма о том, что "разрушение таких никчемных идолов всегда было отомщено потоками доброй человеческой крови". Поэтому вполне можно предположить, что этот новый акт бессмысленного насилия, несмотря на его протесты, в самом присутствии его посланников, вызвал его суровое неодобрение. Он был близок к тому, чтобы опубликовать свою защиту от клеветы, которую его веротерпимость навлекла на него как со стороны католиков, так и кальвинистов. Он глубоко задумался над вопросом, не лучше ли было бы сразу повернуться спиной к стране, которая, казалось, была так неспособна понять его высокие цели или поддержать его добродетельные усилия. От обоих проектов его отговорили; и хотя как друзья, так и враги причинили ему жестокую обиду, хотя он чувствовал, что даже в его родной Голландии шепчутся о его непорочности, поскольку его благосклонное отношение к Анжу стало общей темой обсуждения, все же он по-прежнему сохранял свое величественное спокойствие и улыбался стрелам, которые безвредно падали к его ногам. "Я с каждым днем все больше и больше восхищаюсь его мудростью", - воскликнул Хьюберт Лангуэт. - "Я вижу, что те, кто называет себя его друзьями, причиняют ему больше беспокойства, чем его враги; в то время как, тем не менее, он всегда остается верен себе, его невозмутимость не выходит из-под контроля и повторяющиеся оскорбления не побуждают его к неумеренным действиям".

В том году принц был единогласно избран четырьмя "членами" Фландрии губернатором этой провинции, но снова отказался от этой должности. Жители, несмотря на ожесточенные столкновения в Генте, заявляли о своей привязанности к нему и уважении к его власти. Его умоляли отправиться в город. Его присутствие, и только это, вернуло бы бюргерам рассудок, но задача не из приятных. Это также не было сопряжено с опасностью; хотя это соображение никогда не влияло на него, с начала его карьеры и до ее завершения. Имбиз и его команда были способны прибегнуть к любой крайности или устроить любую засаду, чтобы уничтожить

человека, которого они боялись и ненавидели. Присутствие Джона Казимира было дополнительным осложнением, поскольку Оранж, хотя и презирал этого человека, не хотел обижать его друзей. Более того, Казимир заявил о готовности помочь делу и положиться на лучшее суждение принца: он вывел на поле боя армию, с которой, однако, ничего не добился, кроме основательного разграбления крестьянства, и в то же время громко требовал от штатов выплаты жалования его солдатам. Солдаты различных армий, которые теперь наводнили страну, действительно соперничали друг с другом в экстравагантной наглости. "Их бесчинства отвратительны, - писал маркиз Гавр. - они требуют самой изысканной еды и пьют шампанское и бургундское полными ведрами". Тем не менее, 4 декабря принц прибыл в Гент. Он проводил постоянные и тревожные совещания с магистратами. Он ежедневно уединялся с Джоном Казимиром, с тщеславием и экстравагантным нравом которого справлялся со своим обычным мастерством. Он даже обедал с Имбу, и таким образом, сглаживая трудности и примиряя гневные страсти, ему удалось, наконец, добиться всеобщего согласия на заключение религиозного мира, которое было опубликовано 27 декабря 1578 года. Он содержал те же положения, что и в проекте, подготовленном и предложенном предыдущим летом по всей территории Нидерландов. Было установлено исповедание обеих религий; взаимные оскорбления и раздражение — будь то словом, книгой, картиной, песней или жестом — были запрещены под страхом сурового наказания, в то время как все люди поклялись защищать общее спокойствие кровью, кошельком и жизнью. Католики, в силу этого соглашения, вновь вступили во владение своими церквями и монастырями, но ничего не смогли добиться в пользу заключенных джентльменов.

Теперь валлонов и недовольных призывали сложить оружие; но, как можно было предположить, они выразили недовольство религиозным миром, объявив его враждебным Гентскому договору и Брюссельскому союзу. Короче говоря, ничто не удовлетворило бы их, кроме полного подавления реформированной религии; как ничто не удовлетворило бы Имбайза и его фракцию, кроме абсолютного уничтожения романизма. Сильный человек вполне может показаться бессильным среди таких упрямых и никчемных фанатиков.

Прибытие принца в Гент в целом стало облегчением для Джона Казимира. Как обычно, этот слабоумный индивидуум с головой окунулся в трудности, из которых не смог выбраться самостоятельно. Он не знал, что делать и в какую сторону повернуть. Он вмешался в дела Имбу и его команды, но обнаружил, что они были не теми людьми, с которыми стоило иметь дело человеку его уровня. Он вывел на поле боя большую армию, и в его казне не было ни гроша. Он с горечью осознал справедливость предупреждения ландграфа — "лучше иметь тридцать тысяч дьяволов за спиной, чем тридцать тысяч немецких солдат без денег, которые можно было бы им дать"; поскольку дьяволам можно было заплатить крестным знаменем, в то время как солдат можно было уволить только деньгами или крепкими тычками. Королева Елизавета, под чьим покровительством он предпринял эту самую бесславную кампанию, также была непрестанна в своих упреках и настойчива в требованиях возмещения ущерба. Она написала ему лично, упрекая его в высоких притязаниях и недостатках. Его визит в Гент, столь совершенно неоправданный и злонамеренный; его неспособность осуществить соединение его армии с силами штатов под командованием Боссю, благодаря которому королевская армия должна была быть застигнута врасплох и уничтожена; то, что он дал повод простому народу подозревать ее Величество и принца Оранского в сговоре с его планами и в склонности добиваться своей частной выгоды, а не общего блага всех Нидерландов; неминуемая опасность, которую он усугубил, что валлонские провинции, движимые такими подозрениями, отстанут от

"генералитета" и будут стремиться к частное соглашение с Пармой; эти и подобные им грехи бездействия и совершения были резко и пронизательно изложены в послании королевы. Не для такой мародерской и интригующей работы она назначила его своим лейтенантом и снабдила войсками и субсидиями. Она умоляла его немедленно изменить свой образ жизни ради его имени и славы, которые были достаточно запятнаны в тех местах, где его солдаты грабили страну, которую они пришли защищать.

Королева отправила Дэниела Роджерса с инструкциями аналогичного значения в генеральные штаты, неоднократно и недвусмысленно дезавуируя действия Казимира и порицая его характер. Она также горячо настаивала на своих узах. Короче говоря, никогда еще незадачливый принц не был так жестоко поруган своим начальством, так основательно опозорен своими последователями. В такое презренное положение поставил себя Казимир из-за своего опрометчивого стремления доказать всему миру, что немецкие принцы могут кусаться и царапаться, как грифоны и тигры, а также носить их в своих щитах. От этого положения его отчасти спас Оранж. Он заключил мир с генеральными штатами. Он уладил дела с экстравагантными реформаторами и даже вымогал у властей Гента залог в сорок пять тысяч фунтов стерлингов, на котором Елизавета настаивала с таким упорством. Казимир отплатил за эти милости принца той монетой, которой ограниченные умы и ревнивый нрав склонны исполнять подобные обязательства, — неблагодарностью. Дружба, которую он открыто проявлял поначалу, почти сразу же охладела. Вскоре после этого он покинул Гент и отбыл в Германию, оставив после себя длинное и утомительное обращение, адресованное генеральным штатам, в котором он изложил историю своих подвигов и попытался оправдать чистоту своего характера. Он завершил этот очень скучный и излишний манифест замечанием, что — по причинам, которые он счел уместным изложить довольно подробно, — он не чувствует себя "ни слишком полезным, ни слишком приятным для провинции". Поскольку, по его словам, ему сообщили, что генеральные штаты обратились к королеве Англии с просьбой обеспечить его отъезд, он решил, чтобы избавить ее и их от неудобств, вернуться по собственному желанию, "оставив исход войны в высокой и могущественной руке Божьей".

Сословия ответили на этот протест словами безграничной вежливости, выразив, что они "навсегда обязаны" ему за его услуги и питая смутные надежды на то, что деньги, которые он потребовал от имени своих войск, вскоре поступят.

Казимир, уже ответивший на укоризненное письмо королевы Елизаветы, возложив вину за свой очевидный проступок на генеральные штаты и пообещав вскоре лично предстать перед ее Величеством, соответственно, лишь на короткий сезон задержался в Германии, а затем отправился в Англию. Здесь его угощали, льстили, ласкали и наградили орденом Подвязки. Довольный королевскими уговорами и в высшей степени наслаждаясь великолепным гостеприимством Англии, он совершенно забыл о "тридцати тысячах дьяволов", которых он оставил разгуливать на свободе в Нидерландах, в то время как эти дикие солдаты, со своей стороны, находились в совершенно голодном состоянии — ибо в стране, которая так часто подвергалась разграблению, почти не оставалось добычи, — и теперь имели наглость обратиться к принцу Пармскому за выплатой своего жалованья. Александр Фарнезе от души рассмеялся над этим предложением, которое он счел превосходной шуткой. По правде говоря, это была шутка, хотя и жалкая. Парма ответил посланнику Морица Саксонского, который сделал предложение, что немцы, должно быть, сошли с ума, если просят у него денег, вместо того чтобы предложить заплатить ему крупную сумму за разрешение покинуть страну. Тем не менее,

он был готов проявить снисходительность и снабдить их паспортами при условии, что они немедленно покинут Нидерланды. Если бы они допустили малейшую задержку, он напал бы на них без дальнейших предисловий, и он уведомил их с высокомерием, подобающим испанскому генералу; что курьер уже ждет, чтобы сообщить в Испанию, сколько их осталось в живых после столкновения. Покинутые таким образом своим начальником и униженные врагом, наемники, у которых не хватало духу сражаться без жалованья, приняли паспорта, предложенные Пармой. Они отомстили за жестокое обращение, которому подверглись со стороны Казимира и генеральных штатов, распевая повсюду по пути отступления дурацкую балладу - наполовину фламандскую, наполовину немецкую, — в которой их обиды были выражены с грубой силой.

Казимир получил известие об уходе своих оборванных солдат в тот самый день, когда сам Елизавета стала свидетелем награждения его орденом Подвязки. Несколько дней спустя он покинул Англию в сопровождении эскорта из лордов и джентльменов, специально назначенных для этой цели королевой. Он высадился во Флашинге, где по приказу принца Оранского был принят с исключительным гостеприимством, и 14 февраля 1579 года проследовал через Утрехт. Здесь, у себя в "Немецком доме", он непринужденно беседовал о своих бродячих отрядах, последние приключения и уход которых, по-видимому, немало позабавили его; более того, он развлекал свою компанию, спев после ужина несколько куплетов из уже упомянутой баллады.

О, ты был в Брабанте, сражался за штаты?

О, ты привез оттуда что-нибудь, кроме своих разбитых макушек?

О, я был в Брабанте, я сам и все мои товарищи.

Мы больше не поедem в Брабант, если только у нас не помutilись мозги,
Мы возвращаемся домой пешком, мы отправились туда в седле;
Ибо в борьбе за штаты нет ни золота, ни славы.

Тем временем герцог Анжуйский, распустив свои войска, на некоторое время задержался у границы. После своего окончательного отъезда он отправил своего постоянного министра Де Прюно с пространном посланием в генеральные штаты, жалуясь, что они не опубликовали свой контракт с ним и не выполнили его условий. Он, как мог, извинился за неудобный факт, что его распущенные войска нашли убежище у валлонов, и сделал вид, что объяснил свой отъезд неотложными политическими делами во Франции, для организации которых его царственный брат потребовал его немедленного присутствия. Более того, он самым лицемерным образом выразил желание скорейшего примирения провинций с их сувереном и заявил, что, хотя ради них он и стал врагом его католического величества, он все равно не будет препятствовать достижению столь желаемого результата.

На такие поверхностные рассуждения штаты отвечали с бесконечной вежливостью, поскольку Оранжевые были полны решимости не наживать врагов Франции и Англии на одном дыхании в тот момент. У них и без того было достаточно врагов, и в тот момент всем, кто наиболее внимательно следил за ходом дел, казалось очевидным, что супружеский союз вскоре объединит две короны. Вероятность брака Анжу с Елизаветой была, по правде говоря, главным мотивом для Оранского в его тесном союзе с герцогом. Политическая структура, в соответствии с которой он избрал французского принца протектором Нидерландов, была мудро спланирована; но, к сожалению, ее основой была зыбучая песчаная отмель женского и королевского кокетства. Те, кто судит только по результату, быстро осудят политику, которая

могла бы иметь совсем другие последствия. Те, кто переносит себя в период, предшествовавший визиту Анжу в Англию, признают, что вряд ли было по-человечески не обманываться аполитичными аспектами того момента. Королева, более того, приложила все усилия, чтобы в письме упрекнуть генеральные штаты в их неуважении и неблагодарности по отношению к герцогу Анжуйскому — поведении, которым он был "справедливо возмущен". Со своей стороны, она заверила их в своем крайнем неудовольствии, узнав, что такое поведение было предпринято с целью ее особоудовлетворения — "как будто личность месье, сына Франции, брата короля, была ей неприятна или как будто она желала ему зла"; тогда как, напротив, они наилучшим образом удовлетворили бы ее пожелания, проявив к нему всю вежливость, на которую давали ему право его высокое положение и выдающиеся заслуги.

Сословия, однако, еще до получения этого письма действовали в его духе. Они обратились к герцогу с подробными извинениями и неограниченными заверениями. Они сердечно поблагодарили его за его достижения, выразили безграничное сожаление по поводу его ухода, искренне надеясь на его скорейшее возвращение, и пообещали "вечную память" о его героических добродетелях. Более того, они заверили его, что если наступит первое марта следующего года, не принеся с собой почетного мира с его католическим величеством, они будут вынуждены объявить, что король утратил свое право на суверенитет над этими провинциями. В этом случае они пришли к выводу, что, поскольку жители будут освобождены от своей верности испанскому монарху, тогда в их власти будет вести переговоры с его Высочеством Анжуйским относительно суверенитета в соответствии с уже существующим договором.

Этих заверений было достаточно, но штаты, зная тщеславие этого человека, предложили другие стимулы, некоторые из которых казались достаточно ребяческими. Они пообещали, что "его статуя из меди будет установлена на общественных площадях Антверпена и Брюсселя для вечного восхищения потомков" и что "корону из оливковых листьев ему будут преподносить каждый год". Герцог, не безжалостный к таким вежливым просьбам, был готов достичь как бессмертия, так и власти, продолжая свои дружеские отношения с государствами, и он ответил соответственно в самых вежливых выражениях. О результате этого обмена любезностями вскоре будет нашим долгом рассказать.

В конце года граф Боссю скончался, к большому сожалению принца Оранского, партию которого он горячо поддерживал с момента своего освобождения из тюрьмы в силу Гентского мирного договора. "Мы испытываем глубочайшее горе в мире, - писал принц своему брату за три дня до смерти графа, - из-за опасной болезни господина де Боссю. Конечно, страна многое теряет в связи с его смертью, но я надеюсь, что Бог не будет так сильно огорчать нас". И все же клеветники того времени не стеснялись распространять, а хронисты-роялисты - увековечивать самые бессмысленные и позорные басни на тему смерти этого дворянина. Они сказали, что он умер от яда, введенного ему "в устрицах" по приказу принца Оранского, который также взял за правило стоять над ним на смертном одре с явной целью насмехаться над католическими церемониями, которыми были утолены его предсмертные муки. Таковы были рассказы, записанные серьезными историками о смерти Максимилиана Боссюйского, который столь многим был обязан принцу. Командование армией штатов, ежегодная пенсия в размере пяти тысяч флоринов, назначенная по особой просьбе Оранского всего несколько месяцев назад, и глубокие слова сожаления в частном письме, процитированном джестом, являются достаточным ответом на подобную клевету.

Личная храбрость и глубокая военная наука Пармы были неоценимы для королевского дела; но его тонкие, беспринципные и подковерные политические комбинации были еще более плодотворными в этот период. Ни один человек никогда не понимал искусство подкупа более досконально и не практиковал его более искусно. Он покупал политического деятеля, или генерала, или вельможу, или пехотный полк, обычно по самой дешевой цене, по которой можно было приобрести эти предметы, и всегда с предельной деликатностью, с какой только могла осуществляться такая торговля. Люди передавали себя правительству за определенную цену — точно зафиксированную во флоринах и крупах, в местах и пенсиях, - в то время как приличной паутинке общепринятой фразеологии никогда не позволялось прикрывать наготу неприкрытой измены. Люди высокого положения, прославленные своим происхождением, блистающие доблестью, торговали собой и обманывали доверчивую страну из самых низменных побуждений, которые когда-либо приводили фальшивомонетчиков или бравых людей на виселицу, но публично с ними поступали так, как будто ими руководили только самые высокие принципы. Прикрываясь своими древними щитами, нарочито украшенными символом верности церкви и королю, они протягивали свои зудящие ладони с лживостью, которая вряд ли была бы правдоподобной, если бы не была засвидетельствована памятниками, более долговечными, чем медь, - их собственными письмами и записанными разговорами.

Еще до прихода Пармы к власти истинный путь к разделению провинций был указан знаменитой изменой сеньора де ла Мотта. Этот дворянин командовал полком на службе генеральных штатов и был губернатором Гравелина. Получив обещание простить за всю прошлую нелояльность, остаться на тех же военных должностях при Филиппе, которые он тогда занимал для патриотов, и "мерсед", достаточно большой, чтобы удовлетворить его самые алчные мечты, он перешел на сторону королевского правительства. Переговоры вел Алонсо Куриэль, финансовый агент короля, и были проведены не очень вежливо. Казначей, рассматривавший это дело исключительно как денежную операцию — каковой на самом деле оно и было, — был склонен заключить слишком жесткую сделку. Он предложил всего пятьдесят тысяч крон за Ла Мотта и его друга барона Монтиньи и заверил свое правительство, что эти джентльмены с солдатами под их командованием заплатили очень высокую цену. Ла Мотт очень старался добиться большего и патетически рассказывал о своих заслугах и ранениях — ведь он был самым выдающимся и отважным участником кампании, — но Алонсо был неумолим. Более того, некто Робер Бьен-Эме, приор Ренти, присутствовал на всех конференциях. Этот священнослужитель был деятельным интриганом, но не очень ловким. Он был расположен принести пользу правительству, ибо всем сердцем желал возложить на свою голову митру Святого Омера и, соответственно, сочинил очень остроумный пасквиль на принца Оранского, в постановке которого, "хотя приор и не выдавал себя за Апеллеса или Лисиппа", он надеялся, что генерал-губернатор узнает портрет, написанный в натуральную величину. Этот опытный художник был, однако, не столь успешен, сколь живописен и трудолюбив. Он был чрезмерно тщеславен своими заслугами, считая себя, как язвительно сказал Алонсо, достойным того, чтобы его несли в процессии, как маленького святого, а поскольку у него был деятельный ум, но непослушный язык, то можно заметить, что он обладал замечательной способностью делать себе неприятности. Это был не тот способ заслужить свое епископство. Ла Мотт, благодаря откровенным сообщениям приора, оказался предметом насмешек в лагере Пармы и кабинете министров, где предательство своей страны и партии, казалось, не считалось одной из высших добродетелей, как бы удобно это ни было в данный момент для королевского дела. Приор особо наметнул на то, что Оттавио Гонзага позволил себе множество саркастических замечаний на

счет Ла Мотта. Храбрый, но продажный воин, крайне разгневанный тем, что таким образом узнал, как оценивают его поведение люди столь высокого ранга на королевской службе, был близок к тому, чтобы разорвать сделку. Однако в конце концов он был обеспечен еще более крупными предложениями — дон Джон выделил ему триста флоринов в месяц, подарил двух лучших лошадей в своей конюшне и прислал ему открытую форму, которую он должен был заполнить самым строгим языком, какой только мог придумать, обязывая правительство выплатить достаточный и вполне удовлетворительный "мерсед". Таким образом, сделка Ла Мотта была завершена - преступление, которое, если бы оно повлекло за собой только потерю войск, находившихся под его командованием, и завладение Гравелинами, не имело бы большого исторического значения. Однако это был первый удар масштабной и тщательно отточенной государственной измены, в результате которой страна вскоре была навсегда разделена надвое — первая в серии сделок, в результате которых самые знатные имена Нидерландов были запятнаны взяточничеством и мошенничеством.

Пока шли переговоры с Ла Ноттом, правительство генеральных штатов в Брюсселе направило святую Альдегонду в Аррас. Штаты Артуа, собравшиеся тогда в этом городе, с большим трудом согласились с оценкой в семь тысяч флоринов, наложенной на них центральной властью. Агенты королевской партии умело воспользовались этим случаем, чтобы ослабить приверженность провинции и родственных ей валлонских провинций делу патриотизма. Святой Альдегонд произнес свою речь перед собранием, смело утверждая, что война ведется за свободу совести и отечества и что все обязаны, будь то католики или протестанты, вносить свой вклад в священный фонд. Голосование прошло, но было предусмотрено, что часть взноса должна быть выплачена церковным приходом, и это условие вызвало огромный резонанс. Судебная коллегия расценила налог одновременно как грабеж и оскорбление. "Мы чуть не поиграли ножами, - сказал самый выдающийся священник в собрании, - и если бы мы это сделали, церковники не были бы первыми, кто достаточно плакал". Все они в ярости удалились и провели частную консультацию по поводу "этих непомерных и выходящих за рамки турецких требований". Джон Сарразен, приор Святого Яаста, самый пылкий, смелый и неутомимый из королевских приверженцев той эпохи, выступил с искусной речью. Этот человек — лучший политик, чем другой приор, — тоже играл за митру и мог лучше использовать свои карты. Вскоре ему предстояло стать самым бесценным агентом в подготовке великой измены. Никто не мог быть более деликатным, бесшумным или беспринципным, и вскоре генерал-губернатор и король признали его человеком, стоящим выше всех остальных, которому было обещано восстановление королевской власти над провинциями Валлонии. В быстрых ботинках на ногах, в черном плаще за спиной и с кошельком желаний в руке он бесшумно и незримо переходил от одного великого Недовольного вождя к другому, подкупая центурионов, капитанов и простых солдат; обходя оранжистов, гентских демократов, анжуйских партизан; плетя тысячи интриг, взрывая сотни вражеских мин и проходя невредимым через самые серьезные опасности и самые непреодолимые препятствия. К тому же красноречивый в крайнем случае, он всегда понимал свою аудиторию и в данном случае обнажил самое острое, если не самое блестящее оружие, которое можно было использовать в дебатах. По его словам, быть патриотом дороже всего, в то время как серебро нужно экономить, а золото - зарабатывать лояльностью. Они должны были бы сохранить свои деньги для самозащиты, а не отдавать их принцу Оранскому, который положил бы их в свой личный карман только под предлогом общественных нужд. Он заметил, что Рувард скоро ускользнет обратно в свое логово и оставит их всех в клыках их врагов. А пока лучше было броситься в объятия щедрого короля, который все еще протягивал к

ним свои руки. Они приближались к пропасти, сказал приор; они входили в лабиринт; и им не только грозила "вечная потеря тела и души, но и их имущество должно было быть отнято, а кошка брошена им под ноги". Этим внезапным переходом к очень распространенному выражению, вошедшему в поговорку, Сарразин хотел намекнуть, что они попали в трудное положение, в котором их наверняка ждут как опасность, так и ответственность.

Речь произвела большое впечатление на его слушателей, которые теперь были более чем когда-либо полны решимости восстать против правительства, которое они так недавно приняли, предпочитая, по словам приора, "подвергнуться жестокому обращению со стороны своего принца, нежели варварскому тиранству со стороны еретика". Такой гнев вызвало в умах небожителей требование трех с половиной тысяч флоринов.

Вечером святую Альдегонду развлекали на большом банкете, за которым последовал богословский диспут, в ходе которого Джон Сарразен пожаловался, что "на него напали на его собственной навозной куче". На следующий день выдающийся патриот отправился в агитационное турне по главным городам; неутомимый монах использовал время своего отсутствия для усиления враждебности артезианских орденов к денежным требованиям правительства в целом. В выполнении этой задачи ему помог императивный приказ, пришедший из Брюсселя, предписывающий от имени Матиаса взимать налог с церковной собственности, "колец, драгоценностей и реликвариев", если не будет получен церковный взнос. Гнев судейской коллегии теперь был неистовствующим, и ко времени возвращения Святой Альдегонды была организована всеобщая оппозиция. Посланник встретил леденящий душу прием; больше не было ни банкетов, ни каких-либо дискуссий. На его требования денег "он получил прекрасный ответ", - сказал Сент-Вааст; а что касается полемики, единственным убедительным аргументом для страны было бы, как ему сообщили из того же источника, "покончить с Оранж и его министром вместе с ним". Не раз приор намекал правительству — как это делали многие до него, — что "устранение Оранжа, виновника всех бед", было лучшей подготовкой к любому политическому соглашению. Это убеждение с каждым днем укреплялось - от Филиппа и его генерал-губернатора до самого скромного партизана. Нож или пуля наемного убийцы были единственным, что было необходимо, чтобы положить конец этому воплощенному восстанию.

Таким образом, дела в Артуа становились все хуже и хуже. Приор, более чем когда-либо увлеченный своими планами, в один прекрасный день был арестован вместе с другими королевскими эмиссарами, продержан пятнадцать дней "в вонючем подвале, где поваренок мыл посуду", а затем отправлен в Антверпен для допроса генеральными штатами. Он вел себя с большой твердостью, хотя у него были веские причины дрожать за свою шею. На допросе Леонинуса со стороны центрального правительства он смело признал, что эти денежные требования к валлонским поместьям, и особенно к их церковным приходам, никогда не будут терпимы. "Во времена Альвы, - сказал Сарразин, - с мужчин сдирали кожу, но не стригли наголо". Те, кто был больше привязан к своей коже, чем к шерсти, возможно, сочли бы практику, существовавшую в старые добрые времена герцога, еще более предосудительной. Приор и остальные члены его ордена так не считали. После неудовлетворительного экзамена и краткого допроса занятой священнослужитель был освобожден; и поскольку его тайные труды не были обнаружены, он возобновил их после возвращения с еще большим рвением, чем когда-либо.

В валлонской стране теперь справедливо установилась трехсторонняя интрига. Штаб-квартира герцога Алансонского находилась в Монсе; опорный пункт фракции роялистов находился у Ла Мотта в Гравелине; в то время как предполагаемый лидер партии штатов, виконт Гент, был губернатором Артуа и, как предполагалось, был верховным в Аррасе. Правительство снабдило Ла Мотта крупной суммой денег секретной службы, и ему было поручено быть очень щедрым в подкупе выдающихся людей, с нежностью относясь, однако, к чрезмерным требованиям такого рода, которые теперь ежедневно предъявляются к королевскому кошельку. "Маленький граф", как называл приор Лалена, вместе со своим братом, бароном Монтиньи, считались весьма желанными приобретениями для правительства, если их удавалось заполучить. Считалось, однако, что "лилия слишком глубоко запечатлелась в их сердцах", поскольку впечатление, произведенное Маргаритой Валуа на Лалена, губернатора Эно, еще не изгладилось. Его брат также был склонен благоволить французскому принцу, но его ум был более открыт для убеждения. Несколько частных бесед с Ла Моттом, и курс церковного обучения у приора, чьи блестящие суждения имели непреодолимый резонанс, вскоре изменили мнение вождя Недовольных. С другими ведущими сеньорами тайно расправлялись таким же образом. Лален, Хезе, Гавр, Капре, Эгмонт и даже виконт Гентский — все серьезно склонили уши к чаровнице и с тоской и любовью смотрели, как коварный приор извивается перед ними в своих клубках - "чтобы поиздеваться над сви́фтом". Немногие еще не заявили о себе; но из вельмож, командовавших большими отрядами войск и чье влияние на их орден было первостепенным, никто не был в безопасности для дела патриотизма во всей Валлонии.

Знать и духовенство были готовы взяться за руки в поддержку церкви и короля, но в городе Аррас, столице всей страны, была сильна оранжевая и либеральная партия. Госсон, человек огромного состояния, один из самых выдающихся адвокатов Нидерландов, в замечательной степени обладавший даром народного красноречия, был лидером этой фракции бюргеров. В первые дни правления Пармой, как раз в тот момент, когда почти был сформирован полный союз валлонских провинций в пользу королевского правительства, эти оранжисты из Арраса рискнули нанести дерзкий удар. Подстрекаемые разглагольствованиями Госсона и поддерживаемые пятьюстами пехотинцами и пятьюдесятью кавалеристами под командованием капитана Эмброуза, они восстали против городского магистрата, чьи чувства были однозначно на стороне Пармы, и бросили их всех в тюрьму. Затем они сформировали новый совет из пятнадцати человек, несколько католиков и несколько протестантов, но все патриоты, главой которых был Госсон. Удар застал город врасплох; и на мгновение оказался успешным. Тем временем они зависели от помощи Брюсселя. Королевскую и церковную партию, однако, было не так легко победить, и старый солдат по имени Буржуа громко осудил капитана Эмброуза, генерала революционного движения, как подлого труса, и подтвердил, что с тридцатью хорошими латниками он возьмется стереть в порошок всю армию повстанцев — "кучку пугал, - сказал он, - которые не стоят и стольких сов для военных целей".

Через три дня после заключения магистрата в тюрьму на Рыбном рынке состоялся мощный католический митинг в их защиту, вездесущий приор Святого Вааста порхал среди недовольных, веселый и деловитый, как обычно, когда надвигалась буря. Мэтью Дусе из революционной фракции — человек одновременно воинственный и миролюбивый в своих занятиях, известный как пекарь пряников и фехтовальщик, — поклялся, что отнимет жизнь у маленького монаха, даже если ему придется забрать его у самых рогов алтаря; но приор отважился на более резкие угрозы, чем эти. Более того, большой алтарь был бы последним местом, где его стали бы искать в тот раз. Пока Госсон произносил потрясающую речь в защиту

совести и отечества в Hotel de Ville, практичный Джон Сарразин с кошельком в руке вызвал генерала повстанцев Эмброуза на поединок один на один. Через полчаса этот воин был разбит и бежал с поля боя во главе своих пугал, ибо невозможно было устоять перед силой, перед которой пали Монтины и Ла Мотты. Красноречивый Госсон был предоставлен своей судьбе. Имея католическую магистратуру в дураках и некому было их охранять, он чувствовал себя, как хорошо заметил один недоброжелательный современник, подобно человеку, держащему волка за уши, одинаково боящемуся отпустить или удержать его хватку.

Его дилемма вскоре разрешилась. Пока он совещался со своими коллегами — Мордаком, старым участником боевых действий, Крюжо, Бертудем и другими — стоять ему или бежать, слышались барабаны и трубы наступающих роялистов. В следующее мгновение Отель де Виль был наводнен латниками во главе с Буржуа, ветераном, который высказал стольестное мнение о доблести капитана Эмброуза. Роли поменялись, революция в миниатюре подошла к концу, контрреволюция свершилась. Госсон и его сообщники сбежали через черный ход, но вскоре после этого были арестованы. На следующее утро барон Капрес, самый недовольный сеньор, расквартированный со своим полком по соседству и долгое время тайно кокетничавший с приором и Пармой, вошел в город во главе сильного отряда и сразу же приступил к возведению очень высокой виселицы перед Ратушей. Это выглядело практичным в глазах освобожденных и восстановленных в должности магистратов, и Госсон, Крюжо и остальные были немедленно вызваны к ним. Адвокат, возможно, со вздохом подумал, что его судьи, так недавно бывшие его заключенными, могли бы стать плодом для еще одной виселицы, если бы он посадил ее, когда почва принадлежала ему; но, воспрянув духом, он ободрил своих коллег, а теперь и соучастников преступления. Крюжо, ничуть не смутившись, предстал перед трибуналом, облаченный в защитный панцирь, с мечом с золотой рукоятью, шарфом, расшитым жемчугом и золотом, и шляпой, украшенной белыми, синими и оранжевыми перьями — цветами Вильгельма Молчаливого, — однако всего этого великолепия с него сняли, как только он вошел в зал суда.

Процесс был быстрым. Каждый час ожидался вызов из Брюсселя от правительства генерал-губернаторства с приказом передать дела в федеральный трибунал; а поскольку валлонские провинции еще не были готовы к открытому восстанию, этот приказ был бы неудобным. Отсюда необходимость спешки. Высший суд Артуа, в который поступила апелляция от магистратов, немедленно провел заседание в другом зале Hotel de Ville, пока суд низшей инстанции судил заключенных, и Бертудь, Крюжо, Мордак и еще несколько человек были приговорены через несколько часов к виселице. Им было предложено подать апелляцию, если они захотят, в совет Артуа, но, услышав, что суд заседает по соседству, так что шансов на спасение на улицах нет, они заявили, что удовлетворены приговором. Госсона не судили, его дело было отложено на завтра.

Тем временем короткий осенний день подходил к концу. Затем наступила дикая, бурная, дождливая ночь, но партия роялистов — горожане и солдаты вперемешку, вооруженные до зубов и издававшие свирепые крики, в то время как вся сцена прерывисто освещалась отблесками факелов и пылающими бочками со смолой, — все еще несла вахту на открытой площади вокруг ратуши. Получилась серия ужасных ночных картин, похожих на картины Рембрандта, - мрачных, фантастических и окровавленных. Бертудя, старика, который в течение многих лет настолько уверенно чувствовал себя обреченным на свою нынешнюю участь, что держал в собственном доме виселицу, чтобы привыкнуть к виду машины, вывели первым и

повесили в десять часов вечера. Он был хорошим человеком, безупречной жизни, искренним католиком, но горячим сторонником оранжевых.

Валентин де Мордак, старый солдат, вышел из Отель-де-Вилль к виселице в полночь. Стоя на лестнице, среди пылающих факелов, он разразился яростными проклятиями, трясая своей длинной белой бородой из стороны в сторону, корча отвратительные гримасы и проклиная суровую судьбу, которая после многих опасностей на полях сражений и в осажденных городах обрекла его на такую смерть. Веревка заглушила его проклятия. Крюжо был казнен в три часа ночи, получив несколько часов передышки для того, чтобы сделать свои приготовления, которыми он, соответственно, занимался так спокойно, как если бы отправлялся в приятное путешествие. По словам очевидцев, он был похож на призрак, когда стоял под виселицей, обращаясь к толпе с самым благочестивым и католическим обращением.

Весь следующий день был посвящен суду над Госсомом. С наступлением темноты он был осужден и сразу после этого заслушан по апелляции в вышестоящем суде. В полночь 25 октября 1578 года он был приговорен к лишению головы, казнь должна была состояться без промедления. Городская стража и пехота под командованием Капреса все еще стояли бивуаком на площади; вой бури все еще продолжался, но отблески хвороста и факелов делали это место светлым как день. Пожилой адвокат с изможденными глазами и искаженным гневом лицом, идя между шерифом и монахом-францисканцем, прошел через длинный ряд алебардчиков в большой зал Городского дома и оттуда поднялся на эшафот, воздвигнутый перед дверью. Он в ярости потрясал кулаками в адрес освобожденных магистратов, так недавно бывших его узниками, восклицая, что именно его неуместному милосердию было обязано то, что его голова, а не их собственная, должна была быть положена на плаху. Он горько упрекал граждан за их трусость, уклонившихся от нанесения удара за свое отечество и от имени того, кто так верно служил им. Затем секретарь суда зачитал приговор в такой глубокой тишине, что каждый произнесенный им слог и каждый вздох и восклицание жертвы были отчетливо слышны в самом отдаленном углу площади. Затем Госсон, воскликнув, что он был убит без причины, опустился на колени на эшафоте. Его голова упала, а гневное проклятие все еще было у него на устах.

На той неделе были повешены еще несколько менее известных людей - среди прочих, Мэтью Дусе, свирепый человек из gingerbread, чей гнев был так разумно, но так безуспешно направлен против приора Святого Вааста. Капитан Эмброуз тоже прожил недолго, чтобы насладиться расплатой за свое предательство. Вскоре после этого он был арестован правительством штатов в Антверпене, подвергнут пыткам, повешен и четвертован. В подобные смутные времена, когда честным людям было трудно держать голову на плечах, мошенники были склонны получать по заслугам, если только у них не было преимущества высокого происхождения и высокого положения.

"Ille crucem sceleris pretium tulit, hic diadema."

Эта муниципальная революция и контрреволюция, какими бы малоизвестными они ни казались, на самом деле имели очень серьезное значение. Это был последний удар по свободе в стране Валлония. Неудача движения сделала неизбежным тот раскол Нидерландов, который сохранился до наших дней, поскольку влиянию духовенства в штатах Артуа и Эно вместе с военной мощью недовольных вельмож, которых приобрели Парма и Жан Сарразен, больше нельзя было сопротивляться. Свобода кельтских провинций была продана, и несколько высокородных предателей получили эту цену. Еще до конца года (1578) Монтиньи дал понять

герцогу Алансонскому, что принц, который признает себя слишком бедным, чтобы платить солдатам, не является для него хозяином. Таким образом, барон пришел к соглашению с Ла Моттом и Саррасеном, действовавшими от имени Александра Фарнезе, и получил командование пехотой в провинциях Валлонии, жалование в четыре тысячи крон в год, а также такой большой кусок из ста тысяч флоринов Ла Мотта для себя и солдат, с которым этого офицера можно было заставить расстаться.

Барон Капрес, которого Сарразену — которому было особо поручено купить его — пришлось, выражаясь его собственным языком, "попотеть кровью и водой", чтобы заполучить, в конце концов согласился примириться с партией короля при условии получения генерал-губернаторства Артуа вместе с особым правительством Эсдена — очень прибыльных должностей, которые виконт Гентский тогда занимал по поручению генеральных штатов. Однако этот политический деятель, чье нежелание покидать партию свободы, которая наделила его столь высокими полномочиями, было, по-видимому, настолько заметным, что приор устроил засаду как для него, так и для маркиза Гавра, чтобы лично завладеть двумя такими могущественными врагами, теперь, в последний момент, показал свое истинное лицо. Он согласился также примириться при условии получения королевского назначения в то же правительство, которое он тогда имел, от патриотических властей, вместе с титулом маркиза де Ришбур, командованием всей кавалерией в роялистских провинциях и, кроме того, определенным денежным вознаграждением. Выставляя себя на высокой отметке и держась на расстоянии, он получил свою цену. Капрес, для которого Филипп, по предложению Пармы, отправил комиссию в качестве губернатора Артуа и Эсдена, был вынужден отказаться от этих должностей, несмотря на его предыдущее "примирение" и "кровь и воду" Джона Сарразена. Гент не был доволен даже этими гердонами, но настоял на том, чтобы командовать всей кавалерией, включая артиллерийский полк, который вместе с солидным жалованием был назначен Лалейну в качестве платы за его измену, в то время как "маленький граф" — вспыльчивый, как его маленький и воинственный кузен, подвиги которого были описаны на предыдущих страницах этой истории — смело обвинил Парму и короля в обмане с обещанной наградой, чтобы угодить дворянину, чьи услуги были менее ценными, чем услуги семьи Лалейн. Получив таким образом львиную долю, благодаря, как он думал, своей хорошо известной храбрости и военным талантам, а также мощному семейному влиянию, которым он обладал — его брат, принц Эспиноа, наследственный сенешаль Эно, также примкнувший к партии короля, — Гент шутливо намекнул Парме на свое намерение приобрести двух лучших лошадей из конюшен принца в обмен на тех, которые были потеряны при Жамблуре, в этом катастрофическом сражении он командовал кавалерией штатов. Он также отправил Фарнезе двух терьеров, надеясь, что они "окажутся скорее полезными, чем красивыми". Возможно, принц так же отнесся бы к измене виконта.

Джон Саррасен, всесовершенный приор, в награду за свои труды получил от Филиппа аббатство Святого Вааста, самое богатое и влиятельное церковное учреждение в Нидерландах. В последующий период его благодарный государь назначил его архиепископом Камбре.

Таким образом, "смуты в Аррасе", как их называли, закончились. Госсон, уважаемый, богатый, красноречивый и добродетельный адвокат; вместе со своими коллегами — все католики, но в то же время патриоты и либералы — умер смертью преступников за свою неудачную попытку

спасти свое отечество от церковного и продажного заговора; в то время как актеры заговора, все хорошо исполнившие свои роли, получили по полной программе призы и аплодисменты.

Частный договор, по которому валлонские провинции Артуа, Эно, Лилль, Дуэ и Орши объединились в отдельную лигу, был подписан 6 января 1579 г.; но окончательные приготовления к примирению недовольных дворян и их солдат были завершены только 6 апреля, в этот день на горе Сент-Элуа был подписан секретный документ.

Тайное течение интриги, однако, не текло совершенно гладко до этого безмятежного завершения. Напротив, здесь было много споров, сердечных ожогов, взаимных подозрений и взаимных обвинений. Между претендентами на королевские награды происходили ожесточенные споры. Лален и Капрес были не единственными недовольными, у которых были причины жаловаться на то, что их обманули в обещанной щедрости. Монтиньи, в пользу которого Парма недвусмысленно приказала Ла Мотту бережно относиться к деньгам королевской секретной службы, яростно обвинил губернатора Гравелина в получении большого запаса золота из Испании и в том, что он "запер негодяйские прилавки от своих друзей", так что Парме пришлось успокаивать барона и многих других баронов, оказавшихся в таком же затруднительном положении, из своего собственного кошелька. Все также горько жаловались на то, что король, чьи обещания были столь щедры для знати, пока ожидалось примирение, остался глух к их петициям и оставил их письма без ответа; после того, как дело было совершено.

Незадачливый приор Ренти, чьи разоблачения Ла Мотту относительно испанских сарказмов по поводу его продажности, едва не привели к провалу предварительных переговоров с этим сеньором, стал причиной еще большего зла из-за перехвата личных писем Алонсо Куриэля. Такие разоблачения коррупции и презрения со стороны коррупционеров были с готовностью привлечены к ответственности правительством штатов. В Монтиньи был отправлен специальный гонец с перехваченной корреспонденцией, сопровождаемый искренней молитвой о том, чтобы он не запятнал свой меч и свое благородное имя раболепием перед людьми, которые презирали даже тех, кто покупал предателей. Этот аристократ, одновременно сбитый с толку и раздраженный, на мгновение был склонен прислушаться к голосу чести и патриотизма, но размышления и одиночество побудили его прикарманить свои обиды и свой "мерсед" вместе взятые. Генеральные штаты также направили корреспонденцию властям провинции Валлония с красноречивым обращением, в котором просили их внимательно изучить жалкую роль, которую Ла Мотт сыграл в частной комедии, разыгрывавшейся в то время, и увидеть, как в зеркале, свое собственное положение, если они не отступят, пока не стало слишком поздно.

Единственный важный эффект, произведенный этим открытием, был на самого приора Ренти. Оттавио Гонзага, близкий друг дона Джона, а ныне пользующийся большим доверием в Парме, написал Ла Мотту, с негодованием отрицая правдивость сплетен Бьена Эме и утверждая, что ни он сам, ни кто-либо другой из джентльменов в его присутствии никогда не произносил ни слова в ущерб губернатору Гравелины. Он добавил, что если бы настоятель носил другой сюртук, равный по качеству его собственному, он заставил бы его проглотить свои слова или несколько дюймов стали. В таких же неистовых выражениях он адресовал письмо самому Бьену Эме. Очень скоро после этого, несмотря на свой мундир и звание, этот несчастный священнослужитель однажды темной ночью оказался в окружении двух солдат, которые

бросили его, тяжело раненного и истекающего кровью почти до смерти, на большой дороге, но оставшегося в живых. Он написал в Парму, рассказав о своих обидах и "ударе мечом в левое бедро", и потребовал "мерседес".

Приор оправился от этого затруднения только для того, чтобы впасть в другое, опубликовав то, что он назвал апологией, в которой он обвинил примилившуюся знать в равной степени неверности королевскому и мятежному правительству, и что, хотя "откормленный теленок был зарезан для них после того, как они так долго питались извращенными еретическими свиньями", на самом деле они были такими же мятежными, как и всегда, стремясь установить олигархию в Нидерландах и разделить территорию между собой, исключая суверена. Это, естественно, вызвало гнев виконта и других. Сеньор д'Оберлье в письме, написанном в том, что сам автор назвал "грубым стилем жандарма", обвинил приора в клевете на благородных лордов и — по излюбленному разговорному выражению того времени — в попытке "бросить кошку им на ноги". Однако настоящее преступление вмешивающегося священника состояло в том, что он выпустил это беспокойное животное из мешка. Соответственно, граф Лален снова подстерег его и бросил в тюрьму. Находясь в *durance*, он опубликовал униженное извинение за свои извинения, объяснив, что его намеки на "вернувшихся блудных детей", "еретических свиней" и "Содом и Гоморру" были совершенно неверно истолкованы. Однако он оставался под стражей до тех пор, пока Парма не распорядился о его освобождении на том основании, что наказание уже было достаточным за совершенное преступление. Затем он попросил назначить его епископом Сент-Омера, поскольку эта кафедра была вакантной. Парма посоветовал королю ни в коем случае не удовлетворять просьбу — приор не был наделен ни возрастом, ни благоразумием, необходимыми для такого сана, — но даровать какую-нибудь меньшую награду, в деньгах или иным образом, униженному священнослужителю, который оказал так много услуг и подвергся стольким опасностям.

Генеральные штаты и вся национальная партия с пророческим ужасом смотрели на приближающийся распад их общей страны. Они посылали депутацию за депутацией в валлонские государства, чтобы предупредить их об опасности и, по возможности, предотвратить роковую меру. Тем временем, поскольку в результате уже завершившегося движения "общность" быстро исчезала и действительно была всего лишь тенью своего прежнего "я", казалось необходимым предпринять энергичные усилия, чтобы восстановить что-то вроде единства в борющейся стране. Гентское умиротворение было их внешней стеной, достаточно широкой и прочной, чтобы окружить и защитить все провинции. Предательство и религиозный фанатизм подорвали этот бастион почти сразу, как только он был воздвигнут. Вся осажденная страна была в опасности оказаться полностью беззащитной перед врагом, который с каждым днем становился все более угрожающим. Как в осажденных городах, когда внешняя оборона рушится, внезапно возводится внутренний бруствер — так и энергия Оранжевых молча готовила Утрехтский союз в качестве временной защиты до тех пор, пока враг не будет отброшен назад, и у них должно быть время принять решение о дальнейших действиях.

В течение всего декабря принц и его брат Джон вели активную переписку с различными агентами в Гелдерланде, Фрисландии и Гронингене, а также с влиятельными лицами в более центральных провинциях и городах. Гелдерланд, естественный оплот Голландии и Зеландии, господствующий над четырьмя великими реками страны, к счастью, был передан под управление верного Джона Нассауского, поскольку эта провинция горячо выступала за более

тесный союз со своими братскими провинциями, и особенно с теми, которые более близки ей по религии и языку.

Уже в декабре (1578 г.) граф Джон от имени своего брата представил государствам Голландии и Зеландии, собравшимся в Горкуме, проект нового союза с "Гелдерландом, Гентом, Фрисландией, Утрехтом, Оверисселем и Гронингеном". Это предложение было одобрено, и были назначены уполномоченные для переговоров с другими уполномоченными в Утрехте всякий раз, когда их вызывал граф Джон. Принц, с молчаливостью и осторожностью, которые были присущи всей его политике, предпочел сам не быть очевидным инициатором этого плана. Он решил без необходимости не пугать эрцгерцога Матиаса — шифровальщика, который был помещен рядом с ним, чье внезапное вычитание привело бы к большим потерям, чем принесло бы пользу его присутствие. Он не хотел, чтобы его обвиняли в нарушении Гентского мирного договора, хотя весь мир знал, что этот договор безнадежно аннулирован. По этим и многим другим веским причинам он предложил, чтобы новый Союз был очевидным делом других рук и был предложен ему и стране только тогда, когда он будет почти завершен. В январе депутаты Гелдерланда и Зутфелта во главе с графом Джоном, штатгальтером этих провинций, встретились с депутатами Голландии, Зеландии и провинций между Эмсом и Лауверсом в начале января 1579 года, и 23 числа того же месяца, не дожидаясь больше депутатов других провинций, они в предварительном порядке согласовали союзный договор, который был опубликован впоследствии, 29-го, в Городской палате Утрехта.

Этот памятный документ, который всегда считался основой Нидерландской Республики, содержал двадцать шесть статей.

В преамбуле была сформулирована цель союза. Он заключался в укреплении, а не в отказе от Гентского мирного процесса, который уже был почти уничтожен силами иностранных солдат. С этой целью и для того, чтобы удобнее было защищаться от своих врагов, депутаты Гелдерланда, Зютфена, Голландии, Зеландии, Утрехта и фризских провинций сочли желательным заключить еще более тесный союз. Договаривающиеся провинции согласились оставаться вечно объединенными, как если бы они были всего лишь одной провинцией. В то же время подразумевалось, что каждый из них должен сохранить свои особые привилегии, свободы, похвальные и традиционные обычаи и другие законы. Города, корпорации и жители каждой провинции должны были пользоваться гарантиями в соответствии с их древними конституциями. Споры, касающиеся этих различных законов и обычаев, должны были разрешаться обычными трибуналами, "хорошими людьми" или путем полюбовного компромисса. Провинции, в силу Союза, должны были защищать друг друга "жизнью, имуществом и кровью" от любой силы, применяемой против них от имени короля. Они также должны были защищать друг друга от всех иностранных или внутренних властителей, провинций или городов, при условии, что такая защита контролировалась "общностью" союза. Что касается расходов, связанных с защитой провинций, то определенные пошлины и акцизы должны были оцениваться и взиматься в равной степени. Никакое перемирие или мир не мог быть заключен, никакая война не начиналась, никакой обман, затрагивающий "общность", не мог быть установлен иначе, как по единодушному совету и согласию провинций. По другим вопросам должно было приниматься решение большинством; голосование проводилось в порядке, обычном в то время в генеральной ассамблее штатов. В случае возникновения трудностей с проведением единогласного голосования, когда это требовалось, вопрос должен

был быть передан на рассмотрение акционеров, находившихся в то время в должности. В случае их неспособности прийти к соглашению, они должны были назначить арбитров, решением которых должны были руководствоваться стороны. Ни одна из соединенных провинций, ни из их городов, ни из корпораций не должны были заключать договоры с другими властителями или штатами без согласия своих союзников. Если соседние князья, провинции или города желали вступить в эту конфедерацию, они должны были быть приняты с единодушного согласия соединенных провинций. Для конфедерации должна была быть установлена общая валюта. В вопросе богослужения Голландия и Зеландия должны были вести себя так, как они считали нужным. Другие провинции союза, однако, должны были либо соблюдать религиозный мир, уже установленный эрцгерцогом Матиасом и его советом, либо принять такие другие меры, которые каждая провинция сама по себе сочтет подходящими для поддержания своего внутреннего спокойствия — при условии, что каждый человек всегда должен оставаться свободным в своей религии и что ни один человек не должен подвергаться преследованиям или допросам на предмет богослужения, как это уже было установлено Гентским мирным соглашением. Поскольку возник определенный спор относительно значения этого важного пункта, через несколько дней был добавлен дополнительный абзац. В нем говорилось, что не было намерения исключать из конфедерации какую-либо провинцию или город, которые были бы полностью католическими, или в которых число реформатов было недостаточно велико, чтобы дать им право, согласно религиозному миру, на публичное богослужение. Напротив, намерение состояло в том, чтобы принять их при условии, что они будут соблюдать устав союза и вести себя как хорошие патриоты; предполагалось, что ни одна провинция или город не должны вмешиваться в дела другого в вопросе божественного служения. Споры между двумя провинциями должны были разрешаться другими провинциями или — в случае, если речь шла об общности — положениями девятой статьи.

Конфедераты должны были собираться в Утрехте по первому требованию уполномоченных для этой цели. Большинство голосов должно было принять решение по вопросам, которые затем были переданы на их рассмотрение, даже в случае отсутствия некоторых членов конфедерации, которые, однако, могли прислать письменных доверенных лиц. Дополнения или поправки к этим статьям могут быть внесены только по единогласному согласию. Статьи должны были быть подписаны штатгальтерами, магистратами и высшими должностными лицами каждой провинции и города, а также всеми музыкальными коллективами, братствами и товариществами, которые могли существовать в городах или деревнях союза.

Таковы были простые положения этого документа, ставшего основой могущественного Содружества Объединенных Нидерландов. В день его заключения присутствовали депутаты только от пяти провинций. Граф Джон Нассауский подписал первым, как штатгальтер Гелдерланда и Зютфена. За его подписью последовали подписи четырех депутатов от этой двойной провинции; затем документ подписали посланники Голландии, Зеландии, Утрехта и фризских провинций.

Сам принц, хотя на самом деле и был главным руководителем движения, отложил постановку своей подписи до 3 мая 1579 года. Здесь им двигали уже изложенные причины и надежда, которую он все еще питал, что может быть создан более широкий союз с Матиасом в качестве его номинального главы. Его враги, как обычно, объясняли эту патриотическую задержку низменными мотивами. Они обвинили его в желании самому занять пост генерал-губернатора, исключая эрцгерцога, — инсинуация, которую штаты Голландии воспользовались случаем,

чтобы официально осудить как клевету. Для тех, кто изучал характер и историю этого человека, защита от подобной клеветы излишня. Матияс был всего лишь тенью, оранжевой субстанцией. Эрцгерцога приняли только для того, чтобы избежать пагубных последствий политической интриги, и с явным условием, что принц будет его генерал-лейтенантом номинально, а фактически его хозяином. Непосредственно после его отъезда в следующем году власть принца, которая номинально также отошла, была восстановлена в его собственном лице и специальным актом генеральных штатов.

Утрехтский союз был краеугольным камнем Нидерландской республики; но создатели конфедерации не имели в виду создание Республики или какого-либо независимого содружества. Они не отреклись от испанского монарха. В их намерения пока не входило отречься от него. Конечно, акт о союзе не содержал никаких намеков на такой важный шаг. Напротив, в краткой преамбуле они прямо заявили о своем намерении усилить Гентское умиротворение, а Гентское умиротворение признало повиновение королю. Они не предполагали никаких политических нововведений любого рода. Они однозначно принимали все как есть. Все законы, хартии и привилегии провинций, городов или корпораций должны были оставаться нетронутыми. Они не намеревались формировать ни независимое государство, ни независимую федеральную систему. Несомненно, формальный отказ от верности, который должен был последовать в течение двух лет, рассматривался многими как вероятность в будущем; но его нельзя было предвидеть с уверенностью.

Простой акт объединения не рассматривался как конституция содружества. Его цель была единственной — защита от иностранного угнетателя. Договаривающиеся стороны обязались потратить все свои сокровища и всю свою кровь на изгнание иностранной армии со своей земли. Для достижения этой цели они тщательно воздерживались от вмешательства во внутреннюю политику и религию. Каждый человек должен был поклоняться Богу в соответствии со своей совестью. Каждая группа граждан, от провинциальных штатов до самого скромного риторического клуба, должна была сохранить свою древнюю конституцию. Установление Республики, просуществовавшей два столетия, охватившей пояс богатых зависимостей по всему земному шару и достигшей столь замечательных высот коммерческого процветания и политического влияния, было результатом Утрехтской унии; но это не было преднамеренным результатом. Государству, единому по отношению к остальному миру, единому в своих внешних отношениях, допускающему внутри себя различные суверенитеты и институты, — во многих отношениях прототипу нашего собственного, гораздо более обширного и могущественного союза — было суждено возникнуть в результате акта, подписанного таким образом посланцами пяти провинций. Однако эти посланники действовали под давлением крайней необходимости и ради того, что считалось мимолетной целью. Будущая конфедерация не должна была походить на систему Германской империи, поскольку она не признавала ни одного главы. Оно должно было отличаться от Ахейского союза гораздо меньшим объемом власти, который оно предоставляло своему общему собранию, и, следовательно, большей долей суверенных атрибутов, которые сохранялись за отдельными государствами. С другой стороны, это должно было обеспечить более тесную и интимную связь, чем связь швейцарской конфедерации, которая была лишь союзом независимых в остальном кантонов для обороны и внешних целей. Наконец, оно должно было отличаться от американского федеративного содружества той важной чертой, что оно должно было быть просто конфедерацией суверенов, а не представительной республикой. Его основой был договор, а не конституция. Договаривающимися сторонами были государства и корпорации, которые считали себя

представителями малых народностей "де-юре и де-факто" и преемниками верховной власти в тот самый момент, когда от верности испанскому монарху был отказано. Генеральная ассамблея представляла собой собрание дипломатических представителей, связанных инструкциями независимых государств. Голосование проводилось не главами, а государствами. Депутаты были представителями не народа, а штатов; ибо народ Соединенных Штатов Нидерландов никогда не собирался — как это сделал народ Соединенных Штатов Америки два столетия спустя — для принятия конституции, в соответствии с которой они предоставили союзу щедрую власть, в то время как они сохранили достаточно суверенных атрибутов, чтобы обеспечить местное самоуправление, которое является основой свободы.

Утрехтский союз, хотя и сузившийся до нижней части этой страны, которая в целом могла бы образовать гораздо более могущественное содружество, изначально был доказательством этого прискорбного недостатка патриотизма. Если бы умеренные советы Вильгельма Оранского сдерживали зависть знати, ожесточение религиозных разногласий, католический фанатизм населения Валлонии, с одной стороны, и демократическое безумие населения Гента - с другой, было бы возможно объединить семнадцать провинций вместо семи и избежать многих долгих и губительных лет гражданской войны.

Однако Утрехтский союз имел неоценимую ценность. Пришло время предпринять какой-то шаг, чтобы не воцарилась анархия до тех пор, пока не будут восстановлены инквизиция и абсолютизм. Уже сейчас, из Хаоса и Ночи, грядущая Республика обретала сущность и форму. Союз, если и не создал ничего другого, то, по крайней мере, создал лигу против иностранного врага, вооруженные массы которого все быстрее и быстрее вливались на территорию провинций. Дальше этого он идти не собирался. Он сохранил то, что нашел. Он гарантировал свободу вероисповедания и признавал гражданскую и политическую конституции, которые уже существовали. Между тем недостатки этих конституций, хотя и были заметны и ощутимы, не достигли тех больших размеров, которых им было суждено достичь.

Таким образом, благодаря Утрехтской унии, с одной стороны, и быстро приближающемуся примирению валлонских провинций - с другой, работа по разложению и строительству пошла полным ходом.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Склонны выполнять такие обязательства — (посредством) неблагодарности
Подобно человеку, держащему волка за уши
Местное самоуправление, которое является основой свободы
Никто никогда не понимал искусство взяточничества более глубоко, чем ты
Не такой успешный, каким он рисовался
Грабит страну, которую они пришли защищать
Самонадеянность в присвоении себе звания христианина
Защищать общее спокойствие кровью, кошельком и жизнью
Республика, просуществовавшая два столетия
Бросьте кошку им под ноги
Поклоняйтесь Богу в соответствии с велениями его совести

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА II.

Маневр Пармы против Антверпена —Он захватывает Маэстрихт—Депутация и письма генеральных штатов из Брюсселя и из Пармы в провинции Валлонии—Активные переговоры Оранского и Фарнезе —Посланники Валлонии в лагере Пармы перед Маэстрихтом— Празднества—Договор о примирении—Ликования партии роялистов—Комедия, разыгрываемая в парижских театрах—Религиозные беспорядки в Антверпене, Утрехте и других городах—Религиозный мир, навязанный Оранскими— Неудачная попытка Филиппа Эгмонта захватить Брюссель—Осада Маэстрихта—Неудача при ворота Тонгр —Минирование и контрминирование— Частичное разрушение рavelина Тонгр—Одновременная атака на ворота Тонгр и Болль—ле-Дуо-Испанцы отбиты с большими потерями—Постепенные вторжения осаждающих—Кровавые бои —Город взят—Ужасная резня—Триумфальный въезд и торжественное благодарение —Клеветнические нападения на Оранского—Возобновившиеся беспорядки в Генте—Имбуэ и Датен—Присутствие запрошенного принца— Государственный переворот Имбуэ—Порядок восстановлен, и Имбуэ изгнан Оранским

Политические движения в обоих направлениях должны были быть ускорены военными операциями в начале сезона. В ночь на 2 марта 1579 года принц Пармский выступил с демонстрацией против Антверпена. Трехтысячный отряд шотландцев и англичан, стоявший у Боргерхаута, был быстро оттеснен, и завязалась жаркая перестрелка прямо под стенами города. Принц Оранский вместе с эрцгерцогом Матиасом, находившимся в то время в Антверпене, остался на укреплениях, руководя боем, и Парма была вынуждена отступить после часаили двух ожесточенных боев с потерей четырехсот человек. Однако эта демонстрация была всего лишь уловкой. Его истинный замысел был направлен на Мейстрихт; перед этим важным городом он появился с большим войском десять дней спустя, когда его меньше всего ожидали.

Хорошо укрепленный, окруженный широким и глубоким рвом; построенный по обе стороны Мааса, на правом берегу которого, однако, часть города была настолько незначительной, что называлась просто деревней Вик, этот ключ к немецким воротам Нидерландов, к сожалению, находился в храбрых, но слабых руках. Гарнизон насчитывал едва ли тысячу человек; обученные отряды бюргеров насчитывали еще тысячу двести человек; в то время как от трех до четырех тысяч крестьян, укрывшихся за городскими стенами, отлично несли службу в качестве саперов и минеров. С другой стороны, Парма предстал перед стенами с двадцатью тысячами человек; к этому числу он постоянно получал подкрепления. Епископ Льежский также прислал ему четыре тысячи первопроходцев — важнейшая услуга, поскольку добыча полезных ископаемых должна была решить судьбу Мейстрихта.

В начале января роялисты захватили укрепленный замок Карпен, расположенный по соседству с городом, после чего весь гарнизон был повешен при лунном свете на деревьях в саду. Комендант разделил их судьбу; и любопытно, что ровно за год до этого он повесил на том же месте капитана-роялиста Бломарта, который с веревкой на шее предсказал аналогичную участь своему разрушителю.

Принц Оранский, чувствуя опасность Маэстрихта, не теряя времени, предупредил штаты о необходимых мерах, умоляя их "не засыпать в тени мирных переговоров", в то время как в Парме тем временем перебросили два моста через Маас, выше и ниже города, а затем окружили это место так плотно, что всякое сообщение было полностью прекращено. Письма могли передаваться туда и обратно только с крайней опасностью для гонцов, и всякая возможность укрепить город в данный момент была отрезана.

Пока продолжалась эта насыщенная событиями осада, назревали переговоры с валлонами. Осада и конференции шли рука об руку. Помимо уже описанных секретных договоренностей об отделении валлонских провинций, было много серьезных и красноречивых протестов со стороны генеральных штатов и Оранжа — множество торжественных посольств и публичных обращений. Как обычно, умиротворением Гента был двусторонний щит, который висел между сторонами, прикрывая или оправдывая удары, наносимые каждой из них другой. Нет сомнений в истинном мнении королевской партии относительно этого знаменитого договора. "Благодаря Гентскому миру, - сказал святой Вааст, - все наши беды обрушились на нас". Ла Мотт сообщил Парме, что, однако, необходимо притворяться, что уважаешь "Умиротворение" из-за его популярности, но лидеры валлонского движения хорошо понимают, что целью было восстановление системы Карла Пятого. Парма выразил свое согласие использовать этот договор в качестве основы, "при условии, что он всегда будет толковаться здраво, а не искажаться придирками и зловещими вставками, как это делал принц Оранский". Недовольные генералы валлонских войск были невыразимо озабочены тем, чтобы не подвергнуть опасности дело религии; но аргументы, с помощью которых Парма убедил этих военных казуистов в совместимости Гентского мира со здоровой доктриной, уже были приведены. Влияние примирившейся знати оказало роковое воздействие на государства Артуа, Эно и часть французской Фландрии. Галльский элемент в их крови и сильная привязанность к римскому церемониалу, которые отличали валлонцев от их батавских братьев, были успешно использованы коварной Пармой для разрушения единства восставших Нидерландов. Более того, король предложил хорошие условия. Монарх, чувствуя себя в безопасности в религиозном плане, был готов давать либеральные обещания в политических вопросах. По правде говоря, больше всего валлоны жаловались на наглость и невыносимые бесчинства иностранных солдат. По их словам, только это вызвало их недовольство. Следовательно, очевидно, что это был сигнал Парме пообещать немедленный вывод войск. Это можно было сделать тем легче, что он не собирался выполнять обещание.

Тем временем Оранский и генеральные штаты, где его влияние все еще было первостепенным, предпринимали неустанные усилия по противодействию политике Пармы. Генеральная ассамблея назначила депутацию для посещения поместий валлонских провинций. Еще одна была направлена властями Брюсселя. Маркиз Гаврский с несколькими коллегами от имени генеральных штатов прислуживал виконту Гентскому, который принял их с крайней дерзостью. Он свирепо смотрел на них, не двигаясь, когда они были допущены к нему; "он был похож на мертвеца, из которого полностью вылетела душа". Оправившись впоследствии от этого каменного транса негодования, он потребовал ознакомиться с их инструкциями. В этом они вежливо отказались, поскольку были аккредитованы не при нем, а при штатах Артуа. При этих словах он пришел в ярость и пригрозил им суровым наказанием за то, что они осмелились прийти туда с такой изменнической целью. Короче говоря, по их собственному выражению, он обращался с ними "как с жуликами и бродягами". Маркиз Гаврский, каким бы высокородным он ни был, достаточно привык к подобному поведению. Человек, который последовательно служил

и предавал каждую партию, который был раболепным другом и явным врагом дона Джона в течение одних и тех же двух недель и который был способен проглотить и внутренне переварить множество оскорблений от этого пламенного воина, был даже рад стерпеть дерзость Роберта Мелана.

Бумаги, привезенные депутацией, были наконец представлены штатам Артуа, и ответы были получены столь же быстрые и горькие, сколь серьезны и красноречивы были обращения. Валлоны, когда их призвали придерживаться этой идеи национального единства, Гентского мира, ответили, что это не они, а еретическая часть генеральных штатов была за то, чтобы разрушить его до основания. Гентский мирный договор никогда не был направлен на то, чтобы подорвать верховенство католической религии, заявили эти провинции, которые уже были на грани того, чтобы навсегда отделиться от остальных. "Гентский мирный договор был явно направлен на уничтожение инквизиции и плакатов", - ответила национальная партия. Более того, "самой сутью этого договора" был уход иностранных солдат, которые уже тогда наводняли страну. Валлоны ответили, что Александр прямо признал вывод войск. "Не верьте флейтам и свирелям коварного врага", - призывали патриоты. "Обещаний дается достаточно много - но только для того, чтобы заманить вас на погибель. Ваши враги позволяют вам утолять свой голод и жажду этой пустой надеждой на отход войск, но вы все еще в оковах, хотя цепь сделана из испанской чеканки, которую вы принимаете за золотую". "Это не мы, - кричали валлоны, - хотим отделиться от общества; это общество отделяется от нас. Мы скорее умрем своей смертью, чем не сохраним союз. Однако в то же время они хвастались превосходными условиями, которые предлагал монарх, и своей сильной склонностью принять их". "Короли, стремящиеся вернуть утраченную власть, всегда обещают золотые горы и всякого рода чудеса", - ответили патриоты; но предупреждение было произнесено напрасно.

Тем временем депутация из Брюсселя прибыла 28 марта в Монс, что в Эно, где их с большой любезностью принял граф де Лален, губернатор провинции. Энтузиазм, с которым он поддерживал дело королевы Маргариты и ее брата Анжу, остыл, но граф принял брюссельских послов с добротой, резко контрастирующей с жестокостью Мелена. Он произнес много прекрасных речей, заявляя о своей приверженности союзу, за который был готов пролить последнюю каплю своей крови, развлекал депутатов за обедом, произносил тосты за процветание соединенных провинций и, наконец, отпустил своих гостей со множеством цветистых выражений. Однако после нескольких дней выступлений с танцами в поместьях валлонских провинций обе группы депутатов были предупреждены о немедленном отъезде как озорники и мятежники. Соответственно, они вернулись в Брюссель, привезя письменные ответы, которые поместья сообразовали прислать.

Генеральные штаты также, вдохновленные Вильгельмом Оранским, обратились с торжественным призывом к своим братским провинциям, собираясь таким образом навсегда разорвать узы родства. Казалось правильным раз и навсегда разобраться с Гентским мирным соглашением в последний раз и нанести последний удар в защиту этой масштабной государственной интерпретации, которая единственная могла оживить договор. Это было сделано красноречиво и логично. Валлонам напомнили, что в эпоху Гентского мира число реформаторов за пределами Голландии и Зеландии считалось небольшим. Теперь новая религия пустила свои корни по всей стране, и неисчислимые толпы людей жаждали ее исповедания. Если бы Голландия и Зеландия решили восстановить католическое богослужение в пределах своих границ, они явно могли бы сделать это, не нарушая Гентский мирный договор.

Почему же тогда другие провинции, в равной степени соблюдающие условия договора, не были уполномочены санкционировать реформированную религию в своих пределах?

Парма, со своей стороны, публично предложил генеральным штатам в письме поддержать Гентский мирный договор, приняв условия, предложенные валлонам, и восстановив систему императора Карла, пользующегося очень высокой памятью. На это излишнее приглашение генеральные штаты ответили 19 марта, что это была система императора Карла, светлой памяти, поддерживать верховенство католицизма и Величия в Нидерландах путем сжигания нидерландцев - обычай, от которого штаты с общего согласия сочли желательным избавиться.

В различных пылких обращениях оранжевых, генеральных штатов и других организаций колеблющиеся провинции предостерегались от соблазна. Им напомнили, что принц Пармский использовал эти незначительные переговоры "как вторую тетиву к своему луку"; что нет ничего более ребяческого, чем предполагать, что испанцы, захватив Маэстрихт, способны отослать свои войска, таким образом "бросив невесту в разгар медового месяца". Они выразили удивление по поводу того, что им предложили отказаться от великого и всеобщего договора, который был заключен на театре военных действий всего мира благодаря вмешательству главных князей христианского мира, чтобы принять участие в тайных переговорах с уполномоченными Пармы - людьми, "которые, нельзя отрицать, были преступниками и предателями". Они предупредили своих собратьев, чтобы они не садились на вражеские корабли в темноте, ибо, споря о цене путешествия, они обнаружат, что фальшивые лоцманы подняли паруса и увезли их ночью. Напрасно они тогда пытались бы снова добраться до берега. Пример Ла Мотта и других, "украшенных испанским золотом", должен быть спасительным для всех - людей, которых теперь гнали вперед кнутом, над которыми смеялись их новые хозяева и которых заставляли пить горький напиток унижения вместе со сладким ядом подкупа. Их предупредили внимательно изучить перехваченные письма Кюриэля, чтобы полностью понять глубокие замыслы и тайное презрение врага.

Таков был результат переговоров между генеральными штатами и провинциями Валлонии, и теперь, ближе к концу апреля, из этих провинций выехала сильная депутация, чтобы провести заключительную беседу с Пармой, которая тогда уже была занята осаждением Маэстрихта. На дороге их встретили с большой церемонией и проводили к Фарнезе с барабаном, трубой и развевающимися знаменами. Он принял их с величественной приветливостью в великолепно украшенном павильоне, небрежно пригласив на трапезу, которую он назвал послеполуденным обедом, но которая оказалась самым роскошным и великолепно обставленным развлечением. По окончании этого "пустякового банкета" депутатов с большим военным парадом сопроводили в апартаменты, которые были предоставлены для них в соседней деревне. Во время их визита всем высшим офицерам армии и домочадцам было приказано развлекать валлонов пышными празднествами, обедами, ужинами, танцами и кутежами всех видов. На одном из самых блестящих из этих празднеств — великолепном балу, на который были приглашены все матроны и служанки со всей округи, — неожиданно появился сам принц Пармский. Он мягко упрекнул артистов за то, что они проявили такое великолепное гостеприимство, по крайней мере, не позволив ему воспользоваться им. Очаровательно приветливый с дамами, собравшимися в бальном зале, вежливый, но слегка сдержанный по отношению к валлонским посланникам, он вызывал всеобщее восхищение великолепной благопристойностью своих манер. Когда он двигался по залам, меряя шагами в такт музыке, достоинство и грация его манер казались поистине величественными; но когда он действительно танцевал сам, энтузиазм был на пике.

"Им действительно следовало бы быть крестьянами, - воскликнули валлонские посланники в один голос, - если бы они сразу не протянули руку дружбы столь снисходительному и дружелюбному принцу". Это восклицание, казалось, воплощало общее пожелание и предвещало скорый финал.

Вскоре после этого было подписано предварительное соглашение между правительством короля и провинциями Валлонии. Положения со стороны его Величества были достаточно либеральными. Религиозный вопрос не представлял никаких препятствий, Филиппу было сравнительно легко казаться доброжелательным. Было оговорено, что провинциальные привилегии должны соблюдаться; что генерал-губернатором всегда должен быть член семьи самого короля, законнорожденный, и что иностранные войска должны быть немедленно выведены. Официальный обмен и ратификация этого договора были отложены до 4 сентября следующего года, но новость о том, что примирение было окончательно урегулировано, вскоре распространилась по стране. Католики были в приподнятом настроении, патриоты встревожены. Оранж - "Князь тьмы", как любили называть его валлонцы того времени, — все еще не желая отчаиваться, не желая мириться с этим расчленением, которое, как он предвидел, должно было стать вечным для его любимой страны, обратился с самыми страстными и торжественными заклинаниями к провинциям Валлонии и их военным вождям. Он предложил всех своих детей в качестве заложников за его добрую волю свято соблюдать любое соглашение, которое его соотечественники-католики могли захотеть заключить с ним. Это было напрасно. Этот шаг был сделан безвозвратно; религиозный фанатизм, патрицианская зависть и массовый подкуп навсегда разделили Нидерланды надвое. Друзья романизма, враги гражданской и религиозной свободы, ликовали от одного конца христианского мира до другого, и было признано, что Парма действительно одержала победу, которая, хотя и бескровная, была столь же важна для дела абсолютизма, как любая, которую мог одержать даже его меч.

Радость католической партии в Париже проявлялась по-разному. В главном театре была показана грубая пантомима, в которой его католическое величество был представлен на сцене, ведя за повод лоснящуюся корову, олицетворяющую Нидерланды. Животное внезапным усилием порвало веревку и дико запрыгало вокруг. Александр Пармский поспешил соединить фрагменты вместе, в то время как различные персонажи, представляющие генеральные штаты, схватили ее за рога, одни прыгали ей на спину, другие призывали прохожих помочь удержать норовистое животное. Император, король Франции и королева Англии — причем было замечено, что последняя улыбалась то одной партии, то другой, изображая глубокое сочувствие, — оставались неподвижны; но герцог Алансонский бросился на сцену и схватил корову за хвост. Затем появились принц Оранский и Ганс Казимир с ведром и принялись деловито доить ее, когда Александр снова схватил недоуздок. Корова взбрыкнула, опрокинула ведро, одним пинком повергла Казимира ниц, другим - Оранжа, а затем послушно последовала за Пармой, когда он повел ее обратно к Филиппу. Это кажется не слишком "достойным восхищения дурачеством", но вежливым парижанам шестнадцатого века оно пришлось по вкусу, и историки-классики сочли его достойным упоминания.

Валлонское соглашение было в глазах друзей абсолютизма благоприятной прелюдией к переговорам, которые начались в мае месяце в Кельне. Прежде чем как можно быстрее обрисовать эти знаменитые, но безрезультатные конференции, необходимо, ради единства повествования, бросить взгляд на некоторые синхронные события в разных частях Нидерландов.

Успех, достигнутый католической партией на переговорах в Валлонии, вызвал соответствующую горечь в сердцах реформаторов по всей стране. Как обычно, горечь породила горечь; нетерпимость породила нетерпимость. 28 мая 1579 года, когда католики Антверпена праздновали Оммеганг — тот самый праздник, который был волнующей причиной памятных волнений шестьдесят пятого года, — раздражение населения невозможно было подавить. Толпа в ярости поднялась, чтобы подавить эти демонстрации — которые в связи с недавними событиями казались несвоевременными и дерзкими — религии, приверженцы которой в то время составляли лишь незначительное меньшинство жителей Антверпена. Поднялась большая суматоха. Погибли два человека. Эрцгерцогу Матиасу, который сам находился в соборе Нотр-Дам и помогал на церемонии, угрожала опасность для его жизни. Хорошо известный крик "паапен уит" (долой папистов) разнесся по улицам, и все священники и монахи были изгнаны из города под шквал проклятий. Оранж сделал все возможное, чтобы подавить мятеж, и его усилия не были бесплодными, поскольку шумиха, хотя и была мятежной и позорной, вряд ли была кровопролитной. На следующий день принц созвал магистратуру, совет понедельника, должностных лиц гильдии и всех главных муниципальных чиновников и выразил свое возмущение в решительных выражениях. Он возразил, что, если подобные беспорядки, порожденные тем самым духом нетерпимости, о котором он больше всего сожалеет, не могут быть подавлены в будущем, он полон решимости уйти в отставку и больше не влиять на власть в городе, где его советы высмеиваются. Магистраты, встревоженные его угрозами и сочувствующие его гневу, умоляли его не покидать их, заявляя, что, если он сложит свои полномочия, они немедленно сложат свои собственные. Затем был составлен и немедленно провозглашен в Городском доме указ, разрешающий католикам вернуться в город и пользоваться привилегиями религиозного богослужения. В то же время было объявлено, что новый проект религиозного мира будет немедленно опубликован для принятия каждым городом.

Аналогичное волнение, возникшее по той же причине в Утрехте, привело к тому же результату. С другой стороны, город Брюссель был поражен слабыми и безуспешными попытками государственной измены, предпринятыми юношей, носившим знаменитое имя. Филипп, граф Эгмонтский, старший сын несчастного Ламорала, командовал полком на службе у штатов. Кроме того, при его особе находился небольшой отряд кавалерии. В течение некоторого времени он, подобно Лаланам, Меланам, Ла Моттам и другим, был склонен примириться с короной, и он мудро рассудил, что предоставленные ему условия были бы более либеральными, если бы он мог привезти с собой столицу Брабанта в качестве мирной жертвы его величеству. Его резиденция находилась в Брюсселе. Его полк был расквартирован за воротами, но в непосредственной близости от города. Утром 4 июня он отправил своих солдат — как это часто бывало у него — с различными поручениями в деревню. По возвращении, созвав полк, они легко справились с охраной у ворот, через которые они вернулись, и перебили ее, заменив ее людьми из своих собственных рядов. Затем эгмонтский полк маршем прошел через ворота в хорошем порядке — граф Филипп во главе - и занял позицию на Гранд-Плас в центре города. Все это было на рассвете. Горожане, выглянувшие из своих домов, были поражены и сбиты с толку этим движением в столь необычный час и поспешили схватиться за оружие. Эгмонт послал отряд, чтобы овладеть дворцом. Он опоздал. Полковник Ван дер Тимпел, комендант города, заранее был с ним, взял свои войска под ружье и теперь охранял мятежный отряд. Тем временем распространилась тревога. Вооруженные горожане выходили из каждого дома, и на каждой из узких улочек, ведущих к площади, были поспешно возведены баррикады. Все

вопросы были закрыты. Ни один из приверженцев Эгмонта — если у него действительно были приверженцы среди горожан — не осмеливался показаться на глаза. Молодой предатель и весь его полк, выстроенный на Гранд-Плас, оказались в полной западне. Он не брал Брюссель, но Брюссель, несомненно, взял его. Весь день его продержали в самопровозглашенной тюрьме и у позорного столба, разрываясь от ярости и стыда. Его солдаты, лишенные мяса и питья, стали дерзкими и шумными, и он также был обречен выслушивать горькие и вполне заслуженные насмешки горожан. Тысячи едких насмешек, вызванных его именем и местностью, были безжалостно брошены в его адрес. Его спросили, пришел ли он сюда за головой своего отца. Ему напомнили, что завтра годовщина убийства этого отца на этом самом месте — те, с кем сын теперь заключит свой предательский мир. Ему было приказано вырвать всего несколько камней из мостовой у себя под ногами, чтобы кровь героя взывала к нему из самой земли.

Слезы стыда и ярости брызнули из глаз молодого человека, когда он слушал эти едкие сарказмы, но ночь опустилась на ту памятную площадь, а граф по-прежнему оставался пленником. Одиннадцать лет назад летние звезды смотрели сверху вниз на более плотное скопление вооруженных людей в этом месте. Приготовления к помпезной и драматической казни, которая завтра должна была потрясти всю Европу, проводились среди притихшего и охваченного благоговейным страхом населения; и теперь, в ту самую годовщину полуночи, в которую поднялся этот эшафот, разве величественный призрак жертвы не должен был подняться из могилы, чтобы отчитать своего сына-предателя?

Таким образом, целый день и ночь сбитый с толку заговорщик был вынужден оставаться в позорном положении, которое он сам для себя избрал. Утром 5 июня по какой-то необъяснимой милости ему было разрешено уехать вместе со всеми его последователями. Он выехал из ворот на рассвете, презренный, с павшим гербом, во главе своего отряда предателей, и вскоре после этого, грабя на ходу черные кольчуги, направился в апартаменты Монтины.

После такого разоблачения могло показаться естественным, что Филипп Эгмонт смирился со своей репутацией отступника и признался в своем намерении примириться с убийцами своего отца. Напротив, он направил письмо в магистратуру Брюсселя, яростно отрицая "любое намерение присоединиться к партии пагубных испанцев", горячо протестуя против своего рвения и привязанности к штатам и осуждая "извращенных изобретателей этой клеветы против него как злейших врагов бедной, страдающей страны". Магистраты ответили, выразив свою неспособность понять, как граф, пострадавший от злодейских обид со стороны испанцев, о которых он никогда не мог в достаточной степени сожалеть или отомстить, вообще мог захотеть поработить себя этим тиранам. Тем не менее, именно в момент написания этой переписки Эгмонт вел тесные переговоры с Испанией, за пятнадцать дней до даты своего письма в брюссельский сенат передав в Парму свое решение "встать на сторону его Величества и древней религии" — намерение, которое, как он хвалился, доказал, "перерезав глотки трем ротам солдат штатов в Нивелле, Гранмоне и Нинове". Парма уже написал, чтобы сообщить обо всем королю и просить поддержки для графа. В сентябре монарх написал Эгмонту письмо, полное благодарности и обещаний, на которое граф ответил, выразив живое удовлетворение тем, что его величество доволен его небольшими услугами, признавшись в глубокой привязанности к Церкви и королю и горячо попросив денег вместе с правительством Алосты. Вскоре он стал необычайно настойчиво добиваться наград и продвижения по службе, требуя, среди прочих должностей, командования "артиллерийским полком", который принадлежал его отцу. Парма, в ответ, был расточителен на обещания, напомнив молодому дворянину, "что он

служит государю, который хорошо знает, как вознаградить выдающиеся подвиги своих подданных". Таков был язык Филиппа Второго и его наместника по отношению к сыну обезглавленного героя Сен-Кантена; такова была раболепная покорность, с которой Эгмонт мог поцеловать эту королевскую руку, пропитанную кровью его отца.

Тем временем осада Маэстрихта продвигалась с неуклонной точностью. Военным умам той эпохи — возможно, и более поздних эпох — это достижение Пармы казалось шедевром искусства. Город господствовал над верховьями Мааса и был воротами в Германию. В нем проживало тридцать четыре тысячи человек. Против него была выставлена армия, насчитывавшая почти столько же Душ; и число смертей, которыми в конце концов был осуществлен его захват, вероятно, было равно числу жертв части населения. Для технического ума осада, без сомнения, казалась прекрасным творением человеческого интеллекта. Честному изучающему историю, любителю человеческого прогресса такое проявление интеллекта кажется достаточно печальным проявлением. Учитывая, что город с крепкими стенами и башнями, слабым гарнизоном и преданным населением с одной стороны; непревзойденный вождь с другой, за его спиной армия ветеранов, которому нечего бояться, и впереди долгий сезон работы; неискушенному уму не показалось бы очень высоким подвигом для солдата взять город после четырех месяцев тяжелого труда.

Инвестиция в Маэстрихт была начата 12 марта 1579 года. В городе, помимо населения, насчитывалось две тысячи крестьян, как мужчин, так и женщин, гарнизон из тысячи солдат и обученная городская гвардия численностью около тысячи двухсот человек. Военного коменданта звали Мельхиор. Себастьян Таппин, лотарингский офицер с большим опытом и храбростью, был следующим по старшинству и, по правде говоря, главным руководителем операций. Он был направлен туда принцем Оранским для службы под началом Ла Нона, который должен был командовать в Мейстрихте, но не смог войти в город. Чувствуя, что осада будет длительной, и зная, как много зависит от исхода, Себастьян, не теряя времени, сделал все необходимые приготовления к предстоящим событиям. Стены были укреплены повсюду; были прорыты валы, готовясь к операциям по разминированию, которые вскоре должны были стать необходимыми; ров был углублен и расчищен, а форты возле ворот подверглись тщательному ремонту. С другой стороны, Александр окружил город и перебросил через реку два хорошо укрепленных моста. В город вели шесть ворот, каждый из которых был снабжен рavelинами, и возникло сомнение, в каком направлении следует предпринять первую атаку. Мнения разделились между воротами Буа-ле-Дюк, расположенными рядом с рекой, и воротами Тонгр на юго-западной стороне, но в конце концов было решено атаковать ворота Тонгр.

Против этого пункта были соответственно построены платформы, и после того, как сильная канонада из сорока шести больших орудий продолжалась несколько дней, к 25 марта считалось, что на город было произведено впечатление. Часть кирпичной завесы обвалилась, но через пролом была видна массивная территория, хорошо окруженная рвом, которая после шести тысяч выстрелов, уже произведенных по внешней стене, все еще оставалась невредимой. Было признано, что ворота Тонгра были не самой неприступной, а скорее самой сильной частью обороны, и поэтому Александр решил перенести свои батареи к воротам Буа-ле-Дюка. В то же время покушение на Тонгреша должно было быть разнообразным, но не прекращаться. Епископ Льежский выделил четыре тысячи шахтеров, которые провели половину своей жизни в поисках угля в этом антрацитовом регионе, и теперь эти силы были направлены на подземную работу. После того как на некотором расстоянии была открыта шахта,

осаждающие медленно продвигались к воротам Тонгреша, в то время как более очевидные операции велись в противоположном направлении. У осажденных тоже были свои шахтеры, потому что крестьяне в городе привыкли работать мотыгой и киркой. Женщины тоже записывались в роты, выбирали себе офицеров — или "горничных", как их называли, — и ежедневно несли хорошую службу в пещерах земли. Таким образом, целая армия гномов бесшумно работала над разрушением и защитой осажденного города. Шахта приближалась к воротам; осажденные копали глубже и пересекли ее поперечной выемкой, и противоборствующие силы ежедневно сходились в смертельной схватке в этих могильных проходах. Было задействовано множество хитростей. Горожане тайно построили плотину поперек испанской шахты, а затем облили своего врага бочками с кипятком. Таким образом, сотни были ошпарены до смерти. Они навалили веток и хвороста во враждебную шахту, подожгли эту кучу и пустили по проходу густые клубы дыма с помощью органных мехов, специально привезенных из церквей. Многие из них были таким образом задушены. Сбитые с толку осаждающие покинули шахту, где они столкнулись с таким умелым контрразведчиком, и в полночь тайно прорыли еще одну шахту на большом расстоянии от ворот Тонгреса. Однако все еще приближаясь к этой точке, они ныряли в темноту, ориентируясь к месту назначения с помощью магнита, отвеса и уровня, как моряк пересекает бездорожный океан с помощью компаса и карты. Они беспрепятственно продвигались вперед, пока не прибыли в свой подземный порт, прямо под обреченным равелином. Здесь они построили просторное помещение, поддержав его колоннами и выполнив все свои архитектурные решения с такой точностью и элегантностью, как если бы их цель была чисто эстетической. Затем по полу во всех направлениях были расставлены сундуки, наполненные порохом в огромном количестве, поезд был накрыт, и Пармесообщили, что все готово. Александр, уже выстроив войска, предназначенные для штурма, затем лично направился к устью шахты и отдал приказ заминировать ее. Взрыв был чудовищной силы; от сотрясения рухнула часть башни, и ров был завален кучами мусора. Нападавшие перескочили через образовавшийся таким образом проход и овладели разрушенной частью форта. Однако в проломе их встретили непоколебимые защитники города, и после ожесточенного боя, длившегося несколько часов, они были вынуждены отступить, оставаясь, однако, хозяевами рва и разрушенной части равелина. Это было 3 апреля.

Через пять дней после этого был отдан приказ о генеральном штурме. Поскольку в направлении равелина Тонгр уже была сооружена новая мина, а у ворот Буа-ле-Дюк в течение двух недель велась непрерывная канонада, было сочтено целесообразным атаковать сразу с обеих сторон. Соответственно, 8 апреля, объединившись в молитве и выслушав речь Александра Фарнезе, огромная масса испанской армии двинулась к пролому. Ров во многих местах стал пригодным для строительства благодаря кучам мусора, которыми он был завален, а также хворосту и земле, которыми его засыпали осаждающие. Действо у ворот Буа-ле-Дюк было чрезвычайно теплым. Испытанные ветераны Испании, Италии и Бургундии были встречены лицом к лицу бюргерами Маэстрихта вместе со своими женами и детьми. Все были вооружены до зубов и сражались, казалось, со сверхчеловеческой отвагой. Женщины, свирепые, как тигрицы, защищающие своих детенышей, устремились к стенам и сражались в первых рядах. Они выплескивали на осаждающих ведра с кипятком, они швыряли им в лицо головни; они с безошибочной ловкостью закручивали себе на шею горячие обручи со смолой. Крестьяне тоже, вооруженные своими тяжелыми цепями, работали на этой кровавой уборке так же бодро, как если бы обмолачивали кукурузу у себя дома. Они от души рассекали ряды роялистов, пришедших их

разделявать, и захватчики падали густо и быстро, храбро сражаясь, но сбитые с толку этим новым оружием, которым пользовались крестьяне и женщины, приходя на помощь мечу, копью и мушкету обученных солдат. Более тысячи человек пало у ворот Буа-ле-Дюк, и все еще свежие осаждающие прорывались в брешь только для того, чтобы быть отброшенными назад или пополнить изуродованную грудку убитых. У ворот Тонгреса, тем временем, штурм шел не лучше. Туда в спешке послали герольда, который должен был кричать во всю глотку: "Сантьяго! Сантьяго! лангобарды захватили ворота Буа-ле-Дюка!", в то время как та же самая уловка была использована, чтобы убедить захватчиков на другой стороне города, что их товарищи взломали ворота Тонгра. Солдаты, воодушевленные этой выдумкой и с яростью наступавшие на знаменитый равелин, который был разрушен лишь частично, были встречены залпом из больших орудий той части, которая не подверглась разрушению, и грохотом мушкетных залпов со стен. Они немного поколебались. В то же мгновение новая мина — которая должна была быть заложена между равелином и воротами, но которая была тайно обезврежена горожанами, взорвалась с ужасным грохотом, которого осаждающие меньше всего ожидали. Пятьсот роялистов взлетели на воздух. Ортиса, испанского капитана инженерных войск, инспектировавшего раскопки, выбросило из подземных глубин. Он тут же снова упал в ту же пещеру и был погребен ответным дождем земли, хлынувшим из шахты. Сорок пять лет спустя, при раскопках фундамента новой стены, был найден его скелет. Одетый в полные доспехи, шлем и кираса все еще в целости, с золотой цепью на шее, с мотыгой и киркой у ног, солдат лежал невредимый, казалось, почти готовый возобновить свое участие в той же войне, которая — даже после его полувекового сна — все еще опустошала землю.

Пятьсот испанцев погибли от взрыва, но никто из защитников не пострадал, так как они были готовы. Оправившись от минутной паники, осаждающие снова бросились в атаку. Битва бушевала. Шестьсот семьдесят офицеров, как рядовых, так и унтер-офицеров, уже пали, более половины были смертельно ранены. Четыре тысячи роялистов, ужасно изуродованные, лежали на земле. Пришло время заканчивать дневную работу, поскольку Маастрихт по этому случаю сдавать не собирались. Лучшие и храбрейшие из оставшихся в живых офицеров умоляли Парму положить конец резне, отозвав войска; но гладиаторское сердце командира было разгорячено, а не смягчено этим диким зрелищем. "Возвращайтесь к пролomu, - крикнул он, - и скажите солдатам, что Александр идет, чтобы с триумфом повести их в город или погибнуть вместе со своими товарищами". Он бросился вперед с яростью, которая отличала его, когда он поднялся на борт галеры Мустафы в Лепанто; но все генералы, находившиеся рядом с ним, бросились ему на пути и умоляли его воздержаться от такой безумной опрометчивости. Их упреки, вероятно, были бы напрасны, если бы его близкий друг Сербеллони не вмешался с чем-то вроде отеческой властности, напомнив ему о строгих указаниях, содержащихся в недавних письмах его Величества, согласно которым генерал-губернатор, которому так много было доверено, должен воздерживаться под страхом королевского неудовольствия от того, чтобы подвергать свою жизнь опасности, как обычный боец.

Александр, наконец, неохотно подал сигнал к отступлению и смирился с поражением. В будущем он решил больше полагаться на саперов и минеров и меньше на превосходство ветеранов над горожанами и крестьянами в открытом бою. Уверенный, что наконец-то отвоеует город в соответствии с линией и правилами, преисполненный решимости провести все лето под стенами, а не отказываться от своей цели, он спокойно продолжил свой обход. Цепь из одиннадцати фортов на левом берегу и пяти на правом берегу Мааса, соединенных сплошной стеной, обеспечивала ему полную безопасность от перебоев и позволяла не спеша продолжать

осаду. Его многочисленная армия была хорошо расквартирована и обильно снабжена, и он построил сильный и густонаселенный город, чтобы разрушить другой. Помощь была невозможна. Но теперь для защиты импровизированного города Фарнезе требовалось несколько тысяч человек, в то время как основная часть его армии могла в любой момент выступить против наступающего врага. Семитысячный отряд, с трудом собранный принцем Оранским, двинулся к этому месту под командованием Гогенло и Иоанна Нассауского, но, пораженные увиденным, вожди осознали безнадежность попыток оказать помощь. Мейстрихт был окружен вторым Мейстрихтом.

Теперь усилия "Оранжевых" были неизбежно направлены на то, чтобы добиться, по возможности, перемирия на несколько недель от участников переговоров в Кельне. Однако Парма была слишком хитра, чтобы позволить Терранове согласиться, и поскольку герцог отказывался от какой-либо власти в прямом вопросе о мире и войне, осада продолжалась. Ворота Буа-ле-Дюка и Тонгра до сих пор сопротивлялись примененной к ним силе, поэтому сцена была перенесена на ворота Брюсселя. Он примыкал к острову Тонгрес, был дальше всего от реки и выходил окнами на запад, в сторону открытой местности. Здесь осажденные построили дополнительный рavelин, который они в насмешку окрестили "Пармским" и против которого теперь были пущены в ход пармские батареи. Александр возвел платформу огромной протяженности и прочности прямо напротив нового сооружения, и после сильной и постоянной канонады с этого возвышения, за которой последовали кровавые бои, форт "Парма" был взят. По меньшей мере тысяча защитников пала, когда, вынужденные постепенно переходить от одной обороны к другой, они видели, как тройные стены их равелина рушатся у них на глазах. Башня была полностью уничтожена до того, как они покинули ее руины и отступили в пределы своей последней обороны. Александр, который теперь был хозяином фосы и укреплений брюссельских ворот, собрал большие силы на обеих сторонах этих ворот, вдоль края рва, и начал минировать под внутренней стеной города.

Тем временем гарнизон сократился до четырехсот солдат, почти все из которых были ранены: уставшие и доведенные до отчаяния, эти солдаты были готовы оказать помощь. Горожане, однако, ответили на это предложение яростными криками и заявили, что они собственными руками уничтожат гарнизон, если подобная инсинуация повторится. Себастьян Таппин тоже подбадривал их надеждой на скорое облегчение и рассказывал им о плачевных последствиях того, что они полагаются на милосердие своих врагов. Гарнизон снова воспрянул духом, в то время как настроение бюргеров и их жен никогда не ослабевало. Теперь их главная надежда была на укрепление, которое они возводили внутри брюссельских ворот, — полустанок значительной прочности. За ним был бруствер из дерна и каменной кладки, который должен был служить последним бастионом, когда любая другая оборона будет взята под контроль. Все это было окружено рвом глубиной тридцать футов, и осаждающие, когда они взобрались на бреши, которые они наконец проделали во внешней стене возле брюссельских ворот, впервые увидели это новое укрепление.

Общее состояние оборонительных сооружений и расположение жителей были раскрыты Александру дезертиром из города. Против этой последней крепости были теперь направлены последние усилия врага. Александр приказал перекинуть мост через городской ров. Поскольку он имел шестьдесят футов в ширину и столько же в глубину и находился прямо под орудиями нового демилуна, предприятие было достаточно рискованным. Александр лично шел впереди, с молотком в одной руке и мотыгой в другой. Двое мужчин упали замертво мгновенно, по одному

от его правой и левой руки, в то время как он спокойно начал лично забивать первые сваи для моста. Его солдаты быстро падали вокруг него. Граф Берлаймон был застрелен, многие выдающиеся офицеры были убиты или ранены, но ни один солдат не осмелился отступить, в то время как их предводитель сражался под пулями, как обычный первопроходец. Александр, невредимый, словно чудом, не покидал этого места до тех пор, пока не был построен мост и пока по нему не перевезли десять больших пушек и не наставили их на демилун. Батарея была открыта, ранее выкопанные мины взорвались, часть разминирования взлетела на воздух, и нападавшие бросились в брешь. Снова завязалась яростная рукопашная схватка; снова, после упорного сопротивления, горожане были вынуждены уступить. Медленно покидая разрушенный форт, они отступили за бруствер в его тылу — свою самую внутреннюю и последнюю защиту. За этот барьер они цеплялись, как за мачту при кораблекрушении, и вот, наконец, они остановились в бухте, готовые дорого продать свои жизни.

Бруствер, будучи все еще прочным, в тот день не строился. Нападавшие были отозваны, а тем временем из Пармы был послан вестник, высоко оценивавший мужество защитников и умолявший их сдаться по своему усмотрению. Они ответили гонцу словами высокомерного вызова и, бросившись всей толпой к брустверу, принялись за лопаты, кирки и совки, чтобы усилить его. Здесь все трудоспособные мужчины города заняли свои постоянные посты, и здесь они ели, пили и спали на своих постах, в то время как еду им приносили женщины и дети.

Небольшое письмо, "написанное прекрасным аккуратным почерком", теперь таинственным образом прибыло в город, ободряя их от имени эрцгерцога и принца Оранского и заверяя их в освобождении в течение четырнадцати дней. Таким образом, возникло краткое оживление, сопровождавшееся соответствующей вялостью со стороны осаждающих, поскольку Александр лежал больной лихорадкой с того дня, как был перенесен демилун. Лежа на постели больного, он сурово упрекал своих офицеров в том, что временный бруствер, окруженный хамами и бюргерами в разгар осады, должен оказаться непреодолимым препятствием для людей, которые сделали все, что было до них. На завтра был праздник святых Петра и Павла, и было справедливо, что столь священный день должен быть освящен христианской и апостольской победой. Святой Петр был бы там со своими ключами, чтобы открыть ворота; святой Павел повел бы их на битву своим непобедимым мечом. Были отданы соответствующие приказы, и штурм был назначен на следующее утро.

Тем временем охрану усилили, и ей приказали быть более бдительной, чем обычно. Предписание возымело замечательный эффект. Глубокой ночью часовой солдат совершал свой обход снаружи бруствера, прислушиваясь, если ему удавалось уловить, что не было чем-то необычным, обрывок разговора между осажденными бюргерами внутри. Осматриваясь со всех сторон, он, наконец, обнаружил щель в стене, возникшую, несомненно, в результате последней канонады и до сих пор не замеченную. Он увеличил щель пальцами и, наконец, проделал отверстие, достаточно широкое, чтобы пролезть самому. Он смело пролез в щель и огляделся при ясном свете звезд. Все часовые дремали на своих постах. Он крадучись продвигался по темным улицам. Ни один часовой не совершал свой обход. Солдаты, горожане, дети, женщины, измученные непрестанной усталостью, все спали. Не было слышно ни звука шагов; ни один шепот не нарушал тишины; казалось, это город мертвых. Солдат прокрался обратно через расщелину и поспешил сообщить своему начальству о своем приключении.

Александр, немедленно проинструктированный относительно состояния города, немедленно отдал приказ о штурме, и последняя стена была внезапно взята штурмом еще до наступления утра. Солдаты пробивались через брешь или перепрыгивали через бруствер и, наконец, застали врасплох — во сне — город, который так долго и яростно оборонялся. Бюргеры, пробудившиеся ото сна, сбитые с толку, неподготовленные, оказались втянутыми в неравный бой с бдительными и свирепыми врагами. Битва, как обычно, когда нидерландские города были застигнуты врасплох солдатами Филиппа, вскоре превратилась в резню. Горожане метались туда-сюда, но не было ни спасения, ни средств сопротивления врагу, который теперь тысячами вливался в город. Последовала беспорядочная резня: женщины, старики и дети - все были участниками боевых действий; и все, следовательно, навлекли на себя месть победителей. Раздался крик агонии, который был отчетливо слышен на расстоянии лиги. Матери брали своих младенцев на руки и сотнями бросались в реку Маас - и жажда крови нападавших была особенно направлена против женщин. Женщины, которые ежедневно сражались в окопах, копались в шахтах и собирались на крепостных стенах, потеряли сексуальность в глазах тех, чьих товарищей они помогли уничтожить. Ничего страшного в том, что они отбросили женскую слабость, чтобы защитить все, что было для них свято и дорого на земле. Достаточно было того, что многие испанские, бургундские или итальянские наемники погибли от их рук. Женщин преследовали от дома к дому и сбрасывали с крыш и окон. За ними охотились в реке; их разрывали на части прямо на улицах. Мужчинам и детям жилось не лучше; но сердце сжимается от часто повторяемых историй. Ужасы, увы, были обычным явлением в Нидерландах. Жестокость, слишком чудовищная, чтобы ее можно было описать, слишком обширная, чтобы в нее мог поверить человек, не знакомый с бесчинствами, творимыми солдатами Испании и Италии над своими собратьями-еретиками, теперь совершалась с новой силой на улицах Мейстрихта.

В первый день были убиты четыре тысячи мужчин и женщин. Резня продолжалась на два дня дольше; и это не было бы преувеличением, если предположить, что количество жертв за два последних дня было вдвое меньше, чем в первый. Говорили, что после окончания осады в живых осталось не более четырехсот горожан. Они вскоре разбрелись, их места заняла толпа валлонских маркитантов и бродяг. Мейстрихт не только был захвачен, но и обезлюдел. Добыча, полученная после резни, была очень большой, поскольку город был очень процветающим, а производство тканей в нем было обширным и важным. Себастьян Таппин, героический защитник этого места, был ранен в плечо при взятии Пармского равелина, а впоследствии был тяжело ранен при взятии демилюна. При падении города он был смертельно ранен и в плену переправился во вражеский лагерь, где скончался. Губернатор Шварценберг также погиб.

Александр, напротив, был поднят с постели больного радостной вестью о победе и, как только смог прийти в себя, появился в городе. Восседавая в великолепном парадном кресле, которое несли на плечах его ветераны, с золотым балдахином над головой, защищавшим его от летнего солнца, в сопровождении офицеров его штаба, которые по его особому приказу были облачены в самые яркие наряды, в сопровождении его телохранителей, сопровождаемый его "войсками с плюмажами" численностью в двадцать тысяч человек, окруженный всеми удобствами войны, герой величественно въехал в город. Его путь лежал через пустынные улицы с разрушенными домами. Мостовая была красной от крови. Обезглавленные трупы, искалеченные конечности - непристойная масса убожества и разложения была разбросана повсюду и отравляла летний воздух. Через процветающий город, который Александр за четыре месяца превратил в бойню и уединение, помпезная процессия направилась к церкви Сен-Серве. Здесь была вознесена

смиренная благодарность Богу Любви и Иисусу из Назарета за эту новую победу. Особая благодарность была выражена апостолам Павлу и Петру, в честь праздника которых, с помощью чьего меча и ключа была совершена высшая милость, и благодаря чьему особому содействию восемь тысяч еретиков теперь лежат непогребенными на улицах. Совершив эти акты благочестия, триумфальная процессия вернулась в лагерь, где вскоре после этого была объявлена радостная весть о полном выздоровлении Александра Фарнезе.

Принца Оранского, как обычно, обвинили в трагическом завершении этой долгой драмы. Все, что мог сделать один человек, он сделал для того, чтобы привлечь внимание своих соотечественников к важности осады. Он неоднократно торжественно поднимал этот вопрос перед собранием и чуть ли не на коленях умолял за Мейстрихта. Вялые и скупые штаты отреагировали на его красноречивые призывы пререканиями с адресатом и недостаточным количеством голосов. С помощью специальной субсидии, полученной в апреле и мае, он организовал небольшую попытку оказания помощи - это было все, на что он был уполномочен, но которая оказалась совершенно безуспешной. Теперь, когда кровавая расправа, которую нужно было предотвратить, была совершена, люди громко порицали тех, кто был молчалив и пассивен, пока еще было время говорить и работать. Они сказали, что это был принц, который предал на бойню так много тысяч своих соотечественников. Чтобы спасти себя, они намекнули, что теперь он замышляет отдать страну во власть вероломного француза, и только он, по их утверждению, является непреодолимым препятствием на пути к почетному миру с Испанией.

Письмо, доставленное неизвестным посыльным, было положено перед ассамблеей штатов на полном заседании и отправлено на стол секретаря для зачитывания вслух. После первых нескольких предложений этот функционер запнулся в своем выступлении. Несколько членов также безапелляционно приказали ему прекратить; поскольку письмо оказалось жестокой и клеветнической клеветой на Оранжа, наряду с решительным призывом в пользу мирных предложений, которые тогда обсуждались в Кельне. Принц единственный из всего собрания, сохраняя спокойствие, приказал принести ему документ и немедленно сам прочитал его вслух, от начала до конца. Впоследствии он воспользовался случаем, чтобы высказать свое мнение по поводу непрекращающейся клеветы, свидетелем которой он был. Он особенно сослался на часто повторяемое обвинение в том, что он был единственным препятствием на пути к миру, и повторил, что готов в этот момент покинуть страну и навсегда закрыть рот, если тем самым он сможет принести пользу своей стране и вернуть ей почетный покой. Протест, сопровождавшийся заявлениями о привязанности и доверии, которые сразу же вырвались из собрания, убедил его, однако, в том, что он глубоко укоренился в сердцах всех патриотически настроенных нидерландцев и что клеветникам не под силу ослабить его власть над их привязанностью.

Тем временем от него снова и снова требовались усилия по восстановлению порядка в этой обители анархии, городе Генте. После его визита прошлой зимой и последующего отъезда Яна Казимира в пфальц, мирные договоренности, достигнутые принцем, в течение короткого времени оставались в силе. Однако в начале марта этот мастер плохого правления, Джон ван Имбиз, вновь подстрекнул население к мятежу. Снова имущество католиков, духовных лиц и мирян, было разграблено; снова с личностями католиков всех степеней жестоко обращались. Магистраты во главе с первым сенатором Имбизе скорее поощряли, чем порицали беспорядки; но Оранж, как только получил официальную информацию о произошедшем, поспешил обратиться к ним со словами серьезного предупреждения и мудрости. Он допустил, что у

жителей провинции были основания быть недовольными присутствием и неправомерным поведением валлонских солдат. Он признал, что насилие и угрозы иностранной тирании затрудняют добывание средств к существованию честными бюргерами. В то же время он выразил удивление по поводу того, что разумные люди должны искать средство от такого зла в беспорядках, которые неизбежно приведут к полному разрушению страны. "Это было, - заметил он, - как если бы пациент от нетерпения сорвал повязки со своих ран и, подобно маньяку, вместо того, чтобы позволить вылечить себя, вонзил кинжал в собственное сердце".

Эти увещевания на мгновение возымели благотворное действие, но вскоре дела пошли все хуже и хуже. Имбиз, опасаясь влияния принца, позволил себе открыто оскорблять человека, характер которого он был даже не в состоянии понять, он обвинил его в интригах с Францией ради собственной выгоды, в том, что он переодетый папист, в желании установить то, что он называл "религиозным миром", просто для восстановления римского идолопоклонства. Во всем этом безумном бреде демагогу наиболее умело помогал бывший монах. Непрерывными и нелицеприятными были оскорбления, которые Питер Датенус обрушивал со своей кафедры на голову Уильяма Молчаливого. Он осудил его — как часто делал раньше — как атеиста в душе; как человека, который менял свою религию так же легко, как одежду; как человека, который не знал Бога, кроме государственной целесообразности, которая была идолом его поклонения; простого политика, который сорвал бы со спины рубашку и бросил бы ее в огонь, если бы считал, что она запятнана религией.

Такое безмозглое, но яростное осуждение со стороны проповедника, который был одновременно популярен и сравнительно искренен, не могло не поразить воображение более слабой его части - целителей. Фракция Имбизе торжествовала победу. Рыхов — негодяй, чьи руки были запятнаны недавней кровью Виша и Хессельса, — скорее нанес ущерб, чем послужил делу поддержания порядка. Он противопоставлял себя демагогу, который ежедневно разглагольствовал о Греции, Риме и Женеве, в то время как его духовный сподвижник обличал Вильгельма Оранского, но напрасно противопоставлял себя. Попытка заполучить персону Имбизе провалилась, но, однако, под влиянием Рыхова в Антверпен был отправлен гонец от имени значительной части общины Гента. Мы снова обратились к совету и присутствию человека, к которому инстинктивно обращались сердца во всех уголках Нидерландов в трудную минуту.

Принц снова обратился к ним на языке, который никто, кроме него, не мог использовать с таким эффектом. Он сказал им, что его жизнь, проведенная в служении и самопожертвовании, должна быть достаточным свидетельством его верности. Тем не менее, он счел необходимым — ввиду распространявшейся клеветы — еще раз повторить свое мнение о том, что ни о каком договоре о мире, войне или союзе не следует вести переговоры иначе, как с согласия народа. По его словам, его поездка в Голландию и Зеландию доказала его готовность всегда прислушиваться к пожеланиям своих соотечественников. Что касается вопроса религии, то было почти невероятно, чтобы нашелся кто-то, кто усомнился в том рвении, с которым он относился к религии, за которую он так много страдал. "Я желаю, - пылко продолжал он, - чтобы люди сравнили то, что было сделано моими обвинителями за последние десять лет, с тем, что сделал я. В том, что касается истинного развития религии, я никому не уступлю. Те, кто так смело обвиняет меня, не имеют свободы слова, кроме той, которая была приобретена для них кровью

моих сородичей, моими трудами и моими чрезмерными расходами. Мне они обязаны тем, что вообще осмеливаются говорить. Это письмо (датированное 24 июля 1579 г.) содержало заверение, что автор собирался посетить Гент.

На следующий день Имбиз совершил государственный переворот. Имея в своем распоряжении отряд численностью около двух тысяч солдат, он внезапно заручился поддержкой всех магистратов и других известных личностей, не дружественных его политике, а затем, в нарушение всех законов, учредил новый совет из восемнадцати безответственных функционеров, согласно списку, составленному им одним. Это был его способ обеспечить демократическую свободу Греции, Рима и Женевы, которая была так близка его сердцу. Немедленно была выпущена прокламация из четырнадцати статей, оправдывающая это произвольное действие. Было заявлено, что целью этой несколько нерегулярной меры "было предотвращение установления религиозного мира, который был всего лишь методом восстановления выкорчеванного папизма и искорененной тирании в Испании". Хотя это соглашение не было заключено в строгом соответствии с формальными обычаями и церемониями, тем не менее они защищались на том основании, что другими средствами было невозможно сохранить их древние вольности и свободу вероисповедания. В то же время была широко распространена брошюра, уже подготовленная Датеном по этому случаю. В этой постановке произвольная революция, произведенная демагогом, защищалась с бесстыдством, в то время как персонаж Оранжа был нагружен обычными оскорблениями. Утверждалось, что эти незаконные меры были мудро приняты, чтобы помешать предателю прибыть в Гент и установить то, что он называл своим религиозным миром.

Таковы были усилия Джона Имбайза — таковы были клеветнические измышления Питера Датена — направленные на противодействие патриотическим устремлениям принца; но ни хулиганству Джона, ни клевете Питера в данном случае не суждено было увенчаться успехом. Вильгельм Молчаливый отнесся к клевете бранившегося монаха с достойным презрением. "Будучи проинформирован, - сказал он магистратам Гента, - что мастер Питер Датенн осуждал меня как человека без религии и верности, полного амбиций, с другими предложениями, которые вряд ли подходят ему по стилю; я не думаю, что сейчас стоит отвечать больше, чем то, что я охотно доверяю суждению всех, кто меня знает".

Принц прибыл в Гент, несмотря на все усилия Имбизе и его сторонников предотвратить его приезд. Его присутствие было подобно волшебству. Демагог и вся его паства исчезли, как нечистые птицы с первыми лучами солнца. Имбизе не осмеливался взглянуть в лицо Отцу своей страны. Оранж упрекнул население в резких и возмущенных выражениях, которые общественная и частная добродетель, энергия и высокая цель позволили такому лидеру народа использовать. Он сразу же распустил совет восемнадцати - греко-римско-женевское учреждение Имбизе — и оставался в городе до тех пор, пока не состоялись очередные выборы в соответствии с привилегиями. Имбиз, который съезжился при его приближении, тем временем был обнаружен своими же товарищами. Он тайно улизнул в ночь перед прибытием принца и был найден съезжившимся в каюте судна, полумертвым от страха, хозяином пивной, который был его горячим сторонником. - Не прячься! - воскликнул честный друг, схватив народного трибуна за плечо. - Не уплывай ночью. Вы втянули нас всех в это болото и должны вернуться и обсудить этот вопрос со своими сторонниками".

В этом рухнувшем государстве ветреный демагог, наполнивший половину Фландрии своим голосом и яростью, предстал перед принцем-патриотом. Он столкнулся с серьезными и горькими упреками, но почувствовал значительное облегчение, когда ему позволили уйти невредимым. Судя о своей вероятной участи по обычной практике его самого и его товарищей в подобных случаях, он не ожидал ничего, кроме виселицы. Это наказание, однако, должно было быть назначено позже, другими руками, и не раньше, чем он добавит измену своей стране и бесстыдный отказ от всех своих насильственных занятий в пользу гражданской и религиозной свободы к списку своих преступлений. В данном случае ему было разрешено выйти на свободу. Вместе со своим компаньоном-священнослужителем Петером Датеном он бежал в обитель своего замечательного друга Джона Казимира, который принял обоих с распростертыми объятиями и назначил каждому из них пенсию.

Таким образом, усилиями принца порядок в Генте был снова восстановлен, когда никакая другая человеческая рука не смогла бы рассеять анархию, которая, казалось, царила безраздельно, Вильгельм Молчаливый, приняв правительство Фландрии, к которому его снова и снова принуждали, вернулся в Антверпен.

ГЛАВА III.

Кельнские конференции—Намерения сторон—Предварительная попытка правительства приобрести принца Оранского—Предложение и отклонение различных статей среди полномочных представителей—Уход имперского комиссара—Ультиматум Штатов по сравнению с ультиматумом королевского правительства—Бесплодные переговоры прекращены—Измена Де Бура, губернатора Мехлина—Либеральные теории, касающиеся природы правительства—Неизбежное отречение Филиппа—Самоотречение Оранского—Позиция Германии—Англии—Переговоры о браке между Елизаветой и Анжу—Оранский выступает за избрание герцога сувереном—Обращение и речи принца—Порицаемые скупость и межпровинциальная ревность—Тайная переписка графа Реннеберга с королевским правительством—Его измена в Гронингене.

С начала мая переговоры в Кельне тянулись медленно. Мало кто верил, что эти величественные и тяжеловесные конференции приведут к чему-либо хорошему; и все же люди так устали от войны, так желали положить конец атрофии, в которой пребывала страна, что многие нетерпеливые взгляды были обращены к месту, где августейшее собрание проводило свою затянувшуюся сессию. Конечно, если бы мудрость можно было найти в головах в митрах, если бы силу исцелять гневные страсти и улаживать противоречащие друг другу притязания на прерогативы и совесть нужно было искать среди людей высокого положения, тогда Кельнские конференции должны были бы сгладить неровности и выпрямить извилистые пути во всем христианском мире. Там был архиепископ Россано, впоследствии папа Урбан VII, в качестве полномочного представителя от Рима; там был Карл Арагонский, герцог Терранова, которого поддерживали пять советников, в качестве посла от его католического Величества; там были герцог Эрсхот, аббат Святой Гертруды, аббат Маролеса, доктор Бухе Айтта, Каспар Шец, лорд Гроббендонк, который изучал фризский, Аггеус ван Альбада и семь других мудрецов в качестве посланников от генеральных штатов: там были их Светлости курфюрст и архиепископы Кельна и Трева вместе с епископом Вюрцбурга. Присутствовало также многочисленное посольство его Императорского величества во главе с графом Отто де Шварценбургом.

Тогда здесь в изобилии царили святость, безмятежность, достоинство, закон и ученость. Здесь был папа "в отряде", с архиепископами, принцами, герцогами, юристами и докторами богословия "in esse", достаточный, чтобы переделать мир, если миры можно переделать с помощью таких инструментов. Если протоколы, копии, аннотации, апостилы могли исцелить истекающую кровью страну, то здесь были врачи, которые поставляли эти лекарства в неограниченном количестве. Если пачки бумаги, исписанные варварскими техничными каракулями, могли задушить и похоронить ссору, истоки которой лежали во взаимном антагонизме человеческих элементов, то здесь были люди, которые писали не дрогнув, пока пачки не были сложены в пирамиду. Если бы одна и та же идея, представленная во многих аспектах, могла обрести дополнительную жизнь, вот были бы словоблуды, которые могли бы облечь одну дрожащую мысль в сто тысяч одеяний, пока она не достигла бы всего величия, которое могло бы придать украшение. По правде говоря, посланники прибыли из Испании, Рима и Вены, снабдив их всего двумя идеями. Разве это не дипломатический шедевр, что из этого скромного запаса они смогли выкроить семь смертных месяцев переговоров? Две идеи — верховенство прерогативы его Величества и исключительное исповедание римско-католической религии — были началом и конечной целью их совершения. На этих двух струнах они должны были играть, по крайней мере, до тех пор, пока не падут стены Мейстрихта. Посланники хорошо исполнили свой долг; их послали разыграть торжественную комедию, и они самым величественным образом прошли все свои роли. Не то чтобы король был настроен воинственно; напротив, он искренне устал от войны. Прерогативы устали, романизм устал, Совесть устала, Дух Свободы устал, но принц Оранский не устал. Кровь и сокровища лились так обильно в течение двенадцати пылающих лет, что все, кроме этого единственного спокойного духа, начали ослабевать.

В то же время ни у одной из сторон не было больше желания уступать, чем желания сражаться. Конечно, королевская партия не имела ни малейшего желания уступать. Король согласился на легкие условия для валлонов, потому что по одному важному вопросу религии не было разногласий, а по остальным не было намерения сохранять веру. Что касается нынешних переговоров, то было желательно выиграть немного времени. Считалось вероятным, что религиозные различия, разумно урегулированные на данном этапе, могут быть использованы для окончательного разделения провинций, так недавно объединенных в единый союз. "Чтобы разделить их, - писал Тассис в очень конфиденциальном письме, - нельзя найти лучшего способа, чем развлечь их этими мирными переговорами. Кто-то готов к умиротворению из-за своего желания покоя, кто-то из-за страха войны, кто-то из-за разногласий, которые существуют между ними и которые особенно важно сохранять живыми ". Прежде всего, было желательно поддерживать религиозное отвлечение до тех пор, пока не будет взят Мейстрихт. Эта осада была ключом ко всей ситуации. Если бы удалось тихо заключить сепаратное соглашение с Валлонией в уголке, пока Парма штурмовала этот оплот на Маасе, и пока благопристойные переговоры на Рейне шли своим чередом, можно было бы надеяться, что значительная дезорганизация была бы успешно завершена до конца года.

"Что касается приостановки вооружений, - писал Александр Терранове 21 мая, - то чем дольше это откладывается, тем лучше. Что касается Маэстрихта, то от него зависит все, чем мы обладаем или желаем обладать. Действительно, если принц Оранский сможет освободить город, он это сделает. Если он это сделает, ни эта наша экспедиция, ни какая-либо другая не будет доведена до хорошего конца. Как только люди поймут, что наши дела обстоят плохо, они

снова придут к настоящему союзу, и все объединятся в надежде осуществить свое хвастовство ". Поэтому было естественно, что сторонники мира в Кельне усердно выполняли свою задачу.

Нежелательно тревожить большую часть этого ученого праха после его трехсотлетнего покоя. Краткий очерк хода судебного разбирательства с указанием духа, который воодушевлял противоборствующие стороны, будет всем, что необходимо. Они пришли и разошлись с совершенно противоположными взглядами. "Желания Террановы и поместий, - говорит роялист Тассис, - были диаметрально противоположны друг другу. Король желал, чтобы исповедание римско-католической религии было установлено исключительно, а абсолютная прерогатива сохранялась в ее целостности ". С другой стороны, провинции желали своих хартий и религиозного мира. По этим бесконечным линиям и изгибам проходили асимптотические переговоры от начала до конца — и так могло продолжаться два столетия, без надежды на совпадение. Ни одна из сторон еще не была побеждена. Недавно объединенные провинции были не более готовы, чем раньше, признать, что Святая Канцелярия является частью их национальных институтов. Деспотическая фракция не была готова отказаться от этого учреждения. Расстроенная, но не обескураженная, инквизиция сидела, как бельдаме, на границе, бессильно угрожая стране, из которой она была навсегда изгнана; в то время как трудолюбивые, как Парки, с прялкой в руках сидели в Кельне неумолимые трое — Испания, Империя и Рим — мрачно пряли и разрывали паутину смертных судеб.

Первый шаг в разбирательстве был секретным. Если каким—либо образом принца Оранского можно было оторвать от его партии - если с помощью подкупа, каким бы огромным он ни был, его можно было заставить отказаться от шаткого дела и уехать в страну своего рождения, — ему ясно, но косвенно давали понять, что ему остается только назвать свои условия. Мы видели, к чему приводят аналогичные утверждения, сделанные доном Джоном Австрийским. Вероятно, не было на свете человека, который захотел бы четко применить эту бесчестную природу к Отцу своей страны. Эршоты, Меланы, Лалены и множество других дворян имели свою цену, и их легко было передавать от одного к другому, но сделать прямое предложение Вильгельму Оранскому было нелегко. Они знали, — как он сказал вскоре после этого в своем знаменитом Извинении, — что "ни за имущество, ни за жизнь, ни за жену, ни за детей он не подмешал бы в свою чашу ни капли измены". Тем не менее, ему отчетливо дали понять, что "нет ничего, чего он мог бы потребовать для себя лично, чего не было бы предоставлено". Все его конфискованное имущество, восстановление его заключенного сына, свобода вероисповедания для него самого, выплата всех его долгов, возмещение всех его прошлых расходов и все остальное, чего он только мог пожелать, было в пределах его досягаемости. Если бы он решил удалиться в другую страну, его сыну могли бы передать во владение все его города, поместья и звания, а ему самому выплатить компенсацию в Германии; сверх того, он получил бы миллион денег в качестве вознаграждения. Императорский посланник, граф Шварценбург, поклялся своей личной честью и репутацией, что каждое обещание, которое может быть дано принцу, будет свято выполнено.

Все было напрасно. Косвенные обращения имперских уполномоченных к его слугам и ближайшим родственникам оказались совершенно безуспешными. Принца нельзя было втягивать в переговоры от его имени или ради его собственной выгоды. Если поместья были удовлетворены, был удовлетворен и он. Он не хотел никаких условий, кроме их; "и при этом он не хотел прямо или косвенно, - сказал он, - отделять себя от причины, на которой зависело все его зло или счастье". Он знал, что целью врага было лишить страну ее главы, и никаких

стимулов было недостаточно, чтобы сделать его участником заговора. В то же время он не желал в своем лице препятствовать заключению почетного мира. Он ушел бы в отставку со своих постов, которые занимал по просьбе всей страны, если бы таким образом переговоры могли быть более успешными. "Принц Пармский и разобщенные провинции, - сказал он генеральным штатам, - делают вид, что рассматривают эту войну как войну, ведущуюся против меня и от моего имени, как будто вопрос касается только имени и личности генерала. Если это так, я прошу вас подумать, не потому ли это, что я всегда был верен стране. Тем не менее, если я являюсь препятствием, я готов устранить его. Поэтому, если вы, чтобы лишить врага всякого права обвинять нас, сочтете уместным выбрать другого главу и проводника ваших дел, я обещаю вам служить ему и быть послушным ему от всего сердца. Таким образом, мы не оставим врагу опоры, чтобы сеять между нами раздоры". Таков был его язык общения с друзьями и врагами, и вот, по крайней мере, один человек в истории, которого короли не были достаточно богаты, чтобы купить.

18 мая посланники штатов в Кельне представили четырнадцать статей, требующих свободы религии и древних политических хартий. Религия, говорили они, должна быть обращена не к человеку, а к Богу. Ему король подчинялся так же, как и народ. И король, и народ — "а под народом подразумевался каждый человек в стране" — были обязаны служить Богу по своей совести.

Имперские посланники сочли такую формулировку крайне предосудительной и немедленно отказались в качестве судей рассматривать четырнадцать статей. Другие, составленные Террановой и его коллегами, воплощавшие претензии королевской и римской партии, были затем торжественно представлены и так же быстро отклонены. Затем имперские судьи выступили с двумя пакетами предложений, предварительно одобренных испанскими полномочными представителями. В политической сфере требовалось повиновение королю, "как во времена императора Карла". Религиозная категория провозгласила, что "римская религия — за исключением всех остальных — отныне должна исповедоваться во всех провинциях". Посланники штатов сочли обе эти категории более неприемлемыми, чем условия Террановы, и было выражено удивление по поводу того, что "следует снова упомянуть эдикты — как будто еще недостаточно крови было пролито во имя религии".

Послы Нидерландов также ясно дали понять имперским уполномоченным, что в случае, если мир не будет заключен в ближайшее время, "штаты немедленно объявят короля утратившим свою суверенность"; навсегда освободят народ от присяги ему на верность и, вероятно, примут герцога Анжуйского вместо него. Генеральные штаты, в который были направлены имперские предложения, также отклонили эти статьи в ходе логической и исторической аргументации немилосердной длины.

Обращение, тайно направленное имперскими и испанскими комиссарами, посланниками штатов в самих штатах и даже к жителям различных провинций, вызвало гнев полномочных представителей. Они громко жаловались на это нарушение всего дипломатического этикета, и ответ генеральных штатов, полностью подтверждавший взгляды их послов, не уменьшил их гнева.

13 ноября 1579 года посланники штатов были приглашены в зал совета имперских уполномоченных, чтобы выслушать последние торжественные слова уходящих чиновников. По их словам, они напрасно ждали семь месяцев, когда посланники штатов согласятся на

умеренные требования. Теперь терпение лопнуло. Более того, их посреднические взгляды стали предметом резкого высмеивания по всей стране, в то время как власти многих городов публично заявили, что все жители скорее умрут, чем примут такие условия. Миротворцы, соответственно, с бесконечными заверениями в своей собственной чистоте, мудрости и доброжелательности, оставили все "в руках Бога и заинтересованных сторон".

Ответ на это тщательно продуманное прощание был кратким и несколько резковатым. "Если бы они знали, - сказали посланники штатов, - что их прозрачные пленки и достоинства не имели лучших намерений, а герцог Терранова не имел более масштабного поручения, все дело могло бы быть улажено не за шесть месяцев, а за шесть дней".

Так завершились совещания, и имперские уполномоченные отбыли. Тем не менее, Шварценбург еще некоторое время оставался в Кельне, в то время как посланники пяти государств также затянули свое пребывание, чтобы заключить личный мир с королем. Едва ли нужно напоминать, что главным из этих кающихся был герцог Эрсхот. Ультиматум штатов был передан уезжающими посланниками Шварценбургу, и сравнение его условий с условиями, предложенными имперскими посредниками как наилучшими, которые можно было получить от Испании, показывает безнадёжность мнимых переговоров. Вывод иностранных войск, возвращение всего конфискованного имущества, безоговорочное признание Гентского мирного договора и бессрочного эдикта, назначение на должности только местных жителей, принесение присяги на верность королю и генеральным штатам, исповедание реформированной религии и Аугсбургского исповедания во всех местах, где оно тогда публично практиковалось, - таковы были основные требования патриотической партии.

В секретных инструкциях, переданных штатами своим посланникам, им было велено настаивать на абсолютной необходимости, если он желает сохранить провинции, игнорировать исповедание реформатского и аугсбургского вероучений. "Новая религия пустила слишком глубокие корни, - настаивали на этом, - чтобы когда-либо вырваться наружу, кроме как с разрушением всей страны".

Таким образом, после семи унылых месяцев переговоров, после составления протоколов и меморандумов объемом в десять тысяч листов августейшие дипломаты добрались до пунктов, с которых они по отдельности начинали. С одной стороны, неограниченные прерогативы и исключительный католицизм; с другой, конституционная свобода со свободой совести как для католиков, так и для протестантов: таковы были требования, которые каждая сторона озвучила в начале и которых они с одинаковой твердостью придерживались при закрытии конференций.

Конгресс обошелся дорого. Хотя для политического или религиозного прогресса человечества было сделано не так уж много, за семь месяцев в Кельне было много превосходной еды и питья. Эти засушливые обсуждения нуждались в увлажнении. Епископ Вюрцбургский выпил "восемьдесят бочек рейнского вина и двадцать больших бочонков пива". Расходы посланников государств составили двадцать четыре тысячи гульденов. Архиепископ Кельнский израсходовал сорок тысяч талеров. Обсуждения были, в целом, чрезвычайно пагубными для дела провинций, "и одна важная персона" написала генеральным штатам, что на короля не повлияло ничего, кроме желания посеять раздор. Это было преувеличением, поскольку его величеству было бы очень приятно принять всю страну на тех же условиях, на которые были приняты валлонами. Тем временем эти южные провинции заключили отдельный договор, и

Нидерланды оказались надолго разделены. Мейстрихт пал. Разобщенность и смятение овладели страной.

В течение года со штатами произошли и другие серьезные несчастья. Предательство, даже среди людей, которые сослужили добрую службу делу свободы, ежедневно проявлялось в ее ненавистном облике. Не только великие вожди, возглавлявшие Недовольную валлонскую партию, с непостоянным Эршотом и колеблющимся Гавром в придачу, заключили сепаратное примирение с Пармой, но и эпидемическая измена овладела такими смелыми сторонниками, как сеньор де Бур, человек, чьи услуги по спасению цитадели Антверпена были столь мужественными и ценными. Он был губернатором Мехлина; граф Реннеберг был губернатором Фрисландии. Обоим безоговорочно доверяли Оранж и сословия; оба были накануне того, чтобы отплатить за оказанное им доверие самой подлой изменой.

Уже было известно, что Парма вмешался в дела Де Бура, но Реннеберг все еще оставался вне подозрений. "Принца, - писал граф Джон, - покинула вся знать, за исключением штатгальтера Фрисландии и меня, и у него нет другого человека, на которого он мог бы положиться". Братья были обречены на грубое пробуждение от сна в связи с Реннебергом, но ранее измена менее важного функционера должна была нанести значительный, но менее продолжительный ущерб национальной партии.

В Мехлине жил монах-кармелит, обладавший смелым характером и большим красноречием; человек, который "своим сладким, ядовитым язычком всегда мог убедить людей выполнять его приказы". Этот опасный монах, Питер Люпус, или Питер Вольф, по имени, задумал вернуть Мехлин принцу Пармскому и получить епископство Намюр в награду за свои услуги. С этой целью он полностью овладел умом смелого, но беспринципного Де Бура. Между Пармой и губернатором немедленно завязалась переписка, и в город были тайно введены войска. Принц Оранский от имени эрцгерцога и поместий тщетно пытался вернуть влюбленного губернатора к исполнению его долга. Тщетно он письмо за письмом умолял его быть верным своей собственной яркой славе, столь благородно заслуженной. Старого друга Де Бура, который, как и он сам, был католиком, тоже наняли, чтобы сделать ему замечание. Этот джентльмен, по имени Де Фромон, написал ему много писем; но Де Бур выразил свое удивление тем, что Фромон, которого он всегда считал добрым католиком и добродетельным джентльменом, хотел принудить его вступить в связь с принцем Оранским и его сторонниками-еретиками. Он возразил, что его решение вполне принято и что Парма гарантировала ему не только тот пост, который он сейчас занимает, но и еще большее продвижение.

Де Фромон в ответ напомнил ему о частых оборотах колеса фортуны и предупредил, что продвижение, которым он хвастался, вероятно, обернется полным падением. Он с горечью напомнил новому ревнителю католицизма о своих прежних искренних усилиях по утверждению кальвинизма. Он также упрекнул его в том, что он переплавил серебряные изображения мехлинских церквей, включая даже знаменитую святыню святого Ромбу, которую принц Оранский всегда уважал. "Я не говорю, сколько вы взяли из этой добычи на свою долю, - продолжал возмущенный Де Фромон, - потому что даже дети кричат вам об этом в уши, когда вы ходите по улицам. Известно, что если бы самого Бога превратили в золото, вы бы положили его себе в карман".

Это был простой язык, но настолько же простой, насколько и он сам. Знаменитое святилище Святого Ромбу, оцененное в семьдесят тысяч гульденов, из позолоченного серебра и

украшенное драгоценными камнями, одинаково почиталось священным как фанатичными иконоборцами, так и алчными испанцами, которые последовательно удерживали город. Теперь его переплавили и присвоили Питер Люпен, кармелит, и Де Бур, новообращенный католик, чьи уста были полны преданности древней Церкви и ужаса перед ересью.

Усилия Orange и штатов оказались безрезультатными. Де Бур сдал город и бежал в Парму, которая приняла его с радушием, дала ему пять тысяч флоринов - цену, обещанную за его измену, помимо полка пехоты, — но выразила удивление, что он добрался до лагеря живым. Его последующая карьера была короткой, и он встретил свою смерть два года спустя, в окопах под Турне. Таким образом, архиепископский город был передан королевской партии, но доблестный Ван дер Тимпел, губернатор Брюсселя, захватил его врасплох в течение шести месяцев после его приобретения Пармой и снова вернул под юрисдикцию штатов. Кармелит Питер Люпус, вооруженный до зубов и яростно сражавшийся во главе роялистов, был убит на улице и, таким образом, лишился возможности получить митру Намюра.

Во время утомительного хода кельнских переговоров принц не бездействовал, и если этот августовский и медленно продвигающийся конгресс не увенчается успехом в восстановлении мира, провинции будут обязаны совершить акт отречения. Тогда они остались бы совсем без главы. Идея номинальной республики никем не выдвигалась. Борьба была не теоретической, а фактической, ибо война велась не за революцию, а за сохранение политических прав. В области религии провинции продвигались от одной ступени к другой, пока теперь не провозгласили самую большую свободу — свободу совести — для всех. Религия, по их мнению, была делом Бога, а не человека, в которой ни народ, ни король не имели власти друг над другом, но в которой оба подчинялись одному Богу. В политике все было иначе. Наследственный суверенитет был признан как факт, но в то же время дух свободы уже осваивал соответствующий язык. Она уже смело заявляла о естественном праве человечества на управление в соответствии с законами разума и божественной справедливости. Если принц был пастухом, то, по крайней мере, было законно лишить его посоха, когда он убивал стадо, которое ему было поручено защищать.

"Какая причина, - сказали генеральные штаты, - по которой провинции должны терпеть постоянное угнетение со стороны своего суверена, совершающего грабежи, поджоги, удушения и убийства?" Почему, будучи таким угнетенным, они все еще должны оказывать своему суверену — точно так же, как если бы он хорошо себя вел — честь и титул лорда страны?" С другой стороны, если наследственное правление было установленным фактом, то такими же были и древние хартии. Поддерживать, а не ниспровергать политический договор было целью государств. "Je maintiendrai" - таков был девиз на гербе Orange. То, что между князем и народом существовал договор и что государь занимал свой пост только при условии исполнения своего долга, было поразительной истиной, о которой люди начали не шептаться друг с другом втайне, а провозглашать на рыночной площади. "Всемирно хорошо известно, - говорилось в знаменитой Декларации независимости два года спустя, - что если Бог назначил правителя управлять страной, то это для того, чтобы защищать ее от зла, даже как пастырь, опекающий свое стадо. Подданные назначаются Богом не для блага князя, а князь для своих подданных, без которых он не князь. Если он нарушит законы, его покинет самый ничтожный подданный и он больше не будет признан принцем".

Вильгельм Оранский всегда признавал эти истины, но его схема правления предполагала наличие постоянного главы, и поскольку становилось очевидным, что испанский суверен вскоре будет свергнут, необходимо было найти замену. "Что касается управления этими провинциями в форме республики, - сказал он, выступая от имени генеральных штатов, - то те, кто знает состояние, привилегии и постановления страны, могут легко понять, что вряд ли возможно обойтись без главы или суперинтенданта". В то же время он ясно намекнул, что этот "глава или суперинтенданта" должен был быть не монархом — единоличным правителем, - а всего лишь наследственным верховным судьей свободного содружества.

Где можно было найти этого наследственного главного судью? Он полностью отказался от своих притязаний. Должность была в пределах его досягаемости, и он легко мог объявить себя сувереном всех Нидерландов. Возможно, в то время было бы лучше, если бы он выдвинул свои претензии и признал суверенитет, которого лишился Филипп. Поскольку он не верил в возможность республики, он мог бы честно взять в свои руки скипетр, который считал необходимым. Однако его самоотречение было абсолютным. Он не только отказался от суверенитета, но и неоднократно заявлял о своей готовности сложить все должности, которые он занимал, если удастся найти более полезную замену. "Пусть никто не думает, - сказал он в замечательной речи перед генеральными штатами, - что моя добрая воля в какой-либо степени изменилась или уменьшилась. Я согласен повиноваться — как мог бы повиноваться наименьший из лордов или джентльменов этой страны — любому человеку, которого вам будет угодно выбрать. Вам остается только воспользоваться моими услугами там, где в них больше всего нуждаются: для охраны провинции или отдельного города, или в любом другом качестве, в котором я могу оказаться наиболее полезным. Я обещаю исполнять свой долг со всей моей силой и умением, поскольку Бог и моя совесть являются свидетелями того, что я выполнял это до сих пор".

Переговоры указывали на скорое отречение Филиппа; о республике никто не помышлял; принц Оранский категорически отказался протянуть свою руку; кто же тогда должен был принять скипетр, который так скоро должен был быть вручен? Немецкий принц — был судим - в несколько ненормальном положении - но, безусловно, проявил небольшие способности к оказанию помощи провинциям. Ничто не могло быть более незначительным, чем фигура Матиаса; и, более того, его брат-император был настроен далеко не благосклонно. Необходимо было справиться с Рудольфом. Обращаться с эрцгерцогом недостойно теперь, когда он частично обосновался в Нидерландах, значило бы навлечь на себя враждебность императора. Однако его дружба вряд ли могла быть обеспечена каким-либо продвижением по службе его брата, поскольку от Рудольфа ни в коем случае нельзя было ожидать заслуг против прерогативы и папы римского. Не было особой надежды и со стороны протестантских князей Германии. Прошел день великодушного сочувствия тем, кто участвовал в великой борьбе, начатой Мартином Лютером. Нынешнее поколение немецких протестантов было более склонно подавлять кальвинистский раскол у себя дома, чем спасать его от притеснений за границей. Люди были более склонны пререкаться по поводу трижды обглоданных костей церковной казуистики, чем помогать своим собратям в полевых условиях. "Я не знаю, - сказал Готтерус, - что более прискорбно - бедствие Нидерландов или более чем звериная глупость немцев. Безумным спорам о богословских абстракциях мы обязаны тем, что многие готовы проливать кровь и устраивать резню против своих собственных братьев. Ненависть лютеран достигла такой степени, что они скорее могут терпеть папистов, чем нас".

В Англии было много сочувствующих провинциям, и там — хотя форма правления все еще была произвольной — инстинкты гражданской и религиозной свободы, которые всегда были характерны для англосаксонской расы, не подлежали подавлению. На многих полях сражений за свободу в Нидерландах были обнаружены "люди, чьи конечности были сделаны в Англии", сражавшиеся за это право. Кровь и богатства англичан свободно лились на благо их родственников по религии и расе, но это были усилия отдельных людей. До сих пор английская королева оказывала лишь незначительную помощь, которая, напротив, почти отвлекла провинции своей быстрой и развязной политикой как по отношению к ним, так и по отношению к Анжу. Политическое соперничество между этим принцем и ею самой в Нидерландах, однако, теперь уступило место памятному любовному эпизоду, от которого ожидалось важные результаты, и считалось несомненным, что Елизавета с удовлетворением воспримет любое достоинство, оказанное ее возлюбленному.

Orange имела право составить такое мнение. В то же время хорошо известно, что главные советники Елизаветы, хотя все они выступали за оказание помощи провинциям, смотрели на анжуйский брак как угодно, но не с удовлетворением. "Герцог, - писал Дэвидсон Уолсингему в июле 1579 года, - стремится, под предлогом брака с ее высочеством, скорее жениться на Нидерландах — главной почве и объекте его притворной любви, как бы она ни маскировалась". Посланник считал, что и Елизавете, и провинциям грозит опасность заполучить себе очень плохого хозяина. "Есть ли какое-нибудь средство, - добавил он, - столь способное пробить самое дно нашего состояния и помешать осуществлению всех тех благих намерений, которые пресечет необходимость таймы?"

Провинции Голландия и Зеландия, несмотря на любовь, которую они питали к Вильгельму Оранскому, никогда не могли быть склонены его доводами в пользу Анжу. На самом деле, скорее из—за любви, которую они питали к принцу, которого они были полны решимости питать к своему государю, они отказывались прислушиваться к любым доводам в пользу его соперника, хотя и исходившим из его собственных уст. Генеральные штаты в докладе штатам Голландии, составленном под руководством принца, выдвинули все обычные аргументы в пользу принятия французского герцога на случай, если произойдет отречение. Они настаивали на договоре с Анжу (от 13 августа 1578 г.), на больших расходах, которые он уже понес ради них; на опасности оскорбить его; на возможности того, что в таком случае он вступит в союз с Испанией; на перспективе того, что вследствие такого результата против них выступят три врага — валлоны, испанцы и французы, все силы которых в конечном итоге будудобращены только против Голландии и Зеландии. Было заявлено, что выбор Анжу, с другой стороны, обеспечил бы дружбу Франции — союз, который внушил бы страх как императору, так и испанскому монарху, ибо они не могли без зависти рассматривать возможное присоединение провинций к этому королевству. Более того, географическое положение Франции делало ее дружбу невыразимо желанной. Поэтому штатам Голландия и Зеландия было настоятельно предложено направить депутатов в ассамблею генеральных штатов для принятия мер, касающихся декларации независимости, которая должна быть принята против короля, и относительно избрания герцога Анжуйского.

Официальные устные или письменные обращения Orange к различным корпорациям и собраниям были в тот период чрезвычайно масштабными. Его часто приводили в ярость скупость, межпровинциальная ревность, тупое восприятие различных сословий, и он часто выражал свой гнев недвусмысленными выражениями. Он открыто общался со всеми

общественными организациями. Его красноречие отличалось смелостью, бескомпромиссностью, стремлением говорить правду, независимо от того, были ли слова приятны или горьки для его аудитории. Его речь чаще порицала своих слушателей, чем ласкала их, ибо он чувствовал невозможность во все времена считаться как с настроением, так и с высокими интересами народа, и он, как защитник народной свободы, без колебаний обличал народные пороки, которые ставили ее под угрозу.

Обе великие партии, жаловался он, отмечали все его недостатки, а о добре, которого он достиг, умалчивали.

[Письмо генеральным штатам, август 1579 г., апуд Бор, xiv. 97, кв. Такое мнение часто высказывал Лангуэт: "Умоляю вас, берегите дружбу принца, - пишет он сэру Филипу Сиднею, - ибо во всем христианском мире нет человека, подобного ему. Тем не менее, это удел всех благоразумных людей — подвергаться порицанию со стороны всех сторон. Народ жалуется, что он презирает их; знать заявляет, что он ненавидит именно их орден; и это так же разумно, как если бы вы сказали мне, что вы сын клоуна".]

Он торжественно заявил, что от всего сердца желает развития той религии, которую публично исповедует, и, с Божьего благословения, надеется исповедовать до конца своей жизни, но, тем не менее, он напомнил штатам, что, вступая в должность генерал-лейтенанта, он поклялся держать "всех подданных страны в равной степени под своей защитой", и что он сдержал свою клятву. Он упрекал в скупости, которая ставила признанного правителя провинций в грязное и презренное положение. "Эрцгерцог был вынужден, - сказал он в августе генеральным штатам, - прекратить ведение домашнего хозяйства из-за нехватки средств. Какой позор и порочащая репутация для страны, если он будет вынужден из-за крайней бедности покинуть страну!" Он предложил сложить всю власть, которой был облечен сам, но настоял, чтобы ему, если он останется на своем посту, предоставили более широкие возможности приносить пользу. "Для него было невозможно, - сказал он, - служить дольше на тех же условиях, что и раньше, оказавшись без власти, без средств, без войск, без денег, без повиновения". Он напомнил генеральным штатам, что враг — под предлогом мирных переговоров — постоянно распространял клеветнические заявления о том, что он лично является единственным препятствием на пути к миру. Истинной целью этих безнадежных конференций было посеять раздор по всей стране, натравить бюргера на бюргера, дом на дом. Как в Италии гвельфы и гибеллины, как во Флоренции Нери и Бьянки, как в Голландии хуки и Капустники своими неудачными ссорами вооружали соотечественников исемьи друг против друга, так и религиозные различия были сильнее, чем натравливание друга на друга, отца на сына, мужа на жену.

Он предостерег Штаты от мирных предложений врага. Испания не собиралась уступать, но была полна решимости уничтожить. Что касается его самого; он, безусловно, мог все потерять из-за продолжающейся войны. Его великолепные поместья были конфискованы, и, — добавил он простодушно, — нет человека, который не желал бы наслаждаться своим имуществом. Освобождение его сына из чужеземного плена также было, после славы Божьей и благоденствия отечества, самой дорогой целью его сердца. Более того, он сам приближался к закату жизни. Двенадцать лет он провел в постоянной тревоге и труде на благо дела. Приближаясь к старости, у него было достаточно причин желать покоя. Тем не менее, учитывая огромное количество людей, которые полагались на него, он счел бы себя опозоренным, если

бы ради своей личной выгоды рекомендовал заключить мир, который не был абсолютно безопасным. Что касается его личных интересов, он мог легко поставить себя вне опасности, но с людьми было бы иначе. Существование религии, которую, по милости Божьей, он исповедовал, будет принесено в жертву, и бесчисленное множество невинных людей из-за его поступка будут отданы в руки кровожадных инквизиторов, которые в прошлые времена убили так много людей и так совершенно опустошили землю. В отношении непрерывных инсинуаций против его личности, которые люди произносили "за своими столами и на улицах", он философски заметил, что "человечество от природы склонно к клевете, особенно на тех, кто осуществлял над ними власть. Его жизнь была лучшим ответом на эту клевету. Будучи обремененным долгами, он, несомненно, должен был бы добиться большего успеха с личной точки зрения, чтобы принять отличные и выгодные предложения, которые ежедневно делал ему враг ". Такой поступок мог бы быть оправдан, если вспомнить, сколько людей покинули его и отреклись от своей религии. Тем не менее, он когда-либо отказывался и должен был когда-либо отказываться выслушивать предложения, которые обеспечивали только его личные интересы. Что касается обороны страны, то до сих пор он делал все, что было в его силах, с теми небольшими ресурсами, которые были в его распоряжении. "Более близкие Соединенные Штаты" настоятельно призвали его сохранить поэту звание генерал-лейтенанта. Он был готов согласиться. Однако он ни минуты не желал занимать свой пост, если у него не было власти заставить города разместить гарнизоны, обеспечить сбор необходимых припасов по всем провинциям и вообще делать все, что он считал необходимым для наилучших интересов страны.

Теперь были учреждены три совета: один должен был находиться при эрцгерцоге и принце Оранском, два других должны были находиться соответственно во Фландрии и Утрехте. Они должны были быть назначены Матиасом и принцем после двойного выдвижения от сословий соединенных провинций. Их решения должны были приниматься большинством голосов, и за их обсуждениями не должно было стоять никакого тайного кабинета. Однако прошло много времени, прежде чем эти советы заработали. Пагубная ревность провинциальных властей, мелочное честолюбие местных магистратов ежедневно создавали препятствия на пути энергичного продвижения общества. Никогда ревность не была более пагубной, никогда осмотрительность не применялась более неуместно. Это была не страна и не кризис, в которых существовала опасность централизации: местное муниципальное управление было, по правде говоря, единственной оставшейся силой. Не было никакой возможности объединить его с центральной властью, которой не существовало. В стране не было центра. Вероятность апоплексического удара там, где не было головы, была невелика. Опасность заключалась во взаимном отталкивании этих атомов суверенитета — в центробежных тенденциях, которые быстро превращали туманное содружество в хаос. Разобщенность и раздоры вскоре привели бы к более фатальной централизации — поглощению далеким деспотизмом.

В конце ноября 1579 года Оранский произнес еще одну примечательную речь в генеральных штатах в Антверпене. Он затрагивал обычные темы со своей обычной энергией, с той грацией и теплотой изложения, которые всегда делали его красноречие таким убедительным и впечатляющим. Он говорил о бесчисленной клевете на него, о раздражающей скупости провинций, о незначительном результате, к которому привели его неоднократные предупреждения. Он прямо назвал им великую причину всех их бед. Это было отсутствие широкого патриотизма; это была узкая власть, которой депутаты, заседавшие в генеральной ассамблее, завидовали, а не наделяли. Они были простыми посланниками, связанными

инструкциями. Они были бессильны что-либо предпринять, за исключением утомительных ссылок на волю своих хозяев, провинциальных советов. Депутаты Союза прибыли туда, по его словам, как защитники своих провинций или своих городов, а не как советники содружества — и стремились продвигать эти узкие интересы, даже рискуя разрушением своих братских государств. Взносы, жаловался он, оценивались неравномерно и расходовались эгоистично. В этом случае, как и во всех других случаях, он снова поставил под сомнение чистоту своего правительства, потребовал наказания, если будет обнаружен какой-либо акт ненадлежащего управления с его стороны, и повторил свое страстное желание либо быть освобожденным от своих функций, либо получить средства для их эффективного выполнения.

12 декабря 1579 года он снова произнес мощную речь в генеральных штатах. 9 января 1580 года он выступил с подробной речью о положении в стране, настаивая на необходимости немедленного создания значительной армии хороших и опытных солдат. Он установил необходимую численность такого отряда в двенадцать тысяч пехотинцев, четыре тысячи всадников и по меньшей мере тысячу двести пионеров. "Хорошенько взвесьте вопросы, - сказал он в заключение, - на которых я таким образом настаивал и которые представляют собой самую крайнюю необходимость. Люди, испытывающие крайнюю нужду, ежедневно обращаются ко мне за убежищем, как будто в моих руках власть над всем сущим". В то же время он жаловался, что из-за растянутости штатов ему не дали облегчить страдания, когда он знал, что лекарство находится в пределах досягаемости. "Однако я прошу вас, мои хозяева, - продолжал он, - поверить, что это мое обращение - не просто беседа. Это правдивое изложение вопросов, которые, если их не реформировать, приведут к быстрому и абсолютному разорению страны. Однако, что бы ни случилось, я молю вас быть уверенными в том, что с Божьей помощью я полон решимости жить с вами или умереть вместе с вами".

В начале 1580 года принц был обречен на горькое разочарование, а провинции - на тяжелые потери из-за измены графа Реннеберга, губернатора Фрисландии. Этот молодой дворянин происходил из великой семьи Лалейн. Он был младшим братом Энтони, графа Хоогстраатена - непоколебимого друга Оранского. Он воспитывался в семье своего двоюродного брата, графа де Лалена, губернатора Эно, и унаследовал титул Реннеберга от дяди, который был сановником церкви. Более года существовали подозрения в его верности. Предполагалось, что герцог Терранова подменил его при первом прибытии этого чиновника в Нидерланды. Тем не менее принц Оранский не желал прислушиваться к сплетням против него. Будучи сам объектом клеветы и питая нежные воспоминания о старшем брате, он продолжал доверять человеку, который на самом деле был недостоин его дружбы. Таким образом, Георг Лален оставался штатгальтером Фрисландии и Дренте, а также владел столицей Гронингеном.

Слухи, ходившие о нем, оказались верными. В ноябре 1579 года он заключил официальный договор с Террановой, по которому должен был получить — в качестве платы за "добродетельное решение, которое он обдумывал" — сумму в десять тысяч крон на руки, еще сумму в десять тысяч крон в течение трех месяцев и ежегодную пенсию в размере десяти тысяч флоринов. Более того, его баронство Вилль должно было быть преобразовано в маркизат, и он должен был получить орден Золотого руна при первой же вакансии. Точно так же он должен был оставаться на тех же должностях при короле, которые теперь занимал из поместий. Купчая, по которой он договорился с неким Кисленом ле Байи о переводе себя в Испанию, зафиксировала эти условия с технической скрупулезностью любой другой коммерческой сделки. Реннеберг продавал себя, как продают упряжку быков, и его мотивы были ничуть не благороднее, чем

следует из циничного контракта. "Разве вы не видите, - писал он в частном письме другу, - что вся эта работа затеяна Нассау ради их собственного величия и что им повсюду доставляются самые лучшие крохи. Они должны стать штатгальтерами главных провинций; мы должны довольствоваться Оверисселем и Дренте. Поэтому я счел за лучшее заключить мир с королем, от которого можно получить больше выгод".

Ревность и эгоизм - таковы были мотивы его "добродетельного решения". У него был другой, возможно, более благородный стимул. Он был влюблен в графиню Мегэн, вдову Ланселота Берлаймонта, и в частном порядке было оговорено, что для заключения его брака с этой леди следует использовать влияние правительства его Величества. Однако договор, который Реннеберг заключил с Кисленом ле Байи, не был немедленно выполнен. В начале февраля 1580 года его сестра и злой гений Корнелия Лален, жена барона Монсо, навестила его в Гронингене. Она умоляла его не предавать свою душу гибели, притесняя Святую Церковь. Она также взывала к его семейной гордости, которая, по ее словам, должна уберечь его от осквернения общением с "низкопробными ткачами и скорняками". Она придерживалась мнения, что пачкать его высокородные пальцы низкопробными взятками было бы низшим унижением. Пенсия, короны в руках, маркизат, ошейник Золотого Руна - все это снова предстало перед его глазами. Более того, он был убежден, что прекрасная рука богатой вдовы станет венцом его измены, но в этом его постигло разочарование. Графиню ждала более блестящая и более горькая участь. Она должна была выйти замуж за мужчину более высокого ранга, но с более никчемным характером, к тому же предавшего дело свободы, которому она сама была предана, и которого даже обвинили в покушении на ее жизнь в преклонном возрасте, чтобы уступить ее место более молодой сопернице.

Искусное красноречие Корнелии де Лален сделало свое дело, и Реннеберг вступил в переписку с Пармой. Удивительно, с какой снисходительностью относились к его поведению и характеру как до, так и после его измены. В этом человеке было что-то привлекательное. В эпоху, когда многие немецкие и нидерландские дворяне были склонны к пьянству и разврату и отличались скорее грубостью манер и brutальным интеллектом, чем утонченностью или ученостью, граф Реннеберг, напротив, был элегантным и образованным джентльменом — сиднеем своей страны во всем, кроме лояльности характера. Он был знатоком классической литературы, поклонником музыки и поэзии, изящным трубадуром и доблестным рыцарем. Он был "мил в общении", щедр и обаятелен по натуре. С таким количеством хороших даров было тысячу раз жаль, что в даре правды ему было отказано. Никогда измена не выглядела более любезной, но это была измена самого черного сорта. Он предал страну, которая доверяла ему, в час ее величайшей нужды. Он был предателем по отношению к великому человеку, который полагался на его истину, когда все остальные покинули его. Он был вероломен из самых низменных побуждений - ревности к своему другу и любви к своему месту; но его последующее раскаяние и ранняя смерть набросили завесу на черноту его преступления.

Пока Корнелия де Лален находилась в Гронингене, Оранж находился в Голландии. Перехваченные письма не оставляли сомнений в заговоре, и было решено, что принц, направлявшийся в Амстердам, должен вызвать графа на собеседование. Беспокойство Реннеберга из-за близости Оранжа невозможно было скрыть. Он чувствовал, что никогда больше не сможет посмотреть в лицо своему другу. Его планы еще не созрели; было желательно притворяться еще какое-то время; но как он мог встретиться взглядом с этим спокойным взором, который "насквозь видел деяния людей"? Реннебергу было очевидно, что его дело

должно быть сделано немедленно, если он хочет избежать позора. Принц скоро будет в Гронингене, и его присутствие развеет тайно замышлявшиеся заговоры.

Вечером 3 марта 1580 года граф развлекал большое количество самых знатных семейств этого места на балу и банкете. За ужином Гильдебранд, обер-бургомистр города, прямо допросил своего хозяина относительно клеветнических слухов, которые ходили в обращении, выразив надежду, что в этих измышлениях его врагов нет правды. Призванный таким образом, Реннеберг, схватив руки Хильдебранда обеими руками, воскликнул: "О, отец мой! ты, кого я почитаю как своего отца, можешь ли ты подозревать меня в такой вине? Молю тебя, доверься мне и не бойся меня!"

Этим он восстановил доверие бургомистра и всех остальных гостей. Пир и танцы продолжались, пока Реннеберг спокойно готовил свой план. Ночью всех ведущих патриотов подняли с постелей и препроводили в тюрьму, одновременно уведомив об этом тайных сторонников Реннеберга. Перед рассветом многочисленная толпа лодочников и бродяг, хорошо вооруженных, появилась на городской площади. Они несли факелы и штандарты и поражали тихий маленький город своими криками. Это место было официально передано во владение, перед Городским домом были установлены пушки, контролирующие главные улицы, и в различных важных точках возведены баррикады. Как раз на рассвете сам Реннеберг, в полном вооружении, въехал на площадь, и все заметили, что он выглядит ужасно, как труп. За ним следовали тридцать солдат, вооруженных, как и он сам, с головы до ног. "Встаньте рядом со мной сейчас, - крикнул он собравшейся толпе. - не подведите меня в этот момент, ибо теперь я впервые ваш штатгальтер".

Пока он говорил, несколько граждан высшего сословия пробились сквозь толпу и обратились к толпе властным тоном. Очевидно, это были авторитетные личности, пытавшиеся подавить бунт. Когда они приблизились, один из латников Реннеберга выстрелил из карабина в идущего впереди джентльмена, которым был не кто иной, как бургомистр Хильдебранд. Он упал замертво к ногам штатгальтера - человека, который несколько часов назад сжимал его руки, называл отцом и умолял не питать никаких подозрений в отношении его чести. Смерть этого выдающегося джентльмена вызвала панику, во время которой Реннеберг обратился к своим приверженцам и побудил их будущим усердием на службе королю искупить свои прежние проступки. Несколько дней спустя город был официально возвращен королевскому правительству; но меры графа были приняты до такой степени поспешно, что он не смог захватить провинцию с собой, как надеялся. Напротив, хотя он и обезопасил город, он не обезопасил ничего другого. Он был немедленно осажден силами штатов в провинции под командованием Бартольда Энтеса, Гогенло и Филиппа Луи Нассау, и было необходимо немедленно послать за помощью из Пармы.

Принц Оранский, будучи таким образом горько разочарован предательством своего друга и потерпев неудачу в попытке предотвратить немедленные последствия, продолжил прерванное путешествие в Амстердам. Здесь его приняли с безграничным энтузиазмом.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Все величие, которое могло придать украшение

Позабавить их этими мирными переговорами

Противоречащие друг другу притязания на прерогативы и совесть

Нежелательно ворошить большую часть этого ученого праха
Логические и исторические аргументы немилосердной длины
Человечество от природы было склонно к клевете
Мужчины громко упрекали тех, кто до этого молчал
Ему было легче, поскольку он не собирался выполнять обещание
Не заснуть в тени мирных переговоров
Ничто не было так сильно, как религиозные различия
В первый день были убиты четыре тысячи мужчин и женщин
Власть была скорее навязана депутатам с неохотой, чем отдана им
Разобщенные провинции
Нет человека, который не желал бы наслаждаться своим
Услышать последние торжественные банальности
Словоохотливые люди, которые могли бы облечь в слова одну трепещущую мысль

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 33

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА IV.

Пленение Ла Нуэ—Жестокие предложения Филиппа—Осада Гронингена—Смерть Бартольда Энтера—Его характер—Гогенло командует на севере—Его некомпетентность—Он потерпел поражение на Харденберг—Хит— Мелкие операции—Изоляция Оранского—Недовольство и отъезд графа Джона—Протест эрцгерцога Матиаса—Посольство в Анжу— Голландия и Зеландия предлагают суверенитет Оранскому—Завоевание Португалии—Гранвель предлагает запретить принцу—Опубликовано—Документ проанализирован—Апология Оранского проанализирована и охарактеризована—Осада захват Стинвика Реннебергом—Подделки—Осада снята—Смерть Реннеберга—Учреждение "земельного совета"— Герцогиня Пармская отправлена в Нидерланды—Гнев Александра — Запрет католического богослужения в Антверпене, Утрехте и других местах— Декларация независимости Соединенных провинций— Переговоры с Анжу—Суверенитет Голландии и Зеландии, временно принятый Оранжевыми—Трехстороннее разделение Нидерландов—Описана власть принца—Проанализирован Акт отречения —Философия политики Нидерландов.—Взгляды правительства на соглашение—Согласие народа с действиями сословий—Уход эрцгерцога Матиаса.

Война продолжалась вяло и бессистемно в разных частях страны. В бою близ Ингельмюнстера храбрый и опытный Де ла Нуэ был взят в плен. Это была тяжелая потеря для штатов, жестокий удар по Оранжу, поскольку он был не только одним из самых опытных солдат, но и одним из самых опытных писателей своего времени. Его перо было так же прославлено, как и его меч. В обмен на прославленного француза штаты напрасно предлагали графа Эгмонта, попавшего в плен несколькими неделями ранее, и Де Белля, попавшего в плен вскоре после этого. Парма презрительно ответил, что не отдал бы льва за двух овец. В дополнение предлагалось даже шампанское, но безуспешно. Сразу после захвата Парма написал Филиппу, что, если бы не Эгмонт, Селлер и другие, то во власти Апельсинов он приказал бы казнить Ла Нуэ. Однако в

сложившихся обстоятельствах он попросил, чтобы его величество оказал ему содействие, и тем временем поместил пленника в замок Лимбург под опеку Де Билли.

[Strada, d. 2, iii. 155, 156. Говорят, что Парма намекнул Филиппу, что Де Билли охотно предпринял бы частное убийство Ла Нуэ.—Попелиньер, Привет. des Pays Bas; 1556- 1584.]

Его величество, конечно, никак не выказал своего удовольствия, и прославленный солдат провел пять лет в отвратительной темнице, более подобающей осужденному преступнику, чем военнопленному. Он находился в донжоне замка, освещался только отверстием в крыше и поэтому был открыт дождю и всем непогодам неба, в то время как крысы, жабы и другие паразиты обитали на илистом полу. Здесь этот выдающийся персонаж, Франциск Железной Руки, которого все французы, католики или гугеноты, безмерно восхищали своим гением, храбростью и чистотой характера, провел пять лет в тесном заключении. Правительство больше всего желало лишить его жизни, но пленение Эгмонта и других помешало исполнению их желаний. В течение этого долгого периода жена и многочисленные друзья Ла Нуэ неустанно пытались добиться его выкупа или обмена, но ни один из заключенных, находившихся в руках патриотов, не считался достойным эквивалентом. Филипп Второй даже сделал Ла Нуэ отвратительное предложение, что он получит свободу, если в качестве предварительного условия позволит выколоть себе глаза. Этот факт подтверждается несколькими письмами, написанными Ла Нуэ своей жене. Заключенный, измученный, пошатнувшийся здоровьем, тоскующий по воздуху и свободе, был расположен и даже стремился принять позорное предложение и философски обсуждал этот вопрос в своих письмах. Однако эта дама, пораженная таким предложением, умоляла его отказаться от этого условия, на что он, соответственно, согласился. Наконец, в июне 1585 года его обменяли на чрезвычайно жестких условиях на Эгмонта. Во время своего заключения в этой мерзкой темнице он сочинил не только свои знаменитые политические и военные рассуждения, но и несколько других работ, среди прочего; Заметки к Плутарху и к Историям Гвиччардини.

Осада Гронингена продолжалась, и Парма приказал некоторым силам под командованием Мартина Шенка выдвинуться на помощь. С другой стороны, скудные силы штатов под командованием Соноя, Гогенло, Энтеса и юного сына графа Джона Нассауского, Уильяма Луи, еще не произвели особого впечатления на город. Не хватало военного мастерства, чтобы искупить слабость атакующей армии, хотя грубой доблести было предостаточно. Бартольд Энтес, человек с отчаянным характером, был недоволен затянувшимся разбирательством. Побывав в немилости у штатов после падения своего друга и покровителя графа Де ла Марка, он недавно сменил в полку полковника Иссельштейна, "уволенного за одно-два убийства". 17 мая он обедал в "Рольде" в компании Гогенло и молодого графа Нассау. Вернувшись в окопы в состоянии дикого опьянения, он обратился к группе старших офицеров, сообщив им, что они всего лишь мальчишки и что он немедленно покажет им, как захватить Гронингенское предместье. Ему ответили, что предместье, окруженное стенами и рвами, можно взять только с помощью эскадры или батареи. Громко смеясь, он бросился вперед, к контрэскарпу, размахивая мечом и размахивая зажатый в левой руке чехлом из елового масла, который он взял вместо щита. Однако он продвинулся всего на шаг, когда пуля из предместья пронзила ему мозг, и он упал замертво, не сказав ни слова.

Так погиб один из необузданных основателей Нидерландского содружества — один из небольшой группы безрассудных авантюристов, захвативших город Брилл в 1572 году и

заложивших таким образом первый камень в основание великой республики, которая должна была диктовать свои законы империи Карла Пятого. Он был в некотором роде типом. Его характер был символом худшей стороны освободительного движения. Отчаявшийся, незаконный, свирепый — грабитель на суше, пират на море, — он оказал большую услугу своему отечеству и причинил ему много позора. Из-за злодеяний таких людей, как он сам, прекрасный лик свободы был осквернен при первом же ее появлении. Родившийся в уважаемой семье, он был известен, когда учился в этом самом Гронингене, где теперь нашел свою могилу, за юношескую распущенность своего характера. Растратив свое имущество, он ушел в море — легализованное пиратство времен смертельной борьбы с Испанией, предлагавшее желанное убежище таким же расточителям, как он сам. Как и многие изгнанные дворяне древнего происхождения с разбитым состоянием, буйный студент стал успешным корсаром, и вполне вероятно, что его призы были добыты как среди друзей, так и среди врагов его страны. За короткое время он накопил сто тысяч крон — немалое состояние по тем временам. Он помогал Ла Марку в памятном нападении на Брилл, но вел себя плохо и обратился в бегство, когда Мондрагон предпринял свою памятную экспедицию по освобождению Терго. Впоследствии он был заключен в тюрьму вместе с Ла Марком за неподчинение, и за время своего заключения растратил большую часть своего состояния. В 1574 году, после нарушения Гентского мирного договора, он вернулся к своим пиратским занятиям и, снова преуспев так же быстро, как и во время своих прежних плаваний, был рад сменить океан на более почетную службу на берегу. Результатом стал трагический, но почти смешотворный конец, о котором мы рассказали. Он оставил после себя солидное состояние, результат своих различных пиратских действий, или, согласно обычному эвфемизму, призов. Он часто выражал сожаление по поводу количества торговцев, которых он выбросил в море, жалуясь, в частности, на одну жертву, которую он выбросил за борт, которая никогда не утонула, но которая долгие годы плыла за ним по пятам и смотрела ему в лицо всякий раз, когда он выглядывал за борт своего судна. Игрок, распутник, пират, он все же оказал услугу делу свободы, и его имя — запятнавшее более чистые и благородные имена других основателей содружества, "занесено в капитолий".

Граф Филипп Гогенло, на которого теперь легла вся ответственность за осаду Гронингена и за Фрисландские операции, всего на несколько градусов превосходил этого северного корсара. Высокопоставленный дворянин, почти связанный с семьей Нассау, происходивший из лучших кровей Германии, красивый и достойный внешне, он на самом деле был всего лишь развратником и пьяницей. Личная храбрость была его главным качеством для генерала; добродетель, которую он разделял со многими из своих самых подлых солдат. Он никогда не изучал военное искусство и не имел ни малейшего стремления овладеть им. Преданный своим удовольствиям, он развращал тех, кто находился под его командованием, и вредил делу, за которое боролся. Более чистые патриоты не ожидали от такого руководства ничего, кроме поражения и позора. "Нельзя надеяться на благословение Божье, — писал Альбада, — при этом вожде, который по жизни и манерам больше подходит для того, чтобы гонять свиней, чем для того, чтобы управлять благочестивыми и благородными людьми".

Это событие оправдало пророчество. После нескольких пустяковых операций перед Гронингеном Гогенло был вызван в окрестности Ковердена по известию о прибытии Мартина Шенка во главе значительного отряда. 15 июня граф маршировал всю ночь и часть следующего утра в поисках врага. Он нагнал их на Харденберг-Хит жарким летним утром. Его люди были измучены форсированным маршем, изнемогали от жары, мучились от жажды и не могли

раздобыть даже капли воды. Роялисты были свежи, так что результат состязания можно было легко предвидеть. Армия Гогенло была уничтожена в течение часа, все население бежало из Ковердена, осада Гронингена была снята; Реннеберг был освобожден, чтобы возобновить свои операции в более широком масштабе, и судьба всех северо-восточных провинций снова оказалась под угрозой. Хамы Дренте и Фрисландии снова восстали. В начале года они уже выступали на поле боя в значительном составе. Называя себя "отчаянными" и имея на своем знамени яичную скорлупу с вытекающим желтком — в знак того, что, потеряв мясо, они все же были готовы сражаться за скорлупу, — они пронеслись по открытой местности, грабя и сжигая. Гогенло победил их с помощью двух заклинателей, уничтожил большое количество их войск и на время привел их к спокойствию. Его недавнее свержение еще раз освободило их. Реннеберг, всегда склонный к чрезмерному ликованию при процветании, так же как и к чрезмерному унынию в невзгодах, теперь напустил на себя вид завоевателя. Под его командованием было едва ли восемь тысяч человек, но его сила заключалась в слабости его противников. Теперь удалась маленькая война с маленькими генералами, маленькими армиями, маленькими кампаниями, маленькими осадами. На какое-то время принцу Оранскому даже пришлось довольствоваться таким генералом, как Гогенло. Как обычно, он был почти один. "Донек эрис феликс", — сказал он выразительно -

"multos numerabis amicos,
Tempera cum erunt nubila, nullus erit,"

и этим летом он был обречен на еще более тяжелые лишения из-за окончательного отъезда своего брата Джона из Нидерландов.

Граф был измучен мелкими невзгодами. Его штатгальтерство в Гелдерланде вызвало у него раздражение, поскольку во всех северо-восточных провинциях не было ни системы, ни подчинения. Магистраты не могли осуществлять никакой власти над армией, которой они не платили, или народом, который они не защищали. Между различными советами муниципального и провинциального управления шли бесконечные споры, особенно по поводу взносов и расходов.

[Принимая во внимание необычайную щедрость самого графа и совершенно беспрецедентные жертвы принца, вполне можно предположить, что терпение братьев подверглось бы серьезному испытанию из-за скупости штатов. Из документа, представленного генеральным штатам зимой 1580-1581 годов, явствует, что граф сам выделил Оранскому 570 000 флоринов на это дело. Общая сумма денег, потраченных самим принцем ради свободы Нидерландов, составила 2 200 000 долларов. Эти огромные суммы были собраны различными способами и от разных лиц. Его поместья были сильно заложены, а кредиторы доставляли ему столько хлопот, что, выражаясь его собственным языком, он не мог должным образом заниматься государственными делами, настолько частыми и угрожающими были предъявленные к нему требования об уплате. День ото дня он все больше ощущал надвигающуюся на него необходимость лично отдать себя в руки своих кредиторов и отдать все свое имущество на их милость до тех пор, пока не будет выплачен последний фартинг. В двух своих кампаниях против Альвы (1568 и 1572) он потратил 1 050 000 флоринов. Он был должен курфюрсту палатинскому 150 000 флоринов, ландграфу 60 000, графу Иоанну 670 000 и другие суммы другим лицам.]

Во время этих разногласий страна подверглась нападениям пармских войск, частным усилиям недовольных, неоплачиваемой солдатчине штатов, вооруженному и восставшему крестьянству. На увещевания графа Джона, который был более вспыльчивым, чем спокойный принц, обращали мало внимания. Штатгальдер поддавался приступам гнева из-за подлости и наглости, которым он постоянно подвергался. Он с готовностью признал свою немощь и признался, что не в состоянии приспособить свою вспыльчивость к "юмору" местных жителей. Для его раздражительности часто было достаточно причин. Никогда еще у претора провинции не было более скудного гражданского списка. "Пекарь уведомил, - писал граф Джон в ноябре, - что послезавтра он больше не будет поставлять хлеб, если ему не заплатят". Штаты не предоставили денег для оплаты счета. С мясником дело обстояло не лучше. "Повару часто нечего жарить, - писал граф в том же письме, - так что мы часто вынуждены ложиться спать без ужина". Его жилище представляло собой полузакрытый барак без мебели, где штатгальтер проводил свои зимние дни и вечера в маленькой, темной, пронизывающе холодной комнате, часто без дров. Такие обстоятельства, конечно, не были рассчитаны на то, чтобы возбуждать зависть. Если вдобавок к такой жалкой скупости вспомнить, что граф был постоянно обеспокоен ссорами провинциальных властей друг с другом и с самим собой, то его можно простить за то, что он в конце концов совершенно выбился из сил. Он становился "седым" от постоянного замешательства. Его накормили раздражением, как будто, по его собственному простому выражению, "он ел это ложкой". Поскольку он уже задолжал себе шестьсот тысяч флоринов, которые истратил на государственной службе, и мужественно боролся с мелкими мучениями своего положения, его нельзя строго осуждать за то, что он оставил свой пост. Дела его собственного графства находились в большом замешательстве. Его детей — мальчиков и девочек — было много, и они нуждались в руководстве своих отцов, в то время как старший, Уильям Луи, уже сражался за Нидерланды, следуя инстинктам своей расы. Отличавшийся необдуманной доблестью, которая уже заслужила порицание его отца и аплодисменты его товарищей, он начал свою долгую и славную карьеру с того, что получил тяжелое ранение при Ковердене, из-за которого был вынужден остановиться на всю жизнь. Покидая столь достойного представителя, граф был более оправдан в своем отъезде.

Его жена тоже умерла в его отсутствие, и домашние дела требовали его внимания. Однако следует признать, что если память о его покойной супруге имела свои претензии, то выбор ее преемницы был все же более заметным среди его тревог. Достойный джентльмен получил сверхъестественные указания относительно своего второго выбора, прежде чем этот выбор показался ему необходимым, ибо еще до того, как до него дошла весть о смерти его жены, графу приснилось, что он уже сочетался вторым браком с прекрасной Кунигундой, дочерью покойного курфюрста Палатинского, — видение, которое повторялось много раз. На следующий день он, к своему изумлению, узнал, что овдовел, и не сомневался, что его специально направили к принцессе, виденной им во сне, которую он никогда в жизни не видел. Его друзья были за то, чтобы он женился на вдовствующей курфюрстине, а не на ее дочери, чей возраст составлял меньше половины его собственного. Честный граф, однако, "по зрелом размышлении" решительно предпочел горничную вдове. "Я признаю, - сказал он с большой серьезностью, - что брак со старой курфюрстиной, учитывая ее богобоязненный нрав, ее набожность, ее добродетель и тому подобное, был бы гораздо более целесообразным. Более того, поскольку она понесла свой крест и знает, как обращаться с джентльменами, тем лучше было бы для меня. Тем не менее, поскольку у нее уже было два мужа, она в сносном возрасте и выше меня ростом, я склоняюсь к ней меньше, чем к ее дочери".

Исходя из этих различных соображений, граф Джон, несмотря на увещевания своего брата, окончательно сложил с себя управление Гелдерландом и покинул Нидерланды примерно в середине лета. По мнению принца, сделано было недостаточно, пока еще оставалось что-то делать, и он не мог смириться с тем, что его брат покинет страну в час ее мрака или усомнится во Всемогущем, когда его рука скрыта облаками. "Человек должен делать все, что в его силах, - сказал он, - и верить, что, когда случаются такие несчастья, Бог желает испытать нас. Если Он увидит, что мы не теряем мужества, Он, несомненно, поможет нам. Если бы мы думали иначе, мы бы никогда не прорвались через дамбы в тот памятный день, потому что это было ненадежное дело и большое горе для бедных людей; и все же Бог благословил это начинание. Он все еще будет благословлять нас, ибо его рука не укоротилась".

22 июля 1580 года эрцгерцог Матиас, будучи полностью осведомленным об общей тенденции развития событий, созвал общее собрание в Антверпене. Он не явился перед собранием, но попросил, чтобы депутация могла прибыть к нему домой, и перед этим комитетом поделился своими горестями. Он выразил надежду, что штаты не собираются — в нарушение законов Бога и человека — бросаться в объятия иностранного принца. Он напомнил им об их долге перед святой католической религией и прославленным австрийским домом, в то же время трогательно привлек их внимание к нуждам своего собственного хозяйства и выразил надежду, что они, по крайней мере, оплатят долги, причитающиеся его слугам.

Генеральные штаты вежливо ответили на личные претензии эрцгерцога. В остальном они заняли более высокие позиции, и грядущая декларация независимости уже пробилась сквозь заученные приличия их языка. Они защищали свои переговоры с Анжу на основании необходимости, утверждая, что король Испании оказался неумолимым ко всякому заступничеству, в то время как из-за интриг их злейших врагов империя полностью оставила их.

Вскоре после этого специальная миссия во главе со Святой Альдегондой была отправлена во Францию для консультаций с герцогом Анжуйским и установила условия соглашения с ним по Плесси-ле-Турскому мирному договору (29 сентября 1580 г.), впоследствии окончательно ратифицированному Бордосской конвенцией, подписанной 23 января следующего года.

Государства Голландия и Зеландия, однако, держались совершенно в стороне от этой сделки, с самого начала выступая против выбора Анжу. От первого до последнего у них не было другого хозяина, кроме Оранжа, и поэтому в этом году они официально предложили ему суверенитет над своими провинциями; но они предложили это напрасно.

Завоевание Португалии внесло перелом в дела Нидерландов. Это было лишь временное изменение. Провинции обнаружили, что надежды, которые они возлагали на потребность Испании в больших запасах продовольствия на полуострове — к их собственному последующему облегчению — вскоре сменились страхами, поскольку быстрый успех Алвы в Португалии дал его хозяину дополнительную власть для подавления еретиков севера. Генрих, король-кардинал, умер в 1580 году, сменив на этом посту молодого авантюриста дона Себастьяна, убитого во время его рыцарской африканской кампании (4 августа 1578 года). Борьба за престолонаследие, начавшаяся после смерти престарелого монарха, была короткой, и через пятьдесят восемь дней бастард Антонио, единственный грозный конкурент Филиппа, был наголову разбит и изгнан, чтобы скрываться, подобно "загнанному дикому зверю, среди

скалистых горных пещер, с наценкой в сто тысяч крон за его голову. В течение следующего года Филипп получил оммаж в Лиссабоне в качестве короля Португалии. С момента этого завоевания он был более расположен и более свободен, чем когда-либо, изливать свой гнев против Нидерландов и против человека, которого он считал воплощением их восстания.

Кардинал Гранвель когда-то шептал королю на ухо о целесообразности устранения принца путем убийства. Было видно, как тонко и терпеливо копился яд этого священника против отдельных людей, пока не пришло время, когда он смог применить яд с эффектом. Его ненависть к Оранжевому была глубокой и имела давние корни. Он также придерживался мнения, что принц может испугаться, покинув свой пост, даже если рука убийцы не сможет дотянуться до его сердца. Он был сторонником публичного назначения награды за его голову, полагая, что если бы внимание всех убийц в мире было таким образом направлено на прославленную жертву, принц содрогнулся бы от опасностей, которые его окружали. "На это было бы неплохо потратить определенную сумму денег, - сказал кардинал, - а поскольку принц Оранский - подлый трус, один только страх может привести его в замешательство". Снова, несколько месяцев спустя, возвращаясь к этой теме, он заметил: "Было бы неплохо предложить награду в тридцать или сорок тысяч крон любому, кто доставит принца живым или мертвым; поскольку из—за сильного страха перед этим — поскольку он малодушен - вполне вероятно, что он умрет по собственной воле".

Намекать на то, что принц дрогнет перед опасностью или умрет от страха, было оскорбительно даже для интеллекта Филиппа. Если бы Оранж когда—либо был склонен к напыщенности, он мог бы ответить на клевету церковника, как на предупреждение Цезаря-прорицателя: -

"----- Опасность прекрасно знает
Что Цезарь опаснее, чем он...

и по правде говоря, Филипп долгое время трепетал на своем троне перед гением человека, который сверг самых смелых генералов и хитрых государственных деятелей Испании. Король, приняв совет священника, решил наложить запрет на принца и назначить награду за его голову. "Было бы неплохо, - писал Филипп в Парму, - предложить тридцать тысяч крон или около того любому, кто доставит его живым или мертвым. Таким образом, страна может избавиться от столь пагубного человека; или, во всяком случае, он будет находиться в постоянном страхе и, следовательно, не сможет спокойно осуществлять свои замыслы".

В соответствии с этими предложениями и этими надеждами был составлен знаменитый запрет, датированный 15 марта 1580 года. Однако официально она не была опубликована в Нидерландах до июня месяца того же года.

Этот указ останется самым прочным памятником памяти кардинала Гранвелле. Это будет прочитано, когда все другие его государственные документы и послания — какими бы бесспорными они ни были — канут в лету. Ни панегирик другу, ни смягчающее великодушие врагу не смогут сдвинуть этот камень позора с его могилы. Именно кардиналом Гранвелле и Филиппом была назначена награда за голову выдающегося человека своего времени, как если

бы он был диким зверем, и это вступление в ряды надменной знати Испании было сделано дополнительной взяткой, чтобы соблазнить убийцу.

Запрет состоял из предварительного изложения, обосновывающего наказание, которым он был вынесен. Это относилось к милостям, оказанным Филиппом и его отцом принцу; к его неблагодарности и лицемерию. Его обвинили в инициировании Запроса, разрушении имиджа и публичной проповеди. В нем осуждался его брак с аббатисой — еще при жизни его жены; упоминались его кампании против Альвы, его восстание в Голландии и ужасные массовые убийства, совершенные испанцами в этой провинции, — неизбежные последствия его государственной измены. В нем его обвиняли в введении свободы совести, в том, что он добился своего назначения на пост Руварда, в нарушении Гентского договора, в срыве усилий дона Джона и в срыве советов кельнских комиссаров своим постоянным недоверием. Суд обвинил его во вновь организованном заговоре с целью создания Утрехтского союза; и за эти и подобные преступления - изложенные с завитушками, медленно, по спирали и осторожно, поскольку начало и начало обвинительного акта были прямыми и смертоносными — он осудил наказание, полагающееся "жалкому лицемеру", совершившему такие преступления.

"По этим причинам, - заключал запрет, - мы объявляем его предателем и негодяем, врагом нас самих и страны. Поэтому мы постоянно изгоняем его из всех наших владений, запрещая всем нашим подданным, какого бы качества они ни были, общаться с ним открыто или наедине — подавать ему еду, питье, огонь или другие предметы первой необходимости. Мы позволяем всем причинять вред его имуществу или жизни. Мы разоблачаем упомянутого Уильяма Нассау как врага рода человеческого — раздаем его имущество всем, кто может; захватываем его. И если кто-либо из наших подданных или какой-либо незнакомец окажется достаточно великодушным сердцем, чтобы избавить нас от этого вредителя, доставив его нам живым или мертвым, или лишив его жизни, мы добьемся выплаты ему суммы в двадцать пять тысяч крон золотом немедленно после того, как дело будет совершено. Если он совершил какое-либо преступление, каким бы отвратительным оно ни было, мы обещаем простить его; и если он еще не стал благородным, мы облагородим его за его доблесть".

Таков был знаменитый запрет принца Оранского. Ответ на этот вопрос был дан до конца года памятной "Апологией принца Оранского", одним из самых поразительных документов в истории. Никогда еще вызов не был брошен в лицо деспоту в более ужасных тонах. Королевской свите стало достаточно очевидно, что принца нельзя купить за "миллионы денег" или неограниченное семейное положение, его нельзя задобрить лестью или предложениями выдающейся дружбы. Поэтому было решено запугать его, чтобы он отступил, или устранить его путем убийства. Правительство было полностью убеждено, что единственный способ покончить с восстанием - это "покончить с оранжевыми", согласно древнему совету Антонио Переса. Маска была сброшена. Было решено запретить принцу есть хлеб, воду, огонь и кров; отдать его богатство *fisc*, его сердце убийце, его душу, как надеялись, Отцу Зла. Разрыв, таким образом, был полным, и было правильно, что "жалкий лицемер" ответил на запрет запретом, на королевский донос - возвышенным презрением. Однако, по его словам, он совершенно не заслужил звания лицемера. Будучи другом правительства, он предупредил их, что своими сложными и непрекращающимися преследованиями они сами тянут веревку к собственной гибели. Было ли это лицемерием? С тех пор как он стал их врагом, в нем также было мало лицемерия — если только это не было лицемерием вести открытую войну против правительства, брать их города, изгонять их армии из страны.

Запрещенный мятежник, достигший морального и даже социального превосходства над человеком, который притворялся его хозяином по божественному праву, обрушился на своего противника с сокрушительным эффектом. Он отверг идею о короле в Нидерландах. Это слово могло быть законным в Кастилье, Неаполе или Индии, но в провинциях такого титула не знали. Филипп унаследовал в этих странах только власть герцога или графа — власть, строго ограниченную конституциями, более древними, чем его право по рождению. Оранский тогда не был мятежником, а Филипп — законным монархом. Даже если бы принц взбунтовался, это было бы не более чем проявлением непокорности предка Филиппа, Альберта Австрийского, по отношению к своему помазанному государю, императору Адольфу Нассаускому, предку Вильгельма. Поскольку узы верности и общепринятая власть были разорваны, королю стало бесполезно заявлять о превосходстве своего происхождения перед человеком, семья которого занимала высокое положение, когда Габсбурги были неизвестными оруженосцами в Швейцарии, и правила как суверен в Нидерландах еще до того, как этот затмевающий дом был назван.

Но каковы бы ни были наследственные притязания Филиппа на страну, он утратил их из-за нарушения своих клятв, из-за тиранического подавления земельных хартий; в то время как из-за своих личных преступлений он потерял всякое право судить своих братьев. Разве народ не имел права восстать против власти, когда все его законы были попорчены "не один раз, а миллион раз"? — и разве Вильгельм Оранский, законный муж добродетельной Шарлотты де Бурбон, должен был быть обвинен в моральном преступлении похотливым, кровосмесительным, прелюбодейным и кровожадным королем? С ужасающей отчетливостью он изложил монарху все преступления, в которых, по его мнению, тот был виновен, и, сказав Филиппу в бороду: "Так поступил ты", — у него нашлось уничтожающее слово для священника, стоявшего у него за спиной. "Скажите мне, — воскликнул он, — по чьему приказу кардинал Гранвель ввел яд императору Максимилиану? Я знаю, что сказал мне император и какой страх он испытывал впоследствии за короля и за всех испанцев".

Он высмеивал бесстыдство таких людей, как Филип и Гранвель, обвинявших других в "недоверии", когда такова была сама атмосфера их собственного существования. Он провозгласил это чувство единственным спасением для страны. Он напомнил Филиппу слова, которые его тезка Македонский — школьник, изучавший тиранию, по сравнению с ним самим, — услышал из уст Демосфена о том, что сильнейшей крепостью свободного народа против тирана является недоверие. Принц заявил, что это чувство, достойное вечной памяти, он позаимствовал из "божественной филиппики", чтобы запечатлеть в сердцах нации, и он молился Богу, чтобы ему поверили с большей готовностью, чем его народу поверил великий оратор.

Он с презрением отнесся к назначенной за его голову награде, высмеяв этот план, который должен был напугать его из-за отсутствия новизны, и спросил монарха, не думает ли он, что мятежник, не знающий о различных сделках, которые часто заключались раньше с головорезами и отравителями, собирается лишить его жизни. "Я в руке Божьей, — сказал Вильгельм Оранский. — мои мирские блага и моя жизнь уже давно посвящены служению Ему. Он распорядится ими так, как сочтет нужным для Своей славы и моего спасения".

Однако, напротив, если можно было продемонстрировать или хотя бы надеяться, что его отсутствие пойдет на пользу делу страны, он заявлял, что готов отправиться в изгнание.

"Молю Бога, - сказал он в заключение, - чтобы мое вечное изгнание или даже моя смерть могли принести вам истинное избавление от стольких бедствий. О, каким утешением было бы такое изгнание, какой сладкой была бы такая смерть! Ибо зачем я выставил напоказ свое имущество? Это было для того, чтобы я мог обогатиться? Почему я потерял своих братьев? Было ли это для того, чтобы я мог найти новых? Почему я так долго оставлял своего сына пленником? Ты можешь дать мне другого? Почему я так часто подвергал свою жизнь опасности? На какую награду я могу надеяться после моей долгой службы и почти полного крушения моего земного состояния, если не на награду в виде обретения, возможно, ценой моей жизни, вашей свободы?— Если тогда, мои хозяева, если вы решите, что мое отсутствие или моя смерть могут послужить вам, узрите меня готовым повиноваться. Прикажите мне — отправьте меня на край земли — я повинуюсь. Вот моя голова, над которой не властен ни один принц, ни один монарх, кроме вас самих. Распоряжайтесь этим для вашего блага, для сохранения вашей Республики, но если вы считаете, что тот умеренный опыт и трудолюбие, которые есть во мне, если вы считаете, что оставшаяся часть моего имущества и моей жизни все еще могут быть вам полезны, я заново посвящаю их вам и стране ".

Его девиз, наиболее соответствующий его жизни и характеру, — "Я поддерживаю тебя", — была заключительная фраза документа. Его герб и подпись также были официально приложены, и Извинения, переведенные на большинство современных языков, были разосланы почти каждому властителю христианского мира. Ранее, 13 декабря 1580 года, оно было зачитано перед ассамблеей Соединенных Штатов в Делфте и одобрено столь же сердечно, сколь и возмущенно осужден запрет.

В течение оставшейся части 1580 года и половины следующего боевые действия велись в основном на северо-востоке - в Парме, где в ожидании прибытия свежих войск они бездействовали. Операции, как и армии и генералы, были мелкими. Гогенло был против Реннеберга. После нескольких незначительных побед последние осадили Стинвик, город сам по себе не имеющий большого значения, но являющийся ключом к провинции Дренте. Гарнизон состоял из шестисот солдат и вдвое меньшего количества обученных бюргеров. Реннеберг, имея шесть тысяч пеших и тысячу двести всадников, потребовал сдачи города, но получил в ответ неповиновение. Капитан Корнпут, бежавший из Гронингена после того, как безуспешно предупредил горожан о готовящейся измене Реннеберга, командовал в Стинвике, и его мужество и жизнерадостность поддерживали население города во время длительной зимней осады. Бунтующие толпы на улицах, требующие, чтобы это место было отдано, пока не стало слишком поздно, он прямо в лицо назвал их "стаями галдящих гусей", недостойных внимания храбрых людей. Мяснику, который, руководствуясь инстинктом своего ремесла, попросил сообщить, что население будет есть, когда все мясо закончится, он хладнокровно заметил: "Мы съедим тебя, негодяй, в первую очередь, когда придет время; так что иди домой и будь уверен, что ты, по крайней мере, не умрешь с голоду".

Такими грубыми, но жизнерадостными увещеваниями честный солдат во главе своей маленькой горстки поддерживал мужество осажденного города. Тем временем Реннеберг изо всех сил давил на него. Он забросал его раскаленными шарами - новым изобретением, представленным пять лет назад Стефаном Батором, королем Польши, при осаде Данцига. Многие дома были сожжены, но урожай кукурузы и горожане все еще держались стойко. По мере приближения зимы, а обещанная помощь все еще оставалась в отдалении, Реннеберг начал забрасывать город сарказмами, которые, как надеялись, могли оказать более

эффективными, чем раскаленные шары. Он послал вестника узнать, съели ли горожане уже всех своих лошадей; ответом на этот вопрос послужила демонстративная демонстрация шестидесяти умирающих от голода хаков — всех, кого удалось собрать, - на высотах. В другой раз он отправил им короткое письмо следующего содержания:

"ПОЧТЕННЕЙШИЙ, НЕПОКОЛЕБИМЫЙ, поскольку при нынешних морозах вы почти не занимаетесь спортом в окопах, поскольку вы не можете проводить время, вертя кольца на пальцах, видя, что все они проданы для выплаты жалования вашим солдатам, поскольку вам нечем почесать зубы или прочистить желудок, и поскольку, тем не менее, вам нужно что-нибудь, хотя бы для того, чтобы занять свои умы, я посылаю вам прилагаемое письмо в надежде, что оно вас развлечет. 15 Января 1581 года".

Во вложении было письмо принца Оранского герцогу Анжуйскому, которое, как утверждалось, было перехвачено. Это была неуклюжая подделка, но она отвечала целям более искусной подделки в период, когда политическая и религиозная вражда затемняла суждения людей. "Что касается религии, - сказал принц, например, своему знаменитому корреспонденту, - то здесь все ясно. Ни один правитель, который надеется достичь какого-либо значительного прогресса, не должен думать о религии или относиться к ней с уважением. Ваше высочество с помощью гарнизонов и крепостей легко овладеет главными городами Фландрии и Брабанта, даже если бы жители были настроены против вас. После этого вы без труда приобщите их к любой религии, которая покажется вам наиболее отвечающей интересам вашего высочества".

Каким бы одиозным и циничным ни был весь тон письма, оно получило широкое распространение. Всегда были натуры низменные и достаточно жестокие, чтобы принять клевету и распространить ее среди родственных душ. Можно усомниться в том, что Реннеберг верил этому документу; но было естественно, что он получал злонамеренное удовлетворение, распространяя эту клевету против человека, чье вечное презрение он так недавно заслужил. Нет ничего более распространенного, чем подобные подделки, и в этот самый момент из рук в руки переходило письмо, выполненное с такой же грубостью, которое якобы было от самого графа в Парму. История меньше заинтересована в опровержении клеветы на такого человека, как Реннеберг. Вымышленное послание Оранского, однако, так часто переиздавалось, а копии распространялись так тщательно, что принц счел важным добавить прямое опровержение его авторства в качестве приложения к своей знаменитой Апологии. Он воспользовался случаем, чтобы сказать, что если удастся представить хоть малейшее доказательство того, что он написал это письмо или любое письмо, похожее на него, он немедленно покинет Нидерланды и никогда больше там не покажется.

Однако, несмотря на это хорошо известное опровержение, Реннеберг счел забавным отправить письмо в Стинвайк, где оно произвело лишь небольшое впечатление на умы бюргеров. Тем временем они получили сообщение о том, что помощь уже в пути. В город полетели пустотелые шарики с письмами, которые принесли долгожданную весть о том, что английский полковник Джон Норрис с шеститысячными войсками штатов скоро появится, чтобы прийти им на помощь, и храбрый Корнпут добавил свои жизнерадостные увещевания, чтобы усилить произведенное таким образом удовлетворение. День или два спустя на городской площади были пойманы три перепела, и комендант исправил положение множеством причудливых проповедей. Число три, по его словам, было типичным для Святой Троицы, которая, таким образом, символически пришла им на помощь. Господь подкрепил теряющих сознание израильтян перепелами. Цифра

три означала три недели, в течение которых обещанная помощь обязательно прибудет. Соответственно, 22 февраля 1581 года, по истечении третьей недели, Норрису удалось снабдить город продовольствием, веселый и стойкий Корнпут утвердился как истинный пророк, и граф Реннеберг в отчаянии снял осаду.

Последующая карьера этого несчастного дворянина была короткой. 19 июля его войска потерпели сокрушительное поражение от Сонни и Норриса, беглых роялистов, отступавших в Гронинген в тот самый момент, когда их генерал, которому болезнь помешала командовать ими, принимал последние причастия. Угрызения совести, стыд и разочарование буквально свели Реннеберга в могилу.

"Его измена, - говорит современник, - была гвоздем в крышку его гроба, и на смертном одре он горько оплакивал свое преступление. "Гронинген! Гронинген!" Лучше бы я никогда не видел твоих стен!" он неоднократно плакал в свои последние часы. Он отказался увидеться со своей сестрой, чьи коварные советы в сочетании с его собственными злыми страстями сделали его предателем; и он умер 23 июля 1581 года, раскаявшийся и покорный. Его сердце после смерти было найдено "сморщенным до размеров грецкого ореха", что одни приписывали отравлению, другие - угрызениям совести. Его сожаления, его ранняя смерть и его многочисленные привлекательные качества в совокупности спасли его характер от всеобщего осуждения, и его имя, хотя и несмываемо запятнанное государственной изменой, всегда упоминалось скорее с жалостью, чем со злобой.

Во внутреннем состоянии провинций неуклонно готовились великие перемены, которым суждено было остаться навсегда. Предварительная мера важного характера была принята в начале этого года ассамблеей соединенных провинций, состоявшейся в январе месяце в Делфте. Это было учреждение генерального исполнительного совета. Устав правления был утвержден 13 числа текущего месяца и состоял из восемнадцати статей. Число советников было определено в тридцать человек, все они должны были быть коренными нидерландцами; определенная доля назначалась от каждой провинции по ее сословиям. Советы и согласие этого органа относительно договоров с иностранными державами были необходимы, но они не должны были ни вмешиваться в права и обязанности генеральных штатов, ни создавать каких-либо препятствий для договоренностей с герцогом Анжуйским.

В то время как этот дополнительный механизм самоуправления провинций находился в процессе создания, испанский монарх, с другой стороны, предпринял еще одну попытку восстановить власть, которая, как он чувствовал, ускользала из его рук. Филипп находился в Португалии, готовясь к своей коронации в этом новом королевстве — событию, которое произошло почти одновременно с его отказом от суверенитета Нидерландов, столь торжественно дарованного ему четверть века назад в Брюсселе; но, несмотря на такое расстояние, он был уверен, что сможет управлять Нидерландами более мудро, чем это могли делать жители, и, как всегда, не желал доверять способностям тех, кому он делегировал свои полномочия. Поскольку в тот момент у него, несомненно, был более энергичный представитель, чем кто-либо из тех, кто прежде исполнял функции королевского губернатора в провинциях, он все еще был склонен беспокоить, сомневаться и вмешиваться. Взвалив на свои плечи дополнительные заботы о португальском завоевании, он, как всегда, почувствовал непреодолимое желание следить за мельчайшими деталями управления провинцией. Сделать это было невозможно. Однако не было ничего невозможного в том, что, попытавшись сделать

это, можно было причинить много вреда. "Мне больно видеть, - писал Гранвель, - что его Величество работает по-прежнему - предпочитает все понимать и все делать. Этим курсом, как я часто говорил раньше, он на самом деле добивается гораздо меньшего ". Более того, король недавно совершил серьезную ошибку, снова отправив герцогиню Маргариту Пармскую в Нидерланды. У него хватило глупости поверить, что память о ней так нежно лелеется в провинции, что при ее повторном появлении вызвала взрыв преданности, в то время как раздражение, которое он таким образом вызвал в груди ее сына, он притворялся, что не обращает внимания. Событие произошло так, как можно было предвидеть. Жители Нидерландов были очень умеренно взволнованы прибытием своего бывшего регента, но принц Пармский был в ярости. Его мать действительно прибыла в Намюр в августе 1580 года, чтобы принять на себя гражданское управление провинциями, а сам он, согласно просьбе короля, должен был продолжить командование армией. Любой, кто хоть немного знал человеческую натуру, понял бы, что Александр Фарнезе - не тот человек, которого можно поставить на первое место. Государь, обладавший хоть какой-то административной проницательностью, понял бы абсурдность того, что в такой критический момент бразды правления были переданы из рук самого решительного и энергичного мужчины в руки женщины. Король, который был готов задуматься о последствиях своих собственных поступков, должен был предвидеть скандал, который мог возникнуть в результате открытой ссоры за первенство между такой матерью и сыном. Однако Александр немедленно сообщил Маргарите Пармской, что о разделении власти, подобном предложенному, не может быть и речи. Оба предложили уйти в отставку, но Александр был непоколебим в своей решимости сохранить всю власть или ничего. Герцогиня, столь же послушная своему сыну после прибытия, как и королю во время путешествия, и чувствующая, что не справляется с возложенной на нее задачей, умоляла Филиппа разрешить ей уехать почти сразу же, как она добралась до места назначения. Мнение Гранвеля также было против такого вмешательства в управление Александром, и король в конце концов позволил себе быть отвергнутым. К концу 1581 года пришли письма, подтверждающие членство принца Пармского в его правительстве, но с просьбой к герцогине Пармской остаться частным образом в Нидерландах. Соответственно, она продолжала проживать там под вымышленным именем до осени 1583 года, когда ей наконец разрешили вернуться в Италию.

Летом 1581 года тот же дух преследований, который вдохновлял католиков причинять такие бесконечные страдания приверженцам реформатской веры в Нидерландах, начал проявляться в открытых действиях против папистов со стороны тех, кто наконец получил политическое влияние. власть над ними. В Антверпене, Утрехте и в разных городах Голландии были опубликованы указы, приостанавливающие отправление римского культа. Эти законы, конечно, были далеки по ужасу от тех памятных плакатов, которые тысячами приговаривали реформаторов к топору, веревке и столбу, но все равно было грустно видеть, как преследуемые в свою очередь становятся преследователями. Они были подтолкнуты к этим строгим мерам шумным рвением некоторых доминиканских монахов в Брюсселе, чьи экстравагантные речи ежедневно разжигали страсти католиков до опасной степени. Соответственно, власти города сочли необходимым приостановить путем провозглашения публичное отправление древней религии, назвав в качестве основной причины этого запрета шокирующее жонглерство, с помощью которого простодушные люди постоянно обманывались. В частности, они ссылались на практику творения чудес с помощью реликвий, частей святого креста, костей святых и пота статуй. Они утверждали, что куски досок ежедневно выставлялись в качестве фрагментов креста; что кости собак и обезьян выставлялись для поклонения как кости святых; и что масло

обычно наливалось в отверстия, просверленные в головах статуй, чтобы население могло поверить в их чудесное потоотделение. По этим причинам, а также во избежание беспорядков и возможного кровопролития, к которым могло привести отвращение, вызванное подобным шарлатанством, римско-католическое богослужение было приостановлено до тех пор, пока в стране не восстановится большее спокойствие. Аналогичные причины привели к аналогичным прокламациям в других городах. Принц Оранский посетовал на дух нетерпимости, проявившийся таким образом среди тех, кто был его мучениками, но в тот момент было невозможно полностью контролировать его.

Теперь в его положении должна была произойти важнейшая перемена, провинциям предстояло осуществить важнейшую меру. Шаг, который никогда не мог быть повторен, был, после долгих колебаний, наконец предпринят 26 июля 1581 года, в этот день соединенные провинции, собравшись в Гааге, торжественно провозгласили свою независимость от Филиппа и навсегда отказались от своей верности.

Этот акт был совершен обдуманно из-за его серьезности. В то же время он оставил страну в очень расколотом состоянии. Это было неизбежно. Принц сделал все, что мог сделать один человек, чтобы удержать Нидерланды вместе и навсегда объединить их в единое политическое целое, и, возможно, если бы он был вдохновлен более острыми личными амбициями, эта задача могла бы быть выполнена. Семнадцать провинций могли бы принять его власть, но они не согласились бы ни на какую другую власть. Провидение не распорядилось, чтобы страна после долгой агонии породила единое и совершенное содружество. Валлонские провинции уже отошли от дела, несмотря на мольбы принца. Другие Нидерланды после долгих и утомительных переговоров с Анжу наконец согласились на его верховенство, но от этого соглашения Голландия и Зеландия держались в стороне. Несколько необычным образом они послали депутатов вместе с депутатами из других провинций на переговоры с герцогом, но было ясно понято, что они никогда не признают его сувереном. Они были готовы заключить с ним и со своими братскими провинциями — над которыми он вскоре должен был осуществлять власть, прочный и бессрочный союз, но что касается их собственного вождя, то их сердца были непреклонны. Принц Оранский должен быть их господином, и никем другим. Только в его самоотверженном характере заключалось то, что он не был облечен этим достоинством задолго до этого. Он, однако, упорствовал в надежде, что все провинции могут быть вынуждены признать герцога Анжуйского своим сувереном на условиях, которые представляли собой свободное содружество с наследственным вождем, и в этой надежде он постоянно отказывался идти на уступки желаниям северных провинций. На самом деле он осуществлял суверенную власть почти над всем населением Нидерландов. Уже в 1580 году, на ассамблее, состоявшейся в апреле, штаты Голландии официально обратились к нему с просьбой принять на себя полный суверенитет над ними, при этом Филипп лишился титула графа Голландии и Зеландии. Он не дал согласия, и разбирательство держалось в относительной тайне. По мере продвижения переговоров с Анжу и по мере того, как все решительнее указывалось на соответствующее отречение Филиппа, все настойчивее требовалось согласие принца на эту просьбу. Поскольку было очевидно, что провинции, таким образом стремившиеся поставить его во главе своих, никоим образом нельзя было заставить признать суверенитет Анжу — более того, акт отречения от Филиппа больше нельзя было откладывать, принц Оранский неохотно и временно принял верховную власть над Голландией и Зеландией. Эта договоренность была окончательно достигнута 24 июля 1581 года, и акт отречения от престола состоялся два дня спустя.

Предложение о суверенитете над другими соединенными провинциями было принято Анжу шестью месяцами ранее.

Таким образом, Нидерланды были разделены на три части — примиренные провинции, соединенные провинции под властью Анжу и северные провинции под властью Оранжа; последнее разделение сформировало зародыш, уже почти развившийся, будущей республики. Конституция, или перечень условий, по которым суверенитет, предоставленный Анжу, был сведен к таким узким рамкам, чтобы немногим более чем номинальной властью, в то время как власть оставалась в руках представительного органа провинций, будет описана несколько позже, вместе с инаугурацией герцога. В настоящее время необходимо, чтобы читатель полностью понял относительное положение принца и северных провинций. Затем будет кратко объяснен памятный акт отречения — декларация независимости Нидерландов.

29 марта 1580 года ассамблея Голландии и Зеландии приняла резолюцию никогда не заключать мир и не вступать в какие-либо переговоры с королем Испании на основе его суверенитета. Та же резолюция предусматривала, что его имя, которое до сих пор использовалось во всех публичных актах, должно быть навсегда стерто, что его печать должна быть сломана и что имя и печать принца Оранского должны быть заменены во всех комиссиях и государственных документах. Почти в то же время штаты Утрехта приняли аналогичную резолюцию. Однако эти предложения не были приняты, и дело держалось в строжайшем секрете. 5 июля 1581 года "рыцари, дворяне и города Голландии и Зеландии" снова в срочной и торжественной форме обратились к принцу с просьбой принять "всю полноту власти суверена и вождя страны до тех пор, пока будет продолжаться война". Это ограничение во времени было введено государствами крайне неохотно, и еще потому, что было прекрасно件нятно, что без него принц вообще не признал бы своего суверенитета. Акт, которым было присвоено это звание, давал полную власть командовать всеми силами на суше и на море, назначать всех военных офицеров и проводить все военные операции без контроля или советов какого-либо лица вообще. Он уполномочил его, с согласия штатов, назначать всех финансовых и судебных чиновников, назначил его верховным главой исполнительной власти и источником правосудия и прощения и предписал ему "продолжать исповедовать только реформированную евангелическую религию, не допуская, однако, проведения расследований веры или совести какого-либо человека или причинения какого-либо вреда или препятствия любому человеку из-за его религии".

Суверенитет, столь настойчиво предлагаемый и, следовательно, ограниченный по времени, был в конце концов принят Вильгельмом Оранским согласно официальному акту, датированному в Гааге 5 июля 1581 года, но следует понимать, что этим новым документом не было предоставлено никаких полномочий, помимо тех, которыми уже пользовался принц. Это было как бы формальным продолжением функций, которые он выполнял с 1576 года в качестве королевского штатгальтера в соответствии с его старым поручением от 1555 года, хотя в действительности существовала огромная разница. Имя короля теперь было отвергнуто, а его суверенитет отвергнут, в то время как объявленный вне закона мятежник занял его место, осуществляя высшие функции не опосредованно, а от своего собственного имени. Более того, вскоре после этого штаты тайно и без ведома Orange отменили ограничение по времени. Они были полны решимости, чтобы принц был их сувереном — если они смогут сделать его таковым — на весь срок его жизни.

Таким образом, предложение было сделано и принято 5 июля, 24 числа того же месяца принц и поместья обменялись клятвами верности. На этих торжественных мероприятиях штаты, представляющие провинции, заявили, что, поскольку король Испании, вопреки своей клятве графа Голландии и Зеландии, не только не защитил эти провинции, но всеми силами стремился обратить их в вечное рабство, было сочтено необходимым покинуть его. Поэтому они провозгласили, что каждый житель освобожден от присяги, и в то же время от имени населения поклялись в верности принцу Оранскому, как представителю высшей власти.

Два дня спустя, 26 июля 1581 года, депутаты соединенных провинций, торжественно собравшиеся затем в Гааге, приняли памятную декларацию независимости. Это называлось Актом отречения. Это лишало Филиппа его суверенитета, но не было провозглашением новой формы правления, поскольку соединенные провинции не были готовы отказаться от наследственного вождя. К несчастью, они уже обеспечили себе очень плохого преемника Филиппа во владении большей частью своей территории, в то время как северные провинции были достаточно удачливы и мудры, чтобы назначить Отца страны своим верховным судьей.

Документ, которым провинции отказались от своей верности, был не самым удачным из их государственных документов. Он был слишком многословным и техническим. В его стиле было больше формальной фразеологии юридических документов, чем подобало этому великому обращению ко всему миру и на все времена. Тем не менее, это всего лишь дело вкуса. Голландцы были настолько законопослушным народом, что, подобно американским патриотам восемнадцатого века, в большинстве случаев предпочитали педантичную точность витиеватой декламации. Они решили провести свое восстание в соответствии с законом. В то же время, благопристойно облачаясь в обычные одежды, дух Свободы, тем не менее, демонстрировал свои величественные пропорции.

В самом начале Отречения эти отцы Республики изложили полезные истины, которые в то время казались вопиющим богохульством в ушах христианского мира. "Все человечество знает, - говорилось в преамбуле, - что князь назначен Богом заботиться о своих подданных, подобно пастуху, охраняющему своих овец. Поэтому, когда принц не выполняет свой долг защитника; когда он угнетает своих подданных, уничтожает их древние свободы и обращается с ними как с рабами, его следует считать не принцем, а тираном. Таким образом, сословия страны могут законно и обоснованно сместить его и избрать другого в его палате".

Сформулировав эти максимы, сословия приступили к их применению в своем собственном случае, и, конечно, никогда не было более веского оправдания для отказа от принца с тех пор, как принцы были впервые учреждены. Штаты прошли через всю историю последней четверти века, терпеливо накапливая груз обвинений против монарха, десятая часть из которых послужила бы поводом для его свержения. Без страсти или преувеличения они поведали миру о своих ошибках. Картинка была не слишком яркой. Напротив, это был скорее слабый, чем яркий портрет чудовищного беззакония, которое так долго царило над ними. Тем не менее, они добросовестно и серьезно прошли через повествование. Они говорили о ранней решимости короля управлять Нидерландами не местными жителями, а испанцами; относиться к ним не как к конституционным странам, а как к завоеванным провинциям; рассматривать жителей не как подданных, а как врагов; прежде всего, заменить их древнюю свободу испанской инквизицией, и они намекали на первый важный шаг в этом плане — создание новых епископств, в каждом из которых будет свой штат инквизиторов.

Они обратили внимание на достопамятную Петицию, миссию Бергена и Монтиньи, их заключение в тюрьму и изгнание в нарушение всех национальных законов, даже того, что когда-либо считалось священным для самых жестоких и деспотичных князей. Они вкратце изложили историю правления Алвы; его заманивание в ловушку самых выдающихся дворян ложными обещаниями и передача их палачу; его бесчисленные смертные приговоры, объявление вне закона и конфискация; его возведение цитаделей для обуздания, введение десятого и двадцатого пенни, чтобы истощить страну; его Кровавый совет и его достижения; и неизмеримое горе, вызванное повешением, сожжением, ссылкой и грабежом за семь лет его пребывания здесь. Они заявили Великому командующему, что были посланы не для улучшения положения в стране, а для продолжения того же курса на тиранию более скрытыми способами. Они говорили об ужасном мятеже, вспыхнувшем после его смерти; о ярости в Антверпене; о явном одобрении, оказанном этому великому безобразию королем, который не только похвалил преступление, но и пообещал вознаградить преступников. Они ссылались на дона Иоанна Австрийского и его двуличие; на его притворное подтверждение Гентского мирного договора; на его попытки разделить страну против самой себя; на политику Эсковедо; на интриги с немецкими полками. Они коснулись кельнских переговоров и бесплодной попытки патриотов добиться свободы вероисповедания в то время, как целью роялистов было только отвлечь внимание и разделить нацию. Наконец, они с грустью и отчаянием прокомментировали эту последнюю и завершающую меру тирании — запрет принца Оранского.

После этого рассказа они спокойно заметили, что у них было достаточно оснований покинуть суверена, который более двадцати лет оставлял их. Повинуясь закону природы — желая сохранить права, хартии и свободы своего отечества — преисполненные решимости вырваться из рабства у испанцев — и объявив о своем решении всему миру, они объявили короля Испании свергнутым с его суверенитета и провозгласили, что отныне они не должны признавать ни его титул, ни юрисдикцию. Три дня спустя, 29 июля, ассамблея приняла формулу, по которой все лица должны были заявить о своем отречении.

Таковы были формы, с помощью которых соединенные провинции отказались от своей верности Испании и *ipso facto* учредили республику, которой предстояло процветать в течение двух столетий. Этот результат, однако, не был точно предвиден конгрессом, который сверг Филиппа. Отцы содружества не окрестили его именем Республики. Они не рассматривали возможность изменения формы правления. В их мыслях не было ни аристократии, ни демократии. Подобно актерам нашей собственной великой национальной драмы, эти нидерландские патриоты боролись за сохранение, а не за свержение; в отличие от них, они не требовали теоретической свободы для человечества, не провозглашали доктрину народного суверенитета: они настаивали лишь на выполнении реальных контрактов, подписанных, скрепленных печатями, и клятвам многих сменявших друг друга суверенов. Действуя по принципу, что правительство должно быть на благо управляемых, и в соответствии с требованиями разума и справедливости, они исследовали факты в этом божественном свете и нашли причину для отстранения своего правителя. Они не возражали против того, чтобы ими управляли. Они были довольны своими историческими институтами и предпочитали сочетание наследственного суверенитета с народным представительством, к которому они привыкли. Они не разрабатывали априорную конституцию. Филипп, нарушивший закон разума и законы страны, был низложен, и вместо него должен был быть избран новый главный судья. Фактически это был народный суверенитет, но не на словах. Низложение и избрание могли быть юридически оправданы только неотъемлемым правом народа низлагать и избирать; и все

же провинции в своей Декларации независимости говорили о божественном праве королей, даже свергая с престола по праву народа своего собственного Короля!

Точно так же в инструкциях, данных штатами своим посланникам, которым было поручено обосновать отречение перед императорским сеймом, состоявшимся в Аугсбурге двенадцать месяцев спустя, выдвигались самые высокие требования в отношении права народа избирать или низлагать суверена, в то время как о королях говорилось как о "назначенных Богом". Это правда, что в том же пункте они были описаны как "избранные народом" — что, возможно, было настолько точным соответствием максиме *Vox populi, vox Dei*, насколько мог требовать самый смелый демократ того времени. По правде говоря, более демократический курс привел бы к поражению его собственных целей. Кроважадные и озорные выходки Имбизе, Рыхова и им подобных демагогов в Генте и других местах с их дикими теориями того, что они называли греческим, римским и гельветским республиканизмом, нанесли достаточный ущерб делу свободы и проложили дорогу для возвращения королевского деспотизма. Сенаторы, собравшиеся в Гааге, дали более умеренные инструкции своим делегатам в Аугсбурге. Они должны были привязать пребывание короля в должности к контракту — не подразумеваемому, а контракту столь же буквальному, как аренда фермы. Австрийский дом, как они должны были утверждать, вступил во владение семнадцатью Нидерландами на определенных четко сформулированных условиях и при том понимании, что его владение должно прекратиться при нарушении первого условия. Это был вопрос закона и факта, а не королевского или народного права. Они должны были обосновать не только то, что контракт был нарушен, но и то, что фундамент вечной справедливости, на котором он покоился, также был подорван. Пришло время утвердить как письменные уставы, так и общие принципы. "Бог не дал абсолютной власти ни одному смертному человеку, - сказала святая Альдегунда, - исполнять свою собственную волю вопреки всем законам и всякому разумному доводу". "Контракты, которые нарушил король, - это не педантичные фантазии, - заявили сословия, - а законы, заложенные природой во всеобщее сердце человечества и безоговорочно принятые принцем и народом". По крайней мере, все люди, говорящие на английском языке, согласятся с выводом провинций, что, когда законы, защищавшие гражданина от произвольного заключения в тюрьму и гарантировавшие ему суд в его собственной провинции, — которые запрещали назначение иностранцев на высокие должности, — которые защищали собственность гражданина от налогообложения, кроме как представительным органом, — которые запрещали вмешательство суверена в совесть подданного в религиозных вопросах, — когда такие законы были ниспровергнуты кровавыми трибуналами, где сонные судьи приговаривали тысячи людей к столбу и эшафоту без слушания дела путем отлучения от церкви, конфискации, ссылки, - через повешение, обезглавливание, сожжение в таких огромных масштабах и с таким ужасающим однообразием, что меч палача стал рассматриваться как единственный символ правосудия — тогда, конечно, можно было бы без преувеличения сказать, что жалобы нидерландцев "не были педантичными фантазиями" и что король перестал выполнять свои функции вершителя божьего правосудия.

Голландцы имели дело с фактами. Они обладали сводом законов, памятниками своего национального прогресса, благодаря которым гражданину была обеспечена такая же значительная доля индивидуальной свободы, какой в то время пользовались в любой стране мира. Их институты, без сомнения, значительно улучшились; но было естественно, что народ в таких обстоятельствах не желал менять свое положение на вассалитет "мавров или индейцев".

В то же время можно усомниться в том, что только инстинкт политической свободы поддержал бы их в длительной борьбе и были бы разорваны узы, соединявшие их с испанской короной, если бы не более сильная страсть к религиозной свободе, которой была воодушевлена столь значительная часть народа. Соединенные Штаты Нидерландов смело изложили свои политические принципы, и ссора, возможно, была бы урегулирована, если бы религиозный вопрос допускал мирное решение. Фанатизм Филиппа доходил до иступления, а нидерландцы, исповедующие "религию", были готовы, по их собственным словам, "скорее умереть смертью", чем отказаться от реформированной веры, и на этот счет больше не оставалось места для надежды. Однако в акте отречения считалось необходимым не оскорблять ни один класс жителей, а излагать только такие принципы, против которых не выступили бы просвещенные католики. Все партии питали отвращение к инквизиции, и ненависть к этому институту всегда занимала видное место среди причин низложения монарха. "Под предлогом поддержания римской религии, — заявили представители сословий, — король пытался злонамеренными средствами пустить в ход всю мощь плакатов и инквизиции — первой и истинной причины всех наших страданий".

Не совершая никаких посягательств на римско-католическую веру, авторы великого акта, в результате которого Филипп был навсегда изгнан из Нидерландов, достаточно ясно показали, что религиозные преследования в конце концов довели их до крайности. В то же время они были готовы — ради примирения всех классов своих соотечественников — выдвинуть на первый план политические причины недовольства и использовать сдержанные формулировки в религиозном вопросе.

Итак, поскольку таков был дух, руководивший провинциями в связи с этим великим событием, можно спросить, кто были те люди, которые подписали документ такой важности? От чьего имени и какой властью они действовали против суверена? Подписавшие декларацию независимости действовали от имени и по поручению народа Нидерландов. Сословия были конституционными представителями этого народа. Государственные деятели того времени, после холодного анализа фактов обнаружив, что суверенитет Филиппа был юридически утрачен, официально провозгласили эту утрату. Затем, поинтересовавшись, что стало с суверенитетом, они обнаружили его не в народных массах, а в представительном органе, который фактически олицетворял народ. Сословия различных провинций, состоящие из рыцарей, дворян и горожан каждой из них, послали, соответственно, своих депутатов в генеральную ассамблею в Гааге; и этим конгрессом был издан декрет об отречении. Никому не приходило в голову созывать людей на их первичные собрания, да и люди того времени не поняли бы цели такого созыва. Они привыкли к действиям сословий, и эти органы представляли настолько большое количество политических сил, насколько можно было ожидать от собраний, избираемых тогда на общих принципах. Еще не пришло время для более глубокого анализа общественного договора. Соответственно, Филипп был свергнут справедливо, юридически формально справедливо, потому что стало необходимо отречься от монарха, который был полон решимости не только угнетать, но и истреблять свой народ; юридически, потому что он обычно нарушал конституции, которые он поклялся поддерживать; формально, потому что акт был совершен от имени народа органом, исторически представляющим народ.

В каком же тогда состоянии находилась нация после того, как был сделан этот великий шаг? Она стояла, так сказать, со своим суверенитетом в руках, разделяя его на две части и предлагая его, разделенный таким образом, двум разным личностям. Суверенитет Голландии и Зеландии

был неохотно принят Orange. Суверенитет соединенных провинций был предложен Анжу, но условия соглашения с этим герцогом еще не были ратифицированы. Таким образом, движение было тройственным, состоявшим из отречения от престола и двух отдельных выборов наследственных вождей; эти два избрания проводились одинаковым образом представительными органами соответственно соединенных провинций, а также Голландии и Зеландии. Ни отречение, ни выборы не были приняты заранее общинами, железнодорожными оркестрами или гильдиями городов - фактически все они были представлены магистратами и советами каждого из них; ни крестьянством открытой местности — все они должны были быть представлены рыцарями и знатью. Однако все классы людей, участвовавших в различных политических или военных комбинациях, впоследствии дали свое молчаливое согласие вместе со своими клятвами верности. Народ одобрил важные шаги, предпринятые их представителями.

Без прямого намерения народа или его лидеров создать республику Республика установилась сама собой. Провидение не допустило, чтобы вся страна, столь насыщенная богатством, интеллектом, здоровыми политическими действиями, с такими мощными городами и энергичным населением, была объединена в одно свободное и процветающее содружество. Фракционные амбиции нескольких вельмож, циничная продажность многих дворян, безумие гентской демократии, дух религиозной нетерпимости, непревзойденный военный и политический гений Александра Фарнезе, преувеличенное самоотречение и трагическая судьба Оранжа - все это объединилось, чтобы разделить эту группу процветающих и родственных провинций.

Отсутствие личных амбиций у Вильгельма Молчаливого, возможно, нанесло серьезный ущерб его стране. Он считал, что это единственное главное условие существования Соединенных Штатов; он мог бы стать таким руководителем, но всегда отказывался им становиться; и все же многие авторы веками считали его заговорщиком и своекорыстным интриганом. "Мне кажется, - сказал он однажды с равным пафосом и правдивостью, - что я родился на этой плохой планете и все, что я делаю, может быть неправильно истолковано". Народ боготворил его, и было много случаев, когда его избрание было бы воспринято с энтузиазмом. "Эти провинции, - сказал Джон Нассауский, - очень неохотно вступают в соглашение с герцогом Алансонским, большинство гораздо более склонно избрать принца, которого ежедневно и без перерыва умоляют дать свое согласие. Его светлость, однако, ни в коем случае не согласится на это; не потому, что он боится последствий, таких как потеря имущества или возросшая опасность, ибо он погряз в этом так глубоко, как только мог быть; — напротив, если бы он заботился только об интересах своей расы и величии своего дома, он не мог бы ожидать ничего, кроме увеличения почестей, золота и снаряжения, со всем прочим достатком. Он отказывается только по той причине, что никто не может подумать, что вместо религиозной свободы для страны он искал царства для себя и своего личного продвижения. Более того, он считает, что связь с Францией принесет больше пользы стране и христианству, чем если бы был заключен мир с Испанией или если бы он сам признал суверенитет, как от него хотят".

Таким образом, продолжались неудачные переговоры с Анжу, против которых никто так не возражал, как граф Джон. Тем временем суверенитет над соединенными провинциями временно принадлежал национальному совету, а по настоятельной просьбе генеральных штатов - принцу. Эрцгерцог Матиас, чьи функции были самым бесцеремонным образом прекращены в результате описываемых нами сделок, покинул штаты и отбыл в октябре месяце.

Привезенный в страну безбородым мальчиком в результате интриг группировки, желавшей использовать его как орудие против Вильгельма Оранского, он, напротив, спокойно подчинился тому, чтобы служить орудием этого великого государственного деятеля. Его личность во время пребывания здесь была ничтожна, и ему пришлось многими мелкими обидами, многими горькими слезами искупать мальчишеские амбиции, которые привели его в Нидерланды. У него, конечно, было достаточно времени, чтобы раскаяться в той поспешности, с которой он выбрался из своей теплой постели в Вене, чтобы отправиться в путешествие без сапог в Брюссель. Тем не менее, в стране, где люди с высоким положением обычно практиковали столько низости, жестокости и предательства, как это было в Нидерландах, в пользу Матиаса говорит то, что он не был ни низменным, ни жестоким, ни вероломным. Штаты назначили ему при отъезде пенсию в размере пятидесяти тысяч гульденов ежегодно, которая, вероятно, выплачивалась не с образцовой регулярностью.

ГЛАВА V.

Политика избрания Анжу сувереном—Обычай и неудобство—Взгляды Оранского—Мнения французского двора—Анжу освобождает Камбре—Турнир по осаде Пармы—Храбрая защита принцессы Эспинойской—Почетная капитуляция—Ухаживания Анжу в Англии—Прибытие герцога в Нидерланды—Портрет Анжу—Празднества во Флашинге—Инаугурация в Антверпене—Условия или статьи, подписанные герцогом—Покушение на жизнь Оранского—Документы убийцы—Признание Венеро—Гаспара Анастро—Его побег—Казнь Венеро и Циммермана—Тяжелое состояние принца—Его выздоровление—Смерть принцессы—Преждевременные письма из Пармы—Дальнейшие переговоры с Оранским относительно суверенитета Голландии и Зеландии—Характер пересмотренной Конституции—Сравнение позиций принца до и после принятия им графства.

Таким образом, было решено, что, по крайней мере, в настоящее время, принц будет осуществлять суверенитет над Голландией и Зеландией; хотя он сам приложил все усилия, чтобы побудить эти провинции присоединиться к остальным Объединенным Нидерландам на предложенных выборах Анжу. Однако они наотрез отказались это сделать. Многие в других штатах также испытывали сильное нежелание принимать это рискованное предложение о своей верности, и именно личное влияние Orange в конечном итоге привело к осуществлению этой меры. Глядя на положение дел и характер Анжу в том виде, в каком они предстают перед нами сейчас, кажется трудным объяснить политику принца. Судить только по результату настолько естественно, что мы готовы порицать государственных деятелей за последствия, которые заранее могли бы показаться совершенно невероятными, и за ложное прочтение человеческих характеров, все развитие которых только поздние потомки имели полную возможность оценить. И все же можно было бы подумать, что Анжу был достаточно известен, чтобы вызывать недоверие.

В облике французского двора также было мало такого, что вселяло бы надежду на ценную помощь с этой стороны. Не без основания утверждалось, что французы могут стать не менее опасными, чем испанцы; что они окажутся более близкими и беспокойными хозяевами; что Франция намеревается включить Нидерланды в состав своего собственного королевства; что провинции, таким образом, навсегда отделятся от Германской империи; и что было бы так же хорошо держаться тирана, при котором они родились, как добровольно отдать себя другому, созданному ими самими. Короче говоря, бытовым языком утверждалось, что "Франция и

Испания были под одним одеялом". Можно было бы добавить, что только крайняя нищета могла заставить провинции взять кого-то из них в постель. Более того, не без оснований утверждалось, что Анжу будет очень дорогим хозяином, поскольку его роскошные и экстравагантные привычки пользовались дурной славой, что он был человеком, которому нельзя было доверять, и тем, кто стремился к деспотичной власти любыми доступными средствами. Прежде всего, настаивалось на том, что он не принадлежал к истинной религии, что в глубине души он ненавидел приверженцев этой веры и что было крайне неразумно для людей, самыми дорогими интересами которых были их религиозные интересы, избирать монарха, исповедующего религию, противоположную их собственной. Однако на эти правдоподобные взгляды у принца Оранского и тех, кто действовал вместе с ним, было достаточно ответов. Нидерланды достаточно долго ждали помощи из других стран. Германия и пальцем не пошевелила бы ради этого дела; напротив, вся Германия, будь то протестантская или католическая, была либо открыто, либо скрыто враждебна. Было безумием ждать, пока к ним не придет помощь из невидимых источников. Пришло время им самим позаботиться о себе и взять все лучшее, что они могли достать, потому что, когда люди умирали с голоду, они не могли позволить себе быть деликатесами. Они могли бы быть связаны по рукам и ногам, их могли бы тысячу раз сокрушить, прежде чем они получили бы помощь из Германии или из какой-либо другой страны, кроме Франции. В тех обстоятельствах, в которых они оказались, отсроченная надежда была лишь холодным и скудным утешением.

"Говоря откровенно, - сказал Апельсин, - просить нас подождать - все равно что держать человека три дня без еды в ожидании великолепного банкета, убеждать его отказаться от хлеба, а по истечении трех дней сказать ему, что банкет не готов, но готовится еще лучший. Не лучше ли было бы тогда бедняку, чтобы избежать голодной смерти, не ждать больше, а принимать хлеб везде, где он может его найти? Таков наш случай в настоящее время".

Именно в этом ключе он когда-либо писал и говорил: Нидерланды должны были полагаться на свои собственные усилия и обеспечить наилучший союз вместе с максимально эффективной защитой. Они были недостаточно сильны, чтобы в одиночку справиться со своим могущественным тираном, но они были достаточно сильны, если использовали инструменты, предложенные Небесами. Это было не доверие, а искушение Провидения - бездейтельно ждать, вместо того чтобы смело хвататься за средства спасения, находящиеся в пределах досягаемости. Храбрым людям стало свойственно действовать, а не ожидать. "В противном случае, - сказал принц, - мы можем забраться на верхушки деревьев, как анабаптисты Мюнстера, и ожидать, что Божья помощь снизойдет с облаков". Только прислушиваясь к этим аргументам, которые так часто повторяются, мы можем понять политику Оранжевых в этот период. "Бог сказал, что он снабдит воронов пищей, а львов их добычей, - сказал он, - но птицы и львы поэтому не сидят в своих гнездах и логовищах, ожидая, когда их пища спустится с небес, но они ищут ее там, где ее можно найти". Точно так же, позже, когда события, казалось, оправдали недоверие, которое обычно испытывали в Анжу, принц, тем не менее, придерживался аналогичного языка. "Я не клевету на тех, - сказал он, - кто советует нам уповать на Бога. Я тоже так считаю. Но доверять Богу - значит использовать средства, которые он вкладывает в наши руки, и просить, чтобы на них снизошли его благословения.

Более оптимистично настроенные люди полагали, что французский король искренне поможет Нидерландам после того, как его брат будет справедливо установлен. Он недвусмысленно написал на этот счет, заверяя Анжу, что будет помогать ему всеми своими силами и вступит в

тесный союз с теми Нидерландами, которые должны принять его как принца и суверена. В другом, более частном письме герцогу, король пообещал помогать своему брату "даже до последней рубашки". Нет никаких сомнений в том, что государственные деятели Франции стремились помочь Нидерландам, в то время как "миньоны" никчемного короля придерживались противоположного мнения. Многие из них были тайными партизанами Испании и находили более приятным получать тайное жалованье от Филиппа, чем помогать его восставшим провинциям. Им было легко возбудить в монархе ревность к его брату — страсть, которая оказалась более действенной, чем более возвышенные амбиции аннексии Нидерландов, согласно тайным побуждениям многих французских политиков. Что касается королевы-матери, то она была непреклонна в своей решимости добиться исполнения таким образом знаменитого предсказания Нострадамуса. Трое из ее сыновей последовательно носили корону Франции. Желая стать "матерью четырех королей", не положив в гробницу третьего ребенка, она с жадностью ожидала, что ее младшему и любимому сыну будет дарована верховная власть. Сторонники избрания должным образом настаивали на этом хорошо известном желании Екатерины Медичи, поскольку утверждалось, что ее влияние привлечет всю мощь Франции на поддержку Нидерландов.

Во всяком случае, Франция не могла быть хуже — вряд ли могла быть настолько плохой, — чем их нынешняя тирания. "Лучше правительство Галлии, пусть даже подозрительное и опасное, - сказал Эверард Рейд, - чем свирепое владычество испанца. Даже так куропатка полетит в руки человека, чтобы спастись от когтей ястреба. "Что касается индивидуального характера Анжу, - убеждали защитники его суверенитета, - были бы приняты надлежащие меры, чтобы держать его в узде, поскольку предполагалось так строго ограничить предоставленную ему власть, что она была бы высшей только номинально. На самом деле Нидерланды должны были стать республикой, в которой Анжу должен был стать своего рода итальянским или фризским подестой. "Герцог не должен действовать по своему усмотрению", - сказал один из участников переговоров в частном письме графу Джону; "Мы позаботимся о том, чтобы снабдить его хорошим намордником". Насколько добросовестно был подготовлен "намордник", видно из статей, по которым штаты вскоре после этого приняли нового суверена. О том, как подло он ухитрился снять намордник, каким жестоким и трусливым образом он омыл свои клыки в крови преданной ему паствы, тоже станет известно, но слишком скоро.

Что касается религиозного возражения против Анжу, на которое было сделано большее ударение, чем на какое-либо другое, то ответ был столь же готов. Оранж заявил, что он "недостаточно богослов", чтобы вдаваться в выдвинутые тонкости. Поскольку целью было наиболее прочное установление религиозного мира с полной терпимостью ко всем вероисповеданиям, он не считал абсолютно необходимым требовать принца реформатской веры. Диктовать что-либо суверену, когда для подданного требовалась полная свобода в религиозных вопросах, было фанатизмом. Оранж был известен как ревностный сторонник реформатского богослужения, но поэтому он не отказался от политической помощи, даже если она была предложена не очень восторженным членом древней Церкви.

"Если священник и левит пройдут мимо нас, когда мы окажемся среди воров, - сказал он с большой уместностью и некоторой горечью, - отвергнем ли мы помощь, предложенную самаритянином, потому что он другой веры, чем достойные отцы, которые оставили нас погибать?" Короче говоря, было совершенно справедливо замечено, что Филипп был смещен не потому, что он был католиком, а потому, что он был тираном; не потому, что его вера

отличалась от веры его подданных, а потому, что он был полон решимости истребить всех людей, чья религия отличалась от его собственной. Таким образом, не было ничего противоречивого в выборе другого католика в качестве суверена, если можно было получить надлежащие гарантии того, что он будет защищать реформатские церкви, а не притеснять их. "Если у герцога те же намерения, что и у короля, - сказала святая Альдегунда, - то было бы большой глупостью менять одного тирана и гонителя на другого. Если, напротив, вместо того, чтобы подавлять наши свободы, он будет поддерживать их, и вместо того, чтобы искоренять последователей истинной религии, он будет защищать их, тогда все доводы наших противников окажутся бессильными".

К середине лета герцог Анжуйский появился в западной части Нидерландов. Принц Пармский недавно предстал перед Камбре с намерением захватить этот важный город. Однако по прибытии в Анжу во главе пяти тысяч кавалеристов — почти все они были дворянами высокого звания, служившими добровольцами, — и двенадцати тысяч пехотинцев Александр поспешно снял осаду и отступил к Турне. Анжу снабдил город продовольствием, усилил гарнизон, а затем, поскольку его кавалерия была завербована лишь для летнего развлечения и больше не могла держаться вместе, он распустил свои силы. Основная часть пехоты поступила на службу в штаты под командованием принца Эспиноя, губернатора Турне. Сам герцог, обнаружив, что, несмотря на Плесси-ле-Турский мирный договор и нынешнюю эффектную демонстрацию с его стороны, штаты еще не были готовы оказать ему официальную верность, и, кроме того, находясь в расцвете того, что все считали его успешным ухаживанием за королевой Елизаветой, вскоре после этого отбыл в Англию.

Парма, избавленная таким образом от его вмешательства, вскоре после этого осадила важный город Турне. Принц Эспинойский отсутствовал с армией на севере, но принцесса командовала в его отсутствие. Она выполнила свой долг достойно дома, из которого вышла, ибо в ее жилах текла кровь графа Хорна. Дочь Марии де Монморанси, сестра адмирала, на призыв Пармы сдаться по собственному усмотрению ответила вызовом. Гарнизон был воодушевлен ее стойкостью. Принцесса ежедневно появлялась среди своих войск, руководя обороной и лично руководя офицерами. Говорят, что во время одного из нападений она была ранена в руку, но, возможно, ошибочно, несмотря на это, она отказалась уйти.

Осада длилась два месяца. Тем временем для Оранжа и поместий стало невозможным, несмотря на их усилия, собрать достаточные силы, чтобы выбить Парму из его укреплений. Город постепенно и уверенно подрывался извне, в то время как коварное искусство монаха-доминиканца по имени отец Джери столь же уверенно подрывало верность гарнизона изнутри. Поскольку открытое восстание католического населения было на грани того, чтобы вспыхнуть, удерживать город больше стало невозможно. Сторонники реформатской веры настаивали на том, чтобы это место было сдано, и принцесса, покинутая всеми сторонами, заключила почетную капитуляцию с Пармой. Ей самой, со всем ее гарнизоном, было позволено удалиться с личным имуществом и со всеми военными почестями, в то время как разграбление города было заменено сто тысячами крон, взимаемых с жителей: принцесса, выехавшая за ворота, была встречена такими бурными аплодисментами королевской армии, что она казалась не столько побежденным командиром, сколько победительницей. Соответственно, 30 ноября Парма вошла в то место, которое он осаждал с 1 октября.

К концу осени принц Оранский, более чем когда-либо недовольный анархическим положением дел, а также упрямой ревностью и скупостью различных провинций, снова самым серьезным образом призвал страну обеспечить общую оборону и принять меры для вступления в должность Анжу. Он в мрачных красках обрисовал перспективу, которая открывалась перед ними, если ничего не будет сделано для прекращения внутренних беспорядков и внешнего врага, силы которого неуклонно увеличивались: если бы провинции последовали его совету, вместо того чтобы ссориться между собой, у них была бы мощная пешая армия, которая поддержала бы усилия Анжу и впоследствии спасла Турне. Они оставались пассивными и невозмутимыми, даже когда канонада этих прекрасных городов стояла у них в ушах. Казалось, ни один человек не считал себя заинтересованным в общественных делах, за исключением случаев, когда его собственная провинция или деревня подвергались прямому нападению. Общие интересы содружества были забыты из-за местной зависти. Если бы было иначе, враг уже давно был бы отброшен за Маас. "Когда просят денег, - продолжал принц, - на продолжение войны, люди отвечают так, как будто разговаривают с покойным императором. Однако сказать, что они больше не будут платить, - все равно что заявить, что они откажутся и от своей земли, и от своей религии. Я говорю это не потому, что у меня есть какое-то желание запустить руки в общий кошелек. Вы хорошо знаете, что я никогда не прикасался к государственным деньгам, но важно, чтобы вы почувствовали, что в стране нет войны, кроме той, которая касается всех вас".

Штаты, пристыженные и поощренные таким образом, всерьез вознамерились подчиниться указам принца и направили специальную миссию в Англию, чтобы договориться с герцогом Анжуйским о его официальном вступлении в должность суверена. Святая Альдегонда и другие уполномоченные уже были там. Это была памятная эпоха анжуйского сватовства, когда Елизавета и герцог обменялись кольцами и когда весь мир думал, что свадьба вот-вот состоится. Святая Альдегонда написала принцу Оранскому 22 ноября, что в этот день вопрос о браке был окончательно решен. По всем Нидерландам благоприятная весть была встречена кострами, иллюминацией и канонадой, и меры по провозглашению принца, столь высоко ценимого столь великой королевой, суверенным хозяином провинций принимались с большой энергией.

Тем не менее, брак развалился дотла. Было множество турниров, театрализованных представлений и банкетов; короче говоря, изобилие свадебных торжеств, где не было упущено ничего, кроме самой свадьбы. К концу января 1582 года герцог был не ближе к цели, чем тремя месяцами ранее. Поэтому, уступая пожеланиям нидерландских послов, он подготовился к визиту в их страну, где должна была состояться церемония его радостного вступления в качестве герцога Брабанта и суверена других провинций. Открытого разрыва с Элизабет не произошло. Напротив, королева сопровождала герцога с многочисленной и величественной свитой до Кентербери и отправила самый блестящий кортеж из своих самых знатных людей сопровождать его в Нидерланды, сообщив в то же время специальным письмом генеральному секретарю о своих пожеланиях, чтобы с ним обращались с таким же почетом, "как если бы он был ее вторым я".

10 февраля пятнадцать крупных судов бросили якорь во Флашинге. Герцог Анжуйский в сопровождении графа Лестера, лордов Хансдона, Уиллоуби, Шеффилда, Говарда, сэра Филипа Сидни и многих других высокопоставленных лиц с репутацией высадился с этого флота. По прибытии он был встречен принцем Оранским, который вместе с принцем Эспинойским и большой делегацией генеральных штатов уже несколько дней ждал его, чтобы

поприветствовать. Человек, которого Нидерланды выбрали своим новым хозяином, стоял на берегах Зеландии. Франциску Геркулесу, сыну Франции, герцогу Алансонскому и Анжуйскому, было в то время всего двадцать восемь лет; однако даже его льстецы или "приспешники", которых он сопровождал так же регулярно, как и своего царственного брата, не могли приписать ему внешней грации молодости или княжеского достоинства. Он был ниже среднего роста, тщедушный и некрасивый. Его волосы и глаза были каштановыми, лицо изрыто оспой, кожа покрыта пятнами, нос настолько распух и искривился, что казался двойным. Эта выдающаяся черта характера не ускользнула от сарказмов его соотечественников, которые, помимо прочих насмешек, имели обыкновение замечать, что от человека, который всегда носит два лица, можно ожидать, что у него будет и два носа. Считалось, что его отвратительная внешность была главной причиной разрыва английского брака, и напрасно его сторонники утверждали, что если он может простить ей возраст, то она, в свою очередь, может простить его уродство. Казалось, существовала некая грань безобразия, за которую даже принцы королевской крови не могли безнаказанно опуститься, и единственным чудом казалось, что Елизавета, у ног которой всегда был красавец Роберт Дадли, могла даже терпеть обращения Франциска Валуа.

Его интеллект ни в коем случае не вызывал презрения. Он был не лишен определенной быстроты восприятия и живости выражения, которые были в ходу среди его почитателей остроумия и мудрости. Даже среди опытных. Святая Альдегунда была обманута в его характере и после полуторачасовой беседы описала его как принца, переполненного щедростью, умом и искренностью. То, что такие люди, как Святая Альдегунда и принц Оранский, ошибались в своих суждениях, свидетельствует не столько об их недостатке проницательности, сколько о разнице между общей репутацией герцога в тот период и той, которая в конечном итоге установилась за ним в истории. Более того, последующие события должны были продемонстрировать крайнюю низость его характера более явно, чем это проявлялось во время его предыдущей карьеры, какой бы колеблющейся она ни была. Более подлое и в то же время более опасное существо еще не появлялось на преданной земле Нидерландов. Ни один из персонажей, которые до сих пор фигурировали в долгой драме восстания, не сыграл столь печальной роли. Амбициозный, но тривиальный, предприимчивый, но трусливый, интриган и простофиля, без религиозных убеждений или политических принципов, за исключением того, что он был готов принять любое вероучение или любую систему, которые могли бы продвинуть его собственные планы, он был самым неподходящим защитником для людей, которые, будь они правы или нет, были по крайней мере серьезны и которые привыкли считать истину одной из добродетелей. У него определенно не было недостатка в самоуважении. Обладая незначительной фигурой и отталкивающим выражением лица, он надеялся стереть впечатление, произведенное на воображение Элизабет самым красивым мужчиной в Европе. Обладая банальными способностями и узким политическим образованием, он намеревался обойти самого выдающегося государственного деятеля своего времени. И там, на пирсе во Флашинге, он встал между ними обоими; между великолепным Лестером, которого он думал затмить, и молчаливым принцем Оранским, которого он был полон решимости перехитрить. Потомкам давно известно, насколько он преуспел и в той, и в другой попытке.

Прибытие герцога было встречено грохотом артиллерии, звоном колоколов и одобрительными возгласами большого стечения жителей; городские магистраты, депутаты Зеландии и другие официальные лица произнесли подобающие случаю речи, и был устроен величественный банкет, настолько замечательный "своим сахаром и другими деликатесами, что полностью

изумил французских и английских лордов, которые принимали в нем участие". Герцог посетил Мидделбург, где его приняли с большой помпой и властям которого он выразил свое удовлетворение по поводу того, что два таких величественных города расположены так близко друг к другу на одном маленьком острове.

17 февраля он отплыл в Антверпен. Флот из пятидесяти четырех судов, увешанных флагами и вымпелами, доставил его и его свиту вместе с многочисленной депутацией, приветствовавшей его во Флашинге, в великую торговую столицу. Он сошел на берег в Киле, на расстоянии полета стрелы от города, поскольку, как и другие герцоги Брабанта, он не должен был въезжать в Антверпен, пока не принесет клятвы уважать конституцию, а церемония инаугурации должна была состояться за городскими стенами. Для этой цели была возведена большая платформа, с которой открывался вид на величественный город с его ошестинившимися укреплениями и тенистыми рощами. Был приготовлен трон, покрытый бархатом и золотом, и здесь герцог занял свое место, окруженный блестящей толпой, среди которой было много самых выдающихся персон Европы.

Было ясное зимнее утро. Флот с развевающимися знаменами бросался в глаза на реке, в то время как огромное скопление людей стекалось со всех сторон, чтобы поприветствовать нового монарха. Двадцать тысяч солдат бюргерства в ярких мундирах окружили платформу, на устланном гобеленами полу которой стояли магистраты Антверпена, ведущие представители брабантских сословий, во главе с принцем Оранским, а также многие другие крупные чиновники. Великолепие, выставлявшееся повсюду, и особенно великолепные костюмы военных рот, вызвали глубокое изумление французов, которые восклицали, что каждый солдат выглядит капитаном, и которые с досадой смотрели на свое собственное низкое снаряжение.

Эндрю Хезаэлс, "утриуск юрис", произнес приветственную речь, в которой, помимо прочих проявлений красноречия, выразил надежду провинций на то, что герцог лучами своего величия, мудрости и великодушия рассеет все туманы, завесы и другие испарения, пагубные для их национального процветания, и что он вернет солнечный свет их древней славы.

Анжу отвечал на эти комплименты с не меньшей вежливостью и много говорил о своей готовности пролить каждую каплю своей крови в защиту свобод Брабанта; но это могло бы ослабить энтузиазм момента, если бы занавес не очень отдаленного будущего был приподнят. Зрители, слушавшие эти обещания, могли бы увидеть, что он был расположен пролить не столько свою кровь, сколько их, и не столько в защиту, сколько в нарушение тех самых свобод, которые он поклялся защищать.

Затем оратор Хессельс зачитал вслух статьи Радостного вступления на фламандском языке, и герцога спросили, не требуется ли ему каких-либо разъяснений по поводу этой знаменитой конституции. Он ответил, что тщательно изучил его запасы с помощью принца Оранского во время своего путешествия из Флашинга и вполне готов поклясться, что сохранит их. Затем, согласно древнему обычаю, были произнесены клятвы. Затем были принесены герцогская шляпа и бархатная мантия, подбитая горностаем, принц Оранский помог его высочеству облачиться в этот исторический костюм герцогов Брабанта и сказал ему, застегивая пуговицу у

горла: "Я должен закрепить это одеяние так прочно, милорд, чтобы никто никогда не смог сорвать его с ваших плеч".

Облаченный таким образом в свои одежды суверена, Анжу был вынужден выслушать еще одну речь антверпенского пенсионария Джона Ван дер Веркена. Затем он обменялся клятвами с городскими властями и получил ключи, которые вернул на хранение бургомистру. Тем временем зазвучали трубы, множество золотых и серебряных монет было рассыпано среди народа, и герольды громко воскликнули: "Да здравствует герцог Брабантский".

Затем была сформирована процессия для сопровождения нового герцога в его торговую столицу. Это была величественная и впечатляющая процессия. Ганзейские купцы в старинных немецких одеяниях, английские купцы в длинных бархатных сутанах, герольды в причудливых костюмах, длинная вереница гражданского ополчения при полном параде музыкальных оркестров, главные чиновники городов и провинций в своих черных мантиях и золотых цепях, все марширующие под эмблематическими штандартами или освященными временем гербами, следовали друг за другом в достойном порядке. Затем прибыл сам герцог на белом берберийском коне в золотой попоне. Его окружали английские, французские и нидерландские вельможи, многие из которых имели мировую известность. Здесь были величественный Лестер; сэр Филип Сидни, зеркало рыцарства; изможденная и внушительная фигура Уильяма Молчаливого; его сын; граф Морис Нассауский, которому суждено было стать первым капитаном своего возраста, тогда красивым темноглазым пятнадцатилетним юношей; дофин Оверни; маршал де Бирон и его сыновья; принц Эспиноа; лорды Шеффилд; Уиллоуби, Говард; Хансдон и многие другие свысоким положением и выдающейся репутацией. Древние гильдии арбалетчиков и лучники Брабанта в великолепном снаряжении составляли телохранителей герцога, в то время как его французские кавалеристы, лейб-гвардейцы принца Оранского и линейные войска следовали за ним в большом количестве, все их сверкающие мундиры весело сочетались, "как цветы де люс на королевской мантии". Процессию, столь великолепную и веселую, завершала унылая группа из трехсот злоумышленников, маршировавших в оковах и умолявших герцога о прощении, которое должно было быть даровано вечером. Огромные факелы, хотя был полдень, горели вдоль дороги с интервалом в четыре-пять футов, непрерывной линией протянувшись от платформы в Киле до портала Святого Иориса, через который должен был состояться въезд в город.

Внутри ворот грандиозная аллегория ожидала приближения нового государя. Огромная позолоченная повозка, битком набитая этими символическими и великолепно разукрашенными персонами, столь дорогими нидерландцам, преграждала продвижение процессии. Казалось, все добродетели собрались проветриться в одной колеснице и теперь ждали, чтобы выразить свое почтение Франциску Геркулесу Валуа. Религию в "красном атласе", держащую Евангелие в руке, поддерживало Правосудие "в оранжевом бархате", вооруженное клинком и балкой. Благоразумие и Стойкость обнимали друг друга возле колонны, обвитой змеями, "заткнувшими уши хвостами, чтобы символизировать глухоту к лести", в то время как Патриотизм пеликаном и Терпение наседкой благожелательно взирали на происходящее. Должным образом приняв это приветствие, процессия двинулась в город. Улицы были заполнены войсками и горожанами; балконы были заполнены красивыми женщинами; "даже фронтоны, - говорит восторженный современник, - казались женскими глазами". Рыночная площадь была заполнена восковыми факелами и пылающими бочками со смолой, а в центре ее возвышался великан Антигон — основатель города за тысячу триста лет до христианской эры — сказочный

персонаж, который привык бросать в Воду верные руки всех торговцев-контрабандистов. Эта колоссальная личность, одетая в "небесно-голубой плащ" и держащая знамя с гербом Испании, повернула голову, когда герцог вышел на площадь, поприветствовала нового монарха, а затем, бросив испанский герб на землю, подняла другой, с гербом Анжу.

И вот, среди бурного излияния доверия, еще один лорд и повелитель совершил свой триумфальный въезд в Нидерланды. Увы, как часто этот сангвинический народ подобными возгласами приветствовал приход своих предателей и тиранов! Как скоро они обнаружили, что человек, которого они принимали с самым теплым энтузиазмом, был самым вероломным тираном из всех.

Наступила ночь, когда процессия наконец достигла дворца Святого Михаила, который был оборудован для временного приема герцога. Следующий день был посвящен произнесению речей; различные депутации ожидали нового герцога Брабанта с поздравительными речами. Великий пенсионарий произнес помпезную речь на помосте, обитом небесно-голубым шелком и устланном золотой тканью. Комитет немецкой и французской реформатских церквей выступил с длинной речью, в которой они выразили надежду, что Господь сделает герцога "доблестным, как Давид, мудрым, как Соломон, и благочестивым, как Езекия". Римско-католическая делегация сообщила его Высочеству, что в течение восьми месяцев членам Древней Церкви были запрещены все религиозные обряды, за исключением крещения, заключения брака, посещения больных и похорон. Поэтому было дано обещание, что этот запрет, ставший результатом беспорядков, описанных в предыдущей главе, должен быть немедленно изменен, и соответственно 15 марта по приказу магистратов было решено, что всем католикам будет разрешено посещать публичные богослужения в соответствии с древним церемониалом в церкви Святого Михаила, которая первоначально предназначалась для использования новым герцогом Брабантским. Однако было оговорено, что все, кто желает воспользоваться этой привилегией, должны заранее принести клятву отречения и прийти в церковь без оружия.

Тогда здесь было достаточно клятв, достаточно речей, достаточно комплиментов, чтобы сделать любое соглашение незыблемым, поскольку ветренные отсрочки могли послужить прочной основой для общественного договора. Колокола, трубы и наглые глотки людей и пушек производили достаточный шум, факелы и бочки со смолой создавали достаточный блеск, чтобы подтвердить — насколько это могли подтвердить шум и пылающая смола — благопристойность церкви и городского дома, но вскоре пришло время показать ценность таких демонстраций. Тем временем "намордник" был торжественно надет и принят с покорностью. Условия договора, заключенного в Плесси-ле-Тур и Бордо, были обнародованы. Герцог подписал двадцать семь статей, которые представляли собой настолько строгий и разумный конституционный договор, какого только мог пожелать любой нидерландский патриот. Эти статьи, взятые в связи с древними хартиями, которые они явно поддерживали, не оставляли новому суверену никаких следов произвола. Он был всего лишь наследственным президентом представительной республики. Он должен был стать герцогом, графом, маркграфом или сеньором различных провинций на тех же условиях, которые приняли его предшественники. Он должен был передать эти звания своим детям. Если детей было больше одного, провинции должны были выбрать одного из этого числа для своего суверена. Он должен был сохранять все древние привилегии, хартии, статуты и обычаи и лишаться своего суверенитета при первом нарушении. Он должен был созывать генеральные штаты не реже одного раза в год. Он всегда должен был проживать в Нидерландах. Он должен был разрешать занимать должности только местным жителям. Его

право назначаться на все важные должности было ограничено выбором из трех кандидатов, которые должны были быть предложены сословиями соответствующей провинции на каждую вакансию. Он должен был поддерживать "Религию" и религиозный мир в том состоянии, в котором они тогда находились, или в том, которое впоследствии должно было быть установлено сословиями каждой провинции, не внося никаких новшеств со своей стороны. Голландия и Зеландия должны были остаться такими, какими они были, как в вопросе религии, так и в остальном. Его Высочество не должен был допускать, чтобы кто-либо подвергался допросу или растлению в его доме или иным образом, по делу или под предлогом религии. Он должен был заручиться помощью короля Франции для Нидерландов. Он должен был поддерживать совершенную и бессрочную лигу, наступательную и оборонительную, между этим королевством и провинциями, не допуская, однако, какого-либо присоединения территории. Он должен был продолжать войну против Испании на свои собственные средства и средства, предоставленные его царственным братом, в дополнение к ежегодному взносу из поместий в размере двух миллионов четырехсот тысяч гульденов. Он должен был распустить все войска, находящиеся под командованием генеральных штатов. Он не должен был заключать никаких договоров с Испанией без их согласия.

Было бы излишним указывать на огромную разницу между представлениями о международном праве в шестнадцатом веке и в нашем собственном. Между Испанией, Францией и Англией существовало состояние номинального мира; однако здесь был брат французского монарха во главе французских войск, и его сопровождали гранды Англии, торжественно принимавшие суверенитет над восставшими провинциями Испании. Любопытно также отметить, что конституционный договор, по которому новый суверен Нидерландов был допущен к управлению страной, был бы отвергнут монархами Франции или Англии как революционный и республиканский, если бы была предпринята попытка применить его к их собственным королевствам, поскольку древние хартии, которые на самом деле представляли собой республиканскую форму правления, были восстановлены соглашением с Анжу. Теперь начали проявляться первые плоды запрета. Воскресенье, 18 марта 1582 года, было днем рождения герцога Анжуйского, и, соответственно, вечером во дворце Святого Михаила было устроено большое празднество, на которое, конечно же, были приглашены принц Оранский, а также все знатные французские вельможи. Принц обедал, как обычно, в своем доме по соседству с цитаделью в компании графов Гогенло и Лавалья и двух выдающихся французских комиссаров, Бонниве и Де Прюно. Молодой Морис Нассауский и два племянника принца, сыновья его брата Джона, также присутствовали за столом. За ужином беседа была оживленной, рассказывалось много историй о жестокостях, творимых испанцами в провинциях. Встав из-за стола, Оранж направился из столовой в свои апартаменты, по пути показывая дворянам из своей компании кусок гобелена, на котором были изображены несколько испанских солдат. В этот момент, когда он стоял на пороге приемной, из числа слуг появился юноша небольшого роста, с вульгарной осанкой и бледно-смуглым лицом и обратился к нему с просьбой. Он взял бумагу, и в этот момент незнакомец внезапно выхватил пистолет и выстрелил в голову принцу. Пуля вошла в шею под правым ухом, прошла через небо и вышла под левой челюстью, унося с собой два зуба. Пистолет держали так близко, что волосы и борода принца загорелись от выстрела. Он остался стоять, но ослепленный, оглушенный и на мгновение совершенно не осознавший, что произошло. Как он впоследствии заметил, ему показалось, что, возможно, внезапно обрушилась часть дома. Очень скоро обнаружив, что его волосы и борода горят, он понял, что произошло; и быстро крикнул: "Не убивайте его — я прощаю ему свою смерть!" и, повернувшись

к присутствующим французским дворянам, добавил: "Увы! какого верного слугу теряет во мне его высочество!"

Это были его первые слова, произнесенные после того, как, как все считали, он был смертельно ранен. Весть о милосердии пришла, однако, слишком поздно, ибо двое из присутствующих джентльменов, повинувшись непреодолимому порыву, пронзили убийцу насквозь своими рапирами. Алебардщики бросились на него сразу после уордов, так что он упал, пронзенный в тридцати двух жизненно важных местах. Принц, поддерживаемый своими друзьями, прошел в свою комнату, где его уложили в постель, пока хирурги осматривали и перевязывали рану. С виду это было очень опасно, но очень странное обстоятельство вселяло больше надежды, чем можно было ожидать в противном случае. Пламя из пистолета было так близко, что фактически прижгло рану, нанесенную пулей. Если бы не это, предполагалось, что поток крови из простреленных вен оказался бы смертельным еще до того, как рану удалось бы перевязать. Принц после первого потрясения полностью пришел в себя и, полагая, что умирает, выразил самое искреннее сочувствие по поводу состояния, в которое герцог Анжуйский будет поставлен своей смертью. "Увы, бедный принц!" - часто восклицал он. "Увы, какие неприятности теперь постигнут тебя!" Хирурги требовали от него молчания, так как разговор мог привести к немедленной смертельной ране. Он подчинился, но писал не переставая. Пока его сердце могло биться, он не мог не думать о своей стране.

Лион Пети, надежный капитан городской стражи, ворвался в комнату, поскольку, по словам честного бюргера, ему было абсолютно необходимо собственными глазами увидеть, что принц жив, и в противном случае сообщить об этом горожанам, настолько велико было волнение, что невозможно было сказать, каков может быть результат. На самом деле считалось, что принц уже мертв, и ходили слухи, что он был убит по приказу Анжу. Это ужасное подозрение распространилось по городу и вызвало яростное возмущение, когда люди заговорили об убийстве Колиньи, о Святом Варфоломее, о кровожадных наклонностях рода Валуа. Если бы покушение произошло вечером, на банкете в честь дня рождения Анжу, ужасная резня была бы неизбежным результатом. Однако вскоре возникли обстоятельства, которые сняли подозрение с французов и указали на происхождение преступления. Тем временем принц письменно призвал капитана Пети немедленно отправиться с известием о том, что он все же выжил, но умолять людей, на случай, если Бог призовет его к Себе, сохранить о нем добрую память, не поднимать шума и служить герцогу послушно и верой.

Тем временем юный Морис Нассауский демонстрировал ту холодную решимость, которая уже была характерной чертой его характера. Вполне естественно, что пятнадцатилетний мальчик был несколько взволнован, увидев у себя на глазах простреленную голову такого отца. Его положение стало вдвойне серьезным из-за мгновенно возникших подозрений относительно вероятной причины покушения. В зале уже поговаривали шепотом, что джентльмены, столь усердно убивавшие убийцу, были его сообщниками, которые — руководствуясь принципом, что мертвецы не станут рассказывать небылиц, — теперь, когда дело было сделано, были расположены не допустить неприятных разоблачений относительно их собственной причастности к преступлению. Морис, несмотря на все эти причины для волнения и несмотря на свою горе в связи с вероятной смертью отца, неотступно оставался у тела убийцы. Он был полон решимости, если возможно, раскрыть заговор, и ждал, когда ему удастся завладеть всеми бумагами и другими предметами, которые могли быть найдены при покойном.

Слуги немедленно произвели тщательный обыск, и все было передано в собственные руки молодого графа. Покончив с этим, Морис выразил сомнение, что кто-нибудь из сообщников злодея попытается отобрать у него предметы, после чего вперед выступил старый верный слуга его отца, который, подчеркнув важность сохранения в неприкосновенности таких важных документов, взял своего молодого хозяина под плащ и отвел его в уединенную комнату дома. Здесь, после быстрого изучения, было обнаружено, что все бумаги были на испанском языке, написанные испанцами испанцам, так что было очевидно, что заговор, если таковой и существовал, не был французским заговором. Поэтому слуга посоветовал Морису отправиться к отцу, а сам немедленно спуститься в холл с этим важным известием. Граф Гогенло с момента убийства приказал запереть двери и никому не позволял входить в квартиру или покидать ее без его разрешения. Принесенная слугой информация о характере бумаг вызвала у всех большое облегчение, ибо до этого момента подозрение падало даже на людей, которые были заклятыми друзьями принца.

Прибывшая тем временем святая Альдегонда в сопровождении других джентльменов приступила к изучению бумаг и других предметов, изъятых у убийцы. Пистолет, из которого он совершил это преступление, валялся на полу; обнаженный кинжал, которым он, вероятно, тоже воспользовался бы, если бы ему не оторвало большой палец выстрелом из пистолета, был найден в его багажнике. В карманах у него были Агнус Деи, свеча из зеленого воска, два кусочка заячьей шкурки, две сушеные жабы, которые считались колдовскими амулетами, распятие, иезуитский катехизис, молитвенник, записная книжка с двумя испанскими переводными векселями — одним на две тысячи и одним на восемьсот семьдесят семь крон - и набор табличек для письма. Эти последние были покрыты клятвами и благочестивыми воззваниями в связи субийственным делом, которое было в руках автора. Он обращался с горячими молитвами к "Деве Марии, Ангелу Гавриилу, Спасителю и Сыну Спасителя, как если бы, - простодушно говорит антверпенский хронист, - у Господа Иисуса был сын", чтобы все они могли использовать свое заступничество перед Всемогущим для верного и безопасного свершения задуманного дела. Если он выйдет победителем и невредимым, он торжественно поклялся неделю поститься на хлебе и воде. Более того, он пообещал Христу "новую одежду дорогого покроя"; Матери Божьей в Гваделупе - новое платье; Богоматери Монсерратской - корону, мантию и лампаду; и так далее по списку подобных подарков, которые таким образом предполагались для различных Святынь. Бедный фанатичный дурачок был научен более отъявленными злодеями, чем он сам, что его пистолет предназначен для того, чтобы избавить мир от тирана и открыть ему самому дорогу на Небеса, если его карьера на земле оборвется. Однако, чтобы предотвратить столь нежелательную для него катастрофу, его самой естественной идеей было подкупить все небесное воинство, начиная с Девы Марии и ниже, поскольку его учили, что отпущение грехов за убийство можно покупать и продавать, как другие товары. Его также убедили, что после совершения этого поступка он станет невидимым.

Святая Альдегонда поспешила изложить результаты этого допроса герцогу Анжуйскому. Информация также была немедленно передана магистратам в Городском доме, и эти меры были успешными в восстановлении доверия во всем городе к намерениям нового правительства. Анжу немедленно созвал Государственный совет, объявил о созыве досрочного заседания генеральных штатов и опубликовал прокламацию, согласно которой все лица, располагающие информацией о только что совершенном преступлении, должны немедленно явиться с повинной под страхом смерти. Тело убийцы было немедленно выставлено на всеобщее обозрение, и вскоре в нем узнали некоего Хуана Хорегуи, слугу Гаспара д'Анастро, испанского

купца из Антверпена. Письма и переводные векселя также при ближайшем рассмотрении в Городском доме указывали на причастность Анастро к этому делу. В его доме был немедленно произведен обыск, но торговец уехал в предыдущий вторник под предлогом неотложных дел в Кале. Однако его кассир Венеро и монах-доминиканец по имени Энтони Циммерман, оба члена его семьи, были арестованы по подозрению. На следующий день стража, стоявшая у ворот, отнесла иностранные почтовые пакеты, как только они прибыли, в магистратуру, где были обнаружены письма от Анастро к Венеро, что совершенно прояснило дело. После того как они были тщательно изучены, их показали Венерону, который, видя себя полностью разоренным, попросил перо и чернила и написал полное признание.

Оказалось, что преступление было чисто коммерческой спекуляцией со стороны Анастро. Этот купец, находясь на грани банкротства, заключил с Филиппом взаимный договор, который король подписал своей рукой и скрепил своей печатью, согласно которому Анастро в течение определенного срока должен был лишить жизни Вильгельма Оранского и за это должен был получить восемьдесят тысяч дукатов и крест Сантьяго. Стать рыцарем-компаньоном самого гордого рыцарского ордена Испании означало получить гердон сверх восьмидесяти тысяч сребреников, которые испанский монарх пообещал убийце, если тот добьется успеха. Что касается самого Анастро, то он был слишком бережлив и слишком осторожен, чтобы рисковать собственной жизнью или потерять большую часть премии. Со слезами, текущими по его щекам, он нарисовал своему верному кассиру картину, которую представит его хозяин, когда люди укажут на него и скажут: "Смотрите, вы банкрот!", протестуя, таким образом, что он убьет оранжа и получит награду, или погибнет при попытке. Сказав это, он снова пролил много слез. Венерон, видя своего господина таким безутешным, тоже горько заплакал и умолял его не рисковать своей драгоценной жизнью. После этого трогательного смешения их горя торговец и его бухгалтер успокоились, и они наконец договорились, что эту работу следует доверить Джону Хореги. Анастро намеревался, как он сказал в перехваченном впоследствии письме, "совершить это дело своей собственной рукой; но, поскольку Бог, вероятно, приберег его для других дел, и в частности для того, чтобы служить своим очень любящим друзьям, он счел за лучшее доверить исполнение замысла своему слуге". Цена, заплаченная мастером этому человеку за работу, по-видимому, составила всего две тысячи восемьсот семьдесят семь крон. Трусливый и коварный директор сбежал. Он поспешно отправился в Дюнкерк, притворившись, что внезапная смерть его агента в Кале требует его немедленного присутствия в этом городе. Губернатор Дюнкерка Свевзил послал ординарца за паспортом для него к Ла Мотту, командующему в Гравелингене. Анастро, который был начеку, опасаясь, что до него дойдет весть о том, что предполагаемое убийство совершено до того, как он пересечет границу, выразил бурную радость по поводу получения паспорта и дал посыльному, который принес его, тридцать пистолей. Такое поведение, естественно, возбудило смутные подозрения в уме губернатора, но у торговца был хороший характер, и он привез срочные письма от адмирала Треслонга. Свизил не осмелился арестовать его без причины, и он не знал ни о том, что было совершено какое-либо преступление, ни о том, что человек, стоящий перед ним, был преступником. Через два часа после отъезда путешественника пришло известие о содеянном вместе с приказом арестовать Анастро, но было слишком поздно. Торговец нашел убежище в окрестностях Пармы.

Тем временем принц находился в крайне тяжелом состоянии. Полагая, что его конец быстро приближается, он продиктовал письма генеральным штатам, умоляя их продолжать повиноваться герцогу, утверждая, что не знает лучшего правителя для управления

провинциями, чем тот, которого он знал. Эти письма были отправлены святой Альдегондой в ассамблею, от которой, повинаясь воле Оранского, в Анжу была отправлена депутация с выражениями соболезнования и верности.

Согласно прокламации, в среду в Антверпене был объявлен торжественный пост, запрещались всякая работа и все развлечения, а во всех церквях предписывались особые молитвы за выздоровление принца. "Никогда на памяти людей, - говорится в отчете, опубликованном в настоящее время в Антверпене, - в церквях не видели таких толп и не было пролито столько слез".

Процесс против Венеро и Циммермана был быстро завершен, поскольку оба полностью признали свою причастность к преступлению. Однако принц, лежа в постели больного, распорядился, чтобы дело велось со строгим соблюдением справедливости, и, когда казнь больше нельзя было откладывать, он направил письменное прошение руками Святой Альдегонды о том, чтобы они были преданы смерти наименее мучительным способом. Просьба была удовлетворена, но не может быть никаких сомнений в том, что преступники, если бы этого не было сделано, искупили бы свое преступление самыми длительными пытками. Благодаря заступничеству человека, который должен был стать их жертвой, они были задушены, а затем четвертованы на эшафоте, воздвигнутом на рыночной площади, напротив Городского дома. Эта казнь состоялась в среду, 28 марта.

Тем временем считалось, что принц идет на поправку, и благодарственные возгласы стали смешиваться с молитвами, возносимыми почти ежечасно в церквях; но в течение восемнадцати дней он пролежал в крайне тяжелом состоянии. Его жена почти не отходила от его постели, а сестра, Екатерина, графиня Шварцбургская, была неутомима в своих заботах. Герцог Анжуйский навещал его ежедневно и выражал самую сыновнюю тревогу за его выздоровление, но надежды, которые постепенно укреплялись, 5 апреля сменились глубочайшими опасениями. В тот день рубец, который препятствовал оттоку крови из шеи, почти с момента первого нанесения раны, отпал. Из вен вытекло огромное количество крови; казалось, остановить кровотечение невозможно, и всякая надежда, казалось, исчезла. Принц смирился со своей судьбой и пожелал своим детям "спокойной ночи навсегда", спокойно сказав: "Теперь со мной все кончено".

Было трудно, не задушив пациента, достаточно туго наложить повязку, чтобы остановить рану, но Леонардо Боталли из Асти, анжуйскому телохранителю, тем не менее, посчастливилось изобрести простой механический прием, который оказался успешным. По его совету чередой санитаров, сменявших друг друга днем и ночью, предотвратили кровотечение, слегка, но крепко зажимая отверстие раны большим пальцем. После периода тревожного ожидания рана снова закрылась, и к концу месяца принц выздоравливал. 2 мая он отправился вознести благодарственную молитву в Большом соборе под радостные рыдания огромной и самой искренней толпы.

Принц был спасен, но, к несчастью, убийца все же нашел выдающуюся жертву. Принцесса Оранская, Шарлотта де Бурбон — преданная жена, которая в течение семи лет так преданно разделяла его радости и горести, — уже лежала на смертном одре. Измученная тревогой, долгим наблюдением и чередованием надежды и страха в течение первых восемнадцати дней, она была повержена отчаянием из-за возобновившегося кровотечения. Ее охватила сильная лихорадка, от которой она слегла 5 мая, через три дня после торжественного дня благодарения

за выздоровление ее мужа. Принцу, который нежно любил ее, грозила большая опасность повторения печального события, которое, хотя и не было внезапным, никто не ожидал. Ее положили в могилу 9 мая, под стенания всей страны, ибо ее добродетели были повсеместно известны и ценимы. Она была женщиной редкого ума, достижений и мягкого нрава; единственным преступлением которой было нарушение своим браком церковных обетов, к которым ее принудили в детстве, но которые были признаны незаконными компетентными органами, как церковными, так и светскими. За это, а также за контраст, который ее добродетели представляли порокам ее предшественницы, она была олицетворением клеветы и оскорбления. Эти нападки, однако, не бросили тени на безмятежность ее супружеской жизни, и до тех пор, пока она была жива, она была верной спутницей и утешительницей своего мужа. "Его высочество, - писал граф Джон в 1580 году, - пребывает в превосходном здоровье и, несмотря на невзгоды, невероятный труд, замешательство и опасности, пребывает в таком хорошем расположении духа, что я счастлив быть свидетелем этого. Без сомнения, главной причиной является утешение, которое он черпает в благочестивой и высокоинтеллектуальной жене, которую дал ему Господь, - женщине, которая всегда соответствует его желаниям и невыразимо дорога ему".

У принцессы осталось шесть дочерей — Луиза Джулиана, Элизабет, Катарина Бельгика, Фландрин, Шарлотта Брабантика и Эмилия Секунда.

Парма получил первые сведения об этом покушении из уст самого Анастро, который заверил его, что дело было полностью успешным, и потребовал обещанную награду.

Вследствие этого Александр направил циркулярные письма властям Антверпена, Брюсселя, Брюгге и других городов, призывая их теперь, когда они избавились от своего тирана и предателя, снова вернуться на путь исполнения своего долга и в всегда распростертые объятия своего законного монарха. Эти письма были преждевременными. С другой стороны, штаты Голландия и Зеландия продолжали проводить постоянные сессии, с крайней тревогой ожидая результатов ранения принца. "Со смертью его превосходительства, если Богу будет угодно забрать его к себе, - сказал магистрат Лейдена, - со смертью принца мы все предвидим нашу собственную смерть". По правде говоря, это был тревожный момент, и чувство отвращения, вызванное его выздоровлением, было пропорционально сильным.

Вследствие волнения, вызванного этим событием, принц больше не мог отказываться от принятия графства Голландия и Зеландия, от которого он категорически отказался два года назад и от которого он снова отказался, за исключением ограниченного периода, в 1581 году. Было хорошо понято, как явствует из договора с Анжу, и впоследствии официально оговорено, "что герцог никогда не претендовал на суверенитет над Голландией и Зеландией", и предложение суверенного графства Голландия было снова сделано принцу Оранскому в самых срочных выражениях. Следует помнить, что он принял суверенитет 5 июля 1581 года, только на время войны. В письме, датированном Брюгге 14 августа 1582 года, он безоговорочно принял это звание. Это предложение и принятие, однако, были лишь предварительными, поскольку далее было необходимо составить письма о "Пересмотре", официально вручить их и установить новую конституцию, подтвержденную взаимными клятвами. После того, как эти шаги были предприняты, должна была состояться торжественная инаугурация или воздание почестей.

Все эти меры были приняты должным образом, за исключением последнего. Возведению на престол нового графа Голландии помешала его смерть, и северные провинции остались Республикой не только фактически, но и по названию.

В политических вопросах основой новой конституции была "Великая привилегия" леди Марии, Великая хартия вольностей страны. Этот памятный памятник в истории Нидерландов и муниципального прогресса был свергнут сыном Марии при вынужденном молчаливом согласии штатов, и поэтому в новой статье было предусмотрено, что даже те законы и привилегии, которые вышли из употребления, должны быть возрождены. Кроме того, было предусмотрено, что маленькое государство должно быть свободным графством и, таким образом, тихо разорвать свою связь с Империей.

Что касается положения принца как наследственного главы малого содружества, то его фактическая власть была скорее уменьшена, чем увеличена его новым саном. Каково было его положение в данный момент? Он был сувереном во время войны на общем основании полномочий, первоначально предоставленных ему королевской комиссией штатгальтера. В 1581 году его Величество был отречен от престола, и штатгальтер стал сувереном. Он держал в своих руках высшую власть, законодательную, судебную, исполнительную. Графы Голландии - и Филипп как их преемник — были великими источниками этого тройного потока. Уступки и исключения стали настолько обширными; без сомнения, что провинциальные хартии представляли собой обширный свод "свобод", которыми была достаточно хорошо обеспечена вся страна. В то же время вся власть, прямо не дарованная, оставалась в груди графа. Таким образом, если бы честолюбие было руководящим принципом Вильгельма, он сменил материальность на тень, поскольку созданное теперь новое государство было свободным содружеством — республикой во всем, кроме названия.

По новой конституции он перестал быть источником государственной жизни или получать свою собственную власть свыше по божественному праву. Священное масло, стекавшее с бороды Карла Простодушного, высохло. Суверенитет Оранжа исходил от сословий, как от законных представителей народа, и вместо того, чтобы осуществлять все полномочия, которые не были предоставлены иным образом, он довольствовался теми, которые были ему особо предоставлены. Он не мог ни объявить войну, ни заключить мир без сотрудничества с представительным органом. Полномочия по назначению были строго ограничены. Судьи, магистраты, губернаторы, шерифы, провинциальные и муниципальные чиновники должны были назначаться местными властями или сословиями по тройственному принципу. Из этих трех кандидатур он имел право выбора только по совету и с согласия своего совета. Ему было прямо предписано следить за тем, чтобы закон доходил до дверей каждого человека, без какого-либо различия лиц; подчиняться его предписаниям, следить за всеми препятствиями на пути справедливого отправления правосудия, предотвращать ложные заключения в тюрьму и обеспечивать суд над каждым обвиняемым местными трибуналами. Это, безусловно, мало соответствовало произвольной практике последней четверти века.

Что касается великого принципа налогообложения, то были предусмотрены даже более строгие обязательства, чем те, которые уже существовали. Мало того, что право налогообложения оставалось за штатами, но граф должен был следить за тем, чтобы, за исключением военных целей, каждый самозванец взимался единогласным голосованием. Ему было категорически запрещено манипулировать валютой. Короче говоря, как глава исполнительной власти, за

исключением своего статуса главнокомандующего на суше или на море, новый суверен был строго ограничен законами, принятыми им самим. От него зависело продиктовать или принять конституцию. В своем памятном письме от августа 1582 года из Брюгге он изложил в общих чертах статьи, подготовленные в Плессии и Бурдо для Анжу, - вместе со всеми применимыми положениями Радостного вступления Брабанта — в качестве набросков конституции для маленького содружества, формировавшегося тогда на севере. К этим положениям он был готов добавить любые другие, которые после тщательного обдумывания можно было бы счесть полезными для страны.

Таким образом, были ограничены его исполнительные функции. Что касается его судебной власти, то она прекратила свое существование. Граф Голландский теперь был хранителем законов, но исполнять их должны были судьи. Он держал меч правосудия, чтобы защищать и казнить, в то время как весы остались в руках, которые научились взвешивать и отмерять.

Что касается законодательной власти графа, то она стала согласованной, если не подчиненной, с властью представительного органа. Ему было строго запрещено вмешиваться в право отдельных или генеральных штатов собираться так часто, как они сочтут нужным; и ему также было запрещено созывать их за пределами их собственной территории. Это был один огромный шаг в развитии репрезентативной свободы, и следующий был не менее важен. Теперь было официально оговорено, что сословия должны были обсуждать все меры, которые "касались правосудия и государственности", и что никаких изменений не должно было вноситься — то есть ни один новый закон не должен был приниматься без их согласия, а также согласия совета. Таким образом, был установлен принцип двух законодательных палат с правом, но не исключительным правом, инициирования со стороны правительства, и в шестнадцатом веке вряд ли можно было ожидать более широких взглядов на гражданскую свободу и представительное правление. Таким образом, был надежно заложен фундамент свободного содружества, которое, будь Вильгельм жив, было бы представительной монархией, но которое его смерть превратила в федеративную республику. Ради единства было необходимо дать связный обзор этих разбирательств в отношении суверенитета Оранжа. Оставалась только официальная инаугурация, и она, как будет видно, была навсегда прервана.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Характер храбрецов - действовать, а не ожидать
Полковник Иссельштейн, "уволен за одно или два убийства"
Бог не дал абсолютной власти ни одному смертному человеку
Отложенная надежда была лишь холодным и скудным утешением
Естественно судить только по результату
Никакой власти над армией, которой они не платили
Чрезмерно удрученный невзгодами

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ МОТЛИ, издание проекта Гутенберга, том 34

РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон Лотроп Мотли , 1855

ГЛАВА VI.

Парма вспоминает иностранные войска—Осада Ауденарда—Хладнокровие Александра—Взятие города и Ниневии—Инаугурация Анжу в Генте—Покушение на его жизнь и жизнь Оранского—Причастность Ламорала Эгмонта к заговору—Неудачная атака Пармы на Гент—Секретные планы Анжу—Дюнкерк, Остенде и другие города, застигнутые врасплох его сторонниками—Неудача при Брюгге—Подозрения в Антверпене—Двуличие Анжу—"Французская ярость"—Подробности этой сделки—Замешательство и немилость герцога—Его последующая наглость — Его письма в магистратуру Антверпена, в Поместья и в Оранж—Обширная переписка между Анжу и французским двором с Оранж и Поместьями—Трудное положение принца—Его политика—Примечательное письмо Генеральным штатам—Временное соглашение с Анжу—Женитьба архиепископа Кельнского—Женитьба Оранжа на Луизе де Колиньи—Движения в Голландии, Брабанте, Фландрии и других провинциях, направленные на то, чтобы побудить принца признать суверенитет над всей страной—Его упорный отказ—Измена Ван ден Берга в Гелдресе—Интриги принца Химэ и Имбизе во Фландрии—Противодействие усилиям оранжевых и партии патриотов —Судьба Имбизе—Примирение Брюгге—Смерть Анжу

В течение 1582 года военные действия с обеих сторон были вялыми и бессистемными, принц Пармский, не имея под своим командованием больших сил, был сравнительно бездействующим. Однако в результате договора, заключенного между Соединенными Штатами и Анжу, Парма убедила валлонские провинции в том, что теперь для них стало абсолютно необходимым разрешить ввод свежих итальянских и испанских войск. Таким образом, на этом закончилось знаменитое положение о запрете использования иностранных солдат в Валлонском договоре о примирении. Настоятель Святого Вааста был немедленно отправлен со специальной миссией в Испанию, и к середине лета войска уже начали прибывать в Нидерланды.

Тем временем Фарнезе, ожидая этих подкреплений, не бездействовал, а потихоньку захватывал несколько важных городов. Ранней весной он осадил Ауденарде, довольно важное место на Шельде, известное как место рождения его бабушки, Маргарет ван Гист. Бюргеры были упрямы; оборона была длительной; вылазки смелыми; стычки частыми и кровопролитными: Александр лично командовал в траншеях, воодушевляя своих людей своим примером и часто работая мотыгой или с копьем в атаке, как рядовой первопроходец или солдат. Ближе к концу осады он почти не покидал места боевых действий и принимал пищу недалеко от внешних укреплений, чтобы не упускать возможности понаблюдать за действиями своих войск. Однажды его ужин был накрыт для него самого и сотрудников на открытом воздухе, недалеко от окопа. Он сам был занят установкой батареи против слабого места в городской стене и ни в коем случае не собирался отступать ни на минуту. Скатерть была натянута на несколько барабанных головок, расположенных близко друг к другу, и несколько знатных вельмож — Аремберг, Монтиньи, Ришбур, Ла Мотт и другие - были его гостями за обедом. Едва началась трапеза, как над столом пролетело ядро, снесшее голову молодому валлонскому офицеру, сидевшему неподалеку от Пармы и настойчиво просившему занять передовое место в завтрашнем штурме. Часть его черепа выбила глаз другому присутствующему джентльмену. Второй снаряд, выпущенный с городских укреплений, столь же хорошо направленный, уничтожил еще двух гостей, сидевших на банкете, — одного немецкого капитана, другого генерального судью-адвоката. Кровь и мозги этих несчастных были разбросаны по праздничному столу, и все остальные вскочили на ноги, у

них почти не осталось аппетита к обеду. Один Александр остался на своем месте, не проявляя никакого смущения. Спокойно приказав слугам убрать мертвые тела и принести чистую скатерть, он настоял на том, чтобы его гости заняли свои места на банкете, который был прерван таким ужасным образом. Он заявил с очень решительным видом, что не может допустить, чтобы бюргеры-еретики Ауденарде торжествовали, отпугнув его от обеда или от опасного поста. Остальным джентльменам, конечно, оставалось только подражать невозмутимости своего шефа, и трапеза, соответственно, завершилась без дальнейших перерывов. Вскоре после этого город, теснимый столь решительным военачальником, принял условия, которые были более благоприятными из-за уважения, которое Александр предпочитал оказывать месту рождения своей матери. Грабеж был заменен на тридцать тысяч крон, и 5 июля город был сдан Парме почти на глазах у Анжу, который демонстративно снимал осаду.

Нинове, цитадель, принадлежавшая тогда семье Эгмонтов, была затем разрушена. Здесь оборона также была более упорной, чем можно было ожидать, учитывая важность этого места, и по мере приближения осени войска Пармы почти умирали с голоду в своих траншеях из-за нехватки припасов. Они неделями не ели мяса, кроме конины, но и ее не было. Все кавалерийские лошади были съедены, и даже боевое снаряжение офицеров не соблюдалось. Однажды пармский адъютант привязал своего коня у входа в палатку принца, когда тот вошел, чтобы получить указания своего командира. Когда он снова вышел через несколько минут, то не нашел ничего, кроме седла и уздечки, висевших там, где он привязал лошадь. Возражения были бесполезны, так как животное уже было разрезано на четвертинки, и единственным угощением, предложенным адъютанту, был бифштекс. Этот голод долгое время был широко известен как "ниновейский голод", но, несмотря на это препятствие, это место в конце концов было сдано.

Попытка штурма Локума, важного города в Гелдерланде, оказалась безуспешной, это место было освобождено войсками герцога Анжуйского, и войска Пармы были вынуждены снять осаду. При Стинвике королевское оружие действовало более успешно, полковник Тассис под предводительством вероломного фризского крестьянина застал врасплох город, который так долго и мужественно сопротивлялся Реннебергу предыдущей зимой. С этим событием активные операции под Пармой завершились на год. Однако к концу осени он имел удовлетворение от того, что под его командованием находилось целых шестьдесят тысяч хорошо оснащенных и дисциплинированных солдат, включая недавно отправленные крупные подкрепления из Испании и Италии. Ежемесячные расходы этой армии - половина которых требовалась для несения гарнизонной службы, оставляя только остальную часть для полевых операций, — оценивались в шестьсот пятьдесят тысяч флоринов. Силы под командованием Анжу и соединенных провинций также были значительно увеличены, так что костяк страны снова оказался на грани полного истощения ее защитниками и врагами.

Тем временем инциденты, связанные с управлением Анжу в течение 1582 года, были немногочисленны и не имели большого значения. После помпезного и тщательно продуманного "оммажа" в Антверпене в июле месяце он был официально принят в письменном виде в качестве герцога Гельдерса и лорда Фрисландии. В том же месяце он был торжественно представлен в Брюгге в качестве графа Фландрии — событие, на котором присутствовал принц Оранский. Соответственно, в этом древнем и величественном городе было много шествий под триумфальными арками, много канонады и речей, много символических изображений солнц, рассеивающих туманы, с другими веселыми эмблемами, много украшений герцогских плеч

бархатными мантиями, подбитыми шкурой ласки, много сверкания бочек со смолой и факелов. В разгар этого события было совершено покушение на жизнь как Оранского, так и Анжу. Итальянец по имени Баса и испанец по имени Сальседа были уличены в организации отравления обоих принцев, а при аресте признались, что были наняты принцем Пармским для организации этого двойного убийства. Баса покончил с собой в тюрьме. Однако его тело было подвешено к виселице с надписью о том, что он пытался по наущению Пармы лишить жизни Оранского и Анжу. Сальседа, которому повезло меньше, был отправлен в Париж, где его признали виновным и казнили, разорвав на куски четырьмя лошадьми. К сожалению, Ламорал Эгмонт, младший сын и тезка великого полководца, был близок с Сальседой и замешан в этом подлом замысле. Его мать, находясь на смертном одре, особенно рекомендовала юношу на попечение Оранжа. Принц всегда признавал это право, проявляя неизменную нежность к сыну своего неудачно начавшего друга; и вот теперь юный Ламораль — как будто имя Эгмонта было недостаточно запятнано изменой старшего брата в Брюсселе — стал соратником наемных заговорщиков, покушавшихся на жизнь его опекуна. Дело замяли, но история была распространена, и все считали, что Эгмонт сам предпринял попытку уничтожить принца за его собственным столом с помощью яда, который он хранил в кольце. Святую Альдегонду должны были лишить жизни таким же образом, и, как говорили, в квартире Эгмонта было найдено полое кольцо, наполненное ядом.

Молодой дворянин был заключен в тюрьму; его вина не вызвала сомнений; но могущественное заступничество самого Оранского в сочетании с близкими отношениями Эгмонта с французской королевой спасли ему жизнь, и после недолгого плена ему было разрешено отбыть во Францию.

Герцог Анжуйский, месяц спустя, был принят с такой же помпой в городе Генте. Здесь церемонии были прерваны другим образом. Принц Пармский во главе нескольких валлонских полков предпринял атаку на отряд войск, которыми Анжу сопровождали во Фландрию, войска отступили в хорошем порядке и без особых потерь под стенами Гента, где развернулись длительные и ожесточенные бои, в значительной степени невыгодные для Пармы, принца Оранского и герцога; анжуйцы находились на городских стенах во время всей стычки, отдавая приказы и руководя передвижениями своих войск, и с наступлением темноты Парма была вынуждена отступить. уйти в отставку, оставив за собой большое количество убитых.

15-й день декабря в этом году отмечался согласно новому постановлению Григория Тринадцатого — как Рождество Христово. Это было более чем обычным поводом для веселья среди католиков Антверпена, которые прошлым летом добились от Анжу и поместий возобновления права на публичное богослужение. Многие высокопоставленные дворяне приехали из Франции, чтобы засвидетельствовать свое почтение новому герцогу Брабанта. Однако втайне они выражали свое отвращение к тесным конституционным узам, в которых они обнаружили своего будущего суверена, заключенного в тюрьму провинциями. Они считали гораздо ниже достоинства "Сына Франции" играть второстепенную роль титулованного герцога Брабанта, графа Фландрии, сеньора Фрисландии и тому подобного, в то время как вся полнота государственной власти находилась в руках штатов. Они шептались о том, что пришло время принять меры по присоединению Нидерландов к Франции, и они убедили лживого и непостоянного Анжу, что у него никогда не будет никакой надежды на помощь его брата-короля, за исключением понимания того, что кровь и сокровища французов должны быть потрачены на усиление власти не выскочек и независимых провинций, а французской короны.

Они затронули самые низменные струны низменной натуры герцога, пробудив в нем ревность к Оранжу. Вся его душа трепетала от этого призыва. Он уже ненавидел человека, чей выдающийся интеллект внушал ему благоговейный трепет и чей чистый характер вызывал у него стыд. Он твердо, но втайне поклялся, что отстоит свои собственные права и что больше не будет служить тению, статуей, нулем, Матиасом. Излишне добавлять, что ни по его собственному мнению, ни по мнению его коллег из миньонов, ни конституционные статьи, которые он недавно поклялся поддерживать, ни торжественный договор, который он подписал и скрепил печатью в Бордо, не представляли каких-либо препятствий для захвата им неограниченной власти, когда бы этот замысел ни был искусно осуществлен. Он не отдыхал ни днем, ни ночью, разрабатывая свой план.

В начале января 1583 года однажды ночью он послал за несколькими своими ближайшими помощниками, чтобы посоветоваться с ним после того, как он ляжет спать. Он жаловался на наглость штатов, на назойливость совета, который они навязали ему, на недостаточные суммы, которые они выделяли как для него, так и для его войск, на ежедневные оскорбления католической религии. Он возразил, что должен считать себя опозоренным в глазах всего христианского мира, если и дальше будет соглашаться занимать свое нынешнее позорное положение. Но, как он заметил, перед ним были открыты два пути: либо полностью удалиться из Нижних земель, либо поддерживать свою власть сильной рукой, как и подобает принцу. Первый путь покрыл бы его позором. Поэтому ему было необходимо избрать другое. Затем он изложил свой план своим близким друзьям, Ла Фужеру, Де Фази, Палитру, сыновьям маршала Бирона и другим. В тот же день, если это будет возможно, он был полон решимости овладеть со своими собственными войсками главными городами Фландрии. Дюнкерк, Диксмюйд, Денремонд, Брюгге, Гент, Вильворде, Аlost и другие важные места должны были быть одновременно захвачены под предлогом усмирения беспорядков, искусно созданных и поощряемых между бюргерами и гарнизонами, в то время как Антверпен был зарезервирован для его собственного особого предприятия. Эту важную столицу он захватит врасплох в тот же момент, когда другие города будут взяты под охрану его помощниками.

Друзья, собравшиеся вокруг его постели, признали заговор превосходным — все они жаждали католического превосходства, установления божественного права со стороны Франции на Нидерланды и своей доли в разграблении стольких богатых городов одновременно. Эти никчемные миньоны эхом приветствовали своего слабого повелителя; после чего герцог вскочил с постели и, стоя на коленях на полу в ночной рубашке, воздел глаза и сложенные руки к небу и благочестиво призвал благословение Всемоущего на проект, который он таким образом объявил. Он добавил торжественное заверение, что, если его предприятию сопутствует успех, он воздержится в будущем от всякого распутства и откажется от неправильных привычек, которыми была запятнана его юность. Подкупив таким образом Божество и получив поощрение своих льстецов, герцог снова лег в постель. Следующей его заботой было удалить сеньора дю Плесси, который, по его наблюдениям, часто беседовал с принцем Оранским, его подозрительное и виноватое воображение не находило ничего, кроме вреда для себя в соединении двух таких натур. Поэтому он уволил дю Плесси под предлогом особого поручения к его сестре Маргарите Наваррской, но на самом деле для того, чтобы избавиться от присутствия умного и благородного соотечественника.

15 января 1583 года, в день, назначенный для приведения в исполнение заговора, французский комендант Дюнкерка, капитан Сернуа, умело воспользовался небольшой ссорой между

горожанами и гарнизоном, чтобы обезопасить этот важный пограничный город. Те же средства были применены одновременно, с аналогичными результатами, в Остенде, Диксмюйде, Денремонде, Алосте и Вильворде, но в одном важном городе произошла фатальная задержка. Ла Фужер, который был с Сернуа в Дюнkerке, был арестован по пути в Брюгге несколькими патриотически настроенными гражданами, которые пронюхали о том, что только что происходило в других городах, так что, когда Палет, мэр Анжу, и полковник ла Ребур во главе полутора тысяч французских солдат появились перед воротами, им было категорически отказано во въезде. Де Гризе, бургомистр Брюгге, словами и решительными действиями призывал своих сограждан противостоять гнусному проекту, направленному против религиозной свободы и свободного правительства в пользу новой иностранной тирании. Он поговорил с людьми, которые могли посочувствовать и поддержать его мужественное решение, и двадцатичетырехчасовая задержка, в течение которой горожане успели поднять тревогу, спасла город. Все население было настороже, и сбитые с толку французы были вынуждены отступить от ворот, чтобы не быть разорванными на куски горожанами, которых они намеревались застать врасплох.

Тем временем в Антверпене герцог Анжуйский быстро разрабатывал свой план под предлогом планируемого предприятия против города Эндховен, сосредоточив, по его мнению, достаточное количество французских войск в Боргерхауте, деревне недалеко от стен Антверпена.

16 января в городе возникло подозрение. Человек в маске проник ночью в главное караульное помещение, таинственным образом предупредил, что готовится большое преступление, и исчез до того, как его смогли арестовать. Судя по акценту, он был французом. По улицам поползли странные слухи. Смутное беспокойство охватило все население относительно намерений их нового хозяина, но ничего определенного известно не было, поскольку, конечно, существовало полное неведение о событиях, которые только что происходили в других городах. Полковники и капитаны бюргерской гвардии пришли посоветоваться с принцем Оранским. Он выразил самое полное доверие герцогу Анжуйскому, но в то же время рекомендовал натянуть цепи, вывесить фонари и поднять подъемный мост на час раньше обычного, а также должным образом принять другие меры предосторожности, обычные в ожидании нападения. Он также послал бургомистра внутренних дел доктора Алостануса к герцогу Анжуйскому, чтобы сообщить о подозрениях, возникших в умах городских властей в связи с недавними передвижениями войск.

Анжу, к которому обратились таким образом, самым торжественным образом запротестовал, что у него и в мыслях не было ничего более далекого, чем какое-либо тайное предприятие против Антверпена. Он был готов, согласно образному выражению, которое у него всегда было наготове на всякий случай, "пролить каждую каплю своей крови в ее защиту". Он поклялся, что сурово накажет всех, кто осмелился измышлять подобную клевету против него самого и его верных французов, в то же время искренне заявив, что войска были собраны только для выполнения своих служебных обязанностей. Поскольку герцог был таким шумным и пылким; поскольку он, более того, не возражал против принятых мер предосторожности; поскольку бургомистр, кроме того, считал, что привлеченное таким образом общественное внимание сделает тщетными все злые замыслы, даже если таковые и вынашивались; считалось, что город может спать в безопасности по крайней мере эту ночь.

На следующее утро, поскольку многие влиятельные лица все еще питали смутные подозрения, депутация магистратов и офицеров милиции прибыла к герцогу, принцу Оранскому, хотя сам он все еще испытывал уверенность, которая сейчас кажется почти необъяснимой, и согласилась сопровождать их. Герцог был более пылок, чем когда-либо, в своих заверениях в верности своим недавним клятвам, а также в глубокой привязанности к Нидерландам — к Брабанту в частности и к Антверпену больше всего, и он использовал всю свою живость, чтобы убедить принца, бургомистров и полковников, что они глубоко обидели его такими несправедливыми подозрениями. Его утверждения были приняты как искренние, и депутация удалилась, причем Анжу сначала торжественно пообещал — по предложению Оранского — не покидать город в течение всего дня, чтобы предотвратить ненужные подозрения.

Это обещание герцог нарушил почти сразу же, как только оно было дано. Оранж уверенно вернулся в свой собственный дом, который находился недалеко от цитадели и, следовательно, далеко от предполагаемого места атаки, но едва он прибыл туда, как его навестил личный секретарь герцога Куинси, который пригласил его сопровождать его высочество в поездке в лагерь. Оранж отклонил просьбу и искренне помолился герцогу, чтобы тот не покидал город в то утро. Герцог ужинал, как обычно, в полдень. За обедом он получил письмо; было замечено, что, прочитав его, он побледнел и поспешно спрятал его в муфту, которую носил на левой руке. Закончив трапезу, герцог приказал подать лошадь. Животное было беспокойным, и поэтому яростно сопротивлялось, когда на него садились верхом, хотя это была его обычная лошадь; ее заменили на другую. Эта вторая лошадь понеслась в таком галопе, что герцог потерял свой плащ и чуть не вылетел из седла. Однако он сохранил самообладание и, встав во главе своей телохранительницы и нескольких кавалеристов, всего трехсот всадников, выехал со двора дворца к Кипдорпским воротам.

Этот портал открывался по дороге в Боргерхаут, где были расквартированы его войска, и в наши дни носит название этой деревни: он находится на стороне города, наиболее удаленной от реки и прямо напротив нее. В городе было очень тихо, улицы почти безлюдны, потому что был час дня, всеобщий обеденный перерыв, и энергичные протесты герцога рассеяли все подозрения. Стражник у ворот безучастно смотрел на приближающуюся кавалькаду, но как только Анжу пересек первый подъемный мост, он привстал на стременах и помахал рукой. "Вот ваш город, ребята, - сказал он солдатам, стоявшим позади него. - Идите и овладейте им!"

В то же время он пришпорил своего коня и галопом поскакал к лагерю в Боргерхауте. Сразу же после этого джентльмен из его свиты, граф Бочепо, притворился, что сломал ногу, когда его лошадь упала - обстоятельство, из-за которого его сильно прижали к стене, когда он въезжал в ворота. Кайзер, командир гауптвахты, любезно выступил вперед, чтобы оказать ему помощь, и наградой ему стал отчаянный выпад рапиры француза. Поскольку на нем была стальная кираса, он, к счастью, отделался легким ранением.

Выражение "сломанная нога" было лозунгом, ибо в одно и то же мгновение солдаты и гвардейцы Анжу напали на бюргерскую стражу у ворот и перебили всех до единого. Было оставлено достаточно сил, чтобы защитить вход, которым таким образом легко овладели, в то время как остальные французы въехали в город на полном скаку, крича "Виль гени, виль гени! vive la messe! vive le Due d'Anjou!" За ними последовали их товарищи из внешнего лагеря, которые теперь хлынули в город по условленному сигналу, по меньшей мере шестьсот кавалеристов и три тысячи мушкетеров, все прекрасно экипированные, и сразу же вошли в

Антверпен. От Кипдорпских ворот две главные артерии — улицы, называемые Кипдорп и Меер, — вели прямо через центр города, к таунхаусу и реке за ним. По этим большим улицам французские солдаты продвигались быстрым шагом; кавалерия яростно стучала копытами в авангарде, выкрикивая: "Виль генье, виль генье! vive la messe, vive la messe! вт, вт, вт!"

Бюргеры, подходившие к дверям и окнам, чтобы посмотреть на причину всего этого переполоха, были встречены ружейными залпами. На мгновение они были поражены, но не шокированы, так как сначала поверили, что это была просто случайная суматоха. Наблюдая, однако, что солдаты, встречая лишь незначительное эффективное сопротивление, расходились по жилым домам и складам, особенно по лавкам ювелиров и гранильщиков, горожане вспомнили о мрачных подозрениях, которые были столь распространены, и многие вспомнили, что выдающиеся французские офицеры в течение последних нескольких дней тщательно осматривали сокровища ювелиров под предлогом покупки, но, как теперь выяснилось, с намерением ограбить разумно.

Бюргеры, быстро оценив свое положение, мгновенно схватились за оружие. Поперек улиц были натянуты цепи и баррикады; по всему городу зазвучали трубы; муниципальная стража бросилась на помощь. Эффективный митинг был устроен, как обычно, на Бирже, куда пробился большой отряд захватчиков. Жители всех классов и сословий, знатные и простые, католики и протестанты, пожали друг другу руки и поклялись умереть бок о бок, защищая город от вероломных чужеземцев. Собрание было быстрым и полным энтузиазма. Джентльмены пришли с копьями и кирасами, бюргеры - с мушкетами и патронташами, ремесленники - с топорами, молотками и другими орудиями своего ремесла. Отважный пекарь, стоявший у своей печи - совершенно голый, по обычаю пекарей того времени, — выбежал на улицу, когда звуки беспорядка достигли его ушей. Своей тяжелой хлебной лопатой, которую он все еще держал в руке, он нанес французскому кавалерийскому офицеру, который с криком проезжал мимо, такой сильный удар, что тот замертво свалился с лошади. Пекарь схватил саблю офицера, вскочил на своего коня, как был, без одежды, и яростно помчался по улицам, повсюду подбивая своих соотечественников на атаку и внося смятение в ряды врага. Его заслуги в тот знаменательный час были настолько значительными, что впоследствии магистраты публично поблагодарили его за заслуги и пожизненно наградили пенсией в триста флоринов.

Захватчики были вытеснены с Биржи, в то время как другая их часть проникла даже на Рыночную площадь. Сопротивление, с которым они столкнулись, с каждым мгновением становилось все более ожесточенным, и Фервак, видный французский офицер, попавший при этом в плен, признал, что никакие регулярные войска не могли бы сражаться более храбро, чем эти отважные бюргеры. Женщины и дети забирались на крышу и в окна, откуда они швыряли на головы нападавших не только черепицу и каминные горшки, но и столы, тяжелые стулья и другие громоздкие предметы, в то время как те горожане, которые израсходовали все свои патроны, заряжали свои ружья серебряными пуговицами от своих камзолов или превращали золотые и серебряные монеты зубами в боеприпасы. При таком решительном населении четыре тысячи захватчиков, какими бы дерзкими они ни были, вскоре оказались поглощенными. Город сомкнулся над ними, как вода, и в течение часа была убита почти треть всего их числа. Погибло очень мало бюргеров, и новые отряды постоянно выдвигались в атаку. Французы, ослепленные, шатающиеся, избитые, пытались отступить. Многие бросались с укреплений в ров. Остальные выжившие с трудом пробирались по улицам, падая в большом количестве на каждом шагу, к тому месту, откуда они совсем недавно вошли в город. Здесь, у

Кипдорпских ворот, представлялось ужасное зрелище: убитые были свалены в кучу в узком проходе высотой в добрых десять футов, в то время как некоторые из этой кучи, не совсем мертвые, пытались высвободить руку или ногу, а другие слабо высовывали головы, чтобы набрать полный рот воздуха.

Снаружи некоторые из офицеров Анжу пытались перелезть через эту массу тел, чтобы войти в город; изнутри сбитые с толку и беглые остатки их товарищей пытались прорваться через ту же ужасную преграду; в то время как многие ежеминутно падали на груды убитых под ударами безжалостных бюргеров. С другой стороны, сам граф Рошпо, которому Анжу доверил главное командование предприятием, встал прямо на пути своих беглых солдат, не только горько упрекая их в трусости, но фактически убив десять или двенадцать из них собственными руками, как наиболее эффективный способ предотвратить их отступление. Не прошло и часа с того момента, как герцог Анжуйский впервые выехал верхом из Кипдорпских ворот, как почти все войско, которое он послал для выполнения своего основного замысла, было либо убито, либо взято в плен. Двести пятьдесят дворян высокого ранга и прославленного имени были убиты; их сразу узнавали, когда они лежали на улицах, по их великолепным костюмам. Большее число доблестных рыцарей Франции было принесено в жертву — как признался Анжу — в этом вероломном и самом постыдном предприятии, чем часто падало на благородных полях сражений. Почти две тысячи рядовых погибли, а остальные были пленными. Сначала утверждалось, что погибло ровно полторы тысячи восемьдесят три француза, но это было только потому, что это число оказалось датой года, с которой любители удивительных совпадений из всех сил старались соотнести возвращение мертвых. Погибло менее ста бюргеров.

Анжу, наблюдавший за происходящим издали, подвергся горьким упрекам за свою измену со стороны нескольких высокопоставленных джентльменов, окружавших его лично, которым он не осмелился посвятить в свой заговор. Герцог Монпансье яростно запротестовал, заявив, что он умывает руки от всей сделки, о чем бы ни шла речь. Он был ответственен за честь прославленного дома, который, по его словам, никогда не должен был быть запятнан подобными грязными деяниями, если бы он мог предотвратить это. Того же мнения придерживались Лаваль, Рошфуко и маршал де Бирон, последний дворянин, двое сыновей которого были вовлечены в это гнусное предприятие, горько проклиная герцога в лицо, когда он проезжал через ворота, раскрыв свое тайное предприятие.

Между тем Анжу, помимо наказания за то, что выслушивал эти упреки от людей чести, стал жертвой быстрой и жестокой смены чувств. Надежда, страх, триумф, сомнение, раскаяние попеременно овладевали им. Когда он увидел беглецов, спрыгивающих со стен, он ликуя закричал, не совсем понимая, что это за люди, что город принадлежит ему, что там находятся четыре тысячи его храбрых солдат, и они сбрасывают горожан с зубчатых стен. Узнав впоследствии о своей ошибке, он был соответственно подавлен; и когда, наконец, стало очевидно, что результатом предприятия стал абсолютный и позорный провал вместе с полным разоблачением его предательства, он честно вскочил на коня и с угрызениями совести скрылся с места происшествия.

Нападение было настолько неожиданным вследствие доверия, оказанного Оранж и магистратурой торжественным заявлениям герцога, что, естественно, никто не был в силах предотвратить катастрофу. Принц проживал в другой части города, удаленной от

первоначального места действия, и, похоже, до него не доходила информация о том, что происходит что-то необычное, до тех пор, пока дело не приблизилось к своему завершению. Тогда ему почти ничего не оставалось делать. Однако он поспешил на место происшествия и, взойдя на крепостной вал, убедил горожан прекратить артиллерийский обстрел поверженного и отступающего врага. Он чувствовал всю серьезность положения и необходимость уменьшить злобу жителей против их вероломных союзников, если такой результат еще был возможен. Бюргеры выполнили свой долг, и, конечно, не в его силах и не в его склонности было защищать французских мародеров от изгнания и кары.

Таков был конец французской ярости, и кажется достаточно странным, что она оказалась гораздо менее разрушительной для Антверпена, чем Испанская ярость 1576 года, о которой люди до сих пор едва ли могли упоминать без содрогания. Можно было бы подумать, что французы с большей вероятностью добьются успеха в своем предприятии, чем испанцы в своем. Испанцы были врагами, против которых город долгое время был настороже. Французы были друзьями, в искренности которых только что была восстановлена несколько пошатнувшаяся уверенность. Когда была предпринята испанская атака, большие силы защитников были выстроены в боевой порядок за недавно укрепленными укреплениями. Когда французы не спеша вошли через едва охраняемые ворота, все население и гарнизон города спокойно ужинали. Численность сил вторжения в этих двух случаях существенно не отличалась; но во время французской ярости не было больших сил регулярных войск под командованием генералов-ветеранов, чтобы противостоять атаке. Возможно, это и стало главной причиной такого результата, который на первый взгляд кажется почти необъяснимым. Для защиты от испанского вторжения бюргеры полагались на наемников, некоторые из которых оказались вероломными, в то время как остальные впали в панику. В данном случае бюргеры полагались на себя. Более того, французы совершили большую ошибку, презрев своего врага. Вспоминая легкость, с которой испанцы разорили город, они полагали, что им ничего не остается, как войти и завладеть им. Вместо того чтобы сдерживать свою жадность, как это делали испанцы, до тех пор, пока не преодолеют сопротивление, они почти сразу же разошлись по переулкам и проникли на склады в поисках добычи. Казалось, ими двигал страх, что у них не будет времени обстрелять город до того, как Анжу пришлет дополнительные войска, чтобы разделить добычу. Они были менее привычны к разграблению нидерландских городов, чем испанцы, которых долгая практика довела до совершенства в искусстве сначала методично убивать население, прежде чем внимание следовало отвлечь на грабеж и дополнительные бесчинства. Во всяком случае, каковы бы ни были причины, несомненно, что паника, которая в таких случаях обычно решает судьбу дня, охватила захватчиков, а не захваченных, почти с самого начала. Как только мародеры усомнились в своей цели и захотели отступить, с ними все было кончено. Возвращение было хуже наступления, и почти неизбежным результатом было то, что вряд ли хоть один человек избежал смерти или плена.

Герцог отступил в тот же день в направлении Денремонта и по пути столкнулся с еще одним несчастьем, в результате которого погибло дополнительное количество его войск. Жители Мехлина прорубили дамбу, чтобы помешать его походу, и поднявшиеся воды Дилла, освобожденные и текущие по стране, которую ему предстояло пересечь, вызвали такое наводнение, что утонуло по меньшей мере тысяча его последователей.

Как только он обосновался в лагере близ Бергема, он завязал переписку с принцем Оранским и с властями Антверпена. Его речь отличалась поразительной дерзостью. Он обнаружил, что сам

и солдаты страдают от нехватки продовольствия; он вспомнил, что оставил в Антверпене много посуды и ценной мебели; и поэтому он желал, чтобы горожане, которых он так подло оскорбил, немедленно прислали ему припасы и вернули его имущество. Он также вернул пленников, которые все еще оставались в городе, и, чтобы получить все это, обратился к человеку, которого жестоко обманул и чьей жизнью герцог пожертвовал бы, если бы предприятие увенчалось успехом.

В его намерения входило разграбить город, восстановить исключительно римско-католическое богослужение, растоптать конституцию, которую он так недавно поклялся соблюдать, силой лишить Оранского Пересмотра, по которому герцог признавал принца сувереном Голландии, Зеландии и Утрехта, и все же, несмотря на то, что его измена была совершена среди бела дня и самым преднамеренным образом, он имел наглость приписывать недавние трагические события случайности. У него хватило еще большей оригинальности говорить о себе как о пострадавшем человеке, оказавшем большие услуги Нидерландам и столкнувшемся в ответ только с неблагодарностью. Его посланникам, господам Ландматеру и Эскольеру, отправленным в самый разгар французской ярости бургомистрам и сенату Антверпена, было поручено напомнить этим магистратам, что герцог неоднократно рисковал своей жизнью, защищая интересы Нидерландов. Оскорбления, добавляли они, которые он получил, и приближающееся разорение страны, которое он предвидел, настолько изменили его прекрасную натуру, что породили нынешнее бедствие, о котором он бесконечно сожалел. Тем не менее, сенат должен был быть уверен, что его привязанность к содружеству все еще настолько сильна, чтобы вызвать желание с его стороны быть проинформированным о том, какого курса теперь следует придерживаться в отношении него. Следовательно, необходимо было запросить информацию по этому важному вопросу и в то же время срочно потребовать освобождения заключенных в Антверпене и возвращения мебели и бумаг герцога.

Письма аналогичного значения были также отправлены герцогом в штаты Союза, в том числе принцу Оранскому; его заявление было кратким, но дерзким. "Ты хорошо знаешь, мой кузен, - сказал он, - какие справедливые и частые поводы для оскорблений причинял мне этот народ. Оскорбления, которые я пережил сегодня утром, ранили меня так глубоко в сердце, что они являются единственной причиной случившегося сегодня несчастья. Тем не менее, к тем, кто желает моей дружбы, я проявлю такую же дружбу и привязанность. Здесь я последую совету, который вы неизменно давали мне, поскольку я знаю, что он исходит от того, кто всегда любил меня. Поэтому я прошу вас любезно привести это в исполнение, чтобы я мог принять какое-то решение и чтобы моему народу не было причинено никакого вреда. В противном случае земля дорого заплатит за это".

На эти обращения ни принц, ни власти Антверпена не ответили немедленно от своего имени. Однако немедленно было проведено общее совещание с генеральным прокурором, и ответ немедленно был отправлен герцогу через его посланников. Было решено освободить заключенных, отреставрировать мебель и направить специальную делегацию с целью устного согласования дальнейших действий с герцогом, и для этой делегации его высочеству было предложено предоставить охранную грамоту.

Анжу был вне себя от радости, когда получил это дружеское сообщение. Освободившись на время от своих опасений относительно последствий своего преступления, он уже занял более высокую позицию. Он не только обращался к штатам отеческим тоном, что было достаточно

нелепо, но у него действительно хватило хладнокровия заверить их в своем прощении. "Он почувствовал себя оскорбленным, - сказал он, - из-за того, что они сочли необходимым обеспечить безопасность депутации, которую они собирались отправить. Если они думали, что у него были основания из-за прошлого чувствовать себя оскорбленным, он умолял их поверить, что он все это забыл и что он похоронил прошлое под его пеплом, как будто его никогда и не было ". Более того, он умолял их — и это казалось величайшим оскорблением из всех — "в будущем доверять его слову и верить, что, если что-либо будет предпринято в ущерб им, он будет самым первым, кто предложит себя для их защиты".

Следует отметить, что в своих первых письмах герцог не делал вид, что отрицает свою причастность к этому безобразию — причастность настолько вопиющую, что все увертки казались излишними. Он фактически признал, что покушение было совершено его командованием, но попытался смягчить преступление на том основании, что оно стало результатом жестокого обращения, которому он подвергся со стороны штатов. "Оскорбления, которые я получил, - сказал он как магистратам Антверпена, так и Оранжу, - породили нынешнее бедствие". Точно так же в письме, написанном в то же время своему брату Генриху Третьему, он отмечал, что "причиной катастрофы стали унижения, которым его подвергли, и явное намерение штатов сделать из него Матиаса".

Теперь, однако, он отважился на шаг дальше. Пользуясь снисходительностью, которую он уже испытал, и храбро принимая тон оскорбленной невинности, он приписал это предприятие отчасти случайности, а отчасти неповиновению своих войск. Это была основа, которой он руководствовался в своих беседах с комиссарами штатов. Точно так же в письме, адресованном Ван дер Тимпелу, коменданту Брюсселя, в котором он умолял снабдить его войска припасами, он описал недавнее вторжение в Антверпен как совершенно неожиданное для него самого и находящееся вне его контроля. По его словам, он намеревался покинуть город и присоединиться к своей армии. Между его солдатами и охраной у ворот случайно возникла перепалка. Другие войска, ворвавшиеся извне, присоединились к драке, так что, к его великому сожалению, возник обширный беспорядок. Однако он проявил ту же христианскую склонность прощать, которую проявлял и раньше. Он заметил, что "хорошие люди никогда не охладят к нему и не обнаружат, что его привязанность уменьшилась". В частности, он заверил Ван дер Тимпела в своей давней доброй воле, поскольку знал, что тот заботится об общем благе.

В своих первоначальных сообщениях он одновременно пресмыкался и угрожал, но, по крайней мере, не отрицал истин, которые были ясны как божий день. Его новое положение значительно повредило его делу. Этот всепрощающий дух со стороны злоумышленника был немного больше, чем могли вынести штаты, настроенные, как они чувствовали, отстраниться от политики, быть снисходительными и как можно мягче замять преступление. Переговоры были прерваны, и власти Антверпена опубликовали краткое и энергичное заявление в защиту своего собственного поведения. Они отрицали, что какое-либо оскорбление или недостаток уважения с их стороны могли спровоцировать возмущение, в котором был виновен герцог. Они жестоко обошлись с его внутренним противоречием, первоначально приписав недавнюю попытку его справедливой мести за прошлые обиды, а впоследствии приписав это случайности или внезапному мятежу, в то время как они ссылались на одновременные попытки в Брюгге,

Денремонде, Алосте, Дигмюйде, Ньюпорте, Остенде, Вильворде и Дюнкерке как на серию изобличающих доказательств преднамеренного замысла.

Публикация таких очевидных фактов не продвинула переговоры вперед, когда они были возобновлены. Его высочество и члены комиссии обменялись высокими и резкими словами, Анжу, как обычно, жаловался на оскорбления и неуважение, но, когда его выталкивали домой за подробностями, прибегал к двусмысленности. "Он не хотел, - сказал он, - беречь раны, которые были частично заживлены". Он также изобразил великодушие и, желая простить и забыть, предложил несколько статей в качестве основы для нового соглашения. Из них достаточно указать, что они полностью отличались от условий Бордосского договора и что они были отклонены как совершенно неприемлемые.

Он снова написал принцу Оранскому, используя свое влияние, чтобы добиться соглашения. Принц, справедливо возмущенный недавним предательством и нынешней наглостью человека, которому он так глубоко доверял, но чувствуя уверенность в том, что благополучие страны в настоящее время зависит от того, удастся ли избежать политической катастрофы, ответил герцогу простым, твердым, скорбным и уместным тоном. Он сказал, что когда-либо проявлял к его Высочеству самую искреннюю дружбу. Следовательно, он имел право сказать ему, что дела теперь настолько изменились, что его величие и слава ушли в прошлое. Те люди в Нидерландах, которые еще вчера были готовы умереть у ног его Высочества, теперь были настолько раздражены, что открыто предпочитали открытого врага вероломному защитнику. По его словам, он надеялся, что после того, что произошло во стольких городах одновременно, его Высочеству было бы приятно дать депутатам другой, более подходящий ответ. Он надеялся на какой-то ответ, который мог бы привести к соглашению. Он, однако, откровенно заявил, что статьи, переданные его Высочеством, были настолько неразумны, что ни один человек в стране не осмелился бы открыть рот, чтобы рекомендовать их. Таким образом, его высочество значительно усилил недоверие. Соответственно, он предупредил герцога, что тот избирает неправильный курс, чтобы восстановить себя на почетном положении и славе, и поэтому умолял его прибегнуть к более подходящим средствам. Теперь такого шага от него требовала не только страна, но и весь христианский мир.

Этот сдержанный, но искренний призыв к лучшему характеру герцога, если только у него был лучший характер, не встретил немедленного отклика.

Пока дело находилось в таком состоянии, из Франции прибыл специальный посланник, отправленный королем и королевой-матерью после первого получения недавних разведданных из Антверпена. Месье де Мирамбо, посол, сын которого был убит в "Ярости", привез верительные грамоты государствам Союза и принцу Оранскому. Он также передал принцу короткую конфиденциальную записку, написанную ее собственной рукой, от Екатерины Медичи следующего содержания:

"Мой КУЗЕН, король, мой сын и я сами посылаем к вам месье де Мирамбо, чтобы доказать вам, что мы не верим — ибо считаем вас благородным человеком, — что вы проявите неблагодарность к моему сыну и к тем, кто последовал за ним ради благополучия вашей страны. Мы чувствуем, что вы слишком привязаны к тому, кто пользуется поддержкой такого могущественного принца, как король Франции, чтобы сыграть с ним столь подлую шутку. Пока я не узнаю правду, я не откажусь от доброй надежды, которую я всегда лелеял, — что вы никогда

бы не пригласили моего сына в свою страну, не намереваясь верно служить ему. Пока вы делаете это, вы всегда можете рассчитывать на поддержку всех, кто принадлежит ему.

"Твой добрый кузен,

"КЭТРИН".

Было бы очень трудно извлечь много информации или утешения из этого коварного послания. Угроза была достаточно очевидной, обещание - неприятно расплывчатым. Более того, письмо от той же Екатерины Медичи было недавно найдено в шкатулке в квартире герцога в Антверпене. В этом сообщении она недвусмысленно посоветовала своему сыну восстановить римско-католическую религию, заверив его, что таким образом он сможет жениться на инфанте Испании. Тем не менее принц, убежденный, что его долгом было преодолеть глубокую и роковую пропасть, которая открылась между французским принцем и провинциями, если было возможно честное примирение, не придавал чрезмерного значения ни стимулирующей, ни осуждающей части послания Екатерины. Он больше всего стремился предотвратить хаос, который, как он видел, возвращался. Он знал, что, хотя нравы Рудольфа, английской королевы и протестантских принцев Германии, а также внутреннее состояние Нидерландов оставались прежними, было бы безумием провоцировать правительство Франции и таким образом наживать дополнительного врага, теряя при этом их единственного друга. Он не отказывался от надежды объединить все Нидерланды — за исключением, конечно, валлонских провинций, уже примирившихся с Филиппом, — в одно независимое содружество, навсегда освобожденное от испанской тирании. Династию из иностранного дома он был готов принять, но только при условии, что новая королевская линия натурализуется в Нидерландах, будет соответствовать установленному строгому конституционному соглашению и будет нанимать только уроженцев для управления делами Нидерландов. Таким образом, несмотря на недавнее предательство Анжу, он был готов вести с ним переговоры на старинной основе. Дилемма была очень отчаянной, ибо каким бы ни был его курс, избежать порицания было невозможно. Даже в наши дни трудно решить, что могло стать результатом открытого неповиновения французскому правительству и изгнания Анжу. Принц Пармский — хитрый, бдительный, быстрый на слово и удар — с большим нетерпением ждал, чтобы воспользоваться каждым неверным шагом своего противника. Провинции были уже призваны в самых красноречивых выражениях, чтобы принять во внимание недавнюю судьбу Антверпена и узнать из заявления, только что сделанного Анжу, о его истинных намерениях; что их единственное спасение заключается в возвращении под руку короля. Сам "Анжу", столь же лишенный стыда, как и чести, тайно беседовал с агентами "Пармы", Акостой и Фламинио Карнеро, в тот самый момент, когда он попеременно выражал штатам свое возмущение тем, что они посмели усомниться в его правдивости, или великодушно прощал им их подозрения. Он писал полные оскорбленной невинности письма в Оранж и в штаты, в то же время втайне придираясь к условиям договора, по которому он должен был продать себя Испании. Сомнения по поводу исполнения столь низменной роли не беспокоили "Сына Франции". Он без колебаний вел эту вдвойне и втройне фальшивую игру с провинциями, но ему не терпелось заключить с "Пармой" максимально выгодную для себя сделку. Он предложил вернуть Дюнкерк, Диксмюйд и другие города, которые он так недавно отнял у штатов, и заключить строгий союз с Филиппом; но он утверждал, что в обмен ему должны быть переданы некоторые города Нидерландов на границе с Францией. Ему требовалась; точно так же; достаточная защита для его отступления из страны, которая, вероятно, была достаточно раздражена. Парма и его агенты, конечно, улыбнулись таким

непомерным условиям. Тем не менее необходимо было осторожно обращаться с человеком, который сегодня был всего лишь бедным, сбитым с толку негодяем, а завтра мог воссесть на трон Франции. Пока все они втайне торговались об условиях сделки, принц Оранский разгадал интригу. Это убедило его в необходимости сблизиться с человеком, чья низость была столь глубока, но чье положение делало его вражду в целом более опасной, чем дружбу. С Анжу, поддерживаемым таким проницательным и беспринципным политиком, как Парма, шутки плохи. Чувство сомнения и тревоги ежедневно распространялось по стране: многие люди, до сих пор непоколебимые, уже колебались, в то время как принц не был уверен в могуществе ни одного из государств, за исключением Голландии и Утрехта; он не мог сохранять решительную позицию неповиновения, если ему не помогали извне.

Поэтому он постарался, по возможности, устранить брешь и таким образом спасти Профсоюз. Мирамбо, в ходе своих совещаний с представителями сословий, предположил, со своей стороны, все, что могли возыметь действие слова. Он выразил надежду, что сословия проявят благоразумие, "приготовив какое-нибудь сладкое и дружественное лекарство" от нынешнего беспорядка; и что они не будут судить герцога слишком строго за ошибку, которая, как он заверил их, не проистекала из его природного характера. Он предупредил их, что враг быстро воспользуется настоящим случаем, чтобы, если возможно, уничтожить их, и добавил, что ему поручено встретиться с герцогом Анжуйским, чтобы заверить его, что, каким бы отчужденным он ни был в то время от Нидерландов, его величество полон решимости добиться полного примирения.

Посланник совещался также с принцем Оранским и самым серьезным образом убеждал его приложить все усилия для залечивания разрыва. Принц, вдохновленный уже упомянутыми чувствами, говорил совершенно искренне. Его высочество, сказал он, никогда не знал более верного и ревностного друга, чем он сам, он начал терять свой авторитет в глазах народа из-за той серьезности, с которой он когда-либо защищал дело герцога, и он не мог льстить себе надеждой, что его рекомендация теперь принесет какую-либо пользу его Высочеству. Это было бы более пагубно, чем его молчание. Тем не менее, он был готов использовать все влияние, которое ему оставалось, с целью добиться примирения, при условии, что герцог действовал добросовестно. Если бы его Высочество теперь искренне желал соблюдать первоначальный договор и был готов искупить ошибки, совершенные им в один и тот же день в стольких городах, — проступки, которые не могут быть оправданы никакими оскорблениями, которые он мог получить от граждан Антверпена, — возможно, уже сейчас можно было бы найти средство исправления прошлого. Однако он очень прямо сказал посланнику, что легкомысленные оправдания, предложенные герцогом, вызвали больше горечи, чем если бы он открыто признал свою вину. По его словам, было бы лучше выразить раскаяние, чем оправдываться, возлагая вину на тех, на кого никакой вины не было, но кто, напротив, всегда проявлял себя верными слугами его Высочества.

Сословия Союза, пребывая в большом замешательстве относительно своего надлежащего поведения, теперь официально обратились, как они всегда делали во времена опасности и сомнений, к принцу за публичным выражением его взглядов. Несколько неохотно он выполнил их пожелания в одном из самых замечательных своих государственных документов.

Он сказал штатам, что испытывает некоторые колебания при выражении своих взглядов. Вина за общий неудачный исход всегда возлагалась на него; как будто шансы на войну мог

контролировать даже великий властитель, располагавший достаточными средствами. Что касается его самого, то, обладая столь малой реальной властью, что он никогда не смог бы обеспечить ни один город достаточным, по его мнению, гарнизоном, нельзя было ожидать, что он сможет командовать фортуной. По его словам, у него всегда спрашивали совета, но он всегда судил о добре или зле в зависимости от результата, как будто этот вопрос находился в чьих-либо руках, кроме Божьих. Человеку его положения и лет, который так часто ощущал на себе уколы клеветнического языка, казалось неразумным снова ставить свою честь на судную чашу человечества, особенно учитывая, что он, вероятно, навлек бы на себя новое порицание за преступление другого человека. Тем не менее, он был готов из любви, которую питал к земле, еще раз столкнуться с этой опасностью.

Затем он быстро проанализировал обстоятельства, приведшие к избранию Анжу, и напомнил сословиям, что у них было достаточно времени для обсуждения этой сделки. Он напомнил им о своих частых заверениях в поддержке и сочувствии, если они предоставят какие-либо другие средства самозащиты, кроме договора с французским принцем. Поэтому он считал несправедливым теперь, когда эта мера привела к катастрофе, полностью возлагать вину на него, даже если бы ущерб был серьезнее, чем тот, который был нанесен на самом деле. Он был далек от того, чтобы смягчать преступление или отрицать, что права герцога по Бордосскому мирному договору были полностью утрачены. Теперь его спросили, что делать. По его словам, из трех путей необходимо выбрать один: они должны заключить мир с королем, или согласиться на примирение с Анжу, или использовать всю силу, которую дал им Бог, чтобы в одиночку противостоять врагу. Что касается первого пункта, то он возобновил спор о безнадёжности удовлетворительного соглашения с монархом Испании. Недавнее примирение валлонских провинций и его позорное нарушение Пармой, выразившееся в немедленном отводе больших масс испанских и итальянских войск, слишком ясно показали ценность всех торжественных договоренностей с его католическим Величеством. Более того, время было неподходящее. После того, что недавно произошло, бесполезно было надеяться даже на справедливые обещания. Тогда было безумием навлекать на себя вражду сразу двух таких держав. Французы могли бы причинить Нидерландам больше вреда как враги, чем испанцы. Испанцы были бы более опасны как друзья, поскольку в случае заключения договора с Филиппом вместо религиозного мира была бы учреждена инквизиция. По этим причинам принц заявил, что он категорически против любых переговоров с короной Испании.

Что касается второго пункта, то он признал, что Анжу не снискали особой чести своим недавним поступком и что с их стороны было бы ошибкой во второй раз споткнуться об один и тот же камень. Тем не менее он предвидел, что герцог, как бы он ни был раздражен потерей стольких своих вельмож и крушением всех своих надежд в Нидерландах, скорее всего, нанесет им серьезный ущерб. Две могущественные нации, такие как Франция и Испания, - это было бы слишком много, чтобы иметь их на руках сразу. Какой опасности подвергся бы, если бы одновременно навлек на себя открытый гнев французского короля и тайное недовольствие английской королевы. Она горячо рекомендовала герцога Анжуйского. Она сказала, что почести, оказанные ему, были оказаны и ей; и теперь она была категорически против того, чтобы они продолжали нынешнюю ссору. Если Франция станет их врагом, дорога через это королевство для Испании будет немедленно открыта. Сословия должны были хорошенько обдумать, обладают ли они средствами для ведения такой двойной войны без посторонней помощи. Они также должны были помнить, сколько городов все еще оставалось в руках Анжу, и об их возможной участи, если герцога доведут до крайности.

Затем был энергично рассмотрен третий пункт. Он напомнил штатам о постоянных трудностях, связанных с формированием армий, сбором денег на содержание войск, с тем, чтобы заставить города разместить надлежащие гарнизоны, с созданием совета, который мог бы заставить уважать себя. Он кратко и горько упомянул о вечных ссорах штатов между собой; об их взаимной зависти; об их упрямой скупости; об их зависти к общему правительству; об их апатии и инертности перед надвигающимся крахом. По его словам, он не стал бы клеветать на тех, кто советует доверять Богу. Таково было и его мнение: однако предпринимать великие дела и из-за скупости утаивать достаточные средства — значит не доверять Богу, а искушать Его. - Напротив, использовать средства, которые Он предлагает в их руки, было бы упованием на Бога.

Что касается трех пунктов, то он отверг первый. Примирение с королем Испании было невозможно. Со своей стороны, он предпочел бы третий вариант. Он всегда выступал за то, чтобы они сохраняли независимость своими собственными средствами и с помощью Всевышнего. Однако он был вынужден с грустью признать, что узкое представление о правах отдельных лиц в государстве, общая тенденция к разобщенности и постоянные пререкания сделали этот курс безнадежным. Следовательно, оставалось только второе, и они должны были добиться почетного примирения с Анжу. Однако, каким бы ни было их решение, было решено, что оно должно быть быстрым. Нельзя было терять ни часа. Многие прекрасные церкви Божьи, находящиеся во власти Анжу, трепетали по этому поводу, и религиозная и политическая свобода была поставлена на карту больше, чем когда-либо. В заключение принц еще раз выразил свою решимость, каким бы ни было их решение, посвятить остаток своих дней служению своей стране.

Результатом этих заявлений принца — частых писем от королевы Елизаветы, призывающих к примирению, — и заявлений, сделанных герцогом и французскими посланниками, стало временное соглашение, подписанное 26 и 28 марта. Согласно условиям этого соглашения, герцог должен был получить тридцать тысяч флоринов для своих войск и сдать города, все еще находившиеся в его власти. Французские пленники должны были быть освобождены, собственность герцога в Антверпене должна была быть восстановлена, а сам герцог должен был ожидать в Дюнкерке прибытия полномочных представителей для переговоров с ним о новом и бессрочном соглашении.

Переговоры, однако, были вялыми. Внешне ссора была урегулирована, но доверие, столь недавно жестоко вырванное с корнем, возрождалось медленно. 28 июня герцог Анжуйский уехал из Дюнкерка в Париж, чтобы никогда не возвращаться в Нидерланды, но перед отъездом он обменялся нежными письмами с принцем и поместьями. Г-н де Прюно оставался его представителем, и было件件но, что меры по его скорейшему возвращению ему суверенитета, которого он так подло лишился, должны были продвигаться со всей серьезностью.

Весной того же года Жерар Трюхсес, архиепископ Кельнский, потерявший свой престол из-за любви к Агнес Мансфельд, на которой он женился вопреки папе Римскому, укрылся у принца Оранского в Делфте. В Германии разразилась гражданская война, протестантские князья обязались поддержать архиепископа в противовес Эрнесту Баварскому, который был назначен на его место. Палатин Джон Казимир счел необходимым сесть в седло и ускакать верхом, как обычно. Появившись во главе наспех собранного отряда и приготовившись к очередному погружению в хаос, он, однако, внезапно услышал о смерти своего старшего брата в Гейдельберге. Предоставив своим людям, по своему обыкновению, действовать

самостоятельно, а барону Трюхзесу, брату архиепископа, попасть в руки врага, он исчез со сцены с большой быстротой, чтобы его собственные интересы в пфальце и опека молодых палатинцев не пострадали из-за его отсутствия.

В это же время, 12 апреля, принц Оранский женился в четвертый раз на Луизе, вдове сеньора де Телиньи и дочери знаменитого Колиньи.

В течение лета штаты Голландия и Зеландия, всегда яростно выступавшие против объединения с Анжу и более чем когда-либо недовольные возобновлением переговоров после катастрофы в Антверпене, направили к принцу комиссию, чтобы убедить его выступить против всего процесса. В то же время они выступили с официальным письменным протестом (25 августа 1583 г.), в котором объяснили, насколько отвратительным было для них соглашение с герцогом. Они высказали мнение, что даже самые мудрые иногда ошибаются и что принц был жестоко обманут Анжу и французским двором. Они умоляли его положиться на помощь Всевышнего и на усилия нации, и они снова намекнули на уместность его принятия верховного суверенитета над всеми соединенными провинциями, который был бы с такой радостью дарован, в то время как, со своей стороны, они добровольно предложили значительно увеличить суммы, ежегодно вносимые на общую оборону.

Очень скоро после этого, в августе 1583 года, штаты соединенных провинций, собравшиеся в Мидделбурге, официально предложили общее управление — которое в данных обстоятельствах было общим суверенитетом — принцу, горячо призывая его принять этот сан. Однако он проявил то же нежелание, которое выражал всегда, потребовав, чтобы проект был заранее представлен советам всех крупных городов и сословиям некоторых провинций, которые не были представлены на мидделбургском сейме. Он также воспользовался случаем, чтобы подчеркнуть необходимость более щедрого финансирования армейских расходов и других общих выплат. Что касается честолюбивых взглядов, то он был им чужд, и его речь в этот момент была такой же патриотической и самоотверженной, как и в любой предыдущий период. Он выразил свою благодарность сословиям за это новое доказательство их доверия к его характеру и за это дополнительное одобрение его курса — чувство, которое он всегда был готов "как хороший патриот оправдать своей самой верной службой". Однако он напомнил им, что он не был великим монархом, имея в своих руках средства для помощи и власть для их освобождения; и что даже если бы он обладал всем, что Бог когда-то дал ему, он был бы недостаточно силен, чтобы в одиночку противостоять их могущественному врагу. Все, что ему осталось, по его словам, — это "честный и умеренный опыт в делах". При этом он всегда был готов служить им изо всех сил; но они очень хорошо знали, что средства для того, чтобы сделать этот опыт доступным, нужно было черпать в самой стране. Со скромной простотой он заметил, что работал пятнадцать или шестнадцать лет, делая все возможное, по милости Божьей, чтобы обеспечить свободу отечества и противостоять тирании совести; что он один — с помощью своих братьев и некоторых друзей и родственников — вначале нес все бремя, и что впоследствии ему помогли штаты Голландия и Зеландия, так что он не мог не возблагодарить Бога за Его великую милость, даровавшую Свое благословение столь скромному инструменту и, таким образом, вернувшую стольким прекрасным провинциям их древнюю свободу и истинную религию. Принц возразил, что этот результат уже является достаточной наградой за его труды — великим утешением в его страданиях. По его словам, он надеялся, что поместья, "принимая во внимание его продолжительные труды, были бы готовы освободить его от нового груза забот и предоставили бы ему небольшой отдых в его и без того преклонном возрасте"; что они выбрали

бы "какого-нибудь другого человека, более подходящего для этой работы, которому он сам добросовестно пообещал бы помогать в меру своих способностей, оказывая ему добровольное повиновение, пропорциональное возложенным на него полномочиям".

Как и все другие попытки добиться принятия принцем верховной власти, эта попытка оказалась безрезультатной из-за упрямого нежелания его руки принять предложенный скипетр.

В связи с этим движением и примерно в ту же эпоху Якоб Свериус, член совета Брабанта, вместе с другими депутатами посетил Оранского и официально передал ему суверенное герцогство Брабант, утраченное и вакантное в результате недавнего преступления Анжу. Принц, однако, решительно отказался принять это звание, заверив комитет, что у него нет средств обеспечить стране такую защиту, какую они имели право ожидать от своего суверена. Он добавил, что "он никогда бы не дал королю Испании права говорить, что принцем Оранским в его карьере не двигали никакие другие мотивы, кроме надежды на самовозвеличивание и желания лишить его Величество провинций, чтобы присвоить их себе".

Соответственно, решительно отказываясь прислушиваться к инициативам Соединенных Штатов и Голландии в частности, он продолжал способствовать восстановлению Анжу - меры, в которой, как он сознательно полагал, заключался единственный шанс на объединение и зависимость.

Тем временем принц Пармский не сидел сложа руки. Он не смог убедить провинции прислушаться к его уловкам и броситься в объятия монарха, чьи объятия, по его словам, всегда были открыты для кающихся. Однако в течение лета он был занят взятием многих городов, которые измена Анжу сделала открытыми для его нападений.

Эйндховен, Диест, Дюнкерк, Ньюпорт и другие места были последовательно сданы генералам-роялистам. 22 сентября 1583 года город Зютфен также был захвачен врасплох полковником Тассисом, при падении которого, что самое важное, была раскрыта измена шурина Оранского, графа Ван ден Берга, губернатора Гелдреса. Его верность давно вызывала подозрения, особенно у графа Джона Нассауского, но за него всегда искренне ручались его жена и сыновья. Однако при взятии Зутфена был найден и обнародован документ, согласно которому Ван ден Берг обязывался передать главные города Гелдрес и Зутфен, начиная с самого Зутфена, в руки Пармы при условии получения прощения и дружбы короля.

От Ван ден Берга нельзя было ожидать ничего лучшего. Следует помнить его малодушное отступление со своего поста во времена Алвы; и несомненно, что принц никогда не питал безоговорочного доверия к его характеру. Тем не менее, такова была судьба этого великого человека - часто обманываться друзьями, которым он доверял, хотя враги его никогда не перехитряли. Ван ден Берг был арестован 15 ноября, доставлен в Гаагу, допрошен и на некоторое время заключен в тюрьму в Делфтсхафене. Однако через некоторое время он был освобожден, когда немедленно вместе со всеми своими сыновьями поступил на службу к королю.

В то время как измена, таким образом, благоприятствовала королевскому оружию на севере, тот же самый могущественный элемент, которому всегда были обязаны столь многие несчастья Нидерландов, был занят во Фландрии.

Ближе к концу 1583 года принц Шимей, старший сын герцога Эршота, был избран губернатором этой провинции. Этот аристократ был таким же неуравновешенным по характеру, таким же тщеславным, беспринципным и честолюбивым, как его отец и дядя. Первоначально он хотел жениться на старшей дочери принца Оранского, впоследствии графини Гогенло, но герцогиня Эршо была слишком строгой католичкой, чтобы согласиться на этот брак, и впоследствии ее сын был женат на графине Мегем, вдове Лана Чело Берлаймона.

Поскольку в начале этого года дела штатов, казалось, шли успешно, принц Химейский проявил сильную склонность к реформированной религии и, будучи губернатором Брюгге, назначил многих членов этой Церкви на важные должности, за исключением католиков. Выбрав такой курс, он завоевал доверие патриотической партии и в конце года стал губернатором Фландрии. Как только он был назначен на этот пост, он начал частную переписку с Пармой, поскольку намеревался помириться с королем и купить помилование и продвижение по службе блестящей службой, которую он теперь оказывал, возвращая эту важную провинцию королевской власти. В осуществлении его планов ему помогал Шампани, который, как мы помним, долгое время находился в заключении в Генте, но его заключение было не настолько строгим, чтобы препятствовать частым сношениям с его друзьями снаружи. Действительно, считалось, что Шампани был центром всей интриги. Заговор, однако, был инициирован Имбизе, яростным демагогом, чей республиканизм никогда не мог примириться с тем, что он считал аристократической политикой оранжевых, и чей суровый пуританизм не мог быть удовлетворен ничем, кроме всеобщего истребления католиков. Этот человек, после того как ему позволили уехать с позором и презрением из города, которому он подвергал опасность, теперь, спустя пять лет, осмелился вернуться и участвовать в новых планах, которые были еще более преступными, чем его предыдущие предприятия. Непримиимый враг романизма, защитник греческой и Женевской демократии, теперь вступил в союз с Шампани и Шимэ, чтобы добиться сдачи Фландрии Филиппу и инквизиции. Ему удалось добиться избрания главным сенатором Гента, и он немедленно начал использовать все свое влияние для продвижения тайного заговора. Совместные усилия и интриги "Пармы", "Шампани", "Шимэ" и Имбизе были близки к успеху. Рано утром, весной 1584 года, правительство Гента приняло официальное постановление о начале переговоров с Пармой. Соответственно, был произведен обмен заложниками и было заключено перемирие на три недели, в течение которого велась оживленная переписка междувластиями Гента и принцем Химейским, с одной стороны, и Генеральными Штатами Соединенных Штатов, магистратурой Антверпена, штатами Брабант и другими важными органами - с другой.

Друзья Союза и свободы использовали все свое красноречие, чтобы остановить город Гент на его пути и спасти провинцию Фландрия от принятия предложенного соглашения с Пармой. Жителям Гента напомнили, что главным инициатором этих новых переговоров был Шампани, человек, глубоко ненавидевший их город за долгое и, как он считал, несправедливое заключение, которое он вынес в его стенах. Более того, он был братом Гранвелла, источником всех их бед. Посоветоваться с Шампани означало оказаться в пределах досягаемости смертельного врага, ибо "тот, кто признается в том, что он волк, - говорили бургомистры Антверпена, - получит отпущение грехов от волка". Все их корреспонденты предупреждали фламандцев, что было бы ребячеством надеяться на веру в Филиппа; монарха, первым принципом которого было то, что обещания еретикам недействительны. Их умоляли не обращать внимания на "сладкозвучное пение роялистов", которые как раз тогда делали вид, что не одобряют практику, принятую испанской инквизицией, чтобы надежнее разлучить их с

друзьями. "Не подражайте, - сказали брюссельские магистраты, - глупым овцам, которые заключили с волками договор о вечной дружбе, из которого должны были быть исключены верные псы". Было подтверждено — и истина, безусловно, не подлежала сомнению, — что религиозная свобода была мертва в тот момент, когда должен был быть подписан договор с Пармой. "Искать политических привилегий или евангелической свободы, - заявили власти Антверпена, - в любом соглашении с испанцами - все равно что искать свет во тьме, огонь в воде". "Филипп сам является рабом инквизиции, - заявили генеральные штаты, - и у него есть только одна великая цель в жизни — лелеять этот институт повсюду, и особенно в Нидерландах. До Маргариты Пармской сто тысяч нидерландцев были сожжены или задушены, а Алва провел семь лет, убивая и мучая еще многие тысячи ". Магистраты Брюсселя использовали аналогичные выражения. "Король Испании, - сказали они своим собратьям в Генте, - связан с инквизицией. Да, он настолько находится в ее власти, что даже при всем желании не в состоянии выполнить свои обещания". Принц Оранский также был неутешим в общественных и частных усилиях по противодействию махинациям Пармы и испанской партии в Генте. Он с ужасом наблюдал за ходом политического разложения этого важнейшего государства, ибо считал город краеугольным камнем союза провинций, ибо пророческим чутьем чувствовал, что его потеря повлечет за собой потерю всех южных провинций и сделает невозможным создание единого и независимого нидерландского государства. Уже летом 1583 года он направил властям Гента письмо, полное мудрости и предостережения, письмо, в котором он полностью изложил им беззаконие и глупость их действий, в то же время выражаясь с такой ловкостью и осторожностью, чтобы не обидеть обвинениями, которые он выдвигал как бы гипотетически, тогда как на самом деле они были реальными.

Эти увещевания не были бесплодными, и власти и граждане Гента еще раз остановились, прежде чем шагнуть с обрыва. Пока они таким образом колебались, все переговоры с Пармой были внезапно прерваны новым инцидентом: демагог Имбизе был обнаружен при тайной попытке завладеть городом Денремонд и передать его Парме. Старый знакомый, союзник и враг Имбиза, сеньор де Рыхов, был комендантом города, и ему конфиденциально была передана информация о замысле, прежде чем появилось время для его осуществления. Рыхов, будучи полностью настороже, арестовал своего старого товарища, который вскоре после этого предстал перед судом и был казнен в Генте. Джон ван Имбиз вернулся в город, из которого презрительная милость Оранжа позволила ему ранее уехать, только для того, чтобы искупить новые волнения и новую измену смертью преступника. Тем временем граждане Гента, предупрежденные таким образом словом и делом, приняли твердое решение больше не иметь сношений с Пармой, но верно соблюдать союз. Их примеру последовали другие фламандские города, за исключением, к сожалению, Брюгге, поскольку этот важный город, находившийся полностью во власти Химэ, теперь был передан им королевскому правительству. 20 мая 1584 года барон Монтиньи со стороны Пармы подписал соглашение с принцем Химайским, по которому город был возвращен его величеству и по которому всем жителям, не желающим соблюдать римско-католическую религию, было разрешено покинуть страну. Принц был благосклонно принят Пармой после заключения сделки и впоследствии получил повышение от короля, в то время как принцесса, принявшая реформатскую религию, удалилась в Голландию.

Единственным другим важным городом, приобретенным в этом случае правительством, был Ипр, который долгое время находился в осаде и вскоре после этого был вынужден сдаться. Новый епископ, вступив во владение, прибег к немедленным мерам по очищению места, которое так долго находилось в руках неверных, и в качестве первого шага в этом очищении

тела многих еретиков, которые были похоронены в течение многих лет, были извлечены из могил и публично повешены в их гробах. Все живые приверженцы реформированной религии были немедленно изгнаны из этого места.

Гент и остальная Фландрия были на время спасены от власти Испании, поскольку новости из Франции подтвердили решимость жителей поддерживать союз с другими провинциями. Ранней весной переговоры между Анжу и генеральными штатами были серьезно возобновлены, и Жюниус, Муйерри и Ассельер были отправлены со специальной миссией во Францию с целью заключения мирного договора с герцогом. 19 апреля 1584 года они прибыли в Делфт, по возвращении привезя теплые письма от французского двора, полные обещаний помочь Нидерландам; и было понятно, что конституция, основанная на первоначальном соглашении Бордо, будет принята герцогом. Однако эти договоренности были навсегда прерваны смертью Анжу, который болел в течение всего хода переговоров. 10 июня 1584 года он скончался в замке Тьерри в страшных пытках, истекая кровью из всех пор и при обстоятельствах, которые, как обычно, наводили на серьезные подозрения на отравление.

ГЛАВА VII.

Различные покушения на жизнь Оранжа—Делфт—Описан особняк принца—Франсис Гийон или Бальтазар Жирар—Его прошлое—Его переписка и интервью с Пармой и д'Ассонлевилен—Его работа во Франции—Его возвращение в Делфт и интервью с Оранж—Преступление—Признание—Наказание—Последствия—Заключительные замечания.

Было замечено, что запрет принца Оранского до сих пор не оставался безрезультатным, поскольку, хотя попытки лишить его жизни и заработать обещанный гердон были безуспешными. Упоминаются покушения при Жореуги в Антверпене, на Сальседу и Базу в Брюгге, а в марте 1583 года в Антверпене был казнен некто Пьетро Дордоньо за попытку покушения на принца. Перед смертью он признался, что приехал из Испании исключительно с этой целью и что он совещался с Ла Моттом, губернатором Гравелина, о наилучшем способе осуществления своего замысла. В апреле 1584 года Ханс Ханзун, торговец из Флашинга, был казнен за попытку уничтожить принца с помощью пороха, спрятанного под его домом в этом городе и под его скамьей в церкви. Он признался, что намеренно намеревался совершить это деяние и что он обсудил детали предприятия с послом Испании в Париже. Примерно в то же время некто Ле Гот, пленный французский офицер, был привлечен маркизом де Ришбургом со стороны Александра Пармского с просьбой совершить покушение на убийство принца. Ле Гот согласился, сказав, что ничего проще сделать нельзя и что он возьмется отравить его в блюде с угрями, которое, как он знал, тот особенно любил. Француз был освобожден от этого понимания; но, будучи большим другом Оранжа, сразу же рассказал ему всю историю и с тех пор всегда оставался верным слугой штатов. Следует предположить, что он оправдывал предательство, которому был обязан своим побегом из тюрьмы, на том основании, что веру следовало сохранять не больше с убийцами, чем с еретиками. Таким образом, в течение двух лет было предпринято пять различных попыток покушения на принца, и все они совершались при тайном участии испанского правительства. Вскоре должна была последовать шестая.

Летом 1584 года Вильгельм Оранский проживал в Делфте, где его жена Луиза де Колиньи предыдущей зимой родила сына, впоследствии знаменитого штатгальтера, Фредерика Генри.

Ребенок получил эти имена от двух своих крестных отцов, королей Дании и Наварры, и его крещение было с большим ликованием отпраздновано 12 июня по месту его рождения.

Это был тихий, жизнерадостный, но несколько сонный маленький город, древний Делфт. Тихие каналы, которыми он пересекался во всех направлениях, были засажены шелестящими, нависающими рядами лип и тополей, и по этим залитым водой магистралям движение двигалось так бесшумно, что город казался обителью тишины и спокойствия. Улицы были чистыми и просторными, дома хорошо построены, в целом это место процветало.

Одна из главных магистралей называлась олд-Делфтстрит. С обеих сторон он был затенен липами, которые в тот летний сезон покрывали поверхность канала, протекавшего между ними, своими легкими и ароматными цветами. На одной стороне этой улицы находилась "старая кирка", простое старинное кирпичное строение со стрельчатыми окнами и высокой стройной башней, которая под очень значительным углом наклонялась к дому на другой стороне канала. Этот дом был особняком Вильгельма Молчаливого. Он стоял прямо напротив церкви, отделенный от улицы просторным внутренним двором, в то время как конюшни и другие служебные помещения в задней части тянулись до городской стены. Узкий переулок, отходивший от Делфт-стрит, тянулся вдоль дома и двора в направлении крепостной стены. Дом представлял собой простое двухэтажное кирпичное строение с красной черепичной крышей и раньше был монастырем, посвященным Святой Агате, последний настоятель которого был повешен разъяренным Люми де ла Мерком.

Известие о смерти Анжу было доставлено в Делфт специальным гонцом от французского двора. В воскресенье утром, 8 июля 1584 года, принц Оранский, прочитав депеши перед тем, как встать с постели, приказал вызвать человека, который их принес, чтобы он мог передать некоторые конкретные подробности из уст в уста относительно последней болезни герцога. Курьер был соответственно допущен в спальню принца и оказался неким Фрэнсисом Гийоном, как он себя называл. Этот человек ранней весной потребовал защиты Оранжа и получил ее на том основании, что был сыном протестанта из Безансона, который принял смерть за свою религию, и из—за своей собственной горячей привязанности к реформатской вере. Благочестивый, поющий псалмы, насквозь кальвинистский юноша, он, казалось, всегда держал под мышкой библию или сборник гимнов, когда шел по улице, и был самым образцовым в посещении проповедей и лекций. В остальном это был на редкость незаметный персонаж двадцати семи лет от роду, невысокого роста, худощавый, с подлым лицом, грязноватым цветом кожи и в целом человек, не заслуживающий внимания, совершенно незначительный в глазах всех, кто на него смотрел. Если и существовало какое-то мнение, в котором те немногие, кто взял на себя труд подумать о тщедушном, несколько неуклюжем незнакомце из Бургундии, вообще совпадали, так это то, что он был безобиден, но совершенно неспособен ни к какому важному делу. Он казался хорошо образованным, утверждал, что имеет респектабельное происхождение и обладал значительной речью, когда можно было найти любого человека, который считал нужным его выслушать; но в целом он привлекал мало внимания.

Тем не менее, в этом незначительном кадре скрывался отчаянный и дерзкий характер; эта мягкая и безобидная натура семь лет была беременна ужасным преступлением, рождение которого больше нельзя было задерживать. Франсис Гийон, кальвинист, сын замученного кальвиниста, на самом деле был Бальтазаром Жераром, фанатичным католиком, чьи отец и мать все еще жили в Вильфане в Бургундии. Прежде чем добраться до поместья мэна, он

задумал убить принца Оранского, "который, пока был жив, казалось, оставался мятежником против короля-католика и прилагал все усилия, чтобы нарушить покой римско-католической апостольской религии".

Когда ему было всего двадцать лет, он изо всех сил ударил кинжалом в дверь, воскликнув при этом: "Если бы удар пришелся в сердцевину Апельсина!" За это он был упрекнут случайным свидетелем, который сказал ему, что не его дело убивать принцев и что нежелательно уничтожать такого хорошего капитана, как принц, который, в конце концов, может однажды помириться с королем.

Как только был опубликован запрет на Апельсины, Бальтазар, более чем когда-либо озабоченный осуществлением своего давнего замысла, покинул Доул и приехал в Люксембург. Здесь он узнал, что это дело уже было совершено Джоном Хореуги. Сначала он воспринял это известие с чувством облегчения, был рад, что его избавили от необходимости подвергать себя опасности, и, полагая, что принц мертв, поступил на службу клерком к некоему Джону Дюпрелю, секретарю графа Мансфельда, губернатора Люксембурга. Вскоре, когда стало известно о неудачной попытке Жореуги, "несгибаемая решимость" Жерара проявилась еще яростнее, чем когда-либо. Соответственно, он взял восковые модели официальных печатей Мансфельда, чтобы использовать их в качестве приемлемого подношения оранжевой партии, доверие которой он намеревался завоевать.

Однако его задержали различные обстоятельства. Была украдена сумма денег, и он был вынужден оставаться до тех пор, пока она не будет найдена, опасаясь быть арестованным как вор. Затем его двоюродный брат и работодатель заболел, и Джерарду пришлось ждать его выздоровления. Наконец, в марте 1584 года, "погода, как он сказал, была хорошей", Бальтазар покинул Люксембург и прибыл в Трев. Находясь там, он доверил свой план регенту иезуитского колледжа — "рыжеволосому мужчине", имя которого не сохранилось. Этот сановник выразил высокое одобрение плану, дал Джерарду свое благословение и пообещал ему, что, если его жизнь будет принесена в жертву для достижения его цели, он будет причислен к лику мучеников. Однако другой иезуит из того же колледжа, с которым он также общался, придерживался совсем другого языка, прилагая огромные усилия, чтобы отвратить молодого человека от его замысла на основании неудобств, которые могли возникнуть из—за подделки печатей Мансфельда, добавив, что ни он, ни кто-либо другой из иезуитов не любил вмешиваться в подобные дела, но посоветовав, чтобы все дело было передано принцу Пармскому. Не похоже, чтобы этот персонаж, "превосходный человек и ученый", пытался отговорить молодого человека от его проекта аргументами, основанными на каком-либо предполагаемом преступлении в самом убийстве или на какой-либо опасности, временной или вечной, которой мог подвергнуть себя преступник.

Не поддавшись, как представляется, влиянию, за исключением одного пункта, совета этого второго призрачного исповедника, Бальтазар приехал в Турне и держал совет с третьим — знаменитым францисканцем, отцом Жери, — который очень утешил его и укрепил в его решимости. Его следующим шагом было представить проект в Парму, как советовал "превосходный и образованный" иезуит в Треве. Это он сделал с помощью письма, составленного с большой тщательностью и о котором он, очевидно, хорошо думал как о сочинении. Один экземпляр этого письма он передал на хранение попечителю францисканского монастыря в Турне; другой он собственноручно подарил принцу Пармскому.

"Вассал, - сказал он, - всегда должен предпочитать справедливость и волю короля своей собственной жизни". В связи с этим он выразил свое удивление по поводу того, что до сих пор не найден человек, способный привести в исполнение приговор Вильгельму Нассаускому, "за исключением благородного бискайца, ныне покойного". Чтобы выполнить эту задачу, Бальтазар очень рассудительно заметил, что необходимо иметь доступ к личности принца — в чем и заключалась трудность. Те, у кого было это преимущество, продолжал он, были поэтому обязаны немедленно искоренить чуму, не заставляя его Величество посылать в Рим за кавалером, потому что ни один из них не пожелал броситься в ядовитую пропасть, которая своей заразой заражала и убивала души и тела всех бедных, обиженных подданных, подвергшихся ее влиянию. Джерард признался, что его самого так долго подстрекали эти соображения — так сильно раздражали неудовольствие и горечь оттого, что он видел, как упрямый негодяй все еще ускользает от его справедливого суда, — что он задумал поставить ловушку для лисы, надеясь таким образом добраться до нее и застать врасплох. Он добавил, не объясняя природу ловушки и наживки, что счел своим долгом изложить суть дела светлейшему принцу Пармскому, заявив в то же время, что он не рассматривал этот подвиг ради награды, упомянутой в приговоре, и что он предпочитает доверять в этом отношении огромной щедрости его Величества.

Парма давно искала хорошего человека для убийства Оранского, чувствуя — как чувствовали Филипп, Гранвель и все бывшие губернаторы Нидерландов, - что это единственное средство сохранить королевскую власть в любой части провинций. Время от времени появлялось много неудовлетворительных наемных убийц, и Александер платил деньги наличными разным людям — итальянцам, испанцам, лотарингцам, шотландцам, англичанам, которые обычно тратили полученные суммы, не берясь за работу. Предполагалось, что другие все еще были заняты этим предприятием; и в тот момент в городе Делфт находились четыре человека, каждый из которых был неизвестен остальным и принадлежал к разным нациям, которые пытались расследовать смерть Вильгельма Молчаливого. Лохматые головорезы — бывшие капитаны вольных отрядов и тому подобные мародеры — ежедневно предлагали свои услуги; в них не было недостатка, и они мало что сделали. Как должен был Парма, видя перед собой этого незаметного низкорослого, с жидкой бородкой, сбежавшего клерка, ожидать от него содержательности и энергии? Он считал его совершенно непригодным для срочного предприятия и заявил об этом своим тайным советникам и королю.

Он вскоре уволил его, получив его письма; и можно предположить, что напыщенный стиль этого послания не изгладил неблагоприятного впечатления, произведенного внешностью Вальтасара. Представления Голтепенна и других побудили его настолько изменить свои взгляды, что он послал своего доверенного советника д'Ассонлевиля к незнакомцу, чтобы узнать подробности плана. Ассонлевилю, соответственно, имел беседу с Жераром, в которой он попросил молодого человека изложить свой план в письменном виде, и это было сделано 11 апреля 1584 года.

В этом письме Джерард объяснил свой план представиться Оранскому в Делфте как сын казненного кальвиниста; как искренне, хотя и тайно, преданный реформатской вере и, следовательно, желающий поступить на службу к принцу, чтобы избежать наглости папистов. Завоевав доверие тех, кто окружал принца, он намекал им на то, что печатка Мансфельда может быть широко использована для подделки паспортов для шпионов и других лиц, которых, возможно, захотят заслать на территорию роялистов. "С помощью этих или подобных уловок и легкомыслия, - продолжал Джерард, - он вскоре получил бы доступ к личности упомянутого

Нассау", повторив свой протест, что ничто не подвигло его на это предприятие, "кроме благочестивого рвения, которое он питал к вере и истинной религии, охраняемой Святой Матерью-Церковью Католической, Апостольской и Римской, и к службе его Величеству". Он просил прощения за то, что украл оттиски печатей — мерзость, которую он никогда бы не совершил, но скорее принял бы тысячу смертей, если бы не ожидаемый великий конец. Он особенно желал прощения за это преступление, прежде чем приступить к выполнению своей задачи, "чтобы он мог исповедаться и принять святое причастие на наступающую Пасху без угрызений совести". Он также умолял принца Пармского получить для него отпущение грехов от его Святейшества за это преступление воровства, тем более что "он собирался некоторое время общаться с еретиками и атеистами и в некотором роде соответствовать их обычаям".

Судя по общему тону писем Жерара, его можно было сразу определить как простого религиозного фанатика, который был уверен, что, выполняя приказ Филиппа, публично обращенный ко всем убийцам Европы, он вполне заслуживает Бога и своего короля. Нет сомнений в том, что он был экзальтированным энтузиастом, но не просто энтузиастом. Характер этого человека представляет не один интерес как психологический феномен. Он убедил себя, что работа, за которую он взялся, в высшей степени достойна внимания, и совершенно не боялся последствий. Однако он ни в коем случае не был настолько бескорыстен, каким предпочитал изображать себя в письмах, которые, как он инстинктивно чувствовал, должны были представлять постоянный интерес. Напротив, в своих беседах с Ассонлевилом он настаивал на том, что он бедняк и что он предпринял это предприятие, чтобы приобрести собственность — разбогатеть - и что он зависит от влияния принца Пармского в получении награды, обещанной Запретом человеку, который предаст Оранжа смерти.

Это второе письмо решило судьбу Пармы настолько, что он уполномочил Ассонлевиля поощрить молодого человека в его попытке и пообещать, что награда будет вручена ему в случае успеха и его наследникам в случае его смерти. Ассонлевилю во время второго допроса, соответственно, самым решительным образом ознакомил Жерара с этими заверениями, в то же время предупредив его ни в коем случае; в случае ареста, обвинять принца Пармского. Советник, увещевая таким образом незнакомца, согласно приказу Александра, ограничился, однако, общими фразами, отказавшись даже выдать пятьдесят крон, которые Валтасар выпросил у генерал-губернатора, чтобы покрыть необходимые расходы по своему проекту. Парма слишком часто делал подобные авансы людям, которые обещали убить принца, а затем мало что сделали, и он был решителен в своем отказе этому новому авантюристу, от которого он абсолютно ничего не ожидал. Джерард, несмотря на этот отпор, не был обескуражен. "Я обеспечу себя из своего собственного кошелька, — сказал он Ассонлевилю, - и через шесть недель ты услышишь обо мне". - "Отправляйся в путь, сын мой, - по-отечески сказал Ассонлевилю на этот пылкий ответ, - и если твое предприятие увенчается успехом, король выполнит все свои обещания, а ты к тому же снискаешь бессмертное имя".

"Застарелое обдумывание", вызревшее таким образом, Джерард теперь приступил к осуществлению. Он приехал в Делфт; добился заслушивания Миллерса, священника и близкого друга Оранского, показал ему печати Мансфельда и был, несколько против его воли, отправлен во Францию, чтобы показать их маршалю Бирону, который, как считалось, вскоре должен был быть назначен губернатором Камбре. По рекомендации Оранского бургундец был принят в свиту Ноэля де Карона, сеньора де Шоневалея, который затем отправился со специальной миссией к герцогу Анжуйскому. Находясь во Франции, Жерар не мог успокоиться ни днем, ни

ночью, так мучило его желание осуществить свой замысел, и, наконец, после смерти герцога он получил разрешение передать эту важную информацию принцу Оранскому. Получив депеши, он поспешно отправился в Делфт, и, к его удивлению, едва письма были доставлены, как его лично вызвали в покои принца. Здесь представилась такая возможность, на которую он никогда не смел надеяться. Заклятый враг Церкви и рода человеческого, чья смерть даровала бы его разрушителью богатство и благородство в этом мире, помимо венца славы в следующем, лежал безоружный, один, в постели перед человеком, который семь долгих лет жаждал его крови.

Балтазар едва мог контролировать свои эмоции в достаточной степени, чтобы ответить на вопросы, которые принц адресовал ему относительно смерти Анжу, но Оранский, глубоко увлеченный депешами и размышлениями, которые наводило на размышления их глубоко важное содержание, не обратил внимания на выражение лица скромного изгнанника-кальвиниста, которого Миллерс недавно рекомендовал своему покровителю. Более того, Джерард никак не подготовился к столь совершенно неожиданной встрече, пришел безоружным и не составил никакого плана побега. Он был вынужден отказаться от своей добычи, когда она была в пределах его досягаемости, и после сообщения всей информации, которая требовалась принцу, он был удален из палаты.

Было воскресное утро, и колокола звонили в церковь. Выйдя из дома, он побродил по двору, украдкой осматривая помещение, так что сержант алебардщиков спросил его, почему он здесь ждет. Балтазар кротко ответил, что желает посетить богослужение в церкви напротив, но добавил, указывая на свою поношенную и испачканную дорожными пятнами одежду, что, по крайней мере, без новой пары туфель и чулок, он непригоден для участия в собрании. Как всегда, незначительный, маленький, набожный, покрытый пылью незнакомец не вызвал никаких подозрений у добродушного сержанта. Он немедленно рассказал о нуждах Жерара офицеру, который передал их самому Оранжу, и принц немедленно распорядился выдать ему определенную сумму денег. Таким образом, Балтазар получил от благотворительной организации Уильяма то, в чем отказывала бережливость Пармы, — средства для достижения своей цели.

На следующее утро на вырученные таким образом деньги он купил у солдата пару пистолетов или небольших карабинов, долго споря о цене, потому что продавец не мог предоставить определенный вид нарезных пуль или пулях, которые ему требовались. Перед заходом солнца следующего дня этот солдат ударил себя ножом в сердце и умер в отчаянии, услышав, с какой целью были куплены пистолеты.

Во вторник, 10 июля 1584 года, около половины первого принц под руку с женой и в сопровождении дам и джентльменов из его семьи направлялся в столовую. Вильгельм Молчаливый был одет в тот день, по своему обычаю, очень просто. На нем была широкополая шляпа свободной формы из темного фетра с шелковым шнуром вокруг тульи - такие носили нищие в первые дни восстания. Высокий воротник опоясывал его шею, с которой также свисала одна из медалей Нищего с девизом "Fideles au roy jusqu'a la besace", в то время как свободный плащ из серой фризовой ткани поверх коричневого кожаного камзола и широкое нижнее белье с разрезами завершали его костюм. Жерар появился в дверях и потребовал паспорт. Принцесса, пораженная бледностью и волнением этого человека, с тревогой расспросила мужа о незнакомце. Принц небрежно заметил, что "это был всего лишь человек, пришедший за паспортом", приказав в то же время секретарю немедленно подготовить его. Принцесса, все

еще не испытывая облегчения, заметила вполголоса, что "она никогда не видела такого злодейского выражения лица". Оранж, однако, нисколько не впечатленный внешностью Джерарда, вел себя за столом со своей обычной жизнерадостностью, много беседуя с бургомистром подветренного города, единственным гостем, присутствовавшим на семейном ужине, о политических и религиозных аспектах Фрисландии. В два часа все встали из-за стола. Принц пошел впереди, намереваясь пройти в свои личные апартаменты наверху. Столовая, находившаяся на первом этаже, выходила в небольшой квадратный вестибюль, который сообщался арочным проходом с главным входом во внутренний двор. Этот вестибюль также находился прямо у подножия деревянной лестницы, ведущей на следующий этаж, и был едва ли шести футов в ширину. С левой стороны, когда подходил к лестнице, виднелась темная арка, глубоко утопленная в стене и полностью скрывавшаяся в тени двери. За этой аркой открывался портал в узкий переулок сбоку от дома. Сама лестница была полностью освещена большим окном, расположенным на середине пролета. Принц вышел из столовой и начал неторопливо подниматься. Он добрался только до второй ступеньки, когда из-под арки появился человек и, стоя в футах или двух от него, разрядил ему в сердце пистолет. Три пули вошли в его тело, одна из которых, пройдя насквозь, с силой ударилась о стену за ним. Принц воскликнул по-французски, ощутив рану: "О Боже мой, смилуйся над моей душой! О Боже мой, смилуйся над этим бедным народом".

Это были последние слова, которые он когда-либо произносил, за исключением того, что, когда его сестра Екатерина Шварцбургская сразу после этого спросила его, вверяет ли он свою душу Иисусу Христу, он еле слышно ответил: "Да". Его конюший Якоб ван Малдере подхватил его на руки в тот момент, когда прозвучал роковой выстрел. Затем принца на мгновение опустили на лестницу, после чего он сразу же начал терять сознание. После этого его положили на кушетку в столовой, где через несколько минут он испустил дух в объятиях своей жены и сестры.

Убийце удалось скрыться через боковую дверь, и он быстро помчался по узкому переулку. Он почти добрался до крепостного вала, с которого намеревался прыгнуть в ров, когда споткнулся о кучу мусора. Когда он поднялся, его схватили несколько пажей и алебардчиков, которые преследовали его от самого дома. Он бросил свои пистолеты на том месте, где совершил преступление, и при нем была найдена пара мочевых пузырей и по куску трубки, с помощью которых он намеревался перебраться через ров, за которым его ждала лошадь. Он не пытался отрицать свою личность, но смело признался в содеянном. Его доставили обратно в дом, где он немедленно подвергся предварительному допросу в городском суде. Впоследствии он был подвергнут мучительным пыткам, ибо ярость против негодея, уничтожившего Отца страны, была неконтролируемой, и Вильгельма Молчаливого уже не было в живых, чтобы заступиться — как он часто делал раньше — за тех, кто покушался на его жизнь.

Организация Бальтазара Жерара стала бы предметом глубокого изучения как для физиолога, так и для метафизика. Не будучи ни стопроцентным фанатиком, ни стопроцентным хулиганом, он сочетал в себе самые опасные черты обоих характеров. В его тщедушном теле и убогой внешности были заключены значительные умственные способности и достижения, дерзкие амбиции и мужество, почти сверхчеловеческое. Однако эти качества привели его лишь к тому, что на пороге жизни он принял осознанное решение достичь величия с помощью профессии наемного убийцы. Награды, обещанные Запретом, в сочетании с его религиозным фанатизмом и страстью к отличиям, сосредоточили всю его энергию с терпеливой концентрацией на одной

великой цели, для которой он, казалось, был рожден, и после семилетней подготовки он, наконец, осуществил свой замысел.

Во время допроса магистратами он не выказал ни отчаяния, ни раскаяния, скорее, тихое ликование. "Подобно Давиду, - сказал он, - он убил Голиафа из Гефа".

Когда ему ложно сообщили, что его жертва жива, он не проявил ни легковерия, ни разочарования. Он выпустил три отравленных снаряда в живот принца и знал, что смерть, должно быть, уже наступила. Однако он выразил сожаление, что сопротивление алебардщиков помешало ему воспользоваться своим вторым пистолетом, и признался, что, если бы он был за тысячу лиг отсюда, он вернулся бы, чтобы повторить то же самое, если возможно. Он намеренно написал подробное признание в своем преступлении, а также в мотивах и способе его совершения, позаботившись, однако, о том, чтобы не впутывать в сделку Парму. День за днем подвергаясь ужаснейшим пыткам, он впоследствии рассказал о своих беседах с Ассонлевиллем и президентом иезуитского колледжа в Треве, добавив, что на его работу повлияла уверенность в получении вознаграждения, обещанного Запретом. В перерывах между стоянием на дыбе он беседовал непринужденно и даже красноречиво, отвечая на все обращенные к нему вопросы с очевидной искренностью. Его постоянство в страданиях настолько поразило судей, что они поверили, что он поддерживался колдовством. "Ессе homo!" - восклицал он время от времени с безумным богохульством, поднимая со скамейки свою окровавленную голову. Чтобы разрушить чары, которые, казалось, делали его нечувствительным к боли, они послали за рубашкой пациента больницы, предположительно колдуна. Однако, облаченный в это одеяние, Бальтазар, тем не менее, превосходил искусство мучителей, перенося все их мучения, по словам очевидца, "ни разу не воскликнув: "Ах, я!" - и признавшись, что повторил бы свое предприятие, если бы это было возможно, даже если бы в результате ему пришлось умереть тысячью смертей. Некоторые из присутствующих отказывались верить, что он вообще был человеком. Другие спросили его, как давно он продался дьяволу? на что он мягко ответил, что он вообще не был знаком с дьяволом. Он вежливо поблагодарил судей за еду, которую получал в тюрьме, и пообещал вознаградить их за оказанную услугу. Когда его спросили, как это возможно, он ответил, что будет служить их защитником в Раю.

Приговор, вынесенный убийце, был отвратительным — преступление против памяти великого человека, за которого он якобы собирался отомстить. Было постановлено, что правая рука Джерарда должна быть сожжена раскаленным железом, что его плоть должна быть оторвана от костей клещами в шести разных местах, что он должен быть четвертован и выпотрошен заживо, что его сердце должно быть вырвано из груди и брошено ему в лицо, и что, наконец, ему должна быть отрублена голова. Ни его ужасное преступление с его бесконечными последствиями, ни естественное неистовство, которое оно вызвало, не могли оправдать этот жестокий указ, ради осуждения которого убитый герой, возможно, почти пробудился от смертного сна. Приговор был буквально приведен в исполнение 14 июля, преступник выдерживал его ужасы с той же поразительной стойкостью. Его нервы, искалеченные и наполовину изжаренные, были настолько спокойны перед тем, как он взошел на эшафот, что, когда один из палачей получил легкое ранение в ухо рукояткой молотка, которым он разламывал роковой пистолет на куски, в качестве первого шага казни — обстоятельство, вызвавшее общий смех в толпе, — на лице Бальтазара появилась улыбка, выражавшая сочувствие общему веселью. Было видно, как

шевелились его губы вплоть до того момента, когда сердце ударило ему в лицо — "Затем, - сказал очевидец, - он испустил дух".

Награда, обещанная Филиппом человеку, который убьет Оранжа, была выплачена наследникам Джерарда. Парма сообщил своему государю, что "бедняга" был казнен, но что его отец и мать все еще живы; им он рекомендовал выплатить тот "мерсед", который "столь заслужил похвальный и великодушный поступок". Так и было сделано, и превосходные родители, облагороженные преступлением своего сына, получили вместо двадцати пяти тысяч крон, обещанных в Бане, три сеньории Ливремон, Пансион и Дампмартен во Французском графстве и сразу заняли свое место среди земельной аристократии. Таким образом, щедрость принца снабдила его оружием, которым была уничтожена его жизнь, а его поместья составили фонд, из которого семья убийцы получила плату за кровь. Позже, когда несчастный старший сын Оранского вернулся из Испании после двадцатисемилетнего отсутствия, подменыш и испанец, Филипп Второй предложил ему вернуть те самые поместья при условии, что он продолжит выплачивать фиксированную долю арендной платы семье убийцы своего отца. Образование, которое Филипп Уильям получил под покровительством короля, однако, не полностью уничтожило все его человеческие чувства, и он с презрением отверг это предложение. Поместья оставались за семьей Жерар, а полученные ими дворянские патенты использовались для оправдания их освобождения от определенных налогов до объединения Франш-Конте с Францией, когда французский губернатор разорвал документы на куски и растоптал их ногами.

Вильгельму Оранскому на момент его смерти был пятьдесят один год и шестнадцать дней. Он оставил двенадцать детей. От своей первой жены, Анны Эгмонтской, у него были сын Филипп и дочь Мария, впоследствии вышедшая замуж за графа Гогенло. От его второй жены, Анны Саксонской; у него был один сын, знаменитый Морис Нассауский, и две дочери, Анна, впоследствии вышедшая замуж за своего двоюродного брата, графа Вильгельма Луи, и Эмилия, которая была женой претендента на престол Португалии, принца Эммануила. От Шарлотты Бурбонской, его третьей жены, у него было шесть дочерей, а от четвертой, Луизы де Колиньи, один сын, Фредерик Вильгельм, впоследствии штатгальтер Республики в ее самые счастливые дни. Принц был погребен 3 августа в Делфте под слезы всего народа. Никогда еще смерть какого-либо человека не вызывала более глубокой, неподдельной и законной скорби.

Жизнь и труды Оранжа поставили освобожденное общественное достояние на прочную основу, но его смерть сделала безнадежным объединение всех Нидерландов в единую республику. Усилия недовольной знати, религиозные разногласия, непревзойденная способность Пармы, как политическая, так и военная, - все это в сочетании с прискорбной потерей Вильгельма Молчаливого навсегда отделить южные и католические провинции от северной конфедерации. Пока принц был жив, он был Отцом всей страны; Нидерланды, за исключением только двух валлонских провинций, составляли единое целое. Несмотря на дух фракции и пагубу долгой гражданской войны, по всей стране была по крайней мере одна страна; или надежда страны, одно сильное сердце, одна руководящая голова для патриотической партии. Филипп и Гранвель были правы в своей оценке преимуществ, которые можно было извлечь из смерти принца, полагая, что рука убийцы может достичь большего, чем все хитрости, которым могла научить испанская или итальянская государственная мудрость, или все армии, которые могли собрать Испания или Италия. Пистолет ничтожного Жерара уничтожил возможность создания единого нидерландского государства, в то время как при жизни Вильгельма в политике было единство, в истории страны - единство.

В следующем году Антверпен, до сих пор являвшийся центром, вокруг которого группировались все национальные интересы и исторические события, пал перед научными усилиями Пармы. Город, который так долго был самой свободной и самой богатой столицей Европы, навсегда опустился до положения провинциального городка. С его падением в сочетании с другими обстоятельствами, о которых нет необходимости рассказывать заранее, было завершено окончательное отделение Нидерландов. С другой стороны, после смерти Оранского, официальное вступление которого в должность суверенного графа еще не состоялось, штаты Голландия и Зеландия вновь вернули себе Суверенитет. Содружество, которое Вильгельм навсегда освободил от испанской тирании, продолжало существовать как великая и процветающая республика в течение более чем двух столетий под властью его сыновей и потомков.

Его жизнь дала существование независимой стране — его смерть определила ее границы. Проживи он на двадцать лет дольше, вполне вероятно, что семи провинций стало бы семнадцать и что испанский титул навсегда исчез бы как в Нижней Германии, так и в Кельтской Галлии. Хотя еще на два человеческих поколения предстояла война, прежде чем Испания признала новое правительство, все же еще до окончания этого периода Соединенные Штаты стали первой военно-морской державой и одним из самых значительных государств в мире; в то время как гражданская и религиозная свобода, политическая независимость страны вместе с полным изгнанием древней иностранной тирании с земли были достигнуты еще до того, как закрылись глаза Вильгельма. Республика фактически существовала с момента отречения от престола в 1581 году.

Наиболее важные черты государственного устройства, которое, таким образом, приобрело видную организацию, уже были указаны. Не было ни революции, ни радикальных изменений. Древнее крепкое дерево нидерландской свободы — с его поросшим мхом стволом, узловатыми ветвями и глубоко уходящими корнями, — которое медленно росло веками, все еще было полно сока, и ему предстояло еще столетия сохранять свои годичные кольца прочной и концентрической формы. Хотя срубленный из нескольких пышных ветвей, он был крепок в сердцевине и обречен на еще большую жизнь, чем даже в самые здоровые моменты своего средневекового существования.

История возникновения Нидерландской республики была в то же время биографией Вильгельма Молчаливого. Это, хотя и придает повествованию единство, делает излишним подробное описание его характера. Эта жизнь была благородным христианским эпосом, вдохновленным одной великой целью от начала до конца; поток, постоянно текущий из одного источника с расширяющейся полнотой, но сохраняющий всю свою первоначальную жалость. В заключение необходимо сделать несколько общих замечаний.

Лично Оранж был выше среднего роста, прекрасно сложенный и жилистый, но скорее худощавый, чем полный. Его глаза, волосы, борода и цвет лица были коричневыми. Его голова была маленькой, симметричной формы, сочетавшей в себе настороженность и компактность, характерные для солдата; с широким лбом, преждевременно нахмуренным горизонтальными линиями мысли, что указывало на государственного деятеля и мудреца. Таким образом, его физическая внешность гармонировала с его организацией, построенной по античному образцу. Из его моральных качеств наиболее выдающимся было его благочестие. Он был больше всего на свете религиозным человеком. Благодаря своему доверию к Богу он всегда черпал

поддержку и утешение в самые мрачные часы. Безоговорочно полагаясь на Всемогущую мудрость и доброту, он смотрел опасности в лицо с постоянной улыбкой и переносил непрестанные труды и испытания со спокойствием, которое казалось более чем человеческим. Однако, хотя его душа была полна благочестия, она была терпима к ошибкам. Искренне и сознательно обратившись в Реформатскую церковь, он был готов распространить свободу вероисповедания на католиков, с одной стороны, и на анабаптистов - с другой, ибо никто никогда так остро не чувствовал, как он, что реформатор, который, в свою очередь, становится фанатиком, вдвойне отвратителен.

Его твердость сочеталась с набожностью. Его постоянство в переносе всей тяжести неравной борьбы, какую только когда-либо предпринимали люди, вызывало восхищение даже у его врагов. Скала в океане, "спокойная среди бушующих волн", была любимой эмблемой, с помощью которой его друзья выражали свое ощущение его твердости. С того момента, как, будучи заложником во Франции, он впервые узнал о плане Филиппа насадить инквизицию в Нидерландах, и до последнего момента своей жизни он никогда не колебался в своей решимости противостоять этому незаконному плану. Это сопротивление было делом всей его жизни. Исключить инквизицию; сохранить древние свободы своей страны - вот задача, которую он поставил перед собой, когда был двадцатитрехлетним юношей. Никогда не говоря ни слова о небесной миссии, никогда не обманывая себя или других обычной фразеологией энтузиастов, он выполнил задачу, несмотря на опасность, в тяжелом труде и с такими жертвами, какие немногие люди когда-либо были способны принести на алтарь своей страны; ибо бескорыстная доброжелательность этого человека была столь же заметна, как и его сила духа. Принц высокого ранга, обладавший королевскими доходами, он лишил себя положения, богатства, порой почти всего необходимого для жизни, и стал ради своей страны почти нищим, а также вне закона. Он также не был вынужден начать свою карьеру из-за случайного импульса, от которого не было выхода. Для него всегда было открыто отступление. К нему снова и снова обращались не только с просьбой о прощении, но и с просьбой о продвижении. Официально и конфиденциально, прямо и окольным путем его конфискованные поместья, а также неограниченные милости в придачу предлагались ему по каждому важному случаю. По прибытии дона Джона на переговоры в Бреде, на Кельнские конференции мы видели, как спокойно отмахивались от этих предложений, как будто их отклонение было настолько простым, что едва ли требовалось много слов для его обозначения, и все же он заложил свои поместья так сильно, что его наследники колебались принимать свое наследство, опасаясь, что это повлечет за собой их влезание в долги. Через десять лет после его смерти счет между его душеприказчиками и его братом Джоном составил один миллион четыреста тысяч флоринов - причитающийся графу, обеспеченный различными залогами недвижимого и движимого имущества; и на этой основе все было окончательно урегулировано. Кроме того, он был в большом долгу перед каждым из своих могущественных родственников, так что выплата обременений по его поместью почти оправдала опасения его детей. Таким образом, в то время как, с одной стороны, он сливал эти огромные суммы, как воду, и решительно отказывался прислушиваться к заманчивым предложениям королевского правительства, с другой стороны, он доказал бескорыстный характер своих услуг, год за годом отказываясь от суверенитета над провинциями; и только в последние дни своей жизни, когда отказ стал почти невозможным, он принял ограниченное конституционное превосходство над той их частью, которая сейчас составляет царство его потомков. Он жил и умер не для себя, а для своей страны: "Боже, сжался над этим бедным народом!" - были его предсмертные слова.

Его интеллектуальные способности были разнообразны и самого высокого порядка. Он обладал точными, практичными и сочетающимися в себе качества, которые делают его великим полководцем, и его друзья утверждали, что по военному гению он не уступал ни одному капитану в Европе. Это было, без сомнения, преувеличением из-за частичной привязанности, но несомненно, что император Карл был высокого мнения о своих способностях в этой области. Его укрепление Филиппвиля и Шарлемона перед лицом врага, его переход Мааса на виду у Альвы, его неудачная, но хорошо организованная кампания против этого генерала, его великолепный план освобождения осажденного города Лейдена, разработанный и успешно осуществленный, наконец, с постели больного, — все это навсегда останется памятниками его практического военного мастерства.

Величайшими добродетелями солдата — стойкостью в беде, преданностью долгу, надеждой при поражении — ни один человек никогда не обладал в большей степени. Пройдя через ряд неудач, он одержал полную победу. Он основал свободное содружество под самой мощью инквизиции, бросив вызов самой могущественной из существующих империй. Следовательно, он был победителем в самом высоком смысле этого слова, ибо он завоевал свободу и национальное существование для целого народа. Борьба была долгой, и он пал в борьбе, но победа досталась мертвому герою, а не живому монарху. Следует также помнить, что он всегда действовал более слабыми инструментами. Его войска обычно состояли из наемников, которые были слишком склонны к мятежу накануне битвы, в то время как ему противостояли самые грозные ветераны Европы, которыми последовательно командовали первые капитаны того времени. То, что, не имея ни одного лейтенанта выдающейся доблести или опыта, за исключением только своего брата Людовика, а после смерти этого вождя вообще ни с кем, Вильгельму Оранскому удалось сорвать усилия Альвы, Рекесенса, дона Джона Австрийского и Александра Фарнезе — людей, чьи имена входят в число самых блестящих в военных анналах мира, — само по себе является достаточным доказательством его воинских способностей. К моменту своей смерти он сократил число послушных провинций до двух; только Артуа и Эно признали Филиппа, в то время как остальные пятнадцать были в открытом восстании, большая часть которого торжественно отреклась от своего государя.

Превосходство его политического гения не подлежало никакому сомнению. Он был первым государственным деятелем своего времени. Быстроте его восприятия соответствовала только осторожность, которая позволяла ему взвешивать результаты своих наблюдений. Его знание человеческой природы было глубоким. Он управлял страстями и чувствами великой нации, как если бы они были всего лишь клавишами и аккордами одного огромного инструмента; и его руке редко удавалось вызвать гармонию даже среди самых диких штормов. Непокойный город Гент, который не мог подчиняться никакому другому хозяину, который даже надменный император мог только сокрушить, не контролируя, всегда был отзывчив к властной руке Оранского. Его присутствие отпугнуло Имбайза и его похожую на летучих мышей команду, спутало планы Джона Казимира, расстроило козни принца Чимея, и пока он был жив, Гент был тем, чем всегда должен был оставаться, — оплотом, как и колыбелью народной свободы. После его смерти он стал его усыпальницей.

Гент, трижды спасенный политикой, красноречием и самопожертвованием Оранского, через три месяца после его убийства перешел в руки Пармы. Потеря этого важнейшего города, за

которой в следующем году последовало падение Антверпена, решила судьбу Южных Нидерландов. Если бы принц был жив, насколько иной могла бы быть судьба страны! Если бы семь провинций смогли за столь короткий промежуток времени превратиться в могущественное содружество, в которое вскоре превратилась Республика, чего не смогли бы достичь объединенные семнадцать; конфедерация, которая объединила бы несокрушимую силу батавской и фризской рас с более тонкими, утонченными и изящными национальными элементами, в которых так тесно смешался гений франков, римлян и романизированных кельтов. Пока был жив Отец страны, такой союз был возможен. Его способность управлять людьми была настолько неоспорима, что всегда оставалась надежда, даже в самый темный час, поскольку люди безоговорочно полагались как на его интеллектуальные ресурсы, так и на его честность.

Эту способность обращаться со своими собратьями он проявлял различными способами, которыми ее обычно демонстрируют государственные деятели. Он обладал живым красноречием — иногда страстным, чаще склонным к спорам, всегда рациональным. Его влияние на аудиторию не имело аналогов в анналах той страны или эпохи; и все же он никогда не снисходил до того, чтобы льстить людям. Он никогда не следовал за нацией, но всегда вел ее по пути долга и чести и был гораздо более склонен обличать пороки, чем потворствовать страстям своих слушателей. Он никогда не упускал случая обильно наказать скупость, ревность, неподчинение, нетерпимость, неверность, где бы это ни было уместно, и не боялся противостоять штатам или народу в часы их наибольшего гнева и говорить им правду в лицо. На этом командном посту он один мог устоять, ибо его соотечественники знали о великодушии, с которым он пожертвовал всем ради них, о самоотречении, которое скорее ускользало, чем добивалось политического продвижения, будь то от короля или народа, и о неутомимой преданности, которая посвятила всю жизнь тяжелому труду и опасностям во имя их освобождения. Поэтому, хотя он всегда был готов упрекнуть и всегда слишком честен, чтобы льстить, он в то же время обладал красноречием, которое могло убеждать. Он знал, как достучаться и до ума, и до сердца своих слушателей. Его речи, импровизированные или подготовленные, его письменные послания генеральным штатам, провинциальным властям, муниципальным органам, его частная переписка с людьми всех рангов, от императоров и королей до секретарей и даже детей, — все это демонстрирует легкость речи, полноту мысли, редкую в ту эпоху силу выражения, запас исторических аллюзий, значительную силу воображения, теплоту чувств, широту взглядов, прямооту цели — короче говоря, целый ряд качеств, которые сами по себе сделали бы его одним из мастеров своего дела. — умы его века, если бы не было другого памятника его памяти, кроме остатков его устного или письменного красноречия. Большая часть его выступлений в этом отделе была потрясающей. Даже Филипп не был более трудолюбивым в кабинете министров. Даже Гранвель не владел более изящным пером. Он одинаково хорошо писал и говорил по-французски, по-немецки или по-фламандски; кроме того, он владел испанским, итальянским, латынью. Одной только его переписки почти хватило бы на всю жизнь, и хотя многие тома его речей и писем были опубликованы, в различных архивах Нидерландов и Германии сохранилось множество документов, написанных его рукой, которые, вероятно, никогда не увидят свет. Если способность к неустанному интеллектуальному труду в благородном деле является мерилем человеческого величия, то немногие умы могли бы сравниться с "крупным телосложением" этого человека. Усилиям, предпринятым для уничтожения Нидерландов самым усердным из тиранов, противодействовало усердие самых неутомимых патриотов.

Таким образом, его красноречие, устное или письменное, давало ему почти безграничную власть над своими соотечественниками. Он обладал также редким восприятием человеческого характера вкупе с железной памятью, которая никогда не теряла лица, места или события, однажды увиденные или известные. Он читал мысли и даже лица людей, как печатные книги. Ни один мужчина не мог перехитрить его, за исключением только тех, кому он отдавал свое сердце. Он мог ошибаться там, где доверялся, но никогда там, где был недоверчив или безразличен. Он был обманут Реннебергом, своим шурином Ван ден Бергом, герцогом Анжуйским. Если бы его брат Луи или его брат Джон могли оказаться лжецами, он мог бы быть обманут ими. Его никогда не перехитрили ни Филипп, ни Гранвелле, ни Дон Джон, ни Александр Пармский. Анна Саксонская была ему неверна и вступила в переписку с королевскими наместниками и с королем Испании; Шарлотта Бурбонская или Луиза де Колиньи могли бы поступить так же, если бы их натуры тоже могли опуститься до таких глубин коварства.

Что касается Эршотов, Гавров, Химэ, то на него никогда не влияли ни их уговоры, ни их заговоры. Он был готов использовать их, когда их интересы делали их дружелюбными, или сокрушать их, когда их интриги против его политики делали их опасными. Ловкость, с которой он превратил их планы в пользу Матиаса, дона Джона, Анжу во множество дополнительных средств для своего собственного дела, никогда не может быть слишком часто изучена. Поучительно понаблюдать за уловками школы Макиавелли, применяемыми мастером своего дела для того, чтобы помешать, а не продвигать мошенническую цель. Этот характер в значительной степени определял всю его политику. Он был глубоко сведущ в тонкостях итальянской государственной мудрости, которым научился в юности при императорском дворе и которые в зрелом возрасте использовал на службе не тирании, а свободе. Он сражался с инквизицией ее же оружием. Он расправился с Филиппом на его собственной территории. Он выкапывал почву из-под ног короля с помощью более тонкого процесса, чем тот, который практиковал самый лживый монарх, когда-либо правивший испанской империей, и Филипп, несмотря на то, что он был закован в сложные уловки, был уязвлен за живое более хитрой политикой, чем его собственная.

В течение десяти лет король ежедневно передавал свои самые секретные письма в руки, которые регулярно передавали копии переписки принцу Оранскому вместе с ключом к шифрам и всеми другими иллюстрациями, которые могли потребоваться. Таким образом, секреты короля всегда были так же хорошо известны Оранскому, как и ему самому; и поскольку принц действовал так же быстро, как Филипп колебался, планы часто могли быть сорваны еще до того, как их исполнение было начато. Преступление несчастного клерка Джона де Кастильо было раскрыто осенью 1581 года, и он был разорван на куски четырьмя лошадьми. Возможно, его измена монарху, хлеб которого он ел, в то время как он регулярно получал жалованье от самого решительного врага короля, заслуживала даже этого ужасного наказания, но казуисты должны определить, насколько велика вина принца за его участие в сделке. Эта история не является панегириком Оранжу, хотя, обсуждая его характер, трудно избежать однообразия панегириков. С точки зрения строгих моральных стандартов, нельзя назвать добродетельным или благородным подкуп на предательство или любое другое преступление, даже для достижения высокой цели; и все же универсальная практика человечества во все века терпимо относилась к военным уловкам, и ни один народ никогда не участвовал в более священном или более смертельном состязании, чем Нидерланды в их великой борьбе с Испанией. Оранж обладал редким качеством осторожности, характерной чертой, которой он отличался с юности. В пятнадцать лет он был тайным советником, а в двадцать один год стал главнокомандующим у

самого политичного и самого воинственного властелина своего времени, и если иногда он пускался на уловки, которые современная государственная мудрость, даже практикуя их, осуждает, он всегда держал в руке ключ к благородной цели, который вел его по извилистому лабиринту.

Трудно найти какую-либо другую характеристику, заслуживающую серьезного порицания, но его враги применили более простой метод. Они смогли найти несколько изъянов в его натуре и поэтому грубо осудили ее. Дело не в том, что его характер был то тут, то там ущербным, а в том, что вечная драгоценность была фальшивой. Патриотизм был фальшивым; самоотречение и великодушие были фальшивыми. Им руководили только амбиции - желание личного продвижения. Они никогда не пытались отрицать его таланты, его трудолюбие, огромные жертвы, принесенные им в виде богатства и положения в обществе; но они высмеивали саму идею о том, что он мог быть вдохновлен какими-либо мотивами, кроме недостойных. Один Бог знает сердце человека. Он один может распутать запутанный клубок человеческих мотивов и обнаружить скрытые пружины человеческих действий, но, насколько можно судить по тщательному изучению неоспоримых фактов и тщательному сопоставлению государственных и частных документов, кажется, что ни один человек — даже Вашингтон — никогда не был вдохновлен более чистым патриотизмом. В любом случае, на обвинение в честолюбии и своекорыстии можно ответить, только обратившись ко всей картине, которую пытались изобразить в этих томах. Здесь есть слова и поступки этого человека. Насколько это возможно, его сокровенная душа раскрывается в его конфиденциальных письмах, и тот, кто смотрит в правильном направлении, вряд ли не найдет то, что он желает.

Независимо от того, был ли он изначально робкого нрава или нет, в конце концов он определенно обрел совершенное мужество. В осадах и битвах— в смертоносном воздухе зараженных городов, в длительном истощении ума и тела— вызванном чрезмерно длительным трудом и тревогами, среди бесчисленных заговоров наемных убийц — он ежедневно подвергался смерти во всех ее проявлениях. В течение двух лет было раскрыто пять различных покушений на его жизнь. Звание и состояние предлагались любому злоумышленнику, который совершит убийство. Он уже был убит выстрелом в голову и почти смертельно ранен. При таких обстоятельствах даже храбрый человек мог бы увидеть ловушку на каждом шагу, кинжал в каждой руке и яд в каждой кубке. Напротив, он всегда был весел и едва ли принимал больше мер предосторожности, чем обычно. "Бог в своей милости, - сказал он с непритворной простотой, - сохранит мою невиновность и мою честь при моей жизни и в грядущие века. Что касается моего состояния и моей жизни, то я уже давно посвятил и то, и другое служению Ему. Он будет делать с ними все, что Ему заблагорассудится, для Своей славы и моего спасения ". Таким образом, его подозрения не возбудило даже зловещее лицо Джерарда, когда он впервые появился в дверях столовой. Принц посмеялся над пророческими предчувствиями своей жены при виде своего убийцы и до конца был весел, как обычно.

Он обладал также тем, что языческому философу казалось величайшим благом, — здоровым умом в здоровом теле. Его физическое телосложение после смерти было признано настолько совершенным, что, возможно, ему была уготована долгая жизнь, несмотря на все, что он пережил. Тяжелая болезнь 1574 года, ужасное огнестрельное ранение, нанесенное Жореуги в 1582 году, не оставили никаких следов. Врачи заявили, что его тело являло собой образец совершенного здоровья. Его темперамент был жизнерадостным. За столом, удовольствия от которого, в умеренных количествах, были его единственным развлечением, он всегда был

оживлен и весел, и эта шутливость была отчасти естественной, отчасти намеренной. В самые мрачные часы испытаний, выпавших на долю его страны, он изображал безмятежность, которой сам был далек от чувства, так что его кажущаяся веселость в важные эпохи порицалась даже тупицами, которые не могли ни постичь ее философию, ни поплодировать легкомыслию Вильгельма Молчаливого.

Он шел по жизни, неся на своих плечах груз народных горестей с улыбающимся лицом. Их имя было последним словом на его устах, если не считать простого утверждения, которым солдат, всю свою жизнь сражавшийся за правое дело, перед смертью вверил свою душу "своему великому полководцу Христу". Люди были благодарны и любили друг друга, ибо они доверяли характеру своего "отца Уильяма", и никакие тучи клеветы никогда не затуманивали в их глазах сияние того возвышенного ума, в котором они привыкли в своих самых мрачных бедствиях искать свет. Пока он был жив, он был путеводной звездой целой храброй нации, и когда он умер, маленькие дети плакали на улицах.

ЗАКЛАДКИ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Подкупил Божество
Дух прощения со стороны злоумышленника
Великая ошибка презирать своего врага
Ошибка спотыкаться во второй раз об один и тот же камень
Современная государственная мудрость, даже когда она практикуется, осуждает
Предпочел открытого врага вероломному защитнику
Реформатор, который, в свою очередь, становится фанатиком, вдвойне отвратителен
Неустанный интеллектуальный труд на благородном поприще
Обычная фразеология энтузиастов,
Пишущих письма, полные оскорбленной невинности

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЕТЕХТ, РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 1574-84

Действительно, ужасное животное - необузданная женщина
Хороший юрист - плохой христианин
Самый роковой успех
Общая ненависть объединила их, по крайней мере, на время
Абсурдная демонстрация искренности
Соглашения действовали только до тех пор, пока он не раскается
Во всем величии, которое могло придать украшение
Все протестанты были обезглавлены, сожжены или похоронены заживо
Все претендовали на привилегию преследования
Всегда менее склонен жаловаться на необратимые события
Развлекай их этими мирными переговорами
Склонны выполнять такие обязательства — (посредством) неблагодарности
Достигают своего конца обманом, когда насилие им не поможет
Как сказала старуха императору Адриану
Привязанность к полузатопленной земле и презираемой религии
Барбара Бломберг, прачка из Ратисбона
Красивая девушка, у которой, безусловно, не было недостатка в поклонниках

Верил в благословенное пришествие мира
Благословение Божье на работу дьявола
Дыхание, время и бумага были потрачены впустую, и ничего не выиграно
Подкупили Божество
Не обращайтесь внимания ни на слова, ни на угрозы в любом вопросе
Характер храбрецов - действовать, а не ожидать
Восхвалял умеренность за то, что их требований было так мало
Полковник Иссельштейн, "уволенный за одно-два убийства"
Обеспечение эмансипации страны путем серии поражений
Противоречивые претензии на прерогативы и совесть
Запутанные конференции, на которых ни одна из сторон не была полностью искренна
Страна перенесет его потерю с мужеством
Обычные клятвы, которые следует соблюдать с обычной добросовестностью
С каждым днем расширяющийся раскол между лютеранами и кальвинистами
Смертоноснейший из грехов - свобода совести
Одному другу трудно давать советы другому в трех вопросах
Известный своей храбростью, жестокостью и дородностью
Дон Джон Австрийский
Дон Джон был волен стать королем Англии и Шотландии
Умирая в столь неподходящий момент
Восемь тысяч человек были убиты
Установить не свободу кальвинизма, а свободу совести
Все было признано, но ничего не было обеспечено
Фанатики новой религии называли его безбожником
В жестокости которого не смогли бы превзойти даже христиане
Всепрощающий дух со стороны злоумышленника
Славу нельзя было вложить ни в карман, ни в желудок
Бог не дал абсолютной власти ни одному смертному человеку
Великая ошибка - презирать своего врага
Родовались отражению в таком блестящем зеркале
Ему никогда не нравилось светское общение, за исключением долгих перерывов
Он не допустил бы, чтобы на его месте была учреждена кальвинистская инквизиция
У него не было бы преследований за противоположное вероучение
Его личные качества на данный момент были возведены в ранг добродетелей
Отложенная надежда была лишь холодным и скудным утешением
Человеческая изобретательность в причинении человеческих страданий
Я забочусь о выгоде своей страны, а не о своей собственной
Воображал и творил правду
По характеру и общим талантам он был ниже посредственности
Нерешительность сделала дело лени
Намекнуть, что его приказы до сих пор понимались неправильно
Нежелательно беспокоить большую часть этого ученого праха
Его скромность показалась мне достаточно ироничной
Иуда Маккавей
Царь назначил награду за его голову как мятежника
Как человек, держащий волка за уши

Местное самоуправление, которое является основой свободы
Немилосердно длинный логический и исторический аргумент
Не нарушил королевской и римской непогрешимости
Человечество от природы было склонно к клевете
Люди громко обличали тех, кто до этого молчал
Ошибка во второй раз спотыкаться об один и тот же камень
Современная государственная мудрость, даже когда она практикуется, осуждает
Легче, поскольку он не собирался выполнять обещание
Естественно судить только по результату
Необходимо превратить необходимость в добродетель
Ни один из них не желал созыва, хотя оба изображали нетерпение
Ни честлюбивый, ни жадный
Ни один человек никогда не понимал искусство подкупа более досконально
Никакой власти над армией, которой не платили
Ни один человек не мог раскрыть секреты, которых он не знал
Не такой успешный, каким его изображали
Не на словах, а на поступках
Не заснуть в тени мирных переговоров
Ничто не было так сильно, как религиозные различия
Высокого ранга, но прискорбно низких способностей
В первый день были убиты четыре тысячи мужчин и женщин
Половина Филиппу, половина Папе Римскому и Венеции (рабам)
Наш котелок не так часто отправлялся на огонь
Мир был желателен, но он мог быть опаснее войны
Мир, на самом деле, был войной в ее худшей форме
Совершенство наглости
Разграбление страны, которую они пришли защищать
Папа отлучил его от церкви как еретика
Депутатам власть давалась неохотно
Предпочитал открытого врага вероломному защитнику
Самонадеянность в присвоении себе статуса христианина
Предотвращение несправедливости или насилия даже по отношению к врагу
Предложение, сделанное волками овцам в басне
Защищайте общественное спокойствие кровью, кошельком и жизнью
Совершенно ошибочно: вообразив себя сыном императора,
Осудил уже разросшийся фанатизм
Реформатор, который, в свою очередь, становится фанатиком, вдвойне отвратителен
Реформаторы были способны преподать урок даже инквизиторам
Республика, просуществовавшая два столетия
Результатом было как отказ от провинций, так и оскорбление Филиппа
Сентиментальностью, которая кажется в высшей степени апокрифической
Она слишком хорошо знала, как обращались с женщинами в этой стране
Излишний сарказм
Подавлять отправление римской религии
Налоги на доход и потребление
Разобщенные провинции

Более убедительный арбитраж по поводу пороха
Нет человека, который не желал бы наслаждаться своим
Они не могли изобрести или представить себе терпимость
Те, кто "пытался плавать между двух вод"
Те, кто ловит рыбу в мутных водах только для того, чтобы наполнить свои сети
Прижать кошку к их ногам
Услышать последние торжественные фразы
Веротерпимость считалась самой смертоносной ересью из всех
Чрезмерное уныние в невзгодах
Неустанный интеллектуальный труд на благородном поприще
Обычная фразеология энтузиастов
Уне означающие фразы бесплодной доброжелательности
Изменчивое слово считалось предпочтительнее постоянной буквы
Удивительно ли, что убийство было более распространенным явлением, чем супружеская
верность?
Словоохотливые люди, которые могли облечь в слова одну трепещущую мысль
В Лейдене они носили полумесяцы на своих фуражках
Поклоняться Богу в соответствии с велениями своей совести
Писать письма, полные оскорбленной невинности

ЗАКЛАДКИ РЕДАКТОРА ЕТЕХТ ГОЛЛАНДСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 1555-1584, Завершено:

1566 год, последний мирный год

Страна, лишенная по природе своих прав
Шутка, называемая добровольными пожертвованиями или благотворительностью
Хороший юрист - плохой христианин
Ужасное животное, по сути, необузданная женщина
Общая ненависть объединила их, по крайней мере на время,
Самый роковой успех
Отпущение грехов за кровосмешение обходилось в тридцать шесть ливров
Абсурдная демонстрация искренности
Достигли величия, для которого не были рождены
Преклонный возраст уменьшил его склонность к другим плотским удовольствиям
Посоветовал его величеству ежегодно давать взятку лорду Берли
Пытаясь дискредитировать их
Возраст, когда терпимость была пороком
Соглашения действовали только до тех пор, пока он не раскается
Все офисы были проданы по самой высокой цене
Все заявили о нарушении имиджа
Все его ученики и обращенные должны быть наказаны смертью
Со всем величием, которое могло бы придать украшение
Любое чтение Священных Писаний (запрещено)
Все протестанты были обезглавлены, сожжены или похоронены заживо
Все претендовали на привилегию преследования
Спор между Лютером и Эразмом по поводу предопределения
Всегда менее склонен жаловаться на необратимые события

Развлекай их этими мирными переговорами
Наследственное папство, вечный папа-император
Вдохновляющий и восхитительный отдых (аутодафе)
Эпоха, когда думать было преступлением
Ловите их притворство на крючок
Объявил о своем приближающемся браке с Девой Марией
Ежегодная жатва беззакония, благодаря которой его доходы увеличивались
Стремясь не сделать ничего плохого, сенаторы вообще ничего не сделали
Склонны выполнять такие обязательства — (посредством) неблагодарности
Арестованные по подозрению, подвергнутые пыткам до признания
Заканчивают жизнь мошенничеством, когда насилие им не поможет
Готовы, как паписты, с возрастом, хворостом и отлучением от церкви
Как сказала старуха императору Адриану
Привязанность к полузатопленной земле и презираемой религии
Нападки на авторитет папы римского
Попытка плавать в двух водах
Барбара Бломберг, прачка из Ратисбона
Батавский легион был императорской личной гвардией
Обращал нидерландцев в христианство
Прекрасная девица, у которой определено не было недостатка в поклонниках
К утру они разграбили тридцать церквей
Морские попрошайки, как называли себя эти каперы
Верили в благословенное наступление мира
Фанатизм, который был преобладающей чертой эпохи
Епископ - посвященный пират
Благословение Божье на работу дьявола
Смелый реформатор имел только новую догму вместо старых
Дыхание, время и бумага были потрачены впустую, и ничего не выиграно
Братья, родители и дети, у которых были общие жены
Подкупили Божество
Сожгли заживо, если они возражали против пресуществления
Сожжены, задушены, обезглавлены или похоронены заживо (100 000)
Дело офицера сражаться, генерала побеждать
Не обращайтесь внимания ни на слова, ни на угрозы в любом вопросе
Характер храбрецов - действовать, а не ожидать
Карл Пятый, автократ половины мира
Восхвалял умеренность за то, что их требований было так мало
Полковник Иссельштейн, "уволенный за одно-два убийства"
Способствует освобождению страны посредством серии поражений
Конде и Колиньи
Осуждение всех еретиков на смерть
Противоречащие друг другу претензии на прерогативы и совесть
Запутанные конференции, на которых ни одна из сторон не была полностью искренна
Предать огню всех заключенных, каких бы то ни было (Папское письмо)
Конституционные правительства, действуйте при дневном свете
Потребитель заплатил бы налог, если бы он вообще был когда-либо уплачен

Страна стойко перенесла бы его потерю
Мужество отчаяния воспламенило французов
Ремесло означает, попросту говоря, силу
Полумесяцы на их шапках: скорее турецкие, чем папистские
Преступник, вина которого была установлена каленым железом
Преступники, покупающие Рай за деньги
Жестокость, применяемая к монахам и папистам
Крестовые походы значительно улучшили положение крепостных
Обычные клятвы, которые следует соблюдать с обычной добросовестностью
Ежедневно расширяющийся раскол между лютеранами и кальвинистами
Самый смертоносный из грехов - свобода совести
Указы о сожжении, удушении и погребении заживо
Глубоко преступный в глазах всех религиозных партий
Демократический инстинкт древних германских дикарей
Отрицает полезность молитв за умерших
Деспот по рождению и склонностям (Карл V.)
Разница между вольностями и свободой
Одному другу трудно давать советы другому в трех вопросах
Спор между Лютером и Цвингли относительно реального присутствия
Раскольники были такими же фанатичными, как и ортодоксы
Лицемерие и проволоочки
Известный своей храбростью, жестокостью и дородностью
Божественное право
Дон Джон Австрийский
Дон Джон был волен стать королем Англии и Шотландии
Выпил воды, в которой умывался
Умереть в такой неподходящий момент
Восемь тысяч человек были убиты
Терпевшие все лишения, кроме голода
английские пуритане
Огромное богатство (Церкви), породившее ненависть,
Обогащало поколение за поколением богатым покаянием
Энтузиазм не мог заменить переживания
Завидуя тем, чьи страдания уже прекратились
Эразм поощряет смелого монаха
Эразм Роттердамский
Установил не свободу кальвинизма, а свободу совести
Даже за изнасилование Божьей матери, если бы это было возможно
Постоянно кишачие питомники наемных воинов
Все было признано, но ничего не обеспечено
Взволнован появлением жемчужины истинной философии
Казни Гуса и Иеронима Пражского
Басня о божественном праве придумана, чтобы санкционировать систему
Фанатики новой религии осудили его как безбожника
Феликс Манц, анабаптист, утонул в Цюрихе
Свирепость, которую не смогли бы превзойти даже христиане

Немногие, даже прелаты, были очень послушны папе
Фикция апостольской власти связывать и освобождать
Пятьдесят тысяч человек в провинциях (преданы смерти)
Финансовая оппозиция тирании, как правило, единодушна
Рыбаки и сплавщики по реке становятся искателями приключений на океане
Что касается меня, то я недостоин чести (мученичества)
За верную службу - злое воздаяние
Чтобы женщины оплакивали, чтобы мужчины помнили
Запрещает все частные собрания для поклонения
Сила канцелярская — власть клерков
Всепрощающий дух со стороны злоумышленника
Яростный фанатизм
Кроме того, нанял две тысячи проституток
Доблестный и злополучный Ламорал Эгмонт
Галлия высмеивала римских солдат, называя их бандой пигмеев
Немец оказывается трезвым — он считает себя больным
Славу нельзя положить ни в карман, ни в желудок
Бог не дал абсолютной власти ни одному смертному человеку
Боже, храни короля! Это был последний раз
Управлять под видом повиновения
Великая привилегия, Великая хартия вольностей Голландии
Великие дела правления иногда оказываются пустяками
Великая наука политического равновесия
Великая ошибка презрения к своему врагу
Великие битвы часто оставляют мир там, где они его нашли
Гарантии прощения за все мыслимые грехи
Хабеас корпус
Волосы и борода нестриженные, согласно древнему батавскому обычаю
Безмятежные дни запрета, книг и свечей
Повешен за то, что ел мясной суп в пятницу
Счастлив видеть себя в таком блестящем зеркале
Добросовестно спрягая свою парадигму
Он сделал все возможное, чтобы подружиться со всем миром
Он пришел как завоеватель, а не как посредник
Он не потерпел бы преследований за противоположное вероучение
Он не хотел, чтобы на его месте была создана кальвинистская инквизиция
Ему никогда не нравилось светское общение, за исключением долгих перерывов
Он знал людей, особенно их слабости
Он не стал казнить еретиков
Ересь рано зародилась в Нидерландах
Возможно, его воображение помогло его памяти в этой задаче
Его личные качества на данный момент были возведены в ранг добродетелей
История показывает, насколько непрочны бумажные барьеры
Голландия, Англия и Америка - все это звенья одной цепи
Святая канцелярия осудила всех жителей Нидерландов
Отложенная надежда была лишь холодным и скудным утешением

Отложенная надежда, внезапно сменившаяся отчаянием
Человеческая изобретательность в причинении человеческих страданий
Я бы таскал дрова, чтобы сжечь собственного сына, но
я забочусь о выгоде своей страны, а не о своей собственной
Если бы у него было мало, он мог бы жить на немногое
Воображал и совершал работу истины
В Голландии духовенство не имело ни влияния, ни мест
По характеру и общим талантам он был ниже посредственности
Скорее подвергнуться риску быть обвиненным в дерзости, чем в пренебрежении
Нерешительность сделала свое дело из-за лени
Возмущенный тем, что еретикам было позволено быть повешенными
Информатор, в случае вынесения обвинительного приговора, должен иметь право на
половину
Инквизиция не была подходящим предметом для компромисса
Инквизиция Нидерландов гораздо более безжалостна
Безумная жестокость, как во имя Зла, так и во имя Добра
Намекает, что его приказы до сих пор неправильно понимались
Внушение подозрений, когда невозможно представить доказательства
Изобрел такие христианские формулы, как эти (проклятие)
Придумывание длинных речей для исторических персонажей
Не желательно ворошить большую часть этой ученой пыли
Его смирение казалось достаточно ироничным
Иуда Маккавей
1 июля в Брюсселе были сожжены два монаха-августинца
Король назначил награду за его голову как мятежника
Царя Сиона забьют до смерти раскаленными щипцами
Трудился в невыгодных условиях, поскольку никогда не существовал
Научись так же мало трепетать перед искусством жречества, как и перед искусством
владения мечом
Не оставляй в живых ни одного человека в городе и сожги каждый дом
Давайте дурачить этих бедных созданий сколько душе угодно
Лицензии, выданные короной на перевозку рабов в Америку
Как человек, держащий волка за уши
Мелкие обиды иногда разгораются сильнее, чем огромные
Местное самоуправление, которое является основой свободы
Логический и исторический аргумент немилосердной длины
Длинная череда столь многих прославленных и безвестных
Взгляни сквозь облако притворства
Аксиома Лютера о том, что мысли бесплатны
Лютеранские князья Германии ненавидели женеvские доктрины
Не нарушил королевской и римской непогрешимости
Его заставляли раскачиваться взад-вперед над медленным огнем
Поддержание позиции оскорбленного, но всепрощающего христианина
У человека были только естественные проступки (без естественных прав)
Человечество от природы было склонно к клевете
Многие жадные священники низшего ранга превратились в лавочников

Тем временем во Франции разразилась вторая гражданская война
Люди громко порицали тех, кто до этого молчал
Ошибка - споткнуться во второй раз об тот же камень
Современная государственная мудрость, даже когда она практикуется, осуждает
Монастыри, сожгшие свои бесценные библиотеки
Он больше привык преуспевать, чем хорошо говорить
Ему было легче, поскольку он не собирался выполнять обещание
Естественно судить только по результату
Необходимо превращать необходимость в достоинство
Ни один из них не желал созыва, хотя оба демонстрировали рвение
Ни амбициозный, ни жадный
Никаких качеств, кроме рождения и смелости, которые могли бы рекомендовать его
Ни один мужчина не мог раскрыть секреты, которых он не знал
Нет другого закона, кроме закона о самом длинном кошельке
Никакая клевета не была слишком бессмысленной, чтобы ее изобрести
Никто не может свидетельствовать, кроме домовладельца
Никто никогда не понимал искусство подкупа более досконально
Никакой власти над армией, которой они не платили
Недостаточно сильной, чтобы выдержать еще много подобных побед
Не засыпать в тени мирных переговоров
Не ради новой доктрины, а ради свободы совести
Не позволять траве расти у них под ногами
Не так удачно, как он живописал
Не на словах, а на поступках
Не из того материала, из которого делают мучеников (Эразм)
Ничто не было так сильно, как религиозные различия
Собор Парижской Богоматери в Антверпене
Нигде преследование еретиков не было более безжалостным
Упрямые, обоюбого пола, подлежащие сожжению
Высокого ранга, но прискорбно низких способностей
В демократии часто бывает много тирании
Ольденбарневельд; впоследствии столь прославленный
В первый день были убиты четыре тысячи мужчин и женщин
Половина досталась Филиппу, половина - папе и Венеции (рабы)
Одно золотое зернышко остроумия в листе бесконечной банальности
Жизнь поддерживалась только молоком, которое он пил из женской груди
Единственное здоровое существование французов находилось в состоянии войны
Оратор, однако, был в восторге от собственного выступления
Другие идут в бой, говорит историк, эти идут на войну
Наш котелок не так часто отправлялся на огонь
Панегиристы королевских домов в шестнадцатом веке
Прощение за преступления, которые уже были совершены или вот-вот будут совершены
Помилование за убийство, если не с помощью яда, обошлось дешевле
Трогательные предсмертные слова Анны Болейн
Оплата их проезда через чистилище
Мир, на самом деле, был войной в ее худшей форме

Мир был желателен, но мог оказаться опаснее войны
Совершенство наглости
Постоянно бросающие мелкие намеки, подобные камешкам
Лица, обсуждавшие религиозные вопросы, подлежали смертной казни
Мелочная страсть к ничтожным деталям
Филипп, который не часто говорил много в нескольких словах
Насадил инквизицию в Нидерландах
Грабят страну, которую они пришли защищать
Отравление, например, разрешалось за одиннадцать дукатов
Папа и император придерживаются обеих позиций с одинаковой логикой
Папа отлучил его от церкви как еретика
Умение читать и писать помогло духовенству разбогатеть
Депутатам власть давалась неохотно
Предпочитал открытого врага вероломному защитнику
Преждевременное рвение нанесло ущерб делу
Самонадеянность при присвоении себе статуса христианина
Предотвращение несправедливости или насилия даже по отношению к врагу
Промедление всегда было его первым прибежищем
Обещания, которые, как он знал, обязательны только для слабых
Предложение, сделанное волками овцам в басне
Защитите общественное спокойствие ценой крови, кошелька и жизни
При условии, что во Франции не останется в живых ни одного гугенота
Получил отпущение грехов и расчистил путь на небеса
Подвергал пыткам всех, из кого можно было что-либо вытянуть
Ни о чем не спрашивая, ни в чем не сомневаясь, ничего не боясь
Совершенно ошибочно: считая себя сыном императора
Опрометчивость, чередующаяся с нерешительностью
Готовность в любой момент нанести удар и истечь кровью за свое дело
Воздвигая великолепные храмы, где нищие должны преклонять колени,
Упрекали уже разросшийся фанатизм
Реформатор, который, в свою очередь, становится фанатиком, вдвойне отвратителен
Реформаторы были способны преподать урок даже инквизиторам
Раскаившихся женщин похоронят заживо
Раскаившихся мужчин казнят мечом
Республика, просуществовавшая два столетия
Результатом было как отказ от провинций, так и оскорбление Филиппа
Отменяемыми бенефициями или междоусобицами
Пагубные почести
День святого Варфоломея
Продажа отпущений грехов была источником больших состояний для священников
То же заклинание над невежественным бароном и трусливой задницей
Эшафот был единственным убежищем от дыбы
Скептицизм, который наслаждается тем, что меняет суждения веков на противоположные
Раскол, существовавший во всеобщей Реформатской церкви
Наука правления была наукой лжи
Насмехаясь над церемониями и таинствами Церкви

Тайное утопление было заменено публичным сожжением
Сообщение было отправлено им почтовыми голубями
Сентиментальность, которая кажется в высшей степени апокрифической
Были убиты семь испанцев и семь тысяч повстанцев
Ужесточены наказания за чтение Священных Писаний в частном порядке
Она слишком хорошо знала, как обращались с женщинами в этой стране
Больных и раненых несчастных сжигали на медленном огне
Рабство было как добровольным, так и принудительным
Скудный запас банальностей
Так много ответственности и так мало власти
Воин креста был свободен по возвращении
Иногда добивался успеха, хотя и основывался на искренности
Сонеты Петрарки
Суверенитет был рожден небесами, помазанником Божьим
Расточитель времени, он был кровным экономистом
Святому Варфоломею предстояло проспать еще семь лет
Купол Святого Петра немного приблизился к облакам
Шторм, в результате которого все эти сокровища были уничтожены (за 7 дней)
Излишний сарказм
Подавлять отправление римской религии
Танчелин
Налогообложение греха
Налоги на доход и потребление
Десять тысяч двести двадцать человек были сожжены
Это мерзкое и вредное животное по имени люди
Самый благородный и богатый храм Нидерландов был разрушен
Галл был на редкость нецеломудрен
Оживляющее впоследствии становится растворяющим началом
Плохой герцог Бургундии Филипп, прозванный "Хорошим",
Однако величайшим преступлением было быть богатым
Более убедительный арбитраж по делу о порохе
Разобщенные провинции
Верный слуга всегда остается вечным ослом
Время рассуждений прошло
Вечное воспроизведение истории
Яйцо снес Эразм, вылупился Лютер
Болезнь была удобной
Теленок жирный, его надо заколоть
Трагедия Дона Карлоса
Нет человека, который не желал бы насладиться своим
Эти человеческие жертвы, закованные в цепи и сжигаемые на костре
Они не могли изобрести или представить себе терпимость
Наконец-то они сожгли заживо еще одного проповедника
Те, кто "пытался плавать между двух вод"
Те, кто ловит рыбу в мутных водах только для того, чтобы наполнить свои сети
Тысячи сожженных еретиков не обратили ни одной

Триста воюющих женщин
Бросьте кошку им на ноги
Так Hand-werpen, метание руками, стало Антверпеном
Время и я - это два
Думать, что оно способно на ошибку, - самая дьявольская ересь из всех
Услышать последние торжественные банальности
Предпочитать бедность богатству, сопутствующему торговле
Веротерпимость считалась самой смертоносной ересью из всех
Администрация Торквемады (инквизиции)
Спокойствие деспотизма перед буйством свободы
Двое свидетелей отправили его на костер, один свидетель - на дыбу
Тиранический дух кальвинизма
Тирания, вечно молодая и вечно старая, постоянно воспроизводящая себя
Понимала искусство управления мужчинами, особенно своими начальниками
Чрезмерно удрученный невзгодами
Неустанный интеллектуальный труд на благородном поприще
В один прекрасный день были уволены двадцать восемь шеф-поваров
Обычная фразеология энтузиастов
Узначающие фразы бесплодной доброжелательности
Сельские жители или вилланы
Изменчивое слово считалось предпочтительнее постоянной буквы
Удивительно ли, что убийство встречается чаще, чем верность?
Мы верим, что наши матери были честными женщинами
Мы начинаем раздражаться
Богатство было непростительным грехом
Плакала о своих детях чаще, чем это свойственно матерям
Когда у настоятеля в кармане оказываются кости, в игру вступает монастырь
Кто любил свое имущество больше, чем свою веру
Вильгельм Нассауский, принц Оранский
Разумнее просто удовлетворить самого себя
В равной степени удивляюсь человеческой способности причинять страдания и терпеть их
Словоохотливые люди, которые смогли облечь в слова одну трепещущую мысль
Носили полумесяцы на своих шапках в Лейдене
Поклонялись Богу в соответствии с велениями своей совести
Не помогло бы сжечь пятьдесят или шестьдесят тысяч нидерландцев,
Пишущих письма, полные оскорбленной невинности